

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

5.

Стр.

5. Дневникъ Итальянца Мизере. О службѣ при Петрѣ Третьемъ.
21. Три письма Петра Третьяго изъ Ронни къ Екатериинѣ Второй.
24. Письма графа А. Г. Орлова къ Екатериинѣ Второй.
26. Изъ Записокъ Норберона. 1775 и 1776 годы.
105. Дополненіе къ статьѣ о бракѣ Екатериинны Второй съ Потемкинымъ.
107. Чистосердечная исповѣдь Екатериинны Второй Потемкину.
109. Два обелиска. Сообщено Графомъ С. Д. Шереметевымъ.
112. О Шереметевскихъ пѣвчихъ. Сообщено имъ же.
113. Мартовское событіе въ Петербургѣ въ 1801 году. Н. Н. Овсянникова.
131. Письмо И. В. Сабанеева къ дивизионному генералу. 1822.
132. Изъ Записокъ К. Н. Лебедева. 1864-й годъ.

Внутри обложки: О третьемъ томѣ «Архива Раевскихъ».

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

АРХИВЪ РАЕВСКИХЪ.
Томъ III. СПб. 1910. Бол. 8^о
XVII+718 стр. съ азбучнымъ указа-
телемъ лицъ и мѣстъ и съ прекрасно
исполненными портретами и видами.

Мы уже имѣли случай говорить въ „Русскомъ Архивѣ“ о первыхъ томахъ этого достопочтеннаго изданія, великолѣпномъ въ своемъ родѣ трудѣ г-на В. Л. Модзалевскаго, который держался того-же приѣма, какъ и В. И. Саитовъ въ изданіи переписки Пушкина, то-есть за письмомъ слѣдуетъ отвѣтъ на него. Издатель „Архива Раевскихъ“ пошелъ дальше: у него помѣщены многія относящіяся ко времени написанія письма другихъ лицъ, и о каждомъ изъ этихъ лицъ сообщены обширныя біографическія свѣдѣнія. Благодаря этому приѣму, жизнь главнаго лица является въ полной обстановкѣ его быта и сношеній. Такъ въ настоящемъ III томѣ помѣщена коротенькая записочка Е. М. Хитрово, и при ней мы имѣемъ цѣлую біографію этой достопамятной женщины, дочери князя Кутузова-Смоленскаго, друга Пушкина, князя П. А. Вяземскаго и митрополита Филарета, котораго она, вѣроятно, познакомила съ поэтомъ и его произведеніями, склонила отнестись снисходительно къ его увлеченіямъ и вызвала на стихотворное къ нему обращеніе, въ отвѣтъ коему явилось великолѣпное посланіе Пушкина къ Московскому владыкѣ.

Велико и разнообразно число лицъ, съ которыми Раевскій находился въ сношеніяхъ. Онъ и воинъ, и историкъ (занимался бунтомъ Степки Разина), и великій любитель садоводства. Жизнь въ немъ такъ и кипѣла. Черноморскій восточный берегъ въ 1839—1841 гг. ожилъ подъ его управленіемъ, воздвиженіемъ цѣлаго ряда крѣпостей и героическою борьбою нашего войска съ

туземцами. Государь Николай Павловичъ, можно сказать, любовался дѣятельностью своего молодого генерала. Тогдашній великій визирь, графъ Бенкендорфъ, былъ къ нему благосклоненъ, чему, конечно, способствовали главный дѣятель страшнаго III-го Отдѣленія Государевой Канцеляріи Л. В. Дубельтъ, котораго, въ началѣ его служебнаго поприща, нѣкогда обладала, жившая въ Кіевѣ и въ Каменкѣ семья Раевскихъ.

Николай Николаевичъ Раевскій, правнукъ Ломоносова, сынъ героя, при всемъ своемъ дарованіи, при военной опытности, приобретенной въ войну съ Турками 1829 года, когда онъ командовалъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, необычайно трудолюбивый и дѣятельный, не могъ бы имѣть такихъ успѣховъ въ 1839 году, если бы Николай Павловичъ не позволялъ ему непосредственнаго съ собою сношенія. Безъ того онъ изнемогъ бы въ перепискѣ съ военнымъ министерствомъ и съ ревнивымъ къ своей власти графомъ Чернышевымъ. Отправляясь въ Одессу въ 1823 году генераль-губернаторомъ Новороссійскаго края, М. С. Воронцовъ обезпечилъ себя особымъ приказаніемъ Александра Павловича представить ему извѣстную долю самостоятельности въ управленіи. При Николаѣ Павловичѣ онъ выговорилъ себѣ еще большую свободу дѣйствій на Кавказѣ. Успѣхи гр. П. П. Муравьева-Амурскаго объясняются также обереженіемъ его отъ канцелярскихъ Петербургскихъ прицѣпокъ. Князь В. А. Долгоруковъ выпросилъ себѣ у Александра Николаевича право уѣзжать изъ Москвы въ Петербургъ, не докладываясь министру внутреннихъ дѣлъ и (какъ я слышалъ отъ него самого) устроить, что это право Московскаго генераль-губернатора утверждено законодательнымъ порядкомъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

1911.

II.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

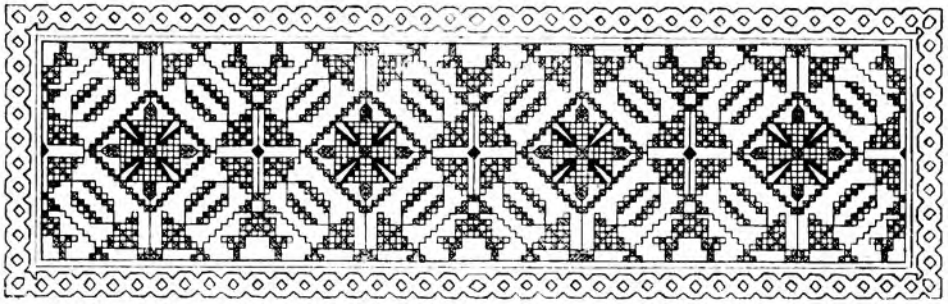
Князь П. А. Вяземскій говаривалъ про
Петра Великаго: не побоялся онъ, что въ
прорубленное имъ окно залѣзутъ воры.

1911.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1911.

ДНЕВНИКЪ СТАТСКАГО СОВѢТНИКА МИЗЕРЕ

о службѣ при Петрѣ Третьемъ.¹⁾

Январь 1761 года.

1. Его П. В. не выходилъ утромъ. Большой столъ у Ихъ Имп. Высоч. Прекрасная мысль Великой Княгини (при шутливомъ разговорѣ) о церемоніяхъ по случаю новаго года. Вечеромъ большое и пышное торжество. Балъ и потомъ большой фейерверкъ, очень удавшийся. Учтливое и любезное привѣтствіе, сдѣланное мнѣ графомъ Петромъ Ивановичемъ²⁾. Новое мое наблюдение относительно толстаго и тонкаго фителя для лучшаго обозначенія рисунка въ огнѣ.

2. Бѣшенная выходка бригадира Сумарокова за столomъ у камергера Ивана Ивановича³⁾. Смѣшная сцена между нимъ же и г-мъ Ломоносовымъ. Первое сѣверное сіяніе. Терм.=192°.

¹⁾ Печатаемъ съ рукописи, которая хранится въ Императорской Публичной Библиотецѣ и на которой значится, что она поступила отъ М. П. Погодина. Въ Камерфурьерскомъ Журналѣ, подъ числами 18 и 19 Января 1762 года, приведенъ, въ числѣ немногихъ обѣдавшихъ въ столовой комнатѣ у Императора Петра III-го, „Итальянецъ буфонъ Мизере“; а подъ 4 и 5 Февраля того же года, тоже въ маломъ обществѣ, записанъ „буфонъ Мизери“. Камерфурьеру Рубановскому, который вель этотъ журналъ, Итальянецъ Мизере казался буфономъ, т. е. только забавникомъ. Помѣщаемый здѣсь Дневникъ служить дополненіемъ къ Камерфурьерскому Журналу; съ нимъ вполне согласны числовыя записи Дневника.—О тогдашнемъ злопудучномъ полугодіи Русской исторіи имѣемъ мы неизданныя доселѣ вплоть Записки Штеллина, рассказы А. Т. Болотова и записки самой Екатерины Великой. П. Б.

²⁾ Шуваловымъ. П. Б.

³⁾ Шувалова. Эти схватки Холмогорскаго рыбака съ дворянскомъ Сумароковымъ повторились и позднѣе; онѣ записаны въ Дневникѣ Порошина. П. Б.

3. Отправилъ съ курьеромъ Кулепкой⁴⁾ посылочку изъ маленькаго календаря г-жѣ гетманшѣ въ Глуховѣ. Портретъ ея мужа рѣзной изъ яшмы, сдѣланный однимъ Русскимъ юношей Петромъ Волковымъ⁵⁾. Возвратился храбрый (tenerista) Русскій синьоръ Пико изъ Неаполя. Прекрасная арія (belle arie) одного Испанца. Кортесъ Перезъ.

4. Четыре картины Карла Лотти по комиссіи купцовъ Питерса и Клаузинга р. 500. Оригиналъ Полтавской битвы, писанный Натьеромъ въ Парижѣ, въ присутствіи Петра I-го, присланный изъ Парижа посланникомъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ камергеру Ивану Ивановичу. Обычный нашъ концертъ у Е. И. В. Французскій фейерверкъ сожженъ въ передней Е. Имп. В.

5. Я выбралъ новый модель для нашей академіи, прекраснаго Меркурія. Новое представленіе графа Эстергази.

Объщаніе посланника маркиза Опиталь выписать для меня изъ Парижа флейту (flauto in bastone).

6. Иорданъ безъ обыкновенной церемоніи. Иностранные послы, при дворѣ посланники; за ужиномъ Ихъ Имп. В. избраніе короля бобовъ; хромоу Ушаковъ имъ сдѣлался. Послѣ ужина веселая игра: Алекс. и Левъ Александровичи, Анна Никитична, Марина Осиповна, Марья Александровна и ея мужъ, Измайловъ, камергеръ Голицынъ и его жена, Гудовичъ и я.

7. Два пейзажа, исполненія Шмельца въ Москвѣ, одного крѣпостнаго князей Трубецкихъ, были поднесены Вел. Князю. Приѣхалъ новый мастеръ для gobelеновъ (тканые обои) (d'arazz) г-нъ Банде. Одинъ лейбкампанецъ скрылъ свою жену подъ льдомъ Невы. Это послужило къ открытію отцеубійства, обнаруженнаго его дочерью.

8. Прокуроръ Сената представилъ Е. Имп. В. мои первые 10 медалей къ исторіи Петра В. въ медаляхъ. Отвѣтъ Ея В., что ея отецъ имѣлъ уже давно ту же мысль. Общаніе сдѣланное мнѣ Сенатомъ. Прекрасное изобрѣтеніе одного Русскаго, Филиппова, отливать пушки съ большею безопасностію. Вечеромъ чрезвычайное совѣщаніе.

9. Послѣ многихъ замѣшательствъ отправились въ Сибирь проф. Поповъ и адъютантъ Румовскій. Послѣ обѣда у канцлера⁶⁾ аудіенція

⁴⁾ Т. е. Кулябкою. П. Б.

⁵⁾ Авторъ Дневника состоялъ на службѣ или при Академіи Наукъ, т. е. подъ начальствомъ Малороссійскаго гетмана, графа К. Г. Разумовскаго, или при Академіи Художествъ, т. е. у И. И. Шувалова. П. Б.

⁶⁾ Графа М. .I. Воронцова. П. Б.

Калмыцкаго князя, въ богатомъ почти женскомъ одѣяннн. Двое мальчиковъ и двѣ молодыя дѣвушки были представлены его высокопревосходительству, равно какъ и его свита. Разные образцы триумфальныхъ воротъ для Е. И. В. были отнесены въ Сенать.

10. Послѣ обѣда мы выѣхали съ Ихъ И. Выс. въ Ораніенбаумъ на 8 или 10-ть дней.

10. Пріѣхали въ 4^{1/2} вечера.

Большой ужинъ, столъ въ залѣ съ музыкой и пальбой. Иллюминація въ саду и на большомъ дворѣ. Послѣ ужина внизу курили трубки при военной музыкѣ. Угощеніе музыкантовъ для отдыха. Прекрасная погода до самой полуночи.

11. Утромъ порывистый вѣтеръ и мокрый снѣгъ. Взаимные визиты. Парадъ корпусамъ до часа. Двойной обѣдъ внизу и вверху. Потомъ катанье въ 12-ти маленькихъ салазкахъ на дачу Ея Имп. Выс. Вес. Кн., за 7 верстъ отъ Ораніенбаума. Немного пасмурно. Частыя паденія въ снѣгъ. Крики предостереженія (balanza). Большое удовольствіе и много смѣху. Прекрасное положеніе фермы и любезная привѣтливость хозяйки, которая сама угощала Итальянскими либѣрами всѣхъ пріѣхавшихъ въ ея красивый круглый домъ, возвышающійся на горѣ. Питье кофе и молока изъ фермы съ чернымъ хлѣбомъ и масломъ. Пасмурная погода при возвращеннн вечеромъ, почти уже въ темнотѣ. Дорѣгой частыя паденія. Персоналъ саннаго катанья: Его Имп. Выс., графъ Гендриковъ и его супруга, семейство Шафирово, камерфрейлина Ея Им. В. Катерина Ивановна (Сурогородская, камергеръ Назмайловъ, князь Данковъ, я, генераль Блекъ, пажъ Захаръ Феодоровичъ⁷⁾). Вечеромъ обыкновенно собраніе внизу и вверху. Ужинъ внизу съ увеселеніями Итальянскаго шута.

12. Утромъ сильный вѣтеръ и вьюга; по этой причинѣ ничего, но за то всѣ парады. Обѣдъ съ пріѣхавшими гостями изъ Петерб. въ крѣпости. Вел. Княг. при дворѣ усталая. Послѣ обѣда игра. Я съ графиней. Вечеръ въ публичной гостинницѣ, большой пикникъ съ 7 час. до 3-хъ утра.

13. Большой столъ къ обѣду и ужину. Вечеромъ музыка. Послѣ ужина, трубки у кн. Меншикова.

14. Утро въ церкви. Большой обѣдъ съ придворной музыкой. Послѣ обѣда Вел. Княг. ѣдила кататься въ маленькихъ саняхъ. Вел. Князь посѣтилъ конюшни. Вечеромъ свадьба мундшенка.

⁷⁾ Это сынъ духовника Дубенскаго? П. Б.

15. Утро на охотѣ за лѣсными пулярами..... Оттуда пѣшкомъ на ферму Великой Княгини, гдѣ она угостила великолѣпнымъ обѣдомъ съ любезностію хозяйки. До обѣда катанье съ горъ на лыжахъ. Катанье на конькахъ, игры.... Послѣ обѣда странная веселость Е. Импи. Выс. и всей компаніи. Балъ въ маленькой комнатѣ, и никакой другой музыки, кромѣ человѣческаго голоса, со шляпой въ рукѣ вмѣсто скрипки и шпагой вмѣсто смычка. Вечеромъ Великая Княгиня воротилась въ Ораніенбаумъ, гдѣ стояли ледяныя горы, и общество занялось игрою въ барры. Дворъ, Велик. Князь и я отправились на новую ферму, приобрѣтенную отъ гвардейскаго маіора Казакова, отпразновать новоселье прекраснымъ ужиномъ и большимъ фейерверкомъ въ саду, а въ залѣ малымъ Французскимъ, изображавшимъ водяной бассейнъ, въ которомъ разныя животныя метали огненные фонтаны. Но какъ хороша была погода днемъ, такъ ужасна была бѣря ночью со страшнымъ вѣтромъ.

19. У Великаго Князя болитъ горло. Обѣдалъ въ своей комнатѣ съ четырьмя избранными, въ числѣ которыхъ былъ и я. Несмотря на то, вечеромъ отправился на ферму графа Романа Даріоновича⁸⁾ играть и ужинать. Возвратились въ полночь.

17. До обѣда ѣздилъ въ саняхъ Его Императорскаго Высочества въ Кронштадтъ, откуда привезъ Великаго Князя, который желалъ получить послѣ покойнаго маіора Пестеля шпагу, шарфъ, знакъ лейтенанства Прусскаго, при батареѣ Кольберга. Вечеромъ обыкновенное собраніе и концертъ (фейерверкъ). Послѣ ужина трубки у камергера В.. маленькій фейерверкъ.

18. До обѣда травля медвѣдя: Его Императорское Высочество убилъ его однимъ ружейнымъ выстрѣломъ. Послѣ обѣда курили трубки въ залѣ. Въ 4 часа выѣхали и около 8-ми часовъ вечера пріѣхали въ городъ, гдѣ ужинали при дворѣ.

Январь 1762 года.

Царствованіе Петра III-ю.

Коммиссія траурнаго церемоніала, составленная изъ фельдмаршала князя Трубецкаго, гофмаршала графа Скавронскаго, князя Куракина, церемоніймейстеровъ графа Санти и барона Лесфорта, господина Лобкова герольдмейстера, г. вице-президента..... Андр. Никитича Самарина, совѣтника Голубцова и совѣтника Штелина, которому лично поручено изобрѣтеніе для парадной залы катафалка въ соборѣ.

⁸⁾ Воронцова. П. Б.

8. Канцлеръ графъ Воронцовъ былъ почти при смерти отъ одышки. вмѣстѣ съ сильной горячкой: спасительный переломъ болѣзни.

8. Умеръ царь Грузинскій въ домѣ Кантемира. Его Императорское Величество ужиналъ у графа Романа Ларионовича.

11. Въ Нарву возвратился нашъ двоюродный братъ, маршалъ Дюкерь по случаю скоропостижной кончины его супруги. Имѣлъ честь обѣдать у Его Императорскаго Величества. Вечеромъ Его Императорское Величество ужиналъ у своего шталмейстера Льва Александровича Нарышкина.

12. У генеральнаго прокурора Глѣбова.

13. У оберъ-полицеймейстера Корфа.

14. Тѣло Ея Императорскаго Величества покойной Императрицы было перенесено вечеромъ на парадную кровать въ присутствіи двора и особъ первыхъ двухъ классовъ.

19. Послѣ обѣда въ 7 часовъ Его Величество Императоръ ѣздилъ въ каретѣ кататься: посѣтилъ Англійскаго посланника Кейта, который былъ приглашенъ къ ужину Его Императорскаго Величества. Въ тотъ же день я представилъ Его Императорскому Величеству въ его спальню нѣсколько девизовъ, изображеніе которыхъ поручено было мнѣ.

20. Представлялъ Его Импер. Величеству резидентъ Пр... свои британскія грамоты. Онъ первый изъ иностранцевъ.

17. Его Величество былъ въ Сенатѣ и, вышедъ оттуда, обошелъ всѣ коллегіи. Подписанъ указъ о свободѣ дворянства для выѣзда и службы внѣ отечества. Цѣна на соль съ полрубли за пудъ положена на $\frac{1}{4}$ рубля.

21. Похороны графа Петра Иван. Шувалова съ похороннымъ церемоніаломъ присвоеннымъ сану фельдмаршала. Его Величество смотрѣлъ на процессію съ балкона графа Строганова⁹⁾, тамъ же и обѣдалъ.

23. Его Величество обѣдалъ въ Красномъ Селѣ, куда изволилъ ѣздить на встрѣчу принца Георга Голштинскаго. Возвратился въ городъ съ Его Высочествомъ. Ужиналъ во дворцѣ Ив. Ив. Шувалова¹⁰⁾, назначенномъ для мѣстопробыванія принца.

⁹⁾ На Невскомъ проспектѣ у Полицейскаго моста, нынѣ графа Сергія Александровича Строганова. Это одинъ изъ немногихъ въ Россіи домовъ, владѣльцы которыхъ въ теченіи слишкомъ полутора столѣтія одного и того же семейства. П. Б.

¹⁰⁾ На Невскомъ проспектѣ, на углу Малой Садовой. П. Б.

24. Особы двухъ первыхъ классовъ ѣздили ко двору для поздравленія принца Георга¹¹⁾.

25. Около полудня собрались при дворѣ дамы и кавалеры первыхъ классовъ, для присутствія при перенесеніи покойной Императрицы въ парадную траурную залу.

27. Аудіенція Эстонскихъ и Ливонскихъ депутатовъ во время шествія Его Величества въ церковь. Послѣ они были оставлены на обѣдъ Его Имп. Величества. Вечеръ Его Вел. провелъ у фельдмаршала князя Трубецкаго.

28 и 29. Два дня отдыха.

31. Его Величество провелъ день въ Царскомъ Селѣ.

Ф е в р а л ь .

1. Послѣ обѣда Его Вел. поѣхалъ гулять въ каретѣ съ большой свитой, которая провожала его верхомъ и въ каретѣ шестерней. Проѣхавъ мимо принца Голштейнъ-Бекъ, заѣхалъ съ визитомъ къ принцу Георгу.

2. Ужинъ у оберъ-полицеймейстера Корфа.

3. Праздникъ ордена Св. Анны. Его Величество публично кушалъ съ кавалерами этого ордена, графомъ Лестокомъ, возвратившимся изъ Устюга, мѣста своего заточенія въ теченіи 13-ти лѣтъ. Его Величество подарилъ ему золотую шпагу. Его супруга обѣдала одна съ Императрицей.

4. Катафалкъ и всѣ приготовленія къ торжественному погребенію Ея Велич. покойной Императрицы сегодня готовъ въ соборѣ. Его Велич. пріѣзжалъ инкогнито въ крѣпость, чтобы видѣть вышесказанныя приготовленія. Потомъ обѣдалъ у коменданта Костюрина¹²⁾ и возымѣлъ милость приказать мнѣ провести его по всѣмъ отдѣленіямъ монетнаго двора для осмотра отчеканиванія медалей и рублей.

5. Торжественное погребеніе Ея Импер. Величества, покойной Императрицы совершено въ надлежащемъ порядкѣ и съ одобренія Его Величества. Процессія началась въ 10¹/₂ часовъ, и вся церемонія кончилась въ 3 часа¹³⁾.

¹¹⁾ Этотъ принцъ влюбленъ былъ въ Екатерину и вѣроятно женился бы на ней, если бы не была она вызвана въ Россію. Не будь онъ въ 1762 году въ Петербургѣ. Петръ III-й принялъ бы рѣшительныя мѣры къ гибели своей супруги и 8-милѣтняго Павла Петровича. П. Б.

¹²⁾ Сестра этого Костюрина была за страшнымъ начальникомъ Тайной Канцеляріи, графомъ Александромъ Ивановичемъ Шуваловымъ. П. Б.

¹³⁾ Екатерина описала, какъ позорно велъ себя супругъ ея въ этой погребальной процессіи. П. Б.

7. Въ 8 часовъ утра Его Велич. неожиданно посѣтилъ сенаторовъ въ Сенатъ; пробылъ тамъ за полдень и уничтожилъ четыре извѣстныхъ тайныхъ судилища или Тайную Канцелярію.

8. Его Величество уѣхалъ въ Царское Село, чтобы отпраздновать тамъ день своего рожденія.

9. Послѣдовали тѣ, которые были приглашены; отправился полковникъ г. Петердорфъ. Вечеромъ поздравленія и парадъ.

10¹⁴⁾. Великолѣпный парадъ; послѣ обѣда концертъ. Ночью сожжены фейерверкъ, составленный мною, сперва для новаго года, а потомъ передѣланный для дня рожденія Его Импер. Величества.

13. Дворъ возвратился изъ Царскаго Села.

14. Его Импер. Велич. провелъ вечеръ въ очень большомъ обществѣ, въ придворномъ траурѣ, въ домѣ его высокопревосходительства канцлера¹⁵⁾, гдѣ передъ ужиномъ пущенъ былъ прекрасный фейерверкъ и устроена иллюминація. Его Величество и все общество оставались до 5-ти часовъ утра.

15 и 16. Отдыхъ. На вечеръ 16-го предполагалось устроить празднество для Его Импер. Велич. въ домѣ камергера Ивана Ивановича, но не состоялось ради спокойствія (отдыха) Его Велич. Умеръ марграфъ В. Его Велич. былъ очень доволенъ въ домѣ канцлера и подарилъ хозяйкѣ дома два пмѣнія въ 4.300 душъ крестьянъ.

17. Февраля. Воскресенье. Его Велич. не выходилъ при дворѣ, по причинѣ легкаго нездоровья.

18. Послѣ обѣда ѣздилъ гулять. Всю эту недѣлю при дворѣ ежедневно говѣли, такъ какъ это было на первой недѣлѣ великаго поста.

23. Ихъ Императорскія Величества приобщались Св. Таинъ.

26. Пожаръ въ Аничковомъ дворцѣ, половина котораго не могла быть спасена по причинѣ вышины крыши, подъ которой разгорѣлось съ особенной силой.

27. Похороны покойной Императрицы. Его Велич. обѣдалъ у Англійскаго посланника и проѣхалъ оттуда въ домъ купца Вейнахта, чтобы покурить трубку.

М а р т ь.

2. Совѣтникъ Тепловъ заключенъ въ тюрьму за то, что непочтительно говорилъ объ Императорѣ.

3. Производство всѣхъ состоящихъ на службѣ въ Голштиніи. Вечеромъ концертъ при дворѣ.

¹⁴⁾ День рожденія Петра III-го. П. В.

¹⁵⁾ Т. е. въ нынѣшнемъ домѣ Пажескаго Корпуса, на Большой Садовой. П. В.

4. Обѣдали тѣже самыя лица, одни съ Его Императорскимъ Величествомъ.

5. Ихъ Императорскія Величества обѣдали у канцлера графа Воронцова.

9. Разводъ гвардейскаго кавалергардскаго полка. командованіе которымъ Его Импер. Величество публично передалъ его свѣтлости герцогу Георгу. Заупокойная служба по Бя Импер. Велич. въ католической церкви съ музыкой въ присутствіи Его Импер. Величества и многочисленной публики. Тутъ же Его Импер. Велич. пожаловалъ предписаніе на мѣсто для постройки католической церкви.

10. Вечеромъ концертъ при дворѣ при многочисленномъ собраніи: тутъ же Его Импер. Велич. игралъ на скрипкѣ.

11. Большая пушечная пальба во время стола. Его Импер. Велич. соблаговолилъ принять орденъ Чернаго Ора, присланный королемъ Прусскимъ.

12. Вечеръ проведенъ у князя Куракина¹⁶⁾.

14. Его Импер. Велич. присутствовалъ на экзаменѣ кадетъ съ утра до вечера. Отдано въ вѣдѣніе камергеру Ивану Иван.

17. Его Велич. и большое собраніе во дворцѣ фельдмаршала Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, гдѣ пущенъ былъ фейерверкъ. Ужинъ. Императоръ изъявилъ свое намѣреніе объявить войну Даніи въ присутствіи графа Гакстаузена. Датскаго посланника¹⁷⁾.

18. Его Импер. Велич. ѣздилъ обѣдать на дачу къ гетману. за 25 верстъ, и вмѣстѣ съ нимъ его свѣтлость принцъ Георгъ, который вечеромъ проѣхалъ въ Красное Село, чтобы дождаться пріѣзда ея свѣтлости его супруги.

14. Выпущенъ изъ тюрьмы Теплово.

19. Пріѣздъ супруги и семейства принца Георга.

20. Обѣдъ при дворѣ. Большое поздравленіе двора принца Георга въ домѣ Бестужева¹⁸⁾. гдѣ обѣдалъ Его Импер. Велич. и вечеръ проведенъ у оберъ-егермейстера Нарышкина. На другой день и всѣ послѣдующіе поздравленія молодой принцессѣ вдовѣ Голштейнбекъ, которой Его Импер. Велич. пожаловалъ землю въ Эстляндіи и назначилъ ежегодную пенсію въ 10 т. рублей.

¹⁶⁾ Князя Бориса Александровича. П. Б.

¹⁷⁾ Не предокъ ли это Гакстаузена, который въ царствованіе Николая Павловича много ѣздилъ по Россіи и написалъ про нее по нѣмецки отличную книгу и доселѣ не утратившую своей цѣнности. П. Б.

¹⁸⁾ Гдѣ нынѣ Сенатъ. П. Б.

19. Приѣхалъ бывший герцогъ Курляндскій Биронъ съ семействомъ, привезенные генераломъ барономъ Черкасовымъ и помѣщены въ его домъ.

24. Былъ представленъ Биронъ Его Импер. Вел. и пожалованъ орденомъ Св. Андрея. Остался при дворѣ слушать концертъ Его Импер. Велич. Въ ту же ночь приѣхалъ фельдмаршалъ графъ Минихъ съ супругой, послѣ пятинедельнаго путешествія изъ Пелымя, находящагося на 400 верстъ сѣвернѣе Тобольска.

25. Его Велич. обѣдалъ у принца Георга со всеми офицерами конной гвардіи, по случаю годовщины ея основанія.

26. Его Импер. Велич. пожаловалъ черезъ ген. Мельгунова графу Миниху золотую шпагу съ португесей.

31. Онъ же представлялся утромъ Его Импер. Велич., когда Его Велич. имѣлъ выходъ въ церковь. Графъ Брюль, присланный Польскимъ королемъ для поздравленія Его Велич., имѣлъ аудіенцію. Вечеромъ при дворѣ былъ концертъ и многочисленное собраніе. Здѣсь публично привѣтствовали другъ друга герцогъ Курляндскій Биронъ и графъ Минихъ, не видавшіеся другъ съ другомъ въ теченіи 21 года. Сей послѣдній за обѣденнымъ столомъ Его Импер. Величества былъ объявленъ генераль-квартирмейстеромъ по его старшинству, т. е. первымъ изъ всѣхъ, исключая принцевъ крови, и пожалованъ орденомъ Св. Андрея¹⁹⁾. Въ тотъ же вечеръ онъ ужиналъ съ Его Велич. Оба Курляндскіе принца пожалованы и полковыми командирами. Весь этотъ мѣсяцъ Императрица не выходила по причинѣ боли въ ногѣ и другихъ болѣзней²⁰⁾.

А п р ѣ л ь .

Его Величество не снималъ халата. Вечеромъ велѣлъ позвать къ ужину. Послѣ ужина Его Велич. объявилъ меня бібліотекаремъ при своемъ дворѣ и статскимъ совѣтникомъ, приказалъ подать Венгерскаго вина и пилъ за здоровье своего новаго статскаго совѣтника, что сдѣлалъ по приказанію и по примѣру Его Велич. всѣ присутствовавшіе, а именно: гетманъ, гофмаршалъ Нарышкинъ, его братъ Левъ Александръ

¹⁹⁾ Т. е. принцъ Петръ (наслѣдникъ Курляндскій герцогъ) и принцъ Карлъ (отецъ графини Луизы Карловны Вельгорской и прадедъ нашего М. А. Венетинава). П. Б.

²⁰⁾ Графъ А. Г. Бобринскій родился 11 Апрѣля этого 1762 года, какъ свидѣтельствуется сама Екатерина въ письмѣ къ нему („Р. Архивъ“ 1876 года, III, 13), въ Зимнемъ дворцѣ, откуда его вынесъ къ себѣ на домъ камердинеръ ея Шкуринъ, у котораго онъ и воспитывался въ охотничьемъ дворцѣ императрицы Елисаветы Петровны (въ нынѣшнемъ Елисаветинѣ, за Гатчиною) и фамильное имя котораго носилъ въ младенчествѣ и отрочествѣ. П. Б.

ровичъ, генераль Мельгуновъ, генераль-маіоръ Ляпуновъ, генераль-адъютанты Гудовичъ и Андрей Гаврил. Чернышевъ, адъютанты, князь Бяратинскій и Рейзеръ.

2. Въ 10-ть часовъ утра Его Велич. ѣздилъ осматривать шпалерную фабрику, откуда въ канцелярію, гдѣ я представилъ свой рисунокъ для большого гобеленя... съ аллегорическимъ изображеніемъ восшествія Его Импер. Велич. на престолъ. Оттуда отправились въ новый зимній дворецъ, гдѣ оставлено приказаніе, чтобы все было готово къ будущей Субботѣ, чтобы имѣть возможность перебраться въ него со всеѣмъ своимъ дворомъ. Оттуда воротился пѣшкомъ во дворецъ. Послѣ обѣда поѣхалъ въ каретѣ въ лѣтній дворецъ, гдѣ осмотрѣлъ 32 комнаты, всѣ наполнены платьями покойной Императрицы Елисаветы Петровны. Въ саду, въ банѣ, пили кофе и курили трубки, и потомъ отправились черезъ садъ по Милліонной и другими улицами пѣшкомъ до двора, зашедъ мимоходомъ навѣститъ своего бывшего камердинера Петра Герасимовича.

3. Дурная Апрельская погода: нѣсколько разъ принимался идти снѣгъ и градъ. Въ этотъ день до обѣда оба Голштинскіе принца Георгій и принцъ Голштейнбекъ, въ сопровожденіи многихъ, были въ церкви Лютеранской на исповѣди и на слѣдующій день публично причащались.

6. Послѣ обѣда Его Импер. Велич. перешелъ, потихоньку и какъ бы желая сохранить инкогнито, въ новый дворецъ. Послѣ перемѣщенія палили изъ пушекъ.

7. Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова начался на этотъ разъ при дворѣ въ 6 часовъ утра. Большее собраніе въ новомъ дворцѣ и обѣдъ въ галереѣ.

8. При дворѣ ничего. Его Импер. Величество обѣдалъ у Его Высочества принца Георга въ обществѣ герцогскаго семейства. Ночью вспыхнулъ сильный пожаръ на дворѣ графа Гендрикова. Сгорѣлъ его прекрасный домъ совершенно новый (въ которомъ потолоки и картины надъ дверьми были работы Гуарани и другихъ Венеціанскихъ художниковъ). Сгорѣла тоже реформатская церковь и нѣсколько другихъ домовъ. Его Импер. Велич. командовалъ верхомъ и остался на пожарѣ съ принцемъ Георгомъ до 4-хъ часовъ утра.

9. Предполагалось собраніе (курзалъ) при дворѣ, но по причинѣ вчерашняго несчастнаго событія отложено на завтра.

10. Великолѣпное собраніе въ простыхъ цвѣтныхъ платьяхъ безъ золота и серебра; всѣ дамы въ бѣлыхъ шелковыхъ платьяхъ. Прелестное единообразіе и красивый эффектъ.

14. Обыкновенное собраніе при дворѣ съ концертомъ. Его Импер. Велич. самъ игралъ первую скрипку. Сверхъ обыкновенныхъ придворныхъ музыкантовъ, по приказанію Его Импер. Велич., для пополненія числа скрипокъ принимали участіе въ исполненіи два брата Нарышкины, секретарь кабинета Олсуфьевъ, статскій совѣтникъ Тепловъ, а на флейтѣ прокуроръ Сената князь Трубецкой и статскій совѣтникъ Штелинъ.

15. Его Импер. Велич. выѣхалъ въ Ораніенбаумъ съ многочисленной свитой, состоящей изъ слѣдующихъ лицъ: графъ Шверинъ и Штейбекъ, адъютанты Прусскаго короля, Бредаль, Левъ Нарышкинъ. Мельгуновъ, гофмаршалъ Измайловъ, гетманъ, камергеры Гагаринъ и Головинъ, Музей²¹⁾, Штелинъ, Скальгорестъ и Лидерсъ. Дорогой обѣдали на дачѣ генерала Мельгунова, въ 15 верстахъ отъ города. Проѣздомъ зашли въ винный погребъ Стрѣльненской мызы, чтобы осмотрѣть громадный (изумительный) запасъ Венгерскаго вина. Вечеромъ ужинали въ Японской залѣ служащихъ.

16. Утромъ пріѣхали Шведскій посланникъ баронъ Поссе, Шведскій оберъ-камергеръ графъ Дубенъ; завтракъ былъ поданъ въ новомъ маленькомъ дворцѣ, въ деревнѣ Ильинкѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Ораніенбаума. Возвратились верхомъ и на линейкахъ, обѣдали въ Эрмитажѣ. За ужиномъ при дворѣ дамы Ораніенбаумскія.

17. Охота за оленемъ и обѣдъ въ Sans Ennui²²⁾, на дачѣ графини Воронцовой, въ 5-ти верстахъ отъ Ораніенбаума. Оттуда прогулка верхомъ и въ линейкахъ на дачу Императрицы. Вечеромъ маневры двухъ корпусовъ Цеймерна и Форстера, къ великому удовольствію Его Императ. Величества. Большой ужинъ въ Японской залѣ.

18. Утромъ Его Величество осматривалъ конюшни, арсеналь и крѣпость. Послѣ обычнаго парада поѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ Его Велич. дѣлалъ распредѣленіе комнатъ дворца для его предстоящаго пребыванія. Обѣдалъ за большимъ столомъ во дворцѣ, потомъ пошелъ гулять по садамъ и удилъ рыбу въ Марли. Вечеромъ въ 8½ часовъ поѣхалъ въ Петербургъ, куда мы прибыли въ 11 часовъ. Его Величест. поѣхалъ ужинать къ Его Импер. Высочеству принцу Георгу.

21. День рожденія Ея Импер. Велич. Императрицы отпразднованъ съ поздравленіями. Большой столъ въ покояхъ Императрицы. Вечеромъ

²¹⁾ Это Шотландецъ Манзей, сынъ врача, опредѣленнаго императрицею Елисаветою Петровной къ Аннѣ Леопольдовнѣ и къ ея семейству (слышано отъ генерала нашихъ дней К. П. Манзеля). П. Б.

²²⁾ Порусски въ Нескучномъ. П. Б.

концертъ, на которомъ игралъ Его Импер. Величество въ продолженіи 3-хъ часовъ безъ перерыва.

23. Имянины Его Высоч. принца Георга. Утромъ многочисленныя представленія Его Высочеству. Его Императорское Величество тамъ обѣдалъ.

24. Я обѣдалъ съ Его Импер. Велич. Мы сидѣли за столомъ въ 24 куверта; тутъ же были вновь пріѣхавшій Захаръ Григ. Чернышевъ, посланникъ Прусскаго короля Гольцъ, графъ Шверинъ. Послѣ обѣда Его Импер. Велич. раздавалъ всѣмъ присутствующимъ новую монету со своимъ изображеніемъ, т. е. по имперіалу, по червонцу и по рублю каждому.

28. Аудиенція новаго Прусскаго посланника графа Гольца. Въ полночь пріѣхалъ курьеръ короля Прусскаго. Торжественное представленіе при дворѣ, генералитетъ и министры Пруссіи, Швеціи и Голландіи съ канцлеромъ. Обѣдали съ Императоромъ по окончаніи публичныхъ поздравленій съ заключеніемъ мира съ королемъ Прусскимъ. 12-ть выстрѣловъ изъ пушекъ; передъ дворцомъ большое оживленіе до 10-ти часовъ. Въ тотъ же день уѣхалъ графъ Шверинъ, для передачи королю трактата, для котораго ожидается ратификація.

30. Его Импер. Велич. не снималъ халата и пилъ кофе послѣ обѣда въ комнатахъ верхняго этажа.

М а й.

1. Гулянье верхомъ съ большой свитой въ Екатериненгофъ, по обычаю въ день 1-го Мая. Поѣхали въ весеннюю погоду, а возвратились съ зимой, потому что шелъ сильный снѣгъ.

2. Ученье артиллеріи Прусской въ артиллерійскомъ паркѣ.

Его Импер. Велич. тамъ немного простудился.

3—4. Его Импер. Велич. оставался въ своихъ покояхъ, будучи не совсѣмъ здоровъ. Этимъ временемъ онъ развлекался, разсматривая и выбирая всякаго рода вазы, картины мною взятыя изъ *Salonne di Sogona*²³⁾.

5. Собраніе и концертъ вечеромъ въ галереѣ.

6. Спущены два военные корабля: одинъ названъ Король Фридрихъ, другой Принцъ Георгъ. Большое собраніе въ адмиралтействѣ и обѣдъ на кораблѣ.

²³⁾ Изъ Казеннаго дома. П. Б.

7. Отдыхъ и малый столъ за обѣдомъ. Вечеромъ прогулка и ужинъ въ Эрмитажѣ. Ночью серенады по улицамъ до 2-хъ часовъ утра.

8. Обѣденный малый столъ. Вечеромъ Его Импер. Велич. на стоворѣ полковника Опица въ домѣ невѣсты.

9. Его Импер. Велич. цѣлый день на ученѣ своемъ Преображенскаго полка.

10. Вечеромъ Его Импер. Велич. на Голандскомъ кораблѣ капитана Волкенблата въ таможенѣ для осмотра и выбора продававшихся картинъ. Его Импер. Велич. ужиналъ у герцога Курляндскаго Бирона.

17. Ученѣ гренадеръ Преображенскаго полка на дворцовой площади, тамъ ужинали и оставались до 3-хъ часовъ утра.

18. Оставался въ шлафроктѣ.

19. Поѣхалъ утромъ въ 10-ть часовъ въ Англійскую церковь съ большой свитой, чтобы видѣть Англійскую службу.

21. Пріѣхалъ курьеръ отъ Прусскаго короля съ ратификаціей мира и съ орденомъ Чернаго Ора для Корфа.

23. Народный праздникъ березки (Семикъ). Множество народа въ лѣсахъ и гульбищахъ. Ихъ Импер. Велич. въ Екатерингофѣ.

24. Его Импер. Велич. вѣхалъ на дворцовую площадь. Пушечная пальба изъ крѣпости и съ яхтъ. Первое собраніе или засѣданіе вновь учрежденнаго при дворѣ Совѣта, состоящаго изъ двухъ принцевъ Гольштейнскихъ, фельдмаршала Мипиха, Трубецкаго, канцлера, генер. Вильбоа, Мельгунова, генерала Волконскаго ²⁴⁾ и совѣтника Волкова.

27. Утромъ Его Велич. уѣхалъ въ Красное Село на смотръ своего полка кирасиръ и привелъ его въ городъ.

28. Вечеромъ прибытіе Его Импер. Величества съ полкомъ въ Екатерингофѣ, гдѣ остались на ночь отдыхать.

29. Въ 6 часовъ вечера вѣздъ Его Импер. Велич. во главѣ этого прекраснаго полка. Отъ Екатерингофа вся дорога и улицы народомъ были политы водою, чтобы прибить пыль.

Его Импер. Велич. провелъ полкъ по главнымъ улицамъ и потомъ отвелъ ихъ на квартиры близъ Певскаго монастыря.

²⁴⁾ Это племянникъ Бестужева, князь Михайлъ Никитичъ, позднѣе Московскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

І ю н ъ.

3. Его Импер. Велич. обѣдалъ у принца Георга, гдѣ представлялъ офицеровъ вновь прибывшаго полка. Послѣ полуночи страшная погода, буря съ громомъ и молніей сжегшей барку съ грузомъ хлѣба на Невѣ, передъ Невскимъ монастыремъ.

Дневникъ пребыванія въ Ораніенбаумѣ.

12. Закуска въ Эрмитажѣ, на лѣтнемъ дворѣ. Поѣздка въ Ораніенбаумъ: пріѣздъ въ 4 часа. Осмотръ крѣпости, гдѣ Его Импер. Велич. напелъ залу отдѣланной заново для картинъ, чѣмъ остался очень доволенъ. Ужинъ въ Японской залѣ. Въ этой поѣздкѣ сопровождали Его Импер. Велич. гетманъ, генераль Девьеръ, баронъ Гольцъ, главный начальникъ артиллеріи Вильбуа, два брата Нарышкины, Бредаль, марш. Дукеръ, вице-канцлеръ кн. Голицынъ, камергеръ Гагаринъ, Иванъ Иванов, Шуваловъ, Ив. Ив. Бецкій, тайный совѣтникъ Руморъ, лейбъ-медикъ Мунзей и Штелинь. Приглашенные пріѣзжали одинъ за другимъ.

Тотъ же вечеръ. Графиня Елисавета Романовна Воронцова и съ ней графиня Строганова (дочь канцлера), графиня Брюсъ, двѣ дѣвицы Нарышкины, егермейстерша Марья Павловна, г-жа Гагарина съ двумя дочерьми, Англійскій посланникъ Кейтъ и консулъ Скаловъ, посланникъ Шведскій, Поссе, Голандскій съ супругой, Мейнесгагенъ.

13. Фельдмаршалъ князь Трубецкой съ супругой, фельдмаршалъ Минихъ, графъ Алекс. Григ. Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцовъ съ супругой, графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ съ супругой. Обѣдъ на два стола при дворѣ. Послѣ обѣда Его Импер. Велич. пошелъ на плацъ смотрѣть полки. Въ 7 часовъ вечера пріѣхалъ герцогъ верхомъ, а въ каретѣ герцогиня Голштейнъ-Готторпская съ семействомъ, принцъ Голштейнъ-Бекъ съ вдовствующей принцессой. Его Величество встрѣтилъ герцога верхомъ, передалъ ему начальство войскамъ. Предшествовавшее объ этомъ объявленіе генераль-аудитора Зельгорста. Троекратное ура войска. Герцогъ командовалъ, и Его Велич. отѣхалъ на право. Его свѣтлость принималъ поздравленія присутствующихъ на плацу, потомъ отъ всѣхъ офицеровъ въ залѣ; потомъ Его Величество поднялъ задравный кубокъ за новаго фельдмаршала, а также пили всѣ присутствующіе офицеры. Второй отвѣтныи тость былъ провозглашенъ его свѣтлостію. Оттуда прошли передъ фронтомъ войскъ. Ужинъ въ Японской залѣ.

14. Большой столъ во дворцѣ. Послѣ обѣда ученіе полка Форстера. Ужинъ въ Эрмитажѣ. Обѣдъ за большимъ столомъ въ картинной галереѣ. Вечеромъ ученіе полка Цеймерна. Ужинъ обыкновенный въ залѣ дворца. Одинъ залпъ въ честь хорошихъ вѣстей изъ арміи Прусскаго короля, который одержалъ побѣду надъ фельдмаршаломъ Дауномъ и взялъ 1500 Австрійцевъ въ плѣнъ.

15. Приказъ Его Величества не носить кавалерійскіе ордена въ деревнѣ, но только звѣзду.

16. Его Величество и всѣ генералы..... исповѣданія въ гарнизонной церкви. Обѣдъ въ Японской залѣ. Потомъ Его Велич. отпраздновалъ въ Санъ-Анню. Ужинъ въ Японской залѣ.

17. Утромъ Его Велич. подписывалъ докладъ Сената и Военной Коллегіи. За обѣдомъ Его Велич. не выходилъ. Вечеромъ ученье кирасировъ.

19. Общій парадъ по случаю пріѣзда Императрицы. Вечеромъ упомянутый пастораль. Торжественная музыка въ большомъ театрѣ съ танцами г-жи Салтини, г-жъ Макуръ, Торда и Фабіаны.

21. Послѣ обѣда Его Велич. отѣхалъ за нѣсколько верстъ для ученія новыхъ драгунъ его полка.

22. Утромъ Его Велич. былъ со мной въ новой гарнизонной церкви и приказалъ мнѣ велѣть поставить органъ, чтобы въ будущемъ Воскресеніи могли изучать на немъ при освященіи упомянутой церкви. Послѣ обѣда поѣхали дня на два въ Санъ-Анню съ небольшимъ избраннымъ обществомъ: герцога, фельдмаршала Минихъ и нѣсколько другихъ генераловъ съ ними вмѣстѣ отправилсъ въ Кронштадтъ, откуда возвратилсъ вечеромъ.

23. Освященіе вышеупомянутой церкви въ присутствіи Его Импер. Велич., его свѣтлости герцога Георга и его принцевъ, гетмана, фельдмаршала Трубецкаго, канцлера и вице-канцлера и всѣхъ прочихъ генераловъ, кавалеровъ и дамъ. Во время молебствія пальба изъ орудій и троекратный залпъ изъ гарнизона. Вечеромъ балъ въ театрѣ, потомъ фейерверкъ, ужинъ и балъ до 3-хъ ч. утра.

24. Малый столъ у Его Импер. Величества на 16 особъ въ крѣпости, гдѣ обѣдали съ Его Императорскимъ Величествомъ: 1) графиня Елисавета Романовна, 2) оберъ-егермейстерша, 3) графиня Брюсъ, 4) супруга Льва Александровича, 5) госпожа Бредаль, 5) г-жа Гюбнеръ, 7) г-нъ Бредаль, 8) Левъ Александровичъ, 9) генераль-маіоръ Изман-

ловъ, 10) маршалъ Дуккеръ, 11) князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ, 12) ген. адъютантъ Гудовичъ, 13) Штелинь, 14) полковникъ Опиць, 15) майоръ Лангъ дежурный. Вечеромъ все общество отправилось ужинать на дачу графа Романа Иларіоновича Воронцова.

25. Около полудня отправились кушать въ Гостилицы графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Оттуда возвратились въ 10-ть часовъ вечера и ужинали въ дворцовой залѣ.

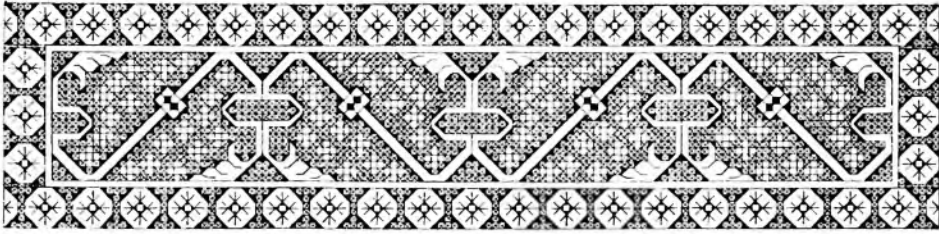
26. Утромъ Его Импер. Велич. подписалъ много докладовъ и указовъ, а послѣ обыкновеннаго парада вышелъ кушать въ дворцовый залъ. Вечеромъ въ большомъ театрѣ шло во второй разъ представленіе пасторали. Торжество музыки.

27. Обѣдъ въ дворцовой залѣ. Фельдмаршалъ не здоровъ. Говмаршалъ отсутствуетъ. Камергеръ князь Гагаринъ исполнялъ должность маршала. Вечеромъ Его Импер. Велич. провелъ корпусъ своего драгунскаго полка на плацъ и тамъ дѣлалъ ему смотръ до 9 ч. вечера.

28. Въ часъ пополудни Его Велич. со свитой, состоящей изъ особъ первыхъ 5-ти классовъ, отправился въ Петергофъ, чтобы присутствовать тамъ при всенощной наканунѣ праздника Святыхъ Петра и Павла. Въ два часа ночи мы прибыли туда и съ изумленіемъ узнали, что Императрица отбыла въ 5-ть часовъ утра одна, въ сопровожденіи только своей камерфрейлины Екатерины Ивановны и камеръ-лакея Шкурина, оставя насъ въ невѣдѣніи обо всемъ, равно какъ и всѣхъ своихъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ.

Тогда начались совѣщанія о мѣрахъ, которыя нужно было принять. Начались замѣшательства, отъ часу увеличивавшіяся, пока наконецъ въ 9^{1/2} ч. вечера Его Импер. Велич. и весь его дворъ съѣли на галеру и яхту, чтобы отплыть въ Кронштадтъ, откуда галера воротилась въ Ораніенбаумъ, а яхта въ Петергофъ въ 4 часа утра.

ТРИ ПИСЬМА ПЕТРА III-го ИЗ РОПШИ КЪ ЕКАТЕРИНЪ II-ой *).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Петръ III-й является какъ бы мздою за семейныя безобразія Петра I-го: онъ чувствуетъ у скопцовъ и оттѣняетъ собою Екатерину Великую. Въ теченіи двадцати лѣтъ его имя въ богослужебныхъ книгахъ печаталось съ прибавленіемъ: „внукъ Петра I-го“, но онъ не скрывалъ своей нелюбви къ Россіи, и еще въ 1740 году, когда Швеція готовилась къ войнѣ съ Россіею, онъ, конечно по приказу своихъ наставниковъ, послалъ въ Стокгольмъ враждебное къ Россіи заявленіе. Воцарившись, онъ показывалъ за обѣдней языкъ священнику, уговаривалъ солдатъ ѣсть въ постные дни скоромное, приказалъ выносить иконы изъ домовыхъ церквей, созвалъ въ Пруссіи конклавъ для обсужденія мѣръ къ объявленію въ Россіи лютеранства господствующею вѣрою. Въ исторіи Россіи С. М. Соловьева показано, какъ онъ охладилъ къ себѣ сердца Русскихъ людей даже и въ отдаленныхъ краяхъ имперіи. Каждый лишній день его царствованія становился бѣдствіемъ для Россіи, а предстоявшій ненужный и ненавистный походъ въ Данію долженъ былъ сокрушить измѣнника на престолѣ. Екатерину же знали въ Петербургѣ и Москвѣ уже слишкомъ 18 лѣтъ. „Нордъ сѣдой ей удивился и обладать собою избралъ“, сказалъ Державинъ, одинъ изъ участниковъ ея избранія. Духовенство было все за нее, а въ гвардіи служили люди изъ всѣхъ сословій, такъ что ея воцареніе было столь же законнымъ избраніемъ, какъ и царя Михаила Осодоровича. Какъ сего послѣдняго, еще малолѣтняго, уже звали кое-гдѣ царемъ, такъ и при Елисаветѣ кто-то изъ дьяконовъ провозглашалъ Екатерину Императрицею (о чемъ имѣется дѣло въ государственномъ архивѣ). Въ 1613 г. Россія избавилась отъ католичества и Поляковъ, въ 1762-омъ отъ лютеранства и Нѣмцевъ. Началась новая династія, возвеличившая Россію, принесяшая намъ столько благодѣяній и доселѣ, по милости Божіей, ведущая наше отечество на пути къ мирной гражданственности и къ успѣхамъ здраваго просвѣщенія. П. Б.

Вотъ отреченіе Петра III-го;

Въ краткое время правительства моего самодержавнаго Россійскимъ государствомъ самымъ дѣломъ узналъ я тягость и бремя, силамъ моимъ несогласное, чтобъ мнѣ не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительства, владѣть Россійскимъ государствомъ. Почему и воз-

*) Печатаются по спискамъ, сохранившимся въ бумагахъ П. К. Шильдера, съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ. П. Б.

чувствовалъ я внутреннюю онаго перемѣну, наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣтенію себѣ вѣчнаго чрезъ то безславія. Того ради, помысливъ я самъ въ себѣ безпристрастно и непринужденно, чрезъ сіе заявляю не токмо всему Россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что отъ правительства Россійскимъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюсь, не желая ни самодержавнымъ, ниже инымъ какимъ либо образомъ правительства во всю жизнь мою въ Россійскомъ государствѣ владѣть, ниже онаго когда либо или чрезъ какую либо помощь себѣ нести, въ чемъ клятву мою чистосердечную предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приношу нелицемѣрно, все сіе отрицаніе написалъ и подписалъ моею собственною рукою. Іюня 29. 1762. Петръ*).

I.

Votre Majesté.

Si vous ne voulez point absolument faire mourir un homme qui est déjà assez malheureux, ayez donc pitié de moy et laissé moi ma seule consolation qui est Elisabeth Romanovna. Vous ferez par ça un de plus grand oeuvre de charité de Votre regne. Au reste, si Votre Majesté voudrait me voir pour un instant, je serai au comble de mes vœux.

Votre très humble valet Pierre*).

Переводъ. Ваше Величество, если Вы рѣшительно не хотите уморить человека, который уже довольно несчастливъ, то скажитесь надо мною и оставьте мнѣ мое единственное утѣшеніе, которое есть Елисавета Романовна. Этимъ Вы сдѣлаете одно изъ величайшихъ милосердыхъ дѣлъ Вашего царствования. Впрочемъ, если бы Ваше Величество захотѣли на минуту увидать меня, то это было бы верховъ моихъ желаній. Вашъ нижайшій слуга Петръ.

29-го Іюня 1762 года.

Это первое письмо Петра III, доставленное Екатеринѣ вице-канцлеромъ княземъ А. М. Голицынымъ и полученное Екатериною въ Стрѣльвѣ. (См. Вильбасовъ, т. 2-й, стр. 62, 63). *Примѣчаніе Н. К. Шилверга.*

II.

Ваше Величество.

Я еще прошу меня которой ваше воле исполнять во всемъ, отпустить меня въ чужіе край стени которыя я Ваше Величество прежде просилъ и надеюсь на ваше великодушіе что вы меня не оставите безъ пропитанія верный слуга Петръ.

29-го Іюня 1762 года.

Это второе письмо, доставленное М. Л. Измайловымъ и полученное Екатериною въ Петергофѣ. *Примѣчаніе Н. К. Шилверга.*

*) Напечатано было въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и въ сборникахъ узаконеній Екатерины II-й, но въ Полное Собраніе законовъ не поступало, и когда мы перепечатали это отреченіе во 2-ой части сборника „XVIII Вѣкъ“, то отъ министра двора, графа В. О. Адлерберга, пришла въ Москву бумага объ изыятіи его изъ книги: но было уже поздно: цenzурный срокъ миновалъ, и книга вышла. П. Б.

III.

Madame.

Je prie Votre Majesté destre assuré surement de moy et devoir la bonté d'ordonner qu'on ote les postes de la seconde chambre par ce que la chambre ou je suis est si petite qu'a pein je peut my remuer et comme elle scait que je me promene toujours dans la chambre *). Ca me fera enfler les jambles. Encore je vous prie de nordonner point que les officiers restent dans la même chambre; comme j'ai des besoins, cest impossible pour moy. Au reste je prie Votre Majesté de ne me traiter du moins comme le plus grand malfaiteur ne seachant pas de l'avoir offensé jamais en me recomendant à sa pense magnime je la prie de me laisser au plutôt avec les personnes nommé en Alemagne. Dieux le lui repayera surement et je suis Votre tres humble valet Pierre.

P. S. Votre Majesté peut estre sure de moy que je ne penserai rien ni ferai rien qui puisse estre contre sa personne ou contre son regne.

Переводъ. Государыня. Я прошу Ваше Величество быть во мнѣ вполне увѣренною и благоволите приказать, чтобы отѣнили караулы у второй комнаты, ибо комната гдѣ я нахожусь до того мала, что я едва могу въ ней двигаться. Вы знаете, что я всегда прохаживаюсь по комнатѣ, и у меня вспухнутъ ноги. Еще я Васъ прошу, не приказывайте офицерамъ оставаться въ той же комнатѣ, такъ какъ мнѣ невозможно обойтись съ моею нуждою. Впрочемъ я прошу Ваше Величество обходиться со мною, но крайней мѣрѣ, не какъ съ величайшимъ преступникомъ; не знаю, чтобы я когда-либо Васъ оскорбилъ. Поручая себя Вашему великодушному вниманію, я прошу Васъ отпустить меня скорѣе съ назначенными лицами въ Германію. Богъ, конечно, вознаградитъ Васъ за то, а я Вашъ нижайшій слуга Петръ.

P.S. Ваше Величество можетъ быть во мнѣ увѣренною: я не подумаю и не сдѣлаю ничего противъ Вашей особы и противъ Вашего царствованія.

Это письмо должно быть отъ 30-го Іюня 1762 года. *Примѣчаніе П. К. Шильдера.*

Въ архивахъ морского вѣдомства могутъ сохраняться бумаги о приготвленіи къ плаванію судовъ, которыя должны были перевезти герцога Голштин-

*) Въ академическомъ изданіи Записокъ Екатерины, стр. 101, сказано про Петра III-го, что онъ никогда не садился, и надо было ходить за нимъ по комнатѣ взадъ и впередъ; ходилъ же онъ скоро и большими шагами, такъ что было тяжело за нимъ поспѣвать. П. В.

скаго, бывшаго Императора, съ его прислугою и пожитками въ Кильскій прекрасный дворець, устроенный для его матери. Неужели канцелярія Голштинскаго герцогства не дала знать въ Киль о возвращеніи Петра Федоровича изъ Россіи послѣ 20-тилѣтняго отсутствія? Не могла же эта канцелярія быть упразднена въ царствованіе Петра III-го, который вѣроятно помышлялъ о мѣстѣ своего рожденія, собираясь въ походъ противъ Даніи. Мы напрасно искали этихъ бумагъ или указаній на нихъ въ архивахъ Берлинскихъ и въ архивѣ Ольденбургскомъ. Можетъ быть, они найдутся въ городѣ Килѣ. П. Б.

*

ТРИ ПИСЬМА ГРАФА А. Г. ОРЛОВА КЪ ЕКАТЕРИНѢ II¹⁾.

I.

(2 Юня 1762 г.).

Матушка милостивая Государыня, здравствовать вамъ мы всеъ желаемъ несчетные годы. Мы теперь по отпускѣ сего письма и со всею командою благополучны. Только нашъ очень занемогъ, и схватила его нечаянная колика, и я опасень, чтобъ онъ сегодняшнюю ночь не умеръ, а больше опасуюсь, чтобъ не ожилъ. Первая опасность для того, что онъ все вздоръ говоритъ, и намъ это нисколько не весело. Другая опасность, что онъ дѣйствительно для насъ всеъ опасень для того, что онъ иногда такъ отзывается, хотя въ прежнемъ состояніи быть.

Въ силу именнаго Вашего повелѣнія я солдатамъ деньги за полгода отдалъ, такожь и унтеръ-офицерамъ, кромѣ одного Патючкина, вахмистра, для того, что онъ служитъ безъ жалованія. И солдаты нѣкоторые сквозь слезы говорили про милость Вашу, что они еще таковой для Васъ не заслужили, за чтобъ ихъ такъ въ короткое время награждать.

При семь посылаю списокъ Вамъ всей команды, которая теперь здѣсь²⁾. А тысячи рублей, матушка, не достало, и я дополнилъ червонными. И у насъ здѣсь было много смѣха надъ гренадерами отъ червонныхъ: когда они у меня брали, иные просили для того, чтобъ не видывали и опять ихъ отдавали, думая, что они ничего не стоить.

¹⁾ Со списковъ, изъ бумагъ Н. К. Шильдера. П. Б.

²⁾ Къ сожалѣнію этого списка у насъ нѣтъ. П. Б.

Посланный Чертковъ¹⁾ къ Вашему Величеству обратно еще къ намъ не бывалъ, и для того я опоздалъ васъ репортовать, а сіе пишу во Вторникъ въ девятомъ часу въ половинѣ.

По смерти вашъ вѣрный рабъ Алексѣй Орловъ.

II.

(6-го Іюля 1762 г.).

Матушка наша, милостивая Государыня. Не знаю, что теперь начать. Боюсь гнѣва отъ Вашего Величества, чтобы Вы чего на насъ нестоваго подумать не изволили и чтобы мы не были причиною смерти злодѣя Вашего и всей Россіи, также и закона нашего. А теперь и тотъ приставленный къ нему для услуги лакей Масловъ занемогъ. А онъ самъ теперь такъ боленъ, что не думаю, чтобы онъ дожилъ до вечера, и почти совсѣмъ уже въ безпамятствѣ, о чемъ уже и вся команда здѣшняя знаетъ и молить Бога, чтобы онъ скорѣе съ нашихъ рукъ убрался. А онъ же Масловъ и посланный офицеръ можетъ Вашему Величеству донести, въ какомъ онъ состояніи теперь, ежели Вы обо мнѣ усумнитесь изволите. Писалъ сіе рабъ Вашъ²⁾.

На оборотѣ адресъ: „Матушкѣ нашей Всероссійской“.

III.

Матушка милосердая Государыня. Какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось: не повѣришь вѣрному своему рабу, но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка! Готовъ идти на смерть: но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты немилуешь. Матушка его ибѣтъ на свѣтъ. Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась бѣда. Мы были пьяны, и онъ тоже. Онъ заспорилъ за столомъ съ княземъ Федоромъ³⁾ не успѣли мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали; но все до одинаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата⁴⁾. Повинную тебѣ принесъ, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ не милъ, прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ.

¹⁾ Этотъ Чертковъ, Евграфъ Александровичъ, присутствовалъ впоследствии при бракосочетаніи Екатерины съ Потемкинымъ. II. Б.

²⁾ Подпись оторвана. Примѣчаніе Н. К. Шельдера.

³⁾ Князь Федоръ Сергѣевичъ Барятинскій. Онъ не оставилъ мужскаго потомства. Нынешніе князья Барятинскіе происходятъ отъ его брата Ивана Сергѣевича. II. Б.

⁴⁾ Т. е. для графа Григорія Григорьевича. II. Б.

*

Замѣчаніе графа В. В. Ростопчина*) на предъидущее письмо.

Кабинетъ ея былъ запечатанъ графомъ Самойловымъ и генералъ-адъютантомъ Ростопчинымъ.

Черезъ три дня по смерти Императрицы поручено было великому князю Александру Павловичу и графу Безбородкѣ разсмотрѣть всѣ бумаги. Въ первый самый день найдено это письмо графа Алексѣя Орлова и принесено къ Императору Павлу; по прочтеніи имъ возвращено Безбородкѣ, и я имѣлъ его съ четверть часа въ рукахъ. Почеркъ извѣстный мнѣ графа Орлова. Бумага—листъ сѣрой и нечистой, а слогъ означаетъ положеніе души сего злодѣя и ясно доказываетъ, что убійцы опасались гнѣва Государыни, и симъ изобличаетъ клевету, падшую на жизнь и память сей великой Царицы. На другой день графъ Безбородко сказалъ мнѣ, что Императоръ Павелъ потребовалъ отъ него вторично письмо графа Орлова. Прочитавъ въ присутствіи его, бросилъ въ каминъ и самъ истребилъ памятникъ невинности Великой Екатерины, о чемъ и самъ чрезмѣрно послѣ соболѣзновалъ.

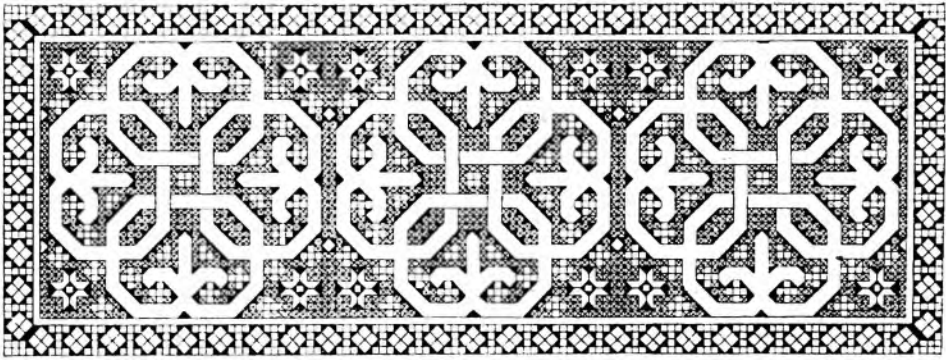
*

Такимъ образомъ мы обязаны графу Ростопчину за сохраненіе этого письма, доказывающаго неприкосновенность Екатерины къ гибели ея супруга. Почти полтора столѣтія, великая память ея омрачалась клеветою, и лишь въ недавнее сравнительно время при имени ея въ иностранныхъ біографическихъ словаряхъ опускается слово „мужеубійца“.

Сенаторы уговорили ее не ѣхать на похороны Петра III-го (которые описаны Голштинцемъ Сиверсомъ, см. „Русскій Архивъ“ 1909, вып. 7-й). П. Б.

*) Сообщившаго выше напечатанную копію въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову, внукъ котораго сберегъ ее въ своемъ архивѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КОРБЕРОНА. 1775—1780.

(Un diplomate français à la cour de Cathérine II. Journal intime du chevalier de Corberon, chargé d'affaires de France en Russie. Publié par L. N. Labande. 8-ка, 2 части. Paris 1901).

Книга эта издана превосходно. Ея издатель, г-нъ Ла-Бандъ, близко знакомъ съ источниками Русской исторіи XVIII вѣка, и книга снабжена его обстоятельными примѣчаніями и азбучнымъ указателемъ. Для насъ она служитъ, такъ сказать, пополненіемъ повѣствованія, которое мы имѣемъ въ Запискахъ Порошина и въ Дневникѣ Храповицкаго. Это показанія, записанныя не съ памяти, часто обманчивой, а по живымъ слѣдамъ видѣннаго и слышаннаго. Сначала идутъ они въ видѣ дневника, а потомъ въ рядъ писемъ, которыя посылались въ Парижъ къ роднымъ и знакомымъ.

Въ исторіи нашихъ международныхъ сношеній и сопряженій Записки Корберона должны быть поставлены рядомъ съ Записками его соперника Гарриса*). И Франція, и Англія искали въ то время дружбы Русской. Дидеротъ, прожившій у насъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ самый разгаръ Пугачевщины), философически бесѣдуя съ Екатериною, всетаки домогался узнать про торговлю и промышленность и гдѣ-бы завести какую либо фабрику. Жюинье и Корберонъ съ этими цѣлями выслѣживанія ѣздили въ Ярославль и Тулу. Представитель Франціи добивался заключенія торговаго договора, Гаррисъ посредничества, необходимаго для Англіи въ ея борьбѣ съ Сѣверо-Американскими ея подданными. И тотъ, и другой потерпѣли неудачу. Ихъ

*) Они помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 года, переведенныя съ Англійскаго г-жею Келлерманъ. П. Б.

обоихъ превышалъ въ значеніи Сольмсъ, много лѣтъ сряду бывшій у насъ посломъ Пруссіи и знавшій по-русски. На взглядъ Гарриса, Екатерина воображала, что держитъ скипетръ, между тѣмъ какъ въ рукахъ ея—только опахало; а Корберонъ дивился, какъ еще держится Россія.

Его отзывами напоминаетъ намъ одно утро въ Зимнемъ дворцѣ, у графини А. Д. Блудовой. Шла рѣчь о томъ, что Бисмаркъ, выучившись по-русски, заказалъ себѣ и носилъ кольцо, на которомъ было вырѣзано слово *небось*. Находившійся тутъ Англійскій посоль Морлей заявилъ, что у него записаны еще два присловья: *авось* и *какъ-нибудь*, причемъ вынулъ записную книжку и показалъ ее своему собесѣднику, котораго онъ тогда въ первый разъ видѣлъ. „У насъ, говорилъ онъ, прежде чѣмъ начать дѣло, недоумѣваютъ, взвѣшиваютъ, обдумываютъ, спрашиваютъ: вы же дѣйствуете на основаніи этихъ трехъ поговорокъ“.— „Это вамъ кажется отъ того, возразилъ ему его собесѣдникъ, что вы считаете Россію государствомъ“.— „А что же она такое?“— „Россія— вселенная“, было отвѣтомъ.

Родившійся въ Парижѣ 15 Іюля 1748 года, Корберонъ принадлежалъ къ высшей Французской аристократіи и получилъ хорошее образованіе. Онъ недолго былъ въ военной службѣ и перемѣнилъ ее на должность секретаря при маркизѣ Веракѣ, Французскомъ резидентѣ въ Касселѣ; но векорѣ его перевели повѣреннымъ посольства въ Россію съ жалованьемъ въ 2000 ливровъ. Онъ былъ молодъ, полонъ философскими началами Жанъ-Жака Руссо, даровитъ, черноглазъ, писалъ стихи, охотно игралъ на сценѣ, нравился дамамъ и чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, въ Россіи, гдѣ въ высшемъ обществѣ тогда господствовалъ Французскій языкъ. Онъ выѣхалъ изъ Парижа 22 Іюня 1775 года и, побывавъ въ Варшавѣ, пріѣхалъ 12 Августа въ Москву къ своему начальнику Жюинье (Juigné), человѣку скупому и права съ нимъ противоположнаго.

То было время, когда только что отпразднованъ былъ въ Москвѣ Кучукъ-Кайнаджискій миръ съ Портою и сдѣланы первые шаги къ приобрѣтенію Крыма. Слава окружала Екатерину. Въ концѣ предыдущаго года или въ началѣ 1775, сочетавшись въ Петербургѣ неоглашеннымъ бракомъ съ Потемкинымъ *), Екатерина прожила почти цѣлый годъ въ Москвѣ, а лѣто проводила въ старомъ дворцѣ царя Алексѣя Михайловича, въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ писала свое „Учрежденіе о

*) См. о томъ нашу статью въ „Русскомъ Архивѣ“ (1906, вып. 12).

губерніяхъ⁴⁾. Въ Москвѣ она жила на Волконкѣ въ домѣ князя Мих. Мих. Голицына, нынѣ принадлежащемъ его правнуку князю Сергѣю Михайловичу, дѣдъ-дядя котораго, тоже Сергѣй Михайловичъ, сказывалъ при мнѣ, что Екатерина въ память своего пребыванія въ этомъ домѣ подарила его отцу парчевые обои (которые, неизвѣстно, сохранились ли донынѣ). Домъ этотъ, стѣна со стѣною, сосѣдитъ съ домомъ, нынѣ принадлежащимъ господамъ Петрово-Соловово, а тогда принадлежавшимъ матери Потемкина. Въ домово́й Голицынской церкви были двѣ иконы, одна Великомученицы Екатерины, другая Григорія Провсвѣтителя: въ настоящее время этихъ иконъ мы уже не нашли въ этой церкви, но старику-сторожу было извѣстно, какъ онъ говорилъ намъ, о стѣнѣ, пробитой для удобства Потемкину навѣщать старуху-мать. Екатерина считала себя обязанной Г. Г. Орлову за восшествіе свое на Русскій престолъ, и она имѣла твердое намѣреніе выйти за него замужъ, чему помѣшались канцлеръ гр. Воронцовъ и негласный супругъ императрицы Елисаветы Петровны графъ А. Г. Разумовскій. Потемкину же Екатерина считала себя обязанною за прекращеніе Пугачевщины (этого наслѣдія царствованій предъидущихъ; сама же Екатерина гласно подняла вопросъ, еще за нѣсколько лѣтъ до Пугачевского бунта, о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ, а крестьянъ монастырскихъ, отобраніемъ ихъ въ государственную казну, спасла отъ жестокости чернаго духовенства. Она написала ему свое чистосердечное признаніе и вышла за него замужъ¹⁾).

Приводимъ выдержки изъ дневниковъ Корберона:

Суббота, 12—26 Августа 1775 г.

Пріѣхали мы въ Москву въ десять съ половиною часовъ вечера и долго проплутали по этому дьявольски-безконечному городу, который въ мѣсячномъ свѣтѣ показался мнѣ очень плохъ. Сомнѣваюсь, чтобы при свѣтѣ дня онъ былъ лучше. Дюранъ²⁾ встрѣтилъ насъ холодно. Я думаю, что онъ усталъ дожидаться маркиза Жюнье, человека равнодушнаго, и оба наши министра, поговоривъ съ четверть часа, уже не знали, о чемъ имъ говорить больше, пока, на выручку имъ, не позвали насъ къ ужину, я же очень проголодался. Помѣщеніе мнѣ и Пюи-Сегюрю³⁾ ствѣдено было версты за три или за четыре отъ помѣ-

¹⁾ Не знаемъ, сохранилась ли въ синодальномъ архивѣ брачная записъ; ее надо искать въ бумагахъ конца 1774 или начала 1775 года. Очень можетъ быть, что тогда же Потемкинъ сдѣлалъ какое либо приношеніе въ церковь конногвардейскаго полка, въ которомъ начался его поприще. П. Б.

²⁾ Предшественникъ маркиза Жюнье. П. Б.

³⁾ Военный агентъ при Русскомъ дворѣ, извѣстный позднѣе масонъ. П. Б.

иценія Дюрана. Это было въ родѣ гостинницы, содержимой нѣкимъ Дюфине. За неимѣніемъ постели онъ далъ намъ только матрацы, на одномъ изъ которыхъ я протянулся не раздѣваясь. Уже довольно привыкнувъ къ такому рода спанью, я все же не ожидалъ, что маркизь Жюинье до такой степени не позаботится о насъ. На другой день за обѣдомъ увидали мы князя Одоевскаго, который, какъ большинство Русскихъ, съ виду любезенъ, но въ сущности легкомысленъ и лживъ. Онъ владѣеть домомъ, въ которомъ жилъ Дюранъ и въ которомъ теперь будетъ жить маркизь Жюинье.

Однимъ изъ первыхъ иностранныхъ министровъ, кого я увидѣлъ, былъ Сольмсъ. Онъ простъ и холоденъ, но очень тонокъ. Живучи здѣсь уже пятнадцать лѣтъ, навъкъ онъ немножко въ Русскомъ языкѣ, что, конечно, облегчаетъ ему возможность бывать въ разныхъ кругахъ общества: онъ украшенъ орденами Прусскаго Чернаго Орла и здѣшняго Святого Александра.

Здѣсь на короткое время гоститъ любезный человѣкъ, Польскій генераль графъ Браницкій. Онъ очень пріятенъ въ обращеніи, толкуеть о дѣвицахъ, объ удовольствіяхъ и дѣлахъ со всею развязностію свѣтскаго Француза. Это одинъ изъ милыхъ распутниковъ, которые пользуются такимъ успѣхомъ. Пріѣхалъ онъ къ здѣшнему двору изъ-за нѣкоторыхъ дѣлъ, и воображаю, что переговоры ему удадутся: онъ созданъ для здѣшней страны.

Общественныхъ развлеченій въ Москвѣ немного. Комическая опера, помѣщающаяся въ довольно хорошей залѣ, плоховата. Я былъ въ Воксалѣ. Это большой садъ принадлежацій частному лицу, нанимаемый содержателемъ Воксала. Въ концѣ гульбища прудъ, на берегу котораго музыка; играютъ нѣсколько духовыхъ инструментовъ, каждый особымъ тономъ, это какъ-будто бы разчлененный органъ, довольно похожій на вечернюю игру Савояровъ на Парижскихъ улицахъ. Съ наступленіемъ сумерокъ садъ освѣщается лампами. На возвышеніи просторный покой, гдѣ танцуютъ и играютъ. Воксаль открытъ до 2-хъ часовъ утра; входная плата одинъ рубль.

Суббота 26 Августа. Императрица приняла маркиза Жюинье у себя въ кабинетѣ, и какъ она потомъ больше никого не принимала, то въ этотъ день мы не могли быть у нея¹⁾. Послѣ прогулки Пюи-Сегюръ, Комбъ²⁾ и я были въ Воспитательномъ домѣ: мнѣ очень пріятно

¹⁾ По Камерфурьерскому журналу видно, что Екатерина въ этотъ Успеневъ день пріѣзжала въ Москву изъ Царицына и послѣ обѣдни приняла Французскаго посланника Дюрана, уѣзжавшаго изъ Россіи и его замѣстителя маркиза Жюинье. П. Б.

²⁾ Секретарь маркиза Жюинье. П. Б.

было видѣть, въ какомъ порядкѣ содержится онъ, какъ вѣжливы дѣти и прочее. Я рассчитываю въ подробностяхъ разсмотрѣть это учрежденіе.

Воскресенье. 3 Сентября. Обѣдалъ я на дачѣ у князя Степана Куракина: онъ принялъ насъ съ простодушною любезностію, къ каковой Русскіе отменно способны, подражая намъ въ приемахъ и обхожденіи. Оттуда мы поѣхали въ садъ, гдѣ были хорошенькія женщины, между прочими дѣвица Корсакова, фizioномія которой меня поразила.

Воскресенье 10 Сентября. Вице-канцлеръ, графъ Остерманъ, въ полдень, представилъ Нюн-Сегюра и меня Ея Императорскому Величеству, и мы поцѣловали у нея руку. Она возвращалась изъ церкви, гдѣ торжествовался праздникъ ордена Святого Александра Невскаго. Эта Государыня имѣетъ видъ величественный, и на лицѣ у нея выраженіе благородства и любезности.

Нынѣшній дворецъ недавно устроенъ; это весьма искусное соединеніе деревянныхъ и каменныхъ домовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ; наружный входъ украшенъ колоннами; за прихожей очень большая зала, за которою другая тоже большая, въ которой Императрица принимаетъ иностранныхъ министровъ. Дальше слѣдуетъ еще болѣе просторная зала, она тянется въ длину всей постройки и состоитъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ посерединѣ колоннами; въ первой Императрица играетъ, а вторая служить для танцевъ.

Маркизь Юинне представилъ насъ графинѣ Румянцевой. Это мать поѣдоноснаго фельдмаршала, ей восемьдесятъ лѣтъ отъ роду; въ прекрасной старости своей она счастлива успѣхами сына своего и внука. Насъ представили также супругамъ графа Ивана Чернышева и фельдмаршала Захара Чернышева, ему самому и потомъ всѣмъ фрейлинамъ. Мы глядѣли, какъ въ тронной залѣ обѣдали Императрица и кавалеры ордена¹⁾ въ орденскихъ одеждахъ. Эта церемонія очень величава. За обѣдомъ играла музыка; я съ удовольствіемъ слушала, какъ пѣлъ кастратъ.

Мы обѣдали у графа Ласси²⁾. Какъ только я взошелъ, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что получилъ письмо отъ маркиза Вержена, въ которомъ этотъ министръ выражаетъ ко мнѣ свое участіе. Затѣмъ графъ Ласси объявилъ мнѣ, что я могу располагать его домомъ какъ своимъ и что онъ готовъ все для меня сдѣлать. Это очень меня обрадовало, такъ какъ мнѣ очень хотѣлось съ нимъ сблизиться. Императрица весьма къ нему благосклонна.

¹⁾ Александра Невскаго. Дневникъ ведется по новому стилю. П. Б.

²⁾ Испанскій посолъ. П. Б.

Послѣ обѣда мы были представлены Великому Князю и Великой Княгинѣ. Онъ малъ и тщедушенъ, но довольно красивъ: въ немъ что-то дѣтское, и онъ напоминаетъ собою молодого человѣка, котораго учать танцамъ и который старается понять указанія своего учителя. Великой Княгини не было на представленіи, ей пускали кровь въ предосторожность: она беременна. Балъ начался съ появленіемъ Императрицы и открытъ былъ Великимъ Княземъ. Ея Императорское Величество появилась на балу на одну только минуту. Она ушла на обрученіе дѣвицы Волконской съ однимъ Голицынымъ. Я танцовалъ съ дѣвицами Бибиковой и Бутурлиною, очень красивыми фрейлинами. Этихъ фрейлинъ отъ двѣнадцати до пятнадцати; онѣ воспитываются при дворѣ и имѣютъ отдѣльныя помѣщенія, гдѣ ихъ нельзя больше видѣть послѣ исторіи одной изъ нихъ съ Англійскимъ министромъ. Жалованья онѣ получаютъ по двѣ тысячи рублей, а при вступленіи въ супружество Императрица даетъ имъ двадцать тысячъ; таково же число и статей-дамъ. Онѣ носятъ на груди портретъ Императрицы, а фрейлины шифръ, и эти знаки отличія остаются у нихъ на всю жизнь.

Понедѣльникъ 11 Сентября. Маркизь Ююнье обѣдалъ у графа Ласси, который приглашалъ и графа Ивана Чернышова, но Императрица оставила его обѣдать у себя. Онъ въ милости, и думаютъ, что онъ, пожалуй, заступитъ мѣсто Панина.

Воскресенье 17 Сентября. Мы были при Дворѣ и видѣли графа Алексѣя Орлова, который покорилъ Крымъ. Это красавецъ, у котораго видъ Марса, а лице пріятное и благородное. Обѣдали мы по обычаю у графа Ласси; тамъ былъ г. Нормандецъ, секретарь посольства; третьяго дня вечеромъ возвратившійся изъ Петербурга, честный малый, на видъ простой. Онъ рассказывалъ намъ о Фальконетѣ, который, 4 числа этого мѣсяца, потерпѣлъ неудачу съ отливкою статуи Петра Перваго. Онъ не хотѣлъ предоставить оную распоряженіямъ Страсбургскаго отливщика и убѣдилъ Императрицу, что сдѣластъ это самъ. У него было на четыре тысячи пудовъ металлу, больше чѣмъ нужно; но оказалось не достаточно, а голова совѣтъ еще не готова. Говорятъ, что растопленный металлъ вытекъ въ щель, которой не замѣтили. Фальконетъ и еще нѣсколько человѣкъ получили легкія раны, и ему нездоровится отъ потрясенія и конечно отъ горя. Увѣряютъ, однако, что голову можно будетъ соединить съ туловищемъ; по другимъ отзывамъ не только голова Петра Перваго, но и голова лошади еще не отлиты.

Воскресенье 1 Октября. Большое торжество при Дворѣ, по поводу дня рожденія Великаго Князя. Императрица не появлялась за недомо-

ганиемъ. Вечеромъ былъ балъ: я не танцевалъ и даже уѣхалъ до окончанія бала.

Вторникъ 3 Октября. День коронаванія Императрицы. Большое торжество, но ея мы не видали: у нея продолжается легкая лихорадка. Обѣдали мы у графа Остермана. Вечеромъ балъ и ужинъ у Великой Княгини, гдѣ былъ маркизь Жюинье.

Понедѣльникъ 9 Октября. Маркизь Жюинье сегодня утромъ съ графами Ласен и Сольмсомъ уѣхалъ въ Ярополчу, имѣніе фельдмаршала Чернышева, который принимаетъ тамъ Великаго Князя.

Вторникъ 11 Октября. Я показывалъ Мартену журналъ мойя поѣздки въ Ярославль: онъ похвалилъ его и увѣряетъ, что если Императрица узнаетъ о немъ, то прочтетъ съ удовольствіемъ.

Воскресенье 15 Октября. Ночью пріѣхалъ маркизь Жюинье, весьма довольный своимъ путешествіемъ; онъ говорилъ мнѣ о Великомъ Князѣ и о Великой Княгинѣ. По его словамъ у Великаго Князя не сложился еще характеръ, что и не трудно замѣтить. Великая Княгиня зрѣла его, но оба не любятъ Русскихъ и не довольно скрываютъ то, чѣмъ ослабляется нѣсколько общественное къ нимъ уваженіе. Приходилъ ко мнѣ аббатъ и съ испуганнымъ видомъ спрашивалъ, слышалъ ли я пушечный выстрѣлъ, раздавшійся по закатѣ солнца: я отвѣчалъ, что слышалъ что-то такое, но причина мнѣ неизвѣстна. Онъ увѣряетъ, что въ народѣ большое возмущеніе противъ Императрицы и Потемкина, что ежедневно хватаютъ воровъ и что тутъ послѣдствія Пугачевского бунта. Это можетъ быть правда, но онъ не могъ меня убѣдить въ томъ, будто Пугачевъ еще не взятъ. По словамъ аббата казненъ не онъ, а одинъ изъ его соучастниковъ, котораго выдали за Пугачева. Аббатъ говорилъ также о возможности войны у Русскихъ съ Австрійцами и Шведами: этому я также не вѣрю. Конечно, Императрица довольно суетна для того, чтобы завидовать Венгерской королевѣ, но по своей гордости и просвѣщенію не захочетъ съ нею ссориться въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Среда 18 Октября. Сегодня утромъ съ маркизомъ Жюинье и Пюи-Сегюромъ ѣздили мы смотрѣть домъ графини Бутурлиной, отвѣденный Турецкому послу. Оттуда поѣхали въ домъ Загряжскаго смотрѣть на въѣздъ посла. Онъ ѣхалъ на лошади, окруженный большою свитою. Замѣчательны только ручныя лошади, которыхъ вели въ подарокъ: тутъ была толпа челоуѣкъ въ пятьсотъ.

Четверъ 19 Октября. Мы съ Пюи-Сегюромъ были у Панина смотрѣть на аудіенцію посла, который туда пріѣхалъ на придворныхъ

лошадяхъ. У министра было довольно значительное число гусаровъ. два Турка вели посла подъ руки. На лѣстницѣ и въ прихожихъ комнатахъ стояла въ ливреяхъ прислуга министра иностранныхъ дѣлъ. Въ первой комнатѣ также находилась прислуга, во второй чины Иностранной Коллегіи. Панинъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ съ шапкою на головѣ, которую онъ не снималъ, такъ какъ и посоль былъ въ турбанѣ. Въ глубинѣ этой комнаты стояло два кресла, на которыхъ они оба возсѣли. Разговоръ шелъ съ достоинствомъ. Турокъ, лѣтъ шестидесяти отъ роду, говорилъ очень прилично и даже остроумно. Ему подали плодовъ и конфетъ, и онъ удалился, передавъ Панину два письма отъ великаго визиря: одно къ Императрицѣ, другое къ нему, и обонмъ по платку.

Суббота 21 Октября. Утромъ, въ половинѣ десятаго, ѣздила я ко Двору смотрѣть на аудіенцію Турецкаго посла. Мы прождали довольно долго, она происходила въ залѣ съ Кремлевскими столбами. Тронъ былъ устроенъ въ углу залы. Въ половинѣ второго возсѣла на него Императрица. Близъ нея находились придворные чины. Вводилъ посла графъ Брюсъ. Когда Турецкое превосходительство прибыло, Абдуль-Керимъ-эфенди, Румелійскій берлербей, стоя въ шести шагахъ отъ Ея Императорскаго Величества, отдалъ поклонъ, двинувшись впередъ, поклонился вторично и, будучи уже близъ трона, нѣсколько минутъ произносилъ рѣчь, которую толмачъ переводилъ порусски. Императрица отвѣчала на нее съ достоинствомъ и граціею, и затѣмъ внесены были подарки, состоявшіе изъ платковъ, эссенцій, благовоній и т. п.; ихъ положили на столъ, передъ которымъ стоялъ графъ Остерманъ, направо отъ трона, а налѣво въ такой же позѣ находился виночерпій Нарышкинъ. Потемкинъ стоялъ поодаль, Императрица нѣсколько разъ улыбалась глядя на него. Оттуда поѣхали мы къ госпожѣ Соловой*); но тамъ обѣдали: церемонія съ посломъ длилась до 4-хъ часовъ. Я забылъ сказать, что на аудіенціи статсъ-дамы и фрейлины стояли на право отъ трона, а съ боку отъ нихъ, ближе къ Императрицѣ, иностранные министры. На лѣвой сторонѣ находился Московскій архіепископъ Платонъ. Великій Князь и Великая Княгиня глядѣли на церемонію сверху изъ внутренняго окна залы, гдѣ они сидѣли въ ложѣ.

Среда 25 Октября. Утромъ мы осматривали сокровища Кремля. Тамъ много богатства въ вазахъ и въ украшеніяхъ, ушитыхъ жемчужомъ и драгоценными камнями. Мы видѣли прекрасную чашу, которую Императрица Екатерина Вторая сама поставила въ алтарь, какъ

*) Это была Французенка, любовница г-на Соловова.

приношеніе благодарности за состоявшійся миръ; она усыпана драгоценными каменьями и преимущественно рубинами. Тутъ же Евангеліе великолѣпно украшенное брилліантами. Въ одной изъ залъ стоитъ двойной серебряный тронъ 1682 года двухъ братьевъ, Петра и Іоанна Алексѣевичей, которые царствовали вмѣстѣ.

Турецкій посоль былъ въ театрѣ. и мы зачумѣли отъ его табачнаго дыму.

Въ неходѣ Октября Корберонъ ѣздилъ, вѣроятно для собиранія свѣдѣній о торговлѣ, въ Ярославль и описалъ эту поѣздку въ прозѣ и въ стихахъ. Въ свою очередь Шведскій посланникъ Нолькенъ описалъ также въ стихахъ поѣздку въ Ярополець, и Корберонъ поправлялъ ему эти Французскіе стихи его.

26 Октября. Я ѣздилъ къ графу Шувалову и къ его супругѣ. Меня приняли, какъ нельзя лучше. Графъ прочелъ мнѣ сто стиховъ. невзначай сказанныхъ Вольтеромъ, а въ прозѣ повѣсть Камальдюль, что доставило мнѣ большое удовольствіе; они просили меня у нихъ поужинать, но клубъ переманилъ меня: я тамъ танцевалъ до часу утра.

Корберонъ рассказываетъ, какъ онъ навязывалъ графинѣ Чернышевой блонды, привезенныя изъ Франціи его слугою.

9 Ноября. Мы обѣдали у графа Потемкина; онъ намъ показывалъ стальныя Тульскія издѣлія отмѣнной красоты съ тонкими позолочеными украшеніями.

16 Ноября. Въ 9 часовъ ѣздилъ я ужинать къ графинѣ Шуваловой; мужъ ея читалъ намъ нѣсколько очень хорошихъ трагическихъ отрывковъ, но онъ читаетъ всегда съ претензіями.

23 Ноября. День клуба. Я тамъ встрѣтилъ чудака, состоящаго адъютантомъ при фельдмаршалѣ Чернышевѣ; это человекъ надутый самолюбіемъ, клеветникъ по привычкѣ и никого кромѣ себя не любящій; онъ обо всѣхъ отзывается дурно, кромѣ фельдмаршала. Зовутъ этого господина Мезіеръ (Mezières). Онъ хвалитъ его за доброту, но такъ, что можно подумать, что тотъ дѣлаетъ все, что угодно Мезіеру.

Пятница 24 Ноября. Обѣдалъ я у графа Ласси, а вечеромъ былъ у князя Волконскаго; это отецъ невѣсты того князя Голицына, который былъ убитъ нѣкимъ Лавровымъ и котораго завтра хоронятъ. Исторія весьма запутанная и необыкновенная. Нѣсколько времени тому назадъ, князь Голицынъ ударилъ палкой офицера Шепелева: тотъ оставался спокоенъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ покинулъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ и, пріѣхавъ въ домъ князя Голицына въ Москвѣ, потребовалъ отъ него удовлетворенія, и тутъ же далъ ему

пощечину. Князь велѣлъ его вывести, и дѣло какъ будто этимъ кончилось. Всѣ были удивлены тѣмъ, что князь Голицынъ не захотѣлъ драться; но онъ возражалъ, что ему не подобаешь выходить на поединокъ со своимъ подчиненнымъ. Наряженъ судъ. Шепелеву велѣно оставить Дворъ, а князю Голицыну выходить въ отставку. Пущенъ былъ слухъ, что князь Голицынъ будетъ драться съ Лавровымъ, который яко бы настроилъ Шепелева. Лавровъ обратился къ нему съ вопросомъ, съ какой стати онъ про него это выдумалъ? Князь рѣзко отвѣчалъ ему и вызвалъ его драться на пистолетахъ; но на мѣстѣ поединка пистолеты были заряжаемы медленно, и Лавровъ, пользуясь этимъ, сталъ оправдываться и отрицать все, въ чемъ его обвинялъ князь Голицынъ, который, раздраженный замедленіемъ, напалъ на своего противника со шпагою въ рукѣ. Лавровъ также нанесъ ему двѣ раны шпагою, отъ которыхъ онъ и умеръ черезъ нѣсколько времени.

Воскресенье 26 Ноября. При Дворѣ былъ маскарадъ. Въ Турецкой кадрили участвовали Императрица и Потемкинъ. Вождельніе и усталость на ихъ лицахъ.

Суббота 2 Декабря. Въ одиннадцать съ половиною часовъ мы съ маркизомъ Жюинье доѣхали до Тулы и помѣстились у богатаго и добродушнѣйшаго купца. Маркизу дали постель, а я спалъ на диванѣ. Въ 9 часовъ утра мы поѣхали къ коменданту города. Это толстый Русакъ не знающій пофранцузски, но веселый и держащійся старинны. Мы осматривали мастерскія. Это учрежденіе довольно значительное на берегу рѣки Упы; издѣлія напоминаютъ собою красною отдѣлкою Англійское производство, но сталь не такъ крѣпка, и полировка ея могла бы быть лучше. Въ магазинѣ на этотъ разъ было немного тонкихъ издѣлій, но намъ показывали прекрасную шпагу, которую началъ отдѣлывать графъ Иванъ Чернышевъ. Потемкинъ приказалъ дать маркизу Жюинье чтò ему наиболѣе понравится: онъ взялъ карабинъ. Затѣмъ мы были въ церкви прекрасно и своеобразно украшенной. Тамъ пѣли молебень въ память привитія оспы Императрицею. Палили изъ пушки и проч. За обѣдомъ было много народу. Къ главнымъ нашимъ сотрапезникамъ присоединился епископъ, который при входѣ всѣхъ благословлялъ. У него цѣловали руку даже двѣ дамы. Хозяинъ дома напоминаетъ нашихъ старинныхъ дворянъ веселостью, но у него въ пріемахъ больше изысканности, и видна склонность къ роскоши. чѣмъ въ особенности отличается Русскій народъ: только, можетъ быть, у однихъ Русскихъ крестьянки бѣлятся и румянятся. Обѣдъ нашъ прошелъ по старинному, т. е. пили за здоровье Императрицы и Ихъ

Императорскихъ Высочествъ. При епископѣ былъ архимандритъ или аббатъ, начальствующій надъ монахами: онъ не сказалъ ни слова, но не пропустилъ ни одного здоровья. Въ 5 часовъ возвратились мы въ наше помѣщеніе, гдѣ насъ навѣстилъ комендантъ. По счастью, это было недолго, и въ 6 часовъ мы поѣхали обратно въ Москву.

9 Декабря. У гетмана Разумовскаго Корберонъ познакомился со вторымъ сыномъ его графомъ Андреемъ Кирилловичемъ, который вскорѣ уѣхалъ съ Великимъ Княземъ въ Петербургъ и которому Корберонъ написалъ стихи въ день его ангела.

18 Декабря. За обѣдомъ у гр. Панина была княг. Дашкова. Я прилежно наблюдаю за этою женщиною, говорить Корберонъ; она прославилась своимъ участіемъ въ переворотѣ, своимъ характеромъ и честолюбіемъ, благодаря которому она поссорилась съ боявшеюся ея Императрицею. За обѣдомъ она говорила мало, можетъ быть ради насъ, потому что она терпѣть не можетъ Французовъ, а любитъ Англичанъ. Она скоро уѣзжаетъ въ Ирландію, гдѣ останется нѣсколько времени со своимъ сыномъ, воспитаніе котораго она поручаетъ Юму.

20 Декабря. За обѣдомъ у графа Брюля говорили о разныхъ обычаяхъ, о томъ, что въ Россіи передъ ѣдою пьютъ рюмку водки, а сладкое ѣдятъ уже по выходѣ изъ-за стола. Это сладкое всё ѣдятъ одною и тою же ложкою, не вытирая ея; за здоровье пьютъ одинъ за другимъ изъ одной и той же посуды, которая переходитъ отъ одного сотрапезника къ другому, и каждый оставляетъ въ стаканѣ немного вина, которымъ брызгаетъ въ своего сосѣда.

Съ 26 по 30 Декабря. Французское посольство въ дорогѣ на пути въ Петербургъ, т. е. проѣхало 735 верстъ. На каждой верстѣ прибита дощечка съ означеніемъ нумера.

1776 годъ *).

Четвертъ 4 Января 1776 г. Двициъ Брессоль.

Я ѣлъ и пилъ часть дня, какъ бы въ кабацѣ. Да мы, дѣйствительно, были въ кабацѣ. Я долженъ вамъ сказать, что здѣсь мало знакомы съ развлечениями, но одно изъ самыхъ любимыхъ, это устройство пикниковъ. Прокатятся туда и обратно въ саняхъ и воображаютъ, что повеселились. Въ двухъ верстахъ отъ Петербурга, на Невѣ, есть очень красивый островъ, Каменноостровскій. Великій Князь, коему онъ принадлежитъ, собирается строиться на немъ. Содержатель разрѣшеннаго

*) Въ этомъ году вмѣсто дневника мы имѣемъ письма Корберона во Францію къ брату, къ матери и къ знакомымъ.

на этомъ островѣ ресторана Французъ Готье¹⁾). У него все хорошо; обѣдъ обошелся намъ въ 4 р. 75 к., т. е. приблизительно на наши деньги въ луддоръ; но было холодновато: на дворѣ 19⁰ морозу. Переѣздъ черезъ Неву по льду понравился мнѣ больше всего въ этомъ пикникѣ. Эта чудная рѣка, протекая черезъ столицу Имперіи Русской, очень способствуетъ къ ея украшенію. Шириною она по крайней мѣрѣ вдвое больше Сены.

Суббота 6-ое Января 1776 г. Къ брату.

Сегодня вечеромъ я былъ съ Нормандцемъ у Штелина, секретаря Академіи, для передачи ему одной книги отъ доктора Жибелина. Я былъ самаго высокаго мнѣнія о Штелинѣ, а онъ оказался какимъ-то оригиналомъ съ немного смутными познаніями; впрочемъ, большой говорунъ и порядочный человѣкъ. Въдъ болтуны всегда хорошіи народъ. Мнѣ сообщили о назначеніи камергера Нарышкина губернаторомъ въ одну изъ Бѣлорусскихъ губерній. Государыня подписала этотъ указъ сегодня, по прибытіи своемъ въ Петербургъ.

Воскресенье 7 Января 1776 г. Къ нему же.

Я былъ сегодня утромъ во дворцѣ, къ цѣлованію руки Ея Величества²⁾). Ея Петербургскій дворецъ очень большой; но по наружному его виду въ немъ больше великолѣпія, чѣмъ вкуса. Передъ нимъ большая площадь. Но меня удивило, что нужно подыматься очень высоко, войдя во дворецъ. Нормандецъ, выказывающій мнѣ большую дружбу, познакомилъ меня съ г-омъ Бемеромъ, президентомъ по торговымъ дѣламъ Нѣмецкихъ подданныхъ.

Отъ него я поѣхалъ къ графу Андрею, который еще утромъ присылалъ просить меня побывать у него, такъ какъ онъ, изъ за принятаго лекарства, сидитъ дома. Графъ Андрей, дѣйствительно, человѣкъ съ сердцемъ; но его образъ жизни мѣшаетъ развитію его чувствительности, которою пользуются только его самые закадычные друзья. Мы поговорили съ нимъ о нашихъ страстишкахъ, и онъ очень заинтересовался моимъ рассказомъ о нѣкоторыхъ изъ моихъ любовныхъ приключеній.

Понедѣльникъ 8 Января 1776 г.

Былъ сегодня у Фальконэ и побесѣдовалъ съ нимъ часа два. Онъ говорилъ мнѣ о своемъ переводѣ Плинія, страшно раскритикованномъ.

¹⁾ Можетъ быть предокъ столь извѣстнаго Москвѣ книгопродавца Владимира Ивановича Готье. П. Б.

²⁾ По Камерфурьерскому журналу, Екатерина въ ночь съ 23 на 24-е Декабря возвратилась изъ Москвы, гдѣ она провела почти цѣлый годъ. П. Б.

Онъ возражалъ съ увѣренностію, но въ тоже время воспользовался многими, въ чемъ его упрекали. Онъ одолжилъ мнѣ для прочтенія экземпляръ этого перевода съ его собственноручными замѣтками. Онъ собирается, кажется, выпустить новое его изданіе. Я сообщу тебѣ мое мнѣніе объ этой книгѣ.

Вторникъ 9-ое Января 1776 г.

Вмѣстѣ съ моимъ сегодняшнимъ письмомъ. № 7, ты получишь письмо мое къ матушкѣ, къ г-жѣ де Жюнье. Писалъ еще въ Москву, князю Долгорукому, камергеру Ея Величества. Онъ достойнѣйшій и добрый малый, постоянно выказывавшій мнѣ много хорошаго. Онъ мягкаго и добраго нрава, такъ какъ влюбленъ, а ты знаешь, что для меня это вѣрный признакъ. Но я не завидую его побѣдѣ: графини Чернышева, жена Захара Чернышева, и не красива и того еще менѣе добра *).

Вторникъ 9 Января 1776 г.

Помнишь-ли, милый другъ, о томъ большомъ камнѣ, привезенномъ въ Петербургъ изъ Финляндіи? Эта огромная скала назначалась для пьедестала статуи Петра I и должна была остаться въ своемъ натуральномъ видѣ, а Фальконэ нашелъ, что она слишкомъ велика и велѣлъ отсѣчь отъ нея часть. Теперь сплетники истолковываютъ дѣйствіе Фальконэ тѣмъ, что онъ боялся, какъ бы пьедесталъ не привлекалъ больше вниманія, чѣмъ сама статуя Петра. Но я не считаю его способнымъ къ такому мелкому чувству.

Среда 10 Января 1776 г.

У меня былъ сегодня одинъ господинъ, толстый, на короткихъ ногахъ, живой старикашка и большой болтунъ, а именно шевалье Дюмениль, Французъ, которыми здѣсь хоть прудъ пруди. Онъ учителемъ у князя Трубецкаго, много путешествовалъ и воображаетъ себя очень знающимъ въ искусствѣ лечить.

Четвертъ 18 Января 1776 г.

Сегодня утромъ были торжественныя похороны вдовы канцлера Воронцова. Ты слышалъ, мой другъ, объ обрядѣ на счетъ паспорта, который вкладываютъ въ руки покойнику, для предьявленія его Апостолу Петру; обычай этотъ и по сіе время соблюдается въ точности. По этому ты можешь судить объ успѣхахъ философіи въ Имперіи. Недалеко она ушла и въ отношенія нравственности.

*) Это графиня Анна Родіоповна, племянница одного изъ пособниковъ Екатерины II-й Ш. Б. Пассека. Ш. Б.

Среда 24 Января 1776 г.

Я объѣдалъ сегодня у Ивана Чернышева. гдѣ умиралъ со скуки. Жена его глупа; но онъ хуже того, такъ какъ въ полномъ смыслѣ слова царедворецъ, и въ ихъ домѣ полное отсутствіе непринужденности.

Пятница 26 Января 1776 г.

Вотъ, наконецъ. и я, по примѣру прочихъ, плачѹсь насморкомъ. мой другъ, послѣ того, что вышелъ около полудня сдѣлать кое-какіе визиты и потомъ ѣздилъ на обѣдъ къ г-ну Рибасу, въ Кадетскій Корпусъ, и это въ 29^о мороза, о которомъ во Франціи не могутъ себѣ составить и понятія. Рибасъ молодой Итальянецъ, директоръ Кадетскаго Корпуса. На рѣдкость честный и образованный. Послѣ обѣда собралось нѣсколько кадетъ, всѣ очень хорошо державшіеся. Мы слушали ихъ игру на фортеціано. Не знаю, не слишкомъ ли многому ихъ обучаютъ, во вредъ одного предмета противъ другаго. и не дается-ли предпочтеніе пріятному передъ полезнымъ. Въ числѣ этихъ молодыхъ людей я видѣлъ одного двадцатилѣтняго кадета. который, говорятъ, чудный актеръ. хорошій музыкантъ и не дурно рисуетъ, а при этихъ талантахъ обладаетъ очень рѣдкимъ качествомъ, замѣчательною скромностію. Я разумею фамилію этого молодаго челоувѣка и еще другаго. помоложе его. котораго считаютъ сыномъ Императрицы.

Суббота 27 Января 1776 г.

Въ числѣ многихъ посѣтившихъ меня сегодня былъ шеваляе Козимо Марі, Итальянецъ изъ Пизы, путешествующій для собственнаго удовольствія. По наружности онъ не далекъ, но разговоръ полонъ всякаго рода занимательности. Лицомъ чистый Итальянецъ (смѣйся, но это совершенно вѣрно), большой носъ, а къ тому же его выдаетъ произношеніе. Онъ былъ очень близокъ съ Орловыми и сохранилъ дружескія отношенія съ Алексѣемъ, что ему принесло немало выгодъ. Мы говорили о случаѣ, возвысившемъ братьевъ Орловыхъ и какъ своею удивительною дружбою они поддерживали другъ друга. Ты вѣдь знаешь, что въ 1771 г., тайными интригами графа Панина, Григ. Орловъ, фаворитъ, былъ удаленъ отъ Двора съ соблюденіемъ извѣстныхъ приличій; но, тѣмъ не менѣе, это была опала, которая сдѣлалась бы окончательною, не заступись за Григорія его братъ Иванъ, употребившій всѣ средства, чтобъ оправдать его въ глазахъ Императрицы во взведенныхъ на него напраслинахъ. Онъ, тотчасъ же послѣ этого, былъ вновь призванъ ко Двору; мнѣ обѣщали писемъ Екатерины по этому поводу. Вернувшись въ концѣ 1771 г., Григорій Орловъ осыпалъ милостіями своихъ враговъ: для Панина выхлопоталъ фельдмаршальскій жезлъ и мн. др. Но, для возстановленія своего здоровья, онъ

вновь предпринялъ рядъ путешествій. объѣздилъ всю Италію, Германію, и теперь еще гдѣ-то путешествуетъ, но вернется скорѣе, чѣмъ ожидаютъ. Вотъ, дорогой братъ, что я узналъ отъ Козимо Маріи. Онъ сказалъ мнѣ еще, что Григорій состоитъ въ бракѣ съ Императрицей, что онъ все еще въ милости, а что его неблагодарной креатурѣ Потемкину недолго сохранять свой фаворъ. Потемкину на дняхъ пожаловано Императрицей 16 тысячъ душъ, каждая изъ которыхъ можетъ ему приносить по 5 р. въ годъ. Но, поговариваютъ, что эта милость знакъ скорой его опалы. Я право не знаю, вѣрять-ли всему, что сообщилъ мнѣ мой Итальянецъ, другъ Орловыхъ. Время разъяснить все.

Понедѣльникъ 29 Января 1776 г.

Вчера графъ Сакромозо былъ принятъ Ея Величествомъ въ прощальной аудіенціи и получилъ изъ ея рукъ прекрасную табакерку осыпанную брилліантами, и кромѣ того 5 тыс. рублей, обыкновенно получаемые послами при ихъ отозваніи, хотя онъ не занималъ никакой должности. Онъ тотчасъ же уѣзжаетъ въ Варшаву. Графъ Сакромозо человекъ достойнѣйшій и вполне порядочный, съ большими познаніями, философъ, а его любезность дѣлаетъ знакомство съ нимъ очень пріятнымъ. Сегодня вечеромъ пріѣхалъ Штапельбергъ, Русскій посланникъ въ Польшѣ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ сдѣланный посломъ. Вѣроятно, тутъ дѣло о соглашеніяхъ касательно Польши: не помѣшалъ бы только принцъ Генрихъ Прусскій, а собственно Императрица съ самыми лучшими намѣреніями и готова отказаться отъ части, доставшейся ей по раздѣлу, что поставитъ короля Прусскаго въ порядочное затрудненіе.

31 Января 1776 г.

А я былъ правъ, дорогой другъ, поступая осторожно съ Фальконэ. Трудно ладить съ людьми требовательными: нужно дѣйствовать на ихъ слабую сторону, въ настоящемъ случаѣ на тщеславіе, на которомъ я и играю. Онъ человекъ умный, поэтому я постарался незамѣтно для него самого заставить его поддаться моимъ пріемамъ и получилъ возможность слѣдовать за нимъ во всемъ. Прежде всего я говорилъ съ нимъ объ искусствахъ. Потомъ, онъ далъ мнѣ прочесть свой переводъ Плинія, что я и сдѣлалъ, чтобъ быть въ состояніи выдержать съ нимъ разговоръ объ этой книгѣ, и это мнѣ вполне удалось. Господину Нью-Сегюру, имѣвшему это сочиненіе въ рукахъ, но не прочитавшему его, пришлось выслушать рѣзкое замѣчаніе отъ писателя, поймавшего его врасплохъ. Этотъ Фальконэ—чудакъ, требовательный и опасный по отношенію тѣхъ, кого онъ почему либо не взлюбитъ.

Подъ его большею скромностью скрывается еще большее самомнѣніе, плащъ Діогена, маскирующій гордость философа.

1-ое Февраля 1777 г.

Во время моего утренняго одѣванія, меня посѣтилъ кавалеръ де-Серестъ, живущій у князя Трубецкого. Еще одинъ Французъ, которыхъ здѣсь и такъ несмѣтное количество. Къ обѣду пріѣхалъ баронъ Нолькенъ. Сей послѣдній рассказывалъ о томъ, какъ привольно живетъ въ деревнѣ у Шведскаго короля, гдѣ этикетъ настолько простъ, что каждый имѣетъ право сидѣть передъ нимъ и королевою. Вообще, непринужденность, которая царитъ при этомъ дворѣ и характеръ его властелина, дѣлаютъ жизнь тамъ необычайно пріятною. Возвратившись домой, я былъ крайне удивленъ, увидѣвъ у себя кавалера де Порталиса. Онъ мнѣ сообщилъ, что, судя по распространеннымъ въ Москвѣ слухамъ, тамъ ожидаются большія перемѣны: предполагается отставка Потемкина и возвращеніе князя Григорія Орлова.

3 Февраля 1776 г.

Мнѣ передавали, будто г. Бецкій былъ недоволенъ Фальконэ за то, что послѣдній урѣзалъ знаменитый камень, предназначенный для подножія статуѣ Петра Великаго. Вотъ какъ было дѣло. Этотъ громадный камень, напоминавшій неуклюжую глыбу и совершенно несоотвѣтствовавшій идеѣ Фальконэ ни своей формою, ни своей невѣроятной длиною (19—20 футовъ), не могъ служить подножіемъ статуѣ, не будучи укороченнымъ. Помимо этого обстоятельства для памятника требовалась наклонная плоскость, а на верхней части этой массы образовалась косая трещина, причиненная, какъ говорятъ, молніей, но существовавшая еще до перевозки камня. Скульпторъ отдѣлилъ верхнюю часть камня и воспользовался ею для выполненія наклона, приложивъ этотъ кусокъ къ краю глыбы. Но этотъ кусокъ, вдаваясь въ камень снизу, придавалъ ему некрасивое очертаніе. Это и дало поводъ къ клеветѣ, по утвержденію которой Фальконэ укоротилъ камень изъ чувства неприязни къ г. Бецкому, а затѣмъ принужденъ былъ опять удлинитъ его для выполненія проекта памятника. Вотъ какъ ужасно злословятъ въ этой странѣ! Мнѣ хотѣлось правильно освѣтить это дѣло, что мнѣ вполнѣ и удалось по отношенію кавалера де Ласкариса, который лично привезъ этотъ камень, вѣдствіе чего именно ему, а никакъ не г. Бецкому, принадлежитъ слава доставки послѣдняго. Мнѣ кажется, что кавалеръ де Ласкарисъ ничего не имѣлъ противъ поступка Фальконэ, который считается его другомъ. Я замѣтилъ, напротивъ, что онъ былъ сильно возмущенъ той несправедливостью и злобой, съ которыми здѣсь стараются умалитъ достоинство талантливыхъ иностранцевъ,

безъ которыхъ Русскіе не могутъ обойтись и которыхъ они ненавидятъ по своей мелочности и недостойной зависти.

4-го Февраля 1776 г. Маркизь де Бреанъ.

Совсѣмъ забылъ, что я обѣщаль дать вамъ полное описаніе проведеннаго дня. Обѣдалъ я у гр. Потемкина. Онъ показалъ намъ галерею Императрицы. Послѣдняя изобилуетъ картинами, которыя, къ сожалѣнію, не производятъ должнаго впечатлѣнія, такъ какъ очень невыгодно расположены. Галерея не имѣетъ достаточнаго пространства, она слишкомъ узка. вслѣдствіе чего картины сильно проигрываютъ. Окна устроены недостаточно высоко или, вѣрнѣе, свѣтъ падаетъ слишкомъ низко. Это самыя обыкновенныя окна, размѣщенныя совершенно иначе, нежели въ Кассельской галерей. Здѣсь я съ трудомъ разсмотрѣлъ картину Грѣза „Разслабленный“. Она сильно выцвѣла, не производитъ впечатлѣнія и, вообще, совершенно потеряла свою первоначальную цѣнность. Отсюда мы отправились въ Эрмитажъ. Это небольшіе покои Ея Императорскаго Величества. Въ ея присутствіи тамъ дышется необыкновенно свободно; не чувствуешь ни малѣйшаго стѣсненія, сядишь, гдѣ хочешь. На особомъ щитѣ красуется изреченіе, которое накладываетъ на все окружающее печать почтительной простоты*). За отсутствіемъ дѣйствительности приходится довольствоваться иллюзіей. Я съ удовольствіемъ отмѣтилъ на каминѣ этого покоя бюстъ Дидеро, выточенный изъ мрамора рѣзцомъ дѣвицею Коллѣ, ученицею Фальковнѣ. Онъ превосходно выполненъ и поражаетъ удивительнымъ сходствомъ. Неподалеку отъ этихъ покоевъ расположены теплицы, по осмотру которыхъ мы слушали концертъ съ участіемъ знаменитаго Поллѣ, приглашеннаго сюда на окладъ въ 400 р. въ годъ.

7-го Февраля 1776 г. Къ брату.

Академія, которую я посѣтилъ сегодня утромъ, имѣетъ нѣсколько залъ. Мы начали съ осмотра бібліотеки, которая оставляетъ желать многого. Она состоитъ изъ 40,000 томовъ, изъ которыхъ 14,000 были взяты въ Польшѣ у князя Радзивила. Намъ показали первую напечатанную въ Москвѣ книгу 1562 года. Она напечатана Русскими на прекрасной, плотной, какъ говорятъ, Англійской бумагѣ, довольно четкимъ шрифтомъ и хорошими типографскими чернилами. Мы видѣли также первую лѣтопись Русской исторіи, составленную однимъ Кіевскимъ монахомъ въ концѣ XI-го вѣка. Тамъ попадаются исполненныя перомъ раскрашенныя виньетки, съ немного странными рисунками

*) „Гозійка здѣшніи мѣсть не терпѣть принужденіе“. Эта надпись подъ стекломъ, кажется, и по сію пору у входа въ эрмитажный театр. П. В.

того времени, когда искусство даже въ Италіи приходило въ упадокъ. Кажется, Иераромъ она была переведена на Нѣмецкій языкъ. Авторомъ этой лѣтописи, написанной, насколько мнѣ извѣстно, на Славянскомъ языкѣ, является монахъ, по имени Несторъ.

10-го Февраля 1776 г.

Сегодня, мой другъ, я вторично посѣтилъ Академію Наукъ. Намъ показали отдѣлъ медалей и монетъ; послѣднія особенно многочисленны. Среди нихъ много Арабскихъ. Мы видѣли тамъ медаль, вычеканную въ честь Петра I-го въ Парижѣ, по случаю осмотра имъ Монетнаго двора. Тамъ имѣется еще цѣлый рядъ медалей съ изображеніемъ патриарховъ. Тамъ хранятся также рѣдкія древнія вещи, найденныя въ Сѣверной части Сибири, между Камой и Самарой, въ могилахъ Татаръ. На ряду съ ними вы видите великолѣпную чашу, подаренную женѣ Петра I-го Датскою королевою. Она вся изъ чистаго золота: на поверхности ея вдѣланы рѣдкія украшенія, чудные камни, драгоценныя камен. Тамъ имѣется также собраніе образцовъ минералогіи, кусковъ мрамора, камней и ископаемыхъ Сибири. Обращаетъ на себя особое вниманіе кусокъ Норвежской серебряной руды, подаренный Петру I-му. Этотъ кусокъ настолько чистъ отъ примѣсей, что изъ него чеканили монеты, не плавя металла. Мы закончили наше посѣщеніе осмотромъ громаднаго шара, имѣющаго 11 футовъ въ діаметрѣ: внутри его могутъ помѣститься 12 человекъ. Я сѣлъ въ него вмѣстѣ съ другими, и шаръ началъ вращать соотвѣтственно движенію земли.

15-го Февраля 1776 г. Къ невесткѣ.

Сегодня я посѣтилъ принца Ангальтскаго, и мы сдѣлали вмѣстѣ прогулку по городу. Онъ сообщилъ мнѣ, что Императрица дала графинѣ Воронцовой, бывшей когда-то любовницею Петра III-го, 45000 р. для уплаты ея долговъ, любезно упрекнувъ графиню за то, что она раньше не прибѣгла къ ея помощи. Кромѣ того, Ея Величество посылаетъ 15,000 р. для выкупа заложенныхъ брилліантовъ графини и въ то же время отказываетъ въ двухъ-стахъ душахъ крестьянъ ея сестрѣ, княгинѣ Дашковой, той самой, которой Екатерина II обязана короною.

16-го Февраля 1776 г. Къ брату.

Я ужиналъ у жены графа Ивана. Графъ рассказывалъ во время ужина о великолѣпн Императрицы въ ея парадномъ одѣяніи. Это было сказано по поводу портрета Ея Величества, который рисуетъ въ настоящее время Росленъ. Описывалось платье, въ которомъ Императрица принимала на аудіенціи осенью Турецкаго посла. Кромѣ другихъ драгоценностей, оно было украшено 4.200 крупныхъ жемчу-

жизнь чистой воды. Г. Чернышевъ много говорилъ о дворѣ Петра Великаго и знаменитомъ Дефорть, единственная заслуга котораго, по его словамъ, заключается въ томъ, что онъ представилъ царю нѣкоего Циммермана. по ремеслу, кажется, будочника, работавшаго въ свое время въ Голландіи при постройкѣ паруснаго судна, которое было прислано въ Петербургъ, но возбудило тамъ такъ мало интереса, что впоследствии оказалось на чердакѣ. Этотъ Циммерманъ исправилъ его и построилъ по его образцу другое, которое было предварительно испробовано на озерѣ въ Измайловѣ, отстоящемъ отъ Москвы на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, а затѣмъ въ Ростовѣ, куда Петръ I отправился подѣ предлогомъ поклоненія святымъ мѣстамъ, такъ какъ въ то время требовалось потратить три недѣли на то, что теперь можно совершить въ пять дней. Это маленькое судно хранится теперь въ одномъ домѣ, и кто желаетъ видѣть его, долженъ, изъ чувства уваженія, снять шпагу, оставить трость и шляпу. Оно окружено оболочкою изъ бѣлой жести и когда въ торжественныхъ случаяхъ его пускаютъ на воду, въ него садится сама Императрица, а на веслахъ помѣщаются высшіе сановники государства.

Мнѣ очень нравится, мой другъ, если такая восторженная торжественность примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ проявляется величіе націи. Но какъ далеки еще Русскіе отъ этого благороднаго чувства народной гордости, которое мы видимъ во Франціи и которымъ восторгаемся въ Англіи!

27-ю Февраля 1776 г.

У князя Голицына 21-го числа давалась комедія. Я игралъ изъ любезности роль графа Албанскаго. На представленіи присутствовали Великій Князь и Великая Княгиня. Трудно представить себѣ болѣе подходящую чету. Великій Князь выразилъ надежду, что я перейду въ его труппу. Я и самъ былъ бы не прочь, но для этого необходимо разрѣшеніе Императрицы, а мнѣ кажется, что она будетъ противъ этого. Меня предупредилъ объ этомъ графъ Андрей и увѣрилъ меня, что Ихъ Высочества очень желали бы этого и будутъ сожалѣть, если этотъ планъ не удастся.

Забылъ сказать тебѣ, что въ Четвергъ 22-го числа давалась частная комедія у Великаго Князя. Юю-Сегюръ и я были туда приглашены и ужинали за однимъ столомъ съ Ихъ Высочествами. Играли „Раскаивающуюся Кокетку“, затѣмъ „Англоманію“. Тотъ же самый спектакль и ужинъ были повторены въ Субботу 24-го. Въ Воскресенье 25-го, въ послѣдній день Русской масляницы, мы способствовали устройству

маленькаго праздника, который графъ Иванъ Чернышевъ хотѣлъ дать въ честь Ихъ Высочества. Къ нему были перенесены декораціи отъ г. Жюинье. Сцену устроили въ темной комнатѣ, отдѣленной отъ слѣдующей прекрасной комнаты перегородкой, покрытою картинами. По данному знаку перегородка раскрылась, и глазамъ зрителей предстала освѣщенная сцена. Мы играли „Духъ Противорѣчія“, и я исполнялъ роль Тибодуа съ большимъ успѣхомъ противъ всѣхъ моихъ ожиданій: ты хорошо знаешь, мой другъ, что это совѣмъ не мой жанръ.

Пословица закончилась очень красивыми куплетами, составленными Комбомъ; на ихъ долю выпалъ самый большой успѣхъ. Авторъ удостоился чести поцѣловать руку Великой Княгини, которой былъ представленъ. Этотъ праздникъ удался на славу. Ихъ Высочества отнеслись къ нему такъ мило, что всѣ чувствовали себя прекрасно. Я уже сказалъ тебѣ, что это былъ послѣдній день Русской масляницы; иностранцы будутъ праздновать свою масляницу въ Понедѣльникъ и Вторникъ. Имъ будетъ данъ публичный костюмированный балъ у Бертолотти. Ясно, конечно, что и Русскіе не захотятъ упустить случая повеселиться; но они будутъ въ маскахъ, въ противномъ случаѣ имъ грозитъ взысканіе въ 20 рублей.

Князь Григорій Орловъ уже съ недѣлю здѣсь. Это красивый мужчина. Императрица сохраняетъ къ нему дружбу, какъ къ давнишнему любимцу. Онъ носитъ портретъ Ея Величества въ петлицѣ, равно какъ и Потемкинъ, и всѣ тѣ, которые пользовались ея благосклонностью. Мнѣ не нравится это внѣшнее публичное подчеркиваніе благоволенія, о которомъ слѣдовало бы едва догадываться. Я съ удовольствіемъ присутствовалъ на второмъ спектаклѣ у Великаго Князя, куда прибыли вмѣстѣ Императрица, Орловъ и Потемкинъ. Мнѣ это показалось нѣсколько неумѣстнымъ для постороннихъ наблюдателей, и я замѣтилъ, что владычествующій нынѣ имѣлъ меньше увѣренности, нежели его предшественникъ.

Ты глубоко ошибаешься, мой другъ, если предполагаешь, что послѣ такого вихря увеселеній хочется отдохнуть, или, по меньшей мѣрѣ, развлекаться болѣе спокойно. Тщеславіе, которое господствуетъ здѣсь всюду и во всемъ, навело на мысль устроить частную комедію. Вѣдь, если играютъ у Великаго Князя, надо же играть и у себя. Я не знаю націи болѣе склонной къ подражанію и большихъ лестцовъ, чѣмъ при Русскомъ Дворѣ. Графъ Иванъ, который превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣхъ другихъ, сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи устроить у себя труппу и предложилъ мнѣ принять въ ней участіе. Я сообщу тебѣ о приведеніи въ исполненіе этихъ плановъ.

5-ю Марта 1776 г.

На слѣдующій день я ужиналъ у графини Чернышевой, супруги графа Петра, гдѣ главнымъ предметомъ разговора служила г-жа Муцина-Пушкина, жена Русскаго министра при Англійскомъ дворѣ, которой недавно вырѣзали ракъ. Операцию дѣлалъ нѣкій Тоді; она прошла благополучно, безъ всякихъ осложненій. Трудно представить себѣ женщину съ большею силою характера *). Она ввела въ заблужденіе относительно дня, назначеннаго для операци, мужа, друзей и вообще всѣхъ интересующихся ея болѣзнию. Настоящее состояніе ея здоровья вполне удовлетворительно, но только по истеченіи шести недѣль можно будетъ судить о результатѣ операци. Маркизь Жюинье, мать котораго сдѣлалась жертвой такого же недуга, говоритъ, что въ возрастѣ г-жи Пушкиной можно ожидать гибельнаго исхода. Къ счастью, она бездѣтна. Наибольшія опасенія внушаютъ ея 37 лѣтъ. Причиною этой болѣзни, которою она страдала уже два года, является сильный ударъ, которому она подверглась при Лондонскомъ Дворѣ.

6-ю Марта 1776 г.

Пообѣдавъ у графа Панина, я отправился къ Великому Князю, куда былъ приглашенъ на дѣтскій спектакль.

10-ю Марта 1776 г. Дѣвиць Брессоль.

Меня представили князю Щербатову. Я тамъ обѣдалъ. Князь—ученый: онъ работаетъ надъ Исторіей Россіи и пользуется репутаціей хорошаго писателя. Съ нимъ интересно бесѣдовать: онъ очень образованъ и, кажется, склоненъ къ философіи. Онъ слабого здоровья, также, какъ и его жена, которая никакъ не можетъ оправиться отъ родовъ. Это накладываетъ отгѣнокъ грусти на ихъ домъ. Съ ними живетъ дочь, которая замужемъ за камеръ-юнкеромъ Спиридовымъ, и эта молодая женщина приноситъ жизнь домашнему очагу. Пообѣдавъ у нихъ, я отправился въ Монастырь. Это—учрежденіе для дѣвиць, устроенное по образцу Сень-Сирскаго, съ тою разницею, что здѣсь, на ряду съ классами для дѣвиць благороднаго званія, открыты классы для дѣвушекъ низшихъ сословій. Ученицы первыхъ классовъ различаются по цвѣтамъ: коричневому, синему, сѣрому и (последнему) бѣлому. Молодыя дѣвушки носятъ каждый изъ этихъ цвѣтовъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, слѣдовательно остаются въ училищѣ 12 лѣтъ. На собраніяхъ, устраиваемыхъ Монастыремъ, ихъ можно видѣть танцующими между собой, и съ ними можно разговаривать черезъ перила, отдѣляющія ихъ отъ публики. Эти собранія, даже для родныхъ, являются единственными минутами разрѣшенныхъ свиданій съ ними.

*) Софья Алексѣевна Вахтмейстеръ († 16 Февр. 1777). П. Б.

11-ю и 12-ю Марта 1776 г. Къ брату.

Г. де Жюинье говорил со мною о возобновленіи своего давнишняго проэкта приготовить водку изъ Астраханскихъ винъ, что было бы вполне справедливо, но лишило бы Францію ежегоднаго ввоза въ Россію 50.000 анкеро́въ водки. Этотъ проэктъ и послужилъ содержаніемъ сегодняшней депеши, которую г. де Жюинье шифровалъ наединѣ съ Комбомъ. Это далеко не первая тайна, которую онъ мнѣ повѣряетъ.

Мнѣ было очень весело у супруги графа Ивана, благодаря занимательнымъ анекдотамъ, которые рассказывались тамъ о Петрѣ Великомъ. Слабой струвою этого монарха былъ флотъ, составлявшій его самое серьезное и любимое занятіе. Адмиралтейство было ему отраднѣйшимъ мѣстомъ пребыванія; онъ отправлялъ туда все свои покупки, оно служило ему кладовой, гдѣ онъ былъ увѣренъ во всякое время найти то, что ему было нужно.

Въ Адмиралтействѣ же произнесенъ смертный приговоръ адмиралу Крейцу. Г. Апраксинъ въ то время былъ генераль-адмираломъ, тогда какъ Петръ простымъ адмираломъ. Въ этомъ чинѣ онъ и далъ приказъ о задержаніи Крейца, подписавъ его простымъ именемъ „Петръ Михайловъ“, къ которому имѣлъ обыкновеніе прибѣгать въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не хотѣлось быть монархомъ. Когда приговоръ былъ подписанъ всею совѣтомъ, Петръ I взялъ въ руки перо и (по утверженію графа Ивана) со слезами на глазахъ написалъ: „мнѣ извѣстна вина Крейца, но я его прощаю“. Слѣдовала подпись: „Петръ“. Такая необыкновенная простота въ соединеніи съ добротою достойна удивленія, мой другъ, и служить признакомъ великой души. Но дарованіи этого помилованія возгорѣлся странный и любопытный споръ. Петръ во время суда, чтобы удобнѣе говорить съ генераломъ-адмираломъ Апраксинымъ, занялъ мѣсто Крейца, который былъ по службѣ выше его. Возвратившись въ Адмиралтейство и поблагодаривъ Государя за помилованіе, Крейцъ потребовалъ обратно свое мѣсто и возбудилъ тяжбу противъ Петра, обвиняя послѣдняго въ присвоеніи непринадлежащаго ему мѣста. Государь защищался, указывая на то, что человѣкъ, приговоренный къ смерти, лишается правъ и чиновъ, и что онъ возвратилъ ему жизнь, а не званіе. Дѣло начали разбирать по всему правиламъ. Петръ выигралъ его и велѣлъ затѣмъ возвратить Крейцу должность адмирала и т. п., вмѣстѣ съ чиномъ, который былъ выше его собственнаго, согласно своему обычаю служить лично примѣромъ повиновенія. Это, введенное имъ, правило покажетъ тебѣ, мой другъ, какъ сильно дѣйствуетъ военная дисциплина на умы и даже на сердца солдатъ. Слѣдующій случай натолкнулъ меня на черту, которой я и не подозрѣвалъ въ

Русскихъ и которая восхитила бы меня даже въ лицѣ нашихъ старыхъ капрановъ. Въ Адмиралтействѣ существуетъ дверь, черезъ которую часовому данъ приказъ не пропускать никого за исключеніемъ генераль-адмирала. Я уже упомянулъ, что Петръ имѣлъ лишь чинъ простого адмирала, слѣдовательно не имѣлъ права пользованія дверью. Однажды ночью Государю доложили, что Императрица разрѣшилась мальчикомъ. Онъ быстро выходитъ, чтобъ направиться къ ней и чтобы скорѣе достигъ цѣли, хочетъ пройти черезъ запертую дверь. Часовой его не пускаетъ. Петръ называетъ себя; часовой, тѣмъ не менѣе, выказываетъ должное сопротивленіе. Наконецъ, Государь говоритъ: „Другъ мой, ты меня знаешь; я не настаивалъ бы въ какомъ нибудь другомъ случаѣ, но у Императрицы только что родился сынъ, и я хочу его видѣть“. „О, Ваше Величество, воскликнулъ часовой, завтра я буду за это повѣшенъ; но нужды нѣтъ (Богъ съ Вами), войдите!“

14-ю Марта 1776 г.

Продолжаю вести неугомонную жизнь. Обѣдалъ у Испанскаго купца Кронца, гдѣ подтрунивали надъ Нормандцемъ и надъ ревностью, которую я возбуждаю въ немъ.

Днемъ былъ на репетиціи у г-жи Нелединской; тамъ разыгралась маленькая сценка ревности, невольною причиною которой оказался я. Ты знаешь, мой другъ, что я бываю очень веселъ, когда въ хорошемъ расположеніи духа. Именно въ такомъ настроеніи я пріѣхалъ къ г-жѣ Нелединской. Она очень мило отнеслась къ моему оживленію и шуткамъ, но тамъ оказалось двое влюбленныхъ: одинъ—счастливый, графъ Разумовскій, а другой, несчастный—Пюи-Сегюръ. Они оба играли на скрипкахъ, и отъ ихъ глазъ не укрылись наши шалости. Это испортило ихъ настроеніе, что неволью отразилось на ходѣ репетиціи. Я замѣтилъ, что лицо молодой женщины сильно омрачилось, но приписавъ это ей слабому здоровью, продолжалъ свои дурачества, цѣлуя ей руки и заставляя противъ воли смѣяться. Въ довершеніе всего я сказалъ на ухо графу Андрею, съ которымъ друженъ и который уже раньше говорилъ мнѣ объ этой дамѣ: „Право же, чѣмъ чаще я ее вижу, тѣмъ болѣе раздѣляю ваше мнѣніе о ней“. Этими словами я предполагалъ доставить ему большое удовольствіе. Репетиція продолжалась ни шатко, ни валко. Я отправился ужинать къ Бемерамъ, гдѣ вечеромъ узналъ отъ Комба и Дюгэ, пріѣхавшаго туда съ дочерью, что между графомъ Андреемъ и молодой женщиной произошло объясненіе, слезы и т. п.; всѣ присутствующіе разошлись, а Пюи-Сегюръ отправился съ горя къ себѣ подъ предлогомъ неудавшейся репетиціи....

21 Марта 1776 г.

Сегодня утромъ имѣлъ я переговоры съ нѣкимъ Пиктэ, который уже давно состоитъ при князѣ Орловѣ. Этотъ человекъ пользуется неважною репутациею, но онъ очень образованъ. Въ настоящее время онъ работаетъ надъ запиской о вывозѣ Украинскаго табаку. Во времена Елисаветы этотъ проектъ потерпѣлъ неудачу для Франціи, благодаря корыстнымъ проискамъ временщика Шувалова.

22 Марта 1776 г.

Графу Потемкину былъ пожалованъ вчера Датскій орденъ Слона. Говорятъ, что онъ скоро будетъ возведенъ въ княжеское достоинство Священноримской имперіи. Смѣшно, что такая святоша, какъ императрица-королева, награждаетъ возлюбленныхъ свободомыслящей Русской государыни.

23 Марта 1776 г.

Меня посѣтилъ кавалеръ Козимо Марі. Онъ сообщилъ, что Рибасъ произведенъ въ майоры Кадетскаго Корпуса, что дало ему чинъ подполковника въ арміи. Это вполне достойный малый. Я обѣдалъ у него, чтобъ оказать ему нѣкоторое вниманіе, и встрѣтилъ тамъ молодого человека, котораго считаютъ сыномъ Императрицы (я уже писалъ тебѣ о немъ). На его образованіе обращено тщательное вниманіе. Мнѣ показали его учебныя тетради. Онъ изучаетъ языки, геометрію, исторію, музыку и естественную исторію. Его слишкомъ воспримчивый и живой характеръ измѣнился къ лучшему подъ руководствомъ Рибаса. Мы, несомнѣнно, увидимъ этого молодого человека во Франціи, такъ какъ путешествія входятъ въ программу его воспитанія. Изъ него можетъ выработаться прекрасный гражданинъ. Ему теперь 13 лѣтъ, его фамилія Бобринскій.

24 Марта 1776 г.

Обѣдалъ у графа Потемкина: говорятъ, что его акціи падаютъ, тогда какъ Завадовскій пользуется неизмѣнной благосклонностью. Последнему покровительствуютъ Орловы, которые теперь въ большой силѣ. Мнѣ передавали, что князь Григорій занятъ устройствомъ своего дома, что вовсе не согласуется съ его намѣреніемъ путешествовать.

26-ю Марта 1776 г.

Я слышалъ, что князь Орловъ получилъ отъ Императрицы ко дню своихъ именинъ десять тысячъ червонцевъ, что равняется 100000 р.; это приводитъ въ ужасъ лицъ, у которыхъ она въ долгу.

30-ю Марта 1776 г. Къ тому же.

У меня былъ сегодня съ визитомъ нѣкто Пиктэ, Женевецъ по происхожденію, бывшій когда-то адвокатомъ въ Женевѣ. Это чело-

вѣкъ непривлекательной наружности съ рѣзко очерченнымъ, нѣсколько зловѣщимъ лицомъ, громаднаго роста. Онъ уже лѣтъ 15 здѣсь и состоялъ при князѣ Григоріи Орловѣ въ періодъ его власти. Это дало ему возможность хорошо изучить страну, надъ управленіемъ которой онъ даже работалъ; въ тоже время ему пришлось близко соприкасаться съ событіями, которыя познакомили его съ анекдотической стороною Россіи. Разсказывая о кончинѣ Петра III-го, онъ увѣрялъ меня, что Императрица никогда не замышляла его убійства и узнала о немъ только послѣ его совершенія. Орловы взяли на себя задачу заставить Государя такъ рано покончить расчеты съ жизнью и царствованіемъ. По словамъ Пиктэ, это единственное преступленіе, въ которомъ можно упрекнуть Орлова и притомъ необходимое, такъ какъ въ противномъ случаѣ неизбѣжная гибель грозила, какъ Орлову, такъ и Императрицѣ. Онъ предполагаетъ, что послѣдняя болѣзнь князя Орлова, мѣсяць тому назадъ, которую приписываютъ параличу, была ничѣмъ инымъ, какъ отравленіе. Многіе раздѣляютъ его мнѣніе и подозрѣваютъ Потемкина. Это, вообще, довольно обычный способъ въ этой странѣ отдѣлываться отъ людей. Утверждаютъ, что г-жа Панина также, какъ и г-жа Воронцова (первая жена графа Строгонова) погибла тѣмъ же путемъ, и виновникомъ ихъ смерти считаютъ князя Трубецкого. Графъ Строгоновъ полюбилъ его дочь, фрейлину и дѣйствительно женился на ней послѣ смерти жены.

Этотъ народъ мнитъ себя однимъ изъ наиболѣе сильныхъ и могущественныхъ. Россія обладаетъ въ десять разъ болѣшимъ количествомъ земли, нежели Франція, принимая во вниманіе только обитаемая и воздѣлываемая пространства. Она могла бы имѣть сто милліоновъ жителей, въ дѣйствительности же насчитываетъ около семнадцати. Если-бъ этому порабощенному народу была дана свобода, если-бы у него было развито огражденное закономъ право собственности, если-бъ, наконецъ, у него было правильное понятіе о торговлѣ и внутреннемъ управленіи: онъ могъ бы достигнуть состоянія расцвѣта и благоденствія, отъ которыхъ въ данный моментъ онъ такъ же далекъ, какъ въ 1440 году. Пиктэ составилъ записку, которая могла бы оказать большую услугу Русскимъ, если-бъ князь Орловъ остался во главѣ дѣлъ, и если-бъ онъ работалъ съ болѣею послѣдовательностью. Пиктэ изслѣдовалъ побережье Волги, на которомъ нагружаются большія суда въ 1000 тоннъ, служащія для перевоза соли, ископаемыхъ и т. п. Эти барки снабжены многочисленнымъ экипажемъ, стоящимъ неизменно дорого и, тѣмъ не менѣе, необходимымъ въ виду того, что передвиженіе совершается при помощи кабестановъ, а это страшно

удлиняетъ путь и умножаетъ число рабочихъ рукъ. Слѣдовало бы проложить дорогу вдоль береговъ рѣки съ тѣмъ расчетомъ, чтобы барки могли передвигаться помощью лошадей и воловъ и, разставивъ войска, въ тоже время обезопасить путь отъ нападенія разбойниковъ. Это значительно удешевило бы товары или, вѣрнѣе, мѣстные произведенія были бы обложены меньшей пошлиной, нежели произведенія Швеціи и Америки, что сильно подняло бы доходность, принимая во вниманіе громаднѣй сбытъ. Но правительство закрываетъ глаза на все эти преимущества. Аббатъ Рейналь, упоминая объ этомъ во II-мъ томѣ своей „Исторіи“, даетъ вполне правильную картину Россіи того времени.

Затѣмъ мы толковали о прїѣздѣ принца Генриха, которому отправили 1100 лошадей. Пиктэ предполагаетъ, что Пруссійскій король недоволенъ Шведскою Помераніей. Принцъ Генрихъ очень ловокъ; посмотримъ, чего онъ добьется.

2-го Апрѣля 1776 г.

Меня нисколько не удивляетъ пристрастіе, съ которымъ относятся къ этой странѣ наши неимущіе соотечественники и соотечественницы. Причины его надо искать въ быстромъ обогащеніи и безнаказанности преступленій, что для многихъ является большою приманкою. Такія громадныя состоянія обычны въ государствахъ, гдѣ, какъ въ этомъ, не существуетъ опредѣленнаго и послѣдовательнаго образа правленія. Легко пріобрѣтаемая, онѣ подвержены превратностямъ судьбы; здѣсь часто встрѣчаются семьи, которыя изъ полного довольства упали въ бездну нищеты и невѣжества. Иностранцы устраиваются умнѣе; набивъ карманъ, они умѣютъ во время остановиться. Они любятъ Россію только за тѣ богатства, которыя могутъ здѣсь пріобрѣсти.

4-го Апрѣля 1776 г.

Пиктэ сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности о князѣ Орловѣ. Старшій Орловъ, по имени Григорій, состоялъ адъютантомъ при графѣ Петрѣ, дѣдѣ графа Андрея Разумовскаго¹⁾, бывшемъ любовникѣ княгини Куракиной, матери обоихъ князей Александра и Степана, съ которыми я хорошо знакомъ²⁾. Такъ какъ здѣсь принято пользоваться адъютантами, какъ во Франціи курьерами, то въ кругъ обязанностей Григорія Орлова входило разносить любовныя записки Разумовскаго. Но Орловъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы исполнять въ данномъ случаѣ роль наперника,

¹⁾ Не вѣрно. П. Б.

²⁾ Тутъ конечно спутано. Графъ Андрей Разумовскій былъ адъютантомъ графа Петра Ивановича Шувалова. П. Б.

а княгиня Куракина слишкомъ опытна, чтобъ пропустить незамѣченными счастливыя достоинства Орлова. Она сдѣлала его своимъ любовникомъ и поздравила себя съ этимъ выборомъ. Юный адъютантъ былъ молодъ, красивъ и силенъ. Въ немъ уже намѣчались зачатки твердаго и своеобразнаго характера, который вполнѣ опредѣлился впоследствии, и который съ того времени онъ началъ смѣло выказывать. Графъ Петръ требовалъ прекращенія свиданій съ Куракиной. Орловъ не желалъ давать подобнаго обѣщанія. На него надѣли оковы, но и это не могло сломить его упорства. Въ наказаніе за строптивость его отравили на войну въ Германію. Тамъ, въ одномъ маленькомъ городкѣ, онъ встрѣтился съ принцессою, родственницею Великой Княгини, благодаря которой былъ возвращенъ въ Россію, гдѣ черезъ нѣкоторое время получилъ роту въ артиллеріи. Связь между нимъ и Екатериной II началась въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы. Онъ помѣстился противъ дворца и видѣлъ черезъ окна своей квартиры в. княгиню, всеми покинутую, занимающуюся одного въ своей комнатѣ. Онъ нарочно оставался дома, чтобы имѣть удовольствіе наблюдать за нею. Это не укрылось отъ глазъ Екатерины; къ тому же она замѣтила, что Орловъ былъ красивъ и молодъ. Вскорѣ, при содѣйствіи нѣкого Шкурнина, бывшаго въ то время камердинеромъ, а прежде придворнымъ истопникомъ, и горничной Екатерины Ивановны, между ними началась связь. Орловъ съ этой минуты поклялся своей возлюбленной, что онъ возведетъ ее на престолъ и началъ вербовать ей приверженцевъ.

Я не буду останавливаться на переворотѣ при Петрѣ III, расскажу о немъ подробно въ другой разъ. Единственно, что кажется достовернымъ это, что Орловы самостоятельно нанесли смертный ударъ Петру III, и что Императрица залилась слезами, когда Григорій сообщилъ ей о кончинѣ мужа. Полагаютъ, что распоряженіе исходило не отъ нея. Возвращаюсь къ Григорію Орлову. Къ интимной близости ему предстояло присоединить правъ. Превжній канцлеръ Бестужевъ, сосланный Петромъ III*) и возвращенный изъ изгнанія Екатериною II, убѣдилъ ее, что недостаточно одной власти женщины для управленія Россійской Имперіей. Онъ посоветовалъ ей найти себѣ супруга, добавивъ, что не знаетъ болѣе достойнаго этого званія, какъ графъ Орловъ (къ тому времени Орлову уже было пожаловано графское достоинство). Бестужевъ побудилъ Сенатъ уговорить Императрицу выбрать себѣ мужа, поставивъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ сей послѣдній былъ Русскій. Бракъ Григорія Орлова съ Императрицею

*) Не Петромъ III-мъ, а Елисаветою. П. Б.

былъ окончательно рѣшенъ. Былъ изготовленъ указъ, объявлявшій его княземъ Имперіи: помимо этого его ожидалъ чинъ генералиссимуса, и все это ко времени свадьбы. Между тѣмъ образовалась партія, противная Орлову, къ которой принадлежали графъ Панинъ, канцлеръ Воронцовъ и графъ Захаръ Чернышевъ. Не взирая ни на что, былъ назначенъ день и часъ, когда упомянутыя лица должны были быть удалены въ свои помѣстья; кареты были поданы, и Пиктэ поручили Захара Чернышева. Всѣ принадлежавшіе къ партіи прибыли около одиннадцати часовъ вечера ко Двору. Императрица, съ взволнованнымъ видомъ, прохаживалась большими шагами по своему покою, переговариваясь отъ времени до времени съ Орловымъ, который стоялъ, облокотившись на каминъ. Прошло два часа. Кареты, ожидавшія приказанія, велѣно отложить, Императрица удалилась въ свои покои, Орловъ отправился къ себѣ, спросивъ Пиктэ: „Что вы думаете объ Екатеринѣ?“ На это Пиктэ отвѣтилъ: „Она колеблется, она сомнѣвается: однимъ словомъ, она—женщина“.

Что ты скажешь, другъ мой, объ этой перемѣнѣ? Григорій стоялъ на порогѣ брака съ одной изъ могущественнѣйшихъ монархинь: ему предстояло управлять Имперіей и, какъ первое лицо государства, онъ былъ бы облеченъ властью. Уже былъ опредѣленъ его штатъ, состоявшій изъ хранителей, пажей и камергеровъ, рядъ которыхъ долженъ былъ бы слѣдовать за свитой Императрицы. Все возвѣщало бы о славѣ и могуществѣ... И вдругъ одинъ разговоръ наединѣ Императрицы съ Воронцовымъ разрушилъ всѣ планы и надежды. Кто могъ бы ожидать, что этотъ слабый и безхарактерный человекъ сумѣетъ подчинить своему вліянію Екатерину II? Вотъ, что значать женщины! Смѣлая, легко все схватывающія, съ пылкимъ воображеніемъ, онѣ являются жертвою воображенія, которое дѣлаетъ ихъ нерѣшительными въ минуты исполненія.

Пиктэ оказалъ услугу Россіи, не знаю точно въ какое время. Дѣло шло о привилегіяхъ дворянства, въ пользу которыхъ Императрица хотѣла издать указъ. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ былъ созванъ комитетъ, секретаремъ котораго былъ назначенъ Тепловъ*). Комитетъ былъ не очень свѣдуецъ въ этомъ дѣлѣ, и Тепловъ представилъ заманчивый и, казавшійся правдоподобнымъ, проектъ, слѣдствіемъ котораго было бы управленіе какъ въ Польшѣ. Императрицу плѣнилъ проектъ, и уже было рѣшено приступить къ составленію указа. Тѣмъ не менѣе она дала его на разсмотрѣніе Орлову. Пиктэ

*) Григорій Николаевичъ Тепловъ, статсъ-секретарь.

исполнилъ эту работу, но Орловъ понялъ опасность проекта, и освѣдомленный запиской Пиктэ показалъ эту записку полную помарокъ Императрицѣ, которая быстро смекнула въ чемъ дѣло и склонила Орлова воспротивиться принятію проекта. Послѣдній не замедлилъ исполнить ея просьбу. Напрасно старались его уговорить: графъ Панинъ и ф.-маршалъ Разумовскій пріѣхали съ этой цѣлью къ нему однажды вечеромъ и въ то время какъ онъ спалъ. Пиктэ бесѣдовалъ съ графомъ Панинымъ, и послѣднему стало ясно, что Орловъ не уступитъ. Этотъ разговоръ продолжался цѣлую ночь.

Пиктэ рассказывалъ о тираніи уѣздныхъ губернаторовъ. Одинъ изъ нихъ, влюбившись въ Казани въ Армянку, приказалъ силою увезти ее отъ мужа, котораго, въ свою очередь, лишилъ права выѣзда изъ города. Однажды губернатору пришлось отправиться по дѣламъ службы въ Петербургъ. Армянинъ, воспользовавшись случаемъ, бѣжалъ изъ Казани и, явившись въ Петербургъ, требовалъ правосудія. Но губернаторъ уже успѣлъ предупредить его, и когда несчастный купецъ предсталъ передъ генераль-прокуроромъ съ своей жалобой, ему посоветовали успокоиться, если жизнь ему еще дорога, и онъ послѣдовалъ этому мудрому совѣту.

Помнишь ли ты Француза Вомаля, который привезъ извѣстіе¹⁾ о взятіи Пондишери? Этотъ человѣкъ происходитъ изъ очень хорошей фамиліи: онъ постригся въ монахи, вскорѣ былъ разстриженъ и отправился въ Индію, но, по своему возвращеніи во Францію, былъ узнанъ и бѣжалъ въ Италію, откуда, проживъ все, что у него было, пріѣхалъ въ Россію, гдѣ состоялъ секретаремъ у г. Потемкина: но сей послѣдній не платилъ ему, и Вомаля, покинувъ его, поступилъ теперь на службу къ оберъ-штаб-мейстеру²⁾. Во время войны всѣ морскія побѣды ошибочно приписывались графу Алексѣю Орлову, тогда какъ ими обязаны Англійскому капитану Эльфинстону, состоявшему адмираломъ на Русской службѣ, человѣку обладающему неустрашимостью и большими дарованіями. Онъ сжегъ, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Орловымъ, Турецкій флотъ въ Чесменской гавани и собирался оттуда идти на Константинополь, но ему помѣшали въ исполненіи этого намѣренія. Однажды ему пришлось разжаловать въ лейтенанты взбунтовавшагося капитана корабля, не желавшаго подчиниться его приказаніямъ. Этотъ справедливый, но строгій поступокъ и, еще болѣе, его успѣхи и до-

¹⁾ Въ 1763 году Екатерина назначила этого Вомаля къ Потемкину для его обученія, и онъ пробылъ у него секретаремъ до 1785 г., когда уѣхалъ во Францію. П. Б.

²⁾ Т. е. къ Л. А. Нарышкину. П. Б.

стоинства породили къ нему зависть. Ему предложили отправиться въ Италию, съ тѣмъ, чтобъ онъ поджидаль тамъ Русскій флотъ въ расчетъ обмануть Турокъ. Онъ ѣдетъ туда и во время своего пребыванія въ Италиі узнаётъ, что его обезславили въ Россіи, и что газеты дурно отзываются о немъ. Онъ спѣшитъ въ Петербургъ, гдѣ требуетъ созыва военнаго суда и, когда ему въ этомъ отказываютъ, подаетъ въ отставку. Въ тотъ же день онъ облачается въ свой мундиръ Англійскаго капитана. Получивъ бумагу объ отставкѣ, составленную въ недостаточно почетной формѣ, онъ ее возвращаетъ обратно, и ему выдаютъ другую, которая его удовлетворяетъ. Какъ разъ въ это время, когда ему уже наскучили неблагоприятные проски со стороны графа Ивана Чернышева, онъ получаетъ отъ послѣдняго приглашеніе, написанное въ притворно-вѣжливой формѣ. Онъ разрываетъ письмо на мелкіе кусочки и, возвращая ихъ адъютангу, проситъ передать графу Чернышеву, что они люди настолько различные, что не могутъ обѣдать вмѣстѣ. Этотъ отвѣтъ, какъ говорятъ, былъ написанъ, полученъ и прочитанъ. Этотъ случай навелъ меня на мысль, что Перро можетъ дать мнѣ самыя точныя подробности о Русскомъ флотѣ. Я получу таковыя, если будетъ возможно, и о пѣхотѣ; что же касается милиціи, мнѣ известно, что тамъ развито мошенничество и что каждый солдатъ стѣбитъ среднимъ числомъ около 200 рублей своей деревнѣ. Закончу это объемистое письмо сообщеніемъ новости, которую только что узналъ: рѣчь идетъ о закупкѣ 400,000 пудовъ конопли для Франціи на сумму 600,000 рублей.

5-ю Апрѣля 1776 г.

При Дворѣ былъ назначенъ приѣмъ въ честь праздника Конно-гвардейскаго полка. Императрица появилась въ мундирѣ и публично обѣдала съ офицерами полка. Пили за здравіе при пушечныхъ выстрѣлахъ, что многихъ ввело въ заблужденіе, такъ какъ со дня на день ожидаютъ разрѣшенія отъ бремени Великой Княгини, которое будетъ возвыщено тѣмъ же путемъ. Я сидѣлъ въ это время у госпожи Нелединской и попалъ впросакъ, какъ и другіе, хотя только что вернулся изъ дворца, гдѣ видѣлъ всю церемонію.

8-ю Апрѣля 1776 г.

Въ Субботу утромъ осматривалъ я производство Гобеленовыхъ ковровъ, сотканыхъ по образцу Савонерскихъ. Во главѣ этого учрежденія находится Итальянецъ Брессанъ. Я бесѣдовалъ съ нимъ, и онъ сообщилъ мнѣ, что на этой фабрикѣ работаетъ 200 человекъ. Я ихъ не видѣлъ, но замѣтилъ двѣ громадныя комнаты, имѣющія по двадцати оконъ съ каждой стороны, гдѣ въ большомъ порядкѣ расположены

станки съ тѣмъ расчетомъ, чтобъ хозяинъ изъ середины зала могъ охватить взглядомъ все, что дѣлается вокругъ. Мнѣ показали нѣсколько образцовъ вышивокъ, которыя мнѣ не понравились. Лица на нихъ, въ смыслѣ очертаній и цвѣтовъ, исполнены очень плохо; оказывается, что эти работы стодать очень дорого. Постараюсь узнать объ этомъ болѣе подробно. Брессанъ, стоящій во главѣ этого предпріятія, не очень искусенъ въ этомъ дѣлѣ: его познанія, кажется очень ограничены, но онъ болтливъ, ловокъ и лѣстивъ, что вполне достаточно для достиженія успѣха.

Многіе спрашивали меня относительно здѣшнихъ мѣховъ. Очень ошибочно предположеніе, что они здѣсь дешевы. Правда, что они лучше Французскихъ, но сшиты не такъ хорошо какъ въ Парижѣ. У меня явилось желаніе получить точную расцѣнку собольихъ, куньихъ и горностаевыхъ мѣховъ разнаго достоинства, и г. Рэмберъ далъ мнѣ слѣдующую: соболи отъ 10—100 р. за пару; обыкновенная куница отъ 90 коп. до 9 р. пара; партія горноставыхъ шкурокъ въ 40 штукъ отъ 8—16 рублей.

9-ю Апрѣля 1776 г.

Принцъ Генрихъ привезъ ленту Чернаго Орла Потемкину, который черезъ барона Нолькена хлопоталъ на дняхъ о полученіи таковой изъ Швеціи. Не думаю, чтобъ ему было въ этомъ отказано, въ виду того, что онъ уже имѣетъ ленты Даніи и Пруссіи. Мнѣ кажется, что было бы даже небезопасно отклонить его вслѣдствіе зародившихся неудовольствій между обоими дворами. Отказъ былъ бы, пожалуй, принятъ съ радостью, какъ предлогъ для разрыва, который является въ данный моментъ нежелательнымъ.

10-ю Апрѣля 1776 г.

Сегодня опять бесѣдовалъ я съ Пиктэ. Онъ мнѣ разсказалъ свою исторію. Пиктэ—Женевецъ. Ему пришлось покинуть родной городъ, когда ему недоставало всего одной недѣли до 30-и лѣтъ—возраста, необходимаго для права вступленія въ „Союзъ Ста“. Вслѣдствіе того, что эта задержка заставила его потерять нѣсколько лѣтъ, онъ отправился въ Парижъ и тамъ условился съ однимъ Русскимъ, фамиліи котораго я не помню, предпринять совмѣстное трехлѣтнее путешествіе. Они должны были встрѣтиться въ Вѣнѣ. По прибытіи туда, его спутникъ получилъ отъ своего Двора назначеніе исполняющаго должность секретаря посольства, въ виду того, что графу Ивану Чернышеву предстояло ѣхать на сеймъ. Пиктэ получилъ новое предложеніе—остаться при молодомъ человѣкѣ въ качествѣ его перваго секретаря, которое онъ и принялъ. Тогда-то онъ и познакомился съ княземъ

Орловымъ и спустя нѣкоторое время прѣхалъ въ Россію. Здѣсь онъ встрѣтился съ негоціантомъ Маньяномъ, на сестрѣ котораго женился и вступилъ въ товарищество въ его небольшомъ торговомъ дѣлѣ, въ которомъ участвовалъ нѣкій Демарестъ, впоследствии дурно поступившій съ ними обоими. Этотъ Демарестъ предложилъ имъ заняться поставкою матерій, отъ чего Пиктэ отказался, имѣя въ виду табачное дѣло, на которое Маньянъ получилъ привилегію. Демарестъ отправился въ Парижъ, ухитрился вовлечь въ свое предпріятіе Маньяна, жившаго тамъ, и возвратился оттуда съ матеріями, привезенными контрабандою, подъ которыя Маньянъ изъ Парижа далъ ему 200,000 франковъ. Ему удалось склонить въ свою пользу Петербургскаго Маньяна, а Пиктэ, безъ всякой личной выгоды, помогалъ имъ сбывать товары при Дворѣ. Вскорѣ мошенничества, сдѣланныя на таможахъ, были раскрыты, и Демарестъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ онъ сознался въ поддѣлкѣ печати Императрицы, которую ставилъ на провезенныхъ безъ пошлины матеріяхъ. Тогда подозрѣніе пало на Пиктэ, который былъ совершенно невиновенъ. Такова исторія злключеній Пиктэ.

Вмѣсто большого состоянія, которое онъ имѣлъ возможность нажить, ему едва удалось скопить 544 ливровъ годового дохода. Его единственное желаніе—довести эту сумму до 100 пистолей, и этой цифры, по его словамъ, ему было бы вполне достаточно. Онъ намѣренъ возвратиться во Францію, искать тамъ мѣста секретаря при какомъ-нибудь правителѣ провинціи или должностномъ лицѣ. Я обѣщалъ похлопотать за него у г-жи де-Вержень, за что онъ, въ свою очередь, предложилъ дать мнѣ всѣ желаемыя свѣдѣнія о здѣшной странѣ. Мы напишемъ обстоятельное и послѣдовательное сочиненіе о Россіи, за которое примемъ съ большимъ усердіемъ.

13-ю Апрѣля 1776 г.

Наканунѣ Пасхи, дорогой братъ, здѣсь такъ же, какъ и наканунѣ Рождества, бываетъ полунощная служба. Императрица отправляется въ дворцовую придворную церковь. Приходится въ продолженіе двухъ-трехъ часовъ стоять на ногахъ, и послѣднее обстоятельство побудило меня поступиться моею любознательностью. Въ концѣ службы со словами: „Христосъ Воскресе“ каждый имѣетъ право поцѣловать любую женщину. Императрица христосуетъ въ этотъ день со всѣми часовыми, стоящими по пути во дворецъ. По возвращеніи она наливаетъ вина окружающимъ, и всѣ разговляются, какъ въ день Рождества. На другой день полагается дѣлать визиты, какъ въ первый день Нового Года. Простой народъ, христосуясь, обмѣнивается яйцами и не упуститъ случая поступить также и съ вами, чтобъ, получивъ на чай, имѣть

возможность выпить за ваше здоровье. Въ обществѣ также распротраненъ обычай давать другъ другу разрисованныя и разукрашенные яйца. Прусскій принцъ Генрихъ прибылъ сюда въ Субботу вечеромъ. Ко Двору онъ представился только въ Понедѣльникъ, а сегодня всѣ были приглашены къ нему. Онъ помѣстился на Невскомъ проспектѣ во дворцѣ Воронцова. Этотъ принцъ пользуется репутаціей справедливаго, гуманнаго, очень виновственнаго и умнаго человека. Онъ принялъ гостей съ непринужденною любезностью. Онъ небольшого роста, одѣтъ въ Прусскій городской костюмъ; у него непріятный взглядъ: но его духовная сторона настолько преобладаетъ надъ внѣшностью, что заставляетъ забывать всѣ недостатки послѣдней.

18-го Апрѣля 1776 г.

Опять бесѣдовалъ съ Пиктэ. Мы говорили объ одномъ балѣ, на которомъ онъ присутствовалъ одновременно съ Императрицей. Онъ утверждаетъ, что это было въ годъ коронованія, въ домѣ графа Ивана Чернышева. Предполагалось, что сей послѣдній принималъ участіе въ какомъ-то заговорѣ, и Екатерина II, остерегавшаяся его, но не желавшая выдать своей боязни, отправилась, согласно приглашенію, къ нему на костюмированный балъ, приказавъ всѣмъ сопровождавшимъ ее имѣть оружіе подъ ихъ домино. Пиктэ былъ въ ихъ числѣ, и Ея Императорское Величество собственноручно угощала его конфетами. Онъ былъ въ то время въ близкихъ отношеніяхъ съ графиней де-Брюссъ, большимъ другомъ Императрицы, которая была на нѣсколько мѣсяцевъ моложе графини, чему вѣрилось съ трудомъ.

Вечеръ провелъ у князя Куракина, гдѣ очень весело поужиналъ въ мужскомъ обществѣ. Тамъ былъ графъ Шереметевъ, который мнѣ много говорилъ о Португаліи и возбудилъ во мнѣ недобвѣріе къ этому молодому человеку.

19-го Апрѣля 1776 г.

Императрица подарила принцу Генриху пудъ ревеню. Ты знаешь, мой другъ, что сей послѣдній считается лучшимъ въ Европѣ и представляетъ собою отрасль промышленности Россіи.

21-го Апрѣля 1776 г.

Говорятъ, что принцъ Генрихъ хитригъ. По словамъ г. де Жюинье онъ старается отдалить графа Андрея отъ Великаго Князя. Я передалъ объ этомъ графу Андрею и сообщилъ объ упрекахъ, которые дѣлаютъ ему по поводу его поведенія. Онъ далъ мнѣ на это въ высшей степени разсудительный, благородный и философскій отвѣтъ, прибавивъ, что, презирая интриги, онъ вовсе не намѣренъ возражать тѣмъ, кто строитъ

противъ него козни. Я оспаривалъ его мнѣніе, говоря, что онъ выказываетъ высокомѣріе, не желая оправдаться въ глазахъ своего Князя, который, по молодости, можетъ легко поддаться обману. Онъ отнесся со вниманіемъ къ моимъ словамъ и, кажется, былъ ими очень тронуть.

22-го Апрѣля 1776 г.

Звѣзда Потемкина меркнетъ. Въ Москвѣ произошло событіе могущее поколебать его положеніе. Съ прежнею силою возобновляются разныя неурядицы. Орловы, и въ особенности князь, пользующіеся большою милостью, легко могутъ повредить ему. Я уже писалъ тебѣ о болѣзни князя Орлова и о возникшемъ подозрѣніи, что причиною ея было отравленіе. Вчера опять зашелъ объ этомъ разговоръ, и меня увѣряли, что Григорій былъ отравленъ на ужинѣ у оберъ-шталмейстера Нарышкина. Послѣдній происходитъ изъ древняго рода; но это совершенно безхарактерный человѣкъ, склонный къ лести и подлости. Императрица и весь Дворъ прозвали его дуракомъ. Онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, о которыхъ не принято отзываться дурно за невозможностью сказать о нихъ что нибудь хорошее.

23-го Апрѣля 1776 г.

Не могу сообщить тебѣ ничего новаго о Великой Княгинѣ, которая все еще не разрѣшилась отъ бремени. Говорятъ, что, благодаря этому запозданію, отерочивается паденіе Потемкина. По словамъ графа де-Брюля, Императрица поручила князю Орлову передать Потемкину приказъ оставить Дворъ и удалиться въ свою губернію. Всѣ были бы этому очень рады. Его не любятъ за высокомѣріе, которое онъ не стѣняется выказывать даже въ присутствіи Государыни. Въ день Пасхи между ними произошла непристойная сцена по поводу его отказа въ исполненіи какой-то просьбы Императрицы. Орловъ пользуется полной благосклонностью Екатерины II, которая считаетъ его своимъ настоящимъ другомъ, и онъ вполне довольствуется этимъ положеніемъ въ ея сердцѣ. Императрицѣ же нуженъ любовникъ, и она избереетъ его въ лицѣ Завадовскаго. Говорятъ, что послѣдній не получитъ никакихъ иныхъ правъ, если только возможно допустить, что Государыня откажетъ въ нихъ тому, кто будетъ господствовать надъ нею, какъ любовникъ.

Я бесѣдовалъ съ графомъ де-Брюлемъ о Разумовскомъ. Онъ дѣлаетъ ему все тѣже упреки по поводу Великаго Князя, котораго графъ Панинъ заставилъ отвернуться отъ разумныхъ людей, какими онъ его окружалъ, на примѣръ господинъ Эппинъ*), человѣкъ большаго ума

*) Не Ренинъ ли? Или, можетъ быть, Эппинусъ? П. Б.

(хотя и льстець, какъ я узналъ впоследствии) и другія лица болѣе достойныя, нежели г.г. Николаи и Ла-Фермьеръ, приближенные къ Князю графомъ Андреемъ. Впрочемъ, Ла-Фермьеръ обладаетъ бѣльшими познаніями, нежели можно предположить; но его наружность педантичнаго философа меня отталкиваетъ. Графа Андрея обвиняють въ томъ, что онъ приблизилъ къ Великому Князю нѣкого Дюфура, бывшаго раньше камердинеромъ, а затѣмъ секретаремъ, къ которому Великій Князь относится до такой степени благосклонно, что, по словамъ графа де-Брюля, этотъ ничтожный любимецъ позволяетъ себѣ подтрунивать надъ другими. Съ другой стороны я слышалъ, что на этого Дюфура указалъ Великому Князю графъ Панинъ, и что онъ состоитъ при его особѣ уже 14—15 лѣтъ. Его привязанность къ Великому Князю и заботливость, съ которою онъ ухаживалъ за нимъ во время его послѣдней болѣзни, являются причиною такой къ нему благосклонности. Я заключаю изъ этого случая, что нужно пропускать мимо ушей добрую половину того, что говорятъ на счетъ нѣкоторыхъ лицъ.

Въ одномъ изъ моихъ писемъ я уже, кажется, писалъ тебѣ о г. Пушкинѣ, Русскомъ посланникѣ въ Англіи. Поговаривають о назначеніи его на мѣсто г. Симолина. Этотъ выборъ указываетъ на миролюбивые виды Россіи. Г. Пушкинъ человекъ умный, прямой и простой. Своими манерами онъ напоминаетъ графа де-Вержена. Я считалъ бы его вполне честнымъ и откровеннымъ, еслибъ меня не предупредили, что онъ истый Русскій.

25-го Апрѣля 1776 г.

Пиктэ находятъ, что какъ Россіи, такъ и Франціи было бы выгодно имѣть два торговыхъ дома въ Парижѣ и Ліонѣ для различныхъ товаровъ, выписываемыхъ сюда. Русскіе не были бы такъ часто обманываемы комиссіонерами, къ посредству которыхъ они прибѣгають, а Французскіе купцы не теряли бы такъ много благодаря банкротствамъ, сумма которыхъ, какъ говорятъ, достигаетъ, считая съ начала этого столѣтія, 25-и милліоновъ фунтовъ.

Относительно торговли, сильно поговаривають о привилегіяхъ въ пользу Испанцевъ, о которыхъ г. де-Ласси ходатайствуетъ передъ графомъ Паниномъ. Суть ихъ заключается въ требованіи, чтобы торговые споры разбирались Коммерцъ-Коллегіею, а не судебными вѣдомствами и чтобы торговля сдѣлки совершались на тѣхъ же условіяхъ, какъ съ Англичанами, которые расплачиваются на половину рублями и на половину рейхсталерами, что составляетъ разницу въ полтора процента на 100, тогда какъ другіе обязаны платить полнымъ рублемъ.

Если Испаніи удастся получить эту привилегію, Франція не замедлитъ обратиться съ таковою же просьбою къ Россіи.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ къ тебѣ или, быть можетъ, къ матушкѣ, я упоминалъ о беременности Великой Княгини: разрѣшеніе ея запоздало на цѣлый мѣсяць, и только въ прошлую Субботу она почувствовала приближеніе родовъ. На другой день Императрица не показывалась съ утра, такъ какъ была у Великой Княгини. Съ минуты на минуту ожидали пушечныхъ выстрѣловъ, такъ какъ, по установившемуся обычаю, полагается возвѣщать тремястами выстрѣловъ рожденіе князя и 150-ю рожденіе княжны: но ни на другой, ни на третій день ничего не было слышно. Начали беспокоиться, потому что Вторникъ считался послѣднимъ срокомъ ея разрѣшенія. Я видѣлся въ этотъ день у графа Ивана Чернышева съ принцемъ Генрихомъ, который сообщилъ, что Императрица увѣдомила его утромъ, что нѣтъ основаній для безпокойства, такъ какъ положеніе ребенка вполне правильно и т. п. На другой день, въ Среду, я обѣдалъ у князя Щербатова, гдѣ мнѣ сказали, что ребенокъ мертвъ, но Великая Княгиня все еще не разрѣшилась, что она очень страдаетъ, и жизнь ея въ опасности. Я очень боюсь, чтобъ ея положеніе не ухудшилось, и всѣ тревожатся за ея судьбу. Увидимъ, что принесетъ завтрашній день.

Сегодня вскрылась Пева. Это событіе по случаю болѣзни Великой Княгини не сопровождалось на этотъ разъ пушечною пальбою. Обыкновенно стрѣляли изъ крѣпости, комендантъ которой переѣзжала рѣку въ шляпкѣ, чтобъ сообщить эту новость Императрицѣ, которая, въ свою очередь, вручала ему известную сумму денегъ.

*Пятница, 26-ю Апрѣля 1776 г. *)*

Не безъ основанія, другъ мой, такъ беспокоились о Великой Княгинѣ. Несчастная скончалась сегодня, не разрѣшившись отъ бремени. Она пала жертвою невѣжества, вѣрнѣе, варварства этой націи: если принять вѣрными предположенія, которыя дѣлаются многими, то слѣдуетъ отнестись къ нимъ снисходительно въ странѣ, гдѣ преступленія такъ обычны. При ней находилась плохая акушерка изъ Страсбурга, занимающаяся своимъ ремесломъ только полтора года, а до того времени не примѣнявшая его къ дѣлу. Говорятъ, что она была взята по рекомендаціи Крузе, лейбъ-медика Его Высочества. Крузе, племянникъ известнаго Боэргаве: онъ ненавидитъ свою специальность и занимается фабричнымъ производствомъ: знанія его сводятся къ теоріи, почерпнутой изъ руко-

*) Дальнѣйшія письма писаны къ брату, и потому слова: къ тому же, опускаются. П. Б.

писей его дяди. Эта акушерка, съ его согласія, потребовала для совѣщанія еще доктора: но только въ Понедѣльникъ хирургъ Тоди, послѣ излѣдованія, предложилъ наложить акушерскіе щипцы. Можетъ быть, примѣненіе сихъ послѣднихъ и оказалось бы спасительнымъ, не смотря на то, что наканунѣ еще былъ осмѣянъ другой врачъ, высказавшій мнѣніе, что въ положеніи Великой Княгини онъ усматриваетъ нѣчто угрожающее. Но, не взирая на заявленіе Тоди, операція была отложена до Среды, четырехъ часовъ вечера. Онъ же и дѣлалъ операцію, которая, по словамъ однихъ, продолжалась четыре, а другихъ, восемь часовъ. Наконецъ, Великая Княгиня потребовала отдыха, который былъ для нея необходимъ послѣ такихъ ужасныхъ страданій: она была перенесена на постель, и близкіе, окружавшіе ее во время операціи, удалились, изнеможенные отъ усталости. Я забылъ тебѣ сказать, что въ началѣ Императрица напугала акушерку, сказавъ ей, что за исходъ болѣзни она является отвѣтственною. Въ ту же ночь съ Среды на Четвергъ былъ призванъ Моро, пробывшій шесть часовъ сряду и не видѣвшій больной. Ему только были передаваемы нѣкоторыя указанія, на основаніи которыхъ онъ высказалъ свое мнѣніе. Императрица рѣшила спросить по этому поводу мнѣнія Сената, и брать на себя отвѣтственность за успѣхъ. Былъ вызванъ епископъ Платонъ, который, по уставу Русской церкви, предложилъ ей исповѣдываться; но Великую Княгиню трудно было ввести въ заблужденіе: она прекрасно понимала свое положеніе, съ радостью приняла предложеніе и прибавила, что вполне сознаетъ, что смерть уже близка, безропотно покоряется волѣ Божіей и если сама не заводила рѣчи о смерти, то только потому, что не хотѣла усиливать безпокойства въ окружающихъ. Покончивъ съ религіозной обрядностью, она выразила желаніе еще разъ всѣхъ повидать и проситъся съ каждымъ въ отдѣльности, давая приложиться къ рукѣ по установленному въ Россіи обычаю. Мужественно перенесла она эту трогательную, полную глубокой грусти, сцену прощанія, каждому сказала нѣсколько соответственныхъ словъ, какъ на примѣръ князю Куракину: „Если имѣете что нибудъ передать вашей матушкѣ, я беру это на себя, т. к. въ очень скоромъ будущемъ увижусь съ ней *)“. Послѣ этого она довольно долго бесѣдовала съ Императрицей наединѣ, о ней лично, о Россіи и Дворѣ, добавивъ, что есть вопросы, которые дозволяется затрогивать только на смертномъ одрѣ, поэтому она считаетъ себя въ правѣ это сдѣлать. Также наединѣ она бесѣдовала съ Великимъ Княземъ, но передъ тѣмъ, въ присутствіи

*) Относится къ княгинѣ Еленѣ Степановнѣ Куракиной (рожден. Апраксиной), которая умерла въ 1769 году. П. В.

другихъ, она увѣщевала его позабыть ее поскорѣе и жениться на другой для блага его государства и многочисленнаго народа. Существуетъ даже предположеніе, что она указала достойную себѣ преемницу. Это умиленное увѣщеваніе, безъ напыщенности и естественное, глубоко потрясло всѣхъ присутствовавшихъ, и рыданія раздались около несчастной умирающей княгини. Наконецъ, въ Пятницу утромъ принцъ Генрихъ Прусскій направилъ къ ней своего врача, и она долго бесѣдовала съ нимъ о Берлинѣ, какъ совсѣмъ здоровая. Новый докторъ ничего не предпринялъ: время ушло, къ Кесареву съѣзду приступить не рѣшалась Императрица, такъ какъ повторяла, что отвѣтственность за исходъ болѣзни лежитъ на нихъ. Антоновъ огонь распространился. Однако Княгиня встала съ постели, перешла въ кресла и сказала своему доктору: „Я чувствую, что смерть моя наступитъ вечеромъ. т. к. я не разрѣшилась отъ бремени“. Послѣ этого она легла въ постель, урывками разговаривала о самыхъ маловажныхъ предметахъ, о выступленіи рѣки изъ береговъ, объ удовольствіи катанья въ лодкѣ. Смердяный воздухъ уже распространился въ комнаты, и Великаго Князя не впустили къ больной, хотя она усленно, за нѣсколько часовъ до смерти, призывала его и Императрицу: послѣдней она просила передать записку съ перечнемъ лицъ, которыхъ поручала ей благосклонности. Горничная-нѣмка, привезенная ею изъ Дармштата, и Дюфуръ, камердинеръ Великаго Князя, не покидали ее до послѣдней минуты.

По словамъ графа Разумовскаго кончилась она въ пять часовъ безъ восемнадцати минутъ. Въ шесть часовъ я уже былъ у него. Онъ только что легъ. Камердинеръ его доложилъ, что онъ уже въ постели, но тѣмъ не менѣе, я былъ принятъ. При видѣ меня онъ горько заплакалъ. Мы поцѣловались, и я, въ свою очередь, не могъ удержаться отъ слезъ. „Какой ужасъ, какое несчастье, воскликнулъ онъ, ты не знаешь, другъ мой, кого мы теряемъ въ ней“. Я старался его успокоить, и мы продолжали разговоръ на ту же тему. „Сколько силы воли и душевной доброты она проявила“, прибавилъ Разумовскій, „она старалась насъ всѣхъ успокоить. Передъ смертью она бесѣдовала со всѣми поочередно; я пользовался всегда ея расположеніемъ и былъ послѣднимъ, съ кѣмъ она говорила“. „Когда-нибудь свидимся“, сказала она мнѣ въ утѣшеніе. „Мы не можемъ не свидѣться“. Онъ заплакалъ снова. Въ эту минуту вошла его сестра, и я оставилъ ихъ вдвоемъ. Черезъ часъ я возвратился, но его уже не засталъ. Г-жа Загряжская его увезла къ себѣ. Я привезъ соли, которыя просилъ ему передать. Описываю тебѣ, другъ мой, необыкновенно горестное событіе, которому лично глубоко сочувствую. Великому Князю пустили

кровь, и съ матерью въ визави они отбыли въ Царское Село. Потемкинъ и г-жа Брюсъ послѣдовали за ними. Князь Орловъ нагналъ ихъ верхомъ. Меня увѣряли, что Потемкинъ наканунѣ, или за день до злополучнаго событія, въ то время, когда мы все обливались слезами, игралъ въ вистъ и проигралъ три тысячи рублей. Вообще горе въ этой странѣ очень непродолжительно. Что касается до меня, то еще долго я сохранию въ моей памяти воспоминаніе объ этой рѣдкой Княгинѣ и сожалѣніе, которое она сумѣла оставить по себѣ.

27-го *Апрѣля* 1776 г.

Посылалъ сегодня утромъ къ графу Андрею Разумовскому: мнѣ просили передать, что онъ еще боленъ и намѣревается отправиться въ Царское Село, какъ только будетъ чувствовать себя легче. Эта неизвѣстность побудила меня навѣстить его; но я не засталъ его дома: оказалось, что онъ только что уѣхалъ, чему я былъ искренно радъ. Ла-Билло, у котораго я сегодня былъ, сообщилъ мнѣ, что, по настоянію его сестры Загряжской, ему пустили кровь, вслѣдствіе чего онъ только сегодня утромъ, а не вчера, могъ отправиться въ Царское Село. Последнее обстоятельство подало поводъ къ распространенію невыгодныхъ слуховъ на его счетъ, которые не преминули распусить его враги. Заявляютъ, напримѣръ, что графъ Андрей горюетъ такъ сильно потому, что утратилъ свою возлюбленную; прибавляютъ, что, будучи въ Москвѣ, Императрица предупреждала Великаго Князя о томъ, что графъ Разумовскій сдѣлалъ его роконосцемъ*). Если бы все это имѣло за собой какія либо основанія, не было бы ничего удивительнаго въ стараніяхъ отдалить Великаго Князя отъ графа Андрея, но эта недостойная клевета доказываетъ еще разъ, что принцъ Генрихъ, какъ я уже писалъ тебѣ, задался этой цѣлью. Онъ ни на минуту не покидаетъ Великаго Князя со времени его несчастья и сумѣетъ извлечь для себя пользу изъ этого прискорбнаго случая. Въ данную минуту онъ находится съ нимъ въ Царскомъ Селѣ.

*) Последніе историки Екатерины II и Великаго Князя Павла признаютъ справедливость этихъ слуховъ. Графъ Андрей, большой другъ Великаго Князя, былъ дѣйствительно любимцемъ Великой Княгини. Онъ былъ подкупленъ Французскимъ и Англійскимъ посланниками, желавшими добиться разрыва отношеній между Россіей, Австріей и Пруссіей, и отъ нихъ-то Разумовскій имѣлъ большую часть своихъ доходовъ. Онъ склонилъ на сторону Бурбоновъ Великую Княгиню, имѣвшую явное вліяніе на своего мужа. Тѣмъ не менѣе, предостереженіе, сдѣланное по этому поводу Екатериной II-й сыну, не произвело на него должнаго впечатлѣнія, въ виду того, что Императрица и Великая Княгиня находились по нѣкоторымъ причинамъ въ разладѣ, и Великій Князь могъ поверить измѣнѣ жены только послѣ ея смерти. Екатерина II-я подозрѣвала въ своей невѣсткѣ страстное желаніе царствовать.

Мнѣ хорошо извѣстно, говоря между нами, что Великая Княгиня отдавала Разумовскому предпочтеніе предъ многими другими; я даже не исключаю предположенія, что между ними существовала теплая и нѣжная дружба, что мнѣ кажется вполне естественнымъ, такъ какъ оба они молоды и достойны любви. Но только при такомъ коварномъ и развращенномъ Дворѣ могутъ подозрѣвать что нибудь дурное въ самыхъ чистыхъ отношеніяхъ. По словамъ Ла-Билло совершенно ошибочно предположеніе, будто г-жа Загряжская такъ сильно любитъ своего брата. Ея большая привязанность къ нему появилась съ той минуты, какъ графъ Андрей попалъ въ милость; прежде не замѣчалось ничего подобнаго и часто, несмотря на свою хитрую политику, у нея прорывалось по отношенію къ нему проявленіе неумѣстной досады; она всегда находить поводъ упрекать его и терпѣть не можетъ, когда онъ посѣщаетъ насъ. Ей безусловно не нравится моя дружба съ графомъ Андреемъ, но мнѣ это совершенно безразлично.

Обѣдалъ сегодня съ Морё, сыномъ Морё изъ „Hôtel-Dieu“, очень искуснымъ хирургомъ. Онъ не захотѣлъ присутствовать при вскрытіи тѣла Великой Княгини изъ боязни высказать слишкомъ откровенно свое мнѣніе передъ придворными докторами и хирургами, рѣшившими, что Великая Княгиня, благодаря своему сложенію, никогда бы не могла разрѣшиться отъ бремени *). Моро не былъ приглашенъ на это вскрытіе, но къ нему приходили съ цѣлью выспытать его мнѣніе; онъ счелъ пужнымъ держаться на сторожѣ и хорошо сдѣлалъ. Мнѣ же (а я его ни о чемъ не спрашивалъ) онъ сказалъ, что изложилъ свои соображенія по этому поводу въ письмѣ во Францію и что онъ считаетъ придворныхъ докторовъ и хирурговъ несвѣдущими ослиами. Смерть Великой Княгини должно разсматривать, по его словамъ, какъ несчастіе, которое можно было предотвратить. Удивительно, по правдѣ сказать, что даже по отношенію Великой Княгини не могли удѣлить большей заботливости и попеченій. Тяжелая вина относительно ея, которая была такъ добра и такъ любима, лежитъ на совѣсти этой страны. Народъ очень негодуетъ, онъ горько оплакиваетъ ее и ожесточается. Въ лавкахъ приходится слышать такія замѣчанія: „молодыя женщины умираютъ, а старыя бабы живутъ“. Къ князю Орлову пришла толпа мужиковъ, чтобы узнать, достоверно ли извѣстіе о смерти Великой Княгини; получивъ утвердительный отвѣтъ, они горько

*) Екатерина писала, что Великая Княгиня на смертномъ одрѣ призналась ей, что когда она была дѣвочкою, ее возили въ Парижъ къ хирургу, который нашелъ, что спинная кость у нея искривлена. Въ одномъ письмѣ Екатерина начертила даже это искривленіе. П. Б.

заплакали. Этотъ порабощенный народъ любить своихъ властелиновъ. Въ Англіи, гдѣ народъ свободенъ, онъ ненавидитъ своихъ королей; Французы, не знающіе рабства, обожаютъ своихъ повелителей. Кто сумѣетъ разобраться въ этомъ чувствѣ? Вечеромъ, у Вемеровъ, я встрѣтилъ доктора принца Генриха. Этотъ докторъ былъ приглашенъ Императрицею къ вскрытію тѣла Великой Княгини. Онъ повторилъ тѣже доводы, которыхъ слѣдуетъ ожидать отъ Двора, но заявилъ, что Великая Княгиня должна была разрѣшиться мальчикомъ. Говорятъ, что громадный ребенокъ имѣлъ 23 дюйма длины и 8 дюймовъ въ плечахъ.

28-го Апрѣля 1776 г.

Долженъ отдать справедливость нѣкоторымъ лицамъ, которыя, судя по ихъ душевнымъ качествамъ, совершенно непохожи на Русскихъ. Къ ихъ небольшому числу принадлежитъ госпожа Нелединская *), которая заболѣла, узнавъ объ этомъ событіи. Я видѣлъ ее сегодня, и Великая Княгиня была единственною темою нашего разговора. Намъ вспоминались отдѣльные случаи, при которыхъ она бесѣдовала съ нами съ свойственными ей добротою и благородствомъ. Никогда не забуду тѣхъ трехъ случаевъ, когда мнѣ пришлось ужинать съ нею за однимъ столомъ, два раза у нея и одинъ у графа Ивана Чернышева, гдѣ я участвовалъ въ домашнемъ спектаклѣ, и всѣхъ тѣхъ милыхъ словъ, которыя она мнѣ тогда сказала. Госпожа Нелединская была особенно любима ею и имѣла много случаевъ наблюдать ее въ близкой обстановкѣ, попытать на себѣ ее доброту и любоваться картиною взаимной любви между нею и Великимъ Княземъ, который никогда иначе не называлъ ее, какъ: „моя дорогая жена“. И люди хотѣли освернить такой трогательный и достойный союзъ, который, несмотря на всѣ старанія, емѣла расторгнуть только одна смерть! Госпожа Нелединская—внучка извѣстной Лопухиной, публично наказанной кнутомъ при Елисаветѣ за вырвавшееся у нея неумѣстное замѣчаніе. Она была красивой молодой женщиной, въ нее влюбился министръ Двора и предложилъ ей руку при выходѣ изъ театра; кто-то шепнулъ, что это могло повредить ей въ глазахъ Государыни, на что Лопухина сгоряча отвѣтила: „Какъ она, имѣющая 1000 любовниковъ, можетъ запретить мнѣ имѣть одного?“ Эти слова и были причиной ея несчастія.

Въ народѣ ходитъ молва, что причиною смерти Великой Княгини является то обстоятельство, что не служили молебновъ о ея здравіи, и что ее лѣчили доктора, къ тому же иностранные. Въ Русскомъ народѣ

*) Настасья Николаевна, рожд. гр. Головина, мачиха поэта Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. П. Б.

держится повѣріе, что при родахъ помогать женщиѣ можетъ только женщина и притомъ непременно Русская. Это убѣжденіе очень неблагопріятно для принца Генриха. Народъ утверждаетъ, что во время своего перваго путешествія онъ привезъ въ Москву чуму, а теперешній его прїѣздъ ставятъ въ связь съ кончиною Великой Княгини.

Это еще не все. Мой аббать Паскани предвидѣлъ смерть Великой Княгини посредствомъ кабалистики, какъ и то, что долженствовавшій появиться на свѣтъ младенецъ мальчикъ.

30 Апрѣля 1776 г.

Меня очень обезпокоило сообщеніе графа де-Брюля. Ходятъ слухи, что Великій Князь заподозрилъ любовь своей супруги къ Разумовскому, что онъ сказалъ объ этомъ двѣ недѣли тому назадъ князю Гагарину, прибавивъ: „Подожду еще немного: надѣюсь, что это безуміе скоро пройдетъ“. Говорятъ, что, незадолго до кончины своей, Великая Княгиня во всемъ созналась мужу, который, подъ впечатлѣніемъ бесѣды съ нею, безпрестанно что-то писалъ въ послѣднія минуты ея жизни. Въ день ея кончины онъ выказалъ необыкновенную твердость. Отъ общаго вниманія не укрылось то обстоятельство, что князь Гагаринъ остался въ Царскомъ Селѣ, тогда какъ графъ Андрей оттуда уѣхалъ. Принцъ Генрихъ не покидаетъ Великаго Князя и, кажется, оправдываетъ высказанныя мною Разумовскому подозрѣнія относительно его плановъ. Не знаю, дорогой другъ, насколько достовѣрны слова графа де-Брюля: но онъ увѣрилъ меня, что Великій Князь открылся нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ, кажется, фельдмаршалу Румянцеву. Меня удивляетъ поведеніе Великой Княгини: она была умна. Что касается до Великаго Князя, это лишній разъ подтверждаетъ его крайнюю безхарактерность, въ которой я никогда не сомнѣвался.

1 Мая 1776 г.

Ко мнѣ зашелъ сегодня графъ де-Брюль, и мы съ нимъ отправились къ графу Андрею, котораго я нашелъ очень угнетеннымъ. Такъ какъ мы были не одни, то намъ не удалось поговорить по душѣ. Онъ успѣлъ только сказать мнѣ, что, оставаясь въ Петербургѣ и не имѣя возможности ѣхать въ Царское Село, онъ не видѣлъ никого изъ знати: что сестра его настояла на томъ, чтобъ онъ перебрался къ ней, на что онъ согласился подъ условіемъ, чтобъ ему была предоставлена полная свобода. Онъ заявилъ, что будетъ очень благодаренъ, если я навѣщу его и что ему бы очень хотѣлось вмѣстѣ прогуляться. Мнѣ было бы очень пріятно побесѣдовать съ вами, прибавилъ онъ, когда графъ де-Брюль вышелъ. Мы условились о времени прогулки на другой день.

и онъ просилъ меня никому не сообщать, что я увижусь съ нимъ наединѣ.

3 Мая 1776 г.

Мы съѣли вдвоемъ въ карету и отправились за городъ. Тамъ, выйдя изъ экипажа, я предоставилъ графу Андрею говорить о себѣ, что онъ и не замедлилъ сдѣлать. „Вы несомнѣнно слышали, о чемъ толкуетъ весь городъ?“ спросилъ онъ. „Но я этому не вѣрю“, отвѣчалъ я, хотя мнѣ и кажется невѣроятнымъ, что Великій Князь могъ такъ скоро забыть васъ. „У меня дружба съ Великимъ Княземъ, возразилъ графъ Андрей, давнишняя: она началась, когда мнѣ было 10 лѣтъ. Я уѣзжалъ въ Страсбургъ учиться, затѣмъ былъ въ Англии¹⁾. Возвращаясь, я всегда встрѣчалъ его неизмѣнное расположеніе ко мнѣ. Оно даже все возрастало съ того времени. Смерть Великой Княгини, о которой я скорблю всей душой, и имѣю право скорбѣть, такъ какъ горе мое вполне законно, мѣняетъ совершенно мое положеніе въ отношеніи Великаго Князя. Минутами его печали и одиночества сумѣли воспользоваться, чтобъ овладѣть имъ. Императрица и принцъ Генрихъ находятся безотлучно при немъ. Я видѣлся съ нимъ утромъ того дня, когда покинулъ Царское Село, и онъ поцѣловалъ меня. Уходя, я замѣтилъ прибывшую Императрицу. Мнѣ передали записку Ея Императорскаго Величества, и я пріѣхалъ въ городъ. Я покажу вамъ подъ большимъ секретомъ письмо, которое, пріѣхавъ сюда, я написалъ Великому Князю. Въ первый разъ г. Салтыковъ²⁾ отвѣтилъ мнѣ, что Его Императорское Высочество боленъ лихорадкою и потому не можетъ писать; во второй разъ, онъ сообщалъ мнѣ о здоровьи Великаго Князя, и ни слова о томъ, что мнѣ хотѣлось знать. Мое рѣшеніе твердо. Я намѣренъ предпринять путешествіе во Францію, Италію и особенно въ Англию. Мнѣ необходимо набраться познаній⁴⁾. Я очень убѣждалъ его исполнить это намѣреніе: оно можетъ принести ему большую пользу, обогативъ познаніями, необходимыми для государственнаго человѣка. Графъ Андрей молодъ, ему всего 24 года. Такъ какъ его пропехожденіе ничего не можетъ дать ему (отецъ его изъ пастуховъ), то онъ долженъ стараться быть необходимымъ государству, благодаря своимъ достоинствамъ. Правда, что Великій Князь, по своей слабохарактерности, можетъ легко забыть его; но вѣдь можетъ случиться, что онъ вспомнитъ о немъ, и вторая роль, которую ему придется играть въ Россіи, будетъ несравненно существеннѣе первой.

¹⁾ Онъ получилъ образованіе въ Страсбургскомъ Университетѣ, а въ 1768 г. поступилъ на службу въ Англійскій флотъ.

²⁾ Николай Ивановичъ (впоследствии князь) былъ тогда гофмаршаломъ у Великаго Князя. П. В.

Обѣдалъ сегодня съ графомъ де-Брюлемъ, который сообщалъ мнѣ, что подозрѣваютъ участіе супруги фельдмаршала Румянцева въ интригѣ между графомъ Андреемъ и Великой Княгиней и что она очень опасается для себя послѣдствій. По другимъ слухамъ въ бумагахъ Великой Княгини нашли переписку, которая все обнаружила. Послѣднее предположеніе мнѣ кажется довольно неправдоподобнымъ: трудно допустить, чтобъ женщина была столь неосторожна.

4 Мая 1776 г.

Мы отправились послѣ обѣда въ Александро-Невскую Лавру. Это монастырь, отстоящій въ двухъ-трехъ верстахъ отъ Петербурга, со стороны проспекта. Тамъ съ Четверга выставлено на катафалкѣ тѣло бѣдной Княгини. Въ томъ же залѣ, говорятъ, было въ свое время помѣщено тѣло Елисаветы*). Я былъ неприятно пораженъ отсутствіемъ погребальной пышности: какъ будто пожалѣли воздать ей должныя почести и, кажется, что самая смерть не смогла смягчить чувство зависти къ ней, зародившееся въ сердцѣ лица болѣе сильнаго. Публикѣ разрѣшается входить и прикладываться къ ея рукѣ, взойдя на двѣ ступеньки, къ катафалку, на которомъ она поконится. Офицеръ, стоящій у тѣла, предлагаетъ желающимъ приложиться; но такъ какъ ни одинъ изъ посланниковъ этого не сдѣлалъ, то я счелъ нужнымъ послѣдовать ихъ примѣру. Позади разставлены скамейки и стулья для дежурящихъ женщинъ, которыя, также какъ и камергеры, смѣняются каждые двадцать четыре часа; но ея прислуга останется неотлучно при ней до дня погребенія, которое назначено во Вторникъ. Выйдя черезъ заднюю часть зала, мы должны были сойти двѣ ступеньки, чтобъ спуститься въ часовню и на правой сторонѣ, близъ алтаря, увидѣли могилу, гдѣ она будетъ погребена, но тамъ еще нѣтъ склепа. Надъ часовней находится церковь св. Александра Невского, видящаяся серебряная гробница котораго не поражаетъ глазъ ничѣмъ инымъ, кромѣ своего богатства (она была устроена по приказу Петра I). Выйдя оттуда, я опять воспользовался каретою графа де-Брюля, и мы отправились въ Лѣтній садъ, единственнымъ достоинствомъ котораго я считаю красоту положенія его на берегу рѣки, благодаря чудной набережной. Это неудачное подражаніе Версальскимъ роцдамъ, гдѣ много свинцовыхъ фигуръ съ брызжущими фонтанами. Изъ Италіи выписаны за громадныя деньги плохія статуи бѣлаго мрамора; внизу каждой изъ нихъ надпись, объясняющая значеніе изваянія.

Я покинулъ графа де-Брюля, чтобъ отправиться къ Немерамъ. Тамъ говорили о графѣ Андрѣ, объ его опалѣ и принятѣ имъ рѣ-

*) Это невѣрно: надо было сказать: Анны Леопольдовны. П. Б.

шеніи. Кажется, что установившееся мѣніе о Великой Княгинѣ, о которомъ я передалъ тебѣ со словъ другихъ, все болѣе и болѣе укрѣпляется. Многіе утверждаютъ, что несчастная Великая Княгиня сама подтвердила зародившіяся подозрѣнія, признавшись передъ смертью Великому Князю въ своей слабости къ Разумовскому. По другимъ слухамъ, Дюфуръ, камердинеръ Великаго Князя, былъ главною причиною немилости Разумовскаго. На основаніи сообщенныхъ имъ подозрѣній, князю Куракину *) было поручено собрать къ Средѣ все бумаги Великой Княгини. Прибавляютъ, что въ шкатулкѣ у нея нашли письма графа Андрея, что и вызвало его опалу. По общимъ увѣреніямъ, его отправляютъ въ Ригу, а графъ де-Брюль сообщаетъ, что графъ де-Ласси, состоя въ дружескихъ отношеніяхъ съ Разумовскимъ, сеужалъ его деньгами. Говорятъ о шифрованномъ письмѣ этого Испанскаго посланника къ молодому графу, которое стараются разобрать въ канцеляріи, гдѣ оно задержано. Съ трудомъ вѣришь этимъ послѣднимъ слухамъ: я не могу допустить, чтобъ такой умный и опытный человекъ, какъ графъ де-Ласси, могъ такъ неосмотрительно довѣриться юношѣ, какъ графъ Андрей. Сообщаю тебѣ объ этомъ предположеніи, потому что слышалъ о немъ уже съ двухъ сторонъ. Забылъ сказать, что получилъ черезъ Комба записку отъ графа Андрея, въ которой онъ проситъ меня навѣститъ его на другой день въ 8 часовъ утра. Возвратившись домой, я нашелъ у себя другую, въ которой онъ сообщаетъ, что дѣла обязываютъ его выѣхать очень рано, и что онъ не будетъ дома. Меня беспокоитъ новость относительно Риги, и я приказалъ разбудить себя пораньше, чтобъ успѣть застать его до отъѣзда.

Воскресенье, 5 (Мая) 1776 г.

Не было еще семи часовъ, когда я сегодня вышелъ изъ дому. Я засталъ графа. Онъ удивился, когда я заговорилъ съ нимъ о Ригѣ, при чемъ замѣтилъ, что это предположеніе недалеко отъ истины, такъ какъ онъ отправляется въ Ревель, получивъ черезъ фельдмаршала Голицына приказъ Императрицы выѣхать туда черезъ 24 часа послѣ погребенія. „Меня успокоиваютъ, прибавилъ онъ, относительно послѣдствій этого назначенія. И я самъ не имѣлъ бы опасеній, еслибъ не такъ хорошо зналъ здѣшніе порядки. Тѣмъ не менѣе, я испросилъ разрѣшеніе посѣтить батюшку въ Украинѣ и затѣмъ уѣхать за границу“. Ссылка въ Сибирь беспокоитъ здѣсь каждаго, попавшаго въ немилость, и Разумовскій упомянулъ между прочимъ, что онъ кое-что подозрѣваетъ и, пріѣхавъ въ Ревель, приметъ свои мѣры, чтобъ въ случаѣ надобности имѣть возможность бѣжать моремъ. Пока я сидѣлъ у него, онъ при-

*) Кн. А-ру Борисовичу. Онъ впоследствии разбиралъ бумаги Павла Петровича. П. Б.

водилъ въ порядокъ свои бумаги. и затѣмъ мы отправились вмѣстѣ изъ дома его сестры, гдѣ онъ остановился, къ нему на квартиру. Тамъ онъ, собирая другія бумаги, между прочимъ показалъ мнѣ тетрадь, исписанную рукою Великой Княгини, съ слѣдующей помѣткой на поляхъ: „начата 11-го Мая 1775 г.“ Тутъ—изреченія Сенеки, выписанныя этой несчастной Княгиней, особую копию которыхъ она сдѣлала для графа Андрея. Я прочелъ нѣкоторые изъ нихъ и съ увлеченіемъ замѣтилъ полное отсутствіе ошибокъ правописанія и неправильностей языка. Прямо удивляешься, мой другъ, какъ хорошо Русскіе владѣютъ нашимъ языкомъ. Я говорилъ Разумовскому о предполагаемой перепискѣ его съ графомъ де-Ласси. Онъ расхохотался въ отвѣтъ на это. Заговоривъ опять о своемъ положеніи, онъ замѣтилъ, что если ему разрѣшатъ путешествовать, онъ совсѣмъ не будетъ жалѣть покинуть Дворъ, и послѣ Великой Княгини ему будетъ жаль только одного Великаго Князя, прибавивъ, онъ что увѣренъ, что всѣ эти распоряженія исходятъ отъ Императрицы. Онъ еще разъ повторилъ, что въ Понедѣльникъ утромъ, когда онъ возвратился изъ Царскаго Села, его не допустили (какъ онъ имѣлъ обыкновеніе это дѣлать раньше) къ Великому Князю во время его вставанія, но что какъ только онъ улучилъ удобную минуту, то, со слезами на глазахъ, поцѣловалъ Великаго Князя, говоря съ нимъ о Великой Княгинѣ. Онъ узналъ по прибытіи Императрицы, которая передала ему письмо для фельд-маршала Голицына, предписавъ предупредить, чтобы тотъ приступилъ къ немедленному исполненію ея приказанія. Разумовскій, узнавъ въ Петербургѣ въ чемъ дѣло, тотчасъ же составилъ письмо къ Великому Князю, которое онъ мнѣ показалъ сегодня утромъ. Оно написано благороднымъ, выдержаннымъ слогомъ и болѣе похоже на письмо къ другу, нежели къ властелину. Онъ говоритъ въ этомъ письмѣ, что не знаетъ, удаленъ ли онъ безъ вѣдома Великаго Князя, или это сдѣлано по его распоряженію; за тѣмъ упоминаетъ вкратцѣ о годахъ, которые онъ провелъ при его особѣ, о своей глубокой привязанности къ нему и къ Великой Княгинѣ и заканчиваетъ письмо завѣреніемъ, что не желаетъ унизиться до такой степени, чтобы изслѣдовать причины и искать тайныхъ виновниковъ своего несчастія. Вчера, какъ я уже писалъ тебѣ, онъ получилъ приказъ отправиться въ Ревель черезъ 24 часа послѣ погребенія; но такъ какъ Императрица вскорѣ собирается туда съ сыномъ*), то онъ хочетъ поскорѣ покинуть этотъ городъ и надеется получить испрошенное имъ разрѣшеніе поѣхать въ Украину, а оттуда отправиться путешествовать. Графъ Иванъ Чернышевъ обѣщаль увѣдомлять его о томъ, что дѣлается при Дворѣ. Ему бы очень

*) Намѣреніе Екатерины съѣздить въ Ревель не исполнилось. П. Б.

хотѣлось получить возможность дать о себѣ знать Великому Князю, такъ какъ весьма вѣроятно, что Салтыковъ не передалъ его письма. Мнѣ не приходилось слышать хорошихъ отзывовъ объ этомъ Салтыковѣ, къ тому же онъ—истый придворный. Покинувъ Разумовскаго, я обѣщалъ писать ему и сдержу слово: впрочемъ, очень возможно, что я еще увижусь съ нимъ до его отъѣзда. Не знаю, замѣшанъ ли въ это дѣло фельдмаршалъ Румянцевъ, но его видѣли очень веселымъ и спокойнымъ, что совершенно сбиваетъ съ толку изобрѣтателей различныхъ слуховъ.

Графъ Панинъ очень разстроены: говорятъ, что у него водяная грыжа и что ему нужно сдѣлать прокалываніе. Онъ держитъ это въ большой тайнѣ. Не знаю, въ какой степени милости пребываетъ этотъ министръ: но мнѣ кажется, что его положеніе прочно, судя по тому, что его племянникъ князь Куракинъ и родственникъ князь Гагаринъ находятся при Великомъ Князѣ въ Царскомъ Селѣ. Правда, что они совсѣмъ не видятъ Его Высочества, но видятъ его только Императрица и принцъ Генрихъ Завадовскій, равно какъ и Потемкинъ, находится неотлучно при Государынѣ: но звѣзда послѣдняго закатывается, хотя къ нему относятся еще съ большой любезностью: общее мнѣніе утверждаетъ, что его должность военнаго министра уже передана графу Орлову. Князь, братъ послѣдняго, въ самой большой милости у Императрицы. Со дня на день ожидаютъ новыхъ событій.

6 Мая 1776 г.

Я занимался утромъ, сидя у камина, когда вошедшій Комбъ и сообщилъ мнѣ, что Лормуа, конюшій Великаго Князя, получилъ отставку, подъ предлогомъ какого-то переустройства. Съ нимъ обошлись, впрочемъ, очень ласково, пообѣщавъ подарокъ со стороны Его Императорскаго Высочества. Онъ проситъ только объ уплатѣ 1500—1600 р., которыхъ ему еще не выдано. Лормуа хотѣлъ бы уже уѣхать: послѣ всего того, что онъ здѣсь видѣлъ, у него пропала всякая охота оставаться въ Россіи. Во Франціи онъ вознаградитъ себя за молчаніе, которое принужденъ былъ хранить здѣсь. Впрочемъ, и теперь онъ не стѣняется и позволяетъ себѣ довольно рѣзкія замѣчанія, какъ то: нельзя назвать Великаго Князя человѣкомъ съ слабымъ характеромъ, такъ какъ у него наблюдается полное отсутствіе сего послѣдняго; онъ по природѣ черствъ и жестокъ, вся доброта его исходитъ изъ чувства страха; онъ ненавидитъ свою мать, которая презираетъ его и считаетъ недостойнымъ высокаго положенія, къ которому онъ призванъ судьбою.

Графъ де-Брюль зашелъ ко мнѣ на минутку; онъ сообщилъ, что принцъ Генрихъ подарилъ на дняхъ Потемкину свой портретъ, осы-

панній брилліантами. Онъ очень хотѣлъ бы усилить его значеніе, чтобъ досадить Орловымъ, которые противъ Прусаковъ. Орловъ, почти увѣренный въ своей власти, играетъ несчастнымъ фаворитомъ и донимаетъ его ѣдкими эпитаграммами.

7 Мая 1776 г.

Быль сегодня утромъ на погребеніи Великой Княгини. Мы приѣхали туда къ девяти часамъ. Ожидали Императрицу. Немедленно по ея прибытіи началась служба. Тѣло помѣщалось, какъ и прежде, въ гробу, подъ балдахномъ изъ золотой парчи, затканной серебромъ, и съ украшеніями изъ бѣлыхъ и черныхъ перьевъ. Изъ параднаго зала, гдѣ оно находилось въ предыдущіе дни, его перенесли въ часовню, двумя ступеньками ниже зала, изъ котораго мы вышли, чтобъ занять мѣста. Императрица находилась направо отъ выхода, фрейлины и статсъ-дамы налѣво, мы помѣстились подале, въ глубинѣ, противъ лѣстницы, ведущей въ церковь Александра Невскаго. Началась служба, продолжавшаяся два часа, послѣ которой епископъ Платонъ произнесъ рѣчь, тронувшую присутствующихъ до слезъ; одни плакали чистосердечно, многіе изъ притворства. Въ концѣ церемоніи тѣло опустили въ предназначенную для него могилу, близъ алтаря. Эта печальная церемонія ужасна, въ особенности, когда она касается знакомаго близко лица. Сейчасъ опишу ее тебѣ, дорогой другъ, болѣе подробно. Духовникъ читаетъ разрѣшительную молитву и, приложившись къ покойницѣ въ послѣдній разъ, даетъ ей отпущеніе грѣховъ: въ руку ей вкладываютъ разрѣшительную грамоту. Всѣмъ затѣмъ нѣсколько священниковъ приподнимаютъ золотую парчу, покрывавшую ее до самой головы, чтобъ вынуть изъ подъ нея кусокъ кисеи, которымъ закрываютъ лицо; на минуту его еще разъ открываютъ, чтобъ окропить святымъ масломъ. Это обрядъ соборованія, послѣ котораго ее покрываютъ на вѣки. Затѣмъ нѣсколько человекъ изъ мірянъ накладываютъ крышку гроба, которая скроетъ ее навсегда. Является облыковенно одѣтый рабочій, безъ всякаго траура, и онъ привинчиваетъ крышку. Видъ этого непригляднаго человѣка меня глубоко возмутилъ; мнѣ почудилось, что это соглядатай смерти. Когда все это продѣлывали, казалось, что Императрица плачетъ; но я не вѣрю ей слезамъ: у нея для этого слишкомъ черствое сердце. Орловъ, стоявшій подлѣ нея, держался съ большею выдержкою. Графъ Иванъ Чернышевъ, какъ истый придворный, отдалъ ему три почтительныхъ поклона, слегка кивнувъ головою Потемкину, который, говорятъ, въ скоромъ времени окончательно сойдетъ со сцены.

Обѣдалъ у Саксонскаго посланника вмѣстѣ съ де-Брюлемъ, который приѣхалъ въ половинѣ одиннадцатаго и просилъ меня съѣздить въ

Красный Кабакъ къ Разумовскому, за которымъ, по его словамъ, слѣдять, и его всюду сопровождаетъ офицеръ. Я выѣхалъ въ 12 часовъ ночи, и мнѣ показалось, что я встрѣтилъ карету графа Андрея. Дома я нашелъ отъ него записку, гдѣ онъ сообщаетъ, что, оберегая меня, принужденъ уѣхать не простившись, такъ какъ за нимъ слѣдять и знаютъ, что мы видѣлись. Мнѣ дѣйствительно передавали, что при такихъ же обстоятельствахъ, при Елисаветѣ, одинъ членъ посольства былъ сосланъ въ Сибирь и возвращенъ оттуда только при Петрѣ III.

20 Мая 1776 г. Шарлотта де-Бемерь.

Видѣлъ госпожу Загряжскую, которая сообщила, что собирается съѣхать съ братомъ въ Ревель. Надѣются, что графу Андрею удастся скоро выбраться изъ этого города, чтобъ отправиться за границу. Полагаютъ даже, что онъ получитъ назначеніе полномочнаго министра Россіи въ Португалію.

23 Мая 1776 г. Къ брату.

Графъ Панинъ все еще хвораетъ; ему уже сдѣлали два прокола, но, кажется, придется прибѣгнуть къ важной операціи, чтобъ задержать при помощи бандажа выпаденіе кишекъ. Рѣдкій хирургъ возьмется за такое отвѣтственное дѣло. Я слышалъ объ одномъ Французѣ, который присужденъ къ изгнанію, укрывается въ Англію и очень свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ. Къ довершенію всего графъ Панинъ уже порядочно перетранъ жизнью и слишкомъ слабъ, чтобъ перенести операцію, и это сильно осложняетъ его положеніе. Я узналъ, что выборъ графа Петра Разумовскаго палъ на молодую вдову, которая прежде или даже въ послѣднее время, была любовницей Великаго Князя, встрѣчавшагося съ нею у графа Панина. Въ этомъ и кроется главная причина противодѣйствія гетмана этому браку его сына. Великій Князь сдѣлалъ имъ свадебный подарокъ въ 30,000 рублей.

24 Мая 1776 г.

Лордуа утверждаетъ, что ему сообщили изъ достовѣрныхъ источниковъ, что послѣ Великой Княгини осталось долговъ до 3-хъ милліоновъ рублей.

26 Мая 1776 г.

Великій Князь пріѣдетъ во Вторникъ на Каменный Островъ на закладку зданія. Его путешествіе въ Берлинъ, о которомъ говорили раньше, еще не рѣшено окончательно. Быть можетъ, изъ политическихъ соображеній распускаютъ слухъ, что оно не состоится. Онъ уже позабылъ о своемъ горѣ; говорятъ, что какая-то фрейлиня Императрицы сильно способствуетъ его развлеченію. Въ обществѣ вспоминаютъ о домашнихъ спектакляхъ; ф.-маршалъ Голицынъ собирается построить

театръ, о томъ же поговариваютъ у Головиныхъ, Спиридовой и т. д. Я всюду приглашенъ. На дняхъ въ Царскомъ Селѣ съ великимъ успѣхомъ давали „Севильскаго Цирюльника“. Спектакль этотъ намѣреваются повторить.

28 Мая 1776 г.

Обѣдалъ вмѣстѣ съ м. де-Жюинье у князя Щербатова*). Чѣмъ чаще я бываю въ этомъ домѣ, тѣмъ больше онъ мнѣ нравится. Это одна изъ немногихъ семей, гдѣ почти не придерживаются національныхъ предрасудковъ. Хозяйка дома обладаетъ большимъ умомъ и знаніемъ свѣта. Она только что взяла свою дочь изъ монастыря, гдѣ молодая дѣвушка, по ея словамъ, не приобрѣла никакихъ полезныхъ познаній; она утверждаетъ, что недостатокъ питанія, которое тамъ ведется съ непозволительною экономіею, вредно отразился на здоровьѣ ея дочери. Умственной стороною воспитанія она тоже не имѣетъ основаній быть довольна: познанія этой молодой дѣвушки, окончившей съ золотой медалью, такъ незначительны, что родителямъ приходится обучать ее правописанію. Со временемъ мы узнаемъ обо всемъ этомъ болѣе подробно. Эти дѣвицы, пріученныя къ скрытничеству, не любятъ высказывать своихъ мыслей и умалчиваютъ о томъ, что онѣ видѣли, въ продолженіе двухъ лѣтъ. Всѣ ихъ жалобы блѣднѣютъ передъ множествомъ доставляемыхъ имъ развлеченій, но очарованіе мало-по-малу разсѣвается: онѣ не боятся болѣе г-жи Лафонъ, и ихъ уста разверзнутся, когда онѣ ее совершенно потеряютъ изъ виду. Княгиню Щербатову беспокоитъ ея вторая дочь, находящаяся въ этомъ учебномъ заведеніи. Она говоритъ, что рѣшилась помѣстить туда своихъ дѣтей, рассчитывая, что они будутъ подъ крылышкомъ княжны Долгорукой, сестры посланника въ Берлинъ. Это была женщина по своимъ достоинствамъ вполне соответствовавшая положенію начальницы, которое она занимала. Г-жа Лафонъ, состоявшая при ней въ качествѣ помощницы, сумѣла снискать расположеніе Бецкаго, благодаря чему княжнѣ Долгорукой было сдѣлано столько непріятностей, что она принуждена была оставить свое мѣсто, которымъ воспользовалась г-жа Лафонъ. Ты могъ бы, пожалуй, изъ всего вышележащаго вывести заключеніе, принимая во вниманіе мнимый умъ Бецкаго, что эта Лафонъ очень дѣльная особа, обладающая большими познаніями. Ничуть не бывало, мой другъ. Ея главное достоинство заключается въ томъ, что она сумѣла подладиться къ Бецкому, этому пустому и глупому старику.

*) Историкъ кн. Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ, женатъ былъ на княжнѣ Щербатовой же Натальѣ Ивановнѣ. Изъ семерыхъ дочерей у нихъ старшая кн. Ирина (р. 1757) за Матв. Григ. Спиридовымъ. П. В.

всегда больше заботившемуся о своих личных выгодах, чѣмъ о благѣ другихъ. Я не берусь судить объ этой Лафонъ: по ея происхожденію, она, какъ говорятъ, дочь здѣшняго виноторговца, и не думаю, чтобъ полученное ею воспитаніе могло бы заставить позабыть о ея прежнемъ положеніи. Всѣ поголовно утверждаютъ, что это женщина безъ всякихъ правилъ и образованія, что я могу удостовѣрить, такъ какъ читалъ ея наставленія выпускнымъ воспитанницамъ монастыря, составленныя въ видѣ совѣтовъ и житейскихъ правилъ. Они грѣшатъ какъ правильностью изложенія, такъ и безпочвенностью; написаны вообще плохо, слогъ оставляетъ желать многого, изобилуютъ ошибками. Можетъ быть, послѣднія можно отнести къ небрежности переписицицъ; но это опять таки сильно свидѣтельствуетъ противъ воспитанія дѣвушекъ, такъ нерадиво относящихся даже къ тѣмъ предметамъ, которые должны предстать на судъ публики. Я запасся такой тетрадкою, велю ее переписать со всѣми ея погрѣшностями, и ты убѣдишься наглядно въ незаслуженности преувеличенныхъ похвалъ этимъ учрежденіямъ и основателямъ ихъ.

30 Мая 1776 г.

Сегодня у меня былъ г. де Жильяръ. Онъ не долюбиваетъ Рибаса и увѣряетъ, что сей послѣдній ввелъ въ Кадетскомъ Корпусѣ сократическую любовь, съ ея отвратительными послѣдствіями. Миѣ это кажется неправдоподобнымъ.

31 Мая 1776 г.

Одинъ изъ Салтыковыхъ былъ долженъ нѣкому купцу Демаресту извѣстную сумму денегъ. По истеченіи всѣхъ сроковъ уплаты и всевозможныхъ отлагательствъ, Демарестъ отправляется лично къ Салтыкову съ убѣдительною просьбою объ отдачѣ денегъ. Послѣдній заявляетъ, что онъ ему рѣшительно ничего не долженъ и направляетъ его къ своему опекуну. Демарестъ продолжаетъ настаивать и когда Салтыковъ сталъ грозить, что прикажетъ спустить его съ лѣстницы, купецъ замѣчаетъ: „Фи, господинъ графъ! Прилично ли Салтыкову прибѣгать къ такому способу расплаты съ долгами?“ На это Салтыковъ велитъ своимъ людямъ схватить его и избить до крови. До сихъ поръ несчастный купецъ не можетъ оправиться и принужденъ оставаться въ постели, и полиція не вмѣшивается въ это дѣло. Другой Салтыковъ, по имени Сергѣй, будучи долженъ 4000 р. Французскому купцу Годену, живущему уже 25 лѣтъ въ Россіи и пользующемуся извѣстностью вполне честнаго человѣка, предложилъ ему взять въ уплату, вмѣсто денегъ, вексель нѣкоей г-жи Грибоѣдовой въ 10,000 р., съ тѣмъ, чтобъ недостающіе 6000 р. онъ дополнилъ товаромъ. Годенъ принимаетъ

вексель г-жи Грибоѣдовой, которая обязывается лично съ нимъ расплатиться, при чемъ онъ условливается возвратить 4000 р. драгоценными вещами и 2000 р. наличными. На томъ и порѣшили. По прошествіи 1-2 мѣсяцевъ, Годена требуетъ къ себѣ начальникъ полиціи Архаровъ, чтобъ распросить о подробностяхъ этого дѣла и, безъ всякаго предварительнаго слѣдствія, приказываетъ заключить его въ оковы и бросить въ тюрьму, гдѣ онъ находится съ втораго Февраля и по сей день. Господину де-Жюшнне обѣщаютъ освободить этого человѣка, но пока еще ничего въ этомъ направленіи не предпринято. Вотъ тебѣ, другъ мой, образецъ правосудія въ этой странѣ и честности должниковъ, съ которыми приходится имѣть дѣло купцамъ.

2 Июня 1776 г.

Графъ Шереметевъ обѣдалъ вчера у м-за де-Жюшнне. Онъ наговорилъ мнѣ много любезностей и упрекалъ меня въ томъ, что мы рѣдко видимся. И очень тронуть, какъ и слѣдуетъ быть, изъявленіемъ его дружескихъ ко мнѣ отношеній, но тѣмъ не менѣе не могу быть его другомъ. Это обстоятельство навело меня на нѣкоторое размысленіе. И чутокъ къ похвалѣ, какъ и все люди, часто поддаюсъ ея соблазну: но не веѣмъ дано воздѣйствовать на меня этимъ путемъ и смекать мое расположеніе. Общая молва гласитъ про графа Шереметева, что онъ благоправный молодой человѣкъ, т. е. безъ кричащихъ недостатковъ. Въ Москвѣ Нюн-Сегюръ былъ отъ него въ восторгѣ. Г. Жюшнне и я раздѣляемъ его мнѣніе, и пока я его еще не измѣнилъ. Шереметевъ Русскій, не отличающійся умомъ; путешествія не оказали на него должнаго вліянія, богатства не даютъ ему счастья, и онъ не умѣетъ имъ пользоваться. Онъ не чуждъ недовѣрчивости, которая всегда служитъ отличительною чертою мелкой души и слабого умственнаго уровня; онъ не умѣетъ ни любить, ни ненавидѣть, не разбирается въ своихъ чувствахъ и часто награждаетъ своимъ расположеніемъ угодниковъ и слугъ. Въ его обращеніи и виѣшности замѣчаются какія-то невяжущіеся между собою противоположности. Любящій пышность, роскошь въ одеждѣ, экипажахъ, челяди, самъ онъ мало представителятъ. и тѣмъ же недостаткомъ грѣшитъ строй его дома. Курьеры возвѣщаютъ его приближеніе, но въ рѣдкомъ домѣ можно встрѣтить эту блестящую свиту съ такимъ представителемъ. Графъ выѣзжаетъ мало, дома скучаетъ и у себя принимаетъ только людей, въ матеріальномъ отношеніи отъ него зависящихъ, надъ которыми онъ властвуетъ. По манерамъ его нельзя принять за Русскаго, по складу ума за Француза: однако онъ горячій поклонникъ всего Французскаго, кромѣ самихъ Французовъ и дорожить собственной національностью, по скольку онъ

къ ней принадлежить. Этотъ человѣкъ съ своимъ богатствомъ долженъ бы занять первое мѣсто въ государствѣ; имѣй онъ болѣе тонкій умъ, чуткое сердце и мыслящую голову, онъ покорилъ бы сердца всѣхъ женщинъ, властвовалъ надъ мушкетерами, внушалъ бы должную острастку кому слѣдуетъ и пользовался бы общою любовью и уваженіемъ*).

Я ѣздилъ кататься съ г. Комбомъ въ Екатерингофъ. Было большое стеченіе публики, много экипажей и толпы народа. Эти порабощенные мужики составляютъ рѣзкую противоположность съ просвѣщенной частью населенія. Съ одной стороны вы видите роскошь, наводящую вамъ Паризъ, людей сроднившихся съ этой столицей, ихъ богатства; съ другой толпы грубыхъ крестьянъ одновременно пляшущихъ и распѣвающихъ въ одинъ голосъ любимую ямщицью пѣсню. Просвѣщеніе съ одной стороны и грубое невѣжество съ другой всегда поражаютъ иностранца: получается впечатлѣніе, что два отдѣльных народа, двѣ различныя націи населяютъ эту страну, и вы сразу какъ бы переноситесь и въ XIV-ое и въ XVIII столѣтія. Покатавшись немного, мы гуляли въ Лѣтнемъ саду, а затѣмъ отправились къ графинѣ Головиной, гдѣ встрѣтили Трубецкую. Послѣ ужина я гулялъ по набережной и захватилъ съ собою Пошэ, служащаго въ Кадетскомъ Корпусѣ съ окладомъ 600 р. въ годъ. На немъ лежитъ распорядительная часть увеселеній: онъ повторяетъ съ дѣтскими роли комедій, въ которыхъ они участвуютъ. Пошэ пріѣхалъ сюда въ качествѣ кучера, но онъ не могъ побороть своей страсти къ театру, всегда отвлекавшей его отъ торговыхъ занятій; въ этомъ и лежитъ разгадка его настоящаго положенія. Его поступленіе почти совпадаетъ съ поступленіемъ Рибаса, и въ началѣ они близко сошлись. Рибасъ хотѣлъ воспользоваться Пошэ, чтобы быть освѣдомлену относительно того что дѣлается, Пошэ отказался, что послужило поводомъ къ натянутости ихъ отношеній, и Пошэ думаетъ уже объ отставкѣ. Ему предлагаютъ мѣсто въ Москвѣ съ окладомъ въ 1000 рублей на полномъ содержаніи, т. е. квартиру, освѣщеніе, отопленіе, столъ и иногда экипажъ, во главѣ общества, которое собирается отдавать помѣщенія подъ увеселительныя собранія. Пошэ съ большой похвалой отзывается о Щербатовыхъ, и я вполне раздѣляю его мнѣніе. Онъ сообщилъ мнѣ причину душевнаго разстройства несчастной княгини, т. е. она дѣйствительно была помѣшана. У нихъ гостилъ одинъ изъ ея родственниковъ, князь Прозоровскій, съ

*) Сія послѣднія подобаютъ графу Николаю Петровичу Шереметеву и до нынѣ: почти всѣ имена лицъ, изображенныхъ Корберономъ, поглощены волною забвенія, а имя графа Н. П. Шереметева уже второе столѣтіе признательно поминается и благословляется множествомъ людей, благодаря его Странноприимному Дому въ Москвѣ. П. Б.

успѣхомъ дѣйствовавшій противъ Пугачева. Этотъ человѣкъ, необыкновенно любезный, обладалъ столькими преимуществами въ сравненіи съ ея супругомъ, что она не сумѣла отнестись къ нимъ равнодушно и потеряла душевное равновѣсіе. Она старалась подавить опасную страсть, разсудокъ ея помрачился, пылкое воображеніе увлекло ее слишкомъ далеко, въ результатѣ умопомѣшательство. Она осталась честной, но душевно-больной. Многія женщины на ея мѣстѣ рисовались бы своимъ цѣломудріемъ.

Мнѣ сообщали, что горничная покойной Великой Княгини была отпущена, получивъ, въ награду отъ Императрицы двѣ тысячи рублей и нѣсколько вещей изъ ея гардероба; доктора же, невѣжество и недобросовѣстность которыхъ были причиною смерти милѣйшей изъ женщинъ, были вознаграждены десятью тысячами рублей.

3 Июня 1776 г.

Сегодня у меня былъ графъ де-Брюль. Мы говорили о его дѣлахъ, которыя совѣмъ не подвигаются. Ему совѣтуютъ побывать у князя Орлова, который просилъ передать ему, что онъ былъ бы очень радъ видѣть его у себя. Но де-Брюль уже слышалъ о фрейлинѣ Зиновьевой и опасается, какъ бы князь Орловъ не предложилъ ему на ней жениться. Тебѣ уже извѣстно, что эта фрейлина, племянница князя, имѣетъ отъ него ребенка. Онъ назначилъ ей 100,000 р. наличными деньгами и на такую же сумму брилліантовъ: вся загвоздка въ томъ, чтобъ подыскать для нея мужа, но въ расчеты де-Брюля совѣмъ не входитъ брать на себя эту роль. Кажется, было бы очень желательно, чтобъ онъ поступилъ на Русскую службу. Я его отговариваю отъ этого шага. Все это сильно осложнится, если сюда вмѣшается князь Орловъ.

4 Июня 1776 г. Альбертинъ де-Бемерь.

Ужиналъ сегодня у той самой госпожи Спиридовой, которая внушаетъ столько опасеній на мой счетъ вашей сестрѣ: ея безпокойство совершенно напрасно. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что я поддамся ея чарамъ. Спиридова мила, но слишкомъ легкомысленна, съ претензіями на вполне зрѣлый умъ. Ея красивое лицо и граціозная фигура представляли бы дѣйствительную опасность, еслибы она обладала бѣльшимъ образованіемъ и болѣе устойчивымъ умомъ. Мы бесѣдовали съ нею о поэзій, литературѣ, книгахъ легкаго содержанія и т. п. Она занимается теперь переводомъ съ Русскаго на Французскій поэмы Геснера „Потоць“, написанной первоначально на Нѣмецкомъ языкѣ.

5 Июня 1776 г. Къ брату.

Здѣсь графъ Нессельроде, бывшій на службѣ у Прусскаго короля и состоявшій съ нимъ, а затѣмъ съ Дармштадтскимъ ландграфомъ, въ

очень близкихъ отношеніяхъ. Онъ пріѣхалъ сюда, рассчитывая быть зачисленнымъ въ штатъ Великой Книгини, которая какъ разъ въ это время скончалась. Предполагають, что онъ желаетъ поступить на Русскую службу. Это человѣкъ большого ума, разговорчивый и остроумный; неподобны его остроты на Прусскаго короля. Я видѣлъ его портретъ въ профиль, сдѣланный перомъ и, говорить, очень удачный. Если онъ мнѣ попадется, я вытравию его острой водкою. Графъ Нессельроде долженъ передать мнѣ письмо Вольтера къ Прусскому королю.

7 Июня 1776 г.

Отъездъ Великаго Князя и принца Генриха въ Берлинъ все еще назначается на 21-е число. По мнѣнію нѣкоторыхъ, въ послѣднюю минуту, подъ предлогомъ нездоровья Великаго Князя, путешествіе будетъ отложено, хотя по этому поводу уже сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія не только на почтовыхъ трактахъ, но и относительно лошадей. Великій Князь, кромѣ кареты, въ которой поѣдетъ самъ, будетъ имѣть двѣ слѣдомъ и шесть придворныхъ каретъ.

8 Июня 1776 г.

Вчера въ Царскомъ Селѣ состоялось бракосочетаніе господина Рибаса *) съ дѣвицею Анастасіей, камеристкой Императрицы. Оба обѣдали вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ при Дворѣ и получили отъ него подарки. Этотъ Рибасъ Неаполитанецъ, ловкій, какъ и всѣ его соотечественники. Я уже говорилъ тебѣ, какъ хитро онъ сумѣлъ провести г. Бецкаго и получить управленіе Кадетскимъ Корпусомъ. Этотъ бракъ является для него очень выгоднымъ. Ея Императорское Величество дастъ ему 10,000 р. и 15,000 его женѣ, бывшей нѣкогда любовницею Бецкаго, и этотъ тупоумный старикъ, выдавая ее замужъ, даритъ ей отъ тридцати до сорока тысячъ рублей, домъ и т. п. Вотъ, другъ, какъ здѣсь составляются состоянія! Рибасъ пріѣхалъ въ Россію ни съ чѣмъ, но при известной изворотливости и гибкости въ этой странѣ можно достичь многого. Этотъ человѣкъ обладаетъ безусловными дарованіями; но его можно кое въ чемъ упрекнуть, что ему, конечно не помѣшаетъ, какъ бы ни были обоснованы эти упреки, получить мѣсто директора Корпуса. Я тебѣ часто говорилъ о его дружбѣ съ Нормандцомъ; думаю, что она основана на хитрости одного и глупости другаго. Рибасъ желаетъ держаться графа де-Ласси и сойти за Испанца, принимаетъ Нормандца, который, въ свою очередь, надѣется получить отъ него нужныя свѣдѣнія и поддержку, тогда какъ Итальянецъ внутренно насмѣхается надъ нимъ.

*) Рибасъ—предокъ свѣтлѣйшей княгини Юрьевской. П. Б.

9 Июня 1776 г.

Бракъ Рибаса надѣлалъ много шуму. Фельдмаршалъ Румянцевъ провожалъ къ вѣнцу жениха, а Императрица дѣвицу Анастасію. Дидеро сумѣлъ должнымъ образомъ воспѣть въ Парижѣ доказательство благоволенія, что вызвало нескрываемую досаду со стороны Русскихъ и недоумѣніе болѣе разсудительныхъ людей. Но Дидеро хорошо знаетъ, что дѣлаетъ: ему нужно поддерживать изданіе „Энциклопедія“, и онъ надѣется, что казна Императрицы придетъ ему въ данномъ случаѣ на помощь. Говорилъ-ли я тебѣ, упоминая о дѣвицѣ Анастасіи, что она получила образованіе? Ее воспитывала, по порученію одного вельможи, ла-Клоренъ, отказавшаяся помѣстить ее на сцену, благодаря ея небезупречной нравственности. Какъ могла она, дочь кучера и бѣдной женщины, прозябающей въ какомъ-то углу въ домѣ Бецкаго, рассчитывать на то, что сулитъ ей теперь судьба? Только колесо фортуны, которое вертится тутъ скорѣе, нежели гдѣ бы то ни было, могло создать подобное положеніе Рибасу и его женѣ.

Штелинь—секретарь Академіи: почему-то я составилъ себѣ о немъ лучшее представленіе, которое совершенно утратилось, когда я его увидѣлъ. Онъ сынъ камердинера, даже, быть можетъ, когда нибудь и самъ занималъ эту должность; теперь онъ состоитъ президентомъ Петербургскаго Экономическаго Общества. Онъ предложилъ мнѣ вступить въ число членовъ; я не далъ ему ни утвердительнаго, ни отрицательнаго отвѣта: хочу раньше узнать, какъ поставлено это дѣло.

Встрѣтилъ на Набережной госпожу Зиновьеву съ принцессою Грузіи. Князь Орловъ подошелъ къ дворцѣ ея кареты и объявилъ, что онъ влюбленъ въ одну изъ воспитаницъ Монастыря, въ одну изъ бѣлыхъ, которыя только что вышли, добавилъ онъ. Онъ гулялъ со многими изъ нихъ въ Лѣтнемъ саду. Мнѣ не нравится, другъ мой, тонъ празднаго волокиты, принятый этимъ княземъ. Его шуточные приемы слишкомъ противорѣчатъ представительности, которой онъ долженъ бы держаться, послѣ той отвѣтственной роли, которую игралъ въ своей странѣ и на которую онъ еще рассчитываетъ въ будущемъ. Наши вельможи имѣютъ совсѣмъ другую осанку; они, быть можетъ, и не больше Русскихъ отдаются своимъ дѣламъ, во всякомъ случаѣ, не меньше Русскихъ любятъ женщинъ; но при всемъ томъ они не производятъ впечатлѣнія своей ненужности. Говорятъ, что Орловъ выбралъ четырехъ воспитаницъ изъ Монастыря для своихъ личныхъ удовольствій, что кажется вполне обычнымъ явленіемъ въ Россіи.

10 Июня 1776 г.

Оказывается, что г.г. Бецкій и Минихъ провожали молодую чету Рибасовъ въ церковь, а не фельдмаршалъ Румянцевъ, какъ я это раньше предполагалъ. Все утверждаютъ, что дѣвица Анастасія—дочь Бецкаго.

Бѣдный Рожерсонъ, врачъ Императрицы, опасно боленъ гнилой лихорадкою и, быть можетъ, воспаленіемъ мозга. Сегодня вечеромъ ему совсѣмъ плохо. Мнѣ было бы очень жаль, еслибъ съ нимъ приключилось несчастіе: онъ пользуется доброю славою, какъ врачъ, любимъ и уважаемъ всѣми; въ тридцать лѣтъ передъ нимъ открывается блестящая будущность. Я буду оплакивать въ его лицѣ умнаго и благороднаго человѣка, каковыя теперь очень рѣдки. Здѣсь такъ привыкли къ ядамъ, что утверждаютъ, что Англійскій врачъ отравленъ своими собратьями. Я этому не вѣрю. Графъ Панинъ очень боленъ. Хирурги боятся за его жизнь.

11 Июня 1776 г.

Снова идутъ толки о возвращеніи гр. Андрея: утверждаютъ, что онъ писалъ изъ Ревеля В. Князю и получилъ отъ него отвѣтъ.

Ужиналъ вмѣстѣ съ маркизомъ де-Юинье у князя Щербатова. Сей послѣдній рассказывалъ, что госпожа Лафонъ сдѣлала строгій выговоръ его дочери за то, что въ домѣ ея родителей порицаютъ учебное заведеніе. Онъ написалъ по этому поводу прекрасное письмо госпожѣ Лафонъ, которое много выиграло бы, еслибъ онъ воздержался отъ крупныхъ ошибокъ правописанія. Въ то же время я былъ пораженъ, что Щербатовъ, ведущій свой родъ отъ владѣтельнаго Русскаго князя Игоря, почтительно величаетъ г-жу Лафонъ „превосходительствомъ“. Впрочемъ эта загадка разрѣшается очень просто: у него въ Монастырѣ дочь, которая зависитъ отъ г-жи Лафонъ. Между прочимъ, говорятъ, что г-жа Лафонъ не особенно дорожитъ своимъ мѣстомъ и что Рибасъ, который ея не долюбиваетъ, всячески старается повредить ей и поднять ее на смѣхъ.

16 Июня 1776 г.

Рѣшено, что Великій Князь отправляется въ Берлинъ. Онъ уѣзжаетъ въ слѣдующую Субботу въ Ригу, гдѣ будетъ ожидать принца Генриха, который обгонитъ его въ Мемель, чтобы затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ Берлинъ, гдѣ Великій Князь можетъ гостить, какъ долго это будетъ угодно Прусскому королю. Едва-ли Русскіе хорошо знаютъ свои выгоды, тѣмъ не менѣе они вслухъ порицаютъ эти замыслы. Князь Орловъ также противъ; но онъ не проводитъ достаточно времени при Дворѣ, предпочитая волочиться за воспитанницами Мона-

стыря. Графъ Панинъ, здоровье котораго сильно пошатнулось, не посвященъ въ соображенія Двора относительно этой поѣздки Великаго Князя.

Ужиналъ сегодня у князя Щербатова, который много говоритъ— и только! Онъ свѣдуецъ въ исторіи своей страны, у него много идей и, еще больше, педантизма....

22 Юня 1776 г.

Кавалеръ де-Серестъ пояснилъ мнѣ, что иѣкто Пассекъ (кавалеръ голубой ленты, о которомъ говорили во время переворота) выпустилъ слухъ, будто-бы я очень остеръ на языкъ и что нужно остерегаться, чтобы не попасть мнѣ на зубокъ. Но это еще не все. Княгиня *), которая воздастъ мнѣ должное, ничего не подозреваетъ о злословіи, которое мнѣ приписываютъ. Говорятъ, что въ одномъ мужскомъ обществѣ, въ отвѣтъ на подшучиванія надъ княгинею и мои предпологаемыми чувствами къ ней, я не только началъ всячески восхвалять ее, но и утверждать, что люблю ее, и что она моя любовница. Видишь, дорогой другъ, какъ низко здѣсь клеветуцъ и какъ просто это дѣлается, разъ даже я, не принесшій никому зла, могъ стать предметомъ злословія.

24 Юня 1776 г.

Князь Вяземскій, о которомъ я уже неоднократно писалъ тебѣ, представляетъ собою плохую кошію нашихъ несносныхъ чудаковъ. Недавно онъ устроилъ въ компаніи своихъ друзей попойку, передъ которою слабы кутежи нашихъ Французскихъ щеголей. Они изобрѣли остроумный планъ напиться допьяна, и Вяземскій далъ приказаніе не выпускать себя изъ комнаты. Тамъ былъ тоже Нелединскій, который напился, какъ извоцикъ. Пошэ изъ Кадетскаго Корпуса былъ въ числѣ присутствующихъ. Чтобы напоить и его, распорядились подносить ему только водку, но слуга-Французъ замѣнялъ ее чаемъ. Замѣтивъ, что онъ не пьянѣетъ, рѣшили насильно вливать ему въ горло пуншъ, причемъ нѣсколько человекъ должны были держать его. Пошэ, выведенный изъ терпѣнія, началъ справляться съ ними по своему, пустивъ въ ходъ кулаки. Впрочемъ такое обращеніе можетъ только усилить ихъ расположеніе къ нему.

Пюи-Сегюръ и я отправились вмѣстѣ на дачу къ графинѣ Чернышевой (женѣ графа Ивана). Мы прибыли туда въ семь часовъ. Этотъ уютный домъ расположенъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, въ 13-ти верстахъ отъ города по лѣвую сторону Петергофской дороги. Самое строеніе имѣетъ красивый видъ: оно производитъ впечатлѣніе большого окна, освѣщаемого сверху. Средняя комната, получающая

*) Трубецкая. П. Б.

свѣтъ сверху, напоминаетъ залу въ Марлі. Комнаты очень удачно расположены, и ихъ гораздо больше, нежели это кажется съ перваго взгляда. Сада нѣтъ, но его вполне замѣняютъ восхитительныя полевыя лужайки. Напротивъ замка проведенъ каналъ, ведущій къ довольно большому водоему, на правой сторонѣ котораго видѣется островокъ съ расположенной на немъ прелестной постройкой, какъ бы нарочно предназначенной для нѣжныхъ любовныхъ свиданій. Но всѣ преимущества этого дома не могутъ подавлять ощущеніе господствующей тамъ скуки; несмотря на кажущуюся свободу, чувствуешь себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ и подверженнымъ инквизиторскому допросу. Госпожа Чернышева начала коварно спрашивать меня о Трубецкой, дѣлая это съ особенной настойчивостью, чтобы ввести меня въ замѣнательство; я немного покраснѣлъ, что не укрылось отъ ея глазъ и заставило меня покраснѣть еще сильнѣе, чего она и добивалась. Говоря откровенно, я терпѣть не могу этой женщины.

27 Іюня 1776 г.

Я уже сообщалъ тебѣ о предстоящей поѣздкѣ на дачу къ Головиннымъ. По глупости извозчика, заставившаго меня проколесить цѣлыхъ два часа, я попалъ туда только въ четвертомъ часу. Тамъ собралось многочисленное общество. Воспитанницы Монастыря пріѣхали въ сопровожденіи матери и дочери Лафонъ. Первая производитъ впечатлѣніе очень порядочной, добродушной женщины и если эти качества могутъ вполне удовлетворить подающагося лести и не признающаго противорѣчій старика Бецкаго, то мнѣ кажется, что учебное заведеніе должно предъявлять въ этомъ отношеніи совершенно другіе запросы. Послѣ обѣда, въ двухъ залахъ, мы отправились танцовать въ садъ, гдѣ для этой цѣли въ аллеѣ, огороженной холстомъ, настланъ полъ. Забылъ сказать тебѣ, что передъ танцами дѣвица Дунѣй разсыпалась въ похвалахъ передъ г-жей Лафонъ; это было сдѣлано очень быстро и произвело пріятное впечатлѣніе на обѣ стороны; онѣ, какъ видится, поплакали, и все это вышло довольно естественнымъ. Молодыя дѣвушки усвоили себѣ довольно хорошіе приемы въ обращеніи, глаза у нихъ искрятся жаждою удовольствій и свѣтъ представляется имъ, вѣроятно, крайне соблазнительнымъ. Я танцовалъ съ дѣвицей Симоновой: она молода, хорошо сложена, черты ея лица тонки и благородны. Въ восемь часовъ всѣ онѣ разъѣхались, такъ какъ, по правиламъ Монастыря, онѣ должны быть тамъ къ 9-ти. Забылъ еще сообщить тебѣ, что Лафонъ-дочь, которую я тебѣ еще не описывалъ, представляетъ собою полную противоположность своей матери. Ея рѣшительное, живое лицо выражаетъ умъ и дышетъ современностью. Она пріятно поддерживаетъ

разговоръ и не поддается искательствамъ мужчинъ. Остальная часть вечера прошла въ закускахъ, прогулкахъ, танцахъ и т. п. Я бесѣдовалъ съ Нелединскою о графѣ Андреѣ. Она говорила о немъ съ грустью, припоминая разные его проступки. „Онъ ихъ самъ прекрасно знаетъ, добавила она: онъ совершилъ ихъ до отъѣзда, и всякая другая женщина отплатила бы ему ненавистью, а я не могу безъ скорби вычеркнуть его изъ моего сердца! И еслибъ это было только сожалѣніе объ его утратѣ, но дѣло обстоитъ много хуже“. Я не знаю, о какихъ его важныхъ проступкахъ она говоритъ; если они не касаются слуховъ относительно покойной Великой Княгини, то не идетъ ли здѣсь рѣчь о его склонности къ Бяратинской? Нелединская отрицала первое предположеніе; второго же я самъ не могу допустить, такъ какъ она отзывалась о Бяратинской, какъ о своемъ другѣ. Вообще, я не хочу болѣе затрагивать съ ней этотъ предметъ, который всегда вызываетъ у нея слезы. Чтобы отвлечь ее, я заговорилъ о путешествіяхъ. Она ожидаетъ продажи одной изъ своихъ земель, и эта операція, за уплатою ее долговъ, дастъ ей 12,000 дохода; но это будетъ только по окончаніи сдѣлки. Передъ отъѣздомъ мнѣ хотѣлось оказать вниманіе матери, графинѣ Головиной, этой болѣзненной, глухой женщинѣ лѣтъ подъ пятьдесятъ; она терпѣливо сноситъ свое положеніе и сопряженное съ нимъ лишеніе удовольствій. Она очень любезная хозяйка, и мнѣ хотѣлось выказать ей свою признательность занимательною для нея возраста бесѣдою.

Вчера вечеромъ, Великій Князь въ сопровожденіи фельдмаршала Румянцева выѣхалъ въ коляскѣ въ Берлинъ. У него былъ, на Прусскій манеръ, только одинъ слуга на запяткахъ кареты. Говорятъ, что онъ не будетъ торопиться, употребитъ двадцать четыре дня на путешествіе и четырнадцать на остановки въ разныхъ мѣстахъ.

Принцу Генриху поднесли великолѣпные подарки: табакерку, шпагу, сафировое украшеніе для одежды и шляпы, пряжки и т. п. Русскіе оцѣниваютъ все это въ 60,000 р.; но не вѣрится, чтобъ цифра была такъ высока; впрочемъ, подарки Императрицы всегда отличаются большою роскошью. Дѣлается это, конечно, изъ тщеславія. Это уже здѣсь общее правило.

30 Іюня 1776 г.

Говорятъ, что съ графомъ Андреемъ Разумовскимъ, отъ котораго я сегодня получилъ письмо, случился апоплексическій ударъ, искривившій ему ротъ. И это въ его годы! Будь это въ Россіи, мы приписали бы это дѣйствию яда и были бы правы. Меня безпокоитъ его

судьба; миѣ хотѣлось бы видѣть его уже виѣ предѣловъ этой ужасной страны, гдѣ убійства и отравленія относятся къ разряду самыхъ обыкновенныхъ явленій *).

3 Юля 1776 г.

Наконецъ, уѣхалъ фаворитъ Потемкинъ, увѣшанный всеми лентами Сѣвера, сопутствуемый всевозможными проклятіями и осыпанный деньгами. Говорятъ, что ему дали 200.000 р. одновременно, и онъ будетъ получать шестьдесятъ или семьдесятъ пять тысячъ ежегодной пенсіи. Онъ отправляется прямо въ свою губернію.

16 Юля 1776 г.

Въ Среду былъ придворный балъ. Кто-то распустилъ слухъ, что де-Вассе—прекрасный танцоръ. Графъ Иванъ Чернышевъ сейчасъ же сообщилъ объ этомъ Императрицѣ, и г-на де-Вассе заставили, точно на сценѣ, протанцовать менуэтъ, кадрили и аллеманъ. Тебѣ слишкомъ хорошо знакома эта мелочная и завистливая нація, чтобы ты съ твоею наблюдательностью не догадался, чтò было дальше. Русскіе слѣдили съ большимъ вниманіемъ за танцами, чтобы имѣть возможность потомъ критиковать, чтò они и сдѣлали съ Чернышевымъ во главѣ. Когда де-Вассе выполнилъ свою задачу, Чернышевъ обратился къ Императрицѣ съ вопросомъ, не найдетъ ли она любопытнымъ провести сравненіе между граціей Русскихъ и Французовъ; съ этой цѣлью заставили показать свое искусство графа Миниха, который, дѣйствительно, прекрасно танцуетъ. Этотъ молодой человекъ еще въ началѣ бала сообщилъ Ея Императорскому Величеству извѣстіе о смерти своего дяди и извинился, что не можетъ танцовать; но настойчивыя увѣщанія Чернышева и желаніе снискать себѣ славу лучшаго плясуна одержали верхъ. Минихъ началъ танцовать, и превозносившій его Чернышевъ, также, какъ и всѣ его приверженцы, не переставали повторять вслухъ: „Вотъ, чтò называется хорошо танцовать“. Юный побѣдитель, сіяя славою, замѣтилъ окружающимъ его дамамъ: „И отметилъ за честь Россіи“. Встрѣчалъ ли ты гдѣ, другъ мой, подобную дерзость и самодовольство? Не думаю; вѣдь ты же не живешь въ странѣ дикарей.

17 Юля 1776 г.

Ужиналъ у княгини Щербатовой, которую обѣщавъ навѣстить; засталъ всю семью въ саду, занятую стряпнею кушаній. Каждый готовилъ свое блюдо; можешь себѣ представить, насколько все это

*) Это напоминаетъ про одного Француза, жившаго въ Петербургѣ въ XVIII вѣкѣ и писавшаго, что въ Россіи случалось ему слышать, какъ на улицѣ кричали: *Portible assassinat* (страшное убійство); а это было зазывное восклицаніе разнощика-рыбнаго торговца: Рыба лососина! П. Б.

было вкусно, но всё смѣялись; а веселье, какъ тебѣ извѣстно, служить лучшей приправою даже при самыхъ изысканныхъ обѣдахъ. Я узналъ имя новаго фаворита, которое занимаетъ Шарлотту, такъ какъ утверждаютъ, что Завадовскому въ скоромъ будущемъ грозитъ опала. Последнее предположеніе основываютъ на полученномъ имъ повышеніи, и это является довольно вѣрнымъ признакомъ: его только что произвели въ генераль-майоры. Пресмникомъ его называютъ Украинскаго полковника Безбородку, человѣка громаднаго роста, сильнаго и энергичнаго.... Онъ вполне подходитъ къ своему назначенію.

20 Июля 1776 г.

Былъ у Щербатовыхъ, гдѣ узналъ о милостяхъ, дарованныхъ Императрицею флоту. Я не былъ тамъ по нездоровью и вѣдѣствіе того, что тамъ не производилось движенія войскъ. Церемонія была великолѣпна и очень шумна, благодаря сильной пушечной пальбѣ. Ея Императорское Величество пожаловала адмиралу Грейгу Александровскую ленту и приказала распределить награды, цѣнностью въ 375 т. р.

24 Июля 1776 г.

Фавориты Орловъ, Завадовскій и Безбородко, все еще на своихъ мѣстахъ. У Завадовскаго были кое-какія непріятности, но онъ держится за князя Орлова, и это вполне обезпечиваетъ его положеніе. Говорятъ, что полицмейстеръ Архаровъ пріѣзжаетъ сюда изъ Москвы, чтобъ получить свою долю въ наградахъ Императрицы, которую она обѣщала ему еще въ Москвѣ. Предполагаютъ, что Брюсу грозитъ немилость. Все еще держатся слухи относительно князя Репнина, по поводу военнаго министерства. Онъ въ скоромъ времени прибудетъ въ Петербургъ, и тогда все это разъяснится.

Флотъ Императрицы, отправившійся маневрировать въ Финскій заливъ, долженъ вернуться къ 14-му Августа. Онъ состоитъ изъ пятнадцати кораблей, отъ 60 до 75 пушекъ: семь фрегатовъ и ни одной галеры. Наши офицеры съ Французскаго грузового судна не одобрили судостроенія, въ составъ котораго входитъ слишкомъ много ели.

4-ю Августа 1776 г.

Сегодня закапчиваются Петергофскія торжества. Противъ всякаго ожиданія были танцы, безъ предварительнаго увѣдомленія. Миѣ сообщили, что поводомъ къ этому послужила помолвка Великаго Князя съ княжною Виртембергскою. Офицеръ полка Его Высочества, привезшій сегодня это извѣстіе Императрицѣ, былъ награжденъ чиномъ капитана и прелестной табакеркою.

На дняхъ я отправился съ графомъ де-Брюль, чтобы видѣть Русскій флотъ на морѣ. Послѣ приѣма во дворцѣ, мы выѣхали вмѣстѣ въ сопровожденіи одного морского офицера и отъ Петергофа до Кронштадта проплыли въ шлюпкѣ. Въ восемь часовъ вечера мы покинули городъ, и только около полуночи достигли мѣста назначенія. На слѣдующее утро, въ половинѣ девятого, сѣли на парусную лодку и въ половинѣ второго увидѣли флотъ на разстояніи двадцати верстъ. Дулъ сильный боковой вѣтеръ, нѣсколько волнъ пронеслось надъ нашимъ судномъ, но я не страдалъ отъ морской болѣзни. Флотъ состоитъ изъ четырнадцати кораблей, семи фрегатовъ и при нихъ отъ 60 до 80 пушекъ. Адмиралъ Грейгъ, Шотландецъ, встрѣтилъ насъ на борту своего корабля: послѣ этого мы обѣдали у контръ-адмирала Барша, очень добродушнаго и порядочнаго Русскаго. Предполагають, что его ждетъ назначеніе въ Морскую Коллегію: но онъ, повидимому, предпочитаетъ морскую службу. Почести, отдаваемые капитанскимъ шлюпкамъ, заключаются въ музыкѣ, раздающейся съ борта корабля, при всякой встрѣчѣ и всякомъ отплытіи шлюпки. Если на ней самъ адмиралъ, то матросы становятся на реп и салютуютъ его криками „ура“, которые подхватываютъ гребцы и иногда даютъ залпъ. Послѣ довольно хорошаго обѣда, мы вернулись на бортъ корабля адмирала Грейга и присутствовали при двустороннихъ морскихъ маневрахъ, продолжавшихся семь минутъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ отъ 7 до 9 разъ изъ каждаго. Это зрѣлище доставило мнѣ большое удовольствіе. Приготовленія къ маневрамъ, со сраженіемъ включительно, заняли одинъ часъ времени, но не быстрота дѣйствій, а подчиненность, господствующая среди офицеровъ и необыкновенная опрятность судовъ меня привели въ восторгъ. Мы бросили якорь. Цѣлый день пили, ѣли, слышали Русскій языкъ и, наконецъ, улеглись спать. Князь Гагаринъ предложилъ внести мою кровать въ свою каюту. На слѣдующій день поднялся туманъ и помѣшалъ намъ сняться съ якоря. Поволудни мы выѣхали въ шлюпкѣ для осмотра фрегата. Выпустили шесть двѣстифунтовыхъ бомбъ; взрывъ былъ такъ оглушителенъ, что приходилось во время полета снаряда зажимать уши, и такъ какъ я этого не сдѣлалъ, то поплатился острой болью въ лѣвомъ ухѣ. Толчекъ, произведенный взрывомъ, погрузилъ корабль почти на два фута въ море. Мы также осматривали пороховой погребеъ и провели тамъ полчаса. Это самое глубокое мѣсто корабля, всегда погруженное въ море. Погребеъ этотъ имѣетъ видъ довольно обширной комнаты, освѣщается фонаремъ въ два фута въ квадратъ, устроеннымъ на каменномъ возвышеніи съ изрядно толстыми стеклами аллюминатора и обшесеннымъ рѣшеткою. Въ немъ нѣсколько свѣчей, которыя зажигаются изъ отдаленной комнаты посредствомъ особой лѣстницы. Этотъ по-

роховой магазинъ вмѣщаетъ въ себѣ семьсотъ боченковъ пороха и двѣсти пушечныхъ зарядовъ. Требуется триста боченковъ пороха для обслуживания судна съ семидесятью четырьмя пушками въ пятьдесятъ зарядовъ. Царствующій порядокъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Грейгъ мнѣ разсказалъ, что въ Англійскихъ корабляхъ есть кранъ, чтобы, въ случаѣ пожара, имѣть возможность затопить погребеъ водою. Послѣ ужина данъ былъ сигналъ для освѣщенія судовъ. Послѣднее производится слѣдующимъ образомъ. Выпускается бѣлая ракета съ каждаго борта корабля, чтобы опредѣлить мѣсто его нахождения. Предварительно были выпущены четыре ракеты, изъ которыхъ двѣ не удалось; остальные взвились благополучно. Я справлялся относительно нищи матросовъ. Она состоитъ изъ овощей, мяса четыре раза въ недѣлю, въ остальные дни соленой рыбы и масла. Сухари, хотя и изъ ржаной муки, вкусны: я ихъ пробовалъ. Кромѣ того каждый матросъ получаетъ ежедневно по чаркѣ водки. Одежда матроса съ головы до ногъ казенная, жалованье восемь рублей въ годъ, но деньги ему и не нужны. Въ Среду мы посѣтили капитановъ на ихъ судахъ, при чемъ выслушали много любезностей, запили ихъ виномъ, ликерами, закусили солониной. Такимъ образомъ, проглотивъ пять завтраковъ, въ заключеніе мы еще пообѣдали. Я ухалъ въ шлюпокъ безъ г. Брюля, онъ остался.

10 Августа 1776 г.

Сегодня, мой другъ, Фальконэ пришелъ навѣстить меня и поговорить со мною относительно Помеля, который напечаталъ свои записки въ Энциклопедическомъ Журналѣ. Фальконэ, занятый въ настоящее время своимъ трудомъ, намѣревается, какъ только онъ будетъ свободенъ, отвѣтить на нихъ формальнымъ публичнымъ объясненіемъ.

11 Августа 1776 г.

По дорогѣ домой зашелъ пожелать спокойной ночи де-Жюинье. Онъ сообщилъ мнѣ о начавшихся въ Португаліи волненіяхъ. Португальцы набросились на Испанскія владѣнія и затѣяли тамъ рѣзню. Ходятъ также слухи о мятежѣ въ Польскомъ сеймѣ. Русскій офицеръ, командовавшій отрядомъ, былъ раненъ; Полякъ, виновникъ распри, самъ сдѣлался ея жертвою, павъ отъ ружейнаго выстрѣла, но передъ смертію онъ просилъ прощенія у офицера, сознавшись, что онъ былъ главнымъ зачинщикомъ беспорядковъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что въ это дѣло замѣшанъ Браицкій, принадлежащій, какъ и графъ Огинскій, къ числу недовольныхъ.

13 Августа 1776 г.

Писаль-ли я тебѣ, о приѣмѣ, какой сдѣлала Императрица князю Барятинскому¹⁾? Монархиня, увидѣвъ его, замѣтила: „Боже мой, господинъ Барятинскій, я надѣялась увидать васъ совершенно оперившимся²⁾: вѣдь вы возвратились изъ Парижа, и отъ васъ распространяется его благоуханіе“. Очень странно, что знаменитая Екатерина II. такъ воспѣваемая въ Европѣ, подвержена подобнымъ слабостямъ: Парижъ ее заботитъ, ей не нравится, если туда путешествуютъ, и восторгъ, вызываемый этимъ городомъ, оскорбляетъ ее. Князь Орловъ вполне согласенъ съ нею: онъ насъ не любитъ и недавно на придворномъ обѣдѣ. онъ утверждалъ, какъ ему смѣшно, что въ Россіи говорятъ по французски и изучаютъ этотъ языкъ, на что князь Щербатовъ, передавшій мнѣ это, замѣтилъ, что не мѣшаетъ быть благодарну своей кормилицѣ.

14 Августа 1776 г.

Читаль рѣчь г. Формей, произнесенную имъ въ Берлинской Академіи въ присутствіи Великаго Князя и фельдмаршала Румянцева. Она представляетъ собою сплетеніе пошлости, общихъ мѣстъ и низости. Говорятъ, что Формей потерялъ въ этотъ день сына, и Прусскій король просилъ его отложить на сутки погребеніе: но Великій Князь далъ ему знать, что онъ можетъ удѣлить только нѣсколько минутъ Академіи, и это сильно сократило краснорѣчіе оратора, благодаря чему рѣчь имѣетъ достоинство быть сильно сжатою. Въ концѣ ея говорится о союзѣ обоихъ дворовъ, Прусскаго и Императорскаго, и о дружбѣ ихъ Государей. Великій Князь взялъ руку принца Генриха, пожалъ ее: они поцѣловались, давая другъ другу клятву твердой и неизмѣнной вѣрности. Говорятъ, что Прусскій король, бесѣдуя съ фельдмаршаломъ Румянцевымъ и генераломъ Лентулусомъ, замѣтилъ сему послѣднему, что Румянецъ на него похожъ. Лентулусъ подтвердилъ это сходство. Румянецъ возразилъ, что онъ былъ бы очень польщенъ имѣть въ нравственномъ отношеніи сходство съ такимъ достойнымъ и рѣдкимъ человѣкомъ. „О, вамъ тутъ нечего желать, замѣтилъ Прусскій король, такъ какъ вы сами представляете собою образецъ такового“.

20 Августа 1776 г.

Поговариваютъ объ отставкѣ госпожи Лафонъ, въ виду того, что Императрицѣ, черезъ находящуюся при ней барышню, сдѣлалось извѣстно все, что происходитъ въ стѣнахъ Монастыря. Утверждаютъ, что и Бецкій съ своей стороны обидѣлся и тоже оставилъ бы службу,

¹⁾ Князю Ивану Сергѣевичу, посланнику въ Парижѣ. П. Б.

²⁾ Je croyais vous voir tout emplumé.

еслибъ домашніе не удержали его отъ этого шага. Я. тѣмъ не менѣе, питаю надежду, что обѣ Лафонъ будутъ удалены ради блага учебнаго заведенія. Говорятъ, что мать на этомъ мѣстѣ хорошо набила себѣ карманъ. расплачиваясь каждыя восемнадцать мѣсяцевъ годовыми доходами Монастыря, достигающими, какъ говорятъ, суммы 50000 р. проценты съ которой, считая по двѣнадцати на сто, составляли круглую цифру 18,000 въ годъ. Дочь тоже ничего не стѣбитъ: она родила ребенка въ монастырѣ, что сдѣлалось извѣстно многимъ ученицамъ: сестра ея умерла тамъ же, устроивъ себѣ выкидышъ. Вся эта семейка, какъ видишь, представляетъ не очень поучительный примѣръ для молодежи.

29 Августа 1776 г.

Говорилъ-ли я тебѣ, что Великій Князь прибылъ сюда, или, по меньшей мѣрѣ, въ Царское Село, въ Воскресенье вечеромъ? Ему очень понравился Берлинъ, гдѣ онъ вызвалъ недовольство своею скупостью. Все въ этомъ отношеніи было имъ дѣлано съ необычайной скарденностью. Рассказываютъ о подаркѣ въ сорокъ червонцевъ бургграфу, или управляющему загородной дачею принца Генриха, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней. Съ этимъ, вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, Его Высочество обращался, какъ съ плохо оплачиваемымъ Русскимъ лакеемъ. Охрана совѣмъ ничего не получила и т. п. Я совѣмъ не понимаю въ данномъ случаѣ Императрицы, которая такъ любитъ чтобъ обращали вниманіе на ея щедрость и пышность. Нѣкоторые подозреваютъ, что Салтыковъ, гофмейстеръ Великаго Князя, похитилъ и уменьшилъ число нѣкоторыхъ подарковъ въ свою пользу; но это довольно неправдоподобно, хотя и вѣрно, что этотъ Салтыковъ человѣкъ дурной. Всѣ эти извѣстія мнѣ сообщили изъ Берлина.

Забылъ сказать, что по словамъ Пошэ, Рибасу и его женѣ пришлось на много умѣрить свои притязанія. Последняя предполагала занять мѣсто госпожи Лафонъ, а онъ питалъ надежду замѣнить собою генерала Пурпуры *). Но сей послѣдній имѣетъ поддержку въ лицѣ князи Голицына и особенно князя Орлова. Господинъ де-Веракъ рекомендовалъ мнѣ черезъ Гальярда молодого человѣка, по фамилии Кюсси, желающаго получить мѣсто при Кадетскомъ Корпусѣ или при какомъ-нибудь Русскомъ вельможѣ. Мѣста преподавателей Кадетскаго Корпуса очень хороши; они оплачиваются окладомъ 500—600 рублей въ годъ, но они очень рѣдки. Также сомнѣваюсь, чтобъ для него возможно было найти должность секретаря.

*) Это дѣдъ писателя П. А. Катенина. П. Б.

30 Августа 1776 г.

Г. де-Жюинье показалъ мнѣ сегодня письмо, написанное имъ графу Штакельбергу по поводу очень щекотливаго дѣла. Принцессы Франціи по смерти Польскаго короля получили по завѣщанію заложенную землю, которая находится теперь въ чертѣ владѣній Императрицы, согласно раздѣлу, котораго мы не признаемъ. Это завѣщанное имъ имущество онѣ передали Іезуитамъ въ пользу устройства народныхъ школъ; но съ тѣхъ поръ, какъ Поляки завладѣли имуществомъ этого ордена, принцессы, видя, что ихъ пожертвованіе не достигаетъ своего назначенія, пожелали получить его обратно, чтобъ употребить на учрежденія покойной Французской королевы, и г-ну де-Жюинье поручено это трудное и крайне щекотливое дѣло. Откровенно говоря, я подозрѣваю здѣсь ловушку, подставленную г-ну де-Жюинье, такъ какъ сомнѣваюсь, чтобъ ему удалось выиграть дѣло, которое можетъ даже казаться смѣшнымъ, принимая во вниманіе бѣдственное положеніе Польши.

31 Августа 1776 г.

Отобѣдавъ у графини Головиной, мы отправились на смотръ пѣхотнаго полка, состоящаго подъ начальствомъ одного изъ бывшихъ адъютантовъ фельдмаршала Чернышева. Говорятъ, что это одинъ изъ лучшихъ полковъ; онъ состоитъ изъ 1.080 чел. Мнѣ не нравится ихъ манера маршировать; они невѣроятно высоко поднимаютъ ногу и не принимаютъ локтей, что въ концѣ концовъ, за отсутствіемъ точки опоры, производитъ впечатлѣніе колебанія фронта. Они дѣлали карре: это ихъ любимый маневръ, къ которому они прибѣгали во время войны съ Турками.

2 Сентября 1776 г.

Я выѣхалъ въ четыре часа, чтобы отправиться къ Головинымъ, но на полпути встрѣтился съ графомъ Степаномъ*), и мы вмѣстѣ возвратились въ Петербургъ, съ цѣлью посмотреть ученіе стрѣлковъ Преображенскаго гвардейскаго полка, полковникомъ котораго состоитъ Императрица, а Алексѣй Орловъ и Потемкинъ подполковниками. Это ученіе доставило мнѣ большое удовольствіе. Стрѣлки молоды, ловки и стройны. Форма ихъ состоитъ изъ зеленой куртки, такого же цвѣта брюкъ, сапогъ и кожаной фуражки на манеръ какъ у нашихъ Англійскихъ охотничьихъ. Имъ дается ружье, замѣняющее для нихъ штыкъ. Начальство надъ стрѣлками поручено молодому Теплому, благодаря его

*) Вѣроятно тутъ описка и графомъ названъ князь Степанъ Борисовичъ Куркинъ. П. Б.

матери, въ которой кто-то изъ полка принимаетъ близкое участіе. Этотъ молодой человѣкъ еще не очень опытенъ: но какъ ему приходится имѣть дѣло съ хорошо обученными людьми, то оно подвигается само собою. Производилось двухстороннее ученіе, такъ какъ это обычная глубина ихъ строя; нѣкоторые маневры они дѣлали бѣгомъ, смѣшиваясь и возвращаясь съ необычайной быстротою на свои мѣста. До Теплова этой ротой командовалъ одинъ капитанъ, имя котораго я постараюсь узнать, и ему принадлежитъ честь этого прекраснаго обученія. Фельдмаршалъ Румянцевъ имѣлъ намѣреніе въ началѣ войны соединить въ одинъ корпусъ всѣхъ стрѣлковъ арміи. У нихъ одинаковая форма; эполеты служатъ единственнымъ отличіемъ полковъ, къ которымъ они принадлежатъ.

3 Сентября 1776 г.

Господинъ де-Жюинье и я присутствовали на великолѣпномъ обѣдѣ у г-на Ремберта, лучшаго здѣшняго Французскаго негодіанта, который придерживается самыхъ честныхъ взглядовъ на торговлю. Тамъ же были князь Лобковичъ и графъ Чернышевъ. Послѣ обѣда я отправился на смотръ маневровъ полка князя Вяземскаго, который довольно плохо справился съ своей задачей.

5 Сентября 1776 г.

Послѣ ужина произошла маленькая стычка между мною и Альбертиной по поводу ея любимцевъ, братьевъ Визиныхъ *). Одинъ изъ нихъ довольно образованъ, но ошибочно мнитъ себя большимъ умомъ: второй, помоложе, не такъ ученъ, но обладаетъ болѣе привлекательною, хотя грубой и невыразительною наружностью, страшно изнѣженъ, безпеченъ, какъ султанъ и имѣетъ твердое, впрочемъ свойственное этой странѣ, убѣжденіе въ достоинствѣ подобныхъ качествъ. Оба они грубые фаты, довольно дурного тона, которые были бы на своихъ мѣстахъ, одинъ въ храмѣ Ѡемиды, а другой въ провинціальномъ гаремѣ.

12 Сентября 1776 г.

Вчера пріѣхала принцесса Виртембергская. Войдя къ Императрицѣ, она бросилась къ ея ногамъ. Благодаря тому, что заперли дверь, окончаніе этого зрѣлища было сокрыто отъ глазъ любопытныхъ. Императрица, повидимому, осталась вполне довольна. Обратясь къ Нелединскому, она спросила его мнѣнія по этому поводу. Онъ ей отвѣчалъ, можетъ быть, и вполне искренно, такъ какъ долженъ былъ это сдѣлать. Между прочимъ, онъ разсказалъ намъ, что принцесса высокаго роста, хорошо сложена, обладаетъ пріятной наружностью и велико-

*) Т. е. Фонвизиныхъ? П. Б.

лѣпнѣйшимъ цвѣтомъ лица, руки и ноги ея необычайно красивы. Великій Князь долженъ былъ встрѣтить ее въ Ямбургѣ; но онъ отправился дальше и, не доѣзжая четырехъ верстъ до Нарвы, оставилъ свою карету и пошелъ пѣшкомъ на встрѣчу принцессѣ. Черезъ нѣсколько секундъ показался всадникъ, который, замѣтивъ Великаго Князя, сейчасъ же повернулъ лошадь къ каретамъ принцессы Виртембергской, впереди которыхъ онъ ѣхалъ. Какъ только принцесса завидѣла Великаго Князя, она хотѣла открыть дверцу и выскочить изъ кареты; ее удержала госпожа Румянцева: карету остановили, и принцесса сошла, чтобы поздороваться съ Великимъ Княземъ, который сѣлъ къ ней: такъ они доѣхали до послѣдней остановки передъ Петербургомъ. Всѣ эти подробности я узналъ отъ г. Нелединскаго, сопровождавшаго сюда принцессу Виртембергскую.

15 Сентября 1776 г.

Много говорятъ о будущей Великой Княгинѣ. Утверждаютъ, что она очень любезна, предупредительна, кротка и обходительна. Гувернантка очень хвалитъ ея характеръ. Она очень мило приняла всѣхъ представлявшихся ей и каждому сказала нѣсколько словъ. Она слегка коверкаетъ русскій языкъ, но говоритъ, что скоро изучитъ его вполнѣ*). Утверждаютъ, что она не обладаетъ привлекательной наружностью: она высока, полна, у нея довольно хорошій цвѣтъ лица, но увѣряютъ, что у нея испорченные зубы.

17 Сентября 1776 г.

Сегодня я зашелъ къ Рослѣну, живописцу. Онъ показалъ мнѣ набросокъ портрета Княжны Виртембергской, начатый имъ нѣсколько дней тому назадъ въ Царскомъ Селѣ. Лицо ея не характерное и не выразительное, но свѣжее и круглое. Только въ семь часовъ она и Императрица пріѣхали въ театръ при пушечной пальбѣ изъ Адмиралтейства. Этотъ обычай пальбы при выѣздѣ и возвращеніи въ городъ царской фамиліи, введенный Елисаветою, былъ отмѣненъ Екатериною: но на этотъ разъ возобновленъ, въ честь княжны Виртембергской. Присутствіе ея привлекло въ театръ массу публики. Давали „Нанону“ порусски. Я не услышалъ ни аплодисментовъ, ни сдержаннаго шопота, этого безмолвнаго одобренія, которое намъ такъ понятно: но, любезный братъ, здѣсь все иначе, и Французы вѣроятно единственный народъ въ мірѣ, умѣющій любить своихъ монарховъ, проявляя это чувство открыто, весело и иногда даже шумно.

*) До конца жизни говорила порусски не свободно и съ ошибками. П. Б.

19 Сентября 1776 г.

Нынче день представленія Великой Княжнѣ. Мы собрались въ большомъ залѣ, гдѣ принимала супруга ландграфа Дармштадтскаго *). Присутствовали дипломатическій корпусъ и нѣкоторые изъ придворныхъ. Около половины шестаго состоялся выходъ принцессы Виртембергской съ Великимъ Княземъ; впередъ шла супруга фельдмаршала Румянцева, на которой лежала обязанность представленія. Поочередно подходили къ ея свѣтлости, дѣлали глубокой реверансъ, не цѣлуя руки; г-жа Румянцева называла фамиліи, принцесса отвѣчала на поклонъ. По окончаніи представленія все общество послѣдовало на галерею, и тамъ состоялись танцы. Г-ну де-Жюинье не довелось въ этотъ день бесѣдовать съ Императрицею, и онъ продолжалъ стоять. Ему предложили протанцовать съ ея свѣтостью, но такъ какъ это было сдѣлано уже послѣ того, какъ съ нею танцевали главнокомандующіе, то онъ отказался, говоря, что, къ его большому сожалѣнію, онъ танцовать не въ силахъ. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія Императрицы, и она бесѣдовала съ нимъ по этому поводу, но и ей онъ далъ тотъ же благоразумный, осторожный и прямой отвѣтъ.

20 Сентября 1776 г.

Я не хотѣлъ высказать тебѣ своего личнаго мнѣнія относительно Великаго Князя, съ которымъ имѣлъ случай встрѣтиться только одинъ разъ, четыре мѣсяца тому назадъ. Слѣдуетъ быть осторожнымъ со своими впечатлѣніями другихъ лицъ. Повидимому, имъ недовольны вообще. Его Берлинское путешествіе, судя по всему, еще усилило его самомнѣніе; за его неестественныя манеры, дѣланый видъ и смѣшныя, мнимо граціозныя приемы ея прозвали провинціальнымъ франтомъ. Все это еще обострилось послѣ путешествія въ Пруссію. Я присутствовалъ при его выходѣ изъ его покоевъ, и невольно вспомнилась мнѣ комедія „Криспенъ, соперникъ своего господина“ и сцена слуги изъ „Счастливаго Человѣка“, переодѣвагося въ платье послѣдняго и подражающаго его манерамъ и осанкѣ. Принцесса не отличается ни красотой, ни миловидностью: но она естественна и проста въ обращеніи, и ей уже вмѣняють въ преступленіе ея негибкій умъ и слабохарактерность, противоположность отличительнымъ чертамъ его первой супруги; но въ желаніи ступешаваться она проявляетъ наибольшее благоразуміе, такъ какъ при ней не только свекровь, но еще свекровь коронованная. У насъ новоприбывшій г-нъ Гриммъ. Мнѣнія на его счетъ расходятся: одни предполагаютъ въ немъ болѣе хитрости, нежели

*) Ошибка: ландграфини Дармштадтской тогда уже не было въ живыхъ. П. Б.

ума; другіе считаютъ его болтуномъ, что болѣе соотвѣтствуетъ его виѣшнему виду.

22 Сентября 1776 г.

Такъ какъ я сегодня былъ дома, то, послѣ обѣда, ко мнѣ заѣхалъ графъ Нессельроде. Мы бесѣдовали о различныхъ предметахъ, объ отставкѣ графа Лобковича, которому весною придется покинуть здѣшнюю страну. Князь Кауницъ, находящійся теперь въ Берлинѣ, очень умный и любезный человѣкъ, считается его замѣстителемъ. Говоря о дѣлахъ графа де-Брюля и о добрыхъ намѣреніяхъ князя Орлова, я ему передалъ о распространившихся слухахъ про предполагаемую поѣздку этого Русскаго во Францію съ Зиновьевой. Нессельроде мнѣ сообщилъ, что Орловъ всецѣло подпалъ подъ вліяніе этой фрейлины, думаетъ жениться на ней, и если бы, не взирая на неодобреніе Императрицы, этотъ бракъ состоялся, то, скрывая куда именно, онъ немедленно уѣхалъ бы со своимъ сокровищемъ. Не объясняетъ-ли это причины упорнаго желанія Потемкина остаться при Дворѣ въ то время, когда желаютъ его удалить? На паденіи Орлова онъ, можетъ быть, воздвигаетъ надежды возвращенія прежней милости. Съ виду онъ необычайно спокоенъ и даже дерзокъ, что въ этой странѣ служить и сознаніемъ успѣха. Вотъ примѣръ: въ Пятницу онъ посылаетъ слугу изъ Военной Коллегіи сообщить старшимъ офицерамъ, что онъ ихъ ждетъ къ двѣнадцати часамъ дня. Въ назначенный часъ всѣ съѣзжаются, не застаютъ его дома и узнаютъ, что онъ обѣдаетъ у графа Панина, гдѣ играетъ въ вистъ. Отъ Панина онъ ѣдетъ во дворецъ и оттуда отправляетъ вѣстоваго, т. е. простого солдата, имъ сказать, что они могутъ ѣхать домой, такъ какъ для представленія Ея Императорскому Высочеству уже поздно. Офицеры ждали этого представленія и, одинъ Богъ вѣдаетъ, когда еще имъ представится подобный случай.

25 Сентября 1776 г.

Сегодня состоялись отреченіе принцессы Виртембергской отъ лютеранской вѣры и переходъ ея въ Греческую. Въ назначенный часъ, т. е. къ десяти, г-нъ де-Жюинье и я поѣхали во дворецъ. Черезъ полчаса Императрица послѣдовала въ часовню въ сопровожденіи Великаго Князя, ведшаго подъ руки принцессу Виртембергскую. Она была вся въ бѣломъ. Отпечатокъ глубокой грусти лежалъ на ея лицѣ, которое безъ румянъ казалось необыкновенно блѣднымъ. Мы вошли въ часовню со всѣми придворными, но за множествомъ народа я не могъ разсмотрѣть церемоніи, которая прошла очень стройно. Принцесса, хорошо

*) Гриммъ былъ почти ежедневно приглашаемъ къ обѣденному столу Государыни (Камерфурьерскій Журналъ). П. В.

выговаривая, прочла на Русскомъ языкѣ Символь Вѣры. Изъ древней формулы были выпущены нѣкоторыя унизительныя обрядности, какъ напримѣръ, отреченіе отъ родителей, вступленіе въ часовню кающейся съ погасшимъ свѣтильникомъ и т. п. Императрица сама показала ей, какъ поклоняются святынямъ, нѣсколько разъ падая передъ иконами: вѣдь наша Екатерина неподобная лицедѣйка! Она святоша, нѣжная, гордая, величественная, любезная; но въ душѣ она—вѣрна себѣ и преслѣдуетъ исключительно личные интересы, не пренебрегая никакими средствами для ихъ достиженія. Я покинулъ дворецъ измученный и умирающій отъ голода. Нельзя похвалиться обѣдомъ, которымъ насъ угостилъ г-нъ Жюинье, хотя гостей было много. Между прочимъ былъ г-нъ Гриммъ, котораго такъ расхвалилъ мой министръ, но который мнѣ не показался интереснымъ. Его манеры простоваты; слыветъ онъ за бодтуна, а я съ этимъ согласенъ.

30 Сентября 1776 г.

Государыня съ презрѣніемъ относится ко всему Французскому и, само собою разумѣется, всѣ раздѣляютъ ея мнѣніе. Я уже не разъ описывалъ тебѣ ея характеръ. Она безпримѣрно непостоянна, легкомысленна по природѣ, всегда прикрывается маской мягкосердечія. Вообще, во всемъ государствѣ нѣтъ лицедѣйки болѣе искусной, какъ Екатерина II-ая. Я уже тебѣ передовалъ нѣкоторыя черты, вполнѣ ее характеризующія; прибавлю еще одну для полнаго освѣщенія. При отъѣздѣ графа Орлова на конгрессъ въ Бухарестъ, Императрица выразила самое глубокое сожалѣніе по поводу предстоявшей разлуки. За день, или наканунѣ его отправления, ѣхавши въ Царское Село въ каретѣ съ графиней Румянцевой, г-жей де-Брюсъ и Зиновьевой, она надрывалась отъ слезъ и безпокойства. На слѣдующій день она удаллась въ свои покои и приняла только графиню де-Брюсъ; на третій день жаловалась на колики, на четвертый было повтореніе того же, на пятый она вышла вполнѣ цвѣтущею, въ отъѣнно хорошемъ расположеніи духа, на шестой уже не упоминала объ Орловѣ, и Васильчиковъ былъ произведенъ въ ея фавориты. Такова всеми воспѣваемая монархиня; непостоянство отражается на ея характерѣ; поддающаяся впечатлѣніямъ минуты, она перестаетъ быть послѣдовательною и всецѣло подчиняется силѣ своихъ увлеченій. Она менѣе вѣроломна нежели легкомысленна и непостоянна, твердо и неудержимо преслѣдуетъ только двѣ цѣли—удовольствія и удовлетвореніе своего самолюбія.

Понедѣльникъ, 7-ю Октября 1776 г.

Съ началомъ пушечнаго сигнала прибыли мы изъ первыхъ съ маркизомъ Жюинье ко Двору. Постепенно прибывали дамы, разукра-

шенныя какъ иконы и залитыя брилліантами. Надо, другъ мой, пріѣхать въ Петербургъ, чтобы видѣть это обиліе драгоценностей. Часъ спустя появилась Государыня въ сопровожденіи ихъ императорскихъ высочествъ; мы поспѣшили проскользнуть передъ ними, чтобы занять въ церкви не очень плохое мѣсто. Духовенство вышло имъ навстрѣчу и когда они приблизились къ амвону, Государыня взяла за руку великаго князя и великую княжну и подвела ихъ къ аналою. Тутъ я пересталъ что либо видѣть, потому что баронъ Юбень, настоящій великанъ, совершенно заслонилъ меня, а такъ какъ было жарко и тѣсно, то я уѣхалъ; но со словъ художника Рослена, видѣвшаго всю церемонію, я тебѣ расскажу, въ чемъ она состояла. Оба супруга приблизились къ аналою, возлѣ котораго совершалось богослуженіе. Князь Орловъ держалъ вѣнецъ надъ великимъ княземъ, а Бецкій надъ великой княжною. Въ такомъ положеніи молодые трижды обошли вокругъ аналая въ сопровожденіи Орлова и Бецкаго, которыхъ эта процедура должна была сильно утомить. Князь часто мѣнялъ руку, старецъ Бецкій держалъ вѣнецъ все время одною. но она дрожала, какъ листъ. Остальное было уже не интересно. Ты меня спросишь, почему для этой церемоніи въ пару къ князю Орлову избрали Бецкаго. А это потому, что незаконнорожденные обыкновенно счастливы.

Вторникъ 8-го Октября.

Графъ Сольмсъ, повидимому, не особенно доволенъ назначеніемъ Домашнева въ Берлинъ: онъ, хотя и камергеръ, но все же, говорятъ, сынъ кучера.

Князь Потемкинъ вчера подвергся оскорбительной выходкѣ со стороны князя Орлова, который взялъ его за руку и отодвинулъ, чтобы очистить себѣ дорогу и приблизиться къ Государынѣ, когда та послѣ фейерверка покидала галерею. Недавно пожалованный князь смолчалъ, но съ досады грызъ ногти.

Одна изъ прихотей Государыни—собаки. У нея ихъ цѣлая дюжина, причеъ одна лучше другой. Когда она выходитъ къ обѣду, одна изъ нихъ всегда слѣдуетъ за нею. Въ столовой стоитъ кресло, предназначенное для Государыни, но въ которое она однако, не садится: его занимаетъ собака. Пажъ разстилаетъ на креслѣ носовой платокъ или прикрываетъ имъ отъ мухъ нѣжно любимое животное, и эта обязанность доставляетъ ему занятіе въ зависимости отъ различныхъ фантазій собачки, которая бѣгаетъ куда и сколько ей угодно. Вчера пропало одно изъ этихъ привилегированныхъ животныхъ, и его искали по городу всю ночь. Лакей Кашеловъ былъ проворнѣе остальныхъ и получилъ за труды сто рублей.

Среда 9-го Октября.

Между нами сказать, другъ мой, я думаю, что Великій Князь будетъ посредственнымъ государемъ. У него мало благородства въ душѣ, еще меньше философіи въ головѣ и много мелочности въ поступкахъ. Вотъ новое тому доказательство, которое можешь прибавить къ прежнимъ.

Вчера вечеромъ на раутѣ, послѣ ухода Государыни, онъ остался съ супругою; ихъ окружили. Во время разговора его съ Брюлемъ, маркизъ Жюинье, проходя сзади, нечаянно толкнулъ его. Великій князь ничего не сказалъ; Брюль сдѣлалъ знакъ маркизу, и тотъ отодвинулся, но такъ какъ его императорское высочество въ разговорѣ сильно размахиваетъ руками, а люди, окружавшіе его, передвигались, то Жюинье толкнулъ его второй разъ и даже третій. Тогда Великій князь, прерывая разговоръ, сказалъ по нѣмецки графу Брюлю: „Ну, это ужъ слишкомъ!“ и, попятившись на два шага, ударилъ локтемъ маркиза Жюинье: затѣмъ, повернувшись, сталъ усиленно извиняться передъ нимъ. Онъ вновь приблизился къ графу Брюлю и сказалъ ему опять по нѣмецки: „Вы замѣтили?“ Брюль отвѣчалъ: „Ваше высочество, вы не можете думать, что это было сдѣлано умышленно“. — „О, отвѣчалъ Великій Князь, не дѣлаютъ три раза подрядъ чего либо безъ умысла; но за то вы видѣли, чтѣ я сдѣлалъ!“ Вотъ будущій преемникъ Екатерины II и Петра I-го!

Четверть 10-го Октября.

Передъ дворцомъ находится очень большая площадь, на которой можетъ помѣститься до 30.000 человекъ. Посреди этой площади былъ воздвигнутъ помостъ изъ бревенъ съ нѣсколькими ступенями. На него кладутъ жаренаго быка, покрытаго краснымъ сукномъ, изъ подъ котораго виднѣются голова и рога животного. Народъ стоитъ вокругъ, сдерживаемый въ своемъ прожорливомъ нетерпѣннн чинами полиціи, которые, съ хлыстами въ рукахъ, обуздываютъ его горячность. Это напоминаетъ нашихъ охотничьихъ собакъ, ожидающихъ своей доли оленя, котораго загнали и разрубаютъ на части, прежде чѣмъ выкинуть имъ. На этой же площади, направо и налево отъ помоста, бьютъ фонтаны, имѣющіе форму вазъ; изъ нихъ льются вино и квасъ.

При первомъ выстрѣлѣ изъ пушки всѣ настораживаются, но только послѣ второго выстрѣла полиція отходитъ въ сторону, и весь этотъ дикій народъ кидается впередъ; въ это мгновеніе онъ производилъ впечатлѣніе варваровъ и скотовъ. Помимо прожорливости здѣсь было и другое побужденіе: предлагалось схватить быка за рога и

оторвать ему голову; тому же, кто принесетъ голову во дворець, обѣщано было сто рублей награды за ловкость и силу. И сколько желавшихъ одержать эту побѣду! Люди опрокидываютъ, увѣчатъ, топчуть другъ друга, и все хотять быть причастными этой славы. Триста несчастныхъ тащили съ криками свой отвратительный трофей, отъ котораго каждый рвалъ куски, и обѣщанные сто рублей были подѣлены между ними.

Пятница 11-го Октября.

Есть два неудобства службы въ Россіи: законъ Петра I. который понижаетъ на одну ступень чинъ каждаго иностранца, пріѣзжавшаго на службу въ Россію, и ужасающая отдаленность тѣхъ мѣстъ, гдѣ предлагается служить. Признавая первое условіе, великій князь замѣтилъ, что второе не будетъ имѣть мѣста по отношенію къ Брюлю и что если онъ желаетъ привлечь его на службу, то лишь для того, чтобы удержать его близъ себя. Все это очень лестно: но какъ вѣрить обѣщаніямъ принца, у котораго нѣтъ ни характера, ни выдержки и который своими поступками опровергаетъ сегодня то, что дѣлалъ вчера? Горячая дружба, которую онъ питалъ къ Разумовскому и внезапное охлажденіе должны отпугнуть каждаго, идущаго тѣмъ же путемъ. Разумовскій, говорятъ, не безгрѣшенъ по отношенію къ его супругѣ, но можно ли быть увѣреннымъ въ виновности великой княгини? Мы, дѣйствительно рассказывали, что однажды, во время прогулки верхомъ, великій князь сказалъ князю Гагарину: „Ступайте къ великой княгинѣ и не отходите отъ нея“. Къ ней же онъ послалъ и Николаи, и оба они, по приказу, отправились къ великой княгинѣ, которую застали наединѣ съ Разумовскимъ. Великая княгиня сказала, что не нуждается въ нихъ, но такъ какъ они все-таки, согласно приказу Великаго Князя, настаивали на своемъ, она отошла къ окну и продолжала бесѣду съ Разумовскимъ шепотомъ. Тогда они прошли въ сосѣдную комнату. Вернувшись съ прогулки и увидавъ Великую Княгиню одну съ Разумовскимъ, Великій Князь спросилъ Гагарина и Николаи, почему они ушли? Выслушавъ объясненіе, онъ сказалъ: „А все же надо было остаться, какъ я васъ просилъ; у меня на это были свои причины“. Что же это доказываетъ? Что Великій Князь подозрителенъ, но по его характеру такъ и должно быть. Вообще я совѣтъ не знаю, было ли что нибудь между Великою Княгиней и Разумовскимъ. Впрочемъ Великая Княгиня обладала достаточной ловкостью и властью надъ супругомъ, чтобы заставить его поступать согласно ея волѣ. Говорятъ, будто она знала объ одномъ заговорѣ, исходящемъ отъ Великаго Князя и что эта освѣдомленность была сильнымъ ору-

жіемъ въ ея рукахъ. Ее самую обвиняли въ томъ же, и она была способна на это; но прибавляли, что если бы она взялась за осуществленіе заговора, то воспользовалась бы успѣхомъ сама, не дѣлясь съ Великимъ Княземъ. Князь Вальдекъ, говоря съ княземъ Ангальтскимъ о Великой Княгинѣ, сказалъ: „Ужъ если эта не устроитъ переворота, то никто его не сдѣлаетъ“.

Суббота, 12-го Октября.

Я провелъ около двухъ часовъ съ маленькимъ Голицынымъ, и мы разговаривали о разныхъ вещахъ. Упомянули о Домашневѣ: онъ сынъ незначительнаго писателя, а не кучера, должность, которую можно отодвинуть къ его дѣду. Какого бы происхожденія онъ ни былъ, онъ обладаетъ, какъ увѣрялъ меня князь Голицынъ, умомъ, знаніями и слыветъ довольно хорошимъ поэтомъ.

Вторникъ, 22-го Октября.

Снова заговорили о женитбѣ князя Орлова на Зиновьевой, которая будто бы беременна. Такъ какъ она состоитъ съ княземъ въ родствѣ, а въ этомъ случаѣ самъ Синодъ не можетъ дать разрѣшенія на бракъ, то, по слухамъ, будутъ вызваны свидѣтели, которые присягнутъ, что Зиновьева не приходится дочерью, ни своему отцу, ни своей матери.

Среда, 23-го Октября.

Государыня похожа на покойнаго Людовика XV-го: она любитъ исторіи и сплетни, касающіяся частныхъ лицъ. Ей извѣстны все интриги въ городѣ, и меня увѣряли, что на почтѣ имѣется особая книга для различнаго рода выдержекъ изъ писемъ, такъ или иначе касающихся ея. Въ послѣднюю Пятницу въ театрѣ я замѣтилъ, что Государыня внимательно разглядывала меня, когда я подошелъ подъ ея ложу и разговаривалъ съ Трубецкою и съ Бемерами. Шарлотта передавала мнѣ, что каждый разъ, какъ я обращался къ ней, она замѣчала взглядъ Государыни, наблюдавшій за нами обоими.

Четвертъ 19-го Декабря.

Склонные ко всемъ порокамъ, вызваннымъ роскошью, развращенные раньше, чѣмъ успѣли пройти различныя ступени зрѣлости. Русскіе походятъ на плоды зеленые, но уже гнилые, безъ сочности и сладости, и которые никогда не смогутъ пріобрѣсти надлежащаго вкуса. Не почва въ этомъ виновата: Россія хранилище кладовъ; не плохъ и садовникъ: Екатерина II, не будучи тѣмъ, чѣмъ ей хотѣлось бы прослыть въ

газетахъ, на самомъ дѣлѣ не плохая правительница: но она женщина въ полномъ смыслѣ слова, не имѣющая никакого понятія объ умозрѣніи, все поступки ея отмѣчены печатью самолюбія; ей пріятнѣе царить въ Европѣ со скоропреходящей славою, нежели безъ тщеславія прочно царствовать на благо своей родинѣ. Существуетъ, быть можетъ, лишь одинъ почти невыполнимый способъ вызвать къ жизни у этой націи тотъ зародышъ величія, который таится въ ея нѣдрахъ: слѣдовало бы удалить грядущее поколѣніе отъ настоящаго, чтобы уберечь его отъ извы, развѣдающей послѣднее. Когда совершилось бы это спасительное удаленіе и нація вернулась бы къ своей первобытной и естественной простотѣ, тогда два или три послѣдовательныхъ правителя-философа могли бы постепенно довести ее до совершенства, не торопясь, безъ рѣзкихъ переворотовъ, безъ насильственныхъ и противныхъ ея природѣ пріемовъ. Необходимо также, чтобы эти правители, взятые изъ самой націи, имѣли неоспоримыя права на занимаемый ими тронъ, а не убійствами и заточеніями достигли его и чтобы власть ихъ, опирающаяся на справедливость, была уважаема и любима тѣми, къ которымъ они будутъ править.

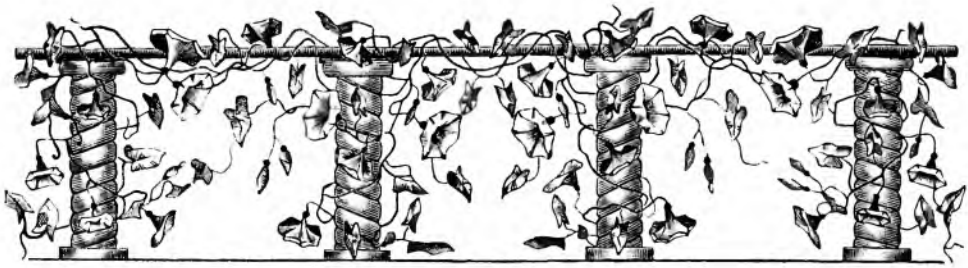
Понедѣльникъ 30-го Декабря.

Почти мѣсяць все три любимца были немного въ опалѣ: князь Орловъ за то, что говорить о его бракѣ съ Зиновьевой, въ которую онъ по прежнему влюбленъ и на которой хочетъ жениться; Завадовскій—потому что былъ слишкомъ заинтересованъ полученіемъ отпуска Пиктэ, о чемъ сожалѣютъ съ тѣхъ поръ, какъ сей послѣдній, по слухамъ, устроился во Франціи. Меня даже увѣряли, что Воронцовъ не получалъ мѣста именно потому, что интересовался судьбою Пиктэ. Потемкинъ, подвергшійся одной участи съ своими двумя сотоварищами, вышелъ изъ положенія съ выгодною для себя. Говорятъ, въ настоящее время онъ поставленъ прекрасно, а въ ближайшемъ будущемъ ему будетъ оказана крупная милость. Это очень умный человекъ, обладающій тѣмъ лукавымъ умомъ, который такъ необходимъ при Дворѣ. Ты знаешь, что онъ родился въ бѣдности, но онъ предугадалъ свою судьбу и прямо сказалъ Государынѣ, что если онъ захочетъ быть любимъ ею, то достигнетъ своего; ты видишь, онъ былъ правъ. Этотъ разговоръ мнѣ передавала Зиновьева, слышавшая его въ свою очередь отъ самого Потемкина въ присутствіи Парижскихъ Строгоновыхъ, Барятинскихъ, Загряжскихъ и пр. къ кружку которыхъ принадлежалъ Потемкинъ до своего возвышенія (впослѣдствіи же, за свой коварный и злой нравъ, былъ ими отстраненъ).

Дѣла графа Брюля, повидимому, двигаются впередъ. Отъ имени Государыни Великій Князь предложилъ ему въ супруги дѣвицу Левшину или Алымову съ правомъ принять или отказаться отъ предложенія. Этимъ правомъ онъ и воспользовался по отношенію къ первой, и я одобрилъ его. Въ Левшиной мало ума, еще меньше характера, и она, повидимому, надоѣла Государынѣ, желающей отъ нея отдѣлаться; это обстоятельство дѣластъ, конечно, отказъ затруднительнымъ. Алымова совсѣмъ въ другомъ родѣ и кромѣ того правится графу; такъ какъ она любима Великимъ Княземъ и Великой Княгинею, при которыхъ состоитъ, то первый заинтересованъ ея замужествомъ. Въ этомъ случаѣ Брюль сохранилъ бы на Русской службѣ свой чинъ генераль-лейтенанта и даже судя по тому, что говорилъ ему Великій Князь, могъ бы стать его церемоніймейстеромъ вмѣсто Салтыкова, которому былъ поручень общій надзоръ надъ всѣмъ. Вотъ, что сказала мнѣ самъ Брюль, и я бы желалъ этого.

(Окончаніе будетъ).

Дополненіє къ статьѣ о бракѣ Екатерины Великой съ Потемкинѣмъ ¹⁾.

(„Русскій Архивъ“ 1906, вып. 7-ой).

I.

П. С. Бутягинъ ²⁾ Цесаревичу Константину Павловичу.

С.П.Бургъ 27-го Апрѣля 1829 года.

Помѣта карандашомъ: „манускриптъ остался у Е. И. В. Цесаревича“.

Ваше Императорское Высочество.

Движимый чувствами глубочайшей признательности къ высокому покровительству В. И. В., священнѣйшимъ долгомъ поставляю поднести Вамъ манускриптъ императрицы Екатерины II, подъ заглавіемъ „*чисто-сердечная исповѣдь*“, который, по особенному порученію блаженныя памяти Г. И. Александра Павловича, пріобрѣтенъ мною за границею.

Повергаясь съ дѣтьми моими къ стопамъ Вашимъ, есмь съ благоговѣніемъ В. И. В. вѣрный Павелъ Бутягинъ.

¹⁾ Изъ бумагъ Н. К. Шильдера. П. Б.

²⁾ О Бутягинѣ см. въ разслѣдованіи С. М. Гориннова „Елисавета Ивановна Бутягина“ въ 10-мъ вып. „Русскаго Архива“ 1909 г. Бутягинъ добылъ изъ кабинета Людовика XVIII тайный договоръ его съ Англіею и Австріею противъ Россіи и привезъ эту бумагу въ Вѣну императору Александру. Видно, что, разошедшись съ женою, онъ продолжалъ заниматься тайными дѣлами и получилъ доступъ къ Цесаревичу Константину. Откуда онъ добылъ Екатерининскую „Чистосердечную исповѣдь“? Не была ли она выкрадена у графини А. В. Браницкой, въ то время (1819) пріѣзжавшей во Францію на свадьбу своей дочери съ гр. М. С. Воронцовыми. Ея дяди Потемкинъ умеръ на ея рукахъ, она была свидѣтельницею его брака съ Екатериною и хранила о томъ записку, которую графъ Александръ Гр. Строгановъ кинулъ въ море, по порученію княгини Елисаветы Кеаверьевны Воронцовой. П. Б.

II.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ Бутягину.

Павель Степановичъ!

При письмѣ вашемъ отъ 27-го прошедшаго Апрѣля получилъ я манускриптъ императрицы Екатерины II-ой¹⁾, который вы по особому порученію блаженныя памяти Г. И. Александра Павловича приобрѣли за границей, за доставленіе коего весьма васъ благодарю.

Опасаясь, чтобы вы не почли вопроса моего, который я намѣренъ вамъ сдѣлать, нескромнымъ любопытствомъ, но желая знать: гдѣ именно за границую, отъ кого и какимъ образомъ приобрѣли вы вышеописанный манускриптъ, я прошу васъ сообщить мнѣ о семъ свѣдѣніе, которое, увѣряю васъ, сохранится въ тайнѣ между нами²⁾.

При семъ случаѣ прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ къ вамъ расположеніи.

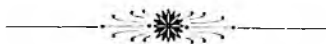
Помѣта: „10 Мая 1829 г. Варшава“.

III.

Записка Жилля.

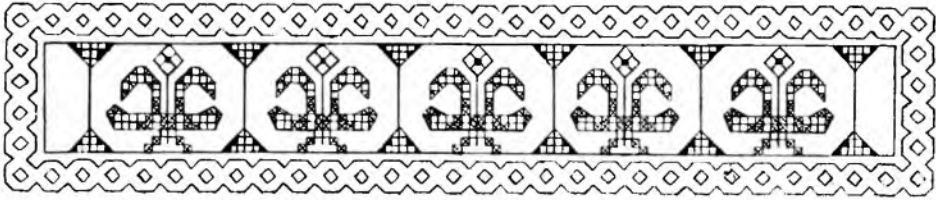
Ce couvert renferme la copie d'une lettre écrite de l'Impératrice Catherine II à Potemkine, copie que Sa Majesté l'Empereur m'a remise le 1-го Décembre 1841 pour être déposé à l'armoire secrète du cabinet d'Anitshkoff. Gille.

Переводъ. Этотъ конвертъ содержитъ въ себѣ копию съ письма императрицы Екатерины II-ой къ Потемкину. Переданъ мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ 1-го Декабря 1841 г., чтобы положить его въ секретный шкафъ въ Аничковскомъ кабинетѣ. Жилль.

¹⁾ Манускриптъ носилъ заглавіе: „Чистосердечная исповѣдь“.

²⁾ Отвѣта отъ Бутягина мы не имѣемъ. Оба внука Екатерины, вѣроятно, знали о неоглашенномъ бракѣ ея съ Потемкинымъ. П. Б.

ЧИСТОСЕРДЕЧНАЯ ИСПОВѢДЬ.

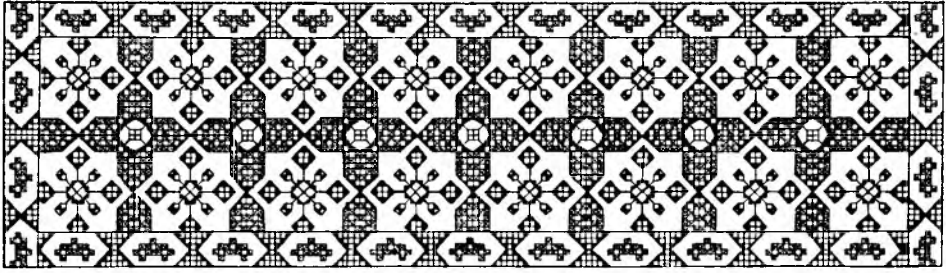
Марья Чоглокова, видя, что черезъ девять мѣсяцевъ обстоятельства остались тѣже, каковы были до свадьбы, и бывъ отъ покойной Государыни часто бранена, что не старается ихъ перемѣнить, не нашла инаго къ тому способа, какъ обѣимъ сторонамъ сдѣлать предложеніе, чтобы выбрали по своей волѣ изъ тѣхъ, кого она на мысли имѣла. Съ одной стороны выбрали вдову Гротъ, которая нынѣ за артиллеріи генераль-поручика Миллера, а съ другой Сергѣя Салтыкова, и сего болѣе по видимой его склонности и по уговору мамы, которуя въ томъ наставляла великая нужда и надобность. По прошествіи двухъ лѣтъ Сергѣя Салтыкова послали посланникомъ, ибо онъ себя нескромно вель, а Марья Чоглокова у большого двора уже не была въ силѣ его удержать. По прошествіи года и великой скорби пріѣхалъ нынѣшній король Польскій, котораго отнюдь не примѣтили; но добрые люди заставили пустыми подозрѣніями догадаться, что онъ на свѣтѣ, что глаза были отмѣнной красоты и что онъ ихъ обращалъ, хотя такъ близорукъ, что далѣе носа не видитъ, чаще на одну сторону нежели на другія. Сей былъ любезенъ и любимъ отъ 1755 до 1761: но (по) тригодишней отлучкѣ, то есть отъ 1758 и старательству князя Григорія Григорьевича, котораго паки добрые люди заставили примѣтить, перемѣнили образъ мысли. Сей бы вѣкъ остался, есть-либъ самъ не скучалъ. Я же узнала въ самый день его отъѣзда на конгрессъ изъ Села Царскаго, и просто сдѣлала заключеніе, что, о томъ узнавъ, уже довѣрки имѣть не могу, мысль, которая жестоко меня мучила и заставила изъ деперации выборъ кое-какой, во время котораго и даже до нынѣшняго мѣсяца я болѣе грустила нежели сказать могу, и никогда болѣе, какъ тогда, когда другіе люди бываютъ довольные, и всякое приласканье во мнѣ слезы возбуждало, такъ что я думаю, что отъ рожденія своего я столько не плакала, какъ сіи полтора года. Съ начала я думала, что привыкву, но что далѣе, то хуже: ибо съ другой стороны мѣсяцы по три дуться стали, и признаться надобно, что ни-

когда довольнѣе не была, какъ когда осердится и въ покоѣ оставить. а ласки его мнѣ плакать принуждали. Потомъ пріѣхалъ нѣкто богатырь. Сей богатырь по заслугамъ своимъ и во всегдашней ласкѣ прелестенъ былъ, такъ что слыша о его пріѣздѣ уже говорить стали, что ему тутъ поселиться, а того не знали, что мы писемцомъ сюда призвали непримѣтно его, однакоже съ такимъ внутреннимъ намѣреніемъ, чтобъ не вовсе слѣпо по пріѣздѣ его поступать, но разобрать, есть ли въ немъ склонность, о которой мнѣ Брюсша сказывала, что давно многіе подозрѣвали, то есть та, которой я желаю, чтобъ онъ имѣлъ.

Ну, господинъ богатырь, послѣ сей исповѣди, могу ли я надѣяться получить отпущеніе грѣховъ своихъ? Изволите видѣть, что не пятнадцать, но третья доля изъ сихъ. Перваго по неволѣ, да четвертаго изъ дешперациі. Я думала, на счетъ легкомыслія поставить никакъ не можно, а трехъ прочихъ, если точно разберешь. Богъ видитъ, что не отъ разстройства, къ которой никакой склонности не имѣю, а есть-либъ я въ участь получила съ мѣлода мужа, котораго бы любить могла, я бы вѣчно къ нему не перемѣнилась. Бѣда та, что сердце мое не хочетъ быть ни на часъ охотно безъ любви. Сказываютъ, такой пороки людскіе покрыть стараются, будто сіе происходитъ отъ добро-сердечія, но статья можетъ, что подобное диспозиція сердца болѣе есть порокъ нежели добродѣтель. Но напрасно я сіе къ тебѣ пишу, ибо послѣ того возлюбишь или не захочешь въ армію ѣхать, боясь, чтобъ я тебя позабыла; но право не думаю, чтобъ такое глупость сдѣлала, а есть ли хочешь на вѣкъ мнѣ къ себѣ привлекать, то покажи мнѣ столько дружбы какъ и любви, а наипаче люби и говори правду.

Изъ бумагъ Н. К. Шильдера. Нансчатоно въ XII-мъ томѣ Академическаго изданія Сочиненій Екатерины Второй.

ДВА ОБЕЛИСКА.

Въ послѣдній прїѣздъ графа Петра Борисовича Шереметева въ Петербургъ съ депутаціей отъ Московскаго дворянства, послѣ первыхъ дворянскихъ выборовъ въ 1782 году, онъ велъ оживленную переписку съ остававшеюся въ Москвѣ воспитанницей его жены, Калмычкою Анной Николаевной*). 26 Декабря 1782 г. онъ писалъ ей:

„Въ Четвергъ у меня обѣдать будетъ сестра Ланского, моя крестница, которая меня столько любитъ и ласкаетъ, хотя бы дочь родная. И братъ ея очень ласкается ко мнѣ и помнитъ и знаетъ всѣ милости батюшкины къ дому ихъ“.

На это Калмычка отвѣчаетъ:

„Что же касается Ланского сестры, оное для васъ, я думаю, прїятно, что она столь къ вамъ ласкова, и притомъ это имъ обоимъ, что они такъ помнятъ милости батюшки вашего къ ихъ фамиліи“.

Петръ Борисовичъ былъ очень огорченъ, когда узналъ о кончинѣ Александра Дмитріевича Ланского. Вотъ его порученіе къ Петербургскому „управителю“ Петру Александрову.

„Сходить отъ меня къ Елисаветѣ Дмитріевнѣ Кушелевой, къ сестрѣ А. Д. Ланского, объявить ей мое почтеніе, спросить о здоровьѣ, а притомъ объ немъ (Ланскомъ) и объяснить мое сердечное сожалѣніе, что и я въ томъ имѣю участіе, потерявъ друга и, какъ того поворотить не можно, совѣтую ей не входить въ безразсудное огорченіе и беречь себя“.

Г. П. III.

Въ Кусковѣ, 8 Июля 1784 г.

*) „Двѣ Калмычки“, „Русскій Архивъ“ 1905 г., вып. 5-й.

Петръ Александровъ пишетъ изъ Петербурга:

Къ Елисаветѣ Дмитріевнѣ Кушелевой, сестрицѣ А. Д. Ланского. сего Юля 16 ѣздилъ я въ Село Царское и при объявленіи отъ в. с. почтенія какъ о здоровьи ея спрашивалъ, такъ и что в. с. въ печали ея изволите имѣть участіе; впрочемъ, какъ отъ в. с. имѣлось предписаніе, докладывать имѣлъ. на что изволила сказать отписать в. с. низжайшее почтеніе и покорную благодарность; но что касается до ея здоровья, она, слава Богу, только обыкновенно по кончинѣ Александра Дмитріевича находится въ большой печали, на который случай пріѣхала и матушка ихъ и живетъ въ Царскомъ Селѣ.

Въ С.-Петербургѣ, 18 Юля 1784 г.

Сама Императрица была глубоко опечалена кончиной Ланского, который, по общимъ отзывамъ, былъ человекъ очень добрый. Она конечно знала о связяхъ его съ домомъ Шереметевыхъ. Тѣмъ выразительнѣе оказанное ею графу Петру Борисовичу вниманіе, во время пріѣзда ея въ 1785 году черезъ Москву.

Еще въ Маѣ 1785 года графъ Петръ Борисовичъ писалъ Петру Александрову:

„Я на сей почтѣ получилъ отъ Ея Императорскаго Величества милостивое письмо въ отвѣтъ на мое письмо, которымъ я прежде благодарилъ Ея Величество за пожалованіе графа Николая Петровича (тайнымъ совѣтникомъ) и притомъ изволила прислать мнѣ книгу въ переплетѣ о правѣ дворянства“¹⁾.

5 Юня 1785 г. графъ Петръ Борисовичъ пишетъ Петру Александрову.

„По переѣздѣ моемъ въ Москву изъ Кускова для встрѣчи Ея Величества сдѣлался я нездоровъ, и Ея Величество вчерашняго дня изволила ко мнѣ заѣхать въ Московскій домъ, а отсутствіе въ путь слышно послѣдуетъ завтрашній день“.

„Сходи къ Александру Алексѣевичу и къ Аленѣ Никитишнѣ²⁾, при отданіи моего усерднѣйшаго поклона, и скажи имъ, что выше сего писано, и весьма милостива изволила со мною быть и вся свита дорожная, и мною никакъ неожиданное было посѣщеніе, и я былъ какъ почти найденъ, такъ я и предсталъ. Притомъ донесъ имъ, что теперь я никакой надобности не предвижу, чтобы ѣхать Николаю Петровичу, потому что всѣ наши благодаренія за всѣ оказанныя намъ милости исполнены здѣсь, и видится и слышно было то“.

¹⁾ Домашній архивъ графа С. Д. Шереметева.

²⁾ Князю и княгинѣ Вяземскимъ.

Объ этомъ посѣщеніи подробнѣе пишетъ къ Петру Александрову въ Петербургъ Иванъ Чюбиревъ 9 Іюня 1785 г.

Государь мой Петръ Александровичъ.

Что Ея Величество е. с. графа изволила посѣтить въ Московскомъ домѣ¹⁾, о томъ вамъ прошедшею почтою дано знать. Послѣ того е. с. на другой день, послѣ кушанья, изволилъ ѣздить благодарить въ Петровскій дворецъ, гдѣ принять Ея Величествомъ очень милостиво, и между прочимъ изволила пожаловать е. с. мраморнымъ обелискомъ, который чтобъ сдѣлать противъ того²⁾, что поставленъ въ Царскомъ Селѣ противъ покоевъ, и изволила сказывать, что когда она изволитъ въ почивальнѣ встать, то всегда на него съ непріятностію изволитъ смотрѣть. Потомъ изволила приказать писать сенатору Стрекалову и графу Якову Александровичу³⁾ о томъ же. Изволила проговаривать, что онъ сдѣланъ будетъ подѣ смотрѣніемъ Ея Величества и чтобъ зачать его дѣлать съ 10 числа нынѣшняго мѣсяца. И е. с. много порадовался; только знать не изволилъ, какой обелискъ, съ котораго будетъ дѣлаться, а какъ надѣюсь отъ господина Стрекалова о немъ уже писано, того ради изволилъ указать вамъ приватно съ осторожностію навѣдаться. Надѣюсь, оно писано въ контору, гдѣ прежде дѣлалась колонна и вамъ тамъ какъ мастера и прочіе знакомые, естли объ ней кому приказаніе, и какъ ее начнуть дѣлать, не можно ли достать съ той колонны, съ которой будутъ дѣлать рисунокъ? Ежели достанете, то оной прислать и объ ней что свѣдаете обстоятельно прошу увѣдомить, только то исполнить самымъ тихимъ образомъ, также и о томъ увѣдомить же, въ какомъ мѣстѣ онъ стоитъ.

Вслѣдъ затѣмъ графъ Петръ Борисовичъ пишетъ Петру Александрову.

„Что Ея Величество, будучи въ Москвѣ, изволила меня пожаловать мраморнымъ обелискомъ, о томъ тебѣ дано знать, о которомъ изволила приказать Степану Ѳедоровичу Стрекалову, и того ради, какъ онъ будетъ въ Петербургѣ, съ моимъ почтеніемъ къ нему адресоваться учтивымъ образомъ“.

„А мнѣ Ея Величество изволила приказывать, чтобъ его поставить въ виду противъ дому, а рисунокъ мнѣ надобенъ для того, что по мѣрѣ его, мѣсто выбрано будетъ, отдѣлано и приготовлено, какъ мнѣ отъ Ея Величества повелѣно“.

Г. П. III.

Въ Кусковѣ, 16 Іюня 1785 г.

¹⁾ На Никольской.

²⁾ Т. е. на подобіе. П. Б.

³⁾ Брюсу, Московскому генералъ-губернатору. П. Б.

Подражаніе въ Кусковѣ Царскосельскому обелиску въ память Ланского, по волѣ Екатерины, указываетъ на особую чуткость великой Государыни и на ея умѣнье владѣть сердцами своихъ подданныхъ.

Кусковскій обелискъ и доннынъ стоитъ передъ главнымъ домомъ. На немъ надпись: „Въ незабвенную милость“.

Графъ С. Шереметевъ.

Кусково, 28 Марта 1911 г.

КЪ ИСТОРИИ ШЕРЕМЕТЕВСКИХЪ ПѢВЧИХЪ.

Указъ графа Петра Борисовича Шереметева Петербургскому управителю Петру Александрову.

Есть у меня привезенный изъ Украины въ пѣвчіе челоуѣкъ, который имѣетъ изрядный голосъ тенора. Желаніе мое, чтобъ его обучить подь твоимъ смотрѣніемъ въ Петербургѣ пѣвческой музыкѣ для театру, который бы могъ пѣть въ операхъ и представлять актера; но какъ въ Петербургѣ есть на то способные, которые всему тому обучить могутъ за деньги и на примѣръ какіе люди, при семъ послана къ тебѣ особливая записка. Того ради тебѣ постараться, ежели оное по той запискѣ исполнить можно, или ты найдешь какое на то средство, чтобъ кто его тому обучилъ, я заплачу за то, что надобно, только бь былъ въ томъ успѣхъ, о чемъ объясниться съ знающими въ томъ и отобразь отъ нихъ, что они за оное возьмутъ и въ какое время могутъ обучить, о всемъ обстоятельно меня увѣдомить и ежели сходно будетъ и съ успѣхомъ выйти можетъ, то я его къ тебѣ пришлю и на то опредѣлю сумму денегъ, который и будетъ жить подь твоимъ присмотромъ въ Фонтанномъ домѣ.

Г. Петръ Шереметевъ.

Въ Москвѣ, 22-го Генваря 1786 г.

Записка.

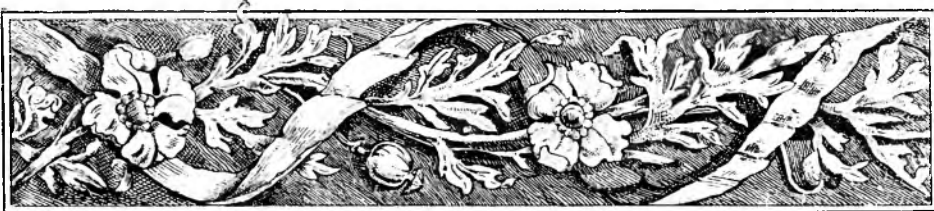
Для обученія пѣвчаго тенориста нужно отдать учить для познанія музыки и пѣнія къ Васильку, который на Итальянскомъ и учителемъ въ дворцовомъ хорѣ придворныхъ пѣвчихъ.

Для игры на театрѣ поговорить актеру Русскому, который играетъ любовничьи роли.

Въ тоже время нужно, чтобъ изъ Русскихъ фигурантовъ кто-нибудь училъ ходить, глядѣть, кланяться и руками пристойно разсуждать и прочая принадлежащая до актера.

Платье пѣвческое не должно носить, потому что оное приучаетъ ногами криво и гнусно ступать, то и надобно Нѣмецкій кафтанъ и башмаки.

МАРТОВСКІЯ СОБЫТІЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1801 ГОДУ.

I.

Подъ такимъ заглавіемъ мы передаемъ въ переводѣ тѣ страницы *Исторіи консульства и имперіи* А. Тьера, которыя до сихъ поръ, по цензурнымъ правиламъ, не могли появиться въ нашей печати, а во Французскихъ экземплярахъ обыкновенно вырѣзывались при переходѣ ихъ черезъ границу. О трагической кончинѣ императора Павла обыкновенно сообщалось до сихъ поръ, что онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Даже такой авторитетный писатель, какъ Шильдеръ, написавшій историко-біографическій очеркъ *Императоръ Павелъ Первый*, и тотъ оставилъ насъ въ недоумѣніи, что это былъ за ударъ. Свобода печати снимаетъ запретъ съ этого таинственнаго событія и даетъ возможность освѣтить его съ правдивой стороны.

Возстановляя подробности кончины императора Павла Петровича въ пересказѣ Французскаго историка, пользующагося заслуженною извѣстностью, мы прибавимъ къ разсказу предварительныя замѣчанія и тѣмъ исправимъ немногія неточности и ошибки его. Объ исторіи императора Павла Петровича въ настоящее время мы знаемъ болѣе Тьера. У него мы беремъ одинъ только незнакомый намъ эпизодъ изъ этой исторіи. Мы знаемъ, что императоръ палъ жертвою заговора, во главѣ котораго въ послѣдній моментъ стоялъ графъ Паленъ, но не знали только подробностей самой катастрофы. Ихъ предлагаетъ намъ Тьеръ. *)

О царствованіи императора Павла Петровича исторія произнесла уже свой приговоръ. Въ общемъ послѣдній остается безъ измѣненія. Но безвременная и ужасная кончина императора въ новыхъ для насъ подробностяхъ не можетъ не вліять на приговоръ, какъ смягчающее его обстоятельство. Послѣ такого событія, которое случилось въ мартѣ 1801 года, при разрѣшеніи заговора историкъ не можетъ не признать въ немъ искупленіе за содѣянные грѣхи и можетъ болѣе безпристрастно судить историческаго дѣятеля. Онъ можетъ

*) Императоръ Николаій Павловичъ отзывался, что изъ всего напечатаннаго за границею о кончинѣ императора Павла наиболѣе правдивое принадлежитъ Тьеру. П. Б.

болѣе спокойно сказать, не какъ простую фразу, что Павелъ Петровичъ отличался Гамлетовскими чертами, подобныя которымъ не встрѣчается въ жизни ни одного изъ вѣщеносцевъ, не только въ Русской, но и во всемірной исторіи. Онъ можетъ догадаться, подъ какими вліяніями писалась до сихъ поръ его исторія. Подъ давленіемъ дворянскихъ интересовъ, слабо или сильно, слагалась точка зрѣнія на все его царствованіе. Жестокости Павла Петровича обращались преимущественно прогивъ привилегированнаго дворянскаго класса. Съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ, исторія Павла Петровича, какъ ни мало еще извѣстна, получаетъ другое освѣщеніе. Дворянство наше при Екатеринѣ II пріобрѣло въ исторіи преобладающее значеніе, которое желало удержать и навсегда. Къ дворянству, какъ извѣстно, перешла вся власть въ провинціальномъ управленіи, а центральная осталась за правительствомъ: крѣпостное же право, окончательно сформировавшееся въ концѣ XVIII вѣка, сдѣлало дворянство рѣшителемъ судебъ многихъ милліоновъ Русскихъ подданныхъ. Первый, кто почувствовалъ, если не созналъ еще вполне, такое ненормальное положеніе въ государствѣ, былъ императоръ Павелъ I. Принимая во вниманіе, что государственнй и общественный порядокъ, устансвившійся въ XVIII в., держался на подавляющемъ и несправедливомъ преобладаніи дворянскаго класса надъ другими, Императоръ желалъ исправить эту ошибку и сталъ дѣйствовать, какъ противодворянскій царь. Чувство порядка, дисциплины и равенства были руководящими его побужденіями въ этомъ направленіи, и борьба съ сословными привилегіями, замѣтно, выдвигается впередъ. Мы не думали, что только за это онъ погибъ отъ заговорщиковъ, на то были и другія причины, особенно личный раздражительный его характеръ, но одна изъ самыхъ важныхъ причинъ заключается именно въ томъ, что онъ былъ противодворянскій царь.

Преобладаніе дворянства создалось у насъ частью отъ недостатка соотвѣствующихъ законовъ. Павелъ началъ съ основныхъ, установивши, прежде всего, законы, опредѣляющіе порядокъ наслѣдованія престола актомъ 5 Апрѣля 1797 года. Теперь повтореніе такихъ исторій, въ которыхъ дворянство ранѣе принимало участіе при вступленіи на престолъ четырехъ императрицъ, послѣ того какъ былъ изданъ названный актъ, стало болѣе невозможнымъ. Затѣмъ императоръ обратилъ вниманіе на законы о сословіяхъ. Сословное управленіе, установленное губернскими управленіями и жалованными грамотами дворянству и городскому сословію Екатериною II, давало двумъ сословіямъ, сравнительно съ прочими, и особенно дворянскому, привилегированное положеніе. Обязанная дворянству своимъ восшествіемъ на престолъ, Екатерина, видимо поступила въ данныхъ грамотахъ своими прежними либеральными убѣжденіями, особенно по отношенію къ крѣпостному праву, и сама сдѣлалась и назвалась „Русскою помѣщицею“. Павелъ I былъ въ другомъ положеніи и другихъ убѣжденій. Отмѣнивъ въ существенныхъ чертахъ обѣ грамоты Екатерины II, онъ почти уничтожилъ сословное управленіе, особенно вытѣснивши дворянство изъ губернскаго управленія короннымъ чиновничествомъ. Онъ отмѣнилъ и нѣкоторыя личныя права дворянства и высшаго купечества именитыхъ гражданъ и купцовъ 1-й и 2-й гильдій. Особенное же вниманіе императоръ обратилъ на

крестьянское сословіе. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича узаконило крѣпостное право, возникшее ранѣе; но власть помѣщиковъ надъ крестьянами, не опредѣлявшаяся въ подробностяхъ законодательствомъ, развивалась безъ мѣры. Павелъ Петровичъ сдѣлалъ первую попытку точнаго законодательства, опредѣляющаго взаимныя отношенія между помѣщиками и крестьянами: указомъ 5 Апрѣля 1797 года о трехдневной барщинѣ, какъ высшей нормѣ крестьянскаго труда въ пользу помѣщика. Если онъ сдѣлалъ въ ослабленіе привилегій дворянства немного, то это зависѣло отъ разныхъ причинъ. У него самого не было ни обдуманной программы, ни времени для ея исполненія, ни знанія дѣла, ни людей, готовыхъ и способныхъ исполнять его намѣренія. Едѣ ему было набраться знаній о Россіи и выбрать своихъ сотрудниковъ съ новымъ направленіемъ, если при жизни матери-императрицы и по совершенствѣтіи, онъ былъ удаленъ отъ большого двора и пребывалъ въ Гатчинѣ, вдали отъ дѣла, въ кругу самыхъ мелкихъ интересовъ. У него были зато обильный запасъ накопившихся горькихъ чувствъ, изъ которыхъ вытекалъ потомъ цѣлый рядъ непригодныхъ мѣропріятій. Его дѣятельность въ уравнительномъ направленіи общественныхъ классовъ лишена была, потому, и послѣдовательности и твердости. Последнее качество зависѣло также отъ личнаго его характера, развивавшагося подъ вліяніемъ воспитанія и несчастныхъ отношеній къ матери. Занимаясь въ Гатчинѣ своей миниатюрною гвардіей, незримый среди большого двора и постоянно подъ строгимъ надзоромъ его, Павелъ Петровичъ всегда раздражался, претерпѣвая недоувѣріе и пренебреженіе временщиковъ и привыкая видѣть въ дѣлахъ матери лишь одиѣ темныя стороны, чтобы легче порицать ея порядки. И послѣдующая его политика, когда онъ сдѣлался самъ государемъ, вытекала также не столько изъ глубокаго сознанія несправедливости и негодности порядковъ его матери, сколько изъ антипатіи и раздраженія противъ оставшихся при немъ ея сотрудниковъ. Самымъ либеральнымъ преобразовательнымъ замысламъ своимъ онъ придавалъ какой-то реакціонной, антипатичный характеръ, самымъ полезнымъ своимъ мѣропріятіямъ—печать мелкой вражды. Законъ о престолонаслѣдіи, напр., можетъ быть также объясненъ и намѣреніемъ Императрицы, о которомъ ходили довольно вѣрные слухи, отстранить сына отъ престола, замѣнивъ его старшимъ своимъ внукомъ Александромъ. Думая объ изданіи этого закона, Павелъ могъ поэтому руководствоваться, болѣе или менѣе, и своими личными побужденіями и счѣтами. Дѣятельность Павла Петровича, по такимъ причинамъ, намѣренно обращалась къ уничтоженію слѣдовъ предшествовавшаго царствованія, притомъ безъ строгаго различія, были ли они полезные, или вредные. А Екатерина сдѣлала и много хорошаго, и не даромъ ея царствованіе считается вѣкомъ нашей славы и культурнаго развитія. Отсутствие программы, отсутствие сознательныхъ идей въ царствованіи Павла Петровича замѣтны и въ томъ, что, вмѣсто обдуманныхъ стремленій, онъ обращалъ вниманіе на мелочи, на вахтъ-парады и тактику; вмѣсто борьбы съ существующими негодными порядками, онъ боролся съ лицами ему враждебными или несимпатичными, которыя и гналъ онъ жестоко и немилосердно. Здѣсь источникъ тѣхъ колебаній и противорѣчій, какими отли-

чалось кратковременное его царствованіе. Виолѣ справедливая, напр., вражда его къ сословнымъ привилегіямъ приводила его къ стѣсненію самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, и самыя идеи равенства и порядка вырождались у него въ припадки жестокаго или великодушнаго каприза, въ придворныя анекдоты, составляющіе почти главное содержаніе четырехлѣтняго его царствованія. Отсутствие руководительныхъ идей, и такихъ же политическихъ соображеній, выразилось напр. въ томъ, что, вводя законы въ хаотическія, произвольныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, Павелъ Петровичъ въ тоже самое время и самъ, не менѣ своей матери, размножалъ количество крѣпостного населенія, раздавая съ удивительной щедростью своимъ любимцамъ и клевретамъ за всякую услугу и выслугу сотни и тысячи крестьянскихъ душъ. Бывали такіе примѣры, что за одно острое слово, разсмѣшившее государя, бывшій берейторъ, а потомъ командиръ батальона, Каннабихъ, получилъ тысячу душъ крестьянъ. Самое вступленіе на престолъ императора Павла стоило государству ста тысячъ душъ, пожалованныхъ по этому случаю. Такая непослѣдовательность, не ослаблявшая произвола, а только усилившая его, привела, наконецъ, къ тому, что обществомъ овладѣло чувство страха и унынія, и что состоялся заговоръ, разразившійся потомъ ужасной катастрофой въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года.

II.

Императоръ Павелъ I имѣетъ уже историковъ, описавшихъ его жизнь и царствованіе. Д. О. Кобеко изложилъ его жизнь до восшествія его на престолъ (Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изданіе третье. С.-Пб. 1887). Другой историкъ Н. К. Шильдеръ въ своемъ объемистомъ трудѣ (Императоръ Павелъ Первый. Историко-біографическій очеркъ. С.-Пб. 1901 г. стр. 606), описалъ все царствованіе его и также предшествующее время его жизни. О послѣдующемъ времени, послѣ его кончины, онъ даетъ такое заключеніе: „онъ служитъ эпитетомъ длиннаго ряда событій, связывающихъ 1741 годъ съ 1825. Слова манифеста 1801 г., обѣщавшія управленіе по закону и сердцу Екатерины.— говоритъ Шильдеръ,— не сбылись: ненависть ко всѣмъ дѣламъ и мыслямъ ея, какъ и при Павлѣ, продолжала существовать, хотя и въ сокровенной формѣ. Аракчеевъ и пагубная Гатчинская военная система продолжали господствовать и даже совершенствоваться. Внѣшняя политика, за исключеніемъ эпизодическихъ перерывовъ, также продолжала руководствоваться рыцарскимъ безкорыстіемъ, о которомъ мечтали нѣкогда великій магистръ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Конечно, одно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: Екатерина никогда не занялась бы спасеніемъ Европы и водвореніемъ военныхъ поселеній. Ко всему этому присоединились еще тяжелыя воспоминанія, связанныя съ 11 Марта, подъ бременемъ которыхъ *) изнемогалъ императоръ Александръ въ продолженіи всей остальной своей жизни. Въ общей сложности.

*) Которыя тяготѣли и надъ Николаемъ Павловичемъ до самой его кончины. П. Б.

всѣ эти печальныя явленія привели къ 14 Декабря, а въ далекомъ будущемъ— къ Крымскому погрому^а. Таковы заключительныя слова историка.

Въ настоящее время всѣ важнѣйшіе источники времени Павла Петровича извѣстны и изучены. Прибавить къ нимъ еще что-нибудь новое уже трудно. Н. К. Шильдеръ отличный знатокъ своего дѣла, и ему доступны были и всѣ мемуары и почти всѣ архивныя матеріалы этого времени. Если мы рѣшаемся дать читателямъ переводъ изъ Тьера о кончинѣ императора Павла I, то мы далеки отъ мысли, что страницы *Исторіи Консульства и Имперіи*, относящіяся къ описанію этого событія, были неизвѣстны Шильдеру и думаемъ, что онъ не воспользовался ими только потому, что при прежней цензурѣ они не могли быть у насъ напечатаны. Самъ Тьеръ пользуется при описаніи этого событія рассказомъ одного Французскаго эмигранта, друга Малена и Беннигсена, главнѣйшихъ дѣятелей, приведшихъ заговоръ противъ Павла Петровича въ исполненіе. Этотъ Французъ слышалъ рассказъ о смерти Государя изъ устъ самого Малена, когда гостилъ въ его помѣстьѣ, и записалъ въ свою памятную книжку. Кромѣ того, Тьеръ ссылается еще на Биньона, который извѣстенъ и Шильдеру (стр. 488). Прусскій дворъ былъ тронутъ кончиною императора Павла, говоритъ Тьеръ, и получили различными путями подробности объ этомъ печальномъ событіи. Онѣ потомъ были сообщены въ особой запискѣ первому консулу Бонапарту. Тогдашній секретарь Французскаго посольства при Прусскомъ дворѣ, во главѣ котораго стоялъ генераль Бернонвиль, г. Биньонъ могъ знать содержаніе этой записки. Въ своемъ сочиненіи „Histoire de France“ онъ передаетъ рассказъ о смерти Павла Петровича. Кто знаетъ, какъ сами очевидцы такого рода событій излагаютъ ихъ часто невѣрно, тотъ можетъ скептически отнестись и къ настоящему рассказу. Чтобы добраться истины, слѣдуетъ его провѣрить съ другими рассказами о томъ же событіи, а у насъ въ печати пока ихъ нѣтъ, мы этого сдѣлать, потому, не можемъ. Въ своей *Исторіи Консульства и Имперіи*, прославляющей Наполеона I, послужившей однимъ изъ далекихъ мотивовъ къ началу властолюбивыхъ мечтаній послѣдника его имени, Тьеръ не имѣлъ въ виду отнестись внимательно къ общимъ условіямъ Русской жизни, приведшимъ къ ужасной катастрофѣ 11-го Марта. Въ его исторіи она является, какъ интересный эпизодъ. О томъ же, что подготовило ее, теперь мы знаемъ гораздо болѣе Тьера. Потому рассказъ его о кончинѣ императора Павла представляется здѣсь читателямъ нашимъ съ дополнительными предварительными замѣчаніями. У Шильдера, напротивъ, тщательно изложены всѣ подробности, какъ составилъ заговоръ на жизнь Государя, и какъ совершилось восшествіе на престолъ императора Александра I, но нѣтъ ни слова о самомъ исполненіи заговора.

„Въ четверть одиннадцатаго (11 Марта)—говоритъ Шильдеръ—послѣ ужина, за которымъ Павелъ Петровичъ былъ въ веселомъ настроеніи духа, полковникъ Сабдуковъ, эскадронъ котораго стоялъ на караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ, видѣлъ Государя въ послѣдній разъ. Императоръ, заподозрѣвши и Сабдукова въ измѣнѣ, приказалъ ему свести свой караулъ изъ замка, даже

вывести весь его полкъ изъ города, а двумъ лакеямъ, одѣтымъ въ гусарскую форму, по не вооруженнымъ, указавъ на дверь, ведущую въ кабинетъ, занять караулъ у дверей. Далѣе, передаетъ Шильдеръ, ночь была холодная и дождливая; въ главномъ караулѣ всѣ дремали. Вдругъ прибѣгаетъ лакей съ крикомъ: „спасайте!“ Поручикъ Семеновскаго полка Полторацкій обнажилъ шпагу и, обращаясь къ солдатамъ, воскликнулъ: „Ребята за царя!“ Всѣ бросились за нимъ, перебѣжали дворъ и поднялись по парадной лѣстницѣ дворца. Но вдругъ на верхней ея площадкѣ появились графъ Паленъ и генералъ Бенигсенъ. Раздалась команда: „Караулъ, стой!“ а затѣмъ они услышали слова: „Государь скончался апоплексическимъ ударомъ; у насъ теперь новый императоръ Александръ Павловичъ“.

Вотъ рассказъ Шильдера о концѣ царствованія императора Павла. Тьеръ, напротивъ, говоритъ подробно объ исполненіи самаго заговора и ни слова объ апоплексическомъ ударѣ.

Скрывать далѣе подробности того, что случилось 11 Марта въ опочивальнѣ государя не для чего. Мы знаемъ объ ужасной кончинѣ императора Александра II, о такой же великаго князя Сергѣя Александровича; для чего же будемъ скрывать подвиги Палена, Бенигсена и Зубовыхъ, убійць Павла Петровича? Даже и то, что императоръ скончался не отъ апоплексическаго удара, въ общемъ, кому же не было извѣстно? *).

Тайна кончины Павла Петровича нужна была для его убійць, своевременно фальсифицировавшихъ общественное мнѣніе, обманувшихъ довѣріе къ нимъ государей Павла I и Александра I; но она, рано-ли, поздно-ли, не уйдетъ отъ суда исторіи. Она произнесетъ свой неумышленный приговоръ надъ ними, не смотря на то, что они давно уже въ могилѣ, что съ каждымъ годомъ слабѣютъ о нихъ воспоминанія, растериваются о нихъ и записки, и письма, и другіе документы.

Кто же были эти довѣренныя лица государя Павла Петровича?

Мысль объ устраненіи государя отъ престола впервые высказана графомъ Никитой Петровичемъ Панинымъ, бывшимъ при Павлѣ Петровичѣ (собственно съ 27 Сентября 1790 г.) вице-канцлеромъ. Внушена ли она была ему Англійскимъ посломъ, его другомъ Витвортомъ, какъ можно предполагать, или онъ самъ напалъ на нее, — трудно рѣшить. Опасенія, которыя главнымъ образомъ озабочивали Витворта, находившагося при Русскомъ дворѣ уже съ 1788 года, не столько касались личной безопасности каждаго изъ Русскихъ подданныхъ, что всего болѣе было близко Панину, сколько вообще всего политиче-

*) На поданное нами (черезъ графа А. В. Адлерберга) прошеніе Александру Николаевичу о дозволеніи напечатать въ „Русскомъ Архивѣ“ полный рассказъ Саблукова о кончинѣ Павла Петровича, Государь изволилъ отвѣчать: „Въ Россіи всякій грамотный знаетъ, какъ погибъ мой дѣдъ; но мнѣ, внуку, не пристало дозволять разглашеніе о томъ. Предоставляю это моему сыну“. Поэтому Записки Саблукова появились у насъ въ укороченномъ видѣ („Р. Арх. 1869). II. Б.

скаго положенія, которое съ 1800 года начинало принимать крайне неблагопріятный для Англій оборотъ. Въ задушевныхъ бесѣдахъ они говорили о болѣзненномъ состояніи Англійскаго короля Георга III, современника Павла Петровича, о событіяхъ въ Даніи, совершившихся въ 1784 году, какъ о подходящихъ случаяхъ къ современной Русской обстановкѣ, и полагали, что и у насъ возможный исходъ изъ существовавшихъ тогда затрудненій заключался въ устраненіи государя отъ престола и въ учрежденіи регентства. Павелъ Петровичъ можетъ быть былъ освѣдомленъ объ этихъ разговорахъ, почему 27 Мая 1800 года повелѣлъ Витворту выѣхать изъ Петербурга. Затѣмъ Панинъ недоволенъ былъ своимъ зависимымъ положеніемъ по отношенію къ любимцу государя Ростопчину, черезъ руки котораго шли его доклады къ государю. Ростопчинъ возбуждалъ противъ него не разъ неудовольствіе государя и склонялся въ политикѣ къ сближенію Россіи съ Франціей, тогда какъ Панинъ стоялъ за союзъ съ Англійей. Когда, вопреки мнѣніямъ Панина, сближеніе съ Франціей совершилось, Панинъ считалъ для себя болѣе уже невозможнымъ занимать свой отвѣтственный постъ вице-канцлера. Павелъ Петровичъ остался имъ недоволенъ, отставилъ его отъ службы, и 14 Ноября 1800 года повелѣлъ ему ѣхать на жительство въ его имѣніе Дугино. Но замыслы Панина нашли себѣ другого исполнителя. О государсвенномъ переворотѣ задумали уже многіе, и въ числѣ ихъ первымъ былъ Паленъ. Въ лицѣ Палена мысли графа Панина изъ области умозрительной перешли, такъ сказать, на путь болѣе практическій, соотвѣтственно Русской жизни: Панинъ думалъ, напр. пользуясь переворотомъ, о введеніи у насъ Англійской конституціи, Паленъ только объ устраненіи Павла Петровича отъ престола. Паленъ исполнилъ только половину плановъ своего друга.

Ему надобно было найти исполнителей своихъ плановъ. Для этого онъ сблизился съ братьями Зубовыми.

Двое Зубовыхъ (Платонъ и Николай) были людьми весьма подходящими, какъ отличавшіеся замѣчательной физической силой. Они похожи въ этомъ отношеніи на братьевъ Орловыхъ, игравшихъ видную роль при восшествіи на престолъ Екатерины II. Платонъ Зубовъ, послѣдній фаворитъ Императрицы, въ первое время царствованія Павла, пользовался особеннымъ его вниманіемъ и былъ оснанъ милостями его. Государь выказалъ состраданіе къ его горю, когда скончалась Императрица. Такъ, по случаю выселенія его изъ Зимняго дворца, ему купленъ былъ на казенныя деньги домъ, снабженный мебелью и всѣмъ необходимымъ, стоившій сто тысячъ рублей, и пожалованъ въ подарокъ. Мало того, Павелъ Петровичъ посѣтилъ вскорѣ Зубова, въ сопровожденіи Императрицы, и при встрѣчѣ съ нимъ сказалъ: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Когда подали шампанское, Государь сказалъ: „Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ добраго“. и, обращаясь къ Императрицѣ, прибавилъ: „Вышея все до капли“ и, выпивши самъ, разбилъ бокаль. Князь Платонъ Александровичъ пришелъ, въ знакъ благодарности, къ стопамъ императора и былъ поднятъ имъ съ повтореніемъ

словъ: „И тебѣ сказалъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“. Подали самоваръ. Государь сказалъ императрицѣ Маріи Осодоровнѣ: „Разлей чай, у него вѣдь нѣтъ хозяйки“.

Все это было забыто княземъ-убійцею, когда онъ вступилъ противъ своего государя въ заговоръ. Императоръ вскорѣ охладѣлъ къ Зубову, далъ ему отставку и позволилъ уѣхать за границу. Зубовы появляются вновь при дворѣ, вызванные Паленомъ, незадолго до 11-го Марта 1801 года.

Послѣ удаленія Панина, Паленъ остался главнымъ дѣятелемъ въ заговорѣ. Сосредоточимъ на немъ наше вниманіе.

Въ началѣ царствованія Павла Петровича, когда графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ былъ еще Рижскимъ губернаторомъ (въ 1797 г.), онъ подвергся гнѣву Государя за оказанныя излишнія почести Зубову при проѣздѣ послѣдняго за границу. Получивъ о томъ тайный доносъ, Павелъ Петровичъ всылилъ и назвалъ подлымъ этотъ поступокъ. Но вина Палена была невелика: всѣ почести въ Ригѣ были приготовлены не для Зубова, а для другого лица; войска на улицахъ и обѣдъ предназначались для Польскаго короля Станислава-Августа, котораго ждали тогда въ Ригу, но понапрасну: онъ не пріѣхалъ. Тогда подвернулся кстати Зубовъ, и ему пришлось воспользоваться всѣмъ приготовленнымъ къ чужому пріѣзду. Павелъ Петровичъ не зналъ всего случившагося, онъ взглянулъ подозрительными глазами на эти почести. Не желалъ ли онъ думать онъ, выразить протестъ противъ удаленія отъ двора Зубова, противъ охлажденія къ нему государя. Онъ сердился на то, что Паленъ осмѣлился принять сторону Зубова и за то приказалъ исключить его изъ службъ. Когда же государь узналъ всю правду и понялъ, что поступилъ несправедливо, то въ томъ же году принялъ Палена на службу, а въ слѣдующемъ (1798) году произвелъ его въ генералы отъ кавалеріи. Вскорѣ, когда Паленъ сблизился съ любимцемъ государя Кутайсовымъ, и послѣдній сталъ его расхваливать передъ Павломъ Петровичемъ, стали расхваливать его и другіе придворные, угождая Кутайсову, то императоръ просто удивлялся, какъ не зналъ онъ ранѣе о томъ, какой хорошій человекъ Паленъ. И Паленъ пошелъ въ гору, опутывая государя своими лицемерными, будто бы чистосердечными рѣчами, приравляемыми угодиничествомъ и низкопоклонствомъ. 28-го Іюля 1798 онъ получилъ уже видный постъ Петербургскаго военнаго губернатора и ежедневно могъ съ докладами не одинъ разъ являться во дворецъ. Главная цѣль его теперь была—окружить государя людьми изъ своего лагеря. Удаленіе Е. И. Нелидовой и возвышеніе Лопухиной находятся въ связи съ этими планами, и не обошлись безъ интригъ со стороны Палена. Въ 1799 году барону Палену было пожаловано графское достоинство. Какъ ловко онъ дѣйствовалъ, доказываетъ извѣстная исторія съ адмираломъ Чичаговымъ. По наговору Кушелева, тоже любимца государева, будто адмиралъ думаетъ перейти въ Англійскую службу, Павелъ Петровичъ разгнѣвался на Чичагова, уволилъ его въ отставку, лишилъ чиновъ и орденовъ, думалъ было отослать его на жительство въ деревню, но перемѣнилъ и это рѣшеніе на худшее—посадилъ въ Петропавловскую крѣпость. Паленъ принялъ участіе въ адми-

ралъ и при первомъ случаѣ замолвилъ о немъ доброе слово, увѣряя государя, что Чичаговъ уже раскаялся. Павелъ Петровичъ, сознавая свою горячность въ дѣлѣ Чичагова, милостиво отнесся къ нему и въ знакъ примиренія вернулъ ему и чины и ордена. Паленъ умѣлъ пользоваться и далѣе свѣтлыми минутами настроенія государя, когда можно было говорить ему, что угодно. Онъ разжалобилъ его, въ одну изъ такихъ минутъ, горькою участью лицъ, потерпѣвшихъ гоненіе, жестокимъ положеніемъ ихъ, высланныхъ изъ столицы, погубившихъ свою карьеру, которые умираютъ съ горя и нужды за проступки легкіе и простибельные. Онъ бросился къ ногамъ Павла и молилъ его о великодушій, зная отлично его романтическій характеръ и его порывистость. Два часа спустя послѣ этой сцены, двадцать курьеровъ скакали во все концы Имперіи, чтобы вернуть назадъ въ Петербургъ всехъ сосланныхъ и исключенныхъ со службы: имъ дано было государемъ помилованіе. Указъ о томъ восполагивалъ 1 Ноября 1800 года. И Паленъ получилъ необходимыхъ людей въ задуманномъ имъ заговорѣ, удаленныхъ въ деревни подъ надзоръ полиціи трехъ братьевъ Зубовыхъ и уволеннаго отъ службы Беннгсена, людей ему преданныхъ, которыми онъ умѣлъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ. Самъ Паленъ говорилъ, что имъ руководила мысль принести пользу государству, устраняя Павла Петровича отъ престола, и еще болѣе, что онъ понималъ, какъ непрочна его собственное положеніе при дворѣ, что ему самому недостаетъ безопасности, наравнѣ со всеми Русскими. Осипанный милостями государя, всеми дарами счастья, Паленъ зналъ, что завистники его не проускали ни одного случая сдѣлать его въ глазахъ государя подозрительнымъ. Послѣ разговора съ Павломъ Петровичемъ, бывшаго 9-го Марта 1801 года, онъ могъ убѣдиться, что государь знаетъ о самомъ заговорѣ. Императоръ во время разговора былъ мраченъ, озлобленъ, серьезенъ. Паленъ затрепеталъ, когда услышалъ изъ его усть, что хотять повторить 1762 годъ („On veut renouveler 1762“). Много надо было имѣть ума и силы характера, чтобы успокоить государя. Паленъ увѣрилъ его, что самъ вступилъ въ заговоръ только для того, чтобы помѣшать его успѣху. „Вамъ нечего бояться—продолжалъ онъ—я держу въ рукахъ все нити заговора, и скоро все станетъ вамъ извѣстно. Не старайтесь приводить сравненій между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ, а вы Русскій; онъ ненавидѣлъ Русскихъ, презиралъ ихъ и удалялъ ихъ отъ себя; а вы любите ихъ, уважаете и пользуетесь ихъ любовью; онъ не былъ коронованъ, а вы коронованы; онъ раздражилъ и даже ожесточилъ противъ себя гвардію, а вамъ она предана. Онъ преслѣдовалъ духовенство, а вы почитаете его; въ его время не было никакой полиціи въ Петербургѣ, а нынѣ она такъ усовершенствована, что не дѣлается ни шага, не говорится ни слова помимо моего вѣдома“. Затѣмъ Паленъ доложилъ, что онъ нуждается въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ для предупрежденія возможныхъ случайностей и получилъ ихъ. Безъ такого документа онъ не могъ бы въ ночь 11 Марта 1801 проникнуть во дворецъ.

Тѣерь передаетъ и этотъ знаменитый разговоръ, но у Шильдера несравненно болѣе подробностей.

Разнаго рода тревожныя слухи ходили уже въ Петербургѣ. „Мы наканунѣ весьма важныхъ событій“, говорили въ самомъ обществѣ. Даже Петербургскіе извозчики на биржѣ, и тѣ твердили, что совершится скоро грѣхъ. Императоръ съ своей стороны принять тоже мѣры: онъ вызвалъ въ Петербургъ графа Аракчеева и Линденера, людей ему приверженныхъ, которые могли бы замѣнить ему Палена. Послѣдній, пользуясь своими чрезвычайными полномочіями, приказалъ задержать Аракчеева на заставѣ. Это приказаніе было отдано вечеромъ 11 Марта. Паленъ понималъ, что не надо дремать („il ne faut pas s'endormir“), какъ сказалъ ему самъ Павелъ Петровичъ въ заключеніе своего знаменательнаго разговора по поводу заговора, что нельзя болѣе медлить исполненіемъ заговора, чтобы не пажить себѣ бѣды, и катастрофа приблизилась.

III.

Императоръ Павелъ Петровичъ употребилъ во зло терпѣніе своихъ подданныхъ, и за то онъ сдѣлался жертвою трагическаго событія, совершившагося въ самомъ дворцѣ.

По характеру своему онъ былъ остроумный государь и вовсе не злой. Онъ любилъ только крайности и, какъ все люди такого рода, совершалъ и хорошіе и дурные поступки, руководясь единственно безпорядочными проявленіями своей склонной къ насилію воли. Если дурно имѣть такой характеръ и частному человѣку, то во сколько разъ хуже встрѣтить съ такими свойствами владѣтельную особу и, Боже избави, неограниченнаго монарха. Пемудрено, что все боялись Павла Петровича, даже его Петербургскія любимцы не могли вѣрить въ прочность своихъ отношеній къ государю и должны были не забывать, что есть Сибирь.

Чувствительный и рыцарскій характеръ Павла склонялъ его не разъ относиться съ участіемъ къ жертвамъ Французской революціи и вызывая горячую ненависть къ главнымъ дѣйствующимъ ея лицамъ. Въмѣсто прежней политики Екатерины II—подстрекать Европейскихъ государей противъ Франціи, а самимъ быть посторонними зрителями, Павелъ I, сдѣлавшись государемъ, принялъ другую и послалъ Суворова въ Италію со стотысячнымъ войскомъ. Но этимъ онъ не ограничился: запрещенъ привозъ въ Россію изъ Франціи книгъ, модъ и предметовъ роскоши. Такая мѣра была непріятна для Русской аристократіи, которая при случаѣ и поборанить Францію, но щеголять будетъ снова, и Французскимъ умомъ, и Французскими обычаями и образованіемъ.

Но вскорѣ императоръ Павелъ I измѣнилъ свою политику по отношенію къ Франціи: прежніе союзники его Англичане впали въ немилость, а враги—Французы полюбились ему. Во дворцѣ его появились портреты Бонапарта, за официальными обѣдами провозглашались въ честь послѣдняго торжественныя тосты, а Англичанамъ грозили уже войною. Разумѣется, такая внезапная перемѣна была принята съ неудовольствіемъ высшимъ Русскимъ обществомъ, какъ противорѣчающая не только его желаніямъ, но и его интересамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, на своемъ обширномъ пространствѣ, сѣверная Европа, богатая лѣсомъ, пенькою и минералами, нуждалась всего болѣе въ услугахъ богатыхъ иностранныхъ негоціантовъ, которые покупали бы сырые ея продукты и взамѣнъ ихъ отдавали бы деньги или мануфактурные свои товары. Англичане и доставляли Русскимъ за грубые товары свои предметы роскоши и помогали многимъ улачивать аренды. Англичане, слѣдовательно, были нужны Русскимъ. Именно, Англійская торговля, сосредоточивающаяся въ Петербургѣ, всего болѣе служить связью, скрѣпляющею Русскую политику съ Англійскою; только одна она удерживаетъ на время, рано или поздно, неминуемую борьбу этихъ двухъ державъ за Азію.

Русскіе аристократы были, потому, недовольны новою политикою императора Павла. Они осуждали его и за прежнюю ненависть къ Франціи, осуждали его и за новую дружбу съ нею, потому что такая дружба нарушала интересы ихъ, какъ владѣльцевъ недвижимой собственности. Къ такимъ нарушеніямъ желаній и интересовъ аристократіи императоръ прибавилъ жестокости, казалось, несвойственныя болѣе доброй, чѣмъ злой, его душѣ. По его повелѣнію, было сослано тогда много людей въ Сибирь. Тронутый перенесенными страданіями ихъ, Павелъ Петровичъ многихъ изъ нихъ простилъ и вернулъ въ Петербургъ, но не возвратилъ имъ имѣній ихъ. Эти несчастные жили теперь здѣсь на глазахъ у всѣхъ, и всѣ видѣли сами ихъ настоящее горе. Когда же своими просьбами они порядкомъ надоѣли Павлу Петровичу, онъ ихъ гналъ опять въ Сибирь. Становясь съ каждымъ днемъ болѣе недоверчивымъ, по мѣрѣ того, какъ росла нелюбовь къ нему подданныхъ, Павелъ Петровичъ угрожалъ всѣмъ казнями. Никто не могъ быть увѣреннымъ, начиная день, что вечеромъ не окончитъ его въ Петропавловской крѣпости. Онъ составлялъ не только противъ министровъ своихъ, но и противъ своей супруги и собственныхъ дѣтей, самыя коварныя планы и, неслучайно отъ природы, онъ сдѣлался тираномъ. Мѣстомъ жительства его съ недавняго времени избранъ былъ вновь построенный дворецъ—Михайловскій замокъ, укрѣпленный, и бастіонами, и рвомъ. А на ночь загораживались еще двери, отдѣлявшія его комнаты отъ сосѣднихъ комнатъ императрицы и тѣмъ, нисколько не подозрѣвая, какъ увидимъ, онъ приготовилъ себѣ лишь новыя затрудненія въ моментъ трагической своей кончины.

Настоящій порядокъ вещей не могъ долго продолжаться, и скоро наступилъ ему конецъ. Мысль отдѣлаться отъ несчастнаго государя убійствомъ занимала многихъ. Нельзя притомъ не подивиться страннымъ Русскимъ государственнымъ порядкамъ, когда мы видимъ, что въ тоже время на другомъ концѣ Европы—въ Англій—царствовали прямо сумасшедшій государь Георгъ III, а дѣла государственныя тамъ шли самымъ правильнымъ ходомъ. Питтъ семнадцать лѣтъ сряду управлялъ государствомъ, и никому не приходило въ голову сбить съ рукъ Георга III. А въ Петербургѣ, напротивъ, при неограниченной монархіи, нельзя было далѣе жить съ безумцемъ-государемъ, и нужно было придумывать кровавыя сцены.

Въ это время при Русскомъ дворѣ первую роль игралъ графъ Паленъ, одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ людей, которые не задумываются ни передъ какимъ угодно поступкомъ; въ государствахъ, правильно устроенныхъ, они могутъ сдѣлаться великими людьми, а въ государствахъ деспотическихъ — преступниками, какъ часто случается. Какъ же строго ихъ винить въ томъ, когда они являются болѣе результатами самаго устройства государства?

Графъ Паленъ съ особеннымъ отличіемъ служилъ на военномъ поприщѣ. Человѣкъ на видѣ представительный, онъ скрывалъ подъ простыми солдатскими манерами умъ тонкій и проницательный, необыкновенную храбрость и невозмутимое спокойствіе духа. Занимая въ то время должность генераль-губернатора и завѣдуя полиціей, онъ зналъ, пользуясь довѣренностью къ нему Государя, все важнѣйшія тайны государственной жизни и былъ, не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, первою особою при дворѣ. Но его мнѣнія относительно политики Русской были въ совершенномъ противорѣчій съ мнѣніями Государя. Враждебныя отношенія къ Франціи и къ революціи казались ему ненужными, новая вражда съ Англіей — совершенно неумѣстной. Осторожная и благоразумная виѣшняя политика, нейтралитетъ въ войнахъ Франціи съ Англіей: такова должна была быть, по его мнѣнію, наша виѣшняя политика. Его воззрѣнія въ политикѣ были ни Англійскія, ни Французскія, но Русскія; таковъ же и самъ онъ былъ Русскій и въ частной жизни, сохраняя обычай ся настолько, насколько возможно было послѣ реформъ Петра В. Онъ убѣдился въ томъ, что Россіи грозитъ гибель, если не прекратитъ царствованіе Павла Петровича, еще болѣе — въ томъ, что привязанность къ нему Государя очень слаба, особенно послѣ одной маленькой размолвки съ нимъ. Онъ рѣшилъ составить заговоръ и вошелъ въ переговоры съ вице-канцлеромъ графомъ Панинымъ, завѣдывавшимъ иностранной политикою. Оба они были согласны, что слѣдуетъ положить конецъ странному состоянію, и дѣлаго государства, и отдѣльныхъ лицъ. Графъ Паленъ взялся исполнить убійство Государя, задуманное ими вдвоемъ.

Наслѣдникомъ престола былъ великій князь Александръ Павловичъ, очень сонный, но обладавшій многими прекрасными качествами. Его думали сначала посвятить въ тайны заговора, но потомъ раздумали. Графъ Паленъ рѣшилъ провозгласить его государемъ лишь послѣ исполненія заговора. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдовало расположить его въ свою пользу, чтобы воспользоваться и его помощію, и въ день восшествія его на престолъ не быть зачисленнымъ въ разрядъ убійцъ, которымъ грозила вѣрная смерть. Трудно было открыться во всемъ великому князю, человѣку съ прекрасными чувствами и нисколько не склонному принять участіе въ убійствѣ своего отца. Потому, графъ Паленъ ни слова не говорилъ ему о своихъ тайныхъ замыслахъ, но старался сначала объяснить ему настоящее положеніе государства. При всякомъ новомъ промахѣ со стороны Павла Петровича, вредномъ интересамъ государства, Паленъ не молчалъ, но говорилъ съ великимъ княземъ, не дѣлая самъ никакихъ заключеній. Александръ Павловичъ выслушивалъ такія грустныя извѣстія и плакалъ: выходили сцены нѣмыя и краснорѣчивыя. Наконецъ, слѣдовало объясниться,

и графъ Паленъ сказалъ великому князю, что настоящій порядокъ вещей не можетъ болѣе продолжаться безъ явнаго вреда государственнымъ интересамъ, потому надо принудить государя сложить съ себя корону, доставить ему безопасное убѣжище: слѣдовательно скрыть, оны отъ великаго князя настоящія свои намѣренія, которыя такъ и не привелось своевременно узнать великому князю.

Великій князь, выслушавъ Палена, заплакалъ. Онъ никакъ не хотѣлъ согласиться осаривать престоль у своего отца и не скоро убѣдился въ томъ, что дѣйствительно, и государство, и сама императорская фамилія находится въ опасности.

Паленъ представилъ ему новыя доказательства. Недовольный медлительностью Прусаковъ и ихъ нейтральною политикою, императоръ Павелъ Петровичъ поговаривалъ уже о высылкѣ въ Берлинъ восьмидесятитысячнаго войска. Въ припадкѣ сумасбродства, онъ непремѣнно желалъ, чтобы первый консулъ избралъ его своимъ посредникомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ съ иностранными державами, и чтобы такой могущественный человекъ не осмѣливался бы заключать миръ ни съ Германіей, ни съ Сардинскимъ дворомъ, ни съ Неаполемъ, или Портой на другихъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, какія предложены будутъ Россіей. Можно было опасаться и за разрывъ съ Франціей, съ которой еще такъ недавно сблизилась Россія. Затѣмъ Паленъ прибавилъ нѣсколько словъ и о неприятностяхъ, сдѣланныхъ Павломъ Петровичемъ нѣкоторымъ членамъ императорской фамиліи, обиженнымъ крайней его недоверчивостію.

Великій князь внимательно выслушалъ графа Палена и, прерывая бесѣду, взялъ съ него честное слово, что онъ не будетъ участвовать въ покушеніяхъ на жизнь Павла Петровича. Графъ Паленъ далъ ему благородное слово исполнить его желаніе, но желаніе это, онъ видѣлъ, была мечта неопытнаго юноши, воображавшаго, что и безъ пролитія крови можно будетъ все устроить наилучшимъ образомъ.

Теперь оставалось приискать исполнителей. Составляя заговоръ, графъ Паленъ не имѣлъ еще ихъ. Не разъ онъ думалъ о томъ, кому изъ своихъ друзей назначить ту или другую роль при исполненіи заговора, но, страшась измѣны, не объявлялъ имъ о томъ до рѣшительной минуты. Главными исполнителями заговора были теперь выбраны имъ братья Зубовы, знатныя особы, благодаря благосклонности къ нимъ покойной императрицы *). Впрочемъ графъ Паленъ открылъ свой замыселъ довольно поздно. Выборъ сдѣланъ былъ удачно:

*) Зубовы только что вернулись въ Петербургъ вслѣдствіе указа императора Павла I (отъ 1 Ноября 1800 г.). Въ пользу ихъ дѣйствовали теперь при дворѣ любимецъ государя гр. Кутайсовъ, когда его увѣрили, что Платонъ Зубовъ собирается жениться на его дочери. Платонъ Зубовъ назначенъ былъ вкорѣ, 23-го Ноября 1800 г., директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, Валеріанъ Зубовъ—директоромъ второго корпуса, а Николай Зубовъ—шефомъ Сумскаго гусарскаго полка. Они всѣ стали теперь появляться при дворѣ.

Платонъ Зубовъ, фаворитъ Екатерины II, былъ ловкій и умный человекъ; его братъ Николай, обладавшій преимущественно одною огромною физическою силой, могъ хорошо сыграть роль исполнителя задуманнаго убійства. Только храбрый и честный воинъ Валеріанъ Зубовъ, другъ наслѣдника престола, не былъ заговорщикомъ. Но сестра Зубовыхъ, бывшая въ интимныхъ отношеніяхъ съ Англійскимъ посланникомъ лордомъ Витвортомъ, передававшая братьямъ все тайны Англійской политики, знала о заговорѣ¹⁾. Графъ Паленъ набралъ еще нѣсколько заговорщиковъ, и многіе изъ нихъ, не жившіе постоянно въ столицѣ, пріѣхали въ Петербургъ и до времени пребывали здѣсь инкогнито. Между ними было одно замѣчательное лицо, въ содѣйствіи котораго, какъ и въ несомнѣнной энергіи, всего болѣе увѣренъ былъ Паленъ. Это—генералъ Бенигсенъ. Онъ былъ родомъ изъ Ганновера, служилъ въ Русской арміи и считался отличнѣйшимъ изъ Русскихъ офицеровъ. Позже, въ 1807 году, при императорѣ Александрѣ I, онъ командировалъ Русской арміей въ войнѣ противъ Наполеона. Бенигсенъ, боясь послѣдствій обращеннаго на него гнѣва Павла Петровича, которому почему-то очень не понравился, удалился въ деревню; теперь его вызвалъ графъ Паленъ въ Петербургъ и посвятилъ въ заговоръ, сообщая, впрочемъ, только о намѣреніи заставить государя отказаться отъ престола и ни о чемъ другомъ. Такъ говорилъ послѣ самъ генералъ Бенигсенъ. Онъ далъ слово помогать Палену въ заговорѣ и сдержалъ его съ замѣчательною стойкостью.

Рѣшено было выбрать днемъ исполненія заговора день, когда на караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ будутъ стоять солдаты Семеновскаго полка, преданные наслѣднику цесаревичу. Слѣдовало на время подождать. А между тѣмъ, душевная болѣзнь Павла Петровича развивалась все болѣе и болѣе, и съ каждымъ днемъ онъ дѣлался все страшнѣе для своихъ подданныхъ. Однажды²⁾, онъ взялъ за руку гр. Палена и спросилъ его: былъ ли онъ въ Петербургѣ въ 1762 году? Въ этомъ году, какъ извѣстно, отецъ императора Петръ III былъ убитъ, и на Русскій престолъ взошла Екатерина II.—Да, отвѣчалъ Паленъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, я былъ тогда въ Петербургѣ.—Чью сторону вы держали въ то время?—Я былъ въ рядахъ войска императора, какъ подчиненный ему офицеръ; я былъ свидѣтелемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ.—Такъ, продолжалъ Павелъ Петровичъ, обращая на графа пронизывающій и полный недовѣрія взоръ,—а знаете ли вы, что нашлись и теперь желающіе повторить тогдашнія сцены?—Я это знаю, отвѣчалъ, нисколько не смущаясь, Паленъ; я знаю, что дѣйствительно составляется заговоръ и буду въ немъ участникомъ.—Какъ, вскричалъ Павелъ Петровичъ, вы заговорщикъ?—Да, я заговорщикъ, но на то, чтобы хранить васъ отъ всякаго зла.—Спокойствіе, съ какимъ говорилъ Паленъ, казалось, должно было бы разрушить предположеніе Государя о заговорѣ и о роли въ немъ графа; но Павелъ Петровичъ остался нерасположеннымъ къ нему.

¹⁾ Ольга Александровна Жеребцова. Въ ея домѣ были многояюдныя собранія.

²⁾ Это было 9 марта 1801 года.

Еще одно обстоятельство прибавляется къ числу намъ извѣстныхъ. Императоръ приказалъ отправить въ Берлинъ къ своему посланнику барону Криднеру депешу, въ которой дано ему уполномочіе объявить Прусскому двору, что если Пруссаки въ наискорѣйшемъ времени не будутъ готовы дѣйствовать противъ Англичанъ, то къ ихъ границамъ съ нашей стороны отправятъ восемьдесятъ тысячъ войска. Графъ Паленъ, не желая, чтобы эта депеша была принята за серьезную, прибавилъ къ ней собственноручно: „Его Императорское Величество было сегодня въ дурномъ расположеніи духа. Примите это къ свѣдѣнію“¹⁾.

23-го Марта²⁾, въ день назначенный для исполненія заговора, графъ Паленъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ братьевъ Зубовыхъ, Бенигсена и многихъ генераловъ и офицеровъ, на содѣйствіе которыхъ онъ могъ рассчитывать. Подали внушительное количество бутылокъ вина. Паленъ и Бенигсенъ одни не пили. Послѣ стола присутствующимъ была объявлена цѣль собранія. Большая часть гостей въ первый разъ узнала о ней. Но объ убійствѣ государя и теперь не было ни слова; иначе возможно было бы, что всѣ присутствующіе откажутся участвовать при такомъ заключеніи заговора. Говорили только объ одномъ, что слѣдуетъ принудить государя отречься отъ престола, чтобы этимъ способомъ снасти государство отъ грозящей ему опасности и многихъ отъ неминуемой для нихъ смертной казни. Въ заключеніе, для болѣе сильнаго убѣжденія слушателей, было сказано, что самъ наследникъ престола Александръ Павловичъ не только знаетъ о заговорѣ, но и вполне одобряетъ намѣреніе его. Тогда заговорщики, уже порядкомъ выпившіе, не колебались болѣе, дали свое согласіе, и, кромѣ трехъ или четырехъ, всѣ явились во дворецъ, но въ томъ убѣжденіи, что не будетъ пролито здѣсь ни капли крови.

Наступила ночь, и, раздѣлившись на два отряда, заговорщики въ числѣ шестидесяти человекъ, отправились въ путь. Однимъ отрядомъ управлялъ графъ Паленъ, другимъ генералъ Бенигсенъ. Предводители были въ полныхъ генеральскихъ мундирахъ, съ лентами на плечахъ и обнаженными шпагами въ рукахъ. Михайловскій замокъ и выстроены, и охраняемы были, какъ настоящій замокъ, и только передъ довѣренными лицами государя, какими были начальники заговорщиковъ, поднялись шлагбаумы и отворились его ворота. Отрядъ Бенигсена шелъ впереди и направился прямо къ покоямъ занимаемымъ императоромъ; графъ Паленъ со вторымъ отрядомъ остался позади, какъ бы въ резервѣ. Видимо, главный зачинщикъ заговора, графъ Паленъ, не осмѣли-

¹⁾ Это рескриптъ Государя отъ 11-го Марта 1801 г. Вотъ подлинныя его слова: *Déclaré Monsieur au Roi que si il ne veut pas se desidé à occuper Hanovre vous avé à quitter la Cour dans 24 heures. Paul.* (Ороографія подлинника). Рескриптъ находится нынѣ въ архивѣ нашего посольства въ Берлинѣ. Кн. Лобановъ-Ростовскій переписалъ его для Шильдера, но въ немъ нѣтъ той приписки Палена, о которой говоритъ Тьеръ. Поэтому слѣдуетъ предположить, что гр. Паленъ написалъ барону Криднеру отдѣльную записку, которая не сохранилась въ архивѣ. (Императоръ Павелъ Первый. Н. К. Шильдера, 1901, стр. 487).

²⁾ По новому стилю; по нашему стилю 11 Марга.

вался быть и первымъ при исполненіи его: по условію, онъ долженъ былъ явиться къ своимъ на выручку только въ какомъ-нибудь непредвидѣнномъ случаѣ. Беннигсенъ дошелъ, наконецъ, до дверей опочивальни Государя, при которыхъ два гайдука стояли на часахъ. Вѣрные своему Государю, эти храбрые слуги хотѣли его защищать: одинъ изъ нихъ упалъ отъ удара сабли, другой кинулся бѣжать и звать на помощь, но крики были бесполезны, такъ какъ часовые держали сторону заговорщиковъ. На крики прибѣжалъ только одинъ лакей, спавшій въ комнатѣ близъ спальни Государя, и кстати его заставили отпереть дверь въ спальню. И теперь несчастный Павелъ Петровичъ могъ бы убѣжать и спастись въ сосѣднихъ покояхъ Императрицы, если бы, ради постоянной недовѣрчивости, не приказывалъ обыкновенно заставлять чѣмъ-нибудь двери въ ту половину дворца. Убѣжать было некуда, и, вкочивши съ постели, онъ спрятался въ складахъ ея полога. Платонъ Зубовъ первый подбѣжалъ къ кровати и, увидѣвъ постель пустою, закричалъ отъ отчаянія: „Императоръ спасся—мы погибли!“ Но въ ту минуту Беннигсенъ примѣтилъ Государя и направился къ нему со шпагою въ рукѣ и съ предложеніемъ отречься отъ престола. „Вы болѣе не Государь, сказалъ онъ ему, Государемъ нашимъ будетъ Александръ Павловичъ. Отъ его имени я предлагаю вамъ отказаться отъ престола и подписать о томъ бумагу; только при такомъ условіи вы останетесь въ живыхъ“. Платонъ Зубовъ повторилъ тоже самое. Растерявшись совершенно, Императоръ спросилъ: за что же именно приходится ему выслушать такой приговоръ. „Виродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ вы не переставали насъ преслѣдовать“ кричали полудьянные убійцы. Они приближались къ несчастному Государю, а тотъ старался по возможности вырваться изъ ихъ рукъ и тщетно умолялъ ихъ о пощадѣ. Въ эту самую минуту послышался казачи шумъ,—это были шаги оставшихся тамъ заговорщиковъ,—и убійцы въ безпорядкѣ разбѣжались, думая, что пришла помощь къ Императору. Одинъ только непоколебимый Беннигсенъ остался на мѣстѣ и приказалъ Государя концомъ своей шпаги. Узнавши своихъ, пришедшихъ къ нимъ на помощь, заговорщики опять вошли въ ту комнату, гдѣ былъ Императоръ, снова окружили его и снова хотѣли заставить его отречься отъ престола. Павелъ Петровичъ снова пытался защищаться. Среди продолжавшейся борьбы уронили лампу, которая освѣщала эту ужасную сцену, Беннигсенъ пошелъ за другою, но когда возвратился, то увидалъ, что Императоръ уже умираетъ подъ ударомъ двухъ убійцъ: одинъ изъ нихъ разбилъ ему черепъ эфесомъ своей шпаги, а другой душилъ его своимъ шарфомъ.

Во все это время графъ Паленъ оставался виѣ сцены дѣйствія съ своимъ отрядомъ. Когда пришли сказать ему, что все окончено, онъ приказалъ положить тѣло умершаго Императора на его постель и поставить стражу изъ тридцати человекъ при входѣ въ спальню, строго запретивъ пускать кого бы то ни было сюда, даже членовъ императорской фамиліи, а самъ отправился къ великому князю Александру Павловичу объявить ему о печальномъ исходѣ дѣла.

Встревоженный приходомъ графа, великій князь спросилъ его, не случилось ли какого несчастія съ его отцомъ? Графъ Паленъ молчалъ, но молчаніе

было нѣмымъ отвѣтомъ. Теперь только великій князь понялъ, какъ онъ обманывалъ себя, думая, что все можетъ окончиться однимъ отреченіемъ Императора отъ престола, и горестъ его была такъ велика, что можно было опасаться за самую жизнь этого благороднаго съ чувствительнымъ сердцемъ юноши. Онъ сѣлъ въ кресло, горько плакать, ничего не хотѣлъ и слушать, только осыпалъ Палена горькими упреками, которые тотъ выслушивалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

А Платонъ Зубовъ отправился къ великому князю Константину Павловичу, который совершенно ничего не зналъ о заговорѣ, а между тѣмъ его долго считали участникомъ въ случившейся катастрофѣ. Въ лихорадочномъ трепетѣ великій князь выбѣжалъ изъ своей комнаты, представляя себѣ, что заговорщики хотятъ истребить и всю царскую фамилію, и встрѣтилъ своего брата, который былъ также въ отчаяніи, но передалъ ему подробности ужаснаго событія. Графъ Паленъ также поручилъ одной изъ ближайшихъ къ императрицѣ придворныхъ дамъ объявить ей о наступившемъ для нея вдовствѣ. Императрица тотчасъ побѣжала въ комнаты императора и пыталась пробраться прямо къ его постели, но солдаты, стоявшіе при дверяхъ, не допустили ея туда. Когда же прошли первыя минуты отчаянія, Императрица поняла, что вмѣстѣ съ горемъ въ глубинѣ ея души кроется еще другое чувство: честолюбіе склоняло ее самой царствовать. Она послала сказать великому князю Александру Павловичу, что не ему, а ей слѣдуетъ теперь управлять государствомъ. Новое испытаніе пришлось еще пережить благородной душѣ великаго князя, которому выпадало на долю вступить на престолъ, перешагнувши черезъ трупъ отца и разрушивши честолюбивыя замыслы своей матери.

Ночь проходила, и близился день, когда слѣдовало уже рѣшить, кто же долженъ наследовать престолъ, потому что нужно было одновременно съ извѣстіемъ о кончинѣ императора Павла объявить о восшествіи новаго Государя. Тогда графъ Паленъ вновь пришелъ къ великому князю Александру Павловичу и сказалъ ему: „довольно вамъ плакать, какъ дитяти; идите царствовать“. И съ этими словами онъ вывелъ его изъ комнаты и, сопровождаемый Беннигсеномъ, отправился показать войску новаго Императора.

Первый полкъ, который имъ встрѣтился, былъ Преображенскій. Преданный покойному императору, онъ привѣтствовалъ новаго Государя довольно холодно. За то другіе полки, любившіе великаго князя и находившіеся подъ вліяніемъ графа Палена, не переставали кричать: „да здравствуетъ императоръ Александръ!“ Примѣръ былъ данъ, и теперь всѣ провозглашали Александра Павловича императоромъ. Послѣ этого новый Государь съ своею супругою Елисаветою Алексѣевною отправился въ Зимній дворецъ *).

*) Положительно извѣстно, что графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ наследнику цесаревичу съ извѣстіемъ о скоростижной кончинѣ императора Павла

Съ ужасомъ узнали Русскіе о случившемся въ Михайловскомъ замкѣ. Страшныя подробности о кончинѣ императора Павла Петровича тотчасъ распространились по Петербургу. Многіе жальи покойнаго. По обычаю, тѣло его было выставлено, но съ различными предосторожностями, чтобы скрыть, по возможности, полученныя имъ раны. На израненныхъ рукахъ были надѣты перчатки, а на головѣ была шляпа *). А лицо покойника говорило, что онъ умеръ отъ убійцы, хотя и объявлено было, что смерть произошла отъ апоплексическаго удара.

Ужасная кончина Павла Петровича скоро сдѣлалась извѣстна и въ Европѣ. О ней вскорѣ узнали и въ Берлинѣ, и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ.

Николай Овсянниковъ.

Петровича въ первомъ часу пополудни съ 11 на 12 Марта 1801 года. Въ два часа ночи императоръ Александръ Павловичъ сѣлъ въ карету съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ и отправился въ Зимній дворецъ. На заднихъ сидѣньяхъ кареты стояли графъ П. А. Зубовъ и генералъ адъютантъ Уваровъ. Императрица же Елисавета Алексѣевна осталась въ Михайловскомъ замкѣ утѣшать императрицу Марію Феодоровну. (Шильдеръ, 492 и 493 стр.).

*) Гречъ въ своихъ Запискахъ (С.-Пб. 1886 г., стр. 154) говоритъ тоже, что поля широкой шляпы надвинуты были на лобъ почившаго императора. Такъ было въ опочивальнѣ, а послѣ шляпы на головѣ не было. На подушкѣ лежала императорская золотая корона (Шильдеръ, 501 и 502 стр.).

Письмо корпуснаго командира И. В. Сабаньева къ одному дивизионному генералу*).

Книги ваши при семъ посылаю. Позвольте напомнить вамъ о деньгахъ.

Изъ отвѣтовъ вашихъ вижу, что вы подозрѣваете меня въ личной къ вамъ злобѣ. Не имѣлъ бы надобности объясняться, если бы менѣе огорченъ былъ необходимостью моихъ дѣйствій.

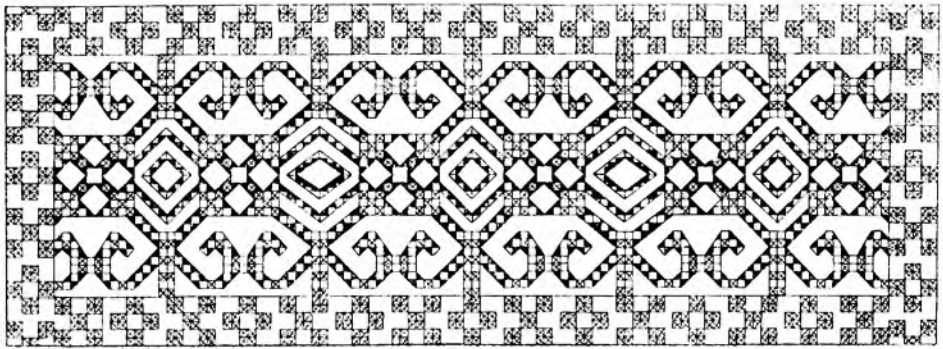
Система управленія вашего дивизіею, по мнѣнію моему, возродила то буйство и неповиновеніе, каковымъ отличила себя Камчатская рота. Продолженіе такого управленія могло имѣть важнѣйшія послѣдствія. Могъ ли я не сказать образа мыслей моихъ начальству? Долженъ ли былъ терпѣть долѣе униженіе частной власти? Каково бы мнѣ было послѣ 33-хъ лѣтъней моей службы потерять все заслуженное пѣтомъ и кровью единственно за неудачный вашъ опытъ? Вотъ причина дѣйствій моихъ, а не злоба. Въ прочемъ осужденіе мое насчетъ управленія вашей дивизіей не есть еще рѣшительное обвиненіе: оно подлежитъ заключенію высшей власти. Вспомните приказъ, который присылали мнѣ при вступленіи вашемъ въ командованіе дивизіей, и просили моего совѣта. Вспомните, что я вамъ отвѣчалъ? Сколькихъ неудовольствій избавили бы меня и себя, если бы послушались? Защищать ли я жестокость? Ссылаюсь на васъ и на всѣхъ, кто служилъ со мною: но правила моего управленія не произвели буйства, неповиновенія, пренебреженія начальниковъ и пр.

Позвольте сказать вашему превосходительству,—вы худо знаете солдатъ. Эпоха управленія вашего еще не настала. Вы имѣли похвальное намѣреніе выиграть довѣренность и любовь нижнихъ чиновъ и въ этомъ успѣли, но они сдѣлались недостойными вашихъ попеченій. Вы ожидали (въ войнѣ) надѣлать чудеса геройскими подвигами вашей дивизіи: но повѣрьте мнѣ, что вы бы съ нею не управились. Впрочемъ я наставникомъ вашимъ быть не могу и повторяю еще, что сужденіе мое не законъ. Дѣло главнокомандующаго вывести васъ или и самого меня изъ заблужденія и тѣмъ кончить.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Сабаньевъ.

28 Апрѣля 1822 г. Тирасполь.

*) Иванъ Васильевичъ Сабаньевъ, учившійся въ Московскомъ университетѣ участникъ Итальянскаго похода, начальникъ штаба у Чичагова и потомъ у Барклая.—Дивизионный генералъ, получившій воспитаніе у аббата Николая, осужденъ былъ на жительство въ Калужской деревнѣ и подбивалъ мужиковъ къ заговору противъ собственнаго приказщика. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА *).

1864-й годъ.

Сегодня, 2 Февраля, я представляюсь Государю. Послѣ сенаторовъ Шинскаго и Рашета подождя ко мнѣ, Государь сказалъ: Благодарю васъ за вашу службу. Я надѣюсь, что и въ Сенатѣ вы будете также полезны“. Да, но у меня сердце не на мѣстѣ. Въ Саратовѣ что-то нетакъ. Злоба.

Да. Но въ этотъ же день, 2 Февраля, умерла моя сестра, мой милый другъ Евлампія. Какъ это случается въ жизни? Господь вѣдасть. Вамъ нужна жертва, сказала она, вотъ вамъ жертва. Убили, просто убили женщину, мать семейства и душу дома. Убили хладнокровно, какъ убиваютъ зависть и злоба. Какія послѣдствія для семейства и особенно для мужа? Какой туманъ покрываетъ глаза мои? Что придумаю я? Да. Но гдѣ же правосудіе? Убить челоуѣка и убить такъ легко, челоуѣка, на которомъ лежали и обязанность, и отвѣтственность всего семейства.

Другъ мой, сестра моя, прекрасная товарка нашей прекрасной юности, осѣненной *нашею* матерью—я повергаюсь предъ тобою!

У меня видѣнія. Я вижу сестру. Я страдаю и физически, и нравственно. Я молю Бога и прошу людей прекратить это состояніе. У меня два слуха и два зрѣнія. Кто этого не испыталъ, тотъ меня не пойметъ; тотъ не повѣритъ, что я слышу и вижу чего нѣтъ, а между тѣмъ это есть; но мои чувства раздвоились. Чувства организма и чувства мысли, дѣйствительность и воображеніе. Въ самомъ дѣлѣ—когда каждоминутно пронимаетъ лихорадка, это объясняется не такъ легко. И я не знаю, какъ и чѣмъ это кончится (12 Февр. 1864).

*) См. въ 4-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 534.

Сегодня, при руководствѣ хранителя древностей Стефани, мы обозрѣвали новыя пріобрѣтенія Эрмитажа, преимущественно изъ музея Кампана. Пріобрѣтенія весьма важныя, замѣтно обогащающія наши коллекціи, но я нахожу, что большіе толки о царицѣ вазъ и о Венерѣ—въ родѣ Медицейской—слишкомъ много придаютъ значенія этимъ произведениямъ древности. На мои глаза и то и другое произведенія Римскія. Начать съ формы вазы. Она хороша, но недостаточно легка и кажется непропорціональна въ отношеніяхъ середины къ верху и къ низу. Потомъ рельефныя украшенія. Они нестры и на занимаемомъ мѣстѣ не совсѣмъ на мѣстѣ. Имъ слѣдовало бы не рельефомъ и нѣсколько ниже. Что касается Венеры, то она конечно замѣчательна, но сравнивать ее съ Медицейской я не буду.

Путешествіе по Эрмитажу меня утомило. Размеченія мнѣ не удаются. А уединенія надобно бѣжать, а послѣдовательное серьезное чтеніе невозможно.

Занятія мои съ министромъ приближаются къ концу, и мнѣ скоро придется оставить Петербургъ. Мнѣ почти хочется его оставить.

Сегодня я уѣзжаю. Оставляю Петербургъ совершенно равнодушно. точно онъ мнѣ насолить, какъ будто въ немъ жить нехорошо, служба не удалась, или злые враги торжествуютъ. Я знаю, Москва мнѣ не понравится, я знаю, Москвѣ и я не понравлюсь. Мои служебныя отличія ставятъ меня довольно въ исключительное положеніе, а исключительность изолируетъ. Она усиливаетъ непріязнь, прибавляя къ холодности еще долю зависти. Она умаляетъ дружбу, всегда болѣе склонную къ участию въ невзгодахъ.

Ну, прощай гордый Русскій городъ, съ деспотическими твоими властями закона, природы и людскаго гонора. Я очень мало уважалъ эти власти и очень мало терпѣлъ отъ нихъ. Петербургу принадлежатъ лучшіе годы моей жизни, но онъ ими воспользовался весьма льготно, и я не имѣю никакого права роптать на его требовательность.

Мое второе Московское сидѣнье.

Вотъ уже скоро мѣсяць, какъ я сижу въ Москвѣ, но все еще не рѣшаюсь выразить гласно мои наблюденія и впечатлѣнія: такъ еще сильно чувствуется противоположность старушки Русской и щеголевататаго иностраннаго дѣятеля, иначе бюрократа. Еще погожу, подожду, пристроюсь.

Москва, общество, Сенатъ падаютъ, падаютъ видимо. Въ Москвѣ еще живетъ Филаретъ, но угасающая лампа свѣтитъ уже слабо и если къ ней обращаются съ Петербургскими бумагами, то развѣ по обычаю, и нельзя сказать, чтобы съ пользою. Въ Москвѣ есть и генераль-губернаторъ, но его зовутъ г. Офросимовъ, нѣчто изъ армейскаго и купече-

скаго круга, который давалъ Москвѣ Скалозубовъ и жертвователей на благотѣльные учрежденія. Въ Москвѣ живутъ и старые тузы, но не бояры, а генераль-адъютанты: Шиповъ, Закревскій, Н. Муравьевъ, и имъ не оказывается ни довѣрія, ни высочайшаго вниманія, ни движенія, и они не отмѣчаются даже злословіемъ. Въ Москвѣ есть и Сенатъ, конечно умирающій; но Сенатъ этотъ не только не фрондируетъ по прежнему, онъ, чувствуя приближеніе конца, ничего не дѣлаетъ, а ищетъ, заискиваетъ въ Воспитательномъ Домѣ, въ храмѣ Спасителя. Ему нужны пріютъ и спасеніе.

Журналы („Московскія Вѣдомости“ и „День“) и общественные пересуды живутъ однимъ: ненавистью къ Петербургу. Безъ нея нѣ о чемъ ни говорить, ни писать.

Замѣчаю я много разнузданности въ среднемъ и низшемъ классѣ, особенно въ классѣ слугъ. Жалобы на дурныхъ служителей общія, особенно на кучеровъ и поваровъ. Замѣчаю я менѣе опрятности и уличнаго порядка и много какой-то губернской патриархальности, которая на бульварахъ чулки вяжетъ, завтракаетъ, отдыхаетъ и спитъ, а тутъ обѣгаютъ стаи собакъ, куръ, индѣекъ и даже кошекъ.

Общественность удалилась въ клубы, и они полны. Я въ нихъ еще не членъ и не былъ. Небольшіе кружки, которые я успѣлъ посѣтить, у генерала Шипова, у д. с. с. Сушкова (фрейлина Екат. Ѳеод. Тютчева), сенатора Тимирязева и сенатора князя Одоевского, собираютъ людей хорошей компаніи, весьма умныхъ, но немножко фронтѣровъ, немножко нелюбителей Петербургскихъ реформъ и немножко остановившихся и въ чтеніи и въ работѣ.

Трудно себѣ представить, чѣмъ интересуется Москва и какъ жадно ждетъ и принимаетъ Петербургскія новости. Перенося ихъ изъ кружка въ кружокъ, изъ дома въ домъ, молва, болтовня даетъ имъ такіе невѣроятные размѣры, что необходимы все губернскаго простодушіе и вся старческая довѣренность, чтобы не принять ихъ за вымыселъ и преувеличеніе. Такъ напр. рассказы о Муравьевѣ Виленскомъ, о его встрѣчѣ тысячами народа, о визитѣ ему княгини Суворовой, о дерзкомъ его ропотѣ на неоцѣнку заслугъ его и о его планѣ водворенія и утвержденія Русскаго элемента въ Западномъ краѣ. Особенно послѣднее. планъ представляетъ самую широкую канву для самыхъ фантастическихъ узоровъ. Муравьевъ хочетъ обрусить всѣхъ землевладѣльцевъ въ западныхъ губерніяхъ, Шиповъ хочетъ обрусить все Царство Польское. Имъ сочувствуютъ и Московская и частію Петербургская пресса, и все общество, довольно скорое на всякія сочувствія на словахъ и за брагою. Дѣло въ томъ, что предположено продавать казенныя и частныя имѣнія Русскимъ православнымъ и сдѣлать обязательнымъ при воспи-

таніи Русскій языкъ. Мѣры радикальныя, но едва ли исполнимыя. Императоръ Николай роздалъ майораты православнымъ генераламъ, но мѣра эта не имѣла никакихъ послѣдствій. Казенныя земли пойдутъ въ продажу, если оцѣнить дешево, но потомъ постепенно перейдутъ къ Полякамъ. Частныя имѣнья, за немногими изъятіями, не перейдутъ къ Русскимъ. Патріоты Замойскіе оснуютъ фондъ и не подадутся. А что касается Русскаго языка, то мѣра эта была предписана въ Остзейскомъ краѣ, но оказалась совершенно бесполезною. Не такими мѣрами притягиваютъ части къ центру. Дайте единство политическое, дайте общую конституцію, и тогда, не нарушая и не обходя закона, вы введете и Русскую рѣчь, и Русское большинство, и Русское могущество. Это движетъ и общественную силу и политическое воспитаніе народа.

Мнѣ и сказать (не замѣтить и сознать) трудно, какъ я падаю, падаю, падаю...

Кеппенъ умеръ, академикъ, Петръ Иван. собиратель, нашъ этнографъ-статистикъ, добросовѣстный и нельзя сказать, чтобы его не оцѣнили. Я познакомился съ нимъ въ Іюнь 1835 г., когда онъ жилъ на дачѣ въ Павловскѣ, у тестя своего Аделунга. Онъ былъ уже кривъ и худъ и старъ, какъ при отъѣздѣ въ Крымъ, въ послѣдній разъ. Помню, что за обѣдомъ онъ мечталъ, какъ о своемъ идеалѣ, быть начальникомъ *всѣхъ, всѣхъ* (повторялъ онъ) архивовъ настоящихъ и будущихъ (и будущихъ—повторялъ онъ). Аделунгъ слушалъ серьезно и отвѣчалъ на этотъ довольно странный идеалъ честолюбія. „Я удивляюсь, какъ тебя не сдѣлаютъ такимъ начальникомъ. Въмѣсто того, чтобы сожигать статистическую отчетность, замѣняя ее общими и весьма неточными министерскими отчетами, какъ это дѣлается во Франціи, чтобы не подвергнуть сомнѣнію достовѣрность ихъ повѣркою съ источниками или вмѣсто того, чтобы для храненія дѣлъ назначаютъ цѣлые города (какъ въ Испаніи), я бы сдѣлалъ себя градоначальникомъ всѣхъ старыхъ дѣлъ въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ городѣ, гдѣ мы живемъ, сложенныхъ; но съ тремя условіями“. Какъ, говорилъ Петръ Ивановичъ отвѣчать, чтобы не сгорѣли дѣла? Нѣтъ, возразилъ Аделунгъ, рѣшю, чтобы всѣ дѣла сжигались: *secundo*, чтобы ты дѣлалъ изъ всѣхъ точное систематическое извлеченіе, и *tertio*, чтобы ты основалъ школу Кеппеновъ для дальнѣйшаго продолженія учрежденія. И, прибавилъ я, (обращаясь къ Кеппену), чтобы вы отвѣчали за всякую справку, необходимую изъ стараго дѣла. Отвѣтственность не важная: дѣла обязательно предаются уничтоженію, сказалъ мнѣ Кеппенъ, и это произвело взрывъ нашего хохота и намекомъ на Французскихъ и вообще на министровъ, сжигающихъ источники повѣрки и основанія отвѣтственности. Разговоръ зашелъ о другомъ.

Я встрѣчался съ Кенпеномъ довольно рѣдко. Въ 1844 г. мы нѣсколько времени ѣздили вмѣстѣ по Финляндіи. Раза три я присутствовалъ на его вечерахъ, гдѣ ораторствовали Э. П. Липке и Гессе. Онъ уговорилъ меня вступить въ Географическое Общество. При встрѣчахъ мы были добрые и давніе знакомые. Въ ревизіонной комисіи 1863 г. я выставилъ его заслуги по собранію матеріаловъ для Словаря Географическаго, отъ которыхъ, заявивъ печатно, очень безцеремонно отказывались г. Семеновъ и его сотрудники. Рѣдко можно встрѣтить такого добросовѣтнаго собирателя. Даль, но В. И. Даль не прочь къ матеріаламъ прикинуть и своего печенья.

Посреди нашихъ огромныхъ реформъ, огромныхъ гражданскихъ завоеваній, оглушенные ихъ шумомъ, мы едва замѣчаемъ событія, которыя въ другое время, при нормальномъ расположеніи умовъ, были предметомъ торжественныхъ празднествъ не только правительства, но и общества, корпорацій и даже семействъ. Я говорю объ окончаніи Кавказской войны, продолжавшейся болѣе 60 лѣтъ и стоившей Россіи несмѣтныхъ жертвъ народомъ и деньгами. Событіе это какъ-то принято и проходитъ незамѣтно. Въ Петербургѣ кто-то распорядился отпраздновать обѣдями въ лагерѣ, въ соборахъ и въ церквахъ; а въ Москвѣ и въ Россіи никакого торжественнаго празднованія нѣтъ, и Синодомъ никакого распоряженія не сдѣлано. Встрѣтили это событіе съ должнымъ почетомъ только газеты, и то немногія: „Инвалидъ“ и „День“. Общество, народъ и самые органы ихъ глухи и нѣмы. Окончаніе Кавказской войны важно не только потому, что, съ замиреніемъ прекраснаго и богатаго края, мѣтная жизнь ближе становится къ гражданственности, рѣдко уживающейся съ военнымъ положеніемъ. Бюджетъ государства долженъ сократиться. Имперія не будетъ отвлекать и тратить значительныя силы къ этой отдаленной окончности: положеніе Востока, Персіи и Азіатской Турціи, измѣняется рѣшительно и становится невольнo въ отношенія покровительства. Теперь систематически можно подуматъ, какъ о водвореніи въ край, на началахъ автономіи, хорошаго гражданского управленія, такъ и о развитіи производительности южныхъ произведеній, продаваемыхъ намъ такъ дорого чрезъ Балтійскій портъ: маренъ, хлопокъ, плоды, масло, шелкъ, тшани, и о распространеніи торговли съ сосѣдними государетвами. Не знаю, кому изъ полководцевъ честь и слава, но несомнѣнно честь и слава Русскому солдату.

Боже мой, какъ я умаляюсь, уменьшаюсь, уничтожаюсь! Я это чувствую, ощущаю, вижу; болѣе—я это помню: смерть Саши. Помогни мнѣ, Господи!... Нѣтъ, Богъ тебѣ даль все, чтобы этого не было, и вопреки Его волѣ есть: такъ казись и раскаивайся.

Кавказская война кончилась, а наши журналы и газеты заняты теперь, какъ вы думаете, чѣмъ? Угрозами смежнымъ государствамъ и народамъ. Укрѣпленіе нашего владычества на Евксинѣ и Каспій, доскональное разрушеніе Азіи, всей Азіи! Послѣ возбужденія сепаратизма въ Финляндіи, Прибалтикѣ, Литвѣ, даже въ Малороссіи, это вторая заслуга нашей прессы. Указываютъ на третью, это—отворъ вмѣшательства въ Польское дѣло. Да, это заслуга. Но здѣсь прессѣ помогли два три клуба, пятокъ-десятокъ ловкихъ губернаторовъ, съ легкой руки кн. Суворова и неистовства Польскаго подземнаго правительства, при совершенно пассивномъ положеніи класса крестьянъ. Помогли и энергическія дѣйствія генерала Муравьева. Да, все это такъ, а потомъ что? Потомъ что?

У меня обѣдалъ министр, генералъ-адъютантъ Зеленый. Я пригласилъ сенатора князя Одоевскаго, и мы порядочно потолковали о Петербургскихъ нарядахъ. Выходитъ, что наряду-то не имѣется никакого. А событія все расширяются, углубляются и ускоряются по крутизнѣ положенія. Мы еще въ эпохѣ уступокъ и дарованій. Скоро наступитъ эпоха уклоненій и переступленій. Какъ-то съ ними справятся? И справятся думаютъ съ нашими министрами! Да, мы привыкли къ безответности и безнаказанности.

У насъ въ деревнѣ пожаръ. Пожары вездѣ. Я вызываю семью. Чтѣ это такое?

Начало народной вольности ознаменовалось у насъ почти повсемѣстнымъ военнымъ положеніемъ, если не по объявленію, то на самомъ дѣлѣ. Военныя экзекуціи и схватки 1861 г. приготовляли къ тому исключительному положенію, при которомъ все учрежденія порядка сводились къ двумъ властямъ: экстраординарной военной, которая судила и разстрѣливала по полемому уложенію, и экстраординарной мировой, которая судила и рѣшала по своему усмотрѣнію. Все прочія власти, дисциплина, полиція и судъ опустились, ослабли и объявились несостоятельными. При поколебаніи земельной собственности почти всей Россіи поколебалось и ослабло самое понятіе о собственности. Съ ослабленіемъ учреждений порядка естественно возбуждается опасеніе за личную безопасность. Къ этому присоединились три обстоятельства, вызванныя конечно ожидаемыми послѣдствіями свободы: Польское возстаніе, находящееся въ связи съ нимъ демагогическіе замыслы внутренніе и бездѣльничество дворян и рабочихъ, опьяненныхъ *дешевкою* и ноощряемыхъ безнаказанностію, которую они чувствуютъ въ *отмѣнѣ* тѣлесныхъ наказаній. Польскіе ссыльные, пропагандисты внутренніе, и эти бездѣльники разливаютъ на всемъ пространствѣ Имперіи такую массу возгораемыхъ матеріаловъ, что вѣкъ столицъ имуществъ, села,

города горять, расхищаются, пропадаютъ, а личности ищутъ огражденій въ самоуправствѣ и уступчивости. Не будемъ говорить объ общихъ жалобахъ землевладѣльцевъ на неисполненіе работъ, на потравы и кражи; уважемъ на общія жалобы мастеровъ на работниковъ и господъ на слугъ. По улицамъ, на бульварахъ, на гульбищахъ ходить нельзя: такъ отвратительно пьянство, такъ назойлива дерзость, такъ стѣснительна самоувѣренная распущенность. Города горять. Общее убѣжденіе то, что поджигаютъ Поляки. Пожары принимаютъ колоссальные размѣры и сопровождаются страшными послѣдствіями: народъ хватаетъ подозрительныхъ и разрываетъ на части или бросаетъ въ огонь. Грабители грабятъ. Толпа, найдя склады вина, напивается и тутъ же на пепелищѣ засыпаетъ. А все идетъ *crescendo*—и странно мое ослѣпленіе! Мнѣ кажется, во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ есть система, организація, подземные распорядители. Я могу ошибаться и желаю быть изобличеннымъ въ ошибкѣ. Для изслѣдованія пожаровъ въ Казани и Симбирскѣ назначенъ генераль баронъ Врангель и—говорятъ—мой сотоварищъ, сенаторъ Ждановъ.

Вотъ пріѣхали и мои. Пожаръ сдѣлалъ большое впечатлѣніе на Митю. Онъ до сихъ поръ припоминаетъ малѣйшія подробности. Тата утѣшала его, увѣряя, что папа пріѣдетъ и построитъ все снова. Но никакой перемѣны въ нихъ я не нашелъ. Кажется, еще похудѣли. Губернанткою (Eugénie Duvoir) я не доволенъ. Это какая-то Московская пансіонерка, суетная и недоученая. Мы все успокоились.

Обѣдалъ у меня министръ юстиціи Дмитр. Никол. Замятинъ. Мнѣ хотѣлось поподробнѣе и откровеннѣе объясниться съ нимъ, и я обѣялся, просидѣвъ съ нимъ съ 5 до 9 часовъ, когда поѣхали вмѣстѣ на вечеръ кн. Юрія Долгорукаго. Я далъ ему четыре записки о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ нынѣшнихъ порядкахъ Сената, и онъ, благодаря меня за мысль, выразилъ совершенное согласіе и готовность привести мои предположенія въ исполненіе. Предположенія эти касались: назначенія первоприсутствующихъ, доли участія сенаторовъ въ наблюденіи за ходомъ дѣлъ и изложеніемъ рѣшеній, отвѣтственности оберъ-прокурора и оберъ-секретаря при пересмотрѣ департаментскихъ рѣшеній въ общемъ собраніи, и сокращенія переписки и подписей, имъ же нѣсть числа. Несмотря на положительное обѣщаніе, я не вѣрю словамъ министра, ибо изъ тона и нѣкоторыхъ вставныхъ предложеній замѣтилъ и вполне увѣренъ, что на самостоятельность его рассчитывать нечего и что банда правовѣдовъ окружила его и дѣлаетъ что хочетъ.

Въ виду нашихъ утонченныхъ Европейскихъ преобразованій любопытно отдать отчетъ въ элементахъ, среди которыхъ онѣ водворяются. Русскія явленія.

При общественных выборах въ Москвѣ по новому положенію *запирали все двери* богатой городской думы (въ д. гр. Шереметева), чтобы члены не ушли и оставалось ихъ необходимое число, но (замѣчаетъ газета) члены все-таки находили возможность удалиться изъ собранія („Моск. Вѣд.“ № 181). Въ „С-пб. почтѣ“ № 21, оберъ-полицмейстеръ, опровергая 10 № „Совр. Слов.“ о обязательности платежа 25 р. пожарнымъ, удостовѣряетъ: убѣжденіе въ необходимости подобнаго платежа вкоренилось такъ сильно, что *многіе* домовладѣльцы, *въ случаѣ пожара*, приказываютъ запирать ворота и не впускать пожарную команду и проч. Въ „С.-П. Почтѣ“ № 24 описано какъ на выборахъ дворянъ, 23 Января 1863 г. при повѣркѣ ящичковъ во всѣхъ оказалось различное число шаровъ: въ нѣкоторыхъ не доставало, въ другихъ были лишніе. У Н. Арсеньева насчитали 148, слѣд. не доставало 12; а въ другихъ лишніе: въ ящичкѣ г. Каменскаго нашли 108 избирательныхъ шаровъ и 115 неизбирательныхъ изъ 160 т. е. 58 лишнихъ“. Дворянство потѣшается или тришнруетъ? Въ „Моск. Вѣд.“ 3 Марта № 48. Г. Милуковъ описываетъ, что въ Малоархангельскѣ, Орлов. губер. по улицамъ отъ собакъ, быковъ и свиней жителямъ нѣтъ. Приводитъ и случаи. Въ „Очеркахъ“ и въ „Москов. Вѣдом.“ 6 Марта № 50 описано событіе 13 Октября 1862 г. о побояхъ, причиненныхъ поручику Макаревичу, въ Бобриницкомъ уѣздѣ (Херс. губер.). когда онъ, по приглашенію сосѣда своего Вешнякова, пріѣхалъ къ нему въ домъ, гдѣ находилась цѣлая компанія: Василій Келановскій, Александръ Черба, Ник. Величковскій, Александръ Теренинъ и дьяконъ Богдановичъ. Я не помню, по уголовной моей практикѣ, такого варварскаго поступка, такой дикой передойки, такого стеснаго разбоя.

„Тобольск. Губерн. Вѣдомости“ пишутъ и „Московскія“ (19 Марта 1863 г.) повторяютъ, что въ Березовскомъ краѣ страшный голодъ и что, въ Декабрѣ прошлаго года, священникъ Лумпоковскаго прихода о. Воргунъ формально доносилъ, что въ одномъ его приходѣ 16 человекъ умерли съ голода. Въ 41 № „Москов. Вѣдом.“ разсказывается и въ 71 пояняется случай, какъ въ Тульск. губерніи крестьяне согласились, за условленную сумму, обмѣняться женами, и обмѣнялись.

Въ журналѣ Донскаго войска. присутствія 15 Ноября 1862 г. описано, какъ мировой посредникъ Егоровъ, при введеніи уставной грамоты, когда крестьяне не соглашались ни на какія условія изъ упорства, вынужденъ былъ наказать чрезъ казаковъ 15 человекъ, въ томъ числѣ и женщину.

„День“ 20 Апрѣля 1863, № 16, описываетъ „что при открытіи общей думы въ Москвѣ случилась небольшая непріятность, украдены чаша, назначенная для водосвятія и сукно со стола; сняты, но не

украдены часы; по слухамъ оборвана драпировка и сдѣланы неприличности неудобныя для печати“. „Моск. Вѣдом.“ 23 Апрѣля 1863 г. № 86“: Стоило иному иностранному наблюдателю немного прислушаться къ тому что серьезно говорилось въ Петербургѣ, присмотреться къ тому что тамъ дѣлалось вокругъ, чтобы вынести полное убѣжденіе въ совершенномъ разложеніи нашего общественнаго организма“. „Москов. Вѣдомости“, 19 Декабр. 1869 г.: „Едва ли гдѣ публичная нравственность и стыдливость охраняютъ менѣе чѣмъ въ Москвѣ“.

Крики: „Край Русскій, Русскій“, „усилить, развить Русскій элементъ, поднять, возвысить духовенство православное“, и т. п. раздаются безпрестанно и громко. Газеты, пользуясь свободою, пишутъ гимны Русскому элементу, праздно задѣваютъ иноплеменные народности, другія исповѣданія и вызываютъ сепаратизмъ и во всякомъ случаѣ антагонизмъ и междуусобицу. Особенно тутъ отличаются „Московскія Вѣдомости“ Каткова, „День“ Аксакова и „Голосъ“ Краевекаго. Другой антагонизмъ— другая заслуга нашей печати—это раздраженіе сословій и постепенное низведеніе говора и споровъ въ нижніе слои, въ народъ, гдѣ мѣстные пропагандисты готовятъ почву, на которой могли бы выразиться желанныя притязанія демократіи, хоть по поводу предстоящихъ земскихъ собраній. Здѣсь служатъ службу почти все наши газеты и журналы, но преимущественно „День“ Аксакова и „С.-петербургскія Вѣдомости“ Корша. Имъ помогаетъ и „Вѣсть“, но, давая пиццу, обноситъ помѣщиковъ, интересы которыхъ она исключительно защищаетъ. Еще пунктъ, на которомъ сходятся все (все демократическія) газеты и даже помѣщичья „Вѣсть“, это отзывы о Наполеонѣ III. Они до того односторонни и безцеремонны, можно сказать неприличны, что едвали могутъ сравнимы, въ этомъ отношеніи, съ Англійскими. А между тѣмъ, Боже мой! Въ какомъ положеніи наши учрежденія? Въ какомъ положеніи наша учебная часть? Въ какомъ положеніи дѣтства наше общественное мнѣніе и въ какомъ упадкѣ наше хозяйство, наши финансы? Ну какая Польская, Нѣмецкая или Шведская интеллигенція подчиняется такому господствующему элементу, имѣя свои гораздо лучше? Въместо того, чтобы кричать и только кричать, надобно бы учиться и учиться, дотомять и стать самостоятельно и твердо.

Что значитъ конвенція 15 Сентября? Примиреніе панства съ Италіей? Война Италіи съ Австріей? Путаница, для которой нуженъ *конгрессъ*? Нѣтъ. Это новая уступка демократіи.

Высокое призваніе, которое одушевляетъ Гизо во всехъ его дѣяніяхъ и сочиненіяхъ, и настоящее положеніе христіанской вѣры, знаменующееся индифферетизмомъ въ латинствѣ и отрицаніемъ въ протестантизмѣ, вызвали на свѣтъ новое сомнѣніе маститаго профессора-оратора:

Méditations sur l'essence de la religion chretienne. Скромное названіе оправдываетъ скромность содержанія, состоящаго изъ общихъ разсужденій, примѣненія текстовъ и выписокъ изъ другихъ, всегда прекрасно сказанныхъ, но ничего новаго не прибавляющихъ для убѣжденія невѣрующихъ и укрѣпленія слабаго вѣрованія. Отъ книги вѣсть высокимъ гуманнымъ, но человѣческимъ духомъ. Нѣкоторыя выраженія намекаютъ на неглубокое убѣжденіе самаго Гизо. Во всякомъ случаѣ предлагаемое имъ соединеніе вѣхъ исповѣданій для сравненія напирющаго отрицанія неисполнимо, а указываемые имъ, какъ путь спасенія, ортодоксы-протестанты и либералы-католики, если бы и соединились, привели бы народы къ безвѣрію; ибо и тѣ и другіе опираются на науку, а наука-то и губить теплую вѣру. Вышла только первая часть „Размышленій“; подождемъ остальные три. Гизо не изобрѣтателевъ. Онъ прекрасно выводитъ, группируетъ и описываетъ фактъ. Здѣсь требовалось другаго дара, и старикъ очевидно старъ для новаго поприща теолога.

Государь ѣдетъ въ Ниццу, гдѣ болящая Императрица проводитъ зиму. Легче было бы, если бы зима проведена была въ Испаніи или Италіи. Не любовь къ Наполеону въ Россіи общая. Мы все и Европа знаемъ, что прошлогодній дипломатическій напоръ имѣлъ во главѣ Наполеона. Онъ публично выразилъ въ тронной рѣчи, что Россія попираетъ трактаты. Лучше умереть, чѣмъ искать спасенія и убѣжища у такого врага. Это имѣетъ видъ, что Россія заискиваетъ въ могущественномъ властелинѣ; это даетъ убѣжденіе, что дипломатическая война кончена послѣ секретнаго обязательства дать Польшѣ конституцію. Вообще мы неохотно читаемъ извѣстія о поѣздкѣ нашихъ государей за границу и описанія о пребываніи ихъ тамъ. Наши князья и княгини безпрестанно въ вояжахъ, точно имъ непріятно дома. Къ намъ пріѣдетъ какой нибудь принчикъ, и то на нѣсколько дней, и то по случаю охоты или коронаціи или сватьбы. Государь возвращается съ великимъ княземъ Константиномъ. Последняя вѣсть горше первой.

На моихъ глазахъ Европейское общество, а потому и Русское, получили довольно рѣзкія направленія, вслѣдствіе событій, выразившихъ реакцію направленіямъ предшествовавшимъ. Событія эти были: переворотъ 1830 г., вызвавшійся реакціею направленію династическому, легитимизму и водворившій исканіе популярности сближеніемъ съ буржуазіей и свободою трибуны и кафедръ съ высшими представителями націи. Второе: перевороты 1848 г., вызванные злоупотребленіемъ свободы, популярности и парламентаризма, которые привели къ диктаторству, къ просвѣщенному деспотизму. Франція идетъ впереди, за нею идутъ другія державы, и въ концѣ ихъ мы. Императоръ Николай шель въ разрѣзъ съ революціей и не хотѣлъ знать ея вліяній. Только не

стало его. начались и у насъ либеральничанья. исканіе популярности и свобода ученій и преній. Трилогія Уварова (самодержавіе, православіе и народность) забыта и замѣнена конституціей, вѣротерпимостію и исключительнымъ Русскимъ направлениемъ. Первый шагъ того религіознаго направленія была свобода крѣпостнаго населенія. Власть совершенно обезсилѣла въ виду 25 м. освобожденныхъ и непривыкшихъ къ самоуправленію массъ. Всѣ орудія власти остановились, нужно было создать дискреціонную власть генераловъ и мировыхъ посредниковъ. Къ довершенію зла, въ это же время понижены проценты и удешевлена водка. Пониженіе процентовъ устремило капиталы на разныя предпріятія, бросившія въ народъ большіе заработки. Пьянство усилилось чрезвычайно. Пьютъ молодые дѣвки, пьютъ дѣти. Къ этому подоспѣла отмѣна тѣлесныхъ наказаній, безъ которыхъ полиція не знаетъ, чтѣ дѣлать съ нарушителями порядка, которые, прежде сжатые въ ежевыхъ рукавицахъ, теперь, пьяные, расходились такъ, что другимъ и ходить нельзя. На недостатокъ прислуги, на недостатокъ мастеровыхъ и рабочихъ общій плачь. Пропаганда пришла къ намъ двумя путями: путемъ науки и путемъ Польши. Они соединились вмѣстѣ и основали школу либераловъ, состоящую изъ нигилистовъ и нигилистокъ, шахматнаго клуба, студентскихъ сходовъ и вообще молодой Россіи. Сжатые мѣрами строгости, они открыто вызываютъ революцію прокламаціями и пожами. Какой исходъ возметъ это хаотическое состояніе, раздуваемое непрестанными реформами, Польскими эмиссарами и вызывающими газетами? Я думаю, что власть отрезвится и сдержитъ потокъ уновленій. Для водворенія и усвоенія ихъ нуженъ порядокъ, спокойствіе и постепенность.

Брошюра Шедо-Феротти еще волнуетъ наше общество. Совѣтъ университета, возвращая присланные экземпляры, выразилъ, что книга эта (*Que fera-t-on de la Pologne*) написана перомъ, враждебнымъ Россіи, а „Моск. Вѣдомости“ огласили этотъ отзывъ. Графъ С. Г. Строгановъ, путешествующій съ Цесаревичемъ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, выразилъ въ письмѣ къ проф. Бодянскому сочувствіе этому отзыву и просилъ передать это членамъ Совѣта. Тоже заявилъ Пензенскій губернскій предводитель отъ имени всего дворянства. Теперь затѣваютъ въ Англійскомъ клубѣ дать членамъ Совѣта обѣдъ, и вѣрно состоится. Должно замѣтить, что здѣсь бьютъ не по коню, а по оглоблямъ. Хотятъ донять не Шедо-Феротти, и даже не Головнина, котораго не любятъ, правда, и предательское дѣйствіе котораго „Моск. Вѣдомости“ выставили такъ рельефно, Москва хочетъ донять Великаго Князя Константина, двигателя крестьянскаго дѣла и ненавидимаго дворянствомъ. Въ книгѣ барона Фиркса оправдывается система, которой держался въ Польшѣ

Великій Князь до начала 1863 г. Москва хочеть этимъ заявить и неудовольствіе свое духу сепаратизма, теперь особенно пробудившемуся по случаю реформъ и свободы цензуры. Въ Польшѣ намъ много общаго и сродственнаго. Здѣсь антипатіи болѣе историческія, сглаживаемыя событіями. Прибалтійскій край „въ лѣсъ смотритъ“, потому что онъ волкъ, другое племя, другой языкъ и другая вѣра. Здѣсь сліяніе невозможно безъ исчезновенія полнаго. Въ Польшѣ сліяніе возможно при взаимномъ общеніи, при обоюдныхъ уступкахъ. Прибалтійцы считаютъ себя и край *принадлежавшими* Римскому императору, а теперь Германіи. Въ XVI ст., когда Иванъ Грозный опустошалъ этотъ край, Ливонскій орденъ и города обратились къ императору. Фердинандъ или Максимилианъ присылалъ посла убѣдить царя, что это край имперскій, и Ливонія только по безспію имперіи распалась и отдалась Швеціи и Польшѣ. Высшая Пѣмецкая культура самый злой врагъ нашъ. Она овѣмечитъ всю Чухландію, которая уже усвоила себѣ и вѣру и *почти* языкъ (азбуку). Русская пропаганда тамъ чрезвычайно слаба, и надобно просить воззваніе Рижскаго преосвященнаго, чтобы удостовѣриться, въ какомъ положеніи тамъ главный элементъ нашъ—православіе. Въ столкновеніи съ западною цивилизаціей мы должны уступать. Въ насъ нѣтъ устойчивости. Мы всесторонне и непрерывно преобразовывались. Совершивъ, не остановимся-ли теперь?

Въ городѣ, университетѣ, въ клубахъ и въ журналахъ большіе толки все о Шедо-Феротти: *que fera-t-on de la Pologne*. С. П. Шиповъ и Н. В. Сушковъ, Щебальскій, Менде, Араповъ агитируютъ и приготавливаютъ Каткову адресъ, письма, манифестацію. Они уговаривали меня подписаться, предоставляя измѣнить редакцію, и я на отрѣзъ отказался, не желая ни быть челоѣкомъ партіи вообще, а Катковской (исключительность Русская) въ особенности, ни тащить журнальныя пренія и частныя манифестаціи въ толпу, въ народъ, на площадь. Катковъ заходитъ такъ далеко, желая величія и твердости Россіи, что перепутались всѣ окраины, порусски неговорящія; онъ такъ льститъ народному самолюбію и даетъ такую увѣренность въ политической зрѣлости общества, что за нимъ побѣжить и готовъ кричать весь читающій и пишущій людъ Россійскій; онъ такъ безцеремонно обноситъ Петербургскихъ администраторовъ, всю и всякую Петербургскую среду, что въ Европѣ вмѣсто „Петербургскій кабинетъ“ будутъ называть „Московитское правительство“. Шедо-Феротти выступилъ противъ этого направленія, и брошюра его мастерски выставяетъ исключительность, тѣсную, довольно грубую и всегда заносчивую Московскаго публициста. Онъ прижалъ его къ стѣнѣ, и я понимаю агитацію Каткова. Вмѣсто агитаціи г. Каткову лучше бы было обдуматься и удостовѣриться, что то, что онъ говоритъ

правительства дѣлають не разглашая, и дѣлая, разглашаютъ то, что въ сложныхъ организамахъ представляетъ терпимость, своевременность и законность. Г. Каткову лучше бы открыть публичные курсы и продвинуть нашу интеллигенцію, которая едва справляется съ Азіатскими племенами и всегда уступаетъ Западнымъ. „Русскія“ въ Польшѣ провинціи, возвращенныя отъ нея, доселѣ называются въ Россіи „Польскими“. Смоленскъ недолго былъ въ Польскихъ рукахъ, давно въ нашихъ, а все таки вліяніе Польское тамъ доселѣ не изгладилось.

Польшѣ дадутъ самостоятельность, я заключаю это изъ повѣдки въ Ниццу, изъ свиданія съ Наполеономъ, послѣ всѣхъ выходовъ принца Наполеона и самого императора при открытіи прошлагодней сессіи. Но дадутъ тогда, когда хорошо пойдутъ наши земскія учрежденія, готовяція намъ общее представительство земства. А учрежденія эти приняты съ такимъ равнодушіемъ, порицаются такъ открыто и вообще обѣщаютъ такъ сомнительно, что политическая зрѣлость наша далеко не истина.

Земскія учрежденія наши (1 Января 1864 г.) идутъ плохо, и я находилъ и нахожу, что этотъ институтъ взялъ основанія слишкомъ одностороннія, механическія, демократическія, и при томъ вызванъ къ жизни не въ время. За расходы бояться, кажется, нечего. Дворянство обѣдствуетъ, а прочія сословія всегда скупы на добровольныя обложенія. Я опасаясь, что собранія—если они состоятся—обстоятельства придадутъ значеніе политическое, и они придумаютъ разныя затрудненія правительству и поставятъ его въ необходимость распускать ихъ и удерживать старый порядокъ. Главнѣйшая обязанность, раскладка податей, можетъ привести даже къ открытой борьбѣ, и можетъ явиться такое смѣлое собраніе, которое откажется отъ раскладки, объявивъ цифру несоизмѣрною съ средствами губерніи или уѣзда.

Изъ трехъ способовъ состава заковъ остановился на *выборномъ* по количеству и цѣнности земель. Нѣтъ ни постоянныхъ членовъ по имуществу или по значенію, ни правительственныхъ по опредѣленію (кромя удѣла и казны). Должно ожидать, что большинство выберетъ отставныхъ чиновниковъ.

Самоуправленіе вещь прекрасная, но оно требуетъ денегъ, знанія дѣла и общественнаго мнѣнія. У насъ этого нѣтъ даже въ столицахъ. Деньги есть, да и то бумажныя, только въ Петербургѣ*). Любопытно посмотрѣть на наше дворянство, какъ оно заораторствуетъ. Конечно не такъ, какъ въ комитетахъ 1858 г. Обѣднявшіе и голодные они закри-

*) Впрочемъ это самоуправленіе совершенно зависитъ отъ губернатора, министра внутреннихъ дѣлъ и Сената (несамоуправляющегося?)

чать другимъ тономъ. и въ протоколъ надобно будетъ заносить не однѣ манифестаціи.

Все это время, съ Августа, я очень доволенъ моими крошками и Митей, и Татой. Они здоровы, прилежны, много читають, добры и благородны. Начинаеть одолѣвать пытливость, особенно у Мити. Ему плохо дается математика, но очень занимають вопросы о чудесахъ и Божьемъ промыслѣ, а также: какъ родятся дѣти и отъ чего узнають. что тотъ мальчикъ, а та дѣвочка. На дняхъ, гуляя со мною по бульварамъ, онъ съ какою-то досадою говорилъ, что никто этого не знаетъ и ни въ журналахъ (которыхъ они получаютъ два) и ни въ какой книгѣ (у него ихъ 56) объ этомъ ничего не сказано. Прекрасныя существа! Какъ озабочиваетъ ихъ будущность при видѣ этого ничтожнаго молодого поколѣнія, тщеславящагося какимъ-то нигилизмомъ.

Съ приведеніемъ въ дѣйствіе судебной реформы и цензурнаго устава мы, кажется, подвинемся къ Западу, и намъ не въ чемъ позавидовать Европѣ. Конституціи? Она придетъ. Государь готовъ все дать. Она придетъ, и при томъ ранѣе, нежели думаютъ и попросятъ. Нѣтъ. Есть еще чего пожелать. Во первыхъ, климата, т. е. бѣльшаго времени работы: во вторыхъ сокращенія пространства, т. е. увеличенія времени работы: въ третьихъ, монетной единицы, т. е. болѣе производительной работы. Если принять въ соображеніе всю сумму вліяній на жизнь этихъ трехъ факторовъ (атмосферы, земли и труда) вліяній повсюдныхъ, всеобъемлющихъ и всегдашнихъ, то едвали не придется намъ отказаться когда нибудь выравниваться съ Европейцами. А тутъ еще два обстоятельства: намъ надобно *догонять*. ибо мы очень отстали, и догонять съ малыми средствами. ибо главныхъ двигателей, капиталовъ, у насъ нѣтъ. Какое же можетъ быть у насъ Европейское устройство при такихъ условіяхъ? Бадень, Сардинія и самая Франція, къ которымъ преимущественно обращаются наши реформаторы, совершенно въ другихъ условіяхъ. Неужели Петръ Великій не заводитъ у насъ Европейскіе порядки, а чѣмъ они сдѣлались, водворенные въ Россіи?

Должно сознаться. въ настоящее время мы преуспѣваемъ скоро, гораздо быстрѣе, нежели прежде: но это происходитъ на счетъ будущаго. Усиленный ходъ и въ государствѣ, какъ въ членахъ и мускулахъ челоуѣка, отзывается со временемъ усталостію, изнуреніемъ, обезсиленіемъ. Какъ мы живемъ долгами и на уплату металлическихъ процентовъ не имѣемъ собственныхъ средствъ, такъ и въ гражданскихъ преобразованіяхъ мы преуспѣваемъ на счетъ будущихъ поколѣній. Мы создали и создаемъ многое, безпрестанно создаемъ и безпрестанно пересоздаемъ, но хорошо-ли, прочно-ли, благотворно-ли? Я помню и

знать Пруссію въ 1842 году безъ всякихъ парламентскихъ учрежденій. Она была въ превосходномъ состояніи. Правительство было просвѣщенное, сильное и почетное. Король имѣлъ полное право сказать объ юстиціи: „so rein wie nie“. Ну что бы намъ также себя поставить? Нѣтъ, мы гонимся за либеральными учрежденіями и, не подозрѣвая того, что они подмываютъ власть, единственный цементъ нашъ, и въ окончательныхъ послѣдствіяхъ ведутъ къ сепаратизму, т. е. къ раздробленію.

Агитаціи Каткова продолжаются. Проекты писемъ на его имя и приглашеніе Совѣта университета на обѣдъ ходятъ въ клубъ и подписываются желающими. Слова его статьи 9 Февраля, особенно возмущившія Фиркса, говорятъ: „Отнимемъ же у нашихъ враговъ такое сильное орудіе (католицизмъ въ соединеніи съ элементомъ Польщизны), и несбыточныя мечты незначительнаго Польскаго населенія западнаго края рушатся сами собою. Пусть католики, протестанты и самые Евреи обучаются каждый своему закону по-русски, пусть въ ихъ храмахъ раздается слово проповѣдника по-русски; пусть все они молятся по Русскимъ молитвенникамъ, и они перестанутъ чувствовать себя Поляками, и проч. Сторонники Каткова утверждаютъ, что въ его словахъ нѣтъ ничего повелительнаго и обязательнаго, основываясь на словѣ „пустить“, и что это есть только приглашеніе, совѣтъ, какъ имъ выйти изъ безвыходнаго положенія. Это несправедливо. Такое приглашеніе имъ дѣлается едва ли уже не сто лѣтъ. Они ему слѣдуютъ. Нѣтъ, публицистъ Московскій говоритъ: „отнимемъ же у нашихъ враговъ такое сильное орудіе“, сдѣлаемъ ихъ Русскими. Здѣсь принужденіе, обязательность. Какъ публицистъ отъ католицизма (полонизма) перешелъ къ протестантамъ и Жидамъ, объяснить можно уравненіемъ народностей.

Изъ Петербурга, съ возвращеніемъ Государя и Великаго Князя Константина, ожидаютъ къ новому году или 19 Февраля много новостей и новыхъ установленій. Добрыхъ ожидать трудно. Все дѣлается такъ скоро, небрежно и на живую нитку, все такъ плохо вяжется съ прочими порядками и дѣйствительною средою, что заранѣе можно сказать: „непремѣнно напутаютъ“. Въ 1846 г. я предлагалъ графу Панину отмѣнить законъ о предоставленіи дѣлъ уголовныхъ начальнику губерній. Въ 1863 г. послѣдовала эта отмѣна по дѣламъ, слѣдующимъ въ Сенатъ на ревизію. И что же? Забыли, что въ рѣшеніяхъ этихъ всегда есть апелляціонныя части, подлежащія утвержденію губернатора, и мы должны или возвращать дѣла для утвержденія и объявленія на правѣ отзыва, не разсматривая ревизіонной части, или, разсмотрѣвъ свое дѣло, ревизіонное, отсылать остальные части для утвержденія губернаторскаго и

для объявленія на правѣ отзыва, и тогда дѣло, или по несогласію губернатора или по отзыву, *опять* приходитъ въ Сенатъ. Путаница на путаницѣ, а все отъ непрактичности законодателей.

Эти дни былъ у меня два раза генераль Шиповъ, чтобы посоветываться о лучшемъ способѣ оглашенія записки его (новой) по Польскому вопросу. Она написана противъ Шедо-Феротти и довольно неумѣренно. Сколько я могу догадываться, все это агитація Каткова, которому нужны все орудія и пригодны всякія орудія, лишь бы какъ нибудь выпутаться (замаскироваться) изъ положенія, указаннаго ему книгою Шедо-Феротти не совѣмъ великодушно и съ порядочною долей злорадства. Съ легкой руки псевдо-русскаго публициста, теперь иностранныя газеты, и органы весьма серьезные, разработываютъ вопросъ о Русской партіи и ея тенденціяхъ. Не думаю, чтобы Государь, правительство и покровители „Московскихъ Вѣдомостей“ были довольны сложившимся убѣжденіемъ подъ вліяніемъ обличеній, основанныхъ на точныхъ выпискахъ Русскихъ новыхъ патріотовъ. Если они не далеко зашли, то они несомнѣнно зарпортовались. Шиповъ хотѣлъ послать записку Государю, при письмѣ къ шефу жандармовъ. Я отсовѣтовалъ. Я убѣдилъ выкинуть все рѣзкости, вызванныя духомъ партіи, а послать записку, довольно невинную—можно.

Съ одной стороны публицистика сильно одолѣваетъ и существующія учрежденія и дѣйствующія лица, одолѣваетъ до неприличія. Она законъ считаетъ какимъ-то проэктомъ и не только критикуетъ его по обнаруженію, какъ напр. земскія учрежденія, но дѣлаетъ даже предметомъ публичныхъ преній, какъ напр. г. Лохвицкій въ своей диссертациі: „Губернія“; а при порицаніи управленія, она современно забываетъ, что здѣсь есть своя іерархія отвѣтственности, до подрыва всякаго довѣрія и уваженія къ закону и его исполнителямъ. Съ другой стороны и явленія въ нижнихъ слояхъ народа не менѣ значительны: своеволіе, безотвѣтственность, грубость, пьянство и преступленія усилились и усиливаются замѣтно простому глазу. О столицахъ я могу судить самъ, видя каждый день по этимъ улицамъ пьяныхъ, дерущихся и толкающихся мастеровыхъ и рабочихъ. О провинціи, не говоря о разсказахъ, можно имѣть понятіе по страшному употребленію вина и страшнымъ грабежамъ и пожарамъ, вызвавшимъ почти повсемѣстно полевое уложеніе съ разстрѣляніями и съ виселицами.

Единственная уцѣлѣвшая власть въ провинціи, это—мировые посредники. Оставляя въ сторонѣ Калужскую губернію, гдѣ посредники, подъ вліяніемъ губернатора Арцимовича, систематически раззорили не одного помѣщика, достаточно прочесть отвѣтъ Екатеринбургскаго исправ-

ника на обличительныя статьи въ сегодняшнемъ № „Дня“, который только скрѣпя сердце и по требованію цензурныхъ правилъ, напечатать этотъ протестъ полиціи противъ анархическаго направленія нашихъ мировыхъ учрежденій.

Прочелъ я 13 и 14 ч. „Исторіи Россіи“ Соловьева. Много интереснаго, хотя послѣ Устрялова трудно найти что нибудь новаго. Во всякомъ случаѣ Соловьевъ ученѣе и выше Устрялова, и потому нѣкоторыя страницы его книги, какъ развитіе воззрѣнія или системы, обрисовываютъ явленія и учрежденія эпохи замѣчательно и глубокомысленно. Но какъ Устряловъ и особенно Соловьевъ посятъ на себѣ печать нашего времени, нашего въ высшей степени смутнаго времени! Въ каждой строкѣ изложенія видишь недоработку, недоконченность и потомъ небрежную поспѣшность и безпрестанныя замашки на оригинальность. Очевидно, ни наука, ни языкъ не остановились, не установились и бродятъ по событіямъ, вводя для оригинальности любопытные эпизоды со всеми ихъ мелочами, переступая годъ и, повторяя сказанное, бродить и языкъ то въ современныхъ неологизмахъ, то цѣликомъ въ старыхъ столбцахъ со всеми ихъ затѣйливыми витіеватостями и грубыми оборотами рѣчи. Нѣтъ строгаго достоинства въ наукѣ, нѣтъ и чистоты языка. Соловьевъ однимъ глазомъ смотритъ на Славянофиловъ, ратующихъ за описываемую эпоху, рѣшительно несостоятельную, а другимъ—на тѣхъ борзописцевъ, которые односторонне выставляютъ только нужныя имъ явленія, съ точки зрѣнія порицанія или осмѣянія. Это исторія!

Я хочу заварить небольшую кашу. По случаю перебранокъ Каткова и Леонтьева съ 9 гласными Думы, послѣдніе въ *напечатанномъ* отвѣтѣ неуважительно выразились объ Управѣ Благочинія, какъ о мѣстѣ, пользующемся самою неблаговидною извѣстностію *). Говорить такъ объ учрежденіи дѣйствующемъ, объ органѣ правительства я допустить не могу и желаю указать министру Валуеву, что подобныя печатныя отзывы могли быть допущены только поблажкою цензуры и незнаніемъ Европейскихъ порядковъ, въ которыхъ правительство и его органы никогда не могутъ быть предметомъ газетныхъ перебранокъ. Я увѣренъ, что каша моя возстановитъ моихъ мирныхъ товарищей, а мнѣ очень бы хотѣлось не идти одному въ общее собраніе. Но, если не соглашу съ собою никого, пойду и одинъ.

Прочелъ я записки Ермолова съ 1801 по 1812, изданныя въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“ и Записки 1812 г., изданныя кн. Долгору-

*) Определеніе состоялось и послано было къ Мин. Вн. Дѣль, который его подпisałъ и донесъ, что вмѣстѣ съ симъ сдѣлано подтвержденіе Цензурному Комитету о точномъ исполненіи правилъ 1862 г. Но не потернть-ли отъ этого прессы? 24 Янв. 1865 г.

ковымъ въ Лондонѣ. Человѣкъ тутъ еще не весь, но изъ этого можно судить о всемъ человѣкѣ. Я же зналъ его лично; онъ провелъ двое сутокъ у насъ въ деревнѣ, я бесѣдовалъ съ нимъ много. И физическія и умственные силы его были колоссальны, но ему не доставало убѣжденій и правилъ поведенія, которыя незамѣнимы ни характеромъ (впрочемъ довольно своеобразнымъ и упрямымъ), ни желѣзною волею, ознаменованною преимущественно на Кавказѣ. Ему не доставало высшаго просвѣщенія, хотя онъ щеголяетъ Латинскими цитатами. Ему не доставало и теплой вѣры. За этими недостатками, всѣ лучшія его качества дѣлаются чѣмъ-то страдательнымъ, отрицательнымъ, даже мелочнымъ, такъ что съ самыхъ первыхъ страницъ до послѣднихъ только и слышишь ропотъ, жалобы, зависть, колкости и насмѣлки. Нѣмцы—его главная тема. Неумѣнье цѣнить заслуги и способности его—вторая тема. Плохія ему награды—третья. Въ Латинскихъ, до рабства подражательныхъ оборотахъ рѣчи, Ермоловъ преплохой военный писатель. Ни при Аустерлицѣ, ни при Эйлау, ни даже при Бородинѣ не услыдишь ни общаго плана, ни развитія дѣйствій битвы, ни нравственного ихъ вліянія. Можетъ быть, въ Персіи и на Кавказѣ могущественный сардаръ не измельчается выходками зависти и интриги и станетъ выше мелочей окружающей дѣйствительности (но и тамъ вѣрно есть Петербургъ), но здѣсь отсутствіе существенныхъ элементовъ воспитанія выставляетъ знаменитаго человѣка въ свѣтъ невыгодномъ, и тотъ очень ошибется въ своихъ ожиданіяхъ, кто вознамѣрится въ этихъ Запискахъ найти славнаго Ермолова, популярнаго Московскаго богатыря на поговѣ. Просто грустно: на что тратится человѣкъ!

Общій говоръ въ Москвѣ передаетъ слухъ изъ Петербурга о назначеніи министромъ финансовъ бывшаго сослуживца моего, статс-секретаря Заблоцкаго-Десятовскаго. Толку тутъ никакого быть не можетъ. Какой онъ финансистъ? Онъ журналистъ, статистикъ, ученый, но не министр и особенно финансовъ и финансовъ въ Россіи и въ настоящее время, когда вексельный курсъ упалъ до 311 сантимовъ за рубль и когда попытка на новый заемъ не удалась и при усиліяхъ Штигица. Это паденіе курса насъ ѣсть и заѣсть, а помощи отъ Заблоцкихъ не дождешься. Эти теоретики, эти либръ-ешанжисты ослабятъ внутреннюю производительность еще болѣе и равновѣсіе бюджета будутъ поддерживать усиленіемъ сбыта акцизныхъ нитей, табаку и сахару и выпускомъ безпроцентныхъ бумажекъ, если занять нельзя. Мы страдаемъ слабою производительностію и, если противъ этого говорятъ низкія цѣны на хлѣбъ, то объясняется это безденежьемъ, на которое жалобы отовсюду. Назначеніе Заблоцкаго (Луи-Бланъ по Шереметеву, газетчикъ по Му-

равьеву) произведетъ говоръ и ропотъ въ кружкахъ Московскаго общества. Выборъ припишутъ Великому Князю Константину, котораго въ Москвѣ весьма не жалуютъ.

Секуляризація католическаго монашества въ Царствѣ Польскомъ принята, какъ и слѣдовало ожидать, въ Московскихъ кружкахъ съ радостію, какъ первый шагъ къ уравненію Царства съ западными губерніями и къ возстановленію тамъ Славянскихъ порядковъ, вытѣсняемыхъ съ давнихъ временъ пришельцами съ Запада и вліяніемъ панизма. Цесаревичъ Наслѣдникъ въ Римъ не поѣдетъ; тамъ точатъ и ядѣють стрѣлы въ Ватиканѣ, откуда должны раздаться стоны воплей и громы порицаній и охуленій. Другія государства, уже исполнившія эту мѣру, имѣютъ право порицать развѣ радикальное измѣненіе *statu quo*, не болѣе. Но порицать тутъ нечего. Монастыри сдѣлались притонами революціонеровъ и сами участвовали въ возстаніи, которое безъ ихъ содѣйствія не могло бы принять такіе размѣры, ни длиться такъ долго и упорно. Но я не согласенъ съ Московскими кружками въ томъ, что это есть шагъ къ уравненію. Уравнять ихъ невозможно. Польша всегда удержитъ свою особность, и только вышняя, лучшая цивилизація у насъ, въ нашемъ обществѣ, наше умственное и гражданское превосходство подчинитъ *de facto* Польшу Россіи. А это превосходство достигается не легко и не тѣми путями, которыми идемъ мы, не имѣя хорошей системы просвѣщенія, не имѣя порядочныхъ учреждений, не умѣя порядочно совершать преобразованія, умѣя только кричать во всю дорогу: „Я Русскій! Этотъ край Русскій, Русскій, Русскій!“ Природа обидѣла насъ и климатомъ, и произведеніями. Самое изобиліе земель, безъ соответственнаго населенія, служить какъ бы препятствіемъ развитію труда и установленію правильнаго хозяйства. Мы надѣемся на преобразованія, но изъ всѣхъ этихъ преобразованій я надежду полагаю на два: гласный судъ и неограниченную гласность. Они должны ввести какой нибудь порядокъ въ частную жизнь, въ общество. Но это совершается не легко, и элементы эти, всегда и вездѣ могущественные, могутъ уродливо выразиться въ средѣ, мало воспитанной для воспріятія убѣжденій, правилъ, привычекъ, почти чуждыхъ, противоположныхъ природѣ вещей, всему прошедшему, всему настоящему нашего общества. Я боюсь, что гласность приметъ у насъ направленіе одуряющее, коммунистическое и нигилистическое и пойдетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ. На самоуправленіе я не полагаю никакой надежды.

А вотъ и указъ 20 Ноября. Судебная реформа совершилась! Если земскія учрежденія установятся, если устроятся суды скорые и правые,

то успѣхи наши въ гражданственности по истинѣ будутъ изумительны. Изумительны въ особенности потому, что достигнутся скоро и безъ усилий; изумительны и потому, что въ центрѣ Имперіи, въ господствующемъ племени новыя учрежденія установятъ порядки, какихъ нѣтъ ни въ Польшѣ, ни въ Прибалтійскомъ краѣ, ни въ Финляндіи, и въ которыхъ мы получимъ пунктъ тяготѣнія, долженствующій привлечь, привязать къ намъ эти чуждающіяся насъ окраины государства. Слова мои почти имѣютъ смыслъ гиперболы, насмѣшки, но я—и сомнѣваясь въ такихъ успѣхахъ и послѣдствіяхъ ихъ—долженъ отдать полную справедливость, что вполнѣ раздѣляю Петербургское возрѣніе о необходимости и условіяхъ коренныхъ измѣненій всѣхъ нашихъ учреждений. Все шло такъ вяло, такъ дурно, такъ произвольно и грубо, что только скорая и большая нажива могла привлекать въ среду нашу и западныхъ, и Русскихъ иностранцевъ. Теперь все должно пойти иначе. Остается убѣдиться, что новыя учрежденія водворятся и усвоятся въ жизни и найдутъ, по воззванію Царя, всѣ необходимые для ихъ дѣйствія элементы въ цѣломъ обществѣ и въ каждомъ гражданинѣ. Въ этомъ отношеніи Петербургъ готовъ сказать: *Sit experimentum in anima vilis*. Вотъ тутъ-то я съ нимъ расхожусь и думаю, что эта *anima vilis* сдѣлаетъ отпоръ и покажетъ своего рода силу, которую теоретики никогда не подозрѣваютъ.

Что ни день, то новость. Вотъ и внутренній заемъ въ 100 милліоновъ на условіяхъ чрезвычайно, *чрезмѣрно* выгодныхъ. Эта выгодность и запутанная мотивировка указа показываютъ, что состояніе нашихъ финансовъ болѣе нежели неудовлетворительно. Подписка, разумѣется, превзойдетъ ожиданія. Вѣроятно подпишутся на 300 или болѣе. Съ началомъ реализаціи вексельный курсъ нашъ упадетъ еще ниже. Лихорадка у насъ будетъ большая. Вкусъ къ лотереямъ разовьется.

Москва ничего не имѣетъ столичнаго: большая вѣстовица и сплетница, пересудамъ и критикамъ ея нѣтъ конца. Особенно этимъ щеголяютъ дамы; онѣ славятъ Христа, получаютъ небывалыя новости, дополняютъ ихъ, разряживаются и ѣздятъ съ визитами, хлопочутъ о бѣдномъ челоуѣчествѣ и собираются на бесѣды. Мужчины дѣлаютъ тоже, но здѣсь господствующая страсть—поругать Петербургъ, министровъ и Великаго Князя Константина. Какъ мужчины, такъ и женщины раздѣляются на праздношатающихся и свахъ. Первые ничего не дѣлаютъ, вторыя думаютъ, что онѣ дѣло дѣлаютъ. Къ этимъ двумъ стихіямъ съ 1856 г. присоединилась журналистика, въ лицахъ Аксакова, Павлова, Каткова. Основаніемъ этой стихіи, получившей съ гласностью, огромное значеніе, есть элементъ Русскій, по-славянофильски—Русь. Она чрез-

вычайно подозрительна и во всякомъ не-Русскомъ видитъ своего врага, который интригуешь, говоря словами Каткова, лукавить и подготавливаетъ торжество свое, выражаясь по-славянофильски. Катковъ требуетъ, чтобы всѣ инновѣрцы превратились въ Русскихъ, „День“ требуетъ, чтобы всѣ и всякіе Русскіе подданные были православные. Это исходный пунктъ Московской публицистики, съ которымъ параллельно идетъ антагонизмъ къ Петербургу. Здѣсь таже подозрительность, и слово „Петербургскій“ равносильно бранному. То оно значитъ: поверхностное, канцелярское, заимствованное, то не свойственное Россіи, враждебное, даже измѣнительное. Опираясь на кружки и клубы, публицистика образовала свои партіи и, въ случаѣ надобности, заводитъ агитаціи. Агитаціи переходятъ въ корпораціи, въ Думу, въ университетъ. Газеты разносятъ вѣсти объ этомъ, по дальнимъ краямъ, и тамъ пишутся письма, адреса, пьются тосты, посылаются телеграммы. Въ Москвѣ агитируютъ преимущественно празднолюбцы, а распространяютъ агитаціи—свахи. Все бы это ничего, но вотъ что важно: за этою мнимою дѣятельностію, въ этихъ агитаціяхъ забываютъ объ отчетливомъ ученіи, о дѣлѣ. Молодежь готовится самая ненадежная, ни о какомъ порядочномъ профессорѣ и не слышно, никакого явленія, даже литературнаго, не укажешь даже съ большимъ снисхожденіемъ, а о нигилистахъ и нигилисткахъ слышишь и даже видишь много. Агитируетъ самъ старикъ Филаретъ, съ вѣчнымъ неудовлетвореннымъ самолюбіемъ; а нѣтъ проповѣди, которая хоть сколько нибудь остановила бы страшное развитіе пьянства, нѣтъ и публициста, который бы указалъ на печальныя и неотдаленныя послѣдствія настоящаго порядка вещей, въ которомъ именно порядка-то всего менѣе. Я не боюсь агитаціи Филарета. Она неумѣтна, безъ такта, противорѣчитъ и сану, и значенію. Я боюсь агитаціи почитателей Каткова, которые тянутъ ее на площадь, на улицу.

Генераль Шишовъ привозилъ мнѣ письмо шефа жандармовъ князя Долгорукова, въ которомъ ближайшій министръ проситъ Московскаго министра-на-покоѣ содѣйствовать съ своей стороны усилію внутренняго займа расположеніемъ къ нему общественнаго мнѣнія Московскаго общества. Князю Долгорукову извѣстна дружба Шишова съ редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“, и потому просьба шефа жандармовъ относится косвенно къ журналисту: знаменіе нашего положенія знаменательное и, занося этотъ фактъ въ мою лѣтопись, я не безъ опасенія предвижу скорое пришествіе журнальнаго правленія и нумерическаго господства въ земствѣ и городскихъ общинахъ. Финансовое затрудненіе наше таково, что мы идемъ навстрѣчу банкротству и для покрытія дефицита дѣлаемъ новый долгъ и вносимъ въ бюджетъ новыя 6 м. рас-

хода. У насъ въ правительствѣ давно господствуетъ теорія. Съ возникновеніемъ публицистики теорія эта ищетъ опоры въ журналистахъ, отъ которыхъ зависитъ общественное мнѣніе, и особенно столь ублажаемое нами мнѣніе Европы. Все это кажется не имѣть особенной важности; но всего важнѣе здѣсь то, что правительство теряетъ подъ собою землю и становится на такомъ основаніи, при которомъ ни твердость, ни независимость невозможны: ибо теоріи самыя новыя очень стары и всегда зыбки, а опора, предлагаемая въ дневныхъ листахъ, измѣчива и ломка. До приведенія въ порядокъ, какой-нибудь порядокъ, денежной единицы и бюджетнаго баланса нельзя дѣлать долги: они стѣсняютъ и приведуть къ новому упадку вексельнаго курса, и чѣмъ легче достигаются, тѣмъ непронизводительнѣе употребляются.

Въ Москвѣ теперь изъ общихъ толковъ три. О судебныхъ уставахъ: ихъ раскупаютъ на расхватъ, и встрѣчены они съ большимъ сочувствіемъ, но задача введенія ихъ и дѣйствіе немалая, и сочувствіе выражается особенно потому, что нынѣшніе порядки до крайности неудовлетворительны. Противъ проектовъ и началъ 1862 г. сдѣланы два важныя въ Госуд. Совѣтѣ измѣненія: мировые судьи судятъ по законамъ, и имъ предписанъ особый уставъ о взысканіяхъ и наказаніяхъ, довольно широкой и довольно неполный. Судебное сословіе не получило предположенныхъ исключительности и независимости, и министръ сохраняетъ значительную степень вліянія непосредственно и чрезъ высочайшія утвержденія. Этого надобно было ожидать; да къ этому бы и пришли сами судьи, отрѣшившіеся отъ наградъ и милостей, раздаваемыхъ администраціей. Мнѣ кажется, должно ожидать затрудненій въ пріисканіи хорошихъ мировыхъ судей, какъ потому, что условія выбора довольно затруднительны, такъ и потому, что жалованье невелико (1500 р.), а прибавки его не дождешься отъ земства, и теперь отягощеннаго сборами. Должно ожидать большаго произвола въ первыхъ назначеніяхъ на замѣщеніе судебныхъ мѣстъ, и весьма можетъ статься, что назначенія эти совершатся самымъ одностороннимъ образомъ. Второй предметъ толковъ—это рѣчь Д. В. Скарятина въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, въ которой сторонникъ землевладѣльцевъ рѣзко обрисовываетъ жалкое состояніе производительности и банковыхъ операцій въ настоящей Россіи, особенно съ 1861 года. Третій предметъ—это очеркъ составленія положенія 19 Февраля и участіе въ немъ Я. И. Ростовцева, въ послѣдней книжкѣ (Сентябрьской) „Русскаго Вѣстника“, Н. П. Семенова, одного изъ редакторовъ. Статья, довольно плохо написанная, весьма любопытна. Видишь, какъ люди идутъ ощупью и какъ приходятъ къ результатамъ, которые прежде а priori и in principio отвергали. Семеновъ пишетъ

для прославленія Ростовцева, но услуга покойному плохая. Замѣчаетъ и сочинитель, выражаясь откровенно, что Ростовцевъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ членовъ комиссій. Я думаю, Милютина (Николая) и Соловьева (Я. А.).

Рѣчь Скарятина должна была произвести большой эффектъ въ партіи Николая Безобразова съ товарищи. Она особенно рельефно представляетъ прибыли по операціямъ банка: съ 1861 г. 2,400 тыс., въ 1862—1,400 тыс., въ 1863 г.—800 тыс. и убытковъ по учету векселей, въ 1818 г. 2 милліона, въ 1862 и 1863 гг. 5 милліон. *). Рѣчь очевидно гнетъ къ тому, чтобы доказать, что энергія нашей производительности ослабла отъ разстройства сельскаго хозяйства землевладѣльцевъ. Но рѣчи этой партіи недостаетъ двухъ аргументовъ: она не объясняетъ, отчего цѣны на хлѣбъ такъ низки, а главное, по моему мнѣнію, беретъ не ту исходную точку. Величайшій недостатокъ всѣхъ, при Петрѣ и при Екатеринѣ, нашихъ преобразователей—это ихъ теоритичность исхода, и отъ того непрактичность въ примѣненіи. Петръ переводитъ иностранное цѣликомъ, даже съ иностранными названіями. Екатерина читаетъ современныхъ мыслителей и дѣлаетъ извлеченія, а потомъ тетрадки свои обращаетъ въ Наказъ, а Сперанскій вводитъ эти мысли и замѣчанія въ Сводъ Законовъ.

Какая *tabula rasa* лежитъ предъ настоящею судебною реформою! Сколько будетъ ломки, искательства, мнимыхъ успѣховъ, и сколько личныхъ перемигъ, недочетовъ, разочарованій. Россія лично terra incognita, завоеванная непріателемъ и устраниваемая имъ на свой строй, какъ дикія степи, способная принять всякое устройство безъ всякой оппозиціи.

Едва начались желѣзныя дороги отъ Москвы и отъ Одессы, какъ завязалась горячая полемика о направленіи отъ Балты: на Кіевъ или на Кременчугъ? Въ Петербургѣ намѣчаютъ на Кременчугъ, Москва требуетъ на Кіевъ. Я сомнѣваюсь, чтобы она куданибудь пошла; и думаю, что она постоитъ у Балты. Денегъ нѣтъ. Дѣлаемый заемъ пойдетъ на покрытіе текущаго и будущаго дефицитовъ и на экстраординарные расходы, которые у насъ всегда найдутся. Но конечно, если уже вести дорогу, то на Кіевъ; но вести не теперь, а современно съ

*) Это взято изъ „Торговаго Сборника“ Красильникова. Вотъ его цифры: учетъ векселей уменьшился на 40%, ссуды вообще на 33%. Въ 1861 г. векселей учтено на 87 мил., съ 1862 г. на 73, а въ 1863 г. на 63 мил. рбл. Прибыли банкомъ получено въ 1862 г.—2,713,289 р. съ 1862 г.—1,394,260 р. въ 1863 г.—878,236 р. До ликвидаціи казна получила чистой прибыли 16,949,984 р. Въ 1862 г. понесено убытку—2,194,726 р., а въ 1863 г. 5,573,883 р.

дорогою изъ Москвы въ Кіевъ; иначе Московско-Кіевскій трактъ потеряетъ и нынѣшнее значеніе, а въ политическомъ отношеніи это будетъ просто ошибка. Связь должна быть съ Москвою и ни съ чѣмъ, какъ съ Москвою, центромъ Великорусскихъ нашихъ элементовъ.

Съ возвращеніемъ Великаго Князя Константина агитаціи наши опять усиливаются, и журнальныя пренія отзываются еще сильнѣйшею желчью. Особенно рѣзки „Голосъ“ Краевскаго и „СПб. Вѣдомости“ Корша. Такъ стараются теперь и въ обществѣ охладить участіе къ внутреннему займу единственно потому, что мѣра эта будто бы придумана и рѣшена между министромъ Рейтерномъ и Великимъ Княземъ. Пріѣхавшіе изъ П-рга говорятъ, что общая цифра не достигаетъ и 200 м. р. Если это дѣйствительно такъ, то фіаско, новое фіаско доказываетъ прямое недовѣріе общества къ правительству. Если уже и такія *презumptивныя* выгоды не могутъ привлечь желающихъ, то и большіе и малые капиталы не надѣются на состоятельность правительства и смотрятъ на планъ займа какъ на обманъ, надуванье. Дѣйствительно, обѣщаютъ такъ много премій, выигрышей и процентовъ, что знакомый съ дѣломъ невольно долженъ предположить или совершенный недостатокъ, занимающій во что бы то ни стало, или преднамѣренное неисполненіе взятыхъ обязательствъ. Я желаю вѣрить, что подписка—хотя подписка на $\frac{1}{10}$ ничего не значитъ—дастъ по крайней мѣрѣ 500 м. *).

Я боленъ. По своей неосторожности, какъ всегда, напившись послѣ обѣда холоднаго пива, я почувствовалъ безпорядки въ брюшной полости и, запустивъ болѣзнь, пришелъ къ такому состоянію, въ которомъ надобно было опасаться воспаленія и которое привело меня къ самой неприятной вещи: лѣченію. Я пилъ микстуру, вытерпѣлъ 8 піявокъ и взялъ 2 ванны. Теперь, слава Богу, лучше, но я не вызыкаю.

Германскіе негодіанты, послѣ многихъ завѣщаній, составили записку о необходимости особаго трактата цольферейна съ Россіей относи-

*) По телеграфу дано знать, что подписка простирается до 115 м. р. Это болѣе нежели фіаско. Но бояться и удручаться этимъ много не должно. Это происходитъ во 1-ю отъ общаго безденежья, на которое всюду жалуются и которое посылается обстоятельствомъ для регулированія расходовъ мѣстной жизни, никогда не бывшей въ нормальныхъ границахъ. Во 2-ю, отъ застоя въ нашей внѣшней торговлѣ, который тоже бѣдствіе временное, имѣющее болѣе постоянныя послѣдствія въ развитіи внутренней промышленности. Въ 3-хъ, въ недостаточности плана лотереи: а) при малочисленности конторъ слѣдовало открыть подписку во всѣхъ губернскихъ и торговыхъ городахъ; б) назначеніе срока подписки болѣе продолжительное (это и сдѣлано, — вмѣсто 4 продолжено до 15 Января 1865, но сдѣлано послѣ заключенія подписки); в) назначить уплату тоже въ болѣе продолжительные сроки, и с) избрать другое время, а не конецъ года, когда заканчиваются счета и расчеты, и въ 4-хъ, недовѣріе къ правительству.

тельно взаимныхъ пошлинь привоза и транзита. Записка эта, написанная, какъ говорятъ, Ѳ. Г. Терперомъ, довольно обширная и обстоятельная. по распоряженію министра финансовъ напечатана въ газетахъ и предложена купечеству, между прочимъ, въ Нижнемъ Новгородѣ, на ярмаркѣ. На дняхъ былъ у меня предсѣдатель ярмарочнаго комитета Александръ Павловичъ Шиповъ и принесъ мнѣ рѣчь свою собранію купечества, обращенную собраніемъ въ протоколъ, какъ рѣшительное мнѣніе купечества о предложеніи Германскаго цольферейна. Это рѣшительный отказъ, даже болѣе рѣшительный нежели всѣ отказы Русскихъ торговцевъ на предложенія иностранцевъ. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ тонѣ и основаніяхъ отказа. Записка названа во первыхъ, „Запискою Нѣмцевъ“, и это презрительное выраженіе повторяется на каждой страницѣ. Шиповъ объщается обнять предметъ *ab ovo* и показывать, основываясь на фактахъ и официальныхъ свѣдѣніяхъ, постепенное развитіе и періоды упадка и процвѣтанія нашихъ мануфактуръ и виѣшней торговли. Ничего этого нѣтъ. Множество декламаций, выходокъ противъ Нѣмцевъ, противъ системы Тенгоборскаго, противъ тарифа 1857 г. и указаній на недостатокъ покровительства машиннаго производства и химическихъ издѣлій, близко касающихся самого оратора. Мнѣ понятно, что господствующіе въ Петербургѣ фритредеры могли и должны были вызвать реакцію со стороны мѣстнаго купечества. Рѣзкіе переходы, какъ тарифъ 1857 г., убиваютъ капиталы и основываютъ предприимчивость; но зачѣмъ же эта запальчивость, почему эта голословность, послѣ такихъ богатыхъ, научныхъ обѣщаній опроверженія? Очевидно, съ нами совершается превращеніе, перемѣщеніе, и центры тяготѣнія поколебались. Я думаю, что правительство не знаетъ точныхъ результатовъ и срока исхода. Это конечно жаль, чтобы не сказать болѣе. Но разъ избравши путь либеральный, здѣсь и тамъ, правительство не можетъ же оиять идти назадъ и обратиться къ тарифу 1823 г. Хорошо указываетъ ошибки финансоваго (банковаго) управленія нѣкто Красильниковъ, издатель „Торговаго Сборника“, когда-то агентъ и правитель Англійской конторы въ Лондонѣ. Всѣ эти наѣзники такъ и щиплютъ бѣдное, дѣйствительно *бѣдное*, управленіе.

Увольненіе барона Ливена и назначеніе генералъ-губернаторомъ гр. Шувалова произвело впечатлѣніе и волненіе въ кружкахъ Московскихъ. Униженія, которымъ подверглась Русская національность въ дневныхъ листахъ и научныхъ политическихъ брошюрахъ и книгахъ, пробудили національную гордость, а раздражительные споры сепаратистовъ укрѣпили это чувство до того, что—по пословицѣ: дай долю, Русскій двѣ возьметъ—патріоты только и кричатъ: Русскій, Русскій!

Столкновеніе съ Остзейскими учрежденіями не нуждалось въ поводахъ. Еще прежде вызывательной проповѣди суперинтендента доктора Вальтера, вопросъ о городскомъ хозяйствѣ готовъ былъ измѣниться въ корни и основаніяхъ. Его задерживала Нѣмецкая партія въ Петербургѣ, особенно гр. Блудовъ и въ послѣднее время Валуевъ. Съ положеніемъ 19 Февраля 1861 г. и земскій вопросъ поступилъ на очередь, найдя рыцарей дома и за стѣнами. Благовѣщенскій, учитель одной изъ гимназій, напечаталъ въ Дрезденѣ брошюру *Der Este und sein Herr* и потомъ множество подобныхъ изданій и репликъ, статьи „Русскаго Инвалида“ (весьма рѣзкія), отвѣты Петербургской Нѣмецкой газеты, особенно спокойныя и объемистыя статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ и неловкая защита учрежденій края въ „Сѣверной Почтѣ“ Валуева дали вопросу значеніе общее и поставили его лицомъ къ лицу съ сепаратистскими тенденціями и съ развитіемъ Германскаго элемента вообще и Прусской монархіи въ особенности. Но городскія и земскія учрежденія края такъ крѣпки, что выдержали напоръ и сохранили свои средне-вѣковыя порядки и обстановки. Учрежденія судебныя, уже и по общечеловѣческому свойству своему, имѣють тѣмъ менѣе устоя, что сплоченныя изъ разныхъ лоскутьевъ, они и въ средѣ края вызвали общія требованія преобразования. Еще въ мое время Остзейцы ходатайствовали объ открытіи у нихъ особаго департамента Сената собственно для Остзейскихъ дѣлъ, съ производствомъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Министерство и Комитетъ Министровъ отвергли это ходатайство. Кацгеръ и я, бывшіе оберъ-прокурорами 2 отд. 5 д-та, менажировали ихъ особенности, проводя впрочемъ то правило, что статьи 2 ч. XV тома о ревизіи и апелляціи для нихъ обязательны. Это было существенное. Съ обнародованіемъ общихъ основаній судебной реформы въ Имперіи Нѣмецкіе юристы края начали агитаціи и манифестаціи, подсмѣиваясь въ печатныхъ брошюрахъ, надъ нашими реформаторами, черпающими свои познанія изъ сборниковъ и лексиконовъ. Когда приказано было примѣнить эти основанія къ учрежденіямъ въ трехъ губерніяхъ, баронъ Ливенъ какъ-то неловко предложилъ объ этомъ оберъ-герихтамъ и двумъ магистратамъ, и таившаяся мысль о единствѣ, по крайней мѣрѣ въ судебномъ отношеніи, выразилась съ восторгомъ въ учрежденіи одной общей комиссіи въ Дерптѣ подъ предсѣдательствомъ старшаго президента барона фонъ-дерь-Ховена. Это произвело взрывъ въ національной журналистикѣ, и рѣзкіе отзывы о сепаратизмѣ заставили барона Ливена снестись конфиденціально съ Петербургомъ и по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ просить увольненія. Увольненіе его не такъ важно; онъ очень мало значилъ въ краѣ, и губернаторы, какъ фонъ-Эттингенъ и попечитель университета графъ Кейзерлингъ совершенно его затирали.

Важно назначеніе гр. Шувалова. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ назначеніемъ измѣнится вся система управленія, и Русскій элементъ получитъ болѣе правъ гражданства. Не странно-ли, что еще въ Сентябрѣ 1844 г. посѣтивъ Остзейскія стороны, я представлялъ графу Панину, что въ Ригѣ Русскій человѣкъ, въ Россійской Имперіи, допрашивается по нѣмецки. Тогда съ этимъ представленіемъ согласились и графъ Панинъ, и графъ Блудовъ; доложили и Государю, и высочайше повелѣно исполнить и—вотъ 20 лѣтъ прошло, и все ничего. Не всплыветъ-ли это теперь?

Самый интересный современный вопросъ есть безъ сомнѣнія Шлезвигъ-Гольштинскій и ловкая бойкая политика фонъ-Бисмарка. Положеніе герцогствъ дѣйствительно странно и загадочно. Двѣ великія державы, не смотря на подписаніе Лондонскаго трактата, ополчаются противъ маленькой Даніи, отнимаютъ герцогства и на основаніи уступленныхъ Датскимъ королемъ правъ остаются тамъ и хозяйничаютъ, не смотря на протесты во Франкфуртѣ, нисколько по видимому не заботясь о претендентахъ, которыхъ уже двое: Аугустенбургъ и Ольденбургъ. Ни права трактатовъ, ни уваженіе малосильнаго не принимаются во вниманіе. Общій голосъ приписываетъ Пруссіи намѣреніе присоединить герцогства себѣ. Все удивляются умѣнью г. Бисмарка вести дѣла. Онъ счастливо выпутался изъ смуты внутреннихъ, когда палата не позволяла ни одного шагу правительству. Онъ счастливо покончилъ войну, возбуждая народный энтузіазмъ и устроивъ Австріи подчиненное положеніе. Все это такъ или почти такъ. Но такъ дешево нынче дѣла не дѣлаются. Ни одна изъ великихъ державъ не согласится на такое измѣненіе существующаго равновѣсія силъ, хотя бы Франція уступила лучшую границу за Рейномъ, а Австріи сдѣлали уплату, которая могла бы поправить финансы и гарантировала Венецію. Большинство Пруссіи съ восторгомъ приняло побѣдителей. Король и правители сдѣлали все, чтобы возвысить событіе и увѣковѣчить его величіе; но въ средѣ мыслящаго класса подвигъ этотъ большой важности не имѣетъ. Въ партіи демократической онъ не найдетъ и отдаленнаго сочувствія, ибо демократическія учрежденія герцогствъ должны потерпѣть чувствительный уронъ, а напротивъ усиленіе элемента правительственнаго для нея вовсе не желательно. Когда фонъ-Бисмаркъ сойдется съ палатою, это будетъ подвигъ, но здѣсь-то и ожидается его пораженіе. Палата вся изъ демократовъ, и они такъ наторѣли, что борьба начнется съ первыхъ засѣданій. Три года Пруссія безъ законнаго бюджета, и нѣтъ вѣрныхъ основаній ожидать, чтобы онъ состоялся и въ 1865 г. Обѣ стороны, опираясь на военныхъ триумфахъ, станутъ другъ про-

тивъ друга или съ болышими предубѣжденіями, и оппозиція уважаетъ этимъ триумфамъ невысокое мѣсто, хотя бы отъ этого могла потерпѣть и національная слава. Демократамъ національность есть условіе второстепенное. Да и общее мнѣніе Европы не будетъ на сторонѣ Бисмарка. Гегемонія Пруссіи имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, несовременное, военное. Австрія можетъ воспользоваться обстоятельствами и стать во главѣ недовольныхъ, всѣхъ среднихъ державъ, и занять первенствующее положеніе. Выжидательность и предательская хитрость всегда были въ преданіяхъ Австріи.

Вообще и весь 1864 г. я считаю приближеніемъ къ тому порядку вещей, въ которомъ республика и социализмъ, т. е. ограниченіе власти и собственности, будутъ оказывать все болѣе и болѣе чувствительное вліяніе, а рядомъ съ ними и индиферентизмъ и эманципація общественная все болѣе и болѣе будутъ готовить почву къ нарожденіямъ новыхъ видовъ, для которыхъ нынѣшнія господствующія убѣжденія и формы покажутся и слабы, и узки. За исключеніемъ Англіи нѣтъ ни одного государства, которое могло бы рассчитывать на правильное развитіе и опредѣленные результаты. Можетъ быть, въ непродолжительномъ будущемъ въ Европѣ измѣнятся центры тяготѣнія. Итальянское объединеніе и стремленіе къ единству Германскихъ племенъ, радикальныя реформы въ Россіи и броженіе въ Турецкихъ христіанскихъ провинціяхъ готовятъ новый порядокъ, для котораго вырабатывается новое право. Въ настоящее время Европа истощается бюджетами, и военные расходы растутъ непомерно. Доколѣ Франція не придетъ въ нормальное положеніе, всѣ вопросы: Итальянскій, Дунайскій, Венгерскій и Польскій, всѣ будутъ ожидать права гражданства, и все сдѣлаться можетъ предметомъ вопроса. Три событія оставляетъ имъ 1864 г. 1) войну въ Америкѣ, 2) папское посланіе 8 Декабря и 3) лихорадочныя реформы въ Россіи. Война Американская все болѣе и болѣе локализируется, и въ отсутствіи хлопка, даже въ Англіи, далеко не имѣетъ тѣхъ угрожающихъ послѣдствій, которыхъ такъ опасались. Послѣдствія эти еще менѣе важны для прочихъ государствъ и особенно для нашихъ немногочисленныхъ фабрикъ. Война эта гораздо важнѣе въ теоретическомъ отношеніи. Она опровергаетъ ученіе о децентрализаціи и подтверждаетъ, что государство не есть союзъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ областей, но ограниченное цѣлое, въ которомъ всѣ части въ зависимости отъ цѣлаго. Загадочно посланіе папы. Оспаривая всѣ достижения современной эпохи, папа вдается въ такія крайности, что въ выраженіяхъ его энциклики можно видѣть ослѣпленіе, находящее обыкновенно передъ смертью. Уже въ самый разгаръ Французской революціи, уже

и при полномъ дѣйствии Священнаго Союза, нельзя было говорить какъ говорить Пій IX-й, и церковная опека есть насмѣшка въ глазахъ самыхъ католическихъ католиковъ. Папа рассчитываетъ на фанатизмъ, но онъ не воспринять, и во всякомъ случаѣ это есть, когда онъ есть, двигатель, но не опора. Должно ожидать, что съ ослабленіемъ папской организаціи, усилятся клерикальныя партіи лѣсныя и съ ними заблужденія либеральной. Дурнаго тутъ нѣтъ. Затрудненія просвѣтляютъ возрѣнія и положенія, и нѣкоторая остановка приводитъ къ обдуманности, всегда небезполезной. Не менѣе важна этой католической реформы преобразованія, совершаемая въ Русскомъ мірѣ. Досель насъ только чуждались и обѣгали. 280,000 Русскихъ живутъ въ чужихъ краяхъ; 200,000 Татаръ бѣжали изъ Крыма; 400,000 горцевъ выселились съ Кавказа. Теперь реформы щедро, роскошно, расточительно даруются одна за другою. Изъ насъ хотятъ сдѣлать совершенныхъ Европейцевъ, съ политическими правами, со всѣми утонченными огражденіями личности и собственности. Намъ остается при благоговѣйной признательности молить Бога, да удостоитъ Онъ великую націю вступить въ новую жизнь, водворить и усвоить лучший порядокъ и подъ Его сѣнію достигнуть благосостоянія, жизни честной и любви братьевъ, старшихъ и младшихъ.

(Продолженіе будетъ).

Поправки къ 4-й книжкѣ „Русскаго Архива“ сего года.

На 527 стр. пропущены слова: „и однажды въ Пятигорскѣ сидѣлъ онъ у“.

На 528 стр., 3-я строка сверху, надо: — „составляя маршрутъ—обстоятельство это припомнили и....“

Но благополучіе Раевского продолжалось недолго: правитель Кавказа Е. А. Головинъ и чины Военнаго Министерства не могли оставаться равнодушными къ тому, что вчинательный генераль, будучи начальникомъ Черноморской линіи, посылалъ свои донесенія прямо къ Государю. Послѣдовавшія неудачи и дѣйствія Англіи уронили значеніе Раевского, и рядъ выстроенныхъ имъ крѣпостей пришлось оставлять.

Особенно любопытна переписка Раевского съ княземъ Воронцовымъ, адмираломъ Лазаревымъ, А. И. Казначеевымъ. Письмами сего послѣдняго оправдывается названіе, данное ему С. Т. Аксаковымъ „Бѣлый Ангелъ“. Про Лазарева Государь, разговаривая съ Раевскимъ, сказалъ, положивъ руку на сердце: „Наружность у него строгая, но у него много здѣсь“. Можетъ быть, Государь охладѣлъ къ Раевскому потому, что онъ настойчиво хлопоталъ

о возвращеніи изъ Сибири Декабриста князя Волконскаго, женатаго на родной его сестрѣ: Государь не любилъ напоминаній о Декабристахъ.

Н. Н. Раевскій женатъ былъ на Аннѣ Михайловнѣ Бороздиной, къ которой можно отнести извѣстное изрѣченіе Фридриха Великаго про ландграфиню Каролину Дармштадтскую: *Femina sexu, anima vir* (женщина поломъ, мужчина душой). Она дала прекрасное образованіе двумъ сыновьямъ своимъ, которые остались малолѣтками послѣ отца. Она составляла большое собраніе гипсовыхъ снимковъ съ Русскихъ древностей. Оно конечно цѣло, и ему подобаеъ быть въ Московскомъ Музеѣ Александра Третьяго. Одинъ изъ ея сыновей погибъ добровольцемъ въ Черняевскомъ Сербскомъ походѣ; другому принадлежитъ честь изданія настоящей книги.

П. В.

Ю. В. Готье. Замосковный край въ XVIII вѣкѣ. Опытъ изслѣдованія по исторіи экономическаго быта Московской Руси. М. 1906. Бол. 8-ка, VIII и 602 стр.

Ю. В. Готье. Слѣдственные комиссіи по злоупотребленіямъ областныхъ властей въ XVIII вѣкѣ. Изъ «Сборника статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому». М. 1909 г. 8. 103—152 стр.

Ю. В. Готье. Десятни по Владимиру и Мещерѣ 1590 и 1615 гг. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1910. 8 39 стр. съ указателемъ.

Протоіерей І. П. Кречетовичъ. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ (по архивнымъ даннымъ). Т. I. Подготовка реформы. М. 1911 г. Бол. 8-ка, VIII и 627 стр.

РУССКІЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять р., для чужихъ краевъ— двѣнадцать р.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: Въ Петербургѣ (Невскій, 40) въ Москвѣ (уголъ Неглиннаго проѣзда и Кузнецкаго Моста, д. Шориной) въ Харьковѣ (Николаевская пл. № 4 и Екатеринославская ул., д. Иванова, № 1) въ Одессѣ (Дерибасовская ул., № 33, уг. Преображенской) въ Саратовѣ (Б. Московская, Пассажъ 1) въ Ростовѣ на-Дону (Садовая ул., № 96) и въ Парижѣ (бульваръ Св. Магдалины).

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
прежнія полныя годовыя его изданія и отдѣльныя книжки Русскаго Архива
по цѣнѣ пониженной.

*

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона. Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями. Цѣна 30 к.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартеневъ.**

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

6.

Стр.

161. Изъ записокъ Корберона 1777—1780.
205. Два завѣщанія Г. Р. Державина. (Крепостные ищутъ воли). Сообщено М. Л. Юдинымъ.
224. Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева. 1865 г.
261. Изъ записокъ Я. К. Грота (празднованіе полуторастолетняго юбилея Императорской Академіи Наукъ).
274. Письмо В. И. Тютчева къ княгинѣ Е. Э. Трубецкой; со стихами.
275. Дѣло о мощахъ Устюжскаго іеромонаха Платона. Сообщено А. А. Титовымъ.
293. Донесеніе Дербентскаго коменданта Юнгера главнокомандующему на Кавказъ М. А. Матюшкину 1725 г. Сообщено графомъ П. С. Шереметевымъ.
297. Два анекдота о царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ. Сообщилъ Левъ Мацѣевичъ.
298. Тайственное потопленіе. Сообщилъ А. А. Стаховичъ.
300. Изъ записной книжки «Русскаго Архива».
304. Поправка.
- Внутри обложки: О книгахъ В. А. Петрова про орудія, отбитыя у неприятеля въ 1812 году.—О письмахъ Филарета къ Е. В. Новосильдовой.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

**Орудія, отбитыя у непрія-
теля въ 1812 году.** Составлено по
порученію высочайше утвержденнаго
особаго комитета по устройству въ
Москвѣ Музея 1812 года, членомъ его
артиллеріи генераль-маіоромъ В. А.
Петровымъ. Москва, 1911 г. бол. 4-ка.
X, 123 и двѣ нenum. стр., съ прекра-
сно исполненными фотографическими
снимками.

Въ Московскомъ Кремлѣ цѣлую
стѣну занимаетъ громадное зданіе Арсе-
нала, и вдоль всего его, почти отъ
башни Троицкой до Никольской, поста-
влены 875 пушекъ, взятыхъ нами у
Наполеоновой арміи въ предѣлахъ толь-
ко Россіи. Мысль о томъ, чтобы свезти
ихъ въ Кремль пришла императору
Александрѣ Павловичу еще въ Ноябрь
1812 года. Онъ желать соорудить изъ
нихъ побѣдный столбъ; но, какъ ка-
жется, такое гордое намѣреніе смѣни-
лось у него смиреннымъ сознаніемъ
воли Божіей, что выражено на медали
1812 года: "И не намъ, не намъ, а
имени Твоему" (даждь славу). Въ
достопочтенномъ трудѣ В. А. Петрова
находимъ изображенія этихъ пушекъ,
расположенныя по государствамъ. Тутъ
пушки Французскія, Прусскія, Австрій-
скія, Баварскія, Голландскія, Саксон-
скія, Польскія и даже Испанскія.

Не вся-ль Европа тутъ была?
А чья зѣзда ее веда? .

Когда проходишь мимо этихъ
орудій, жерла смерти заставляютъ васъ
подумать, сколько пало отъ нихъ Рус-
скихъ людей, сколько пролилось крови;
но утѣшительно вспомнить, что въ Мар-
тѣ 1814 года на главной Парижской
площади отслужена наша Пасхальная
заутреня: "И ненавидящимъ насъ вся
простимъ воскресеніемъ".

На 11 страницѣ составитель книги
говоритъ: „По условіямъ ликвидаціи,
на основаніи соглашенія отъ 24 Нояб-
ря 1813 года, союзныя державы для
облегченія, равнымъ образомъ для

заведенія артиллеріи, согласились на
то, чтобы уступить для взаимнаго об-
мѣна часть взятой у непріятели артил-
леріи и такимъ образомъ передать
другъ другу принадлежащую каждому
государству артиллерію. На самомъ
дѣлѣ выполняла условія только Россія.
Платежъ пушками вмѣсто денегъ былъ
произведенъ Россіей разнымъ прави-
тельствамъ въ зачетъ за расходы по
содержанію госпиталей, за провіантъ,
доставлявшійся мѣстными властями
(заграницей) Русской арміи.

Особенно большія претензіи
предъявила Пруссія, чѣмъ вызвала
гнѣвъ императора Александра I. На
рапортѣ фельдмаршала Барклая-де-Тол-
ли, по поводу изъявленнаго Пруссіей
желанія получить безъ зачета денегъ
4 фунтовыя пушки съ принадлежно-
стію, Государь написалъ: „И не намѣ-
ренъ былъ дарить орудій Нѣмцамъ“.

**Письма Высокопреосвя-
щеннаго Филарета Московска-
го въ Екатеринѣ Владимиров-
нѣ Новосильцовой.** Москва, 1911.
8-ка. двѣ нenum. и 246 стр.

Письма эти обнимаютъ собой вре-
мя съ 10 Іюня 1822 по 26 Сентября
1849 г.

Прошло уже слишкомъ сорокъ лѣтъ
со времени кончины Филарета (+19
Ноября 1867 г.), и всетаки открываются
неизданныя произведенія его пера.
Подобно Екатеринѣ Великой, не про-
водилъ, кажется, онъ ни дня, не напи-
савъ чего-либо. Покойный Н. П. Гиля-
ровъ говаривалъ, что если-бы Филаретъ
получалъ построчную плату за то, что
появлялось въ печати изъ его трудовъ,
то у него накопились бы сотни ты-
сячъ рублей; но онъ отличался пол-
нымъ безкорыстіемъ и съ раннихъ
поръ, когда ему платили за освѣщеніе
церквей или за похороны, онъ иной

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КОРБЕРОНА 1).

1777-й годъ.

Пятница 3-го Января 1777 г. Брату.

Вчера было у насъ большое масонское собраніе въ память бѣднаго Бахмана, который состоялъ членомъ общества. Ложа была затянута чернымъ, подобно ложѣ мастера; у тѣла играла похоронная музыка, и потомъ совершилось торжественное перенесеніе его въ другую комнату, гдѣ гробъ былъ поставленъ въ украшенную гробницу. Церемонія была довольно красива, но къ чему она? Этой пышности я бы предпочелъ болѣе простую церемонію со сборомъ пожертвованій въ пользу дѣтей покойнаго, которыя, кажется, находятся въ нищетѣ. Но здѣсь внѣшность всегда преобладаетъ надъ содержаніемъ: любятъ кажущееся, и не думаютъ о существенномъ; нуженъ блескъ, а не прочность²⁾.

Вторникъ 7-го Января.

Все еще говорятъ о предстоящемъ фаворитствѣ князя Потемкина, говорятъ, оно скоро проявится. Орловы начинаютъ падать; графъ Алексѣй отправился въ Москву; отсюда онъ уѣхалъ недовольный. Есть люди, утверждающіе, что бракосочетаніе князя Орлова съ двоюродной сестрою Зиновьевой находится наканунѣ своего осуществленія и что послѣ совершенія его они тайно уѣдутъ отсюда. Подозрѣваютъ Государыню въ томъ, что она сама затѣяла эту интригу, чтобы этимъ противозаконнымъ бракомъ уронить его въ глазахъ народа. Она давно

¹⁾ См. выше, стр. 26.

²⁾ Въ Запискахъ Корберона, которыя онъ велъ въ видѣ дневника въ Францію къ брату и къ близкимъ ему лицамъ, издается нѣсколько показаній о Петербургскихъ масонахъ. Мы не переводили оныхъ, ограничиваясь тѣмъ, что онъ рассказывалъ о главныхъ лицахъ Русскаго общества. Въ то время Корберонъ, будучи поклонникомъ Жанъ-Жака Руссо, занимался масонствомъ слегка. Позднѣе онъ сдѣлался ревностнымъ масономъ. П. Б.

сердита на Орлова за дурное обращеніе, которое ей приходилось терпѣть отъ него, и отероченная месть ея будетъ тѣмъ полнѣе. Григорій билъ ее не разъ, а Пикте, бывшій свидѣтелемъ ихъ интимной жизни, говорилъ мнѣ, что видѣлъ Государыню въ слезахъ, и она жаловалась ему на недостатокъ къ ней вниманія со стороны князя. Къ этому добавляють, что состояніе, которымъ пользуется семья Орловыхъ, принадлежитъ казнѣ и что слѣдующій же государь можетъ отнять его. Словомъ, новый годъ принесетъ съ собою много переменъ и назначеній новыхъ представителей Россіи въ Неаполь, Туринъ, Португалію и пр. Департаментъ иностранныхъ дѣлъ обходится отъ семисотъ до семисотъ пятидесяти тысячъ рублей, не считая расходовъ производимыхъ тайно.

Пятница 10-го Января.

Я ничего не говорилъ тебѣ о вчерашнемъ засѣданіи Академіи по поводу полулѣтняго юбилея со дня ея основанія; дѣло идетъ объ Академіи Наукъ. Въ члены ея принять Прусскій король; читали письмо, которое онъ написалъ по этому поводу; въ немъ онъ говоритъ, что избраніе его объясняется тѣмъ почитаніемъ, какое онъ питаетъ къ этому учрежденію. Пришлось отерочить празднованіе юбилея по случаю отъѣзда директора Академіи Домашнева въ Берлинъ, посланнаго туда сообщить о бракосочетаніи великаго князя. Домашневъ вернулся лишь недавно, и говорятъ, будто онъ умышленно дѣлалъ затрудненія къ засѣданію Академіи въ самый день пятидесятилѣтія, чтобы имѣть возможность председательствовать на немъ; это совсѣмъ въ Русскомъ духѣ. Даны аудіенціи нѣсколькимъ Французамъ, какъ то: Бюфону, Добентону, Вальмонту де-Бомару, Сиго-де-Лафону и др.

Понедѣльникъ 13 Января.

Мнѣ передавали объ одномъ поступкѣ Государыни, который доставилъ мнѣ удовольствіе. Она принимала депутатовъ изъ Новгорода, гдѣ только что ввела свою новую форму правленія. Она угощала ихъ у себя, въ своихъ покояхъ, и когда Новгородскій губернаторъ графъ Сиверсъ, котораго она очень любитъ, сообщилъ ей о своихъ распоряженіяхъ, онъ прибавилъ по адресу депутатовъ: „Эти господа не очень богаты“. — „Извините, губернаторъ, возразила Государыня, они очень богаты—усердіемъ“. Очаровательный отвѣтъ вызвалъ у нихъ слезы и осчастливилъ больше, нежели деньги. Вотъ, другъ мой, приемы искуснаго монарха, и это приемы Екатерины II-й.

Четвергъ 30 Января.

Нормандецъ рассказывалъ сегодня у Бемеровъ, будто Государыня читала вчера депешу (писанную не шифромъ) Верженя къ Жюинье.

гдѣ тотъ журить его за дѣло Робазомн и т. п.¹⁾ Вержень же утверждаетъ, что вель себя мудро и осторожно, что это не можетъ повредить ему въ глазахъ такой мудрой и просвѣщенной правительницы, какъ Государыня и т. д.

Со времени моей немилости я былъ вполне убѣжденъ, что дѣло Робазомн мнѣ не повредило; теперь, судя по тому, что извѣстно Государынѣ объ этомъ дѣлѣ, я твердо убѣжденъ въ этомъ. Я старался разобраться въ причинахъ, вызвавшихъ немилость ко мнѣ и, кажется, нашелъ ихъ. Ты слышала отъ меня о Пикте, прожившемъ въ этой странѣ около одиннадцати или тринадцати лѣтъ; я иногда пользовался имъ, и когда ея императорское величество уволила его, я не могъ отказать этому человѣку въ письмѣ къ Верженю. Онъ имѣлъ неосторожность письменно выразить мнѣ благодарность за пріемъ, котораго удостоился у (нашего) министра, да и послѣдній самъ, въ частномъ письмѣ, подробно писалъ о Пикте; все это было прочтено и сильно мнѣ повредило. На меня имѣютъ основаніе гнѣваться; но клянусь, что, будь я здѣсь посломъ, я бы употреблялъ свои свѣдѣнія на благо обѣихъ націй. Таково или таковымъ должно быть, по моему, основное правило политики: посоль не долженъ собирать свѣдѣній, вредящихъ странѣ, куда его посылаютъ, потому что это значило бы поселять и питать поводы къ ненависти и раздору.

Меня заподозриваютъ и въ другихъ провинностяхъ, совсѣмъ для меня чуждыхъ, какъ-то въ связяхъ Сенъ-Поля и Пюп-Сегюра съ г-жею Шампаньоло, у которой я провелъ, противъ своего желанія, всего четверть часа, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, во время похоронъ покойной великой княгини на Невскомъ. Въ этомъ я могу присягнуть. А между тѣмъ это (какъ проскользнуло у Нессельроде) было одною изъ причины неудовольствія, и Государыня, кажется, дала это понять. Я обязанъ этой гнусной клеветой, вѣроятно, живому докладу Ивана Чернышова, который на это способенъ, ибо не любитъ меня, а самъ—человѣкъ самый низкій, самый лживый и самый злой.

Пятница 31-го Января.

Шарлотта²⁾ говорила мнѣ, что Государыня сердится на генерала Бауера за то, что онъ старался поступить на службу во Франціи, и о

¹⁾ Рабазомн, Георгіевскій камергеръ, вышедшій въ отставку изъ Русской службы, убилъ на пединвѣ Голландца графа Виланда, который служилъ въ нашемъ флотѣ и тоже получилъ отставку. Убийца искалъ себѣ убѣжища у Французскаго посланника Жюинье, но тотъ ему отказалъ, а Корберонъ позволилъ ему переночевать у себя.

²⁾ Одна изъ Бемеровъ. П. Б.

его намѣреніи узнали изъ нешифрованного отвѣта Вержена маркизу Жюинье, что весьма неосторожно со стороны Версальской канцеляріи. Его дочь, Фрейлина, тоже испытала холодное обращеніе за то, что, привезя изъ Дармштадта письма къ покойной великой княгинѣ и заставъ ее мертвою или на смертномъ одрѣ, отправила письма обратно вмѣсто того, чтобы передать ихъ Государынѣ. Ты видишь, какому стѣсненію подвергается здѣсь свобода. Оно и неудивительно при подобномъ правительствѣ. Бауеры не хотятъ оставаться; они намѣрены уѣхать до конца года.

Суббота 1-го Февраля.

Я участвовалъ сегодня на Русскомъ обѣдѣ въ полномъ значеніи слова; это было у полковника Вяземскаго¹⁾; присутствовали только военные. Говорили о нашей службѣ и согласились, что въ Россіи она не пользуется достаточнымъ уваженіемъ въ сравненіи съ нашимъ. Чувство товарищества мало развито среди офицеровъ, потому что они могутъ, по желанію, переходить изъ полка въ полкъ, что ослабляетъ эту важную связь. Маленькій Нелединскій²⁾, немного захмѣлѣвъ, началъ съ жаромъ толковать о политикѣ и нравственности. Жаль, что этотъ молодой человекъ пристрастился къ безпутной жизни. Онъ читалъ со смысломъ, и голова у него не глупая; но онъ, вѣроятно, погибъ для общества и страны, потому что живетъ изо дня въ день и облачается умствованіями свое безпутство.

Вторникъ 25-го Февраля.

Генераль Бауеръ передавалъ Бемерамъ, что князь Орловъ много говорилъ обо мнѣ и очень хвалилъ за умное и тонкое поведеніе за все время немилости. Генераль Бауеръ самъ сказалъ мнѣ тоже и совѣтовалъ поѣхать къ князю Орлову.

Воскресенье 23-го былъ важный для меня день: я снова появился при дворѣ, хотя, ты чувствуешь самъ, другъ мой, что милость была вовсе ужъ не такъ велика. Я поѣхалъ туда съ маркизомъ Жюинье. Я услышалъ привѣтствія, комплименты, и только ихъ долженъ былъ и хотѣлъ я принимать, а потому, какъ только ихъ начинали произносить, я переставалъ ихъ слушать. Появилась Государыня. Я, по обыкновенію, поцѣловалъ у нея руку безъ всякой натянутости. Она, казалось, избѣгала моего взгляда, чтобы не смутить меня, либо чтобы скрыть свое замѣшательство. Послѣ я узналъ черезъ барона Сакена³⁾,

¹⁾ Это былъ, кажется, князь Андрей Ивановичъ, отецъ писателя. П. Б.

²⁾ Юрій Александровичъ. П. Б.

³⁾ Саксонскаго посланника. П. Б.

бывшаго мнѣ очень полезнымъ въ моемъ дѣлѣ, что въ первый разъ, какъ князь Орловъ заговорилъ обо мнѣ съ Государыней, она ему ничего не отвѣчала и даже, отведя глаза, заговорила съ другимъ. Всякій, кромѣ Орлова, не сталъ бы настаивать и даже, при подобныхъ обстоятельствахъ, перемѣнилъ бы разговоръ; но князь, наоборотъ, устремилъ на нее взглядъ, выражавшій холодъ, вниманіе и то превосходство, какое даетъ разумъ надъ слабостью. Эта рѣшительная оценка заставляла ее обратиться къ нему и вновь заговорить; онъ снова повелъ разговоръ о томъ же и добился того, что Государыня наконецъ сказала: „Ну, хорошо, все забыто. Онъ можетъ вернуться ко Двору“. Однако она написала графу Панину, спрашивая, не унижаетъ ли ее подобное возстановленіе въ правахъ. Министръ отвѣчалъ, что она окажетъ себѣ честь этимъ поступкомъ, и мое дѣло удачно закончилось. Этотъ поступокъ князя Орлова можетъ служить тебѣ для знакомства съ нимъ. Онъ человѣкъ открытый, прямой и честный; его твердость никогда не колебалась, у него есть характеръ. Если бы къ этому онъ прибавилъ знаніе государства и послѣдовательность въ дѣйствіяхъ, какъ это требуется въ его положеніи, онъ сталъ бы великимъ министромъ, онъ сталъ бы спасителемъ Россіи.

Вчера, въ 9 часовъ, поѣхалъ я къ князю Орлову. Онъ занимаетъ обширный дворецъ на набережной Мойки, на которой живу и я. Я вошелъ въ кабинетъ, полный народа; ждали пробужденія князя. Это настоящій дворъ, о какомъ и понятія не имѣютъ въ нашихъ Европейскихъ странахъ. Наши принцы крови, наши министры принимаютъ одѣтые и даютъ аудіенцію съ нѣкимъ уваженіемъ всегда подобающимъ публикѣ. Здѣсь Азіатскіе нравы сохранили еще нѣкую измѣненность восточнаго деспотизма, и каждое высокопоставленное лицо принимаетъ посѣтителей съ чванствомъ и холодностью; можетъ, это уже не столько высокомѣріе, какъ привычка. Князь вышелъ изъ своихъ покоевъ въ кабинетъ въ халатъ, растрепанный и съ длинною трубкою въ зубахъ. Его окружили, каждый кланялся; я тоже выдвинулся съ поклономъ, говоря, что былъ нѣсколько разъ и не заставалъ его. Онъ прервалъ мое проявленіе благодарности, взялъ за руку и сказалъ, что радъ былъ исполнить желаемое мною и готовъ служить во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда я захочу прибѣгнуть къ нему. Онъ сѣлъ въ кресло, велѣлъ завивать себѣ волосы, курилъ и продолжалъ разговоръ, который съ моей стороны былъ кратокъ. Поговоривъ съ другими, онъ приказалъ показать мнѣ его картины; когда меня повели, весь штатъ князя выстроился въ рядъ: такую власть на людей оказываютъ здѣсь милость и ея отблески. Я осмотрѣлъ картины, среди которыхъ отмѣтилъ нѣсколько

прекрасныхъ Фламандской школы, зашелъ на четверть часа къ князю и удалился довольный своимъ посѣщеніемъ. Вечеромъ князь уѣхалъ въ Москву; говорятъ, что онъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ Зиновьевой, и его поѣздка имѣетъ будто бы цѣлью примиреніе съ ея родными.

Графъ Андрей въ день своего отъѣзда изъ Петербурга ужиналъ у Нелединской, а такъ какъ они были за столомъ все трое, Нелединская, Матюшкина и онъ, то первая—въ отчаяніи. Онъ, ужиная, какъ оголодавшій, то настойчиво просилъ Матюшкину проводить его съ Нелединской до Екатерингофа и на выставляемая графиней затрудненія согласиться на его просьбу, заявилъ, что уѣдетъ одинъ и никого ему не нужно. Бѣдная Нелединская принуждена была усиленно просить Матюшкину согласиться, чтобы имѣть возможность хоть сѣдовать за нимъ, какъ она предполагала. Наконецъ поѣхали въ каретѣ Нелединской; графъ Андрей ни за что не хотѣлъ сѣсть съ нею рядомъ, а сѣлъ напротивъ Матюшкиной, пожелавшей, чтобы ее отвезли домой, что и было сдѣлано, причемъ на графа накинули шубу, чтобы спрятать его. Едва подъѣхали къ дому молодой графини, какъ графъ Андрей залился слезами, сталъ цѣловать ей руки, повторяя, что только ее покидаетъ онъ съ сожалѣніемъ, только о ней горюетъ и т. п. Можешь судить о состояніи бѣдной Нелединской! Однако, она всетаки проводила его до Екатерингофа, и это дѣйствительно была ея карета, которую я встрѣтилъ, возвращаясь вечеромъ отъ Сагена. Признаюсь, я никогда не могъ понять поведенія Андрея, ни какъ любовника, ни какъ человѣка, пользующагося успѣхомъ у женщинъ: въ первой роли онъ не выказалъ честности, во второй—ловкости. Но тщеславіе ослѣпило его и, думается мнѣ, что въ большинствѣ его поступковъ оно часто (даже, пожалуй, всегда) было главнымъ двигателемъ. Несомнѣнно, что годъ и чувствительность, если въ немъ ее столько, какъ я хотѣлъ бы думать, исправятъ его.

Вторникъ 4-го Апрѣля.

Я обѣдалъ сегодня у князя Щербатова съ Архаровымъ, Московскимъ полиціймейстеромъ. Его пріѣздъ сюда вызываетъ много предположеній; есть люди, думающіе, что онъ станетъ фаворитомъ Государыни. Баронъ Строгоновъ, котораго выслали изъ Парижа шесть мѣсяцевъ тому назадъ, умеръ въ Москвѣ, проломивъ голову при паденіи. Однимъ бесполезнымъ человѣкомъ меньше.

Пятница 7-го Апрѣля.

При Дворѣ былъ маскарадъ; я былъ на немъ. Явилось очень много народа посмотреть на Испанскую кадрили въ двѣнадцать паръ,

руководимую великимъ княземъ и его супругою. Костюмы были голу-бые и бѣлые: ничего новаго. Миѣ не было весело на этомъ маскарадѣ: стѣсненіе и принужденность, царившіе на немъ, отнимали всякое удо-вольствіе. Я былъ съ Шарлоттою и боялся, что, не смотря на маску, меня узнають. Мы провели съ полчаса у фрейлины Бемъ, которую устроили какъ кокетку, судя по обстановкѣ, состоявшей преимуще-ственно изъ дивановъ, алькововъ и т. п. Въ половинѣ перваго я уѣхалъ.

Пятница 18-го Апрѣля.

Эти дни мы были свидѣтелями весьма страннаго проигрыша судебного дѣла. Графъ Ефимовскій, вдовецъ, имѣлъ двухъ дочерей, одну замужемъ за графомъ Миннихомъ, другую фрейлину. Этотъ чело-вѣкъ умираетъ и оставляетъ обѣимъ дочерямъ, единственнымъ его дѣтямъ, свое состояніе поровну. По истеченіи шести мѣсяцевъ, одна крѣпостная, дочери которой дали вольную, бывшая наложница по-койника, затѣваетъ съ дочерью графа тяжбу, заявляя, что графъ былъ на ней женатъ и имѣлъ ребенка. Она выигрываетъ дѣло и лишаетъ наслѣдства обѣихъ дочерей графа Ефимовскаго. Государыня, которой дѣлали нѣсколько представленій по поводу этого дѣла, не хочетъ объ немъ ничего слышать.

Суббота 19-го.

Недостаточно имѣть солдатъ и богатство, надобно имѣть госу-дарственныхъ людей: надобно, чтобы было національное единеніе для процвѣтанія добродѣтелей, нравовъ, искусствъ и наукъ. Надо подумать о побудительныхъ началахъ прежде чѣмъ желать, чтобы машина пошла въ ходъ усиліями началъ, правилъ и соразмѣрности. Въ этомъ гро-мадномъ государствѣ я вижу только Государыню, женщину выше своего пола, но ниже созданнаго о ней мнѣнія; министры слабы, низкопоклонны, безъ генія, народъ—рабъ безъ характера и энергіи, великіе замыслы честолюбія и негодные приемы, чтобы выполнить ихъ и вызывать къ жизни. Кидая взгляды въ будущее, я вижу въ немъ наслѣдника престола, слабого, безъ характера, безъ генія, безъ возвы-шенности и горячности души, которыми вызываются сильныя страсти и великіе таланты. Поверхностный умъ и самолюбіе плохо выберутъ ему людей, какъ теперь заставляютъ его дурно распредѣлять свое довѣріе и слабо желать державства. Да и какъ выберетъ онъ искус-ныхъ министровъ, просвѣщенныхъ людей? Пустая, праздная и необра-зованная молодежь не дастъ надежды на полезныхъ и цѣнныхъ поддан-ныхъ въ будущемъ. Нѣсколько проблесковъ ума, нѣсколько поверхно-стныхъ знаній могутъ поразить иностранца въ обществѣ, бѣгло его посѣщающаго; но при близкомъ знакомствѣ вы не остановитесь ни

на одной чертѣ силы или генія, ни на одномъ рѣшительномъ дѣйствіи, ни на одномъ твердо усвоенномъ вкусѣ, ни на одномъ опредѣленномъ и послѣдовательномъ поступкѣ: это люди (какъ сказалъ бы графъ Нессельроде) съ прекрасными воротничками и безъ рубашки. Если вы будете искать въ искусствахъ и наукахъ восполненія того, чего не достаетъ въ другихъ сторонахъ жизни, вы снова останетесь неудовлетвореннымъ: правда, существуютъ академіи, но нѣтъ таланта въ головахъ, нѣтъ крѣпкихъ началъ для основы; много мастеровъ, промышленности—и мало производства. Вотъ, другъ мой, какова эта блестящая нація, изумительная по газетамъ и такая бѣдная, какъ только вы видите ее у себя дома. Бѣдная тѣмъ, что знаменуетъ собою шагнувшую впередъ и зрѣлую эпоху, но несомнѣнно богатая пространствомъ, населеніемъ, качествомъ руды, свойствомъ земли, если бы только она не хотѣла казаться старше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ и не воспріяла бы разнузданную и суетную роскошь, которая погубитъ ее еще вѣрнѣе тѣмъ, что сама она не умѣетъ производить предметы этой ненасытной роскоши, которая, развращая ее, дѣлаетъ ее, мимо ея воли, данницею чужихъ націй.

Вотъ объ этомъ и хочу я писать Верженю; хочу доказать ему, что мои изслѣдованія не остановились только на людяхъ, меня окружающихъ и что я начинаю хорошо знать людей, съ которыми буду имѣть дѣло, если обстоятельства поставятъ меня здѣсь во главѣ дѣла.

Понедѣльникъ 28-го Апрѣля. Ему же.

Долженъ рассказать тебѣ объ остроуміи Бецкаго. Кто-то выразилъ ему сожалѣніе о томъ, что великая княгиня не имѣетъ дѣтей и приписываютъ это слишкомъ пылкому темпераменту, подобно тому, какъ многія молодыя женщины начинаютъ родить только съ годами. Великій Бецкій предложилъ безошибочное средство: вылить стаканъ ледяной воды на супруговъ на ихъ ложѣ наслажденій. Ты применишь это за дурную шутку стараго развратника, но если бы ты зналъ его, какъ я его знаю, ты увидалъ бы въ этомъ совѣтѣ проявленіе его генія. И это человѣкъ, стоящій во главѣ всѣхъ высшихъ учреждений Россіи, намѣчающій планы воспитанія молодежи обоюго пола, человѣкъ, проводящій ежедневно по два часа въ ученой бесѣдѣ съ Государыней и ея избранный чтець!

Со дня на день ждемъ мы ледохода на Невѣ. Задержка всегда пагубна для жителей столицы. Не взирая на грозящую опасность при переходѣ рѣки, постоянно видишь несчастныхъ, становящихся жертвою

своей вѣры въ святителя Николая, во имя котораго тонетъ много народа. Я спрашивалъ, почему не поставятъ часовыхъ на берегу этой губительной рѣки. Мнѣ отвѣчали, что раньше такъ и было, но этимъ учащались несчастные случаи, такъ какъ простонародье побуждалось искать удаленныя мѣста для перехода. Этотъ доводъ не показался мнѣ убѣдительнымъ; думается, что предосторожности, сопровождаемая налагаемымъ наказаніемъ за нарушеніе приказа, вырвали бы нѣсколько жертвъ буйности, привычки и того ложнаго чувства чести, которое несчастные полагаютъ въ презрѣніи опасностей. Развѣ нельзя натянуть сѣти и спасательными приборами спасти хоть нѣсколько человѣкъ? Впрочемъ это было бы слишкомъ просто, оно выразило бы только негласное человѣколюбіе, а мы хотимъ извѣстности и блеска. Вспомни, что мы въ Россіи и подъ управленіемъ женщины.

Воскресенье 1-го Іюня. Ему же.

На этихъ дняхъ показывали мнѣ портреты, писанные Русскимъ. Мятлевымъ. Они довольно хороши для иностранца. Этотъ Мятлевъ— молодой человѣкъ, не лишенный ума. Меня предупреждали, что онъ фальшивъ, и я могу этому повѣрить, судя по тому, что говорилъ мнѣ генералъ Мелиссино. Онъ хотѣлъ его посорить съ Кошелевымъ, однимъ изъ его друзей, изъ зависти, такъ какъ Мелиссино оказывалъ предпочтеніе Кошелеву. Сей послѣдній велъ себя прѣкрасно и выказалъ прямоту, которая внушаетъ мнѣ къ нему довѣріе.

Князь Потемкинъ предполагаетъ учредить въ Петербургѣ и другихъ главныхъ городахъ кадетскіе корпуса для солдатскихъ дѣтей; они будутъ поставлены въ армію образованныхъ нижнихъ офицерскихъ чиновъ, въ чемъ чувствуется недостатокъ. Этотъ проектъ можетъ быть очень полезенъ здѣсь, гдѣ солдаты совсѣмъ безграмотны. Мелиссино поручено разработать этотъ планъ, и я постараюсь достать уставъ учрежденія. Намѣреваются также основать казацкій корпусъ. Мнѣ хочется имѣть уставы всѣхъ учрежденій Екатерины II-й.

Понедѣльникъ 2-го Іюня. Ему же.

Пріѣздъ Шведскаго короля произвелъ впечатлѣніе. Говорятъ, къ нему назначены два камергера и т. д. А между тѣмъ онъ пріѣзжаетъ инкогнито. Государыня не особенно довольна пріѣздомъ, такъ какъ онъ сопряженъ съ издержками, а дамочка становится нѣсколько скаредною.

Вчера прибылъ въ Петербургъ Голландскій торговый корабль о трехъ мачтахъ. Такъ какъ онъ тутъ въ первый разъ, то салюто-

валь адмиралтейство четырьмя пушечными выстрѣлами. Когда онъ бросилъ якорь, ему отвѣчали тремя, на которые онъ выстрѣлилъ еще разъ въ знакъ благодарности.

Говорять о помолвкѣ княжны Трубецкой съ графомъ Менгденомъ, молодымъ Ливонцемъ.

Я ужиналъ у Щербатовыхъ и завелъ разговоръ о морскихъ приготовленіяхъ въ Кронштадтѣ. Мнѣ сказали, что это къ пріѣзду Шведскаго короля: думаютъ, впрочемъ, что готовятся въ Архипелагъ.

Вторникъ, 3-го Іюля. Ему же.

Мы ѣздили кататься на Каменный островъ, прелестное мѣсто, принадлежащее великому князю. Онъ велѣлъ построить большую галерею для танцевъ съ нѣсколькими комнатами, среди лѣса. Большая зала убрана со вкусомъ: стоящія у стѣнъ въ лѣпныхъ кадкахъ пальмы производятъ хорошее впечатлѣніе. Въ обоихъ концахъ залы четыре маленькихъ каминъ съ зеркалами. Все устроено съ большимъ вкусомъ. Мы вернулись вечеромъ на лодкѣ, какъ и ѣздили туда, и провели день весьма пріятно.

Среда 4-го Іюня. Ему же.

Несчастная Протасова *), фрейлина Государыни, говорятъ, сошла съ ума: дѣйствительно, она въ мрачномъ настроеніи, напоминающемъ сумасшествіе. Есть люди, думающіе, что это отъ зависти и любви къ князю Орлову, который женится на ея двоюродной сестрѣ Зиновьевой.

Понедѣльникъ, 9-го Іюля. Ему же.

Государыня обѣдала на островахъ, въ палаткѣ Потемкина, который велѣлъ построить на этомъ мѣстѣ залу à la cosaque. Этотъ фаворитъ, пользующійся въ данное время милостью и играющій роль г-жи Помпадуръ въ послѣдніе годы ея жизни при Людовикѣ XV, представилъ ей нѣкоего Зорича, гусарскаго маіора, котораго сдѣлали полковникомъ и инспекторомъ всей легкой кавалеріи. Этотъ новый фаворитъ обѣдалъ съ нею. Говорять, что онъ получилъ 1800 душъ за первую пробу. Послѣ обѣда Потемкинъ пилъ здоровье Государыни и сталъ передъ нею на колѣни. Выйдя изъ за стола, она поскитала фарфоровой заводъ съ очень веселымъ и даже развязнымъ видомъ: говорятъ, что дамочка была пьяна. Въ мастерской находился одинъ Французскій рабочій и еще другой, вновь прибывшій, также Французъ, но который, не имѣвъ

*) Протасова, родившаяся въ 1744 году, дочь сенатора и двоюродная сестра Орловыхъ, главная камеристка и повѣренная Екатерины II. Ей поручено было воспитаніе нѣкоей дѣвочки Алексѣевой, слывшей за дочь Государыни и Григорія Орлова. Она сохранила милость своей госпожи до самой смерти послѣдней.

времени сдѣлать на показъ модель, не хотѣлъ попадаться на глаза Государынѣ; изъ своей комнаты черезъ дверь онъ видѣлъ ея величество и слышалъ слѣдующій разговоръ. Одинъ князь изъ свиты (это могъ быть только Репнинъ, судя по описанію) взялъ еще мягкую вазу и, сдвинувъ, придалъ отверстію овальную форму. Въ такомъ видѣ поднесъ онъ ее на глазахъ у фрейлинъ Государынѣ и спросилъ, на что она похожа. Она тотчасъ отвѣчала: „На три вещи: на ночной горшокъ, на чепчикъ или 24.99.300.30.50.11.60.30“. Потомъ, обернувшись какъ бы съ изумленіемъ, произнесла тише, но явственно: „70.60.300.81.68.66.95.99“. Французскій рабочій, лѣпившій ту вазу, взялъ ее обратно и спросилъ, что ему съ нею сдѣлать. Тотъ же князь сказалъ Государынѣ: „Что прикажете ему ваше величество?“—„Ну что же, отвѣчала она; такъ какъ онъ сдѣлалъ 300.30.5.11.60.30.70, остается сдѣлать 300.30.18.64.81“. Это предложеніе заставило разсмѣяться, и ты можешь предположить, что оно не было приведено въ исполненіе. Человѣкъ, слышавшій эти шутки собственными ушами, рассказалъ Комбу, а тотъ мнѣ. Не знаю, посоветовалъ ли ему Комбъ держать языкъ за зубами: я бы этого желалъ, иначе его могутъ заставить совершить путешествіе на Сѣверъ страны. Я сообщаю тебѣ о происшедшемъ тайными путями моего дневника, который ты прочтешь только со мною, и ты понимаешь, почему.

Воскресенье. 15-го Июля. Ему же.

Сегодня пріемъ въ Лѣтнемъ саду или вѣрнѣе въ Лѣтнемъ дворцѣ. Государыня пріѣхала изъ Царскаго Села на праздникъ Измайловцевъ. Въ подобные дни она появляется въ полковомъ мундирѣ, обѣдаетъ публично съ офицерами всего полка и сама подноситъ имъ чарки. Послѣ того, какъ мы поцѣловали ей руку и представили молодого графа Потѣцкаго и Англичанина, имя котораго мнѣ неизвѣстно, она дала частную аудіенцію графу Кауниццу, министру императора, пріѣхавшему замѣститъ князя Лобковича. Новый министръ молодъ, подвиженъ, маленькаго роста, но очень богатъ и щедръ. Говорятъ, его отецъ, министръ въ Вѣнѣ, прислалъ ему 30.000 рублей на обстановку. Онъ, слышно, очень уменъ.

Я вернулся отъ Двора съ графомъ Нессельроде, который обѣдалъ у маркиза Ююнье. Онъ увѣряетъ, будто князь Бѣлозерскій возвращается изъ Дрездена, куда не можетъ больше вернуться, надѣлавъ тамъ долговъ и много гадкихъ и низкихъ дѣлъ*). Нессельроде узналъ эту новость отъ одного бригадира, что придаетъ, якобы, достовѣрность.

*) Это князь Андрей Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, не оставившій мужскаго потомства. П. Б.

Маркизь не былъ на пріемѣ изъ за лиходарки. Онъ спросилъ Комба, цѣловаль ли я руку Государынѣ, тотъ отвѣчалъ: да; спросилъ еще, не освѣдомлялась ли она у меня о немъ. Комбъ отвѣчалъ, что не думаетъ; это его огорчило.

Послѣ обѣда совершили прогулку въ Екатерингофъ, какъ перваго числа этого мѣсяца; Государыня заѣхала туда по дорогѣ въ Царское Село. Было множество народа.

Шведскій король, или графъ Готландскій, прибылъ сегодня въ десять часовъ утра въ Петербургъ. Его яхта передъ нашими окнами: она ничего собою не представляетъ. Онъ оставилъ ее въ Ораніенбаумѣ и пріѣхалъ въ экипажѣ съ барономъ Нолькеномъ. Сегодня вечеромъ долженъ ѣхать въ Царское Село.

Четвертъ, 19-го Іюля.

Я узналъ, что Завадовскій, бывшій фаворитъ Государыни въ низшихъ чинахъ, получилъ отъ ея величества 50.000 рублей, 5.000 пенсіи и 4.000 душъ въ Украинѣ, гдѣ онъ стѣять дорого. Сознайся, другъ мой, что это ремесло здѣсь выгодно. Недавно получилъ онъ ленту, но далъ понять, что его состояніе недостаточно, чтобы поддерживать свое званіе; кажется, его поняли. Я не могу представить, чтобы богатства Государыни могли пополнять все, что она тратитъ. Еще недавно дала она 36.000 р. Сиверсу, Новгородскому губернатору, въ уплату его долговъ, и думаютъ, что онъ получитъ еще 36.000 р. Княгиня Бѣлозерская сочеталась вчера бракомъ въ Царскомъ Селѣ съ иѣккимъ Салтыковымъ въ присутствіи Шведскаго короля. Завтра или послѣ завтра состоится свадьба дѣвницы Алымовой съ Рѣжновскимъ*), президентомъ Медицинской Коллегіи.

Шведскій король пользуется здѣсь успѣхомъ; его находятъ любезнымъ, и по праву. Инкогнито помогаетъ ему маскировать царственное величество остроумной любезностью частнаго лица. Два дня тому назадъ былъ онъ съ барономъ Нолькеномъ у графа Чернышева. Баронъ, будучи близорукъ, заставилъ графиню дважды повторить фразу, обращенную къ нему; на это нашъ графъ Готландскій, шутя, замѣтилъ: „Сударыня, король Шведскій, какъ мнѣ кажется, послалъ къ вамъ министра, который глухъ и слѣпъ“. Эта легкая шутка вызвала смѣхъ и очень понравилась со стороны властелина. Мнѣ очень хочется узнать его, потому что этого сорта люди рѣже и труднѣе бываютъ добры; думаю, что буду представленъ ему завтра.

*) Т. е. со Ржевскимъ. Это Глафира Ивановна. Записки ея въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 г. кн. 1-я. II. Б.

Пятница 20-го Іюня.

Сегодня утромъ должны мы были ѣхать къ Шведскому королю; онъ вернулся изъ Царскаго Села только послѣ обѣда и пока мы ждали увѣдомленія, что онъ зримъ, онъ пріѣхалъ самъ со своимъ министромъ Нолькеномъ къ маркизу Жюинье и оставался четверть часа. Маркизь говорилъ мнѣ, что онъ очень прямъ и когда маркизь заговорилъ о принятыхъ имъ на себя обязательствахъ, король отвѣчалъ ему: „Если намѣченъ планъ, надо ему слѣдовать; впрочемъ у меня есть великій примѣръ, отъ котораго я не хочу уклоняться“. Онъ, вѣроятно, подразумѣвалъ императора, путешествующаго съ большой простотою.

Шведскій король ужиналъ сегодня у графа Ивана Чернышева; было десять дамъ и двадцать мужчинъ, я же былъ у Бемеровъ. Маіоръ Перре былъ тамъ. Онъ ушелъ изъ дворянскаго кадетскаго корпуса по интригамъ, которыхъ здѣсь больше, чѣмъ гдѣ либо. Расскажу тебѣ въ двухъ словахъ исторію Перре, и ты будешь судить самъ. Въ концѣ 1775 года маіоръ Перре, пріѣхавъ изъ Крыма, гдѣ онъ честно сражался вмѣстѣ съ Русскими, былъ предложенъ Рибасомъ Бецкому въ качествѣ маіора къ кадетамъ-дворянамъ. Послѣдовало согласіе, и онъ былъ принятъ въ началѣ 1776 года. Черезъ годъ Рибасъ, большой негодай, испугался присутствія Перре, признаннаго за очень честнаго человѣка, и далъ понять Бецкому, что надо удалить этого человѣка. Затрудненіе состояло въ томъ, чтобы сдѣлать это приличнымъ образомъ. Перре предложили добровольно подать въ отставку, и Бецкій обѣщалъ ему чинъ полковника или по крайней мѣрѣ значительное вознагражденіе. Перре принялъ условія и сталъ ждать. Однако ничего не исполнилось, а Перре подчеркнули, чтобы онъ немедленно подавалъ въ отставку. Онъ потребовалъ выполненія условій, заключенныхъ съ нимъ, но не могъ заставить себя выслушать и, не принимая во вниманіе ни его поведенія, ни его достоинствъ, ни обѣщаній, данныхъ ему, его просто отставили. Ты понимаешь, что онъ не сложилъ рукъ; онъ составилъ докладную записку военному министру, князю Потемкину, въ которой проситъ справедливости по поводу дѣйствія, учиненнаго надъ нимъ, указываетъ на темныя дѣянія Рибаса, разоблачаетъ нравственныя начала и правила сего послѣдняго, прилагая записку, полученную имъ отъ Рибаса въ то время, какъ кадеты перваго класса должны уходить въ отпускъ. Въ этой запискѣ говорится, что онъ возьметъ ихъ къ себѣ и научитъ ихъ пускать пыль въ глаза. Эта записка, приложенная къ его докладу, должна произвести непріятное впечатлѣніе для Рибаса; но и нужно этого желать, потому что этотъ несчастный (игрокъ, мошенникъ, низкій, подлый, лживый и т. п.)

становится, съ уходомъ Перре, старшимъ и единственнымъ начальникомъ кадетъ, воспитаніе которыхъ, слѣдовательно, ввѣряется подобному человѣку *). Ты можешь судить о справедливости такого перемѣщенія. Поступки, въ которыхъ я обвиняю Рибаса, извѣстны въ Кадетскомъ корпусѣ, и я знаю нѣсколькихъ человѣкъ, не пожелавшихъ оставаться тамъ послѣ беспорядковъ, свидѣтелями которыхъ они были и въ которыхъ не захотѣли быть участниками.

Суббота 21-го Іюня.

Наше посѣщеніе Шведскаго короля снова отложено до завтра. Онъ обѣдаетъ сегодня за городомъ у оберъ-италмейстера Нарышкина съ Государынею, великимъ княземъ и великой княгиней. Ея величество обходится съ нимъ прекрасно; она спросила его, сколько времени можетъ онъ остаться съ нею. Онъ отвѣчалъ: „Насколько возможно долго и все же несоответственно съ моимъ желаніемъ“. Наконецъ, послѣ любезностей, онъ сказалъ, что пробудетъ три недѣли. „Я рассчитывала, что вы удѣлите мнѣ два мѣсяца“, возразила Государыня.—„Это невозможно, и вы не одобрите меня, если я останусь дольше“.—„Какъ, ни одного дня, ни двухъ дней, ни одного часа лишняго?“ Она всегда называетъ его „ваше величество“, обращаясь къ нему прямо, но въ разговорѣ о немъ, въ его присутствіи, говоритъ: графъ Готландскій. Шведскій король играетъ свою роль любезно и весело. Нѣсколько дней тому назадъ, беря карту для игры въ вистъ съ Государыней, онъ вынулъ короля. Государыня сказала: „Ваше величество, садитесь на мѣсто“.—„Величество трюфное“ возразилъ онъ, смѣясь и показывая карту. Подобныя шутки выходятъ удачными и служатъ къ умѣренію невыносимой натянутости сошедшихся двухъ величествъ. Русскіе любятъ его за вѣжливость; иные предполагаютъ въ немъ замыслы, и недавно говорили между собою за ужиномъ: „Онъ пріѣхалъ сюда посмотреть, не можетъ ли чего получить обратно и если достигнетъ своего, будетъ правъ, и мы не будемъ сердиться. Этотъ властелинъ лучше нашей Государыни“. Эти толки, вѣрные или лживые, исходятъ больше отъ Ливонцевъ, нежели отъ Русскихъ; но я передаю тебѣ то, что мнѣ говорили; и ты самъ разберешься, что можно принять, а что откинуть изъ всѣхъ этихъ сплетенъ. Но все же предполагаютъ, что Шведскій король пріѣхалъ сюда для нѣкоторыхъ соглашеній. Іюинье подъ великимъ секретомъ сказалъ мнѣ, что король своимъ пріѣздомъ хочетъ сгладить дурное впечатлѣніе, которому Государыня поддастся

*) Читатель вспомнитъ, какъ въ началѣ своихъ Записокъ Корберонъ расхваливалъ Рибаса. Н. Б.

по отношенію къ нему. Я не думаю, чтобы это было достаточной причиною, заставившей его предпринять путешествіе сюда. Политика Жюинье не дальнорюка, а его тайныя сообщенія еще менѣе, но я вовсе не вѣрю имъ.

Свадьба князя Орлова, говорятъ, состоялась. Вѣнчаніе произошло въ Понедѣльникъ въ деревнѣ. Князь заставилъ своихъ крестьянъ плясать, пить, далъ каждому по рублю и сказалъ: „Ребята веселитесь во всю, вы все же не такъ счастливы, какъ я: у меня—княгиня“. Способъ, которымъ онъ объявилъ о своей женитьбѣ Государынѣ, весьма странный и свойствененъ только ему. Онъ развязно вошелъ къ ней, пустилъ передъ собою маленькую хорошенькую собачку. „Чья это собака?“ спросила Государыня. „Моей жены“, отвѣчалъ князь просто. Подобная причудливая манера объявлять своей Государынѣ о женитьбѣ, вызывавшей столько противорѣчій, подходитъ къ князю Орлову, который всю свою жизнь былъ человѣкомъ незауряднымъ. Нѣкоторые Русскіе сильно этимъ покороблины, но въ концѣ концовъ они его одобряютъ, потому что люди этой націи не обладаютъ свойствомъ имѣть твердыя убѣжденія. Пытаются говорить, что народъ будетъ возмущенъ, что особенно въ Москвѣ онъ не можетъ показываться безъ личной опасности. Я этого не думаю. Шведскій король долженъ испросить у Государыни милость къ супругамъ; она согласится, такъ же какъ и Синодъ, и княгиня Орлова, прощенная, станетъ придворною дамою съ орденомъ Св. Екатерины.

Я говорилъ тебѣ объ отставкѣ Завадовскаго. Онъ получилъ, какъ сказано раньше, 50.000 р., 5.000 пенсій, 4.000 душъ въ Украинѣ и сверхъ того 40.000 р. для уплаты долговъ и серебряный столовый сервизъ. Дуракъ, говорятъ, рвалъ на себѣ волосы.

Бывшій фаворитъ Васильчиковъ былъ также не забытъ. Недѣли три тому назадъ, собираясь путешествовать, онъ простился съ Государыней, которая тотчасъ написала Панину повидать Васильчикова и сказать ему, что, будучи огорчена его отъѣздомъ, она хочетъ дать ему что нибудь въ знакъ своей дружбы, и онъ можетъ выбрать или орденъ или повышеніе въ чинѣ. Графъ Панинъ исполняетъ порученіе и спрашиваетъ его отвѣта. „Я дамъ его лично“, отвѣчалъ Васильчиковъ. Тотчасъ же ѣдетъ онъ въ Царское Село и является къ Государынѣ, которая, удивленная его быстрымъ возвращеніемъ, спрашиваетъ, говорилъ ли съ нимъ графъ Панинъ. „Да, Государыня, и я явился самъ для отвѣта“.—„Ну скажите мнѣ откровенно, что вы

предпочитаете?“—„Ваше императорское величество осыпали меня почестями и благодареніями; я желалъ бы получить какое нибудь лестное отличіе, могущее украсить меня за границею, куда я ѣду“.—„Ну хорошо (надѣвая ему Аннинскую ленту), вы повыситесь, сверхъ вашего желанія, на два чина“. Можно ли, другъ мой, вложить больше граціи въ свои благодаренія? Это талантъ женщинъ и Государыни въ особенности.

Не думаю, чтобы ея сынъ и невестка унаслѣдовали отъ нея обаяніе ея. Великій князь, говорятъ, странно смущается съ Шведскимъ королемъ; а его супруга, которая не умна, вертится постоянно вокругъ него, а только и умѣетъ сказать: „Графъ, какъ вы здѣсь поживаете? Нравится ли вамъ климатъ Россіи?“ и т. п.

Говорилъ ли я тебѣ, что теперь у Государыни пять новыхъ адъютантовъ? Зоричъ, Левашовъ, Уваровъ, князь Меншиковъ и Энгельгардтъ? Этотъ пріемъ не такъ дорого стѣитъ, какъ отставка фаворитовъ. Я думаю, что эти отставные не особенно пріятны великому князю; денегъ, говорятъ, не хватаетъ, и мать даетъ ему немного. Меня увѣряютъ, что Бецкій водилъ Шведскаго короля къ госпожѣ Рибасъ. Затрудняюсь повѣрить; но пожалуй, оно могло быть.

Вторникъ 24-го Іюня. Событія, другъ мой, могутъ стать весьма любопытными: графъ Панинъ уходитъ, и онъ сказалъ кому-то, говоря о своихъ безплодныхъ докладахъ: „Подождите, дѣла не могутъ оставаться въ подобномъ положеніи“. Дѣйствительно, всѣ при дворѣ недовольны; великій князь, нуждающійся въ деньгахъ, огорчается непомѣрными подарками фаворитамъ; его полкъ уходитъ въ лагерь, и это удобное время для государственнаго переворота; но нужно, чтобы его хорошо обдумалъ и выполнилъ человекъ съ головою. Здѣсь только князь Репнинъ, могущій выполнить это. Онъ тоже въ числѣ недовольныхъ.

27 и 28 Іюня. Вчера Императрица возвратилась изъ Петергофа для пріема Крымскихъ Татаръ. Публичная аудіенція происходила въ залѣ на лѣво отъ той, гдѣ цѣлуютъ руку. Государыня была на тронѣ; за нею фельдмаршалъ Румянцовъ. Вечеромъ маркизъ Юшнне и я подписали брачный контрактъ Фальконета-сына и дѣвicy Колло. Говорятъ, что онъ уже былъ женатъ въ Англіи.

Суббота 28-го Іюня. Я не знаю, чего желать, получить ли мѣсто или остаться здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ; но послѣднее только при условіи 30.000 ливровъ жалованья. Жалованье секретаря Прусскаго посольства, который оплачивается меньше всѣхъ и не пользуется

такимъ общественнымъ положеніемъ, какъ я,—400-500 р. въ мѣсяцъ; а когда онъ къ тому же повѣренный въ дѣлахъ, то получаетъ 100 р. въ мѣсяцъ отъ двора и столько же отъ своего министра, что составляетъ приблизительно 3.000 р. и не обязываетъ его ни къ какому представительству. Сабатье, державшій домъ на довольно широкую ногу, но жившій просто, получалъ отъ 10.000 до 12.000 р. Правда, хотя онъ и былъ здѣсь только повѣреннымъ въ дѣлахъ, но одновременно и министромъ королевскимъ въ Льежѣ, совмѣщая обѣ должности¹⁾. Гютель²⁾, съ которымъ я говорилъ о его мѣстѣ и вознагражденіи, сказалъ мнѣ, что, будучи секретаремъ посольства при дворѣ, онъ не имѣлъ патента, и объ немъ только упоминается въ письмѣ къ министру. Прусскій король, по его словамъ, почти всегда составляетъ самъ депеши, и его министры при иностранныхъ дворахъ посылаютъ депеши ему непосредственно. Часто, когда онъ составляетъ шифрованную депешу, то пишетъ собственноручное *post-scriptum*, открывающее шрифтъ и имѣющее иногда болѣе важное значеніе, нежели сама депеша. Выборъ министра происходитъ слѣдующимъ образомъ: онъ требуетъ, чтобы ему представили на освободившееся мѣсто трехъ человѣкъ, бесѣдуетъ съ ними нѣкоторое время и выбираетъ по своему усмотрѣнію, затѣмъ помѣщаетъ на двѣ недѣли вблизи себя новаго министра, дабы изучить его характеръ, обращеніе, однимъ словомъ, чтобы узнать человѣка. Если послѣдній вернулся изъ чужихъ краевъ, таже процедура; но экзамень уже болѣе строгій. Онъ спрашиваетъ его обо всемъ, о мельчайшихъ случаяхъ, равно какъ и о важныхъ дѣлахъ, и надо быть очень осторожну, отвѣчать на вопросы прямо, не сухо, но и не длинно, потому что онъ не любитъ ни болтуновъ, ни людей ограниченныхъ. Мнѣ очень нравится этотъ образъ дѣйствій Прусскаго короля; сознайся, что пріятно служить непосредственно просвѣщенному государю, работающему лично, а не чрезъ своихъ министровъ.

Воскресенье 29-го Июня. Я ѣздилъ сегодня въ Петергофъ, гдѣ былъ раутъ: остановился въ двѣнадцати верстахъ пообѣдать у Спиридовыхъ. Меня много разспрашивали, что я дѣлаю, почему меня не видно; я отвѣчалъ, что причиною болѣзнь Жюлье. Снова въ путь я двинулся въ четыре часа, чтобы проѣхать оставшіяся восемнадцать верстѣ. Раутъ былъ многолюденъ и скученъ; танцовали. Шведскій король игралъ въ карты съ Государыней; на ней была лента Серафима, на немъ—Св. Андрея. Графъ Шёпферъ, кажется, пользуется здѣсь успѣхомъ; въ немъ находятъ много ума. Государыня отозвалась объ немъ

¹⁾ О Запискахъ Сабатье-де-Кабра см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 года. П. Б.

²⁾ Секретарь Прусскаго посольства. П. Б.

съ похвалою и не нашла его такимъ сумрачнымъ, какъ ожидала. Онъ весель и любезенъ въ бесѣдахъ. Ему указали на г-жу Талызину, толстую женщину, бывшую любовницу графа Панина и сохранившую съ нимъ пріятельскія отношенія. „Это дѣлаетъ честь старому министру, сказалъ графъ Шёпферъ, у меня не хватило бы добродѣтели“.

Я не хотѣлъ танцовать, потому что былъ въ формѣ. Послѣ раута я вернулся къ Спиридовымъ съ пажемъ и морякомъ. Они мнѣ сказали, что ожидаютъ праздника во флотѣ въ день отъѣзда Шведскаго короля. Спиридовъ пригласилъ меня на будущей недѣлѣ на свой корабль въ Кронштадтѣ; на немъ находится любопытный паровой насосъ; говорятъ, онъ стоилъ 70.000 р., и требуется на три тысячи угля, чтобы привести его въ дѣйствіе.

Великій князь много занимается своимъ полкомъ. Сей послѣдній въ Царскомъ Селѣ и производитъ удачныя маневры. Онъ ѣздитъ туда каждую недѣлю и выѣзжаетъ изъ Петергофа въ три часа утра. Встаетъ онъ обыкновенно въ пять и ложится въ девять. Я слышалъ это отъ него самого въ разговорѣ его съ графомъ Ласси, который, какъ кажется, хорошо принятъ при дворѣ, не смотря на злословія на его счетъ, которыя передавалъ мнѣ, со словъ графа Панина, князь Шимей ¹⁾). Правда, Ласси обладаетъ свѣтскимъ умомъ и большой легкостью вести разговоръ.

Понедѣльникъ 21-го Іюля. Пребываніе Шведскаго короля произвело здѣсь большое впечатлѣніе. Его любезность, его вѣжливое обхожденіе пріобрѣли ему приверженцевъ въ странѣ, гдѣ цѣнятся только внѣшности. Думаю, что въ сущности онъ вовсе не такъ совершененъ, какимъ его воображаютъ. Думаю, что въ немъ мало ума, твердаго, основательнаго и глубокаго, необходимаго для властелина, а какъ человекъ—онъ не въ моемъ вкусѣ. Его чествовали многіе изъ здѣшнихъ вельможъ. Ему давали много обѣдовъ и ужиновъ. Ласси и Юинье единственные иностранные министры, имѣвшіе съ нимъ сношенія. Ласси былъ въ Швеціи и пользовался тамъ лестнымъ приемомъ; онъ былъ даже, вмѣстѣ съ Верженемъ, посвященъ въ тайну революціи ²⁾).

Государыня сдѣлала богатые подарки Шведскому королю. Обратили вниманіе на трость, набалдашникъ которой, покрытый брилліан-

¹⁾ Знатный Испанецъ. П. Б.

²⁾ Т. е. переворота, благодаря которому Густавъ III-й сдѣлался самодержавнымъ. П. Б.

тами, и шнуръ изъ большихъ жемчужинъ съ застежкой изъ драгоценныхъ камней (оцѣниваются ювелиромъ въ 65.000 р.), затѣмъ—орденскій крестъ, который носитъ или носила Государыня, и шуба въ 15.000 р. Онъ выписалъ изъ Швеціи самый лучший, говорятъ въ Европѣ рубинъ; не знаю, какова его стоимость.

На слѣдующій день, Понедѣльникъ, 14-го, я былъ съ прощальнымъ визитомъ у короля, который уѣхалъ изъ Петербурга въ одиннадцать часовъ. Въ Среду, 16-го, онъ незамѣтно скрылся изъ Петергофа послѣ ужина, не откланявшись Государынѣ, и отплылъ на своей яхтѣ въ Ораніенбаумъ, откуда написалъ Екатеринѣ II. Она послала къ нему Зорича (фаворита въ данное время) съ пожеланіями счастливаго пути. Король украсилъ посланца большою лентою Меча. Онъ роздалъ много подарковъ. Домашневъ, президентъ Академіи, получилъ малую ленту Вазы.

Воскресенье 21-го Сентября. Я пошелъ спать вчера въ одиннадцать часовъ: вѣтеръ, за которымъ я слѣжу со времени ожиданія корабля Гарриса и бумагъ, которыя онъ привезетъ, былъ свѣжъ и благопріятенъ. Ложусь съ сладкою надеждою скорѣ увидать желаемый корабль и засыпаю. Въ четыре часа утра просыпаюсь отъ криковъ матросовъ и страшнаго урагана. Комбъ входитъ въ одной рубашкѣ съ плачевнымъ видомъ человѣка, готовящагося къ висѣлицѣ. „О Боже! Какое ужасное несчастье. Вставайте, вставайте“. Хотя я и не былъ склоненъ вѣрить несчастью, всеже встаю и вижу въ окно, что на дворѣ ходятъ по поясъ въ водѣ. Иду въ кабинетъ, выходящій окнами на Неву, на Галерную и не вижу ничего, кромѣ бѣшущаго моря. Волны ударяли въ домъ, содрогавшійся подъ ударами урагана и воды. Множество лодокъ сталкивались одна съ другою и разбивались. Юго-западный вѣтеръ гналъ съ ужасающей силою воду залива и вкатывалъ волны въ Неву, такъ что вода въ ней поднялась на десять-двѣнадцать футовъ выше обычнаго уровня. Этому наводненію предшествовало необычайное движеніе барометра, опустившагося внезапно на нѣсколько линій и дошедшаго до 29°. Въ это мгновеніе, говорятъ, замѣтили въ водѣ какъ бы кипѣніе. Одинъ негоціантъ видѣлъ у себя на Васильевскомъ острову, какъ среди двора забила изъ земли вода. Это наводненіе оказалось еще болѣе ужаснымъ, когда вода ушла. Тогда только увидали страшныя опустошенія, которыя оно произвело. Наша набережная была взрыта, мосты сломаны, барки съ съѣстными припасами разбиты. Вода погубила много животныхъ, которыя, сорвавшись съ привязи, спасались вплавь, и нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ генераль Бауеръ,

перевели лошадей въ жилыя комнаты. Французскій парикмахеръ, вѣроятно Гасконецъ, поймалъ на Б. Милліонной щуку. Бѣдный Гаррисъ очень беспокоится за свой корабль съ капитаномъ Бассъ изъ Гавра. Если корабль потерпитъ крушеніе, онъ потеряетъ отъ двѣнадцати до четырнадцати ливровъ, а я—платья, книги и т. п., которыя я выписалъ изъ Парижа. Есть и еще причина для безпокойства: это четыреста фунтовъ табаку Лаферма, сложенныхъ имъ въ подвалахъ у Бемера: онъ легко можетъ испортиться отъ наводненія.

Понедѣльникъ 22-го Сентября. Сегодня я гулялъ съ Комбомъ по городу. Зрѣлище ужасно. Вся наша галерная гавань покрыта обломками. Корабли съ лѣсными матеріалами выбросили несмѣтное количество бревень, которые Русскіе, по натурѣ воры, собираютъ и продаютъ въ свою пользу. Вельможи занимаютъ тѣмъ же. Сегодня ихъ продавали по 7 копѣекъ сажень, а они стоятъ полтора рубля и станутъ еще много дороже. Набережная на Милліонной сломана и разрушена во многихъ мѣстахъ. Мы видѣли большія парусныя суда, барки и т. п. на набережной, куда ихъ загнало вчера черезъ рѣшетку, и будетъ стоить большого труда спустить ихъ снова на воду. Ими покрыта набережная передъ дворцомъ. Государыня, говорятъ, бодрствовала всю ночь и была очевидицею бѣдствія, ужасающія подробности котораго она наблюдала изъ оконъ дворца, выходящихъ на Неву. Благодаря присутствію ея духа, сняли съ постовъ часовыхъ; иначе они бы утонули. Предполагаютъ, что утонуло двѣ тысячи каторжниковъ, содержащихся въ подвалахъ, а также заключенные въ крѣпости, гдѣ разрушена часть стѣны.

Окрестности Петербурга пострадали еще больше. Погибли прелестныя дома Нарышкина и Чичерина, полиціймейстера, на Петергофской дорогѣ, Головиныхъ близъ Каменнаго острова и многіе другіе. Прекрасная яхта герцогини Кингстонъ *) затянута пескомъ. Но гдѣ

*) Извѣстная проходимка (1720—1788). Ея дѣвичье имя было Елисавета Шудлейгъ. Она сначала была фрейлиною принцессы Вельской, вышла замужъ за капитана Гервея, бросила его на другой день свадьбы и уѣхала въ Германію съ однимъ изъ своихъ любовниковъ. Не дожидаясь смерти Гервея и не имѣя развода, она вышла за Кингстона, который вскорѣ оставилъ ее вдовою съ прекраснымъ состояніемъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ Августъ 1777 г. съ многочисленною свитою, она была принята при Дворѣ и задавала празднества и балы, на которые сбѣгалось все Русское общество и именно на эту яхту, о которой говорить здѣсь Корберонъ. Эта яхта, поврежденная наводненіемъ, была исправлена за счетъ Государыни, которую советамъ размягчили лести-выя рѣчи герцогини Кингстонъ.

сердце обливается кровью, такъ это въ предмѣстьяхъ и окрестностяхъ Калининна: тамъ только и видишь опрокинутые дома и трупы мушкетъ, женщинъ и дѣтей; тамъ всеобщее отчаяніе.

Вторникъ и Среда, 23-ю и 24-ю Сентября. По приказу Государыни спектакль отмѣненъ, и это прекрасно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Она приказала также каждому заявить о своихъ убыткахъ въ полицію. Не знаю, дѣлается ли это для вознагражденія, но въ такомъ случаѣ получаютъ только люди богатые и пользующіеся довѣріемъ; бѣдняки же останутся бѣдняками. Размѣръ убытковъ еще не выясненъ, но представленъ списокъ умершихъ въ количествѣ 1444 человека и, говорятъ, что половину скрыли.

Пятница 26-ю Сентября. Чичеринъ, говорятъ поправляется; ударъ приписываютъ сильному выговору, который ему сдѣлала Государыня по поводу наводненія. Эти люди согнулись подъ тяжестью самодержавія; одинъ взглядъ Государыни наполняетъ ихъ блаженствомъ или поражаетъ какъ громомъ.

Среда 1-ю Октября. Былъ приемъ и раутъ по случаю дня рожденія великаго князя. Я танцевалъ или вѣрнѣе бесѣдовалъ до ужина у Головиныхъ. Они понесли отъ наводненія большіе убытки на дачѣ. Такъ какъ великій князь совсѣмъ близко отъ нихъ на Каменномъ острову, то съ этого острова явились отъ имени великаго князя требовать обратно строительный матеріалъ. Онъ предупредилъ графа Головина, что къ нему явятся, но чтобы онъ, во избѣжаніе плутовства, не отдавалъ вещей, ему не принадлежащихъ. Это очень хорошая черта великаго князя, тѣмъ болѣе, что многіе, безъ зазрѣнія совѣсти, присвоивали себѣ чужія вещи, принесенныя водою.

Четвертъ 2-ю Октября. Я обѣщалъ Потемкину*), племяннику князя, Вертера и любопытень услышать его сужденіе. Онъ имѣетъ притязаніе на остроуміе; я ему нависну въ этомъ духѣ записку при книгѣ. Посмотримъ, каковъ будетъ отвѣтъ. Я провелъ часть вечера у князя Щербатова и имѣлъ съ нимъ пристрастную бесѣду. Въ Русскихъ есть особенность, разъ начавъ, обрушиваться на свою родину безъ всякаго удержа.

Пятница 3-ю Октября. Было нѣсколько производствъ: Зоричъ, фаворитъ, произведенъ въ прапорщики кавалергардовъ, что дѣлаетъ его генераль-маіоромъ; два или три сенатора, кадеты князя Щербатова,

*) Павлу Сергѣевичу. П. Б.

Зиновьевъ и маленькій Голицынъ¹⁾ назначены камергерами. Послѣдній обязанъ своимъ производствомъ прїѣздомъ дяди его Шувалова. Но что производитъ сильное впечатлѣніе, такъ это пожалованье ленты Св. Екатерины княгинѣ Орловой. Дамы, имѣющія портреть Государыни, между которыми она самая младшая, немного озадачены.

Воскресенье 12-го Октября. На этихъ дняхъ разыграли у Государыни въ Эрмитажѣ старинную вещь подъ названіемъ „Случайный докторъ“ (Médecin par occasion). Тамъ говорится о влюбленныхъ женщинахъ, и есть такое мѣсто: „Что женщина въ тридцать лѣтъ можетъ быть влюбленною, пусть! но въ шестьдесятъ! Это не терпимо“. Въ ту же минуту Государыня поднялась со словами: „Эта вещь глупа, скучна“. Брошарь, актеръ, произнесшій эту тираду, очень глупъ; пьесу прервали, и спектакль прекратили за уходомъ Государыни. Ты видишь, какъ эта великая женщина подчинена своимъ вкусамъ, потому что и не могу всѣмъ ея прихотямъ дать названія страсти.

(Продолженіе „Дневника“ не было до Января 1779 года. Пропускъ въ четырнадцать мѣсяцевъ, который можно объяснить только многочисленными занятіями, политическими и свѣтскими, официальными, а можетъ быть и частными, кавалера Корберона. Дѣйствительно, 23-го Поября 1777 года Ююинье уѣхалъ изъ Петербурга, оставивъ Корберона повѣреннымъ въ дѣлахъ, каковымъ онъ его и представилъ Государынѣ, откладываясь ей 10-го того же мѣсяца).

1779-й годъ.

Суббота 2-го Января 1779 г. Каролинъ Белеръ²⁾. Долженъ описать вамъ, дорогой мой другъ, прогулку на саняхъ съ вашей сестрою. Мы должны были сдѣлать остановку въ домѣ того крестьянина на Аптекарскомъ острову, гдѣ мы съ вами ужинали прошлымъ лѣтомъ. Мы отправились въ полдень, Шарлотта, я и маленькая Эйлеръ въ моихъ саняхъ, Гютель и добрыйшій Азема, котораго вы, надѣюсь, хорошо знаете, съ маленькимъ Георгіемъ, въ другихъ, а въ третьи усѣлись Эйлеръ-отецъ съ двумя дочерьми. Мы хорошо пообѣдали и много гуляли по снѣгу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лѣтомъ была такая прелестная зелень. Въ пять часовъ мы двинулись въ обратный путь и посѣтили тотъ знаменитый рынокъ близъ крѣпости, гдѣ выставлены всѣ съѣстные припасы въ замороженномъ видѣ, привезенные изъ внутреннихъ мѣстъ страны. Эта армія мороженыхъ свиней, барановъ, птицы и т. д. удивительное зрѣлище, способное излечить отъ ожорства; здѣсь же оно

¹⁾ Князь Оедоръ Николаевичъ, дѣдъ недавняго Московскаго головы. П. Б.

²⁾ Уѣхавшей въ Берлинъ. На ея сестрѣ Шарлотѣ Корберонъ женился позднѣе. П. Б.

является зрѣлищемъ развлекающимъ, потому что все на этомъ свѣтѣ относительно. Ужинать мы поѣхали къ старику-профессору Эйлеру.

Вторникъ 12-го Января. Брату. Бонафонъ сообщилъ мнѣ одну подробность о великомъ князѣ, которая, не знаю почему, меня удивила. Ты знаешь, другъ мой, какого я мнѣнія объ этомъ слабомъ, безхарактерномъ принцѣ. Онъ, говорятъ, имѣетъ странную склонность играть словами. Недавно онъ спросилъ Бонафона, который служить суфлеромъ, для чего занимаетъ онъ подобное мѣсто. „Чтобы суфлировать“, отвѣчалъ тотъ. „А, чтобы давать пощечины“*), подхватилъ великій князь. Есть здѣсь библиотекарь, по имени Лафермьеръ; онъ называетъ его la fière m... и т. п. Вотъ, другъ мой, наследникъ престола Русскихъ цезарей. Его достойная супруга, крупная и красивая, я не говорю хорошенькая, обладаетъ преимуществомъ красавицы: она недалеко. Къ тому же, говорятъ, она скупа, и увѣряютъ, что, найдя по смерти великой княгини башмаки, она стала ихъ носить, перемѣнила только каблукъ. Это уже такое что-то, чему позволительно и не вѣрить.

Суббота 20-го Марта. 19-го Февраля я былъ приглашенъ, единственный изъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, на праздникъ князя Потемкина, который онъ давалъ въ оранжереѣ своего дома на проспектѣ, превращенного очень красиво въ садъ. Противъ входной двери былъ устроенъ маленькій храмъ, посвященный Дружбѣ со статуей богини, держащей бюстъ Государыни. Эти маленькіе покои очаровательны; есть одна комната, вся убранная тонкими лакированными вещами Японіи, другая—вещами Китая. Кабинетъ, гдѣ ужинала Государыня, весь затянутъ прекрасной Китайской тафтою въ видѣ палатки. Вдоль стѣнъ кабинета, вмѣщающаго не болѣе 5—6 человекъ, диванъ. Тамъ же я обратилъ вниманіе на прекрасную хрустальную люстру, отлитую на заводѣ князя Потемкина. Въ другомъ маленькомъ кабинетикѣ стоитъ диванъ, для двухъ лицъ, обитый богатой матеріей, которую вышивала сама Государыня.

Среда 28-го Апрѣля. Я имѣлъ намѣреніе послать Гарри курьеромъ въ Версаль и послалъ спросить князя Потемкина, не будетъ ли у него порученій. Онъ отвѣчалъ черезъ кавалера Тейсоньера, что съ удовольствіемъ принимаетъ мое предложеніе и приглашаетъ къ себѣ въ Царское Село.

Четвертъ 29-го Апрѣля. Съ 9-ти часовъ утра я былъ уже готовъ и, погулявъ въ садахъ Царскаго Села, которые прекрасны и разбиты

*) Непереводимая игра словъ „souffler“—souffleter“.

на Англійскій ладъ, отправился къ князю Потемкину. Онъ принялъ меня одного, и мы пріятно разговаривали съ нимъ въ продолженіи сорока пяти минутъ. Онъ наговорилъ мнѣ много лестныхъ вещей о Франціи. Затѣмъ разговоръ перешелъ на здѣшнюю страну: настала мой чередъ быть любезнымъ, и ты можешь вѣрить, что я не ударилъ лицомъ въ грязь. Я очень настаивалъ на необходимости и выгодѣ близкаго знакомства со страной, и это ему понравилось. Я воспользовался удобною минутою и сказалъ, что ищу рѣдкую, напечатанную карту нѣкоего Очередина, острововъ, недавно открытыхъ между Россіею и Америкою, и что мнѣ хочется послать ее королю. Онъ вызвался попросить ее у Государыни. Наконецъ, послѣ довольно долгаго разговора, я поднялся. Онъ спросилъ, почему я такъ скоро ухожу, но я не хотѣлъ, чтобы онъ нашелъ мое посѣщеніе слишкомъ продолжительнымъ и простился съ нимъ, спросивъ, къ кому мнѣ обратиться за его письмами. Онъ отвѣчалъ, что пришлетъ ихъ самъ, проводилъ меня до дверей, и я ушелъ очень довольный.

Пятница 7-го Мая. Комбъ былъ сегодня въ Царскомъ Селѣ; онъ встрѣтилъ тамъ Тейсоньера, который не хочетъ вѣрить назначенію Антрега, зная его за человѣка бумажнаго и ограниченнаго. Онъ хочетъ поговорить обо мнѣ князю, и я вскорѣ получу извѣщеніе.

Комбъ узналъ, что князь любитъ рисованіе и самъ имъ занимается. Это новый источникъ для меня забавлять его, и я не премину имъ воспользоваться. Я имѣю также намѣреніе пустить въ ходъ секретъ Шарпантье, купленный мною, для гравюръ съ тушевкою; чтобы поддержать дружбу князя, скажу ему о секретѣ при первомъ благопріятномъ случаѣ.

Понедѣльникъ 10-го Мая. Въ одиннадцать часовъ утра былъ я у князя Потемкина. Онъ принялъ меня одного и спросилъ, чѣмъ можетъ служить. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ поздравить его съ рожденіемъ великаго князя Константина, затѣмъ поблагодарилъ за лестный отзывъ обо мнѣ кавалеру Тейсоньеру. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ: „Государыня лучшаго не желаетъ, но есть одно неудобство: говорятъ, будто сюда назначень Антрегъ“. Я сказалъ, что не вѣрю этому и къ тому же, если Государыня захочетъ, все устроится по ея желанію. „Она этого хочетъ“, повторилъ онъ еще разъ и остановился. „Я бы желалъ, началъ онъ снова, чтобы вы поговорили съ графомъ Панинымъ, и онъ завелъ бы со мною объ этомъ рѣчь“. — „Желаете, князь, чтобы я говорилъ отъ вашего имени?“ — „Нѣтъ, это не подойдетъ; поговорите съ графомъ Панинымъ и не теряйте времени“. Я вышелъ и отправился

къ графу Панину, засталъ его и сѣлъ рядомъ. Послѣ поздравленій съ разрѣшеніемъ отъ бремени, я ему сказала: „Графъ, вы давали мнѣ свидѣтельства вашей доброты ко мнѣ, и я хочу съ довѣріемъ открыться вамъ. Работа, которая нѣкоторое время выпадала мнѣ на долю, показала мнѣ преимущество вести дѣла съ вами. Естественно желать продолжать ее. Если правда, что вы получили извѣстіе о намѣреніи Ююнье остаться во Франціи, то я безъ страха могу выразить желаніе замѣнить его. Я не рѣшался до сихъ поръ высказывать его изъ деликатности, не зная его намѣреній, теперь же, когда онѣ стали извѣстны, если Государыня соблаговолить... Онѣ прервалъ меня, говоря, что Ююнье почти навѣрно не вернется. „Здоровье не позволяетъ ему, и къ тому же вѣдь онѣ старъ?“—„Ему пятьдесятъ три года“, отвѣчала я.—„Ему все шестьдесятъ“ (улыбаясь).—„Не могу этому вѣрить, графъ: ему было въ 1775 году 43 года и...“.—„Ему шестьдесятъ. вѣрите мнѣ; я знаю, онѣ не любилъ, когда касались этого вопроса, но мнѣ сказалъ графъ Ласси... Я былъ бы радъ, прибавилъ онѣ, если бы это устроилось. Я поговорю Государынѣ, которая васъ уважаетъ. Къ тому же, кавалеръ, во многихъ дѣлахъ вы вели себя достойнымъ образомъ, и ся величество имѣетъ намѣреніе доказать вамъ особымъ способомъ свое довольство“. Я отвѣчала, что считаю за особую удачу для себя, что именно я былъ употребленъ въ тѣхъ дѣлахъ. „Но, прибавилъ я, ходитъ слухъ, безпокоющій меня; говорятъ, будто сюда назначенъ Антрегъ“.—„Это только предположеніе, отвѣчала онѣ, и оно ничего еще не значить. Будьте увѣрены, что я самъ желаю вашего назначенія; мы примѣнились къ вашей работѣ, узнали васъ и желаемъ васъ сохранить“. Я удалился, поручая ему свои выгоды, и онѣ надавалъ мнѣ самыхъ лестныхъ обѣщаній.

Надо было снова идти къ князю. Я сталъ дожидаться приѣма; но мнѣ сказали, что онѣ пожелалъ обѣдать одинъ, и я уже выходилъ, какъ онѣ вернулся, и тотчасъ же велѣлъ позвать меня. „Ну что же, видѣли вы графа Панина?“—„Да, князь; онѣ принялъ меня очень любезно и обѣщаль поговорить Государынѣ“.—„Въ такомъ случаѣ дѣло рѣшено, только бы графъ Панинъ написалъ; а то онѣ, вы знаете, медлителенъ“.—„Если вы сами желаете, князь, сказалъ я, и Государыня отдастъ приказъ...“.—„Что касается этого, то Государыня лучшаго не желаетъ. Дѣло рѣшено, повторилъ онѣ еще разъ; я хотѣлъ представить эту честь графу Панину, но будьте покойны“. Я выразилъ ему свою благодарность. Потомъ мы заговорили о гравюрѣ и рисункахъ, и я предположилъ ему мой секретъ, который онѣ принялъ съ удовольствіемъ.

1780-й годъ.

Воскресенье 16-го Июля 1780 г. Ходятъ дурные слухи. Говорятъ о смутѣ въ Филадельфїи, о раздорѣ, и конгрессъ грозитъ распасться. Англичане возгордились взятїемъ Чарльстоуна и до сихъ поръ вѣрятъ въ покоренїе Америки; но этого не можетъ быть. Императоръ¹⁾ долго разговаривалъ съ Веракомъ²⁾, распространялся о широкихъ замыслахъ Государыни и объ умномъ и выдержанномъ образѣ дѣйствїй ея относительно Англїи. „Это удивительная монархїя, прибавилъ онъ; она обладаетъ характеромъ и прекрасно знаетъ, что дѣлаетъ. Не смотря на время, растрачиваемое на удовольствїя и власть, которую она только повидимому даетъ своимъ любимцамъ, она работаетъ и дѣйствуетъ только сама. Она очень любитъ Францію, могу васъ въ этомъ увѣрить, и я имѣлъ съ нею нѣсколько бесѣдъ, въ которыхъ эта любовь ясно выразилась“. Маркизь очень ловко вывернулся изъ этого тонкаго и коварнаго разговора.

Отъѣздъ графа Фалькенштейна назначенъ на Среду. Онъ, какъ кажется, потерпѣлъ неудачу, и его подарками остались недовольны. Князь Потемкинъ подарилъ своему племяннику Голицыну запонку въ петлицу съ дивнымъ брилліантомъ, имѣя намѣренїе, какъ я предполагаю, противопоставить этотъ великолѣпный подарокъ подаркамъ Фалькенштейна, и князь Голицынъ показывалъ его нарочно при дворѣ.

Пятница 21-го Июля. Завтра мы поѣдемъ навѣстить Измайлову, сестру герцогини Курляндской, скончавшейся въ Среду, въ 10 часовъ вечера. Она была рожденная Юсупова, молодая, привѣтливая: думаютъ, что она умерла съ горя. Герцогъ, годъ тому назадъ, развелся съ нею, и эта женщина, хорошо поставленная при Дворѣ, имѣя орденъ Св. Екатерины, пятьдесятъ тысячъ ежегодной пенсїи, которая Государыня заставила герцога выдавать ей, не была счастлива, страдая отъ непомярнаго, неудовлетвореннаго честолюбїя. Ее вскрывали, чтобы узнать причину смерти.

Понедѣльникъ 31-го Июля. Графъ Кобенцель предложилъ мнѣ поѣхать посмотреть Диванъ Государыни, который представляетъ собою очаровательный загородный домикъ, въ двухъ верстахъ отъ Петергофа, среди лѣса съ протекающимъ ручьемъ. Снаружи, это крестъ-

¹⁾ Приѣзжавшїй тогда къ намъ подъ именемъ графа Финкенштейна Юсифъ II-й П. Б.

²⁾ Маркизь Веракъ заступилъ мѣсто маркиза Юинье въ должности Французскаго посланника при Екатеринѣ. П. Б.

янская изба изъ круглыхъ бревенъ, внутри же—одно изъ самыхъ красивыхъ жилищъ. Есть тамъ зала, столовая и диванная, вся въ зеркалахъ. Этотъ домъ выстроенъ по приказу графа Путелина, камергера*). Много вкуса въ этомъ укромномъ уголкѣ, и наружный видъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ внутреннимъ. Большія двери замаскированы вторыми, представляющими кучи соломы, какъ въ сараяхъ, зеркальныя окна прикрыты ставнями, изображающими бревна, въ серединѣ продѣланы слуховыя окна, какъ въ избахъ. Мы дошли уже до такой утонченной роскоши, что стали подражать жилищамъ бѣдняковъ, чтобы противоположностью пробудить вкусъ, притупленный наслажденіями и изобиліями.

Вторникъ 8-ю Августа. Я былъ у графа Гёрца; онъ говорилъ мнѣ о проблескахъ склонности Государыни къ императору, которое я считаю за притворство. Князь Потемкинъ его передразниваетъ и, кажется, не расположенъ къ нему, но все это ничего не доказываетъ. Теперь, когда пріѣдетъ Прусскій принцъ, онъ будетъ его ласкать; его приметъ племянникъ, Навель Потемкинъ.

Я хотѣлъ обѣдать у вице-канцлера, но мнѣ помѣшали военныя упражненія Кадетскаго корпуса. Не буду тебѣ ихъ описывать, такъ какъ описывалъ уже разъ двадцать, а онѣ всегда однѣ и тѣже. Произошелъ несчастный случай: загорѣлся пушечный зарядъ въ рукахъ канонира; мы очень встревожились, но оказалось больше страха, чѣмъ опасности. Великій князь, присутствовавшій тутъ, былъ внимателенъ и заботливъ, что такъ цѣнно въ людяхъ его сана. Онъ осматривалъ кадетъ и велѣлъ дать на водку канонирамъ.

Четвертъ 17-ю Августа. Государыня пріѣхала вчера въ городъ на праздникъ Преображенскаго полка, который задаетъ намъ пиръ. Князь Потемкинъ подполковникомъ. Въ 9 часовъ утра я былъ у него съ поздравленіемъ; онъ принялъ меня одного, посадилъ и дружески заговорилъ. Такъ пробесѣдовали мы болѣе четверти часа, и я выразилъ ему сожалѣніе по поводу своего отъѣзда и удовольствіе, которое испытаю по возвращеніи. Меня удивило, что онъ заговорилъ о маркизѣ Веракѣ только для того, чтобы спросить, не уѣдетъ ли онъ скоро и дѣйствительно ли онъ остается только на нѣкоторое время. Я отвѣчалъ, что онъ рассчитывалъ остаться два года, хотя въ городѣ и говорятъ, что онъ уѣдетъ зимою. Пока мы оставались вдвоемъ, подѣхалъ Елагинъ, сенаторъ, въ голубой лентѣ. Князь поднялся, ушелъ причесываться

*) Кто это? П. Б.

и дважды просилъ меня сѣсть, прежде чѣмъ сказать тоже самое Елагину. Отличіе, съ которымъ князь принимаетъ меня каждый разъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ обо мнѣ думаетъ; Русскіе генералы, которымъ онъ ничего не говоритъ и даже не отвѣчаетъ на поклоны, удивлены и завидуютъ. Объ этомъ много говорили въ приемной, гдѣ были лица, передававшія мнѣ о чемъ шли разговоры и между другими баронъ Мантейфель, который оставался въ первой комнатѣ, куда князь вышелъ въ халатѣ откланяться всѣмъ, пріѣхавшимъ къ нему на поклонъ. Я уѣхалъ только черезъ полчаса.

Пятница 18-ю Августа. Государыня вернулась въ Царское Село вчера послѣ обѣда; но какъ она уѣхала поздно, то думаютъ, что она была въ Озеркахъ, дачѣ князя Потемкина, объявить ему о смерти его матери; другіе говорятъ что это извѣстіе передала ему племянница и что онъ горько плакалъ. Этотъ князь ко всѣмъ своимъ недостаткамъ и качествамъ присоединяетъ сентиментальность, что кажется несообразностью.

Суббота 19-ю Августа. При Дворѣ недовольны учреженіемъ новыхъ губерній. Устройство ихъ не легко, потому что требуется наполнить всѣ канцеляріи, а людей нѣтъ; гдѣ не существуетъ буржуазіи, какъ найти плебеевъ? Это приводитъ въ дурное расположеніе Государыню, которая думала сдѣлать хорошо, а главное, чтобъ про это стали говорить, а изъ всѣхъ этихъ учреженій, вѣроятно, не выйдетъ ничего, кромѣ смѣха надъ тѣмъ, что дѣло затѣяно безъ возможности его выполнить.

Въ деревнѣ еще хуже. Крестьяне недовольны. Господа, зная о намѣреніи дать свободу крѣпостнымъ, возбуждаютъ рабовъ противъ этихъ новшествъ и твердятъ, что въ сущности Русскій воспринимаетъ полученіе этой свободы такъ же, какъ ребенокъ, которому предложили бы тонкія яства и крѣпкіе напитки. Съ другой стороны близъ столицы множество людей безъ паспорта и почти свободныхъ, потому что они работали на казну; но съ тѣхъ поръ, какъ работы кончились, оставшіе безъ свидѣтельства на жительство и безъ работы, они начали грабить прохожихъ. Ихъ насчитываютъ отъ 8 до 10 тысячъ, и они производятъ большіе безпорядки. Въмѣсто того, чтобы послать солдатъ и разомъ захватить главарей, придумали издавать указы; слухъ распространился, и число негодяевъ увеличилось. Будетъ неудивительно, если положеніе станетъ серьезнымъ. Государыня, говорятъ, боится; она не рѣшается гулять одна въ своихъ садахъ и отставила Волкова отъ должности начальника департамента полиціи и управленія Петербургомъ, потому что онъ былъ небреженъ.

Пятница 25-го Августа. Предполагаютъ, что у Государыни съ княземъ Потемкинымъ вышла размолвка, и она послала къ Орлову гонца съ письмомъ, содержаніе котораго неизвѣстно. Я не очень вѣрю этому извѣстію; оно исходитъ отъ Сакена.

Я уже говорилъ тебѣ, другъ мой, о дурномъ расположеніи духа Государыни; оно происходитъ отъ безпорядковъ, творимыхъ въ окрестностяхъ города шайкою бродягъ, называемыхъ „тавлинцами“ *). Это слуги безъ мѣста и паспорта, бѣглецы солдаты и люди безъ званія, собравшіеся вмѣстѣ и живущіе грабежами. Правительство сначала не обращало на нихъ вниманія, даже употребляло ихъ на работы для постройки дворцовъ, платя очень дорого, что послужило поводомъ къ побѣгу крѣпостныхъ, которые, желая избавиться отъ своихъ господъ, просили работы у казны, и она принимала и даже защищала этихъ людей. Когда работы окончились, люди боялись вернуться къ своимъ господамъ и соединились въ шайки. Одни говорятъ, что ихъ отъ 4 до 5 тысячъ, по словамъ другихъ—13 тысячъ. Это можетъ сдѣлаться опаснымъ. Было еще слѣдующее важное происшествіе. Четыре деревни, въ шестидесяти верстахъ отъ города, возмутились противъ жестокости господъ полковника Альбрехта, бригадира Гердофа и Бекмана. Они явились съ жалобами къ Волкову, Петербургскому губернатору, который сказалъ имъ, что по новымъ уставамъ они свободны: это возбудило людей и побудило ихъ къ такимъ дѣяніямъ, что явилась необходимость послать противъ нихъ войскѣ.

Поужинавъ у своихъ друзей, я поѣхалъ обратно въ городъ въ половинѣ одиннадцатаго; по дорогѣ на меня напали 4-5 человекъ, при чемъ одинъ едва не перешибъ руку моему лакею дубиною, отъ которой ему удалось увернуться. Лошади, помчавшіеся, спасли насъ. Это тавлинцы, о которыхъ я тебѣ говорилъ; вѣроятно моихъ сърыхъ лошадей приняли за лошадей Толстого, на котораго эти люди злы, потому что онъ выманялъ изъ ихъ шайки одного изъ своихъ людей, вернувшася къ нему по обѣщанію не наказывать его плетью.

Суббота 26-го Августа. Я узналъ причину холодности Государыни къ Строгонову. Ланской, теперешній фаворитъ, надѣвшій ей, обратился къ Строгонову, желая получить голубую Польскую ленту. Строгоновъ написалъ Штакельбергу, Русскому послу, объ этомъ, и король ее пожаловалъ. Лента прибываетъ на имя Государыни, которой думали угодить, а она отослала посылку обратно въ Варшаву.

*) По словарю Даля, тавлинецъ—бѣглый, бродяга. П. Б.

Князь Потемкинъ повздорилъ съ барынькой, потому что не одобряетъ этихъ перемѣнъ и представилъ ей, что фавориты, отпущенные съ наградами, смѣются надъ нею и похваляются, какъ напримѣръ Корсаковъ, продолжающій оставаться въ городѣ и рисующій отвратительныя картины своихъ бывшихъ обязанностей фаворита. Потемкинъ хотѣлъ бы, чтобы она выбирала ихъ изъ низкаго званія, а Екатерина хочетъ блеска и, слѣдовательно, большихъ издержекъ. Говорятъ, именно вельдствіе этой размолвки Потемкинъ внезапно пріѣхалъ въ городъ, а Государыня послала гонца къ Орлову; но все уладится.

Воскресенье 27-го Августа. Русскіе говорили, что на мѣстѣ Государыни они заковали бы Гарриса въ кандалы. Мнѣ рассказывали случай, доказывающій ожесточеніе Англичанъ противъ всякаго купца не ихъ націи. Нѣкто сэръ Смитъ, Американецъ, пріѣхалъ сюда въ намѣреніи завязать торговыя сношенія съ островами Америки. Этотъ человѣкъ входитъ въ компанію съ Русскимъ, заказываетъ корабль, постройка котораго происходитъ на землѣ, арендованной у одного пивовара близъ Галернаго моста. Постройка идетъ; одинъ Англичанинъ, (имени котораго мнѣ не сумѣли сказать, но котораго знаютъ, и я постараюсь узнать, кто онъ) является на верфь узнать, кому принадлежитъ строившійся корабль, предлагаетъ пивовару нарушить договоръ и грозитъ предъявить ко взысканію нѣкоторые векселя его, что можетъ повлечь за собою его разореніе. Пивоваръ обѣщаетъ сдѣлать, что можетъ. Дѣйствительно, онъ спрашиваетъ тѣхъ, кто заказалъ корабль, не согласятся ли и они прекратить арендный договоръ, чего они, конечно, не сдѣлали. Нѣсколько дней спустя приходитъ снова тотъ же Англичанинъ, и пивоваръ сказываетъ ему о невозможности исполнить его желаніе. Тѣ же поставили къ постройкѣ двухъ часовыхъ. Не смотря на это, нѣсколько дней спустя загорается корабль; пивоварня и все сгораетъ до тла. Предполагаютъ, что домъ пивовара былъ быстро перестроенъ изъ каменнаго въ деревянный.

Въ Кронштадтѣ царитъ такой безпорядокъ, что трудно себя представить, а также расхищеніе лѣснаго матеріала. Офицеръ, живущій тамъ, увѣрялъ меня, что туда ежегодно доставляется громадное количество деревъ для постройки зданій, но если изъ нихъ выстроить дватри дома, то это уже много. Дерево же растрачивается на стулья, мебель, экипажи и т. п.

Я ходилъ вчера осматривать Сенатъ, большое зданіе близъ памятника Петру I-му, выходящее одной стороною на набережную, другой—на Канатную улицу. Зала, гдѣ собираются, не очень велика;

тамъ стоитъ столъ, накрытый сукномъ, на концѣ кресло, занимаемое Государыней, когда она присутствуетъ; сзади кресла ея портретъ во весь ростъ подъ балдахномъ. Каждая сторона длиннаго стола уставлена двѣнадцатью креслами членовъ Сената. На столѣ указы Петра I-го, какъ вести себя на собраніяхъ, не ругаться и т. п., правила приблизительно такія же, какъ въ Парижскихъ билиардныхъ; но Петръ I-й, великій челѣвѣкъ по своему генію, управлялъ варварами, и было необходимо преподавать правила приличія мужикамъ, изъ которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать государственныхъ людей. Конечно, слѣдовало иногда бить ихъ палками, что онъ отлично продѣлывалъ собственноручно. Если бы Государыня послѣдовала его примѣру, она совершила бы лучшія дѣла и больше, нежели съ ея нѣжнымъ и романтическимъ духомъ, который здѣсь не годится. Нельзя представить себѣ, до чего здѣсь наружность обманчива. Расшитыхъ платьевъ и роскошныхъ экипажей здѣсь множество, но подо всемъ этимъ скрывается варварство.

Я видѣлъ подлинники нѣкоторыхъ законовъ, писанныхъ Государынею собственноручно: при другихъ сдѣланы ею поправки на поляхъ; все составляетъ четыре тома въ 4^о, переплетенные въ красный бархатъ и вложенные въ серебряный, довольно красивый, ларецъ, изображающій храмъ Памяти, въ которомъ Государыня вручаетъ законы генію Россіи. Россія стоитъ колѣнопреклонною на ступеняхъ храма, а Государыня идетъ къ ней съ видомъ доброты, ей свойственнымъ. Это изображеніе было сдѣлано Сенатомъ.

Въ залѣ портреты въ натуральную величину Петра I-го, Екатерины I-й, Елисаветы и Анны. Другія залы заняты департаментами, и во всѣхъ пять сенаторовъ и оберъ-прокуроръ сидятъ отдѣльно. Все представляетъ видъ довольно скудный, что показалось мнѣ страннымъ для храма правосудія, ареопага государства. Залы затянута штофомъ и украшены зеркалами; это прекрасный частный домъ, да онъ дѣйствительно и принадлежалъ старому Миниху или Бестужеву и совсѣмъ не напоминаетъ величественныя, сумрачныя залы дворца въ Парижѣ. Все носитъ здѣсь отпечатокъ суетности и, не смотря на гигантскій шагъ, которымъ шагнула Россія, ея учрежденія въ своихъ частностяхъ указываютъ на существованіе столь юное, что всегда помнишь, что это государство возникло сто лѣтъ тому назадъ. Я забылъ сказать тебѣ, что указы заключены въ металлическій ящикъ съ тремя сторонами на подобіе призмы, поддерживаемой подсвѣчникомъ.

Понедѣльникъ 28-го Августа. Нѣкто, бывшій у г-жи Бемеръ, рассказывалъ, что вчера во время пожара онъ видѣлъ, какъ двѣ или три

барки были введены въ огонь, вмѣсто того, чтобы отвести ихъ, что было легко. Это рассказывалъ Русскій, увѣряя, что видѣлъ самъ; но все это очень странно и не можетъ радовать Владычицу, у которой и безъ того такъ много неудовольствія. Тавлинцы ее уже беспокоятъ, и Потемкинъ имѣлъ съ нею по поводу ихъ размолвку. Онъ хотѣлъ, чтобы на нихъ сдѣлали облаву войсками, что было бы самое правильное; Государыня не захотѣла прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Другіе увѣряютъ, что Потемкинъ и особенно Толстой воспротивились послыжкѣ гвардейскаго полка, такъ какъ негодуютъ на произволь Толстого, растрачивающаго деньги и съѣстные припасы, назначенные гвардейцамъ; боятся, какъ бы полкъ не перешелъ къ бродягамъ, вмѣсто того, чтобы ловить ихъ. Со всѣхъ сторонъ, другъ мой, здѣсь достаточно причинъ для неудовольства.

Вторникъ 29-ю Августа. Гуляя, я увидалъ садъ Гарриса. Я зашелъ, думая, что онъ за городомъ, но онъ былъ у себя, и я бы его навѣрно увидалъ, если бы Рожерсонъ не задержалъ его въ кабинетѣ. Этотъ Рожерсонъ придворный медикъ и шпионъ Гарриса. Садъ очень хорошъ, на Англійскій ладъ, съ прекраснымъ лугомъ и множествомъ цвѣтовъ. На зеленомъ коврѣ травы поставлена палатка челоувѣкъ на десять съ освѣщеніемъ. Ее подарилъ ему князь Потемкинъ. Я узналъ, что Гаррисъ былъ вчера въ Царскомъ Селѣ, потому что онъ не упускаетъ случая быть на глазахъ, что маркизъ Веракъ дѣлаетъ не достаточно часто.

Среда 30-ю Августа. Я узналъ, что прошлое Воскресенье что-то произошло при Дворѣ. Государыня все еще гнѣвается на князя Потемкина, и должно быть, чтобы дать указанія графу Панину прискакалъ изъ Царскаго Села въ 35 минутъ племянникъ его, Алексѣй Куракинъ. Папаша бесѣдовалъ съ полчаса въ отдѣльной комнатѣ съ Талызиной, и Куракинъ до обѣда уѣхалъ обратно. Все это можетъ быть и не важно, но здѣсь занимаются мелкими интригами больше, нежели дѣлами; впрочемъ приблизительно вездѣ одно и тоже.

Четвертъ 31-ю Августа. Меня не перестаетъ удивлять, какимъ образомъ здѣсь работаютъ. Графъ Панинъ, первый министръ, живетъ какъ вельможа, не имѣющій другого дѣла, какъ быть при Дворѣ и другихъ занятій, какъ разузнавать, что тамъ происходитъ. Онъ встаетъ довольно поздно, разсматриваетъ эстампы или новыя книги, одѣвается, принимаетъ посѣтителей, обѣдаетъ, играетъ въ карты или спитъ, снова видитъ людей, играетъ, ужинаетъ и ложится спать весьма поздно. Онъ не знаетъ всего, что происходитъ; такъ на примѣръ, когда я заговорилъ о пожарѣ корабля Смита, бывшемъ наканунѣ Петрова

дня, онъ сталъ говорить, что этого не было. Его главные чиновники работаютъ не больше его и проводятъ время за карточной игрою, проигрывая невѣроятно много, до шести сотъ рублей въ вечеръ. Это случается съ Визинимъ, совѣтникомъ канцеляріи, съ Марковымъ, статскимъ совѣтникомъ, не имѣющимъ никакого состоянія, съ Бакунинимъ и т. д. Алонеусъ, единственный, котораго я вижу за работою¹⁾ живущаго сообразно своимъ средствамъ. И все-таки машина движется, благодаря особой милости и невѣроятному счастью Государыни. Впрочемъ мы не видимъ внутренней стороны дѣла и не можемъ замѣтить недостатковъ въ подробностяхъ.

Воскресенье 3-го Сентября. Я былъ у графини Чернышовой, которая много рассказывала мнѣ о тавлицахъ, совершающихъ великія гнусности. Два дня назадъ, они задушили женщину въ городѣ близъ Нѣмецкаго театра, а третьяго дня ночью срѣзали пятьдесятъ четыре аршина занавѣсокъ съ оконъ у фельдмаршала Голицына. Полиція ужасна; а на дняхъ опубликовали указъ, дающій этимъ несчастнымъ годъ сроку, чтобы вернуться къ своимъ господамъ. За это время Богъ знаетъ, что можетъ произойти: но ихъ боятся, потому что они многочисленны и дружно сплотились. Все это напоминаетъ Пугачева, а какъ деспотизмъ всегда сопутствуется страхомъ, то хотятъ падить и рабовъ, и господъ.

Я былъ у графа Воронцова²⁾ и засталъ его; мы говорили о пожарѣ и убыткахъ, причиненныхъ какъ купцамъ, такъ и казизѣ. Они простираются, считая расходы по постройкѣ вновь магазиновъ, до милліона четырехъ сотъ т. рублей. Графъ Воронцовъ, давая мнѣ эти свѣдѣнія, сказалъ, что купцы очень преувеличили свои потери; но онъ приказалъ дать отчетъ объ оборотахъ магазиновъ; выводя и сравнивая, онъ надѣется приблизиться къ истинѣ. Государыня вознаградитъ убытки. Она рѣшила замѣнить деревянные амбары каменными; это будетъ стоить милліонъ четыреста тысячъ рублей (пять милліоновъ шестьсотъ тысячъ ливровъ), и зданія должны быть выстроены въ два года. Починка каменныхъ будетъ готова къ Маю.

Понедѣльникъ 4-го Сентября. Фаворитъ Ланской, звѣзда котораго, говорятъ, заходила, продолжастъ пользоваться милостью. Правда, онъ еще не обладаетъ голубой Польскою лентою и дуется за это; но Государыня утѣшила его, сказавъ, что онъ еще не можетъ носить ее по особымъ причинамъ. Болѣе того, меня увѣряютъ, будто она написала

¹⁾ Финшъ по происхожденію. П. Б.

²⁾ Это графъ Александръ Романовичъ, президентъ Коммерцъ-коллегіи. П. Б.

ему письмо; я это знаю отъ Монтари, видѣвшаго письмо, въ которомъ она говоритъ, что онъ долженъ довѣриться ея дружбѣ, что она будетъ любить его всегда. Письмо полно совѣтовъ и просьбъ не занимать ее глупостями, а думать о службѣ родинѣ, потому что она хотѣла бы сдѣлать изъ него государственнаго человѣка. Въ числѣ чтеній, намѣченныхъ ею, она особенно рекомендовала ему письма Цицерона. Письмо носитъ заголовокъ: „Мои предсказанія“ и хранится въ очень красивомъ ящикѣ.

Я сомнѣваюсь, другъ мой, что эти предсказанія исполнятся, потому что бѣднякъ Ланской немного глупъ, и его знаменитый другъ не сможетъ передѣлать его, такъ же какъ и Зорича, котораго она со времени фавора считала за одареннаго блистательнымъ умомъ, и также хотѣла сдѣлать полезнымъ человѣкомъ для государства¹⁾. Корсаковъ, смѣнившій его, не былъ счастливѣе въ образованіи; этотъ фаворитъ болѣе всѣхъ удивлялъ меня своимъ поведеніемъ и тѣмъ сильнымъ влеченіемъ, которое возбуждалъ въ Государынь. Это былъ болванъ самодовольства, самаго низкаго разбора, какого не терпѣли бы даже въ Парижѣ, и меня крайне удивило, что онъ любовникъ Строгоновой, прибывшей изъ Франціи. Послѣ этого ничего нельзя сказать про вкусъ женщины²⁾. Строгоновъ смотрѣлъ на эту связь съ Парижскимъ спокойствіемъ; онъ совершилъ даже неосторожность, поставившую его на дурной счетъ при Дворѣ: онъ имѣлъ слабость поѣхать въ Петергофъ съ женою и Корсаковымъ, которому запрещенъ былъ входъ ко Двору. Хотя былъ только костюмированный балъ, что собственно не раутъ, однако нашли этотъ поступокъ предосудительнымъ и дали это почувствовать Строгонову. Что касается Корсакова, то онъ уѣхалъ въ Москву, потому что Государыня съ сегодняшняго утра здѣсь, въ Петербургѣ.

Вернемся, другъ мой, къ этому энтузіазму Государыни и разберемся въ его основахъ. Ничего нѣтъ естественнѣе этого чувства у женщины, одержимой въ ея годы страстью; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ничего плачевнѣе, потому что оно влечетъ къ слабостямъ, непозволительнымъ для властелина. Было бы желательно, чтобы она брала любимцевъ только для удовлетворенія; но это рѣдкое явленіе у особъ пожи-

¹⁾ Къ этому времени могутъ относиться слова Екатерины Безбородкѣ о томъ, что она воспитываетъ молодыхъ людей для пользы Государству. П. Б.

²⁾ Корсаковъ пережилъ всѣхъ любимцевъ Екатерины. Онъ умеръ въ 1836, и Пушкинъ спрашивалъ его про Екатерину. Уѣзжалъ онъ изъ своего дома на Тверскомъ бульварѣ въ свое великолѣпное Братцево и возвращался оттуда въ каретѣ съ императорскими гербами. П. Б.

лыхъ, и если у нихъ воображеніе не исчезло, онѣ совершаютъ сумашествія въ сто разъ больше, нежели молодья*). Развѣ я не видалъ здѣсь Репнина, влюбленнаго, какъ мальчишка, въ Нелединскую? Репнинъ же человѣкъ умный, а Нелединская представляетъ весьма мало съ этой стороны. Воображеніе и тщеславіе бродятъ въ старомъ мозгу сильнѣе; это, конечно, несчастье, но вмѣстѣ съ тѣмъ показатель нѣкоторыхъ хорошихъ свойствъ.

Государыня, желая сдѣлать Ланского государственнымъ человекомъ, этимъ самымъ доказываетъ, что думаетъ о государствѣ. Это хорошее намѣреніе, дурно направленное; но уже достаточно и хорошихъ намѣреній, и если бы этой властительницею руководилъ, какъ это могло бы быть, человѣкъ генія, онъ бы заставилъ ее совершать великія и блистательныя дѣла; но такой человѣкъ не встрѣчается, иллюзіи же, которыя она собѣ создаетъ при каждомъ новомъ фаворитѣ, исчезая и вновь появляясь, вызываютъ частыя смѣны фаворитовъ, влекуція за собою губительныя послѣдствія. Со всеміи своими широкими замыслами и лучшими намѣреніями Екатерина II-я губить страну нравами, разоряетъ ее тратами и кончить тѣмъ, что о ней будутъ судить какъ о женщинѣ слабой и романтичной.

Владычество Ланского продолжится недолго, не взирая на энтузіазмъ. Ему куплена библіотека въ десять тысячъ рублей, которой онъ, конечно не будетъ пользоваться. Устраиваютъ судьбу нѣкоего Цезата, учителя, малаго безъ всякихъ достоинствъ; его жена, какъ увѣряютъ, будетъ состоять при Государынѣ, которая это обѣщала, и потомъ все зданіе рухнетъ, уступая мѣсто другому.

Вернувшись изъ-за города, я былъ у князя Потемкина, который принялъ меня очень хорошо. Я оставался у него полчаса.

Вторникъ 5-го Сентября. Я былъ въ оперѣ, въ министерской ложѣ, узнавъ, что туда поѣхалъ Делинъ, и слушалъ довольно хорошую музыку Паизиелло, которую онъ написалъ для Могилева подъ названіемъ „Обманутый любовникъ“. Я разговаривалъ съ Делинемъ, человекомъ умнымъ. Онъ сказалъ, что графъ д'Артуа заказалъ серебряныя буквы для печати, которая красивѣе, нежели Елизаветинскія. Печатаютъ, съ тщательнымъ выборомъ, лучшіе образцы прозы и поэзіи нашей литературы, что составляетъ еженедѣльно довольно толстую тетрадь. По-

*) Современники знали, что Екатерина страдала особаго рода болѣзнію въ чреслахъ. Марія Савишна Переклукшина (пережившая Государыню на 24 года) передавала княгинѣ С. А. Трубецкой, что Екатерина два раза вынесла безуспѣшную операцію (объ этомъ сказывала намъ дочь княгини Трубецкой, княгиня М. В. Воронцова).

сѣдняя содержала романъ „Заидъ“. Въ данное время всѣхъ тетрадей двадцать пять. Графъ д'Артуа печатаетъ только 26 экземпляровъ. Делинъ въ ихъ числѣ, и эти лица являются судьями произведеній, помѣщаемыхъ въ сборникѣ. Печатная доска ломается по напечатаніи даннаго количества экземпляровъ, и такимъ образомъ коллекція дѣлается очень цѣнной и дорогой, благодаря ея рѣдкости. Каждая тетрадь обходится въ двадцать эю; расходы несетъ графъ д'Артуа.

Тавлинцы каждый день производятъ новые безпорядки; они украли серебро изъ дома Волкова, а сегодня ночью забрался къ Кобенцелю черезъ окно балкона и срѣзали сукно на билліардѣ. Наканунѣ князь Делинъ проигралъ на этомъ билліардѣ тысячу рублей Нормандцу, который вызываетъ надъ собою смѣхъ тщеславіемъ и тяжелоуivenessю, обличающими въ немъ выскочку.

Среда 6-го Сентября. Я обѣдалъ за городомъ и у Бемеровъ ждалъ поѣзда Прусскаго принца^{*)}). Въ то время, какъ онъ поѣзжалъ, мы вышли на дорогу. Передъ экипажемъ скакали въ два ряда казаки, высланные навстрѣчу. Весь поѣздъ представлялъ красивое зрѣлище. Прусскій принцъ сѣдѣлъ въ каретѣ съ ген. Гёрцомъ, братомъ здѣшняго министра. Его высочество узналъ дамъ Бемеръ и любезно раскланялся. Умилительная вещь—проявленіе патріотизма; онъ почти непостижимъ въ нынѣшній вѣкъ; его вѣрнѣе ощущаешь, нежели объясняешь себѣ. Въ домѣ царицы радость и энтузіазмъ, которыя раздѣлялъ и я. Это признакъ сердець добрыхъ и чувствительныхъ, и я былъ съ людьми, которые столько разъ проявляли его по отношенію ко мнѣ, что было бы неблагодарностью съ моей стороны забыть о томъ.

Четверть 7-го Сентября. Я былъ послѣ обѣда у Сакена, переѣхавшаго въ новое помѣщеніе рядомъ съ княземъ Реннинимъ; наемная плата всего 12 тысячъ рублей, и размѣстился онъ очень хорошо. Я оставался у него, разговаривалъ цѣлый часъ, и онъ сообщалъ мнѣ, что Прусскій принцъ былъ принятъ не такъ, какъ принцъ Генрихъ и какъ великій князь въ Берлинѣ. Онъ былъ сегодня на выходѣ у Государыни, и великій князь прибылъ туда же, чтобы повидаться съ нимъ. Конвой Прусскаго принца былъ не блестящъ: всего три лейбъ-казака, два почтальона и два курьера. Камергеры и камеръ-юнкеры стояли внизу лѣтницы. Онъ обѣдалъ съ Государыней за столомъ на двадцать шесть приборовъ, и вотъ почти все, что я узналъ. При его прибытіи не было пушечнаго салюта, какъ это сдѣлали при прибытіи въ Берлинъ великаго князя, которому были оказаны всѣ воинскія почести.

^{*)} Это былъ племянникъ и наследникъ Фридриха Великаго, дѣдъ нашей императрицы Александры Феодоровны Первой. П. Б.

Воскресенье 10-го Сентября. Я сегодня одѣлся рано, чтобы видѣть графа Гёрца и былъ у него въ 9 часовъ утра. Намъ не удалось долго бесѣдовать, потому что прѣхалъ совѣтникъ двора Алопеусъ. Все же мы поговорили о Прусскомъ принцѣ. Графъ, видимо, имъ доволенъ. Государыня въ началѣ какъ будто смущалась съ нимъ, но потомъ заговорила съ бѣльшимъ довѣремъ. Она сказала ему, что несчастна, что новыя учрежденія причиняютъ ей огорченіе малымъ успѣхомъ; жаловалась, что не имѣетъ помощи, и вѣтъ у нея человѣка, умѣющаго проводить ея намѣренія. Думаютъ, что осанка Прусскаго принца произвела на нее впечатлѣніе, но это предположеніе то исчезаетъ, то вновь появляется.

Положеніе Прусскаго принца здѣсь весьма затруднительно. Молодой Дворъ хочетъ видѣть его на своей сторонѣ и удалить отъ князя Потемкина. Пруссакъ проявилъ тутъ ловкость и откровенность и отвѣчалъ на жалобы, которыя высказывались по поводу фаворита: „Будь я Русскимъ, я могъ бы его ненавидѣть; но въ моемъ положеніи иностранца я долженъ быть съ нимъ вѣжливъ“. Вчера вечеромъ, когда его королевское высочество пригласили отуживать, Салтыковъ далъ понять, что желательно отсутствіе генерала Потемкина; это было трудно сдѣлать, такъ какъ онъ состоялъ въ свитѣ. Потемкинъ догадался и удалился. Тогда Прусскій принцъ сказалъ великому князю, что такъ не должно быть, и онъ желаетъ присутствія Потемкина на ужинѣ. Побѣжали за Потемкинскимъ, и по возвращеніи его великій князь вѣжливо сказалъ ему: „Почему вы удалились? Я послалъ васъ искать“. Этотъ анекдотъ рисуется обоимъ принцевъ, и Пруссакъ при сравненіи выигрываетъ.

Я былъ у Хорты¹⁾, чтобы видѣть процессію Св. Александра. Государыня не была, даже въ экипажѣ, потому что обычай требуетъ, чтобы шли пѣшкомъ. У Хорты встрѣтилъ я Бюлло, который называлъ мнѣ фамилію кадетъ. Вотъ онѣ: Толстой, Бобринскій, сынъ Государыни, Апраксинъ, Арсеньевъ, Ушаковъ, Волотниковъ, Сизеровъ²⁾ и т. д. Ихъ было двѣнадцать, но я могъ узнать имена только этихъ. Любопытно знать, чѣмъ станутъ эти молодые люди впоследствии.

Прусскій принцъ получилъ ордена Св. Андрея и Св. Александра, которые онъ сегодня надѣлъ. Онъ обѣдалъ съ Государыней за столомъ кавалеровъ. Обратили вниманіе, что онъ сидѣлъ не по правую руку Государыни, которая сидѣла между великимъ княземъ и имъ. Орденъ Св. Александра покрытъ крупными прекрасными брилліантами. Вечеромъ былъ рауть и игра въ макао. Прусскій принцъ сидѣлъ по

¹⁾ Харта—представитель Португаліи при нашемъ Дворѣ. П. Б.

²⁾ Цизыревъ? П. Б.

правую руку Государыни и проигралъ пятьсотъ рублей. Гаррисъ также игралъ. Веракъ не захотѣлъ играть, хотя я его убѣждалъ; онъ отвѣчалъ, что король не выдаетъ ему жалованья на игру. Однако у него самого сто тысячъ ливровъ.

Быль большой ужинъ, и я бесѣдовалъ съ графомъ Апраксинымъ¹⁾, командиромъ одного пѣхотнаго полка и братомъ Талызиной. Разговоръ коснулся его родины и князя Потемкина; я говорилъ въ качествѣ частнаго путешественника, и это заставляло ко мнѣ прислушаться. Мы сошлись во мнѣнїи относительно генія этого страннаго и удивительнаго человѣка. Онъ увѣряетъ, что у Потемкина такое сильное желаніе не подпасть подъ чье нибудь вліяніе, что какъ только онъ замѣчаетъ къ кому нибудь предпочтеніе, тотчасъ же перестаетъ его видать или обращается съ осторожностью: вѣрный признакъ генія и самое важное правило въ политикѣ.

Понедѣльникъ 11-го Сентября. Боятся, что Государыня станетъ холодна къ Прусскому принцу за его сношенія съ великимъ княземъ. Замѣтили, что Потемкинъ не былъ вчера при Дворѣ; но это еще ничего не значитъ, и я думаю, что ошибаются, воображая, будто смущеніе Прусскаго принца дѣланное и свидѣтельствуется о его недовольствѣ. Благодаря обычаю, онъ сидѣлъ вчера за столомъ съ непокрытою головою среди кавалеровъ, бывшихъ въ шапкахъ и не снимавшихъ ихъ даже во время здравицы за Государыню; но для вновь пожалованныхъ такъ и должно быть, и онъ не имѣлъ права надѣть ни плаща, ни мундира. Князь Потемкинъ обнажилъ голову, провозглашая здоровье принца: это замѣтили.

Среда 13-го Сентября. Я пошелъ сегодня къ Толстому, майору Преображенцевъ и полезному другу Государыни, равно и Потемкина, котораго онъ знаетъ въ теченїи 15-ти лѣтъ. Толстой любитель-химикъ и далъ мнѣ репетъ своего *signalbo*²⁾. Онъ знакомъ съ пѣкїимъ Шульгинимъ изъ горной коллегїи, также любителемъ, и предпочитаетъ работать съ нимъ вмѣстѣ. Онъ обѣщаль давать мнѣ свѣдѣнія, сообщать свои открытія и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ подписаться для него на Архивъ *mytho-hermétique*. Его работа напоминаетъ мнѣ сочиненьице по химїи Лавуазье, генерала-фермера.

Четверъ 14-го Сентября. Я бесѣдовалъ съ графомъ Семеномъ Воронцовымъ, и онъ сказалъ мнѣ, что послѣдній отчетъ убытковъ отъ пожара показывалъ сумму въ 1.100.000 рублей, которая можетъ быть

¹⁾ Это былъ не графъ, а просто Апраксинъ, Степацъ Степановичъ. П. Б.

²⁾ ? П. Б.

уменьшена на двѣсти тысячъ, потому что торговцы преувеличили свои потери; это развѣдывается, и считаютъ вѣроятнымъ, что убытки доходятъ до 900.000 рублей. Есть торговецъ, потерявшій 80.000 р., но онъ богатъ и не проситъ вознагражденія. Мнѣ хочется знать имя этого безкорыстнаго варвара, явленія необычайнаго въ этой странѣ. Онъ не похожъ на знаменитаго Собакина, который показалъ свое состояніе всего въ сорока тысячахъ рубльяхъ, а графъ Семень увѣряетъ, что у него ихъ 800.000. Онъ купилъ въ Ярославлѣ прекрасныя промышленныя заведенія, а также желѣзные и мѣдные рудники, принадлежавшіе прежде отцу Шувалова-поэта, оставившаго ихъ казнѣ для уплаты своихъ долговъ. Этотъ Собакинъ купилъ ихъ, кажется, за два милліона, а они стоятъ дороже. Графъ Семень описывалъ мнѣ одинъ Сибирскій рудникъ, гдѣ золото добывается изъ камня и горнаго хрусталя ¹⁾).

Пятница 15-го Сентября. Прусскій принцъ продолжаетъ изъ-за боли въ ногѣ сидѣть дома. Великій князь навѣщаетъ его каждодневно, а иногда по два раза въ день. Но Государыня и Русскіе выказываютъ мало заботливости: онъ недостаточно мишуренъ для этой страны ²⁾).

Вторникъ 19-го Сентября. Прусскій принцъ вышелъ вчера въ первый разъ; онъ ужиналъ у великаго князя. Его пребываніе не производитъ сильнаго впечатлѣнія, имъ занимаются посредственно, и князь Потемкинъ самъ сказалъ, что дѣлаютъ недостаточно для пріема подобающаго лицу царской крови.

Я ходилъ къ князю Потемкину и нашелъ его одного въ маленькихъ покояхъ. Онъ страдалъ разстройствомъ пищеваренія и сказалъ, что не поѣдетъ къ вице-канцлеру. Мы разговаривали о гравюрахъ и книгахъ; по этому случаю онъ сказалъ, что Гаррисъ подарилъ ему Гомера по гречески, напечатаннаго Баркьервплемъ. Я напомнилъ ему о намѣреніи велѣть сдѣлать гравюры; онъ отвѣчалъ, что исполнить ихъ можно только во Франціи; я предложилъ взять это порученіе на себя и написать ему изъ Парижа, на что онъ согласился. Мое предложеніе, видимо, доставило ему удовольствіе, и это является способомъ сохранить связи съ удивительнымъ человѣкомъ, великимъ визиремъ Россіи.

Среда 20-го Сентября. Князь Потемкинъ подарилъ Прусскому принцу пару прекрасныхъ Персидскихъ коней. Графъ Панинъ ³⁾ при-

¹⁾ Графъ С. Р. Воронцовъ, въ молодости, былъ посланъ отцомъ своимъ въ Пермскую губернію. П. Б.

²⁾ Пристрастіе Корберона къ принцу Прусскому объясняется тѣмъ, что оба они были масоны. П. Б.

³⁾ Вѣроятно, графъ Петръ Ивановичъ. П. Б.

существовалъ при этомъ, и Потемкинъ просилъ его, какъ знатока, сдѣлать выборъ, что слѣдовало предоставить его королевскому высочеству.

Суббота 23-го Сентября. Г-жа Бюлло сообщила мнѣ подъ секретомъ нѣкоторыя частности Двора, которыя оправдываютъ холодное отношеніе къ Прусскому принцу. Государыня въ отвратительномъ расположеніи духа. Ея новыя учрежденія идутъ изъ рукъ вонъ плохо; всюду мятежи, крестьяне жалуются на господъ и отказываются повиноваться подъ предлогомъ, что Государыня дала имъ свободу. Посланы войска въ Бѣлоруссію и Новгородъ. Нѣкоторыя грамоты о свободѣ, данныя Государыней, подобно грамотамъ купцамъ и нѣкоторымъ крестьянамъ, возбудили остальныхъ. Насчитываютъ болѣе двухъ тысячъ крестьянъ, подавшихъ подобныя же челобитныя. Крѣпостные Разумовской не хотятъ больше ей принадлежать.

Кромѣ того въ Совѣтѣ произошла большая ссора у Панина съ Потемкинымъ. Послѣдній открыто заявилъ себя сторонникомъ Англіи и, желая дать понять, что графъ Панинъ продался Франціи, громко сказалъ, что изображенія Людовика XVI на монетахъ прекрасно могутъ служить марками для игры въ вистъ. Панинъ отвѣчалъ, что если ему нужны подобныя марки, то онъ легче можетъ употребить на то гиней. Ссора такъ разгорѣлась, что Панинъ пошелъ за Государыней, которая появилась разнять ссорящихся. Прибавляютъ, что Потемкинъ въ день извѣстія о знаменитомъ нападеніи на Англичанъ былъ въ отвратительномъ расположеніи духа и видѣлся только съ Гаррисомъ, съ которымъ заперся на два часа; къ тому же Потемкинъ въ данное время не въ ладахъ съ Государыней. Княгиня Голицына-Энгельгардтъ высказывала мнѣніе относительно Государыни, будто та достаточно стара, чтобы обходиться безъ любви. Эти толки были переданы Толстымъ, неблагодарною креатурою князя; понятно, что они уязвили Властительницу, и думаютъ, что Голицыныхъ сошлютъ въ деревню, не смотря на заступничество Потемкина. Къ тому же прибавляютъ, что прибылъ отъ Орлова гонецъ съ письмомъ къ Государынѣ, въ которомъ князь срываетъ покровъ съ дѣйствій Потемкина и предлагаетъ доказать, что тотъ получилъ отъ Англичанъ полтораста тысячъ гиней.

Все это огорчаетъ Государыню, и положеніе ея довольно плачевно; она чувствуетъ, что у нея нѣтъ ни друзей, ни людей, могущихъ быть ей помощниками. Для три тому назадъ она очутилась за обѣдомъ одна и нарочно задержала графа Брюса въ качествѣ собесѣдника. Все это неблагопріятныя условія для пребыванія Пруссакаго принца.

Воскресенье 24-го Сентября. Ностицъ разговаривалъ со мною у Кобенцеля, гдѣ я обѣдалъ, и справедливо осуждалъ поѣздку, которую

Гёрцъ посовѣтоваль королю, такъ какъ въ ней Гёрцы преслѣдовали только собственную выгоду. Но я сомнѣваюсь, чтобы они ее извлекли, не смотря на старанія обойти принца. Странно, что не стараются устроить ему близость, какою пользовался императоръ *) у Государыни; все это не побудить его продолжить свое пребываніе, и многіе думаютъ, что онъ уѣдетъ 8-го Октября, хотя онъ предполагалъ остаться до 15-го. Князь Потемкинъ отступилъ передъ грозой, разразившейся надъ головами Голицыныхъ, и ихъ отѣздъ въ деревню рѣшенъ; онъ назначенъ на утро въ Среду. Княгиня, убѣжденная въ мнѣніи, высказанномъ по поводу Государыни, не отрицаетъ его; она созналась въ немъ, говоря, что не накажутъ же ее кнутомъ за правду. Сестра ея, маленькая Екатерина Энгельгардтъ, теперешняя фаворитка князя Потемкина, какъ думаютъ, беременна; Рожерсонъ прописалъ ей для видимости Старорусскія воды, а такъ какъ владѣнія Голицыныхъ лежатъ по дорогѣ туда, то она отправится вмѣстѣ съ ними и этимъ прикроется ссылка Голицыныхъ, якобы сопровождающихъ ее. Голицынъ въ отчаяніи, потому что эта ссылка можетъ повредить его движенію впередъ, которое пошло бы быстро. Съ нимъ вчера случилось двѣнадцать припадковъ, и князь Потемкинъ ходилъ къ нимъ нѣшкомъ утѣшать его и его жену. И его положеніе весьма критическое: его личная дружба съ Гаррисомъ повредила ему, потому что Государыня не терпитъ этого министра, и думаютъ, что будетъ просить о его отозваніи.

Съ другой стороны увѣряютъ, что графъ Алексѣй возвращается.

Р. S. Я ошибся, говоря по поводу водъ о Старой Русѣ, куда ѣдетъ маленькая Екатерина Энгельгардтъ; названіе водъ—Царицыно. Онъ очень извѣстенъ здѣсь, и этотъ годъ тамъ было много народу.

Понедѣльникъ 25-го Сентября. Сегодня съѣздъ у его королевскаго высочества по случаю дня его рожденія. Русскіе и иностранцы пробыли тамъ до одиннадцати съ половиною часовъ утра; былъ великій князь, и Государыня прислала великолѣпные мѣха; ихъ поднесъ Ланской. Вотъ все, что сдѣлали для дня его рожденія, потому что, какъ говорятъ, Воздвиженіе Креста не допускаетъ, чтобы былъ рауть при Дворѣ. Графъ Гёрцъ давалъ своему принцу обѣдъ, на которомъ присутствовали только Русскіе. Вечеромъ королевское высочество былъ на балу и ужиналъ у великаго князя.

Вторникъ 26-го Сентября. Я недавно узналъ одно обстоятельство, показывающее, насколько безопасна Государыня при всей ея славѣ.

*) Т. е. Иосифъ II-й. П. Б.

Ночью внутри дворца разставлены часовые съ заряженными ружьями, и на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга стоятъ взводы солдатъ тоже вооруженныхъ.

Среда 27-го Сентября. Я уже говорилъ тебѣ, что между Потемкинымъ и Екатериною размолвка по поводу маленькой Екатерины Энгельгардтъ, которая уѣхала, думаю, вчера, беременная на 6 или 7 мѣсяцѣ. Какъ говорятъ, ея отъѣзда пожелала сама Государыня, такъ какъ она была предназначена въ невѣсты маленькому Бобринскому, сыну Екатерины и князя Орлова. Ты понимаешь, что свадьба не можетъ состояться, а молва, идущая по поводу ссылки, въ виду положенія маленькой Екатерины, заставила одного молодого Русскаго поблагодарить за честь Потемкина, который предлагалъ ее послѣ отказа Бобринскаго. Вотъ, другъ мой, образецъ Русскихъ нравовъ, и вотъ какъ Потемкинъ опекаетъ своихъ племянницъ. У него есть еще одна, 12-ти лѣтъ, и ей предстоитъ таже участь; она послѣдняя, по имени Татьяна: она будетъ очень умна и съ той причудливой наружностью, которая привлекаетъ больше красоты.

Воскресенье 1-го Октября. Сегодня былъ пріемъ при Дворѣ, и Государыня утромъ не показывалась, потому что дурное расположеніе духа все еще продолжается. Одна изъ причинъ, усиливающихъ его— междуцарствіе фаворитовъ. Ланской окончательно устраненъ, и его преемникъ намѣченъ: это нѣкій Пожарскій армейскій капитанъ. Онъ появился вечеромъ въ качествѣ карточного партнера Екатерины, но ждуть отъѣзда Прусскаго принца, чтобы утвердить его положеніе. Это молодой человѣкъ, вылитый Геркулесъ; вотъ и все, что пока о немъ рассказываютъ.

На слѣдующій день послѣ ужина у Верака, Строгоновъ ѣдетъ въ Сенатъ; ему подають пакетъ отъ Государыни, гдѣ находится указъ противъ азартной игры. Нашъ сенаторъ ничего не говоритъ, но вечеромъ, во внутреннихъ покояхъ, бросается къ ногамъ Государыни и проситъ прощенія. Государыня ему сказала: „Вотъ это хорошо: я хотѣла и должна была дать вамъ этотъ урокъ, потому что вы, сенаторъ, должны были бы знать законы“. Непослѣдовательность только въ томъ, что Государыня сама играетъ въ макао, игру азартную. Правда, она ограничена, и на карту можно ставить не болѣе полуимперіала; у Верака не позволялось ставить выше ста рублей.

Понедѣльникъ 2-го Октября. Недовольство Потемкинымъ продолжается. Находятся люди, думающіе, что онъ падетъ; я этому не вѣрю.

Его племянница, Екатерина, должна вернуться через полтора мѣсяца и если это правда, то тѣмъ уничтожаются слухи о ея беременности. Генераль-майоръ Толстой пользуется большимъ благорасположеніемъ, но что ни говорили бы, а Потемкинъ въ концѣ концовъ раздавить его. Онъ пробудетъ нѣсколько дней въ отсутствіи, чтобы показать свой полкъ князю Делиню, уѣзжающему въ Субботу. Полкъ стоитъ въ Дорпахъ*), и Потемкинъ проводитъ туда Делиня.

Среда 4-го Октября. Я былъ сегодня утромъ у совѣтника Штелина попросить новую маленькую карту промежуточной области между Америкой и Русскими владѣніями. Онъ дастъ мнѣ ее съ описаніемъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Штелинъ сказалъ, что населеніе Петербурга можно считать въ сто шестьдесятъ тысячъ душъ, а Москвы—въ триста-четырееста тысячъ. Я сообщу Данвилю о картѣ и описаніи. Этотъ Штелинъ—болтунъ-путанникъ, знающій много, но плохо передающій. Знакомство съ нимъ очень полезно.

Четверть 5-го Октября. Прусскій принцъ уѣзжаетъ сегодня въ восемь часовъ вечера, но передъ отъѣздомъ будетъ присутствовать на торжествѣ закладки церкви, которую Государыня приказала воздвигнуть во имя Св. Софій и по модели знаменитой мечети въ Константинополѣ. Эта церковь должна быть въ новомъ городѣ, который ея величество хочетъ построить въ окрестностяхъ Царскаго Села. Говорить по этому поводу, что ея намѣреніе было жить тамъ со Дворомъ и устроить тамъ Русскій Версаль.

Прусскій принцъ обожаемъ всеми, его окружающими: къ тому же онъ щедръ и любитъ дѣлать подарки. Онъ послалъ сегодня хорошенькіе часы, осыпанные брилліантами, институткѣ Ушаковой, привѣтствовавшей его въ институтѣ. Этотъ принцъ, чтобы поступать подобающимъ его сану образомъ, добавилъ къ суммѣ, данной ему королемъ на подарки, четырнадцать тысячъ экю изъ своего кармана. Все отъ него въ восторгѣ. и Русскіе, хваля его поступки и находя, что его здѣсь недостаточно хорошо принимаютъ, говорятъ, что у него передъ Государыней видъ благородный и выражающій презрѣніе, и что она этому завидуетъ. Произошелъ маленькій случай, доказывающій, какъ народъ полюбилъ его. Князь Делинъ уѣхалъ сегодня и повелъ съ собою лошадей и людей, подаренныхъ принцу Государыней; это узнали въ народѣ; вообразили, что Государыня подарила Прусскому принцу сто человѣкъ, и велѣд-

*) ? . П . Б .

ствіе этого къ графу Панину явилась цѣлая толпа съ просьбою взять ихъ въ это число.

Среда 11-ю Октября. Я обѣдалъ сегодня у г-жи Билло съ сенаторомъ Олсуфьевымъ, графами Воронцовыми и личнымъ секретаремъ Безбородко, *le favori en fonction du matin.* Я обѣщала Олсуфьеву картины къ исторіи новѣйшихъ временъ, и мы уговорились съ графомъ Александромъ Воронцовымъ пересылать другъ другу, я—табакъ, онъ—чай.

*

Корберонъ уѣхалъ изъ Петербурга во Францію 21 Октября 1780 года, ласково отпущенный Екатериною, подарившей ему на прощанье двѣ тысячи Голандскихъ червонцевъ и табакерку съ брилліантами. Ему очень хотѣлось оставаться въ Россіи, но его перевели на службу въ Цвейбрюкенъ. Конецъ его поприща былъ печаленъ. Сдѣлавшись отъявленнымъ иллюминатомъ, онъ поселился въ Авиньонѣ. Отецъ и братъ его погибли на эшафотѣ, и буря революціи хотя пощадила его, но разорила. Онъ умеръ бѣднякомъ, въ Парижѣ въ Декабрѣ 1810 года.

Мы сдѣлали только извлеченіе изъ его Записокъ (рукопись которыхъ сохранилась въ Авиньонской городской библіотекѣ). Надѣмся, что это извлеченіе заманитъ Русскихъ читателей къ ближайшему знакомству съ подлинникомъ. Во всякомъ случаѣ Русская исторіографія должна быть благодарна г-ну Либанду за образцовое изданіе въ свѣтъ этихъ двухъ томовъ. П. Б.

ДВА ЗАВѢЩАНІЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

(крѣпостные ищутъ воли).

Г. Р. Державинъ, на склонѣ своей жизни, имѣлъ довольно крупное состояніе. Кромѣ большаго дома въ Петербургѣ и разнаго движимаго имущества, у него было нѣсколько помѣстій въ разныхъ губерніяхъ. Отъ своихъ родителей онъ унаслѣдовалъ очень мало, все же прочія имѣнія приобрѣлъ самъ, то какъ награду за службу, то въ видѣ пожалованій за хвалебные стихи и оды, то покупкою.

Одно изъ его имѣній, село Смоленское-Державино тожъ, съ нѣсколькими принадлежащими къ нему деревнями, въ отдаленномъ Оренбургскомъ краю, въ Бузулукскомъ уѣздѣ, нынѣ Самарской губ., почему-то особенно озабочивало владѣльца. И вполнѣдствіи его крестьяне принесли немало заботъ и огорченій наслѣдникамъ поэта, болѣе же безпокойные изъ нихъ при этомъ крѣпко заплатились за безразсудное упорство и своеволие. Поводомъ къ этому послужили преждевременныя и неисполнимыя обѣщанія самого Державина и его туманныя пожеланія въ оставленномъ имъ духовномъ завѣщаніи.

Село Державино перешло къ Гавріилу Романовичу съ небольшимъ количествомъ земли отъ его отца, которому оно было пожаловано за службу. Державинъ прикупилъ къ нему у Башкиръ новыя земли и угодья и перевелъ сюда часть крестьянъ изъ другихъ своихъ имѣній, изъ Бѣлорусской и Казанской губерній, а для болѣе доходности построилъ винокуренный заводъ, съ которымъ дѣло, однако, какъ-то долго не налаживалось. Владѣлецъ не могъ подыскать для того добросовѣтнаго управляющаго. Только не задолго до смерти Державину удалось поручить этотъ заводъ крестьянину Разуваеву, который удачно повелъ дѣло и далъ владѣльцу хорошій доходъ. Державинъ былъ такъ доволенъ этимъ, что не только выразилъ Разуваеву свою благодарность, но объявилъ ему, что, въ знакъ своей признательности, онъ освобождаетъ „дочерей его и невѣстокъ отъ господскихъ работъ“. При этомъ довольный господинъ присовокупилъ: „служите только вѣрно; я и всемъ крестьянамъ и людямъ сдѣлаю такую милостивую льготу, что они послѣ меня вѣчно будутъ меня благодарить“.

Въ другой разъ Державинъ заявилъ, что имъ написана духовная, исполненіе которой наслѣдниками доставить всѣмъ ему подвластнымъ облегченіе“ *)

Вѣсть о такомъ обѣщаніи разнеслась по всему населенію с. Смоленскаго и, понятно, породила среди него надежду на свободную, независимую жизнь; хотя вмѣсто того привела ихъ къ нежелательнымъ и тягостнымъ послѣдствіямъ, о чемъ, однако, академикъ Я. К. Гротъ въ „Жизни Державина“ не упоминаетъ. Онъ говоритъ, что имѣлъ въ рукахъ списки съ завѣщаній, какъ самого Державина, такъ и второй его жены Дарьи Алексѣевны (урожд. Дьяковой, пережившей своего мужа на 26 лѣтъ), и хотя онъ считаетъ эти документы весьма интересными и важными для характеристики ихъ завѣщателей, но тѣмъ не менѣе не даетъ ихъ полностью, а знакомить читателей лишь съ сущностью обоихъ завѣщаній и съ нѣкоторыми поясняющими ихъ обстоятельствами. Но этого далеко недостаточно для полнаго уясненія послѣдующихъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ с. Смоленскомъ.

Приблизясь къ старости, Державинъ былъ озабоченъ вопросомъ, кому онъ можетъ передать свое знаменитое имя и оставить свои родовыя и благоприобрѣтенныя имѣнія отъ двухъ браковъ. У него явилась мысль передать свое имя одному изъ своихъ родственниковъ съ правомъ сдѣлаться по смерти обоихъ супруговъ единственнымъ наслѣдникомъ всего достоянія; но всѣ попытки въ этомъ отношеніи не удались; приходилось думать лишь о распределеніи имущества по своему усмотрѣнію, чтобы устранить послѣ себя возможные ссоры и тяжбы между родственниками.

Первоначально свое духовное завѣщаніе Державинъ написалъ и подписалъ 1-го Января 1804 года, вѣкорѣ послѣ выхода въ отставку изъ должности министра юстиціи. Въ этомъ завѣщаніи имѣлся одинъ пунктъ, въ которомъ была выражена воля Державина, чтобы, по смерти Дарьи Алексѣевны, *„отъ подвластныхъ ему крепостныхъ люди и крестьяне, на основаніи указа 1803 года, обращены были въ свободные хлѣбопашцы“*.

Это первое завѣщаніе замѣнено другимъ, въ которомъ уже не было подобнаго, яснаго, опредѣленнаго пункта объ освобожденіи крестьянъ; а вмѣсто того въ него включенъ другой не выполнѣ ясный и условный пунктъ съ пожеланіемъ оставить крестьянъ только на основаніяхъ, изложенныхъ въ написанномъ собственноручно положеніи 1-го Января 1804 г. Относится ли этотъ опредѣленный пунктъ (9-й) второго завѣщанія къ опредѣленно-выраженной волѣ завѣщателя въ первомъ, не получившемъ законной силы, проектѣ завѣщанія, или къ какому-либо другому написанному имъ въ тотъ же день положенію? Можно только предполагать, что онъ относится къ первому проекту завѣщанія.

Мы не знаемъ, какими побужденіями и соображеніями руководился Державинъ, включая въ свое первое завѣщаніе пунктъ объ обращеніи его крестьянъ послѣ смерти жены въ свободныхъ хлѣбопашцевъ, такъ какъ самъ

*) „Жизнь Державина“, Я. Грота. С.-Пб. 1880 г., стр. 955.

онъ лично былъ противъ изданія указа 1803 г. о нихъ, и его возрѣнія на этотъ предметъ были одною изъ причинъ его отставки. Непонятно также, почему онъ указанный пунктъ перваго завѣщанія объ освобожденіи крестьянъ замѣнилъ во второмъ глухой, условной, неопредѣленной ссылкой на него, какъ на документъ, съ предоставленіемъ, однако, рѣшенія этого вопроса на волю правительства, какъ повелѣваютъ законы.

Объясненіе такого, на первый взглядъ, страннаго измѣненія Я. К. Гротъ находитъ въ Запискахъ Державина. „Видя (сказано тамъ), что указъ (1803 г.), о вольныхъ хлѣбопашцахъ не исполняется и исполняться не можетъ, онъ въ своемъ завѣщаніи сдѣлалъ относительно *освобожденія* принадлежащихъ ему крестьянъ распоряженіе, которымъ съ одной стороны ограничилъ самовластіе своихъ наслѣдниковъ, а съ другой не далъ и крестьянамъ *никакого повода* къ своеволю или переходу въ другія мѣста. „Вотъ, конечно (добавляетъ Гротъ), та льгота, которую онъ за нѣсколько лѣтъ передъ смертію сулилъ въ будущемъ одному изъ своихъ прикащиковъ“.

Немного же, добавимъ мы отъ себя. Все-таки въ чемъ же льгота-то и облегченіе крестьянской участи?

„Но желаніе Державина (продолжаетъ Гротъ), не могло осуществиться: когда онъ въ 1808 или 1809 году просилъ черезъ Молчанова (статсъ-секретаря) объ утвержденіи Государемъ этаго распоряженія (т. е. сказаннаго проекта перваго завѣщанія), то императоръ Александръ I не изъявилъ на то своего соизволенія, а Державину было сообщено, чтобы онъ „просилъ о томъ въ судебныхъ мѣстахъ по законамъ, чего безъ воли монаршей никому не можно сдѣлать“¹⁾.

Однако не изъ чего не видно, чтобы Державинъ пытался добиваться осуществленія своего желанія судебнымъ порядкомъ, а вмѣсто того онъ замѣнилъ первое завѣщаніе новымъ, которое было подписано имъ уже послѣ составленія Записокъ, т. е. послѣ 1812 года.

Можно предположить, что, включая въ свое первое завѣщаніе пунктъ, соответствовавшій указу 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ и доводя объ этомъ до свѣдѣнія Государя, Державинъ думалъ вернуть утраченное имъ благо-расположеніе, какъ удачно пріобрѣталъ его не разъ прежде, во время написанными и поднесенными одами.

Включивъ во второе завѣщаніе ссылку на первое (или на положеніе) и, очевидно, не рассчитывая на исполненіе его въ этомъ пунктѣ, Державинъ прямо завѣщалъ отпустить послѣ его смерти на волю только нѣсколько человекъ дворовыхъ.

Для полноты очерка приведемъ здѣсь полностью второе завѣщаніе по копіи Бузулукскаго уѣднаго суда²⁾:

¹⁾ „Жизнь Державина“. Я. Грота, стр. 1005—1007.

²⁾ Дѣло Канц. Оренб. Воен. Губ. 1849 г. № 55 „По рапорту дежурнаго генерала Главнаго Штаба Е. И. В. съ принятіемъ рекрута Макара Разуваева о неправильномъ завладѣніи помѣщикомъ Миллеромъ имѣнія, принадлежавшаго покойному тайному совѣтнику Державину“ и т. д.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

„Вижу многіе въ жизни сей примѣры, что смерть, не разбирая ни лицъ, ни обстоятельствъ, ни времени, никого не обходитъ. Внезапная кончина бываетъ причиною ссоръ наслѣдниковъ и безконечныхъ тяжбъ. Въ отвращеніе сего, не имѣя у себя ни дѣтей, ни родственниковъ рода Державиныхъ, кромѣ по женскому колѣну племянниковъ, отъ дочерей дядьевъ моихъ Миллера и Глазатовыхъ, будучи здоровъ и въ полномъ разумѣ, рѣшился я симъ завѣщаніемъ заблаговременно сдѣлать распоряженіе моему имѣнію, по большей части благопріобрѣтенному, и тѣмъ доставить миръ семейству моему.

1-е, Домъ каменный въ Петербургѣ, состоящій на Фонтанкѣ, между Измайловскимъ и Обуховскимъ мостами, купленный мною на имя первой, покойной жены моей у г. Захарова, со всѣми при немъ мною пріумноженными пристройками, по плану значущимся, принадлежащій мнѣ по записи въ С.-Петербургской Гражданской палатѣ, въ 1794 году шуриномъ моимъ по первой женѣ Бастидономъ учиненной, отдаю по смерти моей второй женѣ моей, Дарьѣ Алексѣевнѣ, урожденной Дьяковой, въ вѣчное и потомственное владѣніе съ тѣмъ, что должна она, объявивъ, гдѣ надлежитъ по законамъ, помянутую запись, внести въ казну съ написаннаго въ ней капитала пошлины, и преобративъ оную себѣ въ крупость, заплатить въ теченіе своей жизни по-малу безъ процентовъ, или въ наслѣдство по себѣ оставить племянницѣ моей по первой женѣ Екатеринѣ Бастидовой девять тысячъ руб., которые обѣщаль было я той же записью отцу ея Бастидону, ежели бъ онъ живъ былъ; а ежели ея Екатерины Бастидовой прежде жены моей въ живыхъ не станеть, то уже никому одному изъ родни ея сей суммы девяти тысячъ рублей не отдавать, а употребить хотя по той же роднѣ въ раздачу или постороннимъ бѣднымъ по благоразсужденію Дарьи Алексѣевны.

2-е, Всѣ благопріобрѣтенныя мною недвижимыя имѣнія (и впродъ если пріобрѣту), какъ-то купленныя, отъ правительства данныя и всемилоствѣйше пожалованныя, а именно: въ Рязанской г. въ Михайловскомъ у. въ селѣ Никольскомъ—Горностаевка тожь, съ деревнями, въ Бѣлорусской г. въ Себежскомъ ключѣ, въ разныхъ деревняхъ; въ Новороссійской г., въ Херсонскомъ у. въ деревнѣ Гавриловкѣ, и въ смежной съ нею дачѣ, что мнѣ по купчей дошло отъ Петра Александровича Соймонова; въ Оренбургской г. въ Бузулукскомъ у. въ селѣ Смоленскомъ—Державино тожь съ деревнями, землями и къ нимъ принадлежащими угодьями по купчимъ, даннымъ, жалованнымъ грамотамъ, межевымъ планамъ и книгамъ мнѣ слѣдующими, а людей и крестьянъ, что по послѣдней ревизіи тамъ стоятъ (кромѣ земли отцу моему за службу трехсотъ четвертей, а людей и крестьянъ родовыхъ), силою высочайше жалованной дворянству въ 1785 году грамоты, отдаю по смерти моей въ вѣчное и потомственное владѣніе ей же моей женѣ.

3-е, Покойныхъ родителей моихъ, отца и матери, весьма малыя родовыя недвижимыя имѣнія, а большею частію ими благопріобрѣтенныя же, какъ-то купленныя по закладнымъ и давшимъ отъ правительства доставшіяся въ Казань-

ской г., въ Казанскомъ у. въ селѣ Сукурахъ (Покровское тожъ), въ Лаишевскомъ въ деревнѣ Кармачахъ и Бутыряхъ; въ Оренбургской г. въ помянутомъ селѣ Державинѣ земли, съ принадлежащими къ нимъ угодыми, по крѣпостямъ и межевымъ планамъ, а людей и крестьянъ по ревизіямъ тѣхъ селеній, откуда они съ прежнихъ жилищъ переведены за ними, родителями моими, писанныхъ, силою наслѣдственныхъ узаконеній и высочайшей конфирмаціи, на докладѣ Правительствующаго Сената по дѣлу князя Долгорукова съ Приклонскимъ въ 1799 г. состоявшейся, отдаю по смерти моей двоюродному моему племяннику по женскому колѣну Петру Миллеру, оставляя изо всѣхъ тѣхъ имѣній седьмую часть женѣ моей по общимъ законамъ, предоставляя въ ея же пользу въ томъ селѣ Державинѣ земли, мною купленные у Башкирцевъ, винокуренный заводъ со всѣми принадлежностями, на мой собственный капиталъ построенный, и переведенныхъ въ то село крестьянъ изъ Бѣлорусской г. изъ вышеупомянутаго Себежскаго ключа, изъ Арзамасскаго у. изъ деревни Гавриловки, изъ прочихъ пріобрѣтенныхъ мною деревень, которыя земли, заводъ и крестьяне, яко благопріобрѣтенныя мною и на таковыхъ же земляхъ поселенныя, да остаются женѣ моей по смерти ея, а послѣ оной да присовокупится сіе село на томъ же правѣ съ деревнями и землями къ родовымъ въ ономъ селѣ имѣніямъ въ наслѣдіе помянутому моему наслѣднику Миллеру съ тѣмъ, что ежели онъ, Миллеръ, при жизни жены моей ни въ какую съ ней тяжбу не вступитъ, а оставитъ ее полною и спокойною владѣлицею подареннаго мною ей имѣнія. А ежели онъ, наруша сіе мое распоряженіе, при жизни ея одѣлаетъ къ ней какія малѣйшія привязки и начнетъ тяжбы въ движимыхъ или недвижимыхъ родовыхъ или благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ, то въ такомъ случаѣ и въ томъ селѣ Державинѣ благопріобрѣтенныя мною имѣнія отдаю ей женѣ моей въ вѣчное и потомственное владѣніе, а родовыя вездѣ, гдѣ оныя только за мною состоятъ, какъ Миллеру, такъ и еще Глазатовымъ, племянникамъ моимъ, въ живыхъ находящимся, раздѣляются по равнымъ частямъ, какъ общіе законы повелѣваютъ.

4-е, Въ замѣну всего того подареннаго мною женѣ моей да заплатить она всѣ долги мои казні, какъ-то въ банки двадцатилѣтній и вспомогательный, подъ которые заложены всѣ безъ остатка родовыя и благопріобрѣтенныя мои недвижимыя имѣнія, до платежа которымъ ни Миллеру, ни Глазатовымъ дѣла нѣтъ.

5-е, Сверхъ оныхъ казенныхъ, имѣющихся на мнѣ партикулярные долги, по заемнымъ письмамъ, счетамъ и роспискамъ за моею рукою оставшимся, обязанъ заплатить реченный мой наслѣдникъ Миллеръ изъ родового имѣнія, ему мною упроченнаго; или, не вступая до смерти жены моей ни въ какое онаго владѣніе, предоставитъ тѣ частныя долги заплатить ей самой женѣ моей, а когда долги заплатитъ или прежде того сама захочетъ отдать ему то родовое имѣніе, то можетъ онъ и безъ платежа долговъ уже чистое получить оное; и сіе отдаю ему Миллеру на волю. Напротивъ того, надѣюсь я на доброе сердце жены моей, что она чрезъ свое хозяйство, не токмо заплатя

партикулярные долги, отдасть ему чистое и неразоренное родовое имѣніе; но ежели онъ и сѣстры его, Миллера, почтеніемъ своимъ сыщутъ ея къ себѣ уваженіе, то удѣлить и имъ что либо изъ оставленнаго мною ей и благоприобрѣтеннаго имѣнія. Но сіе все предоставляю въ полное благорасположеніе жены моей; а права они чего либо отъ нея требовать да не имѣютъ; ибо имѣніе мое собственное, почти все мною нажитое, и не столь велико, чтобы я могъ всѣхъ удовлетворить онымъ.

6-е, Небольшое движимое мое имѣніе, какъ-то: серебро, брилліантовые и всякія другія вещи, экипажи, лошадей, разные скотскіе заводы, посуду всякаго рода, платье, книги, требованія мои на комъ либо и наличныя деньги (кромѣ чужихъ, по опекамъ у меня хранящихся, кои значатъ по записнымъ въ конторахъ книгамъ), словомъ все безъ остатка въ С.-Петербуржскомъ и деревенскихъ домахъ моихъ находящеяся отдаю женѣ моей, оставляя ее во всемъ томъ полновластною хозяйкою и госпожею, и до сего никому изъ наслѣдниковъ дѣла нѣтъ.

7-ое, Дворовыхъ людей моихъ Михайла Осипова, Андрея Никифорова, Прокофья Иванова, камердинера Кондратя Тимофеева съ ихъ женами и дѣтьми, только бракомъ не обязавшимися, буде пожелаютъ, отпускаю я на волю, подтверждая таковую же свободу прежде мною отпущеннымъ съ письменными видами, за мою рукою данными; изъ коихъ Кондратю за вѣрную службу при отпускѣ дать въ награжденіе 500 рубл., а прочихъ снабдить нужнымъ на заведеніе ихъ, по благоразсужденію жены моей; прочихъ же дворовыхъ людей обоего пола, а особливо стараніемъ жены моей разнымъ мастерствамъ наученныхъ и всѣхъ вообще, которыхъ пожелаетъ она жена моя, принять ей на счетъ седьмой своей части, слѣдующей изъ родового имѣнія, и отпустить также на волю по ея благоразсужденію, смотря по усердной ихъ и вѣрной ей службѣ; и сіе зависѣтъ будетъ непосредственно отъ ея къ нимъ благорасположенія.

8-ое, Не отмѣнять жена моя и вышепоименованный наслѣдникъ положенія моего, учиненнаго въ 1784 году, относительно ежегодной дачи въ церкви деревень моихъ жалованья за труды священно и церковно-служителямъ.

9-ое, *Наконецъ, я бы желалъ, чтобы жена моя, по смерти своей, все вышесказанное, подаренное ей мое имѣніе, ежели правительство дозволитъ и то удобовозможно будетъ исполнить, не продавала, ни отдавала и въ наслѣдіе никому иначе не оставляла, какъ токмо на написанномъ мною собственною рукою 1804 года Января 1 дня положеніи; но если правительство того не дозволитъ, то быть на общемъ положеніи дворянскихъ имѣній, какъ законы повѣляютъ.* Писано въ С.-Петербургѣ при нижесказанныхъ свидѣтеляхъ. Мая 30 дня 1813 года. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Гавріилъ, Романовъ сынъ, Державинъ. Свидѣтелями подъ завѣщаніемъ подписались: тайный совѣтникъ Иванъ, Сергѣевъ сынъ Ананьевскій, тайный совѣтникъ, сенаторъ Матвѣй Корнильевъ сынъ Бороздинъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Алексѣевъ сынъ Соколовъ.

Въ послѣднемъ пунктѣ Державинъ, какъ видимо, ссылается на нѣкое положеніе отъ 1-го Января 1804 г. или на первое свое завѣщаніе, не имѣющее ни силы, ни значенія. Ссылаться же на то, что отмѣнено и замѣнено новымъ и основываться на немъ по меньшей мѣрѣ странно, и ссылка на него не имѣетъ обязательной силы неопровержимаго требованія.

Державинъ скончался 8-го Іюля 1816 года, и его послѣдняя воля была 28-го Іюля того же года предъявлена къ засвидѣтельствуванію въ С.-Петербургскую Палату Гражданскаго Суда, восходила затѣмъ до Сената и Государственнаго Совѣта. Указомъ Правительствующаго Сената отъ 4-го Сентября 1818 г., на основаніи высочайше утвержденнаго 12-го Августа того же года мнѣнія Государственнаго Совѣта, завѣщаніе утверждено къ исполненію, и указанные въ завѣщаніи наслѣдники вступили во владѣніе завѣщанными имъ имѣніями. Затѣмъ жена Державина, Дарья Алексѣевна, послѣ своей смерти село Смоленское, которымъ она владѣла по завѣщанію мужа, со всѣми принадлежащими къ нему деревнями, со всѣмъ населеніемъ, съ имуществомъ крестьянскимъ и господскимъ, съ землями, лѣсами и угодьями и со всякими заведеніями завѣщала дѣтямъ наслѣдника своего мужа П. П. Миллера. Завѣщаніе ея засвидѣтельствовано въ С.-Петербургской палатѣ Гражданскаго суда 27 Іюля 1842 г. Такимъ образомъ Оренбургское имѣніе Державина перешло полностью во владѣніе семейства Миллеровъ.

Уже вскорѣ по смерти своего господина, еще когда не послѣдовало окончательнаго утвержденія его духовнаго завѣщанія, крестьяне села Смоленскаго-Державино тожь принадлежащихъ къ нему деревень начали волноваться и своевольничать, рваться на свободу изъ подъ зависимости вдовы своего господина, отказываясь отъ услугъ ей, а тѣмъ болѣе отъ услугъ позднѣйшимъ наслѣдникамъ Миллерамъ. Еще въ 1817 г. эти крестьяне, ссылаясь на 9-й пунктъ завѣщанія, начали отыскивать вольность отъ услугъ вдовѣ Державина подъ предлогомъ его бездѣтности, и произвели настоящій бунтъ, для усмиренія котораго потребовалась даже Башкирская команда. По рѣшенію Оренбургской Уголовной Палаты, восходившему на высочайшее усмотрѣніе, 19 главныхъ виновниковъ были наказаны плетью и 11 изъ нихъ, по волѣ ихъ госпожи, были сосланы въ Сибирь. Такою строгостью крестьяне хотя на время были укрощены, но духъ непокорности въ нихъ уничтоженъ не былъ.

Съ 1842 г., со времени поступленія ихъ во владѣніе братьевъ Миллеровъ, крестьяне с. Смоленскаго, всегда отличавшіеся своеволіемъ и непокорствомъ, снова взбударажились и взялись отыскивать вольность отъ новыхъ помѣщиковъ, которыхъ не хотѣли признавать своими господами, не хотѣли подчиняться ихъ власти. Никакія мѣры не могли образумить ихъ и заставить отказаться отъ достиженія своей цѣли. А между тѣмъ, управляясь выбранными изъ ихъ среды прикащиками и бурмистрами, они не испытывали никакого стѣсненія: уѣзжали, куда вздумается и даже безъ письменныхъ видовъ, не имѣли понятія о власти помѣщиковъ, даже и не видали ихъ, такъ какъ послѣдніе никогда не бывали въ этомъ имѣніи. И все таки крестьяне были

недовольны, снова стали волноваться, сговариваться, производить между собой денежные сборы, сочинять прошения о своей жалкой долѣ, наконецъ выбрали ходаковъ для подачи этихъ прошеній и снарядили ихъ въ дальній путь. Трое изъ нихъ Иванъ Петровъ, Семень Ефремовъ и Іона Шильвановъ, взявши изъ домовой конторы 500 рублей, отправились въ Петербургъ и 13 Юля 1843 г. подали прошеніе Государю Императору объ освобожденіи ихъ отъ власти помѣщиковъ Миллеровъ, которые, будто бы, владѣютъ ими неправильно, въ подтвержденіе чего ссылались на 9-й пунктъ завѣщанія Державина. По собраніи статсъ-секретаремъ Его Величества свѣдѣній и на основаніи духовныхъ завѣщаній имъ въ просьбѣ было отказано.

Въ то время четвертый довѣренный Іона Петровъ подалъ просьбу о томъ же министру внутреннихъ дѣлъ, въ которой онъ вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на то, что помѣщики ихъ разоряютъ и истязаютъ своихъ крестьянъ, а также ходатайствовалъ о защитѣ и огражденіи его съ товарищами, подавшими прошеніе Государю Императору, отъ притѣсненій помѣщиковъ Миллеровъ. Просьбу Іоны Петрова министръ препроводилъ Оренбургскому военному губернатору для разслѣдованія. Послѣдній въ свою очередь направилъ ее къ управляющему Оренбургской губерніей, управленіе котораго въ то время было въ Уфѣ, и предложилъ ему „поручить Бузулукскому уѣздному предводителю дворянства удостовѣриться въ образѣ упражненія помѣщика Миллера съ крестьянами и оградить ихъ отъ всякихъ несправедливыхъ требованій владѣльца“ *). Съ этой цѣлью предводитель дворянства былъ въ с. Смоленскомъ, произвелъ разслѣдованіе и донесъ гражданскому губернатору, что жалобы крестьянъ неосновательны: помѣщики Миллеры не бывали еще въ этомъ своемъ имѣніи, которымъ владѣютъ на основаніи законно утвержденныхъ духовныхъ завѣщаній и не могли истязать и обижать своихъ крестьянъ, которые всегда управлялись и управляются избранными изъ ихъ среды прикащиками и бурмистрами, не обращающими вниманія на нравственность людей; разореніе, на которое жалуются крестьяне, опровергается тѣмъ, что г. Миллеръ раздавалъ имъ на сѣмена разнаго хлѣба до 8500 пудовъ; если же они почитаютъ разореніемъ запрещеніе рубить безъ дозволенія и продавать изъ господскихъ дачъ лѣсъ, что ими прежде дѣлалось безпрепятственно, то и само правительство показываетъ примѣръ необходимости сберегать лѣсъ. При этомъ предводитель присовокупялъ, что крестьяне эти и отъ перваго ихъ владѣльца г. Державина долгое время отыскивали вольность и оказывали неповиновеніе, такъ что вынудили мѣстную полицію вытребовать для усмиренія ихъ Башкирскую команду.

Послѣ этого разслѣдованія крестьяне-Державинцы Ефимъ Денисовъ и Ефимъ Васильевъ, называя себя избранными отъ общества, снова подали Оренбургскому губернскому прокурору прошеніе, въ которомъ жаловались на жестокое

*) Эти и послѣдующія свѣдѣнія и приводимая переписка между административными лицами взяты изъ Дѣла Канц. Оренб. Воен. Губ. 1849 г. за № 55, которое хранится въ архивѣ Оренбург. ученой архивной Коммиссіи.

обращеніе съ ними г.г. Миллеръ, повodomъ къ чему служатъ ихъ ходатайства о свободѣ. Въ тоже время двое другихъ уполномоченныхъ Семенъ Ефремовъ и Трофимъ Трофимовъ подали прокурору же другое прошеніе, въ которомъ объясняли: „Помѣщикъ нашъ г. Державинъ при жизни своей, имѣя во владѣніи у себя благопріобрѣтенное самимъ имъ имѣніе, состоящее Буздукскаго уѣзда при с. Смоленскомъ съ деревнями, заключающееся въ крестьянахъ по послѣдней ревизіи 890 душъ со всѣми землями и угодыми, въ томъ числѣ при селѣ Державинѣ родовую землю 300 четвертей, по несостоянію у него дѣтей и родственныхъ рода Державиныхъ, кромѣ по женскому колѣну отъ дочерей дядевъ его Миллеръ и Глазатовыхъ, все означенное движимое и недвижимое имѣніе предоставилъ по духовному завѣщанію, писанному 1813 года 30-го Маія, женою его Дарьей Алексѣевой, урожденной Дьяковой. Это завѣщаніе къ засвидѣтельствуванію явлено 1816 года 28 Іюля въ С.-Петербургской Палатѣ Гражданскаго суда, въ которомъ (т. е. завѣщаніи) помѣщикъ нашъ Державинъ между прочимъ въ 9-мъ пунктѣ того завѣщанія объявилъ желаніе, чтобы жена его Дарья Алексѣевна по смерти своей все вышеписанное подаренное ей имѣніе, если правительствомъ дозволено и то удобовозможно будетъ исполнить, не продавала и въ наслѣдіе никому не оставляла, какъ токмо исполнила бы положеніе, писанное собственною его рукою 1804 года Генваря 1-го дня“. Содержаніе этого положенія (по словамъ прошенія крестьянъ) заключалось въ томъ, чтобы крестьяне, по кончинѣ его и жены его Дарьи Алексѣевой, съ каждаго крестьянскаго тягла собрали по пяти руб. и на поминаеніе усопшихъ душъ ихъ внесли въ монастырь, а сами воспользовались отъ рабства свободою; каковое завѣщаніе крестьяне всегда готовы бы были исполнить съ усердіемъ, какъ только получаютъ свободу и поступать въ казенное вѣдомство. „Но, нынѣ къ неожиданности нашей и явному помраченію силы завѣщанія послѣ кончины помѣщика нашего Державина и супруги его Дарьи Алексѣевой явились наслѣдники: чиновникъ X-го класса Константинъ Петровъ Миллеръ и мать его Елена Силина и братья его, Константинъ Владиміръ, Николай, Александръ, Гавріилъ, сестры ихъ Елисавета, Софья и Марья, которымъ, будто бы, жена покойнаго господина нашего Державина предоставила по духовному завѣщанію. Если это сдѣлано справедливо, то въ противность 9-го пункта, написаннаго въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ покойнымъ мужемъ ея, ибо она передавать крестьянъ другимъ владѣльцамъ не имѣла права и обязана была непосредственно исполнить волю и положеніе 1804 года Генваря 1-го дня завѣщателемъ мужемъ ея учиненное. Вѣроятно, положеніе это, по коему предоставлена намъ свобода, Дарьей Алексѣевой Державиной или господами Миллеръ сокрыто“.

Такъ объясняли свои права крестьяне с. Смоленскаго.

Губернское Правленіе, куда были переданы ихъ жалобы на разсмотрѣніе, въ указѣ своемъ отъ 23-го Іюня 1844 г. положило: „какъ изъ розыска учиненнаго г. предводителемъ дворянства видно, что крестьяне г.г. Миллеръ послѣ смерти прежняго своего владѣльца г. Державина отыскивали отъ услугъ

женѣ его долгое время свободу, тоже ссылаясь на положеніе, писанное самимъ Державинымъ въ 1-й день Января 1804 года; но были ли эти обстоятельства въ разсмотрѣніи какихъ-либо присутственныхъ мѣстъ и постановлялись ли объ нихъ рѣшенія, въ Губернскомъ Правленіи не видно; а потому и предписало Бузулукскому уѣздному суду: „ежели по выправкѣ окажется, что о высказываемой крестьянами г. Державина свободѣ въ разсмотрѣніи судебного мѣста дѣла еще не было и рѣшенія объ этомъ не послѣдовало, то по собраніи надлежащихъ свѣдѣній постановить о томъ на законномъ основаніи опредѣленіе“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно объявить объ этомъ крестьянамъ со внушеніемъ, чтобы они ожидали рѣшенія суда по ихъ просьбѣ и были послушны своимъ помѣщикамъ; а послѣднихъ распорядились обязать подписками, не чинить никакого наказанія крестьянамъ безъ вѣдома полиціи.

Въ Бузулукскомъ уѣздномъ судѣ въ то время уже имѣлось на производствѣ о крестьянахъ с. Державина особое уголовное дѣло по сбору денегъ на ходатайство о вольности и о другихъ противозаконныхъ поступкахъ, по которому повѣренные крестьянъ бѣглецы изъ села, Семень Ефремовъ и Семень Ермолаевъ содержались подъ стражею въ Бузулукскомъ тюремномъ замкѣ.

Бузулукскій судъ, получивъ отъ Губернскаго Правленія это распоряженіе, засвидѣтельствовалъ бѣглымъ крестьянамъ Ефремову и Ермолаеву довѣренность отъ всего общества на ходатайство, которую губернской прокуроръ скрѣпилъ своею подписью. Началось новое дѣло по домогательствамъ тѣхъ же крестьянъ гибельное для нихъ и обременительное для помѣщиковъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, судъ, на основаніи законно составленныхъ и утвержденныхъ духовныхъ завѣщаній, призналъ домогательства крестьянъ неправильными и въ опредѣленіи своемъ 27 Ноября 1847 года постановилъ: „крестьянъ с. Смоленскаго, Державино тожь, съ деревнями, оставить въ крѣпостномъ владѣніи господъ ихъ Миллеръ; хотя они и прежде отыскивали свободу отъ услугъ г-жи Державиной, ссылаясь на положеніе, писанное собственною рукою г. Державина въ 1-й день Января 1804 г. и поясненное въ 9-мъ пунктѣ духовнаго завѣщанія, постановленнаго имъ, Державинымъ, въ пользу жены своей Дарьи Алексѣевой; но онаго, какъ тогда, такъ и нынѣ нигдѣ не отыскали, то вмѣнить имъ въ обязанность, чтобы они на будущее время не осмѣливались утруждать правительство бездоказательными и неосновательными просьбами о мнимой вольности, подъ опасеніемъ строгаго по закону высканія“.

Рѣшеніе это постановлено объявить сторонамъ „при открытыхъ дверяхъ апелляціоннымъ порядкомъ и выдать имъ съ опредѣленія сего за скрѣпою секретаря копии, въ удовольствіи или неудовольствіи взять подписки“.

Копія съ рѣшенія представлена губернскому прокурору, а самое рѣшеніе объявлено сторонамъ 15-го Января 1848 года.

Во время производства дѣла въ уѣздномъ судѣ Губернское Правленіе, вслѣдствіе жалобы Миллеровъ Оренбургскому гражданскому губернатору, по

постановленію 11-го Іюля 1847 г. входило въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ о необходимости остановить рѣшеніе суда и прекратить дѣло и хотя получило на это разрѣшеніе, но поздно: дѣло было уже рѣшено и по апелляціи крестьянъ перенесено въ Гражданскую Палату и значительно затянулось.

Между тѣмъ крестьяне, одобренные предоставленіемъ имъ права иска и подстрекаемые своими повѣренными и сочинителями ябедническихъ просьбъ, вели себя совершенно независимо, не признавали власти помѣщиковъ и дѣлали, что хотѣли: открыто собирались для совѣщаній, производили денежные сборы на ходатайство, по своему произволу отправляли въ разные города своихъ повѣренныхъ; при нарядахъ на господскія работы заводили съ упрчвляющими дерзкіе споры и выходили на нихъ по большей части въ „полупруга“ *); многіе же, подъ предлогомъ болѣзни, неотысканія въ полѣ лошадей, неготовности упряжи, и вовсе отказывались отъ работъ. И все это проходило безнаказанно. Всякое распоряженіе помѣщиковъ о наложеніи взыскацій на виновныхъ не только не достигало цѣли, но еще больше озлобляло крестьянъ и усиливало ихъ дерзость. Такъ, напр., въ 1845 г. возвратившійся изъ Уфы бѣглець, крестьянскій повѣренный, Семень Ефремовъ, когда его господинъ, поручикъ Миллеръ хотѣлъ взять его, какъ бѣглеца, ослушника приказаній и подстрекателя, грозилъ барину серпомъ, если онъ къ нему полойдетъ. Другой крестьянинъ Алексѣй Игнатовъ, бывшій въ бѣгахъ, грозилъ зарѣзать ножомъ сотскаго, явившагося арестовать его по приказанію барина, а сынъ Игнатова выстрѣлилъ при этомъ изъ ружья въ бурмистра. Затѣмъ крестьяне препятствовали владѣльцамъ-сонастѣдникамъ раздѣлить между собою общую земельную дачу, при чемъ отказывались засѣвать свои поля, будучи увѣрены въ томъ, что помѣщики обязаны кормить ихъ.

Такое непокорное поведеніе крестьянъ въ отношеніи своихъ господъ не только сильно озабочивало и тревожило послѣднихъ, но и причиняло безпокойство властямъ, губернскимъ и уѣзднымъ.

Стремясь, во что ни стало, избавиться отъ барщины, освободиться отъ власти своихъ помѣщиковъ, Державинцы прибѣгали ко всевозможнымъ способамъ и всюду подавали прошенія съ своими жалобами и домогательствами. Тяготясь барской властью, они не имѣли терпѣнія дожидаться окончанія своего дѣла въ мѣстномъ судѣ и, вѣроятно не надѣясь на благоприятное для себя его рѣшеніе, пытались достигъ цѣли чрезъ посредство высшихъ властей въ Петербургѣ, куда не только посылали нарочно особо избранныхъ и обыкновенно самовольно отлучавшихся изъ села довѣренныхъ, но пользовались всякимъ случаемъ для подачи жалобъ и прошеній.

Въ началѣ 1849 г. въ составъ одной изъ воинскихъ частей Петербургскаго гарнизона попалъ односелець Державинцевъ рекрутъ Макарь Филипповъ Разуваевъ, членъ семьи именно того самаго благонадежнаго приказчика Разуваева,

*) Т. е. близко полудня.

которому при жизни своей Г. Р. Державинъ поручалъ управление винокуреннымъ заводомъ въ Оренбургскомъ имѣніи и службой котораго онъ былъ чрезвычайно доволенъ, освободилъ дочерей и невѣстокъ его отъ господскихъ работъ и которому обѣщалъ за вѣрную службу оказать по смерти своей особливую милостивую льготу вмѣстѣ съ другими его людьми, за которую они вѣчно будутъ благодарны.

Рекруту Макару Разуваеву, конечно, было хорошо извѣстно про это обѣщаніе, а также и толки въ его семьѣ объ завѣщаніи ихъ перваго господина.

Державинцы, надо полагать, возлагали большія надежды на пребываніе и службу своего односельца въ Царской столицѣ, вблизи Царя, котораго онъ будетъ часто видѣть и можетъ лучше другого кого объяснить самому Царю или его министру нужду и горе своихъ односельчанъ. Добравшись до Петербурга и оглядѣвшись въ столицѣ, рекрутъ Макаръ Разуваевъ дѣйствительно подалъ военному министру прошеніе¹⁾, въ которомъ онъ жалуется на несправильное владѣніе и различныя притѣсненія, чинимыя своимъ крестьянамъ бывшими его помѣщиками братьями Миллеръ; въ подкрѣпленіе этого Разуваевъ объяснялъ, что крестьяне въ числѣ 819 душъ по духовному завѣщанію Державина достались его женѣ въ пожизненное владѣніе, а по смерти ея безъ всякихъ законныхъ актовъ захвачены настоящими владѣльцами; и что хотя крестьяне черезъ своихъ повѣренныхъ неоднократно обращались съ жалобами къ правительству, но какія были по этому распоряженія имъ до сихъ поръ не объявлено. Последнее добавленіе, какъ мы видѣли, совсѣмъ лживо.

Прошеніе Разуваева при рапортѣ дежурнаго генерала Главнаго Штаба отъ 17 Марта 1849 г. за № 2529 препровождено на распоряженіе къ Оренбургскому военному губернатору.

Генералъ Обручевъ предписалъ²⁾ Оренбургскому Губернскому Правленію и Оренбургской Палатѣ гражданскаго суда представить имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія по владѣнію имѣніями, оставшимися послѣ Г. Р. Державина. Губернское правленіе 28-го Апрѣля за № 5565 представило: копіи съ духовнаго завѣщанія самаго Державина, съ мнѣнія Государственнаго Совѣта по дѣлу этого завѣщанія и съ опредѣленія Бузулукскаго уѣзнаго суда 27-го Ноября 1847 г. по дѣлу отысканія свободы крестьянами, о которомъ говорилось выше. Палата же 5-го Мая за № 190 доносила, что въ дѣлѣ, представленномъ на апелляцію изъ Бузулукскаго уѣзнаго суда, о людяхъ отыскивающихъ свободу отъ услугъ г.г. Миллеръ имѣются засвидѣтельствованныя копіи съ духовныхъ завѣщаній Г. Р. Державина и супруги его Дарьи Алексѣевны и копія съ рѣшенія Правительствующаго Сената 4-го Сентября 1818 г., при чемъ представила военному губернатору и копіи со всѣхъ трехъ документовъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію, этого прошенія въ дѣлѣ не осталось: оно возвращено по мѣсту подачи. Содержаніе его изложено здѣсь по письму воен. губерн. Обручева къ П. Н. Игнатову. Л. 106—109.

²⁾ 10-го Апрѣля 1849 г. за №№ 849 и 848; листъ 2 и 3-й.

Между тѣмъ Оренбургскій гражданскій губернаторъ, дѣйст. стат. сов. Балкашинъ отъ 28-го Апрѣля 1849 г. за № 4929 доносилъ военному губернатору ген.-отъ-инфант. Обручеву *):

„Бузулукскій уѣздный предводитель дворянства и тамошній земскій исправникъ отъ 22-го Апрѣля съ нарочно посланнымъ, сего вечера прибывшимъ въ Уфу, доводятъ до моего свѣдѣнія, что, по увѣдомленію Бузулукскаго помѣщика отставнаго поручика Александра Миллеръ объ оказаніи ему совершеннаго неповиновенія крестьянами его села Державина, они 18-го числа сего мѣсяца отправились въ имѣніе г. Миллеръ и, собравъ крестьянъ, хотя употребляли всѣ мѣры убѣжденія и вразумленія о должномъ повиновеніи владѣльцу, предваряя ихъ о той отвѣтственности, какой неминуемо они должны подвергнуться за непокорливость, но крестьяне, въ числѣ 170 душъ, остались упорными въ ослушаніи, уклоняясь отъ засѣва полей къ разоренію себя и владѣльца. При чемъ предводитель и исправникъ объясняютъ, что и въ прочихъ деревняхъ крестьяне г.г. Миллеровъ, составляющіе четыре равныя селу Державину части, едва удержаны отъ подобнаго своеволія; а проживающіе въ деревнѣ Гавриловкѣ, корнета Владимира Миллеръ, какъ пишетъ самъ владѣлецъ въ прошеніи на имя исправника, въ подлинникѣ ко мнѣ представленномъ, отложились отъ всякаго повиновенія. Почему и не имѣя никакой надежды привести ослушныхъ къ долгу кроткими мѣрами убѣжденія, они, предводитель и исправникъ, согласно съ ходатайствомъ г.г. Миллеръ, просятъ меня не отлагательно назначить въ имѣніи ихъ военную команду, опасаясь въ противномъ случаѣ гибельныхъ послѣдствій“.

„Носпѣшая донести о семъ в. в-ству, честь имѣю доложить, что вмѣстѣ съ симъ я отправляюсь самъ въ имѣніе г.г. Миллеръ, передавъ управленіе губерніею г. вице-губернатору, и употреблю все стараніе возвратитъ ослушныхъ къ долгу посредствомъ внушеній, объясненій и увѣщаній. Но, имѣя въ виду, что крестьяне эти не разъ уже открыто упорствовали въ своемъ заблужденіи и неповиновеніи и только силою и строгостію были усмиряемы, я вмѣняю себѣ въ обязанность покорнѣйше просить в. в-ство, не изволите ли сдѣлать теперь же распоряженіе, чтобы въ случаѣ нужды по первому моему къ вамъ донесенію изъ Бузулука, военная команда въ числѣ, достаточномъ для усмиренія слишкомъ 800 душъ, была выслана на мѣсто происшествія“.

Пославъ это донесеніе, губернаторъ Балкашинъ выѣхалъ въ с. Державино для приведенія въ повиновеніе ослушныхъ крестьянъ въ сопровожденіи жандармскаго подполковника Витковскаго, и 3-го Мая за № 2-мъ онъ вновь доносилъ по эстафетѣ генералу Обручеву съ мѣста происшествія, что послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній крестьянамъ объ обязанности повиноваться владѣльцамъ, хотя большая часть и оказали готовность засѣвать собственныя поля (отъ чего уклонялись подъ предлогомъ, что наследники Миллеръ дѣлятъ общую дачу на четыре части), а также обѣщались и впредъ повиноваться владѣльцамъ

*) Получ. въ Оренбургѣ 2-го Мая, листъ 54 и 55.

и спокойно ожидать рѣшенія дѣла объ отысканіи ими свободы; но упорѣйшіе изъ нихъ, 17 человекъ, не смотря на убѣжденія губернатора и полицейское для примѣра наказаніе, остались непреклонными и рѣшительно отказались отъ повиновенія своимъ господамъ, вслѣдствіе чего и были отправлены для заключенія въ тюремный замокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ предписалъ Бузулукскому земскому суду открыть временное отдѣленіе для производства надъ виновными слѣдствія впредъ до командированія съ этой цѣлью одного изъ совѣтниковъ Губернскаго Правленія.

Довося о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ, губернаторъ вновь просилъ генерала Обручева „для удержанія волнующихся крестьянъ отъ дальнѣйшихъ безпорядковъ послѣшить назначеніемъ въ имѣнія г.г. Миллеръ до 200 чел. военной команды подъ начальствомъ благонадежнаго офицера“.

Послѣ того Балкашинъ возвратился въ Уфу.

Второе его донесеніе получено въ Оренбургѣ 6-го Мая, и Оренбургскій военный губернаторъ 7-го Мая за № 1161 предписалъ управляющему Башкиро-Мещерякскимъ войскомъ „тотчасъ же сдѣлать распоряженіе, чтобы, въ случаяхъ поступленія отъ гражданскаго начальства требованія, немедленно была выслана въ имѣніе г.г. Миллеръ изъ ближайшихъ юртъ 10-го Башкирскаго кантона, расположеннаго въ Бузулукскомъ уѣздѣ, команда въ 200 чел. подъ начальствомъ благонадежнаго офицера, приказавъ оной находиться въ полномъ распоряженіи совѣтника Губернскаго Правленія или временнаго земскаго суда и исполнять законныя ихъ требованія“.

Одновременно съ этимъ (7-го Мая № 1162) военный губернаторъ извѣщалъ гражданскаго, что, „усмотрѣвъ изъ донесенія отъ 3-го Мая за № 2, что изъ числа крестьянъ 17 чел. главныхъ виновниковъ отправлены въ тюремный замокъ, а остальные по сдѣланному благоразумному внушенію приведены въ повиновеніе, съ обѣщаніемъ быть послушными своему владѣльцу, онъ (Обручевъ) находитъ уже излишнимъ назначать въ имѣніе г.г. Миллеръ военную команду, которая должна быть назначена изъ Башкирцевъ и отвлекла бы послѣднихъ отъ хозяйственныхъ работъ и въ особенности отъ посѣва хлѣба, которымъ они въ настоящее время занимаются. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ всетаки сообщалось о распоряженіи, данномъ командующему Башкиро-Мещерякскимъ войскомъ о приготовленіи команды и о высылкѣ ея немедленно по требованію гражданскаго начальства; при этомъ предлагалось сдѣлать распоряженіе объ обезпеченіи команды продовольствіемъ въ случаѣ ея вызова и во время нахождения на мѣстѣ экзекуціи.“

На это предписаніе губернаторъ Балкашинъ 9-го Мая № 5422 сдѣлалъ новое представленіе о назначеніи воинской команды въ 200 ч. въ имѣніе Миллеръ, находя эту мѣру крайне необходимою для водворенія между крестьянами прочнаго спокойствія и повиновенія владѣльцамъ, при чемъ подробно изложилъ приведенныя нами выше обстоятельства отношеній крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ, при которыхъ губернаторъ находилъ необходимымъ принять сколь можно послѣднѣе строгія законныя мѣры къ удержанію крестьянъ

въ повиновеніи господамъ и къ сохраненію между ними порядка и спокойствія въ томъ особенно вниманіи, что по Бузулукскому уѣзду подобныя же дѣла возникли и въ имѣніяхъ другихъ помѣщиковъ.

„Мѣры эти (но мнѣнію губернатора) должны заключаться: а) въ скорѣйшемъ окончаніи производящихся о крестьянахъ уголовнымъ и гражданскимъ порядкомъ дѣлъ и примѣрномъ взысканіи съ главныхъ виновныхъ, чрезъ что, безъ сомнѣнія, положится конецъ ихъ несбыточнымъ надеждамъ о вольности и обуздается дерзость и своеволие и б) въ назначеніи, согласно съ желаніемъ г.г. Миллеровъ, хотя на нѣкоторое время военной команды, достаточной для того, чтобы посредствомъ оной заставить ослушныхъ исполнять всѣ законныя требованія помѣщиковъ“. Къ этому губернаторъ добавлялъ, что съ его стороны уже приняты всѣ мѣры къ немедленному окончанію судебныхъ дѣлъ и вновь просилъ распоряженія о назначеніи воинской команды. Для производства слѣдствія о крестьянскихъ беспорядкахъ былъ командированъ въ Бузулукскій уѣздъ совѣтникъ Пироговскій.

Обручевъ распорядился немедленно выслать просимую команду, о чемъ и дать знать губернатору¹⁾.

Двѣ сотни конныхъ и вооруженныхъ Башкирцевъ подъ командой зауряд-хорунжаго Бакаева 26-го Мая выступили изъ юртъ 10-го кантона²⁾.

Только послѣ этого Оренбургскій военный губернаторъ счелъ возможнымъ отвѣтить по поводу просьбы рекрута Разуваева. Возвращая эту просьбу при письмѣ отъ 31-го Мая за № 1353, онъ сообщалъ дежурному генералу П. П. Игнатьеву о положеніи дѣла по владѣнію с. Державинымъ съ деревнями послѣ смерти первоначальнаго владѣльца. При чемъ, изложивъ сущность обоихъ завѣщаній (самого Державина и его жены), генералъ Обручевъ приходилъ къ заключенію, что такъ какъ желаніе Державина въ 9-мъ пунктѣ исполнено не было, а имѣніе передано наслѣдникамъ по особому завѣщанію жены его, то прошеніе Разуваева не подлежитъ удовлетворенію. Затѣмъ въ виду того, что крестьяне не представили того акта, на который ссылаются въ своихъ прошеніяхъ и котораго не имѣло въ виду правительство, и они ничѣмъ не могутъ доказать, что содержаніе его таково, какъ говорятъ ихъ повѣренные, то просьба ихъ признана неуважительною и въ ходатайствѣ ихъ было отказано. Наконецъ Обручевъ сообщалъ о своеволии крестьянъ и о принятыхъ противъ нихъ мѣрахъ.

Вслѣдъ затѣмъ о командированіи воинской команды въ имѣніе Миллеровъ и о причинахъ этой командировки Обручевъ особо донесъ военному министру и министру внутреннихъ дѣлъ³⁾.

¹⁾ Предис. 13 Мая 1849 г. № 1231 Управл. Башк.-Мещ. войскомъ. Л. 98, и за № 1232 Оренбург. Гражд. губерн. Л. 99.

²⁾ Рапортъ Управл. Башк.-Мещ. войскомъ отъ 26 Мая 1849 г. № 900.

³⁾ 1-го Іюня за №№ 1410 и 1411. Л. 110 и 111.

19-го Іюня гражданскій губернаторъ уже доносилъ военному, что крестьяне помѣщиковъ Миллеровъ, сознавъ вину свою предъ господами, нынѣ исполняютъ безпрекословно всѣ законныя ихъ требованія и распоряженія. А потому губернаторъ, по просьбѣ самихъ помѣщиковъ, распорядился вывести воинскую команду изъ имѣнія, законченное же по этому дѣлу слѣдствіе передано въ Бузулукскій уѣздный судъ.

Башкирская команда выведена изъ имѣнія 25-го Іюня и распущена по домамъ.

Но крестьяне не уgomонились. Они не сознавали за собой никакой вины и подчинились только необходимости, силѣ, покорились подъ давленіемъ тяжелой экзекуціи иноплеменной воинской команды. Въ справедливость рѣшенія суда по ихъ дѣлу съ помѣщиками они не вѣрили. Развѣ господа судьи потянутъ руку бѣдныхъ крестьянъ противъ богатыхъ помѣщиковъ? Такъ думали Державинцы и внутренно были убѣждены въ своей правотѣ и когда нибудъ все-таки рассчитывали добиться своей цѣли, избавиться отъ неволи, выбиться на свободу и въ этомъ отношеніи не отказывались отъ новыхъ попытокъ, рассчитывая на слѣпой счастливый случай, на благоприятное стеченіе обстоятельствъ и на особое умѣлое изложеніе прошенія.

А между тѣмъ въ Оренбургскомъ краѣ произошли перемѣны и преобразованія въ административномъ управленіи. Въ 1851 г. была открыта новая Самарская губернія, въ составъ которой вошелъ и Бузулукскій уѣздъ. Изъ губерній Оренбургской и Самарской образовано генераль-губернаторство, и генераль-губернаторомъ назначенъ генераль-адъютантъ В. А. Перовскій (впослѣдствіи графъ), ранѣе, до 1842 года, уже управлявшій Оренбургскимъ краемъ.

Державинцы опять зашевелились. Изъ содержанія ниже приводимой переписки, находящейся въ томъ же дѣлѣ, виденъ весь ходъ ихъ новой попытки освободиться отъ власти помѣщиковъ.

Довѣренный крестьянъ с. Державина и деревень Гавриловки, Морозовки, Екатериновки и Оеклинки *), Петръ Безинъ съ товарищами въ Сентябрѣ 1854 г. подалъ Самарскому и Оренбургскому генераль-губернатору прошеніе, въ которомъ крестьяне жаловались: во первыхъ, что по производившемуся дѣлу въ Бузулукскомъ уѣздномъ судѣ, потомъ въ Оренбургской Палатѣ гражданского суда и въ 4-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената о предоставленіи имъ свободы отъ услугъ г.г. Миллеръ, они, по проискамъ послѣднихъ, лишены всѣхъ средствъ къ ходатайству, и изъ числа ихъ одинъ ихъ повѣренный, по настоянію нынѣшняго владѣльца, сосланъ въ Сибирь на поселеніе, а товарищи его болѣе 8 лѣтъ содержались въ тюрьмѣ, да и вообще всѣ крестьяне терпятъ побой. Духовное завѣщаніе Державина, засвидѣтельствованное въ С.-Петербургской палатѣ Гражданскаго Суда, по проискамъ Миллеръ, скрыто; присутственныя же мѣста, въ коихъ производится по просьбамъ повѣренныхъ Безина

*) Державинъ далъ это названіе селамъ, въ память своей первой супруги Екатерины Яковлевны и своей матери Оеклы Андреевны. П. Б.

съ прочими дѣло, не требуютъ ни подлиннаго завѣщанія, ни копій съ онаго и чрезъ что лишили ихъ права на свободу, а потомъ состоялось рѣшеніе Правительствующаго Сената. Во вторыхъ, по всеподданнѣйшей жалобѣ повѣреннаго ихъ крестьянина Рюмина статсъ-секретарь у принятія прошеній сообщилъ Самарскому гражданскому губернатору объявить Рюмину, чтобы онъ къ жалобѣ той представилъ копію съ опредѣленія Сената, свидѣтельство о бѣдности и о времени объявленія указа Сената; но документовъ сихъ, не смотря на нѣсколько поданныхъ разнымъ лицамъ и въ присутственныя мѣста просьбъ, получить не могутъ. Въ третьихъ, крестьяне жаловались генераль-губернатору, что г. Миллеръ и управляющіе его дѣлають имъ разныя притѣсненія, жестоко наказывая или заставляя безочередно выжать по десятинамъ хлѣба, посылають на господскую работу 4 дня, а имъ даютъ только два. Въ заключеніе повѣренные просятъ генераль-губернатора сдѣлать распоряженіе о выдачѣ требуемыхъ статсъ-секретаремъ документовъ и въ огражденіе отъ притѣсненій отдать ихъ впредь до рѣшенія дѣла въ опекуновское завѣдываніе, опредѣливъ опекуна, минуя г. Шишкова, завѣдывающаго ими по смерти Миллеръ, о притѣсненіяхъ же приказать произвести слѣдствіе, миновавъ властей Бузулукскаго уѣзда. Не дождавшись удовлетворенія на эту просьбу, Безинъ въ Октябрѣ того же года снова повторилъ ее.

Между тѣмъ генераль-губернаторъ просьбу Безина препроводилъ 22 Сентября 1854 г. Самарскому губернатору, причемъ, напомнивъ о высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ въ секретномъ циркулярѣ Мин. Внутр. Дѣлъ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства отъ 23 Октября 1853 г. о строгомъ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ помѣщиками 964 и 965 ст. IX т. Св. З. о сост., просилъ собрать необходимыя свѣдѣнія, удостовѣриться въ справедливости заявленій просителей и сдѣлать распоряженіе о выдачѣ просимыхъ документовъ.

Начальникъ Самарской губерніи К. Гротъ 5 Апрѣля 1855 г. № 317, отвѣчалъ генераль-губернатору, что жалоба Безина на описываемыя притѣсненія, жестокости и обремененіе работами, по произведенному дознанію, оказалась несправедливою. Относительно же выдачи документовъ К. Гротъ доносилъ слѣдующее:

1) Рѣшеніемъ Правител. Сената въ искѣ свободы крестьянамъ г. Миллера отказано; указъ по сему предмету Гражданской Палаты отъ 2 Октября 1852 г. лично объявленъ бывшему повѣренному отъ крестьянъ Семёну Ермолаеву, а также вычитанъ и прочимъ крестьянамъ и взята отъ нихъ подписка, что они обязаны оставить всякое ходатайство объ освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія.

2) Другой повѣренный крестьянинъ Рюминъ приносилъ всеподданнѣйшую жалобу на рѣшеніе Правител. Сената, но отъ статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества сообщено: объявить называющему себя повѣреннымъ крестьянъ помѣщика Миллера, крестьянину Рюмину, что эта жалоба оставлена безъ дѣйствія за неозначеніемъ ни сочинителя, ни переписчика оной и за

непредставленіемъ копій съ опредѣленія Правител. Сената или свидѣтельства о бѣдности, равно свидѣтельства о времени объявленія ему указа Правител. Сената. Настоящее распоряженіе статсъ-секретаря остается не объявленнымъ крестьянину Рюмину за побѣгомъ его изъ имѣнія и по неизвѣстности его мѣстопробыванія. Хотя крест. Рюминъ и входилъ съ прошеніемъ въ Бузулукскій земскій судъ, ходатайствуя о выдачѣ ему копій съ рѣшенія Правител. Сената, но какъ за полученіемъ оной не являлся, то эта копія и не была ему выдана. Впрочемъ крестьяне помѣщика Миллера, по распоряженію Самарскаго губернатора, снабжены уже засвидѣтельствованною копіею съ рѣшенія Правительствующаго Сената.

3) Въ Февралѣ 1853 г. крестьяне г. Миллера, подстрекаемые писцомъ Тихомировымъ, отказались отъ повиновенія владѣльцу, но земскою полиціею при бытности уѣзднаго предводителя дворянства водворено спокойствіе, а подстрекатель Тихомировъ преданъ суду и заключенъ подъ стражу.

4) Самая довѣренность, данная будто бы крестьянами одновотчиннику ихъ Рюмину, оказывается сомнительною, и о дѣйствительности сей довѣренности, равно о новомъ подстрекательствѣ крестьянъ, въ чемъ подозрѣвается исправляющій должность Бузулукскаго уѣзднаго стряпчаго чиновникъ Авровъ и занимавшійся у него письмоводствомъ Александръ Тугушевъ, производится слѣдствіе по распоряженію Губернскаго Правленія.

По всѣмъ обстоятельствамъ, находя жалобу Петра Безина несправедливою во всѣхъ отношеніяхъ, губернаторъ К. Гротъ полагалъ оставить ее безъ уваженія, а какъ она также могла быть составлена безъ согласія прочихъ неграмотныхъ крестьянъ, съ подстрекательства только неблагонамѣренныхъ людей, то, чтобы положить конецъ сему дѣлу, возбуждающему въ крестьянахъ неосновательныя надежды на полученіе свободы, онъ считалъ бы не лишнимъ и настоящее прошеніе передать слѣдователю для совмѣстнаго изслѣдованія о подстрекателяхъ крестьянъ помѣщика Миллера. Къ этому губернаторъ добавлялъ, что о положеніи производимаго слѣдствія о подстрекательствѣ крестьянъ и дѣла о возмущеніи ихъ писцамъ Тихомировымъ затребованы подробныя свѣдѣнія отъ слѣдователя Бузулукскаго исправника Лукина и отъ Бузулукскаго уѣзднаго суда, и онъ обратитъ особенное вниманіе на эти дѣла; что онъ предписалъ Бузулукскому земскому суду вновь объявить крестьянамъ помѣщика Миллера, что домогательство ихъ объ отысканіи свободы, за послѣдовавшимъ рѣшеніемъ Правител. Сената, не можетъ быть уважено и что они должны оставить всякую мысль о свободѣ, причемъ внушить имъ, чтобы они находились въ полномъ повиновеніи владѣльцу, подъ опасеніемъ за противное строжайшаго наказанія.

Генералъ-адъютантъ Перовскій согласился съ доводами Грота и возвратилъ ему просьбу Безина вмѣстѣ съ поданной въ Октябрѣ 1854 г. для присоединенія къ производимому слѣдствію о подстрекательствѣ крестьянъ.

Внушеніе крестьянамъ, сдѣланное по распоряженію губернатора Грота, что они должны оставить всякую мысль о свободѣ и быть въ повиновеніи

владѣльцу, повидимому не достигло цѣли, такъ какъ ихъ повѣренные въ томъ же 1855 г. одинъ за другимъ подаютъ генераль-губернатору графу Перовскому новыя прошенія.

Повѣренный Матвѣй Ивановъ опять повторяетъ исторію съ завѣщаніемъ, что они не могутъ найти его, отыскивая свободу; при чемъ жалуется, что г. Миллеръ за ихъ ходатайства отдалъ ихъ въ аренду Стобеусу, который отдалъ крестьянъ въ солдаты безъ очереди и въ послѣдній наборъ отдалъ трехъ братьевъ просителя, а его по неспособности назначилъ отдать безъ зачета; отца же его намѣревается сослать въ Сибирь на поселеніе. Отецъ Иванова подавалъ просьбу Самарскому губернатору, но тотъ возвратилъ ее, не сдѣлавъ никакого распоряженія. Послѣ того они входили съ прошеніемъ къ министру юстиціи, который препроводилъ его на распоряженіе его сіятельства. Стобеусъ, узнавъ объ этомъ, разорилъ Иванова совершенно, раздавъ крестьянамъ его скотъ, хлѣбъ, птицу и домъ, самого же съ семействомъ увезъ въ свою деревню.

Другой повѣренный, уже упоминавшійся раньше, крестьянинъ Рюминъ въ своей жалобѣ графу Перовскому, говоря о неудовлетвореніи просьбъ Безина, жалуется на то, что г. Миллеръ, узнавъ о подачѣ просьбы, довѣреннаго Иванова заключилъ въ тюремный замокъ, а просителя Рюмина съ женой наказалъ розгами, давъ ему 1500, а женѣ 150 ударовъ. Теперь, по настоянію своихъ довѣрителей, Рюминъ вновь проситъ о выдачѣ документовъ и о передачѣ имѣнія въ опекуновское управленіе и не оставить безъ вниманія сдѣланнаго ему жестокаго наказанія.

Графъ Перовскій объ жалобы, и Иванова, и Рюмина, препроводилъ Самарскому губернатору.

На этомъ переписка въ дѣлѣ заканчивается. Чѣмъ завершилось дѣло о подстрекательствѣ, неизвѣстно.

Такъ вмѣсто обѣщаннаго облегченія, Державинскіе крестьяне получили лишь отягощеніе, упорно отыскивая свободу болѣе сорока лѣтъ, почти до самаго того времени, когда всѣ вообще крестьяне въ Россіи получили желанную свободу отъ крѣпостной зависимости; но уже не по собственному хотѣнію и настоянію.

Городъ Скобелевъ.

М. Л. Юдинъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА ¹⁾.

1865-й годъ.

Новый годъ, масса наградъ, масса недовольныхъ. Назначеній, чиновъ, крестовъ, наградъ и пенсій безъ счету. Особенно роскошно награждены редакторы и сотрудники судебной реформы. Дай Богъ, чтобы исполнители и народъ были довольны ихъ сочиненіями. Дай Богъ, чтобы приводить въ исполненіе было также удобно какъ переводить и перифразировать. Но это не занимаетъ дней новаго лѣта. Ихъ занимаетъ агитація выборовъ и агитація Катковская. Выборы начались сегодня, и уже въ проповѣди епископа Леонида призывались дворяне къ охраненію правъ, дарованныхъ императорами Петромъ, Екатериною, Александромъ I-мъ. Не упомянуты ни Николай, ни Александръ II ²⁾. Въ уѣзды уже переданы бумаги, и въ числѣ ихъ адресъ Государю о призваніи земства къ представительству нуждъ предъ Государемъ и еще проектъ адреса объ огражденіи редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ всякихъ стѣсненій. Агитація Катковская принимаетъ или раздуваетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Возвратясь изъ Петербурга, Катковъ, столкнувшись съ цензурою, хотѣлъ будто бы оставить редакцію; но его отговорили, и университетскій Совѣтъ, получивъ его просьбу, сдѣлалъ представленіе объ исходатайствованіи „вѣдомостямъ“ общаго права безценсурности, какъ было прежде и какъ существуетъ это для другихъ корпорацій. Дворянство, пользуясь съездомъ, приняло на себя и новое ходатайство. Генераль Шиповъ написалъ шефу жандармовъ письмо, въ которомъ

¹⁾ См. выше, стр. 132.

²⁾ Вотъ слова проповѣди: „Господь сохранитъ тебя, тебя, именитое потомство славныхъ мужей времени Владимира, Ярослава, Димитрія, Иоанна-собирателя, Петра, Екатерины, Александра, сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое отъ нынѣ и до вѣка“ и пр., (Моск. Вѣдом. 1865 г. 3 Января, № 5).

„гоненія на Каткова“ называетъ причиною общаго ропота и негодованія и не въ одной Москвѣ, но во всѣхъ концахъ Россіи. Московскія свахи бьютъ въ набатъ. Московскіе юноши Англійскаго клуба ударили тревогу. Совѣтъ университетскій явился 1 Января къ Каткову и поднесъ ему свое постановленіе. Крамольники! Крамола! И все это въ такихъ формахъ, непривычныхъ и неосновательныхъ, что такъ и видишь рѣшительное непониманіе политической жизни, неудавшейся не въ дѣйствительности, а въ конторахъ журналистовъ, въ кружкахъ празднующихъ и незнающихъ народной жизни теоретиковъ. Такъ и гонять агитацію на площадь и на улицы!

Прусскія палаты открыты 2 (14) Января, и уже самая мирная рѣчь короля заставляетъ сомнѣваться въ соглашеніи палаты депутатовъ съ министерствомъ. Она какъ бы предвѣщаетъ отмѣну конституціи или по крайней мѣрѣ управленіе безъ палатъ. Цензъ палаты депутатовъ такъ эластиченъ, что и при новыхъ (третьихъ) выборахъ нельзя рассчитывать на консервативный элементъ. Теперь же она вся оппозиционная и при томъ систематически. Бисмаркъ упорствомъ и безцеремонностію напоминаетъ Поляньяка. Но трудно вѣрится въ либерализмъ Нѣмцевъ, скорѣе повѣришь въ ихъ фанатизмъ. Либералы палаты впрочемъ не демагоги и не демократы. Они настоящая интеллигенція государства и имѣютъ не только призваніе, но и аллюры учителей, мыслителей. Въ числѣ ихъ есть и специалисты, знатоки теоріи и дѣла; но такъ какъ они не при дѣлѣ, то теорія беретъ верхъ, и практическое примѣненіе разбивается въ отвлеченіяхъ.

Московскіе выборы кончились, сегодня подписанъ адресъ, агитація унимается, трещать пересуды и злобствуютъ личности. Собраніе было замѣчательное*), и представителями его, героями его, являются и посылаются къ Государю гр. Орловъ-Давыдовъ, Н. А. Безобразовъ и Д. Д. Голохвастовъ, личности дѣйствительно выдающіяся изъ нашего, даже лучшаго, Московскаго дворянства. Съ 1861 г. цѣль всѣхъ и всякихъ дворянскихъ собраній одна: оплакивать бѣдственное положеніе дворянства и бѣдственное положеніе правительства, преимущественно мини-

*) Возникло сомнѣніе въ прочности хоровъ въ большой залѣ Московскаго дворянскаго собранія: такъ много всходило туда послушать рѣчи, раздававшіяся внизу. С. А. Соболевскій сочинилъ по этому поводу, будто дворяне обратились къ Государю съ такимъ заявленіемъ:

„Скажи опричникамъ своимъ, что мы, по манію народа, сюда, подъ сѣнь гнилаго свода, сошлись и твердо здѣсь сидимъ. Или поцреть одинъ хожалый Дворянской грамоты права?! Нѣтъ, одного на это мало!... И вотъ является ихъ два. Быстро расходятся и не заходятъ даже въ буфетъ“.

Посѣщая ежедневно Англійскій клубъ, старый холостякъ Соболевскій знакомъ былъ съ тогдашними дворянскими затѣями. П. Б.

стерскаго управленія, „Петербургскихъ канцелярій, опричины“, какъ выразился третьяго дня Голохвастовъ. По старымъ понятіямъ, это—крамола; по новымъ, это борьба партій: оптиматовъ и правительства. Интересы класса дворянъ здѣсь даже не на второмъ планѣ. Оптиматы хотятъ имѣть политическое значеніе. Прося объ общихъ выборныхъ земли Русской, богачи просятъ и выборовъ дворянскихъ выборныхъ, вызываясь служить безъ всякихъ служебныхъ правъ, безъ наградъ и безъ жалованья, какъ служили и служатъ Орловъ-Давыдовъ, Безобразовъ и другіе. Это будетъ палата лордовъ. Лорды эти завербовали къ себѣ и дворянскую редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, взявъ ихъ своимъ органомъ, а г. Катковъ придумалъ и планъ учрежденія частнаго университета на манеръ Англійскихъ. Какъ мы близки къ кореннымъ преобразованіямъ въ нашемъ быту и въ нашемъ образованіи, такъ недавно и радикально преобразованныхъ! Господи! Какъ въ озлобленіи за крѣпостное право и въ агитаціяхъ крамолы мы близоруки, слѣпы и не въ состояніи различить сѣраго отъ бѣлаго!

Что скажутъ въ Петербургъ? Я полагаю, что, зная все происходившее на выборахъ, Петербургъ дастъ нагоняй депутатамъ и не дастъ хода адресу, какъ содержащему въ себѣ требованіе, относящееся до всей имперіи и всѣхъ сословій. Развитие земскихъ учреждений дѣло раціональное и желанное, но не въ настоящій моментъ, когда кипятъ страсти и негодованія и когда національные сепаратизмы въ полномъ развалѣ. Надобно выждать окончанія реформъ и дать имъ время пріобрѣсти устоя. Окрѣпнуть общественныя гарантіи, тогда можно завершить зданіе. Мы только и знаемъ, что предписываемъ новые порядки, а порядка никакого нигдѣ нѣтъ. Разъ, съ крѣпостнымъ дѣломъ, вступая на крутой поворотъ, мы остановиться не можемъ и несемъ стремглавъ. Потрясая земля подъ всѣмъ крестьянскимъ міромъ, и встревоженный, перепуганный міръ въ располхѣ не знаетъ куда идти и гдѣ остановиться.

Особенную ненависть высказали къ Великому Князю Константину и къ Валуеву столько же, сколько къ Головнину и Рейтерну. Особенную благодарность выразили Каткову, открывъ подписку для поднесенія ему золотой чернильницы и алмазнаго пера. Безобразову, рѣшивъ поднести ему 24 пуговицы золотыя, на каждой съ именемъ дарителя, Голохвастову—золотую рамку и Наумову—золотое перо. И все это вышло какая-то комедія. Еще до начала выборовъ завязался споръ съ министромъ о примѣненіи 51 ст. Устава по выборамъ. Дворянство толковало, что если, послѣ выкупа крестьянами, помѣщикъ не имѣлъ 3 тыс. десятинъ, онъ не имѣлъ права участвовать въ выборахъ. Министръ объяснялъ, что если у помѣщика 100 душеваго и послѣ выкупа оста-

лось сколько нибудь земли, онъ имѣть право по закону, дѣйствующему и такъ примѣняемому въ 10 губерніяхъ. Тогда какъ 7—14 Января шла бурная недѣля постановленій и выборовъ, рѣчей и выходовъ, нескончаемаго говора и сплетень, министр 8 Января вошелъ въ Сенатъ, прося пояснить толкованіе и примѣненіе закона. Сенатъ согласился, и отъ 13 Января (министръ медлилъ, а Сенатъ спѣшилъ, очевидно умышенно) указомъ отмѣнилъ постановленіе собранія, и генералъ-губернаторъ предложилъ закрыть собраніе, какъ недѣйствительное, со всѣми его дѣйствіями. Изъ дѣла сдѣлали пгрушку, и дворянъ распустили, какъ школьниковъ. Негодованію не было бы предѣловъ, если бы не злорадость довольно большаго числа не утѣшалась этимъ ударомъ, досадуя на множество наѣздныхъ членовъ изъ Петербурга, Орлова-Давыдова и Безобразова. Особенно смѣшонъ графъ Орловъ-Давыдовъ. Впрочемъ предназначенные обѣды, каждый день, съ 14-го, продолжаютъ со спичами и музыкой и стоили по 13, 16 и до 25 рублей.

Дѣло Московскихъ дворянскихъ и газетныхъ агитацій усложняется. Одинъ изъ редакторовъ дворянской газеты „Вѣсть“, бывши въ Москвѣ съ покровителемъ газеты и главнымъ дѣятелемъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, Д. Скарятинъ получилъ отъ него рѣчь, сказанную въ собраніи и проэктъ разсмотрѣннаго адреса и, уѣзжая въ Петербургъ, обѣщался напечатать ихъ въ своей газетѣ, предупреждая, что газета будетъ запрещена, но онъ частнымъ путемъ пришлетъ 50 экземпляровъ. № 4-й „Вѣсти“ съ рѣчью и адресомъ вышелъ 16-го безъ цензуры и, разумѣется, остановленъ; но кромѣ того и редакторы преданы суду. Судъ назначенъ (полагають), чтобы изыскать возможность, какъ-бы привлечь къ отвѣту и агитаторовъ, которые во всемъ этомъ дѣлѣ просвѣчиваются бѣлыми нитками. Теперь агитація, какъ ненаціональная, перенесется въ иностранные журналы. И агитація газетная также вошла въ новый стадій: Катковъ со всею откровенностію изложилъ затруднительность редакціи отъ воли ценсорской. Откровенность эта беретъ управленіе въ схватку и требуетъ развязки. Катковъ 18-го уѣхалъ въ Петербургъ. Дворянство (оптиматы) и Катковъ, допущенный въ 1863 г. въ видѣ шумихи, считаютъ себя могуществами, надуваются, кричатъ и хоть въ бой идти. Бой неравный! Петербургскій столоначальникъ, личный врагъ дворянству и аристократизму, и въ бой не пойдетъ. Онъ перехитритъ ихъ, а не достигнетъ канцелярскою замашкою, махнетъ министерскимъ ордеромъ.

Быль и жилъ (большою частію въ Англійскомъ клубѣ) корнетъ Ехемзенъ и наконецъ умеръ, оставя большое наслѣдство Симанскимъ и Дурновой. Вотъ проходитъ третій годъ, какъ случилась эта переменна въ бѣдныхъ семействахъ, и до сихъ поръ видимыя послѣдствія этой

перемѣны самыя грустныя, непомѣрная расточительность, скорая женитьба и непрерывныя безпокойства процентовъ и искательства. Я постоянно имѣю передъ глазами Андрея Симанскаго, ведущаго процессъ о подлогѣ завѣщанія и потерявшаго чрезъ то служебную карьеру. Сегодня былъ у меня полковникъ Дурновъ изъ Петербурга, преслѣдующій сына, который надавалъ векселей и бѣжалъ съ какой-то камеліей, предполагая на ней жениться. Любопытно посмотрѣть на положеніе наслѣдниковъ черезъ 10 или 15 лѣтъ. Незапныя перемѣны, даже несомнѣнно выгодныя, всегда вредны и болѣе вредны, нежели полезны.

Иначе было съ другимъ, близкимъ мнѣ семействомъ, А. В. Протасьева. Сыновья еще кое-какъ идутъ, но дочь, Муравьева-Рѣзникова, окончательно гибнетъ. Старшая дочь ея тоже погибла. Ни та, ни другая мною не принимаются. Сегодня я простился съ меньшою дочерью, Лизой Муравьевой. Она ѣдетъ гувернанткой въ домъ Юматовыхъ, въ Пензѣ, и провела у меня два дня. Я былъ съ нею ласковъ, купилъ ей платье и кое-что, подарилъ денегъ и старался связать ее признательностію, объявивъ со всею откровенностію, что доколѣ она честныхъ трудомъ будетъ заслуживать общее уваженіе, она вполне можетъ рассчитывать на мою любовь и помощь дѣломъ и словомъ.

Сегодня я началъ полезное дѣло. Генераль-губернаторъ представилъ намъ дѣло о поджигателѣ Леоновѣ, и Сенатъ полагаетъ возвратить дѣло для направленія къ порядку, указанному повелѣніемъ 1 и 6 Іюня 1862 г. Еще въ 1852 г. императоръ Николай велѣлъ судить поджигателей, дѣйствующихъ шайками, военнымъ судомъ, назначивъ и видъ наказанія: 12 разъ черезъ 1000 сквозь строя и, буде останется живъ, сослать по смерти на каторгу. Законъ этотъ примѣняли рѣдко и узко, и по настоянію моему, конечно подчиненному, онъ не имѣлъ обратной силы. Въ 1862 г., послѣ страшныхъ Петербургскихъ пожаровъ, Государь 1 Іюня приказалъ судить за злоумышленные поджоги по полевымъ уголовнымъ законамъ, т. е. назначать и приводить въ исполненіе смертную казнь съ утвержденія главнаго военного начальника, а 6 Іюня того же года „разрѣшилъ всѣмъ главнымъ и начальникамъ губерній, въ случаѣ обнаруженія злоумышленныхъ поджоговъ, руководствоваться правилами 1 Іюня“. Я толкую слово: „разрѣшить“ въ смыслѣ „предоставить“, а не вмѣнить въ обязанность. Я думаю, что предоставляется или разрѣшается эта страшная мѣра при двухъ условіяхъ: 1) если были неоднократные злоумышленные поджоги, и 2) если эти поджоги были одновременны или имѣли между собою связь, и начальство, для огражденія общественной безопасности и отвращенія общихъ бѣдствій, признаетъ нужнымъ привести въ исполненіе мѣру, обыкновенно принимаемую, когда общество въ осадномъ положеніи. Меня навело на эту

мысль частное извѣщеніе газетъ о разстрѣленныхъ тамъ и сямъ, въ Нижнемъ, Саратовѣ, Казани, Симбирскѣ, Орлѣ, Одессѣ... Точно вся Имперія въ осадномъ положеніи. Особенно возмутительно это въ Москвѣ, мирной и беззаботной, гдѣ можно обнаружить шайки патріотовъ, и тѣ весьма невинныя.

Сегодня, 1 Февраля, полученъ рескриптъ отъ 29 Января, заканчивающій Московскія агитаціи дворянскихъ выборовъ. Рескриптъ опредѣлительнъ и строгъ¹⁾. Онъ запрещаетъ всякую инициативу въ измѣненіи существенныхъ началъ въ государственныхъ учрежденіяхъ; онъ утверждаетъ, что это право, право вчинанія, неразрывно сопряжено съ самодержавною властію, „Богомъ мнѣ ввѣренною“. Онъ напоминаетъ, что никто не имѣетъ права предупредить попеченія Государя о благѣ Россіи. Впечатлѣніе этого рескрипта въ Москвѣ весьма сильно, особенно въ связи съ отказомъ университету и Каткову, которые тѣсно вошли во всѣ Московскіе кружки и слетни. Дѣло стояло рескрипта, ибо оно зашло слишкомъ далеко; но его не слѣдовало допускать, и въ этомъ виноватъ прежде всего генераль-губернаторъ, человекъ ничего не понимающій²⁾, и министръ Валуевъ, дозволившій собранію толковать и толковать долго, тогда какъ о самомъ составѣ собранія идутъ споры, и министръ внесъ дѣло на разсмотрѣніе Сената. Въ настоящее время кой-какія личности, только пассивно относяціяся къ дѣлу, не годятся и существенно вредятъ дѣлу, компрометируютъ власть и правительство. Умысли въ агитаторахъ нѣтъ; это народъ довольно мелкій, но положеніе ихъ ложно и чтобы скрыть смущеніе, они принуждены смотрѣть въ разныя стороны и скоситься.

Кавалерственная дама М. А. Лонгинова рассказывала мнѣ, что управляющій ея ходилъ на болото (хлѣбный рынокъ) и передать ей толки базарныхъ. Они разговаривали о царскомъ рескриптѣ и пришли къ заключенію, что Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ будетъ писать противъ дворянъ, которые хотѣли перемѣнить правленіе. Н. В. Сушковъ передавалъ мнѣ сужденіе коммерціи совѣтника Солодовникова,

1) К. Н. Лебедевъ не привелъ строкъ этого достопамятнаго рескрипта, въ которыхъ Государь изволилъ выразиться, что онъ не врагъ законно-свободныхъ учреждений, и сему доказательствомъ служить все его царствованіе. Такимъ образомъ оправдываются тогдашнія политическія вождѣнія. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Государь вызывалъ къ себѣ Д. Д. Голохвастова, сказалъ ему, чтобы онъ берегъ въ себѣ Божественный даръ краснорѣчія и прибавилъ: „Неужели вы думаете, что я дорожу оставшимися у меня лохмотьями самодержавія? Я бы вамъ ихъ выбросилъ, если бы не былъ увѣренъ, что Россія начнетъ разваливаться“. (Слышано отъ самаго Д. Д. Голохвастова). Тоже самое сказано было Александромъ Николаевичемъ въ Петербургѣ графу Андрею Павловичу Шувалову (слышано отъ Н. О. Крузе). П. Б.

2) Офросимовъ. П. Б.

что „если дворянство пошлетъ адресъ, то купечество на другой день пошлетъ отъ себя контръ-адресъ“. Все это Московскія сплетни, толки и пересуды. Я имъ не вѣрю, хотя при настоящей обстановкѣ и при искусственныхъ агитаціяхъ подобныя явленія возможны. Я только этого-то и боюсь, чтобы не привлекли къ дѣлу площадныхъ и уличныхъ крикуновъ, съ которыми соединится печать дневныхъ листовъ, и пошла писать! Броженіе умовъ, раздраженіе страстей и злоупотребленіе словъ и голосовъ все возрастаютъ болѣе и болѣе, и съ ними не справится ни земству, ни двумъ палатамъ, хотя бы въ одной засѣдали Давыдовы и consort. Всего болѣе должно опасаться нужды. Случись значительный неурожай, и Имперія будетъ въ осадномъ положеніи, недоимки усилятся, потребленіе еще умалится, и общество, едва окрѣпляющееся, не будетъ въ состояніи сдержатъ безпорядки и обуздатъ своеволие. Теперь повсемѣстныя жалобы на прислугу, на ея развратъ и преступность, на произволь и безотвѣтность. Только это и слышишь. Это немного касается и меня, моего маленькаго дома, въ которомъ, кромѣ одного, всѣ прежніе, свои.

Масляница въ полномъ развалѣ. Въ Москвѣ она и шумнѣе, и грязнѣе. Собранія, клубы, театры, шинки и балаганы переполнены народомъ, преимущественно низшаго и средняго класса. Высшій классъ воздерживается, такъ что я недорогоя сравнительно Итальянская опера едва ли не закроется. Смотри на это стеченіе и траты денегъ, съ трудомъ повѣришь безденежью, на которое жалуются со всѣхъ концовъ. Уменьшеніе доходовъ, низкія цѣны на хлѣбъ и лишеніе удобствъ домашней жизни тяжело легли на помѣщичій классъ и дѣлаютъ его равнодушнымъ ко всѣмъ политическимъ и социальнымъ преобразованіямъ, въ которыхъ дворянству, по мнѣнію преобразователей, отдѣлялось такое широкое участіе. На земскихъ выборахъ, какъ слышно, дворянство отнеслось къ новому учрежденію съ такимъ равнодушіемъ, что пзъ числа цензовыхъ членовъ едва 6-я часть принимала участіе; все прочее сидѣло по домамъ или изъ оппозиціи, или по предубѣжденіямъ и опасеніямъ, или по недостатку наличныхъ средствъ для поѣздки.

Агитація дворянская и газетная все еще продолжается. Въ отношеніи послѣдней нельзя не замѣтить, что главнѣйшій органъ ея, „Московскія Вѣдомости“ довольно безцеремонно закидываютъ противниковъ подозрѣніями и упреками не только въ невѣжествѣ, въ недостаткѣ или холодности патріотизма, но прямо во враждебныхъ къ Имперіи чувствахъ и даже дѣйствіяхъ, въ сепаратизмѣ, въ полонизмѣ. Это немного напоминаетъ Булгарина, и стоило бы не однихъ насмѣшекъ Петербургскихъ противниковъ, и едва ли достойно публициста и такого блестящаго публициста, какъ Катковъ. Что касается агитаціи дворянской въ ожи-

даніи предстоящихъ выборовъ, то она принимаетъ противоположный прежнему видъ смиренія, раскаянія и въ *этомъ видѣ* хочетъ предстать предъ Государемъ, указать картину бѣдственнаго состоянія Россіи и просить отца своего народа положить что-нибудь на мѣрѣ, какъ ему, Государю, Богъ пошлетъ. Особенно дворянство хочетъ плакаться о своихъ нуждахъ и подтвердить фактами (что говоритъ Московскій ораторъ, то есть непременно фактъ, доколѣ Петербургскій столоначальникъ не перечеркнетъ его): 1) что министръ внутр. дѣлъ измѣняетъ положеніе 19 Февраля своими циркулярами; 2) что министръ финансовъ произвольно переноситъ статьи государственнаго бюджета на земскія повинности, и 3) что дворянскія дѣти, поступающія въ заведенія народнаго просвѣщенія, выходятъ оттуда нигилистами.

Раздраженіе партій и разныя агитаціи продолжаются и все усиливаются, и можно предвидѣть открытую войну дворянства съ Петербургомъ. Война разумѣется кончится побѣдою Петербурга и низложеніемъ дворянской партіи, но на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Дворянство будетъ не право, ибо идетъ противъ свѣта прогресса за темное крѣпостное право; но оно сохранитъ свои права, какъ могущественный классъ землевладѣльцевъ, какъ интеллигенція мѣстныхъ краевъ, какъ знатоки и вліятельные люди мѣстности. Успѣхъ большей части либеральныхъ преобразованій (кромѣ акциза) зависить отъ дворянства, и оно апатическимъ отношеніемъ можетъ парализовать все Петербургскіе планы и затруднить дѣйствіе не только земскихъ учреждений, но и судебной реформы. Раздраженіе страстей, терпимое и вызываемое, выражается и въ языкѣ, въ разговорахъ и въ литературѣ серьезной и въ рѣчи людей порядочныхъ. Къ этому затрудненію надобно прибавить и другое: безденежье, бѣдность. Апатія нравственная и недостатокъ матеріальной способности внушить довѣріе къ новымъ порядкамъ, а между тѣмъ и публицистика, и само правительство уничтожили всякое довѣріе къ порядкамъ старымъ. При чемъ мы останемся?

Уравноправіе, не возвыся низшихъ слоевъ до нашего уровня, низвело, такъ сказать, насъ къ этимъ слоямъ, и отъ этого сообщества мы невольно должны были ознакомиться, сблизиться, освоиться съ немѣренностію, съ грубостію этого слоя и вести рѣчь такъ, чтобы она была и имъ нечужда, понятна, общая намъ. Какой-то хаосъ, смѣшеніе, броженіе составныхъ элементовъ общества, въ которомъ никто не знаетъ своего мѣста и все мятутся: кто угорѣлъ, кто ошеломленъ, а иной пьянъ или съ похмелья. До сихъ поръ для меня загадка: кто причиною, что причиною такихъ поспѣшныхъ реформъ, такого осаднаго положенія, такого ожесточеннаго нетерпѣнія. А причина должна быть. Я думаю: мнимыя опасности и ложный страхъ.

Ценсурный уставъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта возвращенъ для передѣлки. Онъ составлялся четыре года и, пройдя всѣ инстанціи, возвращается единственно для того, по плану Николая Милютина, чтобы убить работы Валуева, замѣнить котораго готовится Милютинъ. Валуевъ оконфуженъ и вовсе непрочъ оставить министерство, лишь бы представился благовидный поводъ и оставили ему при новомъ назначеніи всѣ выгоды прежняго. Уставъ былъ писанъ какъ бы для созданія новыхъ мѣстъ и широкихъ окладовъ. Онъ давалъ много простора случайной свободѣ и не содержалъ существенныхъ огражденій порядка, и при томъ онъ враждебно смотрѣлъ на публицистику, въ которой преимущественно сосредоточилась вся умственная дѣятельность настоящаго времени.

Февраля 26 въ Калугѣ скончался бывший князь Евгенийъ Петровичъ Оболенскій, извѣстный Декабристъ, другъ Рылѣва, предводитель войскъ на Сенатской площади 14 Декабря 1825 г. Это была прекрасная душа, олицетворенная преданность Богу и ближнему. Имя его принадлежитъ исторіи, и я записываю о его смерти единственно потому, что, по дружбѣ моей съ его сестрою, княгинею Натальей, сблизившись съ нимъ, я неоднократно бесѣдовалъ о знаменитомъ событіи и, при всей подробности этихъ бесѣдъ, не могъ и не могу уяснить себѣ, какъ могли молодые заговорщики рѣшиться на открытый бунтъ, имѣя такъ мало средствъ. Евгенийъ обыкновенно заключалъ: перевороты зависятъ отъ случайностей; обстоятельства для насъ расположились счастливо: двѣ присяги, отечество Великаго Князя Константина, и за насъ былъ народъ; онъ кричалъ намъ: идите, мы съ вами. Можетъ ли это служить историческимъ объясненіемъ дерзкой (чтобъ не сказать другаго слова) попытки 14 Декабря? По возвращеніи изъ Сибири онъ предался молитвѣ и умеръ праведникомъ. Но едва-ли жизнь его была счастлива и текла тихо. Пріѣздъ Декабристовъ вообще производилъ какое-то смятеніе въ средѣ ихъ семействъ. Рѣдкимъ изъ нихъ были рады, почти всѣ они были чужды и обществу послѣ 30 лѣтъ разлуки, и всѣ они не имѣли никакого значенія.

Опытный хозяинъ, баронъ Гакстгаузенъ, объѣхавъ Россію и обозрѣвъ наше хозяйство, пришелъ къ тому печальному убѣжденію, что хозяйство возможно только при крѣпостномъ правѣ, какъ плантаціи хлопка только при Африканскихъ невольникахъ. Убѣжденіе это повидному оправдывается. Со всѣхъ концовъ слышны общія увѣренія, что вольное, наемное земледѣліе не окупаетъ затратъ, невозможно, въ убытокъ. Это не подлежитъ сомнѣнію, но какая этому причина? Гакстгаузенъ приводилъ климатическія условія, обширность посѣвовъ и недостатокъ удобреній. Я вижу причину нынѣшней несостоятельности, кромѣ

новости дѣла, въ обремененіи долгами и въ полной ликвидаціи казенныхъ долговъ при выкупѣ. Большая часть землевладельцевъ не имѣетъ оборотнаго капитала, и еще большая часть проживала болѣе нежели имѣніе могло давать. Напр. наше семейство. Оно давно въ безвыходномъ положеніи, и только при *нашихъ* Русскихъ порядкахъ суда и полиціи мы могли тянуться и откладывать. Крестьянская реформа намъ не только была не вредна, но могла устроить насъ. Оставляемая за надѣломъ земли могли бы быть заложены, а казенный долгъ погашается выкупными актами.

Партіи наши все болѣе и болѣе обрисовываются яснѣе. Сословіе привилегированное совершенно теряетъ подъ собою землю и шатается. Династическое и придворное услужничество, фавориты и фаворитки, исключительность правъ и т. под. образовали противъ нихъ такую сплошную оппозицію, что все журналы и газеты принадлежатъ почти исключительно направленію демократическому, которое часто граничитъ съ социализмомъ и даже явнымъ нигилизмомъ. Убѣжденія такъ сильны, что раздраженіе такъ и ломитъ, такъ и забрасываетъ крупными словами, такъ и бросается, хоть въ драку. Защитниками этого сословія (консерваторы) „Московскія Вѣдомости“, немного „Инвалидъ“ и очень много „Вѣсть“. Все прочія преимущественно-демократы. Но, группируясь подъ этимъ знаменемъ, онѣ далеко не въ дружбѣ между собою и съ противниками и съ единомышленниками, ругаются на пропалую. На дняхъ явилась новая газета „Народная Лѣтопись“, демократизмъ и цинизмъ которой доходитъ до „Современника“, „Русскаго Слова“ и „Эпохи“. Свобода и раздолье!

Я не думаю, чтобы наша преждевременная и довольно незапная свобода печати не оставила глубокихъ слѣдовъ на молодомъ поколѣніи нашего общества и на низшихъ слояхъ его, гдѣ воспитаніе такими печатными листами можетъ возростить явныхъ демагоговъ. Особенно это важно при современныхъ преобразованіяхъ, которыя даютъ этимъ слоямъ широкое участіе въ самоуправленіи. Я рассказалъ выше о толкахъ на Болотѣ. На дняхъ Ив. Аксаковъ рассказывалъ, что Коломенскіе крестьяне послали адресъ, въ которомъ, упоминая о замыслахъ Московскаго дворянства на счетъ переменъ въ образѣ правленія, умоляютъ не обращать вниманія на эти замыслы и не переменять ничего въ правленіи, при которомъ они чувствуютъ себя совершенно счастливыми. Если все это правда, то поступательное развитіе агитаціи можетъ скоро достигнуть своей цѣли. Можетъ быть и то, что все это ложные страхи, и кора невѣжества, разрозненность личностей и глушь земли такъ велики, что агитація и при бѣльшемъ усиліи едва коснется поверхности.

Разстройство помѣщичьяго хозяйства все болѣе и болѣе усиливается, а помощи нигдѣ нѣтъ и невидно. Вольнаго труда и фермерства нѣтъ, а гдѣ есть—невѣрны и дороги, не окупаются. Живой интересъ этого дѣла разбудилъ хозяйственные вопросы въ обществахъ и журналистикѣ, и прѣнія выразились довольно характеристично. Въ Экономическомъ Обществѣ преобладаетъ тема Н. Безобразова объ организаціи помѣстнаго труда. Ораторы гнутъ на крѣпостное право. Въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства идетъ большой разладъ и агитація. Это общество со времени реформы Кошелева шумитъ, кричитъ и только, на дняхъ предѣдатель его, Шатиловъ, въ здоровой и рѣдко такъ откровенной рѣчи, прямо выразилъ, что Общество ничего не сдѣлало и не знаетъ откуда и куда приступить, ожидая указаній и спасенія отъ судебной реформы и земскихъ собраній. Московскіе ораторы клоняты болѣе къ мелкому фермерству и общинному пользованію. Въ средѣ общества (Клуба сельскихъ хозяевъ въ С.-Петербурѣ) люди, болѣе знакомые съ политической жизнью, разрабатываютъ дѣло практичнѣе, и Москвичамъ не мѣшало бы поучиться у нихъ выбору и разъясненію вопросовъ. Клубъ этотъ удался, противъ моего ожиданія. Я пророчилъ ему бѣдную, чиновничью участь, а онъ процвѣтаетъ и играетъ въ хозяйствѣ роль авторитета. Не подлежитъ сомнѣнію, что производительность наша уменьшилась; но какъ же объяснить низость цѣнъ на хлѣбъ и отсутствіе спроса? Несомнѣнно, что общинное владѣніе (преобладающее) не допускаетъ усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ; но какъ же превратить его въ частное и чѣмъ замѣнить вліяніе общины, круговую поруку и власть схода? Потомъ: какъ, при старыхъ порядкахъ, противодействовать конкуренціи иностранной, у которой и круглый годъ работы, и близость рынковъ, и легкая доставка? Признаюсь, я не понимаю, при общинномъ владѣніи, и примѣненіи кредита.

Генераль-губернаторы и начальники военныхъ округовъ генералы Безакъ (Кіевскій) и Крыжановскій (Оренбургскій), передъ отъѣздомъ въ свои управленія, обратились къ своему зятю, сенатору Колюбакину съ просьбою познакомить и сблизить ихъ съ редакціями „Моск. Вѣд.“ и „Дня“. Это дѣльно. Общественное мнѣніе выражается газетами, а эти двѣ газеты распространены болѣе другихъ и по смѣлости и талантливости редакцій оказываютъ большое вліяніе. Безакъ видѣлся съ Катковымъ у Шипова 19 Апрѣля, и оба очарованы. Статьи „Русскаго Вѣстника“: возстаніе на Волынѣ и корреспонденціи „Дня“ изъ Кіева не давали спать генер. Анненкову; его управленіе, такъ неловко защищенное бывшимъ его губернаторомъ Гессе, было сильно порицаемо, и дѣло кончилось отозваніемъ Анненкова, весьма непочетнымъ. Итакъ вліяніе, господство журналистики водворяется замѣтно и дѣйствительно.

Не понимаю, какъ сидится Головнину. Статьи, каковы о протекціи брошюръ Шедо-Феротти (разосланной при запискахъ того самаго министра, который за полгода просилъ Каткова о перепечатаніи статей его о Польшѣ) и статьи о географіи Давіеля (25 Марта) до той степени зацѣпляютъ министра просвѣщенія, что надобно имѣть мѣдный лобъ, чтобы не отвѣчать на нихъ, или быть совершенно ко всему равнодушну, чтобы оставлять на мѣстѣ министра. Географію эту Ученый Комитетъ Министерства рекомендуетъ, какъ лучшую, а Катковъ, выводя ея Польскія тенденціи (въ географіи!) указываетъ, что военно-учебное управленіе и Московскій университетъ запретили ее въ своихъ вѣдомствахъ. Желательно, чтобы кто нибудь безпристрастно разобралъ эту анархическую путаницу и повѣрилъ самыя цитаты Каткова, частенько произвольныя, но повѣрилъ не съ тою запальчивостію, какъ это сдѣлалъ А. Жемчужниковъ въ 12 № „Дня“, выставляя „наглыя непристойности редакціи „Моск. Вѣдомостей“.

Читаю я I-й томъ Histoire de Jules Caesar Наполеона, скучнѣйшее чтеніе, написанное въ духѣ пониманія исторіи, какъ школы нравственности и исполненное сентенцій самыхъ пошлыхъ. Замѣчательнѣе всего „введеніе“ или предисловіе. Оно начинается такою пошлою нелѣпостію: *la vérité historique devrait être non moins sacrée que la religion*. Ну, чтѣ общаго между абсолютною истиною или откровеніемъ Божиимъ и возрѣніемъ какого нибудь писателя, нерѣдко памфлетиста, на отдаленныя событія, извѣстныя по гадательнымъ источникамъ? Предисловіе продолжаетъ: *Mais en écrivant l'histoire, quel est le moyen d'arriver à la vérité? C'est de suivre les règles de la logique*“. Отвѣтъ глубокомысленъ и особенно новъ и замысловатъ. Ничѣмъ другимъ не объяснишь себѣ появленіе императорской учености, какъ ненасытимыхъ славолюбіемъ на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности. Читая книгу, невольно видишь ученика Роллена и Боссюета, пересыпанныхъ позднѣйшими чтеніями новѣйшихъ изслѣдователей. Вѣроятно въ молодыхъ годахъ или въ уединеніи Гама Луи-Наполеонъ приготовлялъ свѣту сочиненіе о Цезарѣ и теперь выдвинулъ этотъ трудъ, пересмотрѣвъ и дополнивъ его лучшими результатами новѣйшихъ историковъ. Но и теперь видѣвъ Ролленъ съ его преобладающимъ виѣшнимъ понятіемъ исторіи.

Читая разсказъ графа Мальмсбюри въ Парламентѣ 24 Марта о мировомъ судѣ полковникъ Джонсонъ (онъ, съ нарушеніемъ формъ суда, посадилъ въ сумасшедшій домъ совершенно здороваго Докналла, съ женою котораго былъ въ интригѣ), невольно обращаешься къ нашему мировому судѣ и невольно трепещешь за участь института, для котораго у насъ, по моему убѣжденію, нѣтъ никакихъ элементовъ, особенно нѣтъ двухъ: сознанія своего долга въ обязанности его и установив-

шагося чувства законности, основаннаго на уваженіи личности и отсутствіи всякаго произвола. Джонсонъ, полковникъ, и въ Англіи, поступаетъ, какъ рыцари „Парижскихъ Тайнъ“, срамитъ человѣка и доводитъ его до самоубійства. Ну чего не сдѣлаетъ нашъ судья въ захоластьѣ и при нашихъ любимыхъ инстинктахъ произвола? Во всякомъ случаѣ единоличный судъ, и еще съ такой удобной для него апелляціей, есть что-то чрезвычайное, уродливое и исключительное. Я писалъ министру юстиціи, что мировые судьи считаются въ Англіи (знаменитыми ея законниками) нарушеніемъ народныхъ оградъ (суда присяжныхъ) и если они распространены и пользуются довѣріемъ, то единственное по личнымъ достоинствамъ джентельменовъ. Такъ представляютъ это учрежденіе Блакатовъ и Гнейстъ (см. т. I. гл. IV. стр. 230). Пруссія взяла этотъ институтъ изъ Франціи и только въ Рейнскихъ провинціяхъ. Одни мы считаемъ (себя) Англичанами или тождественными имъ. Потому: вынесеть-ли всѣ эти тягости земство?

Москва точно въ несчастіи: получены устрашающія вѣсти о болѣзни Наслѣдника-Цесаревича, и Москва трубить, что онъ уже скончался. Очень симпатична личность молодого князя; очень любятъ его, какъ сына добраго Государа, воспитанника Московскаго Строгонова и жениха красавицы Дагмары Даніи, такъ дерзко оборванной Нѣмцами. Самые разнообразные и всѣ нелѣпыя слухи ходятъ о причинѣ болѣзни... И это говорятъ, и этому вѣрятъ не какіе нибудь Репетиловы, но люди солидные и высшихъ званій. Ненависть къ этимъ новымъ д'Орлеанамъ (какъ ихъ называютъ) чрезвычайно изобрѣтательна и раздѣляется огромнымъ большинствомъ мыслящаго общества, даже въ рядахъ купечества. Всѣ нововведенія приписываются Константину, а Москва всегда не любила нововведеній.

Наслѣдникъ въ чрезвычайной опасности. У него воспаленіе спиннаго и головного мозга. Сильно ропщутъ на его блюстителей, особенно на гр. Строгонова и медиковъ. Все это Московскія сплетни. Не усиленныя-ли занятія, усиленный паставительный вояжъ, безпрестанные переѣзды и переѣзна впечатлѣній? А организація слабая, субтильная. Страшно подумать о несчастіи царскаго дома и Россіи. Но надежды никакой. Молодой человѣкъ умретъ.

Свѣдѣнія одно другаго поразительнѣе. То „раздраженіе мозга усиливается, опасность возрастаетъ“, то „усиленными пособіями приведенъ въ себя“, и Москва не знаетъ что думать. Въ Петербургѣ, на Ломоносовскомъ обѣдѣ, тостъ „за здоровье Цесаревича“ принятъ былъ съ такимъ рукоплесканіемъ и ура, продолжавшимся болѣе 5 минутъ, что многіе дамы и мужчины плакали на взрыдъ. Можно-ли умирать при такой любви? Въ Москвѣ эта любовь получаетъ особенное значеніе

потому, что Цесаревича считают партіи Императрицы, а она противъ широкихъ и крупныхъ реформъ, столь ненавистныхъ Москвѣ. Но Цесаревичъ любимъ лично, особенно Москвичами. Биллетени раздаются въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера. Человѣкъ говоритъ, что народу всегда такъ много, что пробраться трудно. Послѣдній биллетень: „11 Апрѣля 10 часовъ Его Высочество приобщается св. таинъ, окруженный августѣйшимъ семействомъ; душевное волненіе, сопровождаемое легкимъ бредомъ. Потомъ болѣе покойное состояніе, голова болѣе свободна, чрезмѣрная слабость“. 12 Апрѣля въ полночь онъ скончался. Всѣ этого ожидали, и для всѣхъ извѣстіе было роковою вѣстью. Общее искреннее сожалѣніе. Въ церкви, на панихидѣ, многіе плакали. Во многихъ домахъ точно семейная утрата. Всѣ обвиняють безпечность блюстителей. Глухіе толки доходятъ до нелѣпости. Большое движеніе въ простомъ народѣ. Прекрасный юноша пристрадалъ всю Святую и умеръ въ Омино Воскресеньѣ. Поучительное событіе для великихъ міра сего. Это могущество человѣческаго величія и предопредѣленіе судьбы, исполняющееся въ глазахъ сонма науки, любви и попеченій; это увяданіе молодой жизни въ виду южнаго моря и посреди роскошной природы Итальянской весны, этотъ „легкій бредъ“, летающій между невѣстою и гробомъ, между землею и небомъ!

Странное, престранное обвиненіе! Народъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ обвиняетъ въ смерти Цесаревича Великаго Князя Константина. На дняхъ, когда онъ былъ на могилѣ отца въ крѣпости и горько плакалъ, народъ приписалъ это терзанію совѣсти. Наши Москвичи такъ и трубятъ объ этомъ. Все это нелѣпо и глупо, и все это наводитъ тоску и скуку.

Боже мой, еще смерть и какая страшная смерть, уносящая также много надеждъ и упованій. Убить Линкольнъ, въ театрѣ, на поваль. Онъ убитъ посреди торжествъ рѣшительной побѣды Сѣверянъ, по взятіи Ричмонда и Питерсбурга, къ полной славы спасителя союза Соединенныхъ Штатовъ. Убить конечно по подкупу желѣзной партіи Южанъ, мечтавшихъ за потерю всякой надежды на сопротивленіе Сѣверу. Истый Американецъ, съ необыкновенною силою характера, съ патриархальною простотою нравовъ и съ твердою увѣренностію въ достиженіи своей цѣли, Линкольнъ соединялъ широкой политической взглядъ, ловкій тактъ господствовать надъ партіями, терпимость и скромность въ отношеніи побѣжденныхъ. Что станетъ съ великимъ союзомъ? Счастливый генералъ Грантъ стоитъ во главѣ славной арміи. Не объявить-ли онъ себя диктаторомъ? Мнѣ кажется самая мысль объ этомъ чужда Американской почвѣ. Независимость и особенность самоуправленія штатовъ такъ могущественны, что диктатура, возможная для Вашингтона, нынѣ мате-

риально неисполнима. Никто не имѣлъ на нее столько правъ, какъ Линкольнъ, а онъ не оказалъ и тѣни поползновеній.

Носятся въ воздухѣ смерть и отчаяніе. Раздраженіе страстей достигаетъ размѣровъ, при которыхъ жизнь забывается, и посягательство совершается въ какомъ-то изступленіи и ослѣпленіи. Блестящая эпоха наша имѣетъ свои темныя стороны. Самонадѣянность человѣка до забвенія, до отрицанія Бога, самоувѣренность ума и цивилизаціи до пренебреженія вѣры въ высшее предопредѣленіе, утилитарность, матеріализмъ затопляютъ благородные инстинкты будущаго возмездія и самой жизни по Христову ученію.

Вмѣстѣ съ Линкольномъ подвергся посягательству и правая рука его, больной Сьюардъ. Сынъ его убитъ. Теперь Андрю Джонсонъ вступаетъ въ званіи президента. О человѣкѣ этомъ имѣются самыя невыгодныя свѣдѣнія. Пьяный и крайній демократъ. Какъ развернется онъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ?

Московскія дамы, по инициативѣ Кати Тютчевой и кн. Маріи Мещерской (рожд. гр. Паниной), задумали поднести принцессѣ Дагмаръ Русское Евангеліе въ богатомъ переплетѣ Сазикова. Это немножко подражаніе Лондону (подарившему Евангеліе невѣстѣ, принцессѣ Александринѣ), но мысль хорошая. Принцесса Дагмаръ, одна изъ дочерей Скандинавской Эдды, невѣста мертваго царевича, земное счастье которой можетъ находить утѣшеніе въ Словѣ Божіемъ. Она не нашей вѣры и не нашей рѣчи, но она изучала и то и другое и дала слово быть Русской. Про нее сложится легенда съ ореоломъ религіи, мѣта и превратностей земнаго счастья. Говорятъ она ѣдетъ къ намъ и, разъ усвоивъ, Россія ея не отпуститъ.

Министръ юстиціи требуетъ заключеній сенаторовъ на предположенія комисіи о введеніи судебныхъ уставовъ 1864 г. Я вчерась написалъ, жена переписала, и сегодня послалъ. Но, отдавая справедливость членамъ комисіи (8 и 4), я предложилъ и свой планъ: приготовить суды къ принятію реформы. Комисія хочетъ создать новые; я требую удержать нынѣшнее судопроизводство, но измѣнить его и составъ судовъ такъ, чтобы новые уставы, войдя въ старую колею, покатались свободно, не нарушая ни правъ ни привычекъ. Конечно, мое предположеніе не представляетъ ничего новаго. Вмѣсто того, чтобы дробить Россію на округа, я дроблю самыя уставы на существенные элементы и ввожу ихъ въ начаткахъ и задаткахъ. Я ввожу гласность передопроса, одну степень апелляціи, лучшее распредѣленіе подсудности и начатки обвиненія и защиты.

Наслѣдника вѣроятно уже привезли, и начнутся церемоніи. Русскій поэтъ встрѣтилъ его при самомъ отплытіи въ Средиземное море. Въ

стихотвореніи князя П. А. Вяземскаго „Вечеромъ на берегу моря“ есть прекрасныя строфы:

1.

Плыветь онъ, молодой царевичъ,
Облятый непробуднымъ сномъ,
И этотъ мѣсяцъ, эти звѣзды,
Горятъ надъ царскимъ кораблемъ.

5.

Плыветь онъ къ берегу родному,
Гдѣ онъ разцвѣлъ и возмужалъ,
Гдѣ втайнѣ подвигу святому,
Себя въ грядущемъ обрекалъ,

6.

Гдѣ былъ онъ радостью семейной,
Надеждой царства своего,
Гдѣ мать мольбой благоговѣйной
Молила Промыслъ за него:

7.

Чтобъ лучшихъ благъ хранилъ залогомъ
Онъ вѣру, мудрость, кроткій нравъ,
Чтобъ былъ и честь онъ передъ Богомъ,
И передъ каждымъ ближнимъ нравъ.

13.

Разрознены судьбиной мрачной
Два бытія родныхъ сердецъ,
И разомъ царственный и брачный
Съ чела младаго палъ вѣнецъ.

14.

И онъ, царевичъ ненаглядный,
Улада сердца и очей,
Теперь безжизненный и хладный
Пристанеть къ родинѣ своей.

15.

А волны вьются за волнами
Подъ смертоноснымъ кораблемъ,
А мѣсяцъ свѣтлыми звѣздами
Блеститъ на небѣ голубомъ.

16.

И мѣсяцъ, равнодушный къ горю
Корабль сянъемъ обдаеть,
И не сдается синю морю,
Какую скорбь оно несетъ!

Жаль, что Вяземскій не приглубилъ Дагмаръ своимъ стихомъ. Онъ такъ граціозно воспѣваетъ женщину. Впрочемъ принцессѣ посвящено нѣсколько теплыхъ строкъ княземъ Николаемъ Мещерскимъ („Моск. Вѣдом.“ 22 Апрѣля), обратившихъ на себя общее вниманіе.

Теперь въ кружкахъ и въ газетахъ большіе толки о пьянствѣ и средствахъ уменьшенія его. Дѣло поправимое, но въ томъ-ли положеніи нашъ бюджетъ доходовъ, на счетъ которыхъ (другаго средства нѣтъ) предполагаютъ уменьшить пьянство. Эманципація дала свободу; дисциплина ослабла, дворы дѣлятся, бѣднѣютъ и спиваются. Но я думаю цифру въ 125 мил. р. можно принять за норму и остановиться развитіемъ пьянства шинками и штофными лавками. Пьянство губить сбереженія, вносить безпорядокъ и развратъ въ частную жизнь, матеріально портить человѣка и вліяетъ на будущее поколѣніе. Казна, кажется, можетъ отказаться отъ нѣсколькихъ милліоновъ въ виду такихъ страшныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что съ распространеніемъ благосостоянія умножатся другіе источники доходовъ. Можно бы возвысить патенты на распивку и штофныя лавки имѣть только въ городахъ. Еще въ 1856 г. въ комитетѣ 1-го д-та Сената, я предлагалъ уничтожить шинки и дозволить распивку только въ трактирахъ и харчевняхъ, приводя въ примѣръ Баварію, гдѣ подобный порядокъ имѣлъ очевидное вліяніе на нравственность и внѣшнее облагороженіе народа. Брокъ иронически отозвался, что объ уменьшеніи пьянства много говорено и писано, но теперь уже не говорятъ. Юристъ, сенаторъ Веймарнъ, прибавилъ: да не для того мы и призваны въ комитетъ.

Президентъ Матью Джонстонъ объявилъ, что начальники возстанія будутъ судиться, какъ виновные въ измѣнѣ, и назначилъ большія суммы за поимку Джефферсона Девиса, президента и другихъ представителей южныхъ штатовъ, присовокупивъ, что въ военномъ департаментѣ есть несомнѣнныя доказательства участія ихъ въ убійствѣ Линкольна. Есть какая-то поспѣшность, опрометчивость въ рѣчахъ и распоряженіяхъ Джонсона. Одною объявленія, что будетъ судъ и наказаніе за измѣну союзу, недостаточно. Надобно опираться на законъ. Девисъ дѣйствовалъ по волѣ народной, и слѣдовательно виновать въ измѣнѣ весь народъ южныхъ штатовъ. Иначе Линкольнъ и Грантъ не такъ бы поступили съ Ли, его арміей и Ричмондомъ. Борьба партій дошла до открытаго боя въ массахъ дотогѣ невиданныхъ. Лились рѣки крови, истощалась страна, жертвуя всею, удивляя міръ своимъ геройствомъ. Какая же тутъ измѣна? Это бунтъ, видъ преступленія, значительно видоизмѣненный вольною конституціею союза и широкимъ самоуправленіемъ Соединенныхъ Штатовъ. Здравая политика, при побѣдѣ, указываетъ на амнистію, съ исключеніемъ главныхъ виновныхъ, которымъ предстоитъ добровольное изгнаніе. Правительство великой республики потеряетъ въ симпатіяхъ друзей своихъ, если отпразднуетъ торжество свое казнями и такими, какими грозитъ Джонстонъ. Казнь южныхъ штатовъ состоитъ въ отмѣнѣ рабства и уплатѣ военныхъ издержекъ въ видѣ срочнаго

займа. Что же касается участія въ заговорѣ на жизнь Линкольна и министровъ, то это дѣло уже суда, и объявленіе президента представляется неблаговременнымъ. Производится слѣдствіе и начнется судъ. Завинять участниковъ не дѣло президента республики. Въ дѣйствіяхъ Джонстона сдаются какія-то личности.

Къ дѣтямъ поступила новая гувернантка *Cécile Campiche*, Женевка, нарочно мною выписанная по рекомендаціи департамента просвѣщенія въ Женевѣ. Къ нимъ же пріѣхала и прежняя гувернантка *Olympe Sonnes* погостить. Доброе и честное это существо жила у насъ три года и оставила единственно потому, что не имѣла никакого авторитета, не имѣя никакого образованія. Это-то заставило меня выписать *Cécile Campiche*, которая была *régente d'une école secondaire*. Дѣвушка молодая, хорошихъ, честныхъ понятій и правилъ и порядочная музыкантка. Дѣти ее полюбили, жена тоже, и она конечно имѣетъ *извѣстную* степень образованности. Эта образованность однако далеко не то, чего я ожидалъ и предполагалъ. Но я надѣюсь, что въ моемъ институтѣ, проведя года два (никакъ не болѣе), она усовершенствуется, лишь бы была охота. Другое не совсѣмъ мнѣ нравится въ ней: у нея нехорошъ органъ, она жуется и глотаешь слова. Потомъ, она очень скоро и жива въ своихъ движеніяхъ, и третье, она хотя не очень молода (ей 22 года), но любитъ развлеченія и веселость, и недостаточно сердца, чтобъ внушить дѣтямъ уваженіе къ различію: какъ относиться къ ней въ часы игры и какъ во время уроковъ. Я замѣчаю, что Тата менѣе охотно занимается музыкою. Впрочемъ, подождемъ. Доброй воли поддѣлаться къ намъ у нея довольно, и она, кажется, такъ очарована первыми впечатлѣніями въ незнакомомъ Русскомъ домѣ, что при взаимной оцѣнкѣ и искреннихъ отношеніяхъ дѣло пойдетъ хорошо.

Сгорѣлъ Козловъ, выгорѣлъ Витебскъ, горѣлъ и Симбирскъ, горять города и села. Вездѣ ищутъ Поляковъ и нигдѣ ни Поляковъ, ни шаекъ не находятъ. Оказываются вольности, дешевка и безпечность. Несчастія ужасныя. Истребленіе Козлова напоминаетъ прошлогоднее истребленіе Симбирска. 1500 домовъ, 900 лавокъ и 4 церкви, попь въ ризахъ и 300 человекъ. Какое-то броженіе стихій. Въ концѣ Мая стоятъ холода. Озимыя поля перепахиваются. Нужда вездѣ крайняя. Блаженствуютъ только въ Петербургѣ, гдѣ право займовъ и ассигнацій производитъ мнимое изобиліе и маскируетъ страшное состояніе всей Имперіи.

Какую встрѣчу устроилъ Петербургъ цесаревичу Николаю! 19 онъ приближался при страшной бурѣ, которая угрожала опасностію всей флотиліи и Датскому кронпринцу и которая нагнала наводненіе на полгорода. Буря была и въ Москвѣ; я самъ видѣлъ въ Петровскомъ

паркѣ вырванныя съ корнемъ большія деревья. Вообще и Апрельъ, и Май стоятъ вѣтряные и холодные.

Исторія съ m-elle Le Tissier теперь занимаетъ и Петербургъ, и Москву. Г-жу эту вывезъ въ Россію Шереметевъ (А. В., какъ онъ самъ говорилъ мнѣ); послѣ него она перешла къ кн. Долгорукову (сыну сенатора Ю. А.) и потомъ ходила по рукамъ, пока не прибрала себѣ N.N., съ которымъ и уѣхала въ Берлинъ. Въ Берлинѣ они захвачены полиціей на желѣзной дорогѣ, разлучены, и герцогъ посаженъ подъ арестъ, исключенъ изъ всѣхъ частей службы и лишенъ Андреевской звѣзды. Эта буйная и пьяная головушка отличается энергіею, грубостію (N—а онъ, на Невскомъ, назвалъ громко дуракомъ) и любезною ему перспективою—служить у Наполеона. Очень хвалятъ Николая Лейхтенбергскаго, приписывая тщательное его воспитаніе Ребиндеру.

Стачка рабочихъ. Уже давно трудъ личный въ ссорѣ съ капиталомъ. Давно бывали и теперь бываютъ схватки между ними, и всегда капиталъ бралъ верхъ надъ нуждою, настоятельною и насущною. Въ Германіи и Франціи въ прошломъ и настоящемъ годахъ созданы по этому поводу законы и регламенты. Но все это мало помогаетъ дѣлу. Схватки и ссоры продолжаются, какъ продолжается противорѣчіе бѣдности и богатства. Сень-Симонъ, социализмъ такъ и втирается въ бюджетъ, которымъ живетъ государство, и въ производительность, которую живетъ общество. Бюджетъ требуетъ подати съ дохода, промышленность вызываетъ сдѣлки рабочихъ съ хозяевами. Шульцъ-Делингъ представляется посредникомъ и предлагаетъ средства возможности терпѣливыхъ соглашеній. Можетъ быть, недалеко время, когда войдетъ въ жизнь и въ букву закона „новое право“, и человѣчество признаетъ новые догматы; но безъ права и догмата жить нельзя, и я думаю, что отсуствіе этихъ главныхъ руководителей есть главнѣйшая причина ненадежности современнаго порядка и запутанности всѣхъ предположеній, основанныхъ на самонадѣянности.

Іюнь. Я давно не писалъ здѣсь, а между тѣмъ и выставка была, мануфактурная (и весьма богатая), и въ деревню я съѣздилъ, и прочелъ 4 тома Тена объ Англійской литературѣ. Дѣло въ томъ, что я занялъ мыслию о судебной реформѣ и предвижу большія затрудненія въ осуществленіи ея согласно уставамъ. Очевидно, что Россія уже не *tabula rasa* Петра I, когда преобразователь вводилъ реформы a priori. Очевидно, что она накопила въ себѣ матеріалы и элементы живой организациі, безъ разрушенія которой спросъ не найдетъ предложенія. Внутри Россіи все ждуть-недождутся этой реформы, и особенно чувствуется необходимость въ вѣрной и сильной мѣстной власти. Я разумѣю мѣстныхъ мировыхъ судей. Надобно пожить въ деревнѣ, чтобы чувство-

вать всю натянутость отношеній и всю тяжесть помѣщиковъ. Потравы и обиды безпрестанныя, а искать иногда рѣшительно не у кого: старшина безгласенъ, крестьянскій судъ безобразенъ, посредники устали.

При общей распущенности наибольшая замѣчается въ школахъ. Тамъ господствуютъ празднословіе, верхоглядство и нигилизмъ. А въ высшихъ сферахъ озабочены не этими язвами, а рѣшеніемъ спора: какія и гдѣ должны быть школы, реальныя или классическія, и послѣднія съ двумя или съ однимъ древними языками. Боже мой, да такія или сякія, все равно, но установите ученіе, возстановите дисциплину, введите порядокъ. Дайте мѣсто требованію, выдержите постепенную терпѣливость и дайте силу авторитету, хоть авторитету опыта. Какая разнузданность въ литературѣ и обученіи! Послушайте что говоритъ Писаревъ въ „Русскомъ Словѣ“, что говоритъ Соловьевъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, что говоритъ Бобровскій въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Прислушайтесь къ педагогическимъ совѣщаніямъ въ Петербургѣ и въ Одессѣ. Кажется, здравый смыслъ отлетѣлъ отъ насъ; кажется, нѣтъ для насъ ничего вѣрнаго и положительнаго, кромѣ угожденія толпѣ и большинству, кромѣ дерзкаго отрицанія и дерзкаго исканія новаго, оригинальнаго и индивидуальнаго. Какъ ни скученъ Катковъ съ его вѣчными подозрѣніями въ интригахъ и заговорахъ сепаратистовъ, но, отстаивая здравый смыслъ и опытъ, онъ уже тѣмъ совершаетъ большую заслугу обществу и государству. Конечно онъ преувеличиваетъ и кричитъ слишкомъ громко; но какъ же не преувеличивать и не кричать громко посреди этого хаоса понятій, сужденій и явленій?

2 Сентября 1865 г. Свобода цензуры и печати. Защищемъ этотъ день. Это большой праздникъ. Мы къ нему, правда, приготовлены либеральными мѣрами нынѣшняго царствованія; но свобода печати по закону, по привычкѣ, есть институтъ столько же нравственный, политическій и воспитательный, сколько умственный и государственный. Нація призвана совершеннолѣтнею, зрѣлою, достойною полного довѣрія и способною управлять своими мыслями, воззрѣніями и словомъ. Посмотримъ, какъ выразится и организуется эта свобода, не вызоветъ-ли она самостоятельное Русское мышленіе и не выработаетъ-ли она Европейскаго Русскаго человѣка.

Какое жалкое положеніе занимаемъ мы въ Шлезвигъ-Голштинскомъ вопросѣ! Мы умѣемъ только переуступать. Конечно, послѣ Итальянскихъ разрушеній и нарушеній, гдѣ Кавуръ явно шелъ объ руку съ шайками Гарибальди, Датская война представляется не честною, но почти законною, раздѣлъ же герцогства противорѣчитъ всѣмъ трактатамъ и нашимъ правамъ. Мы признали Италію, мы молчимъ передъ дерзкимъ Бисмаркомъ, который насъ не спрашиваетъ, не обращаетъ на насъ никакого

вниманія. Внутреннія преобразованія наши требуютъ сдержанности и сосредоточенія усилій дома, но эти дѣла не освобождаютъ отъ удержанія за собою подобающаго положенія и отъ защиты нашихъ правъ и политической чести и дипломатическаго приличія. Нельзя этого дѣла признать Прусскимъ и даже Нѣмецкимъ. Шлезвигъ къ Германскому союзу не принадлежалъ, и права Гольштейнъ-Готторпскаго дома соединены въ особъ Русскаго императора.

Порицанія Пруссіи такъ общи, что вопросъ можно сказать не кончается, а вступаетъ въ новую стадію. Герцогства будутъ сожалѣть о Даніи, надѣлявшей свои земли демократическими учрежденіями. Они узнаютъ Прусскую военную администрацію и юнкерство, столь мало совмѣстныя съ желанною для герцогствъ конституціею. Германскій національ-ферейнъ подниметъ голову, заведетъ морскую силу и усилитъ пропаганду. Если и у Нѣмцевъ нѣтъ уваженія къ трактатамъ, то господство нивелирующаго духа должно быть такъ сильно, что Бисмаркъ повторяетъ Кавура, и королевская партія работаетъ на демократовъ.

Пребываніе Царской семьи въ Ильинскомъ чрезвычайно скромно. Погода ненастна, овацій нѣтъ, и ихъ не желаютъ. Москву Государыня не любитъ. Дворянская Москва не любитъ Государя. При приѣмѣ Государь обошелся съ дворянствомъ очень холодно, предводителю Шипову (Дм. Павл.) сказалъ довольно жесткія слова, генераль-губернаторомъ назначилъ (и не военнымъ, а простымъ) молодаго генераль-лейтенанта князя Долгорукова (Владим. Андр.) вовсе Москвѣ неизвѣстнаго, а Петербургу извѣстнаго своимъ ограниченнымъ умомъ, своими спекуляціями и вологитствомъ. Москва видимо падаетъ, и хотя „Москов. Вѣдомости“ пишутъ, что въ словѣ Москва выражается цѣлая система понятій, началъ и политическихъ убѣжденій въ чисто-Русскомъ, національномъ, государственномъ смыслѣ, но Москва падаетъ. Общество разнится; Сенатъ уничтожается, о вельможествѣ и помину нѣтъ; самый Кремль застроенъ новыми зданіями, освѣщеніе дурно, воды мало, мостовая плоха, грязи и лохмотьевъ множество, нищихъ и пьяныхъ еще болѣе. Самые авторитеты митрополита и университета исчезаютъ. Даютъ еще нѣкоторый рельефъ развивающаяся фабричность и смѣлыя статьи въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ и въ „Днѣ“ Каткова и Аксакова. Для нихъ Петербургъ личный врагъ. Слово „Петербургскій“ значитъ враждебный Россіи, презрѣнный, насильно навязанный, близорукій. Но публичный судъ и свобода печати принесутъ новое значеніе Москвѣ и едва ли невысшее нежели прежнее, съ болѣшими сплетнями и пересудами Англійскаго клуба и золотыхъ салоновъ. Москва—непремѣнная оппозиція Петербургу; но теперь оппозиція будетъ опираться на гласность и разноситься въ листахъ по всей Россіи. Петербургъ, кромѣ законовъ,

не даетъ ничего и безпрестанно требуетъ податей и рекрутовъ; его любить нельзя, его бояться, и потому слушаются. Москву любятъ, и потому будутъ слушаться. Оппозиція проберется въ суды, и Петербургскому приказу Москва противопоставитъ общественное мнѣніе. Поэтому бы съ Москвою надобно быть въ ладахъ.

Сегодня, 14 Сентября поутру, скончался сенаторъ Ребиндеръ Николай Роман.*). Онъ родился въ 1812 г., учился въ высшемъ училищѣ и началъ службу по таможенной части. Я засталъ его начальникомъ (распорядительнаго) отдѣленія въ 1840 г. и потомъ правителемъ канцеляріи министра юстиціи. Не сойдясь съ гр. Панинымъ, онъ перешелъ вице-директоромъ въ департ. иностран. исповѣданій и строилъ Римско-католическую коллегію, устроивалъ Римско-католическую академію. Это было при Скрипицынѣ, когда дѣятельность директора абсорбировала всю администрацію. Потомъ онъ потерялъ жену (Елисавету Ѳедоровну, рожден. Козляинову). Постоянно желчный, раздражительный и недовольный, разстроился еще болѣе и уѣхалъ градоначальникомъ въ Кяхту. По словамъ его, это лучшее время его жизни. Въ Сибири онъ былъ здоровъ и въ спокойномъ и даже веселомъ расположеніи. Здѣсь онъ встрѣтился съ семействомъ ссыльнаго Трубецкаго и женился на его дочери, еще при жизни ея матери, урожденной Лаваль, сестры графини Борхъ. При ихъ содѣйствіи онъ назначенъ былъ попечителемъ округа въ Кіевѣ, а потомъ въ Одессу, откуда перемѣщенъ директоромъ д-та народнаго просвѣщенія и наконецъ, въ 1862 г., сенаторомъ въ Москву, въ 3-й департаментъ. Не мнѣ оцѣнивать служебную его дѣятельность. Она была чрезвычайно разнообразна, потому перемѣнчива и вездѣ кратковременна. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ вспоминалъ о Сибири. Въ Кіевѣ ропталъ онъ на преобладаніе католицизма, въ Одессѣ негодовалъ на порядки своего предмѣстника (д-ра Пирогова). Но я могу говорить о человѣкѣ. Это была личность чистая, благородная, рыцарская. Онъ никому не льстилъ и не угождалъ и ничѣмъ не стѣснялся въ возраженіяхъ за правду и въ защиту самостоятельнаго мнѣнія. Миръ праху твоему, товарищъ! Много ты перенесъ. Пора успокоиться.

Пребываніе Царя съ семействомъ въ Ильинскомъ и въ Москвѣ не имѣло и едва-ли могло имѣть какое нибудь значеніе. Все это дѣлается на скорую руку, торопливо. Некогда остановиться, некогда обдуматься. Кажется, смѣшною Офросимова и холодностію съ дворянствомъ Государь хотѣлъ дать почувствовать свое неудовольствіе. Предводителю дворянства, Дмитрію Павловичу Шипову онъ положительно сказалъ: передайте

*) Небольшая біографія, написанная О. Чижевымъ (товарищемъ по ученью) въ „Днѣ“ отъ 15 Сентября, въ Славянофильскомъ духѣ.

дворянству, что если при этихъ выборахъ будутъ какіе либо безпорядки, то съ виновными будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Но все это не помѣшало ему принять ласково бывшаго оратора прежнихъ выборовъ, молодаго Звенигородскаго предводителя Дм. Дм. Голохвастова, который въ импровизаціи своей назвалъ Петербургскихъ правителей опричниками. Вообще Государь все болѣе и болѣе выказывается слабо-властнымъ и непослѣдовательнымъ.

Я сей часъ прочелъ передовую статью „Москов. Вѣдом.“ 26 Сентября № 210 о субсидіяхъ газетъ „Голосъ“. Если это патріотическій подвигъ гражданскаго долга, то редація заслуживаетъ гражданской короны, т. е. если подозрѣнія ея о существованіи партіи, враждебной призванію Русскаго правительства, въ средѣ этого самаго правительства, основательны и подтверждаются. Но если это одни извѣты мнительнаго и подозрительнаго журналиста, хотя бы патріота и благонамѣреннаго, то редація заслуживаетъ суда или по крайней мѣрѣ „предостереженія“. Вообще „Московск. Вѣдомости“ и „День“ выражаютъ систематическую оппозицію и только ловкими двумысленными оборотами отклоняютъ прямое обвиненіе. Если за статью эту не послѣдуетъ предостереженія, то указываемая партія въ правительствѣ есть, и ей рано разоблачаться и выгоднѣе смотрѣть на смѣлаго бойца сквозь пальцы. Партію эту ставятъ подъ знамя Великаго Князя Константина, и вліянію ея приписываютъ поощренія сепаратизма по окраинамъ Россіи и замѣшательство дѣлъ и порядковъ внутри ея, гдѣ все сословія недовольны и все ропщутъ на незрѣлыя уновленія, на застои промышленности и разстройство отъ безденежья и низкаго курса. Но какая же цѣль подобной партіи? Перемѣна династіи? Ну статочное-ли это дѣло!

Статья о субсидіяхъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ предостереженія, что за нѣсколько дней „Сѣверная Почта“ предупредила, очевидно полуофициальнымъ тономъ, что продолженіе подобной политики должно прекратиться. „Московскія Вѣдомости“ накинулись именно на это предупрежденіе. Скандалъ достигъ высшей степени: гласность объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что въ правительствѣ существуетъ партія, враждебная Россіи и призванію ея правительства и помогаетъ „Голосу“, который есть ничто иное, какъ „Современное Слово“, запрещенное въ 1863 г. (слѣдовало сказать 1865 г., ибо Ахшарумова газета издавалась всего 11 №№ въ нынѣшнемъ году. Или здѣсь рѣчь о газетѣ Писаревскаго). Подождемъ, посмотримъ, не заждемся.

Графъ Сологубъ такъ много говорилъ мнѣ о своихъ преобразованіяхъ въ смиренно-рабочемъ домѣ (въ Преображенскомъ, подъ Москвою), что я, не смотря на мою неудачу въ посѣщеніи такъ называемой

исправительной школы подъ Симоновымъ*), рѣшился посмотрѣть это важное наказательное учрежденіе. Особеннаго ничего нѣтъ: помѣщеніе, одежда и самое содержаніе чрезвычайно плохо, едва-ли не хуже губернскаго. Но честь и слава гр. Сологубу за водвореніе и устройство работъ артелями. Онѣ идутъ хорошо и держатся исключительно Сологубомъ, который конечно общаніемъ наградъ уговорилъ четырехъ купцовъ дать инструменты и матеріалъ и установилъ довольно низкую таксу. Работаютъ мѣсяца два, а у нѣкоторыхъ, по книжкамъ, находится въ артели болѣе 10 р. Но на долго-ли потянетъ Сологуба? Я еще въ прошлый прїѣздъ министра юстиціи обратилъ его вниманіе на несообразность нашихъ наказательныхъ учреждений и всей системы наказаній, потерявшей свой характеръ устрашенія и не выражающей, какъ въ остальной Европѣ, никакихъ даже зачатковъ начѣла исправленія или улучшенія преступника. Я представлялъ, что продолжительная каторга и „поселить въ Сибири навсегда“ и лишеніе правъ безъ возвращенія когда либо и безъ reabilitatio нигдѣ не существуютъ и что наказаніе не должно быть рутинною, а постепеннымъ развитіемъ исправительныхъ стадій, какъ введено въ Ирландскихъ тюрьмахъ. Замятининъ мнѣ не отвѣчалъ, и я 10 прошлаго Сентября счелъ себя въ правѣ обратиться къ Валугеву, который на дняхъ увѣдомилъ меня (въ общихъ фразахъ), что для министерства собираются свѣдѣнія въ Бельгій и Ирландіи.

Все это однако не мѣшало бы поправить и получше содержать существующіе тюремные замки и рабочіе дома. Достаточно посмотрѣть Московскіе, чтобы видѣть, какъ здѣсь дурно и безопасно и какъ съ малыми средствами можно было бы улучшить и помѣщеніе, и содержаніе. NB. Въ рабочемъ домѣ 6 арестантовъ обратились ко мнѣ съ жалобою на прокурора, пропустившаго ихъ въ списокъ лицъ, удостоенныхъ Государемъ помилованія на одну степень. Помилованіе это объявлено за то, что арестанты служили молебень о здравіи покойнаго Наслѣдника, когда разнеслась вѣсть о опасномъ его состояніи и послали цвѣты на его гробъ, когда онъ привезенъ былъ въ Петербургъ. Научилъ ихъ сдѣлать это священникъ замка. На вопросъ мой, какъ они узнали о царской милости, арестанты отвѣчали, что читали въ газетахъ. Не въ Сенатскихъ-ли? Въ какихъ (нигдѣ не напечатано), и какъ вы ихъ полу-

*) Посѣтилъ я школу 23 Юня и при самомъ первомъ знакомствѣ съ ея устройствомъ, послѣ всего, писаннаго о ней такъ много въ газетахъ, тотчасъ увидѣлъ всю несостоятельность этого заведенія. Бывшіе на лицо 11 мальчиковъ веѣ подѣ слѣдствіемъ и безпрестанно требуютъ къ допросу (вереть за б). Желая помочь школѣ, А. П. Стрелковой ради, я далъ для переплета пять книгъ и потомъ два мѣсяца возился, чтобы выручить ихъ и выручилъ только при содѣйствіи полиціи. А чего не писали г. Завалишинъ и др.?

чаєте? Оказалось, что нѣкоторые изъ арестантовъ замка поступили въ рабочій домъ и принесли эту благую вѣсть. Ну что бы Государю, не ослабляя правосудія, задать обѣдъ съ двумя блюдами говядины!

Нашъ климатъ и наши пространства суть главныя причины нашей бѣдности и нашей отсталости. Съ дарованіемъ разныхъ правъ и вольностей, съ освобожденіемъ печати и при усиленной дѣятельности умовъ нельзя, чтобы общій уровень народнаго сознанія своего достоинства и Русскаго самостоятельнаго возрѣнія не поднялся противъ прежняго, очень сжатаго и очень низкаго; но бѣдность остается бѣдностію, и политическіе порядки богатыми насъ не сдѣлають. Бѣдность эта теперь и чувствительнѣе, и ощутительнѣе, потому что требованія и личныя и общественныя значительно усилились и умножились. Мы жили и живемъ долгами и безъ займовъ обойтись не можемъ. Растутъ требованія (бюджетъ готовъ съ 250 прыгнуть до 400 милліон.), растутъ недоимка (уже къ 1 Сентября насчитываютъ 24 милл., въ томъ числѣ $\frac{1}{4}$ на акцизы съ вина и $\frac{1}{8}$ отъ таможенъ. NB: Значитъ привозятъ мало, значитъ вывозятъ—тоже), растутъ и долги. Мы скоро дойдемъ до 2000 милліоновъ, до 100 милліоновъ рублей однихъ процентовъ. Особенно бѣденъ народъ; сократить его крайне скудные расходы нельзя, а сборы увеличиваются, дешевое вино пьется легонько. Выкупные и оброчные платежи выбираются туго, и бѣдные крестьяне подвергаются аукціону. Кажется, не избѣжать и намъ пониженія оцѣнокъ и обязательнаго выкупа. Исполненные добросовѣстно они немного стѣснять помѣщиковъ и преимущественно помѣщицу-казну, но много облегчать крестьянина, ибо и небольшое ему очень чувствительно. Не думаю, чтобы лучшаго распредѣленія налоговъ и повинностей дождались мы отъ земскихъ учреждений: какъ ни либеральны они, но долго будутъ и останутся односторонними, по преобладающему элементу землевладельцевъ.

Еще однимъ великаномъ меньше. Пальмерстонъ скончался. Шестидесять лѣтъ потрудился онъ для благоденствія и славы Англіи и до послѣднихъ дней сохранилъ могущественное вліяніе силы своего генія и огромной своей опытности. Онъ былъ исключительно Англичанинъ, и за этимъ горизонтомъ, внѣ предѣловъ Англійскихъ интересовъ, весь міръ интересовалъ его только по возможности соприкосновенія его съ этими же Англійскими интересами. Онъ былъ противъ коренныхъ реформъ и приверженность свою къ *statu quo* могъ, не безъ законнаго самолюбія, гордо оправдывать тѣмъ богатствомъ, тѣмъ величіемъ, какихъ Англія достигла подъ его управленіемъ. Онъ былъ открытый врагъ Россіи. Нарастаетъ новое поколѣніе, и съ расширеніемъ выборнаго права (чего надобно ожидать) Англія готовится къ обновленію, долженствующему совершиться не въ смыслѣ Пальмерстоновскихъ порядковъ.

Новыя правила судопроизводства 11 Октября обнародованы для *старыхъ* судовъ. Они очень хороши и именно хороши по тремъ причинамъ: они практичны и ничего не ломаютъ; они могутъ быть введены вездѣ и немедленно, и 3-е. они согласны съ моими предположеніями, изложенными въ представленномъ моемъ мнѣніи о порядкѣ введенія уставовъ 1864 г. Ими допускаются гласность, свобода объясненій подсудимаго, и упрощаются подсудность и апелляція по уголовнымъ дѣламъ.

Читая агитаціи и споры о значеніи Русскаго языка въ дѣлахъ Остзейскаго края, я припомнилъ, что въ Сентябрѣ 1844 (22 года тому), обозрѣвъ тамошнія тюрьмы, гдѣ большинство Русскихъ и Евреевъ, я представилъ министру, что тамъ „Русскаго чловѣка, въ Русскомъ государствѣ, допрашиваютъ понѣмецки“, и заключилъ о необходимости вопроса на языкъ подсудимаго, а равно и о объявленіи ему приговора на томъ же языкѣ. Я не думалъ, чтобы это могло встрѣтить какое либо препятствіе въ отношеніи Русскихъ, потому что мѣстные чиновники знаютъ порусски. Предположеніе мое было принято какъ гр. Панинымъ, такъ и гр. Блудовымъ, по докладу послѣдняго одобрено Государемъ и въ Ноябрѣ того же 1844 г. сообщено генералъ-губернатору. Желая узнать теперь объ участи этого предположенія, я обратился къ генералъ-губернатору, и гр. Петръ Андр. Шуваловъ увѣдомилъ меня, что предположеніе это превращено въ установленіе при судахъ переводчиковъ, вызвавшее обширную переписку съ разными сословными представительствами, и въ 1850 году, какъ дѣло рѣшеное, окончательно сдано въ архивъ, гдѣ и лежало до полученія моего письма. Нынче я послалъ записку къ министру и спрашиваю: ужь не сдано ли оно въ архивъ и въ министерствѣ? Весьма можетъ быть. Нельзя въ этомъ винить Остзейцевъ однихъ; имъ естественно не желать вторженія Русскаго языка въ ихъ привилегированную среду. Виноваты здѣсь Петербургскія канцеляріи и Остзелялюбивые начальники. Но какъ же допрашивать, судить и осуждать Русскаго, въ Россіи, понѣмецки? Для меня не только какъ Русскаго, но просто какъ юриста, немыслимъ подобный порядокъ при закрытомъ судѣ.

Другое обстоятельство, въ которомъ я сильно столкнулся съ Нѣмецкою нашею автономіей, это въ вопросѣ объ апелляціи по дѣламъ уголовнымъ. Нѣмцы сильно отстаивали *de non appellando*, и гр. Блудовъ, все тотъ же гр. Блудовъ, выручилъ Нѣмцевъ. Споръ этотъ напечатанъ въ 1 т. Сборника рѣшеній Прав. Сената 1864 г. подъ № 686, на стр. 996, подъ скромнымъ заглавіемъ: объ освобожденіи членовъ оберъ-ландгерихта отъ выговора и взысканія по дѣлу Соколова. Я долженъ прибавить, что окончательное рѣшеніе вопроса *de non appellando* послѣдовало, когда я уже оставилъ судебное вѣдомство, и рѣшеніе это

произвело громкую радость въ добрыхъ Нѣмцахъ всѣхъ городовъ трехъ Русскихъ губерній.

Вотъ и начало гласности! Въ Московскихъ департаментахъ и общемъ собраніи присутствуетъ публика, и даже дамы, и даже княгини. Надобно полагать, что публика должна разочароваться, потому что спектаклю недостаетъ ни дѣйствія, ни характеровъ, ни даже декорацій. Секретарь или оберъ-секретарь доложить довольно подробно обстоятельства дѣла. публика удаляется, и начинаются дебаты, которые собственно и могли бы интересовать постороннихъ. Въ общемъ собраніи и въ 7-мъ д-тѣ (Московскія дѣла) случились повѣренныя, и потому были объясненія и довольно адвокатскія. Но въ 8 д-тѣ, когда, послѣ перваго дѣла, публика вошла въ присутствіе для слушанія втораго дѣла, троихъ изъ любопытныхъ уже не было, а и всѣхъ-то было 8-мъ. Въ департаментахъ это можетъ устроиться, и хорошо и съ пользою. Если допустить состязаніе сторонъ, защиту подсудимаго, то и судьи и зрители могли бы имѣть назиданіе и вѣрнѣе усвоить сущность процесса. Подождемъ. Великое начало положено. Оно разовьется и принесетъ плоды. Да здравствуетъ реформа удобоисполнимая, крайне полезная и способная усовершеншаться!

При дворѣ и въ обществѣ много говорятъ о сватбѣ фрейлины Тютчевой (Анны Ѳедоровны) съ Славянофилемъ Иваномъ Сергѣев. Аксаковымъ издателемъ прекращаемаго „Дня“ *). Дѣйствительно, это немножко странно. Придворная сфера, въ которой жила Тютчева около 10 лѣтъ, какъ воспитательница Великой Княжны, какъ ближайшее лицо къ Императрицѣ, пользовавшаяся вліяніемъ, не имѣетъ ничего общаго съ скромнымъ кабинетомъ редактора, правда весьма даровитаго и при томъ прекраснаго человѣка. Дядя и тетка невѣсты, Сушковы объяснили мнѣ это тѣмъ, что придворная жизнь всегда тяготила умную голову, независимый характеръ которой нисколько не согласовался съ натянутымъ этикетомъ и пустою церемонностію двора; а между тѣмъ шесть лѣтъ пламенной любви не любимаго человѣка доказывали всю прочность и безкорыстіе чувства. И она рѣшилась. Другіе объясняютъ иначе, и полученное мною письмо (отъ статъ-секретаря Гагемейстера) подтверждаетъ это иное объясненіе. Тютчева потеряла довѣріе Императрицы и видѣла, что ею тяготеяся и даже даютъ ей это чувствовать. Надобно было найти выходъ, и она выходитъ за мужъ, увѣряя, что это давно было рѣшено, но что она отказывалась, желая докончить

*) Это бракосочетаніе состоялось 11 Января 1866 года, въ Москвѣ, въ домовоѣ церкви барона М. А. Боде. Иванъ Сергѣевичъ говорилъ мнѣ, что онъ влюбился въ углѣ Анны Ѳедоровны и что они оба готовили себѣ счастье на осень дней своихъ. П. Б.

первоначальное воспитаніе Великой Княжны, а теперь рѣшается, такъ какъ Княжна должна начать серьезные классные уроки съ учителями и специалистами. Впрочемъ за годы воспитанія и во вниманіи къ сдѣланнымъ жертвамъ нѣсколькихъ лѣтъ фрейлина Тютчева получаетъ 5 т. р. пансіона и приданое отъ Императрицы. Я полагаю, что это придворная интрига, а бракъ съ Аксаковымъ дѣлается вѣроятно по старой памяти. Тютчевой около 40 лѣтъ, но она свѣжа и съ виду молода, а Аксакову должно быть около 42 или 43.

Итакъ гласность втирается всюду. Газеты и журналы держатъ себя хорошо, съ достоинствомъ и сдержанно. „Москов. Вѣдомости“ напали на Министерство Просвѣщенія и отдѣлываютъ Головнина, какъ говорится, на обѣ корки, отдѣлываютъ даже несправедливо, особенно въ № 235 Октября 28. Здѣсь редакція явно смѣшала мнѣнія членовъ Государствен. Совѣта съ высочайше утвержденными мнѣніями Государств. Совѣта. Я полагалъ, что будетъ „предостереженіе“, но, кажется, обошлось такъ. Но чтб же это за министр, котораго можно обносить даже ложно? И никто за него не вступится. Редакція тоже съ напоромъ отдѣлываетъ и сепаратизмъ и защищаетъ Русскій языкъ и Русское достоинство. Нѣтъ врага злѣе для сепаратистовъ и организованныхъ инородческихъ привилегій. Въ этомъ смыслѣ „Москов. Вѣдомости“ имѣютъ огромное значеніе и большую силу. Онѣ сумѣли стать высоко и твердою ногою и умѣютъ соединить это положеніе съ лестнымъ для Русскаго воехваленіемъ Русскаго элемента, Русскаго единства и жертвъ Русскаго народа.

Гласность суда прививается тоже хорошо; я и многіе удивлены, какъ это простое начало прилагается просто. За то паническій страхъ напасть на храбрыхъ дивизионеровъ-сенаторовъ, большую частію искалеченныхъ и малограмотныхъ. „Вѣдь можетъ явиться такой говорунъ, что собьется и насмѣется надъ нами“, говорилъ старикъ-калѣка Самаринъ. „Пройдетъ немного, и они научатся и будутъ сидѣть и распоряжаться лучше нашего брата“. Другое неудобство публичности, это наша формальная система доказательствъ, такая щедрая на „подозрѣніе“. Стороннему непонятно (какъ они не юридически выражаются) „такое легкое наказаніе“. Впрочемъ посѣтители при рѣшеніи не присутствуютъ и его не знаютъ. Третье неудобство—это наше помѣщеніе: оно тѣсно, и публикѣ отдѣляется самое незначительное пространство.

Первую публикацію въ (С.-Петербург.) газетахъ о допущеніи къ присутствію при докладѣ сдѣлать предѣдатель Владим. Гражд. Палаты. Она напечатана въ объявленіяхъ перваго столбца Вѣдомостей въ № 285 Ноябр. 11 (Октябр. 30) 1865 г.

Въ настоящее время все измѣнилось, все, и мы живемъ въ средѣ общества и порядковъ, совершенно иныхъ, въ которыхъ прежняя жизнь держится только слабымъ преданіемъ и рутинною привычкою. Я не вполне вѣрую въ ожидаемыя послѣдствія совершенныхъ реформъ, но не могу же я не видѣть, что онѣ дарованы великодушно и совершенны добросовѣстно.

Честь и слава Государю и честнымъ исполнителямъ его воли!

Великія преобразования такъ выворотили общество, такъ прямо обрушаются на привычки и обычаи и такъ мало приготовили для себя элементовъ усвоенія, что порождаютъ два совершенно различныя явленія: или совершенное недовѣріе, ожидающее отъ сплошной ломки какого-нибудь взрыва, или излишнюю довѣрчивость, доходящую до вѣрованія въ сверхъестественное. И то и другое явленіе столкнулись въ томъ общемъ послѣдствіи, которое можно бы назвать оплошность, выражающаяся въ апатичности однихъ и въ самоочарованіи другихъ. Главная форма нашего общественнаго быта есть анархія и перемежающаяся диктатура.

Печати дана свобода, а правительство не обращаетъ на нее никакого вниманія. Кредитный рубль нашъ упалъ, а правительство исключаетъ его изъ обращенія въ Финляндіи, которой „бѣдность не въ состояніи нести такія утраты“. Тамъ рубль по курсу. Вольное Экономическое Общество, по случаю столѣтняго юбилея, созвало землевладельцевъ со всѣхъ концовъ и приготовленные вопросы разработало такъ, какъ разсуждаютъ послѣ сытнаго обѣда въ кружкѣ вольныхъ собесѣдниковъ.

Въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ обнаружены очень неблагоприятныя поступки товарища и участіе въ банкѣ Френкеля гофмейстера Набокова, и все это прошло мимоходомъ. Въ департаментѣ таможенныхъ сборовъ сдѣлали такое изданіе тарифа въ Іюнь мѣсяцѣ, за которое при Николаѣ виновные пошли бы въ солдаты, а теперь это кончилось исправленіемъ ошибокъ (числомъ болѣе 70) въ циркулярѣ, напечатанномъ (экая наглость!) въ официальномъ „Указателѣ“ Министерства.

Общественное мнѣніе, университеты, печать и хозяйственныя общества всѣ рѣшительно и энергично выразились противъ устава Петровской Академіи, а уставъ этотъ, изволите видѣть „начертанный по указанію Государя Императора“, утвержденъ, и участвовавшіе получили большія аренды за свои подвиги. Преступленія усиливаются и до такой степени, что Ревельское общество требуетъ примѣненія смертной казни.

Въ 1864 г. банкъ обмѣнялъ фальшивыхъ билетовъ на 700 т. р., а нынче только и слышишь, что о поддѣлкѣ, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Нижнемъ. Ужъ не постановить-ли и за это преступленіе смертную казнь?

Введеніе судебной реформы исполнено страховъ за полномасштабное мировыхъ судей, для которыхъ переходныя правила уже отступили отъ текста закона. Эти мировые судьи и эти отвратительныя волостныя суды, безъ апелляцій, сдѣлаютъ то, что въ уѣздѣ жить будетъ нельзя.

Все въ такомъ броженіи, что остается выжидать окончательной установки, а установки этой очевидно не дождешься; ибо новое зданіе, возведенное на сторонѣ, требуетъ новой ломки для пригонки и припоровки.

Окраины Имперіи чувствуютъ, что всѣ эти преобразованія клонятся къ сліянью, и со всѣхъ концовъ раздаются протесты и возраженія, еще болѣе дѣлающіе невозможнымъ соглашеніе интересовъ, доселѣ раздѣльныхъ.

Хроникѣ писать теперь излишне. Она вся въ современныхъ газетахъ. Газеты выражаютъ вѣрно и самое раздраженное положеніе общества, и самыя радикально противоположныя воззрѣнія разныхъ партій и ихъ органовъ.

Ноября 8-го скончался незапно отъ удара сенаторъ Ждановъ Семень Романовичъ. Это былъ человекъ лѣтъ 70, большой дѣлецъ, поклонникъ стараго поколѣнія, свой человекъ у министра Ланского, у кн. Орлова, съ камердинеромъ котораго онъ тщеславно выставлялъ свою дружбу, могущественный правитель канцеляріи гр. Строгонова (въ Харьковѣ) и у всѣхъ Петербургскихъ генераль-губернаторовъ, особенно при Кавелинѣ, во время сумашествія котораго онъ былъ главнымъ начальникомъ. По вступленіи въ управленіе министерствомъ Валуева, Ждановъ долженъ былъ оставить департаментъ полиціи, сдѣлавшись членомъ Совѣта, былъ употребляемъ по разнымъ порученіямъ, и между прочимъ въ крѣпостной*) политической комиссіи князя Александръ Голицына и въ слѣдственной комиссіи о социализмѣ въ Петербургскихъ воскресныхъ школахъ. Счастливыя открытія въ этомъ дѣлѣ обратили на него вниманіе, и въ награду онъ назначенъ сенаторомъ въ Іюнь 1864 г. Назначеніе, противъ его желанія, онъ получилъ въ Москву, и высокая награда, какою ему представлено это пожалованіе, разлучала его съ домомъ и дачей въ Петербургѣ, съ семействомъ, обычною средою и совершенно его разстроила. Огромные пожары въ Симбирскѣ вызвали его снова къ слѣдственной дѣятельности, и онъ

*) Т. е. въ комиссіи, завѣдавшей въ Петропавловской крѣпости? П. Б.

около 13 мѣсяцевъ провелъ въ Симбирскѣ, съ большою свитою, доискивая политическихъ поджигателей („Моск. Вѣдом.“ 20 Ноября, статья Михаила Лонгинова. „Соврем. Лѣтопись“ 21 Ноября изъ Симбирска). Обѣ прославляютъ незаслуженно Жданова. (См. „Спбр. Вѣдомости“ 1865 г. 28 Декабря). Говорятъ, онъ напелъ ихъ въ лицѣ полковника и майора Самарскаго полка и съ дѣломъ и обличеніями спѣшилъ въ Петербургъ, чтобы, за новую заслугу, добиться наконецъ перевода въ Петербургъ и соединиться съ семействомъ. Смерть постигла его на дорогѣ въ Нижнемъ. Носились общіе слухи, что онъ отравленъ Поляками. Я имѣю нѣсколько писемъ изъ Симбирска, въ которыхъ говорится, что онъ держитъ себя совершенно уединенно и постоянно жалуется на нездоровье. Ждановъ пользовался всегда плохою репутаціей. Не зная судебныхъ порядковъ, онъ никогда не могъ быть полезнымъ сенаторомъ. Это былъ дѣлецъ, юсъ, старый подъячій, какіе все болѣе и болѣе сглаживаются въ нашей скоропеременной администраціи.

Вотъ кончились и (вторыя) дворянскія собранія или выборы. Они продолжались два дня: доказательство важности собраній этого важнаго сословія. Князь Левъ Гагаринъ выбранъ предводителемъ, почти единогласно, и ему дали обѣды съ тостами и спичами. Но не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что новый генераль-губернаторъ придумалъ и согласился съ прочими (а прочихъ немало: епископъ Леонидъ, редакторъ Катковъ и говоруны изъ дворянъ) сгладить, въ грязь втоптать прежнія постановленія, увѣрить, что никакой агитаціи не было, что всѣ газетныя вѣсти просто ложь и выдумка*). А настоящая-то ложь есть

*) С. А. Соболевскій вложилъ въ уста новаго генераль-губернатора такое обращеніе къ Государю:

Наѣвшись щей, напившись квасу,
Ихъ разобралъ патріотизмъ.
Хоть въ двѣсти семьдесятъ два гласа,
Но безопасенъ сей цивизмъ.
О, царь! Исполни ихъ желанье.
Пусть въ два кружка ихъ соберутъ.
Поврѣтъ Дворянское Собранье,
Поперевретъ и Лучшій Людъ.
Съ Дворянской Думою мы сладимъ
Легко, безъ грознаго „молчи“!
Коль ихъ надеждою поманимъ
На камергерскіе ключи.
Потомъ, лишь будь уха стерляжья,
Икрой зернистой лишь корми,
Шампанскимъ глотки лишь увлажя
И слажу съ Лучшими Людьями.

Затѣмъ князю Владимиру Андреевичу прибавлено къ жалованью нѣсколько тысячъ рублей на угощеніе Москвичей. П. Б.

нынѣшнее постановленіе дворянства, приторное повтореніе о „любви и преданности обожаемому Монарху“. Дворянство увѣряетъ, что крамольное предположеніе его „было доведено до свѣдѣнія Его Величества не отъ лица самаго дворянства, которое могло бы чрезъ своихъ депутатовъ представить въ истинномъ свѣтѣ руководившія имъ намѣренія и свидѣтельствовать предъ августѣйшимъ Монархомъ о чувствахъ безпредѣльной преданности дворянства и проч.“ Протоколь этотъ на другой же день напечатанъ въ „Московск. Вѣдомост.“ 16 Ноября (№ 251), гдѣ напечатана и проповѣдь Леонида уже не о дворянскихъ правахъ, какъ въ Декабрѣ 1864 г., а о „смиренномудрїи и кротости, долготерпѣнїи, въ союзѣ мира“. На другой день, 17, Катковъ въ передовой статьѣ, насмѣшливымъ и оскорбительно-покровительственнымъ тономъ объяснилъ недоразумѣніе благими намѣренїями, плохо выраженными, и злонамѣренностью *Петербургскихъ* корреспондентовъ, всегда жаждущихъ посѣять рознь и вражду. Все это похоже на какую-то дѣтскую мистификацію, доказывающую, что мы недостаточно серьезно относимся къ самымъ важнымъ вопросамъ и что потому значеніе дворянскихъ собранїй кончилось во время. Выростаетъ земство!

И сей часъ изъ Петровскаго-Разумовскаго, гдѣ открыта Академія сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Послѣ обѣдни и молебна мы собрались въ актовую залу, гдѣ генераль-адъютантъ, министръ, А. А. Зеленый обратился къ намъ съ рѣчью, изложивъ вкратцѣ основанїя и цѣль учрежденїя вышенаго училища „въ центрѣ промышленности и въ сердцѣ Россїи, Москвѣ“. Основанїемъ выставлена реформа 19 Февр. 1861 г., „которая, *можетъ быть*, будетъ эпохою въ Русской исторїи“. Цѣль—улучшеніе сельскаго хозяйства, устроишаемаго на свободномъ трудѣ. Зеленый заминался и откашливался. Нельзя не замѣтить, что слова: *можетъ быть*, *будетъ эпохой*—несправедливы. Эпоха есть и внесена въ исторїю. Во вторыхъ, начало академіи относится не къ 1861 г., а къ Сентябрю 1857 г., когда о реформѣ и слуху не было, но когда пустой льстецъ, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, ввелъ М. Н. Муравьева въ Московское Общ. Сельск. Хозяйства и увѣрилъ тщеславнаго господина, что всѣмъ памятный отецъ его, основатель Общества, Н. Н. Муравьевъ, дѣлалъ, какъ идеаль, мысль о сельской академіи и обѣщалъ ее Москвѣ. Тогда-то расчувствовавшійся министръ торжественно заявилъ „что прїятно сыну исполнить то, что обѣщалъ отецъ“. По прїѣздѣ въ Петербургъ мнѣ приказано было заготовить предварительный докладъ Государю. Тутъ реформа 19 Февр. совершенно въ сторонѣ. Въ третьихъ, цѣль академіи что-то не ясна: большїя хозяйства падаютъ, а къ малымъ, крестьянскимъ рациональная истина непримѣнима. Этого не объяснили ни министръ, ни говорившїй или жевавшїй послѣ него директоръ Же-

лѣзновъ, пробавлявшійся болѣе получаса общими фразами, сказанными по складамъ. Въ четвертыхъ, ни тотъ, ни другой не дали себѣ труда подумать, чего стоитъ казнѣ это роскошное заведеніе. Въ разговорѣ со мною министръ сказалъ „всего на все, тысячъ 700“. Но я помню, что болѣе. Неѣловъ пояснилъ, что около милліона. Я помню, что болѣе.

Дай Богъ Академіи процвѣтать и шириться. Только я въ этомъ сомнѣваюсь: учесть процентъ ея пользы нѣтъ возможности. Она устроена на такихъ либеральныхъ началахъ, что начальство будетъ радо видѣть, какъ праздные и любопытные прійдутъ, посмотрятъ и уйдутъ, обозрѣвъ въ видѣ прогулки богатя хозяйства Академіи или выслушавъ экспериментальную лекцію Шленки въ его обширной лабораторіи. При строгостяхъ Университета, Академія будетъ служить убѣжищемъ.

Сильные толки о нашихъ финансахъ. Общество требуетъ удаленія Рейтерна и назначенія все того же Муравьева. Чрезвычайно ропщутъ на Фвиляндію, отдѣлившуюся съ своими марками отъ нашей бумажной единицы. Также отдѣляется Главное Общество желѣзныхъ дорогъ, банки Френкеля и Отрѣшкова. Какой это скандалъ! Своимъ векселямъ не вѣрять. И какой этому исходъ? Бумажный рубль все падаетъ, онъ на Парижъ 326. Но не спасаетъ-ли онъ нашу производительность отъ тарифнаго либерализма, грозившаго подавить ее? Можетъ быть. У насъ, навыворотъ, все возможно.

Могущественный органъ Русской печати и Московской партіи. „Москов. Вѣдомости“, требуя коренныхъ мѣръ къ упроченію порядка и спокойствія въ Западныхъ губерніяхъ, такъ характеризуетъ нынѣшніи мѣры: „*Вся сила вопроса заключается въ томъ, чтобы одною справедливою общемо мѣрой упразднить необходимость прибѣгать постоянно къ мѣрамъ исключительнымъ и тяжкимъ. Не раззореніемъ, не контрибуціями, не полицейской диктатурой, не развитіемъ чиновничества, не нарушеніемъ правъ, не стѣпненіемъ свободы, не преслѣдованіемъ людей* можно достигнуть какихъ либо благонадежныхъ результатовъ“ и проч., и вотъ важность Муравьевскихъ заслугъ, о которыхъ тѣже вѣдомости отзывались съ такими похвалами! Говоря далѣе о предположеніи Бибикова о Русскихъ майоратахъ, для водворенія Русскаго землевладенія, газета выражается, что „эта мѣра встрѣтила препятствія и разрѣшилась въ позорный результатъ“. Здѣсь намекается на нѣкоего Поляка, который занималъ одно изъ вліятельнѣйшихъ мѣстъ при гр. Киселевѣ. Это господинъ „Р—кій, твердо державшійся § 5 и 7 „Польскаго Катехизиса“. Ну можно-ли сказать, что вліяніе Поляковъ было сильно въ 1840-1841 годахъ? И можно-ли сравнить это вліяніе съ тѣмъ, какое мы видѣли при Валуевѣ и Рудницкомъ, вообще при Муравьевѣ, когда все было въ рукахъ Польскихъ чиновниковъ, и самая люстрація, и фермерство про-

изводились въ видахъ вызова неудовольствій въ казенныхъ крестьянахъ. При гр. Киселевъ директорами 2-го д-та были: Клоковъ, Хелмскій, Шелеховъ и Рашевскій, чистые Русскіе. Былъ начальникомъ отдѣленія и вице-директоромъ Крживецъ, Полякъ и съ вліяніемъ. Кто этотъ „Р—кій“, я не знаю.

Земскія учрежденія шумятъ и развиваются. Нельзя не замѣтить три стороны, свойственныя всякому молодому и нашему обществу. Это во первыхъ—чиновничья формальность, выразившаяся въ назначеніи довольно крупныхъ окладовъ и регламентаціи инструкціями; во вторыхъ—фрондѣрство дворянства, которое злорадостно критикуетъ положеніе о земствѣ, дѣйствія предшествовавшей администраціи и особенно „административный произволъ“, о которомъ графъ Шуваловъ сказалъ рѣчь, напоминающую времена рѣшительнаго ожесточенія партій. Какъ въ Январѣ въ Москвѣ дворяне, такъ дворяне земскіе теперь въ Петербургѣ требуютъ центральнаго представительства, и „это уже не встрѣчаетъ противодѣйствія“ (замѣчаетъ крѣпостническая „Вѣсть“, порѣшившая между прочимъ, что „земскія учрежденія, въ настоящемъ ихъ составѣ, окончательно раззорятъ Россію“). Третья сторона это—либеральническое исканіе популярности, яхшательства съ крестьянами и стремленіе къ уровненію податей.

Все это не на долго. Насъ ожидаютъ банкротство и большая нужда. Земство не выдержитъ издержекъ, мы годъ отъ года скудѣемъ и государственный deficit растетъ, растутъ недоборы и пошатнулись почти все частныя состоянія. Страна бѣдна для содержанія Европейскихъ порядковъ. Должны выработаться свои.

Декабрь. Усиленіе преступленій все продолжается и растетъ. Преступленія совершаются дерзкія, степныя, дикія. Огражденія полицейскія недостаточны. Миѣ кажется, пора бы приступить къ организаціи городскихъ и сельскихъ стражъ. Доселѣ вся Россія въ военномъ положеніи часто беретъ верхъ военная подсудность, нерѣдко исполняется смертная казнь, а преступленія все растутъ, нужда пробирается и въ достаточные слои общества. Отмѣна помѣщичьей полиціи, удешевленіе водки и ослабленіе наказаній, съ отмѣною тѣлеснаго, сдѣланы почти одновременно и разнуздали народъ. Къ этому присоединяется раннее увольненіе солдатовъ и реформы гражданскихъ управленій, требовавшія перемѣнъ, личныхъ составовъ. Я воображаю, что будетъ въ старыхъ судахъ при совмѣстности ихъ съ новыми. Уже и теперь канцеляріи судебныхъ мѣстъ—жалость смотрѣть. Я, бывший оберъ-прокуроръ 6 д-та Сената и теперь тутъ же сенаторъ, я не узнаю прежней канцеляріи. Я не узнаю и доклада и редакціи приговоровъ: такъ понизился уровень талантности и образованія. Въ гражданскихъ, говорятъ, лучше; но я сомнѣваюсь:

правовѣды (изъ Училища) не идутъ, они выжидаютъ назначеній по новымъ штатамъ. Теперь формируются управленія контроля.

Безмѣстные чиновники усиливаютъ контингентъ преступности. А все таки чувствуешь, что живется лучше, что идемъ къ лучшему и что непременно будетъ лучше. Но это лучшее врагъ хорошему, и потому надобно перейти черезъ худшее, которое, какъ переходное зло, выражается въ стѣсненіяхъ обыкновеннаго и въ лишеніяхъ привычнаго.

Возстановивъ противъ себя дворянство, правительство предоставило ему трибуну для фронтёрства и лица лучшихъ фамилій считаютъ долгомъ на дворянскихъ выборахъ и особенно въ земскихъ собраніяхъ первымъ долгомъ считаютъ поглумиться, покритиковать правительство и заявить желаніе или сочувствіе мысли о центральномъ представительствѣ. Правительство, оробѣвшее отъ печальнаго пехода Крымской войны, бросилось задаривать всевозможными реформами, а напуганное дипломатическимъ походомъ 1863 г. оно обратилось къ помощи гласности общественнаго мнѣнія. Эти невызрѣвшія и непереваарившіяся реформы и эта задористая отъ непривычки гласность привели къ такому хаосу и деморализаціи правительственныхъ органовъ, что пришлось и приходится терпѣть всякій безпорядокъ. Разстройство финансовъ приведетъ къ центральному представительству, и конституція праздноуетъ канунъ своего рожденія. Общество, земля Русская чувствуетъ слабобаго сѣдова; время зрѣлости, кажется, пришло, и вотъ мы получаемъ самоуправленіе. Но Боже мой, къ чему все это ведетъ? Знаю, что управленіе будетъ лучше, но оно потребуетъ невыносимыхъ для бѣдной земли расходовъ.

Представительство нужно и для нашего кредита. Не смотря на безденежье, мы не можемъ сдѣлать займа въ чужихъ краяхъ и собираемъ крошки внутри страны. И теперь думаютъ сдѣлать внутренній заемъ: печѣмъ пополнить deficit. Но развѣ эта нормальная мѣра?

Мы все еще не въ нормальномъ положеніи, и даже не приближаемся къ нему. Учредительный комитетъ въ Варшавѣ, генераль-губернаторы западныхъ губерній и повѣрочныя коммисіи, все это диктаторы и диктаторство, доказывающіе какъ глубоко проникло возстаніе въ этомъ краѣ, какъ мало мы тамъ сдѣлали и какъ вообще тамъ слабы Русскіе элементы и порядки. Вотъ нынѣ вышла и коренная мѣра для нихъ водворенія тамъ: переходъ недвижимой собственности (иначе какъ по наследству) Полякамъ тамъ запрещенъ. Приобрѣтать тамъ могутъ только православные и протестанты. Какая бы ни настояла необходимость въ этой мѣрѣ, я не могу исполнѣ ее одобрить, не желая никогда, чтобы право собственности дѣлалось предметомъ административныхъ распоряженій. Западные губерніи не за горами, и подобная революціонная мѣра, какъ и повѣрочныя работы, легко могутъ примѣниться и распростра-

ниться и на губерніи Русскія, особенно если извѣстная партія достигнетъ исключительнаго господства. Виною отчужденія этого края—дурные администраторы, назначавшіеся по военному выбору. Они ничего не сдѣлали и не могли сдѣлать ничего полезнаго въ видахъ объединенія края съ Россіей, въ видахъ распространенія Русскаго языка и Русской науки.

Я не могу опредѣлить, какія послѣдствія будутъ имѣть нынѣшнія мѣры, но послѣдствія будутъ. Безнаказанно и безслѣдно ничто не дѣлается. Произволь оправдывается минутою, а не вѣкамъ опасности. Тутъ нужны рациональность, послѣдовательность и постоянство, за неимѣніемъ которыхъ мы выдвигаемъ произволь и терроризмъ со всею запальчивостію газетныхъ поддачиковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя мѣры и общинное пользованіе землями, при обязательномъ надѣлѣ, и выкупъ едва-ли такъ легонько были придуманы и исполнены любимымъ социалистомъ на Западѣ, еслибы стоялъ во главѣ правительства.

Законъ о приобрѣтеніи земель Поляками совершенъ не законодательнымъ порядкомъ чрезъ Государственный Совѣтъ, гдѣ онъ былъ бы не безъ оппозиціи, а составленъ въ особой комиссіи, состоявшей изъ лицъ по назначенію.

Читаю я „Aus Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin“. Записки знаменитаго министра финансовъ, писанныя имъ во время путешествій за границу въ 1840, 41 и 43 года. Онъ въ высшей степени интересны и добросовѣстно изданы, съ очеркомъ жизни, зятемъ его, графъ Кайзерлингомъ. Имя Канкринна упоминается теперь часто въ разговорахъ и газетахъ по поводу затруднительнаго положенія нашихъ финансовъ. „Записки“ даютъ объ немъ точное понятіе. Это была замѣчательная личность, обширнаго ума, солидныхъ, разнообразныхъ свѣдѣній и прекраснаго сердца. Онъ началъ изучать финансы, будучи генераль-интендантомъ, и усвоилъ науку до такой степени, что рѣшился написать теоретическое сочиненіе, которое послужило потомъ программою двадцати-одногодичнаго управленія его финансами великой Имперіи. Заслуги его несомнѣнны. Но подъ конецъ своей карьеры престарѣлый финансистъ столкнулся съ новыми идеями, которыя массами всплыли послѣ революціи 1830 г. и буреломно гнали Европу къ 1848 году. Въ финансахъ у него, кажется, преобладали два правила: воздержаніе отъ займовъ и покровительство туземной промышленности. Но Записки важны и для изученія этой замѣчательной личности какъ человѣка вообще, такъ и государственнаго человѣка въ особенности. Онъ былъ врагъ конституцій и парламентаризма. Онъ былъ врагъ частныхъ банковъ и желѣзныхъ дорогъ. Онъ былъ врагъ института присяжныхъ и вообще уновленій радикальныхъ. Въ послѣднихъ годахъ сороковыхъ, когда доктрина вошла

въ большую силу, ему сидѣть было жутко, и онъ оставилъ постъ свой, засыпанный наградами, огромными капиталами и земельными пожалованіями и окруженный довѣріемъ и признательностію Государя, общимъ уваженіемъ и глубокою, сыновне-почтительною любовію подчиненныхъ. Замѣчательно, что съ большою нѣжностію отзывается онъ о своей женѣ, Екатеринѣ Захаровнѣ, рожд. Муравьевой, а она, съ своими Гѣцами, Пельчинскими, Жадовскими. и др. записана въ Петербургѣ совѣмъ въ другія Записки.

Изъ Петербурга только и слышишь что о кражахъ въ кассахъ по управленіямъ, обнаруживаемыхъ по случаю окончательнаго введенія единства кассъ, слышишь о пониженіи курса и о новыхъ законахъ, наградахъ и назначеніяхъ. Назначаются личности ультра-либеральныя, какъ Унковскій „бывшій губернской предводитель“, сказано въ приказѣ, и даже личности революціонныя, какъ Огрызко, о которомъ въ сегодняшнемъ (30 Декабря) № „Московскихъ Вѣдомостей“, помѣщена статья, замѣчательная по своей откровенности. Довѣріе къ „Петербуржскому“ управленію подмывается самымъ безцеремоннымъ образомъ. Удивляешься, какъ подобныя явленія могли имѣть мѣсто, какъ могли быть; удивляешься еще болѣе, какъ подобныя обвиненія могутъ быть терпимы, разрисовываемы и разглашасмы. Уши вянутъ. Почти вся надежда на гласность, а явленія эти совершаются посреди самой широкой гласности, и представленія обвиненія остаются неотвергнутыми и безъ всякаго возраженія.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Празднованіе полуторавѣкового юбилея Императорской Академіи Наукъ въ 1876 году¹⁾.

Двадцать девятого Декабря 1876 года, около 11-ти часовъ вечера. Сегодня отпразднованъ былъ 150-ти лѣтній юбилей Академіи Наукъ. Первымъ поводомъ къ этому было то, что прошлою весною, кажется, въ Апрѣль или еще въ Мартѣ, Государь сказалъ графу Толстому, что онъ былъ на столѣтнемъ юбилей Академіи (въ 1826 г.) и желаетъ также присутствовать на полуторастолѣтнемъ (тогда онъ былъ 8-ми лѣтнимъ мальчикомъ, сопровождалъ родителей и бабушку).

Это разсказалъ мнѣ Веселовскій²⁾ на похоронахъ академика Ос. Ив. Сомова, въ университетской церкви, и прибавилъ, что для приготовленія къ празднику назначается при президентѣ комиссія изъ вице-президента, непремѣннаго секретаря и меня. Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ за границу и возвратился изъ Италіи не прежде, какъ во второй

¹⁾ Я. К. Гротъ не оставилъ подробнаго дневника или Записокъ хотя бы за одинъ изъ періодовъ своей жизни. Однакоже не разъ онъ начиналъ писать дневникъ, но время не позволяло ему продолжать, и лишь въ концѣ 1870-хъ годовъ онъ сталъ правильно заносить въ самой краткой формѣ главнѣйшія событія дня въ свою записную книжку. За старое время сохранились лишь отрывочныя записи, изъ каковыхъ одна (о Карамзинскомъ юбилей 1866 г.) была уже напечатана нами. (См. „Истор. Вѣстникъ“ Мартъ 1910 г.) Здѣсь печатаемъ другой отрывокъ, вызванный подобнымъ же случаемъ и живо рисующій незабвеннаго Монарха-Освободителя и его царственную семью въ стѣнахъ Императорской Академіи Наукъ. К. Я. Гротъ.

²⁾ Константинъ Степановичъ, непремѣнный секретарь Академіи Наукъ.

половинѣ Октября (20 числа). Между тѣмъ президентъ¹⁾ часто справлялся у членовъ 2-го Отдѣленія о времени моего возвращенія. Послѣ моего прїѣзда, когда я не засталъ его дома, онъ посѣтилъ меня и объявилъ, что разсчитываетъ на мою помощь относительно рѣчи, которую онъ долженъ произнести на юбилеѣ, и поручилъ мнѣ составленіе ея. Другую рѣчь долженъ былъ приготовить непремѣнный секретарь. Вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано, что Государю угодно, чтобы все торжество было устроено совершенно по образцу бывшаго въ 1826 году.

Изъ печатнаго описанія тогдашняго юбилея было видно, что на немъ произнесены были три рѣчи, именно третью рѣчь приготовилъ академикъ Шторхъ (читалъ ее, по его слѣпотѣ, Коллинеръ). Слѣдовательно и теперь рѣчь третьяго оратора падала бы на меня; но, не любя напрашиваться, я не упомянулъ о томъ ни слова и удовольствовался возложеннымъ на меня порученіемъ. Надо было сговориться съ Веселовскимъ о содержаніи обѣихъ нашихъ рѣчей. Я хотѣлъ говорить о бывшихъ въ Академіи переменѣхъ съ начала царствованія Николая Павловича; но Веселовскій пожелалъ воспользоваться этимъ сюжетомъ, а мнѣ предоставилъ личныя воспоминанія объ отношеніяхъ Академіи къ особамъ царствующаго дома. Взявшись за этотъ сюжетъ, я однакожь увидѣлъ, что онъ слишкомъ бѣденъ, и рѣшился расширить его воспоминаніями о разныхъ чертахъ прошлой жизни Академіи. Въ эту рамку Веселовскій просилъ меня вставить между прочимъ и присоединеніе Россійской Академіи къ Ак. Наукъ. Я согласился. Изъ библіотеки и архива были взяты мною нѣкоторые матеріалы, и черезъ нѣсколько дней рѣчь была готова. Я прочелъ ее графу Литке, и онъ ее одобрилъ съ просьбою дать ее переписать какъ можно крупнѣе, разгонистѣе и притомъ совершенно черными чернилами. При чтеніи онъ однакожь замѣтилъ, что мѣсто объ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности болѣе шло бы въ рѣчь Веселовскаго, на что я отвѣтилъ, что тотъ, напротивъ, просилъ меня включить это въ рѣчь президента. Сдѣланный въ канцеляріи списокъ показался графу недовольно крупно и четко написаннымъ, и онъ возвратилъ мнѣ его при письмѣ, въ которомъ просилъ снова дать переписать его²⁾. Тутъ же были имъ означены два мѣста, по его мнѣнію лишнія, и одно изъ нихъ было именно то, которое касалось Отдѣленія Русскаго языка и словесности.

Въ послѣднихъ числахъ Ноября у президента собралась однажды вечеромъ наша маленькая комиссія, и вмѣстѣ съ нами приглашенъ былъ министръ нар. просвѣщенія, гр. Толстой, для обсужденія всѣхъ

¹⁾ Знаменитый ученый морякъ Ф. П. Литке. П. Б.

²⁾ Письмо это приложено къ рукописи.

пунктовъ программы праздника и представленія Государю по тѣмъ вопросамъ, которые требовали разрѣшенія, именно объ избраніи въ почетные члены Германскаго императора, и по вопросу: приглашать-ли на юбилей дипломатическій корпусъ, который былъ на столѣтнемъ юбилей; также: нужно ли академикамъ, по прежнему, отправиться по дворцамъ депутатами для приглашенія высочайшихъ особъ, и въ которомъ часу начать празднество. Тѣ два (второй и третій) сомнительные пункта были рѣшены отрицательно, такъ какъ нынче все рѣчи въ Академіи читаются по русски, а появленіе депутацій было бы только въ тягость для приглашаемыхъ, и потому положено просто предоставить президенту лично сдѣлать приглашенія. Еще прежде, для празднества была испрошена у министра финансовъ довольно крупная сумма, болѣе 10 т. рублей; между прочимъ деньги были нужны на выбитіе юбилейной медали. Президентъ и министръ находили, что всемъ членамъ царской фамиліи должны быть поднесены золотыя медали, но Рейтернъ соглашался на изготовленіе такихъ медалей только Государю и Императрицѣ, а остальные члены императорскаго дома, по его мнѣнію, должны были довольствоваться серебряными. При этомъ рѣшеніи министръ финансовъ остался непоколебимъ, несмотря на вторичное представленіе о неудобствѣ такого различія.

Рѣчь непремѣннаго секретаря между тѣмъ также подвигалась. Онъ намѣревался сообщить мнѣ ее на прочтеніе, однакожь дѣло этимъ и ограничилось: я ее не читалъ, а слышалъ только съ кафедръ. Залу усердно топили, крыльцо покрывали полотнянымъ навѣсомъ, на лѣстницѣ поставили печку и исправили на всякій случай площадки для отдыха, если понадобится, и для помѣщенія въ сторонѣ кресла, чтобы внести Императрицу, если окажется нужнымъ. Что касается до Государя, то хотя ему трудно входить по лѣстницѣ, но предвидѣли, что онъ ни за что не согласится воспользоваться кресломъ.

Передъ юбилеемъ графъ Литке два раза обѣдалъ у ихъ величествъ: 1-ый разъ въ тотъ день, когда комиссія собиралась у него съ министромъ; тогда они оба прямо съ царскаго обѣда пріѣхали на квартиру къ первому, который жилъ тогда на Царицыномъ Лугу, противъ Лѣтняго Сада, и мнѣ случилось въ одно время съ ними взойти по лѣстницѣ. Забавно было, что хозяинъ у своей двери не могъ дозвониться: гр. Толстой и я стояли за нимъ, а онъ то и дѣло звонилъ, но напрасно, пока не сбѣгалъ лакей по другой лѣстницѣ и не заявилъ дома о пріѣздѣ хозяина, который между тѣмъ, узнавъ, что его давно уже ждутъ Буняковский и Веселовскій, не могъ надивиться, что ни одинъ изъ нихъ не догадался отпереть дверь. Во второй разъ графъ обѣдалъ у Государя дня за два-за-три до юбилея, и Государь и Императрица

надѣялись быть на праздникѣ. Первый условился съ президентомъ о мѣстѣ и времени представленія ему академиковъ; онъ предполагалъ, чтобъ это было, когда онъ войдетъ въ залу и подойдетъ къ мѣстамъ академиковъ по обѣ стороны кафедры; но графъ предложилъ представить ихъ лучше передъ входомъ въ залъ, въ маленькой проходной комнатѣ, что и было одобрено. Государыня разспрашивала о лѣстницѣ и немного испугалась, узнавъ, что она довольно высокая, кромѣ наружнаго крыльца.

За нѣсколько дней до юбилея стало появляться въ „С.-Пб. Вѣдомостяхъ“ слѣдующее объявленіе: „Въ Среду, 29 Декабря, въ 12¹/₂ часовъ, имѣетъ быть въ Императорской Академіи Наукъ торжественное собраніе по случаю исполнившагося столѣтійдесятилѣтія ея существованія. По ограниченности числа мѣстъ въ большомъ конференцъ-залѣ Академіи, въпускъ посѣтителей на это собраніе будетъ производиться не иначе, какъ по билетамъ, которые въ настоящее время уже всѣ разобраны“.

Этимъ объявленіемъ публика была очень недовольна, потому что большинство обыкновенныхъ посѣтителей нашихъ торжественныхъ собраній увидѣло невозможность попасть на этотъ разъ въ Академію. Нѣсколько человекъ обращалось ко мнѣ съ просьбой доставить имъ билеты, но не всѣ просьбы можно было удовлетворить, тѣмъ болѣе, что канцелярія въ раздачѣ ихъ была очень скупа, и производитель дѣль А. И. Сомовъ (братъ умершаго академика) былъ щедръ только въ отношеніи къ своимъ знакомымъ, наприм. семейству секретаря Академіи Художествъ Исееву (родственнику гр. Литке по женѣ), далъ цѣлыхъ 4 билета, а академикамъ затруднялся давать и по два, ссылаясь на начальство *). Я однакожь все-таки принудилъ его послать нѣсколько билетовъ лицамъ, которыхъ рекомендовалъ, наприм. вдовѣ Плетнева, сестрѣ ея В. А. Иорданъ, бывшему инспектору училищъ Максимовичу, который 50 лѣтъ тому назадъ присутствовалъ на юбилей, и нѣкоторымъ другимъ.

По этому поводу я получилъ передъ днемъ юбилея два письма. Первое отъ этого самаго Максимовича, второе отъ молодой дѣвицы, занимающейся преподаваніемъ. На первое письмо я отвѣчалъ, что мысль Максимовича предупреждена, что дѣйствительно нѣсколько лѣтъ тому назадъ способъ размѣщенія студьевъ былъ измѣненъ, но теперь на этотъ случай нашли удобнѣе возстановить старый. За отвѣтомъ на письмо Яковлевой пришелъ братъ ея, и я долженъ былъ со всевоз-

*) Тоже было и на столѣтнемъ юбилей Московскаго Университета 1855 года: лица, трудившіяся надъ его исторіею, не получили билетовъ, которые раздавались шедро изъ канцеляріи попечителя учебнаго округа В. И. Назимова разнымъ офицерамъ. П. Б.

можною ласкою объявить ему, что теперь слишкомъ поздно и ни одного билета достать нельзя.

Въ Понедѣльникъ, 27-го числа, въ Академіи былъ молебень по поводу предстоявшаго дня: во время службы замѣтили, что священникъ, возглашая вѣчную память монархамъ, пропустилъ Екатерину I, при которой Академія была открыта. Молебень происходилъ въ самой актовой залѣ, откуда стулья на этотъ случай были убраны. Послѣ молебна президентъ созвалъ академикомъ (что онъ въ шутку называлъ „разводомъ“), чтобъ условиться о порядкѣ представленія Государю, о мѣстахъ сидѣнія, входѣ въ залъ, и т. п. Всѣмъ академикамъ розданы были листки, на которыхъ были означены мѣста каждого изъ нихъ. Мой экземпляръ листка здѣсь прилагается.

30. Золотаревъ.	15. Зиницъ.
29. Гадолинъ.	14. Шренкъ.
28. Шмидтъ.	13. Овсянниковъ.
27. Штраухъ.	12. Паукъ.
26. Безобразовъ.	11. Струве.
25. Желѣзовъ.	10. Видеманъ.
24. Шифнеръ.	9. Чебыщевъ.
23. Куникъ.	8. Гротъ.

Кафедра.	Бюро
	Бюро

Мѣста Царской фамилии.

22. Сухомлиновъ.	7. Макарій.
21. Бутлеровъ.	6. Срезневскіе.
20. Максимовичъ.	5. Дорна.
19. Венгдъ.	4. Стефана.
18. Бычковъ.	3. Гельмерсена.
17. Савичъ.	2. Вроси.
16. Кокшаровъ.	1. Брандтъ.

29-го числа въ Академію начали съѣзжаться уже въ 11-ть часовъ. Я съ женой, старшей дочерью (16-тилѣтней Натальей) и В. А. Юрдапъ пріѣхали въ одной каретѣ въ началѣ 12-таго и вышли со стороны двора, гдѣ насъ уже ждали два сына, которые, не имѣя билетовъ, должны были войти одновременно со мной и довольствоваться тѣмъ, что могли гдѣ-нибудь приткнуться за послѣднимъ рядомъ стульевъ. Я посадилъ своихъ дамъ въ 6-мъ или 7-мъ ряду вопреки г. Сомову, который назначилъ дамамъ самые задніе ряды, приберегая передніе для придворныхъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Я основывался на томъ, что наканунѣ самъ президентъ показалъ мнѣ мѣста, гдѣ могутъ располагаться городскія и академическія дамы. Скоро зала начала мало по малу наполняться. Билеты отбирались наверху бухгалтеромъ Яковлевымъ: были смѣльчаки, которые съ задняго хода явились безъ билетовъ и преспокойно расположились въ концѣ залы. Академики оставались передъ залою въ проходной комнатѣ, но должны были расположиться двумя рядами: одинъ направо отъ входа изъ сѣней, составляли члены I-го Отдѣленія, а другой—члены II-го и III-го Отдѣленій. Послѣ пріѣзда президента и министра стали съѣзжаться и великіе князья: два Лейхтенбергскіе, Ольденбургскій, Владимиръ Александровичъ съ супругой, Константинъ Николаевичъ, Александра Петровна и Евгенія Максимиліановна. Президентъ съ вице-президентомъ и непремѣннымъ секретаремъ, а также и министръ нар. просвѣщенія ждали на лѣстницѣ.

Наконецъ намъ объявили, что Государь пріѣхалъ. Онъ вошелъ, ведя Императрицу подъ руку, а за нимъ шелъ Наслѣдникъ съ Цесаревной и старшимъ 8-ми лѣтнимъ сыномъ Николаемъ Александровичемъ. По условленному порядку началось отъ двери направо представленіе академикомъ. Президентъ называлъ каждаго по имени, и Государь дѣлалъ легкій поклонъ, не вступая однакожъ въ разговоръ. Дошедши до меня¹⁾, онъ самъ произнесъ мое имя и тотчасъ же, оборотясь къ Императрицѣ, бывшей еще близъ входныхъ дверей, сказалъ ей: „*Ma chère, voilà Grot*“. Ея величество²⁾ подошла ко мнѣ и милостиво разговаривала все время, пока еще продолжалось представленіе другихъ академикомъ. „Какъ давно я васъ не видала; но, несмотря на то, я очень часто вспоминаю о васъ, и мы помнимъ все, что вы сдѣлали. Вы совсѣмъ не перемѣнились, вы все тотъ же, какимъ были тогда, и это несмотря на безпрестанныя ваши занятія. Я первый разъ въ Ака-

¹⁾ Я стоялъ съ другого конца комнаты по лѣвой сторонѣ, 3-имъ послѣ архіепископа Макарія и Срезневскаго; далѣе слѣдовали Бычковъ и Сухомлиновъ.

²⁾ Это была первая моя встрѣча съ Императрицей послѣ того, какъ я покинулъ августѣйшихъ питомцевъ.

деміи; много разъ собиралась, но никогда не удавалось; не бывала никогда и въ музеяхъ“. — Я упомянулъ о зоологическомъ. — „Не холодно ли тамъ?“ Я отвѣчалъ, что температура сносная, чему доказательствомъ служить то, что еженедѣльно одинъ разъ залы наполняются публикою. „Сколько всѣхъ академикомъ?“ — Около сорока. — „Въ этой ли же залѣ (парадной) бывають и засѣданія?“ — Нѣтъ, въ малой конференцъ-залѣ, а тутъ только торжественныя собранія“.

Я забылъ упомянуть, что, при входѣ въ комнату, гдѣ насъ представляли, Государь насъ поздравилъ и выразилъ желаніе, чтобъ Академія и впредь продолжала свое полезное существованіе. Вотъ привѣтствіе Государя при представленіи ему академикомъ, записанное Н. И. Кокшаровымъ:

„Поздравляю васъ, господа съ дорогимъ для васъ праздникомъ, 150-лѣтнимъ юбилеемъ. Желаю Академіи полного процвѣтанія. Я благодарю Бога, что Онъ сподобилъ меня быть сегодня вмѣстѣ съ вами. 50 лѣтъ тому назадъ въ этотъ день я былъ также здѣсь въ Академіи вмѣстѣ съ моею бабушкою; но тогда я былъ въ такомъ же возрастѣ, какъ этотъ молодой человекъ (при этомъ Государь выдвинулъ впередъ своего внука и потрепалъ его по щекѣ). И такъ, желая вамъ еще разъ всего лучшаго, я желаю бы вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и Ему Господь Богъ позволилъ, когда вы будете праздновать вашъ 200-лѣтній юбилей, находиться здѣсь вмѣстѣ съ вами, какъ я теперь“ *).

По окончаніи представленія Государь вошелъ въ залу; мы за нимъ послѣдовали и заняли свои мѣста. Въ серединѣ ряда кресель передъ каедрой сѣла на лѣво Императрица, направо Государь, возлѣ него Цесаревна, а рядомъ съ нею маленькій Великій Князь; возлѣ Императрицы по другую сторону Наслѣдникъ; остальные члены царской фамиліи были сзади. Маленькій внукъ Государя (8-ми же лѣтъ, какъ и онъ полъ-столѣтія тому назадъ) сидѣлъ прямо противъ меня. Я любовался милостивымъ его личикомъ и смотрѣлъ, какъ онъ все время очень чинно потиралъ перчаточкой металлъ и кожу на своей каскѣ. Цесаревна часто съ улыбкою на него посматривала, а иногда взглядывала и на меня. Государь часто обращалъ свои взоры въ разныя стороны, какъ-бы отыскивая между академиками знакомыя лица.

Графъ Литке началъ чтеніе рѣчи только-что всѣ усѣлись, но читалъ вообще довольно слабымъ голосомъ, только иногда возвышая его и довольно часто зачинаясь и дѣлая ошибки, напр. онъ не разъ употреблялъ единственное число вмѣсто множественнаго и наоборотъ, говорилъ Академія вмѣсто академики; сказалъ разъ Николай Александръ

*) Приписано 12 Сентября 1882 г. съ подлинной записки Кокшарова.

ровичъ вмѣсто Николай Павловичъ, а въ концѣ вмѣсто „послѣ этого краткаго обзора минувшихъ судебъ Академіи“, прочелъ: „послѣ этого краткаго обзора литературныхъ судебъ Академіи“. Странно, что онъ, несмотря на свои годы и свое положеніе, оробѣлъ и все время не могъ хорошенько оправиться. Когда онъ кончилъ, Государь обмѣнялся нѣсколькими словами съ Императрицей. Потомъ сталъ читать Веселовскій. Наша коммиссія, при самомъ началѣ своихъ совѣщаній, опредѣлила, чтобъ рѣчь президента продолжалась не дольше $\frac{1}{4}$ часа, а рѣчь непр. секретаря отъ $\frac{1}{2}$ часа до $\frac{3}{4}$. Президенту хотѣлось, чтобъ послѣдняя цифра составляла minimum, но остальные находили, что получаса довольно. Это мнѣніе получило перевѣсъ. Рѣчь Веселовскаго для первыхъ рядовъ была достаточно слышна, но болѣе отдаленные ряды послѣ жаловались на невнятность его голоса. Начало ея было почти повтореніемъ окончанія моей: даже въ выраженіяхъ было сходство. Особенно остановился онъ на Пулковской обсерваторіи и на астрономическихъ трудахъ; потомъ воздалъ щедрыя похвалы Гельмерсену и еще болѣе Абиху, котораго довольно неумѣстно уподобилъ Прометею, о чемъ всѣ послѣ говорили. Послѣ рѣчи онъ упомянулъ о розданныхъ въ теченіе года преміяхъ; затѣмъ прочелъ имена вновь избранныхъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ. Первымъ почетнымъ членомъ былъ упомянуть Германскій императоръ, причѣмъ Государь сказалъ, кажется, привѣтствіе сидѣвшему зади Прусскому посланнику Швейницу, который былъ тутъ не какъ дипломатъ, а какъ частное лицо, приглашенное на словахъ президентомъ. Потомъ были провозглашены имена Николая и Сергія Александровичей, и всѣ члены Академіи встали, привѣтствуя новоизбранныхъ. Маленькій Великій Князь, кажется, и не замѣтилъ, что это привѣтствіе адресовалось къ нему.

Потомъ читались имена частныхъ лицъ, избранныхъ въ тоже званіе. При этомъ я долженъ сказать нѣсколько словъ объ избраніи ихъ въ коммисіи. Списокъ имъ былъ предварительно составленъ Веселовскимъ по совѣщаніи съ президентомъ. Въ числѣ ихъ былъ и племянникъ послѣдняго, товарищъ министра иностр. дѣлъ Н. К. Гирсъ. При его имени я замѣтилъ въ коммисіи, что едва-ли удобно его избрать, такъ какъ онъ еще не довольно извѣстенъ и недавно занимаетъ постъ товарища: съ этимъ согласился и графъ Литке. Однакожъ рѣшено было обсудить дѣло, и именно переговорить о томъ во 2-мъ Отдѣленіи. Здѣсь Гирсъ нашелъ горячаго почитателя въ Сухомлиновѣ, который, не зная о его родствѣ съ президентомъ, сталъ восхвалять его за содѣйствіе, какое тотъ оказалъ ему, бывши посланникомъ въ Бернѣ, когда Сухомлинову нужны были рукописи Швейцарца Лагарпа, наставника Александра Павловича. Отдѣленіе присоединилось къ Сухомлинову, и

рѣшено было поддержать избраніе Гирса. Менѣе удачно было другое предложеніе моихъ сочленовъ—просить президента объ избраніи въ почетные члены Академіи Наукъ Императрицы и Цесаревны. Когда я послѣ засѣданія доложилъ объ этомъ Литке, онъ нашелъ это предложеніе страннымъ и даже назвалъ его глупостью. потому что ничего подобнаго прежде не бывало: едва-ли однакожь онъ былъ правъ: не все новое негодно. Впрочемъ ему это предложеніе было особенно неприятно потому, что угрожало ему новыми хлопотами и перепискою. Кромѣ того онъ рѣшительно отвергъ мысль Отдѣленія избрать въ почетные члены князя Черкаскаго, назначеннаго въ Болгарію для устройства тамъ поземельнаго владѣнія по минованіи условій военнаго времени. Въ комиссіи предлагалъ я избрать также министра путей сообщенія Посьета, какъ человѣка сочувствующаго всякой ученой дѣятельности, всегда готоваго поддерживать уместный трудъ, и притомъ какъ автора морскаго сочиненія; но графъ и на это не согласился, слѣдуя пристрастному мнѣнію цѣлой многочисленной партіи, нерасположенной къ Посьету, выдающей его за человѣка недалеаго и мало смыслящаго въ администраціи своего министерства. За то приняты были предложенные мною князь Лобановъ-Ростовскій, и Отдѣленіемъ—епископъ Антоній Казанскій.

Послѣ чтенія на этомъ торжественномъ собраніи, Литке сталъ раздавать лицамъ императорской фамиліи медали. Получивъ свою, Государь подошелъ къ нашему столу и сталъ разсматривать разложенные тутъ документы: уставы Академіи 1747 и 1803 года. Тутъ подошелъ президентъ и сталъ объяснять ихъ. Особенно интересенъ былъ собственноручно писанный по-французски черновой наказъ Екатерины II. Между тѣмъ подошла также Императрица и вступила со мной въ разговоръ объ этихъ документахъ. Тогда же Государь обратилъ милостивое вниманіе на Буняковскаго и Веселовскаго и спросилъ ихъ: съ какого они времени въ Академіи, представилъ Буняковскаго и Императрицѣ, а ко мнѣ подошелъ Наслѣдникъ и спросилъ, кто сочинялъ рѣчи, читанныя графомъ Литке и Веселовскимъ. Я не могъ скрыть отъ него, что составленіе первой поручено было мнѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ президентъ не скрывалъ этого, и между прочимъ въ засѣданіи комиссіи при мнѣ сказалъ министру: „Не скрою отъ васъ, что я поручилъ это дѣло Я. К. Гроту; онъ такъ добръ, что взялся помочь моей старости“. Потомъ Наслѣдникъ спросилъ, отчего президентъ читалъ такъ дурно и во все время руки у него дрожали. Я сказалъ, что вѣроятно этому причиной слабое его зрѣніе*). Еще Государь передъ уходомъ обра-

*) Графъ Литке ничего такъ не опасался, какъ обнаруженія своей слѣпоты; кое-какъ, продолжая читать академическія бумаги, онъ для подписанія употреблялъ такъ называемый грифъ.

тился къ Гельмерсену и также представилъ его Императрицѣ, которая все время говорила по-русски, исключая однакожь разговоръ съ астрономомъ Струве, который велся по-нѣмецки. Уходя, Государь обратился къ своему Внуку и отцу его и пожелалъ имъ черезъ 50 лѣтъ также присутствовать на слѣдующемъ юбилеѣ Академіи. Я забылъ упомянуть, что прежде удаленія отъ стола, гдѣ лежали документы, онъ обратился къ намъ, академикамъ, съ небольшою рѣчью, благодаря насъ за труды, и выразилъ желаніе, чтобы мы и впредь также трудились на пользу науки вообще и особенно науки для Россіи.

Послѣ ухода царской фамиліи къ намъ подходили многія лица: кн. Урусовъ пришелъ изъявить свою признательность за избраніе его въ почетные члены, говорилъ, что до слезъ тронуть, и чувствуетъ, что ничѣмъ не заслужилъ такой чести. Во время провозглашенія именъ избранныхъ, князь Суворовъ тронулъ надъ мин. внутр. дѣлъ Тимашевымъ и, полагая, что онъ также избранъ, спрашивалъ его: за что, вѣдь ты ничѣмъ не заслужилъ этого, ты ничего не смыслишь въ наукѣ! Нѣкоторые выражали сожалѣніе, что я ничего не читалъ, что чтеніе рѣчи Литке не мнѣ было поручено, и проч. Конечно, какое-нибудь чтеніе въ связи съ дѣятельностью нашего Отдѣленія, было бы желательно, но такъ какъ чтеній по отдѣленіямъ не было, а притомъ наше Отдѣленіе только 35 лѣтъ принадлежитъ къ Академіи, то можно было найти, что къ такому чтенію не было достаточнаго повода. Вотъ послѣ того какъ нашему Отдѣленію исполнится 50 лѣтъ (въ 1891 г.), оно болѣе будетъ въ правѣ заявлять о себѣ на юбилеяхъ Академіи Наукъ. Кстати замѣчу, что члены нашего Отдѣленія, особенно Сухомлиновъ, были недовольны слишкомъ бѣглой замѣткою, непремѣннаго секретаря, о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ, о чемъ (въ своемъ мѣстѣ я забылъ сказать это), и Государь самъ вспомнилъ, когда ему представляли насъ передъ засѣданіемъ...

Въ 5 часовъ назначенъ былъ обѣдъ по подпискѣ въ гостинницѣ Палкина (на углу Владим. и Невскаго просп.). Въ немъ участвовали многіе академики и довольно большое число постороннихъ лицъ, корреспондентовъ Академіи и др., напр., Галаховъ, Загорскій, Заблоцкій, П. П. Семеновъ, Зеленый (Сем. Ильичъ). Президентъ провозгласилъ тостъ за Государя, потомъ были тосты за президента, за вице-президента, за процвѣтаніе Ак. Наукъ (послѣдній тостъ провозгласилъ Зеленый по моему напоминанію), за непр. секретаря (академикъ Наукъ произнесъ его по латыни и назвалъ Веселовскаго *vir eloquentissimus*). Рѣчей собственно не было, если исключить маленькій тостъ Савича въ честь одного изъ академиковъ и шуточную рѣчь Зеленаго— „морскую“, по его собственному выраженію,—подобную тѣмъ, какія онъ,

какъ морякъ, имѣеть обыкновеніе произносить съ маленькими измѣненіями при вѣхъ подобныхъ случаяхъ, примѣняя къ обыкновеннымъ житейскимъ понятіямъ термины: пуститься въ море, поставить звачки, поднять флагъ, плыть на вѣхъ паряхъ, трюмъ сердца, орудія моихъ чувствъ и проч. Плата за обѣдъ, съ каждаго заранѣе назначенная и собранная, была по 11 руб. Распорядителями были Сомовъ и совѣтникъ правленія Ланге, которыхъ здоровье также пали. Еще я забылъ упомянуть о прочитанной съ бумажки весьма плохой и къ счастью коротенькой рѣчи нашего, впрочемъ добраго и милаго, кассира Лаврова.

Подъ вечеръ я получилъ отъ графини Блудовой, дочери бывшаго президента, которая также присутствовала на юбилей, телеграмму, здѣсь прилагаемую*).

Передъ засѣданіемъ министръ Посеть позвалъ меня къ себѣ обѣдать въ этотъ день. Разу мѣется, что я не могъ принять его приглашеніе. Послѣ засѣданія, когда я изъясилъ ему свое сожалѣніе о томъ, онъ мнѣ сказалъ, что между тѣмъ получилъ самъ приглашеніе обѣдать у Государя и долженъ былъ послать отказъ вѣзмъ приглашеннымъ.

За академическимъ обѣдомъ я сидѣлъ между Срезневскимъ и Бычковымъ, недалеко отъ президента; тутъ же были Сухомлиновъ и Гельмерсенъ. Послѣдній между прочимъ припомнилъ стихи Майкова, экспромптъ, сказанный имъ лѣтъ десять тому назадъ на одномъ академическомъ обѣдѣ 29-го Декабря:

Академія кутитъ,
Въ буйствѣ силы не жалѣеть;
Это ясно говоритъ,
Что она уже русѣеть.

Дополненія, слышанныя послѣ юбилея.

Всѣ удивляются, что послѣ юбилея не было рескрипта Академіи; винять въ томъ и Литке, и Толстого. Вообще находятъ, что юбилей имѣлъ какой-то мизерный характеръ: двѣ официальные рѣчи, изъ которыхъ первой почти никто не слышалъ, а вторая была суха. Пустыхъ мѣсть въ залѣ было множество; пять послѣднихъ рядовъ стульевъ были почти не заняты, хотя сзади многіе стояли между стѣной и стульями; изъ за чего Сомовъ такъ скупился билетами, что даже когда мы, академики, просили ихъ у него для извѣстныхъ лицъ, онъ отвѣчалъ, что

*) Вотъ эта телеграмма: „Благодарю за приглашеніе и проводы по гѣстницѣ. Если сами не можете, пришлите завтра, въ Четвергъ вечеромъ, рѣчь вашу для прочтенія. Графиня Блудова“. К. Г.

безъ начальства не смѣть! Многіе не получившіе билетовъ, не смотря на свое домогательство, были очень недовольны, узнавъ о пустыхъ мѣстахъ. По поводу требованія билетовъ у приходящихъ рассказываютъ нѣсколько анекдотовъ. Когда пришелъ Прусскій посланникъ Швейницъ, у него Яковлевъ спросилъ билетъ. Онъ отвѣчалъ по-русски: „я приглашенъ Государемъ Императоромъ“. Сомовъ показалъ ему мѣсто въ заднихъ рядахъ; онъ замѣтилъ: „это мѣсто не для меня“.

Когда, на другой день послѣ юбилея, Литке былъ у Государя и благодарилъ его, Александръ Николаевичъ сказалъ, что все сошло хорошо и гладко. Литке отвѣчалъ: „все, Ваше Величество, сошло прекрасно, кромѣ рѣчи президента, которая была прочитана очень дурно“. Государь засмѣялся. Говорятъ, онъ сказывалъ, что со своего мѣста могъ почти читать рукопись рѣчи президента: такимъ крупнымъ почеркомъ она была переписана.

Въ засѣданіи Русскаго Отдѣленія Бычковъ замѣтилъ, что жаль, что Государя не надоумили пригласить академикомъ къ царскому столу, такъ какъ честь эта оказывается всякому гвардейскому прапорщику, когда празднуется юбилей полка. Государь, дескать, вѣрно не откажется бы накормить у себя какихъ-нибудь 30 академикомъ.

Сухомлиновъ рассказывалъ, что, незадолго передъ академическимъ юбилеемъ, Литке спрашивалъ, состоится ли по подпискѣ обѣдъ, и сказалъ, что ежели не состоится, то онъ готовъ пригласить къ себѣ нѣкоторыхъ изъ академикомъ.

Бухгалтеръ Яковлевъ нѣсколько разъ выражалъ мнѣ сожалѣніе, что по случаю юбилея не было общихъ по Академіи наградъ, и рассказывалъ, что при сто-лѣтнемъ юбилеѣ все получили награды, что въ бумагахъ о томъ сперва исчислены были все болѣе значительныя лица, а о прочихъ упомянуто, что все остальные удостоиваются повышенія въ слѣдующій чинъ.

14 Января былъ у меня новый почетный членъ П. А. Кочубей: пріѣхалъ „въ лицѣ вашемъ поблагодарить Академію за оказанную мнѣ честь“. Онъ находилъ, что я одинъ изъ главныхъ и даже главный дѣятель Академіи и т. д...

1 Мая. Я отложилъ записать нашъ разговоръ, и дѣло осталось несдѣланнымъ. Мы довольно долго разговаривали. Онъ во многомъ критиковалъ, хотя и очень гуманно, нашъ юбилей, въ чемъ именно теперь не помню. Помню только общую мысль: надо бы было посвятить на него дня три и сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ.

Позднѣйшая приписка.

12 Сентября 1882 г. Вчера получилъ отъ Кокшарова записанныя имъ слова Государя на юбилей Академіи и переписалъ ихъ выше, гдѣ слѣдовало. Я ходилъ къ Кокшарову, чтобы посоветоваться по поводу полученной мною вчера же *) поздравительной телеграммы отъ герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, съ которымъ онъ въ близкихъ отношеніяхъ. Разговоръ зашелъ между прочимъ объ академическомъ юбилей. Кокшаровъ выражалъ удивленіе, что этотъ юбилей былъ отпразднованъ такъ сухо и меккинно, что отъ начальствующихъ лицъ зависѣло бы при этомъ случаѣ доставить всѣмъ академикамъ награды, какъ бывало прежде, и т. п. Рассказывалъ, что в. к. Сергій Александровичъ, присутствовавшій на юбилей, замѣтилъ ему послѣ: „Нѣтъ, сухо было у васъ въ Академіи. Ваши собранія (т. е. въ Минералогическомъ Обществѣ) бываютъ куда живѣе и интереснѣе“. При этомъ случаѣ Кокшаровъ разсказалъ еще слѣдующее. Когда въ 1869 г. пересматривались въ Госуд. Совѣтѣ сметы Академіи, и въ департаментѣ экономіи предполагалось назначить жалованіе каждому соразмѣрно съ получаемыми по другимъ должностямъ окладами, то Кокшаровъ въ частномъ разговорѣ съ предсѣдателемъ департамента экономіи В. К. Чевкинымъ объяснилъ ему, что лучше было бы, еслибы правительство поступило великодушнѣе и просто опредѣлило общее академическое жалованіе, несмотря на другія должности. Чевкинъ согласился съ этимъ, находилъ возможнымъ измѣнить первое предположеніе и выразилъ желаніе, чтобы для этого Веселовскій побывалъ у него. Кокшаровъ нарочно поѣхалъ сказать о томъ къ непремѣнному секретарю; но этотъ выслушалъ его очень холодно и отвѣчалъ, что не находитъ нужнымъ ѣхать къ Чевкину. Такъ дѣло и осталось въ прежнемъ видѣ.

Сообщено К. Я. Гротомъ.

*) По поводу моего 50-лѣтняго юбилея.

Письмо **В. И. Тютчева** къ княгинѣ **Е. З. Трубецкой**.

Княгиня Елисавета Эсперовна Трубецкая нѣкогда позволила намъ сообщить читателямъ „Русскаго Архива“ стихотвореніе **В. И. Тютчева**, имъ написанное въ ея альбомѣ.

Ce 13 Janvier 1867.

Voici, princesse, mon humble offrande, qui témoignera au moins de mon empressement à vous obéir. Ce sont quelques rimes en russe, jusqu'à présent inédites et qui expriment une idée que je retrouve au fond de toutes les choses humaines....

Je tenais à inscrire *du russe* dans votre album, et vous en devinerez facilement le motif.

En présence des illustrations étrangères qui ont pris possession des premières feuilles de ce livre, j'avais à cœur de rappeler les droits imprescriptibles que nous avons sur vous.

Vous comprenez, princesse, que nous y tenons. T. T.

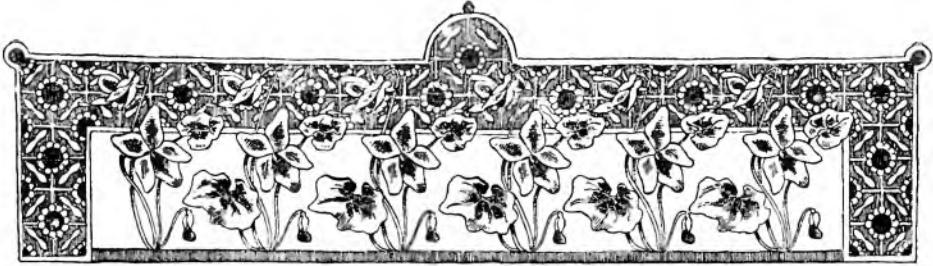
Среди Рима древняго сооружалось зданье:
То Неронъ воздвигалъ дворець свой золотой.
Подъ самаго дворца гранитною пятой
Былинка съ Кесаремъ вступила въ состязанье...
„Не уступлю тебѣ, знай это, богъ земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя“.
— Какъ! Мнѣ не уступить? Міръ гнется подо мной.
— „Весь міръ тебѣ слуга, а мнѣ слугою Время“.

Переводъ. 13 Января 1867.

Вотъ, княгиня, мое скромное приношеніе, которое засвидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, о моей посѣшности вамъ повиноваться. Это коротенькіе стихи на Русскомъ языкѣ, еще не изданные и выражающіе мысль, которую я усматриваю въ суетѣ всѣхъ мірскихъ дѣлъ...

Мнѣ очень хотѣлось вписать въ вашъ альбомъ что нибудь *по-русски*, и вы легко угадаете причину.

При видѣ иностранныхъ писаній, завладѣвшихъ первыми листами этой книги, мнѣ было по сердцу напомнить наши неотъемлемыя права на васъ. Вамъ понятно, княгиня, что мы дорожимъ ими. **В. Т.**

ДѢЛО О ВЕЛИКОУСТЮЖСКОМЪ ІЕРОМОНАХЪ ПЛАТОНЪ.

(ЕГО МОЩИ).

Въ сводной Великоустюжской лѣтописи по Брагинскому списку¹⁾ занесено: „1819 г. Апрѣля, на Пасхѣ, въ Архангельскомъ монастырѣ, въ паперти холодной церкви, въ югозападномъ углу, на сводѣ подь кирпичнымъ поломъ, учителемъ Вересняговымъ открытъ гробъ, обитый черной шелковой матеріей съ серебряными позументами, весь нетлѣнень, въ коемъ, по увѣренію старожиловъ, погребенъ іеромонахъ Платонъ, привезенный епископомъ Варлаамомъ Скамницкимъ въ 1748 г. изъ Вятки. Платонъ былъ уроженецъ Полоцкій и состоялъ учителемъ семинаріи, скончался въ 1761 г. Оный найденный гробъ, по повелѣнію начальства, того же 1819 г., 1 Ноября, былъ ночью поставленъ въ землю при Преполовенской церкви въ палаткѣ²⁾. Въ 1825 г. Устюжскіе граждане, вмѣстѣ съ городскимъ головой В. А. Климушинымъ, ходатайствовали у Св. Синода объ освидѣтельствованіи мощей іеромонаха Платона, похороненнаго при Архангельскомъ монастырѣ.

Объ іеромонахѣ Платонѣ намъ извѣстно слѣдующее. Онъ былъ средняго роста, лицо имѣлъ чистое и привлекательное, бороду небольшую, волосы темнорусые, зрѣніе тяжелое (?), такъ что во время произношенія поученій, при поправленіи камилавки, приподнималъ вѣки и смотрѣлъ изъ-подъ руки; жизни былъ доброй, ссоръ ни съ кѣмъ не заводилъ и послѣ себя никакого имѣнія не оставилъ. Онъ былъ особенно любимъ преосвященнымъ, который вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ и ужиналъ, давалъ ему одежду и все содержаніе. Платонъ и жилъ въ архіерейскихъ кельяхъ. Въ праздничные дни онъ всегда говорилъ изу-

¹⁾ Лѣтопись Великоустюжская. М. 1889.

²⁾ Лѣтопись, стр. 127, 130. А. Т.—Монахамъ не понравилось, что въ ихъ область зашелъ чловѣкъ свѣтскій Вересняговъ. П. Б.

стныя проповѣди, а въ посты толковалъ Священное Писаніе при величайшемъ стеченіи народа. Преемникомъ Варлаама, еп. Θεодосіемъ, Платонъ произведенъ въ іеромонаха. Во время болѣзни, когда Платонъ уже былъ слѣпъ и глухъ, къ нему были приставлены два семинариста: Каликинъ и Ермолинъ. Онъ скончался въ 1761 г. и по желанію былъ погребенъ въ Архангельскомъ монастырѣ въ югозападномъ углу паперти холодной церкви. За литургією, въ день его похоронъ Θεодосіемъ, послѣ Евангелія до Херувимской пѣсни, сдѣлалась такая темнота отъ солнечнаго затменія, что священники стояли со свѣчами.

10 Апрѣля 1819 г., въ Четвергъ на Пасхѣ, учитель Вересняговъ, проходя крытою галлереею, соединяющею теплый Введенскій храмъ съ холоднымъ Архангельскимъ, увидѣлъ въ отверстіе пола гробъ, и слухъ объ этомъ распространился по городу. Такъ какъ извѣстно было, что тутъ погребенъ іером. Платонъ, котораго Устюжане считали святымъ и отъ котораго были даже чудеса, то монастырское начальство, для прекращенія народнаго любопытства, немедленно распорядилось перенести гробъ въ палатку при Преполовенской церкви, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи преподобнаго Кипріяна.

Между тѣмъ молва объ открытіи мощей Платона распространялась не только по городу и окрестностямъ, но и въ другихъ уѣздахъ и привлекала въ Архангельскій монастырь множество народа. Вслѣдствіе этого въ 1822 г. Устюжскій полицмейстеръ Квашининъ-Самаринъ, по предписанію губернскаго начальства, поручилъ частному приставу Котову произвести секретное дознаніе объ іером. Платонѣ и происходящихъ отъ гробницы его чудесахъ. По дознанію все вышеозначенное подтвердилось, и чудесныхъ исцѣленій обнаружено до 20. Тогда еще живы были въ Устюгѣ старожилы, которые помнили и знали Платона.

Событіе это, занесенное въ Устюжскую лѣтопись, заставило меня обратиться къ болѣе надежнымъ источникамъ, и дѣйствительно въ Архивѣ Св. Синода оказалось дѣло 1819 г. за № 556, которое я и постараюсь здѣсь использовать.

Начинается оно предложеніемъ Св. Синоду оберъ-прокурора кн. Мещерскаго отъ 24 Іюня 1819 г. за № 407, слѣдующаго содержанія: „Попечитель Московскаго учебнаго округа, т. е. кн. Оболенскій представилъ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія поступившій къ нему отъ директора училищъ Вологодской губерніи г. Волоцкаго рапортъ и приложенную при томъ записку учителя Великоустюжскаго уѣзднаго училища Вереснягова, относительно изслѣдованія его, что матерія и украшеніе гроба іеромонаха Платона (умершаго, какъ показываютъ старожилы, въ 1762 году и погребеннаго въ Великоустюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ) понынѣ остаются нетлѣн-

ными и неповрежденными. Его сиятельство князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, препровождая ко мнѣ засвидѣтельствованные списки какъ съ рапорта директора народныхъ училищъ Вологодской губерніи г. Волоцкаго, съ слѣдующей къ тому записки, которая представлена отъ учителя Великоустюжскаго уѣзднаго училища Вереснягова, представляетъ довести о сихъ бумагахъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода, что симъ честь имѣю исполнить⁴. Вотъ и записка Вереснягова:

„Сего 1819 г. Апрѣля 10 числа, въ Четвертокъ Свѣтлыя недѣли, на заведенный въ квартирѣ моей женщинами (во время послѣобѣденнаго сна моего въ томъ же покоѣ) разговоръ, что будто бы въ паперти здѣшняго Архангельскаго монастыря вѣдаютъ подъ поломъ гробъ съ примѣсю къ тому и другихъ суевѣрныхъ пустословіи, я разбудившись, побужденъ былъ симъ съ одной стороны для удостовѣренія ихъ въ невозможности быть на поверхности гробу, а съ другой и для уничтоженія таковой пустой молвы, самъ-то мѣсто осмотрѣть и что тутъ почитаютъ за гробъ. Въ слѣдъ чего я тогда пришедъ, когда указано было мнѣ оное на правой сторонѣ въ углу подлѣ окна, увидѣлъ изъ-подъ кирпичнаго пола въ проломѣ, величиною около полутора кирпича, одинъ только лубъ, а какъ и еще нѣсколько на семь лубъ кирпичей лежало безъ всякой связи и удобны были къ поднятію, то пришло мнѣ на мысль осмотрѣть и подъ лубомъ, дабы видѣть, для чего онъ положенъ, какъ вдругъ къ удивленію моему дѣйствительно оказался гробъ (вѣроятно, на сводѣ нижняго этажа положенный), обитый черною шелковою, какъ казалось, матеріею и въ приличныхъ мѣстахъ посеребреннымъ, по мнѣнію моему, галуномъ, изъ коихъ первая, а равно и нитяное тканіе въ галуиѣ нисколько не истлѣли. отдѣлка жъ галуна свѣтла, какъ новая, вопреки того, что сырость воздуха не могла не имѣть на нихъ вліянія“.

„Чтобъ ближайше получить понятіе о причинѣ таковой невредимости, надлежало бы знать, когда именно тутъ положенъ гробъ; но и въ самомъ монастырѣ какъ тѣло, такъ и время погребенія онаго почитается неизвѣстнымъ, хотя бы и слѣдовало быть къ немъ о всѣхъ въ древности погребенныхъ тѣлахъ записямъ. Почему не оставалось при семъ случаѣ другого средства, какъ искать свѣдѣнія о томъ въ памяти престарѣлыхъ жителей города, изъ каковыхъ и нашлось достойнѣйшими вѣроятія двое: священникъ 69-ти и мѣщанинъ 75 лѣтъ, которые довольно основательно изъяснили, какъ о самомъ тѣлѣ, тутъ лежащемъ, такъ и о годѣ его погребенія“.

„Тѣло сіе, по утверженію ихъ, есть бывшаго учителя Устюжской семинаріи іером. Платона, привезеннаго сюда преосв. епископомъ Варлаамомъ, мужа высокаго ученія, получившаго, какъ наслышанъ

былъ первый, образованіе въ Академіи, но неизвѣстно въ какой именно. Тотъ же священникъ утвердительно полагаетъ время погребенія его въ 1762 году, въ тотъ самый день, въ который солнечное было затменіе съ необыкновеннымъ помраченіемъ дневного свѣта. Амѣщанинъ, яко очевидный свидѣтель погребенія сего инока самимъ преосв. епископомъ Θεодосіемъ (за годъ до того прибывшимъ на епархію и на собственное иждивеніе устроившимъ и украсившимъ гробъ его) объясняетъ, что когда на литургіи читаемо было Евангеліе, вдругъ послѣ солнечнаго сіянія такое въ церкви того монастыря сдѣлалось помраченіе свѣта, что даже при двухъ горѣвшихъ предъ нами свѣчахъ невидно было словъ; а потому иподіаконы должны были поднести трикирїи къ самому Евангелію, какъ же скоро чтеніе онаго окончено, тотчасъ свѣтъ открылся попрежнему. Далѣе, утверждая, что тѣло его положено на томъ точно мѣстѣ, гдѣ нынѣ оказался гробъ, не согласны только показанія ихъ въ годовомъ времени погребенія, которое первый полагаетъ лѣтомъ, а послѣдній именно въ Недѣлю Ваіи, что будетъ 31 Марта: но какъ оба они, сколько по тогдашней молодости, сколько и за давно прошедшимъ временемъ, удобно могли подлинное время запомнить: то по соображенію того и другого примѣтъ происшествіе сіе должно быть по сходству держанія и постиланія вѣтвей, едва-ли не въ Недѣлю Пятидесятницы, въ томъ году бывшей Маія 26 числа. Впрочемъ объ описанномъ обстоятельстве бывшаго здѣсь въ день погребенія солнечнаго затменія и прочіе старожилы рассказываютъ съ ними согласно. Если бы дозволено было мнѣ отыскать въ помянутомъ монастырѣ подлинную запись о времени событія, то для вѣроподобнѣйшаго изъясненія причины случившагося тогда толико удивляющаго народъ помраченія солнца и свѣта, стоило бы только справку учинить въ Академіи Наукъ съ астрономическими записками или съ календаремъ на 1762 годъ (если гдѣ таковой сохраненъ), было ли по сѣверной части Россіи въ тотъ самый день полное солнечное затменіе? Что жъ касается до казавшейся невреждимости шелковой матеріи и галуна на гробѣ въ теченіе 57 лѣтъ, то сіе составляетъ, по мнѣнію моему, предметъ не-недостойный вниманія физика, наблюдателя и вмѣстѣ христіанина. Прибавленіе. Хотя я при испытаніи невреждимости матеріи и галуна на гробѣ и предполагалъ немедленно донести о томъ настоятелю монастыря архимандриту, но какъ по окончаніи онаго вдругъ напавшіе на меня два неизвѣстные мнѣ челоуѣка (о коихъ я послѣ узналъ, что они штатные служители), и призванный ими казначей, превративъ толпами сіе любопытство мое въ злонамѣреніе, пресѣкли къ тому возможность и произведеннымъ ими тогда шумомъ учинили многимъ, а чрезъ сихъ и всему городу, преждевре-

менно извѣстнымъ такое нечаянное обрѣтеніе гроба со всѣми встрѣтившимися при томъ обстоятельствами: то я и не почелъ за приличное, какъ уже о произведенномъ въ извѣстность дѣлѣ, послѣ того ему своимъ объявленіемъ повторять“.

Св. Синодъ указомъ отъ 16 Іюля затребовалъ отъ Вологодскаго и Устюжскаго епископа Онисифора*) объясненіе, предписавъ находящейся въ Архангельскомъ монастырѣ въ церковной паперти на поверхности между сводомъ и поломъ гробъ Платона немедленно опустить въ землю.

Преосв. Онисифоръ 30 Іюля рапортомъ доносилъ Синоду, что обстоятельства, выраженные въ указѣ, ему уже извѣстны черезъ Архангельскаго архимандрита Мисаила.

„Въ 3-мъ часу пополудни 11 Апрѣля, говорится въ рапортѣ, учитель Устюжскаго уѣзднаго училища Василій Вересняговъ, зашедъ пьяный въ церковную паперть, разломалъ въ ней на южной сторонѣ въ углу кирпичный сводъ, въ равенствѣ съ поломъ бывшій, и чрезъ сіе отверстіе сдѣлалъ видимымъ гробъ, обитый черною матерією съ бѣлымъ мишурнымъ галуномъ, въ коемъ, по устнымъ преданіямъ старыхъ людей, погребено тѣло бывшей Устюжской семинаріи учителя іером. Платона. Двое монастырскихъ штатныхъ служителей, пришедшіе на то время въ паперть, заставши его у того отверстія съ частію галуна въ рукахъ, съ гроба имъ снятаго, спрашивали его, для чего онъ разломалъ сводъ, но онъ, не отвѣчая имъ на вопросъ, сказалъ: „Какъ вы смѣете мнѣ говорить. Я благородный. Почему здѣсь въ паперти тѣло схоронено, я долженъ освидѣтельствовать“. Въ скорости штатные служители призвали въ паперть монастырскаго казначея, предъ которымъ онъ въ поступкѣ своемъ заперся; когда жъ служители его уличать стали, то онъ, сказавъ, что доскутъ галуна поднялъ, идучи въ монастырь на дорогѣ, изъ монастыря удалился. Узнавъ о семъ, архим. Мисаилъ сообщилъ о поступкѣ его тамошнему полицмейстеру, которому онъ въ пустомъ любопытствѣ своемъ письменно призвался; точно такъ онъ изобразилъ происшествіе и побудительныя къ тому причины въ запискѣ своей, въ указѣ Св. Синода помѣщенной. Я, получивъ отъ архимандрита донесеніе, тогда же предписалъ ему надъ означеннымъ гробомъ (вскорѣ послѣ открытія по прежнему кирпичемъ задѣланнымъ) возвысить по его мнѣнію гробницу на полъ-аршина отъ пола, дабы глубже сокрыть остатки тѣла, а затѣмъ учредить въ монастырѣ ежедневный караулъ изъ штатныхъ служителей; другимъ же образомъ углубить гробъ, на палаточномъ сводѣ находящійся, не было

*) О немъ „Русскій Архивъ“ 1865 г., стр. 941.

возможности, а опустить въ землю не смѣлъ самъ дать предписаніе; поелику тѣла усопшихъ изъ земли вынимать и переносить на другія мѣста запрещено высочайшимъ указомъ. Да и причины къ тому никакой не имѣлъ, потому, во-первыхъ, что о прахѣ, въ помянутомъ гробѣ покоящемся, ни самъ я, бывши два раза въ Устюгѣ и останавливаясь въ означенномъ монастырѣ, не слыхалъ ни отъ кого ни набожныхъ, ни суевѣрныхъ разглашеній; ни казначей монастыря, нынѣ въ Вологодскомъ архіерейскомъ домѣ экономомъ находящійся, не свидѣтельствуешь мнѣ о таковыхъ за всю осьмилѣтнюю бытность его въ Архангельскомъ монастырѣ. А господинъ учитель дѣлалъ опытъ, кажется, оттого только, что былъ тогда пьянъ. Во-вторыхъ, что въ той же паперти, гдѣ отысканъ имъ гробъ, находится еще два гроба, изъ коихъ въ одномъ погребено тѣло одного въ древности бывшаго Устюжскаго епископа, а въ другомъ настоятеля сего монастыря. Нынѣ же, получивъ указъ изъ Св. Синода, на другой же день, то-есть 29 числа, предписалъ я архим. Мисаилу вмѣстѣ съ братією, кои скромнѣе другихъ замѣчаются, вынувъ въ noctное время изъ свода гробъ, опустить въ землю въ монастырѣ на такомъ мѣстѣ, гдѣ не было бы примѣтно, а прежнее заложить кирпичами“.

Затѣмъ 13 Декабря 1822 г. преосв. Онисфоръ вновь рапортуешь Св. Синоду вѣдѣствіе новаго донесенія Архангельскаго архим. Мисаила. Послѣдній доносилъ владыкѣ, что, по опущеніи того гроба въ землю, цѣлый годъ палатка была заперта и запечатана собственною его печатью, но впослѣдствіи времени, нѣкоторые изъ гражданъ (впрочемъ не поименовавъ никого) якобы по сновидѣніямъ, узнавъ о переносѣ въ оную тѣла іером. Платона, и сообщивъ о томъ одинъ другому, начали приходить къ той палаткѣ для отпѣванія панихиды о упокоеніи іером. Платона, объявляя при томъ, что будто бы получали исцѣленіе. Въ числѣ таковыхъ первая унтеръ-офицера Макарова жена, коей имени въ рапортѣ архимандритъ не означилъ, семь лѣтъ отъ расслабленія бывъ больна, глуха и едва могла видѣть, въ 1821 г. по сновидѣнію объ іером. Платонѣ, пришедъ въ паперть Архангельской церкви и приложивъ свое ухо къ отверстию надъ гробомъ, получила она исцѣленіе отъ всѣхъ болѣзней. Се вторая, Устюжская мѣщанка Вѣра Воробьева, сего 1822 г. Августа 29-го, письменно ему, архимандриту, объяснилась, что дочь ея дѣвица Екатерина съ 1816 г. страдала внутреннею болѣзнію, бывъ одержима нечистымъ духомъ; 12-го и 16-го чиселъ того мѣсяца принужденно была приводима ею, Вѣрою, съ помощію родственниковъ къ раннимъ литургіямъ въ оную Преполовенскую церковь и для отправленія панихидъ о упокоеніи іером. Платона, и оттого и получила нѣсколько ослабы отъ нечистаго духа;

потомъ 21-го также отправила панихиду и, бывъ сопровождаема въ домъ свой, хотя и слабая, но получила совершенное исцѣленіе, и напослѣдокъ 26-го числа по исповѣди приобщилась Св. Тайнамъ въ полномъ чувствѣ и радости, чего не имѣла съ самаго начала болѣзни. А какъ по случаю сихъ и другихъ немалаго числа исцѣленій, описанныхъ въ поданныхъ ему, архимандриту, объясненіяхъ, каждый почти день народъ стекается къ палаткѣ для отправленія панихидъ, то и просить онъ на сіе моего позволенія.

Почему, принявъ въ руководство изложенныя на таковыя случаи въ Духовномъ Регламентѣ пункты и послѣдовавшія отъ Св. Синода прежнія предписанія, сего Декабря отъ 11-го числа предписалъ я ему, архимандриту, въ скорости прислать объясненіе: во-первыхъ, почему онъ отважился означенную палатку отпереть, и когда именно, съ коего времени, народъ сталъ приходить для отпѣванія панихидъ, и по какимъ именно причинамъ, давно ли начато отправленіе панихидъ по усупшемъ іером. Платонѣ, да и гдѣ, то-есть въ Преполовенской ли церкви или въ той самой палаткѣ, гдѣ гробъ спрятанъ въ землю; почему онъ не доносилъ мнѣ въ тоже самое время, когда открылъ палатку, и для чего отважился допустить въ народъ такое разглашеніе? Во-вторыхъ: отчего въ нынѣшнемъ рапортѣ сдѣлалъ онъ, архимандритъ, разпорѣчіе, что яко бы унтеръ-офицера Макарова въ 1821 г. получила исцѣленіе въ паперти надъ гробомъ, какъ тотъ гробъ изъ оной паперти перенесенъ былъ въ палатку еще въ 1819 году? Въ третьихъ; почему онъ, архимандритъ, знаетъ, что въ томъ перенесенномъ изъ паперти гробѣ почиваетъ прахъ іером. Платона, а не другого кого-либо, и буде точно его, то какой онъ былъ уроженецъ, чей сынъ, чему обучался, гдѣ и въ какихъ должностяхъ служилъ, когда и гдѣ въ монашество постриженъ, когда и кѣмъ посвященъ въ санъ сей, подлинно ли предъ кончиною находился въ ономъ Архангельскомъ монастырѣ и былъ учителемъ въ Устюжской семинаріи и какихъ наукъ, когда и колпкихъ лѣтъ скончался и гдѣ погребенъ, то-есть въ той ли паперти, гдѣ открытъ гробъ учителемъ Вереснятовымъ или гдѣ индѣ? Въ четвертыхъ, нѣтъ ли въ Архангельскомъ монастырѣ какихъ записокъ, синодиковъ и другихъ письменныхъ документовъ, служащихъ къ удостовѣренію о семъ іеромонахѣ, и буде что письменное окажется, прислать ко мнѣ въ подлинникахъ, также доставить ко мнѣ съ первою почтою всѣ поданныя ему, архимандриту, письменныя объясненія, яко бы отъ получившихъ исцѣленія отъ онаго гроба. Все сіе приказано учинить ему, архимандриту, секретнымъ образомъ, а палатку, гдѣ скрытъ въ землю гробъ сей, тотчасъ снова запереть и запечатать. Разнесшійся объ іером. Платонѣ слухъ велѣно ему всевозможно пресѣкать, строго

наблюдая о томъ не только надъ братією, но и надъ служителями, а отправленіе панихидъ надъ неизвѣстнымъ прахомъ въ преещеніе народной молвы воспрещено ему, архимандриту, подъ опасеніемъ строжайшаго сужденія.

10 Февраля 1823 года преосв. Онисфоръ доноситъ Св. Синоду, что 3-го Января онъ получилъ отъ архимандрита на сдѣланное предписаніе слѣдующіе отвѣты.

1-е. Что палатку, гдѣ гробъ іером. Platона по вынятїи изъ сводовъ паперти Архангельской церкви опущенъ въ землю, осмѣлился онъ, архимандритъ, отпереть потому якобы, что о запиранїи и печатанїи предписанія ему не было; а какъ оная палатка была завалена землею, щебнемъ и известкою, то отпереть двери допустилъ будто бы для очищенія ея и потомъ для храненія въ ней какихъ-то вещей, не именуя впрочемъ оныхъ. Но казначей того монастыря іером. Іеронимъ, не спросясь его, архимандрита, поставилъ въ оной палаткѣ святыя иконы, а предъ ними повѣсилъ и лампаду; на могилѣ жъ, гдѣ скрытъ гробъ, положилъ доску и прикрылъ ее пеленою, а тѣмъ самымъ и обнаружилъ секретъ, и хотъ онъ, архимандритъ, доску съ могилы и снималъ, но она паки положена на то же мѣсто. Палатка отперта еще Октября 25 дня 1820 г., и народъ сталъ собираться для отпѣванія панихидъ по причинѣ исцѣленія дочери Устюжскаго мѣщанина Дмитрія Воробьева Екатерины отъ болѣзни, также и другихъ, получившихъ исцѣленіе; но съ коего именно времени началось отправленіе панихидъ, о томъ онъ, архимандритъ, не объяснилъ; а далѣе пишетъ, что отправленіе панихидъ происходило 1822 г. въ Сентябрѣ болѣе, а въ Юлѣ и Августѣ менѣе, а прежде того и на старомъ мѣстѣ, т. е. въ южномъ углу паперти Архангельской церкви, гдѣ закладена была именуемая имъ гробница Platона, по просьбѣ нѣкоторыхъ людей панихиды отпѣваемы были жъ. Всѣ панихиды исправляемы были казначеемъ Іеронимомъ и іером. Досносемъ; но сколько разъ и гдѣ, т. е. въ Преполовенской ли церкви или въ палаткѣ, о томъ будто бы онъ, архимандритъ, знать не можетъ, потому что оныхъ самъ не отправлялъ и сказанныхъ іеромонаховъ Іеронима и Досносы къ тому не назначалъ, а казначей съ братією ему объяснили, что въ теченіе двухъ годовъ какъ на мѣстѣ обрѣтенія гроба, такъ въ Преполовенской церкви и въ самой палаткѣ, по просьбамъ приходящихъ людей, отправлено не менѣе трехсотъ панихидъ. Объ открытїи палатки не рапортовалъ миѣ по непредвидѣнїю послѣдствїй, ибо палатка по отпертїи оставалась съ годъ времени пустою, и никто въ нее изъ постороннихъ людей не входилъ. Въ разглашенїи о переносѣ изъ паперти гроба по скрытїи въ землю въ палаткѣ онъ, архимандритъ, не сознается, да будто бы

многократно подтверждалъ всей братіи и служителямъ не сказывать никому ни о имени усопшаго, ни о мѣстѣ скрытія его гроба, а полагаетъ вѣроятнымъ, что таковое разглашеніе произошло болѣе отъ сообщенія сповидѣній разныхъ людей одинъ другому, и что, по нахожденію въ монастырѣ правленія духовныхъ училищъ и кладовыхъ палатокъ, ежедневно бываетъ людей въ монастырѣ по множеству.

2-е. Что унтеръ-офицера Макарова жена Анна Федорова получила исцѣленіе, приложась къ отверстию гроба въ паперти Архангельской церкви въ 1821 г., когда уже гробъ тамъ не существовалъ: то различіе сіе послѣдовало отъ собственнаго ея, Макаровой, показанія, и отъ того, что на старомъ мѣстѣ и послѣ перенесенія гроба въ палатку въ Архангельской паперти панихиды отправляемы были.

3-е. Самъ онъ, архимандритъ, о іером. Платонѣ никакого свидѣнія не имѣетъ, а наименовалъ его въ донесеніи своемъ ко мнѣ потому, что и прежде на указъ консисторіи, послѣдовавшей съ резолюціей моею по предписанію Св. Синода, о скрытіи, найденнаго учителемъ Вересняговымъ, гроба въ землю, рапортовалъ съ означеніемъ ему имени Платона; да и по учиненнымъ въ монастырѣ справкамъ о имени іером. Платона никакихъ письменныхъ документовъ не оказалось.

„Син отвѣты архимандритъ заключилъ тѣмъ, что означенная палатка, по полученіи моего предписанія, тотчасъ заперта и запечатана собственною его печатью; разнесшійся о іером. Платонѣ слухъ обѣщается онъ, архимандритъ, всевозможно прекращать и имѣть въ томъ наблюденіе надъ братією и служителями, а о неотправленіи панихидъ надъ неизвѣстнымъ прахомъ все братство обязано подпискою. Вмѣстѣ съ тѣмъ сопровождалъ онъ, архимандритъ, ко мнѣ двѣ письменныя тетради подъ названіемъ объявленій отъ разныхъ лицъ якобы получившихъ различныя исцѣленія отъ праха усопшаго іером. Платона. Но какъ син его, архимандрита, объявленія, изложенныя въ двухъ тетрадяхъ, нашель я частію сумнительными и частію неполными, то отъ 12 числа того жъ Января сдѣлалъ секретное предписаніе тамошняго Успенскаго собора протоіерею первоприсутствующему Духовнаго Правленія и Устюжскихъ училищъ ректору Іоанну Жаворонкову, чтобы онъ, тайнымъ образомъ, освидѣтельствовалъ палатку и узнавъ обо всемъ, донесъ мнѣ обстоятельно, а отъ архимандрита и казначея отобралъ полныя объясненія, доставилъ ко мнѣ, при чемъ отправилъ къ нему казначейныя двѣ тетради съ предписаніемъ по исполненіи возвратить ихъ.

А нынѣ онъ, протоіерей, доноситъ мнѣ слѣдующее. Означенная палатка примыкается съ сѣверной стороны къ Преполовенской церкви и складена для того, чтобы можно было изъ нея топить печь въ означенной церкви, не входя въ оную. Гроба, опущеннаго въ землю, сто-

роннему человѣку безъ указанія замѣтить нельзя, ибо ни возвышенія надъ онымъ, ни пелены, ни надписанія на самомъ полу, кои бы могли показывать сокрытый тутъ гробъ, онъ, протоіерей, не нашель. Архимандритъ же показалъ ему между иконами, тутъ находящимися, одну изъ стариннаго церковнаго иконостаса деревянную пономарскую дверь, у коей съ лица вверху написанъ образъ Христа Спасителя съ предстоящими ангелами, а внизу св. Харламція и св. Власія Севастійскаго, на задней же сторонѣ изображеніе Св. Креста. Дверь сія по объявленію архимандрита лежала нѣсколько времени, когда палатка не была запечатана, на полу вмѣсто доски надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ опущенъ въ землю гробъ, бывъ оборочена крестомъ къ верху, а на ней была и пелена безъ всякой впрочемъ надписи; но онъ, протоіерей, уже сей двери въ такомъ положеніи не нашель, а пелены и вовсе нѣтъ. Полъ въ палаткѣ изъ каменной плиты ровный, а оконъ въ ней два. Иконъ въ палаткѣ, кромѣ означенной двери, бывшей нѣсколько времени вмѣсто надгробной доски, оказалось: на среднѣ стѣны восточной Богоматери Казанской въ кіотѣ за стекломъ съ мѣднымъ посеребреннымъ вѣнцомъ, и предъ нимъ новая мѣдная жъ посеребренная лампада и масленникъ; по сторонамъ сего образа еще два: первый Апостоловъ Павла и Іакова, а другой Апостоловъ Петра и Іоанна; на южной стѣнѣ Прокопія и Іоанна. Устюжскихъ чудотворцевъ, въ рамахъ, на коемъ у Спасителя вѣнецъ серебряный съ позолотой, а у сѣверной стѣны образъ преподобнаго Варлаама и Іоасафа, царевича Индійскихъ. Всѣ сіи образа и съ пономарскою дверью вынесъ онъ, протоіерей, изъ палатки, вмѣстѣ съ лампадою и масленникомъ, въ монастырскую ризницу, а потомъ палатка заперта внутреннимъ замкомъ, запечатана настоятельской и его протоіерейскою именными печатями и заложена досками, при чемъ, возврата помянутыя двѣ тетради, прислалъ и вытребованныя имъ отъ архим. Мисаила и казначея Іеронима объясненія, въ коихъ они написали.

Первый. Кто оныя тетради писалъ, якобы онъ не знаетъ, а представилъ ихъ къ нему казначей: первую 15 Сентября, а вторую якобы 28 Декабря 1822 г. (какъ напротивъ того рукою его, архимандрита, помѣчена сія послѣдняя тетрадь 25 числомъ Декабря) при рапортахъ съ изъясненіемъ; въ первомъ, что по отправленіи панихидъ о упокоеніи іером. разнаго званія люди пересказывали ему, казначею, при братіи свои сновидѣнія и исцѣленія, получаемыя за молитвами іером. Платона, а онъ, казначей, таковыя показанія записывалъ въ тетрадь, въ чемъ самъ онъ, архимандритъ, не участвовалъ; а какъ онъ, архимандритъ, въ первой тетради подъ нѣкоторыми статьями не нашель самихъ объявителей, то и отдавалъ ее казначею для утвержденія руко-

прикладствомъ. Исцѣленіе жъ дѣвицы Екатерины Воробьевой утверждаетъ онъ, архимандритъ, за истину, ибо въ томъ удостовѣрили его родители ея, мѣщанинъ Дмитрій Воробьевъ, жена его Вѣра Иванова, родственникъ ихъ Устюжскій мѣщанинъ Григорій Захаровъ и другіе многіе, и что оная дѣвица по исцѣленіи каждодневно ходитъ въ монастырь къ литургіямъ и почти на каждомъ пѣніи бываетъ въ здоровомъ положеніи; прочихъ же исцѣленій, описанныхъ въ оныхъ тетрадяхъ, утверждаютъ истинными, онъ, архимандритъ, опасается потому, что самъ не видалъ, и только слышалъ отъ другихъ, не все справедливо иногда говорящихъ.

Второй. Что разглашеніе о іером. Платонѣ онъ не дѣлалъ, а послѣдовало оное еще въ 1819 г. до поступленія его въ сей монастырь, когда былъ раскрытъ гробъ его. Палатку иконами украсилъ по поводу самого настоятеля, поставившаго сперва въ оную портретъ архим. Боголѣпа, а послѣ и запрестольный крестъ, и потому, взирая на начальника, для бѣдшаго украшенія поставилъ онъ, казначей, тутъ иконы, въ чемъ настоятель ему не только не возбранялъ, но еще въ томъ его одобрялъ; лампаду повѣсили вмѣстѣ съ братією по желанію принесшаго ее богомольца, коего не упомнить, а масленникъ повѣшенъ не въ бытность его. На могилу, гдѣ скрытъ гробъ, пономарская дверь на короткое время положена была іеродіакономъ Иракліемъ, а целены на оную клалъ онъ, казначей, по просьбѣ принесшихъ оныя въ пожертвованіе, которыя нынѣ хранятся въ ризницѣ. Все сіе дѣлалъ хотя не по приказанію настоятеля, но и не безъ его однакожъ согласія, ибо все то онъ, настоятель, видѣлъ и воспрещенія не чинилъ. Панихиды по усопшемъ іером. Платонѣ начались отправляться еще до прибытія его, казначей, въ сей монастырь, по желанію богомольцевъ, а по какому поводу, про то будто бы онъ не знаетъ, каковыхъ, начиная съ 1819 по конецъ 1822 г., отправлено не менѣе 500, то въ паперти Архангельской церкви, гдѣ открытъ гробъ, то въ Преполовсенской церкви и въ самой палаткѣ, которыя и отправляла вся братія не только съ вѣдома настоятеля, но даже по письменному его приказанію завести для того чреду. Угодникомъ Божиимъ и чудотворцемъ іером. Платона онъ, казначей, рѣшительно назвать не смѣетъ, яко не свидѣтельствовааннаго, а вѣдаетъ о немъ только то, что рассказывали ему сторонніе люди по своимъ сновидѣніямъ и исцѣленіямъ, кои въ тетрадяхъ записаны. Приходящимъ богомольцамъ песокъ раздавалъ и съ онаго болящихъ поилъ водою, также давалъ и масло изъ лампы по желанію и просьбѣ каждаго, что дѣлала и вся братія съ вѣдома настоятеля, который по ономъ іеромонахѣ въ палаткѣ по просьбѣ приходящихъ панихидъ хотя и не отправлялъ, но во все вселенскія субботы выхо-

длѣть по немъ пѣть панихиды въ паперть, гдѣ гробъ его найденъ; также Октября 2 числа отправлялъ онъ соборнѣ панихиду въ Преполовенской церкви по трехъ усопшихъ лицахъ, въ числѣ ихъ и по іером. Платонѣ. Тетради, означающія сновидѣнія и исцѣленія, составлялъ онъ, казначей, начерно со словъ тѣхъ самыхъ людей, кои въ оныхъ означены, по ихъ убѣдительнымъ просьбамъ, о чемъ и вся братія знала, да и настоятель не могъ не знать, ибо нѣкоторыя и, кромѣ его, казначей, поданы были самому архимандриту лично, какъ-то о исцѣленіи дѣвицы Воробьевой; а набѣло оныя тетради отданы переписывать Устюжскому мѣщанину Андрею Тихонову, правящему въ тамошнемъ Магистратѣ секретарскую должность, или кому другому подъ его же смотрѣніемъ; отъ себя же ничего не прибавилъ, а написалъ только то, чтѣ объявляли богомольцы.

Изъ всего вышеписаннаго заключаю я, что архим. Мисаилъ, казначей и все того монастыря братство къ разглашенію о перенесенномъ изъ паперти въ палатку гробъ сами подали поводъ; ибо, по свидѣтельству протоіерея Яворонкова, стороннему человѣку того мѣста, гдѣ гробъ скрытъ въ землю, безъ указанія примѣтить было не можно; а они, вычистя изъ палатки соръ, украсили ее святыми иконами, повѣсивъ предъ ними лампаду и масленникъ; а для означенія того самаго мѣста, гдѣ скрытъ гробъ, наложили понамарскую дверь вмѣсто надгробной доски съ изображеніемъ Св. Креста и накрыли пеленою, открытымъ образомъ отправляли тутъ панихиды по усопшемъ іером. Платонѣ, чѣмъ самымъ огласивъ тотъ гробъ, привлекли богомольцевъ, а раздачею песка, изъ масленника масла, усилили прославленіе и яко бы чудотвореніе іером. Платона, въ особенности между простымъ народомъ, весьма склоннымъ вѣрить рассказываемымъ сновидѣніямъ и чудесамъ, хотя и безъ довольныхъ доказательствъ. Впрочемъ и сами они, архимандритъ и казначей, не утверждаютъ того, что въ ономъ гробѣ подлинно положено тѣло іером. Платона, о происхожденіи коего, жизни и о прочемъ никакихъ въ монастырѣ свѣдѣній не оказалось, а называютъ его именемъ Платона, примѣтно по народной молвѣ. При всемъ томъ архим. Мисаилъ, слагая разглашеніе сіе на казначей, хотя и не сознается въ ономъ, но казначей утверждаетъ, что все оное происходило не безъ вѣдома настоятеля, который для отправленія панихидъ письменно приказалъ имѣть братіи чреду, да и самъ панихиды нѣсколько разъ отправлялъ же. Каковому казначей показанію по всей справедливости слѣдуетъ дать вѣрность, потому наиболѣе, что настоятелю не можно не знать о происходящихъ во ввѣренной ему обители происшествіяхъ, особенное вниманіе заслуживающихъ, тѣмъ паче, что оныя были публичны.

Что жъ касается до тетради, въ коихъ описаны происхожденіе и кончина іером. Платона, также разныя сновидѣнія и исцѣленія, якобы отъ гроба его бывшія, то и въ оныхъ нахожу немалое сумнѣніе и въ особенности въ объявленіяхъ мѣщанки Степаниды Самойловой, женки Анны Ѳедоровой Марковой, мѣщанки Анны Калиновскихъ, крестьянина Ѳедора Созоновскихъ, мѣщанскихъ женокъ Ѳедоры Тетериной и Александры Гостевой; наипаче жъ подвержено большому сумнѣнію объявленіе того монастыря іером. Діонисія Тушева потому, что онъ въ сей монастырь изъ Николаева Коряжемскаго переведенъ за пьянство, буйство и другіе дурныя поступки для исправленія его нравственности. О исцѣленіи же мѣщанской дочери Екатерины Воробьевой хотя и много написано въ объявленіи, да и архимандритъ утверждаетъ за истину, но въ послѣднемъ своемъ объясненіи самъ же говоритъ, что она, Екатерина, каждадневно приходя въ монастырь къ литургіямъ, почти на каждомъ пѣніи бываетъ здорова, а изъ сего слѣдуетъ заключать, что она несовершенно еще выздоровѣла.

И потому я, на основаніи Духовнаго Регламента и указовъ Св. Синода 1737 Ноября 25 и 1772 г. Ноября 23 числъ, не найдя довольныхъ причинъ изъ объявленій разныхъ сновидѣній къ изслѣдованію о святости и чудотвореніи погребеннаго въ опущенномъ въ землю гробѣ въ означенной палаткѣ тѣла якобы іером. Платона, архим. Мисаилу за разглашеніе сіе и поущеніе къ тому казначея съ братією, также и за непризнаніе въ томъ, во уваженіе долговременной и безпорядочной его службы, сдѣлалъ только строгій выговоръ; а казначею Іерониму, который въ томъ разглашеніи и прославленіи болѣе участвовалъ и былъ первый того зачинщикъ, запретилъ священнослуженіе на три мѣсяца и велѣлъ исправлять ему клиросную должность, съ подтвержденіемъ обоимъ имъ быть впредь въ подобныхъ случаяхъ осторожными и, что подвержено сомнѣнію, того за истину не разглашать.

12 Апрѣля 1824 года Устюжане обратились къ преосв. Онисифору съ такимъ прошеніемъ.

Простите насъ, владыка святой, что осмѣливаемся отвлечь ваше преосвященство отъ вашихъ занятій, но мы боимся умалчивать дѣла Божіи. Бывшая въ расслабленіи со сведенными ногами и правой рукой здѣшняго уѣзда крестьянская дѣвица Анна Софронова дочь Пластинина, лежавшая 14 лѣтъ безъ движенія на одномъ боку, минувшаго Іюля въ 20 д. во время божественной литургіи въ домѣ своемъ заснувъ легкимъ сномъ, видѣла во снѣ пришедшаго къ ней въ горницу монаха, который, положи предъ иконами три земныхъ поклона, благословя ее три раза, на спросъ ея сказалъ: „Я Платонъ, Архангельскаго монастыря іеромонахъ; ты-де ко мнѣ не можешь придти, такъ я пришелъ къ

тебѣ; пора тебѣ вставать“. Отчего испугавшись она проснулась, закричала, видѣла наяву уже выходящаго изъ дверей ея горницы монаха въ мантии и вдругъ сѣла, чего прежде не могла она сдѣлать, ибо ноги ея развелись, и правой рукой она стала креститься, и нынѣ находится въ семъ же положеніи. Мы, видя, что ваше преосвященство, должно думать, не извѣщены о семъ событіи, долгомъ поставили довести оное до свѣдѣнія вашего преосвященства. Повелите, преосвященнѣйшій владыка, настоятелю монастыря или кому заблагоразсудите, какъ о семъ событіи, такъ и многихъ бывшихъ послѣ уже прежепроизводимой въ монастырѣ записки о исцѣленіяхъ, равно и впредь открыться могущихъ, развѣдать удостовѣрительно и потомъ довести до свѣдѣнія Св. Синода.

По полученіи этого прошенія преосвященный 23 Сентября 1824 г. рапортовалъ Св. Синоду:

Въ прошломъ 1823 г. Іюня отъ 28 и Іюля отъ 4 числъ доносилъ я Св. Синоду во-первыхъ о появившейся въ городѣ Устюгѣ разслабленной дѣвицѣ, о имени коея тогда еще было не извѣстно, и что простой народъ якобы носить ее на одрѣ къ градскимъ церквямъ и цѣлуетъ ей руку; а во-вторыхъ, что сія разслабленная Устюжскаго уѣзда деревни Яишниковъ крестьянская дочь Анна Софронова Пластинныхъ, находясь въ совершенномъ разслабленіи и не вставая съ постели нѣсколько лѣтъ, была принесена въ Устюгъ помолиться и потомъ отбыла въ домъ свой, не производя ни малѣйшаго соблазна; а сего Сентября 17 числа получили я отношеніе за подписаніемъ Устюжскаго полицмейстера Квашнина-Самарина, 11-ти чиновниковъ, тамошняго городского главы Климушина и 15-ти человекъ купцовъ и мѣщанъ, увѣряющихъ, что дѣвица Пластинина, бывъ въ разслабленіи со сведенными ногами и правою рукою 14-ть лѣтъ, лежала безъ движенія на одномъ боку, но въ 20 день минувшаго Іюля, во время божественной литургіи, въ домѣ своемъ, заснувъ легко, видѣла во снѣ пришедшаго къ ней въ горницу монаха, который, сдѣлавъ предъ иконами три великіе поклона, благословилъ ее трижды и на спросъ ея сказалъ: „Я Платонъ, Архангельскаго монастыря іеромонахъ. Ты ко мнѣ не можешь придти, такъ я пришелъ къ тебѣ, пора тебѣ вставать“. Отчего испугавшись она проснулась, закричала, видѣла наяву уже выходящаго изъ дверей ея горницы монаха въ мантии и вдругъ сѣла, чего прежде сдѣлать не могла, ибо ноги ея развелись и правою рукою стала креститься, въ каковомъ и нынѣ она находится положеніи. И потому просятъ какъ о семъ событіи, такъ и многихъ бывшихъ послѣ производимой въ Устюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ записки исцѣленіяхъ, равно и впредь открыться могущихъ, приказать кому

слѣдуетъ развѣдать и потомъ донести Св. Синоду. А какъ объ отправленіи въ означенномъ Архангельскомъ монастырѣ панихидъ надъ гробомъ вышеозначеннаго іером. Платона, сперва стоявшемъ въ церковной паперти и потомъ опущенномъ по указу Св. Синода въ землю въ церковной палаткѣ, и по поводу разглашеній о происходящихъ якобы отъ онаго гроба исцѣленіяхъ, описанныхъ въ двухъ тетрадахъ, обстоятельно доносилъ я Св. Синоду съ приложеніемъ оныхъ тетрадей и въ разрѣшеніе отъ 27 Августа того жъ 1823 г. получилъ указъ о дозволеніи отправлять панихиды о іером. Платонѣ по просьбѣ желающихъ, но токмо въ церкви, а не въ палаткѣ, то и къ изслѣдованію якобы о случившемся съ дѣвицею Пластинною исцѣленіи самъ собою приступить не осмѣливаюсь. Но поелику удостовѣреніе о семъ событіи означенныхъ двадцати восьми человекъ заслуживаетъ особенное о іером. Платонѣ вниманіе тѣмъ паче, что въ городѣ Устюгѣ и окрестностяхъ его многіе почитаютъ его чудотворцемъ: для того, представляя о семъ въ главное благоразсмотрѣніе Св. Синода и прилагая при семъ съ полученнаго мною отношенія списокъ, всепокорнѣйше прошу въ разрѣшеніе указа. приступать ли къ подробному открытію истины какъ о самомъ іером. Платонѣ, такъ и о происходящихъ отъ гроба его различныхъ исцѣленіяхъ, или оставить сіе до дальнѣйшихъ откровеній.

Затѣмъ 8 Октября преосвященный доносилъ Синоду.

Его превосходительство, г. губернаторъ Архангельскій, Вологодскій и Олонецкій, Степанъ Ивановичъ Минацкій сопровождалъ ко мнѣ доставленное къ нему отъ помянутаго полцмейстера Самарина слѣдствіе, произведенное безъ вѣдома духовнаго правительства, по одному его предписанію, тамошнимъ частнымъ приставомъ Котовымъ, какъ о прежней дѣвицы Пластинной болѣзни, такъ и о полученномъ ею исцѣленіи, которое слѣдствіе въ подлинникѣ на 40 листахъ представляю при семъ на благоразсмотрѣніе Св. Синода съ таковымъ донесеніемъ, что о сихъ чудотвореніяхъ іером. Платона и здѣсь носится слухъ. Но какъ отъ тамошняго духовнаго начальства не бывало ко мнѣ никакихъ донесеній, то и не могу я объ оныхъ совершенно удостовѣрять.

Между тѣмъ Устюжскіе граждане совместно съ городскимъ головою Василиемъ Андреевичемъ Климушинымъ обратились къ князю А. Н. Голицыну съ письмомъ такого рода.

Сіятебнѣйшій князь, милостивый государь! Вебъмъ извѣстныя примѣрныя христіанскія добродѣтели, истинная справедливость вашего сіятельства и вездѣ щедро разливаемая милости даютъ намъ смѣлость, среди многотрудныхъ государственныхъ дѣлъ и заботъ вашихъ, прибѣгнуть къ вашему сіятельству и преданнѣйше просить отъ лица всего

Велико-Устюжскаго градскаго общества вашей помощи и милостиваго содѣйствія.

Въ прошломъ 1819 г. въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ на Святой недѣли промысломъ Божиимъ обрѣтенъ нетлѣнный гробъ съ таковымъ же тѣломъ преподобнаго іеромонаха Платона въ югозападномъ углу паперти лѣтней церкви Архангела Михаила въ мужскомъ монастырѣ. Того жъ года въ Октябрѣ мѣсяцѣ по указу Св. Синода съ должною почестью того монастыря настоятелемъ архим. Мисанломъ съ братією секретно въ вечеру перенесъ оный въ изготовленную могилу въ пустой палаткѣ при Преполовеновской церкви, чѣмъ составляло на полтора года тайну, и была оная заперта и запечатана, но по опредѣленію Господню чрезъ явившіяся чудеса стало оное гласно, и приходящіе съ вѣрою во оную (какъ послѣ событія оныхъ былъ уже свободный входъ въ ту палатку и отправленіе панихидъ на могилѣ его) получали и получаютъ исцѣленіе. Въ 1822 г., по неосновательномъ распоряженіи съ большимъ упущеніемъ важнѣйшихъ причинъ къ прославленію угодника, отъ мѣстной духовной власти входъ въ означенную палатку и отправленіе панихидъ были вовсе запрещены, даже, къ душевному прискорбію, было и имя сего преподобнаго изглажено изъ памяти, и едва-ли обыкновенное на проскомидіи поминовеніе о упокоеніи души его не было строго воспрещено, а палатка съ презрѣніемъ опять затворена, запечатана, заколочена досками и завалена дровами къ сокрытію его, а наконецъ и записка бываемыхъ чудесъ вовсе остановлена. Но благодать Божія и по сіе время не оставляетъ святаго сего мѣста, ниспосылая къ обращенію нашему разныя чудотворенія какъ отъ мѣста, гдѣ обрѣтено тѣло его, а равно и отъ земли, взятой прежде съ могилы его, и даже дровъ, у которыхъ съ вѣрою поклоняются усердствующіе нетлѣнному тѣлу преподобнаго Платона, вторично погребенному за оными въ означенной палаткѣ. Прошлаго жъ 1823 г. въ Сентябрѣ мѣсяцѣ по указу Святѣйшаго Синода хотя и разрѣшено отправлять панихиды, но не на гробъ его, и все оное дѣло, къ сердечному нашему прискорбію, осталось безъ должнаго открытія цѣльбоносныхъ его мощей, о нетлѣнности коихъ за семь дней до кончины своей того Архангельскаго монастыря добрый и великаго вѣроятія достойный іером. Дороевъ, 78-лѣтній старецъ, увѣрялъ, что при переносѣ мощей въ открывшемся гробѣ тѣло преподобнаго найдено нетлѣнно. Представля вашему сіятельству съ чудесъ копій и рисунки, пріемлемъ смѣлость преданнѣйше просить отъ всего города Устюга милостиваго вашего сіятельства распоряженія о возобновеніи богоугоднаго и справедливаго сего дѣла къ прославленію имени Господа Иисуса Христа довести до свѣдѣнія Государа Императора и испросить монаршаго соизволенія о сви-

дѣтельствующихъ сихъ производящихъ чудотворенія преподобнаго Платона мощей. Съ безпредѣльною преданностію и глубочайшимъ высокопочитаніемъ осмѣливаемся назваться, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшіе слуги.

(Слѣдуютъ подписи).

Къ сему приложены два плана церкви Архангела Михаила.

Кн. А. Н. Голицынъ передалъ это письмо оберъ-прокурору кн. Мещерскому: послѣдній и внесъ 29 Апрѣля 1825 года въ Св. Синодъ предложеніе, въ которомъ сказано:

Въ прошедшемъ году жители Великоустюжскіе просили бывшаго министра довести до свѣдѣнія Государя Императора о чудотвореніяхъ іером. Платона и исходатайствовать высочайшее соизволеніе на освидѣтельствованіе оныхъ надлежащимъ образомъ. Я долгомъ поставлю предложить на благоразсмотрѣніе и заключеніе Св. Синода подлинную вышеозначенную просьбу жителей Великоустюжскихъ и препровожденное при оной описаніе чудесъ іером. Платона вмѣстѣ съ планомъ двухъ церквей и палатки, въ коей погребено тѣло его.

Это предложеніе было заслушано въ Синодѣ 11 Мая 1825 года.

По изложеніи обстоятельствъ всего дѣла и разсмотрѣніи тетради, содержащей въ себѣ до 50 чудесъ*) отъ гроба іером. Платона, Св. Синодъ постановилъ.

Какъ изъ дѣла сего явствуетъ, что таковыя описанія о происходящихъ якобы отъ гроба іером. Платона исцѣленіяхъ, каковыя при вышеупомянутомъ прошеніи Устюжскихъ гражданъ, признаны уже сомнительными, къ тому жъ нѣтъ никакихъ удостовѣреній о томъ, подлинно ли въ означенномъ гробѣ положено тѣло іером. Платона, а называютъ его по одной народной молвѣ, почему и приступить къ изъясненію о святости и чудотвореніяхъ погребеннаго въ томъ гробѣ тѣла нѣтъ довольныхъ причинъ: то Св. Синодъ объ ономъ прошеніи Устюжскихъ гражданъ доводитъ до свѣдѣнія Государя Императора никакихъ уважительныхъ основаній не находитъ. О семъ заключеніи Св. Синода увѣдомить его, г. синодальнаго оберъ-прокурора, чего ради съ опредѣленія сего къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ дать копію подлиннаго.

*

Этимъ постановленіемъ Св. Синода и заканчивается дѣло о канонизаціи іером. Платона. Одинъ изъ Вологодскихъ старожиловъ пере-

*) Копія съ этой тетради находится въ моемъ рукописномъ собраніи. А. Т.

давалъ мнѣ, что распространившіеся слухи о чудесахъ при гробѣ Платона дошли до свѣдѣнія императора Александра Павловича, который и вызвалъ въ Петербургъ преосв. Онисифора будто бы исключительно по поводу канонизаціи Платона.

Въ историческихъ свѣдѣніяхъ объ іерархахъ Вологодской епархіи Н. И. Суворова *), въ біографіи Вологодскаго и Устюжскаго епископа Онисифора Боровика, между прочимъ, напечатано: „Въ 1822 году въ концѣ Апрѣля, по высочайшему повелѣнію, преосв. Онисифоръ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и находился съ 7 Мая до половины Іюня. Цѣль вызова неизвѣстна. Въ эту поѣздку онъ былъ пожалованъ отъ Государя драгоцѣнною бриллиантовою панагією, хранящеюся теперь въ ризницѣ Вологодскаго кафедральнаго собора“. Въ „Русскомъ Архивѣ“ (1865 г. стр. 941) объ этой поѣздкѣ замѣчено: „Онисифоръ былъ необыкновенно духовной жизни; онъ имѣлъ какое-то видѣніе на рукѣ и за годъ или за два до прибытія Александра I въ Вологду былъ вызванъ въ Ярославль, во время посѣщенія этого города императоромъ“.

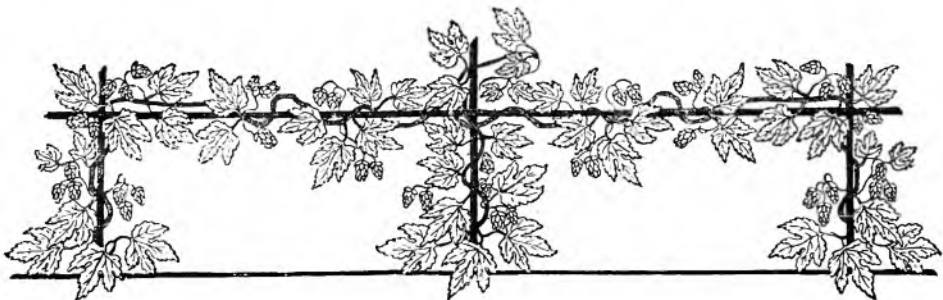
Разсказъ Вологодскаго старожила, быть можетъ, и заслуживаетъ вѣроятія. При извѣстной набожности Александръ I, въ виду просьбъ Устюжанъ по поводу канонизаціи Платона, обращенныхъ къ его другу, кн. А. Н. Голицыну, могъ вытребовать преосв. Онисифора, который, какъ это видно изъ вышеприведеннаго его рапорта въ Св. Синодъ отъ 30 Іюля 1819 г., далеко не раздѣлялъ по этому дѣлу воззрѣній своей Устюжской паствы.

Ростовъ Великій, 1911 Апрѣля 15.

Андрей Титовъ.

*) Вологодскія Епарх. Вѣдомости 1865—1868 г.г.

Черкешенка для императрицы Екатерины Первой.

Донесеніе Дербентскаго коменданта Юнгера главнокомандующему на Кавказѣ М. А. Матюшкину. 1725.

Высокородный и превосходительнѣйшій господинъ генераль-лейтенантъ, ордена Святаго Александра кавалеръ и лейбгвардіи маоръ, милостивый мой государь Михайла Анонасьевичъ. Покорно вашему превосходительству доношу.

Купилъ въ Дербентѣ наибъ*) у Дербенцовъ дѣвку Ясырку Черкесску съ матерью, далъ за оную дѣвку триста пятьдесятъ рублей, и оную дѣвку онъ наибъ хотѣлъ везти въ подарки Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ, и была она дѣвка въ домѣ у женъ наибскихъ. И оную дѣвку отъ наибскихъ женъ подговоря увели, Армяне, и онъ наибъ о томъ мнѣ объявилъ, что которую-де дѣвку я купилъ въ подарки Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ, и она-де дѣвка ушла, а конечно-де оную дѣвку свелъ Армянинъ Яковъ Миржановъ и, хотя-де она дѣвка нынѣ и не у него, однакожъ опостѣ будетъ-де у него, и просилъ онъ наибъ, чтобъ одного Армянина Якова я приказалъ взять подъ караулъ, понеже-де онъ про ту дѣвку знаетъ конечно, а ежели-де его не возметъ подъ караулы, то-де онъ Яковъ Армянинъ уйдетъ въ горы и съ дѣвкою.

И я посылаю подпорутчика Горязина къ Армянскому епископу Мардиросу, чтобъ онъ спросилъ у Армянъ, нѣтъ-ли такой дѣвки и тово бы Армянина Якова приказать смотреть, чтобъ онъ не ушелъ. И

*) Мѣстная военно-полицейская власть.

онъ епископъ о такой дѣвкѣ будто спрашивалъ у Армянъ и будто никто ему епископу про ту дѣвку не сказывалъ; а про Якова Армянина онъ епископъ сказалъ, чтобъ я взялъ-де его къ себѣ подь караулъ, а мнѣ-де за нимъ усмотрѣть нельзя.

Послѣ того спустя три дни, оной епископъ объявилъ мнѣ, что вышеписанную-де дѣвку нашли мои работники у меня на дворѣ въ погребѣ, гдѣ съчка лежитъ всыпана, и я приказалъ ему Мардиросу оную дѣвку паки отдать наибу. И просилъ онъ епископъ, чтобъ я приказалъ взять подь караулъ вышеписанного Армянина Якова и двухъ его Мардиросовыхъ работниковъ въ побѣгъ оной дѣвки, и я приказалъ оныхъ троихъ Армянъ взять подь караулъ, которыхъ приказалъ я допросить обстоятельно, кто изъ нихъ дѣвку свелъ отъ наибскихъ женъ, понеже наибъ пріѣзжалъ и проспелъ, чтобъ я о томъ приказалъ разыскать. И говорилъ же наибъ, что какъ-де мы сначала бытности здѣсь отъ Русскихъ никакой обиды себѣ не видали и пребываемъ-де въ дружелюбіи, а отъ Армянъ-де намъ житья не стало, не токмо-де, чтобъ имъ Армянѣмъ протчихъ обижать и меня-де самово они обижаютъ и отъ женъ моихъ дѣвку увели, поэтому-де они Армяне будутъ и женъ нашихъ уводить изъ домовъ нашихъ. А мнѣ, какъ ваше превосходительство сами извѣстны, о указѣхъ Его Императорскаго Величества, что наиба съ людьми его раздрожить не можно и надлежитъ быть къ нимъ ласкову, также и Армянъ не дать ни въ малую обиду и за нихъ стоять и беречи ихъ. И отъ оныхъ случаевъ я опасенъ вашего превосходительства милостивого гнѣву, чтобъ въ такихъ ихъ не порядкахъ мнѣ въ чемъ не отвѣтствовать, понеже и Армянъ мнѣ принудить къ доброму порядку нельзя, и чтобъ они были въ смиреніи между собою съ Дербенцами невозможно, какъ нынѣ отъ самово Армянскаго епископа приходилъ толмачъ его Ильясъ ко мнѣ и говорилъ: ежели-де вы будете Якова нашего Армянина бить за оную дѣвку, то-де всѣ Армяня изъ Дербеня уйдутъ. Также и подполковнику Фонтъ-Лукею сказалъ онъ толмачъ, и подполковникъ Фонтъ-Лукей ко мнѣ пришедъ съ нимъ толмачемъ и мнѣ тѣмъ слова сказывалъ, что толмачъ говорилъ.

И по оному признаваю яко всѣ оныя не порядки отъ Армянъ чинятся чрезъ самово ихъ епископа Мардироса, и признаваю, что онъ ихъ Армянъ доброму смиренію и порядочному житію не учитъ, токмо имъ онъ потатчикъ, и объ оныхъ случаяхъ какъ ваше превосходительство, милостивый мой государь, повелите? Понеже онъ самъ епископъ Мардиросъ о нѣкоторыхъ случаяхъ чинилъ доношенія, чего и не бывало, о чемъ вамъ, милостивому моему государю

самому извѣстно. Также и нынѣ они чинятъ, что которую дѣвку наибъ, купя дорогою цѣною, хотѣлъ везти въ подарки Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ, а они Армяне ту дѣвку подговорили, чтобъ она въ Русь не ѣхала и изъ наибскова дому ее дѣвку свели и оттого опасаясь, чтобъ въ такихъ ихъ ссорахъ не учинилось между ими какова замѣшательства. А которые Армяни допрашиваны въ сводѣ оной дѣвки отъ наиба съ двора, и оныя допросы при семъ до вашего превосходительства приложены, и объ оныхъ какъ ваше превосходительство повелите?

Вашего превосходительства, милостивого моего государя покорнѣйшій слуга

Андрей Юнгерь.

Ноября 26-го дня 1725 году.

Къ письму приложенъ слѣдующій допросъ.

1725-го году Ноября 25-го дня господину Черкешенки.

Найба дѣвка допрашивана.

Вопросъ: 1. Бѣжала-ль ты отъ господина наиба?

Отвѣтъ: 1. Бѣжала я отъ господина наиба.

В. 2. Къ кому ты бѣжала и не подговаривалъ-ли кто тебя бѣжать?

О. 2. Бѣжала я къ Якову Миризяну, и подговаривала меня бѣжать баба Армянка Шаглье.

В. 3. Вышепомянутая баба относилъ-ль отъ тебя къ нему Якову яблоко и приказывала-ли ты съ нею къ нему Якову, чѣмъ онъ Яковъ о ней думаетъ?

О. 3. Посылала я съ нею яблоко и приказывала съ бабою ему Якову сказать, что онъ обо мнѣ думаетъ по ея бабинымъ словамъ, потомучто она мнѣ зачала говорить, какъ ты думаешь, сама ты вѣдаешь, что ты много у Якова Миризяна брала деньгами и платя. И я по тѣмъ словамъ и послала ее бабу къ нему Якову.

В. 4. Какъ ты послала яблоко съ вышепомянутою бабою и какъ она баба отъ него Якова возвратилась къ тебѣ, принесла-ль тебѣ отъ него Якова яблоко и сказывала-ль тебѣ, чтобъ ты отъ господина наиба сбѣжала и Яковъ хотѣлъ-ли тебя увезть?

О. 4. Какъ она баба возвратилась, принесла ко мнѣ отъ него Якова яблоко и сказала мнѣ, чтобы я сбѣжала отъ господина наиба къ нему Якову и хотѣлъ-де тебя увезть, а куда увезть хотѣлъ про то мнѣ баба не сказала и послѣ вышепомянутыхъ бабиныхъ словъ въ другой день я сбѣжала.

В. 5. Сказывала-ль тебѣ оная баба отъ Якова, буде ты уйдешь, чтобъ ты его смотрѣла у мечети подлѣ квартиры господина намба?

О. 5. Сказывала мнѣ оная баба отъ Якова: ежели-де ты уйдешь, то смотри его у мечети близъ квартиры господина намба.

В. 6. Какъ ты ушла къ Якову, куды тебя Яковъ ухоронилъ?

О. 6. Ушла я отъ господина намба ночью и пришла къ Якову на дворъ сама, и Яковъ меня отвелъ на дворъ къ епископу и посадилъ меня въ анбаръ, гдѣ лежитъ съчка, и была я во ономъ анбарѣ чегыре дни.

В. 7. Не вѣдалъ-ли кто про тебя изъ другихъ Армянъ или и изъ какихъ людей какъ ты сидѣла въ анбарѣ?

О. 7. Какъ я сидѣла въ анбарѣ, вѣдали про меня Армянинъ Аватигъ да конюхъ епископа Мардираза, такъ же и самъ господинъ епископъ. На другой день ввечеру приходилъ въ анбаръ и видѣлъ меня и спрашивалъ меня за чѣмъ-де ты пришла, и я ему сказала, что меня привелъ Армянинъ Яковъ.

В. 8. Все ли ты въ допросѣ своемъ сказала правду и не имѣешь-ли чего себѣ сверхъ сего доказать къ своему оправданію и не утаила-ль ты чего?

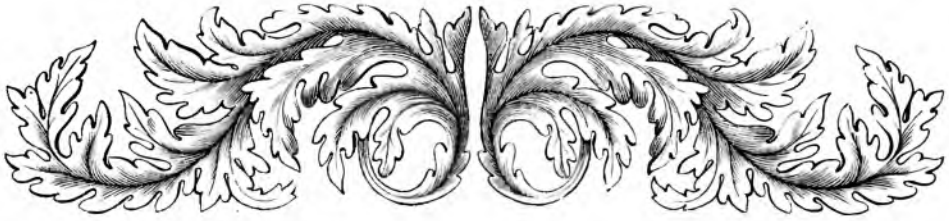
О. 8. Все я въ допросѣ своемъ сказала правду и больше сего ко оправданію и въ доказательство себѣ ничего не имѣю и ничего я не утаила.

Читалъ подъячей Иванъ Воцажниковъ.

(Извлечено изъ Московскаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ. Дѣла Персидскія. 1725. № 5).

Сообщено графомъ П. С. Шереметевымъ.

Два анекдота о царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномѣ.

Въ библіотекѣ Клишиневской Духовной Семинаріи есть старинная Польская книга подъ заглавіемъ: „Bibliotheca Gnomico-historico-symbolico-politica“, изданная въ Варшавѣ въ 1742 г. Польскимъ Піаромъ *Ариольдомъ-Казиміромъ Желницкимъ*. Это сборникъ, въ которомъ, въ алфавитномъ порядкѣ, помѣщены *темы*, и по поводу ихъ изъ старинныхъ источниковъ приведены различныя мнѣнія и изреченія, какъ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ писателей, а также примѣры и анекдоты, преимущественно изъ Польской исторіи. Сборникъ этотъ предназначали въ качествѣ пособія для ораторовъ свѣтскихъ, въ особенности же для церковныхъ проповѣдниковъ, которые, при разработкѣ той или другой темы, могли находить въ немъ обильный для себя источникъ.

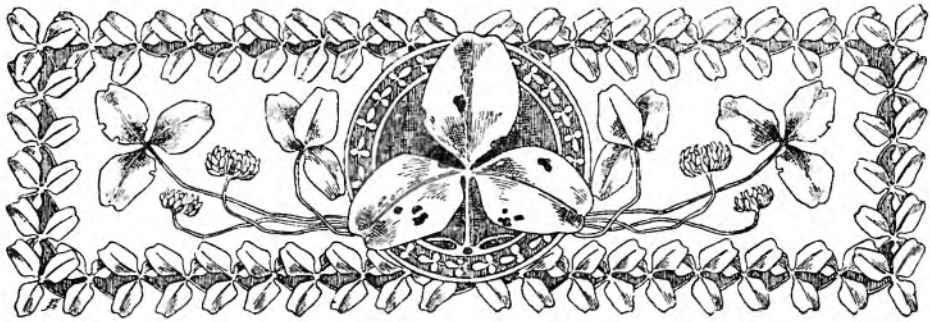
Вотъ въ этой-то старинной книгѣ мы нашли два анекдота о Московскомъ царѣ *Іванѣ Васильевичѣ Грозномѣ*.

Первый анекдотъ приведенъ при словѣ *Adulatio* (*лесть*) и изложенъ такъ: „Іванъ Васильевичъ, тиранъ Московскій, когда льстецъ *Схоробатъ* сказалъ ему: „Поляки вмѣстѣ съ королемъ своимъ боятся тебя такъ, какъ мыши кота“, тотчасъ велѣлъ предать его смерти“ (стр. 60).

Второй анекдотъ помѣщенъ при словѣ *Compassio* (*состраданіе*). Онъ изложенъ такъ: „Іоаннъ, тиранъ Московскій, въ своемъ Александровскомъ дворцѣ, заключилъ боярина *Овчину* въ высочайшую башню, давая ему сначала нѣсколько пицци, потомъ совершенно забыть о немъ. Несчастный узникъ сдѣлалъ изъ грязи и слезъ чернила и на клочкѣ, оторванномъ отъ рубашки, написалъ слѣдующее: *Pożaluj Caruszkę!* (пожалуй, Царушку!) т. е. смилуйся, царь! *). Письмо это онъ привязалъ къ ногамъ летучей мыши. Мышь вынесла письмо, царь увидѣлъ его, прочиталъ и склонился къ милосердію“ (стр. 254).

Сообщилъ **Левъ Мацѣвичъ**.

*) *Caruszkę* (царушка) собственно *уменьшительное* для выраженія *нѣжности*, и нужно бы перевести: *царенёкъ*, или *добрый царь*, какъ *княгиня—княжичюшка*.

ТАИНСТВЕННОЕ ПОТОПЛЕНИЕ.

Въ Февральскомъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1911 г., въ дневникѣ М. Н. Похвиснева, на стр. 200-й, напечатано:

„Послѣ чтенія Владимиръ Ивановичъ*), рассказалъ намъ про Преображенскаго офицера, одного изъ Гатчинскихъ любимцевъ и теперь проживающаго свой вѣкъ въ Калужской деревнѣ. Онъ былъ призванъ ночью къ Павлу и получилъ приказаніе отвезти важную бумагу къ коменданту крѣпости. „Онъ тебѣ скажетъ, что ты долженъ дѣлать, а когда исполнишь, приѣзжай сказать мнѣ“. Не зная содержаніе бумаги, офицеръ отправился въ крѣпость, разбудилъ коменданта. Прочтя бумагу, послѣдній повелъ его въ Алексѣевской рavelинѣ, къ неизвѣстному лицу тамъ заключенному, взялъ его, посадилъ въ сани и приказалъ ѣхать на Неву; тамъ дали ему приготовиться къ смертной казни и опустили въ прорубь. Затѣмъ комендантъ приказалъ присланному отправиться къ Государю и доложить, что приказаніе его исполнено. Кто былъ этотъ несчастный, неизвѣстно“.

Вотъ повтореніе того же разсказа, который слышалъ мой покойный братъ М. А. Стаховичъ отъ П. В. Кирѣевскаго и передалъ мнѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Родственникъ или знакомый Кирѣевскаго (за давностью, не помню его фамиліи) ѣхалъ поздней осенью по проселочной дорогѣ; наступила ночь, дотащился кое-какъ до деревни, и ямщикъ посоветовалъ заѣхать къ барину: „старикъ онъ добрый, переночевать пустить“. Такъ и

*) Исполнитель Московскаго учебнаго округа В. И. Назимовъ, у котораго М. Н. Похвисневъ былъ правителемъ Канцеляріи.

сдѣлали. Помѣщикъ пилъ чай со священникомъ, пригласилъ и нечаяннаго гостя, но тотъ отказался и отправился спать.

На новомъ мѣстѣ ему не спалось. За тонкой перегородкой шла бесѣда объ императорѣ Павлѣ. Это заинтересовало путника; онъ всталъ, вышелъ, подошелъ къ бесѣдующимъ и сталъ разспрашивать о Павловскомъ времени. Повѣствователь отвѣчалъ неохотно, но помогъ батюшка. „Да вы расскажите имъ“, обратился онъ къ хозяину, „за что получили деревню“. Старикъ помолчалъ, но раньше выпитые стаканы чая (пили его съ ромомъ) развязали языкъ.

„Я, милостивый государь, началъ старикъ, служилъ въ Гатчинскихъ войскахъ. Трудная была служба, но я былъ молодъ, усерденъ, Цесаревичъ изволилъ меня замѣтить: черезъ годъ я получилъ роту. По восшествіи на престолъ, перевелъ Государь насъ, Гатчинцевъ, въ гвардейскіе полки. Меня назначили въ Преображенскій, и тутъ получилъ я роту. Пришлось обучать ее настоящей службѣ, и изъ господъ офицеровъ искоренять Екатерининскій духъ. Тяжело было имъ, и намъ не легче. Какъ вернешься, бывало, со службы вечеромъ, поужинаешь, да спозаранку и завалишься спать; вставать приходилось рано, ученья начинались до свѣту. Разъ ночью, будить меня денщикъ: „Ваше высокоблагородіе, извольте вставать, фельдъегерь изъ дворца за вами пріѣхалъ“. Испугался я шибко, со страху и съ просонья ничего не понимаю. Одѣлся. Посадили меня, раба Божія, въ телѣжку и покатали. Прискакали во дворецъ, привели меня въ пріемную, сдали камердинеру; тотъ пошелъ докладывать. Стою я ни живъ, ни мертвъ. Выходить Государь въ шлафрокѣ, даетъ запечатанный конвертъ, изволилъ приказывать: „Позжайте, сударь, въ крѣпость, передайте это письмо коменданту и привезите мнѣ отвѣтъ“.

Опять въ телѣжку, и поскакали въ крѣпость. Пріѣхали, ведутъ къ коменданту, будятъ его. Выходитъ комендантъ. Подать ему письмо. Онъ распечаталъ, прочелъ, сказалъ что-то дежурному офицеру, который тутъ же и вышелъ. Комендантъ говоритъ мнѣ: „Пойдемте“. Ну, думаю, пропасть!

Выходимъ изъ дома, идемъ площадью, подходимъ къ казематамъ: являются караульные, смотрителя съ фонарями, подходимъ къ одной двери, комендантъ останавливается и показываетъ на замокъ. Подали ему связку ключей, щелкнулъ замокъ, дверь заскрипѣла и отворилась. По серединѣ каземата стоялъ на колѣняхъ старикъ съ бѣлой длинной бородой и молился. Его вывели. Все молча пошли за нимъ и подошли къ Невѣ. У берега стоитъ лодка съ двумя гребцами. Садятся въ нее

комендантъ, я, два солдата и старикъ. Надѣваютъ ему на руки и на ноги кандалы, и лодка поплыла. Все продолжаютъ молчать, старикъ молится, крестясь на соборъ. Выѣхали на взморье.... Вдругъ солдаты берутъ старика и бросаютъ его въ воду. Пошелъ онъ, какъ камень на дно..... Какъ сравнялись на водѣ круги, повернули лодку и поплыли. Я все поглядывалъ назадъ и потихоньку молился. Вернулись въ крѣпость. „Побѣжайте къ Его Величеству“, говоритъ мнѣ комендантъ, „и передайте, что видѣли“. Возвращаясь во дворецъ, дожидаясь. Выходитъ Государь: я докладываю ему. „Можете отправляться“, изволилъ сказать Его Величество и ушелъ.

На другой день въ приказѣ по полку мнѣ вышла отставка съ пожалованьемъ ста душъ въ Калужской губерніи и съ приказаніемъ жить мнѣ тамъ безвыѣздно.

Вотъ ужъ болѣе сорока лѣтъ живу тутъ, облагодѣтельствуемый милостью моего Государя. Утромъ и вечеромъ молюсь за него и за мученика „имя его Ты, Господи, вѣси“. Каждое Воскресенье и въ праздники вынимаю части за упокой ихъ душъ.... А до сихъ поръ жутко становится, какъ вспомню чѣмъ я обязанъ моему благополучію“. И старикъ горько заплакалъ.

5 Марта 1911 г. С.-Петербургъ.

А. Стаховичъ.

Изъ Записной Книжки „Русскаго Архива“.

Князь Н. П. Голицынъ составилъ книгу, отпечатанную всего въ ста экземплярахъ подъ заглавiемъ: *Chronique du mouvement socialiste en Russie. 1878—1887. Rédigée sous la direction de l'adjoint du ministre de l'intérieur le lieutenant-général Schébéko.* Онъ давалъ мнѣ ее читать на нѣсколько часовъ, и я сдѣлалъ изъ нея извлеченiе. Это большая 8-ка, XI и 761 стр. На верху заглавнаго листа: „Confidentiel et exclusivement personnel“. На оборотѣ: „Tiré à 100 exemplaires. Imprimerie officielle du Ministère de l'intérieur, à St. Pétersbourg. 1890.“

Въ то время, какъ вѣрныя войска подходили къ Царьграду, Петербургскiй Сенатъ съ 18 Окт. 1877 по 23 Января 1878 судилъ нигилистовъ, которыхъ захвачено было Саратовскимъ прокуроромъ Жихаревымъ сначала до 2000, потомъ оказалось виновныхъ 900, а подлежащихъ суду всего 193. Они содержались въ сыромъ зданiи Петербургскаго суда. Авторъ не говоритъ, что по желанiю Государя вполне подвергнутыми наказанiю объявлено было только человекъ съ десять, въ томъ числѣ и Боголюбовъ (вымышленное имя: это Емельяновъ, изъ Земли войска Донскаго). Выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, стрѣлявшей въ Трепова 24 Января 1878. Она дѣвица-акушерка, 28 л. отъ роду, была уже замѣшана въ дѣлѣ Нечаева. (Въ Серпуховскомъ уѣздѣ была она у кого-то гувернанткою и съ дѣтьми ей порученными навѣщала графиню М. Ѳ. Соллогубъ). Треповъ велѣлъ дать Боголюбову 25 ударовъ розгами еще 13 Юля 1877 г. Судили Вѣру Засуличъ 31 Марта 1878. Ее защищалъ адвокатъ Александровъ.

Убiйство Мезенцова 4 Августа 1878. 9 Февраля 1879 убiйство князя Д. Крапоткина въ Харьковѣ Григорiемъ Гольденбергомъ, который лишилъ себя жизни въ Юль 1880 въ Петропавловской крѣпости.

13 Марта 1879 покушенiе на Дрентельна. Злодѣемъ былъ Левъ Филипповичъ Мирекiй.

2 Апрѣля 1879 покушеніе Соловьева. Его не успѣлъ задержать жандармскій капитанъ Кохъ. Пораненъ городской Францискъ Милашевичъ. Александръ Константиновичъ Соловьевъ, 33 лѣтъ, женатъ на Екатеринѣ Челищевой. Онъ родственникъ министра Зеленаго. Пріѣхавъ вслѣдъ за тѣмъ въ Крымъ, Государь прямо сказалъ о томъ Зеленому. Съ тѣмъ сдѣлалось дурно, и Государь самъ за нимъ ухаживалъ. 28 Мая Соловьевъ повѣшенъ на Смоленскомъ полѣ.

4 Юня 1879 украдено въ Херсонскомъ казначействѣ 1.579.638 р. нигилистами.

Липецкій съѣздъ ихъ 17—21 Юня 1876. 19 Ноября 1879 въ Москвѣ покушеніе Льва Гартмана и Софьи Перовской. Французское правительство отказалось выдать Гартмана.

5 Февраля 1880. Зимній дворець. 15 приборовъ къ пріѣзду великаго герцога Гессенскаго. 10 убитыхъ и 34 раненыхъ солдатъ Финляндскаго полка. Вятчанинъ, крестьянскій сынъ, Степанъ Халтуринъ.

8-го Февраля назначеніе Лорисъ-Меликова. 20 Февраля покушеніе на него. Это 25-лѣтній Ипполитъ Молодецкій, казненъ 22 Февраля на Семеновскомъ плацу.

Открыты мины на пути Государя изъ Царскаго Села въ Зимній дворець, и когда онъ въ послѣдній разъ ѣхалъ въ Крымъ, близъ станціи Огулово.

Въ концѣ 1880 г., находившихся подъ надзоромъ полицейскимъ уже было 1700 человекъ.

27 Февраля 1881 арестовали Желябова, въ квартирѣ Микхаила Тригопи.

Кучеръ Государя Флоръ Сергѣевъ.

Первая бомба брошена Тихвинскимъ мѣщаниномъ 19-лѣтнимъ Никол. Иван. Рысаковымъ. Вторая бомба человекомъ лѣтъ 30-ти, тутъ же погибшимъ. Это былъ такъ называемый Котикъ, род. 1856 г., Бѣльскаго у. Гродн. губ. Игнатій Гриневицкій*). Боткину пришло въ голову перелить въ Государя чужую кровь, и нѣсколько человекъ казаковъ предлагали себя для того.

Софья Перовская род. 1854. Мать ея Варвара Сергѣевна, нигилистка.

*) И такъ убилъ Государя Полякъ. 2-го Марта 1881 вышелъ номеръ Осколкн. Это листъ съ рисунками эмблематическими, которыми прозрачно намекается, что Государь погибъ за неисполненіе своихъ обѣщаній Польскъ.

Защитники на судѣ: Унѣковскій—Рысакова, Кедринъ—Перовской. Хартуляри—Михайлова, Герне—Гельфманъ и Герардъ—Кибальчича. Казнь 3 Апрѣля 1881 утромъ.

Курляндцы Остенъ-Сакены изъ покоя вѣку тянули къ Россіи. Мать прославившагося графа Дмитрія Ероѣевича была уже православная, а отецъ палъ подъ Аустерлицемъ въ 1805 г., сражаясь вмѣстѣ съ молодымъ сыномъ. Онъ получилъ въ теченіи боевой жизни своей 60 ранъ. У него адъютантомъ былъ Мердеръ, который разсказывалъ о подвигахъ Ерофея Остенъ-Сакена своему ученику Александру Николаевичу и о томъ же передавалъ подробности его внуку, нынѣ послу въ Берлинѣ. Оказывается, что старику Сакену пуля раздробила черепъ, и молодой Дмитрій Ероѣевичъ буквально былъ въ отцовской крови, подоспѣвъ къ нему на самомъ Аустерлицкомъ полѣ. Съ тѣхъ поръ онъ участвовалъ во всѣхъ нашихъ войнахъ и ни разу не былъ раненъ, хотя напримѣръ подъ Севастополемъ безстрашно появлялся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Любопытно, что изъ шестерыхъ тогдашнихъ его адъютантовъ тоже никто не бывалъ раненъ, между тѣмъ какъ кругомъ ежедневно и ежечасно люди гибли, и въ послѣдніе дни осады непріатели стрѣляли по нашимъ почти въ упоръ. Сынъ, нынѣшній посолъ, графъ Николай Дмитріевичъ, былъ при отцѣ въ концѣ Августа 1855 года. Отецъ никогда ему не разсказывалъ про свои подвиги, о которыхъ тотъ узнавалъ отъ постороннихъ.

Въ Варшавѣ въ 1849 г. пріѣхалъ къ нему Адлербергъ и сообщилъ, что Государь затрудняется чѣмъ наградить его. Остенъ-Сакенъ пожелалъ генераль-адъютантства. Государь возразилъ, что ему совѣстно награждать этимъ полного и заслуженнаго генерала, но по его желанію исполнилъ. Дмитрій Ероѣевичъ поѣхалъ благодарить Государя и вышелъ изъ его кабинета въ слезахъ. Бывшій въ пріемной князь М. С. Воронцовъ спросилъ у него о причинѣ. Все кончено, отвѣчалъ ему Дмитрій Ероѣевичъ: Государь до того возгордѣлъ, что становится страшно за него и за Россію.

Графъ К. П. Паленъ разсказывалъ графу Остенъ-Сакену по поводу Ходынской катастрофы. Николай Павловичъ однажды восхвалялъ старику графу Канкрину необыкновенныя способности своего сына Константина. Это у меня будетъ отличный министръ финансовъ. Сохрани Васъ Богъ отъ такого назначенія! воскликнулъ Канкринъ.— Это почему?—Да вѣдь Вы не можете его повѣсить.

Извѣстіе о взятіи Севастополя пришло къ Александру Николаевичу вечеромъ часовъ въ 10. Онъ расплакался и пошелъ сказать Государыни. Та торжественно встала, отвѣсила ему низкій поклонъ и твердо сказала:

„Не желала бы передавать Вамъ еще болѣе страшное извѣстiе“.— Чтò еще такое?— „Извѣстiе о томъ, что Русскiй императоръ утратилъ бодрость духа (que l'Empereur de Russie a perdu le courage). Тогда и нѣсколько лѣтъ позже онъ еще слушался супруги своей, высоко цѣнимой его отцомъ. Николай Павловичъ поручалъ князю Василью Андреевичу Долгорукому оберегать сына, неустойчивость котораго такъ его сокрушала, что и на смертномъ одрѣ онъ приказывалъ второму сыну не оставлять брата совѣтами. За долго до покушенiя Каракозова, князь В. А. Долгорукии предупреждалъ Государя о возможности бѣды и уговаривалъ не ѣздить на прогулки въ Лѣтнiй садъ.“

Лѣтомъ 1879 г., по настоянiю Александра Николаевича, императрица¹⁾ Марiя Александровна уѣхала въ Югенгеймъ, откуда переѣхала на зиму въ Сень-Ремо, гдѣ ей было очень хорошо; но зимою 1880 г., посланъ за нею графъ А. В. Адлербергъ, и ее опять перевезли въ нагрѣтой лампами каретѣ въ Зимнiй дворецъ, гдѣ она и скончалась 22 Мая 1880. Государь никогда не переставалъ уважать ее. Ея похороны прекрасно описаны въ неизданныхъ Запискахъ графини Блудовой, которая она читала намъ въ Кремлѣ. Я помню, какъ И. С. Аксаковъ кинулся цѣловать у нея руки, восхищенный тѣмъ, чтò она прочла. Къ концу жизни Императрица говаривала: Богъ и Россiя! (Dieu et la Russie).

ПО П Р А В К А.

Извиняемся въ допущенiи грубой ошибки: въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года, на стр. 111-й. Императрица Екатерина 4-го Юня 1785 г., будучи въ Москвѣ, навѣстила престарѣлаго губернскаго предводителя Московскаго дворянства графа Петра Борисовича Шереметева въ домѣ его на Никольской. На другой день графъ ѣздилъ къ ней благодарить за посѣщенiе, и она пожаловала его „мраморнымъobeliskомъ, который чтобы сдѣлать противъ того, чтò поставленъ въ Царскомъ Селѣ противъ покоевъ, и изволила сказывать, что когда она изволить въ почивальнѣ встать, то всегда на него съ неприятносiю изволить смотрѣть“. Въмѣсто ст. *неприятносiю* слѣдуетъ: съ *приятносiю*. Обелискъ этотъ воздвигнутъ скончавшемуся годъ назадъ любимцу Екатерины А. Д. Ланскому, съ которымъ и съ родными котораго графъ П. Б. Шереметевъ находился въ добрыхъ сношенiяхъ. Такимъ образомъ память Ланскаго увѣковѣчена и въ Царскомъ Селѣ, и въ Кусковѣ подъ Москвою. П. Б.

разъ даже не вскрывать пакета съ деньгами, которыя шли у него на благотворенія, а когда однажды просили у него позволенія напечатать произнесенную имъ проповѣдь, онъ отвѣчалъ: „да вѣдь она уже не моя, я ее произнесъ“. Разъ, въ моей молодости, случилось мнѣ придти къ М. Н. Каткову и застать его за чтеніемъ Филаретовыхъ проповѣдей: я изумился и спросилъ: „Какъ это, Михаилъ Никифоровичъ? Вы читаете Филарета“?!—„Учусь у него Русскому языку“, отвѣчалъ онъ. У Филарета не встрѣтите вы почти ни одного иностраннаго слова: въ сочиненіяхъ языка народнаго и церковнаго умѣлъ онъ находить соответствующее выраженіе для тонкихъ, отвлеченныхъ понятій.

Е. В. Новосильцова, на 13 лѣтъ старше Филарета, умомъ своимъ была передъ нимъ малолѣткою. Въ жизнеописаніи ея отца графа В. Г. Орлова имѣются нѣкоторыя черты ея образованія. Оно проходило подъ вліяніемъ графа Н. П. Панина, женившагося на сестрѣ ея, вліяніемъ сухимъ и неапатичнымъ (такъ какъ матери ихъ были происхожденія Нѣмецкаго). Знаемъ также, что Екатерина Владимировна занималась живописью. Выдана она была замужъ за бригадира Дмитрія Александровича Новосильцова (р. 1758 г., +16 Сент. 1835 г.). Достопочтенный графъ Орловъ не могъ же отдать дочь свою за человека безъ достоинствъ: Новосильцовъ былъ другомъ графа Радошчина, который не разъ сочувственно говоритъ о немъ и о его разладѣ съ женою въ письмахъ къ князю Цицианову (XIX-й Вѣкъ, книга 2-я). Новосильцовъ самъ былъ очень древняго рода, но вѣроятно по своему вылкому праву не сумѣлъ соотвѣтствовать Орловской и Панинской чопорности. Единственный сынъ ихъ Владимиръ Дмитриевичъ остался у матери. (Побочная дочь Новосильцова

Васильковская вышла за извѣстнаго писателя-романиста Загоскина). Принимать ли Новосильцовъ какое участіе въ воспитаніи своего сына и какъ отнесся онъ къ гибели этого, только что вышедшаго изъ отроческихъ лѣтъ флигель-адъютанта, мы не знаемъ. Поединокъ его съ Черновымъ разсказанъ съ подробностями въ бумагахъ о Рылѣевѣ, напечатанныхъ въ томъ же XIX Вѣкѣ. Мать не позволила сыну жениться на бѣдной дѣвушкѣ Черновой вопреки обѣщанію, которое онъ далъ ей; ея братъ стрѣлялся изъ-за того съ Новосильцовымъ, и поединокъ кончился смертію обоихъ. Екатерина Владимировна воздвигла, на мѣстѣ кончины сына въ Лѣсномъ Институтѣ, подъ Петербургомъ, церковь. Ее освящаль митрополитъ Филаретъ. Преданіе разсказываетъ, что во время литургіи Филаретъ послать къ храмоздательницѣ одного изъ церковныхъ служителей спросить, не позволить ли она помянуть съ именемъ сына имя его убійцы. Согласіе было дано.

Любопытно было бы сопоставить Филарета съ архимандритомъ Фотіемъ и показать разницу, какъ они дѣйствовали,—одинъ на дочь графа В. Г. Орлова, а другой на его племянницу графиню Орлову-Чесменскую (которая была на десять лѣтъ старше Фотія). Въ письмахъ своихъ Филаретъ почти не входитъ ни въ какія житейскія подробности, развѣ только однажды въ 1824 году, когда предполагалось женить Владимира Дмитриевича (стр. 36 и 47): но его письма полны содержанія духовнаго.

Къ недочетамъ въ ходѣ нашего просвѣщенія принадлежитъ и то, что до сихъ поръ мы не имѣемъ полнаго собранія сочиненій такого удивительнаго Русскаго человека, какимъ былъ митрополитъ Московскій Филаретъ.

П. В.

РУССКІЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять р., для чужихъ краевъ— двѣнадцать р.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: Въ Петербургѣ (Невскій, 40) на Вознесенскомъ пр., д. 36. Телеф. 559—02 и на Пет. ст., Большой пр., д. 69-А. Телеф. 77—61. Приѣмъ подписки и объявленій, а также продажа книгъ, производится съ 9 ч. утра до 8 ч. веч., въ табельные дни отъ 1 ч. до 5 ч. веч. (по воскреснымъ и двенадесатымъ праздникамъ отдѣленія закрыты). Въ Москвѣ (уголь Неглиннаго проезда и Кузнецкаго Моста, д. Шориной), въ Харьковѣ (Николаевская пл. № 4 и Екатеринославская ул., д. Иванова, № 1), въ Одессѣ (Дерибасовская ул., № 33, уг. Преображенской), въ Саратовѣ (Б. Московская, Пассажъ 1), въ Ростовѣ на-Дону (Садовая ул., № 96) и въ Парижѣ (бульваръ Св. Магдалины).

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
прежнія полныя годовыя его изданія и отдѣльныя книжки Русскаго Архива
по цѣнѣ пониженной.

*

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона. Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями. Цѣна 30 к.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартенева**.

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

7.

Стр.

305. Екатерина Вторая какъ историкъ. Статья **В. С. Иконникова**.
317. Кусковскіе фрукты. Отписка прикащика **Петра Александрова** графу **Н. Б. Шереметеву**. Изъ Петербурга въ Москву.
318. Письмо Императрицы **Екатерины Второй** къ **Н. Д. Еропкину**.
319. Любимцы **Екатерины Второй**, хронологическій списокъ, составленный **М. Н. Лонгиновымъ**.
320. **Екатерина Вторая** по разсказу современника-Нѣмца.
328. Четты монастырской жизни XVIII вѣка. **А. А. Титова**.
337. Письма митрополита **Исидора** къ священнику **Хуціену**.
341. Воспоминаніе о митрополитѣ **Исидорѣ П. Б.**
343. Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева**. 1866-й годъ.
394. Четверостишіе **С. Т. Ансанова Н. Н. Новрзовой**.
395. Записка **Лагарпа** о перчаткахъ **Павла Петровича**.
397. Изъ Сибирской старины. Генералъ-губернаторъ **Гасфортъ**, Запись **И. Г. Кузнецова**.
398. Къ исторіи Новомыргорода (изъ частнаго письма). Сообщено **Л. С. Мацѣвичемъ**.
401. «Автобіографическое введеніе.» Записка князя **П. А. Вяземскаго** о себѣ, какъ писатель.
449. Изъ дневниковъ **Вольфганга Гёте**.
452. Императоръ **Александръ Николаевичъ** и Французская императрица **Евгенія**.
453. Русскія церкви за границею.
457. Письмо графа **Д. А. Толстого** къ **С. П. Годубцову** о книгахъ для народа.
459. Изъ разсказовъ о **Петрѣ Великомъ**, записанныхъ **Я. Штелинымъ**.
Внутри обложки: о Дневникѣ **Е. П. Поповой**.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

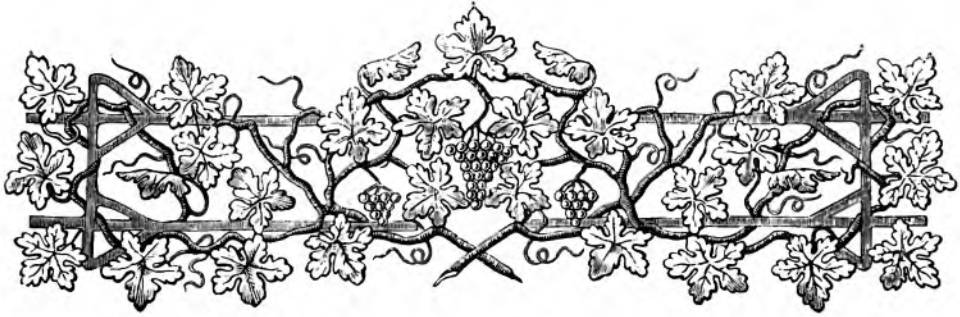
1911.

**Изъ Московской жизни со-
роковыхъ годовъ. Дневникъ
Елисаветы Ивановны Попо-
вой.** Подъ редакцію князя П. В.
Голицына, съ портретами Е. И. По-
повой, Е. А. Свербеевой и Д. А.
Валуева. Сиб. 1911 г. 8°, XV и 283
стр., съ примѣчаніями и азбучнымъ
указателемъ. Изданіе товарищества
„Огни“.

Немного книгъ, которыя прочи-
тала я съ такимъ удовольствіемъ, какъ
этотъ дневникъ, и не потому только,
что почти всѣ лица, о которыхъ въ
немъ говорится, были мнѣ или близко
знакомы, или сохраняются какъ со-
кровище въ моей признательной па-
мяти. По общей внутренней своей
цѣнности, это живая историческая кар-
тина Московскаго образованнаго обще-
ства, слишкомъ полвѣка тому назадъ,
и совершенно не похожая на тепереш-
нюю Московскую жизнь. Тогда въ Мо-
сквѣ было нѣсколько свѣточей здраваго
просвѣщенія и благороднаго общежи-
тія. Назовемъ семью Аксаковыхъ, съ
ея отцомъ, старшимъ сыномъ Констан-
тиномъ и рядомъ сестеръ, изъ кото-
рыхъ Вѣра Сергѣевна оставила тоже
дневникъ (но совѣмъ иного пошиба,
сравнительно съ дневникомъ Е. И.
Поповой); семью А. П. Елагиной съ
четырьмя ея сыновьями и чудесною
дочерью, подвижницею первыхъ лѣтъ
христіанства, Марією Васильевною; и
семью Свербеевыхъ. Можно сказать,
что изданіе въ свѣтъ Дневника Е. И.
Поповой есть достохвальная поминка
по Е. А. Свербеевой. Дмитрій Нико-
лаевичъ Свербеевъ и супруга его Ека-
терина Александровна жили тогда на
Тверскомъ бульварѣ, въ большомъ до-
мѣ, нынѣ принадлежащемъ госпожѣ
Найденовой: пятеро сыновей и столько
же дочерей. Мать, рожденная княжна
Щербатова, воспитанная на Англий-
скій ладъ, но прекрасной Русской души,
неустанно дѣятельная въ разнаго рода

благотвореніяхъ, глубокаго благочестія.
Даровитая и чуткая ко всему высокому,
она отлично владѣла перомъ какъ сви-
дѣтельствуютъ напечатанныя письма
ея о кончинѣ Языкова и А. И. Турген-
ева, а также письмо къ Гоголю. Не-
забвенный для меня супругъ ея, Дмит-
рій Николаевичъ, человекъ трезваго
ума и дѣятельнаго сердца, многона-
читанный и въ тоже время отличный
хозяйинъ, любимый своими крестьянами,
высоко цѣнимый въ обширномъ кругу
своего знакомства. Назовемъ еще архео-
лога П. М. Строева и его супругу Олим-
піаду Петровну, женщину высокой доб-
лести; семьи Свѣшниковыхъ, Кудряв-
цевыхъ, Селивановскихъ. У всѣхъ у
нихъ Е. И. Попова была домашнимъ
человѣкомъ.

Сама она была происхожденія ку-
печескаго. Ея отецъ, книгопродавецъ
и содержатель Университетской типо-
графіи, помогалъ Карамзину и Жуков-
скому, когда тѣ издавали „Вѣстникъ
Европы“. Онъ самъ писалъ прозою
и стихами и находился въ постоян-
номъ общеніи съ писателями и людь-
ми учеными. Вотъ черта, которую уна-
слѣдовала отъ него его дочь: въ Авгу-
стѣ 1812 года онъ пошелъ къ главно-
командующему заявить, что положилъ
въ печки своего дома пороху, на слу-
чай занятія Москвы непріателемъ.
Елисавета Ивановна была также поры-
виста и въ достиженіи своихъ цѣлей
ни передъ чѣмъ не останавливалась;
цѣли же ея были всегда высокоблагор-
одныя и возвышенныя. Одинъ изъ
Свербеевыхъ прекрасно пишетъ про
нее: „Спаситель завѣщалъ намъ лю-
бить ближняго, какъ самихъ себя; но
она любила ближняго гораздо болѣе,
чѣмъ самоё себя и была постоянно
занята скорбію, несчастіемъ, нуждою
кого-либо изъ многочисленныхъ сво-
ихъ друзей и знакомыхъ, не разбирая
кто бы они ни были, отъ самыхъ бо-
гатыхъ людей до простыхъ нищихъ“.

Императрица Екатерина II-я, какъ историкъ ¹⁾.

Чтеніе историческихъ произведеній составляло предметъ любимыхъ занятій Екатерины. Еще въ юности она знакоилась съ сочиненіями по исторіи, начиная отъ лѣтописи Тацита и весьма доступно изложенныхъ произведеній Монтескье и Вольтера (Опытъ о нравахъ) до многотомной исторіи Германіи Барра²⁾ и Церковныхъ Лѣтописей кардинала Баронія, въ старомъ Русскомъ переводѣ. Позже она располагала полнымъ собраніемъ древнихъ писателей въ новѣйшихъ переводахъ, которые обыкновенно слѣдовали за нею во время переѣздовъ. Барону Гримму она хвалилась, что исторія Франціи ей хорошо извѣстна; а д-ру Циммерману, что она также хорошо знаетъ исторію Англій. По совѣту гр. Шёнберга, она прочла многотомный трудъ Гиббона (Ист. упадка и разрушенія Римской имперіи), во Франц. изданіи, такъ какъ, по ея словамъ, не имѣетъ уже времени изучить Англ. языкъ. По словамъ принца де-Линя, она знала исторію всѣхъ странъ. Лордъ Мальмсбери замѣчаетъ, что онъ былъ озадаченъ ея познаніями, и что она сама годилась бы въ судьи: „такъ хорошо ей извѣстны наши законы и наша конституція“³⁾. А Русскій исторіографъ Миллеръ, по словамъ Шлецера, удивлялся ея ученымъ свѣдѣніямъ о Россіи, когда она была еще великой княгиней⁴⁾.

¹⁾ Читано въ годичномъ засѣданіи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества въ Царскомъ Селѣ, 2 Апрѣля 1910 г. Настоящій очеркъ представляетъ извлеченіе изъ болѣе обширной монографіи, входящей въ III-й томъ „Опыта Русской исторіографіи“.

²⁾ Barre, Jos., Histoire générale d'Allemagne, I—X, Paris, 1748, 4°.

³⁾ Въ числѣ бумагъ Екатерины сохранились выписки изъ шести томовъ „Блактонова толкованія Англическихъ законовъ“. Она часто пользовалась извлеченіями изъ него для своихъ учрежденій и по ея же повелѣнію былъ сдѣланъ и изданъ въ 1780—1782 г.г. переводъ сочин. Блактона профессоромъ моск. университета Десницкимъ.

⁴⁾ Вскорѣ уже по вступленіи на престолъ въ бытность свою въ П.-Новгородѣ (1767), Екатерина приказала мѣстному архіерею собрать сколь можно извѣстія лѣтописцевъ и переслать въ Петербургъ.

Широкое знакомство съ исторіей убѣдило Екатерину въ слѣдующихъ положеніяхъ, на которыхъ она будетъ настаивать: это 1) въ одинаковости развитія и способовъ просвѣщенія чловѣчества, 2) въ медленности и постепенности успѣховъ гражданственности, влѣдствіе чего Россія не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. И своей „Наказъ“ она начинаетъ словами: „Россія есть Европейская держава“, положеніе, которое она не разъ повторяетъ. Если впоследствии Екатерина признавала, что собранная ею Комиссія Уложенія „подала свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣетъ и о комъ пещись должно“, то, съ другой стороны, она справедливо полагала, что „не зная прошлаго народа, можно ли принимать какія-либо мѣры для него въ настоящемъ и будущемъ“. Понятно поэтому, что изданію историческихъ памятниковъ и трудовъ она придавала весьма важное значеніе.

Въ ея царствованіе впервые было издано большое собраніе Русскихъ лѣтописей (до 30 томовъ) и появляются обширные сборники матеріаловъ: Новикова, Туманскаго, Голикова, Чулкова; труды Татищева, Щербатова, Болтина, Стриттера (извлеченія изъ Византійскихъ писателей), Мусина-Пушкина и др. Князю Щербатову она поручила разобрать кабинетный архивъ Петра В., по поводу чего писала Вольтеру: „Я хочу издать въ свѣтъ письма Петра В. и для того приказала собирать ихъ вездѣ: въ нихъ онъ является совершенно такимъ, какимъ былъ“. А получивъ отъ него „Исторію Петра“, она писала: „Если бы тогда, когда вы начали это твореніе, я была то, что теперь, то доставила бы вамъ много и другихъ записокъ“. При Екатеринѣ предпринимается въ Моск. Арх. кол. ин. дѣль систематическое описаніе сношеній Россіи съ иностранными державами, подъ наблюденіемъ Миллера, а потомъ Бятыша-Каменскаго. Такимъ образомъ, говоря о томъ, какъ стояло дѣло до Екатерины II и что было сдѣлано ею на пользу Русской исторіи, Шлецеръ былъ правъ, сказавъ: „Какой новый свѣтъ открылся теперь въ Россіи для словесности! Кто бы до царствованія Екатерины II осмѣлился печатать такія вещи? Великая жена не только что позволяла, она того желала, повелѣвала“. Екатерина II слѣдила за успѣхами исторической науки въ Россіи; она ею интересовалась и сама принимала участіе въ ея дѣятельности.

Предполагають, что Екатерина была вызвана на занятія Русской исторіей сочиненіями, напечатанными въ Парижѣ: Француза Леклерка, служившаго прежде врачомъ въ Россіи „Исторія древней и новой Россіи“ (6 том., 1783 г.), на которую позже издалъ обширныя примѣчанія Болтинъ, и одновременно вышедшимъ произведеніемъ другого Француза, менѣ оскорбительнымъ, Левека, бывшаго учителемъ при

рад. корп. въ Петербургѣ (5 т.)*). Но это не вполне такъ. Въ подобномъ случаѣ Екатерина могла бы выступить съ отдѣльнымъ опроверженіемъ, какъ это было сдѣлано ею раньше (1771 г.) относительно книги аббата Шаппа (Путешествіе въ Сибирь въ 1761 г., II. 1768 г.), въ извѣстномъ Антидотѣ, принадлежность котораго Екатеринѣ теперь не оспаривается. Занятія ея Русскою исторіей совпадаютъ съ составленіемъ бібліотеки для чтенія ея внуковъ, и она не разъ прямо называетъ этотъ трудъ „Александро-Константиновской бібліотекой“, подъ именемъ которой былъ изданъ Нѣмецкій переводъ ея произведеній и въ томъ числѣ „исторія“. Попутно она коснулась и произведеній названныхъ выше Французскихъ авторовъ. Поэтому въ предисловіи она говоритъ: „Сія записка касательно Россійской исторіи сочинена для юношества въ такое время, когда выходятъ на чужестранныхъ языкахъ книги подъ именемъ „Исторіи Россійской“, кои скорѣе именовать можно сотвореніями пристрастными, ибо каждый листъ свидѣтельствомъ служить, съ какою ненавистью писанъ, каждое обстоятельство въ превратномъ видѣ не токмо представлено, но къ онымъ не стыдится представить злобные толки“. Она упрекаетъ авторовъ въ незнаніи источниковъ, языка страны, и опять указываетъ на одинаковость развитія всѣхъ народовъ въ извѣстныя эпохи. Въ своемъ распоряженіи Екатерина имѣла обширное собраніе источниковъ Русской исторіи, отчасти взятыхъ изъ кабинета Петра В., отчасти же собранныхъ изъ монастырей въ ея время, или полученныхъ ею отъ частныхъ лицъ (гр. Строганова, Мусина-Пушкина, кн. Трубецкаго) и даже нарочно списанныхъ въ иностр. бібліотекахъ (напр. въ Кеннigsбергѣ, въ Упсалѣ); такъ что она могла хвалиться, что располагаетъ Русскими лѣтописями въ количествѣ до 150 рукописей. Подобное собраніе тѣмъ заслуживаетъ вниманія, что многія изъ послѣднихъ, вслѣдствіе неудачнаго возвращенія и затѣмъ пожара, постигнаго нѣкоторыя бібліотеки (Мусина-Пушкина, Карамзина въ 1812 г.), навсегда оказались утраченными. Въ подготовленіи матеріаловъ для Екатерины II принимали участіе профессора Москов. университета Барсовъ и Чеботаревъ, а также статсъ-секретари Олсуфьевъ, Храповицкій, Безбородко. Для переводовъ изъ Польскаго родословника былъ призванъ Булгаковъ, служившій при миссіи и посланникомъ въ Польшѣ. Но выборъ матеріаловъ, распределеніе его, черновые тексты, всецѣло принадлежали ей, о чемъ свидѣтельствуетъ самый ходъ работы и ея автографы, сохранившіеся въ государ. и академич. архивахъ. Переписка текста и обработка

*) Потомъ членъ Французскаго института, авторъ соч. по древней исторіи. Трудъ его по Русской исторіи въ свое время былъ не бесполезенъ.

стиля, какъ и въ другихъ произведеніяхъ Екатерины, лежали на ея сотрудникахъ, такъ какъ, по ея признанію, „она не знала основательно ни одного языка“... Вступивъ на путь исторической писательницы, Екатерина дѣлила свой досугъ „между дипломатіей и исторіей“, или „между исторіей и законодательствомъ“, находя часто, что „не можетъ заниматься ни тѣмъ или другимъ, а только исторіей“. Ей были извѣстны болѣе выдающіеся памятники древней письменности, какъ Реймское Евангеліе, Сборникъ Святослава 1076 г., Слово о полку Игоревѣ, Задонскій бой и т. п. Въ кругъ ея источниковъ входили и грамоты, и разрядныя, и родословныя книги, и иностранныя извѣстія о Россіи. Она интересовалась сказаніями Курбскаго и восхищалась записками Герберштейна, единственный экземпляръ Русскаго перевода которыхъ находился въ ея библіотекѣ. Она озаботилась сохраненіемъ древностей въ Булгарѣ на Волгѣ, осведомлялась о древностяхъ въ Сибири и т. п. Не разъ она дѣлилась своими мелкими разысканіями съ окружающими лицами и своими корреспондентами и признавалась, что ей пріятно возгнѣться въ этомъ старомъ хламѣ, и еще въ концѣ 1794 г. она писала: „Ахъ, мои любезныя лѣтописи, вы спокойно отдыхаете; когда я снова растревожу васъ! Я нахожусь теперь въ 1368 и 1369 г.г.“. Ея сводъ заканчивается 1390 г., но выписки изъ источниковъ идутъ далѣе. Трудъ этотъ изданъ въ VI томахъ въ 1787—1794 г.г. и вновь съ дополненіями по 1390 г. въ наше время. И въ томъ же 1794 г. она еще поручала об. прок. Синода Мусину-Пушкину, чтобы „достоверно и въ скоромъ времени справиться о Вел. Четіяхъ Минейхъ Макарьевскихъ, имѣющихся въ библи. Успенскаго собора, изъ коихъ источниковъ почерпнулъ м. Макарій запасы, составляющіе 12 томовъ его Миней, и разыскать о томъ въ Синод. и Типогр. библіотекахъ и что найдется представить въ Св. Синодъ для донесенія Ея Величеству“.

Екатерина признавала всю важность хронологіи и генеалогіи и потому для каждаго княженія составила таблицу правителей Востока и Запада, свѣтскихъ и духовныхъ, царствовавшихъ современно имъ. Кромѣ того, она даетъ въ своемъ трудѣ родословникъ князей Рюрикава дома, а въ отдѣльныхъ мѣстахъ отмѣчаетъ происходяція отъ нихъ княжескія и дворянскія фамиліи. Съ этою цѣлью въ ея библіотекѣ были собраны разнообразныя генеалогическіе матеріалы. Быть можетъ, она слѣдовала здѣсь и своему давнему влеченію, высказанному еще въ молодости: „Признаюсь, что хотя я свободна отъ предразсудковъ и у меня умъ отъ природы философскій, однако чувствую великую склонность чтить древніе роды..., мнѣ пріятно возстановлять ихъ“. Она хвалится, что ея родословникомъ пользуются и другіе. Въ письмѣ къ Гримму она говоритъ: „Рюрикъ, первый Русскій князь, это тотъ Рю-

рикъ, который до своего возвышенія въ этотъ санъ, былъ во Франціи и въ Англіи и помогаль Норманнамъ сдѣлать ихъ завоеваніе“. Въ другомъ письмѣ она такъ разукрашиваетъ родство Владимира I: „Св. Владимиръ былъ дѣдомъ Франц. королевы; онъ былъ двоюродный братъ императора Оттона II; онъ былъ beau-fils Романа, императора Константинопольскаго; одна изъ его дочерей была замужемъ за Стефаномъ, корол. Венгерскимъ, другая за корол. Чешскимъ; вы видите изъ этого, что это былъ сеньоръ съ очень хорошимъ родствомъ и, несмотря на это, вы все-таки спрашиваете, откуда я его взяла“. Съ особенной настойчивостью она проводитъ мысль, что князья Литовскіе, и сами Ягеллоны, происходили отъ князей Полоцкихъ, возвратившихся изъ ссылки въ Царьградъ, потомки Мстислава Владимировича. Она обращаетъ вниманіе, въ какихъ западно-русскихъ городахъ сидѣли князья потомки Владимира Св., и что даже послѣ соединенія Литвы съ Польшей дѣла въ Запад. Россіи отправлялись на Рус. языкъ, метрическія книги Литовскія писаны по-русски и числа поставлены отъ сотворенія міра по счисленію Греко-восточной церкви и индикты означены. Названная родословная не была придумана Екатериной. Она нашла ее въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, хронографахъ и родословныхъ книгахъ, хотя и опровергается позднѣйшими изслѣдованіями. Подъ вліяніемъ своихъ филологическихъ занятій и современной теоріи о единствѣ языковъ, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ соч. Куръ-де-Жебелена, она утверждаетъ, что собрала множество свѣдѣній о древнихъ Славянахъ и можетъ доказать, что они сообщили названія большей части рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ, областей во Франціи, Испаніи, Шотландіи и др. странахъ... Америка, Перу, Мексика и Чили наполнены Славянскими названіями. Названіе *Периоръ* во Франціи состоитъ изъ двухъ-трехъ Славянскихъ; слово *баронъ* не что иное какъ *бояринъ*; Радмиръ — радъ миру, Людвигъ (людь и двигать) и т. д. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что подобнымъ словопроизводствомъ тогда грѣшилъ Ломоносовъ и даже Шлецеръ. Всѣ Меровинги, какъ и Вандальскія государства въ Испаніи, по мнѣнію Екатерины, были Славянскаго происхожденія. И она настаиваетъ на необходимости иностраннымъ ученымъ изучать Славянскій языкъ. „Советный судъ есть Славянскій обычай. Саксонцы оный ввели въ Англію“, говоритъ она.

Екатерина весьма цѣнила труды Татищева и озаботилась изданіемъ его исторіи. Она приняла его мнѣнія объ исторіи и раздѣленіи Русской исторіи на 5 періодовъ, о лѣтописи Іоакима, которою пользовалась и для исторіи, и для своихъ драмъ, о бармахъ Владимира Мономаха, объ училищахъ въ до-монгольскій періодъ, характеристики князей и т. п., до его производства названія слова „бояринъ“ изъ Сарматскаго языка,

что значить будто бы „умная голова“ или „умный человек“, что впрочем принято и Болтинымъ; но ея національная точка зрѣнія не позволила ей признать варяговъ за Финновъ (какъ у Стриттера) уже потому, что соблазнительно покажется всей Россіи принять толгованіе о происхожденіи Россійскаго народа отъ Финновъ и самое отвращеніе указываетъ на ихъ разность; какъ не согласна она признать и мнѣніе Татищева, что *варяги* были пираты, и самое названіе которыхъ происходитъ не отъ *воръ*, а отъ *варъ* или *иваръ*, такъ какъ они составляли почетную гвардію въ Константинополѣ. Равнымъ образомъ мнѣніе ея направлено и противъ *норманизма* Русскихъ князей. Не позволяя себѣ вносить въ исторію басни, она воспользовалась рассказами мнимой Іоакимовой лѣтописи, чтобы воспроизвести подробности ея въ исторической трилогіи: „Рюрикъ“, „Олеги“ и „Игорь“, написанныхъ „въ подражаніе Шекспиру, но безъ сохраненія обыкновенныхъ театраль-ныхъ правилъ“. И на первыхъ страницахъ ея исторіи, и въ драматическихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемся съ излюбленными ею идеями, положенными въ основаніе „Наказа“. Такъ, Вадимъ, являющійся противникомъ власти Рюрика, тронутый его великодушіемъ, покоряется ему и отплачиваетъ вѣрной службою. Какъ это напоминаетъ ея бесѣду съ статсъ-секрет. Храповицкимъ: „Разговоръ о Франціи“! „Со вступленія на престолъ я всегда думала, что ферментаціи тамъ быть должно; нынѣ не умѣли пользоваться расположеніемъ умовъ: Фаята (Лафайета), какъ честолюбца, взяла бы себѣ и сдѣлала бы своимъ защитникомъ. Замѣть, что дѣлала здѣсь съ восшествія*)“. Когда она пишетъ объ Ольгѣ, въ Славянскомъ происхожденіи и знатности рода которой она не сомнѣвается, то обращаетъ вниманіе на ея мужество и мудрость и тутъ же прибавляетъ, что Святославъ, пока жива была мать его, мало о правленіи прилежалъ, но упражнялся въ воинскомъ распорядкѣ и во всемъ полагался на мудрость и искусство своей матери. И здѣсь же изображаетъ просвѣщенную дѣятельность этой правительницы. Она утверждаетъ, что, благодаря благоразумію Ольги, и языкъ Славянскій сталъ процвѣтать. Невольно припоминаются здѣсь отношенія Екатерины къ сыну, в. кн. Павлу Петровичу, и ея просвѣтительная программа царствованія. И въ одномъ наброскѣ опять она припомнила враждебныя ей отношенія къ вел. кн. Павлу Петровичу Петра Панина; „Сосѣдъ—умоначертаніе почти Петра Панина: военной человекъ, невѣжда даже до математики—все вздоръ. Онъ обѣщаль учителя отыскать для сына“. Въ другой разъ сказалось женское чувство Екатерины, когда она коснулась правленія ц-ны Софьи: „Я думаю, говоритъ она, что ей не

*) Волковъ, Румянцевъ, Мельгуновъ и др.

была отдана должная справедливость... Она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ руководила дѣлами государства со всею проникательностью, которой возможно желать... Она была весьма способна царствовать. Ея честолюбіе, когда ее хотѣли удалить отъ правленія, возбудило волненія, которыя утихли лишь, когда ее заточили въ монастырь⁴. Далѣе Екатерина распространяется о соперничествѣ Софіи съ матерью Петра, о придворныхъ интригахъ, и прибавляетъ, что партія ея была велика и нуженъ былъ весь геній Петра В., чтобы выпутаться изъ всѣхъ затрудненій, которыми постарались окружить со всѣхъ сторонъ этого юнаго государя *). Любопытно также, что при Екатеринѣ былъ вновь изданъ портретъ Софіи со всѣми регаліями и полнымъ титуломъ, присвоенными царской власти.

Легкость обращенія въ христіанство Владимира Екатерина объясняетъ тѣмъ, что онъ былъ воспитанъ при бабкѣ и имѣлъ жену Чехиню, а народа—тѣмъ, что уже раньше было много христіанъ. Храповицкій пишетъ: „Призванъ для выслушанія раздробленія Россіи на удѣльные княженія, во время нашествія Татаръ: ихъ сочтено до 70⁴. „Посуди, какъ же было не выиграть Татарамъ. Я еще новое напишу примѣчаніе о тогдашнихъ Татарахъ⁴. Пользуясь лѣтописями и соч. Абулгази, Марко-Поло, Рубруквиса и др., Екатерина представляетъ Татаръ грозной силой, и по численности ихъ войскъ, и по военной организаціи. Но она отмѣчаетъ вездѣ геройскіе подвиги Русскихъ, главнымъ двигателемъ которыхъ была *впра*. Любопытный эпизодъ въ этомъ отношеніи рассказываетъ тотъ же Храповицкій: „Показывалъ я рѣку Сить, въ Ярославской губ. Она впадаетъ въ Мологу, а Молога въ Волгу. На Сити убитъ вел. кн. Юрій Всеволодовичъ отъ Татаръ. *Думали доказать*, что онъ перешелъ Волгу гораздо ниже, чтобъ Татаръ атаковать, но р. Сить показываетъ, что Юрій бѣжалъ къ Твери. *Симъ открытіемъ не очень довольны* для сочиняемой исторіи⁴. Съ особенной настойчивостью Екатерина отмѣчаетъ, что вторая эпоха (отъ Рюрика до нашествія Татаръ) богата данными, указывающими на сношенія Россіи съ Зап. Европой и не только на многія связи и родство, но даже и на одинакіе обычаи. Она всецѣло принимаетъ замѣчанія Татищева о существовавшихъ въ то время многихъ учили-

*) Въ другомъ мѣстѣ, представляя вымышленную бесѣду прежнихъ и современныхъ ей царственныхъ особъ, чужестранныхъ и Русскихъ, въ видѣ разговора портретовъ и медальоновъ въ Чесменскомъ дворцѣ, она влагаетъ въ уста Петра слѣд. слова: „Если бы обстоятельства не озлобили противъ меня сестры моей Софіи, я охотно пользовался бы совѣтами ея. Въ ней было много гениальнаго, но она черезчуръ внимала внушеніямъ родственниковъ своей матери и въ особенности дяди своего Милославскаго, который ненавидѣлъ семью моей матери“.

цахъ. Все сіе потерялось въ несчастной третьей эпохѣ, т. е. съ нашествіемъ Татаръ. „Неволя и рабство подарокъ и умокъ Татарскій, котораго, получа въ третьей эпохѣ, наипаче чувствуемъ вездѣ въ четвертой“. Въ другой разъ она замѣтила: „Есть двѣ эпохи, во время коихъ Русскіе отъ Европы отстали: время власти Татарской и время междоусобія, когда Шведы и Поляки большую партію имѣли; тутъ старались только о частныхъ выгодахъ, а общее дѣло забывали; но и тутъ вышли великіе люди“. И, выслушавъ замѣчанія Храповицкаго, что великія несчастія творять великихъ людей, она съ жаромъ то поддержала... Она пишетъ біографіи Александра Невскаго, какъ „героя, безъ чудесъ, жж. Сергія и м. Алексѣя; она называетъ рядъ великихъ именъ, прославившихся своею дѣятельностью въ смутное время. Это подверждало ея вѣру въ миссію великихъ людей, которыхъ она называетъ то *героями*, то иногда, въ шутку, *тиранами*. Ей были извѣстны архивныя данныя о раннихъ сношеніяхъ Московіи съ Франціей (при Иванѣ Грозномъ), переписка Ѡ. И. Шереметева съ Филаретомъ, утерянная потомъ, и т. п. Выступивъ на защиту Россіи противъ измышлений аб. Шаппа, она оправдываетъ Бориса Годунова отъ взводимыхъ на него злодѣяній: „Онъ былъ несчастенъ, а несчастные всегда виноваты; многіе историки наговаривали на него по наслышкѣ или по молвѣ, распущенной его врагами или противными ему партіями“, и указываетъ на примѣръ Петра В., который распорядился возстановить надписи на колокольнѣ, построенной Борисомъ, сказавъ, что слѣдуетъ уважать память великаго человѣка. По словамъ Кокса, Екатерина интересовалась разысканіями Миллера о Д. Самозванцѣ. Царь Василій Шуйскій, замѣчаетъ Екатерина, утратилъ вѣнецъ потому, что захотѣлъ отмѣнить форму правленія. „Ему сказали: мы не хотимъ двадцати господъ, мы хотимъ одного государя. Какъ только вступилъ на престолъ первый изъ Романовыхъ, всѣ смуты прекратились: ссориться стало не изъ чего, такъ какъ мѣсто было занято. У Михаила былъ отецъ, который былъ бы царемъ, если бы не былъ монахомъ и плѣнникомъ въ Польшѣ; этотъ отецъ могъ служить ему совѣтникомъ: онъ былъ на это весьма способенъ“. И въ бесѣдѣ „портретовъ“ царь Василій (Шуйскій) говоритъ Михаилу Ѡедоровичу: „Ни у кого на свѣтѣ не было такихъ хорошихъ совѣтниковъ, какъ у тебя. При тебѣ былъ отецъ великихъ дарованій, полный благоразумія. Тебя породилъ на свѣтѣ патріархъ Филаретъ. Тобой руководили, посадивъ на престолъ, его ловкость, его мудрость. Находясь въ Польскомъ плѣну, я былъ свидѣтелемъ... тутъ начало свѣтатъ, медальоны и портреты замолкли“... Коснувшись смутъ, бывшихъ въ теченіе XVII в., она замѣчаетъ, что ихъ нельзя сравнивать съ тѣмъ, что было во Франціи во время дѣй-

ствій Лиги и Фронды, которыя призывали на помощь Испанцевъ, между тѣмъ, какъ наши ссоры прекращались, когда государство и государь были въ опасности. Низложеніе патріарха Никона она объясняетъ его безмѣрнымъ притязаніемъ, а именно желаніемъ участвовать во всѣхъ госуд. совѣтахъ и мѣшаться въ вопросы о войнѣ и мирѣ, а она, какъ извѣстно изъ дѣла Арс. Мацѣевича, не одобряла двоевластія, о чемъ такъ подробно сообщала Вольтеру.

Къ Петру В. Екатерина относилась съ особеннымъ почитаніемъ. „По справедливости нельзя надивиться разуму этого человѣка, писала она Вольтеру. Въ характерѣ его лучше всего то, что, какъ бы ни былъ онъ вспыльчивъ, но истина всегда побѣждала его, и по одному этому, кажется мнѣ, онъ былъ достоинъ статуи (произведеніе Фальконета)“. „У Петра В., пишетъ она Гримму, были такіе люди, которые и грамотѣ не знали, а все-таки дѣло шло впередъ. Стало быть, неурожая на людей не бываетъ... и, какъ скоро есть такой двигатель, все войдетъ прекрасно“. Принцу Нассау-Зигену, послѣ пораженія флота, она написала: „Будьте выше событій и нападайте снова на непріятеля. Король Прусскій былъ истинно великъ послѣ большой неудачи. Петръ I, терпѣвшій поражение 9 лѣтъ сряду, одержалъ побѣду подъ Полтавой“. Проѣздомъ на Югъ Екатерина пожалѣла, что не тутъ построены Петербургъ, „ибо, проѣзжая сіи мѣста, воображаются времена Владимира I, въ кои много было обитателей въ здѣшнихъ странахъ. Теперь нѣтъ Татаръ и Турки не тѣ“. Но въ 1795 г. она пишетъ Гримму: „Я совершенно согласна съ Шотландскимъ перомъ относительно Петербурга. Но по исторіи Россіи владѣтели Сѣвера имперіи легко становились господами Юга этой имперіи. Владѣтели Юга, безъ Сѣвера, всегда были слабы и вялы въ своей власти. Но Сѣверъ очень легко могъ обходиться безъ Юга или южныхъ провинцій. А столица этой имперіи, на мой взглядъ, еще не найдена, и вѣроятно не я ее найду. Если бы во время Шведской войны я не была здѣсь, нужно было бы на 60,000 войска больше, чтобы обезпечить насъ отъ этого стремительнаго нападенія“. Она рѣшительно высказалась противъ передѣлокъ реформъ Петра В., когда, по ея словамъ: „царствовала невѣжества собственная корысть и борствовалась склонность къ стариннымъ обрядамъ съ невѣдѣніемъ и непониманіемъ новыхъ, введенныхъ Петромъ I; отъ сего родилось отрѣшеніе надворныхъ судовъ въ 1726 г. и опредѣленіе, подписанное верх. тайн. совѣтомъ, чтобы упустить вовсе флотъ, а армію не комплектовать: важнѣйшій способъ, чтобы завистливые сосѣди Россію по клочкамъ разобрали“. Къ дѣлу верховниковъ она относится съ порицаніемъ; „но, къ счастью, прибавляетъ она, намѣреніе это было разрушено здравымъ смысломъ большинства“

и ссылается на примѣръ дѣленія на удѣлы при Владимирѣ I и послѣдствія, которыя оно повлекло за собою. По поводу правленія Бирона она выражается: „Какъ бы ни было строго это царствованіе, мы увѣрены, что правленіе хваленаго Ришелье вынесетъ съ нимъ сравненіе“. Она хвалитъ стойкость имп. Анны, по поводу Шведскаго вооруженія, что въ самомъ Стокгольмѣ камня на камнѣ не оставитъ. „Сія твердость тогда подѣйствовала, а теперь Россія вдвое сильнѣе“. Въ другой разъ она замѣтила, что при имп. Аннѣ больше было порядка, чѣмъ при Елисаветѣ Петровнѣ. Въ бесѣдѣ „портретовъ“ Екатерина влагаетъ въ уста имп-цы Анны выраженія, обращенныя къ Елисаветѣ. „Я любила власть такъ же, какъ и вы, но не прилагала ее къ бездѣлушкамъ. Въ моемъ царствованіи было больше силы, нежели въ вашемъ“; на что им-ца Елисавета отвѣчаетъ: „Что одни называютъ силою, то у другихъ иногда слыветъ жестокостью“. Необходимо, однако, помнить и положеніе Екатерины въ цар. Елисаветы. А когда зашла рѣчь о страхѣ отъ бояръ въ царств. послѣдней, то Екатерина отвѣтила, что у всѣхъ ножей притуплены концы, и колоть не могутъ. Вступленіе на престолъ Елисаветы Петр. она объясняетъ какъ актъ всенародной воли и прѣва дочери Петра В. Въ замѣчаніяхъ и отдѣльныхъ запискахъ Екатерины о царств. Елисаветы разсѣяно и собрано много фактовъ, какъ близкой свидѣтельницы, и слышанныхъ ею отъ современниковъ, которые должны разсматриваться уже въ связи съ мемуарами. Кромѣ того, она писала замѣчанія на Записки Минниха, Бирона, аб. Денины и др., въ которыхъ опять можно найти много данныхъ для современной исторіи.

Въ связи съ занятіями исторіей, Екатерина высказала свои взгляды на Русскихъ историковъ. Она отдаетъ предпочтеніе труду Татищева, который разъяснилъ многіе предметы. Это былъ умъ человѣка государственнаго, ученаго и знающаго свое дѣло. Изысканія Ломоносова представляются ей краткими и поверхностными. Исторія Щербатова скучна и тяжеловата; голова его не была способна къ этой работѣ, и она иногда удивлялась малому его соображенію. Трудъ Елагина ей не нравился своимъ декламаторскимъ стилемъ. Но все преимущество она отдавала Болтину, на строгій судъ котораго передала свои драмы и историческіе опыты. Нельзя не замѣтить, что отзывы Екатерины объ историкахъ подтверждаютъ вѣрность ея историческаго пониманія. Прочитавъ въ рукописи позже напечатанное произведеніе Стриттера, она сдѣлала опять замѣчанія и, похваливъ обстоятельность автора, замѣтила: „Г. Стриттеръ откуда уроженецъ? Конечно онъ какую ни есть національную систему имѣетъ, къ которой натягиваетъ. Остерегитесь отъ сего“. Она приняла предложеніе Франц. писателя Сепакъ-

де-Мельяна написать исторію Россіи въ XVIII стол., настаивая на необходимости обширнаго введенія о состояніи Россіи въ предшествующее время, давала ему подробныя и полезныя наставленія, но, убѣдившись въ полной непригодности искателя счастья къ такому труду, прекратила сношенія съ нимъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія и система преподаванія исторіи, введенная въ учебныхъ заведеніяхъ времени Екатерины, важнѣйшею цѣлью которой ставилось „привести учениковъ къ тому, чтобы они понимали, что было главною причиною великихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ“. Преподаваніе должно было сопровождаться употребленіемъ ландкартъ, синхронистическихъ таблицъ и т. п. наглядными приспособленіями.

Пользуясь историческимъ опытомъ, Екатерина прибѣгала къ помощи исторіи и въ своихъ политическихъ обстоятельствахъ. Коснувшись борьбы Новгорода съ Чудью, она отмѣтила, что „Ливонія или Лифляндія *вся* изстари къ Руси принадлежала“. Она просила, чтобы не говорили вообще „Польша“, а ставили, гдѣ слѣдуетъ, „Литва“... Польша, столицей которой былъ въ древности Краковъ, есть страна особая. И она не пожелала принять предложенный ей титулъ „королевы Польской“, такъ какъ въ ея владѣніи „нѣтъ ни одного дюйма Польши“, прибавляя, что она „очень хорошо подкована во всемъ этомъ, имѣя дѣло съ архивами и лѣтописями“. Кстати прибавимъ, что извѣстный географъ Конрадъ Мальбрюнъ (*Tableau de la Pologne anc. et mod.*, 1807 и 1830) и Англ. историкъ Эд. Фриманъ вполне согласны съ Екатериною, независимо отъ нея. Последній говоритъ: „Нужно помнить, что при всѣхъ трехъ раздѣлахъ ни одна часть первоначальнаго Польскаго государства не досталась Россіи. Россія получила обратно свою территорію, отнятую у нея Литвою и соединила большую часть самой Литвы съ областями, расположенными непосредственно на Сѣверъ отъ нея. Древнее Польское королевство дѣлится между Пруссіей и Австріей, а древнѣйшая Польша выпадаетъ на долю Пруссіи“. Насколько Екатерина придавала важность объединенію всѣхъ Русскихъ земель, видно изъ слѣдующаго ея замѣчанія: „Со временемъ надо вымѣнять у императора Галицію. Она ему не кстати, а нужна прибавка къ Венгріи изъ владѣнія Турецкаго“ (*Дневникъ Храповицкаго*, Май 1793 г.). Единство Россіи Екатерина понимала въ широкомъ смыслѣ, какъ въ политическомъ, такъ и этнографическомъ отношеніи. Ген.-прок. князю Вяземскому она писала: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями: нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было, однакожь и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно на-

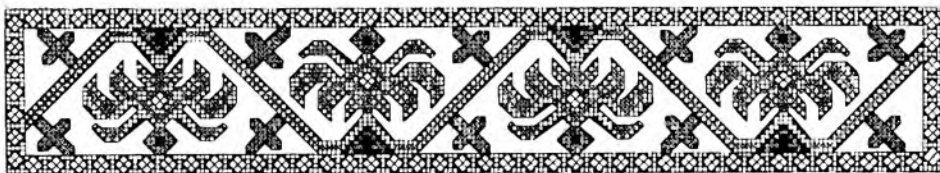
звать съ достовѣрностію глупостію*). Сии провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бѣ персона какая была произведена въ оное достоинство“. Въ подробномъ же наставленіи гр. Румянцову относительно Малороссіи она между прочимъ говоритъ, что „не всегда силою ввѣренной вамъ власти, но болѣе многообразными ласковости и снисхожденія средствами и оными, смотря по дѣлу, по времени и по человѣку, искусно изворачиваться должно“.

Прибавимъ, что оптимизмъ, вообще свойственный Екаторинѣ въ ея политическихъ взглядахъ, но подкрѣпленный опытомъ жизни и исторіи, позволялъ ей рисовать широкіе горизонты и въ будущемъ... „Русскій народъ есть особенный народъ въ цѣломъ свѣтѣ, который отличается догадкою, умомъ, силою, говоритъ она. Я знаю это по двадцатилѣтнему опыту царствованія. Богъ далъ Русскимъ особое свойство“. И она, не колеблясь, вѣрила, что „взойдетъ звѣзда Востока, откуда долженъ возсіять свѣтъ, ибо тамъ больше чѣмъ гдѣ-нибудь хранится подъ пепломъ духа и силы“. Такимъ образомъ Екатерина широко открывала двери тому ученію, которое позже, быть-можетъ, съ бѣльшими средствами, но едва ли съ большею настойчивостію, выступило на защиту и утвержденіе тѣхъ же положеній—въ лицѣ тагъ называемой школы Славянофиловъ.

В. С. Иконниковъ.

Перепечатывается съ любезнаго дозволенія В. С. Иконникова изъ ММ 1—2 (1911 г.) „Вѣстника Кіевскаго Военно-Историческаго Общества“, отъ котораго получено на это согласіе. Въ предисловіи къ одному изъ своихъ трудовъ Екатерина говоритъ, что она не изъ числа змѣй вскормленныхъ за пазухой и всегда желала улатить Россіи долгъ благодарнаго сердца. Кто эта вскормленная за пазухою змѣя, теперь уже знаютъ лица, занимающіяся безпристрастно Русскою исторіею конца XVIII и начала XIX вѣка. П. Б.

*) Въ 1827 г. (12 Ноября) Импер. Николай I писалъ Цесар. Константину Павловичу: „La Lithuanie est province Russe, elle ne peut retourner à la Pologne, parce que ce serait attenter à l'intégrité du territoire de l'Empire,—exemple qui a été tenté pour le g. de Wibourg et qui entraîne déjà de graves inconvenients, au point qu'il est possible qu'il retourne à l'Empire proprement dit“. (Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. СXXXI, 1910, р. 194).

КУСКОВСКІЕ ФРУКТЫ.

Отписка прикащика Петра Александрова графу Петру Борисовичу Шереметеву.

Присланные отъ вашего сіятельства фрукты, персики, въ двухъ ящикахъ, въ одномъ большомъ, въ другомъ поменьше. оба ящика, кои получены вчерашняго числа къ вечеру сего нижеписаннаго числа имѣль отъ вашего сіятельства адресоваться для поднесенія Ея Императорскому Величеству къ князь Ѳедору Сергѣевичу Борятинскому¹⁾. Во первыхъ, докладываль, что отъ вашего сіятельства фрукты присланы къ поднесенію Ея Величеству, о которыхъ адресоваться приказано къ Александру Петровичу Ермолову; но какъ ваше сіятельство не безъ извѣстень, что его превосходительство отъѣхаль²⁾, такъ поднести тѣ фрукты разсудиль я адресоваться къ его сіятельству, который князь Ѳедоръ Сергѣевичъ отъ вашего сіятельства приняль докладъ, кажется, порядочно и приказаль меня препроводить къ камердинерамъ Ея Величества, и именно къ Захару Константинову, который, по объясненію отъ меня, приказаль фрукты изъ обѣихъ ящичковъ вынуть, положить на блюда и поднести Ея Величеству. И по поднесеніи Ея Величеству приказано вашему сіятельству отъ Ея И. Величества отписать за фрукты благодарить.

Фрукты нашлись почти все цѣлы и хороши и не болѣе какъ съ десятокъ помяты, и при мнѣ изъ ящичковъ имѣлись выниманы; я жъ при семъ случаѣ имѣль только счастье камердинерами Ея Величества во всѣхъ комнатахъ, во опочивальной и другихъ, а особливо въ новосдѣланныхъ, въ верхнихъ надъ купальнею, имѣлся однимъ камердинеромъ водимъ смотрѣть.

Александръ же Петровичъ Ермоловъ, сказываютъ, на прошедшей недѣли въ Пятницу къ вечеру выпровожденъ изъ Царскаго Села вдругъ,

¹⁾ Обергофмаршалу. П. Б.

²⁾ Въ Рязанскую губернію, въ Михайловскій уѣздъ, гдѣ до нашихъ дней цѣла была его великолѣпная усадьба. П. Б.

и отъѣздъ его послѣдовалъ въ его деревни, или въ Москву; а князь Григорій Александровичъ*), сказываютъ, прошедшую недѣлю все объѣзжалъ Нарвскій уѣздъ, а сего числа имѣлъ подъ Царскимъ Селомъ мнѣ нижайшему повстрѣчаться; изволилъ возвращаться въ Царское Село.

При семь къ вашему сіятельству отправилъ Пятничныя газеты, „Еженедѣльное Сочиненіе“, и обратно письмо, присланное къ господину Ермолову, о которомъ князь Федору Сергѣевичу не объяснялъ.

Князь Иванъ Сергѣевичъ Борятинской отъѣзжаетъ на время на сихъ дняхъ въ Москву.

Въ С-Петербургѣ,
28 Іюля 1786 г. Понедѣльникъ.

Письмо императрицы Екатерины II-ой къ П. Д. Еропкину.

Петръ Дмитріевичъ!

Похвальное ревнованіе Московскаго дворянства въ доставленіи людей на службу военную по случаю вѣроломно и нагло открытой королямъ Швециимъ войны пріобрѣтаетъ мое признаніе, какъ дѣло доказующее ихъ усердіе ко мнѣ и къ пользѣ и къ славѣ отечества. Я поручаю вамъ сіи чувства мои засвидѣтельствовать и пребываю вамъ доброжелательная.

(Собственноручно) Екатерина.

Въ С-Петербургѣ, 19 Іюля 1788 г. Получ. 24 Іюля.

Этого письма нѣтъ въ числѣ писемъ императрицы къ Московскому главнокомандующему Еропкину, которыя, съ подлинниковъ, находящихся въ Московскомъ генераль-губернаторскомъ архивѣ, напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 г. Еропкинъ передалъ это письмо тогдашнему (первому) предводителю Московскаго дворянства графу Петру Борисовичу Шереметеву, котораго, вообще, Екатерина уважала: онъ былъ въ числѣ немногихъ лицъ, которымъ она вѣрила охрану сына и Петербурга, отправляясь, вечеромъ 28 Іюня 1762, съ войскомъ, въ Петергофъ. П. Б.

Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ.

*) Потемкинъ. П. Б.

ЛЮБИМЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

хронологическій списокъ *).

- 1) Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ. 1753—Октябрь 1754.
 - 2) Князь Понятовскій 1756—1758.
 - 3) Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ. 1759—1772 (лѣтомъ).
 - 4) Александръ Семеновичъ Васильчиковъ. 1772 (Сентябрь)—1774 (лѣтомъ).
 - 5) Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. 1774. Съ Ноября 1774 супругъ Екатерины.
 - 6) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. 1776 (Ноябрь)—1777 (Юнь).
 - 7) Семень Гавриловичъ Зоричъ. 1777 (Юнь)—1778. (Юнь).
 - 8) Иванъ Николаевичъ Корсаковъ. 1778 (Юнь)—1779 (до 10 Октября) Стахивъ, Страховъ.
 - 9) Василій Яковлевичъ Левашевъ 1779 (Октябрь).
 - 10) Николай Петровичъ Высоцкій 1780 (Мартъ).
 - 11) Александръ Дмитріевичъ Ланской. 1780 (Апрѣль)—1784 (Юля 25).
 - 12) Мордвиновъ 1781—(Май—Юль).
 - 13) Александръ Петровичъ Ермоловъ 1783 (Февраль)—1786. (Юня 28).
 - 14) Графъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ 1786 (Юль)—1789 (Юль).
 - 15) Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ 1789 (Юль)—1796 (Ноябрь).
- Кромъ того упоминаются: въ концѣ 1779-го и началѣ 1780-го г.: Ранцовъ. Страховъ. Стяновъ (?), Армянскій купецъ.

*) Издается съ подареннаго „Русскому Архиву“ своеручнаго листка начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати М. Н. Лонгиновымъ, который составилъ этотъ списокъ, будучи отличнымъ знаткомъ исторіи Екатерининскаго времени. Надо сличить съ „Чистосердечнымъ признаніемъ“ Потемкину. П. Б.

Достоцитимый графъ Александръ Ивановичъ Рибопьеръ, внукъ доблестнаго А. И. Бибикова, не только ласкаемый Екатериною, но, въ дни своего отрочества, бывшій съ нею даже въ перепискѣ, говорилъ намъ, что современники вполнѣ ей прощали ея увлеченія, которыя вызывались необыкновенными условіями самаго ея сложенія. Въ 1835 г. въ Вѣнѣ князь Зубовъ передавалъ ему, что Екатерина до конца дней сохраняла свѣжесть здоровья, и старость сказывалась въ ней только въ огрубѣвшемъ голосѣ. Октябрьская 1796 года переписка ея свидѣтельствуеть о полной свѣжести ея ума, вопреки оскорбленію, которое было нанесено ей Шведскимъ королемъ. Предоставимъ зложелательству иностранцевъ твердить про ея любимцевъ. Насъ же ближайшее изученіе жизни ея обязуетъ лишь къ благодарности. П. Б.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ ПО РАЗСКАЗУ СОВРЕМЕННОКА НѢМЦА.

Читатели „Русскаго Архива“ одѣнили Записки Француза Корберона. Въ дополненіе къ нимъ приводимъ выдержки изъ книги, изданной въ Ерфуртѣ въ 1788 году: „Замѣчанія о Россіи“ (Bemerkungen über Russland). Написавшій эту книгу Нѣмецъ изъ Германіи прожилъ у насъ четыре года (1778—1782) и былъ сначала въ должности дворецкаго у кого-то изъ Эстляндскихъ господъ, а потомъ поселился въ Петербургѣ. Его книга вообще любопытна. Извлекаемъ изъ нея только изображеніе Екатерины. П. Б.

С. Петербургъ. Сентябрь 1781 г.

Сегодня я узрѣлъ *ее*, первѣйшую и знаменитѣйшую персону во всемъ современномъ мірѣ; я стоялъ близко и могъ хорошо слышать что она говорила. Чтобы вамъ дать, хоть приблизительное, понятіе о моихъ чувствахъ, вызванныхъ ея могуществомъ, величіемъ и обширною дѣятельностію и столь взволновавшихъ мнѣ душу, я долженъ разсказать вамъ, какъ все это произошло.

Вчера, вечеромъ, господинъ фонъ Гермерштедтъ сообщилъ мнѣ, что на сегодня назначенъ первый большой выходъ при дворѣ. вмѣстѣ съ этимъ онъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ во дворецъ, и добавилъ, что онъ такъ устроитъ, что я отлично увижу Императрицу. Предложеніе это было мнѣ чрезвычайно пріятно, такъ какъ во мнѣ не разъ, при видѣ различныхъ учрежденій Государыни, проявлялось желаніе лично увидѣть создательницу оныхъ. Онъ обѣщалъ заѣхать за мной въ одиннадцатомъ часу. Сегодня утромъ, передъ назначеннымъ часомъ, я уже сталъ поджидать моего друга; и такъ какъ онъ немного запоздалъ, тоя, тѣмъ временемъ, взглянулъ на висѣвшую у меня на стѣнѣ генеральную карту Россійской Имперіи. Тутъ-же висѣли карты и нѣкоторыхъ

другихъ государствъ, сдѣланныя почти въ одинаковомъ размѣрѣ. Я часто разсматривалъ эти карты но никогда еще меня такъ не поражали противоположность великаго съ малымъ, какъ въ ту минуту, когда я себя представилъ, что этой Имперіей владѣеть одна, которую я самъ скоро увижу. Я противопоставлялъ ей все величайшія и могущественнѣйшія царства всего міра: Кира, Александра Великаго, Римскую республику, послѣ побѣдъ надъ Персами и Карфагеномъ, Августа, Константина Великаго, Карла V, Чингисхана, Тамерлана, Китайцевъ и многихъ другихъ; но ничто не могло идти въ сравненіе съ этой Имперіей, въ отношеніи ея размѣровъ. Какое громадное разстояніе между Ригой и Петропаловскимъ портомъ! Или, черезъ Анадырскъ на Алеутскіе о-ва въ Америку! А что скажете вы про путешествіе изъ Риги на Петербургъ, Москву, Казань, оттуда черезъ Верхотурье, или южнѣе, черезъ Екатеринбургъ, въ Тобольскъ, Томскъ, черезъ Байкальское озеро въ Нерчинскъ, Иркутскъ, Удскъ (обычно: Удинскъ); затѣмъ, водой, черезъ Охотское море въ Большерецкъ и Петропавловскій портъ; или сухимъ путемъ черезъ Охотскъ, Анадырскъ, Алеутскіе о-ва, Уналяску (вѣрнѣе Агунь-Аляшка) въ Америку? Вѣдь это равняется, приблизительно, половинѣ земель всего полярнаго круга. Имперія, въ которой можно сдѣлать 1600 Нѣмецкихъ миль по одному направленію и которая вдвое больше всѣхъ прочихъ государствъ Европы. вмѣстѣ взитыхъ! И какими же показались они мнѣ незначительными, эти государства, подѣленные между столькими владѣтелями въ Европѣ, гдѣ Россія занимаетъ больше одной трети всего пространства!

По этому поводу, мнѣ пришло на память описаніе народностей Россіи, Георгіи. Совершенно различные народы, въ сличеніи однихъ съ другими, говорятъ на совсѣмъ разныхъ языкахъ, и такъ мало имѣютъ между собой общаго, по своимъ нравамъ, обычаямъ, образу жизни, потребностямъ, вѣроисповѣданію, что, казалось, самой природой предназначены для совершенно разныхъ политическихъ соединеній, а здѣсь составляютъ одно цѣлое, которое направляется одной женщиной, къ ея цѣлямъ, вопреки различію между чувствами, сознаниемъ и проявленіями воли въ каждомъ, отдѣльно взятомъ, народѣ.

Вы, можетъ, возразите мнѣ, мой дорогій, что все люди чувствуютъ одинаково. Хорошо. А какъ объясните вы мнѣ, что, при одинаковомъ холодѣ, Самоѣдъ находитъ погоду пріятною, а Астраханецъ зябнетъ; что, при совершенно тождественныхъ условіяхъ, Чухча чувствуетъ себя въ полномъ довольствѣ, а житель Петербурга или Ревеля или какого другого города, жалуется на скудость во всемъ; что, при одинаковой остротѣ зрѣнія, Татарскія племена, занимающіяся охотой,

близоруки, а Юкагирскіе троглодиты дальнозорки? И точно тоже мы найдемъ относительно слуха и обонянія у различныхъ племенъ. Если это недостаточно ясно сказано мною, то изъ этихъ и тому подобныхъ примѣровъ вы увидите, что я подразумѣвалъ подь этимъ. Прибавьте къ этому различіе степени въ развитіи ума и сердца между дикимъ Самоѣдомъ и угонченнымъ жителемъ стодницы. Какая между ними пропасть! Какъ показалось бы удивительнымъ, еслибъ Камчадалъ долженъ былъ отдать 5 или 10 собакъ отъ своихъ саней, а Лопарь своихъ оленей, а Татаринъ своихъ чудныхъ коней, для того, чтобъ ихъ впрягли всѣхъ вмѣстѣ въ одну колесницу! А между тѣмъ, нѣчто подобное происходитъ среди людей, которые, въ известномъ отношеніи, *subtractis subtrahendis*, почти такъ же могутъ быть различны. Ихъ впрягаютъ (не смѣйтеся!) въ одну политическую колесницу, которую каждый изъ нихъ долженъ двигать по своему. И этой машиной, снабженной различными колесами, править одно лице, для дружной дѣятельности къ достиженію цѣлей этого лица.

Вотъ, такими-то и подобными размышленіями былъ я занятъ, когда вошелъ мой другъ. Онъ извинился, что запоздалъ; но онъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, чтобъ я, еще ни разу не видѣвшій Императрицы, могъ увидѣть ее, когда она будетъ возвращаться изъ церкви въ полномъ блескѣ двора. Обычный церемоніаль слѣдующій: въ Воскресенье въ 10 ч., Императрица, изъ внутреннихъ апартаментовъ направлялась въ церковь, находящуюся во дворцѣ. Ее можно было видѣть и при этомъ случаѣ, и въ самой церкви. Но много больше торжественности при возвращеніи ея.

И такъ, около половины двѣнадцатаго, мы поѣхали во дворецъ. Безчисленные, великолѣпные экипажи стояли уже длинными рядами передъ дворцомъ, другіе еще только подъѣзжали къ нему. Державніе караулъ гвардейцы не опросили меня, кто я такой, такъ какъ мой товарищъ былъ самъ гвардейскимъ офицеромъ. Мы и прошли мимо караульныхъ и у входа, и у лѣбницъ, какъ внизу, такъ и на верху, до часовыхъ у пріемной залы, которыхъ выбираютъ изъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ. Въ армейскихъ полкахъ они имѣютъ чинъ фендриховъ, но чаще чинъ подпрапорщиковъ или прапорщиковъ. Часовые у пріемной залы спросили меня, кто я такой. Мой спутникъ отвѣтилъ: „Кавалеръ, Нѣмецъ“, а затѣмъ, пояснилъ мнѣ, что этою вынужденною ложью избавляетъ меня отъ дальнѣйшихъ опросовъ.

Двери открылись передъ нами, и Боже! среди какого несмѣтнаго множества орденскихъ лентъ, звѣздъ, разнообразныхъ мундировъ и проч. увидѣли мы себя. Тутъ были люди почти отъ всѣхъ народовъ Европы

и отъ различныхъ Азіатскихъ, какъ казаки, Калмыки, Крымцы, одинъ Персъ и др. Собственно Русскіе превосходили всѣхъ мужественной красотой и ростомъ. Я вообще замѣтилъ здѣсь, въ обществѣ, преобладаніе красивыхъ мужчинъ надъ женщинами; но это замѣчаніе не относится къ провинціи, а только къ Петербургу, куда привлекается все выдающееся, всякаго рода. Особенно же замѣтилъ я это, при дворѣ, относительно мужчинъ. Большинство иностранцевъ очень проигрывало передъ этими красивыми и рослыми Русскими.

Здѣсь, въ залѣ, были всѣ иностранные посланники, завѣдующіе дѣлами, резиденты и одинъ посоль; сверхъ того, много разныхъ иностранцевъ всякихъ національностей, которымъ это зрѣлище казалось величественнымъ и пріятнымъ не менѣе, чѣмъ мнѣ. Много было тутъ Русскихъ генераловъ, штабъ-офицеровъ и другихъ знатныхъ, состоящихъ на службѣ у Монархини. Мое особенное вниманіе привлекали тѣ личности, которыя получили уже извѣстность, по значенію, которое имѣли, или еще и теперь имѣютъ, въ политическихъ дѣлахъ, какъ напр. графъ Кобенцель, посланникъ Императора, герцогъ де-Веракъ—Французскій, графъ Гёрцъ—Прусскій, Гаррисъ—Англійскій и др, а еще и адмиралъ Григорій Орловъ, сжегшій, при Чесмѣ, большой Турецкій флотъ, и генералъ Бауеръ. Будучи Прусскимъ офицеромъ, онъ былъ присланъ королемъ Прусскимъ еще къ Петру III, чтобъ показать нѣкоторыя Прусскіе манѣвры; а, впоследствии, своими талантами и неутомимымъ усердіемъ онъ приобрѣлъ благорасположеніе Государыни и неуываемую память въ Русскихъ, за улучшенія по инженерному вѣдомству, за учрежденіе корпуса кондукторовъ, за устройство болѣе точныхъ геометрическихъ съемонокъ города, за мѣры о благоустройствѣ большихъ дорогъ, за обложеніе Фонтанки, за возведеніе нѣсколькихъ зданій и исправленіе многаго другого.

Всѣ эти персоны и многія другія изъ значительнѣйшихъ, въ настоящее время, вращались одинъ около другого. Это непрестанное расхаживаніе, привѣтствія, господствующее желаніе быть представленнымъ, громкія увѣренія (частенько лживыя) видѣть другъ друга здоровыми, рѣчи ничего незначающія, или означающія совсѣмъ противоположное, придворные разговоры, все это усиливало несмолкаемый шумъ въ залѣ.

Вдругъ, отворились двери; возвѣстили о приближеніи Государыни, и, тотчасъ, всѣ посланники и другія знатныя персоны образовали проходъ, ставъ по обѣимъ сторонамъ. Ближайшимъ къ двери сталъ баронъ Фогъ-Ассенааръ, посоль семи Голландскихъ соединенныхъ штатовъ, которому, какъ послу, давалось преимущество передъ прочими.

Напротивъ него стоялъ графъ фонъ Кобенцель. За этими двумя, стоявшими во главѣ прохода, слѣдовали посланники: Французскій, герцогъ де-Веракъ; Англійскій, кавалеръ Гаррисъ; Испанскій, кавалеръ фонъ Нормандесъ; Португальскій, кавалеръ Хортъ; Шведскій, баронъ фонъ Полькенъ; Прусскій, графъ Гёрцъ; Саксонскій, кавалеръ баронъ фонъ Сакенъ; уполномоченный отъ Ганзейскихъ городовъ (Любека, Гамбурга, Бремена и Данцига) кавалеръ Виллебрантъ и другіе представители: Польши, Сардиніи, Неаполя и Сардиніи, также и нѣкоторые секретари посольствъ, какъ напр. графъ Тизенгаузенъ.

Водворилась торжественная тишина. Казалось, никто не смѣлъ громко дышать. Такъ умолкали прочіе боги, по словамъ Гомера, въ Иліадѣ, когда приближался Зевесъ. Впереди всѣхъ показался гофмаршалъ; за нимъ, попарно, камергеры, министры всѣхъ вѣдомствъ и прочіе придворные. За ними шель князь Потемкинъ (Русскіе произносятъ какъ Потмѣкинъ) съ жезломъ, какъ генераль-адъютантъ Императрицы; онъ шель одинъ. Непосредственно за нимъ слѣдовала та, которая, кромѣ своего собственнаго государства, тысячи существъ возбуждаетъ отъ тихаго покоя, по одному своему усмотрѣнію, и въ Константинополѣ и въ Испани, и даруетъ миръ нашему отечеству; та, флаги которой развѣваются въ Черномъ, Каспійскомъ и Средиземномъ моряхъ, также какъ въ Балтійскомъ и Бѣломъ; та, которая достигла того, мой дорогой другъ, что вы и безчисленное множество людей можете теперь, съ меньшимъ страхомъ и дрожью пѣть молебныя слова: „сохрани насъ отъ меча Турецкаго“.

Екатерина II-ая средняго, скорѣе большаго чѣмъ маленькаго роста; она только кажется невысокою, когда ее сравниваешь съ окружающими ее высокими Русскими людьми. Она немного полна грудью и тѣломъ; у нея большіе голубые глаза, высокій лобъ и нѣсколько удлиненный подбородокъ. Такъ какъ ей теперь 52 года, то и нельзя ожидать юношеской красоты. Но она всего менѣе не красива; напротивъ, въ чертахъ ея лица еще много признаковъ ея прежней красоты и въ общемъ видны знаки ея тѣлесной прелести. Ея щеки, благодаря краскѣ, ярко румяны. Въ ея взглядѣ столько же достоинства и величія, сколько милости и снисхожденія. Она держится съ большимъ достоинствомъ, весьма прямо, но не впадаетъ въ принужденность.

Если я не ошибаюсь, то слышу вопросъ вашей милой жены. Что-же на ней было надѣто? Была ли она завита? Какое у нея головное украшеніе? Ну хорошо, я попробую на это отвѣчать. Ея одежда по отношенію къ кройкѣ почти такая же, какую носятъ вообще Русскія; только немного различія, особенно въ рукавахъ. Длинное платье, которое тянется отъ груди до ногъ, совершенно прямо. Это полукафтанье. Рукава доходятъ до кисти руки во множествѣ небольшихъ

складокъ. Вверху у плечъ эти рукава нѣсколько шире, но ближе къ рукамъ они становятся уже. Надъ этими Stolan¹⁾ или Adrienne²⁾ (если дерзну такъ назвать), носила она легучее одѣяніе безъ рукавовъ. Костюмъ и верхнее платье разныхъ цвѣтовъ и тамъ, гдѣ приходится руки, все одно къ другому хорошо приложено, и я долженъ сказать, что это нѣсколько Азіатское одѣяніе на меня не произвело неблагопріятнаго впечатлѣнія, такъ какъ цвѣта не слишкомъ ярки. Нижнее платье было изъ легкой матеріи, чередующейся между бѣлымъ и серебрянымъ. Верхнее платье блѣдно-лиловое и также въ немногихъ затканыхъ серебромъ линіяхъ, лилово-красныхъ и переливчато-серебристыхъ. Ея головной уборъ: ко лбу спускающаяся и почти въ три пальца возвышающаяся прическа, сзади которой спадаетъ нѣсколько сплетенныхъ косъ. На тупеѣ покоилась небольшая брилліантами прикрѣпленная корона, подобная изображенному на монетахъ. На груди небольшой щитокъ покрытый алмазами. Возлѣ этого груднаго украшенія видны были двѣ орденскія ленты. Такъ какъ она эти орденскія ленты носила черезъ плечо, вплоть до бедра, и притомъ между верхнимъ и нижнимъ платьемъ, то посему они особенно замѣтны у самой груди. Одна прикрываетъ другую, такъ что нижняя лишь немного выдвигается. Верхняя, свѣтло-голубая, почти въ руку шириною, лента перваго и высшаго ордена Россійскаго государства, Андреевскаго; нижняя, оранжево-желтая съ черными полосами: это военный орденъ Св. Георгія, или за военныя заслуги. Отъ обоихъ, Андреевскаго и Георгіевскаго, орденовъ носила она золотыя брилліантовыя цѣпи вокругъ шеи и на груди, двѣ звѣзды, одна другую заслоняющія, такъ какъ она гротмейстеръ обоихъ орденовъ.

Ея полная грудь мало видна, вслѣдствіе Русской одежды. Талія очень широка, но, благодаря умѣло избранному платью, весьма удачно скрыта. Нога ея и совсѣмъ не видно.

Какъ только Императрица вступила въ комнату, она остановилась и нѣсколько разъ милостиво поклонилась многочисленнымъ присутствующимъ. Ея поклонъ совершается по Русскому обычаю съ наклоненіемъ верхней части тѣла, какъ у нихъ кланяются только мужчины; ибо вообще Русская женщина никогда не наклоняется, какъ въ Германіи, а кланяется. Только немногія женщины и притомъ только тѣ, которыя хотятъ быть важными, наклоняются. Однако это происходитъ почти всегда во время минуета. Затѣмъ подходили одинъ за другимъ съ двухъ рядовъ и цѣловали ей руку, которую она всѣмъ подавала.

Пока это цѣлованіе руки происходило съ одной стороны, съ достоинствомъ и почитаніемъ, а съ другой, съ благоговѣніемъ, она разговаривала по французски съ графомъ Кобенцелемъ. Такъ какъ я стоялъ близко за нимъ, то могъ ясно понимать. Я любовался ея снисхожденіемъ или, если хотите, ея вѣжливостью, ибо она исключительно говорила о его дѣлахъ, о его семьѣ и его родственникахъ.

¹⁾ Эпитрахиль.

²⁾ Одно изъ папскихъ облаченій.

Свита, которая предшествовала Императрицѣ, перешла въ сосѣдную комнату. Какъ только кончилось цѣлованіе руки, она снова сдѣлала поклонъ на ходу нѣкоторымъ изъ стоявшихъ и перешла въ смежную комнату.

Непосредственно за монархиней слѣдовалъ ея камергеръ г-нъ фонъ Ланской (Landskoy) или, какъ его здѣсь все зовутъ, фаворитъ, быть можетъ красивѣйшій мужчина, какого я въ жизни видѣлъ. Онъ высокаго роста, прекрасно сложенъ, лицомъ болѣе смуглый чѣмъ блѣдный. Онъ брюнетъ, но при этомъ съ лица нѣсколько томный, что встрѣчается, говорятъ, только у блѣкучихъ. Въ его появленіи достоинство, его взглядъ многообѣщающій; однако нѣкоторые увѣрили меня, что его умъ нѣсколько не отвѣчаетъ благопріятному впечатлѣнію. Такъ какъ онъ на этомъ посту удержался уже нѣкоторое время (болѣе четырехъ лѣтъ), то нѣкоторые, знающіе придворныя обстоятельства лучше чужихъ, узнающихъ за просто, выводятъ изъ того извѣстную умственную слабость. Они говорятъ: всякій, кто на этомъ посту долго и безтревожно пребываетъ, подобно Ланскому, долженъ быть или особенно хитеръ и притворенъ, или же другіе вельможи его не боятся: они должны знать его таковымъ, что онъ никогда не станетъ на ихъ пути, таковымъ, что не чувствуетъ высокаго почта и не способенъ на интригу, поддерживаемый милостью Монархини. Къ этому добавляють: ни одинъ человекъ, соединяющій въ себѣ честолюбіе съ умомъ, не долженъ въ любомъ положеніи человѣческой жизни менѣе быть увѣреннымъ въ сохраненіи своего мѣста. Объ этомъ г-нъ фонъ Ланскомъ, положеніе котораго вызываетъ столько завистниковъ, долженъ я кое-что сказать, касающееся его происхожденія и скорого возвышенія.

Его отецъ имѣлъ весьма умѣренное состояніе, состоявшее главнымъ образомъ въ одной подмосковной. Сынъ, какъ большинство Русскаго дворянства, рѣшился испытать счастья въ военной службѣ; онъ былъ посланъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ гвардію. Его виѣшность и привѣтливое обращеніе способствовали тому, что онъ скоро переведенъ былъ въ кавалергарды. (Они служатъ у комнатъ Императрицы; тогда какъ, на оборотъ, гвардейцы конные въ низу, а пѣшіе, судя по рангу персонъ, стоятъ на лѣстницахъ и въ пріемныхъ). Между этими кавалергардами возвысился онъ вскорѣ такъ, что почти ежемѣсячно былъ производимъ: онъ теперь генераль-маіоръ, шефъ пикенернаго полка, кавалеръ Бѣлаго Орла и дѣйствительный камергеръ. У него много имѣній съ крѣпостными крестьянами, полученныхъ отъ Монархини, какъ доказательство ея удовольствія, и тѣмъ онъ возвысилъ свою фамилію.

Примѣчаніе издателя. По отъѣздѣ этого корреспондента (т. е. автора Замѣчаній) изъ Петербурга, произведенъ онъ былъ въ генераль-лейтенанты. Но онъ не долго наслаждался блескомъ, ибо умеръ въ 1785 году. Позднѣйшія извѣстія утверждали, что Императрица потерю своего любимца чрезвычайно оплакивала, даже ради его послала нѣкоторое время вуаль. Онъ все свое состояніе предоставилъ Императрицѣ, которое она отдала его роднымъ. Она сохранила только его бібліотеку, собранія гравюръ и ландкартовъ и нѣкоторыя рѣдкости, за что роднымъ его дала столько денегъ, сколько все это стоило.

За нимъ, г-мъ фонъ Манскимъ, слѣдовало въ парадномъ шествіи до 16 или 20 придворныхъ дамъ и фрейлинь. Шькая фрейлина Энгельгардъ, племянница князя Потемкина, отличается ростомъ, красотой и, какъ говорятъ, также головою и сердцемъ, преимущественно предъ другими. Они шли попарно за нею въ другую комнату, но часть ихъ осталась въ этомъ залѣ или пріемной.

Принесли прохладительное въ видѣ ликеровъ, вина и печеній, которыми насладились не только оставшіяся дамы, но и разные господа, разговаривавшіе нѣкоторое время между собою.

Кромѣ названныхъ лицъ, мнѣ показали еще нѣкоторыхъ изъ тайнаго совѣта Императрицы: генераль-фельдмаршала князя Голицына, генераль-фельдмаршала графа Чернышова, генераль-аншефа князя Волконскаго, генераль-фельдцейхмейстера князя Орлова, тайнаго совѣтника князя Виземскаго, канцлера графа Остермана, къ каковому совѣту еще принадлежитъ и князь Потемкинъ.

Между придворными кавалерами выдавались оба—Александръ и Левъ Нарышкины, о садахъ которыхъ я недавно писалъ, Шуваловъ, Елагинъ, Гагаринъ, Бяргинскій, Воронцовъ, Шкуринъ, Бибииковъ, Корсаковъ, Куракинъ, Шавель Потемкинъ, генераль Ребиндеръ и многіе другіе.

Между другими присутствовавшими персонами назову генерала Бецкаго, генераловъ Эльмта, Мюллера, Мордвинова, Сандвичъ, Шлеповъ (?). Вечеромъ придворныя дамы уже не были столь жеманны какъ бы слѣдовало.

Былъ я и на большомъ вечерѣ при этомъ дворѣ, о чемъ я вамъ также долженъ сообщить. Какъ разъ передъ шестью часами отправились мы опять въ ту же комнату, гдѣ мы были утромъ. Комнаты были освѣщены, и общество болѣе смѣшанное. Уже съ самаго начала находилось много женщинъ, которыя, почти совсѣмъ непринужденно, частію прохаживались или стояли, частію сидѣли и разговаривали съ кавалерами. Великолѣпіе брилліантовъ и дамскихъ нарядовъ неописуемо. Послѣ того какъ мы также вадъ и впередъ прошлись и любовались блескомъ драгоценныхъ булавокъ и другихъ ожерелій на головахъ и на грудяхъ, направились мы въ открытую и весьма помѣстительную для танцовъ залу. Въ этомъ залѣ также находилось множество персонъ въ особенности иностранныхъ министровъ и нѣсколько чужеземцевъ, которые потомъ были представлены Императрицѣ.

Вскорѣ послѣ 6 часовъ прибыла Монархиня, почти въ томъ же одѣяніи какъ утромъ, только дамская свита была многочисленнѣе. Иностранные министры опять составили проходъ; она остановилась въ дверяхъ, и означенные вновь были допущены къ цѣлованію руки. Двое чужеземцевъ были представлены, изъ коихъ одинъ былъ господинъ фонъ-Корфъ, съ которымъ Императрица нѣкоторое время говорила.

При входѣ Монархини въ танцевальную залу заигралъ оркестръ шумную увертюру съ трубами и литаврами. Она перешла на другую сторону зала, и

вокругъ нея стояли графъ Кобенцель, Ланской, Голицынъ и нѣсколько дамъ. Затѣмъ открылъ балъ Нарышкинъ съ княгиней Голицыной краткимъ минуэтомъ. За симъ тотчасъ послѣдовали пять или шесть паръ. Императрица пересмотрѣла минуэты, потомъ сѣла за карточный столъ, за которымъ она съ графомъ Кобенцелемъ и съ другими играла въ *Thombre**). Она на этотъ разъ сдѣлала исключеніе: она обыкновенно и преимущественно играетъ въ вистъ или въ макао. Кавалеры ея партіи нѣсколько разъ чередовались. Она такъ сидѣла за карточнымъ столомъ, что видѣла въ лицо танцующихъ. Камергеръ фонъ Ланской стоялъ большую часть времени за ея стуломъ. Не только во время раздачи картъ, но и даже во время игры, разговаривала она съ ласковымъ лицомъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ игравшихъ, и вокругъ стоящими персонами. Она встала въ промежуткѣ однажды, минутъ на десять, чтобы поговорить съ нѣкоторыми лицами. Пока она говорила, лицо, съ которымъ она говорила, стояло перель нею въ положеніи нѣсколько согбенномъ. Такъ Прусскій министръ графъ Герцъ минутъ пять-шесть стоялъ передъ ней полунаклоненный.

Съ двухъ сторонъ, гдѣ играла Государыня, стояло нѣсколько маленькихъ карточныхъ столовъ. Игра составлялась преимущественно старыми женщинами. Танцы не прекращались. Минуэты продолжались недолго, за ними послѣдовали полонезы, особенно выдѣлявшіеся прекрасною музыкою и разговорными кружками чужестранцевъ. Затѣмъ послѣдовалъ Англійскій контрдансъ и въ заключеніе опять полонезъ.

Въ 8 час. поднялась Императрица съ своего стула, поклонилась всему обществу, и тотъ часъ же весь ея штатъ сталъ въ порядокъ. Она удалилась словно какъ въ процессіи. Танцы прекратились, и все разошлось. Когда Великая Княгиня присутствуетъ, танцы продолжаются дольше, потому что она это любитъ. Но она и ея супругъ недавно уѣхали въ Германію, такъ что придворные танцоры нѣсколько поуспокоились. Монархиня никогда не танцуетъ и небольшая до того охотница, такъ какъ по вечерамъ рано уходитъ спать.

Въ числѣ придворныхъ дамъ отличаются, особенно въ отношеніи великолѣвія: княгиня Голицына, графиня Румянцева, графиня Чернышева, княгиня Куракина; въ отношеніи вкуса: княгиня Дашкова, фрейлина Полянская; въ отношеніи красоты: фрейлина Синявина, двѣ фрейлины Энгельгардтъ; относительно остроумія особенно любятъ фрейлиною Knowles. Изъ другихъ придворныхъ дамъ заслуживаютъ быть названными: графиня Скавронская, графиня Матюшкина, графиня Брюсъ, фрейлины Шкурина, Молчанова. Вообще же признаю я дерзновеннымъ высказывать сужденія о такихъ особахъ.

Пришлось намъ внизу у дверей дожидаться болѣе получасу, пока не подали нашу карету. Было отъ 400 до 500 каретъ передъ дворцомъ и до ста внутри двора. Экипажи передъ дворцомъ стоятъ длинными вереницами, мѣсто ихъ опредѣляется случайно, кто является раньше. У дворца закрытый подъѣздъ,

*) Испанская карточная игра (*thombre* по-испански значитъ человекъ), нынѣ забытая и напоминаемая названіемъ ломберныхъ столовъ. П. Б.

къ которому подъѣхать можетъ только одна карета. Со стороны Адмиралтейства въѣздъ и выѣздъ. У дверей стоитъ офицеръ. Какъ только карета въѣзжаетъ къ закрытой двери, прислуга или кучеръ называетъ, кто пріѣхалъ. Офицеръ громко его выкликаетъ; если отвѣтъ замедляется и на лицо васъ нѣтъ, то онъ говоритъ „roscholl“, т. е. прочь, уѣзжай. Тогда карета уѣзжаетъ порожнею и опять становится въ заднемъ ряду. Такимъ путемъ соблюдается порядокъ и у стражи.

Постоянный шумъ каретъ по всѣмъ улицамъ, дѣйствительно, нѣчто величественное, нѣчто царское, и продолжается, не смотря на строгій порядокъ, весьма долго. При этомъ кучера правятъ совсѣмъ безумно, большею частію полнымъ галономъ, а потому, не смотря на освѣщеніе, для пѣшеходовъ довольно опасно: кто хочетъ вѣрно пройти, тотъ долженъ держаться стѣны.

И этотъ балъ по свидѣтельству тѣхъ, которые часто оныя посѣщаютъ, былъ блестяще обыкновеннаго, хотя бываютъ и болѣе многолюдные; потому что онъ первый по возвращеніи съ лѣтняго мѣстопробыванія, а равно и ради того, что совпалъ съ днемъ счастливой прививки оспы молодымъ Великимъ Князьямъ. Однако я долженъ признаться, что то было величайшее великолѣпіе, когда либо мною въ отечествѣ видѣнное, или даже воображаемое. Бриллианты, жемчугъ, золото и серебро на Царицѣ, на придворныхъ дамахъ, на женахъ многихъ кавалеровъ и даже на мужчинахъ превосходятъ всякое представленіе. У нѣкоторыхъ были аксельбанты, пуговицы, рукоятки сабель, нагрудныя звѣзды и пр. въ драгоценныхъ камняхъ.

Одни кавалергарды, стоявшіе на часахъ и частію среди общества, въ серебряѣ. Но что же я могу сказать, когда уже принято говорить, что *bal paré* у Русскаго двора—величайшее великолѣпіе въ Европѣ?

Упомянутые кавалергарды состоятъ только изъ одной роты, которой шефомъ сама Монархиня. Они служатъ только въ комнатахъ Государыни, т. е. на придворныхъ аудіенціяхъ, въ танцевальныхъ залахъ и пр., гдѣ она находится постоянно, или передъ комнатами и спальнею. Нѣкоторые кавалергарды рѣдкаго роста, и между рядовыми все дворяне. Мундиръ или вѣрше верхній колеть голубой съ красными облагами; послѣднихъ почти не видно, первыхъ мало ради серебрянаго шитья и серебряныхъ бляхъ. На груди и на спинѣ они носятъ крѣпкіе серебряные латы-кирасы, въ видѣ большихъ звѣздъ, на которыхъ въ изящной отдѣлкѣ золотой Русскій двуглавый орелъ; рукава и штаны съ серебрянымъ галуномъ. На сапогахъ выдѣляется серебряный ремень въ три пальца ширины до самой ноги. Надъ колѣномъ и подъ нимъ, а также у щиколотки, спускаются въ три пальца серебряныя бляхи черезъ колѣна и ноги. Шноры, ремень къ нимъ цѣпочка изъ того же металла. Такимъ образомъ все тѣло какъ бы покрывается серебряной кольчугой. На головѣ въ Греческомъ вкусѣ серебромъ украшенный шлемъ, украшенный прекрасными страусовыми перьями, бѣлыми, красными и черными.

Съ тѣхъ поръ я каждымъ Воскресеньемъ пользовался, чтобы доставить себѣ удовольствіе лицезрѣть земныхъ боговъ.

3 Октября стараго стили, т. е. 14 новаго, былъ трауръ по кончинѣ не знаю какого-то изъ Нѣмецкихъ принцевъ; нѣсколько дней Монархія появлялась въ бѣломъ платьѣ съ черными каймами. Всѣ иностранные министры были въ черномъ, за исключеніемъ Прусскаго, который былъ въ своемъ генеральскомъ мундирѣ. Онъ только одинъ можетъ появляться на придворномъ траурѣ, и никто изъ другихъ министровъ не имѣетъ этого преимущества. Говорятъ, что это мудрая экономія Прусскаго короля, дающаго посламъ своимъ при другихъ дворахъ такой рангъ, который избавляетъ отъ многихъ расходовъ; ибо нельзя себѣ представить, какое количество разныхъ трауровъ при подобномъ дворѣ возможно, что отражается на каждой мелочи.

Не разъ замѣчалъ я, что князю Потемкину оказывали больше вниманія, чѣмъ самой Монархинѣ. Иногда приходилъ онъ за четверть часа ранѣе въ приемную. Какъ льстились передъ нимъ многіе старѣйшіе генералы, сѣдовласые, съ голубыми, черпожелтыми и красными лентами! Они низко ему кланялись, а онъ отвѣчалъ умѣреннымъ поклономъ. У своего подъѣзда видать онъ часто до 40 или 50 каретъ. Здѣсь нельзя не замѣтить, что онъ живетъ во дворцѣ возлѣ Государыни. Только Эрмитажъ раздѣляетъ его помѣщеніе отъ ея комнаты. Этотъ князь человекъ въ лучшемъ своемъ возрастѣ, великъ и крѣпокъ фигурою, благопріятнѣйшаго облика, только лѣвымъ глазомъ, поделѣноватымъ, весьма явственно косить. Въ военномъ министерствѣ онъ—всѣ..... Возвращаюсь ко двору, чтобы еще разъ сопровождать Государыню въ дворцовую церковь, гдѣ она видимые показываетъ знаки своего благочестія.

У нея одной было кресло за собою, ибо вообще въ Русской церкви не найти скамьи или стула и т. п. за исключеніемъ священниковъ. Ея мѣсто въ церкви значительно впереди, ближе къ алтарю, къ правой стѣнѣ, спереди и сзади окружено рѣшеткою, такъ что она на переднюю можетъ опираться руками. Я однако видѣлъ ее всегда стоящею свободно, никогда сидящею. Къ превосходной вокальной музыкѣ Придворной Канеллы она была очень внимательна. Эти пѣвчіе замѣняютъ собою органъ или другіе музыкальные инструменты, такъ какъ сіи послѣдніе изъ всѣхъ Греко-Россійскихъ церквей изгнаны. Пѣвчихъ было около 40 числомъ на каждой сторонѣ алтаря по половинѣ; они пѣли по очередно и вмѣстѣ. Они всѣ были одинаково одѣты въ сукно цвѣта печени (Leberfarbe), обшитое золотомъ, только съ тою разницею, что покрой платья маленькихъ пѣвчихъ приближался скорѣе къ народной одеждѣ (т. е. въ верхнемъ платьѣ съ узкими рукавами, ремнемъ подвязанномъ). Взрослые однако носили платье на Нѣмецкій образецъ.

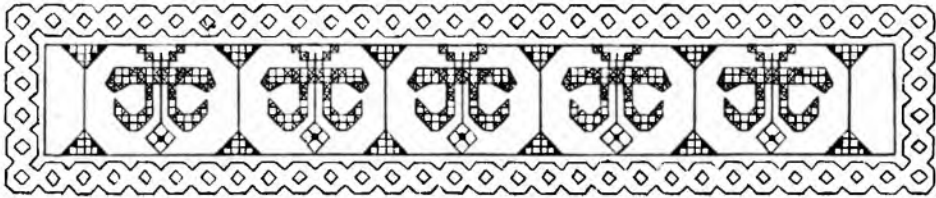
Когда священникъ что либо читалъ или пѣлъ речитативомъ, то Государыня, подобно простонародью, дѣлала весьма глубокіе поклоны верхнимъ корпусомъ и при каждомъ поклонѣ крестилась трижды. Эти поклоны она дѣлала

такъ низко, что верхняя часть тѣла по отношенію къ ногамъ составляла прямой уголъ. Тройное осѣненіе крестомъ происходило по большей части слѣдующимъ образомъ: тремя первыми перстами правой руки начинала она первый крестъ со лба до живота и затѣмъ отъ одного плеча къ другому. Второй крестъ доходилъ только отъ подбородка до мѣста (des Rabels¹⁾). Третій, наконецъ изображался только на груди. На сколько величина крестнаго знаменія убавлялась, усиливалась быстрота движенія. При послѣднемъ рука двигалась какъ молнія туда и сюда и попадала на свое мѣсто, когда корпусъ опять приподнимался. Такихъ крестныхъ знаменій дѣлала Монархиня въ теченіи получаса пожалуй до 50-ти и доказывала вообще во всемъ внѣшнемъ образѣ дѣйствій необычайное благочестіе²⁾.

¹⁾ ? П. Б.

²⁾ Покойный графъ А. В. Адлербергъ сказывалъ мнѣ, что всенощную Екатерина слушала на хорахъ, гдѣ у нея былъ столикъ, за который она садилась и раскладывала иногда граннасыянь. Стоявшіе въ низу молеельщики не могли этого видѣть. П. Б.

ЧЕРТЫ МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ XVIII ВѢКА.

Исаія Ичановъ, еще бывши иеромонахомъ, пользовался особымъ покровительствомъ Нижегородскаго митрополита Сильвестра Холмскаго (1708—1709 г.), который, незадолго до своего перевода въ Смоленскъ, сдѣлалъ его архимандритомъ Богородицкаго Оранскаго монастыря. Исаія управлять этой обителью десять лѣтъ. Какъ Сильвестромъ, такъ и замѣстителемъ его, епископомъ Питиримомъ, онъ считался добрымъ хозяиномъ и даже былъ переведенъ въ богатѣйшій по тогдашнему времени Троицкій Макарьевскій монастырь, владѣвшій тогда славной Макарьевскою ярмаркой и получавшій отъ нея немалые доходы. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ Исаія не избѣгъ гнета тогдашняго времени, и еще въ бытность архимандритомъ Оранскаго монастыря онъ, по доносу посаженнаго имъ на цѣль буйствующаго инока, находился подъ карауломъ, откуда и былъ освобожденъ только въ Юнѣ 1726 года. Очевидно, за напрасное обвиненіе и болѣе чѣмъ полугодовой арестъ, 12 Августа 1728 года по именному высочайшему указу изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Исаіи было опредѣлено „изъ остаточныхъ Нижегородскаго архіерейскаго дома доходовъ, которые подлежало платить въ Экономическую Коллегію, давать по 200 рублией въ годъ по смерть его, и ту дачу производить по вся годы безволонитно“.

Хозяйство въ Макарьевскою обители было очень большое, и рабочихъ силъ требовалось немало, а такъ какъ Исаія былъ хозяинъ рачительный, то онъ и сталъ пополнять оскудѣвающій штатъ иноковъ, безъ всякаго разбора, руководясь чисто-экономическими соображеніями, принимая и безнаспортныхъ, и бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Окрестные помѣщики, видя убыль рабочихъ силъ, стали подавать Нижегородскому епископу Питириму жалобы. По разслѣдованіи ихъ въ 1733 г. оказалось, что Исаія съ братскаго приговора постригъ въ монахи съ 1729 по 1733 г. изъ своихъ и постороннихъ крестьянъ и изъ другихъ чиновъ до 30 человекъ, да, сверхъ того, наприималъ въ монастырь пришлыхъ монаховъ безъ указовъ и паспортовъ 22 человекъ. Вслѣдствіе такого незаконнаго дѣянія, преосвященный Питиримъ, доводя о семъ до свѣдѣнія Св. Синода, сдѣлалъ предложеніе архимандрита Исаію „за такую безсовѣстную дерзость архимандрическаго и священническаго дѣйствія вовсе лишить и впредь ни въ какое достоинство не производить, и быть ему простымъ чернецомъ въ хлѣбной работѣ, въ какомъ-либо монастырѣ до кончины жизни,

а на мѣсто его назначить достойнаго человѣка; монаховъ, приговорившихъ чинить принятіе и постриженіе, наказать нещадно шелепами; съ постриженныхъ монастырскихъ крестьянъ монашеское платье снять и оставить бѣльцами въ монастырскихъ трудахъ; а если не захотятъ, отпустить ихъ въ свои дома; съ постороннихъ постриженныхъ также монашеское платье снять и отослать въ тѣ мѣста, гдѣ они были прежде, оставивъ только тѣхъ, которые пострижены изъ новокрещеной Мордвы, Польской націи и церковниковъ, а о пришлыхъ монахахъ учинить такъ, какъ о волочащихся чернецахъ указы повелѣваютъ“.

13 Февраля 1734 года состоялось опредѣленіе Св. Синода: архимандрита Исаію лишить архимандричества и іеромонашества съ воспрещеніемъ производства его въ какое бы то ни было начальство, и сослать на его коштъ въ Tobольскую епархію въ обрѣтающійся въ г. Березовѣ монастырь простымъ монахомъ; опредѣленныхъ Исаіи изъ остаточныхъ доходовъ Нижегородскаго архіерейскаго дома 200 руб. впредь ему не давать; монаховъ, которые приговорили ему постригать и приниматьъ крестьянъ, наказать нещадно шелепами; пришлыхъ разныхъ монастырей монаховъ въ количествѣ 20 человѣкъ допросить всѣхъ, и о чемъ нужно изслѣдовать, а по изслѣдованіи всѣхъ ихъ отослать въ свѣтскій судъ для учиненія публичнаго наказанія и ссылки въ вѣчное житье на Сибирскіе горные заводы.

Вслѣдствіе этого постановленія Св. Синода Исаія былъ сосланъ въ Кодинскій Троицкій монастырь Tobольской губерніи Березовскаго округа. Здѣсь онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе Tobольскаго митрополита Антонія Становскаго, который въ 1737 г. писалъ къ Нижегородскому архіепископу Питириму, засѣдавшему въ Св. Синодѣ (въ качествѣ члена) съ ходатайствомъ о помилованіи Исаіи. Антоній между прочимъ просилъ также о разрѣшеніи принять Исаію въ свой архіерейскій домъ во вниманіе къ тому, что у него, вслѣдствіе оскуднѣнія монашескаго чина, почти некому служить.

Исаія не только былъ прощенъ, но Св. Синодъ указомъ отъ 28 Сентября 1734 г. опредѣлилъ вину Исаіи оставить и денежную дачу по 200 рублей выдать за всѣ четыре года ея; іеромонашество возвратитъ попрежнему. Вѣроятно, по просьбѣ того же митрополита Антонія, Исаія въ 1739 г. былъ опредѣленъ архимандритомъ Нижегородскаго Зеленогорскаго монастыря, гдѣ вскорѣ по пріѣздѣ и скончался. (Монастырь этотъ упраздненъ въ 1764 г.; въ немъ находилось три церкви, нѣсколько каменныхъ зданій и монастырское кладбище, въ которомъ, по словамъ автора „Памятниковъ церковныхъ древностей“ арх. Макарія*), кромѣ игуменовъ и архимандритовъ, похоронено около 300 монаховъ и до 130 схимниковъ. Цѣлы ли теперь ихъ надгробія?)

Еще печальнѣе была участь бывшаго покровителя Исаіи, Нижегородскаго митрополита Сильвестра Холмскаго (Волицца).

*) СПб. 1857 г., стр. 315.

Онъ происходилъ изъ Холмскихъ дворянъ, родной братъ его былъ Холмскимъ помѣщикомъ, образованіе получилъ въ Кіевской Академіи (Коллегіи). Очевидно, вскорѣ по окончаніи курса Сильвестръ постригся и поступилъ въ казначей Новгородскаго архіерейскаго дома. Сдѣлавшись любимцемъ Новгородскаго митрополита Іова, онъ въ 1701 г. былъ назначенъ архимандритомъ Новгородскаго Деревяницкаго монастыря, черезъ годъ переведенъ въ Новгородскій Юрьевскій, а въ 1704 г. черезъ три года, по ходатайству того же Іова, опредѣленъ архимандритомъ Святотроицкаго Сергіева монастыря. Здѣсь онъ, какъ болѣе образованный среди своихъ собратьевъ-архимандритовъ, близко познакомился съ Ростовскимъ митрополитомъ святителемъ Димитріемъ и высокопоставленными людьми того времени. Получивъ нѣкоторую извѣстность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заслужилъ благоволеніе Петра I, такъ что по приказу Императора 14 Сентября 1708 г. былъ хиротонисанъ въ митрополита Нижегородскаго и Алатырскаго. Въ теченіе одиннадцати-лѣтняго управленія Нижегородской епархіей Сильвестръ, по словамъ автора „Исторіи Нижегородской іерархіи“, арх. Макарія, всю свою дѣятельность главнымъ образомъ сосредоточилъ на искорененіи раскола и постройкѣ новыхъ церквей и монастырей.

5 Марта 1710 г. Сильвестръ былъ, переведенъ, митрополитомъ же, въ Смоленскъ; но это онъ почелъ для себя пониженіемъ и виновникомъ считалъ Новгородскаго архіепископа Феодосія, игравшаго тогда уже большую роль. Пробывъ въ Смоленскѣ менѣе года, онъ былъ переведенъ въ Тверь, при чемъ, хотя митрополичье званіе за нимъ и было оставлено, ему велѣно носить клобукъ черный, а степенью стоять выше Коломенскаго. И въ Твери онъ тоже только строилъ да святилъ церкви, „а въ Тресвятскомъ выкопалъ пруды, сдѣлалъ насыпную гору и назвалъ ее Оаворомъ, подъ каковымъ именемъ она и доселѣ существуетъ“. Въ Ноябрь 1722 г. онъ, велѣдствіе настоящаго Синода, приступилъ было къ устройству духовнаго училища, но это предпріятіе его не осуществилось. 24 Февраля 1723 года, Петръ, будучи въ Преображенскомъ, указалъ именнымъ повелѣніемъ: во вдовствующую*) Рязанскую епархію перевести Сильвестра, архіерея Тверскаго, и быть отнынѣ той Рязанской епархіи епископіею, и именоваться ему, архіерею, (?) епископомъ. Причина такого пониженія заключалась въ томъ, что, будучи, человекомъ самолюбивымъ и гордымъ, Сильвестръ не могъ ни съ кѣмъ уживаться. Кромѣ того, онъ былъ не лишенъ и стяжательности: на него сыпались обвиненія въ незаконныхъ поборкахъ, растратахъ и присвоеніи монастырскаго имѣнія, что дало поводъ Синоду дѣлать разные начеты.

Несмотря на подобныя отношенія, Сильвестръ съ своей „необычной простотой“ имѣлъ дерзость писать, что-де „Государь Императоръ указалъ меня, стараго своего богомольца, митрополита, 15 лѣтъ имѣвшаго въ семь санѣхъ санагію и клобукъ бѣлый, перевести въ старую Рязанскую митрополию митрополитомъ же; но изувѣръ Оедось, увидѣвъ, что не его избраніемъ я

*) Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій † 27 Ноября 1722 г.

пожалованъ, по зависти своей, вымыслилъ, сообща съ Палехинымъ¹⁾ и съ Овсянниковымъ²⁾. Въ Синодальную палату велѣли сказать сказку: пожалованъ-де ты въ Рязанскую епархію, а ты, будучи тамо митрополитомъ, во время церковныя службы Бога за себя молить не вели, а пишися епископомъ. „И отъ оныхъ не вѣмы, за что уничтоженъ, что и значило—данную мнѣ митрополничью честь отъяли безъ всякой причины. Како пріятно будетъ, какъ пожалуютъ кого изъ генераловъ въ полковники, а въ духовномъ чинѣ изъ поповъ въ діаконы, а изъ офицеровъ въ солдаты?“ Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины Сильвестръ, пользуясь благоволеніемъ тогдашнихъ синодскихъ персонъ, Ростовскаго архіепископа Георгія Дашкова и Коломенскаго Игнатія Смолы, былъ вызванъ къ 7 Мая 1724 г. на коронацію Императрицы, въ Августѣ 1725 г. переведенъ въ Казань архіепископомъ. Вскорѣ по прибытіи на Казанскую епархію онъ подалъ Императрицѣ прошеніе, чтобъ за безвинное терпѣніе удостоить его прежнимъ митрополичьимъ званіемъ по примѣру Сибирскаго митрополита Антоія, у котораго такого званія не отнято. Синодъ указомъ 15 Марта 1727 г. просьбу Сильвестра удовлетворилъ: митрополичьяго чина удостоилъ, но съ тѣмъ, что „только носить ему черный клобукъ, какъ въ Твери“. Въ Казани онъ снова сталъ проявлять свою гордость и самолюбіе, и скорѣ завелъ сильную вражду съ Казанскимъ губернаторомъ, извѣстнымъ Артеміемъ Волынскимъ. Съ обѣихъ сторонъ начались доносы и жалобы. Сильвестръ обвинялъ губернатора въ воровствѣ, грабительствѣ и смертныхъ убійствахъ; Волынскій въ свою очередь не дремалъ и зорко слѣдилъ за всѣми дѣйствіями митрополита и скоро нашелъ подходящий случай отмстить своему недругу.

Синодальный членъ, Коломенскій митрополитъ Игнатій Смолы, по доносу Воронежскаго вице-губернатора, за потворство въ дѣлѣ епископа Льва Юрлова, былъ лишень сана и 6 Декабря 1730 г. былъ отправленъ въ Свіязскій Богородицкій монастырь къ архимандриту Гавріилу, съ угрозою „лишенія священства и монашества за малѣйшее отступленіе отъ правилъ ссылки“. Сильвестръ принялъ Игнатія, какъ своего бывшего покровителя, съ почетомъ и дѣлалъ ему всевозможныя снисхожденія. Волынскій, конечно, не преминулъ сдѣлать доносъ, добавляя, что Игнатій говорилъ Сильвестру: „ей ли... архіерея судить“, а митрополитъ-де на это ничего не сказалъ.

Начался, по обыкновенію, розыскъ. У Сильвестра отобрали все письма и бумаги, въ которыхъ нашли насквили на всеильнаго тогда Феофана Прокоповича съ обвиненіемъ его въ неправославіи, а также и другія укорительныя письма. Нашлись и свидѣтели непристойнымъ рѣчамъ митрополита. И на основаніи, впрочемъ очень шаткихъ, данныхъ, 30 Декабря 1731 г. состоялось опредѣленіе: „Игнатія Смолу сослать въ Николаевскій Корельскій монастырь и держать тамъ его подъ крѣпкимъ карауломъ безысходно, а Казанскаго Сильвестра содержать въ Невскомъ монастырѣ неисходно“.

¹⁾ Синодскій оберъ-секретарь.

²⁾ Ассессоръ Синода Варлаамъ.

Но недолго прожилъ опальный митрополитъ въ Невскомъ монастырѣ. По доносу уже самого Новгородскаго владыки Теофана, онъ 25 Марта 1732 г. за то, что говорилъ непристойныя рѣчи и „употреблялъ свои коварственныя ханжества“, былъ сосланъ въ Крыпецкій Псковскій монастырь. Жестоко обиженный, терпя притѣсненія не только отъ игумена Макарія и монастырской братіи, но даже отъ караульныхъ солдатъ, Сильвестръ наконецъ возмутился и чтобы вырваться изъ этой суровой обители, употребилъ обычное по тому времени кричаніе: „слово и дѣло государево“. Онъ потребовалъ, чтобы его съ сержантомъ Сукинымъ, который якобы билъ его, митрополита, кулаками и хотѣлъ даже умертвить,—вызвали въ Москву. Походная тайная канцелярія приказала взять ихъ съ сержантомъ изъ Пскова и везти порознь, а изъ опасенія, чтобы непотребныхъ словъ отъ нихъ не происходило, *заклепать имъ ротъ...* и смотрѣть, чтобы они не убѣжали или чѣмъ-нибудь себя не умертвили; въ пищи давать одинъ лишь хлѣбъ, переламывая на малые куски.

Опять началось слѣдствіе съ неизбежными допросами. 19 Октября 1732 г. въ Кабинетѣ состоялся приговоръ: снять съ Сильвестра архіерейскій санъ, лишить его іеромонашества и послать простымъ монахомъ въ Выборгъ, гдѣ содержать его въ замкѣ, называемомъ „Германъ“, для караула же опредѣлить капрала и четырехъ солдатъ, а сержанта Сукина, яко невиннаго, освободить.

Узникъ Сильвестръ скончался 31 Мая 1735 года. Послѣ его смерти оказалось въ Казани и Москвѣ принадлежащихъ ему денегъ 1319 руб. и кое-что изъ имущества, припрятаннаго въ Казани въ амбарахъ и зернѣ у знакомыхъ. Деньги были употреблены на постройку синодальнаго дома.

Такова была участь митрополита, прогнѣвившаго всесильнаго перваго члена Синода, архіепископа Теофана, который только однимъ годомъ пережилъ свою жертву.

Sunt lacrymae rerum.

Ростовъ Великій. 1911. Мая 2.

Андрей Титовъ.

Письма митрополита Исидора къ священнику Хуціеву.

1.

Получ. 26 Іюня 1848 г.

Секретно.

Нухинскому священнику Евстафію Хуціеву.

Въ разрѣшеніе репорта отъ 28 Мая за № 54-мъ даю знать, что съ чиновникомъ Давыдовымъ можно отправиться въ Шинское ущеліе, подъ предлогомъ совершенія требъ нижнимъ чинамъ, и если послѣдніе пожелаютъ, то удовлетворить ихъ духовнымъ нуждамъ, совершить у нихъ всенощное бдѣніе, молебень и исповѣдать тѣхъ, кои не исповѣдывались въ Великомъ посту. Между тѣмъ, съ благоразумною осторожностію, развѣдать объ образѣ мыслей Ингилойцевъ. Если бы кто изъ нихъ пожелалъ принять Св. Крещеніе, то окрестить его безъ излишней огласки, пригласивъ въ ущеліе Шинское, гдѣ работаютъ Русскіе солдаты. О послѣдующемъ мнѣ донести со всею подробностію.

Исидоръ экзархъ Грузинъ.

№ 534. 22 Іюня 1848 года.

2.

Получено 11 Января 1849 г.

Секретно.

Нухинскому священнику Евстафію Хуціеву.

Старанія твои и дѣйствія относительно Ингилойцевъ одобряю. Пользуйся прїѣзжающими въ Нуху, въ такомъ же тонѣ, какъ описано въ твоёмъ репортѣ. Медлительность успѣха не должна охлаждать усердія, потому что успѣхъ зависить отъ Бога. Въ Ингилойскія деревни

ѣздить не надобно, и перемѣнять священническое одѣяніе ни въ какомъ случаѣ не разрѣшаю.

Исидоръ экзархъ Грузіи.

№ 1114. 30 Декабря 1848 года.

3.

Священнику Евстафію Хуціеву.

Въ Шемаху перевезть тебя трудно, и для тебя вредно по извѣстнымъ отношеніямъ начальника губерніи.

Если бы Кубинскій Юсселианъ согласился помѣниться съ тобою мѣстами,—это сдѣлать не трудно было бы.

Намѣстникъ *) не говорилъ мнѣ о тебѣ ни слова; слѣд. если и подана ему записка, то оставлена безъ вниманія.

Служи усердно, веди себя осторожно и не опасайся козней. Зотиковъ, по требованію гражданскаго начальства, назначенъ депутатомъ при рѣшеніи дѣла въ судѣ. Если бы тамъ и сдѣлали какія-либо къ тебѣ придирки, осужденіе о тебѣ будетъ предоставлено намъ, и мы вытребуемъ подлинное. Слѣд. тебѣ опасаться нечего.

Миръ тебѣ и благословеніе!

Исидоръ экзархъ Грузіи.

Дек. 19-го 1851 г.

4.

Священнику Евстафію Хуціеву.

За трудъ по составленію Русскаго словаря благодарю. Для продолженія его можно вызвать священника Чолошаева въ Пуху. Нѣтъ надобности строго держаться словаря Сулханова. Если какому-либо Русскому слову нѣтъ соответствующаго въ Удинскомъ языкѣ, такое слово пропускать. Если произношенія Удинскаго слова нельзя въ точности передать Русскими буквами, такое слово прежде изобразить приблизительно одними Русскими буквами и противъ него написать въ скобахъ тоже слово одними Грузинскими буквами, но не вставлять Грузинскихъ буквъ въ средину Русскихъ. Сообразно съ симъ и возвращается тетрадь. Для образца словосочиненія, можно переложить на Удинскій языкъ какую-либо статью изъ Краткой Священной Исторіи.

*) Князь М. С. Воронцовъ, съ которымъ Исидоръ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ. П. Б.

PS. Относительно перевода въ Кубу, не безпокойся. Ежели здоровье слабо, лучше останься въ Нухъ; ибо въ Кубъ, говорятъ, мѣстность не совѣмъ выгодна для больныхъ. Туда пожелалъ ученикъ Прокль Иосселиани, о которомъ и производится дѣло.

Секретно. Наблюдай стороною, какой у васъ будетъ отголосокъ дѣла о обращеніи Ингилойцевъ. Это дѣло теперь начнется рѣшительно.

Исидоръ экзархъ Грузіи.

Генв. 24. 1851.

5.

Нухинскому священнику Хуцёву.

Такъ какъ ты прежде жаловался мнѣ на тяжесть климата и частыя болѣзни: то не желалъ ли быть перемѣщеннымъ къ Боржомскимъ минеральнымъ водамъ, близъ Ахалциха, гдѣ открывается вновь священническая вакансія съ жалованьемъ по 300 р.? Климатъ тамъ лучшій въ Грузіи. Прихожанъ до 300 изъ военныхъ, и въ нынѣшнемъ году придутъ 50 семействъ изъ Малороссіи. Слѣдственно и доходы будутъ. Отвѣчай мнѣ съ первою почтою.

Исидоръ экзархъ Грузіи.

Февр. 19. 1853.

6.

Нухинскому священнику Хуцёву.

Препровождаю къ вамъ напечатанныя Удинскія рѣшенія, съ тѣмъ, чтобы вы, при содѣйствіи учителя Нухинскаго училища г. Бежанова, природнаго Удина, поставили надъ каждымъ словомъ ударенія, смотря потому, какъ слово произносится Удинами, и затѣмъ печатные листы возвратили бы ко мнѣ въ возможной скорости.

Исидоръ экзархъ Грузіи.

№ 556. 24 Февраля, 1855 года.

Словарь возвращенъ при рапортѣ отъ 18 Марта № 18. Св. Ев. Хуцёвъ. При этомъ же рапортѣ посланъ и словарь Сулхановъ, бывшій у меня.

7.

Почтенный отецъ Евстафій!

На два письма твои отвѣтствую, что хотя мнѣ и жаль тебя, но, при всемъ моемъ желаніи облегчить твое положеніе, не вижу никакихъ средствъ. Въ Петербургѣ при многихъ церквахъ магистры и кандидаты Духовной Академіи служатъ діаконами, въ ожиданіи какого-либо свя-

щенническаго мѣста не только приходскаго, но даже въ казенныхъ заведеніяхъ, гдѣ многіе священники получаютъ жалованье не свыше 350 р. Есть нѣсколько діаконовъ, ожидающихъ такого мѣста болѣе 10 лѣтъ. Профессоры Академіи и Семинаріи, получая жалованья по 429 р., питаются тою же надеждою. Вагансіи священническія такъ рѣдко открываются, что я не могу отыскать средствъ для удовлетворенія ходатайствъ Государя Наслѣдника и В. К. Константина Николаевича объ опредѣленіи двухъ лицъ съ академическимъ образованіемъ. При такихъ обстоятельствахъ возможно ли помышлять о вызовѣ людей изъ другихъ епархій? Если губернаторъ Бакинскій принимаетъ въ васъ участіе, почему не попросить его о ходатайствѣ у намѣстника, чтобы къ жалованью прибавили что нибудь изъ мѣстныхъ экстраординарныхъ суммъ, или представили о прибавкѣ жалованья изъ казны? Если бы и это оказалось затруднительнымъ, можно просить экзарха о перемѣщеніи васъ въ другой городъ, гдѣ содержаніе не скучно, съ переводомъ на ваше мѣсто священника малосемейнаго.

Господь да устроитъ дѣла ваши по милости Своей!

Исидоръ м. Новгородскій и С.-Петербургскій.

Апрѣля 16. 1862.

Эти письма доставлены въ „Русскій Архивъ“ изъ Тифлиса сыномъ Евстафія Хуцѣева, съ нижеслѣдующими о немъ подробностями.

Евстафій Хуцѣевъ родился въ Москвѣ, мать его была Русская; отецъ же служилъ при Грузинской царицѣ Маріи виочерніемъ (эту должность занимали при Грузинскомъ дворѣ Хуцѣевы въ теченіе столѣтій). Царица Марія, какъ извѣстно, была поселена въ Москвѣ. Оставшись круглымъ сиротою въ младенческихъ лѣтахъ, Евстафій Хуцѣевъ былъ воспитанъ царицею Марією, которая дала ему отличное образованіе. Онъ учился въ Московской гимназіи и въ Лазаревскомъ Институтѣ, и только болѣзнь помѣшила ему окончить ученіе на медицинскомъ факультетѣ. Исидоръ, назначенный экзархомъ Грузіи, на пути туда навѣщалъ въ Москвѣ царицу Марію, которая попросила его взять съ собою на Кавказъ слабогрудаго ея питомца. Экзархъ полюбилъ Хуцѣева; онъ сдѣлалъ его секретаремъ и, посвященный въ священники, успѣшно распространялъ православіе. Позднѣе онъ служилъ благочиннымъ въ 39-ой полковой дивизіи, и въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ былъ раненъ въ голову и ногу, а по выздоровленіи назначенъ въ Севастопольскій Адмиральскій Соборъ, гдѣ и скончался 92-хъ лѣтъ отъ роду. Имѣлъ онъ ордена Анненскій и Владимирскій и золотой наперенный крестъ на Георгіевской лентѣ; за миссіонерство получалъ подарки отъ Государя и Великихъ Князей.

ВОСПОМИНАНИЕ О МИТРОПОЛИТѢ ИСИДОРѢ.

Въ послѣднее семилѣтіе Николаевскаго царствованія, цензурныя строгости доходили до крайнихъ предѣловъ: Д. П. Бутурлинъ настаивалъ, чтобы подвергнуть цензурѣ самую Библію и напечатать ее съ сокращеніями, на подобіе Латинской Вульгаты, что противорѣчило бы самому духу православной вѣры. Мѣра эта не была къ счастью принята; но Русскій переводъ Священнаго Писанія оставался въ строжайшемъ запретѣ, и два митрополита, Петербургскій и Кіевскій, возставали противъ мнѣнія Московскаго Филарета, который, еще въ царствованіе Александра Павловича, напечаталъ свой Русскій переводъ Псалтыря. Съ воцареніемъ Александра Николаевича рѣшено было издать полную Библію по-русски, и для этого снаряжена особая коммиссія подъ предѣдательствомъ Петербургскаго митрополита Исидора. Членамъ Коммисіи назначено значительное вознагражденіе. Когда дѣло было кончено, Исидору надлежало по расчету получить крупныя деньги. Онъ рѣшительно отказался, объявивъ, что не можетъ получать мзду за Слово Божіе. Я узналъ о томъ отъ моихъ двухъ племянниковъ, служившихъ тогда въ Св. Синодѣ.

Это расположило меня къ Петербургскому владыкѣ. Уже по выходѣ въ свѣтъ Русской Библіи, покойный Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ прочелъ мнѣ свой переводъ „Пѣсни-Пѣсней“ прямо съ Еврейскаго языка, котораго былъ онъ знатокомъ. Онъ далъ мнѣ прочесть письмо, полученное имъ отъ митрополита Исидора, котораго кто-то познакомилъ съ переводомъ Коссовича. Митрополитъ писалъ, что, зная онъ прежде про этотъ переводъ, то, конечно, помѣстилъ бы его въ синодальномъ изданіи Библіи. Письмо написано съ искренностію, просто и тепло.

Прямо отъ Коссовича съ Васильевскаго Острова поѣхалъ я въ Лавру, и когда меня ввели въ митрополичью гостиную, я услышалъ:

„Здраствуйте, Петръ Ивановичъ“. Я выразилъ удивленіе, почему извѣстно ему мое не только имя, но и отчество.— „Какъ же, ваши желтенькія птички (цвѣтъ обертки „Русскаго Архива“) и ко мнѣ прилетаютъ“. Оказалось, что Исидоръ, еще служа викаріемъ въ Москвѣ, часто видался съ И. М. Сибгиревымъ и раздѣлялъ его любовь къ Русской исторіи. Про Филарета говорилъ онъ съ благоговѣніемъ и разсказалъ, что когда одинъ изъ Московскихъ купцовъ вызвался на свой счетъ напечатать собраніе проповѣдей Филарета, то онъ возложилъ на своего викарія такую обязанность: прежде чѣмъ сдавать проповѣдь въ типографію, непременно отыскать въ ней что либо подлежащее поправкѣ или перемѣнѣ. „Но мнѣ ли было поправлять Филарета? Однако я долженъ былъ дѣлать мои ничтожныя прищѣпки“. Исидоръ былъ недоволенъ синодальнымъ Русскимъ переводомъ Библіи. „Одно только Евангеліе отъ Іоанна удовлетворяетъ меня; но этотъ переводъ сдѣланъ самимъ Филаретомъ“.

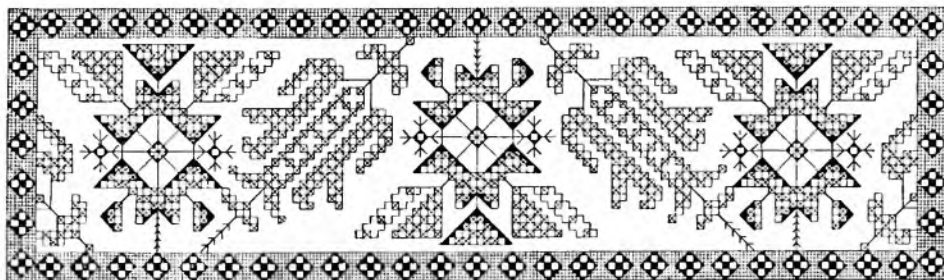
Исидоръ былъ человекъ вполне Русскій, простой, но себѣ на умѣ. На своей родинѣ, въ Калужской губерніи, построилъ онъ церковь, учредилъ больницу и училище, и все это безъ всякой огласки. Попеченіе его о дочеряхъ церковныхъ служителей выразилось въ огромномъ училищѣ на Невскомъ, близъ Лавры. И онъ же исполнилъ забытое завѣщаніе вдовы Державина: въ знаменитой Званкѣ воспитываются и обучаются, благодаря тоже ему, дѣвицы духовнаго званія.

Митрополитъ дожилъ до глубокой старости. Передъ своею коронаціею Александръ III-ій далъ ему знать, что если онъ чувствуетъ себя не въ силахъ, то пусть назначить самъ себѣ замѣстителя при совершеніи священнаго обряда; но Исидоръ въ Успенскомъ соборѣ громко и явственно принималъ участіе въ богослуженіи и обрядахъ вѣчанія на царство.

А. А. Пороховщиковъ мнѣ сказывалъ, что однажды Исидоръ позвалъ его къ себѣ къ семи часамъ утра и поручилъ сѣздить къ ювелиру, у котораго куплены были пожалованные ему къ ордену брилліанты. „Я посыпалъ; но онъ, продавъ брилліанты Кабинету за семь тысячъ, теперь хочетъ ихъ пріобрѣсти отъ меня за четыре тысячи рублей“. Пороховщиковъ, устроивши ему это дѣло, спросилъ его: „На что же понадобились вамъ, владыка, эти деньги?“ — „Да вотъ нынче продаютъ съ торговъ имѣніе одной мнѣ знакомой женщины. Она очутится въ нищетѣ, и мнѣ ея жалко; надо поспѣшить уплатою“.

П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1866-й годъ.

Новый годъ, 1866-й. Императоръ Наполеонъ съ удовольствіемъ взглянулъ на истекшій 1865-й годъ. Для Русскихъ, исключая смерти Настѣдника, онъ повидимому можетъ назваться замѣчательнымъ годомъ, годомъ гласности въ печати и въ судилищахъ, въ собраніяхъ городскихъ и земскихъ, гдѣ довольно опредѣленно формулировано заявленіе о конституціи. Но для Европы 1865-й годъ былъ плохой годъ. Ни одного вопроса общаго не рѣшили онъ; рѣшили нѣкоторые частные, о Шведской конституціи, о Датской конституціи довольно удачно, но Шлезвигское дѣло, Прусскую внутреннюю борьбу, Австрійское единство, центральное управленіе Германіи—болѣе нежели неудачно. Итальянскій вопросъ, конвенціею 15 Сентября, рѣшенъ, чтобы пробудить ожиданія и неудовольствія; Восточный вопросъ усложняется положеніемъ Славянъ и неустройствами Греціи, а вопросъ Польскій, хотя принялъ опредѣленное направленіе, клонящееся къ объединенію польщизны, но съ другой стороны грозитъ перейти и образовать въ Россіи новый вопросъ, Нѣмецкій. Кончилась война въ Соединенныхъ Штатахъ, расширилось господство Европы и цивилизаціи на отдаленномъ Востока. Вообще продолжительность и благосостояніе жизни развиваются въ неуклонномъ направленіи, но являются симптомы болѣзни, выражающіеся въ Европѣ въ вопросѣ о рабочихъ, принимающемъ значеніе общаго дѣла и силы, а у насъ въ вопросѣ о пьянствѣ и преступности.

Для меня годъ этотъ лично будетъ памятенъ процвѣтаніемъ моихъ крошекъ, нормально развивающихся и физически и нравственно, и моими болѣзнями, начавшимися отъ огорченій, до сихъ поръ меня удручаю-

*) См. выше, стр. 224.

щихъ. Памятенъ онъ и безвременнымъ, холоднымъ лѣтомъ, котораго половину я такъ дурно провелъ въ деревнѣ.

Дворянскія крамолы, послѣ Москвы, повторяются почти во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ представлялся случай, въ Тулѣ, въ Рязани, въ Орлѣ. Крамола вторглась даже въ земскія собранія, въ Костромѣ и Петербургѣ. Это дало поводъ Дм. Милютину и А. А. Зеленому вызвать вопросъ объ измѣненіи нынѣшнихъ земскихъ учреждений въ Совѣтъ Министровъ. Они находили, что излишнее вліяніе, предоставленное дворянству, даетъ этому сословію возможность агитировать и дѣлать предложенія, несогласныя съ мнѣніями и требованіями другихъ сословій. Изъ опасенія конституціи съ ними согласились старшіе члены. Валуевъ одержалъ полную побѣду и помѣстилъ въ „Сѣверной Почтѣ“ три превосходныя аналитическія статьи о нынѣшнихъ земскихъ учрежденіяхъ. Рязанскіе выборы дворянства кассированы, но агитація и оппозиція пробралась и въ городскія управы. Въ 4 № „Вѣсти“ напечатана рѣчь гласнаго гр. А. Строганова (отца мужа герцогини Лейхтенбергской), отличающаяся полною дерзостью противъ правительства, именно противъ министра финансовъ. Въ ней замѣчательна только дерзость, если содержаніе и справедливо. Я долженъ удостовѣрить, что рѣчь эта принята во всѣхъ кружкахъ Московскихъ съ большимъ сочувствіемъ. Общая оппозиція правительству въ дворянствѣ и агитація всѣхъ собраній противъ администраціи, въ настоящее время, суть общія мѣста и непремѣнное условіе. Неудовольствіе все растетъ, оппозиція развивается, печать усиливается, и строгости управленія становятся недостаточными. Явился нужда, явятся открытая вражда порядку и безопасности.

На дняхъ провелъ у меня цѣлый вечеръ предсѣдатель слѣдственной комисіи въ Симбирскѣ при сенаторѣ Ждановѣ оберъ-секретарь Синицкій. Онъ подробно разсказывалъ мнѣ о ходѣ дѣла, и общее впечатлѣніе на меня этого разсказа было то, что Ждановъ ничего не открылъ, а чтѣ открылъ не имѣетъ ни нравственной, ни юридической точности. Повидимому, наскучивъ 14 мѣсячнымъ безуспѣшнымъ разысканіемъ, слѣдствіе ударилося на сыщиковъ, которые, подъ руководствомъ квартальнаго Розова отыскивали двухъ дѣвокъ, Катерину Никандрову (Катьку) и Лисавету (Чубарову). На ихъ извѣстахъ построено все обвиненіе полковника Дудинскаго, командовавшаго батальономъ въ Симбирскѣ. Дудинскій—Русскій, православный. Показаніе дѣвокъ отличается смѣлостію и невѣроятіемъ. Лисавета, при увѣщаніи предсѣдателя (довольно неумѣтнымъ) упала на колѣни и въ слезахъ созналась, что всѣ обвиненія ея есть ложь, выдуманная и внушенная ей Катериною. Можетъ быть. Синицкій, по неудовольствію на Жданова, старается ослабить силу

уликъ и распоряженій сенатора, но самыя показанія Катерины (въ послѣдствіи подтвержденныя деньщикомъ Дудинскаго Пыляевымъ) представляются въ высшей степени невѣроятными. Есть основанія однако полагать, что въ средѣ порочнаго класса жителей были подкупные поджигатели.

Что занимаетъ и волнуетъ Москву? Праздники, туалеты, спектакли, для которыхъ явился и отличный организаторъ, графъ В. Салогубъ. Москву занимаютъ Петербургъ и новые судебные порядки. Гр. Уваровъ устроилъ художественный праздникъ, гр. Салогубъ—праздникъ артистовъ. Балъ у генераль-губернатора созвалъ все высшее общество Москвы. Изъ процессовъ замѣчательны: о поддѣлкѣ свидѣтельствъ лотерейнаго займа Неофитовымъ и Одасовскимъ и о коллѣж. сов. Кирѣевскомъ, племянникѣ графини Марьи Васильевны Адлербергъ, судимомъ за воровство-мошенничество. Первое дѣло, для спектакля, докладывалось въ залахъ Думы. Второе дѣло легло мнѣ на сердце. Н. А. Кир. мой давній пріятель; мое первое знакомство въ Петербургѣ, у его матери, по рекомендаціи его тетки, княгини Вар. Вас. Голицыной. Онъ братъ предназначенной невѣсты моей Catherine (теперь граф. Шуленбургъ, въ Калугѣ, вѣд.-губерн.). И вотъ генеральскій сынокъ, Французикъ изъ Бордо, серьезный химикъ, человекъ хорошей фамиліи и когда-то богатой, сидитъ на скамьѣ съ однимъ Французомъ и однимъ Пѣмцемъ, обвиняемыми въ мошенничествѣ. Въ № отъ 25 Янв. „Москов. Вѣдом.“ есть поправка, что Кирѣевскій не судится за воровство, а былъ спрашиваемъ по обстоятельствамъ дѣла. Поправка эта сдѣлана вслѣдствіе затребованной мною справки, а Кирѣевскій не протестовалъ и не претендовалъ. Къ счастью, и отецъ, и мать умерли. Онъ получилъ поверхностное Французское образованіе и имѣлъ направленіе матеріалистическое. Служилъ въ коннопононерахъ и въ послѣдствіи былъ полковникомъ и адъютантомъ графа В. Перовскаго въ Оренбургѣ, гдѣ замѣчательно описать и разобралъ бунтъ Киргизовъ. Выйдя въ отставку и переехавъ въ Москву, онъ нѣкоторое время занимался редакціей „Вѣстника естественныхъ наукъ“, прекратившагося по недостатку подписчиковъ. Я только одинъ разъ встрѣтилъ его прошлаго года и приглашалъ къ себѣ. Онъ у меня не былъ. Послѣ смерти родителей, оставшись безъ средствъ, онъ вошелъ въ сообщество пройдохъ-иностранцевъ и вѣроятно сдѣлался орудіемъ ихъ предѣлокъ.

Сегодня докладывалось у насъ въ департаментъ дѣло объ одномъ вороникѣ, котораго палата и осудила, безъ лишенія правъ, въ солдаты. Онъ лаконически апеллируетъ лѣтъ черезъ 12 (порядокъ!), говоря, что я виноватъ, но мнѣ было 15 лѣтъ. Секретарь докладываетъ, что

„приговоръ представляется правильнымъ, и апеллятору слѣдуетъ отказать“. Я выразилъ мое сомнѣнiе, находя, что назначить въ солдаты вмѣсто рабочаго дома и неправомѣрно, и несогласно съ закономъ. Оберъ-секретарь и оберъ-прокуроръ *ссылаются на статьи Уложенiя 1845 г.* и увѣряютъ, что они неизмѣнены. Я указалъ на законъ, измѣнившiй этотъ порядокъ еще въ 1850, и наконецъ на ст. 152 Уложенiя въ изданiи 1857 г. Тутъ возражать было нечего, и все согласился со мною. Порядокъ! Я рѣчь веду не о томъ, что суды ошибаются, а о томъ, какъ грубо они ошибаются, и какъ мало внушаютъ довѣрiя сенатскiе дѣльцы, всегда отличавшiеся опытностiю и знанiемъ законовъ. Ни палата (порядокъ!), ни сенатская канцелярiя не знали о такомъ коренномъ измѣненiи закона, имѣющаго вовсе перѣдкое примѣненiе.

Дурное состоянiе нашихъ учрежденiй зависитъ отъ личнаго состава, а въ назначенiяхъ его господствуютъ произволь, кумовство и пристрастiе. Въ настоящемъ случаѣ упадку сенатской канцелярiи много способствовало обнародованiе о скоромъ упраздненiи Сената. Порядокъ!

Обнародованiе въ „Виленск. Вѣстникѣ“ и перепечатанiе почти во всѣхъ газетахъ свѣдѣнiй объ Иосафатѣ Огрызко, одномъ изъ коноводовъ Польскаго бунта 1863 г., невольно ведетъ къ заключенiю если не о сообщничествѣ, то о большой оплошности Министерства Финансовъ, гдѣ Огрызко имѣлъ весьма большой кругъ дѣятельности, и Польскiе бунтовщики открытый притонъ. Уже и прежде „Современ. Лѣтописецъ“ и „Русскiй Вѣстникъ“ открыто обвиняли Министерство Госуд. Имуществъ въ открытомъ содѣйствii бунту въ западныхъ губернiяхъ; но участiе Огрызко такъ явно, такъ сильно и такъ нагло прикрывалось служебнымъ положенiемъ, что надобно удивляться, какъ Рейтернъ и Гротъ остаются статсъ-секретарями и на мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ не оправдывается ли общее подозрѣнiе въ тайной крамолѣ Великаго Кнзя Константина, имѣющей цѣлю, посредствомъ внутреннихъ переворотовъ, отъ запутанности дѣлъ и отношенiй, переимѣнить династiю? И въ Петербургѣ и особенно въ Москвѣ его не иначе разумѣютъ, какъ крамольникомъ и не иначе называютъ какъ Орлеаномъ. Я помню, какъ на вопросъ мой о результатахъ слѣдствiя о пожарахъ, министръ отвѣчалъ мнѣ: *aucune, l'enquête s'arrête à la porte qui ne veut pas s'ouvrir, au Palais de Marbre.* Правда, легонькiе министры наши не дорожатъ ни словами, ни отзывами; такова эпоха, такой коллобродъ посреди массы неестественныхъ, безпрестанныхъ преобразованiй, дающихъ скорости законности необходимости, какъ во времени, такъ и въ рѣчахъ и дѣйствiяхъ. Но всему мѣра, должна быть мѣра и легкости.

По моему убѣжденiю мы идемъ къ диктаторской власти. Журнализмъ въ полномъ развалѣ, демократизмъ нищетъ въ себѣ широкаго

пути въ земскихъ учрежденіяхъ, которыя хотятъ овладѣть хозяйствомъ и имуществомъ государства, и недалеко время господства, предводимаго единичными вожаками. Нужда приведетъ къ конституціи, а нужда уже началась. На Парижъ рубль стоитъ 319, внутри обращеніе цѣнностей затруднено чрезвычайно. Случись голодь или экстраординарная затрата, и собраніе нотаблей выразитъ все недовѣріе, все презрѣніе къ Петербургскому правительству, къ Петербургскимъ реформаторамъ, администраторамъ и педагогамъ. Повторяю: слово Петербургскій въ Москвѣ есть слово бранное.

Время раздраженія, порицаній и нетерпимости не прошло и не проходитъ. Оно возрастаетъ, усиливается и распространяется. Нѣтъ собранія, временнаго или постояннаго, въ которомъ не было бы кабалы, крамолы, сплетень или какихъ гадостей. Въ Купеческомъ клубѣ украдены деньги, въ Англійскомъ клубѣ ведетъ крамолу нѣкто Бѣшенцовъ и требуетъ на судъ старшинъ. Другое заявленіе требуетъ исключенія крамольщиковъ. Рахмановъ требуетъ копій съ переписки, чтобы вести дѣло судомъ. Въ Юридическомъ обществѣ пропали деньги. Въ Обществѣ любителей словесности является новая партія. Обществомъ завѣдывали Славянофилы, его воскресилъ Хомяковъ, его вели Погодинъ и Ив. Аксаковъ. Теперь въ него втираются нигилисты и произвели жаркіе сценъ-скандалы. Они выставили кандидатомъ въ секретари Котляревскаго и ловко сдѣлали его выборъ. Онъ оказался *подъ надзоромъ полиціи*, и Погодинъ замѣтилъ это, и Котляревскій, въ весьма ироническомъ тонѣ, отказался отъ должности, прося выбрать болѣе благонадежнаго, который могъ бы лучше пользоваться и довѣріемъ въ расходахъ, и вниманіемъ предѣдателя. Онъ уволенъ, и все внесено въ протоколь. Въ слѣдующемъ собраніи Чижевъ, Буслевъ и др. требовали уничтоженія приговора и избранія Котляревскаго. Шумъ сдѣлался общій, когда С. А. Масловъ началъ читать мнѣніе о томъ, что въ члены общества и въ секретари выбирались всегда люди извѣстные, доброкачественные. Калачовъ, временный предѣдатель, едва удержалъ собраніе, предложивъ балотировку, просить или не просить Котляревскаго. Рѣшено — большинствомъ 1 голоса просить, Котляревскій избранъ и, по совѣту, шепотомъ сказанному Калачовымъ, отказался, извиняясь многодѣліемъ. Тогда избранъ прежній, М. П. Полуденскій, отказывавшійся прежде единственно потому, что съ Погодинымъ работать трудно, а Погодинъ теперь отстраненъ, и ему подносятъ благодарственный адресъ. Безпрестанныя исторіи. Надобно переждать. Время выводитъ все изъ колеи.

23-го. Я познакомился съ профессоромъ богословія Сергіевскимъ, и разговоръ шелъ о его отчетѣ министру по обозрѣніямъ и совѣщаніямъ о порядкѣ преподаванія богословскихъ наукъ въ нашихъ уни-

верситетахъ. Онъ и товарищъ его находятъ его неудовлетворительнымъ, и Сергіевскій полагаетъ вновь введенныя уставомъ 1864 г. церковныя кафедры (церковное право и церковную исторію) сгруппировать вмѣстѣ и, распространя преподаваніе богословія, предоставить 4 преподавателямъ соединяться для совѣщаній и обмѣна мыслей. Я нахожу, что это есть зарожденіе богословскаго факультета и не оспариваю полезности этой мысли; желаю только, чтобы она была выражена откровенно и могла на дѣлѣ имѣть развитіе и примѣненіе. Сергіевскій отрицаетъ мысль о факультетѣ въ своемъ отчетѣ и утверждаетъ, что сгруппированіе предметовъ только усилитъ познанія студентовъ въ богословской наукѣ, находящіяся теперь въ разсѣяній и подъ давленіемъ массы факультетскихъ предметовъ. Это, думаю я, не болѣе какъ хитрость и неловкая уловка: церковное право и исторія въ двухъ разныхъ факультетахъ имѣютъ цѣлю не то что богословіе (т. е. православіе), и обнимаютъ все исповѣданія, слѣдовательно имѣютъ цѣль научную и факультетскую.

Другой предметъ спора—значеніе преданія. Сергіевскій полагаетъ, что преданіе способно развиваться, приращаться и убавляться въ условіяхъ мѣста и времени. Да, но не преданіе церковное, которое потому только и обязательно, что всецѣло и чисто передается изъ вѣка въ вѣкъ и отъ одного поколѣнія и народа другимъ. Иначе, гдѣ же предѣлъ произволу ума, вращающагося въ разныхъ условіяхъ времени и мѣста? Такъ мы придемъ къ понятію о преданіи индивидуальномъ, т. е. къ либеральному протестантизму. Я опасуюсь этого толкованія и думаю, что это придумывается для объясненія многихъ установленій православной церкви, неполнѣ согласныхъ съ первобытными преданіями: работа, стоящая обширныхъ изслѣдованій и крайне нужная. Миѣ неизвѣстна подобная работа, и я не нашелъ ее въ чтеніяхъ о Иванцова-Платонова, обращающихъ особенное вниманіе (и довольно безпристрастно) на развитіе папской власти и упадокъ патріархатовъ на Востокѣ.

Сергіевскій говоритъ хорошо, въ немъ мало поповскаго; но щегольство рясы и рукавичковъ, прямолинейная походка и неискренняя строгость выраженія глазъ внушаютъ какое-то предубѣжденіе и отдаляютъ отъ убѣжденія или сердечнаго довѣрія.

Иереміады Каткова и Погодина, принимаемыя всеми на слово, увѣряютъ всехъ и cadaго, что уровень нашего средняго и высшаго образованія значительно понизился и что явленіе солиднаго, ученаго труда дѣлается рѣдкимъ исключеніемъ. Министръ Головинъ думаетъ иначе. Въ книгѣ его пріятеля Н. Ханькова, составленной по офици-

альнымъ матеріаламъ и изданной въ Парижѣ: „*Études sur l'instruction publique en Russie*“, Головиннѣ точно повторяетъ: „*les grades de l'étudiant effectif et de candidat étaient facilement obtenus en 1860 et 1861 par des jeunes gens, qui auraient certainement échoué devant les examinateurs des années 1840 (годъ окончанія курса Головиннымъ) et suivantes*“. Sic! Но вотъ совершена реформа, и новый уставъ университетскій утвержденъ. На другой же годъ Ханыковъ-Головиннѣ пишетъ: *Il serait téméraire de vouloir apprécier toute l'influence que cette nouvelle législation est appelée à exercer sur les universités russes (погодите!); mais on serait injuste envers ce règlement, si l'on ne signalait quelques-uns des effets salutaires qu'il a déjà produits (déjà?) Ainsi, sans aucun doute, le moral des universités a été favorablement réformé (déjà?) par la nouvelle loi: les règles de discipline (ils appellent cela discipline!) établies par les conseils universitaires ont partout été acceptées sans opposition par les étudiants (экая милость!) et partout elles sont rigoureusement exécutées, sans provoquer ni murmures, ni plaintes (экая милость!) Les désordres, si fréquents dans les universités, il y a peu d'années, ont complètement disparus. (Этого мало. погодите). Mais le résultat le plus satisfaisant de la nouvelle réforme est que, sous ses auspices, les étudiants déploient infiniment plus de zèle pour les études, que par le passé (И этого мало!). Ils visitent assidûment, dans leurs moments de loisir, les bibliothèques, les laboratoires et les cliniques, et ce retour vers les occupations sérieuses, joint au calme de leur existence, permet de croire que les désordres и пр. и пр. Ожидайте!*

Погодинъ и Катковъ говорили изъ мщенія.

Но вотъ профессоръ Тихонравовъ разбираетъ „Историческіе очерки средневѣковой драмы“ магистра Петра Полеваго, написанные для полученія степени доктора Русской словесности и, посмѣявшись надъ заносчивостію и невѣжествомъ школьника, на 10 страницахъ заключаетъ такъ: „Но довольно. Мы не имѣли въ виду писать разборъ книги г. Полеваго (она того не стоитъ); мы хотѣли только заявить въ Русской журналистикѣ фактъ, слишкомъ громко и рѣзко свидѣтельствующій объ упадкѣ серьезнаго ученія въ нашихъ гимназіяхъ, о печальномъ и обратномъ направленіи нашего школьнаго образованія. Не странно-ли, что одинъ изъ Русскихъ университетовъ удостоилъ магистерской степени по филологическому факультету человѣка, не умѣющаго ни склонять, ни спрягать по-латини? Не возмутительно-ли видѣть, какъ невѣжество и самозванство съ свойственными имъ нахальными ухватками судить вдоль и поперекъ о томъ, чего не только не понимаютъ, чего не въ состояніи, по своимъ средствамъ, понимать? Не прискорбно-ли думать,

что человекъ, снискавшій себѣ дипломъ беззащитнымъ обращеніемъ съ наукою, будетъ учить съ кафедръ молодое поколѣніе тому, что Гербертъ жилъ въ XIII вѣкѣ и что quī средняго рода, а quod—мужескаго“ („Русск. Вѣстн.“ № 1 за 1866 г.). Вотъ они, новѣйшіе успѣхи новѣйшихъ порядковъ.

Но не должно односторонне увлекаться порицаніями, всегда легкими во времена реформъ, особенно реформъ столь коренныхъ и рѣзкихъ какъ наши. Не подлежитъ сомнѣнію, что ученое и учебное развитіе ослабли и измѣнили методъ и направленіе, но не подлежитъ сомнѣнію и то, что дѣльность и истинность жизни и ея стремленій проявляются оцутительнѣе, и настоящія нужды выясняются вѣрнѣе.

Оказывается, что удавившійся казначей митрополита дѣйствительно могъ посягнуть на жизнь свою изъ опасенія отвѣтственности за деньги, которыхъ послѣ него не досчитывается болѣе или около 500 р. Митрополитъ, узнавъ о самоубійствѣ, тотъ же часъ написалъ къ генералъ-губернатору, прося его распорядиться, чтобы полиція не вмѣшивалась въ это дѣло. Кн. Долгорукій исполнилъ это желаніе, и іеромонахъ похороненъ безъ огласки. Но хорошо-ли дѣлаетъ старикъ Филаретъ, прибѣгая, въ настоящее время, къ такимъ исключеніямъ и привилегіямъ? Въ такое болтливое время надобно дѣйствовать не только осторожно, но и открыто. Молодая гласность не только болтлива (мнимое сознаніе своего мнимаго достоинства нѣсколько сдерживаетъ языкъ) сколько дерзка, любопытна и подозрительна. Она ищетъ скандала и удовлетворяется формальностію, лишь бы оправдаться передъ формальнымъ правомъ и положить печать обличенія.

Вотъ послѣдовали и частію обнародованы назначенія на новыя судейскія мѣста. Они сдѣланы дѣльно и удачно; могли быть дѣльнѣе и удачнѣе, но трудно добраться до точныхъ основаній, по которымъ выборъ остановился именно на назначенныхъ. Почему попали въ кассационный департаментъ Войцеховичъ, пользующійся самою невыгодною репутациею и пріязнію только министра Замятнина; Арцимовичъ, называемый завзятый Полякъ и никогда спеціально не занимавшійся юстиціею; Набоковъ, младшій сенаторъ и мало занимавшійся судебными дѣлами. Если Полѣновъ и Гольтгоеръ назначены старшими предѣдателями какъ самые младшіе сенаторы, то можно бы было сдѣлать исключеніе во вниманіе къ глухотѣ послѣдняго. Особенно непонятно для меня назначенія Г. Н. Мотовилова предѣдателемъ Окружнаго Суда въ Петербургѣ. Это самое важное мѣсто въ судебной организаціи, особенно въ Петербургѣ. Мотовиловъ человекъ прекрасный и велъ палату хорошо, но для довѣрія публики, по важности мѣста, необхо-

димо, чтобы постъ этотъ занималъ человѣкъ почтенный, опытный и сдѣлавшій себѣ имя въ средѣ судебной. Войцеховичъ назначенъ Замятнинимъ какъ сенаторъ, особенно занимавшійся разборомъ проекта уставовъ. Арцимовичъ и Набоковъ назначены великимъ княземъ Константиномъ, а о Мотовиловѣ будто бы просилъ князь Суворовъ. Впрочемъ на всѣхъ не угодишь, и отступленія, допущенныя при нынѣшнихъ назначеніяхъ, еще примиримы съ хорошимъ началомъ.

Борьба демократіи вступаетъ въ новую стадію. Не говоря о неизбѣжномъ столкновеніи Соединенныхъ Штатовъ съ Европейскимъ монархизмомъ въ Мексикѣ, не говоря ни о Шведской конституціи, измѣнившей свой сословный характеръ, ни о предположеніяхъ реформы въ Англійскомъ представительствѣ, ни о борьбѣ Прусскаго юнкерства съ Шлезвигъ-голштинскимъ гражданствомъ, я очень опасаясь борьбы социальной въ самой Франціи и открытой кампаніи гр. Бисмарка съ депутатами Пруссіи. Палата неправа въ одномъ: она не имѣла права отмѣнять или уничтожать (неправильное, да) постановленіе верховнаго суда, но за то гр. Бисмаркъ виноватъ кругомъ. Безцеремонность, запосчивость, дерзость его перешли всѣ границы, и управленіе четыре года безъ бюджета можетъ отозваться самымъ невыгоднымъ образомъ на королевской власти и на династіи. Палаты закрыты, и въ рѣчи правительства опять слышенъ обвинительный актъ противъ палаты, затрогивающій самые важныя и деликатныя интересы государства. Теперь депутатамъ остается, какъ и королю, обнародовать деклараціи для оправданія себя во взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ. Иначе конституціонная жизнь и конституція въ Пруссіи будутъ считаться химерами, никогда не выработаются и приведутъ общее мнѣніе къ убѣжденію, уже распространенному между учеными и адвокатами...

Закрытіе Прусскихъ палатъ, революція въ Дунайскихъ княжествахъ и у насъ заемъ 100 мил. съ выигрышами, въ Австріи и вездѣ замѣшательства и запутанность ужъ не приготавлиють-ли новаго 1848 г.? А срокъ 18 лѣтній насталъ, и многія дѣла созрѣли. Я говорилъ о Прусскомъ столкновеніи. Рѣчь Гнейста чрезвычайно сильно и рѣзко обвиняетъ Бисмарка въ произволѣ, котораго центральный источникъ система Наполеона III. Низложеніе кн. Іоанна Кузы можетъ произвести важныя столкновенія, если вмѣшаются великія державы. Турція должна настоять на автономіи княжествъ, хотя бы раздѣленныхъ между собою, и не допускать сношеній съ южными Славянами. Дунайскіе народы готовы соединиться вмѣстѣ, хоть бы подъ скипетромъ принца Наполеона, и основать сильную имперію или федерацію съ Венгеріей во главѣ. Заемъ нашъ очевидно военный, на случай всякихъ случайностей. Желательно бы было заявить при этомъ недовѣріе правительству и не поку-

пять билетовъ, не подписываться на свидѣтельства. Такъ думаетъ довольно значительная партія въ Москвѣ, и самый постепенный выпускъ билетовъ, по приблизительно биржевой цѣнѣ, можетъ служить поводомъ къ возвышенію билетовъ 1864 г. и къ неудачѣ новаго займа.

Въ Прусской палатѣ и въ Ясской интригѣ обвиняють Наполеона. Странное положеніе этого современнаго гиганта въ вѣкъ массъ и пигмеевъ. Онъ вездѣ вмѣшивается и вездѣ оставляетъ за собою замѣшательства. Въ Турціи, со времени Крымской войны, восточные христіане въ худшемъ, безвыходномъ положеніи: въ Италіи папство ничего, по *possumus*, а Австрія съ сосѣдкой въ непримиримыхъ отношеніяхъ; внутри Франціи униженіе характера и уровня просвѣщенія и народной рѣчи возмутительны. Заносчивость завела его въ Мексику, и онъ и Максимилианъ рѣшительно не знаютъ что дѣлать. Запустилъ онъ руку въ Дунайскія княжества, и тамъ бунтъ; заступаетъ онъ за Эльбскія герцогства, и тамъ распри. Ненависть Русскихъ къ нему понятна, но его ненавидятъ еще сильнѣе Нѣмцы; его ненавидятъ и Итальянцы. упрекающіе своихъ министровъ въ излишней уступчивости Франціи. Его огромное число ненавидитъ и въ самой Франціи, и на его низложеніе направлены взоры всѣхъ людей въ Европѣ, которые думаютъ о нормальномъ порядкѣ въ развитіи Европейской цивилизаціи. Если онъ вотрется на Дунай и на Эльбу, онъ непременно напутаетъ. Корысть національная, корысть династическая и личная ослѣпляютъ и путаютъ его.

Пріѣздъ товарища министра и главнаго дѣятеля въ министерствѣ Стояновскаго нисколько не проявилъ дѣла о назначеніяхъ на новыя судебныя мѣста. Все покрыто туманомъ, и все долго еще будетъ дѣломъ произвола и кумовства. Министерству слѣдовало предначертать точныя объ этомъ правила и обнародовать ихъ, чтобы устранить сомнѣнія и безпокойства въ лицахъ заинтересованныхъ, имѣть самому основу дѣйствій и избавить личность Государя отъ всякихъ нарѣканій. Министерство не совсѣмъ постигаетъ важность окружныхъ судовъ и помышляетъ болѣе объ окладахъ, напихивая въ Сенатъ и палаты своихъ протежѣ и пріятелей. Окружный судъ есть важнѣйшая инстанція и потому должна быть обставлена такъ, чтобы правительство, общество и присяжные и повѣренные смотрѣли на него съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, съ полнымъ довѣріемъ не потому, что это судъ, а потому, что это почтенный и вполне вѣрный судъ, имѣющій свой авторитетъ опыта, знанія и положенія. Отвѣчаютъ-ли этимъ требованіямъ личности Польшова, Гольтгоера, Мотовилова и Люминарскаго? Сомнѣваюсь. Они имѣютъ видъ старѣющихъ холостяковъ, которые любятъ независимость и свободу и которымъ дѣйствительная жизнь

извѣтна только изъ дѣлъ. Если они не будутъ школьничать, то во всякомъ случаѣ авторитетъ ихъ не имѣетъ никакой опоры ни въ наукѣ, ни въ достоинствѣ положенія и серьезности жизни. Умѣютъ-ли наши председатели сидѣть и говорить? Сомнѣваюсь.

Изложеніе Молдо-валахскаго правителя, князя Іоанна Александра Кузы, произвело въ Москвѣ общій говоръ о войнѣ, особенно когда въ это же время объявленъ совѣмъ неожиданный заемъ (второй) съ выигрышами. Я не вижу настоятельной причины войны и не думаю, чтобы какое государство имѣло достаточные для того способы. Развѣ Франція, чтобы заглушить оппозицію и отвлечь вниманіе отъ Мексики; развѣ Пруссія, чтобы выйти изъ открытой войны съ представительствомъ? Военные расходы будутъ, но войны не будетъ. Куза просто обокралъ казну и уѣхалъ, чтобы соединиться съ своею любовницею, кн. Марьей Обреновичъ въ роскошномъ Парижѣ и жить припѣваючи. Никакой принцъ не подается на избраніе, и изберутъ туземца. Но княжества могутъ стянуть къ себѣ все христіанскія населенія Турціи и грянуть на султана, отложиться отъ него и образовать если не великое государство, то федерацію. Думаю, что для послѣдней нѣтъ въ мѣстностяхъ достаточной зрѣлости, а для первой нѣтъ героя. Россія, по доктринѣ кн. Горчакова, будетъ держаться Парижскаго трактата. Англія тоже. Но если теперь дѣло не разрѣшится войною, война все-таки будетъ. Броженіе вездѣ, и начало національности и народныхъ вольностей требуетъ измѣненія карты Европы. Оно совершается, и можетъ быть путемъ задуманнаго конгресса, и совершится насильственно. Всемирный бунтовщикъ, олицетвореніе революціи, Наполеонъ приглядывается и придумываетъ своекорыстныя комбинаціи. Жаль, если онъ впутаетъ тутъ Польшу. Вопросъ этотъ рѣшенъ. Границы 1772 г. не находимы, онѣ затерялись. Бытіе Польши между Россіей и Германіей немислимо. Основаніе Восточной Имперіи—единственная состоятельная мысль и, кажется, событія склоняются къ ея осуществленію.

Въ короткое время, по особеннымъ обстоятельствамъ (я имѣлъ случай сдѣлать какое-то одолженіе въ 1852 г.) я очень сошелся съ генераломъ Гильденштубе, начальникомъ Московскаго военнаго округа. Онъ человѣкъ лѣтъ 64, просвѣщенный и отлично симпатичный. Мы многократно сходились и толковали о современныхъ дѣлахъ и вопросахъ, которымъ онъ сочувствуетъ болѣе нежели можно бы было ожидать по его возрасту и положенію. Здѣсь конечно есть своя доля и политики придворнаго человѣка. Онъ совершенно одобряетъ наши военныя реформы и даже отмѣну тѣлесныхъ наказаній, возбуждившую (я помню) такіе крики въ Петербургѣ. Онъ особенно хвалитъ учреж-

деніе округовъ и предсказываетъ имъ блестящее приложеніе, преимущественно въ военное время или при внутреннихъ замѣшательствахъ. Онъ ожидаетъ значительнаго сокращенія въ военномъ бюджетѣ, особенно при увѣренности въ сохраненіи мира, за которое ручается пока одно только разстройство финансовъ, но которому угрожаютъ всѣ симптомы возвратной, періодической горячки. Программа 1789, умаленная трактатами 1815, возобновляется почти ровно черезъ 15—20 лѣтъ. Отъ усиленной реакціи Меттерниховой системы она прорвалась въ 1830 г. и потомъ черезъ 17 лѣтъ въ 1848. Теперь прошло цѣлыхъ 18 лѣтъ, и матеріалы для взрыва накопились огромные. Гилденштубе этого не допускаетъ. Беспорядки 1848 и 1849 г.г. повсюду убѣдили благомыслящихъ людей въ необходимости сильной и крѣпкой власти. Да, благомыслящихъ; но не объ нихъ рѣчь, не отъ нихъ исходятъ бури. Естественныя связи народовъ требуютъ преимущественнаго вліянія предъ случайными и искусственными, рациональныя соединенія берутъ верхъ надъ историческими.

Большіе толки возбудить указъ Сената о *несовершеннолѣтнемъ* Рязанскомъ исправникѣ Левашевѣ, который, пьяный молодой человекъ, 20 лѣтъ, производя розыски о бѣжавшихъ арестантахъ, позволялъ себѣ разные незаконные, неистовые поступки и жестокости. Преданный суду, онъ присужденъ къ домашнему аресту на 1½ недѣли, и приговоръ палаты утвержденъ губернаторомъ. По донесенію прокурора Ланге министру юстиціи, дѣло пересматривалось въ Сенатѣ и, по предложенію министра, Сенатъ нашель, что Левашева слѣдовало отдать въ солдаты безъ лишенія правъ состоянія; но такъ какъ приговоръ вошелъ въ законную силу и усилить наказаніе нельзя, то Сенатъ оставилъ рѣшеніе въ своей силѣ, прибавя, въ административномъ порядкѣ, чтобы Левашева ни въ какую службу не принимать, ни въ государственную, ни въ общественную, ни къ выборамъ не допускать ни въ городахъ, ни въ земствѣ. Крики противъ назначенія въ исправники пьянаго мальчишки и противъ жестокосердія этого пьянаго юноши весьма основательны и законны. Газеты вѣроятно разработаютъ эту тему съ большою охотою и хорошо сдѣлаютъ. Рязанцы покричатъ о нелюбимомъ губернаторѣ (Стремоуховѣ), который насолил имъ на выборахъ. Все это въ порядкѣ вещей. Но почему же не обратятъ вниманія и на юридическую сторону указа Сената? Сенатъ *усузбляетъ* наказаніе, да такъ, что *лишаетъ* правъ (и самаго существеннаго) состоянія, и все это административнымъ порядкомъ. Самые пылкіе говоруны должны были согласиться съ моимъ замѣчаніемъ, и Левашевъ показалъ бы себя глупцомъ, если бы не потребовалъ законнаго наказанія безъ лишенія правъ.

Въ моихъ глазахъ это важно уже и потому, чтобы дать урокъ о законности и формальности Сенату и министру. Левашевъ просиль, и Государь дозволилъ ему вступить въ военную службу. Онъ дѣйствительный студентъ Московскаго университета.

Съ 1855 г. у насъ началось исканіе и броженіе людей и именъ. Хоронили Грановскаго, хоронили Мартынова, величали Бѣлинскаго. Все какъ-то не впопадъ. Теперь, кажется, Петербургъ нашелъ національнаго человѣка: это—князь Григ. Алексѣевичъ Щербатовъ, бывшій попечитель университета и губернской предводитель въ Петербургѣ. Онъ настоящій герой нашихъ дней и минутъ. На дворянскихъ выборахъ, отказываясь отъ предводительства, сдѣлавшагося бесплоднымъ или незначительнымъ въ смыслѣ служенія обществу, кн. Щербатовъ, въ блестящей рѣчи, предложилъ дворянству (новая фаза Московской мысли) ходатайствовать, чтобы право представленія о своихъ нуждахъ съ назначеніемъ особыхъ депутацій, принадлежащее дворянскому сословію, было перенесено на земство. Это довольно рационально и встрѣтило большое сочувствіе за исключеніемъ небольшой оппозиціи стариковъ генераль-адъютантовъ и бюрократовъ, постепенно смолкавшей посреди почти общей аккламаціи. Но предложеніе это обставлено было такими обязательными требованіями, которыя изъ ходатайства дѣлали обязательное участіе земства въ Государственномъ Совѣтѣ. Правительство отказало, и князь Суворовъ, столь лично преданный Государю, выдалъ его, сообщивъ высочайшій отказъ и заключивъ въ свои объятія кн. Щербатова. Предводителемъ выбранъ и утвержденъ Московскій крамольникъ и ораторъ гр. Орловъ-Давыдовъ. Новое торжество! Щербатова засыпали письмами, портретами, стипендіатами и клубными выборами. Ему давали объѣдъ, на который пригласили его сына, и безконечные и многіе спичи прославляли его „гражданское мужество“. Все это продолженіе крамолы и фронтёрства; но все это и положеніе, принятое безценсурною печатью, доказываетъ такое шаткое состояніе правительства, что вовсе не удивляешься повсемѣстному разстройству дѣлъ, независимо отъ быстрыхъ, незрѣлыхъ, безпрестанныхъ реформъ, трудно усвояемыхъ дѣйствительностію. Фронтёрство продолжалъ и новый предводитель на объѣдъ, данномъ имъ Остзейскому дворянству въ Петербургѣ. Гр. Орловъ-Давыдовъ, провозглашая въ честь ихъ тостъ, поздравилъ ихъ съ побѣдою надъ правительствомъ. Грустное явленіе: и эта побѣда, и это поздравленіе. Если эта побѣда оскорбляетъ національное Русское достоинство, то и провозглашеніе этой побѣды Русскимъ аристократомъ, сдаваясь мщеніемъ и злорадостію, обличаетъ большую слабость правительственнаго авторитета, какъ бы отказывающагося отъ подобающаго и необходимаго его значенія.

Читалъ я „La Révolution“ Едгарда Кине. Замѣчательная книга. Прежде всего это памфлетъ, но серьезный, ученый и весьма сдержанный. Почти на каждой страницѣ встрѣчаются намеки и указанія на I и III Наполеоновъ. Потомъ, это сочиненіе демократа и протестанта, для котораго форма правленія и религіи имѣютъ едва-едва второстепенное значеніе. Въ третьихъ, это систематикъ, который любитъ прибирать и гнуть событія, любитъ вертѣть ими, забѣгать и удаляться, какъ нужно для предвзятой цѣли. Прибавьте ко всему этому умъ зрѣлый, ученость и превосходный языкъ, прибавьте горечь изгнанника и слабую надежду старѣющаго республиканца, и литературное значеніе книги будетъ окончательно очерчено и оцѣнено. Значеніе книги Кине, какъ исторіи, должно вызвать много споровъ. Онъ прежде всего памфлетистъ, ему нужно уязвить Наполеона III, и аллюзіи у него безпрестанно, нерѣдки пропуски и недомолвки и часто парадоксы. Огромный парадоксъ его, на которомъ построено почти все зданіе, это то, что революція не нашла никакого историческаго элемента, на который можно бы было опереться, кромѣ рабства, и исторіи до 1789 г. какъ бы не было. Какъ? А королевская власть? А духовенство Галликанское? А парламенты, которые постоянно стремились установить судебную монархію? Второй капитальный парадоксъ—отсутствіе коноводовъ. Онъ и терроръ приписываетъ „неизвѣстнымъ“, хотя признаетъ, что онъ былъ началомъ партіи, а не послѣдствіемъ необходимости. Пожалуй, но партія приняла это начало по необходимости, по убѣжденію въ ея необходимости.

Меня ни сколько не удивляетъ, что губернаторъ кн. Оболенскій, съ своими гостями, принялъ роскошный обѣдъ въ Коломенѣ и пилъ безчисленное множество тостовъ, а потомъ сытая и веселая компанія отправилась въ женскую гимназію, гдѣ молодыя ученицы, одѣтыя въ характеристическіе костюмы, угощали высокихъ гостей характерными танцами; что въ Петербургѣ, въ клубѣ поощренія труда, дѣвочка 10 лѣтъ Петрова пропѣла предъ публикою скандалѣзную пѣсню Беранже „барышня“, ударяя особенно на тѣ слова, которыя имѣли двусмысленное и прямо ясное значеніе; что оберъ-церемоніймейстеръ Двора Е. В. Захаръ Хитрово пойманъ на воровствѣ, въ Ниццѣ: на то вѣкъ свободы и льготъ, время распущенности и переходнаго свойства. Меня удивляетъ явное обвиненіе правительства въ умысленныхъ политическихъ противъ Россіи преступленіяхъ. Это бывало не рѣдко и печаталось въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Сегодня довелось мнѣ выслушать подобное обвиненіе Министерства Народнаго Просвѣщенія въ губернскомъ земскомъ собраніи, и надобно было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ слушали это обвиненіе, хотя было условлено съ Долгорукимъ, что въ рѣчахъ

не будетъ ничего рѣзкаго. Правда, это была не рѣчь, а докладъ. Онъ конечно будетъ напечатанъ. Нѣтъ, меня удивляетъ не это: лѣнивый теперь не лягается. Меня удивляетъ, что все это не только остается безъ изслѣдованія и наказанія, но и безъ отвѣта. „Ругайтесь, слушаю и слышу. Я виноватъ“. Да, но какое же впечатлѣніе остается въ народѣ? „Никакого?“ Сомнѣваюсь.

А годъ 1863-й въ самомъ дѣлѣ былъ страшнымъ годомъ для Россіи и, перенеся его, Россія окончательно доказала свою состоятельность, свою окрѣпость и свое могущество. Это былъ годъ завершения воли крѣпостныхъ людей, годъ почти повсюду обнаружившихся разочарованій реформами, годъ дешевки и ослабленія наказаній. На все это рассчитывала центральная демагогія, которую надобно предполагать едва-ли не въ кабинетѣ его Французскаго величества. Говорю въ „кабинетѣ“, потому что нельзя же приписать пропагандистамъ и Польскому комитету тотъ дипломатическій походъ, которымъ открыли нападеніе на Россію почти все кабинеты Европейскіе, и нельзя отрицать, что въ связи съ этимъ походомъ были открытое возстаніе въ Польшѣ и въ Западныхъ губерніяхъ и попытки на возмущеніе въ губерніяхъ восточныхъ. Связь, солидарность тутъ очевидны.

Я теперь занятъ разработкою весьма важнаго дѣла о Казанскихъ студентахъ, вовлеченныхъ офицерами генеральнаго штаба Иваницимъ, Мрочекомъ и Гернякомъ въ заговоръ о возмущеніи крестьянъ. Отъ 15 лѣтняго Карпова до 26 л. Орлова человекъ 18 поддались на Польскія хитрости и должны отвѣчать своими (почти своими) головами. Они вѣрили совершенно несбыточнымъ планамъ взятія Казани и Ижевскаго завода. Несмотря на то, бунтовщики располагали нѣсколькими сотнями рублей и десяткомъ револьверовъ. Они согласились разбрасывать самыя возмутительныя воззванія и нелѣпыя манифесты, не понимая, что Полякамъ нуженъ не переворотъ для блага Русскаго народа, о которомъ мечтали и писали Казанскіе безбородые реформаторы, а просто бунтъ, замѣшательства въ простомъ народѣ, дабы внутренними беспорядками затруднить правительство и отвлечь военныя силы его съ Запада къ Востоку. Больно и грустно карать такую молодежь, такое неразуміе и даже глупость. Мысль о возмущеніи могла родиться у Иваницаго, который съ своею ротою стоялъ въ Спасскомъ уѣздѣ, гдѣ бунтовали крестьяне и была извѣстная экзекуція въ имѣніи Мусина-Пушкина, селѣ Безднѣ. Онъ согласился съ Чернякомъ и Мрочекомъ и вовлекъ въ свой планъ студентовъ. Можно полагать, что съ студентами онъ сошелся въ домѣ вдовы Миттерманъ, Польки (она была у меня два

раза), сынъ которой Рудольфъ служилъ между ними посредникомъ. Семейство Миттерманъ считалось горячо преданнымъ Польскому дѣлу.

Нельзя читать безъ искреннаго участія показанія молодыхъ людей, не умѣющихъ вывертываться, благородно сознаваясь въ преступномъ увлеченіи и объясняя его теоретическими доводами. Особенно хорошо признаніе Лаврекаго, объяснившего, какъ естественно было попасть имъ въ водоворотъ и какъ трудно было изъ него выйти. Мы рѣшили дѣло по 284 ст. Уложенія и ходатайствуемъ о двухъ несовершеннолѣтнихъ. Главные виновники уже разстрѣляны. Бунтъ могъ принять весьма широкіе размѣры и имѣть страшныя послѣдствія. По плану Жерома Кеневича, эмисары должны были ѣхать изъ Москвы по разнымъ направленіямъ и разбрасывать ложные манифесты и воззванія, а между тѣмъ Чернякъ въ Казани долженъ былъ организовать вооруженное возстаніе и взбунтовать Вятское, Пермское и Оренбургское населенія, особенно временно-обязанныхъ и заводскихъ крестьянъ. Студентъ Глассонъ (вѣроятно Жидъ) предательски выманилъ письмо отъ Иваницаго къ Черняку и донесъ начальству. Ни бунта, ни возстанія не было. Иваницкій схваченъ, телеграфъ сталъ работать, и пошли аресты и комисіи. Глассонъ умеръ. Я думаю обратить вниманіе министровъ цензуры и просвѣщенія на гибельное вліяніе университетской распущенности и свободы обращенія подпольной литературы и доктринъ „Современника“, „Русскаго Слова“ и др. „Колоколъ“, Герценъ, „Современникъ“, Чернышевскій, Щаповъ, Великороссъ, „Земля и Воля“ и пр., запрудившіе провинціи изъ Петербурга и Москвы, повторяются безпрестанно.

Много шума дѣлаетъ статья Мазада въ *Revue des deux Mondes* (15 Марта) о Россіи за послѣдніе три года Польскаго возстанія и Польскихъ реформъ. Она и стѣбитъ этого шума. Она направлена противъ къ называемой старой Русской партіи, органомъ которой служатъ „Московскія Вѣдомости“ и особенно направлена противъ Мишель Никифоровича Каткова. Очевидно писалъ ее Русскій; весь матеріалъ, съ сплетнями и эпиграммами, сообщенъ изъ Россіи и, можетъ быть, не изъ однихъ рукъ. Но она правдива и справедлива съ точки зрѣнія Француза и вообще Европейца. Дѣйствительно, мы обращаемся съ правами и съ собственностію безцеремонно, скоренько и не поримски. Національный элементъ напираетъ немножко нагло. Нововведенія и реформы, растущія какъ грибы, кружатъ головы и подмываютъ всякіе авторитеты и всякую увѣренность въ прочность и въ порядокъ. Но Европейецъ насъ судить по своему, а мы Европейцы несомнѣнно.

Мы Европейцы восточные, т. е. Западные Азіятцы, у которыхъ общинное владѣніе есть исконное, коренное и почти повсемѣстное на-

чало и у которыхъ вѣра, т. е. церковь, подчинена общей власти. Поэтому-то, и по климату, и по бѣдности нашей, Европейскіе порядки прививаются и примѣняются къ намъ туго и, какъ всякое заимствованіе, извращаются въ одинъ формализмъ, неудовлетворяющій настоящимъ требованіямъ. И Каткову, и Милютину, и самому Государю статья Мазада должна очень не нравиться, и я понимаю, что она строго вырѣзывается. Едва-ли понравится она и Константину, хотя Мазадъ очень отдѣлываетъ Московскаго публициста. Жажущихъ читать эту статью въ Москвѣ много множество.

А вотъ и pendant къ статьѣ Мазада. Въ 61 № „Московск. Вѣдом.“ Катковъ приравнялъ немножко покровительствуемыя въ правительственныхъ сферахъ направленія съ тѣми, которыя проповѣдуютъ враги Россіи. Онъ говоритъ о государственномъ единствѣ, какъ о новомъ догматѣ, вѣроятно имъ открытомъ. Министръ вн. дѣлъ 26 Марта сдѣлалъ первое предостереженіе. Оно напечатано въ Сѣверной Почтѣ и во всѣхъ газетахъ. Въ сегодняшнемъ (3 Апрѣля) № „Москов. Вѣдом.“ Катковъ объявляетъ, что онъ не принимаетъ и не напечатаетъ этого предостереженія, а будетъ платить 25 р. за каждый листъ три мѣсяца и потомъ прекратитъ свою дѣятельность. Онъ указываетъ на фактъ: памфлетъ Шедо-феротти, покровительствуемый Головиннымъ и Валуевымъ. Статья написана смѣло, самоувѣренно и способна вызвать новое предостереженіе. Это въ свою очередь знаменательный фактъ фронтѣрства и крамолы. Катковъ чувствуетъ не свою силу, а слабость Петербургскихъ администрацій, слабость отъ тѣсныхъ видовъ своекорыстія и взаимнаго ихъ разъединенія. Престранное явленіе! Журналистъ обвиняетъ министровъ, министры его караютъ; онъ повторяетъ обвиненія (едва-ли не въ десятый разъ) и журналистъ на мѣстѣ и министры—тоже. Это новый шагъ анархін, пробивающейся на улицу, на площадь. Я увѣренъ, что выходка Каткова будетъ принята въ Москвѣ съ большимъ сочувствіемъ. Ловкій Валуевъ истощитъ его штрафами и подведетъ ко второму предостереженію. Достаточно-ли сильна журналистика, чтобы удержать за собою поле битвы? Нѣтъ, но администрація и власть достаточно непослѣдовательны. Я буду слѣдить за этимъ дѣломъ.

Московское общество, за немногими исключеніями, все за Каткова. Онъ жертва, онъ герой. Думаютъ подпискою покрыть платимые имъ штрафы. Мои сенаторы готовы разразиться на меня, не раздѣляющаго ихъ увлеченій. 4 Апрѣля измѣняетъ дѣло. Гагемейстеръ увѣдомляетъ меня, что въ Петербургѣ всѣ за Каткова и всѣ ропщутъ на главнаго начальника Щербинина, согласившагося съ (молодымъ) членомъ Совѣта на сдѣланіе Каткову предупрежденія, которое Валуевъ сдѣлалъ, свѣда

счета за прошедшее и чтобы начать когда нибудь и положить конецъ извѣтамъ и подозрѣніямъ.

И. И. Казначеевъ привезъ извѣстіе, что Государь взялъ къ себѣ бумаги и хотѣлъ самъ разсмотрѣть. Катковъ торжествуетъ. Нѣсколько сотъ студентовъ пропѣли передъ его квартирой „Боже, царя храни“. Они благодарили его за то (сказывалъ мнѣ Шиповъ), что онъ научилъ ихъ любить царя и Россію. Вся эта студентская процессія есть манифестація, устроенная друзьями Каткова. Настоятель Лавры Антоній разсказывалъ, что Государь отзывался, съ какимъ удовольствіемъ читаетъ онъ прекрасныя статьи Каткова о Московскихъ народныхъ манифестаціяхъ. Дѣло разрѣшилось отъ бремени довольно глупо: въ № 14 Апрельской „Сѣверной Почты“, министръ заявляетъ, что въ настоящее время онъ *не желаетъ* принимать мѣры взысканія. Желаетъ—не желаетъ! Чтò такое?

Какое смятеніе во всемъ городѣ! Вчерась, при выходѣ изъ Лѣтняго сада, въ Государя сдѣланъ выстрѣлъ. Мы молились въ Чудовомъ монастырѣ, молились на площади Кремля. Преступленіе страшное! Въ телеграммѣ выражено подозрѣніе о переодѣтомъ эмиссарѣ. Всѣ озабочены мыслию: Полякъ или Русскій? Самое сомнѣніе это знаменательное: это можетъ быть и Русскій. Оно дѣйствительно заставляетъ призадуматься. Нечего и говорить, что Москва обвиняетъ великаго князя Константина. Нечего предполагать здѣсь личное мнѣніе. И при личной жертвѣ здѣсь непременно дѣйствуетъ партія. Какая партія? Нигдѣ нѣтъ такого раздраженія какъ въ партіи дворянской. Она въ газетѣ „Вѣсть“ даже подаетъ руку помощи Польскимъ землевладѣльцамъ. Но эта партія никогда не пойдетъ на такое гнусное дѣло; она же видитъ врага не въ царѣ, а въ братѣ его. Всего ближе здѣсь предполагать отчаяніе Поляковъ или фанатизмъ революціонеровъ, тѣхъ красныхъ революціонеровъ, для которыхъ нужны кровь, пожары и смерть. Тутъ только можно достаточно оцѣнить необходимость и важность крѣпкаго правительства, безъ котораго удержаніе порядка рѣшительно невозможно и безъ котораго анархія приметъ безграничныя размѣры. Задайся народъ мыслию, что это дѣло партіи помѣщиковъ, мстящей за незапное обѣдненіе отъ освобожденія крѣпостныхъ, и могутъ быть страшныя послѣдствія. Въ Москвѣ, во всѣхъ корпораціяхъ, горячка адресовъ. Въ церквахъ, въ клубахъ, въ театрахъ живѣйшая манифестація. Мы, сенаторы, думаемъ послать адресъ. Что-то выяснится?

Въ сегодняшнемъ № „Сѣв. Почты“ разсказаны злодѣйство и чудодѣйственный подвигъ Буйскаго крестьянина Осипа Иванова Коммисарова, но о личности объяснено (опять сомнѣніе): говорить по-русски совер-

шенно чисто. Русскій? Можетъ быть, но по подкупу, по наущенію вожаковъ.

Все извѣстно. И подробности сообщаемыя не говорятъ ничего опредѣлительнаго. Онъ называется различными именами. Сообщниковъ было трое; схвачено двое. Это можетъ облегчить раскрытіе темнаго дѣла, котораго не прояснили и страшные пожары. Онъ назвался „Русскимъ“, обращаясь къ толпѣ, сказалъ Государю: „Вы обманули народъ, обѣщавъ дать землю и волю“. Онъ сказалъ: „это я за васъ“. Толпа вѣщилась въ него. „Царь обманулъ народъ“ стоитъ въ прокламаціяхъ Казанскихъ. Тамъ также рассчитываютъ на сочувствіе толпы. Слова эти приписываются революціонному обществу въ Петербургѣ „Земля и Воля“, въ которому присоединилось и другое „Великороссъ“. Если это и Русскій, то—орудіе Поляковъ. Слухи ходятъ, что фамилія его *Мадзиевскій*. Другіе говорятъ—*Геллертъ*, Польскій Нѣмецъ. А въ театрѣ достается Полякамъ. „Жизнь за царя“ Глинки совершенно искажается. Итакъ царубійца не Русскій, онъ Полякъ Ольшевскій. У всѣхъ сердце отлегло. Теперь надобно отыскать нить и развернуть этотъ страшный (клубокъ), который катается по Россіи и котораго всѣ чувствуютъ и никто не видитъ. Слѣдственныя коммисіи у насъ плохи, а потомъ, можетъ быть, и распорядители живутъ высоко. Но странно: о второмъ схваченномъ никто не говоритъ ни слова. Впрочемъ излишняя гласность можетъ повредить розыскамъ. Подождемъ еще.

Нѣтъ, не Ольшевскій. Онъ не сознается. Второй схваченный оказался какой-то больной чиновникъ, вовсе къ дѣлу непричастный*). Назначена слѣдственная коммисія подъ предсѣдательствомъ графа М. Н. Муравьева. Шефъ жандармовъ смѣненъ, назначенъ графъ П. А. Шуваловъ. Стало быть, князь Вас. Долгорукій виноватъ?

Молебствія, пѣніе хорами гимна, народныя изліянія радости и любви продолжаются, растутъ въ широкихъ размѣрахъ и вѣрно вызовутъ Государя.

Еще лучъ надежды: преступникъ (дознано) жилъ въ Знаменской гостинницѣ подъ именемъ Владимірова, сына Калужскаго помѣщика, и посѣщалъ Медикохирургическую Академію. Онъ говоритъ по-польски, и эксперты объявили, что сапоги его шиты не въ Россіи.—Назначеніе Муравьева принято въ Москвѣ съ энтузіазмомъ. Въ Петербургѣ на дворянскомъ обѣдѣ онъ сказалъ: „Я старъ, но ляжу костями, чтобы свято исполнить возложенное на меня порученіе. Преступное покушеніе

*) 10 Апрѣля я написалъ къ министру юстиціи, что въ словахъ преступника 4 Апрѣля есть сходство съ прокламаціями Казанскими 1863 г. и что не слѣдуетъ ли искать эту личность въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовали Чернякъ, Иванцкій и Мрочекъ.

имѣть далекія нити, которыя потрясаютъ общественные интересы всѣхъ сословій; но я не теряю надежды ихъ обнаружить и смѣю увѣрить, что настоящему дѣлу придана будетъ возможная гласность“. Муравьеву многое должно быть извѣстно изъ этого темнаго дѣла по дѣламъ Виленскимъ и если должно замѣтить, что онъ сознательно даетъ великое значеніе своей задачѣ, то должно сознаться, что онъ не остановится ни предъ какими препятствіями и личностями. Онъ знаетъ, что въ крайности для него возможна и диктатура. Можно опасаться личныхъ мщеній и завзятыхъ убѣжденій. Страшное время!

Государя ждуть въ Москвѣ. Вѣроятно онъ предполагаетъ провести день рожденія въ Москвѣ, своей родинѣ. Вотъ будетъ торжество народное! Надобно ожидать народныхъ петицій о перенесеніи столицы. Энтузіазмъ неразборчивъ и требователенъ. Русской партіи много пищи и большая перспектива. Я нахожу даже—*слишкомъ*. Я боюсь крайностей: онѣ вызываютъ крайности, и отчаянное положеніе можетъ вызвать, пожалуй, повтореніе. Положеніе дѣлъ чрезвычайно натянуто. Въ настоящее время это тѣмъ опаснѣе, что, при запутанности дѣлъ и раздраженіи интересовъ, правительство слабѣе новой силы общественнаго мнѣнія, дѣйствующей безъ привычки, рубящей съ плеча и опирающейся на общество, едва вышедшее изъ темнаго прозябанія и тѣмъ болѣе ревнующаго свою недавнюю независимость.

Молодой кавалергардъ Шиповъ, сегодня изъ Петербурга, сказывалъ мнѣ, что вся полиція и всѣ войска округа и гвардіи предоставлены въ распоряженіе графа Муравьева. Ничего не слышно. Въ тостахъ и газетахъ утверждаютъ съ увѣренностію, что онъ не-русскій. Чтò-то откроетъ Муравьевъ?

Увы! Надежда тщетная! Онъ Русскій,—Каракозовъ (Дмитрій Владимировъ), сынъ небогатаго Сердобскаго помѣщика, бывший вольнымъ слушателемъ въ Московскомъ Университетѣ. Это напечатано въ „Ивлідѣ“ и въ „Москов. Вѣдом.“. Человѣкъ мой говоритъ, что народъ не вѣритъ, что онъ увѣренъ въ Польскомъ происхожденіи злодѣя.

Толкамъ (и по московски) нѣтъ конца. Провѣряютъ Татарское или Армянское происхожденіе преступника, его университетскія отношенія, его акты. Увѣряютъ, что онъ взялъ только фамилію, а въ дѣйствительности онъ другой, Полякъ. Молебны и манифестаціи продолжаютъ. Рабочая молодежь истаскалась, и хозяева плачутъ. Я доволенъ тѣмъ, что предположеніе мое въ письмѣ къ Замятнину подтвердилось: Каракозовъ изъ Волжскаго края, въ 1863 г. былъ въ Казанскомъ университетѣ и вѣрно знакомъ съ прочими.

Событіе 4 Апрѣля такъ поглотило всѣ интересы, что я, и безъ того довольно настроенный къ ожиданію дурнаго, до сихъ поръ и болѣе

нежели прежде, ожидаю дурнаго, подобнаго 4 Апрѣля. 10 Апрѣля я написалъ министру юстиціи, что упорствующій преступникъ долженъ быть изъ мѣстностей, гдѣ дѣйствовали Чернякъ, Мрочекъ и Иваницкій. Онъ Каракозовъ, и оказался изъ Сердобскихъ дворянъ, бывшій въ 1863 г. въ Казани. Въ дополненіе моего письма, я написалъ новое, отъ 18, и послалъ его съ моимъ племянникомъ Леонидомъ, гдѣ я развиваю общія замѣчанія о недостаткахъ политическихъ нашихъ слѣдствій, окончившихся безслѣдно, о пожарахъ, о воскресныхъ школахъ и подметныхъ листахъ. Безслѣдно, потому что обнаруженіе и полицейскій розыскъ факта въ дѣлахъ политическихъ есть начало, а не завершеніе слѣдствія; потому что всѣ эти явленія суть проявленія одной и той же силы, дѣйствующей въ центрѣ, и потому что здѣсь работаютъ не личности, а цѣлая организація, цѣлая доктрина. Я прибавилъ, что извѣстныя жертвы увлеченія и Польскихъ происковъ не исчерпываютъ всѣхъ сокровенныхъ запасовъ злоумышленія и что *при настоящемъ, совершенно ненормальномъ* состояніи общества безразсудные и легкомысленные тѣмъ легче поддаются затѣмъ внушеніямъ, что рассчитываютъ на возможность успѣха дерзкой рѣшимости. Потомъ я указываю на два недостатка Казанскаго слѣдствія: необслѣдованая обстановка курильной комнаты, гдѣ выкладывались прокламаціи, и не обращено вниманія на Польское семейство Митгерманъ, въ средѣ котораго Поляки знакомились съ Казанскою молодежью.

Ненормальность наша все возрастаетъ. Она дойдетъ до крайности и произведетъ крайнія, фанатическія выходки. Оскорбленные интересы мстятъ. Отравленная жизнь, мало мальски поддерживаемая сильною волею, не цѣнится въ грошъ и готова на все. Раздраженіе страстей, разгораемое свободною печатью, и теперь уже выражается рекриминаціями, борьбою партій на смерть. Достаточно прочесть передовыя статьи 20 и 21 Апрѣля „Моск. Вѣдом.“, чтобы видѣть, какъ журналистика вытаскиваетъ борьбу на улицы и площади, а здѣсь теперь непрерывное движеніе и крики и толки массъ, торжествующихъ спасеніе царя-освободителя. Бросьте въ эту массу словечко о великомъ князѣ Константинѣ, или о барскомъ заговорѣ, или о Польскихъ правахъ, и дайте освоиться этой массѣ: послѣдствія могутъ быть страшныя.

Меня ужасаетъ наступающая нужда. Эти агитаціи ее ускоряютъ. Меня ужасаетъ и возвращеніе къ порядку: послѣ такой распушенности всякій порядокъ представляется произволомъ, стѣсненіемъ и злоупотребленіемъ. Меня ужасаетъ и то, что въ этихъ опасеніяхъ рѣзни и волненій народныхъ никому и въ голову не приходитъ, что царь умеръ. Да здравствуетъ новый царь! А наслѣдникъ совершенныхъ лѣтъ,

и нѣтъ основанія предполагать, чтобы онъ былъ неспособенъ. Объ немъ никто ни слова.

Мы присутствовали при освященіи зданій и открытіи новыхъ судовъ. Зданія хороши и приспособлены, но не совсемъ готовы и вообще сыры. Министръ сказалъ рѣчь, обращенную къ новымъ дѣтелямъ, и обошлось чинно. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что эти суды „последнее слово науки“, намъ не по плечамъ, слишкомъ совершенны для наличныхъ силъ и средствъ общества и приводятся въ исполненіе совершенно непрактично. Въ печатномъ мнѣніи моемъ я предсказывалъ то, что теперь сбывается. Канцелярія бѣжитъ, остается оборышъ. Новые порядки водворяются трудно. Публика разинула ротъ. Всего страннѣе то, что самъ министръ (доля эта выпала Д. Н. Замятнину) совершенно противъ такой реформы и такого введенія. Увлекъ потокъ. Такъ сложилось. Двигали дѣло великій князь Константинъ и С. И. Зарудный.

Я ожидаю перемѣгъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Перемѣны начнутся съ мировыхъ судей и потомъ присяжныхъ. Вообще неудовлетворительность всѣхъ реформъ, покушеніе 4 Апрѣля и назначеніе слѣдователемъ графа Муравьева ведутъ къ реакціи и, можетъ быть, довольно крутой. Увольненіе Головина есть начало. Когда вникнуть поближе, поглубже, то едва ли не остановятъ начатую ломку.

Покушеніе на графа Бисмарка! Подъ Липами, въ Берлинѣ, среди дня! Фанатикъ 22 лѣтъ, Блиндъ, сынъ заклятаго республиканца (самоубившагося). Покушеніе политическое, это несомнѣнно. Надобно было ожидать его при томъ раздраженномъ и напряженномъ состояніи общества и особенно Пруссакаго, обруганнаго, ошельмованнаго Бисмаркомъ. Если Прусское правительство не достигнетъ супрематіи въ Германіи, оно погибло. Бисмаркъ опирается на матеріальную силу и на буквальную власть суда въ искаженномъ составѣ. Все это чуждо честному Нѣмецкому элементу, и Гнейсты и Унруги начнутъ, чрезъ рѣчи, лекціи и газеты подрывать династическое начало, далеко не пользующееся въ Германіи прежнимъ авторитетомъ. Вообще надобно ожидать новаго концентрическаго круга, описаніе котораго уже намѣчено многими симптомами. Демократія наступаетъ и душитъ, а за демократіей, можетъ быть и республика, можетъ быть диктатура; но во всякомъ случаѣ огрубеніе, матеріализмъ и соціализмъ.

Назначеніе гр. Дмитр. Андр. Толстаго оберъ-прокуроромъ и министромъ просвѣщенія должно вести къ весьма важнымъ преобразованіямъ. Я желаю, чтобы церковь получила свободу, пора ей эманципироваться, и чтобы учебныя заведенія, всѣ слившіеся въ одно вѣдомство, были нѣсколько обузданы отъ легкихъ гибельныхъ увлеченій, при которыхъ занятія, занятія серьезныя, удалились на третій планъ. Либеральничество

гр. Строгонова и, въ подражаніе ему, кн. Гр. Щербатова въ Петербургъ привело къ разнузданности 1860 годовъ, и автономія университетовъ по новому уставу консолидировала эту разнузданность въ общее начало, которое требуетъ отъ Совѣта и ректора либеральныхъ рѣчей, за тѣмъ качаній на рукахъ, манифестацій и процессій по улицамъ. Въ среднія заведенія пробрался нигилизмъ. Духовныя училища и семинаріи отличаются невѣжествомъ.

Московское духовенство смотритъ (Филаретъ и Леонидъ) на новаго оберъ-прокурора съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, и это по тремъ его распоряженіямъ. Онъ имѣлъ намѣреніе отдать въ аренду или продать синодальныя зданія въ Москвѣ, находящіяся на выгодныхъ улицахъ (на Никольской); во-вторыхъ. онъ прислалъ прокуроромъ конторы родственника своего Потемкина, человѣка довольно циническаго и несвѣдущаго; въ третьихъ онъ обратился къ секретарю консисторіи съ требованіемъ свѣдѣній о суммахъ. Все это очень невыгодно отозвалось на мастистомъ старцѣ, играющемъ quasi роль Всероссійскаго патріарха. И безъ патріарха, преобразование Синода въ независимый соборъ, безъ всякаго оберъ-прокурора, дало бы духовенству лучшее значеніе. Ослабленіе исключительности касты увеличило бы достоинство духовнаго званія.

Война или конгрессъ и миръ *statu quo*? Война нужна, чтобы отвлечь отъ проявленія революціоннаго движенія, вездѣ созрѣвшаго. Война нужна, чтобы дать исходъ оппозиціи, у которой нагорѣло до рѣшительныхъ дѣйствій, война нужна для усиленія правительствъ, истекающихъ внутренними, постоянными напряженіями. Гр. Бисмаркъ довелъ партіи до смертельныхъ посягательствъ, Наполеонъ выражаетъ (въ Оскерѣ) явную ненависть къ трактатамъ 1815 г. и съ презрѣніемъ относится къ политикѣ Европейскаго равновѣсія, такъ торжественно и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выраженной Тьеромъ, за два-три дня до Оскерской громовой манифестаціи. Италія прикидывается въ совершенной зависимости отъ патріотическихъ бандъ, готовыхъ вторгнуться въ Венецію. И замѣчательно, что все они обвиняютъ Австрію, будто бы вызывающую вооруженіе завоевательными планами въ Италіи и Пруссіи! Экая продерзостная воинственность! А бѣдная Австрія не знаетъ куда голову приклонить. Внутреннія борябы съ разноплеменностями, съ несовременнымъ примѣненіемъ конкордата, съ разстройствомъ финансовъ, а ей приписываютъ завоевательные планы въ Италіи и даже Пруссіи. Такъ это похоже на басню „волкъ и ягненокъ“. Виды Пруссіи чувствуютъ второстепенныя Германскія государства, и они ищутъ поддержки въ Наполеонѣ, какъ сосѣдѣ по Рейну, а въ Александрѣ II, какъ

родственникъ. Когда Ольгу Николаевну просили пожить подолѣе въ Петербургѣ, красавица-королева отвѣчала шуточнымъ тономъ: „Je ne sais, cela depend de Bismark“. Можетъ быть, заставятъ и насъ принять участіе въ Европейскомъ дѣлѣ. Жаль, что мы *несовсѣмъ* готовы. Южной дороги еще нѣтъ. А то пусть привлекутъ и насъ. И у насъ есть ненавистные трактаты. Для меня не подлежитъ сомнѣнію одно: вмѣшательство Наполеона не обѣщаетъ хорошихъ и прочныхъ результатовъ. Умная, логическая голова эта надтреснута, и онъ видитъ вещи въ свою призму. Повторяю: выиграетъ элементъ республиканскій и социалистическій. Самое обширное торжество Бисмарка приведетъ къ тому, что „Гогенцолернская династія будетъ украшеніемъ Прусскаго монархическаго трона“ или Нѣмецкой Имперіи. Скажу болѣе: сойдите со сцены нынѣшніе авторитеты соединеннаго королевства, самая Англія вовлечется въ тревоженія наши, доселѣ ей чуждыя.

Огромный упадокъ вексельнаго курса (на Парижъ 280 сант.) всѣхъ озабочиваетъ. Дѣйствительно, при такомъ курсѣ торговля едѣлки почти невозможна, и матеріальныя отношенія чрезвычайно шатки. Но отъ чего онъ падаетъ? Объясняли обиліемъ ассигнацій (къ которымъ прибавилось столько подложныхъ), убыточнымъ торговымъ балансомъ и побѣгомъ капиталовъ отъ страны, объятаго реформами и безпокойными ожиданіями. Бѣды особенной здѣсь не очень много, но бѣда есть. Бѣда именно та, что государство, дѣла и правительство въ напряженномъ, совершенно ненормальномъ состояніи, и своекорыстіе капиталистовъ спекулируетъ этимъ. Не только капиталы, люди бѣгутъ, боятся; не знаешь гдѣ пріютиться, чтобы оградить себя отъ опасности и убытковъ. Хочешь умалиться, чтобы тебя не замѣтили; хочешь уклониться, чтобы не взвалили лишняго, несоразмѣрнаго бремени. Причина—незрѣлыя реформы, вызывающія шаткіе порядки, обѣщающіе неудовольствіе, разстройство и опасности. У насъ, да я думаю и вездѣ, ходятъ самыя невѣроятныя слухи, продолжаются молебны и манифестаціи и общія жалобы. Славное время, но слабые люди.

Приготавливаю жену и дѣтей къ отъѣзду въ деревню и боюсь: мнѣ кажется, въ деревнѣ, въ деревняхъ, начнутся опасности, грабежи и разбои. Преступленія усиливаются съ нуждою. Весна начинается прекрасно. Въ нѣсколько дней, можно сказать, въ нѣсколько часовъ, все позеленѣло, и термометръ въ тѣни до 20⁰/₀. Хорошее время и хорошій урожай отдалятъ злыя послѣдствія. Думаю рѣшиться отпустить; дѣти считаютъ деревенскую жизнь эльдорадо. А имъ нужно отдохнуть. Они эту зиму занимались много, прекрасно и съ большою пользой. Въ нихъ начинается математическая логика, и теорія величинъ, линій и звуковъ идетъ равномѣрно. На широкомъ для дѣтей изученіи языка

Русскаго (по новой методѣ, несовсѣмъ отчетливой) ложится приспособленное ученіе грамматикъ Французской, Латинской и Нѣмецкой. Последній языкъ, самъ по себѣ очень трудный, дается очень туго. Органъ непривыкъ къ Нѣмецкимъ звукамъ, языкъ ломается, сказанное скоро забывается. Для практическаго ученія я взялъ гувернера-Нѣмца изъ Митавы, Кронберга. Кажется, человѣкъ хорошій, скромный и съ нѣкоторыми познаніями. Въ деревнѣ, въ 3—4 мѣсяца, дѣло можетъ подвинуться до того, чтобы дѣти говорили и понимали дѣтское чтеніе, а потомъ самоученіе довершить чтеніемъ. Физическимъ и нравственнымъ развитіемъ дѣтей я совершенно доволенъ. Мальчишка мой краснощека и силенъ, и ловокъ, и строенъ. Красавица моя, моя любимица, мила по прежнему и столько же проста, сколько граціозна безъ малѣйшей мысли о нарядахъ и о желаніи нравиться. Учителя особенно отдають ей справедливость, въ чемъ соглашается и братъ, сознавая, что имъ занимаютъ болѣе. Немного трудно мнѣ выносить расходы. Одни уроки обходятся въ мѣсяць до 120 р.; но я и жена моя готовы на всѣ лишенія, особенно теперь, когда закладывается фундаментъ и вбиваются сваи, на которыхъ будетъ строиться широкое и высокое зданіе. Благодарю Бога и молю Его о продолженіи возможности довершить это святое и великое для меня дѣло, какъ желаетъ мое сердце и придумываетъ мой искренній и крайній умъ*).

Суворовъ свѣтлѣйшій уволенъ, съ упраздненіемъ военнаго генераль-губернаторства, очень недоволенъ и не скрываетъ своего неудовольствія. „Разругавъ (какъ мнѣ пишетъ Гагемейстеръ) царя на всѣхъ переулкахъ въ Петербургѣ“, онъ проѣздомъ дѣлалъ тоже въ Москвѣ, пробывъ нѣсколько времени у Талызиной. Онъ увѣряетъ, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, предупреждалъ Государя о задуманномъ покушеніи на его особу, но Государь отвѣчалъ: „все это вздоръ, и дѣлается, чтобы тебя морочить“. Онъ просилъ Государя дозволить ему сопровождать его на улицахъ переодѣтыми слугами. Государь будто бы сказалъ на это: если я замѣчу, то прикажу арестовать переодѣтаго и дамъ этому случаю огласку. Суворовъ много говорилъ о своей полицейской дѣятельности и прибавилъ: „но средства всѣ въ III-мъ Отдѣленіи, а тамъ распоряжается дуракъ Долгорукій“. Откланиваясь Императрицѣ, Суворовъ сказалъ, что ѣдетъ въ деревню, чтобы наблюдать за сохраненіемъ обломковъ своего дворянскаго состоянія. Деликатно и умѣтно, особенно со стороны человѣка, пользующагося славою „безпредѣльной личной преданности“.

*) Желалъ бы я, черезъ десять лѣтъ, посмотрѣть на сверстниковъ Мити: Володю Симанскаго (слишкомъ годомъ старше), Николу Толстаго (годомъ моложе), даже Алену Елагина (двумя годами старше) и Вѣрочку Оверъ, сверстницу Наташѣ, бѣдовую дѣвочку.

Между тѣмъ Муравьевъ развиваеетъ слѣдствіе въ огромныхъ размѣрахъ. Говорять, изъ одного Московскаго университета забрано 116 челоуѣкъ. Много. Но, кажется, на нить еще не попали. Должно замѣтить, что всѣ прежніе осужденные: Михайловъ (уже умершій), Обручевъ, Чернышевскій и др. не дѣлали полнаго признанія. Говорять, даже Огрызко многого не досказалъ. Всѣмъ этимъ дѣламъ дано отдѣльное направленіе, и они рѣшены какъ частныя явленія. Въ этомъ важная ошибка. Вторая, важнѣйшая—это непреслѣдованіе до корней: довольствовались признаніемъ или изобличеніемъ неполнымъ. Теперь повернуть это трудно. Общее убѣжденіе то, что преступникъ не Каракозовъ, хотя и назывался въ университетахъ этимъ именемъ. И я думаю, что онъ Полякъ изъ царства или западныхъ губерній, гдѣ принимаются (по крайней мѣрѣ на бумагахъ) такіа радикальныя мѣры, которыя способны довести до отчаянія, до сумасшедшаго фанатизма. Въ Русскихъ социалистахъ такой фанатизмъ могъ бы быть напускаемъ на слабыя головы.

Газеты схватились за финансовое управленіе и подвергаютъ его строгому осужденію. „Голосъ“ упрекаетъ въ непродуманныхъ расходахъ для умноженія sinecurae и увеличенія окладовъ высшихъ учреждений; „С.-Петерб. Вѣдомости“ находятъ, что управленіе принесло убытку болѣе 700 мил. р. тогда какъ вся Крымская кампанія стоила не болѣе 500 м. р. Всѣ ропщутъ на Рейтерна. Всѣ предлагаютъ кандидатовъ. Я увѣренъ, что посыпятся „предостереженія“, но печать возьметъ свое, Рейтернъ уйдетъ на покой и уѣдетъ за границу. Кто будетъ его преемникомъ, назначаютъ, кто сенатора Фишера (главный агитаторъ здѣсь пройдоха сенаторъ Войцеховичъ), кто А. П. Шипова (о немъ давно уже писалъ и пишетъ братъ его, генералъ Шиповъ), кто А. А. Абазу (кандидатъ великой княгини Елены). Мнѣ кажется, никто изъ нихъ не можетъ назваться серьезнымъ кандидатомъ и не имѣетъ даже отдаленныхъ правъ. Шиповъ считаетъ авторитетомъ всякую книжонку въ протекціонномъ ученіи. Фишеръ никогда по финансовой части не служилъ и занимался ею какъ аматёръ. А заводчикъ и откупщикъ Абаза едва ли и самъ пойдетъ. Вѣроятно, сдѣлають Грота или Заблоцкаго. Можетъ быть, Татаринова, челоуѣка серьезнаго, чиннаго и съ характеромъ; но тогда надобно будетъ измѣнить составъ министерствъ и придать Татаринову кредитъ и казначейства. Но кто бы ни былъ преемникъ, а выбратъся намъ изъ трущобъ очень трудно. Шатко будущее, возбуждены неосновательныя надежды, потрачены почти всѣ интересы. Мы близки къ террору, и между тѣмъ разнузданность личностей, разслабленіе власти и неизбѣжность дефицитовъ привели общество и государственннй строй въ состояніе ненормальное, лихорадочное. Я уди-

вляюсь не тому, что есть и будетъ, я удивляюсь, какъ могло и можетъ быть такое безцеремонное, дѣтское обращеніе съ дѣлами, отъ вліянія которыхъ зависятъ миллионы частей и крѣпость государства.

Я познакомился съ молодымъ ученымъ Влад. Ив. Ершовымъ. Онъ въ 1862 г. учился въ Московскомъ университетѣ и по возникшимъ тогда студентскимъ продѣлкамъ долженъ былъ его оставить и отправился въ Берлинъ. Здѣсь онъ учился около четырехъ лѣтъ Римскому праву и за написанную имъ диссертацию (*quatenus competat interdictum uti possidetis in servitutibus praediorum*) получилъ первую золотую медаль, а потомъ, по публичному диспуту, получилъ и званіе доктора Римскаго права. Молодой человекъ мнѣ понравился, ему едва 21-й годъ, и онъ прекрасно выдержанъ заботливой матерью (Варвара Серг., рожденная княжна Вяземская). Но странное впечатлѣніе производитъ молодой докторъ. Онъ, кромѣ односторонности предмета ученія, возбуждаетъ подозрѣніе въ солидности своихъ знаній вообще, обнаруживаетъ недовѣріе къ себѣ, опасеніе держать экзамень (столь у насъ многопредметный) на кандидата, и теперь этотъ доблестный юноша, съ ореоломъ первой преміи и высшаго ученаго званія перваго Европейскаго университета, не имѣетъ никакихъ правъ ни по ученому вѣдомству, ни по юридическому. Я рекомендовалъ его министру юстиціи, и онъ съ большою готовностію обѣщался принять его на службу и устроить. Я не полагаюсь на Замятнина: онъ зависитъ отъ окружающихъ, а окружающіе-правовѣды держатъ себя замкнуто. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей утверждаютъ, что докторство дается въ иностранныхъ университетахъ очень легко, и въ Гейдельбергѣ достаточно угостить хорошимъ обѣдомъ, чтобы получить дипломъ на доктора. Это утверждаетъ и самъ Ершовъ, но исключаетъ Берлинскій университетъ. Непонятно для меня, что, дойдя до докторства, Ершовъ не имѣетъ никакой привязанности и влеченія къ наукѣ и не имѣлъ даже мысли о кафедрѣ. Больше: онъ пожалуй не прочь и въ гусары идти. И заботливыя матери рѣдко умѣютъ хорошо оканчивать ученіе дѣтей. Я знаю это по Вар. Дм. Обрѣзковой, воспитывающей пятый годъ своихъ четырехъ дѣтей въ Гейдельбергѣ. Пожалуй, и они пріѣдутъ съ степенями ученыхъ и поступятъ въ гусары.

„Московскія Вѣдомости“ получили второе (6 Мая за 81 №) и третье (7 Мая) предостереженія и за тѣмъ пріостановлены на два мѣсяца. Въ Москвѣ это огромное событіе, и оно огласилось и громко и быстро. Ожидаютъ протестацій и манифестацій, хотя не то время: событіе 4 Апрѣля и развивающееся слѣдствіе поглощаютъ все вниманіе и озабочиваютъ преимущественно тѣ кружки, въ которыхъ наиболѣе выражались симпатіи Каткову. И я имѣю симпатію къ этому блестящему редактору передовыхъ статей и гордому представителю открытаго

національнаго знамени; но человекъ правительственный, я доволенъ, что министръ наконецъ рѣшился прекратить скандальную борьбу съ журналистомъ и возстановить силу закона и порядокъ, начинавшій походить на анархію. Министръ сдѣлалъ это довольно неловко, съ ужимками и не въ время (скандалъ упреканій продолжался съ 29 Апрѣля по 9 Мая), но по крайней мѣрѣ сдѣлалъ. Я опасаясь одного: не въ время принятая мѣра и одновременное распоряженіе о судебномъ преслѣдованіи трехъ статей „С.-Пѣтр. Вѣдомостей“ (статей довольно пустыхъ) и „Вопросъ новаго поколѣнія“ напечатанный въ „Современникѣ“, не указываютъ-ли на начало реакціи? Реакція, какъ мнѣніе, есть орудіе неблагородное, но, къ сожалѣнію, часто вызываемое необходимостію. Перемена Головинна, возрастающая важность Муравьева, увольненіе кн. Суворова могли бы вести къ мысли о реакціи; но едва-ли это такъ. При современныхъ и совершающихся реформахъ реакція невозможна. Финансовыя путаницы связываютъ правительство. Кругомъ виноватое, оно выѣзжаетъ на либерализмъ и спесхожденіи. Впрочемъ, Муравьевъ въ душѣ явный врагъ либеральнымъ преобразованиямъ. Онъ рабъ и деспотъ durch und durch. Чтò сдѣлаетъ Катковъ? Онъ будетъ крамольничать.

Рескриптъ 13 Мая. Какая нелѣпность и неосторожность! И какой вздоръ и недалководидность! Не опомнисья, не умѣешь дать себѣ отчета въ такой безтактности, лишенной всякаго достоинства. „С.-Петербург. Вѣд.“ № 171 доказываютъ нелѣпность содержанія и цѣли. И весь свѣтъ и вся Европа прочтутъ съ изумленіемъ и злорадствомъ, какая порча такъ глубоко и такъ нагло охватила Русское государство! Какое довѣріе можно имѣть въ ближайшей будущности такого испорченнаго организма? Какое ликованіе для реакціонеровъ всѣхъ видовъ и степеней, и прежнихъ министровъ, и партіи „Вѣсти“ и партіи Московской, клеймившей „Петербургскихъ“ педагоговъ и администраторовъ! Какое торжество для Мазадовъ, получающихъ оправданіе ихъ преувеличеній! Какое поле для исключительнаго положенія дворянства, землевладѣльцевъ и для огульнаго презрѣнія къ просвѣтительнымъ началамъ, къ журналистикѣ и литературѣ! Это ужасный рескриптъ, основывающійся на какихъ-то (никому неоглашенныхъ) свидѣніяхъ слѣдственной комисіи Муравьева и клеймящій позоромъ и измѣною всѣ управления. Кто писалъ этотъ актъ, кто совѣтывалъ обнародовать его? Реакція? Но я увѣренъ, что она такъ оробѣла отъ новыхъ порядковъ, что у нея не хватить силъ на борьбу, и она удовольствуется бумажными манифестациями. Намъ спасаетъ невѣжество народа. Только невѣжество!

Общій говоръ тотъ, что въ рескриптѣ повторены обвиненія, которыя столько разъ выражались въ „Московск. Вѣдомостяхъ“, и за

которыя изданіе Каткова и Леонтьева пріостановлено. Катковъ можетъ жаловаться или просить о возстановленіи правъ.

Въ „Современной Лѣтописи“ 18 Мая помѣщена статья „Развѣ“ съ помѣтою 8 Мая изъ Тулы. М. Н. Лонгиновъ сказывалъ мнѣ, что „Развѣ“ послано *имъ* 26 Апрѣля. Статья эта написана послѣ 15-го, по прочтеніи рескрипта, ибо она очевидно на него опирается и его развиваетъ. Она начинается „тоненіемъ за мнѣнія“, чего и въ мысль не могло прійти до мысли о реакціи. Она писана Катковымъ, ибо его любимыя пріемы, его пошибъ и его мысли. О смѣщеніяхъ ничего не слышно. Да едва-ли они и будутъ.

„Вѣсть“ торжествуетъ. Нельзя не видѣть нѣкоторой натянутости въ передовыхъ статьяхъ всѣхъ газетъ, занимающихся преимущественно иностранною политикою. „Москов. Вѣд.“ безъ передовыхъ статей и тонци и вылы.

Государь съ семействомъ ѣдетъ въ Москву. Приготовленія обширныя.

Обрусѣнію западныхъ губерній должна способствовать покупка тамъ имѣній Русскими, и для осуществленія этой мѣры правительство даетъ льготы и ссуды. Но, не смотря на всю суровость этой мѣры, чисто революціонной и социалистической, осуществленіе это едва-ли возможно. У Русскихъ денегъ нѣтъ, у правительства тоже. Имѣнія разорены, и доходность ихъ подрывается повѣрочными коммисіями. Это скорѣе усилитъ тамъ элементъ Нѣмецкій и безъ того уже довольно распространенный. Элементъ этотъ силекъ въ Царствѣ, и западные Нѣмцы между нимъ и Остзейскимъ краемъ образуютъ цѣпь, которая чрезъ Познанскую провинцію примкнетъ къ Германіи. Я долго говорилъ съ лицами, бывшими въ Кіевѣ и Ковнѣ; они не знаютъ доселѣ ни одного имѣнія, купленнаго Русскими по новымъ правиламъ. Мы любимъ шумѣть, а дѣйствуемъ плохо. Судебная реформа до сихъ поръ и не коснулась этихъ краевъ, а она представляетъ такое сильное орудіе для обрусѣнія.

Война неизбежна и едва-ли уже не началась, въ Голштиніи, въ Венеціи или въ Молдавіи и даже въ Силезіи. Начала социализма и національности запутываютъ въ нашъ вѣкъ всѣ вопросы и даютъ событіямъ неподобающіе размѣры и значеніе. Если Австрія будетъ бороться съ Италіей и Пруссіей порознь, она можетъ выйти побѣдительницею и усилитъ свою Нѣмецкую національность, чего собственно и добиваются Габсбурги, назвавъ имперію по имени двухъ Нѣмецкихъ герцогствъ. Но если ей, Австріи, придется бороться на Сѣверѣ и на Югѣ въ одно время, то едва-ли она не заплатитъ Венеціей и ослабленіемъ въ Германскомъ союзѣ. Последнее ее ожидаетъ, кажется, во всякомъ случаѣ, и казалось бы ей слѣдовало принять предложеніе

Пруссія, ибо такъ-ли или иначе осуществляющійся народный парламентъ Германскій не допуститъ первенствующаго положенія Австріи и провозгласитъ имперію подъ короною Пруссіи. Въ Австріи прекрасное войско, превосходный генераль Бенедекъ, большая надежда на сочувствіе второстепенныхъ державъ; но соперничество и открытая борьба Австріи и Пруссіи выдвинетъ народный элементъ, а онъ будетъ дѣйствовать въ демократическомъ смыслѣ и въ строго-національномъ единствѣ. Война безъ завоеваній и приращеній во всякомъ случаѣ есть чистая потеря, убытокъ, долгъ. При настоящемъ развитіи образованности подобныя средства (войны) подмываютъ окончательно династическій престижъ, и безъ того довольно слабый, и ведутъ къ парламентаризму, отъ котораго недалеко до учрежденій республиканскихъ. Программа 1789 г. постепенно осуществляется, и отъ этого всего менѣе можно ожидать пользы для Австріи, слѣпленной изъ разныхъ народностей и держащейся кое-какъ монархическими преданіями. Австрія ставитъ ихъ на карту.

Многое ставитъ на карту и Пруссія со своимъ Бисмаркомъ, отъ котораго отворачивается вся Германія. Его считаютъ способнымъ уступить Рейнгъ. Вмѣшательство Наполеона можетъ измѣнить всю карту Европы. Всѣ дрожать.

Государь, говоря о Московскоѣ встрѣчѣ на желѣзной дорогѣ, прибавилъ, улыбаясь: „такъ приняли по-московски, что даже страшно стало“. Оно дѣйствительно страшно это одушевленіе и движеніе массъ. Онѣ чрезвычайно зыбки и, въ настоящее время безпрестанныхъ перемѣнъ, быстро перемѣнчивы. Незрѣлыя реформы принимаются дурно, противорѣчатъ привычкамъ и оскорбляютъ интересы. Сегодня сидѣла у меня Меропія Новосильцова, только воротившаяся изъ Петербурга, и описывала, въ какомъ ужасномъ состояніи былъ Петербургъ 8 Апрѣля, когда никто не зналъ, откуда выстрѣлъ и кто преступникъ. И тоже двигались и шумѣли массы, толкуя о виновныхъ. Ожидали страшной рѣзни.

Пребываніе Государя довольно уединенно и мало или ни сколько не измѣняетъ обычной Московскоѣ жизни. Рескриптъ 13 Мая комментируется въ министерскихъ циркулярахъ, которые впрочемъ удостоверяютъ, что выраженные въ рескриптѣ начѣла всегда были исходными пунктами всѣхъ министерскихъ распоряженій. Это особенно рѣзко выражено м. в. д. (Вадуевымъ). Что-то скажетъ министръ просвѣщенія, который ѣдетъ сюда, чтобы познакомиться съ Московскимъ ученымъ міромъ, обвиняемымъ въ Петербургѣ особенно въ нигилистическихъ тенденціяхъ. Говорятъ, будто корифей наши, профессора Чичеринъ и Дмитріевъ, оставляютъ университетъ. Но нигилизмъ гнѣздится не въ университетѣ, а въ

среднихъ мужскихъ и женскихъ заведеніяхъ. О реакціи и не слышно; правда, запрещены журналы*), но назначенъ Грейгъ. О Каракозовѣ извѣстія самыя противорѣчивыя. Говорятъ, что раскрыты сообщники: учитель Худяковъ и бывшій студентъ Макавѣевъ (Московскіе). Говорятъ, что Каракозовъ сознался: Теперь, когда открыты мои сообщники, я скажу всю правду. Да, заговоръ былъ, и жребій выпалъ мнѣ исполнить злой умыселъ. Я рѣшился исполнить, но вынулъ пулю. Вынулъ пулю слѣсарь, которому я торопливо успѣлъ сказать: выньте пулю, пятьдесятъ рублей. Вошли наблюдавшіе за мною Худяковъ и Макавѣевъ. „Удостоверьтесь, хорошо-ли заряженъ пистолетъ“, сказалъ я при нихъ слѣсарю, и онъ понялъ дѣло. Я стрѣлялъ холостымъ зарядомъ“. Говорятъ, будто указанный слѣсарь подтвердилъ показаніе, пояснивъ, что онъ предполагалъ, что дѣло идетъ о частной дуели. Москва умѣетъ выдумывать и глупѣ этого.

Я едва могъ дочитать вторую часть исторіи Юлія Цезаря, Наполеона III-го. Она написана гораздо хуже первой, начатой вѣроятно еще въ Арговіи или Аугсбургѣ. Скучнѣйшія описанія Галльскихъ народцовъ, мельчайшія подробности, утомляющія своею незначительностію. Никакой художественности въ изложеніи и словѣ, смѣшеніе разсказа съ изслѣдованіемъ. Повторенія, обличающія работу урывками (Сравни напр. стр. 154 и 394, стр. 207 поражение Сабина и Котты разсказано два раза). Судя по такой работѣ, я сомнѣваюсь, чтобы поспѣлъ III-й томъ. Развѣ напишетъ другая рука. Не лишены интереса намеки на современное состояніе Франціи. Нѣкоторыя страницы (въ концѣ книги) читаются съ удовольствіемъ.

Многіе люди серьезные, ожидаютъ реакціи. Самое назначеніе Грейга объясняютъ перемѣною системы. Грейгъ въ Августѣ будетъ министромъ. Онъ беретъ себѣ въ товарищи оратора гр. Петра Шувалова. Мѣсто Грота займетъ подобный родичъ. Лобанова-Ростовскаго (Константинопольскаго) готовятъ смѣнить Валугева. Гр. Гейденъ командующимъ Варшавскимъ округомъ съ управленіемъ гражданскою частію, которая въ высшихъ инстанціяхъ сливается съ министерствами имперіи. Реакція? Но какая же реакція при свободѣ печати, при публичномъ судѣ и при общемъ гражданскомъ равенствѣ?

Дворянская газета „Вѣсть“ семенитъ и торжествуетъ. Мнѣ прислали рѣчь Калужскаго предводителя (она будетъ напечатана), въ которой дворянству требуется первенствующее вліяніе, и управленіе Арци-

*) „Современникъ“ и „Русское Слово“ по докладу кн. П. П. Гагарина за вредное издавна замѣченное направленіе. Это урокъ главному управленію и министру и урокъ нашимъ законникамъ. Впрочемъ и Валугевъ, и Щербининъ переварятъ.

мовича сравнивается съ началами школы и среды, изъ которыхъ вышли изверги Каракозовы. Реакціи особенно ожидаютъ отъ гр. Толстаго, министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Синода. Онъ чело-вѣкъ желчный, личный врагъ своего предшественника Головинна, чело-вѣкъ самолюбивый и просвѣщенный. Онъ уже смѣнилъ (говорять) Повороссійскаго посчителя, Арцимовича Адама, противъ котораго Москва агитировала весьма открыто. Теперь онъ ѣдетъ въ Казань, гдѣ гнѣздится Русско-Польская эмиграція, намѣревавшаяся поднять весь этотъ полудикій Приволжскій край. Дѣло въ томъ, что реакція въ воз-духѣ, и нельзя ея было не предвидѣть по всегдашнимъ и непремѣннымъ послѣдствіямъ усиленныхъ и несозрѣвшихъ преобразованій.

Июнь. Война началась и (битва при Кѣниггрецѣ), пожалуй, кон-чается или, пожалуй, начинается (уступка Венеціи Императору и при-нятіе имъ посредничества) въ новыхъ, колоссальныхъ размѣрахъ. Прусе-сія ведетъ дѣло мастерски, счастливо и смѣло. Разбитая на голову Австрія бросилась въ объятія всегда открытой соперницы и побѣди-тельницы своей—Франціи. Исключеніе Австріи изъ Германіи и обра-щеніе ея къ Наполеону—это уже созданіе Нѣмецкой Имперіи съ сто-лицею въ Берлинѣ, а съ Имперіей упраздненіе второстепенныхъ державъ, сепаратизма и разрозненности Нѣмецкихъ силъ. Но допустить-ли это Наполеонъ, стѣсненный своею программою и имѣя въ перспективѣ такого опаснаго соеѣзда? Пруссія дѣйствовала противъ Австріи совер-шенно въ революціонномъ духѣ, и она побѣдила консервативную Им-перію; но теперь передъ нею революціонный герой. Устоитъ-ли система Бисмарка? Наполеонъ выгадываетъ, какъ ловче ударить. Онъ съ Россіей и Англіей предложитъ конгрессъ и на конгрессѣ приметъ основаніемъ уже принятія Пруссіей начала національностей и общей подачи голо-совъ. При мысли о національности онъ умолчитъ о Польшѣ, чтобы имѣть съ собою Россію. Но разъ остановя расширеніе Пруссіи, онъ возвратится къ давно заявленной мысли о передѣлѣ карты Европы и тогда рѣшится воскресить Польскую національность. Само собою разу-мѣется, что прежде онъ выговоритъ округленіе границъ. Думаю я однако, что демократія вырветъ дѣло изъ рукъ дипломатіи, и демократы уже готовы стать во главѣ народныхъ партій, сила которыхъ и въ Италіи и на Балканѣ, и въ Венгріи, и въ самой Пруссіи очень чувстви-тельна. Смѣшна была бы эта демократія, если бы пропустила такой удобный случай. Впрочемъ и путемъ парламентскимъ, при общей по-дачѣ голосовъ, власть поплатится своимъ могуществомъ, и поплатится гораздо побольше нежели въ счетахъ своихъ съ Грабовымъ и к^о. Я про-вижу развитіе демократіи, социализма и республики. Европа зрѣетъ для этихъ учреждений, и мнѣ кажется самое начало національностей отодвигается на второй планъ.

Война въ полномъ развалѣ. Каткову разрѣшено продолженіе редакціи. Министръ ви. дѣлъ сдѣлалъ объ этомъ „распоряженіе“. Катковъ его не напечаталъ, а напечаталъ, что оно не имѣетъ основанія. Анархія во всемъ продолжается. Менѣе опасеній за безопасность, потому что новые суды, особенно мировые судьи, представляютъ гарантіи дѣйствительныя. Разрѣшеніе Каткову дано на аудіенціи 21 Іюня въ Петровскомъ дворцѣ. Москва связываетъ это разрѣшеніе съ возможностью войны. Петербургъ не видитъ возможности воевать, и говорятъ что Дм. Милютинъ уступитъ свое мѣсто болѣе воинственному Тотлебену или Потапову.

Указъ о верховномъ судѣ надъ Карагозовымъ повторяетъ рескриптъ 13 Мая.

Война продолжается, усложняется, и перемиріе мелькаетъ, но не дается. Ходъ военныхъ дѣйствій показываетъ, какъ давно готова Пруссія и какъ мало готовы Австрія и Германія. Все ведетъ къ объединенію Нѣмецкой Имперіи, и безъ этого единства неммыслимо прочное устройство. Все что можно сказать о Пруссіи, это то, что она дѣйствуетъ ловко, лучше нежели ея враги, которые дѣйствуютъ непонятно дурно. Не поймешь, гдѣ Баварцы, Александръ Гессенскій, Вюртембергъ? Но ловкость Прусская обоудно остра: перестроивая раціонально, льстя народностямъ Славянскимъ и Венгерской, Пруссія, подъ обаяніемъ военной славы, умѣла ослабить и внутри легионъ либеральной партіи въ новомъ своемъ парламентѣ, но повторяю: ловкость эта неискренна, и гр. Бисмаркъ, перемѣня альяюры, не перемѣнитъ образа дѣйствій правительства, непримиримаго съ парламентаризмомъ. А ему много пици и опоры „съ исключеніемъ Австріи“ и со включеніемъ всехъ краевъ Нѣмецкихъ. И въ Германскомъ парламентѣ Вильгельма I-го будетъ въ меньшинствѣ. Потому: объединеніе Германіи прекратитъ германизацію Славянъ и вызоветъ ихъ къ болѣе самостоятельной жизни, къ тѣмъ „правамъ и преданіямъ историческимъ“, которыя обѣщаютъ имъ революціонныя Прусскія прокламаціи. Въ этой войнѣ все будутъ въ потерѣ, кромѣ Нѣмецкаго народа, и особенно выиграютъ народныя демократіи. Австрійскій домъ не исчезнетъ, но ослабнетъ до незначительности второстепенныхъ державъ. Сильны и численны Австрійскіе Славяне и Венгры, но совокупность, цивилизація и территория ихъ въ какое же можетъ идти сравненіе съ Германіей, Россіей, Франціей и Италіей? Это будетъ вторая Турція.

Есть что-то личное въ мщеніи Бисмарка Франкфурту (да и всей южной Германіи). Въ Pr. Staatsanzeiger, отъ 27 Іюля № 180 перепечатана статейка о Франкфуртѣ, какъ гнѣздѣ враговъ Пруссіи, наемныхъ демагоговъ и демократіи. Статейка дышетъ грозною ненавистью

и можетъ служить программой крайняго раззоренія, уничтоженія, уничтоженія Франкфурта. Слышится злорадость надменнаго, кичащагося побѣдителя. 6 милліоновъ деньгами и 2 мил. припасами недостаточны; давай еще 52 мил. гульденовъ. Это уже не вольный городъ, а вѣроятно завоеваніе въ распоряженіи побѣдителя. Да, но зазнавшійся и заносащійся мстителъ подобными дѣйствіями и подобными неприличными полемиками возстановитъ противъ себя всю демократію, которая очень многочисленна въ Германіи и особенно въ сѣверной, и возбудитъ журналистику, которая есть сила и сила мощная. Грустно смотрѣть на такія крайнія событія, но надобно отдать все таки справедливость Пруссіи: она дѣйствуетъ превосходно, говоритъ твердо и казнитъ немилосердно. Она истощитъ южную Германію до нельзя.

Нынѣшняя поѣздка въ деревню (21 Юля—28 Августа) не удалась совершенно. Во-первыхъ, скучный и непріятный заѣздъ въ сторону къ имянинницѣ (22 Юля), свиданіе въ Тулѣ (22), кончившееся разочарованіемъ, а въ третьихъ (и это самое главное) болѣзнь дѣтей, коклюшъ, испортили все время, предназначенное для отдыха. Деревня въ 40 верстахъ отъ города, и поѣздка туда, и пребываніе тамъ (съ 14 по 18-е) наскучили и изнурили меня до крайности. Тяжелымъ камнемъ легла и лежитъ болѣзнь дѣтей, особенно Наташи. Она довела ее до крайней слабости, и нельзя было смотрѣть на этого умнаго, прекраснаго и кроткаго ребенка безъ терзанія сердца и глубокаго удрученія отъ беспомощности, въ которой оставляетъ медицина дѣтей въ коклюшѣ.

Деревня постепенно падаетъ и распадается. Все ловитъ сорвать что-нибудь и уйти куда нибудь. Братъ устарѣлъ и приходитъ въ дѣтство. Приходилось ѣсть однѣхъ цыплятъ; доходило, что не было бѣлаго хлѣба. Отъ частныхъ переѣздовъ, съ подставами, лошади измучились. Все несла и несетъ на своихъ могучихъ плечахъ мать. Не знаешь, гдѣ беретъ силу эта больная женщина. Я оставилъ ихъ 28 и пріѣхалъ въ Москву 30 Августа.

Пріѣздъ Американцевъ, смерть гр. Муравьева и казнь Каракозова, вотъ чѣмъ заняты Москва и цѣлая Россія. Второй секретарь Морскаго Министерства Фоксъ привезъ резолюцію Вашингтонскаго конгресса, выражающую радость и сочувствіе Соединенныхъ Штатовъ по поводу неудавшагося покушенія 4 Апрѣля. Честь большая—подобное заявленіе цѣлаго конгресса. Дѣло небывалое и неслыханное. За то уже и чествовали Американцевъ въ Петербургѣ, Твери, Нижнемъ, Костромѣ и опять въ Петербургѣ. Рѣчей было такъ много и въ нихъ такъ много выразалось упрековъ и вызововъ западной Европѣ, что правительство сочло нужнымъ устами вице-канцлера, на обѣдѣ въ Англійскомъ клубѣ, смягчить силу впечатлѣнія этихъ заявленій и увѣрить, что въ сближеніи

великой республики и великой имперіи не представляется ничего угрожающаго.

Смерть Муравьева приписываетъ Москва отравѣ. Онъ 70 лѣтъ, былъ боленъ, могъ умереть и безъ отравы. Смерть его важна въ томъ отношеніи, что съ отходомъ старыхъ людей (консерваторовъ) напоръ новыхъ, незрѣлыхъ порядковъ будетъ усиливаться, и отрезвленіе сдѣлается совсѣмъ невозможнымъ. Муравьевъ Польскими дѣлами возведенъ былъ на пьедесталъ народнаго министра, и поэтому и по колоссальнымъ своимъ способностямъ, характеру и опыту имѣлъ значеніе силы, могущества, авторитета, передъ которымъ умолкали всѣ представители крайнихъ направленій. Въ этомъ отношеніи онъ незамѣнимъ. Миръ праху твоему, неутонимый сокрушитель Польской sprawy.

Процессъ Каракозова идетъ какъ-то загадочно. Сперва не было ничего неизвѣстно, потомъ показалась статья въ „Сѣверной Почтѣ“, слагавшая всю вину на нигилистовъ-студентовъ и гимназистовъ, наконецъ явился и приговоръ. Ничего не поймешь въ этихъ мелочахъ, сопоставляя ихъ съ громадными опасностями, о которыхъ говорится и въ рескриптѣ 13 Мая, и въ указѣ объ учрежденіи верховнаго суда. Все дѣло ведено очень неопытною рукою, и довѣріе общества все болѣе подмывается. Прибавьте къ этому умноженіе преступленій и бунты Поляковъ въ Сибири и (тоже Поляковъ) на Кавказѣ. Глазъ съ удовольствіемъ останавливается на начаткахъ судебной реформы.

Кромѣ текущихъ газетъ, исполненныхъ такого живаго интереса, я успѣлъ прочесть въ деревнѣ: 1-е, *Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident* Мюнхенскаго ученаго Д. А. Pichler-a. Два толстые тома, Мюнхень 1865—1866 г. Это трудъ обширный, по возможности безпристрастный и самъ по себѣ, и по настоящимъ обстоятельствамъ весьма важный. Какъ много было попытокъ къ соединенію и какъ близко были приглашенія, но все обрушилось „догматомъ“ о главенствѣ папы „въ Римскомъ смыслѣ“. Мнѣ кажется Галликанская церковь могла бы возбудить попытки о соединеніи въ томъ видѣ, какъ Сорбонна предлагала Петру Великому, особенно въ настоящее время, когда самое существованіе папскаго влѣстительства подвергается колебаніямъ и сомнѣнію. Жаль, что Пихлеръ мало знакомъ съ нашею богословскою литературою и пробавляется часто Гагаринымъ, Головинымъ, Петр. Долгорукимъ и под.

Обнародованы приговоры верховнаго уголовного суда 31 Августа, о Каракозовѣ, а 8-го Сентября о Кобылинѣ, оговоренномъ Каракозовымъ. Остаются тайныя общества. Такъ наши государственные мудрецы удовлетворяютъ напряженнымъ требованіямъ общества черезъ часъ по ложкѣ. Вотъ тебѣ виновный въ покушеніи одинъ школьникъ,

и черезъ недѣлю — вотъ тебѣ сообщникъ этого школьника, лекарь Кобылинъ, но онъ ни въ чемъ невиненъ. А по существу дѣла, о средѣ, изъ которой вышелъ Каракозовъ, погоди. Много-ли, долго-ли, неизвѣстно, какъ разсудятъ наши мудрецы. Одиночность Каракозова поразительна. Какую цѣль могъ имѣть недоучившійся школьникъ, покушаясь на жизнь Государя? Какъ рѣшился судъ отдѣлить сужденіе о немъ отъ прочихъ, отъ главныхъ основаній дѣла? Почему отдѣлено производство о сообщникѣ имъ оговоренномъ, Кобылинѣ? И что за безграмотные приговоры! Кто это такіе: кн. Гагаринъ, гр. Панинъ, Метлинъ? Въ Москвѣ общій говоръ, что дѣлу дали такой ходъ, чтобы маскировать его важность и особенно, чтобы выгородить Великаго Князя Константина, который оставилъ Петербургъ и гуляетъ по Черному морю. Я увѣренъ, что здѣсь играетъ роль болѣе неразуміе, нежели умыселъ, болѣе оплошная небрежность, нежели какая нибудь цѣль. Я увѣжденъ, что Каракозовъ былъ членъ секретной организаціи, гдѣ преобладающее вліяніе было Польское. Впечатлѣніе этихъ публикацій очень тяжело, потому что изъ нихъ не узнаешь ничего опредѣлительнаго, и по прочтеніи невольно спрашиваешь: да что же это такое?

Во всѣ газеты наполнены церемоніалами встрѣчи принцессы Дагмары Датской. Приготовленія огромныя, массы кораблей, войска и двора, больше цѣлой Даніи. Прекрасная Сѣверная Царевна, невѣста царственнаго покойника, будетъ подавлена впечатлѣніями, воспоминаніями и трепетнымъ ожиданіемъ. Подъ какою звѣздою родилась Скандинавская красавица? Что ожидаетъ ее въ будущемъ? Потерявъ одного жениха, она перенесла чувства свои на другого, брата и преемника прежняго... Нынешній наслѣдникъ общалъ и общается гораздо менѣе своего брата. Онъ, по увѣренію гр. Сергѣя Строганова, получилъ небрежное воспитаніе и очень плохое образованіе. Въ 20 лѣтъ возраста вздумали это поправить и набрали профессоровъ. Едва начали они заниматься, понадобилось ему ѣхать въ Копенгагенъ, свататься. Едва по возвращеніи, снова начались лекціи, понадобилось практически изучать Россію, и молодой человѣкъ отъ оваціи къ оваціи побывалъ по Волжскимъ городамъ до Казани и долженъ былъ воротиться въ Москву, къ манѣврамъ, и въ Петербургъ, чтобы встрѣтить невѣсту. Теперь вѣроятно встрѣчи эти совершились со всею императорскою пышностію. А между тѣмъ во всѣхъ магазинахъ, въ 50-ти различныхъ позакъ, разсыпаны большіе и малые портреты принцессы, присланные изъ Даніи (Петерсена) и Петербурга.

Вотъ и новый приговоръ верховнаго суда о 34 подсудимыхъ, Ишутинъ, Ермоловъ, Худяковъ и др. И опять ничего понять нельзя: такъ отрывочно изложеніе, такъ ничтожны личности и такъ произвольны

наказанія. Можетъ-ли быть, чтобы эти студенты университета и Петровской Академіи, несовершеннолѣтніе дворяне и церковники, чтобы школьники эти стояли во главѣ переворота и чтобы даже эти школьники приступили къ исполненію своихъ замысловъ, выраженныхъ такъ неопредѣленно, теоретически и безъ приготовительныхъ мѣръ и назначеній? Могли они быть наэлектризованы, чтобы безпокоить и пугать общественное мнѣніе и спокойствіе, да, но участниками они быть не могли: они, безъ имени и положенія, могли компрометтировать самый переворотъ, если бы онъ удался. Они могли играть въ реформаторы и заговорщики; серьезно приступить къ перевороту они не могли и не имѣли никакихъ средствъ. Каракозовъ очевидно изъ ихъ среды, но онъ рѣшился на покушеніе не въ слѣдствіе ихъ рѣшенія (это видно и изъ ихъ показаній), а развѣ по подговору нетерпѣливаго распорядителя въ Петербургѣ. Вотъ этого распорядителя-то не видно.

Какъ въ обществѣ (даже въ лучшихъ кругахъ), такъ и въ печати (даже въ лучшихъ ея органахъ) выраженіе мнѣній, порицаній и вострохваленій выходитъ изъ всякихъ предѣловъ. Я приписывалъ и приписываю это крутымъ, радикальнымъ реформамъ, предпринятымъ безъ постепенности и хорошей подготовки. Не говоря о крестьянскомъ освобожденіи, въ которомъ интересы двухъ сторонъ противустали вразрѣзъ и имѣли огромное вліяніе на соціальныя, семейныя и личныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, я долженъ однако сказать, что противоборство это начинаетъ примиряться и сглаживаться, хотя послѣдствія для настоящаго поколѣнія останутся неизгладимыми. Я особенно долженъ указать на столкновеніе судебной реформы со старыми порядками. Подготовкою къ судебной реформѣ были двѣ мѣры: 1, Правила 11 Октября 1865 г. и 2, Свобода печати. Правила 11 Октября дѣйствуютъ недавно; свобода печати, хотя дѣйствительно узаконена въ Сентябрь 1865 г., но она существуетъ съ 1856 и постепенно усиливалась сама собою, слабостію высшей власти и бездѣйствіемъ оробѣвшей и напуганной администраціи. Но вліяніе печати въ Россіи едва только водворяется и до сихъ поръ очень ограничено. Движенія у насъ много, но двинуть массу народонаселенія такой Имперіи есть задача сверхъ силу человеческихъ. Тамъ не менѣе въ частныхъ кружкахъ и высшего общества безпрестанно слышныя жалобы на новый порядокъ, вызываемыя старыми привычками. Общее неудовольствіе на безапелляціонность мировыхъ судей. Здѣсь княгиня Софья Долгорукая ронцетъ на вызовъ ея, какъ свидѣтеля, по требованію модистки, въ ряды мужиковъ и салопницъ, съ продержаніемъ 2¹/₂ часовъ при разбирательствѣ не касающихся ея разныхъ дѣлъ довольно грязнаго содержанія. Тамъ прокуроръ находитъ, что частный, полковникъ Дренякинъ, разбивавшій,

въ присутствіи части, претензію извозчика и оскорбленный отвѣтчикомъ, былъ оскорбленъ не какъ чиновникъ, а какъ частное лицо, ибо претензіи принадлежатъ мировому вѣдомству. А вотъ генераль Загоряевскій претендуетъ на судебного слѣдователя за неуваженіе его генеральскаго чина. Докторъ Лавровскій вызванъ съ женою и, кажется, съ дочерью по жалобѣ кучера-солдата, не имѣвшей никакого основанія. Претензій много, но онѣ улягутся и отъ публичнаго суда, и отъ свободы печати надобно ожидать (и не въ дальнемъ будущемъ) самаго дѣйствительнаго вліянія на очищеніе и облагороженіе нашей частной и уличной жизни, въ которой, надобно сознаться, много безпорядковъ и грязи. Особенно сильно ропщутъ на новые суды мои почтенные сослуживцы генералы, сенаторы, чаящіе, при напорѣ новыхъ волнъ, увольненія съ пенсіей. Они кричатъ и кричатъ громко, такъ что начали ходить даже учащенные слухи объ ограниченіи демократическаго направленія судебныхъ новыхъ учрежденій подчиненіемъ ихъ исполнительной власти въ видѣ временной пріостановки рѣшеній, впредь до пересмотра въ высшей инстанціи. Мудренаго ничего нѣтъ; пожалуй, и ограничатъ. По моему мнѣнію главный недостатокъ заключается въ томъ, что личный составъ, особенно прокурорскаго надзора, слишкомъ молодъ. Молодежь цѣлоляетъ новизною и тщеславится превосходствомъ своего положенія, раздражая тѣмъ приниженные старые порядки и не внушая общаго довѣрія къ порядкамъ возникающимъ.

Торжествамъ въ Пруссіи нѣтъ конца. Блестящая кампанія имѣла колоссальные результаты и идетъ какъ по маслу. Нѣмецкая имперія, Нѣмецкое могущество слагается само собою, быстро и крѣпко. Но все это до поры и до времени. Пруссія, знавшая внутреннія и финансовыя затрудненія Россіи и Франціи, позволяла себѣ дѣйствовать *per fas et nefas*. Она измѣнила карту Европы, безъ всякихъ переговоровъ съ Европою, признавъ упраздненіе и преобразование Германскаго Союза дѣломъ Нѣмецкимъ, предметомъ домашнимъ, внутреннимъ. Международное право игнорировано. Ручательства Вѣнскихъ трактатовъ устранены самовластно. Конечно, сильное нынѣ начало національностей много измѣняетъ дѣйствующія начала международнаго права; но начало народностей, доведенное до логической послѣдовательности, требуетъ распадненія Австріи и Турціи и возстановленія Польши. Оправившись и собравшись духомъ, Наполеонъ и Россія не допустятъ, чтобы карта Европы измѣнялась одностороннимъ образомъ, или допустятъ?

Въ виду уже имѣется протестъ Ганноверскаго короля. Протестоваль и Франкфуртъ. Чтѣ отвѣтять подписавшія и ручавшіяся державы? Надобно замѣтить и то, что нынче время вовсе не законности и права, а силы и успѣха. Противодѣйствіе Пруссіи чрезвычайно усилить ее

въ Германіи. Нѣмцы соединятся все и плотно примкнутъ къ Пруссіи. Уже и теперь голоса въ Штутгартѣ и Мюнхенѣ требуютъ по крайней мѣрѣ военной конвенціи. Единство образовалось. Оно увлечетъ дальше, и независимость Нѣмецкихъ королевствъ будетъ скоро мнимая. Противодѣйствіе Пруссіи не поможетъ Ганноверу, но повредитъ и Саксоніи, и Дармштату, и Баваріи, и Вюртембергу. Разумѣется, Германіи противъ Франціи и Россіи не устоятъ: но разумѣется и то, что и этимъ державамъ единства Германіи не разрушить. Оно готово было завершиться и безъ Бисмарка. Бисмаркъ зорко прозрѣлъ это и счастливо воспользовался. Опасность Пруссіи въ развитіи демократіи и социализма.

22 Сентября статсъ-секретарь Гагемейстеръ писалъ мнѣ, что перенесенное въ судебную палату дѣло Жуковскаго и Пыпина „Вопросъ молодому поколѣнію“, условлено разрѣшить въ видахъ министерства. Я не повѣрилъ, я не желалъ вѣрить. Сейчасъ получилъ „Судебный Вѣстникъ“, гдѣ описано засѣданіе Палаты 4 Октября и условленное рѣшеніе Палаты, которая, основываясь на 1040 ст. Уложенія, осуждаетъ обоихъ къ аресту на 3 недѣли и къ штрафу въ 100 р., находя ихъ виновными въ противной благопристойности брани относительно лицъ дворянскаго сословія. Замѣчательное рѣшеніе! Во первыхъ, ихъ никто въ этомъ не обвинялъ: во вторыхъ, прокуроръ штрафа не требовалъ, и судъ его не опредѣлялъ. По протесту наказаніе усилено, но протестъ объ этомъ не просилъ. Въ третьихъ, какая же это неблагопристойная брань? Очевидно, что рѣшеніе условлено, и рѣшеніе неправильно. Московскій прокуроръ Ланге перемѣщенъ. Перемѣщенъ и г. Панафидинъ, признавшій статью неоскорбительною. Остается обратиться къ кассациі, и департаментъ вѣроятно напутаетъ не менѣе. Я прямо бы кассировалъ, объяснивъ, что здѣсь не непристойная брань, а просто опозореніе дворянскаго сословія. Впрочемъ текста приговора палаты еще нѣтъ. Посмотримъ текстъ.

Я прочелъ и вторую часть Гизо: *Méditations sur l'état actuel de la religion chrétienne* (слѣдовало бы прибавить *en France*). Вторая часть лучше первой, ибо содержитъ много историческаго и личнаго, но слаба, жидка и поверхностна. Оптимистъ довѣряетъ болѣе своимъ старческимъ надеждамъ, нежели осторожной оцѣнкѣ фактовъ и болѣе чувствуетъ, нежели убѣждаетъ. Начавъ съ конкордата Наполеона и „Генія Христіанства“ Шатобриана, онъ довольно увлекательно рассказываетъ попытки Лямене и Монталамбера и довольно неожиданно переходитъ къ протестантской церкви въ католическомъ королевствѣ, которой онъ приписываетъ немалое съ ея численностью вліяніе, и представителей которой онъ превозноситъ до почестей апостольскихъ. За эту главою (*le réveil chrétien en France*), лучшею и главною во

всей книгѣ, слѣдуютъ шесть главъ о разныхъ системахъ; отъ *спиритуализма*, основаннаго будго Ройе-Коляромъ, *раціонализма*, измелчившаго возвышенныя чувства человѣка, *позитивизма*, основаннаго полусумашедшимъ Огюсть-Кантомъ, *пантеизма*, выразившагося въ Спинозѣ и Гегелѣ, *материализма*, въ которомъ онъ замѣчаетъ съ Ремюзà какую-то заманчивость и для котораго главнымъ судьей выставляется Damigon: Mémoires pour servir à l'histoire de la philosophie au XVIII siècle, и наконецъ до *скептицизма*, гдѣ опять восхваляется Ройе-Коляръ. Всѣ эти критическія обзорѣнія очень коротки и большою частію содержатъ выписки и выдержки. Послѣдняя глава l'impieété, l'insouciance et la perplexité написана съ чувствомъ, но она противорѣчитъ надеждамъ первой главы. Неудача „Размысленій“ Гизо происходитъ отъ того, что онъ самъ, какъ протестантъ, видитъ въ вѣрѣ или церкви или пицу человѣческаго ума, т. е. науку, или орудіе порядка, т. е. политику. Но книга читается легко и читается даже дамами.

Вотъ и у насъ возникаютъ процессы печати. Пыпина и Жуковскаго еще не кончился; Каткова еще не начался. Министръ требуетъ подвергнуть его отвѣтственности за напечатаніе сдѣланнаго предостереженія (въ Апрѣлѣ), а окружный прокуроръ, даровитый Ланге, потребовалъ высочайшаго повелѣнія, которымъ прежней редакціи дозволено продолжать изданіе вѣдомостей. Прокуроръ перемѣщенъ въ члены Палаты. Предсѣдатель (по дѣлу Жуковскаго) Панафидинъ тоже перемѣщенъ въ члены палаты. Теперь преданы суду издатель „Архива“ Бартенева за названіе Дибича „всемогущимъ“, и Дмитрій Писаревъ за матеріализмъ. Эта гласность преній, эти столкновенія болѣе вредятъ дѣлу и расшатываютъ власти, нежели приносятъ пользу печати и порядку. И на Западѣ, гдѣ есть единство министерства и въ судахъ преобладаетъ начало законности и охраненія, преслѣдованіе печати имѣетъ тысячи неудобствъ. У насъ эти тысячи усугубляются. Министръ съ другимъ министромъ не сходятся въ воззрѣніяхъ. Прокурорскій надзоръ и суды любятъ популяризовать и либеральничать. Печать, выражая невольную и необходимую реакцію старымъ порядкамъ, закусила удила. Еще съ 1862 г. я говорилъ и писалъ министру Валуеву, что при двойственности министерскаго завѣдыванія, судебное преслѣдованіе не можетъ быть достаточнымъ огражденіемъ устава о печати. Она должна имѣть свой трибуналъ, въ которомъ вѣрѣе были бы обезпечены интересы общества и правительства и интересы литературы и литераторовъ. „Совѣтъ по дѣламъ печати“, составленный изъ членовъ отъ правительства, изъ членовъ отъ академій и университетовъ и изъ членовъ отъ журналистовъ, типографчиковъ и книгопродавцевъ, соединялъ бы въ себѣ, не завися отъ министра, лучшія гарантіи, нежели допускаемый нынѣ порядокъ преслѣдованія и отвѣтственности.

Управляющій межевымъ департаментомъ, приготовляя представленіе о межевой реформѣ, обратился ко мнѣ съ просьбою о сообщеніи ему мнѣхъ соображеній и замѣчаній. Я послалъ ему сегодня краткія замѣчанія. Генераль Геденовъ предполагаетъ значительно увеличить и расширить составъ межеваго управленія, учреди во всѣхъ губерніяхъ межевыя палаты, предоставя этому вѣдомству часть судебной власти и т. п. Я увѣдомилъ его, что по моему мнѣнію съ межевыми учрежденіями, какъ съ старыми судебными учрежденіями, слѣдуетъ поступить на общемъ основаніи: постепенно сокращать и наконецъ упразднить. За межевою частію остается только: приготовленіе экспертовъ или землемѣровъ и храненіе межевыхъ документовъ. Приготовленіе экспертовъ потребуеъ 2 или 3-хъ класснаго заведенія собственно и спеціально для образованія землемѣровъ, а вовсе не ученыхъ инженеровъ и астрономовъ, а межевые документы, какъ юридическіе акты, должны быть распределены по окружнымъ судамъ, при которыхъ должны состоять 2 или 3 хранителя изъ землемѣровъ. Нигдѣ, ни въ какомъ государствѣ нѣтъ межеваго управленія; у насъ оно выродилось изъ другаго института и развилось до размѣровъ отдѣльнаго, обширнаго мнистерства. Виною этого увлеченіе и кредитъ покойнаго М. Н. (графа) Муравьева. Принявъ межевую часть довольно въ скромномъ видѣ послѣ сенатора Пейкера, Муравьевъ увеличилъ ея составъ учрежденіемъ военнаго межеваго корпуса, и ввелъ разнообразныя занятія, вовсе къ землемѣрному дѣлу не относящіяся. Тогда межеванье и землемѣры въ губерніяхъ были въ самомъ жалкомъ положеніи; межевые офицеры занимались интегралами, астрономіей, дѣлали военныя съемки, опредѣляли широту мѣстностей и составляли стратегическіе атласы. Я рѣдко кого видѣлъ, кто бы такъ увлекался въ управленіи, какъ этотъ могущественный практическій умъ, видѣвшій въ дѣловой дѣятельности лучшее наслажденіе и въ своеобразныхъ реформахъ своего рода поэзію. Я не знаю, какъ взглянуть выше на межевое преобразование. Я совершенно убѣжденъ, что оно вышло изъ предѣловъ своего назначенія и самую собственно-межевую свою дѣятельность получало отъ суевливаго правительственнаго вмѣшательства, которому пора бы немножко и пріостановиться. Землемѣры наши только плодили кляузы и тяжбы и дѣлали это и нутали земледѣліе явно въ корыстныхъ видахъ. Надобно надѣяться, что публичный судъ положитъ этому конецъ.

Увольненіе генерала Кауфмана надѣлало много шуму и толковъ. Выборъ преемника ему въ лицѣ графа Эдуарда Баранова никѣмъ не одобряется. Официальныя газеты сочли долгомъ сдѣлать оговорку объ этомъ увольненіи, имѣя въ виду намѣстничество въ Галиціи Галицкаго Велешольскаго, т. е. гр. Голуховскаго. Газеты прямо заявляютъ, что си-

стема политики и управления нисколько не измѣняется. Я нахожу главный недостатокъ именно въ этой системѣ. Муравьевъ усмирилъ крамолу исключительными и суровыми мѣрами. Эта исключительность и суровость (несправедливость) продолжаютъ, вотъ и вся система. Никакой прямой, ведущей къ цѣли мѣры не предпринято для сближенія, отождествленія края.

Двѣ особенно мѣры предложилъ бы я правительству: основаніе Русскаго университета (но совершенно Русскаго) и введеніе судебной реформы. Это такъ бы развилъ Русскую рѣчь, что скоро Польскіе звуки слышны были бы развѣ только въ семейномъ кружкѣ. Второстепенныя мѣры: казенныя бесплатныя школы, православіе, какъ неперемѣнное условіе государственной службы и улучшеніе служащаго (и духовнаго) класса. Да предложилъ бы я еще: болѣе справедливое, не такъ безцеремонное обращеніе съ людьми и собственностію. Принудительная продажа и поощрительная покупка имѣній есть мѣра революціонная, диктаторская. Она раззорить, не привлеча ни новыхъ людей, ни капиталовъ. Правительство наше всегда отличалось непоследовательностію. За чтѣ уволенъ Кауфманъ? Какаа инструкція дана гр. Баранову? Какъ измѣняются Ост-зейскіе порядки? На долго-ли удержатся новые правители? Едвали. Радикально-реформаторское время стираетъ людей скоро. Если справедливо, что увольненіемъ Кауфмана начинается реакція и что, напуганный Апрельскими заговорщиками, дѣйствія и распространеніе которыхъ Муравьевъ представилъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, Государь непрочъ ограничить свободу и цензуры, и суда: то конечно трудно и держатся людямъ и порядкамъ.

Между тѣмъ какъ Московскія дамы возбуждаютъ вопросъ о торжественномъ выраженіи своего Русскаго сочувствія Славянамъ, а Чижовъ, Аксаковъ и купечество думаютъ основать большую газету „Москва“ для служенія ихъ же дѣлу, изъ Петербурга приходятъ совершенно другія вѣсти: тамъ, говорятъ, Польская партія поднимаетъ голову, это первое; а министръ финансовъ требуетъ огромнаго сокращенія государственныхъ расходовъ и неперемѣннаго уравниванія ихъ съ доходами. По одному Морскому Министерству сокращеніе простирается до 5 милліоновъ, по военному до 14 (?), по управленію финансовому до 2 и Государственныхъ Имуществъ до 1½, и проч. Хотятъ приступить къ образованію запаснаго военнаго капитала. Лучшая изъ послѣднихъ мѣръ, это—прекращеніе заказовъ за границей и исполненіе этихъ заказовъ внутри имперіи, хотя бы по возвышеннымъ цѣнамъ. Это конечно увеличитъ нашу производительность и промыслы, но не вздорожитъ-ли операціи? Рельсы и подвижной составъ изъ нашихъ материаловъ ускорятъ ли устройство желѣзныхъ дорогъ? Сомнѣваюсь.

Я прочелъ два сочиненія о Датской королевѣ Каролинѣ-Матильдѣ, сосланной въ Целль (Celle) за нарушение брачнаго союза съ королемъ Христіаномъ VII, и окончательно убѣждаюсь, что она виновата. Предполагаютъ, что король желалъ развода, а дамская партія—высылки Англичанки, внушили Струензе, за сохраненіе жизни, вмѣшать королеву; а королевѣ обѣщали, за подтвержденіе показанія Струензе, уменьшить наказаніе любимому ея графу. Здѣсь должно замѣтить: 1, Оговорилъ королеву не Струензе, а ея собственныя фрейлины, камеръ-юнгферы и лакен. 2, Сколько нужно подлости оговорить невинную женщину, да и королеву, и какъ легко доказать несостоятельность такого обвиненія. 3, Обманутый въ обѣщаніи, развѣ Струензе не протестовалъ бы противъ собственнаго, ложнаго, вынужденнаго обвиненія? 4, И при виновности королевы, только страстная, слѣпая и безграничная любовь могла заставить женщину сознаться въ своемъ увлеченіи, но при невинности, ни для какой цѣли королева-женщина не могла рѣшиться жертвовать самымъ драгоценнымъ достояніемъ для смягченія наказанія не мужу и не сыну, а постороннему человѣку. Чего достигли и тотъ, и другой, нагавши на себя и другъ на друга? И почему королева не огласила свою невинность, живя на свободѣ въ Целле и интригуя съ Шлезвигъ-Голштинскою партією, при помощи Англичанъ, чтобы снова достигнуть Датскаго престола? Письмо въ газетахъ, появившееся послѣ ея смерти, ничего не доказываетъ, точно такъ же какъ и слова, сказанныя пастору передъ смертію. Мы знаемъ ихъ не отъ самаго пастора, а отъ пріятеля, записавшаго сообщеніе пастора два года послѣ событія. И Каролину, королеву Англійскую, можно считать невинною? Но факты говорятъ яснѣе предположеній. Обвиняли Марію-Аннтоанетъ, но фактовъ не нашлось, и до сихъ поръ обвиненіе не подтвердилось, и несчастная мученица прибавляетъ къ своему вѣнцу и торжество честной жизни. Процессъ Королины-Матильды, обвинительные акты и допросы оригинальны до смѣшнаго. И въ прелюбодѣянніи они видятъ—*crimen laisai majestatis*.

Жена занемогла опасно. Она желаетъ отслужить молебенъ и причаститься. И причаститься? Вотъ и молебенъ былъ, и причастилась. Кажется, смотритъ поясиѣ. Не скажу, чтобы это озабоченное состояніе поглощало меня. Я много читаю и занимаюсь дѣлами (болѣе пужно въ этомъ, такъ дурно организованномъ, Сенатѣ), но меня это изнуряетъ, расслабляетъ и умаляетъ. Я это чувствую и вижу.

„Взглядъ на мою жизнь“, Записки д. т. с. Ив. Пв. Дмитріева, изданныя его племянникомъ Мих. Дмитріевымъ“. Онъ родился въ 1760 г. и скончался въ 1837 г. Онъ былъ сержантомъ, капитаномъ гвардіи, товарищемъ министра удѣловъ, оберъ-прокуроромъ, сенато-

ромъ и наконецъ министромъ юстиціи. Но прежде всего онъ былъ Гораціанскимъ поэтомъ съ самаго дѣтства до старости. Онъ умеръ 77 лѣтъ. Онъ любилъ природу, виды, цвѣты и деревья. Онъ постоянно стремился къ покою, независимости и вольному труду. Въ любимомъ уединеніи своемъ, изъ садовой бесѣдки, изъ прогулки окрестной онъ выставлялъ на свѣтъ поэтическія картинки, превосходной отдѣлки, полныя наблюдательности и большею частію съ преобладающимъ направлениемъ сарказма и сатиры. Другъ и ученикъ Карамзина, онъ былъ открытымъ его почитателемъ; философъ, въ томъ смыслѣ, что онъ ничего не искалъ и дорожилъ своею независимостію, онъ былъ Эпикурецъ, и съ этой холодною натурою онъ достигъ всего безъ всякихъ успій. Онъ былъ бы еще болѣе замѣчательный писатель, съ болѣе широкимъ творчествомъ нежели Жуковскій, если бы не случайность, при вступленіи на престолъ Павла I, которая поворотила его дѣятельность на служебное поприще. Какъ невинно заподозрѣнный, по ничтожному безымянному доносу, онъ былъ арестованъ, потомъ оправданъ и по-павловски награжденъ: онъ, отставной полковникъ, назначенъ былъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатъ, *черезъ нѣсколько дней* товарищемъ министра удѣловъ, *а мѣсяца черезъ три* оберъ-прокуроромъ Сената. Воображаю я, каковъ былъ оберъ-прокуроръ этотъ, воинъ и поэтъ тогдашняго времени канцеляризма и взяточничества! Въ Павловскую исторію узналъ его Александръ, которымъ въ послѣдствіи онъ назначенъ былъ сенаторомъ и министромъ юстиціи. Достаточно прочесть третью часть Записокъ, чтобы видѣть, какъ дѣйствовали министръ и какъ развязно обращались съ нимъ Сперанскіе и Молчановы. Управление и задача государственнаго таланта заключаются главнѣйше въ „письмоводствѣ“. Онъ удивляется обширнымъ познаніямъ въ письмоводствѣ Сперанскаго, которому подобнаго онъ видѣлъ только въ А. В. Храповицкомъ. Онъ удивлялся, какъ Сперанскій, выйдя изъ кабинета отъ доклада, присядеть въ секретарской комнатѣ и начнетъ писать рескрипты и указы, точно онъ ихъ наизусть знаетъ прежде. Это мнѣ напоминаетъ того невыскальскаго путешественника, въ исторіи Маколе, который, желая выставить обширность Лондона, писалъ, что куда ни взглянешь, вездѣ все домъ и домъ.

Записки довольно безцвѣтны для нашего времени. Онѣ бѣдны и литературными сообщеніями для лица, бывшаго другомъ лучшихъ представителей эпохи. Они еще бѣднѣе въ государственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Написаны и исправлены тщательно, но не безъ ошибокъ и обмолвокъ, впрочемъ очень неважныхъ. Есть страницы теплыя и исполненныя благородныхъ чувствъ, но вообще мало задушевности, и по краткости своей не оставляютъ глубокаго впечат-

лѣнія, не привязываютъ и не знакомятъ ни съ авторомъ, ни съ людьми, ни съ эпохой.

Къ особенностямъ нашего времени относится множество дѣлъ объ оскорбленіи служащихъ и помѣщеніи оскорбительныхъ выраженій въ бумагахъ. Щекотливость необыкновенно чувствительная, придирчивость, напоминающая лучшія времена крючковъ и приказныхъ. Здѣсь впрочемъ есть и своя хорошая сторона, и радикальность реформъ привела къ такому невоздержанію въ выраженіяхъ, что брань слышишь и въ порядочныхъ кружкахъ и въ солидныхъ органахъ печати. Пора начать умѣрять скорое слово порицанія и неучтивства. Желательно бы распространить это прещеніе и на уличныя, матершинныя изліянія, которыя такъ обыкновенны въ нашемъ простомъ народѣ. Мнѣ кажется, прогулки мировыхъ судей, съ цѣпью ихъ, по улицамъ въ городахъ и по торжицамъ въ селеніяхъ много способствовали бы облагороженію народныхъ разговоровъ. Это могло бы имѣть вліяніе и на искорененіе другаго безобразія на улицахъ и торжищахъ: пьянства, пьянства до ризъ положенія и безчувственного погруженія. Въ уголовныхъ дѣлахъ безпрестанно слышишь отвѣтъ подсудимаго: „не помню, не знаю какъ случилось, я былъ выпимши и пьянъ совершенно“. Къ этому явленію начинается прививаться и другое, печальное: временное помраченіе разсудка. Едвали судебная медицина какой нибудь другой націи представляетъ столько случаевъ невмѣняемости дѣяній по причинѣ скоропреходящаго помѣшательства. Авось лучшая уголовная статистика новыхъ судовъ дастъ правильныя основанія и вѣрныя данныя къ изученію этого важнаго предмета.

Надо предполагать огромный запасъ ненависти къ Великому Князю Константину, чтобы объяснить тѣ слухи, рассказы и сплетни, которые ходятъ о немъ и о женѣ его въ разныхъ кружкахъ Московскихъ, и при томъ не тайкомъ, а гласно и съ какою-то злорадостію. По дѣлу Каракозова и Ишутина сенаторъ Муравьевъ, со словъ прокурора Стодольскаго (очевидца) рассказывалъ, что при передопросѣ въ верховномъ судѣ преступники прямо объявляли, что они принадлежали къ организаціи *Константиновскаго* тайнаго общества; что есть записки, въ которыхъ о замыслѣ на покушеніе 4 Апрѣля говорится: „ты знаешь, какъ это будетъ пріятно К.“ Подъ этой буквой разумѣлся Константинъ. Розказни сенатора Казначеева о сценахъ въ Крыму, въ 1862, тоже изукрашены.

Ноябрь. Къ числу празднествъ по случаю свадьбы Наслѣдника должно отнести и поѣздку въ Москву Англійскаго и Датскаго кронпринцевъ и двухъ принцевъ Саксонскихъ. Они впрочемъ не очень интересовались старою столицею Московіи. Пріѣхавъ въ часъ 3-го,

они уѣзжаютъ сегодня, 4 Ноября, вечеромъ. На желѣзной дорогѣ они проведутъ столько же. Довольно скоренько, но довольно кавалерски. Они осмотрѣли, разумѣется, очень бѣгло, наши достопримѣчательности, пользовались большою свободою въ прогулкахъ на пзвозчикахъ и были у Филарета. Старецъ просилъ принца Уельскаго убѣдить *матушку* заявить сочувствіе восточнымъ христіанамъ. Принцъ отвѣчалъ, что *Англія* принимаетъ къ сердцу распространеніе христіанства повсюду. Какъ неумѣстна была просьба старика, такъ ловко данъ былъ отвѣтъ принцемъ. Генераль-губернаторъ угощаетъ принцевъ обѣдомъ и Цыганами. Я видѣлъ ихъ у Даціаро, въ магазинѣ эстамповъ, гдѣ они выбирали виды Москвы. Всѣ они молоды, лѣтъ 20—24, немножко торопливы. Альбертъ Эдуардъ малъ ростомъ, но замѣчательно хорошъ собою. Изъ нашихъ принцевъ не было никого. Не было и Прусскаго. Добрякъ этотъ, говорятъ, очень хорошо держалъ себя въ Петербургѣ и показалъ много искательства дружбы принца Уельскаго. Говорятъ, что идетъ рѣчь о бракѣ Датскаго принца съ одною изъ Прусскихъ княженъ. Какъ ни ослабли династическія связи, но онѣ еще существуютъ и имѣютъ свое вліяніе. У насъ онѣ положительно сильны.

Опять заемъ, заемъ внѣшній „для уплаты процентовъ по внѣшнимъ займамъ“. Замѣчательно! Мы не въ состояніи платить проценты по внѣшнимъ займамъ и должны ихъ увеличивать. Заемъ, правда, небольшой, 6 мил. фунт., около 40 мил. рублей; не важность, но важно назначеніе. Я не совсѣмъ вѣрю этому назначенію, ибо, по моему убѣжденію, оно невысказано, если не признавать ребяческими всѣ дѣйствія министра финансовъ. Оно невысказано и по тому довѣрію, которое при этомъ займѣ оказано намъ лучшими банкирскими домами, Гоппе и Берингъ. Вѣрнѣе, что предчувствуютъ, предвидяютъ возможность войны. Война дѣйствительно нужна. Упраздненіе Вѣнскихъ конгрессовъ и вообще трактатоваго права и господство началъ національностей требуютъ передѣлки Европейской карты, и едвали Наполеонъ III не рѣшилъ этого въ своемъ умѣ. Тогда нашъ заемъ найдетъ оправданіе, ибо въ случаѣ войны занимать дорого. Но все таки заемъ, и небольшая цифра его приближаетъ насъ къ двумъ миллиардамъ франковъ при постоянныхъ дефицитахъ, при упадкѣ курса и при ослабѣвающей производительности.

Замѣчательно, что убѣжденіе о мотовствѣ правительства проникло и распространяется не только въ публицистикѣ, но и въ народѣ. Подати Муравьевымъ и Рейтерномъ очень возвышены. На дняхъ представлено намъ дѣло о Вятскомъ крестьянницѣ, который на сходкѣ о недоимкахъ, при разговорѣ о покушеніи 4 Апрѣля, выразился такъ: напрасно не пристрѣлили его; онъ первый мотъ, все мотовство отъ

него. Подати страшныя; прежде платили 5 или 6 рублей ассигнаціями, а теперь 3 и 4 серебромъ. Толки Москвы о роскоши и мотовствѣ правительства и особенно двора и особенно по поводу настоящихъ празднествъ общіе и громкіе. Объ этомъ говорятъ и пишутъ, кричатъ и печатаютъ. Такъ шагъ за шагомъ мы идемъ къ катастрофѣ, заключаютъ Московскіе пессимисты.

Развитіе судебной реформы идетъ своимъ порядкомъ и дѣйствуетъ хорошо; но едва ли министры понимали и предвидѣли все послѣдствія независимаго суда, всю важность его, особенно посреди разныхъ управленій, избалованныхъ безотвѣтностью. Нѣкоторыя ошибки, довольно важныя (напр. прекращеніе дѣла Люминарскимъ, когда прокур. Костылевъ отказался поддерживать обвиненіе, хотя судебное изслѣдованіе было закончено и присяжные признали виновность, и второе: дѣло о ранахъ Вагонта, отъ которыхъ приключилась ему болѣзнь и смерть, прекращено за неподачею прошенія и др.) показываютъ, что личный составъ не доказываетъ ни знанія, ни еще менѣе опытности. Но это бы еще ничего. Министры не могутъ переварить независимость суда. Столкновенія безпрестанныя, особенно съ Главнымъ Управленіемъ печати. Уже оправданіе „вопроса молодого поколѣнія“ заставило идти Министерству на сдѣлку съ Палатою. Принятіе къ своему разсмотрѣнію дѣла объ арестѣ книги профессора Свѣцова представляется явнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла управленія, а задержаніе почтовыхъ каретъ угрожало перерывомъ почтовыхъ сообщеній. Въ Москвѣ, въ слѣдственной комисіи производилъ дѣла о нигилисткахъ стряпчій Павловскій. По ходатайству генераль-губернатора его назначили членомъ Окружнаго Суда. Когда онъ принялъ присягу, предсѣдатель пригласилъ его принять участіе въ занятіяхъ суда; но онъ отвѣчалъ, что, будучи такъ много обязанъ его сѣятельству, онъ получилъ мѣсто съ тѣмъ условіемъ, чтобы докончить дѣла о нигилисткахъ. Ему доказывали, что званіе судьи несовмѣстно ни съ какими иными занятіями. Павловскій съ особенною увѣренностію отразилъ: помилуйте, мнѣ въ такомъ смыслѣ дано и предписаніе отъ министра. Это превысило мѣру терпѣнія молодыхъ ареопагитовъ, и они рѣшились начать противъ Павловскаго дисциплинарный судъ. Я совѣтовалъ имъ воздержаться отъ этой мѣры, которая въ сущности относилась бы къ кн. Долгорукому и Замятнину, а для выясненія своего положенія въ Петербургѣ описать все какъ было и предполагалось чрезъ прокурора Палаты Ровинскаго. Надобно опасаться, чтобы эти столкновенія и заносчивость молодежи, особенно въ настоящее время послѣ рескрипта 13 Мая и положенія Комитета Министровъ 22 Іюля (о власти губернаторовъ) не привели къ какимъ-нибудь ограниченіямъ тѣхъ важныхъ ручательствъ,

на которыхъ основывалась надежда на водвореніе у насъ хорошаго, настоящаго суда.

Сегодня, 1 Декабря, празднуется юбилей Карамзина. Полезно во всѣхъ отношеніяхъ оживлять и утверждать въ сознаниіи и памяти народовъ имена великихъ дѣятелей на всякомъ поприщѣ народнаго развитія. Эти праздники окрыляютъ таланты и ободряютъ общество, давая ему увѣренность въ своихъ нравственныхъ силахъ и самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ. Доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, праздновались юбилей Данту, Шекспиру и Шиллеру, тремъ всемірнымъ великимъ поэтамъ. У насъ—Ломоносову и Карамзину. Для Россіи это дѣйствительно замѣчательные люди, особенно Ломоносовъ. Но полубогп-ли они, гиганты-ли, генип-ли они, великіе-ли дѣятели они? Кто ихъ знаетъ? Ломоносова еще звалъ Эйлеръ. А Карамзинъ? Карамзинъ замѣчателенъ не какъ поэтъ, не какъ ученый, а какъ человѣкъ. Достаточно прочесть письма Дмитріева и Жуковскаго, всѣхъ сколько нибудь знавшихъ Карамзина, чтобы понять всю возвышенность этой прекрасной души, всю обаятельность жизни, бесѣды и чувства этого благороднаго человѣка. Вотъ, я думаю, въ этомъ кругу юбилей Карамзина на мѣстѣ. Но юбилей общій, Всероссійскій, едва ли не будетъ продолженіемъ „исканія имени“, начавшагося съ свободою печати, довольно праздной, и манифестаціей Русской національности, особенно шумливо отстаивающей права свои послѣ Польскихъ прощесковъ и подавленія бунта.

По многимъ отзывамъ должно думать, что Карамзинъ считалъ важнымъ подвигомъ „Исторію Государства Россійскаго“. Она дѣйствительно подвигъ труда, проницательности и спеціальной учености. Русская исторія сдѣлала огромный шагъ. Литература приобрѣла превосходный памятникъ. Но въ исторіи Соловьева еще болѣе научности, и она доведена до половины 18 стол. Такъ неужели и г. Соловьеву будетъ юбилей? Довольствоваться небольшимъ величіемъ, возводя его на степень равную истиннымъ, настоящимъ героямъ науки и поэзіи, не унижаетъ-ли достоинство великой націи и не оскорбляетъ-ли самыя благородныя личности? Шекспиры, Данты, Шиллеры,—это учителя и воспитатели человѣчества, которое имъ славно и ими гордится.

Слухи изъ Петербурга въ пользу реакціи. Замѣщеніе Милютнина (энергичнаго и опредѣленнаго до рѣзкости) Дм. Набоковымъ (нерѣшительнымъ и неопредѣленнымъ) указываетъ только на то, что людей нѣтъ. Коробить и стираетъ ихъ тяжкое быстрыми реформами время. Реакція слышится въ просвѣщеніи и въ бюджетѣ. Въ просвѣщеніи надѣются усилить власть попечителей и установить дисциплину въ юношествахъ. Бюджетъ хотятъ привести къ равновѣсію и отдѣлать государственныи банкъ отъ Министерства Финансовъ, слишкомъ свободно

черпающаго изъ него свои ресурсы. Слышно о налогѣ съ доходовъ. Я нахожу, что склонѣ, по которому мы идемъ, склонѣ къ кореннымъ реформамъ, не дозволить ни реакціи, ни пріостановки. Надобно идти и надобно идти скоро, еще скорѣе, нежели теперь.

Прочелъ я книгу сенатора Егор. Петр. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время“. Блудова я зналъ лично и лично имѣю на него претензіи. Это былъ человѣкъ прекраснаго сердца, со свѣтлымъ взглядомъ, съ умомъ просвѣщеннымъ, но вообще человѣкъ довольно обыкновенный. Такихъ людей много. Главный его недостатокъ—это безхарактерность. Второй—это мелочность. Онъ считалъ себя стилистомъ и болѣе содержанія озабоченъ былъ редакціей или изложеніемъ закона или бумаги. Достаточно прочесть его „Мысли и замѣчанія“ въ концѣ книги Ковалевскаго, чтобы составить себѣ повятіе о гр. Блудовѣ. Тутъ желаніе оригинальничать и блеснуть тонкою мѣткостью. Онъ, какъ и Карамзинъ, имѣлъ большую преданность Государю; но у Карамзина она была смѣлая, а у Блудова благоговѣйная и какъ бы природенная ко всему царскому семейству. Получивъ довольно поверхностное, Французское воспитаніе, онъ довольно долго занимался пустячками въ Московскомъ Архивѣ и, пойдя потомъ по дипломатической части, пріобрѣлъ и привычки этого поприща: осторожность, взвѣшиваніе выраженій, избѣгая рѣзкости, опредѣленности и даже точности во многословіи и оговоркахъ. Онъ отличался безкорыстіемъ въ службѣ и, какъ и Дашковъ, никогда не участвовалъ ни въ какихъ компаніяхъ, гдѣ царили графы-князья Орловы, Чернышевы, Бенкендорфы, Нессельроды. Между своими собратіями онъ былъ почти ученый и дѣйствительно читалъ и зналъ много и имѣлъ огромную память. Претензіи мои, во первыхъ, за конкордатъ. Это впрочемъ претензія общая, и его порицали даже въ 1847 г., ужъ не говоря о 48 и 60 годахъ. Личная моя претензія въ томъ, что онъ не настоялъ, по моему предложенію, о введеніи Русскаго языка въ Остзейскій процессъ и отказалъ Сенату, по моему же предположенію, во введеніи въ этотъ процессъ общаго Русскаго закона объ апелляціи. Дѣло это напечатано въ I т. Сборника рѣшеній Правит. Сената (1864 г.) подъ № 686. Графъ Блудовъ конечно принадлежалъ къ исторической школѣ, и конечно не я буду порицать его за это, но мало ознакомленный съ наукою права и его философіей, онъ конечно не зналъ важности и послѣдствія государственнаго закона *de non appellando* Здѣсь онъ дѣйствовалъ въ сепаратистскомъ духѣ Остзейцевъ, хотя, я увѣренъ, и любя ихъ (онъ тислявился Курляндскимъ дипломомъ на дворянство), онъ дѣйствовалъ такъ по незнанію. Другая моя личная претензія, это: Уложеніе 1845 г. Оно такъ мелко, такъ обилуетъ казуистикой, исполнено столькихъ повтореній,

что разнообразіе въ примѣненіи статей, при всевозможныхъ стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ власти и низшаго и высшаго суда, доходило до наглаго произвола.

Я не имѣлъ ни причинъ, ни поводовъ ни любить, ни не любить гр. Блудова и думаю, что сенаторъ Ковалевскій желалъ представить извѣстный періодъ времени (своего), которое онъ и описалъ легко и занимательно, а не графа Блудова, о которомъ онъ говоритъ мало, даже слишкомъ, не находя что сказать и вдаваясь (съ сожалѣнію въ самомъ текстѣ) въ критическія подробности только по случаю обвиненій, изведенныхъ на Блудова Николаемъ Тургеневымъ въ извѣстной книгѣ его: *La Russie et les Russes*. За графомъ Блудовымъ я не признаю ни заслугъ, ни способностей государственныхъ, но признаю и, думаю, все признаютъ за нимъ двѣ государственныйя ошибки: защиту Остзейскихъ особенностей и конкордаты 1847 г. Но (повторяю) для него исторія еще не наступила. Въ наше историческое время дѣльцы, какъ графъ Блудовъ и др., совершенно растерялись, какъ растерялись рутинные дѣльцы въ 1835 г. со введеніемъ Свода Законовъ. Я спрашивалъ Заруднаго и Буцковскаго, какимъ образомъ могли они убѣдить графа Блудова и графа Панина подписать такія широкія общія начала судебного преобразованія. Они дали мнѣ изумительный отвѣтъ: „Мы объяснили имъ, что все замѣстовано изъ ихъ проектовъ и представленій, внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ“. Если это такъ, то самоуничтоженіе ихъ можно объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ гражданскаго мужества. Они не противорѣчили, не смѣли. Я очень хорошо знаю, въ чемъ заключались ихъ проекты и представленія. Когда я предложилъ имъ, въ 1842 г., проектъ закона о подсудности (двѣ инстанціи), они, въ присутствіи сенаторовъ Пинскаго, Данзаса, Капгера и вице-директора Рюмина, прогнали меня сквозь строй.

Между тѣмъ какъ блестящая судебная реформа развивается, а старые суды закрываются, нельзя не обратить вниманія съ грустью и опасеніемъ на состояніе дѣлъ и чиновниковъ въ этихъ старыхъ судахъ. Личный составъ уже и въ Сенатѣ никуда не годится. Но теперь начинаютъ воровать дѣла и продавать документы. Исполняется буквально мое напечатанное (какъ сенатора) мнѣніе. Но куда пойдутъ, какъ устроятся заштатные чиновники заштатной юстиціи? Грустно подумать. Въ безвыходномъ положеніи они, вся эта дрянь, находившая пріютъ только въ юстиціи, они пойдутъ воровать, грабить и разбойничать. Они же по большей части народъ пьяный, продажный и на дурныя дѣла склонный. Какъ непрактически вводится это прекрасное преобразование, доказываетъ существованіе въ одно время двухъ правосудій: свалка дѣлъ возами и увольненіе чиновниковъ батальонами.

Не въ одной литературѣ и журналистикѣ, столь долго и крѣпко связанныхъ, не только въ высокихъ обществахъ, приниженныхъ позднѣйшими реформами, замѣчается большое раздраженіе, запальчивость и неосторожное слово порицанія. Тоже замѣчается и въ собраніяхъ думъ, дворянства и земства, милостиво обставленныхъ свободою и самостоятельностью дѣйствій. Въ началѣ своего существованія земство задавалось большими надеждами и много обѣщало. Оно надѣялось на передачу значительныхъ капиталовъ отъ правительства, оно думало искусно обложить многодоходныя статьи производительности и торговли. Въ капиталахъ земство ошиблось, и самыя заведенія сданы ей съ большими изьянами. Законъ 21 Ноября 1866 г. ограничилъ право земскаго обложенія. Этотъ законъ вызвалъ бурю смѣлыхъ возраженій, особенно въ созванномъ нынѣ Московскомъ собраніи и преимущественно въ рѣчахъ гр. Уварова, кн. Мещерскаго, кн. Щербатова, Муслива-Пушкина и Д. Голохвастова. Эпизоды случались возмутительныя. Сенаторъ Смирновъ ругалъ крестьянъ, гласный Юрій Самаринъ ругалъ дворянъ. Всѣ недовольны, взволнованы и отягощены. Нельзя ожидать предположенныхъ благотѣльныхъ результатовъ отъ этихъ быстрыхъ и радикальныхъ переломовъ. Нельзя ихъ ожидать и потому, что всѣ эти реформы по Европейскимъ образцамъ намъ не по плечу и не по гарману.

Исходитъ знаменитый 1866 годъ, когда въ Россіи болѣе и болѣе, посреди свободной печати и свободныхъ судовъ, водворяется и крѣпнетъ національное Русское чувство, а въ Европѣ развивается это чувство въ самостоятельныя національныя государства, Итальянское и Нѣмецкое, отодвинувшія на второй планъ Австрію и Наполеона. Заражается обширная Славянская держава и на Юго-Востокъ, и въ какихъ-то картахъ исчезаетъ національность Польская. Въ организаціи государственной преобладаютъ общая подача голосовъ и усиленіе, надъ правительствами, народнаго представительства. Все это новые этапы къ республикѣ и социализму. Ожидаемое уничтоженіе свѣтскаго папы, при свободной религіи свободныхъ народовъ, совпадающее съ распространяющимся ученіемъ натуралистовъ и матеріалистовъ, обѣщаетъ измѣнить и самую церковь какъ на Западѣ, гдѣ она слишкомъ сильно независима, такъ и на Востокѣ, гдѣ она совершенно поработана. Увеличеніе бѣдности и преступленій продолжается, но не narosло до той степени, чтобы выразиться переворотомъ, подобно 1848 году, хотя горячіе матеріалы все накаплиются и накаплиются...

Обращаясь со страхомъ и молитвою къ моему великому отечеству, я долженъ, при всѣхъ великихъ и блестящихъ преобразованіяхъ и надеждахъ, заявить и опасеніе за счастливый исходъ этихъ преобра-

зованій и надеждъ. Крестьянское дѣло, въ принципѣ, довершено. Оно распространено и на Царство и частью на Прибалтійскій край. Но возвышеніе податей, высокій выкупъ и земскіе сборы тяжело лежатъ на народѣ и едва ли исполнимы при скудныхъ его средствахъ. А понизить ихъ нельзя, ибо и при нихъ наша государственная роспись постоянно съ недоимками, и для уплаты вѣшнихъ процентовъ мы должны дѣлать новые вѣшніе займы. Неудовольствіе въ народѣ показывается въ ропотѣ земства, которое какъ бы ищетъ случая, чтобы, не открыто сознавая свое безсиліе, отказаться отъ своего назначенія.

Судебная реформа плохо идетъ въ провинціи по недостатку въ людяхъ. Особенно мало надежды на учрежденія мировыя, и особенно въ нашихъ безлюдныхъ, обширныхъ уѣздахъ. Положеніе старыхъ судовъ, заживо погребаемыхъ и совершенно дискредитированныхъ, невыносимо.

Пьянство, кажется, уменьшается. Боятся большого недобора въ акцизѣ. Вообще хозяйственное положеніе государства, денежная система и финансы представляются въ совершенномъ разстройствѣ. Производительность, кредитъ, всѣ фонды упали, хотя публичная жизнь въ городахъ и земствахъ, въ журналистикѣ и публичныхъ собраніяхъ, принимаетъ огромные размѣры. Но пусть придетъ кризисъ, придетъ нужда. Она насъ застанетъ въ неопытности, но выработаетъ опытъ, которому публичность дастъ печать рациональнаго убѣжденія. Мы недостаточно сознаемъ свои силы и средства, мы немножко привыкли жить легонько, на счетъ крѣпостнаго права, на счетъ канцелярскаго квіетизма и Европейскихъ замѣтвованій, часто намъ не по плечамъ и не по карману. Пора жить иначе, и мы надѣмся, что геній Русскій, идя теперь открытою широкою дорогою, не замедлитъ проявить и свою находчивость и свое могущество.

(Продолженіе будетъ).

Четверостишіе С. Т. Ансакова къ Натальѣ Николаевнѣ Наврозовой *).

Глядитъ одинъ, но несравненный.
Такая участь Вамъ дана:
И одно солнце во вселенной,
И въ небесахъ одна луна!

*) П. Н. Наврозова сестра Льва Николаевича Энгельгардта (автора извѣстныхъ Записокъ). Она была на одинъ глазъ слѣпа. П. Б.

ЗАПИСКА ЛАГАРПА О ПЕРЧАТКАХЪ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА ¹⁾.

Его императорское высочество государь великій князь Павелъ Петровичъ далъ мнѣ эти перчатки въ Гатчинѣ въ Маѣ 1795 г., въ день тезоименитства его сына великаго князя Константина, за нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ С.-Петербурга.

Былъ балъ въ Гатчинѣ, и такъ какъ ея императорское высочество великая княгиня Марія Ѳеодоровна оказала мнѣ честь пригласить меня на полонезъ, то я смутился, потому что не имѣлъ перчатокъ. Тогда государь великій князь, который бесѣдовалъ со мною въ эту минуту, далъ мнѣ свои перчатки.

Я сохранилъ ихъ въ память счастливыхъ часовъ, доставленныхъ мнѣ его благосклонностью, особенно въ память дня, въ который я исполнилъ великій долгъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ этотъ князь проявлялъ ко мнѣ холодность, которая меня очень печалила; но я рѣшилъ не покинуть Россіи, не узнавъ причину этой холодности.

Передъ моимъ отъѣздомъ я имѣлъ случай бесѣдовать въ продолженіи двухъ часовъ съ этимъ несчастнымъ княземъ въ его кабинетѣ, гдѣ я облегчилъ себѣ душу. Онъ былъ глубоко тронутъ, и я никогда не забуду его сердечнаго обращенія ко мнѣ. Онъ оцѣнилъ предостереженія, которыя я ему далъ ²⁾.

¹⁾ Переведено съ Французской рукописи, изъ бумагъ Н. К. Шильдера, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

²⁾ Сколько извѣстно, эти предостереженія состояли въ совѣтѣ обращаться мягче съ сыновьями. Лагарпъ говорилъ, что онъ не принялъ предложенія Екатерины посвятить Павлу Петровичу отреченіе отъ наслѣдства въ пользу Александра Павловича. Въ слѣдующемъ году это отреченіе состоялось. Покойный Великій Князь Сергій Александровичъ передавалъ намъ, что и манифестъ о томъ былъ готовъ и назначался къ обнародованію въ день именинъ Государыни (24 Ноября) или въ день новаго 1797 года. Тутъ новое право Екатерины на благодарность Русскаго народа: она хорошо знала, каково будетъ царствованіе сына ея. Державинъ влагаетъ ей въ уста; „Давно я зло предупреждала, назначивъ внука вамъ въ Царя“. П. Б.

Когда онъ взошелъ на престоль, я былъ замѣшанъ въ тѣхъ переворотахъ, которые дали Швейцаріи новую организацію, слѣдовательно я былъ лишень креста и пенсіи; но я былъ увѣренъ, что это дѣло будетъ поправлено. Я не ошибся, ибо императоръ Павелъ I, вспомнивъ меня, за нѣсколько недѣль до своей смерти, сказалъ своему сыну Александру, что онъ все еще бываетъ тронуть, когда думаетъ о моемъ послѣднемъ свиданіи съ нимъ и освѣдомился о мнѣ; но князь ничего не могъ ему сказать, такъ какъ мы болѣе не переписывались.

Когда я вновь пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1801 году, императоръ сообщилъ мнѣ то, что сказалъ ему его отецъ и попросилъ меня объяснить ему эти слова. Эти объясненія очень удивили его.

Эти перчатки свидѣтельствуютъ о томъ, что тотъ, для кого я исполнилъ великій долгъ, оцѣнилъ этотъ подвигъ.

Обыкновенно, великіе міра сего узнають только лесть, и рѣдко имъ приходится найти смѣлыхъ и честныхъ людей, которые не боятся высказать правду *).

ИЗЪ СИБИРСКОЙ СТАРИНЫ.

Генераль-губернаторъ Гасфортъ.

Въ шестидесятихъ годахъ истекшаго столѣтїя Сибирскимъ генераль-губернаторомъ въ Омскѣ, какъ разсказываютъ старожилы, былъ дѣлто Гасфортъ, суровый, строгій Нѣмецъ. Вотъ и вздумалось ему устроить парадъ, при участїи духовой музыки, зимой, при сорокаградусномъ морозѣ! Выгнали на этотъ парадъ музыкантовъ. Разумѣется, Сибирскій морозъ съ лицами музыкантовъ не церемонился: губы прилипали къ флейтамъ и волторнамъ, и эти послѣдніе не издавали никакого звука. Въ такіе морозы духъ у человѣка буквально замираетъ, а тѣмъ болѣе у легкоодѣтыхъ музыкантовъ. Капельмейстеръ передалъ оркестръ помощнику, а самъ побѣжалъ за чѣмъ-то въ военную канцелярію. Послѣ долгаго ожиданія подѣхалъ въ теплое глухо-закрытомъ возкѣ Гасфортъ. Музыкантамъ было приказано играть маршъ. И вотъ, вмѣсто стройной военной музыки, генераль услышалъ только звуки барабана и мѣдныхъ тарелокъ. Генераль разсвирѣпѣлъ. Въ теплой мѣховой шубѣ онъ выскочилъ изъ возка и набросился на музыкантовъ. „Такіе-сякіе, я не замерзъ, а вы замерзли. Сквозь строй!“ Послѣднее приказаніе въ то время было обычнымъ. Но отъѣздъ генерала, музыканты уныло пошли въ крѣпость. По дорогѣ ихъ встрѣтилъ капельмейстеръ, и ему они сообщили о печальномъ своемъ положенїи. Капельмейстеръ быстро направился къ генераль-губернатору и показалъ ему найденный въ канцеляріи циркуляръ военнаго министра, которымъ въ морозѣ свыше десяти градусовъ всякаго рода парады и игра духовой музыки воспрещались. Противъ этого циркуляра генераль-губернаторъ идти не посмѣлъ, и назначенное музыкантамъ наказаніе немедленно отмѣнилъ.

Гасфорта въ Омскѣ вообще очень боялись. Надъ могилой умершей въ Омскѣ своей жены Гасфортъ на мѣстномъ кладбищѣ построилъ часовню. Обыватели вздумали на этомъ кладбищѣ выстроить также церковь. Слѣдовало построить ее колокольнею выше часовни, но въ страхъ передъ Гасфортомъ тогдашній Омскій городской голова В. А. Кузнецовъ сдѣлать этого не посмѣлъ. Передъ окнами генераль-губернаторской квартиры обыватели обязаны были проходить съ непокрытой головой. При Гасфортѣ выстроены существующій и доселѣ въ Омскѣ „дворецъ“ для генераль-губернаторовъ. Говорятъ, что будто-бы этотъ дворецъ власти понудили выстроить нѣкоего Еврея Гудовича въ наказаніе за проявленную имъ грязную непристойность во время христіанскаго крестнаго хода. Возникшія около Омска въ то время деревни Гасфортъ называлъ одну своимъ именемъ Густавово, другую именемъ своей жены Любико. Интересно, что первое названіе съ теченіемъ времени, будучи чуждымъ для Русскаго уха, превратилось въ Остахово. Въ дѣлѣ названія деревень болѣе оригинально поступилъ послѣдующій Сибирскій генераль-губернаторъ Н. Г. Казнаковъ: всѣ шесть возникшихъ при немъ деревень онъ назвалъ фамиліями шести Омскихъ старожилонъ—Потанина, Губина и др., которые по званію были всего только Омскіе мѣщане. По поводу нихъ тогда долго острили, что они, какъ помѣщики, имѣютъ деревни, носяція ихъ имена. 17 Марта 1911 г.

Иванъ Гавриловичъ Кузнецовъ.

КЪ ИСТОРИИ НОВОМИРГОРОДА.

(Изъ частнаго письма).

28 Мая 1856 года. М. Златополь (Кіевск. губери.).

Вознесенскъ я пашель также чистымъ и опрятнымъ какъ и прежде, но въ немъ, дѣйствительно, была мертвенность. При насъ, кажется, было веселье... Кирасировъ я почти никого не видѣлъ. Съ 18 Апрѣля, мы въ Златополь, и на мѣсто наше торжественно, при встрѣчѣ духовенства съ крестомъ, хоругвями и св. водою, вступилъ ураганъ Татарскихъ ауловъ, Ново-Миргородскій полкъ. Торжественная встрѣча была способомъ примиренія этого полка съ жителями Н. Миргорода, которые жалѣли о резервахъ и бранили Новомиргородцевъ. Дальнѣйшая судьба наша—во мракѣ. Ждемъ расформированія, но Богъ знаетъ, какого оно рода будетъ...

Ваши историческія замѣтки, чудо какъ вѣрны! Старцы мнѣ повѣдали. Первые пришельцы этого мѣста, на которомъ лежитъ Н. Миргородъ, были Сербы. Они смѣшались скоро съ Молдаванами и Малороссами и исчезли въ массѣ ихъ. Основателемъ Н. Миргорода былъ Текелій. Прахъ его покоится теперь подъ сводомъ 104-хъ лѣтней церкви, настоящаго собора: при входѣ, на правой сторонѣ видна доска съ надписью, которая гласитъ о Текеліѣ*). Н. Миргородъ во дни оны былъ пограничнымъ, мирнымъ городомъ относительно Поляковъ, владѣнія которыхъ начинались отъ Златополя, или ближе отъ рѣки Выси, окружающей съ 3-хъ сторонъ Н. Миргородъ. Тогда совершался въ немъ размѣнъ плѣнныхъ и производилась мѣна товаровъ и произве-

*) Генераль-поручикъ *Петръ Текелій*, родомъ изъ переселившихся въ Россію Сербовъ, извѣстенъ въ Исторіи, какъ начальникъ отряда, которому поручено было взять приступомъ и уничтожить знаменитую *Запорожскую Сечь*. Это дѣло онъ совершилъ очень искусно, *безъ пролитія крови*... Событіе это, трагическое въ исторіи Малороссіи, оплакано во многихъ народныхъ пѣсняхъ. Оно послужило сюжетомъ для извѣстной картины художника Н. Е. Рѣпина. Л. М.

деній. Тутъ, близъ собора, построены были сильныя редуты и окопы; легкіе слѣды ихъ и теперь видны. Тутъ же было и сраженіе. Кости героевъ около или въ самыхъ окопахъ погребены были въ песку. Время шло, насыпи надъ ними сглаживались, заравнивались; наконецъ бурныя вѣтры начали вывѣвать ихъ... Каждый годъ онѣ, попадаясь живымъ людямъ, какъ бы просили себѣ лучшаго погребенія... И вотъ назадъ тому лѣтъ 6-ть принятъ былъ трудъ отрыть ихъ; отрыли, собрали и похоронили за Н. Миргородомъ на кладбищѣ.

Разсказываютъ, что Н.-Миргородъ, въ резиденчество архіереевъ, былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи *). Въ немъ возносилась хвала Богу въ семи церквахъ. Около домовъ у жителей, на берегахъ Выси и соленаго озера *Ляме*, цвѣли и румянили пышныя фруктовыя сады. Много было торговыхъ и богатыхъ домовъ, помѣщиковъ, купцовъ, мѣщанъ и Жидовъ. Посреди Н. Миргорода, близъ валовъ бывшаго редута, сіяло чистое, какъ зеркало, озеро Лянге. Городъ кипѣлъ торговою дѣятельностію... Но законъ измѣняемости коснулся и судьбы Н. Миргорода... Въ 1804 г. кафедрa архіереевъ уничтожена. Звѣзда благоденствія Н. Миргорода еще горѣла, но налетѣлъ тучей 1821-й годъ, и она померкла... Ревностный исполнитель плановъ Аракчеева, генералъ *Троцинскій* прибылъ въ Н. Миргородъ съ дивизіей и началъ заводить тутъ военное поселеніе. Жиды выгнаны, купцы и мѣщане съ своею торговлею высланы. Троцинскій уже послѣ, по чьему-то совѣту, воротилъ двухъ купцовъ, *Дехтерева* и *Соколова*; они оба теперь банкроты... Храмы уничтожены, и слѣда ихъ нѣтъ. Одинъ только остался соборъ. Впослѣдствіи уже выстроены Ильинская, Госпитальная при военномъ госпиталѣ, и Полковая въ богадѣльнѣ церкви; архитектура этихъ церквей простая, новая. Госпитальная и полковая—это, можно сказать, домашнія. Помѣщики выѣхали. Троцинскій принялся за сады. Половина подка цѣлый мѣсяць трудилась надъ ними. Звенѣли топоры и заступы; нѣжныя деревья стонали и трупами валялись на землю. Эхо уносило послѣдній шумъ ихъ... Озеро Лянге пытались завалить навозомъ, сжали его, въ нѣко-

*) Архіерейская кафедрa епархій Екатеринославской и Таврической перенесена была въ Ново-Миргородъ изъ *Полтавы* въ 1797 г., въ началѣ царствованія импер. Павла, при чемъ самая епархія названа *Новороссійскою* и *Днѣпровскою*. Импер. Павелъ не выносилъ названій: *Екатеринославъ*, *Екатеринославскій*, а потому и городъ Екатеринославъ приказалъ переименовать въ *Новороссійскъ*. Уже въ царствованіе импер. Александра Екатеринославу возвращено его прежнее имя, и въ этотъ городъ была перенесена кафедрa епархій, которая тоже получила свое прежнее названіе: *Екатеринославской*. До импер. Павла кафедрa этой епархій была въ *Полтавѣ* потому, что при Екатеринѣ II Полтава съ нѣсколькими другими городами нынѣшней Полтавской губ. (*Кременчугъ*, *Кобеляки*, *Константиноградъ*) числилась въ *Новороссіи*.

торыхъ мѣстахъ перехватили насыпью, однако оно и теперь зыблется. И вотъ на очищенныхъ, на насыпанныхъ мѣстахъ посадили хатки военныхъ поселенъ... Чисты и бѣлы онѣ; на дворахъ и огородахъ хоть шаромъ покати, какъ и вездѣ въ военномъ поселеніи... Я только у Ильинскаго священника и сосѣдки его *Буличевой* видѣлъ довольно широкіе вишневые сады. Заливъ Лянге омывалъ берега ихъ. Говорятъ, что это поддерживаемые остатки давнихъ садовъ... Архіерейскій садъ существуетъ, но дикъ, запущенъ. Это единственное мѣсто, гдѣ жителямъ Н. Миргорода можно погулять. Рядомъ съ нимъ, только ниже къ городу, военный госпиталь съ палисадомъ, съ клумбами. За госпиталемъ есть такъ называемый *архіерейскій колодезь*. Онъ поитъ чистою влагою своею, кромѣ бѣдныхъ сосѣдей своихъ, всѣхъ достаточныхъ людей Ново-Миргорода; изъ ней только и можно чай готовить.

Такъ исчезло благолѣпіе Н.-Миргорода! Старые люди готовы плакать по немъ, какъ Іеремія на развалинахъ Сіона... „Ахъ батюшка; говорятъ они, какъ тутъ хорошо было до военнаго поселенія! Просто рай растворенный! А теперь... Богъ съ нимъ“!..

Оживится ли краса Н.-Миргорода? Едвали. Впрочемъ толкуютъ о преобразованіи военныхъ поселеній. Можетъ быть оно и будетъ, но когда?.. У насъ какъ будто язычество. Самолюбіе одного выше блага тысячей...

Сообщилъ Л. Мацѣвичъ.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ*).

Вѣроятно, никто болѣе меня не удивится появленію въ печати полнаго собранія всего написаннаго мною въ прозѣ, въ теченіи шестидесятилѣтія и болѣе. Это уже не въ чужомъ, а въ собственномъ шире похмѣлье. Впрочемъ, голова моя, кажется, крѣпка: чернилами до-пьяна я никогда не ушивался.

Въ наше скороспѣлое и торопливое время такое позднее появленіе довольно любопытно. У насъ издаются книги только-что вчера дописанныя; листы высохнуть еще не успѣли: кажется, не только у насъ, но и вездѣ, иные издають книги, которыя только завтра напишутся, а пока спѣшатъ издать въ свѣтъ пробные листы. Что до меня касается, слѣдуетъ еще замѣтить, что предлагаемое нынѣ собраніе сочиненій моихъ предпринято не по моему почину и такъ-сказать отъ меня заочно. Благопріятели предложили, а я согласился. Какъ и почему согласился я, читателямъ и публикѣ знать въ подробности не нужно: это дѣло домашнее. Впрочемъ, не одинъ разъ друзья мои убѣждали меня собрать и издать себя. Кажется, и постороннія лица, и даже литературные недоброжелатели мои, удивлялись, съ примѣсью нѣкотораго сожалѣнія, что иѣтъ меня на книжномъ рынкѣ. Дѣло въ томъ, что въ старое время, то-есть когда былъ я молодъ, было мнѣ просто не до того: жизнь сама по себѣ выходила скоропечатными листками, типографія была тутъ въ сторонѣ, была не при чемъ. Вообще я себя расточалъ, а оглядываться и собирать себя не думалъ. Далѣе, когда дѣятельность литературы нашей начала сходить съ пути, по которому я слѣдовалъ,

*) Изъ перваго тома „Сочиненій князя П. А. Вяземскаго“, изданія графа С. Д. Шереметева. Томъ этотъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1878-мъ году, сдѣлался книжкою рѣдкостью. Графъ С. Д. Шереметевъ позволилъ намъ сдѣлать это заимствованіе, за что конечно благодарять его читатели „Русскаго Архива“. П. Б.

и приняла иное направленіе, на вызовъ издать написанное мною и разбросанное по журналамъ, отвѣчалъ я: „теперь поздно и рано“.

Поздно—потому, что желѣзо остыло, а должно ковать желѣзо, пока оно горячо, то-есть, пока участіе читателей еще живо и сочувственно, пока не развлеклось оно новыми именами, новыми приѣмами. *Рано*—потому, что не настала еще пора, когда старое такъ состарится, что можетъ показаться новымъ и молодымъ. По неизмѣнному, житейскому порядку и круговращенію такъ бываетъ во многомъ: жизнь и исторія на лицо—онѣ засвидѣтельствуютъ правду этихъ словъ. Легко можетъ статься, что многое изъ нынѣ животрепещущаго и господствующаго не переживетъ вѣка и дня своего. Другое, нынѣ старое и забытое, можетъ очнуться позднѣе. Оно будетъ источникомъ добросовѣстныхъ изысканій, училищемъ, въ которомъ новыя поколѣнія могутъ почерпать если не уроки, не образцы, то преданія, не лишеныя занимательности и цѣнности не только для новаго, настоящаго, но и для будущаго. Слова: прошедшее, настоящее, будущее—имѣютъ значеніе условное и переносное. Всякое настоящее было когда-то будущимъ, и это будущее обратится въ прошедшее. Иное старое можетъ оставаться въ сторонѣ и въ забвеніи; но тутъ нѣтъ еще доказательства, что оно устарѣло; оно только вышло изъ употребленія. Это такъ, но запросъ на него можетъ возродиться. Антикваріи, продавцы старой мебели, старой утвари также удачно торгуютъ старьемъ, какъ и сосѣдняя съ ними лавка сбываетъ свой свѣжій и по послѣднему требованію изготовленный товаръ. Одно здѣсь условіе: старое должно имѣть свою внутреннюю и вѣсовую или художественную цѣнность. Въ такомъ товарѣ есть большая, неувидаемая живучесть. Отлагая въ сторону стыдливую скромность и не подвергая себя упрекамъ въ излишней гордости, полагаю, что предлагаемый здѣсь товаръ не лишень, въ нѣкоторой степени, того и другаго свойства. Слѣдовательно, и моя рѣчь впереди. Стоить только дождаться удобнаго часа, а онъ пробѣетъ уже безъ меня, но пробѣетъ. Впрочемъ, нѣкогда и я имѣлъ свой часъ, и часы были еще съ трезвономъ и курантиками. Поздняя старость имѣетъ право говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ. Старики въ собственныхъ глазахъ своихъ уже не *я*, а *онъ*.

Въ такихъ условіяхъ выхожу предъ общественное судилище. Доволенъ буду я и малочисленнымъ одобрительнымъ вниманіемъ нѣкоторыхъ читателей; равнодушенъ буду,—по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется, пока я еще въ кулисахъ и на сцену не вышель,—къ строгимъ приговорамъ другихъ судей, тѣмъ болѣе, что этотъ судъ будетъ что-то въ родѣ посмертнаго суда: меня вполнѣ живаго онъ

уже не застигнетъ. На долгомъ вѣку моемъ былъ я обстрѣлянь и крупными похвалами, и крупною бранью. Всего было довольно. Выдержалъ я испытаніе и *заговора молчанія*, который устроили противъ меня. Я былъ отпѣтъ: кругомъ могилы моей, въ которую меня живаго зарыли, глубокое молчаніе. Что же? Все ничего. Не раздобрѣлъ, не раздулся я отъ первыхъ, не похудѣлъ—отъ другихъ. Натура одарила меня большою живучестью и тѣлесною и внутреннею. Это можетъ-быть досадно противникамъ моимъ. Прошу у нихъ въ томъ прощенія, но дѣлать мнѣ нечего. Я здоровъ своимъ здоровьемъ и боленъ своими болѣзнями. Чужіе не могутъ придать мнѣ здоровья, не могутъ со стороны привить мнѣ и недуги. Злокачественныя повѣтрія и напѣтія безсильны надо мною.

Какъ бы то ни было, вотъ являюсь я весь на лицо. Былъ старый чиновникъ; онъ прошелъ долгодѣтнее служеніе и получилъ заслуженные имъ знаки отличія. Но онъ не носилъ на себѣ этихъ знаковъ, не развѣшивалъ ихъ на шеѣ и груди своей. Онъ держалъ ихъ за образомъ, предъ которымъ теплилась неугасаемая лампада. Онъ берегъ эти кресты на день погребенія своего. Безъ суевѣрія и страха, сдается иногда и мнѣ, что я выступаю съ литературными регаліями своими на прощаніе съ авторскою жизнію и со всякою другою. Эти регаліи улягутся на подушкахъ, которыя будутъ сопровождать мой гробъ. Миръ имъ и мнѣ!.. Скажу, что Карамзинъ сказалъ въ надгробной надписи, въ 1792 году, въ годъ рожденія моего; это также живая старина:

Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра.

Я вѣрую въ утро и воскресеніе мертвыхъ, слѣдовательно и въ свое.

I.

Заговоривъ о себѣ немножко, хочется поговорить еще болѣе. Чернила соблазнительны. Они имѣютъ нѣчто общее съ виномъ, чтобы не сказать съ кровью. Пьяница можетъ на нѣкоторое время наложить на себя трезвое пощенье; но попадись на языкъ его капля вина, онъ снова предается запою. Такъ первая капля крови дѣйствуетъ на нѣкоторыхъ звѣрей, къ сожалѣнію, и на нѣкоторыхъ людей. Эта капля пробуждаетъ свойственную имъ кровожадность. Не даромъ говорилъ Фридрихъ Великій, что въ каждомъ человѣкѣ таится тигръ. Ему вѣрится можно. Онъ, въ свое время, былъ и великій проливатель крови и великій проливатель чернилъ. Радуюсь, что судьба поставила меня въ возможность подражать ему только въ послѣднемъ отношеніи.

Вотъ въ чемъ дѣло. Полное изданіе сочиненій писателя есть, такъ-сказать, и выставка жизни его. Къ выставкамъ прилагаются обыкновенно указатели и пояснительные каталоги. Такъ хочется поступить и мнѣ. Къ выставкѣ моей считаю не лишнимъ приложить нѣкоторыя отмѣтки и комментаріи. Это будетъ родъ авторской повѣди: смѣсь свидѣтельства о рожденіи, литературнаго формулярнаго списка и предсмертнаго духовнаго завѣщанія. Самъ не знаю, что изъ всего этого выйдетъ. Но что-нибудь да выйдетъ. Дамъ волю памяти своей и старческой болтливости.

II.

Съ тѣхъ поръ что помню себя, во мнѣ проявлялись и копошились какіе-то безсознательные зародыши литературные и авторскіе. Напримѣръ, во время дню, *Московскія Вѣдомости* выходили два раза въ недѣлю, по Средамъ и Субботамъ. Я всегда караулилъ появленіе ихъ въ домъ нашъ и съ жадностію кидался на нихъ. Но искалъ я не политическихъ извѣстій, а стихотвореній, которые въ нихъ изрѣдка печатались. Больше всего привлекали меня объявленія книгопродавцевъ о выходящихъ книгахъ. Читалъ я эти объявленія съ любопытствомъ и благоговѣніемъ, тѣмъ болѣе, что объявленія писались тогда витіевато и кудряво. Бывали еще объявленія отъ переводчиковъ, которые предостерегали совмѣстниковъ своихъ, чтобы они не брались за переводъ такого-то романа, потому что онъ уже переводится и скоро поступитъ въ продажу. Эти объявленія заставляли трепетать мое сердце. Я завидывалъ счастливымъ, которые переводятъ. Должно сознаться, что не одни книжныя оповѣщенія обращали дѣтское вниманіе мое. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* зачитывался я и прейсъ-курантовъ виноторговцевъ; особенно нравились мнѣ поэтическія прозванія нѣкоторыхъ винъ, напримѣръ *Ласгуша-Christi* и другія, равно благозвучныя. Тутъ, можетъ-быть, пробуждалась и звенѣла моя поэтическая струна, а можетъ-быть просто, но все-таки поэтически, отзывалось предвкусіе или предчувствіе, что нѣкогда буду и я съ пріятелями моими, Денисомъ Давыдовымъ и графомъ Михаиломъ Вьельгорскимъ, неравнодушнымъ цѣнителемъ благороднаго сока виноградныхъ кистей. За давностію времени, не берусь рѣшить, кто тогда бралъ верхъ надо мною: Аполлонъ или Вакхъ. Помнится мнѣ, что еще прежде находилъ я удовольствіе и даже наслажденіе въ первоначальномъ чтеніи по складамъ. Сочетаніе азбучныхъ буквъ въ одинъ звукъ ласкало мой музыкальный слухъ. Вообще, дѣтская память моя очень чутка. За послѣдующіе годы она слабѣе и безотвѣтнѣе. Помню, какъ *дядька мой Lapierre* сбѣгалъ меня, четырехъ-или пятилѣтняго мальчика, бритвеннымъ ремнемъ въ Нижегородскомъ

генераль-губернаторскомъ домѣ. Лѣтъ тридцать спустя, если не болѣе, заходилъ я въ этотъ домъ, и, кажется, узнавалъ комнату, въ которой совершалась экзекуція надо мною, и припоминалъ ее вовсе безъ злопамятства. Да, милостивые государи, меня сѣкли ремнемъ, и послѣ нѣсколько разъ сѣкали розгами, однажды, и собственными ругами отца моего, за персикъ, который я тайно присвоилъ себѣ и съѣлъ. Впрочемъ, не за лакомство свое былъ я наказанъ, а за ложь, то-есть за то, что не хотѣлъ признаться въ проступкѣ своемъ. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь или девять. Не помню, плакать ли я подъ розгами, но помню слезы на глазахъ отца. Сознаюсь въ томъ и убѣжденъ я, что эти наказанія нисколько не унизили характера моего. О наказаніяхъ много нынѣ толкуютъ, но не доходятъ до того заключенія, что почти всѣ наказанія свойства болѣе или менѣе физическаго или тѣлеснаго. Содержаніе въ тюрьмѣ, ограниченіе пищи, приневоливаніе къ работамъ: развѣ все это нравственныя наказанія? Нѣтъ, это тѣже розги, бичующія тѣло. Странныя понятія и умозаключенія нашихъ филантроповъ. Они допускаютъ нравственныя наказанія: униженіе, пристыженіе самолюбія и достоинства челоуѣка, гласное, публичное посрамленіе, опельмованіе челоуѣка; но крѣпко стоятъ за неприкосновенность тѣла: спины его и другихъ частей. Но развѣ тѣло почетнѣе и выше нравственныхъ и духовныхъ свойствъ челоуѣка? Сколько несостоятельности, неблагоразумія, противорѣчій въ челоуѣческихъ понятіяхъ и соображеніяхъ! Какъ много суетмыслия и суетловія въ иныхъ *принципахъ*, въ такъ-называемыхъ системахъ и ученіяхъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ средняго разряда тѣлесныя наказанія торжественно отмѣнены. Это событіе празднуютъ, какъ погашеніе огней инквизиціи въ Испаніи, или взятіе и разрушеніе Бастиліи въ Парижѣ. Не спорю, что, можетъ-быть, бывали, даже и положительно бывали, злоупотребленія въ правѣхъ и обычаяхъ подвергать учениковъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что эти злоупотребленія бывали рѣдки, бывали прискорбнымъ исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Впрочемъ, вспыльчивый, заносчивый, раздражительный, несправедливый учитель и наставникъ могутъ и невооруженные розгами пагубно дѣйствовать на учениковъ, вѣрннхъ заботливости ихъ. Могутъ они оскорблять ихъ и зарождаютъ въ нихъ чувства непокорства и злобы одними обидными словами, однимъ суровымъ и безпощаднымъ обращеніемъ съ этимъ чуткимъ, впечатлительнымъ и часто злопамятнымъ возрастомъ. Но за то нынѣ, при новыхъ порядкахъ, за шалость, которая, въ доброе старое время, вызвала бы на шалуна домашнюю, семейную, патриархальную расправу, въ увѣренности, по Русской поговоркѣ, что до свадьбы заживетъ, нынѣ, вмѣсто розогъ и за неимѣніемъ другихъ

подъ руками средствъ, отрока-шалуна выгоняють и исключаютъ изъ заведенія, то-есть разомъ губягь его настоящее и будущее его. Родители, отдавая дѣтей своихъ въ училища, въ правѣ предполагать, что эти заведенія не только учебныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспитательныя и образовательныя. Они, такъ-сказать, передають начальству заведенія обязанности и права свои въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ. Какой добросовѣстный и благоразумный, не говорю уже чадолюбивый и нѣжный, отецъ рѣшится за шалость, и даже за проступокъ, выгнать сына своего изъ родительскаго дома и бросить его на улицу? Такимъ поступкомъ доказалъ бы онъ, что не умѣетъ быть отцемъ и не достоинъ быть отцемъ. На то и дѣти и отроки, на то и обязательное попеченіе о нихъ, чтобы мѣрами нѣжной и неусыпной наблюдательности и строгаго взысканія развивать въ отрочествѣ зародыши и отрасли всего хорошаго и отсѣбать—безъ каламбура—худые и пагубные отпрыски и наросты. Само собою разумѣется, что о жестокости въ наказаніяхъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Такая жестокость, явно уличенная, должна быть строго преслѣдуема и караема закономъ, какъ въ домашнемъ, такъ и во внѣдомашнемъ воспитаніи, подобно тому, какъ взыскивается закономъ за всякое умышленное насильство или увѣчье, нанесенное другому. Въ краткое и, откровенно сознаю, почти бесполезное прехожденіе мое по министерству просвѣщенія, я всегда, по возможности, протестовалъ противъ подобныхъ изгнаній изъ учебныхъ заведеній. Чтобы не приписывали мнѣ болѣе того, что я дѣйствительно думаю, нужнымъ считаю договорить, что вовсе не выставляю себя присяжнымъ защитникомъ розогъ. Не полагаю, что въ нихъ заключается единственно спасительное пособіе воспитанія; но также не полагаю, чтобы совершенная отмѣна ихъ была вполне плодотворная и радикальная мѣра. Разумѣется, послѣ отмѣны ихъ, мудрено и, можетъ-быть, опасно возвратиться къ нимъ. Но человѣческій родъ такъ созданъ, что для многихъ и во всѣхъ возрастахъ страхъ наказанія нуженъ. Если достаточно было бы благодѣтельной силы слова, чтобы человѣка вполне пріучить къ одному добру и отучить отъ всякаго зла, то, кажется, лучше Евангелія уже ничего придумать нельзя. Но и оно не всѣхъ направляетъ и не всѣхъ исправляетъ, а потому позволю себѣ сказать въ заключеніе, что педагоги и нынѣ не слѣдуетъ, по этому вопросу, отдохнуть на лаврахъ своихъ и на притушившихъ розгахъ. Сей вопросъ, какъ говорится, остается пока еще открытымъ. Многое можно сказать за и многое *противъ*.

III.

Вообще, въ дѣтствѣ моемъ учился я лѣниво и разсѣянно. Во мнѣ не было никакого прилежанія и послѣ мало было усидчивости. Въ умѣ

моемъ нѣтъ свойства устойчивости. Мой отецъ, вѣроятно, замѣтившій этотъ умственный недостатокъ, хотѣлъ одолѣть его и подчинить дисциплинѣ математическаго ученія. Хотѣлъ уговорить меня, такъ-сказать выпрямить и отрезвить, въ умственной гимнастикѣ цифръ. Но усилія его были напрасны. Я не поддавался. Математика въ дѣтствѣ и отрочествѣ моемъ была мнѣ пугаломъ. Позднѣе, осталась она для меня тарабарскою грамотою. Не смотря на то, многіе изъ зрѣлыхъ годовъ жизни моей провелъ я по вѣдомству цифирному: то по дѣламъ вишней торговли, то по управленію государственнымъ заемнымъ банкомъ; по счастью, ни тутъ, ни тамъ при мнѣ обмолвки въ итогахъ не было. Богъ охраняетъ невинность. Такія встрѣчаются въ жизни противорѣчія и несоотвѣтственности! Родитель мой хотѣлъ сдѣлать изъ меня математика, судьба сдѣлала меня стихотворцемъ, не говорю, поэтомъ, ради страха Іудейскаго и изъ уваженія къ критикамъ моимъ, которые заключили, что я не совѣмъ поэтъ, или совѣмъ не поэтъ. Кажется, они тоже говорятъ и о Дмитріевѣ. Это меня утѣшаетъ. Кстати о немъ. Онъ, бывало, говорилъ, шутилъ, что Аполлонъ внушилъ мнѣ страсть къ стихамъ на зло отцу моему и въ отмщеніе однофамильцу нашему, Екатерининскому кн. Вяземскому, за то, что онъ преслѣдовалъ Державина. Отца огорчала моя разсѣянность или *развлекательность*: она была еще сильнѣе лѣни моей. Впрочемъ, это была, можетъ-быть, одна вишняя лѣнь, которая закрывала мою внутреннюю дѣятельность. Отецъ упрекалъ меня, что когда я возьму книгу въ руки, то начну читать ее безъ разбора, то съ середины, то съ конца, и поэтому безъ толка и безъ пользы. Замѣчаніе его должно быть справедливо, потому что и позднѣе читалъ я болѣе урывками. Въ жизни моей я очень многое прочелъ, но мало дочиталъ. И нынѣ у меня нерѣдко двѣ-три книги перебиваютъ одна другую. Вообще, я довольно смѣтливъ: изъ нѣсколькихъ страницъ постигаю сущность книги, и часто отрываюсь отъ пищи, не дождавшись насыщенія. Такъ можно обращаться съ романами, особенно съ нашими, и вообще съ книгами легкаго содержанія. Съ другими книгами подобное обращеніе невыгодно. Но я всегда предпочитаю занятіе труда. Это также—погрѣшность и недостатокъ. Безъ труда ни до чего положительно и обстоятельно не дойдешь. Есть древняя поговорка: „Смертный, скользя, а не напирай“. Эта поговорка Эпикурейская. Болѣе строгая и глубокая мудрость, напротивъ, предписываетъ: напирай! Постоянный напоръ одолѣваетъ препятствія, а на каждомъ пути, предстоящемъ человѣку, препятствія встрѣчаются. Вообще, могу сказать о школярномъ возрастѣ своемъ и о послѣдовавшихъ возрастахъ, что я зналъ и знаю многое, чего можно было бы и не знать, а многое не знаю, чтѣ знать необходимо. Если не оши-

баюсъ, этотъ недостатокъ правильной экономіи, эта неурядица нерѣдко встрѣчаются въ общей нынѣшней образованности: предметы знанія до безконечности умногосложились, а едва ли трудолюбіе усилилось соразмѣрно съ ними.

Въ дѣтствѣ моемъ, вѣроятно, былъ я не *серьёзное* дитя, а скорѣе нѣсколько угрюмое. Ловкости, удалства, рѣзвости во мнѣ не было. Старикъ Ringot, нашъ танцмейстеръ, говаривалъ, что я мѣшокъ. Не помню, чтобы я когда-нибудь съ увлеченіемъ предавался дѣтскимъ играмъ. Братевъ у меня не было, слѣдовательно, въ домѣ я былъ довольно одинокъ. Дядкѣ моему, Никитѣ (который впоследствии сдѣлался ужаснымъ пьяницей и забавлялъ Жуковского) любилъ я передавать осколки изъ разговоровъ, поделушанныхъ мною у отца моего. Вѣроятно, ни дядька, ни я не понимали толково и хорошо этихъ выдержекъ. Но, можетъ-быть, и тутъ уже прорывались нѣкоторые намѣки на свойственную мнѣ наблюдательность и на развитіе способностей моихъ въ упражненіяхъ литературнаго сыщика и общежитейскаго сплетника.

Отецъ былъ со мною взыскателенъ и строгъ. Я болѣе боялся, нежели любилъ его. Любовь моя и уваженіе къ нему были, такъ-сказать, чувствомъ и плодомъ посмертнымъ. Я былъ вообще неуступчивъ и парадоксаленъ. Однажды замѣтили мнѣ за обѣдомъ, что я съѣлъ много хлѣба и много выпилъ воды. На это возразилъ я, что остаются еще при мнѣ крохи хлѣба и что графинъ не совершенно опустѣлъ. Отецъ приказалъ оставить для завтрашняго дня на прокормленіе и потребленіе мое то, что называлъ я остатками. Былъ я довольно трусливъ, и, вѣроятно, уже и тогда нервическаго сложенія. Отецъ хотѣлъ побѣдить во мнѣ и этотъ недостатокъ. Меня заставляли одного барахтаться въ Остафьевскомъ пруду, съ тѣмъ, чтобы выучился я плавать. Лѣтомъ, въ темную ночь, посылали меня одного въ роцу. Разумѣется, на всякій случай, слѣдили за мною, но тогда я этого не зналъ.

Между тѣмъ, отношенія мои къ отцу не всегда бывали такъ натянуты и строги. Помню, что онъ часто смѣялся моимъ дѣтскимъ устнымъ выходкамъ. Вѣроятно, были и онѣ проблески нѣкоторой стороны будущаго авторства моего. Рѣчь моя была иногда довольно бойка и оригинальна. Помню, что изъ многочисленныхъ посѣтителей дома нашего умнѣйшіе, напримѣръ, князь Вѣлосельскій, Нелединскій, графъ Левъ Разумовскій, князь Яковъ Лобановъ, обращались ко мнѣ, вызывая на какую-нибудь шутку или дѣтскую остроту. Выше сказалъ я, что учился

плохо въ дѣтской комнатѣ; но за то рано началъ я практическое ученіе въ салонѣ нашемъ: мѣтко вслушивался я въ разговоры, которые раздавались вокругъ меня. Въ этомъ отношеніи домъ нашъ былъ для меня живою школою. Разумѣется, многого изъ разговоровъ не понималъ я, иное понималъ криво, но все же кое-что схватывалъ. Такимъ образомъ мой умъ могъ развиваться довольно рано, хотя и не совсѣмъ правильно.

Также рано началъ я писать стихи и, здѣсь можно сказать, совсѣмъ неправильно. Первоначальные стихи мои были Французскіе. Видно, что эта способность моя была гласно признаваема и дома. При подаркѣ на новый годъ карманной книжки отцу съ тремя портретами нашими вызвали меня приложить стихи къ этому поднесенію. Замѣтимъ мимоходомъ, что эти портреты писаны были графомъ Кзавьс-де-Местромъ, извѣстнымъ послѣ авторомъ „Путешествія кругомъ комнаты моей“, „Сибирячки“ и другихъ сочиненій, исполненныхъ дарованія и оригинальной прелести. Тогда жилъ онъ въ Москвѣ эмигрантомъ и занимался живописью для снисканія средствъ къ существованію.

Въ 1805 году написалъ я Французскіе стихи на смерть Нельсона. Нечего и говорить, что все это было болѣе или менѣе безграмотно. Но червякъ стихотворства уже шевелился во мнѣ. Правильно, или, по-крайней-мѣрѣ, правильнѣе сталъ я писать гораздо позднѣе, едва ли не со времени сближенія моего съ Жуковскимъ. Послѣ слышалъ я отъ прежнихъ учителей своихъ, что я казался совершенно тупымъ и будто отсутствующимъ при преподаваніи ихъ; но если когда-нибудь, въ урокѣ или въ книгѣ, приводились стихи или рѣчь заходила о чемъ-то баснословномъ и поэтическомъ, то вниманіе мое внезапно просыпалось и сосредоточивалось. Лицо мое просіяетъ, и я становлюсь совершенно другимъ мальчикомъ.

Впервые слышанныя мною оды Ломоносова приводили меня въ упоеніе. Не вникалъ я въ ихъ смыслъ, но съ трепетомъ заслушивался стройныхъ и звучныхъ ихъ волнъ. Отъ Державина я былъ безъ ума. Коротко знакомый Карамзину, Ив. Сем. Набоковъ, газетный цензоръ при Московскомъ Почтамтѣ, былъ часто жертвою моей державноманіи. При удобномъ случаѣ, то и дѣло отпускалъ я ему строфы изъ поэмъ Державина. Разъ онъ не вытерпѣлъ и сказалъ мнѣ: вы удивительно напоминаете мнѣ пріятеля моего, который ужасно надоѣдалъ мнѣ Державинимъ. Монологи и сцены изъ трагедій Расина и Вольтера, которые мнѣ давали выучивать наизусть, были для меня и прежде не

уроками, а наслажденіємъ. И теперь еще слышится мнѣ, какъ декламировалъ я тираду изъ Альзиры: „Mânes de mon apant“ и прочее.

Но не одни князья поэзіи: Ломоносовъ, Державинъ, Расинъ, Вольтеръ, покорили меня могуществомъ своему. Сознаюсь, что бывалъ я въ плѣну и у князя Шаликова, съ которымъ, впрочемъ, были мы и послѣ хорошими пріятелями. Была въ отрочествѣ моемъ пора, когда вкусилъ я отъ *Флодовъ свободныхъ чувствованій*: подъ этимъ названіемъ изданы были въ свѣтъ молодыя сочиненія Шаликова, собраніе разныхъ сантиментальныхъ и пастушескихъ статей. Однажды съ профессоромъ Рейсомъ, у котораго я жилъ по назначенію отца моего, ходили мы на Воробьевы-Горы. Тутъ встрѣтился я съ крестьяниномъ, и подъ сантиментальнымъ напѣтомъ Шаликова началъ я говорить крестьянину о прелестяхъ природы, о счастіи жить на материнскомъ лонѣ ея и такъ далѣе. Собесѣдникъ мой, не вкусившій плодовъ, которыми я обкушался, пучилъ глаза свои на меня и ничего не отвѣчалъ. Наконецъ, спросилъ я его: доволенъ ли онъ участіемъ своею? Отвѣчалъ: доволенъ. Спросилъ я его: не хотѣлъ ли бы онъ быть баринкомъ? Отвѣчалъ онъ: нѣтъ, барство мнѣ не нужно. Тутъ я не выдержалъ: вынулъ изъ кармана пяти-рублевую синюю ассигнацію, единственный капиталъ, которымъ я владѣлъ въ то время, и отдалъ ее крестьянину. Долго радовался я впечатлѣнію, которое оставила во мнѣ эта прогулка à la Chalikof. Была у меня полоса Сумароковская; это было время военное: захотѣлось мнѣ испытать силы мои на лирической трубѣ, но не по слѣдамъ Ломоносова, а Сумарокова. Вотъ и началъ я:

Воспой, о, Муза, ибень високу
И въ струны лиры ударяй,
Воспой враговъ ты суматоху
И славу Россовъ возглашай.

Я очень дорожилъ словомъ *суматоха*. Мнѣ казалось, что тутъ есть какой-то отзывъ своевольной и, такъ-сказать, фамилярной поэзіи Сумарокова въ противоположность съ поэзією Ломоносова, нѣсколько чопорною и официальною; а можетъ быть, и просто увлекала меня нѣкоторая аналогія въ звукахъ: Сумароковъ, суматоха. Впрочемъ, я и нынѣ не отрекаюсь отъ Сумарокова. Почитаю его однимъ изъ умнѣйшихъ и живѣйшихъ писателей нашихъ. Пушкинъ говаривалъ, что онъ вѣрнѣе зналъ Русскій языкъ и свободнѣе владѣлъ имъ, чѣмъ Ломоносовъ.

Если рѣчь дошла до исповѣди въ грѣхахъ юности или, правильнѣе, отрочества моего, то нужно упомянуть, что первая эпиграмма моя,

или будто эпиграмма, пала на долю Мерзлякова. И вотъ по какому поводу. При опредѣленіи моемъ въ домъ профессора Рейса (зять извѣстнаго и домоваго врача нашего Керестури) приглашены были для преподаванія мнѣ наукъ лучшіе профессоръ блестящаго періода Московскаго Университета: Буле, Рейнгардтъ и другіе. Въ числѣ ихъ долженъ былъ быть и Мерзляковъ. Нѣмецкіе профессоръ добросовѣстно и аккуратно проливали на меня лучи познаній своихъ. Одинъ Мерзляковъ оставался при обѣщаніяхъ. Наконецъ, отправили меня къ нему, чтобы развѣдать о причинѣ упорнаго отсутствія его. Не засталъ я его дома. Мало знакомый тогда съ эпистолярными приличіями, оставилъ я ему записку, которая такъ начиналась: Господинъ Мерзляковъ, прошу васъ etc. На другой день, университетскій сторожъ принесъ мнѣ на грязномъ лоскуткѣ бумаги записку, приблизительно такого содержанія: „Господинъ Вяземскій, я не школьный учитель, готовый ходить въ домъ къ какому-нибудь Нѣмцу, чтобы давать вамъ уроки“. Записка огласилась. Нѣмецкіе профессоръ взволновались. Кажется, даже сдѣланъ былъ выговоръ Мерзлякову отъ имени Михаила Никитича Муравьева, тогдашняго куратора Университета Московскаго. Съ моей стороны амбіція была тоже затронута, и вотъ чѣмъ она разразилась. Скажемъ напередъ, что Мерзляковъ въ то время подписывалъ стихотворенія свои, печатаемые въ *Вѣстникъ Европы*, слѣдующими буквами *Мрзк.* или чѣмъ-то подобнымъ.

Разговоръ.

Ты, знаешь ли, мой другъ, кто *мерзкій* сочинитель?—

Какіе пустяки! Онъ школьный лишь учитель.—

Да, кто-жъ тебѣ сіе сказалъ?—

Въ письмѣ онъ самъ мнѣ написалъ.

Эпиграмма безграмотная, но она имѣла большой успѣхъ въ кругу Нѣмецкой профессуры. А товарищъ мой по ученію, какой-то Челлищевъ—не знаю, чтѣ съ нимъ сдѣлалось—добрый малый, но вовсе не эпиграмматическій, сказалъ мнѣ, что я собаку съѣлъ. Замѣтимъ мимоходомъ, хотя и не безъ хвастовства, что Жуковскій сказалъ мнѣ однажды (разумѣется, гораздо позднѣе), что я съѣлъ цѣлую свору собакъ. Впрочемъ, какова ни есть моя эпиграмма, она была мой первый шагъ, *mon premier coup de feu*, на поприщѣ, на которомъ я впоследствии перестрѣливался болѣе или менѣе удачно.

Однажды навсегда, обязанъ я объяснить читателю, что въ разсказахъ моихъ не всегда держусь хронологическаго порядка. Хронологія—наука чиселъ, а я, какъ уже извѣстно, плохой счетоводецъ. Выбрасываю изъ мѣшка, чтѣ попадется. Подбираю воспоминанія свои болѣе

по мастямъ. Если будетъ у меня біографъ, пусть онъ потрудится сводить и группировать года мои, какъ слѣдуетъ, а работать на него и за него не намѣренъ. Иной умъ плотно переплетенъ въ одну книгу: страницы въ строгомъ порядкѣ слѣдуютъ одна за другою; другіе умы худо переплетены, сшиты на живую нитку, страницы перемѣшаны. Мой умъ состоитъ изъ летучихъ листовъ.

Теперь прошу читателя поворотить нѣсколько обратно. Въ дѣтской, или отроческой жизни моей совершился крутой поворотъ.

IV.

Было уже сказано, что мой отецъ былъ вообще недоволенъ мною, особенно ученіемъ моимъ. Не ему въ укоръ, не себѣ въ оправданіе, а для соблюденія истины, скажу, что мое ученіе, ни въ какомъ случаѣ, не могло быть успѣшно, потому что оно не было правильно. Отецъ былъ человѣкъ большого ума и высокой, по тому времени, образованности. Когда вспоминаю о немъ, почти всегда вижу его въ вольтерескомъ креслѣ съ книгою въ рукѣ.

Само-собою разумѣется, что онъ хотѣлъ и изъ меня сдѣлать человека просвѣщеннаго. Не знаю, какъ и чѣмъ объяснить себѣ, но выборы наставниковъ, гувернеровъ, учителей моихъ были вообще неудачны. Не въ деньгахъ было дѣло. Отецъ имѣлъ порядочное состояніе и денегъ на воспитаніе дѣтей своихъ жалѣть бы не сталъ. Много перебивало при мнѣ Французовъ, Нѣмцевъ, Англичанъ; но ни одинъ изъ нихъ не былъ способенъ пріучить меня къ ученію, а это главное въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія. О Русскихъ наставникахъ и думать было нечего. Ихъ не было,—не знаю, много ли ихъ теперь. Надобно было ловить иностранцевъ на удачу. Припоминается мнѣ одинъ дядька, Нѣмецъ, который долженъ былъ наблюдать за мною и учить меня Нѣмецкому языку. Тогда въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, былъ большой трактиръ, извѣстный подъ именемъ Цареградскій. Это было, по нынѣшнимъ понятіямъ, родъ кофейной, куда стекались иностранцы, въ особенности учителя, родъ биржи, рынка, куда приходили нанимать домашнихъ учителей. Мой Нѣмецъ выговаривалъ себѣ, между прочими условіями, позволеніе отлучаться вечеромъ часа на два. Эти часы были посвящены Цареградскому сборному мѣсту. Возвращался онъ оттуда всегда болѣе или менѣе на-веселѣ. Отецъ, окруженный пріятелями и посѣтителями и увлеченный живостью разговора, того замѣтить не могъ, но дѣти чутки и вообще наставниковъ своихъ не любятъ. Кто-то

изъ домашнихъ посѣтителей спросилъ меня: какъ доволенъ я новымъ наставникомъ своимъ? И *cultive volontiers la vigne du Seigneur*¹⁾, отвѣчала я. Вѣроятно подслушалъ я это выраженіе гдѣ-нибудь на лету и употребилъ его кстати. Мой отвѣтъ имѣлъ большой успѣхъ. Однажды менторъ мой возвратился грузинѣ обыкновеннаго. Я подошелъ къ нему, и спросилъ: какъ сказать по-нѣмецки—вонять.—*Stinken*. А зачѣмъ спрашиваете вы это? продолжалъ онъ.—Чтобы сказать вамъ: *Sie stinken nach vino*²⁾. Неправильны были слова мои, но попали они въ цѣль. На дерзость мою дядька жаловался отцу. Мнѣ было крѣпкое родительское головомытье, но и ментора выгнали изъ дома.

Всѣ эти обстоятельства вразумили родителя моего, что домашнее, одиночное воспитаніе для меня не годится. Въ Москвѣ учебныхъ общественныхъ заведеній въ почетѣ не было. Не знаю, какъ и чрезъ кого, отецъ вошелъ въ сношенія съ Іезуитскимъ заведеніемъ въ Петербургѣ. Однажды, это было лѣтомъ, въ селѣ нашемъ Остафьевѣ, отецъ вызываетъ меня къ себѣ. Нашелъ я его на террасѣ, выдающейся въ садъ. Передъ нимъ былъ столъ, на столѣ бумага, чернильница и перья. Довольно сурово, но видимо и грустно озабоченный, приказалъ онъ мнѣ сѣсть и писать подъ диктовку его. Диктовалъ онъ на Французскомъ языкѣ. Въ импровизаціи своей онъ мастеръ былъ говорить и, большой діалектикъ, изложилъ онъ картину моего воспитанія, не отвѣчающаго желаніямъ его; безпощадно вычислялъ всѣ недостатки и погрѣшности мои. Обвинительный актъ ничего не пропустилъ и былъ полновѣсенъ. Между прочимъ отецъ упомянулъ, какъ доволенъ онъ дочерьми своими, которыя утѣшаютъ и радуютъ старость его, тогда, какъ я. . . Тутъ умиленіе и слезы не дали ему возможности продолжать. Онъ отпустилъ меня, и приказалъ мнѣ переписать набѣло продиктованное имъ.

Скажу откровенно. Я не былъ растроганъ этою сценою. Вѣроятно, казалось мнѣ, что судъ и приговоръ, надо мною произнесенные, были слишкомъ строги. Я какъ-будто чувствовалъ, что не я одинъ виноватъ въ неудовлетворительныхъ послѣдствіяхъ воспитанія моего. Тогда былъ при мнѣ наставникомъ и преподавателемъ Французъ Дандилли, и, кажется, съ нѣкоторыми притязаніями на родственное свойство съ извѣстнымъ духовнымъ писателемъ *Arnaud d'Andilly*. Но какъ бы то ни было, ни въ нравственномъ, ни въ ученомъ и учебномъ складѣ своемъ

¹⁾ Т. е. онъ охотно работаетъ въ виноградникѣ Господнемъ. Это Французская поговорка про пьяницъ. П. Б.

²⁾ Т. е. вы еще воняете виномъ. П. Б.

не отвѣчалъ онъ требованіямъ и условіямъ званія своего. Онъ былъ не глупый Французъ, добродушный, уживчивый, очень веселый, забавный краснорѣчивый; въ домѣ нашемъ былъ онъ всѣми любимъ. Послѣ того завелъ онъ въ Москвѣ Французскую книжную лавку. До конца жизни его оставался я съ нимъ въ короткихъ и пріятельскихъ сношеніяхъ. Гораздо позднѣе прочтеніе этой бумаги пробуждало во мнѣ умиленіе и сожалѣніе, что я не въ радость былъ отцу моему.

Вскорѣ послѣ наказной грамоты, отецъ мой, не смотря на лѣта свои, немощи и особенно домохозянскія привычки, самъ отвезъ меня въ Петербургъ. Я былъ помѣщенъ въ Іезуитскій пансіонъ. Послѣ предварительнаго и легкаго испытанія опредѣленъ былъ я во второй классъ, то-есть средній. Въ этомъ классѣ товарищи были всѣ, болѣе или менѣе, ровесниками моими. Это было по ученію. Но вскорѣ отношенія и сношенія мои связались гораздо тѣснѣе съ воспитанниками старшаго класса. Всѣ были они старше меня; нѣкоторые опереживали меня четырьмя и пятью годами. Они возвысили меня до себя и обходились со мною, какъ съ ровнею. Тогда это меня радовало, но я не зазнавался, и самолюбіе мое не обольщалось. Но теперь не могу не заключить, что, стало-быть, въ то время я чего-нибудь да уже стоилъ. Стало-быть, въ характерѣ моемъ, въ умѣ были до нѣкоторой степени развиты привлекательныя свойства, которыя сближали меня со старшимъ поколѣніемъ. Нынѣ съ умиленіемъ приношу дань благодарности этимъ товарищамъ, которые призрѣли меня. Но едва ли не надъ одиными могилами раздастся голосъ моей признательности. Смерть всѣхъ ихъ перебрала. По-крайней-мѣрѣ, не знаю, гдѣ отыскать мнѣ живаго товарища. Но память о нихъ и о той счастливой порѣ жизни еще жива во мнѣ.

Вызовемъ нѣкоторыя имена изъ этой приснопамятной для меня дружины, изъ этого разсадника, въ которомъ развивались и созрѣвали будущія силы. Юшковъ, уже и тогда ваятель или рѣзчикъ, но изъ бумаги и изъ картъ, будущій охотникъ до лошадей и знатокъ; онъ искусно и изящно вырѣзывалъ статныхъ и породистыхъ лошадей, которыми любовались мы и даже промышляли, пуская ихъ между собою въ продажу и обмѣну. Челищевъ, смуглый, черноволосо-кудрявый, котораго прозвали мы Цыганомъ. Пріятная симпатическая личность. Брусилловъ, будущій герой многихъ не писанныхъ, но осуществившихся романовъ. Энгельгардтъ, Обресковъ, Сѣверинъ, Смирновъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчалъ я послѣ по пути жизни, и всегда сходились мы, какъ нѣкогда бывшіе товарищи, бывшіе рекрутскіе одноклассники. Съ одними разрознила насъ смерть, съ другими—жизнь.

Съ однимъ Сьверинимъ отроческое товарищество, по благопріятному стеченію обстоятельствъ, обратилось въ крѣпкое и до конца неизмѣнное дружество. Въ пансіонѣ онъ прекрасно учился и былъ поведенія образцоваго. Одаренный отличными способностями, онъ и тогда уже обѣщалъ быть правильнымъ, осторожнымъ и оглядливимъ дипломатомъ. Энгельгардтъ,—онъ въ послѣдствіи хорошо и всенародно былъ знакомъ Петербургу. Расточительный богачъ, не пренебрегающій веселіями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, нежели выигравшій, постройтель въ Петербургѣ дома, сбивающагося немножко на Парижскій Пале-Рояль, со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами. Построеніе этого дома было событіемъ въ общественной жизни столицы. Пушкинъ очень любилъ Энгельгардта за то, что онъ охотно игралъ въ карты, и за то, что очень удачно игралъ словами. Острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу. И въ пансіонѣ еще промышлялъ онъ этимъ, между прочимъ, и на мой счетъ, какъ говорится. Тотчасъ по водвореніи моемъ привѣтствовалъ онъ меня слѣдующимъ куплетомъ:

Mon Prince,
De quelle province?
—Cocou,
De Moscou.

Можно представить себѣ, съ какимъ единогласіемъ весь пансіонекій людъ подхватилъ этотъ куплетъ. Миѣ прохода не давали: преслѣдовали меня, встрѣчали и провожали этою импровизаціею. Одно время воспитанники забавлялись пусканіемъ мыльныхъ пузырей. Сьверинъ былъ всегда довольно художавъ, а тогда и ростомъ малъ. Онъ проходилъ по двору, когда слеталъ одинъ изъ этихъ пузырей. „Посторонись!“ закричалъ ему кто-то со второго этажа. Энгельгартъ не пропустилъ случая и сказалъ:

О, день, счастливый день, въ который
Котенокъ смерти избѣжалъ,
Когда пузырь полетъ свой скорый
На малой точкѣ основалъ.

Сьверинъ и въ пансіонѣ провантъ былъ котенкомъ, какъ-бы въ предсказаніе того, что въ Арзамасѣ будетъ онъ значиться *Ръзвый Коть*. Позднѣе Энгельгартъ забавно и удачно пародировалъ строфу Онѣгина о знаменитой танцовщицѣ Истоминой. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ картежникѣ:

Тщедушный и полувоздушный,
Тузу козырному послушный etc.

Алексѣй Обресковъ, старшій сынъ генерала Михаила Алексѣевича. Судя по впечатлѣніямъ моимъ и дальнимъ воспоминаніямъ, заключаю,

что онъ носилъ въ себѣ залогъ блестящаго будущаго. Въ натурѣ его было что-то благородное, мыслящее и степенное. Но этимъ задаткамъ не дано было вполне развиться и созрѣть. Темного лѣтъ, по выходѣ изъ пансіона, былъ онъ смертельно раненъ на приступѣ Руцука. Кажется, былъ онъ адъютантомъ при молодомъ предводителѣ войскъ нашихъ, графѣ Каменскомъ, котораго также преждевременная смерть похитила съ поприща богатаго многими надеждами, не обратившимися въ событія. Миѣ рассказывали, что, умирая отъ ранъ своихъ, Обресковъ полу-шутя, полу-грустно, часто твердилъ: ну, милый Алексѣй Михайлычъ, какъ думаешь, останешься ли ты живъ или нѣтъ? Жизнь еще мало имъ испытанная, жизнь только-что разцвѣтавшая и не дожившая до терній, разумѣется, улыбалась ему и обольщала его. Въ шуточной предсмертной бесѣдѣ его съ самимъ собою отзывается и звучитъ нота силы характера и себялюбивой скорби.

Другой товарищъ нашъ, Смирновъ, встрѣтилъ также молодую смерть на этомъ злополучномъ приступѣ. Милый образъ его возбуждаетъ во мнѣ особенно сочувственное и умиленное воспоминаніе. Все было въ немъ привлекательно: красивая наружность, выразительные глаза, въ лицѣ свѣжесть и румянецъ цвѣтущей молодости, стройный, статный ростъ, золотистаго отбѣва волосы. Внутреннія качества превышали вѣшнія: любезный нравъ, радужная откровенность, чистая и возвышенная душа, цѣломудріе и какое-то нравственное благоуханіе вѣяло отъ него. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ чистѣйшее существо изъ многолюднаго нашего кружка. Былъ онъ веселаго настроенія, но и мечтателемъ съ поэтическимъ отбѣгомъ. Онъ влюбленъ былъ въ поэзію Оссіана, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ кавалергардскій мундиръ. Любимою мечтою его, задушевнымъ желаніемъ было опредѣлиться въ этотъ полкъ тотчасъ по выходѣ изъ пансіона. Съ глазами зависти смотрѣлъ онъ на молодаго, красиваго Чернышева, впоследствии князя и военнаго министра, котораго встрѣчали мы въ Аничковской церкви, куда ходили мы по Воскресеньямъ и праздникамъ. Смирновъ имѣлъ склонность къ рисованію. Въ свободные отъ уроковъ часы любилъ онъ рисовать сцены изъ Оссіановскихъ поэмъ. Но Фингалы и другіе герои, плывшіе въ облакахъ съ арфою въ рукѣ, были всегда и обязательно облечены въ полную кавалергардскую амуницію. Онъ съ перваго раза полюбилъ меня нѣжною и руководительною любовію старшаго брата. Я также полюбилъ его съ нѣжностію, но и подчиненностію. Наставленія, предостереженія его носили отпечатокъ чистой нравственности, заботливости и дружелюбія. Изъ него, безъ сомнѣнія, вышелъ бы замѣчательный человѣкъ, образецъ всего чистаго и прекраснаго, въ сферѣ нравственной

и житейской дѣятельности. Собственно для меня былъ бы онъ другимъ Жуковскимъ. Лучшей и вѣрнѣйшей похвалы, сердечнѣйшихъ поминокъ о немъ придумать не могу, какъ сближеніемъ имени его съ именемъ для меня дорогимъ и незабвеннымъ.

Въ этой сгудѣ избранныхъ товарищей умъ мой и вообще настроеніе мое развивались и созрѣвали не по годамъ, можетъ быть, въ нѣкоторомъ отношеніи, даже слишкомъ рано. Но это, кажется, такъ въ Русской натурѣ: или безплодіе, или скороспѣлки. Литтература, особенно Русская, была не чужда этому кружку. Пушкина еще не было, Жуковского еще почти не было, Крылова также. Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ были нашими любимыми руководителями и просвѣтителями. Я былъ еще профанъ, или новичокъ-послушникъ въ этой области. Многіе изъ товарищей знали наизусть лучшія строфы Державина, басни, а еще болѣе сказки Дмитріева. Все это побуждало мои литтературныя наклонности. Внѣшніе голоса доходили также до нашихъ монастырскихъ келій. По Воскресеньямъ и большимъ праздникамъ воспитанники отпускались къ роднымъ и къ лицамъ, извѣстнымъ начальству нашему. У меня въ Петербургѣ близкихъ родственниковъ не было. По большей части оставался я, подобно другимъ безроднымъ товарищамъ, дома. Въ утѣшеніе водили насъ въ близкій Лѣтній-Садъ. Лѣтомъ, ректоръ, патеръ Чижъ, который особенно любилъ и какъ-то отличалъ меня, иногда бралъ меня и на дачу, въ семейство Голландскаго купца, который имѣлъ магазинъ въ домѣ принадлежавшемъ Римской церкви. Тамъ, кромѣ особаго и лакомаго угощенія, забавлялся я игрою въ кегли. Вечеромъ, когда возвращались домой счастливыя, которые провели день въ семейномъ кругу, или въ большомъ свѣтѣ, вѣстямъ и разговорамъ не было конца. Къ нимъ я жадно прислушивался. Зародыши будущаго мірянина и свѣтскаго челоуѣка пробуждались во мнѣ. Это также было нѣчто въ родѣ школы житейской и литтературной. Дѣти и отроки вообще чутки и зорки. Напримѣръ, мы изъ оконъ подмѣтили, что въ извѣстный часъ, почти ежедневно, Императоръ проѣзжалъ верхомъ по переулку вдоль дома нашего. На встрѣчу, какъ по заведенному порядку, выѣзжала карета. И лошадь Государя, и карета, въ которой сидѣла красивая дама*), останавливались другъ предъ другомъ. По видимому, на нѣсколько минутъ, завязывался разговоръ. Разумѣется, все это подглядывали мы осторожно и тайкомъ. Тогда не были еще въ ходу историческіе романы. Вальтеръ-Скотъ не проложилъ имъ еще пути въ литтературѣ. Но мы, какъ-то самоучкою, дошли до понятія, что могутъ быть историческіе и державные романы.

*) Марія Антоновна Нарышкина. П. Б.

Здѣсь прощусь съ товарищами веселаго возраста жизни моей. Мы вмѣстѣ разцвѣтали. Такая пора оставляетъ по себѣ въ сердечной памяти глубоко грустное, но и сладостное впечатлѣніе. Скажу съ Гёте и Жуковскимъ:

Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!

А съ благодарностію: были!

Простившись съ друзьями, не могу воздержаться отъ сердечной потребности помянуть также добрымъ словомъ и теплое гнѣздо, которое нѣкогда насъ собрало и пріютило. И здѣсь, вѣроятно, тѣшу я себя одного, да и то съ какимъ-то самоотверженіемъ. Здѣсь вступаю на жгучую почву, но я давно оналенъ и обстрѣленъ. Огня не боюсь. Знаю, что въ настоящее время Іезуиты не въ чести, не только на Западѣ, но и у насъ, вѣроятно болѣе изъ подражанія. Мы довольно склонны развертывать зонтики свои (на нашемъ богатомъ языкѣ нѣтъ, между прочимъ, слова *parapluie*, *Regenschirm*), когда идетъ дождь, на примѣръ, въ Парижѣ. Пословица говоритъ: лежачаго не бьютъ. Кажется, тѣмъ паче не слѣдовало бы бить отсутствующаго, или даже небывалаго, а мы все-таки бьемъ по пустому мѣсту. Не пускаюсь въ отысканіе и въ изслѣдованіе Іезуитскихъ дѣйствій и вліяній на Римскомъ церковномъ Западѣ. Это не мое дѣло. Но спрошу: гдѣ у насъ эти пугала, эти опасные и грозные Іезуиты, которые, какъ тѣни и призраки, пробѣгаютъ еще по страницамъ печати нашей? Гдѣ, за рѣдкими, совершенно личными исключеніями, искать ихъ въ послѣднемъ столѣтіи исторіи нашей? Гдѣ вредныя для государственнаго объединенія нашего обращенія или совращенія съ пути православія одиновѣрцевъ нашихъ? Когда и были они, то много ли ихъ? Скажемъ за глаза: нѣсколько десятковъ, считая въ нихъ и женщинъ. Стоить ли изъ этого горячиться и бить въ набатъ, какъ при пожарѣ или нашествіи непріятели? Стоить ли говорить и писать объ этомъ? Это капля въ морѣ или капля, выцѣженная изъ моря. А сколько пролито было чернилъ ради этой капли? Въ числѣ ихъ были и умныя и бойкія, но на какой конецъ? Мудрено объяснить. Не вступаю за отщепенцевъ, не берусь оправдывать ихъ. Готовъ я согласиться, что нѣкоторые отреклись отъ церкви по легкомыслію, по невѣдѣнію сущности церкви нашей; другіе, если можно употребить подобное выраженіе въ такомъ случаѣ, обратились по модѣ. Знаю женщинъ, которые оримянились, когда было повѣтріе на обращеніе, и возвратились въ лоно православной церкви, когда повѣтріе и мода миновались.

Но въ ихъ числѣ есть и люди, которые поступили по совѣти, особенно изъ тѣхъ, которые послѣ посвятили себя духовной и монашеской жизни; есть и такіе въ средѣ отпадшихъ братьевъ нашихъ.

Религіозная совѣсть имѣеть свои тайны, которыя легко и необдуманно оцѣнивать и въ особенности порочить нельзя. Во всякомъ случаѣ не дѣло христіански-евангельское закидывать камнями и отпадшихъ, и блуждающихъ братьевъ. Молитесь за нихъ, если вамъ ихъ жаль, но не поносите ихъ. Остроумія и перуновъ вашихъ не расточайте на нихъ.

Вообще нельзя не замѣтить, что у насъ бываютъ охотники создавать предъ собою и предъ обществомъ чудовищныя страшилища, чтобы доставить себѣ удовольствіе ратовать противъ нихъ и протыкать ихъ своими спасительными перьями. Эта способность пугать и напугивать бываетъ иногда очень забавна, но бываетъ часто и вредна. Въ такомъ настроеніи духа противорѣчія неизбѣжны. Высокомѣріе и малодушіе, трусливость и задорливость сталкиваются на каждомъ шагу. То ставятъ Россію такъ высоко, что она вѣтъ всѣхъ возможныхъ покушеній на нее, то уже такъ низко, что она, тщедушная, разлетится въ прахъ, при малѣйшемъ враждебномъ дуновеніи. Мы уже не говоримъ, что врага шапками закидаемъ, но еще думаемъ, что можемъ Европу закидать словами. Въ политикѣ и въ литературѣ анахронизмы приводятъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Пожалуй, найдутся у насъ публицисты, которые начнутъ пугать насъ набѣгами Печенѣговъ. По мнѣ Іезуиты у насъ тѣже Печенѣги.

Но послѣ долгаго отступленія, пора возвратиться мнѣ къ своимъ собственнымъ Іезуитамъ. Эти Іезуиты, начиная отъ ректора, патера Чижка, были—по крайней мѣрѣ, въ мое, или наше время—просвѣщенные, внимательные и добросовѣстные наставники. Уровень преподаванія ихъ былъ возвышенъ. Желавшіе учиться хорошо обучились; примѣромъ служить, между прочимъ, Сѣверинъ. Обращеніе наставниковъ съ воспитанниками было не излишне строгое: болѣе родительское, семейное. Допускалась нѣкоторая свобода мнѣній и рѣчи. Однажды кто-то сказалъ, во время класса, что изъ всѣхъ Іезуитовъ любить онъ наиболѣе Грессета. Извѣстно, что этотъ Французскій поэтъ принадлежалъ Іезуитскому ордену и вышелъ изъ него. Шутка остряка была и принята шуткою. Меня товарищи также вызывали на подобныя выходки. „Вяземскій, отпусти bon mot“, говорили мнѣ. Моихъ тогдашнихъ bons mots я, по совѣсти, не помню. Но упоминаю о томъ мимоходомъ: видно, и тогда уже промыслялъ я этою *устною литературою*, которую такъ любезно приписывалъ мнѣ графъ Орловъ-Давыдовъ, въ привѣтствіи своемъ на пятидесяти-лѣтнемъ моемъ юбилей. Въ числѣ воспитанниковъ былъ я далеко не изъ лучшихъ; но, не знаю почему, былъ однимъ изъ числа любимѣйшихъ духовнымъ начальствомъ. Со всѣмъ тѣмъ могу сказать утвердительно и добросовѣстно,

что никогда не слыхалъ я ни слова, никогда не замѣчалъ малѣйшаго намека, которые могли бы указать, что меня или другихъ желали переманить на свою сторону. Никогда не было попытки внушить, что Римская церковь выше и душевспасительнѣе Православной. А умъ мой и тогда былъ уже настолько догадливъ, что онъ понялъ бы самыя извилистыя и хитрыя подступы. Никакого различія не было въ обращеніи съ воспитанниками обоихъ исповѣданій. Паписты не пользовались предъ нами никакими *прерогативами* и льготами. Въ костелъ насъ не водили. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ бывали мы въ Русской церкви. Великимъ постомъ мы говѣли, какъ слѣдуетъ. Правда, въ теченіе года держались мы не Русскихъ постныхъ дней, то-есть не Середы и Пятницы, а Римскихъ. По Пятницамъ и Субботамъ угощали насъ католическимъ пощеніемъ: говядины не было за общею трапезою. Но эта желудочная пропаганда, кажется, не могла имѣть большаго вліянія на умы и религіозныя чувства наши. Такъ было въ мое время. Не отвѣчаю за то, что могло быть послѣ. Говорили позднѣе, что Іезуиты завербовали въ свою вѣру молодого воспитанника, князя Голицына, и къ тому же племянника князя Александра Николаевича, оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Если оно такъ, то нельзя не сознаться, что пресловутая Іезуитская хитрость и пронырливость на этотъ разъ ужасно опростоволосились. Выборъ ихъ былъ очень неудаченъ. Какъ бы то ни было, это совращеніе, дѣйствительное или мнимое, послужило отчасти паденію и изгнанію Іезуитскаго ордена изъ Россіи. Не тѣмъ будь онъ помянуть, пріятель нашъ Александръ Тургеневъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ орудій сего почти государственнаго переворота, *de se coup d'état à la Pompa*. Изгнаніе ихъ или похищеніе въ ночное время сопровождалось довольно крутыми и вовсе ненужными полицейскими мѣрами. Кроткое правленіе императора Александра I отступило въ этомъ случаѣ отъ *легальности*, а чѣмъ необходимѣе бываютъ мѣры строгости, тѣмъ болѣе при исполненіи оныхъ требуется бдительное и точное соблюденіе *легальности*, то-есть законности. Поспѣшность насилія, заносчивая страстность несомвѣстимы съ закономъ. Не смотря на дружбу свою къ Тургеневу, Карамзинъ не одобрялъ вообще ни этой мѣры, ни пріемовъ, съ которыми она совершилась. Консервативный Карамзинъ былъ въ этомъ случаѣ либеральнѣе пріятеля своего, либерала Тургенева. По выходѣ изъ пансіона былъ я въ перепискѣ съ патеромъ Чижемъ.

Этимъ заключается періодъ отрочества моего. Здѣсь расстаюсь и съ Іезуитами. Гораздо позднѣе встрѣчался я на Востокѣ съ нѣкоторыми личностями, принадлежавшими ордену. Всегда удивлялся я ихъ дѣятельности и самоотверженію. Разбросанные по-одиночкѣ, въ мѣстахъ цу-

стынныхъ, въ Арабскыхъ бѣдныхъ селеніяхъ, преподаватели Евангелія и грамотности, бодро и плодотворно носили они свой крестъ и совершали трудный подвигъ. Римская церковь можетъ быть властолюбива, но этихъ отдѣльныхъ миссіонеровъ и апостоловъ христіанства обвинять въ властолюбіи нельзя. Они самоотверженные и безкорыстные послушники. Забавно же обвинять ихъ въ томъ, что преподають они Римское законоученіе, а не Православное. Между тѣмъ, найдутся люди, которые ставятъ имъ и это въ преступленіе, и за это ненавидятъ ихъ. Не забываютъ ли они въ пылу православія своего, что Евангеліе писано для всѣхъ народовъ, для всѣхъ христіанъ, а не въ пользу того или другого вѣроисповѣданія и прихода.

V.

Изъ учебнаго паломничества возвратился я въ Москву, въ родительскій домъ—еще отрокомъ по возрасту, но почти уже молодымъ человѣкомъ по выправкѣ и развитію. Должно прибавить, что изъ Іезуитскаго пансіона перешелъ я, не на долгое время, въ пансіонъ, учрежденный въ Петербургѣ при новообразованномъ Педагогическомъ Институтѣ. Это, кажется, было созданіе Ник. Ник. Новосильцова. Директоромъ заведенія былъ Энгельбахъ. Тамъ встрѣтился я съ нѣкоторыми товарищами, также перебѣжчиками изъ подъ Іезуитскаго крова. Не хочу и не могу сказать ничего худаго о моемъ тамъ пребываніи, но не могу сказать и ничего особенно хорошаго. Учебный и умственный уровень заведенія былъ вообще ниже Іезуитскаго, какъ по преподавателямъ, такъ и въ отношеніи къ ученикамъ. Помню только одного учителя Французскаго языка, Брошье. Онъ умѣлъ, какъ Французъ, придавать урокамъ своимъ оживленіе и разнообразіе: онъ былъ съ нами разговорчивъ. Для одного изъ такихъ уроковъ перевелъ я статью Карамзина подъ именемъ *Дережня*. Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ, что предпочитаетъ картины природы картинамъ великихъ живописцевъ. „Если такъ,—сказалъ мнѣ Брошье,—и если у родственника вашего есть такія картины, то попросите его мнѣ ихъ отдать: я ихъ предпочитаю природѣ“. Въ 1806 г. Карамзинъ прислалъ мнѣ изъ Москвы, уже какъ питомцу Музъ, стихотвореніе свое: *Письмъ воиновъ*. Эта присылка меня очень возвысила въ глазахъ моихъ товарищей. „Ces vers sont-ils bien gonflants?“ спросилъ меня Брошье. Тутъ высказался и Французъ, и литераторъ, и щекотливый Французъ-патріотъ. Гораздо позднѣе этотъ Брошье былъ хорошо извѣстенъ Петербургу, особенно посѣщавшимъ графа Алексѣя Ѳеодоровича Орлова, у котораго онъ былъ близкимъ и домашнимъ человѣкомъ: вѣроятно также по пансіонскимъ преданіямъ учебнаго заведенія аббата Николая.

Въ новой моей ученической средѣ я также не по чину и не по возрасту вращался съ поколѣніемъ меня опередившимъ. Не знаю, какъ это случилось, но я познакомился и сблизился съ нѣкоторыми изъ педагогическихъ студентовъ. Мы жили съ ними на одномъ дворѣ, но совершенно отдѣльно. Въ памяти моей сохранился одинъ изъ нихъ, по имени *Бобриковъ*, или что-то на это похожее. Помнится мнѣ, принадлежалъ онъ, хотя и съ побочной стороны, семейству графа Бобринскаго. Онъ познакомилъ меня съ стихотвореніями Французскаго поэта, Парни, котораго элегіи впоследствии были такъ вѣрно и такъ нѣжно переданы Батюшковымъ на Русскомъ языкѣ. Помню, что по этому поводу прозвалъ я бѣднаго Батюшкова, въ шуточномъ посланіи:

Пѣвецъ чужихъ Элеоноръ.

Домой возвратился я благополучно. Хотя со времени отсутствія моего отецъ не очень имѣлъ поводъ утѣшать себя вѣстями объ успѣхахъ моихъ по наукамъ и о моемъ поведеніи, принять былъ я имъ ласково, и вообще семействомъ нѣжно и радостно. Упомянулъ я о поведеніи своемъ: благодаря Бога, ничего особенно порочнаго не было, но были шалости и предосудительныя уклоненія. Въ пребываніе мое въ второмъ пансіонѣ, пользовался я большою и чрезмѣрною свободою въ вакантные дни: ходилъ я одинъ въ театръ, въ маскарады. По преданію, а не по памяти знаю, что однажды въ театрѣ я очень шумѣлъ и бурлилъ,—изъ чего и для чего, сказать не умѣю. Но пріятельница отца моего Екат. Влад. Апраксина подмѣтила это изъ ложи своей и донесла отцу. Можетъ-быть, влѣдствіе этого, и вызвали меня обратно въ Москву.

Какъ извѣстно, родительскій домъ былъ однимъ изъ гостепріимнѣйшихъ. Гости его принадлежали болѣе или менѣе къ рязяду людей образованныхъ и *разговоривыхъ*, въ смыслѣ и значеніи разговора дѣльнаго, просвѣщеннаго и пріятнаго. Подобные дома вывелъ или выводятся не только у насъ, но вообще и во всей Европѣ. Иная: такіе дома были практическою и дополнительною школою для молодежи. Въ этой атмосферѣ было много образовательной жизни и силы, много было и литературнаго. Худо вѣрую въ литературу, которая рождается и сосредоточивается въ самой себѣ,—въ большихъ житейскихъ теченіяхъ. Чтò ни говори о такъ-называемыхъ *салонахъ*, но они бывають нерѣдко произрастательными и плодотворными почвами. Блестящая и многознаменательная Французская литература послѣдней половины 18-го столѣтія разцвѣла и созрѣла на этой почвѣ. Какъ бы то ни было, въ подобной умственной средѣ понятія и наклонности мои еще болѣе развились. Въ домѣ отцовскомъ женскій элементъ господствовалъ наравнѣ съ мужскимъ. Тутъ, въ сферѣ умственнаго

соревнованія, проглядывало между двумя полами истинное *равноправіе*, которое женщины ищутъ нынѣ въ химическихъ лабораторіяхъ, въ фельдшерскихъ и анатомическихъ театрахъ.

Разумѣется, женскій элементъ, который нашелъ я въ домѣ нашемъ, не праздно отозвался во мнѣ и въ молодомъ и впечатлительномъ сердцѣ моемъ. Впрочемъ, по домашнимъ преданіямъ, рано началъ и быть сердечкинымъ: именно *сердечкинымъ*—въ смыслѣ болѣе платонической, нежели матеріальной любви. Такъ вообще было со мною и послѣ, и всегда. Но вотъ дѣтская легенда моя. Когда ѣхали мы въ Нижній Новгородъ, куда отецъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ, не задолго до кончины Императрицы, мы на дорогѣ гдѣ-то и у кого-то остановились переночевать. Въ домѣ была дочка, которая, такъ гласитъ преданіе,—очень мнѣ понравилась и за которою я весь вечеръ ухаживалъ. Было мнѣ тогда года четыре. На другой день, когда семейство наше собралось въ дальнѣйшій путь, ищутъ меня, а меня нѣтъ. Наконецъ отыскиваютъ гдѣ-то подъ диваномъ, куда залѣзъ и запрятался я, чтобы не разставаться съ маленькимъ моимъ кумирчикомъ. Не ясно помню этотъ романтическій эпизодъ, но домашніе удостовѣряли въ правдивости его. Кстати скажешь: *se non è vero, è ben trovato*. По системѣ вѣроятностей и правдоподобій, и судя а *posteriori*, готовъ я согласиться, что оно такъ и было. Послѣ такихъ раннихъ и съ продолженіями впередъ романтическихъ приключеній на дѣлѣ, какъ не пришло мнѣ никогда въ голову написать вымышленный романъ? Подите, объясните! Впрочемъ, я очень взыскателенъ и не легко удовлетворяемъ по части романовъ. На всемъ вѣку своемъ едва ли шесть прочиталъ я съ полнымъ удовольствіемъ и никогда не признавалъ въ себѣ силъ и достаточнаго дарованія, чтобы пополнить это число седьмымъ. Удачно и вполне удовлетворительно, то есть упоительно, написанный романъ, есть, по мнѣ, самое увлекательное и потрясающее чтеніе. Это почти событіе въ жизни. Съ подобнымъ романомъ сживаешься, не только во время чтенія, но живешь имъ долго и послѣ чтенія. Романы второстепенные, второй руки, плоды одной дѣятельной и *рутинной* посредственности, эти плоды могутъ быть болѣе или менѣе лакомы, судя по вкусамъ, но съ дерева не срываю ихъ и за столомъ до нихъ не дотрогиваюсь.

Со вступленіемъ Карамзина въ семейство наше Русскій литературный отгѣнокъ смѣшался въ домѣ нашемъ съ Французскимъ колоритомъ, который до него преодолевалъ. По возвращеніи изъ пансіона, нашелъ я у насъ Дмитріева, Василя Львовича Пушкина, юношу Жуковского и другихъ писателей. Пушкинъ, еще до отъѣзда своего, уже отдавшій перомъ Дмитріева отчетъ въ путевыхъ впечатлѣніяхъ

своихъ, только что возвратился тогда изъ Парижа. Парижемъ отъ него такъ и вѣяло. Одѣтъ онъ былъ съ Парижской иглочки съ головы до ногъ. Прическа à la Titus, углаженная, умащенная древнимъ масломъ, huile antique. Въ простодушномъ самохвальствѣ давалъ онъ дамамъ обнюхивать голову свою. Не умѣю опредѣлить: смотрѣлъ ли я на него съ благоговѣніемъ и завистью, или съ отѣнкомъ насмѣшливости. Вѣроятно, было и то и другое. Но могъ ли я думать тогда, что, спустя нѣсколько годовъ, будемъ мы на *ты* и въ самой короткой дружеской связи? Дмитріевъ говаривалъ о немъ, что онъ кончитъ тѣмъ, что будетъ друженъ съ одними грудными младенцами, потому что чѣмъ болѣе старѣеть, тѣмъ все болѣе сближается съ новѣйшими поколѣніями. Грѣшно было бы мнѣ поминать его слегка, а паче того насмѣшливо. Онъ былъ пріятный, вовсе недюжинный стихотворецъ. Добръ онъ былъ до безконечности, до смѣшнаго; но этотъ смѣхъ ему не въ укоръ. Дмитріевъ вѣрно изобразилъ его въ шутивомъ стихотвореніи своемъ, говоря за него: *я право добръ, готовъ сердечно обнять весь свѣтъ* *). Меня любилъ онъ съ особенною нѣжностію, могу сказать, съ балующею слабостію. Зять его, Солнцевъ, говорилъ, что сердечныя привязанности его дѣлятся на три степени: первая—сестра его Анна Львовна, вторая—Вяземскій, третья—однобортный фракъ, который выкроилъ онъ изъ стараго сюртука, по новомодному покрою фрака, привезеннаго въ Москву Павломъ Ржевскимъ.

Не знаю, почему въ этотъ списокъ просится одинъ Машковъ, маленькій, горбатый. Казалось мнѣ, что отецъ очень охотно разговаривалъ съ нимъ; но въ моихъ глазахъ, вѣроятно, горбъ его былъ главнымъ attraction. Впрочемъ, помнится мнѣ, что онъ былъ дядя поэта Майкова. Однако можетъ-быть и ошибаюсь.

Въ ряду литературной молодежи, былъ тутъ и новичекъ, котораго отличили отецъ мой и Карамзинъ. Онъ даже запросто обѣдывалъ у насъ (Въ то время это было исключеніе. Въ старину обѣдывали семейно, а ужинали въ гостиныхъ съ гостями. Ужинъ былъ завершеніе, увѣнчаніе заботливаго дня; послѣужинный разговоръ былъ свободнѣе и могъ быть продолжительнѣе разговора послѣобѣденнаго. Теперь съѣзжаются за пять минутъ до обѣда и обыкновенно разъѣзжаются послѣ кофе. Выгоды и прелести общежитія и разговорчивости отъ этого страдаютъ). Имени новичка нашего въ точности не помню, чуть не Бошнякъ-ли? Можетъ быть, потомокъ Саратовскаго коменданта, съ которымъ возился и боролся Державинъ во время Пугачевщины. Какъ бы то ни было, онъ занимался естественными науками, въ особенности

*) Таковъ смыслъ; самыхъ стиховъ въ точности не припомню.

монографією паука. Вѣроятно въ нынѣшнее время, занимался бы онъ и потрошеніемъ лягушекъ. Закончу смотръ и переключку свою замѣткою довольно забавною, замѣткою совершенно семейною и домашнею. Сестра моя, впоследствии жена князя Алексѣя Григорьевича Щербатова (Жуковскій посвятилъ памяти ея нѣсколько трогательныхъ стиховъ въ *Пьецъ въ станъ Русскихъ воиновъ*), сестра моя, старшая меня тремя годами, и я были вовсе недовольны водвореніемъ Карамзина въ наше семейство. Въ насъ таилась глухая оппозиція противъ этого брака: дѣтскія сочувствія наши были на сторонѣ армейскаго маіора, помнится, Струкова, который былъ несчастнымъ соперникомъ Карамзина. Онъ былъ къ намъ внимателенъ и ласковъ; вѣроятно онъ заискивалъ нашъ союзъ цѣною субсидій, гостинцами и конфектами. Карамзинъ не обращалъ вниманія на союзниковъ. Забавно, что когда бракъ былъ уже рѣшенъ, мы съ сестрою изливали грусть свою стихами самого Карамзина. Вечеромъ ходили мы по длинному коридору и вполголоса, съ сжатымъ сердцемъ и слезами на глазахъ, отъ лица Струкова, мурлыкали:

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя.
Увы! насильно милымъ
Не будешь никому...

Такимъ образомъ вооружились мы противъ Карамзина собственнымъ его оружіемъ. Но у насъ, дѣтей, велись съ нимъ и другіе счеты, и по другой причинѣ грызлись у насъ зубы на него: именно зубы. Въ тѣ рѣдкіе вечера, когда салоны наши не переполнялись посѣтителеми, а было два-три человѣка, иногда и никого, отецъ оставлялъ насъ, дѣтей, ужинать съ собою, обыкновенно въ одиннадцатомъ часу. Понятно, что эти дни дорого цѣнились нами. Не знаю, по какому случаю и по какимъ соображеніямъ, Карамзинъ бывалъ гостемъ нашимъ именно въ эти исключительные дни. Отецъ былъ великій устный слѣдователь по вопросамъ метафизическимъ; сказывали мнѣ, бывалъ онъ иногда и очень парадоксальный, но и блестящій спорщикъ. Бесѣды и пренія его съ Карамзинымъ длились безъ конца. Въ ожиданіи вожделѣннаго ужина мы дремали въ сосѣдней комнатѣ, а ужинъ былъ все отлагаемъ позднѣе и позднѣе. Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ говорилъ, что когда отецъ мой, въ жару спора, нанижетъ себя на пальцы нѣсколько соленыхъ крендельковъ, которые подавались закускою при водгѣ, то бѣда: ужинъ непременно успѣетъ остыть. Онъ же говорилъ: къ Вяземскому на ужинъ никогда не опоздаешь; поварь его только въ

полночь ходить закупать провизію. Эги домашніе запоздалые ужины худо располагали насъ къ Карамзину. Мы дѣтскимъ чутьемъ угадывали, что отецъ не разговаривался бы такъ долго съ майоромъ Струковымъ. По этому гувернеръ мой, Французъ *Дандилли*, прозвалъ Карамзина: *monsieur minuit et demi*; долго въ дѣтской нашей ходилъ онъ подъ этимъ прозвищемъ. Впрочемъ, кажется, онъ нѣсколько задобрилъ меня, подаривъ первые часы, которыми пришлось мнѣ щеголять. Для молодого челоѣка всего нужнѣе умѣть узнать время,—сказалъ онъ, вручая мнѣ свой подарокъ.

VI.

Съ водвореніемъ Карамзина въ наше семейство, письменныя склонности мои долго не пользовались поощреніемъ его. Я былъ между двухъ огней: отецъ хотѣлъ видѣть во мнѣ математика; Карамзинъ боялся увидѣть во мнѣ плохого стихотворца. Онъ часто пугалъ меня этою участію. Берегись, говаривалъ онъ: нѣтъ никого жалче и смѣшнѣе худаго писачки и рѣмоплета. Первые опыты мои таилъ я отъ него, какъ и другіе проказы грѣшной юности моей. Уже позднѣе, и именно въ 1816 году, примирился онъ съ метроманіею моею. Александръ Тургеневъ давалъ въ Петербургѣ вечеръ въ честь его. Всѣ Арзамасцы были на лицѣ: были литераторы и другаго лагеря. Хозяинъ вызвалъ меня прочесть кое-что изъ моихъ стихотвореній. Выслушавъ ихъ, Карамзинъ сказалъ мнѣ: „Теперь уже не буду отклонять васъ отъ стихотворства. Пишите съ Богомъ“. На этомъ вечерѣ познакомился я съ Крыловымъ. Онъ также былъ одинъ изъ благопривѣтливыхъ слушателей и просилъ меня повторить чтеніе одного изъ стихотвореній, которое наиболѣе понравилось ему. Эти два знака отличія, полученные мною на полѣ битвы, порадовали меня и польстили самолюбію моему. Они же порѣшили и, такъ сказать, узаконили участь мою. О, радость! о, радость! о, восторгъ! и я, и я цѣить!—могъ сказать я съ простодушнымъ Василиемъ Львовичемъ. Жребій брошенъ. Съ того дня призналъ я и себя сочинителемъ. И пошла писать! то есть: пиши пропало! скажетъ одинъ изъ моихъ строгихъ критиковъ. Можетъ быть, оно и такъ; но есть еще другая поговорка: чтѣ напишешь перомъ, не вырубишь и топоромъ. И вотъ почему, въ добрый или худой часъ,—все едино, появлюсь я на печатной скамѣ подсудимаго предъ судилнщемъ почтеннѣйшей публики.

VII.

Жуковскій, мой благосклонный, но, когда нужно, и строгій судья, сказалъ, что могу приевонить себѣ стихъ Буало:

Et mon vers, bien ou mal, dit toujours quelque chose.

Кажется, можно приблизительно перевести на Русскій языкъ сей стихъ слѣдующимъ образомъ:

И стихъ мой, такъ или сякъ, а что-нибудь да скажетъ.

Нечего и говорить, что ни Жуковскій не величалъ меня, ни я себя не величаю знаменитымъ Французскимъ сатирикомъ. Но я думаю, что опредѣленіе Жуковского довольно вѣрно. Оно мнѣ въ похвалу и въ укоръ. Заявляю здѣсь сказанное мною однажды навсегда. Нынѣ сужу себя и говорю о себѣ, какъ о постороннемъ. И въ самомъ дѣлѣ, не въ сторонѣ ли я отъ самого себя послѣ всего такъ долго пережитаго мною? Было кѣмъ-то сказано, что человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ долженъ быть самъ врачомъ своимъ, то-есть знать сложеніе свое, темпераментъ свой, знать, въ гигиеническомъ отношеніи, что можетъ быть ему полезно, что вредно. Тоже можно примѣнить и къ нравственному распознаванію себя. Въ нѣкоторомъ возрастѣ человѣкъ лучшій свой судія, если, впрочемъ, не одержимъ онъ неизлѣчимою болѣзною самообольщенія. Человѣкъ уже на покой, или на послѣднемъ поворотѣ жизни, долженъ и можетъ смотрѣть безъ лицепріятія на дѣла своихъ *давно миновавшихъ лѣтъ*. Эти дѣла для него уже *преданья старины глубокой*. Онъ вешивается въ нихъ, а пересочинить ихъ не можетъ.

Возвратимся къ сказанному Жуковскимъ. Весь вопросъ здѣсь заключается въ томъ, чего болѣе: *du bien* ou *du mal*, болѣе ли сказано *такъ* или болѣе *сякъ*. Но я плохой математикъ: итоговъ выводить не буду. Предоставляю этотъ трудъ журнальнымъ бухгалтерамъ. Самъ же скажу, что должно быть довольно того и другаго. Въ стихахъ и въ прозѣ у меня много неровностей—и нельзя имъ не быть: я никогда не писалъ прилежно, постоянно; никогда не изучалъ я систематически языка нашего. Какъ пѣвцы-самоучки, писалъ я болѣе по слуху. Писалъ я болѣе урывками, подъ вдохновеніемъ или подъ осязаніемъ мысли и чувства. Писалъ я, когда что-нибудь внутреннее или внѣшнее за-живо задирало меня, когда мнѣ именно хотѣлось *сказать* или *высказать* что-нибудь, такъ или сякъ, опять все равно. Натура моя довольно живучая и произрастительная, но не трудолюбивая; напротивъ, трудъ пугаетъ ее; она сжимается подъ давленіемъ его. А что ни говори, трудъ есть родникъ, двигатель всякаго положительнаго успѣха и возможнаго усовершенствованія. Безъ терпѣнія труда быть не можетъ. Бюффонтъ сказалъ и доказалъ, что терпѣніе есть одно изъ главныхъ свойствъ генія. Если такъ, то какъ далекъ я, Боже мой, отъ геніальности! У меня литература была всегда животрепещущею склонностью, болѣе зазывомъ, нежели призваніемъ. Если и было это призваніе, то охотно сознаюсь, что я не выдержалъ, не вполнѣ оправдалъ его. Никогда, или такъ рѣдко, что не стоить упоминать того, не вель я жизни литера-

турной, какъ вели ея, на примѣръ, Жуковскій, Пушкинъ. О Карамзинѣ уже не говорю: онъ былъ воплощенный трудъ, воплощенное терпѣніе. Я болѣе предавался теченію жизни: сперва молодости, съ увлеченіями ея, позднѣе болѣе или менѣе сухимъ обязанностямъ службы, личнымъ заботамъ, горькимъ испытаніямъ жизни, частымъ и вынужденнымъ странничествамъ. Къ тому же, нечего таить; какая-то врожденная безпечность, просто лѣнь, никогда не допускали пера быть постоянною принадлежностью руки моей. А перо взыскательно: оно требуетъ прилежнаго ухода за собою; безъ этого оно непослушно и ртачливо. При этомъ пріятели мои еще дивились, что могъ я столько написать при своей развлеченной жизни, могли бы они сказать и отвлеченной: много изъ жизни моей пошло и на внутреннія, созерцательныя и мечтательныя думы. Много прожилъ я жизнью одинокою, жизнью про себя. Знаю, языкъ мой не всегда правиленъ; не довольно внимательно и строго покоряюсь законамъ его. Увлекаюсь не желаніемъ, а скорѣе безсознательною потребностью сказать иначе, чѣмъ сказали бы другіе. Это можетъ быть достоинствомъ, но можетъ быть и погрѣшностью, быть силою, но и немощью. Александръ Тургеневъ, въ одномъ письмѣ своемъ изъ напечатанныхъ по смерти его, очень невыгодно и съ какою-то досадою отзывается объ этомъ наѣздничествѣ пера моего. Въ укоризнѣ его есть доля правды; но Тургеневъ въ литературѣ принадлежалъ *Пуританской* школѣ, которой между нами главнымъ представителемъ былъ Блудовъ. Сознаюсь, я отъ нѣкоторыхъ неологизмовъ въ словахъ и въ слогѣ не прочь. Разнообразіе и разнозвучіе, въ мѣру и съ чутьемъ, нужны и цѣну свою имѣютъ. Также и Карамзинъ, въ письмѣ къ Дмитріеву, говоритъ, что должно выдрать бы мнѣ уши за переводъ мой рѣчи, произнесенной императоромъ Александромъ на Варшавскомъ сеймѣ; разумѣется, обвиненіе падаетъ на неправильность языка. Здѣсь есть нѣкоторый поводъ къ оправданію. Не вся рѣчь переведена мною. Новосильцовъ, около полночи, прислалъ въ канцелярію Французскій подлинникъ для немедленнаго перевода его на Русскій языкъ. Многія слова политическаго значенія, выраженія чисто-конституціонныя были нововведеніями въ Русскомъ изложеніи. Надобно было надъ нѣкоторыми призадумываться. Для скорости, мы разобрали рѣчь по клочкамъ и раздѣлили ихъ между собою, чиновниками канцеляріи. Каждый переводилъ, какъ умѣлъ. Но я остался какъ-то официальнымъ и отвѣтственнымъ переводчикомъ рѣчи. Государь былъ переводомъ доволенъ; помню, что на обѣдѣ у князя Заіончека Государь милостиво благодарилъ меня за переводъ. Кстати скажу, что и послѣ былъ я въ канцеляріи Новосильцова главнымъ дѣйствующимъ лицомъ по редакціонной Русской части. Были труды гораздо важнѣе перевода сеймо-

вой рѣчи. Въ канцеляріи былъ у насъ юристъ и публицистъ, Французъ Deschamps. Ему Новосильцовъ передавалъ соображенія и мысли свои: Французъ, набившій руку себѣ во Франціи въ изготовленіи и редакціи подобныхъ проектовъ, писать ихъ, такъ сказать, прямо набѣло. Переливка этихъ работъ въ Русскія формы наложена была на меня. Въ одинъ изъ прїѣздовъ моихъ въ Петербургъ изъ Варшавы, Императоръ удостоилъ меня особенною послѣобѣденною аудіенціею въ Каменно-островскомъ дворцѣ. Съ полчаса, если не болѣе, изволилъ говорить онъ о трудахъ нашихъ по канцеляріи Новосильцова, о возрѣвнїяхъ своихъ на Польшу и на другія политическія событія и соображенія.

Тутъ косвенно были, или по крайней мѣрѣ такъ казалось мнѣ, маленькіе, не буквально выраженные, но понятные намеки на противоположныя мысли Карамзина. Наприм., Государемъ было сказано: *Quelques uns pensent, que les désordres dont nous sommes parfois témoins, sont inhérents aux idées libérales, tandis qu'ils ne sont que des abus de ces idées et de ces principes*“. Государь говорилъ также о предположеніяхъ своихъ въ отношеніи къ будущему государственному устройству Россіи. Говорилъ онъ все время по французски; рѣчь его была стройна, плавна и отличалась изящностью и ясностью; день, ознаменованный этимъ разговоромъ, остается историческимъ днемъ въ жизни моей. Переводъ словъ: *constitution* и *libéral*—словами: *государственное уложение* и *законносвободный*, принадлежитъ самому Государю. При концѣ аудіенціи могъ я, между прочимъ, убѣдиться въ умѣнїи Государя. (или, лучше сказать, въ прирожденной ему способности) часто мало-значущимъ словомъ польстить человѣку и порадовать его личною и прївѣтливою внимательностью.

Я прїѣхалъ изъ Варшавы чрезъ Ригу. Песчаная, утомительная, продолжительная ѣзда отъ Митавы вывела меня изъ терпѣнїя. Я былъ золъ на себя и на дорогу, которую выбралъ. Въ Ригѣ хотѣли обратить вниманіе мое на картину города, Двины, моста, слюшь, какъ перилами, окаймленнаго коммерческими судами. Но я ничего ни слышать, ни видѣть не хотѣлъ: въ отмщеніе Митавскимъ пескамъ, я крѣпко зажмурилъ глаза, такъ и проѣхалъ. Видно, Карамзинъ разсказалъ Государю эту выходку эксцентрическую. Отпуская меня, Императоръ, съ своею ласковою и выразительною улыбкою, спросилъ меня: а что, вы и теперь поѣдете въ Ригу?

Забылъ я сказать, что Новосильцовъ имѣлъ намѣреніе отправить меня прямо къ Государю съ изготовленною работою нашею, для объясненій по редакціи, если Государь потребовалъ бы ихъ. Но канцелярскія интриги этому помѣшали. Уже поздне, и то совершенно случайно, довелось мнѣ имѣть вышеупомянутую бесѣду, для меня достопамятную.

Но нѣтъ медали, у которой не было бы своей оборотной стороны. Гдѣ-нибудь и когда-нибудь, если Богъ дастъ, разскажу, какъ благово-лительное обращеніе Государя со мною, ни по лѣтамъ моимъ, ни по официальному служебному положенію моему, не имѣвшимъ на то права, обратилось позднѣе въ неудовольствіе на меня.

Впрочемъ, скажу заранѣе, что тутъ было много моей вины, то есть недосмотрительности, неосторожности, а еще болѣе виноваты были въ томъ постороннія вліянія и неблагопріятныя обстоятельства. Государь не могъ поступить иначе: онъ долженъ былъ вызвать меня изъ Варшавы; но въ тоже время велѣлъ онъ сказать мнѣ чрезъ Карамзина, что всякая другая служба остается для меня вполне открытою.

VIII.

Вышесказанное мною вообще относится до пребыванія моего въ Варшавѣ и до нѣкоторыхъ обстоятельствъ, вытекающихъ изъ этого пребыванія. Хочется мнѣ нѣсколько остановиться на этомъ и опредѣ-лить Варшавскій періодъ жизни моей, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ до-вольно важное вліяніе и на многіе послѣдовавшіе за нимъ годы. Къ тому же, не былъ онъ чуждъ и литературной дѣятельности моей. По распущеніи Московскаго ополченія, оставался я въ Москвѣ въ службѣ, не въ службѣ, въ отставкѣ, не отставкѣ, а причисленнымъ по прежнему къ Межевой Канцеляріи, или, вѣрнѣе сказать, не отчисленнымъ отъ нея. Начальникъ сей канцеляріи, сенаторъ Обрѣзковъ, при кото-ромъ я служилъ, умеръ въ 1814 году. Время было не до канцелярскихъ строгихъ порядковъ и взысканій; но я не думалъ выяснитъ свое слу-жебное положеніе: ни служба, ни начальство не заботились обо мнѣ. Наступилъ 1817 годъ. Пріѣхалъ въ Москву генералъ Мих. Мих. Бо-роздинъ, въ свое время блестящій воинъ на поляхъ сраженій и равно блестящее лице въ салонахъ обѣихъ столицъ. Въ дѣтствѣ моемъ загля-дывался я на него и любовался красивою и мужественною наружностью и отличающейся отъ другихъ изящною и щегольскою осанкою. Онъ былъ одинъ изъ ближайшихъ пріятелей отца моего, который шути прозвалъ его Неаполитанскимъ королемъ, по поводу предводительства его Русскими войсками въ Неаполь въ царствованіе императора Павла. Замѣтимъ уже кстати и мимоходомъ, что отецъ прозвалъ вмѣстѣ съ нимъ Польскимъ королемъ и извѣстнаго въ царствованіе Екатерины II Кюраскова, который очень дорожилъ орденомъ Польскаго Бѣлаго Орла и никогда не снималъ его съ себя. Отецъ мой говаривалъ, что ему очень пріятно и лестно играть у себя дома въ бостонъ съ двумя вели-чествами. По пріѣздѣ въ Москву Бороздинъ отыскалъ меня и очень обласкалъ, какъ сына пріятеля своего. Онъ дружески укорялъ меня въ

тунеядствѣ моемъ и говорилъ, что въ молодыхъ лѣтахъ сыну Андрея Ивановича стыдно бить баклуши и быть какимъ-то Митрофанушкою, недорослемъ въ обществѣ. Къ тому же времени пріѣхалъ изъ Варшавы и Новосильцовъ, вызванный Государемъ, который тогда со всѣмъ дворомъ имѣлъ пребываніе въ Москвѣ. Бороздинъ былъ пріятелемъ и Новосильцова. Вѣроятно, говорилъ онъ ему обо мнѣ; однажды пригласилъ онъ меня обѣдать съ Новосильцовымъ, представилъ и, такъ сказать безъ особенныхъ предварительныхъ объясненій со мною, передавалъ меня ему на руки.

Новосильцовъ благосклонно принялъ меня: участь моя была рѣшена, если не противъ воли моей, то такъ-сказать почти мимо воли моей, но однакоже не безъ признательности къ участию, принятому во мнѣ старымъ пріятелемъ отца. При разставаніи моемъ съ Москвою и беззаботною жизнію моею написалъ я стихотвореніе: „Прощаніе съ халатомъ“, которое было тогда же напечатано въ журналѣ *Сынъ Отечества* и имѣло нѣкоторый успѣхъ. До Варшавы зналъ я почти одну Москву, въ Петербургъ наѣзжалъ я только на короткое время, за границу же не бывалъ. Варшава, тогда блестящая, не только *мирная*, но и празднующая перерожденіе свое, повѣяла на меня незнакомымъ, новымъ воздухомъ. Я скоро и легко аклиматизировался, да иначе и быть не могло. Починъ мой въ Варшавѣ былъ самый благопріятный. Въ Новосильцовѣ нашелъ я начальника, котораго лучше и придумать нельзя, начальника, чуждаго всякаго начальствованія. Съ первыхъ дней пріѣзда моего, я сдѣлался домашнимъ; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до дня отъѣзда моего, эти отношенія ни на одинъ день, ни на одну минуту не измѣнялись. Даже и послѣ, когда увѣдомлялъ онъ меня, по высочайшему повелѣнію, что не долженъ и не могу я возвращаться въ Варшаву, оффиціальное письмо его запечатлѣно было чувствомъ благорасположенія его ко мнѣ. Государь, въ тоже самое время пріѣхавшій изъ Москвы для открытія перваго Польскаго сейма, былъ ко мнѣ отъѣнно внимателенъ и милостивъ. Онъ даже изволилъ удостоить жену и меня своимъ августѣйшимъ посѣщеніемъ. Правда, сказали мнѣ тогда, что царское посѣщеніе относится вообще къ хозяйбѣ дома, а не къ хозяину, который, какъ отцы при крестинахъ дѣтей своихъ, долженъ блистать отсутствіемъ своимъ; но безсознательное нарушеніе мое придворнаго этикета и приличія сошло благополучно. Государь былъ очень веселъ и разговорчивъ. Между прочимъ изволилъ онъ спросить меня: прочелъ ли я Исторію Карамзина, которая только что вышла въ печати; на мой отвѣтъ, что не успѣлъ я прочесть, Государь, съ видомъ какого-то самодовольства, сказалъ мнѣ: „А я прочесть ее съ начала до конца“. Еще до Варшавы Государь

явилъ намъ знакъ благоволенія своего. Дорогою гдѣ-то въ Царствѣ Польскомъ, обогналъ онъ насъ, узналъ, велѣлъ коляскѣ своей остановиться и вышелъ изъ нея, на встрѣчу къ намъ, также вышедшимъ изъ кареты. Государь былъ бодръ, свѣжъ, тщательно и красиво убранъ и одѣтъ, какъ будто бы выходилъ изъ уборной комнаты своей въ Зимнемъ дворцѣ. Я ѣхалъ больной, чуть ли не въ халатѣ, невымытый, небритый, неряшливый. Дорогою, передъ тѣмъ, пролежалъ я, больной простудою и колотьемъ въ боку и въ груди, въ какомъ-то мѣстечкѣ; въ немъ не было никакихъ пособій и помощи: ни доктора, ни хорошей воды, ни блага хлѣба, ни укуса. Какъ-то уже дня три или четыре спустя, Гродненскій губернаторъ, узнавъ о болѣзни моей, прислалъ намъ бѣлый хлѣбъ, лимоны и другіе припасы и снадобья. На другой день пріѣзда нашего въ Варшаву Государь изволилъ прислать намъ фельегера осведомиться о здоровьи моемъ. Онъ же уведомиль и Новосильцова, что новый чиновникъ его ѣдетъ къ нему больной. Для людей, опасующихся начинать и предпринимать что-нибудь въ Понедѣльникъ, замѣчу, что мой примѣръ можетъ подкрѣпить ихъ суевѣрье. Въ Москвѣ все было уже готово къ нашему отъѣзду въ Варшаву; но теща моя, П. Ю. Кологривова, давала балъ въ Воскресенье, въ честь Государя и Царской фамиліи. Неловко было уѣхать до бала. А между тѣмъ скорый отъѣздъ свиты его угрожалъ намъ препятствіями, частыми и долгими остановками по почтовому тракту. Я самъ питаю нѣкоторое почтительное отвращеніе въ отношеніи къ Понедѣльнику. Такимъ образомъ дѣтей нашихъ отправилъ я впередъ въ Воскресенье, чтобы застраховать ихъ отъ худаго наитія понедѣльничнаго глаза, а самъ предалъ себя на волю Божію и рѣшилъ, что мы выѣдемъ тотчасъ послѣ бала, то-есть на разсвѣтъ Понедѣльника. Такъ и было. Этотъ крутой переворотъ изъ бальныхъ платьевъ въ дорожныя, изъ блеска многолюднаго праздника въ дорожную повозку внушилъ мнѣ тутъ же стихотвореніе, *Ухабъ*, которое, помнится, напечатано въ *Сынъ Отечества*. Начинается оно такъ:

Надъ кѣмъ судьбина не шутила,
И кто проказъ ея не рабъ?
Слѣпая приговоръ скрѣпила,
И съ бала я поналъ въ ухабъ.
Въ ухабѣ, сидя какъ въ берлогѣ,
Я на досугѣ разсуждалъ
И въ жизни, какъ и на дорогѣ,
Ухабовъ много насчиталъ.

Далѣе не помню.

Но возвратимся къ зловѣщему Понедѣльнику. Не только крѣпко захворалъ я дорогою, но въ Несвижѣ, гдѣ ночевали мы, насъ совер-

шенно обокрали: платья, нѣсколько тысячъ рублей, лежавшихъ въ мѣшкѣ, и разные другіе предметы дорожные или хозяйственные, которые везли мы въ Варшаву, все было до чиста прибрано и похищено. Чтобы имѣть возможность ѣхать далѣе, жена должна была заложить, для вырученія нѣкоторой суммы, разныя свои кольца, серьги и цѣнныя вещи. Но счастію, догналъ насъ П. С. Тимирязевъ, тогда адъютантъ великаго князя Константина Павловича и, сжалясь надъ бѣдствіемъ нашимъ, ссудилъ насъ двумя тысячами рублей. *Avis au lecteur!* Вотъ что значить пускаться въ путь въ Понедѣльникъ.

Пріѣздъ Государя въ Варшаву еще болѣе оживилъ ее. Поляки впечатлительны: на нихъ сильно и горячо отражаются и радость и горе. Свита Императора была многолюдна и блистательна: князь Волконскій, графъ Уваровъ, Милорадовичъ, Остерманъ, князь Меншиковъ, генералъ Потемкинъ (любимецъ Семеновскаго полка и гвардіи), графъ Чернышовъ и многія другія, болѣе или менѣе извѣстныя военныя лица; по части гражданской графъ Каподистрія съ двумя своими правыми руками (графомъ Матушевичемъ и Сьверинымъ), государственный секретарь Марченко съ Арзамасцемъ Жихаревымъ. Всѣ съѣхались, болѣе или менѣе, доброжелательными и вѣжливыми гостями, и не совершенно сочувствующіе возрожденію Польши увлекались новостью и блестящею обстановкою зрѣлища. Предъ ними, какъ предо всѣми, ставилась и разыгрывалась новая драма. На военныхъ же особенно отвѣчивались славныя дни недавнихъ побѣдъ и вступленія въ Парижъ Побѣдителя.

IX.

Но пора спуститься съ временнаго подножія челоуѣка полуполитическаго, куда попалъ я, на смиренный участокъ, которымъ надѣленъ я въ области лигтературной.

Странное дѣло: очень люблю и высоко цѣню пѣвучесть чужихъ стиховъ, а самъ въ стихахъ своихъ нисколько не гонюсь за эту пѣвучесть. Никогда не пожертвую звуку мыслью моею. Въ стихѣ моемъ хочу сказать то, что сказать хочу; о ухахъ ближняго не забочусь, не помышляю и о томъ, что многое не ладитъ со стихами: стихи, или поэзія всего не выдерживаютъ. Коровы бываютъ и очень красивыя, но сѣдло имъ неидетъ. Мысль, стихомъ осѣдланная, можетъ никуда не годиться. Мое упрямство, мое насильствованіе придаютъ иногда стихамъ моимъ прозаическую вялость, иногда вычурность. Когда Вьельгорскій просилъ у меня стиховъ, чтобы положить ихъ на музыку, онъ всегда прибавлялъ: только ради Бога, не умничай; мысли мнѣ не нужны, мысли на ноги не перекадываются. Вьельгорскій именно въ цѣль попалъ. Въ стихахъ моихъ я нерѣдко умствую и умничаю. Между

тѣмъ полагаю, что если есть и должна быть поэзія звукокъ и красокъ, то можетъ быть и поэзія мысли. Всѣ эти свойства или недостатки побудили Пушкина, въ тайныхъ замѣткахъ своихъ, обвинить меня въ *какофоніи* уже не слишкомъ-ли? Вотъ отмѣтка его: „Читаль сегодня посланіе кн. Вяземскаго (видно онъ сердить, что величаетъ меня княжествомъ) къ Жуковскому (напечатанное въ Сынѣ Отечества 1821 года). Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! *Кому былъ Фебъ изъ Русскихъ ласковъ*;—неожиданная рѣма *Херасковъ* не примирять меня съ такой *какофоніей*“ *).

Воля Пушкина, за благозвучность стиховъ своихъ не стою, но и нынѣ не слышу *какофоніи* въ помянутыхъ стихахъ. А вотъ въ чемъ дѣло: Пушкина разсердилъ и огорчилъ другимъ я стихомъ изъ этого посланія, а именно тѣмъ, въ которомъ говорю, что *языкъ нашъ рѣмами блденъ*. Какъ хватило въ тебѣ духа, сказать онъ мнѣ, сдѣлать такое признаніе? Оскорбленіе Русскому языку принималъ онъ за оскорбленіе, лично ему нанесенное. Въ пѣкоторомъ отношеніи онъ правъ, какъ одинъ изъ высшихъ представителей этого языка; оно такъ. Но правъ и я. Въ доказательство, укажу на самого Пушкина и на Жуковскаго, которые позднѣе все болѣе и болѣе стали писать бѣлыми стихами. Русская рѣма и у этихъ богачей обносилась и затерлась. Впрочемъ, не сержусь на Пушкина за посмертный приговоръ. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость: Пушкинъ порочить *звуки* мои, но щедро восхваляетъ меня за другія свойства; не остаюсь въ накладѣ.

Малозвучность и другіе недостатки стиха моего могутъ объясниться слѣдующимъ. Я никогда не пишу стиховъ моихъ, а сказываю ихъ въ прогулкахъ моихъ; это не вполне *импровизація*, а что-то подобное тому, импровизація съ урывками, съ остановками. Въ этой пассивной стихотворческой гимнастикѣ бывають промахи и неправильныя движенія. Послѣ выпрямлю ихъ, говорю себѣ,—и иду далѣе, а когда окончательно кладу надуманное на бумагу, бываетъ уже поздно; поправить, выпрямить не удастся: поправить льнь, да и жаръ простылъ. Мало заботясь о нихъ, отпускаю стихи мои на Божій свѣтъ, какъ родились они, съ своими хорошими примѣтами, если таковыя есть, съ своими калѣбчностями, когда таковыя окажутся.

Что говорю о стихахъ своихъ, могу вообще сказать и о прозѣ своей. И тутъ и тамъ замѣтенъ недостатокъ отдѣлки, оконченности. Не продаю товара лицомъ, не обдѣлываю товара, а выдаю его сырымъ, какъ Богъ послалъ.

*) Црим. Хочу-ль сказать, къ кому Фебъ былъ изъ Русскихъ ласковъ?

Державинъ рвется въ стихъ, а втащится Херасковъ.

Это переводъ стиховъ Буало: *La raison dit Virgile et la rime Quinault.*

Скажу и здѣсь: если Карамзинъ и Пушкинъ бывали ко мнѣ строги, то порою бывали и милостивы. Они нерѣдко сочувствовали плодамъ пера моего, драли меня за уши, но гладили и по головкѣ, одобряли, поощряли меня. Тоже скажу о Дмитриевѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, Баратынскомъ, Дашковѣ, Блудовѣ. Могу сказать, что я избалованъ былъ, какъ строгими замѣчаніями ихъ, такъ и похвальными отзывами. Въ самой строгой критикѣ, когда она основательна и смѣтлива, можетъ быть слышна нота сочувствія.

Х.

Повѣрять ли мнѣ, или нѣтъ, но утверждаю, что собственно для публики я никогда не писалъ. Когда я съ перомъ въ рукѣ, она мнѣ и въ голову не приходитъ. Впрочемъ, публика дѣлится на два разряда, а именно читающихъ и читателей. Тутъ почти таже разница, чтѣ между пишущими и писателями. Нечего и говорить, что въ томъ и другомъ случаѣ большинство на сторонѣ первыхъ. Признаюсь, во многомъ я не прочь отъ меньшинства; разумѣется, и числительная сила большинства имѣетъ достоинство свое. Напримѣръ, гораздо выгоднѣе имѣть при себѣ тысячу рублей, нежели десять; но едва ли не будетъ пріятнѣе имѣть за себя десять умныхъ людей, нежели тысячу глупцовъ. Впрочемъ, о вкусахъ спорить нечего. Я и не спору.

При такомъ настроеніи моемъ, само собою разумѣется, что я никогда не подыскивался, не старался угождать прихотямъ и увлеченіямъ читающей публики, не ставилъ себѣ въ обязанность задобривать ее. Въ этомъ отношеніи за мною никакого художества, никакого *сочинительства* не бывало. Преимущественно писалъ я всегда для себя, а потомъ уже для тѣснаго кружка избранныхъ; въ нихъ не послѣднее мѣсто занимали мои избранницы. Критикой и похвалами ихъ бывалъ я равно доволенъ. Первою я часто пользовался съ повинновеніемъ, часто, а не всегда; другими радовался, а иногда гордился. На критику печатную обращалъ я вообще мало вниманія, съ нею не совѣтовался, ей не вѣрилъ. Это невѣріе крѣпко держится во мнѣ и нынѣ. Впрочемъ, настоящей критики, за рѣдкими исключеніями, у насъ не было; нѣтъ и теперь. Теперь еще менѣе, нежели прежде. Каченовскіе, Сенковскіе, Булгарины далеко не были свѣтилами критики; но все же была въ нихъ нѣкоторая литературная основа. Они кое-чему обучились, кое-что прочитали.

Въ старину, то-есть въ нашу молодость, выраженіе: *замихватской*, *замихватскоѣ* было въ общемъ употребленіи, преимущественно въ простонародіи и на офицерскомъ языкѣ. Нынѣ оно сдѣлалось заштатнымъ, какъ иные города, нѣкогда цвѣтушіе и довольно многолюдные. Слово

свое выжило, но сущность его осталась. Она легко можетъ быть примѣняема къ литературѣ, и особенно къ критикѣ.—„Да ты самъ тому виноватъ, сказалъ бы мнѣ Тургеневъ, ты самъ далъ тому примѣръ въ *Телеграфѣ*“.—Можетъ быть, скажу я. Но известно, что послѣдователи худаго примѣра всегда еще ухудшаютъ его. Шалопайство пера гуляетъ по страницамъ журналовъ. Правда, есть и глубокомысленная или головоломная критика, но попробуй ее—и провалишься.

Иной, напримѣръ, ничему не учился, сдѣлался самоучкою невѣжества своего. Но въ умѣ, въ замашкахъ мысли его была какая-то бойкость и Русская смѣтливость; онъ кое-что угадывалъ. Но оставленное имъ по себѣ потомство наследовало отъ него одно обширное невѣдѣніе; блестящія же качества его ускользнули отъ наследниковъ. Вліяніе ложной школы, ложнаго авторитета утверждается въ обществѣ съ непомѣрной скоростью и крѣпостью, какъ вліяніе прилипчивой болѣзни. У насъ, напримѣръ, встрѣчаешь людей не безъ ума, не безъ дарованія и общей Европейской образованности, которые, не заппнаясь, не замкаясь, ставятъ имъ подобнаго литературнаго выскочку рядомъ съ именемъ Пушкина, а можетъ быть еще готовы признать превосходство перваго надъ послѣднимъ, по благотворительному вліянію, которое тотъ и другой оказали на ходъ литературы нашей. Чтò прикажете дѣлать въ виду подобной ереси? Впрочемъ, плоды ея очевидны и поразительны.

Сказанное мною—не сѣтованія оскорбленнаго самолюбія, не придирки злопамятства. На моемъ долгомъ вѣку всего было довольно. И я жилъ въ счастливой Аркадіи, и меня хвалили, и мнѣ кланялись журналы, и меня называли печатно *остроумѣйшимъ писателемъ*. И малоли еще какія бывали величанія. Меня и очень бранили. Все это дѣло житейское и бывалое. Скажу и я съ Пушкинымъ:

E sempre bene, господа!

Отъ журнальныхъ похвалъ не раздувался я, отъ браней не худѣлъ.

Позднѣ настала пора *заговора молчанія*. Критически печать меня живо похоронила; не потрудилась даже выставить надгробную надпись. Что же, почему и этому не быть? Мертвые срама не имутъ.

Les absents n'ont pas toujours tort, сказалъ я когда-то, mais ce sont les présents qui ont souvent tort. Особенно въ такую глухую пору, когда между отсутствующими числятся: Дмитріевъ, Батюшковъ, Жуковский, Баратынский и нѣкоторые другіе; когда Карамзинъ и Пушкинъ едва-ли уже не отгланиваются предъ читающею публикою. Да, Господи Боже мой! какъ былъ бы я глупъ, если не умѣлъ бы цѣнить свое достохвальное исключеніе; могу только сказать съ смиреніемъ и благодарностью, что не по заслугамъ моимъ такая честь мнѣ оказывается.

Для полноты автобіографическихъ замѣтокъ, считаю нелишнимъ сказать слѣдующее. Стороною доходили до меня слухи, что въ нѣкоторой заливхватовской печати хожу я подъ разными прозвищами забавными и насмѣшливыми. Честью удостовѣряю, что эти выстрѣлы въ меня остались промахами для меня. Не имѣлъ я и не имѣю понятія о нихъ. Мнѣ даже прислали за границу для показа одну подобную статью. Такъ и лежитъ она у меня по сію пору недочитанная. Любопытство мое притупилось. Въ старину любилъ я гарцовать въ чистомъ полѣ предъ непріятелями своими, нынѣ и эта охота отпала; да и прежде не самолюбіе дѣйствовало во мнѣ, а какая-то задорливость. Баратынскій говаривалъ о мнѣ, что въ моихъ полемическихъ стычкахъ напоминаю я ему старыхъ нашихъ баръ, напримѣръ, Алексѣя Орлова, который любилъ выходить съ чернью на кулачный бой.

Если еще и нынѣ случается мнѣ тряхнуть стариною, то, право, не въ защиту свою, а просто отъ того, что приходится не въ терпѣжь, когда наши политическіе *репортеры* слишкомъ зарепортуются, или наши питомцы *сороковскихъ годовъ* (какая-то эгипта, внесенная въ нашу литературную хронологію) слишкомъ заговорятся. Да, пожалуй, найдутся добрые люди, которые скажутъ, что въ словахъ моихъ сквозятъ сѣтованія литературнаго крѣпостника, жалѣющаго о блаженныхъ временахъ цензуры. Нисколько. Хотя довольно долго промышлялъ я дѣлами цензуры, хотя въ проѣздъ мой черезъ Берлинъ одна изъ нашихъ заграничныхъ непризнаваемыхъ (*méconnue*) знаменитостей, проходя мимо меня, и пробормотала про себя: „вотъ идетъ наша Русская цензура“, но я до цензуры не безусловный охотникъ. Не безусловный поклонникъ я и безусловныхъ льготъ свободной печати. Впрочемъ, желаю имъ здравствовать и процвѣтать, но съ тѣмъ, чтобъ этотъ цвѣтъ приносилъ зрѣлые и здоровые плоды. Не слѣдуетъ забывать, что льготы дарованная печати не всегда еще открываютъ путь истиннымъ успѣхамъ литературы. Бываетъ и такъ, что онѣ только развязываютъ руки самонадѣяннѣмъ посредственностямъ.

За границу получаю нѣсколько Русскихъ газетъ и журналовъ, но, признаюсь, мало читаю ихъ, а выписываю для очистки совѣсти. Жизнь такъ коротка, а мой остатокъ и такъ еще окороченъ, что берегу время свое на чтеніе болѣе полезное и пріятное. Можетъ быть, влѣдствіе того я и виноватъ предъ журналами и газетами нашими и пропускаю безсознательно многія сокровища, которая въ нихъ таятся. Но на ловца звѣрь бѣжитъ: какъ-то попадаю я чаще на слѣдъ краснаго звѣря политической или литературной безтактности, незнанія первыхъ элементарныхъ правилъ литературнаго благоприличія; скажемъ откровенно однимъ словомъ, на глушость или на безсовѣстную неправду.

Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣ есть въ литературѣ нашей почетныя личности, которыя уважаю и мнѣніемъ которыхъ дорожу. Вполнѣ признаю и цѣню ихъ судь, всегда готовъ совѣтоваться съ ними и покоряться совѣтамъ ихъ. Но не менѣе того, я какъ-то одинокъ въ современной литературѣ нашей. Нѣтъ уже прежнихъ спутниковъ моихъ, ровесниковъ, такъ сказать, единовѣрцевъ. Нѣтъ того полнаго сочувствія, которое развилось и окрѣпло на родной почвѣ товарищества, общихъ привычекъ, понятій, склонностей, направленій. Теперь, когда напишу что-нибудь, чѣмъ я самъ доволенъ и что кажется мнѣ удачно, не чувствую потребности, увлеченія прочесть сгоряча написанное мною друзьямъ моимъ. Этихъ друзей уже нѣтъ. Мнѣ, и радуясь собою, грустно радоваться одиноко. Не могу бѣжать къ Батюшкову, Жуковскому, Пушкину, чтобы подѣлиться съ ними свѣжимъ, только-что сорваннымъ съ вѣтки плодомъ моей мысли, моего вдохновенія. Оцѣнка ихъ была бы и моею окончательною оцѣнкою; одобреніе ихъ было бы освященіемъ моей радости. Это одиночество, можетъ быть, и есть поводъ къ нѣкоторому охлажденію къ этому себѣ, и, можетъ быть къ малому сочувствію, и часто равнодушію, къ тому, что у насъ пишется.

XI.

Выше было уже сказано, что я вообще писалъ не усидчиво, а болѣе урывками. Въ литературной жизни моей были только два періода довольно постоянной дѣятельности, а именно, когда я участвовалъ въ изданіи журнала *Телеграфъ* и когда писалъ біографію фонъ-Визина. Обѣ дѣятельности были почти случайныя. Одна обязана холерѣ, другая вотъ какимъ обстоятельствамъ. Полевой былъ въ то время еще литераторомъ *in partibus infidelium*. Едва ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ ему приписывали довольно бранное посланіе на имя мое, напечатанное въ *Вѣстникъ Европы*, въ отвѣтъ на мое извѣстное, и также не слишкомъ вѣжливое, посланіе къ Каченовскому. Какъ бы то ни было, Полевой со мною познакомился и бывалъ у меня по утрамъ. Однажды засталъ онъ у меня графа Михаила Вьельгорскаго. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Вьельгорскій спросилъ Полеваго, что онъ дѣлаетъ теперь.—Да покамѣстъ ничего,—отвѣчалъ онъ. Зачѣмъ не примитесь вы издавать журналъ? продолжалъ графъ. Тотъ благоразумно отнѣкивался за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скромный и застѣнчивъ. Вьельгорскій настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ на меня, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ предпріятіи его, и такъ далѣе;—дѣло было рѣшено. Вотъ какъ, въ кабинетѣ дома моего, въ Чернышевскомъ переулкѣ, за-

чато было дитя, которое послѣ надѣлало много шума на бѣломъ свѣтѣ. Я закабалить себя *Телеграфу*. Почти въ одно время закабалить себя Пушкинъ *Московскому Вѣстнику*. Но онъ скоро вышелъ изъ кабалы, а я втерся и въѣлся въ свою всѣми помышленіями и всѣмъ тѣломъ. Журнальная дѣятельность была по мнѣ. Пушкинъ и Мицкевичъ увѣрили, что я рожденъ памфлетѣромъ, открылось бы только поприще. Иная книжка *Телеграфа* была на половину наполнена мною, или матеріалами, которые сообщалъ я въ журналъ.

Журналъ удался: отъ него пахло новизною. Многое изъ напечатаннаго въ немъ входитъ нынѣ въ собраніе сочиненій моихъ. Но, вѣроятно, не все. За давностью не упомяну всего. Своихъ не познаше. Сначала медовые мѣсяцы сожитія моего съ Полевымъ шли благополучно, работа кипѣла. Не было недостатка въ досадѣ, зависти и брани прочихъ журналовъ. Все это было по мнѣ; все подстрекало, подбивало меня. Я стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изъ всѣхъ орудій, партизанлъ, наѣздничалъ и подъ собственнымъ именемъ, и подъ разными замѣтованными именами и буквами. *Журнальный сыщикъ* все ловилъ на легу. Потѣха, да и только! Но послѣ издатель началъ дѣлать попытки по своему усмотрѣнію: печаталъ статьи, изъяслялъ мнѣнія, которыя выходили совершенно въ разрѣзъ съ моими (прибавлю—не въ отношеніи политическомъ и либеральномъ,—нѣтъ, просто въ личномъ и чисто-литтературномъ). Мнѣ это не понравилось, и я отказался отъ сотрудничества. Впрочемъ, можетъ быть, и Полевой радъ былъ моему отказу. Журналъ довольно окрѣпъ, участія моего было уже не нужно, а между тѣмъ, по условію, долженъ былъ я получать половину чистой выручки. Журналисту и человѣку коммерческому легко было расчесть, что лучше не дѣлать барыша, а вполне оставить его за собою. Что же? Полевой былъ правъ, и я нисколько не виню его. Былъ правъ и я. Литтературная совѣтъ моя не уступчива, а щекотлива и брезглива. Не умѣетъ она мирволить и входить въ примирительныя сдѣлки. Жуковскій, а особенно Пушкинъ оказывали въ этомъ отношеніи болѣе снисходительности и терпимости. Я былъ и остался строгимъ пуританиномъ.

При переездѣ въ Петербургъ на житье принималъ я участіе въ *Литтературной Газетѣ* Дельвига, позднѣе въ *Современникѣ* Пушкина. Но дѣятельность моя тутъ и тамъ далека была отъ прежней моей телеграфической дѣятельности.

Надъ Москвою въ 1830 г. грянула холера. Передъ тѣмъ пріѣзжалъ я, или, говоря служебнымъ языкомъ, былъ откомандированъ въ Москву графомъ Канкринимъ для устройства первой промышленной выставки въ Москвѣ.

Появленіе холеры въ столицѣ застало меня въ подмосковной, въ селѣ Остафьевѣ. Часть семейства моего въ немъ жила. Нужно было, безъ отлагательства, рѣшиться на одну изъ двухъ предстоявшихъ мѣръ: остаться въ деревнѣ, или сейчасъ перебраться съ дѣтьми въ городъ. Черезъ нѣсколько часовъ Москва должна быть оцѣплена: по дорогамъ учреждены карантинны. Въ Москвѣ уже гнѣздилась болѣзнь: но въ ней были всѣ врачебныя пособія и удобства, чтобъ по возможности бороться съ нею. Въ деревнѣ ея не было, могла она и не быть. Но въ случаѣ вторженія мы были бы совершенно безоружны противъ врага. Отвѣтственность, лежавшая на мнѣ, какъ на отцѣ семейства, была тяжелая, и, признаюсь, не по силамъ моимъ. Вообще, я не человѣкъ скорыхъ и окончательныхъ рѣшеній. Въ борьбѣ съ жизнью я болѣе Фабій *Криктаторъ*, болѣе свойства выжидательнаго. Здѣсь же отвиливать, мѣшкать было нечего. Я рѣшился оставаться въ деревнѣ. Богъ меня надумалъ и благословилъ рѣшеніе мое. Первое время заточенія было тяжкое. Всегда ожидаю скорѣе худаго, нежели надѣюсь на хорошее. Мало по малу мы обжились въ своемъ карантинѣ. Для развлеченія моего, пришла мнѣ счастливая мысль. Давно задумалъ я заняться біографіею фонъ-Визина. Нѣсколько страницъ было уже написано; матеріаловъ подъ рукою было довольно. Вспомнилъ я о нихъ, принялся за работу, и она закипѣла. Подъ бокомъ у меня была бібліотека обширная, иностранная и Русская. Она была для меня богатою житницей. За работу принялся я не съ пустыми руками: пересмотрѣлъ, перебралъ, перечиталъ многіе десятки книгъ историческихъ и литературныхъ. Тутъ на опытъ убѣдился я въ пользѣ и правдивости ученія, что *все во всемъ* (tout est dans tout). Все въ мірѣ, часто незамѣтно, но болѣе или менѣе связывается и держится между собою. Ни въ физическомъ, ни въ нравственно-человѣческомъ мірозданіи нѣтъ пустыхъ мѣстъ. Все послѣдовательно и соотвѣтственно занято. Нерѣдко одно слово, одно имя, одно малѣйшее событіе можетъ васъ увлечь въ разнообразныя и далекія изысканія. Такъ было и со мною. Много историческихъ сочиненій перебралъ я по поводу фонъ-Визина: прочиталъ я, или пробѣжалъ почти всю старую Русскую словесность, между прочимъ едва ли не всего Сумарокова. Прочиталъ я даже болѣе половины многотомнаго собранія *Россійскаго Театра*. Подвигъ, сважу, Геркулесовскій, болѣе—Бенедиктинскій. Иногда изъ цѣлой книги извлекалъ я двѣ-три строки, два-три слова, нужныя мнѣ для одной повѣрки, для одной замѣтки. Тредьяковскій и Фридерикъ Великій, въ своихъ историческихъ запискахъ, были мнѣ равно полезны. По возможности, все писанное мною было обдуманно и проверено. Терпѣніе и трудъ мой были вознаграждаемы сознаніемъ, что поступаю добросовѣстно. Никогда

письменная работа, ни прежде, ни послѣ, не была для меня такъ увлекательна, какъ настоящая, на которую навела меня холера. Работалъ и писалъ я прилежно, усидчиво, по цѣлымъ часамъ до обѣда, вечеромъ за полночь.

Уже при послѣднихъ издыханіяхъ холеры навѣстилъ меня въ Остафьевѣ Пушкинъ. Разумѣется, не отпустилъ я его отъ себя безъ прочтенія всего написаннаго мною. Онъ слушалъ меня съ живымъ сочувствіемъ пріятели и судилъ о трудѣ моемъ съ авторитетомъ писателя опытнаго и критика меткаго, строгаго и свѣтлаго. Вообще болѣе хвалилъ онъ, нежели критиковалъ. Между прочимъ находилъ онъ, что я слишкомъ живо нападаю на фонъ-Визина за мнѣнія его о Французахъ, и слишкомъ горячо отстаиваю Французскихъ писателей. При всей просвѣщенной независимости ума Пушкина, въ немъ иногда пробивалась патріотическая щекотливость и ревность въ отношеніи суда его надъ чужестранными писателями. Этого чувства я не знаю. Какъ бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкинымъ, былъ для меня праздничнымъ днемъ. Скромный работникъ, получилъ я отъ мастера-хозяина одобреніе, то есть лучшую награду за свой трудъ.

Книга, написанная мною, долго пролежала у меня. Для полноты автобіографическаго очерка своего, скажу о ней еще нѣсколько словъ. Я уже замѣтилъ, что однажды написанное мною не что иное, какъ отрѣзанный ломоть. Оно уже не входитъ въ составъ жизни моей, не живая часть меня. Отпадшіе листы не принадлежатъ уже дереву, которое породило и вскормило ихъ. Вотъ что вывело фонъ-Визина моего на бѣлый свѣтъ. Въ отсутствія (иногда довольно продолжительныя) директоровъ, я управлялъ департаментомъ внѣшней торговли; при немъ издавалась *Коммерческая газета* и была типографія. По старому ремеслу обращалъ я на нихъ особенное вниманіе. Управляющій типографіею былъ человекъ знающій свое дѣло и усердный къ нему. Онъ часто просилъ меня дать ему что-нибудь моего на станки его. Я вспомнилъ о спящей царевнѣ своей, то-есть о рукописи, и отдалъ ее въ типографію. Фонъ-Визинъ былъ напечатанъ, помнится мнѣ, въ числѣ шести или восьми сотъ экземпляровъ. Отданы были они на руки книгопродавцамъ. Кажется, изданіе разошлось. На мою долю выручка пала, много сказать, экземпляровъ на сто, прочіе какъ-то улетучились. *Habent sua fata libelli*, особенно мои. Книга разошлась, но какъ-то молча. По крайней мѣрѣ не случалось мнѣ встрѣчать въ журналахъ общей оцѣнки ея, изслѣдованій по существу. Были однѣ случайныя отмѣтки о нѣкоторыхъ частностяхъ. Бывали изъ нея и замѣтованія, но тоже не гласныя: меня также обходили молча. А, казалось бы, книга открывала поле для критики мыслящей и дѣльной. Если не была

она литературное событіе, то все же была любопытная и довольно серьезная попытка. Впрочемъ, молчанію о ней были и свои законныя причины. Бранить книгу было какъ-то не ловко; брани мало поддавалась она. Не за что было ухватиться. Хвалить ее также не подобало. Въ это время литературныя фонды мои значительно попизились на журнальной биржѣ, и не мои одни; другіе капитальныя домъ, не то что моя фирма средней руки, были мало по малу подорваны, и довѣріе къ нимъ было поколеблено. Видите ли въ чемъ дѣло? Я тогда уже пересталъ слыть либераломъ, а по сознанію Бѣлинскаго, главнаго основателя, пророка и законодателя новаго вѣрованія, вся суть литературы заключается въ либерализмѣ. Мы, можетъ быть, по-своему и оставались либералами, но либерализмъ нашъ былъ стараго покроя. Нашъ заключался въ правилахъ и чувствахъ, а не въ жаргонѣ (*jargon*), то-есть не въ какомъ-то условномъ, искусственномъ, поддѣльномъ нарѣчій. Какъ бы то ни было, обо мнѣ молчали.

Одинъ Гоголь открыто подаль голосъ за меня, но и то не советмъ удачно, то-есть, не въ мѣру. Гоголь, хотя и Малороссъ, то-есть человекъ осторожный и себѣ на умѣ, бывалъ подь часть чистокровный Великороссъ, то-есть кидался въ крайности:

О Россѣ, о родъ великодушный,
О твердо-каменная грудь!

(*Державинъ*).

Мы любимъ идти на-проломъ и на-удалую. Запой есть не только особенно свойственная Русскому человѣку физическая болѣзнь, она и нравственная. Мы почти все дѣлаемъ запоемъ, и дурное, и хорошее. Проспавшиесь и отрезвившиесь, мы не отвѣчаемъ за сказанное и сдѣланное нами въ припадкѣ своемъ. Такъ обыкновенно судятъ и присяжные засѣдатели въ уголовныхъ дѣлахъ, предаваемыхъ сужденію ихъ.

Вотъ слова Гоголя: „Изъ поэтовъ времени Пушкина отдѣлился князь Вяземскій. Хотя онъ началъ писать гораздо прежде Пушкина, но такъ какъ его полное развитіе было при немъ, то упомянемъ о немъ здѣсь. Въ князѣ Вяземскомъ—противоположность Языкову. Сколько въ томъ поражаетъ ницета мыслей, столько въ этомъ обиліе ихъ. Стихъ употребленъ у него, какъ первое попавшееся орудіе: никакой наружной отдѣлки его, никакого также сосредоточенія и округленія мысли, затѣмъ чтобы выставить ее читателю, какъ драгоценность. Онъ не художникъ и не заботится обо всемъ этомъ. Его стихотворенія—импровизаціи, хотя для такихъ импровизацій нужно имѣть слишкомъ много всякихъ даровъ и слишкомъ приготовленную голову. Въ немъ собралось обиліе необыкновенное всѣхъ качествъ: наглядка, наблюдательность, неожиданность выводовъ, чувство, умъ, остроуміе, веселость

и даже грусть; каждое стихотвореніе его—пестрый фараонъ всего вмѣстѣ. Онъ не поэтъ по образованію: судьба, надѣливши его всѣми дарами, дала ему какъ бы въ придачу талантъ поэта, затѣмъ чтобы составить изъ него что-то полное. Въ его книгѣ, *Біографія фонъ-Визина*, обнаружилось еще виднѣе обиліе всѣхъ даровъ, въ немъ заключенныхъ. Тамъ слышенъ въ одно и тоже время политикъ, философъ, тонкій оцѣнщикъ и критикъ, положительный государственный человѣкъ и даже опытный вѣдатель практической стороны жизни, словомъ—всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокой историкъ въ значеніи вышемъ, и еслибы такимъ же перомъ, какимъ начертана біографія фонъ-Визина, написано было все царствованіе Екатерины, то можно сказать почти навѣрно, что подобнаго по достоинству историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа. Но отсутствіе большаго и полного труда есть болѣзнь князя Вяземскаго, и это слышится въ самыхъ его стихотвореніяхъ. Въ нихъ замѣтно отсутствіе внутренняго гармоническаго согласованія въ частяхъ, слышенъ разладъ: слово не сочеталось со словомъ, стихъ со стихомъ; возлѣ крѣпкаго и твердаго стиха, какаго нѣтъ ни у одного поэта, помѣщается другой, ничѣмъ на него не похожий; то вдругъ зацементъ онъ чѣмъ-то вырваннымъ живьемъ изъ самаго сердца, то вдругъ оттолкнетъ отъ себя звукомъ, почти чуждымъ сердцу; слышна несобранность въ себя, неполная жизнь своими силами; слышится на днѣ всего что-то придавленное и угнетенное. Участь человѣка, одареннаго способностями разнообразными и очутившагося безъ такого дѣла, которое бы заняло все до единой его способности, тяжелѣе участи послѣдняго бѣдняка. Только тотъ трудъ, который заставляетъ цѣликомъ всего человѣка обратиться къ себѣ и уйти въ себя, есть нашъ избавитель. На немъ только, какъ говорить поэтъ:

Душа стремится, крѣпнеть воли,
И наша собственная доля
Опредѣляется виднѣй“.

(Полн. собр. сочин. П. В. Гоголя. Москва. 1862, III, стр. 459—461).

Уфъ! Задыхаюсь и изнемогаю и отъ похвалъ, которыя нагромоздилъ на меня Гоголь, и отъ протяжности періода, въ которомъ онъ, однимъ духомъ, сколотилъ все эти похвалы. Вотъ куда слѣдовали бы точки и двоеточія, которыхъ требовалъ отъ меня Дмитріевъ. Выпискою нашею хотѣли мы указать на преувеличеніе, которымъ увлекался авторъ. Мы сердечно благодарны ему за лестный отзывъ его обо мнѣ и о трудѣ моемъ. Если сбавить и на половину все то, что имъ сказано, то и тогда еще будетъ съ меня избыточно довольно. Но разберемъ критически эти похвалы.

Во-первыхъ, какую можно опредѣлить равномѣрность между біографіею частнаго челоука и исторіею долгаго и славнаго царствованія великой Государыни?

Во-вторыхъ, положимъ, что исторія, написанная мною, была бы удовлетворительна, почему ничего *подобнаго, по достоинству, историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа?* Вотъ здѣсь наталкиваемся мы на Великороссійское самохвальство. Обыкновенно, въ смиреніи мы тише воды, ниже травы; въ высокомѣрїи мы выше кедр Ливанскаго.

Писать исторію, даже романъ, мнѣ никогда въ голову не приходило. Однажды, по кончинѣ Пушкина, императоръ Николай, въ благоволительномъ разговорѣ со мною, спросилъ меня: не возьмусь ли я продолжать трудъ Пушкина относительно исторіи Петра Великаго? Съ благодарностію, но и съ сознаниемъ способностей и недостатковъ своихъ, отклонилъ я милостивое и лестное предложеніе.

Въ томъ же мѣстѣ, Гоголь послѣ большихъ похвалъ не скупится и на укоризны. Между прочимъ говоритъ онъ: „отсутствіе большого и полнаго труда есть болѣзнь князя Вяземскаго“. Съ этимъ приговоромъ я совершенно согласенъ, но съ оговоркою. Полно, *болѣзнь* ли это?—развѣ недостатокъ. И когда сей недостатокъ сознаваемъ самимъ челоукомъ и, глядя на другихъ, не затѣваетъ онъ труда выше силъ своихъ, то эта мнимая *болѣзнь* есть, напротивъ, признакъ *здоровья*, а *недостатокъ* есть сила *здравомыслія*. Лучше казаться больнымъ, а быть здоровымъ, нежели казаться здоровымъ, а на дѣлѣ оказаться больнымъ.

XII.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ изданіи всего написаннаго мною въ прозѣ. О стихотвореніяхъ рѣчь впереди. Первый вопросъ заключается въ томъ: всего ли меня печатать, или только выборку изъ меня? Съ своей стороны я болѣе держался послѣдняго соображенія. Но благопріятели мои, которые приняли на себя трудъ собрать воедино разбросанное стадо мое, порѣшили иначе. Покоряюсь волѣ ихъ. Изданіе нѣкоторыхъ стихотвореній моихъ подъ названіемъ „Въ дорогѣ и дома“ совершилось также безъ прямаго или исключительнаго участія моего. Оно составлено по почину и главному распоряженію покойнаго Лонгинова. Я былъ тогда за границею, по болѣзни моей, и признаюсь, оставался довольно равнодушенъ къ пеходу этого предпріятія. Вполнѣ благодаренъ я ему за трудъ, добросовѣтно и съ умѣніемъ имъ исполненный: но скажу откровенно, что я не совершенно согласенъ съ нимъ относительно выбора его изъ моихъ стихотвореній. Инаго не внесъ бы я въ избранное собраніе, другое, какъ, напримѣръ (исчисляю ихъ

по памяти): *Уныніе*, *Первый снѣгъ*, *Посланіе къ Денису Давыдову* и нѣкоторыя другія стихотворенія, по сочувствію моему, имѣли бы болѣе права на перепечатаніе, нежели другія, попавшіяся въ книгу.

О нынѣшнихъ добродѣющихъ издателяхъ моихъ скажу, что они, можетъ, быть и правы, издавая и предавая меня на судъ читателей цѣликомъ. Литтературная жизнь писателя есть также своего рода жизнь человѣка. „Еже писахъ, писахъ“: что прожилъ, то прожилъ. Выходи на этотъ судъ, каковъ ты ни есть. Судья, то-есть читатель и критикъ, присудятъ сами, что должно тутъ пойти на правую сторону, что ошую; я же тутъ при рѣшеніи суда и приговорѣ остаюсь ни при чемъ. Впрочемъ, меня будутъ судить заднимъ числомъ, по большей части не меня настоящаго, а меня нѣкогда бывшаго. Со всѣмъ тѣмъ скажу откровенно и безъ лицепріятія, что собраніе сочиненій моихъ имѣетъ нѣкоторое законное основаніе, *sa raison d'être*. Я все-таки, хорошо или худо, былъ человѣкомъ литтературнымъ, ничего изъ человѣчески-литтературнаго не было мнѣ чуждо. Изъ классическаго образованія своего помню изреченіе: *Nonno sum...*

Насъ на Руси немного. Пробѣловъ оставлять не подобаетъ. Какъ уже сказалъ я: въ природѣ пустыхъ мѣстъ нѣтъ, и все во всемъ, слѣдовательно есть мѣсто и мнѣ.

Кажется, довольно откровенно говорилъ я о своихъ писательскихъ недостаткахъ. Да позволено мнѣ будетъ быть присяжнымъ стряпчимъ за себя и выставить то, что признаю добрыми качествами своими.

Начну съ того, что отыскиваю въ себѣ собственное, коренное, родовое; ничего не перенималъ я, никому работѣнно не слѣдовалъ. Скажу съ Французомъ: рюмка моя маленькая, но пью изъ своей рюмки, а что рюмка моя не порожняя, тому свидѣтель Пушкинъ. Онъ гдѣ-то сказалъ, что я одинъ изъ тѣхъ, которые охотнѣе вызываютъ его на споръ. Слѣдовательно, есть во мнѣ чѣмъ отспориваться. Пушкинъ не наткнулся бы на пустое. Споры наши бывали большою частью литтературныя. Въ политическихъ вопросахъ мы вообще сходились; развѣ бывало иногда разномысліе въ такъ-называемыхъ чисто-Русскихъ вопросахъ. Онъ хотя вовсе не Славянофилъ, примыкалъ нерѣдко къ понятіямъ, сочувствіямъ, умозрѣніямъ, особенно отвращеніямъ замкнутой въ самой себѣ Россіи; я вообще держался понятій международныхъ, узаконившихся у насъ влѣдствіе преобразования древней Россіи въ новую, совершившагося по почину и богатырской волѣ и силѣ Петра. И мнѣ иногда хотѣлось сказать Пушкину съ Александромъ Тургеневымъ: „да съѣзди, голубчикъ, хоть въ Любекъ“.

Есть у меня свойство, которое можно назвать погрѣшностью, но можно назвать его и избыткомъ. Я держусь послѣдняго опредѣленія.

Въ статьяхъ моихъ, вообще во всемъ, что пишу, встрѣчается много вводныхъ подробностей, отступленій отъ прямого текста, замѣчается какая-то штучная, наборная, нерѣдко мозаическая работа. Я какъ будто боюсь не успѣть другой разъ высказать все, что у меня на умѣ: не вѣрую въ завтрашній день и спѣшу сегодня же высыпать весь мой мѣшокъ. Это, разумѣется, вредитъ общему построенію и единству изложенія моего, но за то оно придаетъ сытность содержанію. Кормлю гостя моего разнородностью пищи, по крайней мѣрѣ не держу его на сухоядѣніи.

Позволяю себѣ неологизмы, то есть прибавленія къ словарю Россійской Академіи; но по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, вольности мои не произвольны, а вытекаютъ обыкновенно изъ самаго состава и наказа языка. Напримѣръ—и за примѣромъ идти не далеко—за нѣсколько строкъ предъ симъ употребилъ я слово *сытность*, котораго нѣтъ въ нашихъ словаряхъ, даже у Даля, а этому слову слѣдуетъ быть, потому что есть слово *сытный*. *Сытность* имѣеть другое значеніе: *сытность* можетъ произвести *сытность*—то-есть что-то въ родѣ пресыщенія. Я полагаю, что почти всѣ прилагательныя наши могутъ быть преобразуемы въ существительныя нарицательныя. Почему изъ слова *прекрасное* не сдѣлать намъ слово *прекрасность*, какъ мы изъ *будущее* вывели *будущность*? *Прекрасность* выражаетъ свойство красоты. И такъ далѣе. Есть *неологизмы* и *чужесловія*, которыя просятся въ нашъ языкъ. Смѣшно, изъ какого-то педантизма или патріотизма, не оказывать имъ гостепріимства; мы все полагаемъ, что нашъ языкъ очень богатъ;—согласенъ, но во многомъ онъ и очень бѣденъ. Разумѣется, хозяину должно умѣть выбирать гостей своихъ, а не растворять дверей настежь предъ всякимъ сбродомъ, какъ то бываетъ часто у нашихъ писателей.

Умъ мой былъ воспитанъ и образованъ во Французской школѣ. Я учился и другимъ иностраннымъ языкамъ, занимался по временамъ Нѣмецкою, Англійскою, Италіянскою литературою, но все это были, болѣе или менѣе, случайныя знакомства. Связь моя укрѣпилась съ одною Французскою литературою, особенно минувшаго столѣтія. Это, кажется, сильно отозвалось во мнѣ. Вообще я не полиглотъ, не Мезофантисъ (съ которымъ былъ я знакомъ въ Римѣ и который писалъ мнѣ Русскіе стихи). Но при всемъ моемъ Французскомъ отпечаткѣ, сохранилъ или пріобрѣлъ я много и Русскаго закала. Простонародныя слова и выраженія попадались мнѣ подъ перо, и нерѣдко, кажется, довольно удачно. Впрочемъ, за простонародьемъ никогда и не гонялся, никогда не искалъ я образовать школу изъ него. Эготъ Русскій ключъ, который пробивался во мнѣ изъ-подъ Французской насыпи, можетъ быть, родо-

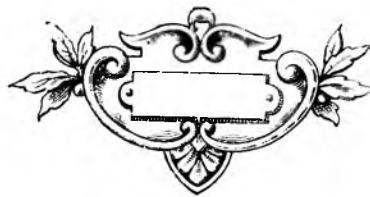
вой, наслѣдственной. Родитель мой также былъ питомцемъ и представителемъ Французской образованности. Между тѣмъ, Жуковскій говорилъ мнѣ, что онъ всегда удивлялся ловкости и сноровкѣ, съ которою въ разговорѣ переводилъ онъ на Русскую рѣчь мысль, видимымъ образомъ, сложившуюся въ умѣ его по-французски. Впрочемъ, я много прочелъ Русскихъ книгъ. Когда Жуковскій готовилъ изданіе *Образцовыхъ сочиненій*, я много помогалъ ему и перерылъ цѣлую кнпу Русскихъ книгъ, особенно стараго времени, если не древнихъ. Но, кажется, и въ самомъ умѣ моемъ есть какой-то Русскій сгибъ и складъ. Эта смѣсь Французскаго съ Нижегородскимъ, надъ которою смѣялся Чацкій, имѣеть, можетъ быть, свою и хорошую сторону.

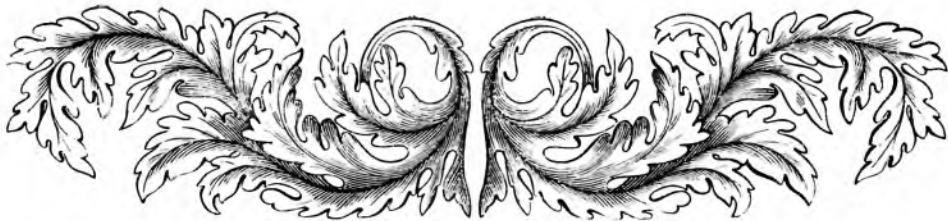
Говоря выше о своихъ занятіяхъ филологическихъ, забылъ я сказать, что въ разныя времена первой молодости моей изучалъ я и Латинскій языкъ и Римскую литературу, особенно Овидія и Горация. Въ старыхъ бумагахъ моихъ отыскиваю цѣлыя страницы, исписанныя мною на Латинскомъ языкѣ. Но латынь не далась мнѣ, не укрѣпилась за мною, какъ вообще не укрѣпляется она за нами, Русскими. У насъ нѣтъ ни исторической, ни народной почвы для латынства. Въ насъ на Сѣверѣ нѣтъ ничего Латинскаго, ничего того, что людямъ прирождено на Западѣ и на Югѣ. Разумѣется, не протестую противъ изученія классическихъ языковъ; хочу только примѣромъ своимъ отмѣтить, что, за весьма рѣдкими исключеніями, ученіе это легко испаряется изъ насъ, потому что оно мало примѣнимо къ дѣйствительности. Впрочемъ, былъ такой случай, что меня всенародно провозгласили и классикомъ. Расскажу его, въ надеждѣ, что онъ позабавитъ нѣкоторыхъ читателей, утомившихся моими частыми отступленіями. Однажды пріѣхалъ я въ свою Костромскую вотчину, въ извѣстное въ краю торговое и промышленное село Красное. Въ Воскресенье, по совершеніи обѣдни, священникъ сказалъ мнѣ въ церкви привѣтственную рѣчь. Говорилъ онъ съ жаромъ, народъ слушалъ съ благоговѣніемъ. Выхваляя мои гражданскія и помѣщичьи доблести, продолжалъ онъ, указывая на меня: „Вы не знаете еще какого барина Богъ вамъ далъ; такъ знайте же, православные братья: онъ Русскій Гораций, Русскій Марціалъ!“ При каждомъ изъ этихъ именъ, народъ отвѣщивалъ мнѣ низкіе поклоны и чуть ли не совершалъ знаменія креста. Можно себѣ представить, каково было слушать мнѣ и какую рожу дѣлалъ я при этой выставкѣ и пыткѣ.

Подъ конецъ—маленькая исповѣдь: перечитавъ написанное мною выше, вижу, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отзываюсь и сужу я иногда довольно и, можетъ быть, излишне рѣзко. Сознаюсь и каюсь. Каюсь-то каюсь, но не исправляюсь. Такъ бываетъ и со многими покаяніями.

Настоящая статья, какъ уже сказано, есть что-то въ родѣ отчета за минувшее мое: родъ предсмертнаго духовнаго завѣщанія. Предъ смертію лукавить грѣшно и смѣшно: ни въ мѣшкѣ, ни въ могилѣ шила не утаишь. Умолчанія и упущенія здѣсь неумѣстны: не хочу казаться хуже, чѣмъ я есмь, но не хочу казаться и лучше; также не желаю никого оскорбить, но не желаю и задобривать. Человѣкъ, хотя нѣсколько принадлежащій общественной дѣятельности на томъ или другомъ поприщѣ, подлежитъ съ своими хорошими и худыми качествами общественному суду: онъ его достоиніе и собственность. До поры и до времени не каждый въ правѣ, не каждый имѣеть уполномочіе касаться до этой собственности. Но самому можно распорядиться собственностью своею, распорядиться самимъ собою.

Былъ у меня пріятель, даже другъ: остались мы друзьями до конца; нынѣ уже нѣтъ его на свѣтѣ. Онъ жилъ за границею. Императоръ Николай бывалъ иногда недоволенъ грѣхами языка моего, и давалъ мнѣ это чувствовать. Пріятель мой зналъ это; между тѣмъ портретъ мой висѣлъ въ кабинетѣ его, который Государь долженъ былъ занять въ одну изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ. Какъ тутъ быть? Оставить ли обличительный портретъ какъ онъ есть, или, для бѣльшей осторожности, снять его на время со стѣны? Наконецъ, храбро и великодушно рѣшился онъ на первое. Позднѣ говорилъ онъ женѣ моей, что хотѣлъ оказать себя предъ Государемъ въ полной обстановкѣ своей, и выгодной. и неблагопріятной. Подобно и я: оставляю на стѣнѣ портретъ мой, во весь ростъ; ничего не утаиваю изъ него, ничего въ немъ не поправляю. Какъ я есмь, какъ онъ есть, такъ и будетъ онъ друзьямъ и благовопителямъ на память, другимъ на судъ и порицаніе.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ВОЛЬФГАНГА ГЁТЕ.

(Aus Goethes Tagebüchern, ausgewählt und eingeleitet von Hans Gerhadt Gräf. Erschienen im Insel-Verlag zu Leipzig. 1908 г. Малая 8-ка, XVIII и 270 стр. со снимкомъ почерка).

Книга эта любезно прислана въ „Русскій Архивъ“ изъ Лены Леонардомъ Маскалемъ, трудолюбивымъ Американцемъ, участникомъ работъ по изданію въ свѣтъ наиполнѣйшаго собранія всего писаннаго великимъ гениемъ Германіи. Крохоборствомъ біографическихъ разысканій развѣчивается величіе челоуѣка; оно любопытно, но опасно. Книга не оправдала нашихъ ожиданій. Во первыхъ, въ дневникахъ своихъ Гёте писалъ такимъ тяжелымъ языкомъ, который я съ трудомъ понимаю, хотя на вѣку своемъ много читалъ понѣмецки и перевелъ съ Нѣмецкаго нѣсколько книгъ: тутъ нѣтъ ничего похожаго на прекрасную прозу въ „Вертерѣ“ и въ „Правдѣ и Вымыслѣ“, а выступаетъ жестоковѣдность (Schwerfälligkeit), отъ которой современные намъ Нѣмцы освобождаются, къ общему удовольствію. Во вторыхъ, мелочность великаго челоуѣка просто обидна для его почитателей: Гёте отмѣчаетъ, напримѣръ, что давалъ ключи отъ дровяного сарая и что ему ихъ возвратили, что приказалъ убрать заднія свои комнаты и т. п. Въ третьихъ, о Россіи и Русскихъ нашли мы очень мало. А помнить о насъ подобало бы великому челоуѣку. Онъ былъ, если не участникомъ, то свидѣтелемъ освобожденія Германіи отъ Наполеонова ига, которому она такъ легко подчинилась. Онъ прожилъ большую часть жизни въ Веймарѣ, гдѣ чуть ли не на каждомъ шагу проявлялись щедроты Россіи. Покойный протоіерей Сабининъ, когда при немъ осуждали супругу императора Николая Павловича за ея заграничныя траты, замѣчалъ, что траты эти ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что истратила его мать на одинъ Веймаръ, въ которомъ лучшія зданія воздвиглись на высланныя ею деньги. Напомнимъ еще, что Гёте получалъ изъ Москвы, съ Большой Никитской, значительную плату отъ графа Орлова, взявшись наблюдать, какъ шло въ Іенѣ обученіе его внука, графа Виктора Никитича Панина. Жуковский въ 1827 году былъ у Гёте и остался отъ него въ восторгѣ. Гёте, конечно, благоволилъ къ нему и позднѣе спрашивалъ А. И. Кошелева, каково Жуковскому при нашемъ дворѣ (wie ist die Hoflage des Herrn Statsrath Joukowsky). О Пушкинѣ Гёте могъ слышаться отъ герцогини Веймарской Маріи Павловны, которая любила Русскій языкъ и Русскую поэзію и воспитала своего сына такъ, что про него мнѣ писали изъ Веймара: не знаю, гдѣ въ немъ кончается Нѣмецъ и гдѣ начинается Русскій. Вѣроятно по ея внушенію Гёте оказалъ Пушкину знакъ вниманія: онъ послалъ

ему въ подарокъ перо свое (Напцокинъ мнѣ сказывалъ, что видѣлъ у Пушкина на его рабочемъ столѣ это перо въ особомъ футлярѣ (Гдѣ это перо теперь?) Кстати о высокомеріи въ 1859 году, когда Нѣмцы праздновали столѣтіе со дня рожденія Шиллера, Московское Общество Любителей Русской словесности, вопреки отсовѣтыванію К. С. Аксакова, послало въ Веймаръ свое привѣтствіе. Въ отвѣтѣ выражено желаніе, чтобы и для Русскихъ народился Шиллеръ (damit auch den Russen ein Schiller werde). Дождались! воскликнуть К. С. Аксаковъ. Что именно зналъ Гёте изъ произведеній Пушкина (въ Нѣмецкой передачѣ которыхъ участвовала К. К. Павлова) не знаемъ. Извѣстно, что по широтѣ своихъ воззрѣній онъ цѣнилъ поэзію Сербскихъ народныхъ пѣсень, указывалъ на художественное значеніе нашей иконописи и въ Римскихъ письмахъ своихъ отдавалъ предпочтеніе нашему богослуженію передъ католическимъ.

Приводимъ изъ Лейпцигской книжки тѣ мѣста, въ которыхъ Гёте упоминаетъ о Россіи и о Русскихъ.

1806 г. 5-ое Юля. Карлсбадъ. „Князь Путятинъ¹⁾ увѣрялъ насъ, что, будь онъ на мѣстѣ Господа и имѣя возможность предвидѣть появленіе чего либо подобнаго Шиллеровскимъ „Разбойникамъ“, онъ не сотворилъ бы міра!“ 20 лѣтъ спустя, Гёте передавалъ тоже самое Экерману.

1806 г. 14 Юля Карлсбадъ. Про графа Головкина: „Не покой, а только сидячее нетерпѣніе“²⁾.

1806. 29 Юля, Карлсбадъ. Мейеръ, купецъ изъ Вѣны, продаетъ книгинѣ (sic) Нарышкиной много товару, но требуетъ, чтобъ платежъ былъ кредитными билетами; а она заплатила ему часть золотомъ, часть серебромъ, по старому курсу, и извинялась, что не все золотомъ платитъ. Дешевизною его цѣль она осталась очень довольна“. Гёте въ письмѣ къ г-жѣ фонъ Штейнъ, отъ 21 Юля 1806 г., говоритъ: „Въ числѣ послѣднихъ прѣѣзжихъ—красавица княгиня Нарышкина, могущая служить доказательствомъ, что у Александра I-го вкусъ не плохъ“.

1807 г. Юля 13. Карлсбадъ. „Подъ вечеръ г-нъ фонъ Моренгеймъ³⁾, секретарь Русскаго посольства, принесъ мнѣ Клайтовскаго Амфитріона, изданіе Адама Мюллера“.

1807 г. 20 Августъ, Карлсбадъ. Одинъ Полякъ изъ Галиціи жаловался на претерпѣваемое ими отъ безтолковщины и произвола начальствующихъ лицъ въ округахъ. Онъ объясняетъ это, главнымъ образомъ, ихъ незнаемъ мѣстнаго языка и странъ. Вошло ужъ въ поговорку,

¹⁾ Этотъ князь постоянно жилъ въ Веймарѣ съ супругою графа Я. Е. Сиверса (которая въ 1780 г. произвела на свѣтъ въ Ревелѣ отъ князя А. И. Вяземскаго Екатерину Андреевну Карамзину). П. Б.

²⁾ Вѣроятно отзывъ этотъ относится къ графу Федору Головкину, оставившему любопытныя Записки. П. Б.

³⁾ Отецъ извѣстнаго нашего посла въ Парижѣ. П. Б.

что въ Русской Польшѣ живется какъ въ раю, въ Прусской—какъ въ чистилищѣ, а въ Австрійской—какъ въ аду“.

1810 г. 28-аю Мая. Карлсбадъ. „Кавалеръ О-Гара уморительно рассказывалъ, какъ Русскій священникъ, водившій его въ Кіевъ по пещерамъ, принялъ его за Магометанина, потому что онъ крестился съ права на лѣво, а не наоборотъ, передъ гробницами святыхъ“.

1812 г. 29 Сентября. Веймаръ. Извѣстіе о занятіи Москвы.

1814 Апрель 9. Веймаръ. Извѣстіе о взятіи Парижа. Цѣлый день радостная пальба.

1817 г. Апрель 15-ю. Гена. „*Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe*“ par Alex. de Stourdsa, считаю книгой большого значенія и хорошо написанной, такъ удивительно появляющейся въ годъ реставраціи и затрогивающей католичество, въ его еще уязвимыхъ мѣстахъ, сильнѣе чѣмъ сами протестанты. Послѣдніе утверждаютъ, что они вернулись къ простотѣ церкви первыхъ временъ; Греки же говорятъ, что они всегда въ ней пребывали, что и опровергаетъ притязанія католиковъ на преимущества давности въ этомъ отношеніи. Сочиненіе А Стурдзы появилось въ 1816 г. въ Веймарѣ“.

1823 г. 22 Окт. Веймаръ. „Нота лорда Странгфорда Портъ. Такая же отъ графа Нессельроде къ Русскимъ посланникамъ. Первая столь рѣзкая и твердая; вторая столь пріятна и мягка, какъ только бываютъ одни дипломатическія сообщенія“.

1823 г. 10-ю Ноября. Веймаръ. „Въ числѣ посѣтителей былъ графъ Владимиръ Мусинъ-Пушкинъ. Его задержалъ дождь, и я его занималъ моимъ собраніемъ картинъ и гравюръ Болоньской школы, чѣмъ и вознаградилъ его, въ нѣкоторой степени“.

1825 г. 1 Октября. Веймаръ. „Посѣтилъ меня Швердгебурмъ и показалъ портретъ молодого князя Менцеракаго“.

1825 г. 29 Окт. Веймаръ. „Посѣщеніе молодою велико-герцогскою четою. О впечатлѣніи на принцессъ Августу и Марію, вынесенномъ послѣ ихъ пребыванія въ Петербургѣ“.

1831 г. Сентября 12. Веймаръ. „Извѣстіе о проигранномъ дѣлѣ Поляковъ произвело сильное впечатлѣніе“.

1831 г. 24 Марта. Веймаръ¹⁾. „Въ 12 ч. была Ея Императорское Высочество. Очень доволенъ преуспѣяніемъ всѣхъ основанныхъ ею учреждений, на которыя, безъ сомнѣнія, идутъ большія суммы. Приходится все больше и больше удивляться этой замѣчательной женщиной, постоянно стремящейся вводить полезное, близко слѣдящей за каждымъ въ отдѣльности, черезъ что все зависитъ собственно отъ нея“.

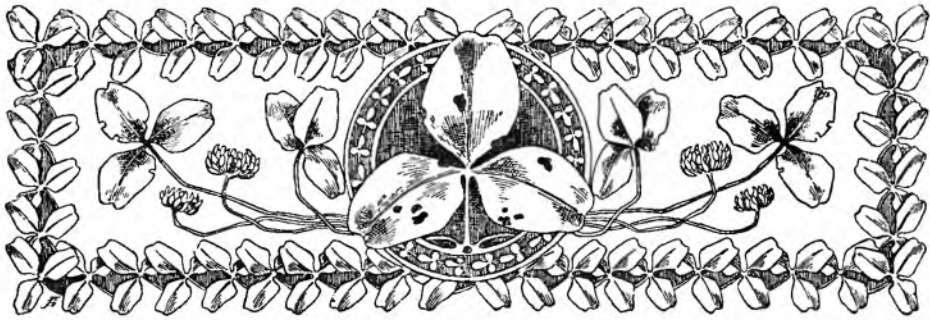
¹⁾ Гёте почти до конца велъ свой дневникъ: онъ умеръ въ 1832 году. Е. А. Баратынскій и О. П. Тютчевъ почтили его кончину прекрасными стихами. П. Б.

Императоръ Александръ Николаевичъ и Французская императрица Евгенія.

Въ приложеніи къ „Новому Времени“ № 12659-й отъ 11 Юля 1911 года, помѣщена статья подъ заглавіемъ „Императрица Евгенія предъ судомъ Исторіи“. Тутъ выставлено политическое ея достоинство, какъ въ царствованіе ея мужа, такъ и въ дни его гибели. Значеніе его было такъ велико у насъ, что, когда его посоль при нашемъ дворѣ выразилъ желаніе повидать Москву, то нашъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгорукій заказалъ А. А. Гатцуку особый для него путеводитель, который и былъ напечатанъ подъ заглавіемъ Guide de Moscou. и въ немъ, по приказанію князя, не сказано ни слова о 1812 годѣ. Тотъ же посоль въ Петербургѣ захотѣлъ послушать, какъ аббатъ Гетѣ въ день Рождества Христова въ 1869 году служилъ въ церкви Св. Синода всю нашу обѣдню на Французскомъ языкѣ. Выслушавъ и Филаретову благодарственную молитву за избавленіе отъ Французовъ, посоль пришелъ въ негодованіе и поѣхалъ въ Зимній дворецъ жаловаться Государю, который (какъ слышалъ я отъ графа Д. А. Толстого) приказалъ во всѣхъ церквахъ и по всей Россіи перепечатать это молебствіе съ опущеніемъ негодныхъ послу мѣстъ, гдѣ намекается о вліяніи Французовъ на наши права. Это, кажется, побольше нежели петербѣливое подбѣганіе Александра Навловича къ окну Зимняго Дворца, въ ожиданіи того, какъ завидитъ онъ нышнюю карету Коленкура.

Александръ Николаевичъ видѣлся съ Наполеономъ III-мъ въ 60-хъ годахъ, когда тотъ просилъ у него содѣйствія на случай войны съ Австрією и предлагалъ присоединить къ Россіи Галицію. Весною 1865 года Русскія сердца стремились въ Ниццу, гдѣ скончался прекрасный Наслѣдникъ Цесаревичъ. Это горе было забыто, и въ 1867 году нашъ Государь поѣхалъ на Парижскую выставку, подъ выстрѣлъ Березовскаго. Тутъ-то императрица Евгенія вызвала въ немъ сердечную къ себѣ признательность. По свидѣтельству очевидца, только что Государь, послѣ неудавшагося покушенія, возвратился къ себѣ во дворецъ Елизе-Бурбонъ и не успѣлъ еще переодѣться, какъ къ нему ворвалась пріѣхавшая въ извозничьей каретѣ императрица Евгенія и въ горячихъ выраженіяхъ выразила ему радость о его спасеніи. Этимъ объясняется, почему, нѣсколько лѣтъ спустя, пріѣхавъ въ Англію къ дочери своей герцогинѣ Единбургской, Александръ Николаевичъ счелъ своимъ долгомъ навѣстить въ Чизельгѣрстѣ бывшую императрицу, тогда уже вдову. Государь вѣроятно помнилъ и то, что осенью 1860 года, когда мать его возвращалась въ Россію изъ предсмертной заграничной поѣздки своей, императрица Евгенія выѣзжала привѣтствовать ее на границу Франціи. П. Б.

РУССКІЯ ЦЕРКВИ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Берлинскій Братскій „Временникъ“. Православныя церкви и Русскія учрежденія за границею (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Протоіерея А. П. Мальцева. Берлинъ. 1911 г.

Подъ этимъ заглавіемъ Берлинское Князе-Владимирское Братство выпустило свой „Временникъ“ въ качествѣ продолженія „Ежегодника“, вышедшаго въ 1906 году.

„Временникъ“ состоитъ изъ двухъ частей: 1-я часть, на ряду съ матеріалами общаго содержанія (перечень духовныхъ миссій въ Америкѣ и Азій, исторія учрежденія, уставъ и вѣдомости суммъ Братства, перечень Императорскихъ Россійскихъ посольствъ и миссій за границей) содержитъ обзоръ Русскихъ церквей въ Австро-Венгріи и Германіи; 2-я—исторію Стокгольмской церкви и ея причта. Если матеріалы общаго содержанія имѣютъ практическую важность для заграничнаго духовенства, то историческій обзоръ церквей въ Австріи, Германіи и Швеціи имѣетъ общую теоретическую цѣнность и заслуживаетъ большаго вниманія. Очерки составлены умѣлыми руками, на основаніи громадной какъ Русской, такъ и иностранной литературы, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ документовъ. Это счастливое сочетаніе дѣлаетъ очерки въ высокой степени авторитетными.

Исторія Вѣнской церкви изложена въ связи съ исторіею дипломатическихъ сношеній Русскаго двора съ Цесарскимъ. Здѣсь особенно выдѣлено имя Резидента Л. Ланчипсаго, съ которымъ „связано до извѣстной степени, если не основаніе, то во всякомъ случаѣ поддержаніе православной церкви въ Вѣнѣ“ (Греческой, 1739 г.). Собственно посольская церковь начинается свою исторію съ 1764 года, со времени

графа Чернышева¹⁾. Изъ священниковъ промежуточнаго времени (съ 1739 по 1764 г.) авторъ отмѣчаетъ имя Серба Михаила Вани, принимавшаго вмѣстѣ съ полковникомъ Вишневскимъ участіе „въ извѣстномъ Сербскомъ дѣлѣ“²⁾. Біографіи настоятелей съ 1842 г. сопровождаются подробнымъ перечнемъ ихъ литературныхъ трудовъ. Любопытны найденныя протоіереемъ Мальцевымъ указанія на командировки въ XVIII в. къ посольству учителей „для обученія Славянскихъ народовъ“. Изъ провинціальныхъ церквей въ Австро-Венгріи интересны Триэстская, на кладбищѣ которой похороненъ Босно-сараевскій митрополитъ Амвросій, извѣстный въ исторіи Бѣлокриницкой іерархіи, и бывшая Токайская, при которой, въ качествѣ церковника, нѣкоторое время служилъ знаменитый Г. С. Сковорода. Трогательными воспоминаніями о былой церковной связи проникнутъ отдѣлъ, посвященный православнымъ церквамъ въ Чехіи.

Церковь при Берлинскомъ посольствѣ отчетливо упоминается впервые въ 1718 году, спустя болѣе двухсотъ лѣтъ послѣ открытія дипломатическихъ сношеній между нашимъ и Прусскимъ правительствами. Но на первыхъ порахъ ея существованіе не было впрочемъ: въ теченіе почти ста лѣтъ она была закрываема четыре раза и въ послѣдній разъ открыта въ 1813 году. Параллельно съ ея исторіей излагается исторія двухъ ближайшихъ Русскихъ приходоу: Потсдамскаго и Александровскаго. Первый образовался изъ солдатъ-великановъ, подаренныхъ Петромъ Великимъ Фридриху Вильгельму I-му въ числѣ 259 человекъ; второй—изъ 21 солдата-пѣсенника, также подаренныхъ Александромъ I Фридриху Вильгельму III. Въ исторіи Потсдамскаго прихода, существовавшаго съ 1733 по 1809 г., слѣдуетъ упомянуть о случаѣ, когда въ 1765 году просвѣщенный Фридрихъ II, конфисковалъ Православную церковь, кощунственно превратилъ ее въ театръ, а затѣмъ и вовсе разрушилъ, чтобы построить на ея мѣстѣ аммуниціонный складъ. Въ настоящее время православные въ Берлинѣ озабочены вопросомъ о постройкѣ храма, такъ какъ доселѣ церковь не имѣетъ своего спеціального зданія. Для исходатайствованія у мѣстнаго правительства субсидій на это, Община дѣлаетъ въ официальныхъ

¹⁾ Это былъ графъ Иванъ Григорьевичъ, другъ И. И. Шувалова, родоначальникъ нынѣшнихъ графовъ Чернышевыхъ-Кругликовыхъ. П. Б.

²⁾ Т. е. въ вызовѣ Сербовъ въ нынѣшній Славино-Сербскій уѣздъ. О. С. Вишневному (родоначальнику княгини Е. М. Юрьевской) императрица Елисавета поручала покупку участка земли въ Венгріи съ лозами Токайскаго винограда для нашего двора. Этотъ участокъ подаренъ императоромъ Александромъ II-мъ императору Францу-Иосифу. См. письма Вишневскаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 года. П. Б.

документахъ весьма вѣскія ссылки на религіозное положеніе Нѣмецкихъ колонистовъ въ Россіи, и это наилучшимъ образомъ показываетъ, что для поддержанія интересовъ православія и въ современной Германіи, дѣйствительно, нужны исключительныя духовныя силы.

Изъ многочисленныхъ данныхъ, относящихся къ широкой общественной дѣятельности Берлинскаго причта, обращаетъ на себя особое вниманіе по глубинѣ просвѣщенной идеи воззваніе объ учрежденіи при Петербургской Духовной Академіи юбилейнаго фонда, проценты съ котораго шли бы на заграничную научную командировку ея питомцевъ. Воззваніе нашло себѣ откликъ: къ Февралю 1910 г. этотъ фондъ уже достигъ суммы 5,000 руб. а 27 Апрѣля 1910 г. при Петербургской Академіи образовалось общество духовной и матеріальной взаимопомощи ея бывшихъ питомцевъ; на одномъ изъ его собраній мысль протоіерея Мальцева нашла детальную разработку.

Въ качествѣ особаго отдѣла приложенъ обзоръ памятниковъ въ Германіи въ честь подвиговъ Русской арміи въ войнѣ 1813 г.

Столь же интересна и вторая часть „Изъ прошлаго Русской православной церкви въ Стокгольмѣ“, составленная прот. Румянцевымъ. Въ первой ея главѣ изложена исторія церкви съ 1617 года, когда по Столбовскому трактату „Шведское правительство обязалось предоставить Русскимъ торговымъ людямъ въ своемъ торговомъ дѣлѣ невозбранно совершать богослуженіе по своей вѣрѣ“ Съ 1641 по 1700 г. церковь помѣщалась въ Руссарденѣ; въ 1701 году было сооружено для нея особое зданіе близъ Господскаго дома, и она перешла въ вѣдѣніе Русскаго посольства. Но война своими перепетіями отражалась на отношеніяхъ Шведскаго правительства къ Русскому приходу. Правильная его жизнь возобновилась лишь въ 1725 г. и длилась до 1741 г. Въ 1746 г., во исполненіе условій Абосскаго мира, правительство озаботилось „предоставить Русскимъ торговымъ людямъ для богослуженія другое помѣщеніе“ въ Городскомъ домѣ. Въ 1768 г. помѣщеніе было еще разъ обновлено на счетъ Стокгольмскаго магистрата. Съ 1779 г., послѣ изданія закона о вѣротерпимости, православное богослуженіе приняло публичный характеръ. И послѣ этого церковь дважды, во время войнъ, закрывалась, оставаясь до 1846 г. въ Городскомъ домѣ. Съ 1846 и понынѣ она устраивается въ частно-владѣльческихъ наемныхъ зданіяхъ. Дважды за послѣднее время поднимавшійся вопросъ о ея закрытіи, къ счастью для тамошнихъ православныхъ, оставленъ открытымъ.

Во второй главѣ опредѣляется экономическое, служебное и общественное положеніе причта Стокгольмской церкви съ приложеніемъ очень любопытной исторической справки о Руссегарденѣ, т. е. Русскомъ торговомъ домѣ въ Стокгольмѣ, существовавшемъ съ 1617 до 1874 г. г. Въ третьей главѣ описываются достопримѣчательности Стокгольмской церкви, въ четвертой—дается сжатая и очень обстоятельная вѣдомость о составѣ причта съ 1700 по 1906 г. Затѣмъ, на протяженіи почти ста страницъ приводится рядъ весьма цѣнныхъ документовъ. Изъ нихъ инструкція Св. Синода, данная священнику Маркеллу Хрисанѣову очень интересна нѣкоторыми своими частностями. Синодъ внушаетъ Хрисанѣову: носить по обычаю священническому платьѣ (рясу) чернаго колера, по городу чистою коляскою ѣздить, а не пѣшу ходить (очевидно, случай со священникомъ Львовымъ, описанный въ прил. XI, не былъ неожиданъ, и жалобы автора на недружелюбное отношеніе Шведовъ къ Русскому духовенству вполне основательны), свѣчь предъ многими иконами, кромѣ мѣстныхъ иконъ, не прилѣплять, въ прѣнія о вѣрѣ ни съ кѣмъ не вступать, паче же съ инаго исповѣданія людьми (вѣроятно, въ виду фанатизма протестантской толпы). О томъ, къ какимъ осложненіямъ могла приводить религіозная нетерпимость Шведскаго общества и правительства, свидѣтельствуютъ дѣла: о бракѣ причетника Мокіевскаго съ Лютеранкой Ю. Штибергъ и о сватовствѣ короля Густава IV къ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ*), которыя изложены здѣсь въ возможной полнотѣ, съ приложеніемъ наиболѣе важныхъ документовъ, въ отрывкахъ и въ цѣломъ видѣ.

По богатству содержанія и обилію привлеченныхъ документовъ, а во второй части также и по систематичности изложенія „Временникъ“ Берлинскаго Князе-Владимирскаго братства заслуживаетъ полнаго одобренія. Русскій читатель, по нему знакомящійся съ исторіей заграничныхъ церквей, будетъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждать обѣщаннаго продолженія.

(Изъ „Голоса Москвы“, № 139-й 1911 года).

*) Императрица Екатерина, вполне увѣренная въ то, что бракъ старшей внучки ея состоится, отправила въ Стокгольмъ всю церковную утварь съ богослужебными книгами для будущей домовою ея церкви. Все это около ста лѣтъ хранилось при нашемъ посольствѣ и по мысли К. П. Побѣдоносцева перевезено въ Гамбургъ для тамошней нашей церкви. Будемъ надѣяться, что нынѣ, ради нашей великой княгини Маріи Павловны, смягчится нетерпимость протестанства. П. Б.

**Письмо министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго
къ попечителю Одесскаго Учебнаго Округа С. П. Голубцову.
(1878 г.).**

Въ Особомъ Совѣщаніи, учрежденномъ подъ предѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, по вопросу объ изданіи дешевыхъ книгъ для чтенія народа, съ цѣлію огражденія его отъ вліянія злонамѣренной пропаганды, было признано полезнымъ распространеніе такихъ изданій, которыя могли бы служить къ укрѣпленію въ народѣ религіозныхъ и вѣрноподаническихъ чувствъ, къ поднятію нравственности, къ ознакомленію его, на сколько возможно, съ нашимъ государственнымъ устройствомъ, со значеніемъ правительственной власти, при чемъ Коммисія имѣла въ виду, что дѣло это требуетъ особеннаго вниманія и крайней осторожности.

Подобнаго рода брошюры, для того, чтобы они могли произвести полезное вліяніе на массы населенія, должны издаваться по указанію правительства, при участіи лицъ, вполне знающихъ бытъ и объемъ понятій народа и хорошо владѣющихъ народнымъ языкомъ. Форма же и содержаніе брошюръ могутъ быть самыя разнообразныя, лишь бы направленіе ихъ соответствовало предположенной цѣли.

Тѣмъ не менѣе въ нихъ отнюдь не слѣдуетъ допускать ни малѣйшаго намека на произведенія подпольной печати, распространяемыя злоумышленниками, такъ какъ это съ одной стороны имѣло бы видъ вовсе нежелательной и неприличной полемики, а съ другой—могло бы возбудить въ читателяхъ желаніе ознакомиться съ такими преступными изданіями. Кромѣ того, въ видахъ большихъ удобствъ распространенія, предпринятымъ народнымъ изданіямъ не слѣдовало бы придавать внѣшняго правительственнаго характера. Наблюденіе же въ цензурномъ отношеніи и присканіе лицъ, на которыхъ возможно было бы съ успѣхомъ возложить составленіе брошюръ, Особое Совѣщаніе полагало полезнымъ поручать министрамъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и шефу жандармовъ.

Обращаясь за тѣмъ къ способу распространенія брошюръ, имѣющему большую важность, совѣщаніе признало полезнымъ, кромѣ продажи ихъ по дешевымъ цѣнамъ обыкновеннымъ путемъ лицамъ, торгующимъ народными книгами, снабжать ими сельское духовенство, народныя школы, существующія общества, поставившія себѣ задачею распространеніе въ средѣ народа книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и вообще озаботиться введеніемъ этихъ изданій въ массы сельскаго и фабричнаго населенія тѣми путями и способами, какіе окажутся наиболѣе удобными и цѣлесообразными.

На докладѣ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника по настоящему предмету Его Императорскому Величеству благоугодно было начертать: „Разрѣшаю приступить къ исполненію“.

Сообщая объ этомъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, озаботиться пріисканіемъ такихъ лицъ, которыя могли бы съ успѣхомъ заняться этимъ дѣломъ, войти съ ними въ личныя сношенія и представить мнѣ подробныя свѣдѣнія о нихъ и о томъ, на какихъ условіяхъ они готовы были бы предпринять трудъ составленія брошюръ. Графъ Д. Толстой.

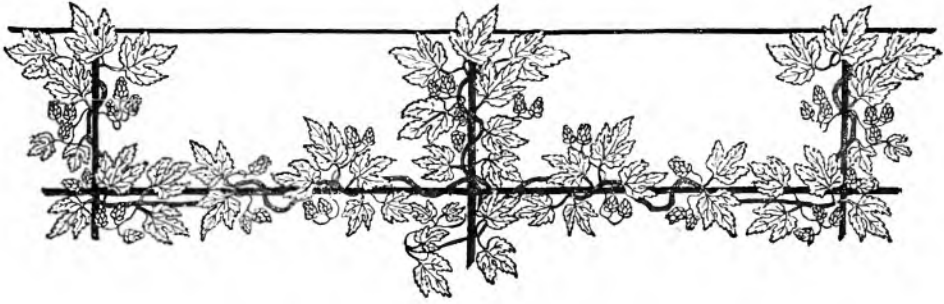
7 Октября 1878 г. № 182-й.

Примѣчаніе. Копія этого письма сообщена была попечителемъ Голубцевымъ тогдашнему инспектору народныхъ училищъ въ г. Кишиневѣ *Петру Федоровичу Паховскому*, съ предложеніемъ взяться за требуемую работу. Паховскій согласился писать брошюру о *значеніи правительственной власти*. Голубцовъ въ слѣдъ за тѣмъ увѣдомилъ Паховскаго, что министръ согласенъ, чтобы Паховскій писалъ на эту тему и ждетъ брошюры.

Написалъ ли Паховскій обѣщанную брошюру и издана ли она была въ свѣтъ, намъ неизвѣстно.

Сообщилъ Л. С. Мацѣвичъ.

Изъ разсказовъ о Петръ Великомъ, записанныхъ Я. Штелинымъ*).

Кунсткамера.

Петръ Великій, въ первое свое путешествіе въ Голландію въ 1698 году, отдался исключительно изученію казавшихся ему особенно важными, предметовъ, каковы: кораблестроеніе, мореплаваніе, торговля, заводская и ремесленная промышленность; но во вторичное свое пребываніе въ Голландіи и Франціи, въ 1717—1718 гг., онъ удѣлялъ больше вниманія наукамъ и искусствамъ. Онъ посвящалъ много времени осмотру извѣстныхъ частныхъ и общественныхъ собраній картинъ, произведеній природы и искусства. Особенный интересъ возбуждали въ немъ два необыкновенно рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ кабинета въ Амстердамѣ, которыя онъ неоднократно посѣщалъ, осматривалъ и, наконецъ купивъ за значительную сумму денегъ, приказалъ съ большими предосторожностями перевезти въ Петербургъ. Первый изъ нихъ состоялъ изъ сочиненій по анатоміи, надъ собраніемъ которыхъ знаменитый профессоръ Рюйшъ проработалъ около сорока лѣтъ. Ихъ каталогъ (*Catalogue raisonné*), отпечатанный въ Голландіи со многими иллюстраціями, подъ заглавіемъ: „*Thesaurus Anatomicus*“ имѣется у многихъ анатомиковъ, но самые подлинники со времени покупки хранятся въ Петербургской Академіи Наукъ.

Другой кабинетъ содержитъ большую коллекцію Амстердамскаго аптекаря Себы, заключающуюся въ собраніи различныхъ звѣрей, птицъ, змѣй, насѣкомыхъ, описаніе которыхъ, изложенное въ двухъ томахъ листового размѣра съ прекрасно выгравированными фигурами, извѣстно подъ заглавіемъ *Thesaurus Naturae*.

Петръ Великій поручилъ живописцу Кселю нарисовать портреты обоихъ этихъ знаменитыхъ людей и помѣстилъ ихъ въ своей кунсткамерѣ при ихъ коллекціяхъ. Портретъ Себы находится по сіе время въ Академіи, но никому неизвѣстно, куда дѣвалось изображеніе Рюйша. Библіотекаръ Шумахеръ высказалъ предположеніе, что послѣднее не было передано Академіи по смерти Петра Великаго и попало, быть можетъ, въ какой нибудь шкафъ съ прочими картинами или, вообще, гдѣ нибудь затерялось.

*) См. выше, выпускъ 4-й, стр. 633.

Вышеупомянутыя коллекціи послужили впоследствии основаніемъ существующей нынѣ Академической Кунсткамерѣ, для помѣщенія которой Петръ Великій приказалъ очистить просторный, стоявшій отдѣльно отъ другихъ построекъ, каменный домъ, на берегу Невы, на Смольномъ дворѣ. Государь проводилъ тамъ два-три утра въ недѣлю на пути въ Адмиралтейство и внимательно осматривалъ вещи. Онъ до такой степени увлекался собраніемъ этихъ рѣдкихъ и драгоценныхъ произведеній отдаленныхъ частей свѣта, что однажды назначилъ новоприбывшему Римскому посланнику аудіенцію въ зданіи Кунсткамеры въ 5 часовъ утра. На вопросъ канцлера, не соблаговолитъ ли Его Величество принять посланника въ первый разъ въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, Государь возразилъ: „Пусть онъ явится сюда; ему должно быть все равно, въ какомъ мѣстѣ я его принимаю, такъ какъ онъ присланъ лично ко мнѣ, а не въ тотъ или другой домъ, и то, что онъ долженъ передать мнѣ, онъ можетъ сдѣлать, гдѣ бы я ни находился“. Такимъ образомъ аудіенція происходила въ упомянутой Кунсткамерѣ въ пять часовъ утра.

Находясь однажды въ Кунсткамерѣ съ генераль-прокуроромъ Павломъ Ивановичемъ Ягужинскимъ и нѣсколькими сенаторами и знатными лицами, Петръ показывалъ имъ систематическое устройство своего натурального зала и неоцѣнными сокровища по анатоміи Рюйша, при чемъ говорилъ о несомнѣнной пользѣ, которую подобная коллекція можетъ оказать при изученіи строенія человеческого тѣла, которое въ совершенствѣ должны знать врачи для успѣшнаго лѣченія больныхъ. Въ виду того, что Кунсткамера была уже вполне устроена, онъ приказалъ бібліотекарю Шумахеру, находившемуся подъ начальствомъ главнаго надзирателя Кунсткамеры лейбъ-медика Арескина, разрѣшить впредъ свободный доступъ всѣмъ лицамъ желавшимъ осматривать Кунсткамеру, подробно показывая и разъясняя имъ всѣ находящіяся тамъ предметы.

Ягужинскій, расхваливъ мудрое и милостивое намѣреніе Монарха, но излишней расчетливости замѣтилъ, что, въ виду дорогого стоющаго содержанія предметовъ, слѣдовало бы выскрывать съ посѣтителей за осмотръ отъ одного до двухъ рублей, что составило бы сумму достаточную не только для сохраненія рѣдкостей, но и для пополненія ихъ числа. Государь, главною цѣлью котораго было привлечь подданныхъ къ изученію природы и искусствъ, прервалъ рѣчь Ягужинскаго словами: „Ты глупо разсуждаешь, Павелъ Ивановичъ; приведеніе въ исполненіе твоего предложенія могло бы только воспрепятствовать, а не способствовать моему намѣренію; кому-бы пришла охота заниматься моими рѣдкостями и осматривать Кунсткамеру, еслибъ за это приходилось еще платить деньги? Я же приказываю не только пускать сюда всѣхъ желающихъ совершенно даромъ, но и всякій разъ, какъ здѣсь соберется компанія людей, угощать ихъ на мой счетъ чашкой кофею, стаканомъ вина, рюмкой водки или другими освѣжительными напитками въ самой Кунсткамерѣ“.

Согласно этому распоряженію бібліотекарю, сверхъ его годоваго оклада, опредѣлена была сумма въ 400 р. на означенное угощеніе; и мнѣ приходилось наблюдать еще въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, что знатнѣйшихъ посѣтителей Кунсткамеры потчивали кофеемъ, Венгерскимъ виномъ, пирожнымъ

и, смотря по времени года, различными плодами. На помощника библіотекаря и другихъ служащихъ, хорошо знакомыхъ съ Кунсткамерой, была возложена обязанность показывать и разъяснять находящіеся тамъ предметы лицамъ среднихъ сословій.

Этотъ рассказъ сообщенъ библіотекаремъ и главнымъ надзирателемъ натуральной и художественной камеры совѣтникомъ Шумахеромъ.

Петръ Великій въ Вѣнѣ.

На возвратномъ пути изъ Англій и Голландій Петръ Великій проѣхалъ черезъ Германію въ Вѣну, гдѣ былъ необыкновенно почтительно принятъ Императоромъ Леопольдомъ. Неожиданно полученное извѣстіе о возстаніи стрѣльцовъ побудило его поспѣшить въ Россію, сокративъ свое пребываніе при Императорскомъ Дворѣ и отказавшись отъ намѣченной поѣздки въ Венецію.

Несмотря на короткое время, проведенное въ Вѣнѣ, наблюдательный Монархъ успѣлъ осмотрѣть и запомнить многія достопримѣчательности этого города. Когда впоследствии въ Петербургѣ однажды за столомъ зашла рѣчь о императорскомъ Римскомъ дворѣ, Государь замѣтилъ, что ему все нравится у императора Леопольда за исключеніемъ Іезуитовъ, которыми кишитъ его дворъ. Последнее обстоятельство удивляетъ его тѣмъ болѣе, что Іезуиты, владѣющіе, съ вѣдома императора, ничуть ли меньшимъ количествомъ земли и обладающіе безусловно большими капиталами, нежели его императорское величество, не помогли ему во время тяжелой послѣдней войны съ Турками ни деньгами, ни рекрутами.

Авторъ этого анекдота—Веселовскій, тайный совѣтникъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ царствованіе Петра I онъ занималъ должность секретаря упомянутой коллегіи. Англійское и Гаагское иностранныя посольства часто пользовались имъ для доставленія секретныхъ свѣдѣній Государю, который отправлялъ его съ обратными порученіями къ его министру. Онъ умеръ въ глубокой старости въ Петербургѣ въ 1751 г.

Вѣротерпимость Петра Великаго.

Петръ Великій разрѣшалъ послѣдователямъ каждой религіи имѣть свою церковь, собственныхъ священниковъ, проповѣдниковъ и прочихъ лицъ духовнаго званія, а приверженцамъ Римско-католическаго исповѣданія было даже дозволено, при желаніи паствы, содержать духовный орденъ. Капуцинамъ же, по совѣту Римскаго императора Іосифа I, было разрѣшено имѣть небольшой монастырь при ихъ церкви въ Москвѣ, въ Нѣмецкой Слободѣ или въ предмѣстьѣ, а Францисканамъ при ихъ церкви въ Петербургѣ. Только о допущеніи Іезуитовъ въ Россію царь ничего не хотѣлъ слышать, такъ какъ разъ навсегда изгналъ ихъ изъ своего сердца и государства. Онъ часто слѣдующимъ образомъ отказывался отъ этихъ святыхъ отцовъ: „Мнѣ не безызвѣстно, что между Іезуитами встрѣчается очень много ученыхъ и способныхъ къ искусству лицъ,

вообще они дѣльные и толковые люди; но меня мало трогаютъ ихъ достоинства, и я слишкомъ хорошо знаю, что ихъ кажущаяся пажобность служитьъ скрытымъ средствомъ обогащенія; ихъ школы и искусства употребляются ими какъ орудіе коварныхъ пронесковъ въ пользу паны, и конечною цѣлью которыхъ является поработеніе сильныхъ міра сего.

Однажды, въ бесѣдѣ объ этомъ необыкновенно могущественномъ ордѣнѣ, Монархъ замѣтилъ: „Іезуиты не могутъ не вмѣшиваться въ политическія дѣла. Меня удивляетъ, что въ Европѣ еще находятся дворы которые закрываютъ глаза на дѣйствительное положеніе вещей. Отдавалъ должное проицательности Испанскаго и Французскаго дворовъ, я ихъ не считаю достаточно искусными въ политикѣ, если они находятъ возможнымъ терпѣть при себѣ Іезуитовъ, присвоившихъ себѣ столько прекрасныхъ имѣній въ Европѣ и Америкѣ, причинившихъ имъ столько вреда и истребляющихъ отъ времени до времени государей, когда они не отвѣчаютъ ихъ требованіямъ.“

Авторъ этого анекдота природный Русскій дворянинъ, впоследствии государственный канцлеръ, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ. Въ юности своей онъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ Петровичемъ былъ отправленъ въ Берлинскую гимназію, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ Французскій и Нѣмецкій языки. Впоследствии онъ предпринялъ путешествіе за границу и во время своего пребыванія въ Ганноверѣ былъ произведенъ тогдашнимъ курфюрстомъ, впоследствии Англійскимъ королемъ Георгомъ I, въ званіе камеръюнкера, а затѣмъ посланника при дворѣ Петра Великаго. Государь, крайне обрадованный, увидѣвъ перваго своего подданнаго на столь отвѣтственномъ иностранномъ посту, принялъ его необычайно молостиво и по окончаніи его миссіи взялъ обратно на свою службу. Государь отправилъ его въ качествѣ Русскаго посла къ Датскому двору въ Копенгагенъ, откуда онъ неоднократно былъ призываемъ къ Императору въ Петербургъ и обратно. При одномъ изъ такихъ случаевъ Монархъ подарилъ ему свой портретъ въ миниатюрѣ, усыпанный брилліантами. Бестужевъ былъ такъ обрадованъ этимъ подаркомъ, что носилъ его до конца жизни въ петлицѣ на груди. Пробывъ въ Даніи до заключенія мира со Шведами въ 1721 г., онъ получилъ назначеніе посла въ городъ Гамбургъ въ нижней Саксоніи. При Аннѣ Іоанновнѣ онъ былъ вторично отправленъ въ качествѣ посла въ Копенгагенъ, но за два года до ея смерти отозванъ обратно въ Петербургъ, гдѣ получилъ назначеніе кабинетъ-министра. При императрицѣ Елисаветѣ онъ былъ произведенъ сначала въ вице-канцлеры и два года спустя, въ 1744 г., былъ объявленъ великимъ канцлеромъ Русской Имперіи. Въ 1758 г. былъ сосланъ въ свои деревни и въ 1762 г. возвращенъ ко двору Императрицею Екатериною II. Не занимая никакой должности, онъ получалъ пенсію въ 20,000 р. и умеръ въ 1768 г. семидесятивосьми лѣтъ отъ роду.

Необыкновенная память Петра Великаго.

Во время перваго возстанія стрѣльцовъ въ Москвѣ еще совершенно юный, Петръ Великій скрылся бѣгствомъ съ матерью и нѣсколькими предан-

ными ему людьми въ отстоящій въ 60-и верстахъ отъ Москвы Троицкій монастырь. Разсвирѣбывшіе стрѣльцы, открывъ мѣстопробываніе Царя, явились туда съ цѣлю умертвить молодого Государя. Обшаривъ все сокровенныя мѣста обители и не найдя Монарха, злодѣи ворвались въ самую церковь. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ Государя стоявшаго близъ алтаря въ объятіяхъ своей матери, бросился съ обнаженнымъ мечомъ на невиннаго юношу и, приложивъ ножъ къ его груди, собирался нанести ему смертельный ударъ. Когда стрѣлецъ, держа его одной рукою за плечо, другою, приставивъ ножъ къ груди, готовъ былъ заколотъ Государя, одинъ изъ бывшихъ въ церкви бунтовщиковъ закричалъ дикимъ голосомъ: „постой, братъ не убивай его у алтаря, отведи изъ церкви; онъ уже теперь не уйдетъ отъ насъ!“ Въ ту минуту остальные стрѣльцы, стоявшіе въ церкви, замѣтили скакавшую во весь опоръ конницу Царя и крикнули находящимся въ церкви, чтобы они скорѣе спасались бѣгствомъ. Въ большомъ смятеніи все бросились бѣжать.

Спустя 20 лѣтъ, по усмиреніи многихъ послѣдовавшихъ возстаній, по истребленіи стрѣльцовъ и успокоеніи всего государства, Петръ Великій всецѣло отдался улучшенію арміи и устройству флота. Однажды онъ занимался на Адмиралтейской сторонѣ обученіемъ нѣсколькихъ сотъ ново-поступившихъ матросовъ. Внимательно осматривая стоявшихъ въ рядахъ новобранцевъ, онъ остановилъ взоръ на одномъ изъ нихъ, и вдругъ такъ испугался, что отскочилъ на нѣсколько шаговъ въ сторону и приказалъ немедленно схватить его. Матросъ, прекрасно понявшій въ чемъ было дѣло, упавъ на колѣни, воскликнулъ: „Я достоинъ смерти, Государь, но прошу милосердія“. Никто изъ присутствовавшихъ офицеровъ и товарищей матроса не могъ понять что это значило, такъ какъ все они знали его въ продолженіи многихъ лѣтъ за хорошаго гребца, всегда исправно и усердно исполнявшаго свои обязанности и ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченнаго. Съ ужасомъ слышали они вопросъ Государя: „Не тотъ ли ты стрѣлецъ, который въ Троицкомъ монастырѣ приставлялъ мнѣ ножъ къ груди?“ „Да, Ваше Величество, отвѣчалъ матросъ, это я самый“. Но дальнѣйшіе разспросы Государя онъ разсказалъ, какъ, будучи юнымъ стрѣльцомъ, онъ принималъ участіе въ возстаніи, какъ онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ прежде чѣмъ его единомышленники были схвачены и казнены, какъ онъ горько раскаивался въ своемъ поступкѣ, затѣмъ долгое время скитался по отдаленнымъ мѣстамъ, пока, назвавшись вышедшимъ изъ Сибири мужикомъ, не поступилъ въ качествѣ матроса въ Архангельское Адмиралтейство, гдѣ вѣрою и правдою исполнялъ свою должность. Это чистосердечное признаніе побудило царя къ милосердію. Онъ простилъ ему его гнусный проступокъ и даровалъ жизнь подъ угрозою жестокой смертной казни, еслибъ онъ еще когда либо попался на глаза Монарха. Матросъ благодарилъ Бога и Царя за неожиданное помилованіе и былъ отправленъ въ такую отдаленную провинцію Россіи, гдѣ Государь могъ быть увѣреннымъ не встрѣтить его до конца своей жизни. Этотъ разсказъ извѣстенъ изъ устъ фельдмаршала Трубецкаго и отъ экипажмейстера Адмиралтейства Брюинса.

К у м о в с т в о .

Великій Монархъ не гнушался кумиться съ бѣднымъ людомъ, съ работавшими на него ремесленниками, низшими придворными служителями и т. п. Онъ навѣщалъ ихъ, когда ему позволяло время, наравнѣ съ богатыми и знатными и съ удовольствіемъ раздѣлялъ ихъ скудное угощеніе, дѣлая имъ упрёки, если они ради него излишне тратились. Также относился онъ и къ гвардейскимъ офицерамъ и солдатамъ, изъ которыхъ рѣдкій не просилъ его крестить, по меньшей мѣрѣ, своего первенца. Но никто не долженъ былъ рассчитывать на щедрые дары крестнаго отца, обычный подарокъ котораго состоялъ изъ поцѣлuya родительницѣ и рубля денегъ, который онъ, по древнему Русскому обычаю, клалъ ей подъ подушку. Этой суммой одѣлялъ онъ рядовыхъ солдатъ, офицерамъ же полагалось по червонцу.

Анекдотъ этотъ сообщенъ Нѣмцемъ Гротомъ. Его дѣдъ Нидерландецъ, поступилъ на службу къ царю Алексѣю Михайловичу, а отецъ его, родившійся уже въ Москвѣ, былъ офицеромъ при новообразованномъ регулярномъ войскѣ Петра Великаго; онъ сопровождалъ Государя почти во всѣхъ походахъ и дослужился до чина полковника. При императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ Гротъ былъ уволенъ отъ службы съ награжденіемъ бригадирскимъ чиномъ и пенсіей и умеръ въ глубокой старости въ 1740 году *).

П О П Р А В К А .

Къ стр. 265. („Русскій Архивъ“ 1911, выпускъ 6-й), на планѣ залы засѣданія Академіи Наукъ.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Надо читать:</i>
Л. №.	9. Чебыщевъ	Чебышевъ
	6. Срезневскіе	Срезневскій
	5. Дорна	Дорнъ
	4. Стефана	Стефанн
	3. Гельмерсена	Гельмерсенъ
	2. Броссе	Вросн
	19. Венгдъ	Вильдъ.

*) Переведено изъ книги: Originalanecdoten von Peter dem Grossen. Aus dem Munde angesehner Personen in Moskau und Petersburg vernommen. und der Vergessenheit entrissen von Jacob von Stählin. Leipzig. 1785.

Чистая душою и непорочная сердцемъ, она въ теченіе всей своей долгой жизни чувствовала потребность любви, и предметами этой любви были (по ея дневнику) сначала племянникъ поэта Языкова, необыкновенный юноша Д. А. Валуевъ, узнавъ о смерти котораго въ Новгородѣ, она поскакала туда и проводила его до Московскаго Данилова кладбища. Затѣмъ окружила она своею заботою его родственника и сотрудника В. А. Пашова, издателя достопамятныхъ „Московскихъ Сборниковъ“ 1846 и 1847 гг., а по кончинѣ его, жаръ своего сердоболя перенесла на юношу Тидебеля. Это былъ медикъ, племянникъ славнаго Дерптскаго хирурга Мойера, получившій мѣсто въ Воронежѣ, куда Елисавета Ивановна къ нему ѣздила и сумѣла такъ о немъ печься, что каждый день и чуть ли не каждый часъ его жизни былъ ей извѣстенъ, и это вовсе не тяготило молодого человѣка.

Никто изъ знавшихъ ее не зналъ, что она ведетъ дневникъ, и поэтому въ немъ нѣтъ никакой рисовки. По эти годы (1847—1852) она, уже застарѣлою дѣвицею, не была чужда многихъ странностей, такъ наприм. подписывала она свое имя не иначе, какъ „Елисаветъ“, а на одной изъ публичныхъ лекцій Грановскаго, что-то ей въ немъ не понравилось, и она на всю залу крикнула ему „дуракъ“, а послѣ другой его лекціи наговорила ему похвалъ, также во всеуслышаніе. О Грановскомъ она передаетъ намъ трогательную черту. Когда трудно заболѣлъ И. В. Карѣевскій, Тимофей Николаевичъ плакалъ о немъ, будучи его противникомъ по направленію ума и дѣятельности. Для малыхъ своихъ потребностей Попова зарабатывала деньги уроками и перепискою бумагъ, но не задумывалась драть уши неисправнымъ ученикамъ, или въ то, что она переписывала, вставлять собственныя свои

сужденія, такъ что опасно бывало отдавать ея рукописи въ типографію, ради ея вставокъ.

Мать ея жила на родинѣ Жуковскаго, въ Мишенскомъ подъ Белевомъ, у Варвары Афанасьевны Юшковой, женщины просвѣщенной, супругъ которой Петръ Николаевичъ тоже былъ человѣкъ незаурядный и переписывался съ Лафатеромъ. У дочери ихъ А. П. Елагиной воспитывалась Елисавета Ивановна. У нея самый почеркъ былъ такой же, какъ у Авдотьи Петровны, но она не успѣла научиться у нея изяществу бесѣды и художественной прелести въ обращеніи. Ни одного слова похвалы ей не встрѣчаемъ въ Дневникѣ Е. И. Поповой, а однако она любила всю семью Елагинныхъ. Она долго жила въ домѣ Авдотьи Петровны въ „республикѣ привольной, у Красныхъ воротъ“ (нынѣ домъ Свѣшниковыхъ).

Дневникъ издавъ превосходно молодымъ ученымъ, княземъ Н. В. Голицынымъ (сыномъ бывшаго Московскаго головы). Дневникъ случайно нашелся у Е. Н. Митьковой, рожденной Селивановской. Немудрено, что найдется его начало или его продолженіе. У Е. И. Поповой были братъ и племянникъ, на которыхъ потратилась она немало, но это были люди другого закала.

Елисавета Ивановна владѣла превосходно Русскимъ языкомъ, и Дневникъ ея есть своего рода драгоценное приобрѣтеніе нашей словесности. Какъ цвѣтами пересыпалъ онъ выдержками изъ разныхъ стихотвореній. Въ немъ же находимъ неизданные стихи Языкова и К. С. Аксакова.

Прочитавъ прекрасныя изъявленія этой чистой души, чувствуешь себя какъ-то легче и лучше и приносишь дань благодарности ея свѣтлой памяти.

Дневникъ Е. И. Поповой продается по 2 р. 25 к.

П. В.

РУССКІЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять р., для чужихъ краевъ—двѣнадцать р.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолицевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: Въ Петербургѣ (Невскій, 40) на Вознесенскомъ пр., д. 36. Телеф. 559—02 и на Пет. ст., Большой пр., д. 69-А. Телеф. 77—61. Въ Москвѣ (уголь Неглиннаго проезда и Кузнецкаго Моста, д. Шоринной), въ Харьковѣ (Николаевская пл. № 4 и Екатеринославская ул., д. Иванова, № 1), въ Одессѣ (Дерибасовская ул., № 33, уг. Преображенской), въ Саратовѣ (В. Московская, Пассаждь 1), въ Ростовѣ на-Дону (Садовая ул., № 96) и въ Парижѣ (бульваръ Св. Магдалины).

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются прежнія полныя годовыя его изданія и отдѣльныя книжки Русскаго Архива по цѣнѣ пониженной съ 1893 по 1910 и повышенной за годы 1863—1892 (кроме 1884 года, который продается по 3 р. за 12 книжекъ.)

*

По цѣнѣ пониженной продаются слѣдующія изданія «Русскаго Архива».

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона. Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями. Цѣна 25 к.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартенева**.

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1911

8.

Стр.

465. Изъ Записокъ сенатора **К. Н. Лебедева**. 1867-й годъ.
512. Письмо **И. М. Снегирева** къ **Я. М. Невърову**.
512. **Н. М. Языковъ**. Сообщ. **А. А. Флоридовъ**.
513. Изъ записокъ короля **Станислава Понятовскаго**. Неприятное приключеніе 6 Іюля 1757 года.
519. Изъ исторіи Русскаго водевиля. **Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій** (Воробьевъ). По поводу сорокалѣтія со дня его смерти. Сообщ. **С. Старосивильскій**.
531. Баринъ прѣхалъ! Баринъ прѣхалъ! Интермедія-водевиль. Сочиненіе актера Императорскаго Московскаго театра **В. И. Живонини**.
542. Старина Омской губерніи. Полицейскій Шепелевъ. Сообщилъ **И. Г. Кузнецовъ**.
543. Старина Курской губерніи. Борьба съ саранчею.—Епископъ **Іоасафъ Горленко**. Сообщилъ **Т. Проскурняковъ**.
548. Вегушительная записка старца **Іоны Углицкаго** монастырю.
549. Письмо епископа **Тихона** князю **Потемкину**.
553. **Н. М. Карамзинъ** (По поводу помигника ему въ селѣ **Остафьевъ**).
594. Изъ архива **Александр-Невской** лавры. Время Петра Великаго. Извлечено **А. А. Титовымъ**.
604. Разсказы современниковъ о Петрѣ Великомъ записанные **Я. Штелинымъ**.
612. Старое кладбище въ селѣ **Раменскомъ**. **А. Я. Киселева**.
614. Объ исторіи города **Ярослави**.

Внутри обложки. О книгахъ: „Освобожденіе крестьянъ“ и „Карамзинъ въ Остафьевѣ“.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1911.

**ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬ-
ЯНЪ. ДѢЯТЕЛИ РЕФОРМЫ.
М. 1911. 6: 8°. XXXII, 342 и 2
нен. стр.**

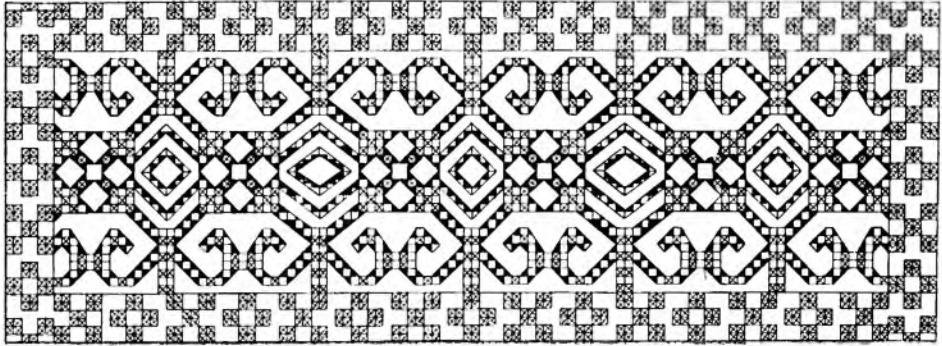
Это рядъ біографическихъ очерковъ. Статьи А. Кизеветтера, и А. Корнилова (Александръ II и его время), Ю. Готье (графъ Киселевъ), М. Любавскаго (в. князь Константинъ), С. Бахрушина (вел. княгиня Елена), Б. Сыромятникова (Кавелинъ), М. Богословскаго (Ростовцевъ), Кизеветтера (Милютинъ), княжны О. Трубенцкой (князь Черкасскій), и С. Боголюбенскаго (Соловьевъ).

Прежде всего вѣрно ли самое заглавіе? Великому дѣлу новой Русской исторіи, столь необходимому и многожеланному, подобаешь болѣе точное названіе *Раскрипощеніе*: освободить было не отъ кого, такъ какъ, по милости Божіей, у насъ не было рабства, а только крѣпостное право, превращавшееся въ рабство по винѣ помѣщиковъ, которые злоупотребляли своимъ положеніемъ и въ большинствѣ случаевъ принадлежали къ такъ называемымъ образованнымъ людямъ, либо были своей землѣ чужеземны. Новиковъ и Радищевъ тоже поролі своихъ крестьянъ, а многіе крупные владѣльцы не заглядывали къ себѣ, находясь на службѣ, либо проживая въ чужихъ краяхъ. Князю Друцкому-Соколицкому Николай Павловичъ сказалъ: „Ты судишь снизу, а каково мнѣ? По отчетамъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ я знаю, что съ каждымъ годомъ умножается число убиваемыхъ крѣпостными людьми помѣщиковъ“.

Наши преобразователи находились подъ въздѣйствиемъ Запада. Въ Польскихъ губерніяхъ, водворявшійся послѣ перваго раздѣла Русскій помѣщикъ приказывалъ убрать висѣлицу, на которой панна за дурно разглаженный воротничекъ могла свободно повѣсить свою служанку; въ Ревелѣ, старожилы и въ наши дни помнили

про двѣ висѣлицы (одну на Вышгородѣ для мѣстныхъ Эстовъ, другую на Русскомъ рынкѣ для приходившихъ изъ деревень); а что творилось во Франціи (по книгѣ Тэна)!

Въ „Русскомъ Архивѣ“ помѣщено немало статей о великомъ дѣлѣ раскрипощенія, но совсѣмъ не въ томъ восхваляющемъ направленіи, какъ разсматриваемая нами книга. Мы уже имѣли случай высказать, что императоръ Александръ Николаевичъ поступалъ въ этомъ дѣлѣ не по своему убѣжденію, а только по завѣщанію своего родителя. Выйдя изъ комнаты, гдѣ скончался Государь, онъ прежде всего сказалъ стоявшимъ у дверей генераль-адъютантамъ, графамъ Орлову и Киселеву: „послѣднее его распоряженіе было о помѣщичьихъ крестьянахъ“. Самъ же Александръ Николаевичъ всего за нѣсколько недѣль до того поручалъ своему гофмаршалу графу В. Д. Олсуфьеву оповѣстить губернскихъ предводителей дворянства, что онъ вовсе не касается этого дѣла; а въ 1845 году, когда царь находился въ Италіи, а ему поручено было все внутреннее управленіе, крестьяне, и въ особенности въ Прибалтійскомъ краѣ, терпѣли жестокія наказанія. Этою двойственностію и объясняется неудача великой мѣры: помѣщики растратили предоставленныя имъ вознагражденія за землю, а крестьяне затѣнились и стали спиваться. Когда Наполеонъ III жилъ плѣнникомъ въ Вильгельмсхѣ, къ нему ходилъ одинъ Марбургскій профессоръ, напечатавшій потомъ книгу о своихъ бесѣдахъ съ нимъ. Тутъ разсказано, что о нашей реформѣ Наполеонъ выразился: *c'est le délire de despotisme*, а при свиданіи съ нашимъ Государемъ сказалъ ему, что Русскіе помѣщики разорятся, а крестьянскій трудъ значительно сократится. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ новое свиданіе, самъ Александръ Николаевичъ сказалъ Наполеону, что его предвѣщанія

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1867-й годъ *).

Объединеніе Царства Польскаго почти совершилось. Подчиненіе почтъ и казначействъ, преобразованіе налоговъ и введеніе мѣстныхъ управленій по Русскимъ образцамъ сближаютъ и введеніе Русскаго языка. Хорошій выборъ лицъ еще болѣе облегчилъ бы попытку обрусенія, но это-то и представляется весьма затруднительнымъ: жить посреди чуждаго, враждебнаго населенія вовсе не удовольствіе, а за это удовольствіе губернатору назначаютъ 5300 р. Коренныя реформы въ городахъ и въ земствѣ и теперешняя организація управленія дерутъ глаза Европейской журналистикѣ и поднимутъ шумный говоръ въ собраніяхъ представителей. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но рѣшительныхъ мѣръ не приметъ никто. Если Наполеонъ выдвинетъ начало національностей и въ союзъ съ Австріей предложитъ возстановленіе Польши въ границахъ 1770 годовъ, то Россія будетъ въ отвѣтъ съ Пруссіей, и война кончится присоединеніемъ восточной Галиціи. Австрія готова пожертвовать всей Галиціей, лишь бы отомстить Пруссіи; но сила Россіи и Пруссіи несокрушима, и самое предположеніе о возстановленіи Польши посреди трехъ великихъ имперій есть неисполнимая Польская мечта. Мы, Россія, во главѣ славянства, и двухъ головъ у одного организма быть нельзя. Можно было приводить основаніемъ наши плохія учрежденія; теперешняя ихъ организація устраняетъ и это основаніе. Остается уровень образованія вообще и просвѣщенія въ особенности. Общій уровень поднимается быстро, съ Февраля 1861 г., а при лучшихъ учрежденіяхъ, при свободѣ печати и

*) См. выше стр. 343.

гласномъ судѣ скорость этого подъема будетъ возрастать постепенно, и мы увидимъ націю, государство политически зрѣлое, а въ умственномъ отношеніи довольно отсталое. На оборотъ съ Германіей. Желательно бы было понизить подати и поборы; они очень тяготятъ народъ и вліяютъ на его косность и грубую жизнь.

Случайно встрѣтился я съ двуперекрещенцомъ, ст. ст. Д. Изъ администраторовъ католическихъ церквей на Сѣверѣ, онъ желалъ сдѣлаться Московскимъ львомъ и сдѣлался Московскимъ приживалкой-паразитомъ. Достаточно прочесть въ 4 т. „Вѣстника Европы“ статью его „о политикѣ Даніи при Фридрихѣ VII и о проч.“, чтобы составить себѣ понятіе о тщеславіи, дерзости и навязности этого двуотступника. Но разговоръ его о порочности Іезуитовъ, о пренебреженіи нашихъ Нѣмцевъ посланниковъ Брунова, Будберга, Убри къ церкви и духовнымъ лицамъ миссій, но рассказъ его о кн. А. М. Горчаковѣ (сказавшемъ, указывая на стаканъ чистѣйшей студеной воды: вотъ ученіе католицизма; оно есть чистѣйшее выраженіе Божьей истины и церковнаго закона), но несбыточные рассказы его о „частномъ корреспондентѣ Его Императорскаго Величества, издателѣ „Народнаго Голоса“ Юркевичѣ-Литвинѣ—все это наводитъ меня на другія мысли: какова должна быть эпоха и къ чему можетъ подготовлять и привести она, когда бродятъ и получаютъ вѣру такіе наглые эмиссары или спекуляторы и такія нелѣпости и сказки! Въ этотъ же день я видѣлъ толпы народа у лавки Корещенко и три семьи, трясомыя лихорадкой въ ожиданіи телеграфической депеши о выигрышахъ лотерейнаго займа. Миѣ стало страшно и отъ Д. . . . го, и отъ сказокъ, и отъ лихорадки.

„Во имя отца и сына и Св. Духа, аминь“, такъ начинается маститый голова Московской церкви воззваніе*) о пожертвованіяхъ въ пользу несчастныхъ Кандіотовъ. Воззваніе это, подписанное Филаретомъ, произвело сильное впечатлѣніе въ Москвѣ и Петербургѣ и вѣроятно во всей Россіи и будетъ имѣть значеніе и политической демонстраціи и политическаго початка или инициативы. Да и пора. Существованіе Турціи несовмѣстно съ достоинствомъ Европы и ея могущественной образованности. Пора и намъ уничтожить трактатъ 1856. Пора устроить и дѣла на Востокѣ и дать подобающее значеніе бассейну Дуная и Чернаго моря—превосходнѣйшей мѣстности, коснѣющей при варварскихъ угнетателяхъ и изнуренныхъ рабахъ. По Дунай должна быть Россія, по Балканы—Сербія, за Балканами съ Архипелагомъ—Греція. Я не знаю тамошнихъ разграниченій и отношеній, но я сознаю до очевидности необходимость свободы и образованности въ этомъ несча-

*) Съ высочайшаго разрѣшенія, по письмамъ къ Валуеву и кн. Горчакову.

стномъ краѣ и начало соплеменности въ этомъ черезполосномъ феодальномъ, полуазиатскомъ устройствѣ. Мы не готовы, правда, ни съ новымъ оружіемъ, ни съ желѣзными дорогами, но все это второстепенныя причины. Главная причина—позоръ Парижскаго трактата всегда на лицо. Да и нежелательно и ненужно наше непосредственное вмѣшательство; нужно нравственное и денежное содѣйствіе единовѣрцамъ и невмѣшательство въ это дѣло покровителей Турціи. Разложеніе ся послѣдуетъ само собою. Оно уже началось при Екатеринѣ, какъ началось разложеніе Польши при Петрѣ. Турція не можетъ существовать самостоятельно. Ее слѣдовало бы раздѣлить, если бы жили въ 1772 г. Дѣлить ее не будутъ, но пусть предоставятъ собственной участи, и она распадется на части, части органическія, чисто христіанскія, способныя жить и развиваться, сначала въ образѣ союза, а потомъ и въ образѣ болѣе простомъ и крѣпкомъ, Славянекомъ и Греческомъ. Вотъ настоящее поприще для честолюбія великаго князя Константина или Николая Лейхтенбергскаго. Впрочемъ претендентовъ тамъ довольно, и Георгій, и Карлъ, и Михайлъ. Съ началомъ весны откроется война, а можетъ быть и не одна.

Былъ у меня сегодня товарищъ министра народнаго просвѣщенія Ив. Дав. Деляновъ и конечно не безъ цѣли. Я предупредилъ его, что прежде у меня было намѣреніе предложить мои услуги Министерству Просвѣщенія, но при нынѣшнихъ порядкахъ, когда положеніе попечителей чисто пассивное и иногда неловкое (что бы не сказать болѣе), я не думаю, чтобы мои услуги могли принести пользу. Деляновъ отвѣчалъ, что министерство знаетъ и чувствуетъ недостатки въ настоящихъ учрежденіяхъ просвѣщенія, но едва ли рѣшится на радикальныя перемѣны столь недавно изданныхъ уставовъ, и потому желаетъ восполнить эти недостатки общими распоряженіями, напр. о болѣе строгихъ испытаніяхъ при приѣмѣ, переходѣ и выпускѣ. Конечно это будетъ имѣть свою хорошую сторону, но подобныя мѣры легко обходить и еще легче обратитъ въ стѣненіе и злоупотребленіе. Я вовсе не желаю быть на какомъ-нибудь юру. При частомъ колебаніи системъ, личности скоро стираются, и самая лучшая воля постоянно находится въ затрудненіи и нерѣшительности. Генералъ Левшинъ и помощникъ его Дашковъ передавали мнѣ, какъ непріятно ихъ положеніе и какъ сбивчивы и противорѣчивы распоряженія министерства, требованія уставовъ и условій мѣстнаго управленія. Впрочемъ военный генералъ имѣетъ какія нибудь права на свое положеніе, а его придворный помощникъ (братъ княгини Гагариной, друга Императрицы) никакихъ, и поэтому вовсе не удивительно, что главное гнѣздо преступной молодежи скры-

валось въ здѣшнемъ университетѣ и въ безцеремонной Петровской Академіи.

Деляновъ увѣрялъ, что здѣшніе профессора, даже Бабушкинъ и Чичеринъ, сдѣлались большими консерваторами. Научившись опытомъ въ Лазаревскомъ институтѣ, Бабушкинъ готовъ допустить строгія прещенія, даже розги („ихъ надобно драть“). Я не совсѣмъ вѣрю этимъ обращеніямъ. Хотя обращеніе Фритредера Бабушкина сдѣлано и печатно, но *timeo Danaos et dona ferentes*. Последнее сочиненіе Чичерина (о представительствѣ) конечно болѣе умѣренно. Что касается преимуществъ классическихъ гимназій, то министерство хотя встрѣчаетъ неодолимые препятствія въ пріисканіи хорошихъ учителей, но должно до нѣкотораго времени (ужь не до пріисканія-ли ихъ?) держаться этой системы, какъ основной мысли, принятой высшимъ правительствомъ. Вся надежда министерства—это строжайшіе экзамены*). На этомъ кончился нашъ довольно продолжительный разговоръ съ товарищемъ министра, который показался мнѣ немного чиновникомъ. Деляновъ обязанъ блестящею карьерою своею графу Блудову, у котораго онъ нѣкоторое время былъ фактотумомъ.

Петербургское земское собраніе закрыто, и самое положеніе приостановлено для этой губерніи. Земство крамольничало. Оно, особенно предсѣдатель управы, извѣстный либеральный цензоръ Круше, подъ предлогомъ и видомъ отчета, критиковало и осмѣивало министра Валуева и шло съ нимъ на судъ въ Сенатъ, требуя: 1, чтобы законъ 21 Ноября 1866 (общій для Имперіи, о размѣрахъ земскаго налога па торговлю, промыслы и фабричныя зданія) былъ разработанъ земствомъ (сдѣдовательно Всероссийскимъ) вмѣстѣ съ центральной администраціей. Это повтореніе крамолы Московской, и 2), чтобы земское собраніе печатало свои пренія и отчеты свободно, безъ цензуры. Но что же значить крамола гр. Шувалова, гр. Орлова-Давыдова и пр.? Или земство, не имѣя средствъ исполнить свое назначеніе, ищетъ удобнѣйшаго исхода изъ безвыходнаго своего положенія? Или здѣсь играютъ страсти соперничества и соревнованія личностей, или наконецъ (стыдно сказать) все это придуманная комедія. Магнаты наши, недовольные освобожденіемъ крестьянъ, метая требовательностію, фронтѣрствомъ и дерзкимъ порицаніемъ. Еще менѣе сочувствуя другимъ либеральнымъ и пользуясь реакціею послѣ 4 Апрѣля 1866 г., они задумали комедію: подъ маскою либерализма вызвать эту реакцію на дѣйствительныя отмѣны и огра-

*) Едва ли эта основательная и законная мѣра приведетъ къ консервативнымъ мѣрамъ гр. Толстаго. Строгіе экзамены, это трудъ, а въ трудѣ никакаа съ демократіей конкуренція невозможна.

ниченія недавнихъ учрежденій. Иначе понять нельзя агитацію съ именами Шуваловыхъ, Давыдова, Щербатова и подобныхъ. Забіяга Крузе тутъ въ сторонѣ; его только ловко пріискали; искреннимъ своимъ либерализмомъ онъ прикрывалъ узкій сервиллизмъ, такъ широко и высоко раскинувшій свои сѣти.

Всего страшнѣе за судебную реформу и за печать. Согласенъ, что и то и другое, по новости и рѣзкости перехода, грызутъ за живое; но и то и другое начинаетъ сглаживаться. Законъ о печати уже измѣненъ. Судебная реформа держалась Стояновскимъ. Стояновскаго выжили и замѣнили гр. фонъ-деръ Паленомъ, креатурою Валуева. Мнѣ извѣстно, что самъ Замятинъ не приверженецъ реформы, но слухи и на его мѣсто пріискиваютъ гр. Левашева, которому принадлежитъ честь закрытія Петербургскаго земства. Это отъявленный крѣпостникъ и реакціонеръ съ придачею того безцеремоннаго произвола, какимъ отличались адъютанты покойнаго Николая. Я бы желалъ отъ реакціи одной услуги: чтобы она убѣдила всѣхъ, что всѣ наши реформы для насъ слишкомъ роскошны, и что мы жили и живемъ не по средствамъ нашимъ. Сама по себѣ реакція, какъ и всякая оппозиція, не есть зло; но она дѣлается зломъ, когда въ свою очередь нарушаетъ пріобрѣтенныя права и нарушаетъ свободно и безнаказанно въ странѣ, гдѣ политическій элементъ слабъ и гдѣ мыслящее населеніе такъ малочисленно.

Передавая доклады и журналы на постановленіе перваго департамента, за чѣмъ же отрѣшати предѣдателя, увольнять всѣхъ и закрывать новыя и воскрешать закрытыя, отъ которыхъ и писцовъ не осталось? Молодому земству это ударъ чувствительный, и онъ отдастся повсюду.

Наступили холода страшные, ртуть мерзнетъ, газъ гаснетъ и птицы падаютъ. Бѣднымъ людямъ бѣдствіе. Мои крошки разнемоглись, вѣроятно отъ общаго состоянія атмосферы. Но эти крайности не помѣшали явленію, котораго скорѣе можно бы было ожидать въ Маѣ или на Югѣ. Митя и Тата поднесли матери свои сочиненія, которыя учитель нашелъ весьма хорошими, но Митя поднесъ и стихи. Записываю ихъ „для Песторіи“.

Кто насъ наставитъ на благое?
Кто въ нашемъ горѣ пособитъ,
Кто радоваться будетъ въ счастье,
Коль будемъ честно жить?
Конечно мать....

Эти невинныя вирши доставили намъ большое удовольствіе. Много труда стоило мнѣ допытаться, какими путями дошла 11 лѣтняя головка до стиховъ и ихъ содержанія. Оказывается, что мысль зародилась послѣ

одной изъ прогулокъ со мною, когда я ему объяснялъ: что такое идеаль и къ чему примѣняется это понятіе, присовокупя примѣры, идеаль красоты, идеаль матери, дѣтской любви и др. Мальчикъ—да и сестра едва ли не болѣе—очень воспримчивъ. Да сохранить ихъ Господь!

Въ городѣ общій говоръ все о Петербургскомъ земствѣ. Во времени радикальныхъ и быстрыхъ преобразованій естественны и раздражительность, и ошибка въ преувеличеніи. Петербургское земство забылось. Давыдовымъ и Шуваловымъ нужно было вызвать реакцію и ослабить ею все либеральныя нововведенія. Крузе нужно было остудить нагорѣвшее сердце. Ведемъ пріятно играть въ оппозицію, во фронду. Теперь Петербургскіе фрондѣры (да и Московскіе не менѣе) продолжаютъ агитацию и открыли подписку въ пользу Крузе, желая довести ее выше Комисаровской. О. И. Комисарову съ Апрѣля по 30 Декабря собрано только 34 т. р. Для Крузе не соберутъ и этого. Что непріятно въ этомъ фрондѣрствѣ, это личность. Въ собраніяхъ земства рѣчь заводили и о царскихъ мажеврахъ, уничтожающихъ нажиты „бѣдныхъ крестьянъ“, и даже о царскихъ охотахъ, требующихъ снесенія этой повинности съ „бѣдныхъ крестьянъ“ въ смѣту губернскую. Такъ, и въ подпискѣ Крузе замѣшали Комисарова. Я не желаю вѣрить этому и остаюсь при мысли, что цѣль нашихъ магнатовъ—вызвать реакцію и ослабить либеральное направленіе, недостаточно компрометгированное рескриптомъ 13 Мая. Ну, а займы земства?

Если Москва поражаетъ своею пустотою и сплетнями, то Петербургъ напротивъ—лихорадочною дѣятельностію и кознями партій. Большую силу имѣетъ теперь партія Шуваловыхъ, особенно шефа жандармовъ гр. Петра Андреевича Шувалова. Но не такъ возмутительны эти козни и сплетни какъ дерзость пройдохъ въ родѣ Д.... (см. выше). Во второй пріѣздъ свой онъ насказалъ старику Шипову (совершеннѣйшему Москвичу) о тайственныхъ отношеніяхъ издателя „Народнаго Голоса“, нѣкоего Юркевича-Литвинова съ самимъ Государемъ, котораго онъ „частный корреспондентъ“.

Теперь явился и самъ Юркевичъ-Литвиновъ и въ 2½ часовъ бесѣдѣ, какъ передавалъ мнѣ Шиповъ, объяснилъ ему свои отношенія. Онъ подавалъ Государю записку о замышляемомъ на его особу покушеніи гораздо ранѣ 4 Апрѣля и послѣ этого событія вошелъ и теперь состоитъ въ личныхъ отношеніяхъ съ Государемъ. Онъ уже неоднократно представлялъ Государю подробныя записки по разнымъ государственнымъ вопросамъ, чрезъ камердинера по извѣстному ему данному адресу. Такъ онъ отстоялъ золотыя рудники и розсыпи Сибири, которые рѣшено (будто бы) было продать Англичанамъ за сумму въ пятеро дороже нынѣ отъ золота получаемую государствомъ. Онъ выра-

жать свои мнѣнія о министрахъ, какъ Валуевъ находится въ связи съ одною Полькою, живущею въ домѣ Утина, какъ Мезенцевъ кутитъ и взятки беретъ по III Отдѣленію. Онъ предлагалъ Шипову свое предстательство, обѣщая, что завтра же бумаги его (плоды его административнаго авторства) будутъ у Государя. Наконецъ онъ давалъ Шипову и самый адресъ. Все это пахнетъ какимъ-то секретнымъ агентствомъ, какимъ-то шпионствомъ и низкимъ пронырствомъ. Почему Д. и Юркевичъ обратились къ Шипову, человѣку безъ всякаго значенія, мнѣ непоятно. Но тутъ непременно должна быть сѣть или паутина. Меня страхъ беретъ при одной мысли о возможности подобной махинаціи, съ какою легкостію онѣ проводятся и какъ незастѣнчиво.

Рѣчь полков. Полетики, на экономическомъ обѣдѣ, въ купеческомъ клубѣ въ Петербургѣ, обѣгаетъ всю Москву, и Полетика, уже угодившій намъ отвѣтомъ на рѣчь Молинари (въ „Московск. Вѣдомостяхъ“), дѣлается Московскимъ львомъ. Но рѣчь заключаетъ въ себѣ такія дерзкія выраженія, такую бранную критику нашего финансоваго управленія съ 1857 г., что не вѣрнись себѣ, чтобы подобныя порицанія дѣйствій правительства могли быть дозволены въ публичной рѣчи и потомъ напечатаны въ газетѣ („Москва“ № 14 Февраля) во всеобщее свѣдѣніе. Съ такими *клубными явленіями* не поздоровится ни кому, ни министру, ни вообще правительству, достоинство и авторитетъ котораго постоянно и постепенно подмываютъ. Мы живемъ во времена процвѣтанія *клубовъ*. Клубъ Ламанскаго требуетъ свободы торговли, клубъ Полетики требуетъ огражденія внутренней производительности и промышленности. Ораторы бранятся безъ застѣнчивости. Пожалуй, дойдегъ дѣло до дуэлей, не очень впрочемъ любимыхъ нашими любителями словопреній. Въ сущности, присмотрясь поближе, рѣчь Полетики есть личность противъ Евген. Ламанскаго. По поводу споровъ о желѣзныхъ дорогахъ въ 1857 г. назначено было въ пассажѣ публичное состязаніе, на которомъ Полетика велъ себя какъ школьникъ, что вынудило суперъ-арбитра этого состязанія Е. И. Ламанскаго замѣтить Полетикѣ неприличіе его поведенія и заключить свой судъ памятными словами: „нѣтъ, мы еще не созрѣли для публичныхъ преній“. Впрочемъ я уже неоднократно отмѣчалъ здѣсь объ общемъ раздраженіи умовъ во всѣхъ слояхъ и краяхъ нашего преобразующагося отечества. Крестьянскій вопросъ, дешевка, равноправность земства, свобода печати и суда все, и при томъ вдругъ, поставили вверхъ дномъ и выбили изъ колеи самыя скромныя существованія. Головокруженіе такъ велико, что все считается возможнымъ и всякія фантазіи осуществимыми. Все сдѣлалось нехорошо и все нужно передѣлать. Судя по *клубнымъ* знаменіямъ и земскимъ волненіямъ, мы наканунѣ конституціи. Жалко и грустно видѣть, какъ запутывается

дѣйствительность этими отвлеченными, неожиданными и невыработанными, безъ подготовки, преобразованіями. Особенно жаль лицъ, требующихъ опеки и дисциплины и лишившихся ихъ спасительнаго вліянія.

Нѣсколько дѣлъ, кончившихся оправданіемъ подсудимыхъ, о Терентьевѣ (убійство для ограбленія), о Волоховой (мужеубійство) производятъ въ высшемъ обществѣ Москвы большіе толки, жалобы на новый судъ и даже опасенія за безопасность. Рѣшенія этихъ дѣлъ, особенно о Волоховой, дѣйствительно указываютъ 1), или то, что недостаточно обнаруживаютъ виновность при предварительномъ слѣдствіи, или 2), то, что палата недостаточно вникаетъ въ основанія преданія суду или наконецъ 3), присяжные пользуются слишкомъ широкимъ правомъ освобожденія, подчиняясь болѣе чувству жалости, нежели долга и опасаясь болѣе ошибки, нежели утверждаясь на необходимости наказанія виновнаго. Я думаю, здѣсь доля участія всѣхъ трехъ факторовъ, но преимущественно—слѣдователей. Они торопятся, увлекаются нравственнымъ, часто предвзятымъ убѣжденіемъ и свои впечатлѣнія, свои личныя убѣжденія переносятъ на присяжныхъ, становясь, такъ сказать, судьями и забывая, что обязанность слѣдователя есть обнаженіе всего событія до послѣдней подробности и до юридической достовѣрности. На слишкомъ большую быстроту у насъ рассчитывать никакъ нельзя, при нашихъ разстояніяхъ и бродячемъ образѣ жизни. Надобно думать, что опытъ послѣднихъ дѣлъ приведетъ палату къ этому воззрѣнію, и она будетъ возвращать дѣла для дополненія.

За то прекрасно ведено дѣло и постановленъ приговоръ вполне удовлетворительно о студентѣ изъ дворянъ Алексѣѣ Даниловѣ, 19 лѣтъ, осужденномъ за убійство капитана Попова и служанки его, Нордманъ, на 9 лѣтъ каторги. Этотъ процессъ какъ бы примирилъ общественное мнѣніе о новыхъ судахъ, настроивавшееся подъ впечатлѣніями двухъ выше означенныхъ процессовъ.

Сегодня былъ у меня Орловскій губернскій предводитель А. В. Шереметевъ и описывалъ бѣдственное состояніе дворянства и особенно безвыходное положеніе такъ называемыхъ (прежнихъ) мелкопомѣстныхъ. Классъ этотъ, довольно многочисленный, теперь рѣшительно безъ средствъ и почти вынужденъ искать своего содержанія въ воровствѣ и грабежѣ. Эти дворяне, порочные дворовые, порочные солдаты и заштатные чиновники должны составить значительный контингентъ уголовнаго населенія, которое вообще очень многочисленно и грозитъ увеличиться и отъ смягченія наказаній и отъ растущей бѣдности, главной среды набора этого населенія. Имъ и въ Европѣ одно убѣжище,—соціализмъ или предпріятія Мадзини, Гарибальди или феніанизма. Скоро бѣдность по-

требуетъ законнаго признанія права стачекъ и дароваго существованія на счетъ имущихъ.

Я наконецъ видѣлъ „Гражданскій Бракъ“ Чернявскаго, имѣющій такой огромный и продолжительный успѣхъ въ обѣихъ столицахъ. За нѣсколько дней записываются на билеты. Успѣхъ, по моему мнѣнiю, совершенно незаслуженный. Пьеса скорѣе подтверждаетъ, нежели отвергаетъ „женскій вопросъ“. Дядя (Самаринъ) прямо говоритъ, что въ Америкѣ вопросъ этотъ созрѣлъ, а въ Россiи поднимать его рано. Стало быть вопросъ только о времени. Старый слуга (Садовскій) разсуждаетъ, что „Гражданскій Бракъ“ въ *крестьянскомъ* быту непримѣнимъ, и что этотъ бытъ совершенно различенъ отъ дворянскаго. Стало быть, вопросъ о положенiи. Пьеса держится и имѣетъ успѣхъ исполнителями: Шумскій (глупѣйшая роль семинарскаго правоучителя), Садовскій, Федотова и лице самаго дурака-нигилиста (Вильде) разыгрываютъ превосходно и любимцы Московской публики.

Содержанiе очень просто. Глупенькiй молодецъ журнальными фразами обольщаетъ (какъ и чѣмъ именно?) глупую дѣвушку, бѣжитъ съ ней и потомъ бросаетъ ее для какой-то баронессы, помѣшанной на словѣ „рутина“, которое она бросаетъ всякому. Обманутая чахнетъ и умираетъ, произнеся какое-то длинное наставленiе негодяю, явившемуся къ часу смерти въ лохмотьяхъ. Но драма не въ содержанiи, а въ рѣчахъ трехъ резонеровъ—учителя, стараго слуги и дяди. Дядя, и особенно съ игрою Самарина, дѣйствительно выражаетъ современный бытъ нашъ, весь сумбуръ молодаго переходнаго времени.

Сеансiя шести лучшихъ профессоровъ Московск. университета: Соловьева, Бабста, Чичерина, Дмитриева, Капустина и Рачинскаго продолжается. Попечитель оставляетъ свой постъ, министръ не хочетъ входить въ сдѣлку, и такъ, главнѣйшiя каѣдры ожидаетъ запускъ. Началь это дѣло Дмитриевъ протестомъ противъ выборовъ Лѣшкова въ заслуженные профессора на 5 лѣтъ. Протестъ ни на чемъ не основанъ или основанъ на невѣрной ссылкѣ на X т. Свода (безъ указанiя статьи, впрочемъ подходящей). Министръ (Головнинъ) утвердилъ Лѣшкова. По возвращенiи Чичерина изъ заграницы, онъ, по поводу этого же дѣла, вошелъ въ совѣтъ съ мнѣнiемъ, и при пренiяхъ почтенные педагоги напоминали не то бурсу, не то школьниковъ. Совѣтъ, по большинству, отклонилъ разсмотрѣнiе дѣла, конченнаго министромъ. Недовольное меньшинство обратилось къ попечителю, и генералъ Левшинъ предложилъ совѣту войти въ разсмотрѣнiе внесеннаго Чичеринымъ вопроса. Совѣтъ оставилъ предложенiе безъ послѣдствiй, и дѣйствiя Совѣта признаны правильными въ Петербургѣ. Тогда меньшинство подало въ отставку. Все это, говорятъ, игра или борьба партiй, изъ которыхъ старая (ректор-

ская) подь совершеннымъ вліяніемъ Каткова (Леонтьева); а молодая, меньшинство, не желаетъ мать-игуменью (Баршева) въ ректоры и вообще желаетъ управленія и распоряженія по университету исключительно и строго коллегіальнаго.

Я видѣлся съ генераломъ Левшинымъ. Онъ въ лихорадочномъ и жалкомъ положеніи. Онъ и князь Н. И. Трубецкой положительно обвиняютъ гр. Толстаго въ предательствѣ и въ подбострастїи Московской газетѣ. Они увѣряютъ, что министерскій отвѣтъ продиктованъ Деянову у Каткова-Леонтьева. Что „Московск. Вѣдомости“ имѣютъ большое вліяніе, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; что Головинъ и гр. Толстой подкупали Каткова разными предложеніями, это даже напечатано; но изъ самаго несвязнаго разсказа Левшина видно, что онъ виноватъ самъ: предлагая Совѣту войти въ разсмотрѣніе мнѣнія Чичерина, онъ дозволилъ себѣ сдѣлать всей коллегіи—замѣчаніе, не имѣя на то права. Вообще онъ сдѣлалъ на меня самое печальное впечатлѣніе. Не менѣе жалкое существо и ректоръ Баршевъ. И при такихъ личностяхъ ожидаютъ порядка! И въ какое время! Немудрено, что отношенія путаются, мелкія самолюбія сталкиваются, дрызги раздуваются въ толстые и знаменательные факты, а университетская молодежь страдаетъ. Вообще незапное появленіе журналистики, какъ силы, привело многія условія въ смѣшеніе и многія личности въ смятеніе.

Сегодня очень долго сидѣлъ у меня генераль-губернаторъ, нашъ роскошный князь Влад. Андр. Долгорукій. Онъ вялъ, женоподобенъ и ограниченъ. Конечно постъ его потерялъ прежнее значеніе, но то значеніе, которое можетъ поддержать щегольской генераликъ, постъ этотъ имѣть уже не можетъ. Къ означеннымъ качествамъ князь присоединяетъ то, что онъ трусоватъ и окольными дорогами любитъ заискивать въ писакахъ и въ журналахъ. Онъ доискивался, отъ чего бы мнѣ не принять мѣсто попечителя университета? Я объявилъ ему тоже что и Деянову. Если Совѣтъ университета будетъ поставленъ въ зависимость отъ попечителя округа, то я готовъ потрудиться и особенно надѣюсь быть полезенъ для гимназій, гдѣ распущенность и нигилизмъ господствуютъ систематически. Во всемъ разговорѣ князя столько мелочной растянутости, незрѣлости и незнанія государственнаго дѣла, что удивляешься, какъ не раскусилъ его Петербургъ, посылая на воеводство въ такую столицу и въ такое время! Въ немъ нѣтъ ни авторитета, ни хитрости, ни даже ловкости. Онъ неспособенъ ни на что рѣшиться, ничего отвергнуть, а только медленно и мягко жевать дѣло, пересыпая самыми пошлыми Французскими прибаутками. Углубиться въ предметъ онъ не можетъ, а во всемъ, что выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ онъ видитъ только опасность неудачи или умыселъ компрометировать его поло-

женіе. Онъ хорошо угощаетъ обѣдами и раутами, прекрасно одѣвается и причесывается. Воже мой, какимъ людямъ поручаются такіе важные интересы и въ такое важное время!

Генераль Тотлебенъ присланъ сюда для образованія Московскаго отдѣла благотворительнаго общества для арміи. Общество должно обнять всю имперію и дѣйствовать на манеръ Прусскаго *Johanniter* и *National-Bank* (частное общество попеченія о больныхъ и раненыхъ во время войны). Предѣвателемъ отдѣла митрополитъ. На дняхъ появится правительственное объявленіе о томъ, что Россія приступаетъ къ постановленіямъ Женевскаго кантона о госпиталяхъ и уходѣ и пособіи раненымъ во время войны. Извѣстно, что конгрессъ подводитъ эти учрежденія и лицъ, въ нихъ участвующихъ, подъ охрану международнаго права. Нельзя сказать, чтобы агитація Тотлебена привлекла многихъ участниковъ; всѣ жалуются на безденежье, и многіе видятъ въ новомъ обществѣ эксплуатацію, невольное пожертвованіе, облеченное въ довольно бюрократическія формы. Но митрополитъ и старые генералы заняты имъ и вѣрять въ успѣхъ, котораго я, старый генераль, не жду, потому что всѣ сколки и подражанія, какъ и всѣ наши теоретическія созиданія, не могутъ преуспѣвать, будучи чужды жизни и понятіямъ народнымъ, жизни бѣдной, понятіямъ, поглощеннымъ насущными требованіями. Герой Севастополя болѣе Прусакъ и дѣйствуетъ какъ истый *Johanniter*, пріѣхавшій изъ Берлина въ Петербургъ.

Старику митрополиту есть бы чѣмъ заняться и другимъ, если на 86 году могутъ люди заниматься дѣльно. Въ газетахъ развивается и разрабатывается въ Синодѣ и въ полемикѣ вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ и семинарій и о прекращеніи духовнаго сословія какъ касты. Требуютъ и хотятъ сдѣлать, чтобы священники были не по назначенію, а по призванію, *par vocation*, какъ говоритъ Мишле. Андрей Муравьевъ сильно возмущается противъ этого. Всѣ газеты защищаютъ, и защищаютъ громко начало невмѣстности касты съ современною гражданственностію. Вотъ тутъ старику Филарету, съ его авторитетомъ и познаніями, есть достойное призваніе. Начала, вводимыя помимо историческаго пути развитія и внѣ постепеннаго его движенія, способны исказаться самымъ непредвидѣннымъ и самымъ уродливымъ образомъ. Въ 1860 годахъ въ Петербургѣ были въ модѣ благотѣльные Воскресенныя шволы, превратившіяся, къ крайнему изумленію правительства, въ открытыя кафедры нигилизма и коммунизма. Нельзя не имѣть опасеній, что къ священству возымѣютъ призваніе такіе молодцы „Молодой Россіи“ или „Земля и Воля“ или „Свобода № 1 и 2“, социалисты и фанатики, которые вызовутъ расколъ повсемѣстный, дробный, превратятъ храмы Божіи въ аудиторіи и оперируютъ слѣпоту народную. такъ что

отъ вѣры и слѣда не останется въ потоцѣ разныхъ вѣрованій, убѣжденій и толкованій. Аматеры-священники превратятъ святое дѣло въ политическую пропаганду, и „батюшки“ будутъ артистами, учителями и пропагандистами. Начало призванія введетъ въ нашу церковь что-то лютеранское и лишитъ ее православія, охраняемаго единствомъ служителей и вѣками сложившейся вѣры, основанной на текстѣ Св. Писанія и обрядности служенія.

Несмотря на два лотерейные займа, на два вѣшніе займа, на выпускъ двухъ серій билетовъ казначейства, deficit въ государственной росписи смѣется надъ всеми сокращеніями, входящими иногда до смѣшнаго (въ институтахъ), и правительство рѣшилось *in principio* продать Николаевскую желѣзную дорогу, чтобы продолжать начатую сѣтъ до Кіева и далѣе. Помогай Богъ и займамъ, и постройкамъ, но избави Боже отъ отчужденія. Странное предубѣжденіе господствуетъ надо мною. Я люблю и уважаю замышляемые и исполняемые преобразования и предпріятія, но я не вѣрю въ ихъ оконченность и въ ихъ пользу. Мнѣ кажется, мы непременно напутаемъ; мнѣ кажется, и блескъ судебной реформы и диктаторскія, революціонныя мѣры въ Польшѣ и въ Западныхъ губерніяхъ ни къ чему полезному не приведутъ. Усиленіе преступленій—разъ, раззореніе края—два. Мнѣ кажется, мы все дѣлаемъ вторые шаги, не сдѣлавши первыхъ и прыгая, идемъ невѣрно и непрочно. Такую же торопливость вижу я и въ постройкахъ желѣзныхъ дорогъ и въ выборѣ ихъ направленій. Мнѣ кажется, самый общій планъ главнѣйшихъ направленій не изученъ достаточно. Дорога на Либаву, съ Козлова на Воронежъ—это роскошь, а мы строимъ въ долгъ и съ гарантіями.

Мы подражаемъ Западу, болѣе нежели когда нибудь. Ничего самостоятельнаго, ничего истекающаго изъ своихъ родниковъ жизни. Непомѣрно быстрое движеніе наше на политическихъ поприщахъ самоуправленія и гласности обратится къ нашей же невыгодѣ. Засѣданія самоуправленій заняты обвинительными актами администраціи, колонны гласности дерзкою до самозабвенія полемикою мнимыхъ партій и разными обличеніями, гораздо болѣе враждебными, нежели *воровскія* обличенія „Колокола“. А между тѣмъ политическое это направленіе подрываетъ солидное добросовѣстное ученіе въ гимназіяхъ и университетахъ. Въ этомъ главная причина нашей отсталости, и она продлится, доколѣ не придемъ мы къ нормальному состоянію, когда постепенность успокоитъ умы, когда прочные порядки не будутъ грозить самымъ вѣрнымъ расчетамъ и когда твердость организаціи отвѣтитъ за его продолжительную и полезную дѣятельность.

Университетское дѣло разыгрывается дурно. Шесть лучшихъ преподавателей написали довольно рѣзкое письмо къ министру и, по моему, должны безповоротно выдти изъ учебнаго вѣдомства. Если письма не извращаютъ событій, то шесть профессоровъ совершенно правы. Къ нимъ присоединились Мюльгаузенъ и Буслаевъ, но эти двое прошеній объ отставкѣ не подавали. Говорилъ мнѣ (Левшинъ), что Буслаевъ въ Совѣтъ и очень мирно заявилъ собранію, что онъ находитъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ университета быть подъ чьимъ бы то ни было вліяніемъ. Говорятъ, что Наслѣдникъ, встрѣтя графа Толстаго, сказалъ ему: „Вы смотрите, защитите моихъ Московскихъ пріятелей“. Мнѣ очень не нравится, что въ подобныя исторіи всегда замѣшиваютъ императорскую фамилію. Теперь, когда партія охранительная (олигархи) поднимаетъ голову, всѣ газеты сочли долгомъ своего служенія ополчиться на эту партію подъ видомъ разбора мнѣнній газеты „Вѣсть“, и Катковъ написалъ нѣсколько весьма сильныхъ передовыхъ статей, назвавши покровителей „Вѣсти“ *врагами народа*. Слова народъ и нація, Россія стали употребляться чаще и рельефнѣе. Въ трехъ превосходныхъ статьяхъ (Ю. Ѳ. Самарина) въ „Москвѣ“, направленныхъ противъ пановъ и бароновъ, разбирается между прочимъ идея, какъ объединяющее начало, о *царь-дворянствѣ*, о царѣ, какъ первомъ служиломъ чловѣкѣ и проч. Едва ли эти разсужденія принесутъ больше силы авторитету, и вовлеченіе царскаго чина въ газетную полемику сближаетъ мысль съ вопросомъ объ отвѣтственности верховной власти, по крайней мѣрѣ въ ея представителяхъ и исполнителяхъ. Ожидаютъ запрещенія „Москвы“; но и эти мѣры скоро пріѣдутся. Восторжествуй шестеро профессоровъ, и кафедры готовы будутъ превратиться въ трибуны; побореть министръ, выхоть шести даровитыхъ преподавателей произведетъ общее тяжелое впечатлѣніе, раздражитъ Московскую и другую молодежь и вызоветъ публичныя заявленія, для которыхъ нужны будутъ новыя изыятія, прещенія и строгости. Такъ неловко и неразумно ставить себя правительствомъ услужливыми какъ медвѣдь неспособностями. Оно безъ достоинства, безъ силы и безъ оружія. Финансовое разстройство дастъ событіямъ верхъ (или уже дало?) надъ властію, изнуряемую превратными и плохо обдуманнми направленіями, и—пошла писать! Правда, насъ спасаетъ невѣжество народа; по во-первыхъ, есть людъ и безъ народа, мѣщане, церковники, мелкіе дворяне, чиновники и бывшіе дворовые (ихъ много), а во-вторыхъ, донимаютъ и народъ дешевою и налогами. Преступность растетъ, самоубійства множатся, и самыя основы нравственности и порядка представляются очень сомнительными. Странное явленіе: свобода и образованность выражаются у насъ распущенностію и развращеніемъ. Никогда не было столько льготъ и никогда не было столько смертныхъ казней.

У насъ только и слышишь, что правительство тупо и глупо, и что оно или занимаетъ, или выпускаетъ бумажки, или продаетъ, вчера съ Николаевскую дорогу, сегодня Съверо-американскія владѣнія. Все это не нормально и все это находить въ обществѣ плохой отголосокъ. Вообще, настоящимъ преобразованіямъ сочувствуютъ одни журналисты, и та небольшая партія, которая считалась при Николаѣ либералами, идеологами. Всѣ сословія ропщутъ; ропщутъ не на преобразованія, а на умаленіе благосостоянія. Прежде было больше довольства. А большинство наше, милліоны изъ насъ, прежде всякой свободы желаютъ обезпеченія матеріальнаго. Большинство—это народъ. Невѣжество его спасаетъ насъ, и всѣ эти разбрасываемыя прокламаціи, золотыя грамоты, пропаганда, представляются какими-то единичными, безсвязными явленіями. Народъ можно пошевелить мощною и мольбою. И этого-то главнѣйше надобно опасаться. Налоги дѣлаются несоразмѣрными съ крестьянскими средствами, экзекуція не приноситъ пользы, она только разоряетъ въ конецъ. Случись наводненіе, голодь, должно ожидать явленій страшныхъ. Уголовная статистика подтвердитъ, что преступность развивается по мѣрѣ нужды и *моль*. Молитва т. е. богослуженіе и проповѣдь—главная и единственная всенародная школа—тоже чаютъ опасности. Бояться должно, что народъ, при свѣтскомъ духовенствѣ, весь перейдетъ въ расколъ поповщины, какъ въ 1791 г. Французы содержали своихъ *безприсяжныхъ* священниковъ. Когда эти двѣ мѣры переполнятся, тогда народъ заговоритъ, и ослабленное въ силѣ и достоинствѣ правительство потеряетъ въ глазахъ его всякое значеніе.

Тутъ припомнить расточительность и мотовство правительства. Замѣчательно, что у насъ было это время два дѣла объ оскорбленіи величества, въ которыхъ крестьяне, на сходкахъ о недоимкѣ, называли Государя *мотомъ*. Тогда народъ припомнитъ и страшную роскошь Петербурга и воровства въ милліонахъ, совершенныя чиновниками, всѣ эти Клевенскіе, Полятковскіе, Вердеревскіе, Гаевскіе и *tutti quanti*, мелкіе и крупныя. Въ самомъ дѣлѣ, украсть милліонъ, украсть *полтора милліона* соли, это возмутитъ хоть какое равнодушіе. Полтора милліона соли—это цѣлая гора, а надъ этими горами сидѣли губернаторъ, генераль Одинцовъ и генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ Огаревъ. Да кѣмъ же окруженъ Государь? Васъ обманываютъ! Въ эти одиннадцать лѣтъ сколько безвозвратно, непроизводительно и безслѣдно потрачено денегъ!

Редакція „Москвы“ въ 66 № 23 Марта дошла до послѣднихъ предѣловъ свободы, либеральничанья и цинизма. Разбирая циркуляръ цензурнаго комитета, вслѣдствіе требованія гр. Адлерберга (старого волокиты) о неприличныхъ отзывахъ печати про театры, редакція (не-

премѣнно П. Аксаковъ) предпослала самому разбору нѣсколько рѣзкихъ сужденій о несогласіи новыхъ порядковъ съ требованіями „репрессивныхъ старческихъ похотей“. Со времени женитьбы Аксакова на фрейлинѣ Аннѣ Тютчевой, перо его частенько выражается несовѣмъ галантерейно. Впрочемъ „Москва“ вѣрна и „Парусу“ и „Дню“. Аксаковъ неизмѣненъ. Жаль, что накликается на запрещеніе; точно, оно въ его видахъ.

Другой редакторъ, М. П. Погодинъ, тоже неизмѣненъ; онъ crescendo вѣренъ тому, что онъ былъ за 15, за 25, за 35 лѣтъ. Какъ я очертилъ его въ „Царѣ-Горохѣ“ въ 1833 году, онъ такой растрепанный, невытѣтый, нечесанный и остался и остается. Онъ съ 13 Марта издастъ недѣльную газету „Русскій“. Гораздо приличіе бы было назвать его народнымъ *Стелка-растрепка*. Боже мой, что это за газета! На какой-то оберточной бумагѣ, какимъ-то плохимъ шрифтомъ, со множествомъ опечатокъ и почти всея страницы (4 №№)—пера редакціи. А онъ все тотъ-же! Говорить обо всемъ спѣшно, поверхностно, жалко: путаешь предметы, смѣшиваетъ обязанности, безпрестанный павосъ, опять величіе, богатства Россіи, жителей сто милліоновъ, земель не мало, Ташкентъ, Архангельскъ и Дербентъ, наши дипломатическіе чиновники при посольствахъ, наши царицы изъ Гречанокъ и слава Великорусскаго племени, и *bala* вмѣсто *fata* и *folia* *fournée* вмѣсто *folle journée*, и отодрали бы его розгами, а не судить два часа, и представить бы сдѣлать расправу судебному слѣдователю—„и вся недолга“! Не вѣришь глазамъ. Точно человѣкъ не въ здоровомъ умѣ. Выбитый изъ колеи, Погодинъ дѣйствительно болѣнъ лихорадкою самолюбія; но я никакъ не ожидалъ, чтобы въ настоящее время онъ рѣшился писать и мыслить такъ безцеремонно и перяшливо. Онъ просто принимаетъ публику за свою семью съ ея прислугою. Такое служеніе вредитъ и дѣятелю. Впрочемъ онъ не можетъ быть опасенъ. Онъ рубитъ сплеча и хвалится Русскою силою и нашими богатствами. Опасны „Москов. Вѣдомости“, опасна „Москва“. Онъ часто говоритъ не разсудку, а страсти и первыя бросаютъ прямо въ лицо подозрѣнія и утрашенія, говоря съ авторитетомъ.

Прочель я драматическую хронику Островскаго „Самозванецъ и Шуйскій“. Это дѣйствительно не драма, а хроника, разговорная исторія по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (Костомарова и Бицына). Сочиненіе замѣчательное, прекрасно обработанное, иногда мастерски сгруппированное, но едва ли исторически вѣрное. Шуйскій представленъ героемъ, какимъ, кажется, не былъ, не умѣвъ справиться даже съ Тушинскимъ таборомъ. Монологъ его къ боярамъ, послѣ ссылки, исполненъ потрясающихъ впечатлѣній. Это одна изъ лучшихъ страницъ. Монологъ Дмитрія о томъ кто онъ—тоже хорошъ. Дмитрій представленъ умнымъ

и ловкимъ вѣтренникомъ, а кажется, послѣ столькихъ опытовъ, онъ могъ бы быть носолдѣе. Разговоръ съ Мариной много теряетъ послѣ сцены у фонтана Пушкина, но исторически, кажется, правдоподобѣе Пушкина. Дмитрій самъ не зналъ кто онъ. Въ отвѣтъ Марины о „безспорныхъ наслажденіяхъ“ есть что-то не дѣвичье и не 1600-е годы. Удивительно откровененъ герой Шуйскій. Уже при въѣздѣ Дмитрія онъ дѣлаетъ вѣлухъ ясныя намеки. Въ самомъ монолoгѣ выражается на смѣшка и жажда мести боярамъ. Въ Маѣ 1606 г. онъ привлекаетъ въ заговоръ не только бояръ, но и уличную толпу за недѣлю до возстанія. Сдается мнѣ, что въ сочиненіи есть и тенденція. „Смерть І. Грознаго“ графа Толстаго представляетъ бояръ какъ оплотъ престола и опекуновъ народа; здѣсь Шуйскій объясняетъ, что бояре дѣйствуютъ ложью, когда надо. Бояринъ говоритъ, что народъ—стадо! Поставить хронику на сцену можно, и эффектовъ будетъ много; но постановка обойдется дорого. Развѣ пригодятся декорации и костюмы драмы гр. Толстаго? Сомнѣваюсь, чтобы дирекція поставила. „Репрессивныя старческія похоти“ не захотятъ.

Этотъ же предметъ (Годуновская эпоха) подъ названіемъ „Смута“, обработалъ и еще съ бѣльшимъ знаніемъ исторіи (кромѣ Чаева) другой писатель—Вицынъ; но книга его, думаю я, будетъ имѣть успѣхъ посредственный. Языкъ лѣтописи тяжелъ для чтенія, темень, суховатъ. Здѣсь герой Шуйскій—просто баба, а настоящій герой—Ляпуновъ или Мининъ. Есть что-то возбуждающее въ этомъ сосредоточенномъ на народной эпохѣ изученіи смутнаго времени. Вызывается, выставляется народъ и одушевленіе, демократія и война. И въ самомъ дѣлѣ, въ воздухѣ пахнетъ народомъ и войною. При данныхъ льготахъ и вольностяхъ стыдѣе сносятся Парижскія невзгоды 1856 года и, пользуясь своими правами, печать хочетъ сослужить народную службу.

Газета „Москва“ получила третье предостереженіе и приостановлена на 3 мѣсяца. Основанія выражены различныя и общія, и частныя, и мѣстныя. „Московскія Вѣдомости“ замѣчаютъ: „за №№, въ которыхъ опровергались извѣстныя тенденціи газеты „Вѣсть“. Эта война съ м. в. д. Валусевымъ довольно смѣлая; но справедливо ли это замѣчаніе? Нѣтъ. Статьи „Москвы“ относились къ Остзейскому краю и, писанныя Самаринымъ, имѣли всю поступь личности противъ Валусева, дѣйствовавшаго въ краѣ съ указаннаго въ статьяхъ 1849 года. Къ этой личности присоединяется вѣроятно и другая: старческія похоти гр. Адлерберга. А все это имѣетъ источникомъ необузданное стремленіе Московскихъ газетъ глумиться надъ правительствомъ и несомнѣнное усиленіе реакціи. Если Московскія газеты безпрестанно толкуютъ о народѣ, о врагахъ его, то газета „Вѣсть“ такъ и сѣменитъ о революціонныхъ событіяхъ.

объ охранительныхъ началахъ. Походъ на „Вѣсть“ доказываетъ, что реакція дѣйствительно усиливается и, усилясь, надѣется окружить Государя своими людьми и съ помощію ихъ, съ малыми прибавками, измѣнить и земскіе и судебные порядки. Изъ Петербурга безпрестанно приходятъ слухи о перемѣщеніяхъ въ реакціонномъ духѣ: на мѣсто Мельникова—гр. Баранова, Милютина въ Варшаву, слабаго Замятина прочь. Они готовы были бы спустить и Рейтерна, да не обрѣтается въ рядахъ финансиста. Графъ Дм. Толстой консерваторъ изъ консерваторовъ. М. Лонгиновъ назначается—губернаторомъ*). Подождемъ 17 Апрѣля. Государь ѣдетъ въ Москву. Москва всегда имѣетъ вліяніе въ національномъ смыслѣ. Национальный смыслъ немножко патріархальный, помѣщичій; но осуществленіе нашихъ либеральныхъ реформъ совершено такъ быстро, такъ круто, столько смѣшало и оскорбило столько привычекъ, положеній и вкоренившихся обычаевъ, что оппозиція патріархальнаго (разумѣется, теперь облагороженнаго) порядка должна принести свою долю пользы. Можно опасаться одного: какъ бы одностороннія помѣщичьи стремленія не повели дѣла своекорыстно и узко. Разумѣется, свободная печать не допустила бы этого, но допустить ли свободную печать?

Вотъ обнародована и государственная роспись на 1867 годъ. Она весьма замѣчательна. Во-первыхъ, бюджетъ Царства введенъ въ общую роспись, хотя частію, въ видѣ отдѣльнаго параграфа. Во вторыхъ, значительно увеличены прямые налоги. Въ третьихъ, увеличивается значительно и процентный долгъ. Въ 1867 году числится процентовъ 75 милліоновъ. Уменьшилась сумма акциза съ вина. Аренды требуютъ 2 мил. Пенсіи—17 мил. Возвышеніе налоговъ—мѣра въ высшей степени непопулярная. Народъ начинаетъ роптать. Въ виду недоимки и, пожалуй, „доимочный приказъ“. Конечно есть заработки—земляныя работы на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ; но эти мѣстные заработки далеко не такъ выгодны, какъ это можетъ казаться, и при томъ же крестьяне находятъ тутъ соперничество въ штрафныхъ солдатахъ и арестантахъ. Будь неурожай, приди война, недоимки въ прямыхъ налогахъ удвоятъ, упятерятъ 4 мил. предположенные въ росписи. Проценты по внѣшнимъ займамъ, не покрываемые Сибирскимъ золотомъ, еще болѣе понизятъ нашъ бумажный рубль, и теперь стоющій уже 320 сантимовъ.

*) Я потому упоминаю здѣсь о М. Лонгиновѣ, что этотъ извѣстный крѣпостникъ, говоря со мною зимою 1866 г. о необходимости оппозиціи правительству, закончилъ такъ: „Что же дѣлать, если все правительство наше состоитъ изъ революціонеровъ!“ Теперь г. крѣпостникъ составляетъ часть этого правительства. Я, собственно, вижу въ этомъ болѣе случайность, нежели послѣдовательность системы.

Ожидали сокращеній. Но какія могутъ быть сокращенія при общихъ преобразованіяхъ, при затратахъ на новыя орудія, при общемъ возвышеніи окладовъ жалованья? Отъ скромной (не очень скромной) цифры 1855 года 264 мил. дохода сѣмѣта на 1867 годъ ожидаетъ дохода 397 миллионѣвъ, и это въ 12 лѣтъ! Нормальный расходъ (до войны) 1840-хъ и 1850-хъ годовъ требуетъ, уже думая о войнѣ—огромной суммы 280 мил. А теперь, на 1867 г. со всеми сокращеніями и безъ приготовленій къ войнѣ, этотъ нормальный расходъ, *по росписи 1867 г.*, исчисленъ въ 444 миллиона! Но сколько передержится—неизвѣстно. А остановиться трудно, невозможно. Много характера, силы воли нужно для поворота къ нормальнымъ исчисленіямъ. Радикальныя реформы всегда ведутъ къ неумѣреннымъ тратамъ, ибо на нихъ основывается успѣхъ этихъ реформъ. Бюджетъ Петра I-го былъ едва ли въ 4 миллиона, но народъ тяготился налогами и называлъ великаго дѣятеля порожденіемъ сатаны, антихристомъ. Народъ уже ропщетъ и теперь. Онъ обвиняетъ Петербургъ въ мотовствѣ, и гласные изъ крестьянъ открыто говорятъ въ земскихъ собраніяхъ, что сборы дѣлаются невыносимыми. Будь еще внутренній заемъ—торговля станеть; она и теперь остановилась на главнѣйшихъ ярмаркахъ, въ Нижнемъ, въ Полтавѣ, въ Ростовѣ, въ Ирбитѣ. Въ нуждѣ и бѣдности просвѣщеніе не пойдетъ. Онъ ведутъ къ преступленіямъ и преступленіямъ наглѣмъ.

Апрѣль. Сегодня обѣдалъ у меня финансистъ (герой протекціонистовъ), возвратившійся изъ Петербурга *), гдѣ онъ представлялъ ходатая за фабричныхъ и получилъ обѣдъ съ рѣчью Полетинки. Уши вянуть, слушаая его рассказы о томъ, какъ выходятъ по жребію 5% билеты („да въроятно и лотерейныя“) и какъ своеобразно дѣлаются заграничныя операціи, теперь выдѣленные изъ вѣдомства Банка.

Продана Русская Америка, продается Николаевская дорога, компанія отказывается отъ проведенія телеграфа черезъ Сибирь, Берлинскіе капиталы отказываютъ въ ссудахъ на земекія дороги, Рейтернъ и Гротъ предсказываютъ deficit въ акцизномъ сборѣ до 25 мил. Обѣщаютъ новый заемъ, грозятъ войною. Ничто не страшно. Никакія явленія не страшны, страшны ихъ причины и послѣдетвія. Важно то, какъ продать, на какихъ условіяхъ. Вообще пора бы постановить законъ о порядкѣ отчужденія государственной собственности. Я написалъ объ этомъ большой трактатъ въ Министерство Госуд. Имуществъ, но въ ходъ онъ не пошелъ: тогда въ ходу была раздача казенныхъ земель. Я предполагалъ предоставить это общему собранію Сената и Государственнаго Совѣта, но выслушаніи мнѣній отъ сословій мѣстности, гдѣ

*) Александръ Павловичъ Шиневъ.

находится имущество. Вообще, у насъ важнѣйшія дѣла совершаются довольно несложно, единолично и безъ особенныхъ гарантій обдуманности и отвѣтственности. Чтобы получить св. Станислава 4 степени, нужно три представленія, извѣстные условія, положенія комитета всѣхъ министровъ и высочайшее его утвержденіе; а чтобы получить 22 т. десятинъ (цѣлый Лихтенштейнъ) достаточно доклада генераль-майора Зеленаго и его же подписи: высочайше повелѣно исполнить. Такъ иногда по личному докладу и единоличному рѣшенію возвышаются (и какъ!) и устанавливаются подати, какъ это было въ 1859 г. о возвышеніи оброчной подати и установленіи лѣсной. Всѣ хотять выслужиться и нажитья, а достоинство, уваженіе и охраненіе царской власти намъ ни по чемъ. О государствѣ, объ отечествѣ только говорятъ. Надобно надѣяться, что гласность выработаетъ болѣе отчетливости и добросовѣстности въ нашей частной, общественной и государственной сферахъ. Дай Богъ! Но я опасаясь и послѣдствій искаженія гласности. Гласная чернота—это уже цинизмъ, гласный порокъ—это уже безстыдство, гласный обманъ—это уже ремесло. Гласность есть отчетъ суда обществу, общественному мнѣнію. Общество есть сложившійся организмъ, а общественное мнѣніе есть окрѣпнувшее понятіе объ общихъ предметахъ. Сложиться организму можно въ извѣстныхъ рамкахъ и при извѣстныхъ условіяхъ, которыя у насъ можно найти городахъ въ пяти-шести. Какое общество во Владимирѣ, въ Вѣлозерскѣ, въ Ладогѣ? Въ Петербургѣ есть общество и должны бы были окрѣпнувшія понятія объ общихъ предметахъ; между тѣмъ посмотрите: Протопоповъ ударилъ въ лицо главнаго своего начальника гр. Коскуля за то, что опредѣленъ помощникомъ гр. Комаровскій. Публика аплодируетъ защитнику, она аплодируетъ оправданію Протопопова присяжными. Предѣдатель приказалъ публикѣ оставить залу. Аплодируя и выходя изъ залы (пишутъ мнѣ) многіе громко говорили, кричали: „такъ и надобно этимъ Нѣмцамъ“ (гр. Коскулю), или „графы-монополисты“ (Сиверсъ, Коскуль и Камаровскій). Какое же это окрѣпшее понятіе о томъ, что „никого, а тѣмъ менѣе начальника, бить не слѣдуетъ?“

Телеграммы о войнѣ изъ Люксембурга перекрещиваются, мѣняются и маскируются. Дѣло придумано дѣйствительно запутанное. Въ Лондонскихъ конференціяхъ въ 1831 г. Люксембургъ былъ раздѣленъ на двѣ части, и *Французскій* назначенъ былъ Бельгіи, а другая половина меньшая, *Нѣмецкая*, Голландіи. Когда наконецъ и Голландія, въ 1839 г., приступила къ этимъ конференціямъ, то въ окончательномъ трактатѣ, въ отношеніи Люксембурга, пояснено, что король Голландскій войдетъ въ соглашеніе „съ Германскимъ союзомъ и агнатами Нассаускаго дома“. Теперь нѣтъ ни союза, ни Нассаускаго герцогства. Ихъ представляетъ

Пруссія, гр. Бисмаркъ. Уже одно то обстоятельство, что Прусскій гарнизонъ остался и остается въ крѣпости и по выходѣ Люксембурга изъ союза, доказываетъ, какую важность прилагаетъ Пруссія этому пункту. Важенъ онъ и для Франціи, какъ стратегическій пунктъ и какъ начало аннексіи Бельгій. Поэтому война вѣроятна, и обращеніе къ державамъ Лондонскихъ конференцій есть просто отерочка для окончанія вооруженій. Нѣтъ сомнѣній, что Франція заручилась Голландіей и Австріей. Наполеонъ такъ много имѣлъ неудачъ, и такъ упало его обаяніе, что ему нужны блескъ, громъ и слава, чтобы держать въ рукахъ славолюбивую націю. Но тутъ, кажется, ожидаетъ его „еще ошиба“ и послѣдняя неудача. Люксембурга ему не дадутъ, и Пруссіи ему не побѣдить. Первенствующая на материкѣ держава перестаетъ быть ею: во всѣхъ отношеніяхъ Франція второй имперіи оказывается несостоятельною. Но для окончательнаго сокрушенія революціонныхъ династiov едва ли не потребуется участіе Россіи. Нежелательно. И Франція, и династы падутъ сами. Намъ желателенъ миръ для приведенія въ порядокъ финансовъ и для развитія и водворенія нашихъ новыхъ порядковъ. Осуществивъ это, черезъ 10—15 лѣтъ, насъ узнать будетъ трудно. Явится плотное, объединенное великое государство, которому въ братскія объятія побѣгутъ все Славяне и которому протягиваетъ руку дружбы могущественная республика Новаго Свѣта.

Пріѣздъ и пребываніе Государя съ Цесаревичемъ, Цесаревною и Владимиромъ (съ 21 Апрѣля по 1-е Мая) оживили нашу Москву и многихъ изъ насъ, мирныхъ жителей, замучили встрѣчами, представленіями, *baise-main*'ами, балами и обѣдами. Обѣдъ былъ впрочемъ одинъ во дворцѣ (подрядчика Ташкина, по 12 рублей съ персоны и съ винами), балы у генераль-губернатора (богатый, блестящій и съ ужиномъ), отъ дворянства (бѣдный, въ плохихъ залахъ и безъ ужина) и во дворцѣ. Купечество построило павильонъ въ Сокольникахъ. Время очень дурно. Грязь, слякоть, дождь, морозъ и снѣгъ. Мостовыя ломаютъ экипажи. Государь застрялъ, ѣхавъ въ институтъ. Я участвовалъ во всѣхъ собраніяхъ, и для меня это было настоящая служба, тяжелѣ сенатской. Цесаревна очень молода и очень мила; ручка ея—ручка ребенка; необыкновенно чисты и ясны ея черные глаза; туалеты, особенно брилліанты чрезвычайно роскошны. Разказовъ объ ней никакихъ нѣтъ, ни о вопросахъ, ни объ отвѣтахъ, ни о наблюдательности. Вѣздъ ея 21 Апрѣля и особенно отъездъ, 1 Мая, въ Сокольники и на станцію были великолѣпны. Сплошныя массы народа стояли по сторонамъ стѣною, полками, горами. Иллюминація удалась вполне, павильонъ купечества былъ драпированъ и иллюминированъ превосходно.

Такъ торжествовала старая столица знакомство свое съ Цесаревной. Она „голубушка“, постоянно была здорова, весела, любознательна и внимательна. Она отозвалась (будто бы), что Москва понравилась ей болѣе Петербурга (сомнительно, послѣ величавой встрѣчи ея въ Петергофѣ, Царскомъ и Петербургѣ, съ дворомъ, гвардіей и дипломатами) и что она полюбила Москву. Это очень вѣроятно. Въ Москвѣ она была полною хозяйкой, исключительнымъ предметомъ любопытства, всякаго вниманія и всѣхъ манифестацій. Въ Петербургѣ нѣтъ краснаго крыльца съ царскою площадью и соборами и всѣмъ Кремлемъ. Святыня эта влияетъ на глубокое чувство религіозности. Нѣжность Государя къ ней видна на каждомъ шагѣ; я не видѣлъ, чтобы Цесаревна хотя бы словечкомъ обмѣнилась съ мужемъ. Вообще онъ былъ скромень и молчаливъ, стараясь постоянно ступенькаться. Я сей часъ (10 часовъ) изъ Сокольниковъ и записываю это памятное время. По обыкновенію сыпались награды, шифры, аренды.

Всѣ толкуютъ объ ожидаемыхъ реакціонныхъ мѣрахъ. Но въ чемъ же онѣ могутъ быть? Ихъ легко достигнуть двумя путями: назначеніемъ на мѣста лицъ извѣстнаго положенія и направленія и возвышеніемъ ценза при всякихъ выборахъ, присяжныхъ и гласныхъ. Такъ, по согласится-ли высшій цензъ служить, трудиться? Едва-ли. Служить и трудиться наши высокіе цензы не привыкли, они любятъ столичные удобства и легенькія достижения. Могутъ ограничить судъ! Но какъ? Перепортивъ? Въ судахъ желательно бы видѣть болѣе строгій выборъ въ назначеніи лицъ. Старшій предсѣдатель Полѣновъ жаловался на невѣжество и неопытность членовъ палаты. Здѣшній прокуроръ палаты Ровинскій жилъ открыто со вдовою своего брата и теперь, перессорившись съ ней, бѣжалъ изъ своего дома и поселился въ №№ Кокорева. Въ провинціи члены окружныхъ судовъ изъ рукъ вонъ плохи. Я съ своей стороны, въ письмѣ отъ 17 Апрѣля на имя гр. Викт. Никит. Панина, какъ главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, обратилъ вниманіе на сильно увеличивающееся число преступленій. Ихъ напримѣръ было:

	1860.	1861.	1862.	1863.
Число подсудимыхъ вообще . . .	407,927.	450,462.	474,518.	488,452.
Въ томъ числѣ временно-обязанныхъ	19,600.	22,681.	24,964.	27,000.
Осуждено: за преступленія противъ верховой власти	47.	65.	172.	4,785.
Осуждено: противъ органовъ сей власти	2,701.	2,769.	3,753.	3,951.
Осуждено: на смертную казнь. . .	7.	7.	15.	287.

Я приписываю значительный процентъ этой массы, между прочимъ, дурной системѣ нашихъ наказаній (которую всю исковеркали поздѣйшія послабленія) и неэффективности наказательныхъ нашихъ учреждений, для улучшенія которыхъ ничего не сдѣлано. Завелась хорошая тюрьма для арестуемыхъ мировыми судьями, да предположены пріюты для малолѣтокъ. Немного. Не знаю, какъ взглянуть на мои соображенія ех-главноуправляющій, но думаю, что я исполнилъ долгъ свой, указавъ на явленія, основанныя на официальныхъ источникахъ (Статистическій Временникъ Мин. Вн. дѣл.). Я полагаю, что цифры послѣднихъ годовъ, 1864—1866, еще болѣе подтвердятъ, что мы находимся не въ нормальномъ состояніи и что продолжительная ненормальность грозитъ изуродовать весь организмъ. Ну, а если эти соображенія примутся къ подкрѣпленію реакціи? Такъ что же? Это усилитъ ненормальность, и только.

Май. Все толки объ обрусеніи Западныхъ губерній, объ учрежденіи ссудныхъ банковъ и комисіонерныхъ развѣдокъ, о покупкахъ съ пособіемъ и льготами частныхъ имѣній. Все это похоже на кукольную комедію. Край въ осадномъ положеніи, принципъ національностей въ Европѣ въ полномъ разгарѣ, баронъ ф. Бейетъ кокетничаетъ съ Поляками, газеты трубятъ на все стороны и ожидаютъ малѣйшаго случая, чтобы провозгласить законность правъ Поляковъ; а въ краѣ военныя власти, безпрестанно мѣняютъ главныхъ начальниковъ, назначаютъ дискреціонныхъ посредниковъ, истощаютъ имѣнія, разрушаютъ хозяйства и не даютъ жителямъ ни судовъ, ни земства, которые внесли столько жизни въ коренныхъ губерніяхъ. Ну кто же захочетъ покупать? Да и на какіе капиталы? Да и самое передвиженіе капиталовъ, столь нужныхъ намъ, не остановитъ-ли нашихъ дѣлъ? Все это ненормально и не только неисполнимо, но положительно вредно, если бы исполнилось съ усиліями правительства и нарушеніемъ правъ третьихъ лицъ. Поляковъ и Католиковъ выслать и искоренить нельзя. Остается—дать имъ заслуженное ими положеніе, т. е. не предоставлять никакихъ политическихъ правъ. Придетъ время, окрѣпнуть узы, ослабить предубѣжденія, и тогда можно постепенно распространять права эти и на нихъ. Достаточно ввести въ присягу на службу: „исповѣдаю ученіе церкви по символу вѣры Никейскаго собора“. Революція нашла себѣ проводниковъ и пособниковъ не столько въ землевладѣльцахъ, сколько въ администраціи. Сколько напроказилъ одинъ Огрызко! Какъ не вѣрилъ я умиrotворенію Муравьева, такъ не вѣрю и блестящимъ результатамъ Безака. Какъ не вѣрю прочнымъ послѣдствіямъ отъ штыковъ и произвола, такъ не вѣрю полезнымъ послѣдствіямъ принудительнаго отчужденія имѣній. Стройный и твердый порядокъ въ этихъ губерніяхъ и

возвышеніе просвѣщенія въ Россіи вотъ единственные пути прикрѣпленія нашихъ окраинъ къ коренному центру, гдѣ сплошная масса 55 милліоновъ только ждетъ просвѣщенія, чтобы разлитися и потопить эти народности въ Русскомъ морѣ. Послѣднія преобразованія въ Польшѣ въ городахъ и въ крестьянскихъ земляхъ, самое раздѣленіе губерній и ихъ подчиненіе много должны отрезвить Поляковъ и наши Западныя провинціи. Но дайте просвѣщеніе, гимназій, университетовъ и правильнаго, нормальнаго порядка. До сихъ поръ я вижу осадное положеніе, странное увеличеніе бюджетныхъ цифръ и долговъ, страшное распространеніе дешевки и преступленій и игру въ счастье.

Все празднества! Едва прошли шумные пиры Цесаревны, наступила выставка этнографическая, пріѣхали Славяне, человекъ 70—80, отъ Кошуба до Далмата (ни одного Болгарина). Манifestаціи задушевныя, широкія и громкія! Событіе чисто политическое, вызывающее и—какъ всегда у насъ—преувеличенное. На границѣ путешественники были встрѣчены депутаціей Русскаго Варшавскаго общества, и отсюда поѣздка ихъ превращается въ триумфальный поѣздъ съ толпами народа, криками „ура, слава и живіо“, съ парадными встрѣчами въ мундирахъ и съ хлѣбомъ-солью, съ рѣчами и спичами и съ стихотвореніями, изъ которыхъ особенно удачны: Берга въ Варшавѣ, Тютчева и Майкова въ Петербургѣ. Рѣчи—кромѣ рѣчи графа Д. А. Толстаго—почти невольна, исключительно національно-политическія. Стихи просто политическіе. Изъ извѣстныхъ дѣятелей пріѣхали: Палацкій, Ригеръ, Эрбенъ, Головацкій.

Рѣчи наши и ихъ отличаются большою теплотою и восторженностію. Этотъ Славянскій праздникъ многознаменателенъ по сближенію и союзу всѣхъ Славянъ съ Россіей, при правдивной поддержкѣ которой угнетаемая племена съ бѣльшею выразительностію и силою готовы поддерживать свою самостоятельность противъ Мадьяръ и Нѣмцевъ. Желательно, чтобы сближеніе это было не на однихъ словахъ, но и на *буквахъ*. Принятіе нашего алфавита много облегчитъ литературное сближеніе и сгладитъ племенную рознь всѣхъ Славянъ; особенно важно это въ отношеніи Сербовъ, Иллировъ и Чеховъ. Принятіе нашего языка, по мнѣнію моему, рѣшительно невозможно: ни Чеха, ни Сербка и намъ, людямъ образованнымъ, понять нельзя.

Завтра Славяне пріѣзжаютъ въ Москву. Что-то сможемъ мы сдѣлать послѣ богатствъ, блеску и изяществъ Петербурга, такъ много поглащающаго Россію? Москва—Русскій, Славянскій городъ. Здѣсь Кремль и Славянская натура. Да, но не должно забывать, что *Западныя* Славяне—западники и болѣе Нѣмцы. Все возмемъ и угощаемъ Славянъ. Палацкій очень сдержанъ, Ригеръ не скрываетъ желанія выказать свое

западное превосходство. Головацкій такъ заговорился, что едва-ли не придется ему остаться у насъ. Говорятъ, что это уже и устроено мини-стромъ просвѣщенія.

Всѣ Славяне. Общеніе радушное. Особенно чувствительны и сочувственны Сербы. Всѣ Славяне. Но манифестаціи открыто принимаютъ характеръ политической. Сегодняшній обѣдъ въ павильонѣ—просто политической митингъ. Рѣчи Ригра и кн. Черкаскаго за и противъ Поляковъ, послѣ—всегда безтактнаго Погодина и, кажется, по предварительному условію, были неумѣстны и очень непріятны: рѣчь Ригра—по несоотвѣтствію настоящаго расположенія Русскаго духа, возмущеннаго Польскими жестокостями, рѣчь Черкаскаго—по недобросовѣстности доводовъ, имѣвшихъ видъ насмѣшки надъ побѣжденными. Лежачаго не бьютъ, говоритъ Русская пословица *).

Вообще Славянскій съѣздъ имѣетъ совершенно политической характеръ, какъ по прямымъ воззваніямъ Сербовъ и Болгаръ къ Русской помощи, такъ и по невольному положенію Славянъ Австрійскихъ и по личному значенію ихъ представителей. Въ Австріи съѣздъ этотъ вызоветъ бурю насмѣшекъ и негодованія, фантомъ панславизма, пугающей не одну Австрію, и усиленное ложное отношеніе Славянъ къ дуализму Австро-мадяровъ и наоборотъ. Безъ общаго съ нами алфавита и языка (скажу болѣе: безъ соединенія съ нами) Австрійскіе Славяне предназначены ошѣмечиться. Италъ, но законы исторіи свои, и ломаетъ ихъ только революція.

Амнистія! Все амнистія! Чтò значить эта щедрость помилованій? Мщеніе правосудія? Мзда несправедливости? Раскаяніе ошибки? Не понимаю. И почему этотъ актъ присланъ съ границы, изъ Вержболова? Въ порицають поѣздку въ Парижъ, къ ненавистному Русскимъ Наполеону, Парижъ, скопище Поляковъ. Амнистія 20-го Мая задобряетъ Европейское мнѣніе. Но развѣ амнистія порождаетъ преданность, признательность и привязанность? Никогда. Она пробуждаетъ ненависть и мщеніе. Она доказываетъ слабость и даетъ убѣжденіе въ правотѣ вражды и несправедливости потерпѣннаго. Прощенные всегда зачинщики возстанія и крамолы. Пора бы это знать.

Вообще, радикальныя и непоследовательныя мѣры настоящаго царствованія грозятъ непредвидимыми бѣдствіями. Чтò-то ужъ слишкомъ

*) Кн. Черкасскій выгодалъ, что положеніе Поляковъ лучше нашего: у нихъ 24 гимназіи на 10 (5) губерній и съ души платится не 6 1/2 р., а только 4 1/2. Въ „Статистическихъ свѣдѣніяхъ“ Воейкова и Загоскина говорится: Поляки въ югозападномъ краѣ платятъ податей отъ 35 до 40 коп. съ десятины; въ Галиціи податей поземельныхъ приходится по 56 коп. на десятину, а въ Царствѣ Польскомъ помѣщики платятъ до 63 к. съ десятины.

много и добра и славы. Добро и слава не даются ни легко, ни даромъ. Иначе онѣ теряютъ свое достоинство и смыслъ, а за тѣмъ унижаютъ истину и искажаютъ дѣйствительность.

Говорятъ, что амнистія 20 Мая выработана гр. Шуваловымъ, мимо князя Горчакова. Она принята въ Москвѣ очень неблагоклонно. Боже мой, какъ все не зрѣло, какъ все—призраки, какъ во всемъ мало самостоятельности и какъ все малоплодно!

Покушеніе Березовскаго, 25 Мая! Дайте опомниться. Не предчувствовали ли мы это при первомъ извѣстїи о поѣздкѣ въ Парижъ? Боже мой, да этакъ помирись съ идеей о смерти. Въ реформахъ, агитаціяхъ и манифестаціяхъ голова кружится, вѣра умалится, а тутъ покушеніе на царубійство. Надобно же наконецъ вникнуть въ источникъ и причины такового фанатическаго настроенія. Я не вижу другаго источника какъ крайнія, диктаторскія мѣры, которыя такъ неблагоприятно и такъ бесполезно принимаются радикалами, въ родѣ Ник. Милютина и Якова Соловьева. Уничтоженіе особой организаціи Царства, рѣзкая отмѣна феодальныхъ остатковъ и укрѣпленіе земли крестьянамъ, особенно произвольное распоряженіе собственностію въ западныхъ губерніяхъ, привели и приводятъ Поляковъ въ такое безнадежное положеніе, отчаянное положеніе, что имъ продерзость является, вмѣстѣ съ ложью и хитростью, единственнымъ исходомъ. Въ закружившихся головахъ невольна мысль о паденїи. Я не думаю, чтобы Французская полиція открыла заговоръ. Если бы она и открыла его, она его скроетъ, и падетъ одна голова Волынскаго шляхтича Березовскаго. А безъ заговора мелкая личность дѣйствовать не рѣшится. Здѣсь непременно была шайка, сговоръ, какъ и у Каракозова, хотя связи между ними никакой нѣтъ, но въ убійствахъ политическихъ побужденія всегда скрываются или въ фанатизмъ или въ угнетенной партїи. Бывало побужденіемъ и престолонаслѣдіе, но не здѣсь.

Блестящіе приемы, торжества (праздникъ Датской конституціи Фридрихъ VII) и народныя манифестаціи продолжаются еще сильнѣе послѣ 25 Мая (6 Іюня), и Березовскій плохую услугу оказалъ Польскому дѣлу. Государь ведетъ себя по рыцарски. Онъ ѣздитъ въ открытомъ экипажѣ, верхомъ, ходитъ пѣшкомъ, твердо вѣря, что „судьбы государей въ рукахъ Божїихъ“ и надѣясь, что „это событіе еще болѣе укрѣпитъ его связи съ императоромъ и Франціей“.

Награды сыплются: звѣзды, кресты табакерки, и перстни. Особенно щедро награжденъ италмейстеръ Рембо, лошадь котораго получила часть заряда и окровавленной мордою забрызгала мундиры сидѣвшихъ въ экипажѣ. Адресовъ опять множество. Мы, Московскіе сенаторы, посылаемъ телеграмму по прїѣздѣ Государя въ предѣлы Россїи. Теле-

грамму сочинилъ князь Одоевскій, и я поправилъ ее только вмѣсто „выраженія вѣрнопопданности и преданности“ „чувствомъ благоговѣнія къ знаменіямъ Провидѣнія, охраняющаго драгоцѣнную жизнь преобразователя Россіи“. Но пора бы Государю и воротиться. Невольно боишься за Государя въ этихъ быстрыхъ поѣздкахъ, въ этомъ круговоротѣ празднествъ, парадовъ и уличныхъ массъ. Въ случаѣ несчастія послѣдствія могутъ быть страшныя, хотя ни въ какомъ случаѣ въ пользу Поляковъ, и расчетъ ихъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы проски нашли вниманіе при дворѣ, никогда оправдаться не можетъ.

На дняхъ въ праздной Москвѣ разносились слухи: 1) что было новое покушеніе, и Государь легко раненъ, но событіе скрывается. 2) что въ Варшавѣ Государь обѣщаетъ при извѣстныхъ условіяхъ, и 3) что въ Вильнѣ Государь обѣщаетъ отстрочить указъ 10 Декабря 1865 г. (объ обязательной продажѣ земель) до 10 Декабря 1869 г. Ничему я не вѣрю. Но не многого отъ всего этого я и ожидаю. Я бы молилъ объ одномъ: уменьшить, ослабить политическую лихорадку, которая трясетъ насъ, и дать вздохнуть и водвориться спокойному, солидному изученію, безъ котораго никакое прочное объединеніе Россіи невозможно.

Поѣздка царская представляетъ совершенно торжественный поѣздъ. Вездѣ встрѣчи, толпа, крики, иллюминаціи и празднества. Особенно замѣчательна рѣчь Государя къ Остзейцамъ. Государь говорилъ по русски и напомнилъ имъ, что „они не должны забывать, что принадлежать къ Русской семьѣ“, выразилъ надежду, что они съ готовностію должны подчиниться тѣмъ перемѣнамъ, которыя онъ предназначалъ для вящей пользы края. Нѣмцы конечно повѣсятъ носы, прикидываясь стѣпенными и придумывая, какъ бы обойти эти перемѣны, а знаменитый докторъ Мейеръ изъ Вестфалии объяснитъ это съ своей точки зрѣнія.

Поѣздка въ деревню, 22 Іюня—1 Августа 1867 г. Поѣздка и пребываніе прѣдлжались около шести мѣсяцевъ. Имѣніе наше падаетъ и, со введеніемъ новыхъ судовъ, весьма желаемыхъ и нетерпѣливо ожидаемыхъ, вѣроятно пойдетъ съ молотка. Работы плохія, управленіе плохое и плохой годъ. Положеніе крестьянъ все хуже и хуже. Кромѣ водки-дешевки, которой замѣчено мною мало, раззоряютъ ихъ раздѣлы. Богатыя и сильныя семьи дробятся, слабѣютъ и приходятъ въ бѣдность. Удивляться надобно, какъ правительство, въ настоящемъ положеніи, рѣшается возвышать прямыя налоги и возвышать почти втрое: подушная подать съ 1 рубля, по Орловской губерніи, возвышена до 2 р. 80 к. Съ семьи въ 3 души одной подати сойдеть около 9 рублей. Гдѣ ихъ взять? Хорошіе заработки, правда, на желѣзныхъ дорогахъ Орловско-Курской и Орловско-Витебской; но это только для 30, 40 тысячъ душъ; и при томъ заработки временныя. Высокія подати истощаютъ населеніе

и затрудняютъ стремленіе къ образованности и къ порядочной домашней жизни. Два событія въ это лѣто обращали на себя особенное вниманіе: выборъ мировыхъ судей и образованіе приходскихъ попечительствъ. Въ выборахъ, земство, кажется поступило осторожно и съ толкомъ: выбрали хорошихъ людей, свѣдущихъ и безъ тенденцій. Я боюсь здѣсь не тенденцій, но лѣни и равнодушія. Лѣнь и равнодушіе замѣтны и въ земствѣ, а лучшій элементъ мирового института (почетные судьи) тоже земская тяга. Общественная заботливость у насъ слаба, и удобства помѣщичьей жизни, даже обѣдѣвшей, рѣдко кто согласится нарушить столь неудобными у насъ перевозами. Приходскія попечительства, по закону 4 Августа 1864 г., принимаются очень туго, и на 4-й годъ ихъ много менѣе, и попытки на открытіе ихъ встрѣчаютъ явное противо-дѣйствіе со стороны духовенства, низшаго и высшаго, видящихъ въ этомъ нововведеніи посягательство на права свои, основанныя на положительныхъ законахъ. Вообще духовенство считаетъ себя въ гошеніи и смотритъ какъ на ересь на свѣтскія вмѣшательства, которыми ополчаются и журналистика, какъ напр. „Московск. Вѣдомости“ отъ 25 Іюля, отрицающія православіе въ нынѣшнемъ устройствѣ духовнаго сословія и церковнаго чина, и новый оберъ-прокуроръ, какъ напр. реформа о замѣщеніи священно-служительскихъ постовъ и допущеніе въ семинаріи всѣхъ сословія, по призванію. Вторженіе свѣтскаго элемента, какъ и во всемъ, дѣйствительно немного насильственно, нарушаетъ установившіеся порядки и отношенія. Нововведенія эти прекрасны, вѣроятно будутъ полезны; но привычки имѣютъ свои права и требованія, и незапное радикальное ихъ устраненіе, при необразованности массъ, можетъ имѣть непредвидѣнныя и важныя послѣдствія. Крутые повороты вредны уже тѣмъ, что съ опасностію и болью измѣняютъ обычный ходъ жизни, вызываютъ непременно оппозицію и встрѣчаютъ препятствія, которыя иногда способны исказить дальнѣйшее развитіе начѣла, возбуждая съ одной стороны недовѣріе, предубѣжденіе и страхъ, а съ другой усиленный напоръ, раздраженіе и открытую распрю, въ средѣ, гдѣ должны господствовать миръ, взаимность и любовь. Раскольники сочувствуютъ этимъ мѣрамъ.

Въ продолженіе Іюля я прочелъ: *La Fronde et le Parlement* устарѣва-шаго (и теперь уже покойнаго) Баранта; *Der Talmud* фанатическаго рыцаря Павликовскаго—книга не совсѣмъ безполезна; Государственное Русское право неученаго Андріевскаго, посредственность, при нынѣшней разработкѣ нашего права, едва ли не ниже книги 1836 Дюгамеля-Эверса, и „Народное хозяйство и Государство“ Дитцена—книга замѣчательная, но односторонняя и увлекающаяся. Отмѣтки краткія сдѣланы на самыхъ книгахъ, по моему обыкновенію. Хотя я читалъ и „Моск. Вѣдомости“ и „Рус-

скія“ и „Москву“. но о событіяхъ внутреннихъ (движеніе реакціи) и внѣшнихъ напишу послѣ.

Движеніе реакціи выражается кромѣ личныхъ назначеній, уже и въ общихъ законодательныхъ мѣрахъ. Дисциплина всѣхъ земскихъ, сословныхъ и городскихъ собраній усилена до крайности, и губернаторское требованіе безусловно обязательно. Черезъ мѣсяць послѣ этого ограничена печатная ихъ гласность, допускаемая только съ разрѣшенія губернатора. При ограниченіи обложенія съ торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ и при этихъ затрудненіяхъ наши собранія не обѣщаютъ никакихъ, многими предсказанныхъ, блестящихъ улучшеній въ земскомъ и городскомъ быту. Нельзя уже надѣяться и на выработку политическаго смысла въ обществѣ, едвали возможны и самые ораторы.

Къ числу общихъ реакціонныхъ мѣръ должно причислить и закрытіе „товарищества“ покупателей Польскихъ имѣній. И не былъ за указъ 10 Декабря 1865 г. ни, слѣдовательно, за товарищество; но правительство приняло эти энергическія мѣры въ видахъ обрусенія края, который „Три раза Русскій“. Можно было сомнѣваться въ пользѣ и самой примѣнимости этихъ мѣръ. Но газета „Биржевыя Вѣдомости“ прямо называетъ этотъ указъ „исходящимъ изъ коммунистическихъ началъ“, а газета эта находится подъ покровительствомъ министровъ финансовъ и (друга Государя) графа Ивана Матвѣевича Толстаго. За тѣмъ другая газета „Вѣсть“, уже и прежде заявлявшая, что „земскія собранія раззоряютъ Россію“, теперь называетъ ихъ составленными „подъ вліяніемъ ученій Французской революціи“. Значеніе этихъ газетъ неважно, но важно смѣлое ихъ заявленіе о законодательныхъ актахъ, оставленное не только безъ „предостереженія“ вопреки прямому смыслу закона о печати, не смотря на то, что и „Москов. Вѣдом.“ и „Москва“ выставляли на видъ такой дерзкій отзывъ. Надобно полагать, что вѣроятно такъ смотритъ на эти акты и само нынѣшнее высшее управленіе.

Дѣла домашнія (внѣшнія), наши отношенія къ окраинамъ нашимъ, улучшаются мало. Преобладающее положеніе Русской національной партіи, громко заявляющей о себѣ во всѣхъ лучшихъ органахъ печати и находящей отголосокъ и сочувствіе во многихъ (во всѣхъ) Славянскихъ племенахъ, невольно усиливаетъ мѣстныя стремленія инородческихъ окраинъ. Это естественно. Финляндія хвалится, въ рѣчи губернатора гр. Палена, распространеніемъ общихъ Финляндскихъ порядковъ на старую Русскую Финляндію. Еще въ Маѣ 1865 г. я писалъ (и мнѣніе мое напечатано), что Выборгскую губернію слѣдуетъ причислить, по суду, къ Петербургскому округу, какъ и Эстляндію, часть которой вошла въ составъ Петербургской губерніи. Прибалтійская печать явно братается съ Германскою, и надобно удивляться терпимости правительства

къ гг. Мейеру и его собратамъ въ Ригѣ и Дерптѣ. Судя по словамъ Государя, что Остзейцы „не должны забывать, что они часть одной семьи Русской“, надобно полагать, что правительство рѣшилось на какія нибудь коренныя нововведенія. Всего болѣе можно полагать надежду на Министерство просвѣщенія, которое до сихъ поръ ничего не сдѣлало для прочнаго тамъ водворенія Русскаго языка, не смотря на всѣ настоянія императора Николая.

Русскій языкъ и надѣлъ крестьянъ землею укрѣпить этотъ край окончательно за Россіей, но едва ли это совершится при министрѣ Валуевѣ, большомъ сторонникѣ Нѣмцевъ Балтійскихъ.

Въ Польшѣ вводятся общія учрежденія. Это хорошо. Но тамъ очень усиливается Нѣмецкій элементъ, и наборъ хорошихъ чиновниковъ (на которыхъ вездѣ такой запросъ) встрѣчаетъ большія затрудненія. Западныя губерніи со страхомъ ждутъ 10 Декабря, все надѣясь на отмену указа или покрайней мѣрѣ на отсрочку, хоть на годъ. Положеніе затруднительное, и едва ли правительство съумѣетъ выбраться изъ этого затрудненія. Полякамъ остается помириться со своимъ положеніемъ. Это тѣмъ болѣе желательно, что примиреніе, во-первыхъ, необходимо, а во-вторыхъ, отъ него хуже не будетъ, а можетъ быть лучше. Полезно было бы пожить Государю со дворомъ въ Кіевѣ, гдѣ говорятъ, будетъ построенъ новый дворецъ. Странно, что я, лично, какъ-то не вѣрю заслугамъ въ этихъ краяхъ генерала Безака и графа Баранова.

Окраина Кавказская, какъ новъ, подвигается быстрѣе. Тамъ же и начальникъ полномочіе. Но въ полуазиатскомъ краѣ этомъ кишатъ другія язвы: воровство въ управленіи должно быть общимъ національнымъ хроническимъ недугомъ.

Новая окраина Среднеазиатская едва образовалась и можетъ похвалиться преобразованіемъ только еще бумажнымъ. Имя начальника общааетъ много хорошаго. Хороши ли, дурны ли предпринимаемыя мѣры, но да будутъ онѣ постоянны. Уклоненія, примѣчливость, непостоянство—вотъ наши лихіе воровы.

Августа 18 я отдалъ моего Дмитрія въ Нѣмецкое училище д-ра Цима. Это 7 классная гимназія, гдѣ всѣ предметы (кромѣ латыни и алгебры) преподаются Русскими и по-русски и гдѣ мой 12 лѣтній юноша принятъ въ 4 классъ. Тяжело было расставаться съ нимъ. Съ 9 утра и до 4-хъ часовъ онъ тамъ. Поутру мать съ сестрою его отводятъ, въ 4 всѣ мы его приводимъ. Сильно было первое впечатлѣніе сторонняго міра на ребенка, жившаго одною нѣжною любовью семейства. Увидѣвъ наказаніе своего товарища, поставленнаго за шалость на колѣни, онъ, когда сѣлъ съ матерью въ карету, бросился къ ней на ко-

лѣни и заплакалъ. У него всегда много выразилось сострадательности. Идя со мною домой, онъ заявилъ, что очень ругаются между собою ученики. „Что, дуракъ, скотина?“ спросилъ я. Нѣтъ, похуже—и прошепталъ: „чертъ“. Первый и второй день и даже третій день бѣдный былъ въ постоянномъ лихорадочномъ состояннн. На четвертый занемогъ, его рвало желчью, потомъ наступили праздники, и онъ успокоился. Теперь, десятый день, онъ немного освоился и успокоился. Въ лихорадкѣ порядочной были и мы, старья дѣти.

Посѣтилъ меня, чтобы пригласить на открытiе военного суда, статсъ-секретарь В. Д. Философовъ. Много перемѣнился онъ: возвышенiя и успѣхъ дали ему самоувѣренность и смѣлость, которыхъ прежде въ немъ не было. Говорили о судебной реформѣ, начатой генер. Крыжановскимъ и имъ оконченной.

Онъ подтвердилъ, что преступленiя усилились значительно и приписываетъ это, сверхъ общей распущенности, особенно дешевкѣ и дурному корпусу офицеровъ, „которыхъ система покойнаго Ростовцева систематически воспитывала въ безнравственности, лжи и невѣжествѣ“. (Язычекъ!) На возраженiе мое о недостаточности гарантiй полковаго суда, совершенно зависящаго отъ начальства, онъ объяснилъ, что это сдѣлано въ видахъ поднятiя дисциплины, а о невозможности единства кассаций при трехъ главныхъ судахъ, онъ отозвался, что по многимъ вопросамъ теорiи военно-судной уставъ долженъ былъ сдѣлать уступки требованiямъ дѣйствительности и условiямъ мѣстности. Реформа судебная совершена и въ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ дѣятелемъ былъ мой оберъ-секретарь Яневичъ-Яневскiй. Нельзя не замѣтить, что и военное и морское начальство встрѣтили эти преобразованiя съ нескрывтымъ предубѣжденiемъ. Предѣдатель главнаго морскаго суда адмиралъ Епанчинъ даже просто выразилъ надежду, „что при содѣйствiи главнаго прокурора дѣла пойдутъ также хорошо и быстро какъ и въ генераль-аудиторiатѣ“.

Ограниченiе газетной гласности въ печатаннн судебныхъ прѣнн вѣроятно будетъ предметомъ протеста со стороны журналистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобное ограниченiе несовмѣстно ни съ публичностiю, ни съ гласностiю. Что за гласность безъ печати?

И гражданская реформа суда распространяется. Въ концѣ года открывается Харьковскiй округъ, во главѣ котораго поставленъ мой прiятель баронъ Н. Е. Торнау, съ особенными правами. Желалъ бы я знать, чѣмъ руководствовался Торнау, назначивъ членомъ палаты Брилевица, никогда не служившаго по судебной части, выпльчиваго, занку и картѣжника, и предѣдателемъ суда—Эдуарда Фукса, молодаго прокурора, прослужившаго едва шесть лѣтъ?

Желаю я знать еще, какъ поворотится съ кассационными жалобами одинъ департаментъ Сена, когда откроется новый округъ? Я полагаю-бы отдѣлить мировую юстицію въ особый департаментъ.

Прекрасно задуманный и добросовѣстно продолжающійся „Вѣстникъ Европы“ Стасюлевича (немножко сторонника) представляетъ окончаніе замѣчательнаго труда Костомарова: „Смутное Время Московскаго государства“, въ 7 книгахъ. На этомъ времени остановился Карамзинъ, за него пытался приняться Д. П. Бутурлинъ, его обозрѣвалъ профессоръ Соловьевъ. Трудъ Костомарова упраздняетъ все эти попытки и выражаетъ эпоху во всей полнотѣ доселѣ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ источниковъ. Трудъ капитальный, пріобрѣтеніе науки и литературы богатое. Иногда во очію видишь разсказываемыя событія: до того они живы, подробны и рельефны. Страницы „значенія этой эпохи въ Русской исторіи“ читаются съ ласкающимъ патріотизмомъ и съ возвышеннымъ удовольствіемъ. А все нельзя не сказать: и на этомъ трудѣ современность, наше время, наложили печать свою, и сочиненіе принадлежитъ болѣе литературѣ, нежели наукѣ. Кто былъ самозванецъ? Это кажется навсегда останется загадкой. Чтò способствовало ему и развитію крамолы и воровъ, доведшихъ великое государство Іоанновъ почти до разрушенія? Высчитывая многія причины, странно, что историкъ не упоминаетъ о народной привязанности къ законному царю, которымъ долженъ бы быть Дмитрій, убитый въ Угличѣ. Безъ этого убійства крамолы и мятежи не обняли бы все классы и особенно низшіе.

Исчезаетъ старое право, зарождается новое и устанавливаются порядки невиданные. Кавуръ-Гарибальди, съ помощію Наполеона, устроятъ Италію; эрцъ-герцогъ Максимилианъ, съ помощію Наполеона, устроитъ Мексикку; Францъ-Іосифъ, съ помощію Наполеона, думалъ устроить Германію. Доколѣ этотъ символъ революціи будетъ имѣть значеніе, установленіе прочнаго порядка, по моему убѣжденію, немислимо. И этотъ господинъ навязывается намъ въ друзья! Дружба эта можетъ насъ компрометтировать, стѣснить, запутать. Сближеніе съ Франціей полезно только для ослабленія буйныхъ надеждъ Поляковъ и варварства Дивана, но для этого сближенія сдѣлано все, чтò было можно со стороны Государя. Онъ почти семьей ѣздилъ въ Парижъ и подвергался тамъ оскорбленіямъ и опасности. Наполеонъ поссорилъ насъ съ Германіей, которая и безъ того выдвигаетъ на насъ преобладающее соперничество на *Остзейскомъ* морѣ, къ которому прилегаютъ наши *Остзейскія* губерніи, мятуціяся уже и теперь отъ царской рѣчи въ Ригѣ и отъ положенія Комитета Министровъ, рѣшившаго, совокупными мѣрами всехъ вѣдомствъ, исполнить законъ 1850 года о введеніи Рус-

скаго языка. Здѣсь развязка возможна только одна: освобожденіе христіанъ отъ мусульманскаго владычества. А онъ этого-то и не допуститъ. Онъ ограничится гатти-гумаюнами, прикидываясь вѣрующимъ въ неисполнимыя Турецкія обѣщанія.

Не посовѣтоваль бы я и союзъ съ Пруссіей. Бисмаркъ—Кавуръ Германіи съ тѣми же нарушеніями международныхъ трактатовъ и съ революціонными замашками въ Богеміи и Венгріи.

Неустановившееся новое право дѣлаетъ невозможными никакіе союзы. Они возможны съ Австріей и особенно съ Англіей: но съ Австріей насъ ссорятъ наши единоплеменцы, а съ Англіей мы сталкиваемся въ средней Азіи и въ отношеніяхъ съ Сѣвероамериканскими Штатами. Останемся безъ союзовъ. Заключимъ тѣснѣйшій только съ великой *берзжливостью*. Она намъ поможетъ во всемъ, устроитъ внутреннія дѣла, проложитъ желѣзныя дороги, дастъ рубль на рубль и пріучитъ къ порядку.

Раздраженіе умовъ и страстей все растетъ и приближаетъ къ какому-то хаосу, предшествующему новымъ явленіямъ и проявленіямъ новой жизни. Мяутся народы и люди. Нѣтъ нигдѣ ни прочнаго порядка, ни дѣйствительнаго спокойствія. Ни въ чемъ нѣтъ ни увѣренности, ни согласія. Возможны-ли, въ мысляхъ, подобныя происшествія дикаго насилія: купца Севастьянова въ Бирскомъ уѣздѣ и ст. сов. де Сенъ-Дорана въ Пермскомъ? Перваго, шайка, въ составѣ всей земской полиціи, выдрала розгами до ключевъ кожи и ограбила бумажничъ съ деньгами. Второго съ дочерью и докторомъ Суксунскіе крестьяне, принявъ за поджигателей, избили до полусмерти и обобрали вещи и деньги. Событій насилія и грабежей надобно ожидать и отъ угрожающаго во многихъ мѣстахъ недостатка въ хлѣбѣ. Полемика изъ за западныхъ губерній, полемика съ Балтійскими ляндіями переходитъ въ грани приличія. Наши недавніе гости сдѣлались причиною раздоровъ и брани. Юсифъ Ливчакъ переметнулъ копы съ „Вѣстью“, „Вѣсть“—съ „Москвою“. Москва нашла это „дерзостью глупою и наивною“. „Вѣсть“ не оскорбляется „этими кабацкими выраженіями“. Кулишъ разбранилъ каноника Головацкаго. „Москва“ отдѣлала Кулиша, Кулишъ отдѣлалъ г.г. Катковыхъ и Аксаковыхъ. Катковъ—Кулиша. Все это грязь домашняя и газетная. Но Вѣнская печать и Journal des Débats перенесли эти раздоры на международную почву. „Сообщенія“ въ газетахъ имѣютъ видъ дипломатическихъ нотъ. Задоръ Русской печати не понятенъ какъ либерализмъ деспота. Въ Испаніи—диктатура, въ Италіи арестованъ Гарибальди, во Франціи взрывъ готовъ и ищеть только исхода.

Демократія такъ и напираетъ. Съ нею, съ этою толпою ломаютъ матеріализмъ и социализмъ. Молельня и спальня избираются на пло-

щади. Прокуроръ требуетъ мѣста и права и при домашнемъ очагѣ. Все это хорошо, все это въ чинѣ, въ порядкѣ развитія, движенія и успѣха. Да, но въ чинѣ и порядкѣ; а здѣсь, безъ предварительныхъ приготовленій, оказывается такое безчиніе и беспорядокъ, что Гарибальди арестовали, а къ арестанту министры поѣхали съ визитомъ; прокурора по дѣлу Умецкихъ (въ Каширѣ, 14 лѣтняя дочь помѣщика жестокими поступками родителей доведена была до того, что сдѣлала 6 поджоговъ и хотѣла броситься въ огонь) допустили къ домашнему очагу, и онъ нашелъ тамъ много безнравственнаго и грязи, и общество, въ лицѣ присяжныхъ, согласилось съ его обвиненіемъ, да судъ не нашелъ статьи для опредѣленія наказанія. Ступайте, ведите на улицу и на площадь.—но приготовьте и осмотритесь.

Сентябрь. Грустное предчувствіе! Сегодня рѣшается дисциплинарное дѣло о Лефортовскомъ мировомъ судѣ Даниловѣ, обнаруживавшемъ стремленіе къ униженію Московской полиціи и превышенію власти (и безъ того довольно высокой) мировой юстиціи. Я совѣтовалъ кончить дѣло предостереженіемъ, если бы Даниловъ *и во всемъ былъ правъ* (обвиненіе выставляетъ 7 пунктовъ). Разногласіе мировыхъ судей съ полиціею въ Москвѣ пришло къ такой открытой борьбѣ, что вмѣшательство высшей административной и даже законодательной власти становится необходимымъ, а при этомъ вмѣшательствѣ, естественно, торжество не будетъ на сторонѣ суда, стоящаго независимо и въ полнотѣ правъ. А въ администраціи стоятъ Валусевъ, гр. Паленъ и кн. Урусовъ, извѣстные своимъ несочувствіемъ новымъ порядкамъ. Это главнѣйшее. *Потомъ*, я, безъ малѣйшаго пристрастія, нахожу, что Даниловъ кругомъ виноватъ: онъ вмѣшивался не въ свои дѣла и въ сношенія съ полиціею превышалъ власть до неприличія. Здѣсь и требованія справедливости и политика, совмѣстная съ судейскимъ достоинствомъ, обязываютъ возстановить предѣлы отношеній обѣихъ властей. Иначе въ потерѣ будетъ не Даниловъ, а мировой институтъ. Его такъ окарнаютъ, что настоящее самостоятельное положеніе его останется какъ какое-то преданіе о сатурналіяхъ и безценсурной печати. При радикальности реформъ реакція считаетъ себя въ правѣ быть тоже радикальною. Во всемъ этомъ я виню необдуманнѣйшій и неудачный выборъ личнаго состава. По большей части лицъ онъ не имѣетъ ни прочной репутаціи, ни нравственнаго авторитета. Подожду.

Ужъ не въ Римѣ-ли Гарибальдійцы? Боже мой, какъ падаетъ этотъ нечестивый католицизмъ, которому еще такъ недавно сулили Магдле такую безконечную будущность! Теперь даже Наполеонъ примиряется съ мыслию о сохраненіи за папою одной духовной власти. Отмѣните за тѣмъ безбрачіе, и тогда католичеству конецъ окончательный. Но

полно, такъ-ли? Неужели великіе умы какъ Де-Местръ, Шатобріанъ и Маколе такъ поверхностно оцѣнивали эту силу, властвующую столько столѣтій? Впрочемъ, она падаетъ уже давно, и когда нибудь надобно пасть окончательно. Вѣрованіе есть чувство индивидуальное. Соединеніе вѣрующихъ есть приходъ, а соединеніе приходоу есть данная національная церковь. Отдѣлять ее отъ государства и народа нельзя, если государство и народъ самостоятельны. Свѣтская власть папы есть анахронизмъ, безпрестанно сталкивающійся съ современными требованіями образованности. Преимущественно эта власть сообщаетъ католическому исповѣданію несвойственный нравственному вѣрованію характеръ полицейскаго учрежденія, которое въ рукахъ сильнаго становится орудіемъ честолюбія и гнета, порабощая слабую совѣсть необразованной толпы и осуждая всѣ завоеванія энергическихъ стремленій ума и знанія. Эти осужденные, люди ума и науки, давно отказались отъ папы, и паденіе его ихъ не удивить и не обрадуетъ. Отъ этого паденія выиграетъ вѣра.

Сегодня я былъ въ театрѣ, чтобы видѣть „Опричника“, трагедію дорогаго мнѣ Н. И. Лажечникова. Сочиненіе, какъ драма или трагедія, слабо; постановка плоха, игра еще того хуже. Очень эффектенъ былъ Грозный (Самаринъ), царь Русскій, въ первый разъ показывающійся на сценѣ. Актеры наши не привыкли къ боярской важности, и игра ихъ въ этой пьесѣ не даетъ понятія о царскомъ дворѣ и опричинѣ XVI столѣтія. Я условился съ моими пріятелями поддержать пьесу и вызвать автора. Старика вызывалъ я къ себѣ обѣдать, чтобы свезти и привести попокойнѣ въ каретѣ; но онъ „боясь волненій, свойственныхъ автору“, не поѣхалъ на первое представленіе. И такъ мы хлопали и кричали понапрасну. Театръ, не смотря на высокія цѣны бенефиса, былъ полонъ. Вѣроятно пьесу дадутъ еще два-три. Главное: чтобы разовыхъ бѣдному старику было по болѣе. Онъ очень нуждается. Благодарю Бога, что онъ далъ мнѣ возможность быть полезнымъ почтенному Н. И., которому все семейство наше такъ много обязано. Онъ, въ 1823 г. наблюдалъ за первыми начатками моего образованія, и я это живо помню. Помогая ему, я плачу старый долтъ, и Богъ видитъ, съ какимъ удовольствіемъ я это дѣлаю.

Убіеніе А. И. Чивилева подтверждается. Преступленіе это совершено сыномъ, по заранѣе обдуманному умыслу, чтобы похитить 1000 р. Вѣроятно подробности обнаружатъ всю нравственную порчу молодого человѣка, воспитаннаго воспитателемъ нашихъ царевичей. Я обращаю вниманіе на эту сторону событія. Чивилевъ былъ позитивистъ, матеріалистъ и вообще человѣкъ антипатичный. Онъ былъ профессоромъ политической экономіи въ Московскомъ университетѣ и директоромъ

бывшаго Дворянскаго Института, который при немъ находился (говорять) въ цвѣтущемъ состояніи. Сомнѣваюсь, но положимъ и такъ. Достаточно ли этого, чтобы рекомендовать его въ воспитатели великихъ князей? Вообще графъ Сергій Строгановъ, своенравный и своеобразный, несчастливъ на руку и не отвѣчаетъ своему положенію. Общій голосъ винить его въ безвременной смерти Цесаревича Николая и въ дурномъ направленіи учебныхъ занятій великихъ князей. Я всегда считалъ эпоху его попечительства началомъ порчи нашего юношества, дошедшаго, съ Польскими вліяніями, въ 60-хъ годахъ до открытаго политическаго разврата. Судь разъяснить намъ это загадочное дѣло и частную жизнь воспитателя царевичей.

Несмотря на частыя ошибки новаго суда, и кратковременное его отправленіе знаменуетъ существенною пользою: общественнымъ сознаніемъ силы закона и личной отвѣтственности наравнѣ со всѣми. Дѣла: семейства Умецкихъ (какое-то полудикое семейство въ Каширѣ) Данилова (убійство ростовщика Попова), дѣла текуція, ежедневно слушаемая, у всѣхъ въ разговорѣ. Газеты помогаютъ распространенію. Мнѣніе растетъ. Водворяются убѣжденія. Очищается жизнь.

Октября 9 въ Петербургскомъ судѣ разсматривалось дѣло о буйствѣ арестантовъ въ тюремномъ замкѣ. Болѣе 300 человекъ, недовольныхъ мясною порціею, безчинствовали и буянили въ столовой, на лѣстницѣ, на дворѣ и въ камерахъ, нанося побои старостѣ и причиняя самыя дерзкія оскорбленія начальствующимъ лицамъ, которыя вынуждены были прибѣгнуть къ прикладамъ, безъ чего невозможенъ былъ никакой порядокъ. Начальство, изъ всего этого полчища, предало суду только двухъ, вѣроятно для одной острастки, и судъ, вѣроятно тоже для острастки, осудилъ этихъ содержащихся въ тюрьмѣ арестантовъ къ выдержанію въ тюрьмѣ же на 4 и 6 мѣсяцевъ или даже на годъ. Подобныя послабленія, при смягченіи и малой дѣйствительности нашей системы наказаній, могутъ имѣть гибельныя послѣдствія въ средѣ нашего весьма многочисленнаго, порочнаго и грубаго тюремнаго народонаселенія. Здѣсь вполне примѣнимы взысканія дисциплинарныя. Арестанты, это народъ штрафной, и быстрый приговоръ мѣстной расправы послужилъ бы дѣйствительнѣе къ обузданію разнузданной толпы негодяевъ. Буйство происходило 6 Апрѣля 1866 года, а судили 9 Октября 1867-го. При Николаѣ ихъ выпороли бы 7 Апрѣля, на другой день, и результатъ былъ бы лучшій. И какая непослѣдовательность! Почти повсемѣстно исполняется смертная казнь, усиленіе дикихъ преступленій несомнѣнно, а здѣсь наглое полчище, среди столицы, предается самому крайнему буйству и оставляется безъ всякаго наказанія. Мнѣ то страшно, что подобныя послабленія деморализируютъ общество и вызываютъ

реакцію. Я боюсь за наши новые суды и за ретивыхъ судей. Играть судомъ нельзя.

Столкновеніе возможно весьма важное. Невѣря Итальянцу, Наполеонъ посылаетъ десантъ въ Чивита-Векію, чтобы занять Римъ и созвать конгрессъ. Подъ Римомъ, вѣроятно съ согласія Итальянца, стоитъ съ своими молодцами Гарибальди, тихонько бѣжавшій съ Капреры. Итальянское войско, отвѣчая Франціи, переходитъ границу Папской области, можетъ быть не безъ согласія съ Бисмаркомъ. Наполеону, видите, дороги законный порядокъ, папа и католицизмъ. Итальянецъ братается и съ революціей, и съ протестантизмомъ. Къ безправію мы уже порядочно привыкли; но при этомъ показываются безденежье, застои и дороговизна пищи. За ними видѣются толпы, за толпами кричить республика, и разрабатывается социальный вопросъ въ размѣрахъ коммунизма. Не отпрыгнули бы триумфы Кавура и Бисмарка потрясеніемъ династій и династическаго начала. Неудача Гарибальди, а тѣмъ болѣе плѣнъ его или торжество Франціи, выдвинуть въ Италиі народную партію. Уже и теперь рѣчь шла о министерствѣ лѣвой стороны. А тутъ бунтуютъ Славяне и распадается Австрія, а тамъ бунтуютъ Греки и распадается Турція. Борьбы народностей въ полномъ развалѣ, и наши вопросы—пигмеи: Прибалтійскій, Татарскій, Польскій, Финскій, Армянскій. Все копошится, кричитъ, раздражается и ругается. Скоро настанетъ 10 Декабря и продажа Польскихъ имѣній. Мѣру эту можно посовѣтовать *отчасти* распространить и на Прибалтійскій край. Пожалуй! Но въ настоящую минуту весь интересъ сосредоточивается на Римѣ. Сегодня-завтра кто нибудь долженъ быть тамъ.

Въ С.-Пбурgesкомъ окружномъ судѣ, 23 Сентября, защитникъ крестьянина Никитина, осужденнаго за буйство въ судебной камерѣ, между прочимъ привелъ къ его извиненію слѣдующее: „Всякое лицо низшаго сословія не считаетъ особеннымъ преступленіемъ оскорбить городского“. Это грустно, но (это) такъ, и это можно отнести и къ высшимъ сословіямъ въ отношеніи чиновной полиціи. На Московскихъ улицахъ часто видишь схватку крестьянина и горожанина съ полицейскимъ, даже со старшимъ. Униженіе полиціи есть реакція злоупотребленія ея въ прежнее время и напористаго дѣйствія новаго суда. И то и другое обличаетъ нашу незрѣлость и особенное неумѣнье нашихъ правителей. Прежде они трактовали насъ какъ стадо, со всѣхъ сторонъ окруженное волками, а теперь они довѣряютъ намъ пастись безъ пастуховъ. Сжатые раскинулись и раскинувшись перешли за предѣлы. Требованіе законности и равноправія въ судахъ доходитъ до своего рода *pruderie*. Въ обидяхъ дѣйствіемъ суды доискиваются: толкнулъ онъ его или ударилъ? Тащилъ его или вель? Миѣ пишутъ изъ Владимира, что въ Шуѣ судился зна-

комый мой, богачъ, коммерція совѣтникъ Я. П. Гарелинъ за то, что сказалъ неисправному приказчику своему: „посмотрите на свое лице, на что оно похоже; вы вѣроятно вчера гуляли“. Я увѣренъ, что Гарелинъ сказалъ не вы, а ты, и не лицо, а рожа, но обиды тутъ не вижу. Повторяю: нашъ величайшій недостатокъ—невыдержанность, недостатокъ постепенности, климатъ. Европа вторгнулась въ неизвѣстную землю и вращается по произволу, вертается между крайностями. Совершенный беспорядокъ частной жизни отражается и въ государственной. NB. На дняхъ у Срѣтенскаго мирового судьи былъ процессъ Миши и Васи, 6 и 5-ти лѣтъ мальчиковъ, отвѣчавшихъ за кражи. Эти крупные люди воровали домашнее платье, чтобы проѣхать и пропивать въ *трактирахъ* или выпить вина: одному—*козушку*, а другому (онъ слабъ)—только шкаликъ. Не вѣрится, а въ очю совершается. Хорошо поколѣнїе, растущее въ такой распущенности!

Между тѣмъ какъ Гарибальди взять подъ арестъ, бунтующій всю Италію, а „Голосу“ сдѣлано за императрицу Французовъ загадочное предостереженіе, разъясняемое Берлинскими и Парижскими газетами въ смыслѣ политическомъ: въ Москвѣ идетъ агитація о пересмотрѣ *тарифа*. Всѣ научныя для этого данныя есть. Записка Колесова, труды Московскихъ фабрикантовъ (Дм. П. Шипова; много преувеличеній), таблицы Тернера (въ академическомъ календарѣ на 1868 годъ) и коммисія подъ предсѣдательствомъ сенатора Г. П. Небольсина, изучившаго дѣло во всѣхъ подробностяхъ еще въ 1850 годахъ. Сочиненія Тенгоборскаго и полемика о тарифѣ 1857 г., продолжающаяся до сихъ поръ А. Шиповымъ, Колюпановымъ, Полетиною, Чижовымъ, Чугуновымъ (правда, преимущественно протекціонистами) подготовили матеріалы достаточныя для произнесенія окончательныхъ выводовъ о настоящемъ состояніи нашей промышленности. Москва надѣется на усиленіе протекціонизма, но едва ли это сбудется. Тогда министерству не было основанія, черезъ десять лѣтъ, возбуждать вопросъ о тарифѣ. Упадокъ таможенныхъ доходовъ былъ главнымъ поводомъ къ этому вопросу, и ни въ докладѣ министра, ни въ соображеніяхъ вице-директоровъ Колесова и Тернера не замаскированы виды финансоваго управленія на пониженіе пошлинъ по тѣмъ статьямъ, привозъ которыхъ развитіе внутренняго производства уменьшилъ значительно. „Это измѣна, насъ продаютъ, Пруссія у насъ хозяйничаетъ“, кричатъ Москвичи не безъ основанія. Но обстоятельства въ видахъ нашихъ администраторовъ представляются иначе, и я записываю факты, склоняясь лично (не совсѣмъ) болѣе къ Москвѣ.

Наша молодая вольная печать и наша либеральная администрація безпрестанно путаются и никакъ не могутъ идти въ ногу. Печать все раздуваетъ, тревожитъ общественное мнѣніе и зацѣпляеть правительство;

администрація старается сжать, немножко по медвѣжьѣ, бѣгеть зажмурясь куда и кого попало и даетъ разъясненія, которыя служатъ новыми поводами къ выходкамъ печати, играющей задоромъ, скандаломъ и смѣлыми обвиненіями. Какое страшное обвиненіе взведено было на г-жу Шлегель, содержавшую будто бы въ самомъ варварскомъ заточеніи сестру свою, умершую потомъ въ казенной больницѣ. Вышелъ пуфъ, и начатое слѣдствіе, съ арестованіемъ обвиняемой, ничего не открыло и прекращено. Тоже, говорятъ, будетъ и съ поджогомъ (убійство А. И. Чивилева) запаснаго дворца въ Царскомъ Селѣ. Теперь идетъ сильный говоръ о „предостереженіи“, данномъ газетѣ „Голосъ“ за нарушеніе постоянно приличія въ передовыхъ статьяхъ и особенно въ № 287, гдѣ нарушеніе это выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ, въ которыхъ печатное слово можетъ быть терпимо. Статья эта (о Французской политикѣ въ Итали) не обратила никакого вниманія и такъ мало выдается изъ всѣхъ подобныхъ передовыхъ статей, что многіе приняли 287 за опечатку и искали *неприличія* въ статьѣ № 281, гдѣ тоже ничего не нашли. Пріѣзжіе рассказываютъ, что статья 287, приписывающая экзекуцію собственно вліянію клерикальной императрицы, не понравилась посланнику Талейрану, и онъ словесно сообщилъ о ней гр. Шувалову (жандарму), который передалъ требованіе это министру. Министръ, давно недовольный рѣзкими статьями „Голоса“, сдѣлалъ Краевскому предостереженіе. Парижская газета и другія обратили на это вниманіе, какъ на симптомъ политики, и въ Русскихъ газетахъ распоряженіе министра подверглось неодобрительной критикѣ. Катковъ въ „Моск. Вѣд.“ 1 Ноября, вчерась, помѣстилъ выходку противъ этого распоряженія, за которую слѣдовало бы сдѣлать гораздо болѣе заслуженное предостереженіе, какъ за распространеніе слуховъ, признаваемыхъ самимъ публицистомъ *нелпыми*. 30 Октября „Journal de St. Pétersb.“ и „Сѣверная Почта“ отвергли политическое значеніе предостереженія „Голосу“, утверждая, что оно сдѣлано за нарушеніе приличія. Въ Москвѣ это событіе сдѣлалось предметомъ толковъ, и общество копошится и трезвонитъ. Удивляться тутъ нечему. Великая сила гласности, даже у насъ, вращается всегда съ шумомъ и ломкою. Справедливо или несправедливо забросали грязью Шлегель и Чивилева и даже министра Валуева, но нѣтъ дыма безъ огня, и болѣе или менѣе основательные поводы могли вызвать крикъ и оцѣнку. Если тутъ есть вредъ, то вредъ частный, мѣстный, личный, всегда неважный и способный защитити себя и оправдаться. Гораздо важнѣе вліяніе гласности, т. е. газетъ, на общія мѣры правительства, какъ напр. на продажу имѣній въ западныхъ губерніяхъ, преобразование Польши и Балтійскаго края, отчужденіе государственныхъ имуществъ, измѣненіе системы народнаго про-

свѣщенія и т. п. Особенно сильно здѣсь вліяніе газетъ съ орлами, съ государственнымъ гербомъ. Ихъ пять. Онѣ, какъ правительственныя, очень распространены, и изъ нихъ самыя распространенныя „Московск. Вѣдомости“ отданы въ аренду умному, просвѣщенному и талантливому Каткову. Вліяніе этого гениальнаго публициста чрезвычайно сильно, и начинающееся наше общественное мнѣніе слагается исключительно подъ этимъ вліяніемъ. Мнѣ хотѣлось бы объяснить, какъ деспотически вліялъ онъ на Головнина и еще болѣе на нынѣшняго министра графа Д. А. Толстаго. Но подожду. Хотя многое выразилось официально, печатно, но многое основывается на однихъ слухахъ, иногда обманчивыхъ. Борьба реализма съ классицизмомъ, въ моихъ глазахъ, окончена, и самыя наименованія партій устарѣли и не соответствуютъ употребленію. Какой классицизмъ осмѣлится схватиться съ обширнымъ развитіемъ XIX столѣтія, когда точныя науки разоблачили столько тайнъ природы, обращенныхъ на благо человечества, и когда наблюдательность гениевъ выворотила душу наружу? Классицизмъ есть роскошь, приправа. Смутныя, тяжелыя его формы, принимавшіяся за гимнастику для развитія молодого ума, представляются не болѣе, какъ забавою, игрушкою въ лабораторіи, гдѣ трудятся Беконъ, Декартъ, Шекспиръ, Мольеръ, Лессингъ, Кантъ, Ньютонъ, Гумбольдтъ, Гёте, Либихъ и полки ораторовъ, историковъ и романистовъ, гдѣ единицы превращаются въ тысячи, и нравственные элементы жизни отождествляются съ политическими и матеріальными. Можетъ-ли быть тутъ рѣчь объ исключительности, преобладаніи, даже уравненіи классицизма, бѣдной науки Греціи и Рима?

Министерство Юстиціи скоро убѣдится, что въ назначенной имъ въ новыхъ судахъ молодежи недостаетъ существенныхъ качествъ: выдержки и достоинства. Это не судьи и прокуроры, а какіе-то школьники, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ и изъ этихъ многихъ лучшіе, товарищи и предѣдатели Деверъ и Арсеньевъ и кандидатъ князь Урусовъ. Всѣ они приобрѣли значительную популярность и всѣ эти три знаменитости теперь попались какъ школьники и осуждаются даже своими товарищами. Дѣло въ томъ, что напоръ талантовъ присяжныхъ и ихъ матеріальныя выгоды вызвали противодѣйствіе, зависть, соперничество, злобу. Антагонизмъ, предсказанный частію въ самомъ законѣ, долженъ былъ выразиться и выразился въ превышеніи и злоупотребленіи правъ защиты, обвиненія и суда. Молодая кровь кипитъ. Этого не сообразило министерство, не умѣло искусно умѣрить ихъ дѣйствіе. Здѣсь, въ Москвѣ, вражда дошла до того, что судъ высыластъ защитниковъ изъ присутствія и рѣшаетъ дѣла безъ защиты. Въ Ярославѣ антагонизмъ судей и прокуроровъ дошелъ, говорятъ, до рукопашной.

Все это грустно. Все это можетъ привести къ самому непріятному исходу. И все это происходитъ отъ неумѣнья и, главное, отъ нераціональнаго, неисторическаго, непрактическаго пріема реформаторовъ. Заслуживаютъ сожалѣнія и сами молодые дѣятели. Я видѣлъ Арсеньева, на немъ лица нѣтъ. Волнуются, ссорятся, хотятъ драться. Розенбергъ требуетъ преданія суду судью Дейера. Князь Урусовъ вызываетъ на дуэль Арсеньева. Арсеньевъ отвѣчаетъ новыми оскорбленіями. Газеты отдають дѣло молвъ, молва—преимущественно еще клубная—порочить реформу. Партія „Вѣсти“ молчитъ и оскалается. А виновато одно министерство. Нигдѣ такъ неочевидна истина, какъ у насъ: несоответственныя назначенія губятъ людей и учрежденія.

Въ „Русскомъ Архивѣ“, Чертковской библіотеки П. И. Бартецева, напечатаны записки графа Комаровскаго и сенатора Дм. Бор. Мертваго, записки, мемуары безцвѣтныя, для исторіи незначительныя, для современниковъ нелюбопытныя, для потомства непоучительныя. Какъ этотъ ничтожный генераль Комаровскій попалъ въ важнѣе тогда генераль-адъютанты и сдѣланъ графомъ за то, что ѣздилъ по Петербургу съ Австрійскимъ принцемъ, можно объяснить себѣ развѣ случайностью обстоятельствъ, молодостью неприготовленнаго императора и революціоннымъ духомъ времени. Правда, ничтожество личности Комаровскаго объясняется его болѣзнію. Онъ подвергался бѣлой горячкѣ и сохранилъ въ императорѣ довѣріе на столько, чтобы быть послану въ Москву для объявленія о вступленіи на престоль, а въ Петербургъ для извѣщенія о совершившейся коронаціи. При Александрѣ этотъ генераль-адъютантъ строилъ казармы и помогалъ бѣднымъ послѣ наводненія.

Записки Мертваго интереснѣе. Мальчикъ 14 лѣтъ былъ въ когтяхъ Пугачевщины. Губернаторствуя въ Крыму, онъ далъ мысль о сформированіи Татарскихъ полковъ. Будучи генераль-провіантмейстеромъ, онъ придумалъ систему заготовленія чрезъ помѣстное дворянство, система къ которой обращался Петръ I-й и, въ недавнее время, Военное Министерство, по плану Булгакова. Записки Мертваго напоминаютъ записки Ермолова и Державина. Постоянный ропоть, постоянное неудовольствіе, подозрительность и порицаніе всѣхъ и каждаго, начиная съ гр. Игельстрема, при которомъ необразованный и ничтожный совѣтникъ игралъ роль правителя, и кончая Ермоловымъ, по представленію котораго сенаторъ посланъ обрѣзывать Астраханскую и Кавказскую губерніи. Потемкинъ, Ришелье, Аракчеевъ, Обольяниновъ, никто не удостоивался не только похвалы и одобренія, но даже ласковаго слова. Только собственныя дѣйствія, самоличность выставляются въ видѣ угнетенной невинности и образца усердія и умѣнья.

Съ какимъ удовольствіемъ утомленная этими Записками и современною запальчивостію душа останавливается и отдыхаетъ на свѣтлыхъ и ясныхъ, какъ Божій свѣтъ, какъ Харита и Психея, письмахъ Жуковского (1840—1851 г.) къ великому князю Константину. Онѣ начинаются прелестью „милаго моего великаго князя“ отъ „старого друга“ и оканчиваются почти подобострастіемъ предъ мужающимъ „высочествомъ“. Но въ этомъ курсѣ воспитанія, сколько теплоты, сколько чистой души, сколько благородства въ искательствѣ, сколько достоинства въ скромности! Какая роскошь рѣчи, Русскаго языка и какая философія въ поэзіи и вѣрованіи! Кто-то напишетъ біографію этого прекраснаго человѣка? Грѣхъ будетъ къ Вяземскому. Онъ одинъ можетъ и сможетъ представить намъ геніальнаго и благороднаго Жуковского.

Канцлеръ кн. Горчаковъ женится на молодой красавицѣ Акифовой (изъ таинственнаго семейства Анненковыхъ). Во многихъ мѣстахъ голодъ, въ западныхъ губерніяхъ водворяется Русское землевладѣніе, въ Остзейскихъ—Русскій языкъ, въ Сибири и на Кавказѣ вводится гласный судъ присяжныхъ, пересматривается тарифъ для пониженія пошлинъ, ожидается усиленіе производительности и повышеніе фондовъ: думаютъ возстановить откупную систему, классическое преподаваніе вездѣ распространяется, публичность дѣйствій и плата утверждаютъ нравственность и приличіе, кружки и клубы сливаются съ домашнимъ очагомъ и пр. Голова ходитъ на плечахъ. А тутъ встаютъ новые вопросы: объ отчужденіи государственной собственности, о замѣнѣ войска ополченіемъ, о превращеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя и пр.

Не говорю теорія—это ясно—но говорю фантазія, съ легкостію и самонадѣянностію увлеченія улетучиваетъ дѣйствительность и мнимымъ надеждамъ сообщаетъ положительность, а мнимымъ законамъ непреложность истины. Надобно прочесть *L'affaire Clémenceau* Дюма-сына или *m-r de Saur* Фёилье, чтобы видѣть какъ ломаютъ дѣйствительность; надобно прочесть *Die verlorene Handschrift* Фрейтага или *Volkwirtschaft* Дитцеля, какъ жеманится и ломается эта дѣйствительность даже у Нѣмцевъ. Вавилонъ и хаосъ! Беспорядокъ и путаница! Въ жизни и литературѣ, въ жизни частной, общественной, государственной и даже международной. Новое время, давайте новое право! Идетъ революція. Этапамъ 1739, 1815, 1830, 1848 годовъ, нуженъ новый этапъ. Онъ давно бы явился, но величіе его замедляетъ появленіе.

Не доволенъ я новыми порядками; нѣтъ, они составляютъ дѣйствительный успѣхъ человѣческаго развитія и проявленія Божіей истины. Но я не доволенъ тѣмъ, что къ святымъ вещамъ прикасаются грязныя руки; что, прокладывая лучшіе пути, безцѣльно рубятъ необходимый лѣсъ и бесполезно тратятъ милліоны на срытіе горъ и засыпку обходи-

мыхъ болотъ; что, дѣлая однихъ счастливыми, идутъ къ этой прекрасной цѣли по трущавкамъ и развалинамъ, и что все это дѣлается доктринально, кабинетно, легкомысленно.

Богъ не позволяетъ мнѣ думать о роскоши воспитанія, мною задуманнаго, но я благодарю Господа и за то, что есть. Они не хуже другихъ, лучше многихъ, мнѣ и матери драгоцѣнны. Страшно систематически гнуть эти тропическія созданія, и все мои помышленія направлены преимущественно къ тому, чтобы ихъ сохранить и вырастить. Конечно прежде жизни и здоровья я прошу у Господа благодетельства и увѣренъ въ Митѣ и Танѣ.

Сегодня, 19 Ноября, отслуживъ литургію, отшелъ отъ сего міра великій святитель Московскій, митрополитъ Филаретъ, величайшій учитель, витія и стражъ восточнаго католическаго ученія. Громко отдастся это событіе въ сердцахъ вѣрующихъ. 86 лѣтъ горѣла эта жизнь, посвященная слову и мысли, вѣрѣ и назиданію. 60 лѣтъ онъ было свѣтильникомъ духовной истины и авторитетомъ церковнаго права. Я познакомился съ покойнымъ въ 1849 г., когда былъ въ Москвѣ обер-прокуроромъ. Съ дѣтства, съ студенчества я привыкъ видѣть въ немъ гениальнаго человѣка, ученѣйшаго іерарха, знаменитаго проповѣдника и государственнаго дѣятеля. Потому я старался сблизиться съ этимъ Московскимъ величествомъ, съ этимъ Московскимъ „владыкою“. (Шарипаніе это было собственнымъ именемъ въ устахъ общества и народа). Купечество чтило его какъ святаго. Особенно почитали его свѣтскіе грѣшники и грѣшницы, которыми Москва всегда преизобиловала. Все Москвичи находили его всесторонне-ученымъ и глубокомысленнымъ. Я этого не находилъ, хотя старался сблизиться съ знаменитымъ старцемъ. Признавая всю недоступную библейскую его ученость, я находилъ, что онъ недостаточно открытъ, чтобы быть общимъ источникомъ Божіимъ, что онъ часто слишкомъ букваленъ и вообще одностороненъ. Викарій Леонидъ сообщилъ о сношеніяхъ великаго іерарха съ великимъ поэтомъ, Пушкинымъ. Это какъ-то не вяжется съ сухою и величавою дѣятельностію государственнаго правителя церкви. Намѣстникъ Лавры, архим. Антоній сообщилъ о видѣніи и предсказаніи дня смерти. Являлся ему отецъ и наказывалъ ему 19 число. Съ того времени, 19 Сентября, 19 Октября, онъ пріобщался, по исповѣди, святыхъ таинъ, а 19 Ноября, отслуживъ литургію, уснулъ на вѣки. Боюсь, чтобы это видѣніе не утвердило довольно распространенную ересь спиритизма, которая явилась послѣ вертящихся столовъ и поддерживается Московскою праздностію особенно въ кругу старыхъ дѣвъ, какъ княжны Шаховскія.

Ближайшее потомство нашего поколѣнія не безъ удивленія и не безъ усмѣшки прочтеть 183, 188 и 189 (и вѣроятно слѣдующіе) №№ газеты „Москва“ этого года. Основанная Московскими протекціонистами, газета, въ № 183-мъ, осмѣяла и одурачила, самымъ наглымъ образомъ. Петербургскихъ чиновниковъ коммисіи, пересматривающей тарифъ 1857 г. Тенгоборскаго. Не довольствуясь агитаціями, Московскіе протекціонисты задумали соединить интересы кармановъ нѣкоторыхъ капиталистовъ съ интересами всего народа и выставили Петербургскихъ дѣятелей, среди голодающаго народа, какъ толпу весельчаковъ, *облизывающихся* въ праздныхъ словопреніяхъ и Стратбургскихъ пирогахъ и консервахъ. Въ существѣ, Московскіе протекціонисты говорятъ не безъ основанія. Пересмотръ тарифа, черезъ десять лѣтъ, могъ напугать капиталы. Но статья 183 № профессора Бабста написана въ такомъ смыслѣ и въ такихъ выраженіяхъ, что и бѣдное и плохо организованное управление дѣлами печати не могло не сдѣлать редактору-издателю Ив. Сер. Аксакову (второе) предостереженіе. „Москва“ напечатала его и въ № 188 (26 Ноября), день похоронъ митрополита, обѣщаваясь объяснить съ Министерствомъ Внутр. Дѣлъ и отозваться на его предостереженіе. Черезъ день, сегодня, въ № 189 Аксаковъ помѣтилъ свой отзывъ (NB. „За статью Бабста“), за который вѣроятно послѣдуетъ новое предостереженіе, третье, и остановится изданіе газеты во второй разъ. Новое—третье, 29 Ноября, и остановка на 4 мѣсяца.

Обширная статья Аксакова, какъ и все что онъ пишетъ, написана отъ души и съ достоинствомъ, но она въ ноги топчетъ администрацію, насмѣшливо обвиняя ее въ *систематическомъ* преслѣдованіи „Москвы“ и многократно оговаривая отдѣленіе управленія, администраціи, отъ Государя, отъ правительства. Примѣръ Каткова не могъ остаться безъ подражателей. Но подражаніе развиваетъ тему далѣе. Катковъ оправдывался. Литвиновъ, Краевскій, Артаболовскій глотали предостереженія съ робкимъ упрекомъ, захлебываясь (экія словечки просятся подъ перо!) страхомъ за карманы. Аксаковъ не только оправдывается, не только упрекаетъ, онъ обвиняетъ и требуетъ суда. „Мы готовы предстать суду, мы желаемъ суда“. Бѣдный! Онъ и забылъ, что система „предостереженій“, давая свободу печати, отдаетъ ее на произволь администраціи!

Самодержавіе, управленіе, публичный судъ, свобода печати—экія родственныя начѣла. Да, невѣжество народа насъ спасаетъ. Невѣжеству помогаютъ нашъ климатъ и наша бѣдность. Со временемъ нашему времени неурядицы, распущенности и расточительности, погостомъ, проученое потомство, не повѣритъ. А можетъ быть, и повѣритъ! Во

всякомъ случаѣ, взвѣсивая великія событія, подивится, какъ мало ума и умѣнья положено въ ихъ основаніе.

Постоянное вооруженіе, которое Европа поддерживаетъ съ 1789 г. и особенно усиленно съ 1849, расточительность правительствъ и злоупотребленіе кредитомъ, привели къ несостоятельности и запутали отношенія такъ, что ничего нѣтъ вѣрнаго, прочнаго и точнаго ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ мірѣ. Въ отчаяніи порядка мы живемъ на авось и идемъ зажмуря глаза на угадъ, испрашивая помощи, то въ тягостныхъ займахъ, то въ безнравственныхъ лотереяхъ, то въ нераціональномъ возвышеніи податей, давящихъ бѣдное населеніе до продажи домашней утвари за постоянныя и безконечныя недоимки *). Государственный порядокъ отражается и въ частномъ. Никогда—развѣ въ 1790 годахъ—не было такъ много случайныхъ паденій и возвышеній обществъ, семействъ и личностей. Покоритель Ташкента, Георгіевскій кавалеръ Черняевъ идетъ въ нотаріусы, купецъ Поляковъ покупаетъ Николаевскую дорогу. Рюминъ, Бернадаки, Кокоревъ, tutti quanti балансируютъ какъ куклы, какъ наши государственные люди, какъ калейдоскопъ. Конечно это неутѣшительно, тяжело; но и посреди этой неурядицы колеблющагося порядка вещей ободрительно то, что, и живя со дня на день, талантъ и постоянный трудъ могутъ рассчитывать на признаніе соответственное и безъ покровительства произвола и силы внѣшней.

Введеніе судебной реформы въ Харьковскомъ округѣ сенаторомъ барономъ Торнау при управленіи министерствомъ графа Конст. Пв. фонъ-дери-Палена радикально отличается отъ Московскаго. Барону Торнау сочиняетъ рѣчи газета „Вѣсть“. Не совѣмъ это такъ. Судебная реформа въ Петербургѣ и Москвѣ введена апіористически и будетъ имѣть всѣ тѣ послѣдствія, которыя предсказаны мною въ печатномъ мнѣніи, въ Маѣ 1865 г. Въ Харьковскомъ округѣ новые суды сольются со ста-

*) Замѣчательны дѣла объ этихъ взисканіяхъ, напр. Великолукское, напечатанное въ 267 № „Судеб. Вѣстника“ 8 Декабря 1867 г. Становой Малькевичъ пріѣзжаетъ, съ *револьверомъ*, для продажи коровы, и его встрѣчаютъ толпы съ крикомъ и гамомъ. Онъ страждаетъ *револьверомъ*, толпа наступать на него, и только присутствіе духа его купчера спасаетъ ревностнаго исполнителя. Дерзость не знаетъ предѣловъ, исповновеніе явное. Главнѣйшіе изъ виновныхъ преданы суду, и по окончаніи судоговоренія судъ постановляетъ два вопроса: 1, виновны-ли подсудимые въ сопротивленіи приставу? и 2, сопроваждалось-ли оно насиліемъ? Присяжные отвѣчали: на первый *нѣтъ*, на второй—*да*, но заслуживаютъ снисхожденія. Послѣ этой глупости, присяжные принесли отрицательный отвѣтъ на оба вопроса, и подсудимые были оправданы. По словамъ защиты виноваты (какъ и въ Калужскомъ дѣлѣ посредника Сухотина), во всемъ виноваты *револьверы*. А Петербургскій прокуроръ Шрейдеръ утверждаетъ, что начальникамъ приходится защищаться *револьверами*.

рыми (по моему предположенію, должны вырости изъ старыхъ). Переходъ будетъ менѣе рѣзокъ, порядокъ замедлится, но не затруднится. Торнау, правда, наговорилъ довольно глупостей объ охранительной обязанности, о судебномъ органѣ *правительства*, о пенарушеніи предѣловъ власти суда, полиціи и администраціи. Все это темные намеки на дѣла Ольхина, Протасьева, Данилова (мировыхъ судей), вѣроятно по непремѣнному приказанію Петербурга. Вѣроятно и въ самомъ ходѣ дѣла Торнау не будетъ счастливъ. Безъ юридическаго образованія, безъ большой судебной практики, дурно обставленный (моя правая рука. Брилевичъ, сказалъ онъ мнѣ 10 Сентября), Торнау невольно подпадаетъ подъ вліяніе болѣе опытнаго и умнаго Шахматова (прокурора палаты), и моя надежда на этого послѣдняго. Онъ любитъ суетиться и умѣетъ лавировать. Опасаюсь я оппозиціи, пререканій, ссоры. Она не только возможна, но и вѣроятна. Съ такимъ слабымъ запасомъ и съ такой правой рукой Торнау, самоувѣренный и щекотливый Нѣмецъ, возстанетъ открыто и надѣлаетъ глупостей.

Послѣ похоронъ великаго іерарха Москва занимается юбилеемъ маленькаго князя Ник. Ив. Трубецкаго, для чего сегодня или вчера прибылъ и маленькій царевичъ, принцъ Петръ Ольденбургскій. Много рѣчей и даже проповѣдей, возгласеній, подарковъ и пѣній. Но праздникъ оправдывается только празднымъ тщеславіемъ нашего времени. Какія заслуги оказалъ кн. П. Трубецкой? Самъ рескриптъ не могъ высказать ихъ. Уничтоженіе значенія опекунскихъ совѣтовъ, оглашеніе страшной смертности дѣтей, которыми гласно торгуютъ на заставахъ, нигилизмъ въ институтахъ и старое воровство экономовъ, — вотъ заслуга преемника кн. Сергія Михайловича, вотъ титла праздника 5—9 Декабря, этого „торжества гражданства и церкви“, какъ выразился старый богословъ Терновскій, „гражданства и церкви“! Это торжество г. Верховцева, который выдумалъ этотъ юбилей, праздникъ чиновниковъ и экономовъ; но тутъ нѣтъ ни „гражданства, ни церкви“.

Разрѣшено частное учрежденіе высшаго учебнаго заведенія: „Лицей цесаревича Николая“ г.г. Каткова и Леонтьева. Это будетъ нѣчто въ родѣ Греко-латинской академіи, совершенно несвоевременной, или Оксфордско-Кембриджскаго конвикта, совершенно къ намъ и въ Москвѣ непримѣнимаго. Катковъ упрямъ и поставитъ на своемъ. Вѣковые опыты классическаго образованія въ Европѣ дѣлаютъ его глухимъ къ требованіямъ времени, изнуряемаго насущными вопросами экономическими и стремящагося проникнуть въ тайны природы. Онъ готовъ прославлять неповоротливаго академика Наука за тяжелую статью его въ календарѣ на 1866 г. и звать не хочетъ свѣтлой и увлекательной автобіографіи другаго академика, геніальнаго Бера. Греко-латынь есть спе-

ціальность, и полагать ее въ основаніе образованности значить предпочитать односторонность и идти вспять. Я никакъ не рѣшусь отдать моего Дмитрія на воспитаніе Каткову. Сынъ мой будетъ знать по-латыни, чтобы изучать Римское право въ источникахъ, но первые два года въ университетѣ онъ посвятить естественнымъ наукамъ и потомъ перейдетъ на факультетъ юридическій и вникнетъ въ связь законовъ природы и естественнаго права законодательствъ. Въ 1868 г., по утвержденіи формъ лингвистики, надобно пригласить профессора Рачинскаго для элементарнаго курса физической географіи и физиологіи.

Вы спрашиваете: читаль-ли я „Conscience et foi“ Кокреля (сына)? Читаль. Это умаленный Ренанъ, пытающійся установить ученіе, какъ г. Ге пытается въ картинахъ „Воскресенія“ и „Вечери“ олицетворить это ученіе реформации и реформаторовъ, которые вызвали послѣднія энциклики и послѣдній силлабусъ умирающаго католицизма и неподвижнаго ориентализма. Это не церковь и религія: это индивидуальное религіозное чувство, развиваемое по вольной канвѣ наукою и воображеніемъ.

Оканчивается 1867 годъ, подходит высокосный 1868-й. Остановимся на минуту. Чтò это былъ за годъ такой? Общее недовѣріе, повсемѣстное вооруженіе, застой промышленности. Но это было и прежде. Парижская выставка не показала-ли, напротивъ, торжество мирнаго генія промышленности? Нисколько. Это была маска, за которою скрывался законъ объ арміи въ 1,200 тысячъ. Казнь Максимилиана не знаменовала-ли паденія династическаго начала? Нисколько: начало это уже пало. За маскою казни выглядываетъ республиканское движеніе. Пораженіе Гарибальди не есть-ли торжество правильнаго монархическаго порядка. Нисколько; это маска, въ которой проглядываетъ анархія правительствъ, безсиліе существующаго порядка, преображеніе законныхъ управленій въ революціонныя. Папство и Сѣверо-германскій союзъ вотъ ближайшія явленія года, вѣка, продолжающіяся издавна и знаменующія паденіе авторитетовъ и торжество матеріальной силы. Въ этомъ выразилось до сихъ поръ *новое право*, идущее на встрѣчу социализму въ современныхъ реформахъ объ общемъ правѣ политическаго голоса, о сходахъ рабочихъ и ихъ ассоціаціяхъ, въ прокламаціяхъ Мадзини и этой странной, загадочной сектѣ Фекліевъ, у которой голова въ Америкѣ, а руки повсюду. Телеграфы и желѣзныя дороги сдѣлали явленія солидарными. Даже въ Турціи геройское возстаніе Кандіи отзывается въ Греціи, Черногоріи и Сербіи. Турція и Австрія въ броженіи къ разложенію. Россія тоже въ броженіи, и сильный національный элементъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ вліяніе преобладающее. Страшны радикальныя реформы, уже вызвавшія столько казней, столько раззореній, столько преступленій, грозящія возстаніями швейкъ и массъ. Наступающій годъ будетъ тяжелъ. Но будемъ молиться и надѣяться.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

На особомъ листѣ.

Сегодня 31 Декабря 1845 г. Я встрѣтилъ новый годъ по обыкновенію одинъ, въ чтеніи и въ постоянной мысли о Богѣ и о благоденствіи несчастныхъ, число которыхъ такъ велико и такъ несоразмѣрно съ средствами нашими. Число это соразмѣрно ненасытимои нашей. Прости, Господи, прегрѣшенія моя, направи стопы моя на путь правды и даруй мнѣ прозрѣть мудрость Твою.

On s'imaginait à tort, suivant lui (Napoléon), qu'en France on pouvait tout ce qu'on voulait. C'était une erreur peu honorable pour ceux qui la commettaient, car ils supposaient la France sans conscience et sans opinion. Il ferait, disait-on, tout ce qu'il voudrait; oui, répondit-il, mais il pouvait ce qui était dans le sens des besoins et des opinions régnant dans le moment en France. mais pas davantage. Il le pouvait mieux, plus puissamment qu'un autre, mais il ne pouvait rien contre le mouvent actuel des esprits. Если и Тьеръ это говорить, онъ правъ. Управление есть предупрежденіе нуждъ народа и чѣмъ оно будетъ сообразнѣе, соотвѣтственнѣе съ большинствомъ, тѣмъ оно можетъ быть смѣлѣе, и смѣлѣе, тѣмъ свободнѣе, неограниченнѣе.

Послѣ 22 лѣтняго управленія Министерствомъ Финансовъ графъ Канкринъ, удалившись въ Парижъ, написалъ и издалъ потомъ въ Штутгартѣ: Die Oekonomie der... Gesellschaft und Finantz. Я полагаю, что это сочиненіе писано не въ 1845 г., но прежде. Оно составилось изъ постепенныхъ отрывочныхъ замѣтокъ, которыя, можетъ быть, связаны, соединены въ нѣчто цѣлое при окончательномъ обзорѣнн въ Парижѣ. Это—собраніе практическихъ замѣчаній опытнаго человѣка, и въ этомъ значеніи сочиненіе стараго министра замѣчательно, а можетъ быть даже и полезно. Книга раздѣляется на три части: общую, частную и о финансахъ. Строгой системы и послѣдовательности въ изложеніи нѣтъ. Нѣтъ ни историческихъ, ни догматическихъ подробныхъ изъясненій. Совсѣмъ нѣтъ ни статистическихъ данныхъ, ни положительныхъ доказательствъ. Послѣднія ограничиваются намеками, кое какими указаніями. Очень много номенклатуры. И такъ замѣчательнѣйшее есть то, что сочиненіе писано министромъ графомъ Канкринымъ и что въ немъ нерѣдко встрѣчаются примѣненія къ Россіи и оправданія мѣръ, принимавшихся лишь государственнымъ правленіемъ. Оно писано добрымъ человѣкомъ, христіаниномъ и съ теплымъ и посвященнымъ сердцемъ.

Письмо И. М. Снегирева къ Я. М. Невърову¹⁾.

Милостивый государь Януарій Михайловичъ.

Душевно благодарю васъ за дружеское ко мнѣ вниманіе въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, гдѣ я встрѣтилъ васъ, какъ родного. Примите отъ меня вмѣстѣ съ признательностію новое изданіе Жизни М. Платона; первая часть осталась безъ перемѣны, а вторая вновь напечатана со многими дополненіями и перемѣнами. Нѣкоторыя обстоятельства, какъ я думаю, должны войти въ составъ Исторіи. Безъ меня многое объ этомъ осталось бы потеряннымъ, скажу безъ самохвалства. Самъ многому очевидецъ, я ихъ повѣрялъ съ его современниками и свидѣтелями.

Покорнѣйше прошу доставить по экземпляру прилагаемыхъ здѣсь книгъ г-ну Комовскому, съ которымъ я столь неожиданно и столь пріятно встрѣтился у васъ въ редакціи²⁾, и г-ну Краевскому, котораго прошу извинить меня, что не успѣлъ у него быть въ назначенное время; потому что въ этотъ день утромъ выѣхалъ изъ С.-П. въ любезную Москву, гдѣ нетерпѣливо ожидало меня семейство мое. Извѣстную вамъ статью мою я посылаю г-ну Сербиновичу.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою И. Снегиревъ.

Москва Мая 29-го, 1835 г.

Н. М. Я З Ы К О В Ъ.

(Замѣтка).

Въ 1902 г. въ Императорскую Публичную Библіотеку поступило нѣсколько автографовъ и копій со стихотвореній Н. М. Языкова въ разныхъ альбомахъ. На стр. 187 отчета Библіотеки за этотъ годъ (Спб. 1910 г.) сказано, что элегія „Дума“ (Одну минуту, много дѣй) не напечатана. Это не вѣрно: элегія эта появилась въ изданіи сочиненій Языкова въ „Дешевой Библіотекѣ“ А. С. Суворина, т. 2, стр. 158.

На стр. 190-й заглавіе стихотворенія „В.“ (Не робко пей, товариць мой) объясняется предположительно: Вульф³⁾. Въ печатныхъ же изданіяхъ стоитъ „Къ В—му“. Кто это лицо, остается загадочнымъ. На стр. 185—приведено начало стихотворенія П. А. Осиповой „Аминь, аминь глаголю вамъ!“⁴⁾. Эта строка почему-то выпущена во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ, отчего исказилась рима.

А. А. Флоридовъ.

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1910, книги I и II.

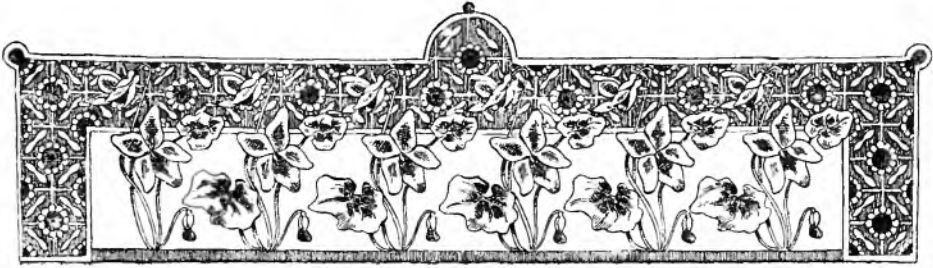
²⁾ Журнала Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія. П. Б.

³⁾ Конечно, это посланіе къ А. Н. Вульфъ, Дерптскому пріятелю Языкова. П. Б.

⁴⁾ Тогдашняя цензура не пропустила этихъ словъ, точно какъ и Баратынскому въ его стихахъ:

Аминь, аминь, сказать Онъ вамъ:

Гдѣ двое вы будете, не буду съ вами Я.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КОРОЛЯ СТАНИСЛАВА ПОНЯТОВСКАГО ¹⁾.

Непріятное приключеніе 6 Іюля 1757 года.

Въ свѣтъ принца Карла (Саксонскаго) состоялъ Браницкій, въ настоящее время полный генералъ. Совѣмъ еще молодой тогда (1757), онъ былъ уже извѣстенъ по двумъ доблестнымъ кампаніямъ, которыя совершилъ волонтеромъ въ Австрійской арміи, вмѣстѣ съ тѣмъ же принцемъ Карломъ. Съ самаго прибытія въ Петербургъ, онъ выражалъ мнѣ желаніе заслужить мою дружбу, и дѣлалъ это такъ своеобразно, такъ порыцарски, что мнѣ пришла мысль испытать его въ странномъ приключеніи, о которомъ сейчасъ разскажу.

По обороту, которое приняло дѣло великаго канцлера ²⁾ и по тому, что обстоятельства Петербургскаго и Варшавскаго дворовъ становились для меня все болѣе и болѣе щекотливыми, я счелъ за нужное удалиться на нѣкоторое время изъ Россіи, взявъ отпускъ съ тѣмъ, чтобъ потомъ вернуться въ срокъ и къ своему мѣсту ³⁾.

Отъ одной этой мысли я участилъ мои ночныя поѣздки въ Ораниенбургъ, гдѣ пребывалъ малый дворъ, что облегчалось моимъ переездомъ въ Петергофъ, по случаю нахождения въ немъ принца Карла, и приближало меня на двѣ трети пути къ моему предмету.

Привыкнувъ къ постоянной до тѣхъ поръ удачѣ, какъ въ моихъ переодѣваніяхъ, такъ и во всѣхъ способахъ, относящихся къ этимъ поѣздкамъ, я совѣмъ потерялъ изъ виду всю ихъ опасность и 6 Іюля (по старому стилю 25-го Іюня, въ Четвергъ) рѣшился поѣхать, пред-

¹⁾ Переведено съ французскаго. Списокъ съ подлинника сохранился въ бумагахъ Н. К. Шильдера. П. Б.

²⁾ Графа Бестужева-Рюмина. П. Б.

³⁾ Т. е. къ должности Польскаго представителя при нашемъ дворѣ. П. Б.

варительно не сговорившись даже съ великой княгиней, какъ дѣлалъ это постоянно. Я нанялъ, по обыкновенію, маленькую крытую телѣжку, съ извозникомъ, не знавшимъ кого онъ везетъ. На задкѣ сидѣлъ тотъ же переодѣтый скороходъ, который меня всегда сопровождалъ въ прежнія поѣздки.

Въ эту ночь (таковой она на самомъ дѣлѣ не бываетъ въ Россіи) мы, по несчастію, повстрѣчали въ Ораніенбаумскомъ лѣсу великаго князя со всей его свитой (всѣ полупьяные!) Извозникъ былъ спрошенъ, кого онъ везетъ, и отвѣчалъ, что не знаетъ; а скороходъ сказалъ, что портного. Насъ пропустили. Но Елисавета Воронцова, фрейлина великой княгини и фаворитка великаго князя, бывшая тутъ съ нимъ, стала дѣлать такія предположенія насчетъ мнимаго портного, что великій князь пришелъ въ очень дурное расположеніе духа; и, по выходѣ моемъ отъ великой княгини, послѣ нѣсколькихъ часовъ проведенныхъ съ нею въ павильонѣ (занятомъ ею подъ предлогомъ ваннъ), въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ, на меня напали три всадника, съ саблями въ рукахъ, схватили за воротъ и такъ привели къ великому князю. Узнавъ меня, онъ просто приказалъ мнѣ слѣдовать со мною за нимъ. Меня повели по дорогѣ къ морю, и я думалъ, что пришелъ мнѣ конецъ, какъ у самаго берега повернули на право, къ другому павильону, который занималъ великій князь. Тутъ, безъ всякихъ околичностей, онъ прямо спросилъ у меня, былъ ли я у великой княгини. Я отвѣчалъ, что нѣтъ.

Онъ. Скажите мнѣ правду, и тогда все можетъ устроиться; если-же вы будете ее отрицать, то дурно проведете время.

Я. Я не могу признаться въ томъ, чего не дѣлалъ.

На это онъ пошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ, какъ кажется, посоветовался съ бывшими при немъ. Немного спустя, онъ возвратился и сказалъ мнѣ:

Ну, хорошо! такъ какъ вы не хотите говорить, то останетесь здѣсь до моего дальнѣйшаго распоряженія. П. приставивъ къ дверямъ карауль, онъ оставилъ меня въ комнатѣ одного, съ генераломъ Брокдорфомъ.

Мы съ нимъ провели два часа въ самомъ глубокомъ молчаніи, какъ вдругъ вошелъ графъ Александръ Шуваловъ двоюродный братъ фаворита*), главный инквизиторъ государственной дикастеріи, называемой

*) Т. е. Ивана Ивановича, который и жилъ во дворцахъ съ Елисаветою Петровою, тогда какъ сунулъ ея, графъ А. Г. Разумовскій, помѣщался въ своемъ домѣ (нынѣ Аничковъ дворецъ). П. Б.

въ Россіи Тайной Канцеляріей. Точно для усиленія ужаса, которое вселяло одно названіе его должности, природа наградила его нервными подергиваніями, страшно безобразившими ему лицо, и безъ того некрасивое; а появлялись они всякій разъ послѣ его серьезныхъ занятій. При его появленіи, я тотчасъ понялъ, что Государынѣ все уже извѣстно. Онъ пробормоталъ въ смущеніи нѣсколько словъ, по которымъ я больше догадался, чѣмъ понялъ, что онъ спрашиваетъ объясненія всего происшедшаго.

Вмѣсто того, чтобъ приступить къ подробностямъ, я сказалъ ему: „Полагаю, милостивый государь, что для чести вашего двора, какъ и для моей, важно покончить все это съ возможно меньшею огласкою, и чтобы вы вывели меня отсюда какъ можно скорѣе.

Онъ (продолжая запинаться, такъ какъ онъ былъ и заика). „Вы правы, и я тотчасъ займусь этимъ“. Онъ вышелъ, и, меньше чѣмъ черезъ часъ, возвратился сказать мнѣ, что готова карета для меня, и что мнѣ только и оставалось какъ вернуться въ Петергофъ. Карета была жалкая, но вся въ стеклахъ, точно фонарь.

И въ такомъ-то якобы инкогнито, въ 6 ч. утра, среди бѣла дня, грустно погадился я, на парѣ лошадей, по глубокому песку. Дорога показалась мнѣ безконечною.

Не доѣзжая немного до Петергофа, я отправилъ карету, чтобъ остальной путь совершить пѣшкомъ, въ шинели и надвинутой на уши сѣрой шляпѣ. Меня могли принять за разбойника, но все же моя фигура должна была меньше привлечь вниманіе любопытныхъ, чѣмъ эта удивительная карета.

Дойдя до деревяннаго зданія, въ которомъ я помѣщался съ нѣсколькими лицами изъ свиты принца Карла, въ низенькихъ комнаткахъ нижняго этажа, всѣ окна котораго стояли открытыми, я рѣшилъ войти не черезъ дверь, изъ боязни повстрѣчаться съ кѣмъ нибудь.

Я вообразилъ, что чудесно придумалъ войти къ себѣ въ комнату черезъ окно, но вскочилъ, по ошибкѣ, въ комнату сосѣда моего генерала Роникера, котораго брили! Онъ принялъ меня за привидѣніе, и мы оба нѣсколько минутъ молчали, пока не расхохотались.

Я сказалъ ему: „Не спрашивайте меня, откуда я и почему вхожу черезъ окно; но, какъ добрый соотечественникъ, дайте мнѣ ваше честное слово, что вы никому не будете говорить обо всемъ этомъ“. Онъ обѣщался молчать, и я отправился попытаться заснуть, но безуспѣшно.

Два дня провелъ я въ самомъ жестокомъ смущеніи. Я отлично видѣлъ по взглядамъ, что мое непріятное приключеніе всеѣмъ извѣстно, хотя никто не заговаривалъ о немъ со мною. Наконецъ, великая княгиня нашла способъ прислать мнѣ записочку, изъ которой я понялъ, что она сдѣлала уже попытку расположить къ себѣ фаворитку своего мужа. На слѣдующій день великій князь съ супругой и весь дворъ пріѣхали въ Петергофъ на 29-ое Юня ст. ст., день Св. Петра (При дворѣ его праздновали въ память основателя Петергофа).

Вечеромъ этого же дня былъ придворный балъ. Танцуя минуэты съ Елисаветой Воронцовой, я ей сказалъ: „Вы бы могли сдѣлать нѣсколькихъ лицъ счастливыми“. Она отвѣчала: „Это почти что сдѣлано; приходите, въ часъ ночи, съ Львомъ Александровичемъ *) въ Monplaisir, гдѣ помѣщаются ихъ императорскія высочества, въ нижнемъ саду“. Я пожалъ ей руку и пошелъ уговориться съ Нарышкинымъ. „Приходите, сказалъ онъ мнѣ; вы меня найдете у великаго князя“.

Пораздумавши немного, я сказалъ Браницкому: „Не хотите-ли рискнуть погулять со мной въ нижнемъ саду? Богъ знаетъ, куда насъ приведетъ эта прогулка, но, вѣроятно, она кончится хорошо“. Онъ тотчасъ же согласился, и мы отправились въ назначенный часъ въ указанное мѣсто. Шагахъ въ двадцати передъ гостиной, я встрѣтилъ Елисавету Воронцову, которая сказала мнѣ: „Вамъ нужно подождать здѣсь нѣкоторое время; у великаго князя курятъ трубки, и онъ хочетъ сперва отдѣлаться отъ нихъ, прежде чѣмъ увидѣть васъ“. Она нѣсколько разъ ходила посмотреть, не наступилъ-ли ожидаемый нами часъ. Наконецъ, я услышалъ: „входите“ и, вслѣдъ за этимъ, великій князь подходитъ ко мнѣ съ веселымъ видомъ и говоритъ: „Ну, не великій-ли ты шутъ, что не посвятилъ меня во-время въ свою тайну? Знай я ее, не было бы и никакой исторіи“.

Я разумѣется согласился съ нимъ во всемъ, и тутъ же сталъ превозносить глубину военныхъ талантовъ его императорскаго высочества, отъ которыхъ мнѣ нельзя было избавиться. Этимъ я ему такъ польстилъ и привелъ его въ такое хорошее расположеніе духа, что, черезъ четверть часа, онъ говоритъ мнѣ: „теперь, чтѣ мы добрые друзья, тутъ кого-то еще недостаетъ!“ И, вслѣдъ за этимъ, онъ пошелъ въ комнату своей жены, заставилъ ее встать съ кровати и, давши ей только время натянуть чулки, даже безъ башмаковъ, накинуть легкій капотъ, безъ юбки. Онъ приводитъ ее къ намъ въ такомъ видѣ и говоритъ ей, показывая на меня: „Ну, вотъ онъ вамъ! Надѣюсь, что останетесь довольны мною“.

*) Нарышкинымъ. П. Б.

Она воспользовалась этимъ случаемъ и говоритъ ему: „Теперь недостаетъ только вашей записочки къ вице-канцлеру Воронцову, чтобъ попросить его посодѣйствовать въ Варшавѣ скорому возвращенію къ намъ нашего друга“.

Великій князь попросилъ принести столъ, но стола не оказалось; нашлась только доска, которую и положили ему на колѣни, и онъ написалъ карандашемъ убѣдительную записочку Воронцову на счетъ его содѣйствія, а мнѣ далъ, тоже карандашемъ написанную записочку, скрѣпленную рукой его фаворитки и хранящуюся у меня въ подлинникѣ; въ ней стояло: „Вы можете быть увѣрены, что я сдѣлаю все на свѣтъ, чтобъ васъ вернули; буду говорить объ этомъ всѣмъ и докажу вамъ, что я не забываю васъ. Прошу васъ помнить обо мнѣ и вѣрить, что я навсегда останусь вашимъ другомъ и сдѣлаю все возможное, чтобъ быть вамъ полезной. Остаюсь вашей покорной слугой Елисавета Воронцова“.

Послѣ этого мы всѣ шестеро начали болтать, смѣяться, шалить съ маленькимъ фонтаномъ, находившимся въ этой гостиной, какъ будто у насъ не было никакихъ заботъ, и разошлись мы только въ 4 ч. утра.

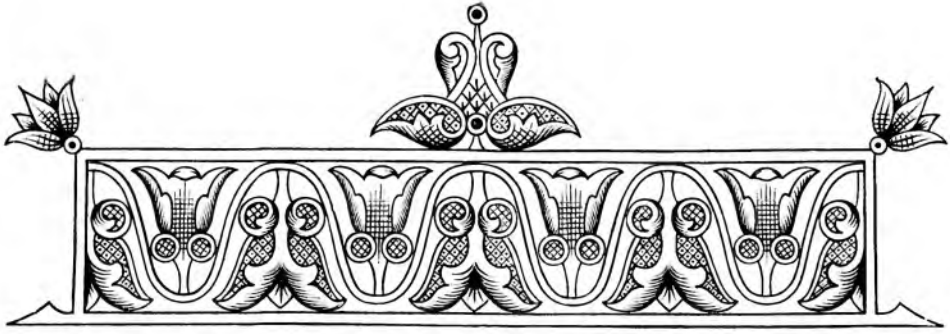
Все приведенное здѣсь мною можетъ показаться невѣроятнымъ, но я свидѣтельствую, что это сущая правда; съ этой поры и началась наша короткая дружба съ Браницкимъ.

На другой день, всѣ смотрѣли на меня дружелюбнѣе. Великій князь заставилъ меня еще раза четыре проѣхаться въ Ораніенбаумъ. Пріѣзжалъ я туда вечеромъ, потайною лѣстницею подымался въ комнату великой княгини, гдѣ заставлялъ великаго князя и фаворитку его. Послѣ ужина, онъ уходилъ съ нею къ себѣ, говоря намъ: „Мнѣ кажется, дѣти, я вамъ болѣе не нуженъ!“ И я могъ оставаться съ великой княгиней сколько хотѣлъ.

Иванъ Ивановичъ говорилъ мнѣ любезности, Воронцовъ точно также. Однако я имѣлъ случай подмѣтить, что тутъ что-то не ясно, и что необходимо уѣхать. Разрѣшеніе было уже получено еще раньше и, наконецъ, я долженъ былъ покинуть Петербургъ.

Путешествіе мое было неудачное. Меня постигли всѣ несчастія, задерживающія путешественниковъ, и я только черезъ три недѣли добрался до Сельце, куда удалились мои родители, по кончинѣ моей бабушки Чарторижской, послѣдовавшей 20 Февраля этого года.

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ВОДЕВИЛЯ.

Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій (Воробьевъ).

(Написано по поводу сорокалѣтїя со дня его смерти).

„Онъ былъ весельчакъ и умница“.

Шекспиръ, Гамлетъ.

Этими словами, сказанными Гамлетомъ въ то время, когда онъ задумчиво всматривался въ черепъ Юрика, вырытый изъ могилы, одинъ изъ біографовъ Дмитрія Тимофеевича Ленскаго начинаетъ жизнеописание послѣдняго, а другой тѣми же словами Гамлета закончилъ такое же жизнеописание этого типичнаго представителя нашей сцены въ ея лучшія времена. Да и мы лично, ознакомившись съ многочисленными письмами и записочками Д. Т-ча къ разнымъ лицамъ, собранными въ „Русской Старинѣ“ (1880 годъ, т. XXIX), а также съ нѣкоторыми литературными его твореніями и біографическими о немъ свѣдѣніями, можемъ только подтвердить, что вышеприведенныя слова Гамлета— „онъ былъ весельчакъ и умница“—самый подходящій эпитафійный къ воспоминаніямъ о Ленскомъ, стяжавшемъ себѣ славу какъ водевильный драматургъ, переводчикъ пьесъ Беранже, какъ веселый, пріятный собесѣдникъ, острякъ и, нерѣдко, очень колкій эпитаграмматистъ.

Собственно въ исторіи Русской драматической литературы Д. Т. занимаетъ мѣсто какъ талантливый и плодовитый водевильщикъ, и популярность его въ свое время въ средѣ общества, интересовавшагося театромъ, будетъ намъ отчасти понятна, если мы обратимъ вниманіе на то, что водевиль, доселѣ еще не покинувшій нашей сцены, пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ держалъ ту же сцену въ плѣну

и безгранично владѣлъ ею, не смотря на то, что первоначально пере-саженъ былъ на Русскую почву какъ заморское твореніе (родиной его была Франція). На сколько крѣпко привился водевилъ на Русской сценѣ и насколько пришелся по вкусу публикѣ, можно судить по характерному изреченію Репетилова о томъ, что „водевилъ есть вещь, а прочее—все гиль“, и такому мнѣнію о легкомысленномъ водевилѣ не будемъ удивляться, такъ какъ послѣдній своимъ реализмомъ, хотя только и внѣшнимъ, вытѣснилъ съ нашей сцены комическую оперу и напыщенную трагедію, дававшія уму и сердцу слушателя и зрителя слишкомъ мало пищи и притомъ крайне плохого качества или почти не дававшей никакой пищи, такъ какъ первая почерпала свое содержаніе преимущественно изъ міра фантастическаго и дѣйствовала на зрителя не столько содержаніемъ, сколько пѣніемъ и обстановкой, а вторая выводила на сцену классическихъ злодѣевъ въ традиціонной позитурѣ вращающихся зрачками, декламирующихъ безконечные монологи на языкѣ, ничего общаго съ человѣческимъ не имѣющемъ, и гибнущихъ въ борьбѣ съ скучною прописною добродѣтью. Само собою разумѣется, что съ появленіемъ на сценѣ водевиля публика охотно отвернулась и отъ комической оперы, и отъ напыщенной трагедіи, надобныхъ ей до приторности своими фантастичностью и избитыми нравственными сентенціями, и сосредоточила свои сценическіе вкусы на этомъ новомъ видѣ театральнаго „лицедѣйствія“, тѣмъ съ бѣдшею пріятностью, что водевилъ, безъ претензій на нравственно-воспитательную роль зрителей, поставивъ себѣ первоначально цѣлью выставленіе въ смѣшномъ видѣ, въ легкомъ и остроумномъ сценическомъ дѣйствіи, слабостей, заботился исключительно о томъ, чтобы дѣйствіе шло увлекательно—быстро и заразительно-весело, вызывая самый живой смѣхъ въ публикѣ, и для достиженія этого результата считалъ дозволеннымъ изобиліе въ дѣйствіи каламбуровъ, самыя запутанныя положенія дѣйствующихъ лицъ, ѣдкое и замысловатое остроуміе. Если мы въ наше время, когда для сцены имѣется большой запасъ рѣдкихъ по художественной отдѣлкѣ и по реальности содержанія пьесъ-драмъ, трагедій и комедій, не говоря уже о выдающихся по своей всесторонней художественности операхъ и опереткахъ, присутствуемъ съ удовольствіемъ при игрѣ водевилей: то тѣмъ болѣе тотъ же водевилъ могъ завладѣть сценическими вкусами отечественной публики въ ту пору, когда для удовлетворенія этого вкуса служили, какъ мы уже сказали выше, только комическая опера съ ея фантастическимъ содержаніемъ и напыщенная по своей крайней тенденціозности трагедія.

Въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтїя любовь нашего общества къ водевилнымъ пьесамъ была въ полной силѣ, и вкусамъ публики въ этомъ отношенїи вполне удовлетворялъ, какъ водевилный драматургъ, Д. Т. Ленскій.

Ленскій, настоящая фамилія коего была Воробьевъ, по своему происхожденію принадлежалъ къ зажиточной купеческой семьѣ и родился въ Москвѣ въ 1805 году. По семейнымъ традиціямъ отецъ предназначилъ его къ коммерческой дѣятельности и съ этою цѣлью помѣстилъ его для полученія спеціальнаго образованія въ Коммерческое Училище. По окончанїи въ 1819 году курса ученія, Д. Т. поступилъ было на службу въ контору одного Англійскаго купца въ Москвѣ, но занятія въ этой конторѣ ему не нравились, и онъ, по природному влеченію, началъ мечтать о сценической дѣятельности, пока наконецъ, послѣ предварительнаго дебюта, состоявшагося безъ вѣдома отца, не былъ зачисленъ. 14 Апрѣля 1824 года, въ казенную драматическую труппу. На Московскоѣ сценѣ Ленскій оставался до конца своей жизни (умеръ 9 Декабря 1860 года), играя въ первое время роли водевилныхъ любовниковъ, а впослѣдствїи и другія комическія роли, какъ, напримѣръ Тартюфа и Хлестакова.

Но дѣятельность актера не была истиннымъ призваніемъ Ленскаго, и стремленіе его прїобрѣсти славу именно на этомъ поприщѣ не осуществилось: въ теченіе всей своей жизни онъ не выдѣлился изъ ряда посредственныхъ актеровъ. Извѣстность же онъ прїобрѣлъ, какъ авторъ многочисленныхъ водевилей, замѣтно выдѣлявшихся изъ ряда другихъ подобныхъ литературныхъ твореній сценичностью, жизненными комическими типами, веселымъ остроуміемъ и юморомъ куплетовъ, нерѣдко доводившихъ большую публику до неистовства, проявлявшагося ею въ знакъ полнаго довольства пьесою. Правда, что Д. Т., зная хорошо Французскій языкъ, большую часть своихъ водевилей передѣлалъ изъ Французскихъ водевилей или только перевелъ ихъ съ этого языка, замѣнивъ болѣе или менѣе удачно дѣйствующихъ лицъ (Французскихъ комми, гризетокъ и рантье) въ сидѣльцевъ гостиннаго двора, въ швеекъ съ Кузнецкаго моста и въ богатыхъ купцовъ Ножевой линїи, и тонкую Французскую соль, примѣнительно ко вкусу публики, крупнымъ „бузупомъ“...; но за то значительная часть блестящихъ веселымъ остроуміемъ и юморомъ куплетовъ въ этихъ водевиляхъ принадлежала собственной его Музѣ. Истиннымъ призваніемъ Ленскаго было поприще куплетиста, которому онъ, къ сожалѣнію, не послѣдовалъ. Самъ онъ, признавая цѣнность куплета, вотъ какъ опредѣлялъ въ стихахъ его роль на сценѣ:

Какъ посмотрѣть на всѣ проказы свѣта,
Куда смѣшонъ покажется намъ свѣтъ!
Что шагъ, то мысль родится для куплета,
И льется самъ изъ-подъ пера куплетъ.

Пиши куплетъ, когда дуракъ изъ грязи
Кой-какъ ничкомъ, ползкомъ протерся въ знать,
И вдругъ забылъ родства и дружбы связи
И никого теперь не хочетъ знать.

Пиши куплетъ, когда съ эспаньолеткой,
Въ усахъ, съ хохломъ, сидитъ въ театрѣ франтъ
И, съ важностью вертя своей лорнеткой,
Вретъ всякій вздоръ и вслухъ бранитъ талантъ.

Пиши куплетъ, когда старикъ влюбленный
Вступаетъ въ бракъ съ кокеткой молодой:
Она родить, а онъ, отецъ законный
Ужъ думаетъ, что онъ отецъ родной.

Пиши куплетъ, когда лишь изъ расчета
Иной съ плеча строчитъ романъ начисть,
Коверкаетъ нещадно Вальтеръ-Скота,
И наконецъ выходитъ просто скотъ.

Пиши куплетъ, когда къ себѣ сосѣда
Столичный плутъ обѣдать позоветъ
И, между тѣмъ, его послѣ обѣда,
Какъ липочку, за банкомъ обдеретъ.

Пиши куплетъ, когда, желая липку,
Въ свой бенефисъ расчетливый актеръ
Печатаетъ предлинную афишку
И публикѣ даетъ формальный вздоръ.

Какъ посмотрѣть на всѣ проказы свѣта,
Куда смѣшонъ покажется намъ свѣтъ!
Что шагъ, то мысль родится для куплета,
И льется самъ изъ-подъ пера куплетъ.

Театральная публика описываемаго нами времени настолько увлеклась водевилями, что безъ нихъ не обходился ни одинъ бенефисъ, если только актеръ, въ пользу котораго назначалось бенефисное представленіе, желалъ обезпечить себѣ полный успѣхъ въ смыслѣ привлеченія публики. Даже такіе талантливые актеры, какъ И. И. Сосницкій П. А. Каратыгинъ и М. С. Щепкинъ, приводившіе тонкихъ знатоковъ сценическаго искусства въ восторгъ своею игрою разныхъ ролей въ классическихъ пьесахъ, и то иногда прибѣгали къ водевилю, какъ средству для привлеченія въ театръ публики. Такое вліяніе водевиля самъ Ленскій отмѣтилъ въ своей водевильной пьесѣ „Мужъ и Жена“ въ слѣдующихъ стихахъ:

Все, что бь ни говорили
 Въ журналахъ тамъ и тутъ,
 А нынче водевили
 Спектаклямъ жизнь даютъ.

Безъ водевильныхъ издоровъ
 И бенефисъ неидеть:
 А бенефисъ—актеровъ
 Единственный доходъ!

Какъ человѣкъ хорошо и непосредственно знакомый съ театральнымъ міромъ, Ленскій въ своихъ куплетахъ оставилъ слѣдующее характерное описаніе состоянія въ его время театрального искусства въ провинціи.

Нашъ театръ провинціальный
 Смѣхъ и горе, стыдъ и срамъ!
 Что за зданье, что за зало!
 Какъ въ ней зрители сидятъ?

Масло постное и сало
 Все лице вамъ закоптятъ.
 Декораціи, машины
 И костюмы—чудеса!
 А артисты какъ мужчины,
 Такъ и женщины—краса.

Тутъ къ вамъ явится любовникъ,
 И въ мундирѣ—о злодѣй!
 По піесѣ онъ полковникъ,
 По пріемамъ—брадобрѣй.

При усахъ, забывъ о шпорахъ,
 Онъ быть ловкимъ норовить
 И съ княгиней въ разговорахъ
 Каблуками все стучить...

Закулисная княгиня,
 Нарумянясь черезчуръ,
 Какъ ворона, ротъ разиня,
 Вдругъ отпустить вамъ банжуръ!

А въ трагедіяхъ—потѣха!
 Это вотъ ужъ изъ границъ!
 Средства нѣтъ смотрѣть безъ смѣха
 На героевъ и царицъ.

На расиѣвъ стихи читаютъ
 И безсмыслицу всегда,
 Руки кверху задираютъ
 То туда, а то сюда!...

Не особенно весело жилось и актерамъ того времени, какъ объ этомъ можно сѣдить по указаніямъ, сдѣланнымъ Ленскимъ въ слѣдующихъ комическихъ стихахъ:

Мы спокойствія не знаемъ,
Напролетъ ночей не снимъ.
Переводимъ, сочиняемъ,
Чтобы сборъ доставить имъ...

Хоть-бы дѣны-то платили
Не такія намъ за трудъ,
А то наши водевили
Чуть лишь даромъ не берутъ.

Посудите, ради Бога:
Не хотятъ, чтобъ вышла гниль,
А заплатятъ много-много
Сто рублей за водевилъ!

Сверхъ того, еще артисты
Роли выучатъ кой-какъ,
И вдобавокъ журналисты
Скажутъ автору: дуракъ!

А когда придешь на пробу,
Восхищайся иль молчи,
И ужь дамскую особу
Ни въ словечкѣ не учи;

Если-жъ скажешь замѣчанье,
Раскапризится какъ разъ...
Вотъ вамъ наше состоянье,
Вотъ что авторы у насъ.

Почти со всѣми наиболѣе талантливыми актерами его времени Д. Т. находился въ самыхъ близкихъ, а съ нѣкоторыми—и въ задушевно-дружескихъ отношеніяхъ. Такъ, наприм., съ П. А. Каратыгинымъ, тоже водевилистомъ, помогавшимъ Ленскому устроить свои водевили въ Петербургѣ, онъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ и называлъ его въ своихъ письмахъ „душечкой“, „Петей“ или „Петрушей Каратышкой“. Еще болѣе дружескими были его отношенія къ И. И. Сосницкому, хотя послѣдній и жилъ въ Петербургѣ. Дружба эта была взаимная, но главную роль въ ней занималъ Сосницкій, къ коему Ленскій относился съ восторженнымъ обожаніемъ, называя его въ своихъ письмахъ „ласковый“, „ненаглядный“, „благодѣтель“, „мой добрый другъ, отецъ, братъ и все! мой мпльй, высокій образецъ и чувства и искусства!“, „незабвенный и неизмѣнный“, „несравненный“ и т. п. Подъ этими же письмами Ленскій подписывался иногда „Митюхой“ или „Димитрій, пьяный мужъ“ и т. п. именами. Восторженное

отношеніе къ своему пріятелю Д. Т. выразилъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ немного шутливыхъ стихахъ:

Сосницкаго знаютъ въ обѣихъ столицахъ,
И знаютъ въ Россіи друзья и враги;
Сосницкій талантъ, добросовѣстность въ лицахъ,
Сосницкій есть грація въ видѣ брызги.

Радушіе, умъ, и талантъ, и брюзгливость
Съ душою прекрасной въ немъ брызжутъ струей.
Къ нему невниманіе—несправедливость.
Вниманіе—хуже: какъ вскрикнетъ ой, ой!

Для характеристики же отношеній Ленскаго къ знаменитымъ артистамъ П. С. Мочалову и М. С. Щепкину мы приведемъ здѣсь слѣдующій любопытный разсказъ П. А. Каратыгина, вызывающій, кромѣ того, на грустныя размышленія по поводу подчеркнутаго въ немъ нашего невниманія къ памяти о талантливыхъ соотечественникахъ. При всей своей восторженности и юношеской впечатлительности (разсказываетъ Каратыгинъ) Ленскій не расточалъ своихъ чувствъ, питая ихъ безъ разбора ко всѣмъ своимъ знакомымъ и сослуживцамъ. Изъ всей Московской драматической труппы онъ особенно любилъ и уважалъ П. С. Мочалова. Щепкина—уважалъ за высокій талантъ, но не любилъ какъ человѣка. Способность покойнаго Щепкина плакать и умиляться, его ласковость одинаковая со всѣми безъ изъятія, его увѣренія въ любви и въ дружбѣ каждому, едва знакомому человѣку—были не по сердцу Ленскому. При погребеніи Мочалова, въ 1845 году, Щепкинъ, заливаясь слезами, увѣнчалъ покойника лавровымъ вѣнкомъ, передъ самой той минутой, когда гробовая крышка навѣки скрыла лицо артиста отъ глазъ его друзей и почитателей... Кромѣ Щепкина, оплакали Мочалова весьма многіе; но могилу его постигла общая участь мѣсть вѣчнаго успокоенія большинства бѣдныхъ смертныхъ: „схоронили-позабыли!“ И десять лѣтъ прошло со времени похоронъ Мочалова, и могила его пришла въ совершенное запущеніе... Посѣщали ее очень немногіе, и въ ихъ числѣ—Ленскій. Для напоминанія о покойномъ своемъ другѣ, какъ сотоварищамъ, такъ и представителямъ публики Ленскій избралъ день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Щепкина (весною 1855 года). Послѣ тостовъ, поздравительныхъ стиховъ и рѣчей, которыми осыпали почтеннаго юбиляра многочисленные гости на его торжествѣ, Ленскій, вставъ съ своего мѣста, прочелъ присутствовавшимъ слѣдующее стихотвореніе, вылившееся изъ глубины сердца:

Въ засохшемъ лавровомъ вѣнцѣ,
Съ глубокой тоской на лицѣ,

Вчера мнѣ Мочаловъ приснился...
 Покойникъ вздохнулъ, прослезился—
 И грустно сказалъ мнѣ потомъ:

„Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
 Почтилъ меня Щепкинъ во гробѣ:
 Давно ужъ въ земной я утробѣ

Покоюсь по волѣ Христа...
 А вѣтъ надо мной и креста!

Травой заросла вся могила,
 И трудно дойти до нея...

Москва обо мнѣ позабыла,
 А я былъ любимцемъ ея!“...

И такъ, благородные гости,
 Внемлите вы просьбѣ моей:
 Утѣшимъ Мочалова кости,—
 Поставимъ ему мавзолей.

Пусть каждый, кому что угодно
 Подпишетъ по волѣ своей,
 И кончимъ тогда благородно
 Мы Щепкинскій нашъ юбилей.

Еще болѣе рѣзко, по словамъ П. А. Каратыгина, Ленскій обошелся съ Щепкинымъ по поводу обнаруженной послѣднимъ большою безтактности постановкою на сценѣ въ день своего бенефиснаго спектакля (совпавшаго со днемъ взятія нашими непріятелями Севастополя) ультрапатріотической пьесы П. И. Григорьева „За вѣру, царя и отечество“, претящей всякому здравомыслящему человѣку своимъ нестерпимымъ шовинизмомъ, изліяніями самаго низкаго качества и дикой безсмыслицей содержанія, и произнесшимъ въ антрактѣ стихотвореніе А. С. Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“. Произведенное этимъ спектаклемъ удручающее впечатлѣніе просто взбѣсило Ленскаго, и вотъ онъ обрушился на Щепкина слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Сценическій талантъ въ комическихъ роляхъ
 Не есть еще всегда за здравый смыслъ порука,
 И комику нужны искусство и наука...
 Не то случается и въ опытныхъ лѣтахъ:

Невѣжество его, какъ бѣльмы на глазахъ.
 Сегодняшній спектакль доказываетъ это.

Что возвѣстила намъ вчерашняя газета?
 И нынче и вчера о чемъ всѣ говорятъ?

„Шесть было приступовъ—и Севастополь взять!“
 А нынче и вчера что намъ даютъ въ спектаклѣ?
 Со сцены что кричатъ? Что всѣхъ мы бьемъ! Не такъ ли?

„За вѣру, за царя, отечество“ даюгь,
Стряпню Григорьева изъ кашеварныхъ блюдъ...

И съ этой грубою и пошлою стряпнею
Мѣшаютъ, наконецъ... Ну, Щецкинъ, Богъ съ тобою!
Сердись иль не сердись; но ты, братъ, старый шутъ,
И просто мѣдный лобъ проглядываетъ тутъ!

Какъ смѣть тревожить прахъ великаго поэта
И не ко времени стихи его читать?
Какъ смѣть народа честь на посмѣянье свѣта
Со сцены вслухъ, при всѣхъ, публично выставить?

Вѣдь тутъ, почтенный мой, не въ Фамусова роли;
Тотъ съ дуру Москвичей хвалою своею клеймилъ;
Но ты, какъ патріотъ, въ минуту тяжкой доли,
Какъ Русскій человѣкъ, на сцену выходилъ!

Когда бы ты прочелъ стишонки кой-какіе,
На нихъ не обратить вниманіе никто,
Хоть вирши, напримѣръ, Григорьева, а то...
А то-вѣдь Пушкина стихи: „Клеветникамъ Россіи“,

Побѣдные стихи ты прочитай! Вотъ что!
Какъ могъ ты не расчестъ, какъ могъ не догадаться,
Что если ужъ Господь рѣшилъ насъ испытать,
То мы должны терпѣть, мужаться—и молчать!

Съ разбитымъ рыломъ намъ неловко величаться
И побѣдителей безстыдно унижать!

По поводу приведенныхъ стихотворныхъ экспромптовъ Ленскаго слѣдуетъ также отмѣтить, что онъ несомнѣнно обладалъ далеко недюжиннымъ поэтическимъ дарованіемъ, которымъ, къ сожалѣнію, совершенно почти не воспользовался, избравъ для себя сценическую дѣятельность. Объ этомъ талантѣ Д. Т. свидѣтельствуютъ какъ его письма къ друзьямъ, такъ и стихотворенія и поэтическіе переводы, сохраняющіеся въ рукописяхъ. По свидѣтельству лицъ, знавшихъ близко Ленскаго, въ пріятельской пирушкѣ, подъ вліяніемъ шампанскаго, которое онъ любилъ, рѣчь его искрилась остроуміемъ; экспромпты слагались у него моментально, и онъ сыпалъ, какъ изъ рога изобилія, шутками, каламбурами, и стихотворныя рѣма за рѣмой лились у него естественно и звучно, рѣзво и весело, какъ будто это былъ у него обычный способъ рѣчи. Даже стихами онъ защищался противъ нападокъ на него его литературныхъ критиковъ и неблагожелателей. Такъ, въ одномъ куплетѣ Д. Т. даетъ такую отвѣдь своимъ критикамъ:

Онъ не для славы, говорятъ,
А для товарищей трудится;
Когда за дѣло побранятъ,
Смѣшно бы Ленскому сердиться;

Когда же стая пачкуновъ
 По пустякамъ браниться стануть,
 Онъ помнитъ, что сказалъ Крыловъ:
 „Полають, да отстанутъ!“

Утрата близкихъ сердцу, важное событіе въ общественномъ быту. подвигъ геройства или вопіющая гнусность—бывали минутами истиннаго вдохновенія Ленскаго, всегда затрогивая чувствительнѣйшія фибры его сердца, и въ такія минуты онъ выражалъ свои впечатлѣнія звучными строфами, полными огня и страсти, или куплетомъ, проникнутымъ кипучею желчью.

У Д. Т. было по поэтическому таланту нѣкоторое сродство съ Французскимъ поэтомъ Беранже, и его переводы пѣсенъ этого поэта, которыми Ленскій, если бы ихъ издалъ въ свое время (но не могшій этого сдѣлать по милости цензуры своего времени, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ П. А. Каратыгинъ) заслужилъ бы вниманіе современниковъ и потомства, были столь удачны, что даже великій и геніальный нашъ поэтъ А. С. Пушкинъ обратилъ на нихъ вниманіе и поощрялъ его продолжать свои опыты, преувеличивая его извѣстность, а многіе изъ куплетовъ Ленскаго сдѣлались даже достояніемъ народныхъ пѣсенниковъ. Лучшими его переводами знаменитыхъ куплетовъ Французскаго поэта являются стихотворенія: „Мой старый фракъ“, „Нищія“, „Гадальщикъ“, „Ты и вы“ и нѣкоторые другіе. Въ этихъ переводахъ Д. Т. удалось, такъ сказать, сохранить духъ Музы Французскаго поэта и внутренніе оттѣнки его стихотвореній. Какъ образецъ такого перевода, приводимъ здѣсь стихотвореніе „Мой старый фракъ“:

Будь вѣренъ мнѣ, пріятель мой короткій
 Мой старый фракъ,—другого не сошью!
 Ужь десять лѣтъ, то вѣничкомъ, то щеткой
 Я каждый день счищаю пылъ твою.

Пускай судьба смѣется надъ тобою,
 Твое сукно съѣдая день отъ дня,—
 Будь твердъ, какъ я, не падай предъ судьбою.
 Мой старый другъ, не покидай меня!

Я помню день утѣхъ и восхищенья,
 Какъ въ первый разъ тебя я обновилъ:
 День тотъ былъ—день моего рожденья,
 И хоръ друзей здоровье наше пилъ.

Ты весь истертъ, но, несмотря на это,
 Друзья у насъ—все прежніе друзья:
 Ихъ не стыдитъ истертый фракъ поэта...
 Мой старый другъ, не покидай меня!

Твои края постерлися немного:
Смотря на нихъ, люблю я вспоминать,
Какъ вечеркомъ однажды у порога
Она меня хотѣла удержать.

Невѣрная тѣмъ гнѣвъ мой усмирила,
И я гостилъ у ней еще два дня:
Она тебя заштонала, зашила.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Мой другъ, тебя духами я не прыскалъ,
Въ тебѣ глупца и плута не казалъ,
По лѣстницамъ сіятельнымъ не рыскалъ,
Передъ звѣздой спины не изгибалъ.

Пускай иной хлопочетъ для отлички
Взять орденокъ,—за нимъ не лѣзу я:
Два-три цвѣтка блестять въ твоей петличкѣ...
Мой старый другъ, не покидай меня!

Хоть мы съ тобой и много пострадали,—
Съ кѣмъ не знакомъ судьбы переворотъ?
У всѣхъ свои есть радости, печали:
То вдругъ гроза, то солнышко взойдетъ...

Но можетъ быть, что скоро въ ящикъ гроба
Съ моей души одежду сброшу я...
Такъ подожди: мы въ землю ляжемъ оба.
Мой старый другъ, не покидай меня!

Весьма хороши и выразительно—сильны нѣкоторыя изъ оригинальныхъ стихотвореній Д. Т. Такъ, любуясь въ календарѣ на 1854 г. портретомъ Государя Императора, съ благоговѣніемъ взирая на его мужественныя, прекрасныя и благородныя черты, Ленскій невольно схватился за перо и написалъ слѣдующіе стихи:

Къ портрету Всероссийскаго Императора. приложенному къ календарю на новый 1854 годъ.

Вотъ онъ, Руси повелитель,
Богатырь нашъ, молодець,
Православія хранитель,
Вѣрноподающихъ отецъ!

Велика его держава
И сильна рука его:
Гордость, радость, честь и слава
Онъ народа своего!

Нашу кровь—Ему, до капли
Да свершить свои дѣла!..
Гдѣ вамъ, западныя цапли,
До Россійскаго орла!

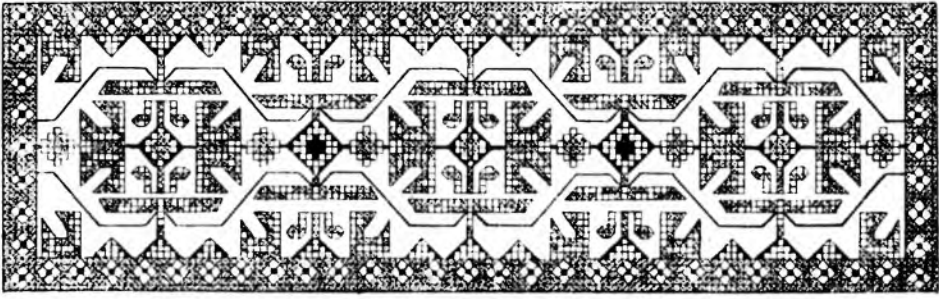
Лучшими же изъ водевилей Ленскаго считаются „Левъ Гурычъ Синичкинъ, или провинціальная дебютантка“, „Хороша и дурна, и глупа и умна“, „Простушка и воспитанная“, „Свѣтъ невпопадъ“, „Стряпчій подъ столомъ“, „Харьковскій женихъ, или домъ на двѣ улицы“, „Гамлетъ Сидоровичъ и Офелія Кузьминишна“, „Барская спѣсь или Анятины глазки“, „Волчій ротъ, лисій хвостъ“ и нѣкоторыя другіе. Всѣхъ водевилей было написано Д. Т. свыше семидесяти. Ему же принадлежитъ вполне оригинальная пьеса—либретто оперы: „Громобой“ (музыка Верстовскаго).

Собраніе водевилей Д. Т. издано было дважды подъ заглавіемъ: „Оперы и водевили“ и „Театръ Д. Т. Ленскаго“ (С.-Петербургъ 1874 г.). Последнее изданіе состояло изъ шести томовъ, въ кои вошли 54 пьесы.

Для полноты характеристики дѣятельности и личности Ленскаго неизлишнимъ будетъ также указаніе, что, по отзыву П. А. Каратыгина, онъ былъ человѣкъ честный, прямодушный, чуждый лукавства и двуличія. Не будучи слезливъ, онъ былъ искренно чувствителенъ, и въ его смѣхъ часто звучали невидимыя слезы. Острый на языкъ и находчивый на слова, Ленскій имѣлъ немало недоброжелателей въ кругу людей, судящихъ о сердцахъ по языку.

С. Старосивильскій.

БАРИНЪ ПРИЪХАЛЪ! БАРИНЪ ПРИЪХАЛЪ!

ИНТЕРМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ.

Сочиненіе актера Императорскаго Московскаго театра
В. Живокини *).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Баринъ. Щепинъ.

Недоумко, Семинаристъ. Живокини.

Фонъ-дёръ Габенихтсъ, танцмейстеръ.

Сотской. Орловъ.

Иванъ, слуга.

Гости и гостыи, участвующіе въ спектаклѣ.

Крестьяне, крестьянки. Цыгане и пр.

Дѣйствіе въ степной деревнѣ.

Театръ представляетъ садъ; направо, въ задней террасѣ домъ, крыльцо съ перилами въ садъ; напередѣ сцены, на лѣво, дерево и цвѣты. Занавѣсъ подымается въ половину; на лѣво въ кружкѣ сіѣвается хоръ. Загввало по серединѣ; въ подголоса поютъ пѣсню: „ты слышишь ли, разумѣешь ли, миль, сердечный другъ, душа-радость?“ На лѣво два

*) Отмѣнный знатокъ исторіи театра, покойный Михаилъ Проворовичъ Садовскій, которому на прочтеніе послалъ я эту интермедію, любезно писалъ мнѣ о ней: „Драматическое произведеніе, подписанное именемъ В. Н. Живокини, есть ничто иное какъ программа дивертисмента, который въ былое время былъ необходимою принадлежностью каждаго бенефиса. Весьма вѣроятно, что Василій Ивановичъ Живокинъ *индульс* для своего бенефиса эту программу, почему она и подписана его именемъ; но я крѣпко сомнѣваюсь, чтобы самый текстъ былъ твореніемъ его руки. Вернѣ всего, что онъ былъ нѣско́ро набросанъ кѣмъ нибудь изъ тогдашнихъ водевилистовъ. Время рукописи должно быть отнесено къ 30-мъ или къ 40-мъ годамъ, не позже“. П. Б.

лакея приносят корзину бумажных фонарей и стаканчиков. Посрединѣ Сотскій. Нѣсколько минутъ продолжается пѣсня. Сотскій махнулъ рукою: пѣсельники перестаютъ; онъ подходитъ къ Ивану и кланяется.

Сотскій.

Ивану Ильичу нашъ поклонъ, по добру ли, по здорову ли?

Иванъ.

Эхъ, Антипычъ! Куда къ чорту наше холопское житье! Съ ногъ сбился, вѣришь: земли подъ собою не слышу.

Сотскій.

И то сказать, Ильичъ, всегда на глазахъ у барина: ну, да вѣдь за то вашему брату и почетъ завсегда.

Иванъ.

Что за честь, коли плохо кормятъ; то ли ваше-то дѣло: знай свою пашню, да и на поди! А нашъ братъ на всѣ руки бѣтъ и то съ горемъ перебивается. Вотъ теперь принесъ чортъ въ деревню, а все вы же виноваты: оброку не высылаете. ...Ну, что, лучше-ли, какъ самъ-отъ навхалъ? Что, небось подобались?

Сотскій.

Эхъ, Иванъ Ильичъ, годковъ пять, какъ взяли въ барской домъ, а ужъ нашего брата ничемъ ставишь; вотъ и самъ-отъ тутъ, да прокъ-отъ худъ; полно, свѣтлѣ ли въ селѣ-то стало! Въ хозяйствѣ-то ужъ прости, Господи, а куда ты—все по новому; дай плуги, да оралы, а нашъ братъ и обращаться-то съ ними не умѣтъ... Ну, а поля мало что-ли? Пустое стоитъ, необмѣренное: такъ вѣтъ, на поди, давай кочки копать по болоту; вѣтъ, братъ, безъ мѣры и лаптя не сплетишь, а изъ барскихъ хоромъ на поле локтемъ указываютъ.

Иванъ.

Ахъ, ты мужикъ, невѣжа! Смыслишь ли, что ты говоришь? Вѣдь ты необразованъ! Пожилъ бы ты въ городѣ. Я и самъ изъ деревни-то былъ взять чортъ чортомъ, да какъ потеря годка четыре у кондитера, такъ смотри, тотъ ли человекъ? Все знаетъ, все умѣтъ и пирожное и мороженое, бисквиты, сюрпризы ли, свадьбу ли отправить, поминки ли; смотри, фонари-то, что? Да и въ Москвѣ-то на бульварѣ нечище были развѣшены! Э! да что я говорю этимъ скотамъ? Вы ничего не чувствуете.

Сотскій.

Вѣстимо (*чешетъ голову*), ваше дѣло дворовое, на то холопи, ума барскаго набираетесь; а мы простота, люди темные, ненаторѣлые... Братъ Иванъ Ильичъ, не покинь во дворѣ Степку-то, малой шустрой: а мы твоей милости работники.

Иванъ.

Ну, ну, давно бы такъ; да что у тебя холстъ-то заткали?

Сотскій.

Хоздвой конецъ твоей милости.

Иванъ.

Тсъ! баринъ! (*На мужиковъ, стоящихъ подлѣ корзинки*). Ну, вы уроды, живѣе разносите, развѣшивайте, поворачивайся, держи! Чтò у тебя руки-то грабли, что ли?

Сотскій. (*Отходя на лѣво къ хорѹ*).

Ѣла бы собака, да невѣдомая; сердце бѣ не болѣло. (*На мужика, вышедшаго впередъ*): А ты что отшибся? Высочка! Пошелъ на свое мѣсто; смирно... баринъ идетъ, шапки долой!

Баринъ, Недоумко, гости въ костюмахъ, дворовые люди. (*Танцовщики и танцовщицы вдали на крыльцѣ: въ сторонѣ два козачка съ вытаращенными глазами стоятъ, какъ вкопанные. Баринъ, идучи на авансцену, ведетъ за правую руку гостя; отъ него мѣрно шагаетъ Недоумко; все въ движеніи*).

Баринъ. (*Недоумкѣ*).

Да уже нечего, нечего; ты меня хоть по еврейски уговаривай, не послушаю; я самъ себѣ баринъ; а ты знай сверчокъ свой шестокъ; говори, какъ спросятъ... (*Къ гостю*): Милости прошу, милости прошу; я, оно таки, такъ знаете и распорядился, все въ порядкѣ; я велѣлъ сюда просить въ садъ-то всѣхъ дѣловыхъ, то есть дѣйствующихъ-то; а вы мой первый гость, первый актеръ,—милости прошу, мы всѣ вамъ рады... Да что же вы позднеько пожаловали? Вѣдь вы насъ разодолжите! Помните у князя Петра-то? Господи, твоя сила. чтò это, вѣдь актеръ-то предорогой!

Недоумко.

Въ драматургіи впервыхъ высокое эстетическое чувство...

Баринъ.

Фу! Какой человекъ, да замолчишь ли? Что ты суешься-то? Еще успеешь осрамиться-то... вѣдь здѣсь не Семпварія; люди, ты самъ видишь... (*Гостямъ*) Милости прошу. Степанъ Ильичъ, Анна Петровна, Маремьяна Бобровна!.. Ей, ей люди, скоты! Стулья... Садитесь-ка, садитесь сюда, сюда пожалуйста. (*Гостю*). А вы подлѣ меня; вѣдь мы и сами тоже нацетъ театра-то смекаемъ!—Эй Семка!—тройку псарей на дорогу, гостей просить къ Ленечкѣ; а какъ прѣдетъ предводитель, дать мнѣ знать... Это такъ-съ ничего, аферка. Ну, а вотъ мы на просторѣ-то тутъ пока сдѣлаемъ репетицію. У меня все домашнее, и балетецъ есть... Нѣмца взялъ въ танцмейстеры, учить танцовать; человекъ хорошій, еслибы не слабость... Эй, Ванька, да гдѣ... ужъ не...

Иванъ.

Никакъ нѣтъ, сударь; одѣвается, сей часъ придетъ.

Баринъ.

Пошли-ка за нимъ проворнѣе. Ну, а что Цыгане съ табора будутъ? Говорилъ имъ?

Иванъ.

Какъ же, сударь; да они заминаются; поминали про буланую кобылу, чтò изволите помнить по вашему приказанію...

Баринъ. (*Перебивая*).

Ну, ну, ну, ну... знаю, знаю; скажи ему разбойнику, чтобы тройку любыхъ жеребятъ выбралъ у мужиковъ, я отдамъ ему. Ну, вотъ что тутъ будешь дѣлать! Вѣдь разбойники-то пожалуй не придутъ пѣть, такъ празднигъ-то весь испортятъ; а у мужиковъ жеребятъ на кой чортъ; еще корми ихъ, да когда-то выростутъ? Нетакъ ли, г. учитель?

Недоумко.

И умно, и милостиво! Да и въ древнія времена таковыя жертвы бывали приносимы; Омиръ на древнемъ Греческомъ воспѣлъ коней Ахиллеса; а это истинное комическое, и потому вѣще подобаешь...

Баринъ.

Ну, для насъ покамѣстъ и это будетъ. Ну, какъ вы изволите думать, съ чего же бы намъ начать репетицію праздника, не съ конца ли, то есть съ балета? А, да вотъ и онъ, на поминѣ, какъ тутъ...

(Тѣ же и Габенихтсъ, въ костюмѣ каррикатурномъ для балета, идутъ впередъ; за нимъ толпа танцующихъ въ костюмахъ; онъ выходитъ важно, раскланывается и подходитъ къ барину).

Габенихтсъ.

Мейнъ-геръ, г. помѣщикъ, я секо дня, хотѣлъ дѣлай генеральна репетиціаль, чтобъ поддержать мой репутаціаль и показывать ваша милость удивительно искусство; эти милые медхенъ, и... и... прочіе господа.

Баринъ.

Ну, да братъ ужъ милости прошу по Русской пословицѣ, что ни есть въ печи, все на столъ мечи. Мы нарочно пришли, чтобы все посмотрѣть, т. е. поправить, устроить, сообразить и подумать. Ну ка начните свое дѣло съ маленькихъ-то. Музыка, играй!

(Маленькіе танцуютъ Савоярской танецъ, во время котораю танцмейстеръ заблѣаетъ съ разныхъ сторонъ и учитъ ихъ приоваривая: веселѣй, живѣй, поживѣй, развязнѣй, разъ, два, три, ейнъ, дрей, брафо, прафо, прафо, плечо, лѣво ноги, асамбле и окончиаетъ аплодисманомъ съ зрителями).

Габенихтсъ.

Ну, теперь, позвольте просить на почтеннѣйше бублики, я буду самъ танцовать, собственно изобрѣтеніе, нова па-де-пять по системѣ г. Вестрисъ *(выводитъ танцовщицъ)*. Вы на право, вы на лѣво, повеселѣй, смотри умильно, будто на яблочки, ви сюда, ви сюда, слушай музыкъ, за мной, але, але, фортъ. *(Танцуютъ каррикатурное па, подпвая)*. Назадъ, па-де-зефиръ, права рука повыше, веселѣй, налѣво. *(Танецъ кончаея комическою фигурою)*. Эта послѣдній штукъ, собственно мой голова выдумай, а теперь если прикажите, и еще одно прелестно па.

Баринъ.

Люблю до страсти танцы, вотъ такъ бы все и смотрѣлъ; а ты, милая, славно, славно, ужъ такъ хорошо ножкой-то; прелестъ, инъ всѣ заглядѣлись (Габенихтсъ) однако теперь нельзя ли безъ тебя, попроси-ка, знаешь кого...

Танцмейстеръ.

Во одинъ аугенблигъ, сей часъ, сей часъ.

(Выводитъ танцующихъ. По окончаніи всѣ встаютъ).

Баринъ.

Ну, это, можетъ, пойдетъ на ладъ... Что г. профессоръ, какъ твое мнѣніе?

Недоужко.

Мое мнѣніе! О! мое мнѣніе,—мое мнѣніе, оно тождественно съ понятіемъ вашимъ, а понятія тождественны, когда они по изрѣченію велемудраго моего начальника и образователя свѣтлаго ума моего, то есть *sanus*, Бауместера, одинаковы, или тождественно означаютъ одно и тоже, а посему...

Баринъ.

А потому братъ, что тебя, кромѣ тебя никто не понимаетъ; мы лучше послушаемъ-ка нашихъ пѣсенниковъ.

Гость.

А у васъ есть, какъ мы слышали, прекрасные голоса, и вы доставите всѣмъ удовольствіе.

Баринъ.

Извольте, извольте, за этимъ дѣло не станетъ... Сотской, сюда, *(Сотской подходитъ съ поклонами)*. Ну, что у тебя тамъ за голоса есть, давай ихъ сюда поименно.

Сотской.

Усе здѣ, вашей милости крестьяне... Ларя, поди сюда, подь, скажи пѣсню барину.

(Ларіонъ выходитъ вперёдъ, кланяется и поетъ).

Баринъ.

Хорошо, хорошо; ну, а то ли бы дѣло, кабы поучился бы-то? Въдъ натура хороша, а искусство еще лучше. Ну, а что, каковъ онъ на пашнѣ-то, Сотской?

Сотской.

Вашой милости хорошъ, рабочій; оно вѣстимо съ зашибочкою, молодой парень, гуляка, дѣвичья прилука, а дѣла за нимъ не ставало.

Баринъ.

Ну, а другой-то? *(Выходитъ Степанъ и кланяется)*. Вотъ онъ и есть... ну, ну, спой-ка ту, что позаунывнѣе.

(Русская пѣсня).

Гость.

Какъ много души въ этихъ мелодіяхъ! Какъ прямо идутъ онѣ къ Русскому сердцу! Мы всё ихъ понимаемъ, чувствуемъ, и какъ часто мѣняемъ ихъ на фигурные, холодные романсы! Что это *вкусы* или *мода*?

Баринъ.

Да вы, мой милой, патриотъ! Право, я еще не зналъ за вами этого. Ну, да вѣдь это смѣшно; мы отстали отъ Европы, гдѣ же намъ... Э! Да что вздоромъ-то заниматься, не лучше-ли этимъ, а чтобы вамъ угодить, такъ я велю поплясать по русски. Сотской, ну-ка по-смыкай-ка молодецвъ-то.

Сотской.

А есть молодецъ вашей милости, мастеръ: какъ пойдетъ, такъ что ты, раскинется яблонью кудрявою, грушею широкою.

Баринъ.

Ну зачѣмъ же дѣло? Пошли сюда... смѣлѣе, не робѣйте, да ужъ хорошенько, поживѣе.

(Русская пляска подъ гѣсню съ хоромъ; гости хлопаютъ).

Баринъ.

Если вамъ это нравится, то мы и повторимъ, да нельзя ли съ перемѣнами? Живѣе, ребята, давай сюда молодежи-то; пройдитеесь-ка, пройдитеесь, милыя.

(Русская пляска).

(По окончаніи пляски Иванъ подходитъ къ барину).

Баринъ.

Что это? Онъ разбойникъ, Цыганъ-то вѣдь нейдетъ, просить денегъ, съ чего это онъ взялъ? Я самъ въ деревню за деньгами пріѣхалъ; кабы были деньги, чортъ бы мнѣ велѣлъ жить здѣсь въ глуши. Сбѣгай, уговори взять хлѣбовъ, да ужъ покончи какъ нибудъ, во что ни станеть, хочу, чтобы были Цыгане, пошелъ! (Слуга убѣгаетъ).

Недоумко. (Въ сторону).

Какъ обзорѣть обиходомъ его милости, такъ и вспомнишь, на словахъ: блаженъ мужъ; а на дѣлахъ—вскую шаташася.

Баринъ.

Ты опять за латынь, батюшки,—перестань! (*Сотскому*). Спасибо, братъ, спасибо; мужикамъ по чаркѣ, а бабамъ на господскомъ дворѣ вели браги поднести. (*Гостямъ*) Вѣдь право недурно; это знаете, какъ-то просто, а хорошо.

Недоумко.

Дозвольте мнѣ, милостивый государь, изложить вамъ тотъ мѣрный порядокъ празднества, которой я въ теченіи шести недѣль сочинялъ, и въ которомъ можете видѣть корень моего осмнадцатилѣтняго ученія въ Семинаріи. Я положилъ его на основаніяхъ древнихъ, прямо противоположно новому романтизму и преисполненно высокихъ благоговѣйныхъ чувствованій.

(Баринъ и гости изъявляютъ согласіе).

Недоумко. (Началось судей засѣданіе).

Лишь только Аврора,
Зардѣвшись у моря,
Превыдетъ на горы
Супруга встрѣчать.

Аврора, въ древности заря, ранняя, утренняя, любовница, любимица, или благочестіѣе, супруга Феба.

Собравшись толпами
Съ цвѣтущими вѣнками,
Зелены лугами
Пойдемъ всѣ гулять.

Баринъ. (Перебивая).

Помилуй, братецъ, что же такъ рано, и что за гулянье по росѣ: у меня и такъ все подагра.

Недоумко. (Подымая руку).

Дозвольте!

Пришедши внезапно
Ко лону прохладну
И тихо пріятну
Вмѣстѣлищу водъ.

То есть къ озеру, простирающему кристальныя струи свои позади скотнаго двора?

Иванъ. (Въ сторону).

Все вретъ!

Недоумко.

Серьезно, вальяжно,
Лирически важно
И тихо, протяжно.
Начнемъ быстрый ходъ.
Потомъ будто древлѣ
Во славу Минервѣ,
Устроюсь манернѣ,
Олимпски играть.

Баринъ.

Какъ, какъ играть, я не вслушался?

Недоумко.

Олимпически, а усѣчено Олимпски. играть *exempli gratia*, ристать на коняхъ и телѣгахъ, наступать въ пѣшезапуски, метать въ замѣну древнихъ кружковъ, деревянныя палки *et cetera, et cetera*. (Вытаскивая огромную тетрадь). Здѣсь подробно изложена теорія игрищъ сихъ, и снабжено въ приличныхъ мѣстахъ толкованіями гисторическими и комментаріями Грековъ и Римлянъ. Игры сіи расположатъ насъ къ моціону, а моціонъ къ аппетиту, —отсюда желаніе поѣсть, и мы будемъ обѣдать.

Баринъ.

Послѣднее-то лучше всего. Спасибо за хлопоты: мы исполнимъ только конецъ твоего плана.

Недоумко.

За столомъ я имѣю прочесть благоговѣйную кантату.

Баринъ.

Это все лишнее. И хорошіе стихи при обѣдѣ хуже пересола: а твои, братъ, развѣ отъ неваренія въ желудкѣ. Теперь позвольте просить васъ, мои дорогіе гости и участники въ завтрашнемъ спектаклѣ, неужгодно ли вамъ прорепетировать сценки, которыя позначительнѣе! — Народъ, вы ступайте прочь!

(Всѣ удаляются въ глубину театра).

(Сцена).

Барияъ. (По окончаніи оной).

Благодарю, чувствительнѣйше благодарю... кажется, нашъ спектакль сладится. Вы отлично, хорошо играете; право, право, безъ лести. Я вѣдь самъ актеръ и скорѣе позавидую, чѣмъ скажу правду; а хорошо безъ шутокъ!.. Прекрасно!

Иванъ.

Цыганъ Антошка пришелъ на поклонъ съ таборомъ. Три куля взялъ.

Барияъ.

Пришелъ, пришелъ, ну, гора съ плечъ свалилась; посылай сюда проворнѣе... (Цыгане входятъ). Спасибо, спасибо, экой плутъ перепугалъ меня! Ну пожалуста, потѣшь же, поживѣе пройдишь.

(Цыганъ махнулъ горю, затѣвало вперёдъ съ бубнами; жинки пѣли).

(Цыганская пляска).

Барияъ.

Не повторить ли? Вѣдь всеѣмъ нравится? Нельзя-ли, да подь другую? *(Хоръ поетъ дружную пѣсню).*

(Цыганская пляска).

Недоумко.

(Быль въ продолженіи пляски вѣлъ себя, подививши руку).

Превосходно и быстро, плѣнительно и благоустройно! Это родило во мнѣ свѣтлую мысль сочинить антологию въ подражаніе древнимъ пѣтямъ: Терпсихора! Терпсихора! Зришь ли съ Олимпа надзвѣздна Вакхову пляску сію, окомъ своимъ милосердымъ, или, румяно-стыдливо въ тѣлогрѣйку свою завернувшись, тихими ша отступаешь подь пляску Русскихъ Цыганъ?

Барияъ.

Да, братъ, я не знаю, каково пляшетъ твоя Терпсихора, только врядь ей такъ пройтся. Съ платочкомъ-то, а вѣдь такъ весь и поетъ. Однако, господа, надо и честь знать, время гостямъ покой дать: все, кажется, что умѣли.

Танцмейстеръ.

Извините, мейн-геръ, пожалуйста извините, есть еще у насъ прекрасны асо, на которой отличаются вотъ эти дѣвицы; позвольте имъ немножко фетговать: это для женщины прекрасно, дастъ грацію.

Баринъ.

Кой-же чортъ, музые фонъ-деръ Габенихтсъ, да ты ихъ сдѣлаешь дуэлистами,—а впрочемъ, кажется можно посмотрѣть. Какъ быть-то, первую пѣсенку зардѣвшишь спѣть.

(Ассо двухъ дѣвицъ).

Недоумко.

(Предъ окончаніемъ разнимаетъ ихъ).

Довольно... довольно... достаточно. Въ Греціи и Римѣ жены не были гладіаторами, и я готовъ самъ стать за васъ.

Баринъ.

Самъ? Ну, братъ, становись, становись... Зачѣмъ дѣло стало?... Вотъ хоть съ нимъ! Или струсилъ?.. Э! видно, полатыни, братъ, не фехтуютъ.

Недоумко. *(Обидясь).*

Какъ?.. Вы думаете... вы мыслите... вы полагаете... я на зло всѣмъ въ свѣтѣ дерусь... дерусь!.. такъ, вотъ извольте, смотрите...

(Ассо).

Баринъ.

Славно! Славно! А чтобы кончить все въ порядкѣ, такъ не пропѣть ли еще по куплетцу?.. Какъ вы думаете? Если вы захотите, то пожалуй начну я самъ,—музыка играй,—только знаешь эдакъ, оно тово таки, такъ попростѣ,—вѣдь вы знаете, что я не пѣвецъ.

Водевиль.

Баринъ.

Въ столицѣ живши, безпрестанно,
Я управителю писалъ,
Что шлеть оброки неисправно—
И самъ въ деревню прискакалъ.

Хотѣлъ хозяйствомъ заниматься,
Какъ дѣлывалъ покойной дѣдъ;
Но долженъ искренно признаться,
Что средствъ у насъ на это нѣтъ. Bis.

Отъ хлѣба нѣтъ давно доходу;
 Такъ буду сѣять я траву,
 И съ свекловичнаго заводу
 Всѣ недоимки наведу.

Всѣ мужики безъ просвѣщенья,
 Система трудная пахать;
 Такъ началъ я для улучшенья
 Систематически орать.

Виноградова. (Гостья).

Свѣтъ—комедія смѣшная,
 Мудрецы твердятъ давно;
 Глупыхъ роля въ ней большая,
 А играютъ всѣ умно
 И актеры и актрисы
 Въ роляхъ трудныхъ и большихъ;
 Умъ поставленъ за кулисы
 И подучиваетъ ихъ.

Вторая гостья.

И на свѣтъ слошь бываетъ
 Роли розданы не такъ:
 Шутъ министра представляетъ,
 А профессора дуракъ.
 Глупость умъ взяла въ неволю
 Такъ давно ужъ, такъ давно,
 Что лишь выучите ролю,
 А играть немудрено.

Недоумко.

Бранить конечно всякой воленъ,
 Что мы такой играемъ вздоръ,
 И зритель часто недоволенъ
 Когда доволенъ лишь актеръ.
 Для бенефису всякой хочетъ
 Свою афишку распестрить.
 Изъ сбору только онъ хлопочеть:
 Скажите-жъ, чѣмъ вамъ угодить?

ИЗЪ ОМСКОЙ СТРАНЫ.

Полиціймейстеръ Шепелевъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ въ Омскѣ полиціймейстеромъ былъ пѣкто Шепелевъ. При немъ производилась исключительно одна система наказанія за уголовныя преступленія—это съченіе. По разсказамъ старожиловъ, тогда городъ Омскъ представлялъ собою положительно какое-то лобное мѣсто. Въ разныхъ частяхъ города можно было наблюдать, какъ разные чины полиціи розгами съкли преступниковъ, при чемъ Шепелевъ проявлялъ особую виртуозность. Случайно выжившія жертвы его жестокости не разъ порывались его убить, и Шепелевъ долженъ былъ принимать мѣры предосторожности для охраненія своей особы.

Мирные обыватели всецѣло находились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Шепелева, и онъ въ буквальномъ смыслѣ завѣдывалъ ихъ нравственною, и даже семейною, жизнью. Сплошь и рядомъ мужья, не поладивши съ женами, шли къ Шепелеву и просили его „проучить“ ихъ женъ, и тотъ „проучалъ“.

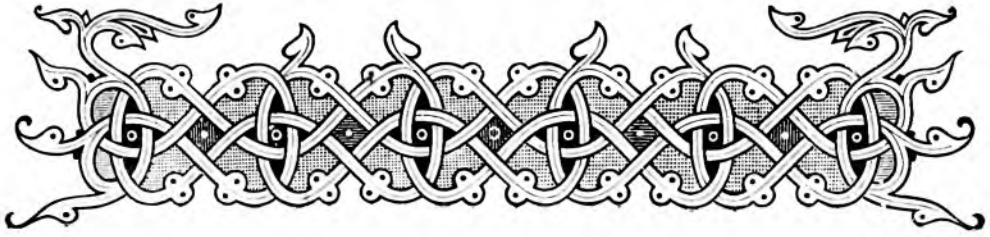
Доставалось также бѣднымъ модницамъ-мѣщаночкамъ. Вышли тогда какіе-то не то кринолины, не то какіе-то другіе „робы“, и издумали молодыя мѣщанскія модницы пофорсить, завели себѣ эти моды и начали щеголять. Это не понравилось грозному Шепелеву. Онъ вызвалъ модницъ къ себѣ въ полицію, какъ водится накричалъ на нихъ и сверхъ того заставилъ въ теченіи мѣсяца каждую недѣлю мыть полы въ помѣщеніи полиціи. Бѣдныя модницы, пролившія немало слезъ, конечно, съ тѣхъ поръ далеко запрятали свои модныя платья, и уже долго даже не думали слѣдовать за какими бы то было женскими модами, по грозному внушенію Шепелева составляющими принадлежность женщинъ только чпновничьаго и дворянскаго сословія.

Купеческихъ сынковъ, имѣвшихъ неосторожность покутить, Шепелевъ также не оставлялъ безъ своего воздѣйствія. Обыкновенно, этихъ молодыхъ кутилъ Шепелевъ въ наказаніе заставлялъ на долгое время подметать городскіе улицы и мосты, и притомъ въ самыхъ людныхъ мѣстахъ, такъ чтобы наказанныхъ видѣло рѣшительно все населеніе. Мало того, метельщикамъ надѣвались еще особыя бляхи на шпуркахъ съ надписью: „пьяница“.

Таковъ былъ Омскій полиціймейстеръ Шепелевъ, котораго память въ Омскѣ, какъ это ни странно, осталась увѣковѣченной. При немъ въ Омскѣ было отведено новое кладбище, которое до сихъ поръ и носитъ названіе „Шепелевскаго“. Раскинувшійся около кладбища уже въ самое последнее время базаръ получилъ названіе также „Шепелевскаго“. Такъ „рѣка времени“ прихотливо сохраняетъ имена, казалось-бы, подлежащія забвенію.

Омскъ, 27 Іюня 1911.

Иванъ Гавриловичъ Кузнецовъ.

СТАРИНА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

I.

Борьба съ саранчею.

Учрежденнаго Курскаго намѣстничества правитель, генераль-поручикъ Петръ Ивановичъ Свистуновъ въ присланномъ по секрету предложеніи въ Бѣлогородскую Духовную Консисторію писалъ:

Корочанскаго уѣзда частный смотритель сотникъ Лофицкій, увѣдомля о налетѣвшей въ городъ Корочу саранчѣ, между прочимъ упоминаетъ, что простолюдины, именуя ту саранчу силою Божіею, въ случаѣ принужденія ихъ къ ея истребленію, представленнымъ для того противорѣчатъ и дѣтямъ своимъ, къ убіенію ея устремляющимся. дѣлать то запрещаютъ, разсказывая при томъ, якобы въ прежнія времена истребляющіе саранчу иные послѣпли. иные разслабленіе и другія болѣзни потерпѣли. А какъ всѣ таковыя разсказы (поясняетъ его превосходительство Консисторіи) происходятъ конечно не отъ послѣдовавшихъ таковыхъ случаевъ, а единственно отъ суевѣрія и сущаго невѣжества. каковая мысль, какъ примѣтно, во многихъ уже и закоренѣла, то можетъ послѣдовать не токмо неисполненіе Правительствующаго Сената указовъ, объ истребленіи саранчи состоявшихся, но явное поущеніе той саранчѣ, какъ нынѣ, къ пожранію ея хлѣба и всего того, на что она нападаетъ, такъ и впредь къ размноженію ея, если она сѣмена оставитъ, слѣдственно къ неминуемому и всеобщему вреду:

Того ради Бѣлоградская Духовная Консисторія, чтобъ таковое суевѣріе было отвращено посредствомъ находящихся въ городахъ и уѣздахъ священниковъ растолкованіемъ онаго простолюдинамъ при всѣхъ случаяхъ, а паче во время искорененія той саранчи, при чемъ духовенству накрѣпко подтвердить, чтобы они увѣщаніе свое на то

обратили съ лучшею прилежностью и безъ малѣйшаго отлагательства, и что по сему Консисто́рію учинено будетъ, его превосходительству дать знать.

Консисто́рія опредѣлила всѣмъ Бѣлоградской епархіи протопопамъ и священникамъ наикрѣпчайше подтвердить, чтобы они, принявъ всевозможныя и непремѣнныя средства какъ въ Божіихъ церквахъ (по отправленіи божественной литургіи), такъ и въ другихъ пристойныхъ къ тому мѣстахъ, простой и большею частію въ невѣдѣніи затвердѣлый народъ по долгу званія своего убѣдительною наставленіями, увѣщаніями, равно и примѣрами изъ Священнаго Писанія, отъ поползновенія къ какому либо суевѣрію примѣчанію, старательно пеклись, яко пастыри добрые и бодрые, отвлекать, углубляя при семъ въ ихъ непросвѣщенныя мысли, что истинному Богу принадлежащее и силу Его относить и приписывать другимъ тварямъ, какъ-то саранчѣ, будетъ суевѣрно и святой церкви противо. И въ томъ обязали бы всѣхъ ихъ безъ упущенія времени подписками.

(Изъ архива Харьковской Духовной Консисто́ріи).

II.

Епископъ Іоасафъ Горленко.

Къ біографіи Іоасафа Горленко, епископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго († 10 Декабря 1754 г.)

Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 11 Декабря 1754 г. предписано: „Тѣло преосвященнаго Іоасафа погребсти преосвященному Переяславскому Іоанну въ приготовленномъ самимъ Іоасафомъ въ Бѣлгородской соборной церкви склепѣ, и для того погребенія и поминовенія, за неимѣніемъ послѣ его преосвященства собственныхъ денегъ, употребить изъ наличныхъ въ томъ въ Бѣлгородскомъ архіерейскомъ домѣ имѣющихся и до содержанія того дома принадлежащихъ, до трехъ сотъ рублей, а на что оныя деньги будутъ употреблены, о томъ дать Святѣйшему Синоду отчетъ“.

На что именно были употреблены эти деньги, мы знаемъ изъ записной расходной книги, выданной канцеляристу Антону Ильинскому для записи расходованія означенной суммы. Въ ней значится:

1. Посланному изъ Бѣлгородскаго архіерейскаго дома служителю Іосифу Волоцкому въ городъ Переяславль съ нужнѣйшими письмами къ преосвященному Іоанну на наемъ подводъ и путевыя издержки съ возвратомъ до Бѣлгорода.	8 р.	— к.
2. Посланному изъ Бѣлгородскаго архіерейскаго дома монаху Досею для покупки въ городѣ Харьковѣ къ прибытію преосвященнаго Іоанна, епископа Переяславскаго, надлежащихъ столовыхъ припасовъ.	50 "	— "
3. Бѣлгородскому купцу Андрею Мигулину за купленную у него рыбу: осетрины свѣжей и просольной 5 пудовъ, бѣлуги, севрюги просольной 4 пуда, тешекъ бѣлужей и осетровой одинъ пудъ, за все.	10 "	66 "
Вязиги — 10 фун.	— "	70 "
Икры—16 фун.	1 "	12 "
Коповнаго масла 5 ведеръ.	4 "	50 "
	<hr/>	
	17 р.	04 к.
4. У Бѣлгородскаго купца Данилы Морозова десять фунтовъ ладану по сорока коп.	4 р.	— к.
5. Кофею 4 фунта по 40 коп.	1 "	60 "
6. Для дѣланія свѣчей воску	9 "	50 "
7. Воску тридцать фунтовъ по 23 к. фунтъ	6 "	90 "
8. Сахару (Конарскаго) 18 ф. по 20 к.	3 "	80 "
9. Чаю зеленаго 1 фунтъ	1 "	20 "
10. Присланному отъ преосвященнаго Іоанна	1 "	— "
11. Куплено для пріѣзда преосвященнаго Іоанна свѣжей рыбы: щукъ, линей, окуней у разныхъ купцовъ и пріѣзжихъ сельскихъ мужиковъ на	3 "	98 "
Еще куплено на	2 "	— "
12. Свѣжихъ стерлядей.	1 "	60 "
13. Для поминовенія преосвященнаго Юасафа у разныхъ купцовъ и сельскихъ мужиковъ куплено свѣжей рыбы: щукъ, линей, окуней, бѣлизны, плотиць, лещей, карасей.	10 "	— "
14. Кухмистеру губернаторскому.	5 "	— "
15. Взнесено (26 Февраля) преосвященному Іоанну, епископу Переяславскому.	100 "	— "
Прибывшимъ съ его преосвященствомъ:		
Иеромонаху Гервасію	10 "	— "
Діакону Гервасію.	5 "	— "
Другому діакону Исаи.	3 "	— "
Келейному Федору	2 "	— "
Канцеляристу.	2 "	— "
Пѣвчимъ тремъ по 1 рублю.	3 "	— "
Конюхамъ тремъ	2 "	— "
Повару	1 "	— "

16. За проповѣдь слова Божія Харьковского Коллегіума учителямъ: реторицкому іеромонаху Іоилію Ѳедоровскому, да философическому священнику Ѳедору Ѳедоровскому	10	"	—	"
17. По приказанію присутствующихъ въ дополненіе вышесписанному прибавлено келейнику Ѳедору.	3	"	—	"
Да повару	1	"	—	"
18. Въ домъ архіерейскій свѣжей рыбы, шукъ, линей, окуней, карасей, плотвы у разныхъ кунцовъ и сельскихъ мужиковъ на. .	5	"	—	"
19. Лимоннаго соку шесть окъ по 30 к. око.	1	"	80	"
20. Икры свѣжепросольной 1 пудъ и 5 ф.	3	"	15	"
Свѣжей осернины два пуда съ половиною по 1 р. 20 к. за пудъ	3	"	—	"
21. Волошскаго вина пятьдесятъ три кварта по 15 к. кварта	7	"	95	"
22. Бѣлградскаго Николаевскаго монастыря архимандритамъ за погребеніе:				
Авксентію.	4	"	—	"
Да Пахомію.	5	"	—	"
23. Каѳедральному намѣстнику и Мирнопольскаго монастыря игумену.	5	"	—	"

Стѣитъ замѣтить, что въ устроеніи обряда погребенія всего болѣе хлопотъ и затрудненій оказалось съ проповѣдію. Указомъ отъ 20 Декабря Консисторія назначила слово на погребеніе преосвященнаго Іоасафа игумену Хотмыжскаго Знаменскаго монастыря Леониду; но онъ рапортомъ отъ 23 Декабря донесъ Консисторіи, что за получившеюся ему головною тяжкою болѣзнію приготовиться на оную проповѣдь не могъ. Тогда Консисторія указомъ отъ 26-го Декабря предписала ректору Харьковского Коллегіума назначить кого-либо изъ учителей на проповѣдь Слова Божія. Назначенъ былъ учитель богословія префектъ іеромонахъ Епифаній; но и онъ отъ произношенія, за болѣзнію живота и хрипотою, отказался. Вмѣсто префекта Епифанія назначены для большей обезпеченности, двое (означенные выше въ записной расходной книгѣ подъ № 16), и проповѣдь состоялась.

Изъ административной дѣятельности епископа Іоасафа Горленка за время правленія его Бѣлгородской епархіей (съ 2 Іюня 1748 года по 10 Дек. 1754 г.) въ біографіи его Амфіанъ Лебедевъ извлекаетъ такіе эпизоды.

„Святитель Іоасафъ пасъ свою духовную паству жезломъ твердымъ и грознымъ, строго наказывая проступки какъ духовенства, такъ и мірянъ.

1) Въ 1751 г., во время объѣзда епархіи, усмотрѣвъ въ селѣ Изюмцѣ. Изюмскаго уѣзда, у священника въ домѣ въ углу нѣчто въ

родѣ руко-умывальницы, въ которой въ зимнее время священникъ дѣтей крестилъ, преосвященный опредѣлялъ: „наказать по па въ духовномъ правленіи плетьюми, чтобы онъ вымысловъ не чинилъ, а содержалъ бы мѣсто къ тому потребное, по правиламъ, въ церкви“.

2) Указомъ преосвященнаго отъ 4 Окт. 1754 года игумень Троицкаго дѣвичьяго въ Курскѣ монастыря повелѣно: „наказать плетьюми монахинь означеннаго монастыря (числомъ до 18 душъ) при собраніи всѣхъ монахинь, за то, что онѣ безъ указа выбрали себѣ въ игуменью изъ бѣлицъ Московскую помѣщицу Марью Герцегову, чтобы впредь безъ указа не избирали, а наипаче изъ бѣлицъ“.

3) Учениковъ, возвращавшихся изъ бѣговъ, преосвящ. Іоасафъ предписывалъ (указомъ отъ 12 Марта 1751 г.) отдавать подъ надзоръ, по одному, по два и по три человѣка старшимъ, уже нѣсколько лѣтъ бывшимъ въ Коллегіумѣ студентамъ съ приказаніемъ имѣть надъ ними неослабное смотрѣніе, такъ чтобы вѣрныя ихъ смотрѣнію ученики безъ ихъ вѣдома никуда не отлучались и во всемъ были имъ послушны; а ежели учнуть чинить *продерзостныя непослушанія и своевольства*, или безъ вѣдома надзирателей стануть отлучатся хотя на малое время, за таковымъ своевольствомъ къ прекращенію побѣга смирять кованіемъ въ желѣза другъ съ другомъ ногою, а прочихъ наказывать розгами.

4) Грѣшниковъ дерзкихъ, упорствовавшихъ въ грѣхѣхъ и презиравшихъ церковную власть, преосвященный Іоасафъ предавалъ церковному отлученію и анаѣмѣ.

Въ 1749 г. было возмущеніе жителей слободы Никитовки Полтавскаго уѣзда съ нанесеніемъ большого оскорбленія, съ поруганіемъ своего священника Никиты, котораго на цѣпи влекли по улицѣ съ побоями и бросили въ приказной избѣ. Подстрекателемъ же этого возмущенія, какъ оказалось, былъ другой попъ той же слободы Козьма. Преосвященный, по производствѣ слѣдствія, опредѣлялъ: „О подданныхъ Черкасахъ слободы Никитовки, всенароднаго возмущенія озорникахъ, которые съ попомъ Козьмою въ одномъ заговорѣ были (перечислены 10 человѣкъ „съ товарищами“), за то, что они сдѣлали надъ пастыремъ поруганіе, „на пастыря своего вознесли руки“, отрѣшить ихъ, кромѣ ихъ домашнихъ, отъ входа церковнаго и сообщенія божественныхъ таинъ вовсе, развѣ только при смерти сподобить причащенія, и о семъ во время собранія въ церкви Божіей въ воскресный день послѣ литургіи объявить всѣмъ съ прочетомъ; зачинщика же

попа Козьму подвергнуть въ Консисторіи, по опредѣленію его преосвященства, жестокому плетью наказанію и лишить священства.

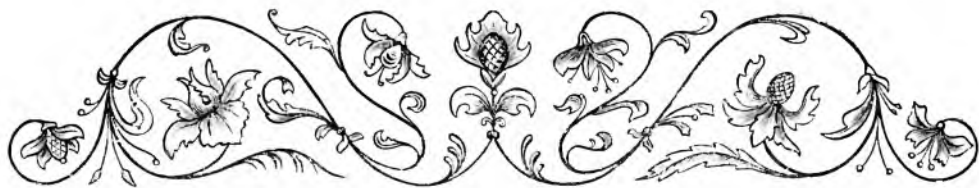
5) Въ 1750 г. священникъ въ Бѣлгородѣ, Жилой Слободы, Покровской церкви, жаловался на мѣстнаго помѣщика Бѣлгорода, гарнизоннаго полка адъютанта Юрія Выродова въ томъ, что онъ, Выродовъ, приворотилъ къ себѣ разными чародѣяніями его поповскую дочь Пелагею и, прѣхавъ къ нему ночью со множествомъ народа, разбойнически, „наряднымъ дѣломъ“, забравъ названную Пелагею, увезъ къ себѣ въ домъ на растлѣніе. Преосвященнымъ предписано было навести слѣдствіе, но какъ Выродовъ на всѣ требованія духовнаго слѣдствія не обращалъ, повидимому, никакого вниманія, то Юасафомъ было опредѣлено: „Выродова, и по нынѣ никакого покаянія не приносящаго, за незаконное его чрезъ много прошедшее время житіе, дабы онъ явнымъ Закона Божія преступленіемъ церкви не соблазнялъ, по силѣ Духовнаго Регламента, предать, и съ любодѣйцею его, *проклятію* и о томъ написать для извѣстія народу объявленіе, которое въ Бѣлгородѣ и Бѣлгородскомъ уѣздѣ во всѣхъ церквахъ въ день недѣльный по литургіи прочитать велухъ и послать въ Бѣлгородское духовное правленіе при указѣ; а для вѣдома и во всѣ духовныя правленія Бѣлгородской епархіи распубликовать указами и о вышечисанномъ представить Святейшему Синоду доношеніемъ“.

*Сообщилъ Т. Проскуряковъ *).*

Городъ Короча, Курской губерніи.

*) Какъ ни круты были мѣры, къ которымъ прибѣгалъ Юасафъ противъ своей паствы, но мѣстное населеніе чувствовало ихъ благотѣльность и цѣнило въ особенноти его нестяжательность: онъ не собралъ денегъ даже на свои похороны. П. Б.

Вступительная запись старца Ионы Угличскому Воскресенскому монастырю

1691 г.

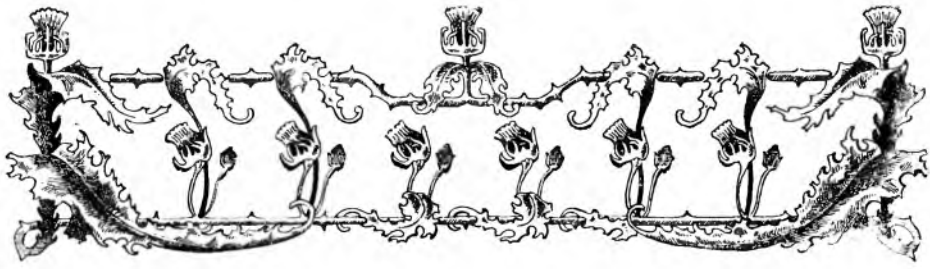
Се азъ Пошехонского уѣзду Ребиньвы пустыни постриженникъ старецъ Иона далъ на себя сію запись града Углича Воскресенского монастыря архимандриту Іакову еже о Христѣ съ братією въ томъ, что приняли они меня въ пречестную обитель Воскресенского монастыря въ діаконы, и мнѣ старцу Іонѣ въ той пречестной обители быть діакономъ и ко всякой церковной службѣ быть готову и его архимандрита Іакова съ братією во всемъ слушать; а живучи въ монастырѣ хитра никакова не учинить и хмѣльново питія не пить, а по приговору архимандрита Іакова съ братією зажилое и церковной всякой доходъ изъ кружки брать мнѣ, какъ я старецъ Иона буду діакономъ противъ прежнихъ діаконѡвъ и жить мнѣ во святой обители во всякомъ благочиніи и послушаніи, а пить и ѣсть за столомъ съ братією. А буде я старецъ Иона противъ сей записи, что писано выше сего, въ чемъ не устою или ему архимандриту Іакову съ братією послушенъ не буду или какими дѣлы не буду годенъ, и имъ мнѣ отказать, а мнѣ на нихъ не бить челомъ никоими дѣлы и никакими убытки не изубытчить, а порукою по мнѣ сего же Воскресенского монастыря черной попѣ Ігнатіѣ. А буде я старецъ Иона пойду прочь изъ монастыря или откажутъ мнѣ и стану бить челомъ на архимандрита и на слугъ и что имъ учиню убытка по ихъ скаскѣ архимандрита и братіи и слугъ, взять тѣ убытки на мнѣ старцѣ Іонѣ и на порутчикѣ на черномъ попѣ Ігнатіѣ. Въ томъ мы на себя старецъ Иона и порутчикъ и запись дали. А запись писалъ я старецъ Иона своею рукою лѣта 7199-го году Марта въ 5-е.

На оборотѣ:

Къ сей записи черной попѣ Ігнатіѣ ручалъ и руку приложилъ.

Подлинникъ найденъ въ новооткрытомъ собраніи актовъ академика П. И. Берднникова.

И. П. Мордвиновъ.

Письмо епископа Тихона къ князю Г. А. Потемкину-Таврическому.

Въ собраніи автографовъ Л. А. Сенько-Поповскаго находится письмо преосвященнаго Воронежскаго Тихона Малинина къ князю Г. А. Потемкину отъ того времени, когда великолѣнный князь Тавриды, по словамъ записокъ и донесеній Гарриса, игралъ первенствующую роль и, не смотря на всѣ усилія его враговъ, и въ 1782 г. не былъ лишень ни милости, ни власти. Просьба епископа Тихона, очевидно по ходатайству князя Потемкина, была удовлетворена императрицей Екатериной, такъ какъ изъ дѣлъ Синода видно, что по имянному высочайшему повелѣнію 1 Юня 1783 г. Воронежскому архіепископскому дому на строительныя работы было отнущено въ теченіи пяти лѣтъ 35,000 рублей (дѣло № 119).

Тихонъ Малининъ, сынъ дьякона, родился въ 1745 г. въ Калужской губерніи, въ селѣ Князь-Ивановѣ. Въ 1755—1763 г. онъ учился въ Московской Духовной Академіи. До постриженія въ монашество въ 1765 г., былъ онъ учителемъ и исправляющимъ „проповѣдническую должность“. Въ 1770 г. состоялъ вице-ректоромъ Лаврской Семинаріи и вскорѣ переведенъ въ Академію учителемъ философіи, съ званіемъ префекта. Взятый архіепископомъ Платономъ Левцинымъ (бывшимъ на Тверской кафедрѣ въ 1770—1775) въ Тверь, онъ былъ посвященъ въ архимандрита Отроча монастыря съ званіемъ префекта и философіи учителя Семинаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ членомъ Консисторіи.

Въ 1774 г. онъ ректоръ Семинаріи и переведенъ архимандритомъ въ Калязинъ монастырь, а въ 1775 г. 21 Юня хиротонисанъ въ подмосковномъ Николаевскомъ Перевинскомъ монастырѣ въ присутствіи Екатерины II во епископа Воронежскаго, а въ 1788 г. переведенъ въ Тверь. Его біографъ, протоіерей Чередѣевъ, очень сѣтуетъ, что пр. Тихонъ произвелъ значительную „перемѣну въ Тверской архіерейской ризницѣ“: многія старинныя вещи уничтожилъ, жемчугъ съ нихъ продалъ, камни драгоценныя переложилъ на другіе, всякую серебряную старую ткань употребилъ на выжигу и вырученныя отъ продажи этой выжиги деньги израсходывалъ на новыя покупки. Пр. Тихонъ, можетъ быть, добрался бы и до другихъ старинныхъ вещей, найдивъ-

шихся въ древнѣйшихъ Тверскихъ обителяхъ, но къ счастью хозяйничество для него въ Тверской епархіи было кратковременно: въ 1792 г. онъ былъ неожиданно переведенъ въ Астрахань, гдѣ въ слѣдующемъ 1793 году 4 Ноября скончался.

Смерть настигла его сравнительно еще очень не старымъ (48 лѣтъ) въ Астраханскомъ Покровскомъ монастырѣ, въ пристроенныхъ имъ къ большой церкви деревянныхъ на каменныхъ столбахъ покоехъ, гдѣ онъ имѣлъ всегдѣшнее пребываніе. Погребенъ онъ въ нижнемъ соборѣ подлѣ гробницы преосв. Антонія Румовскаго († 1786), памятнаго Астрахани по большому пожару, истребившему до тла архіерейскій домъ, Консисторію и соборную колокольню.

Пр. Тихонъ отмѣченъ и въ Обзорѣ духовной литературы. Изъ его сочиненій напечатаны:

1) Толкованіе на первое посланіе св. Апостола Петра 1794 г.

2) Провѣди Тихона еп. Воронежскаго С.-ПБ. 1794 г. 3) Слово въ день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, говоренное въ Петергофѣ С.-ПБ. 1791 г. 4) Извѣстны также: слово при погребеніи Свят. Тихона Задонскаго и о должностяхъ пастыря и пасомыхъ, говоренное имъ по случаю революціи во Франціи, а также и письмо его къ митрополиту Платону отъ 7 Сентября 1785, напечатанное Смирновымъ въ исторіи Московской Академіи.

Митрополитъ Евгеній замѣчаетъ, что „пастырь сей имѣлъ дарованіе проповѣдывать не писавши на бумагѣ и, въ первые годы своего управленія Воронежской епархіей, при каждомъ всенародномъ совершеніи литургіи проповѣдывалъ такимъ образомъ. Онъ имѣлъ отличную способность и въ сказываніи“.

Оставшееся послѣ него довольно цѣнное имущество и капиталъ перешли къ его многочисленнымъ родственникамъ. Тихонъ былъ типичный представитель Платоновскаго времени со всеѣмъ величіемъ своего сана и со всеѣми Платоновскими недостатками. Впрочемъ, за продажу и истребленіе драгоценныхъ древнихъ вещей, частью царскихъ и боярскихъ даровъ XVII в., едва-ли можно осуждать его строго. Если уже въ болѣе просвѣщенное наше время, въ 1907 г. проданы изъ Смоленской архіерейской ризницы не только такіе древніе предметы, но и саккосы изъ далматиковъ Михаила Феодоровича, пожертвованныхъ царемъ Алексѣемъ, и цѣнная кружка XVIII в., помѣщенная даже, какъ достопримѣчательность, въ описаніи знаменитаго Смоленскаго собора, то что-же говорить о дѣльцахъ XVIII вѣка?

Virtus post nummas...

Андрей Титовъ.

*

Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ

Милостивѣйшій государь мой!

Господинъ атаманъ войска Донскаго Алексѣй Ивановичъ Иловайскій увѣрилъ меня, что ваша свѣтлость изволили благосклонно принять мою просьбу о предствательствѣ у Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни нашей, вразсужденіи поправленія здѣшней соборной церкви и всего архіерейскаго дома. По сему увѣренію должнымъ себя нахожу Вашей свѣтлости принести мое всенижайшее благодареніе за милость, которую и о продолженіи оной просить вашу свѣтлость, съ истиннымъ увѣреніемъ, что ежели предствательствомъ вашей свѣтлости церковь и домъ архіерейской исправлены будутъ, то неточію же почти развалинахъ и въ опасности отъ паденія ихъ живущій, и тѣмъ съ самыми бѣдными жителями равняющіеся: о чемъ думаю увѣрить вашу свѣтлость и его превосходительство Евдокимъ Алексѣевичъ¹⁾, но и всѣ здѣшніе граждане приносятъ имѣютъ вашей свѣтлости вѣчное благодареніе. Всякое предпріятіе благо привести къ концу, есть дѣло мужа мудраго и твердаго. Ваша свѣтлость таковы, и потому не сомнѣваюсь, что изволите обрадовать здѣшнихъ жителей всѣмъ тѣмъ, что вашей особѣ, относительно къ моему прошенію, возможно, а наипаче меня, который имѣетъ честь памятовать вашей свѣтлости величайшія благодаренія, и съ совершеннымъ удовольствіемъ именуется.

Свѣтлѣйшій князь

милостивѣйшій государь мой

Вашей свѣтлости всепокорный слуга и богомолецъ

Тихонъ епископъ Воронежскій²⁾.

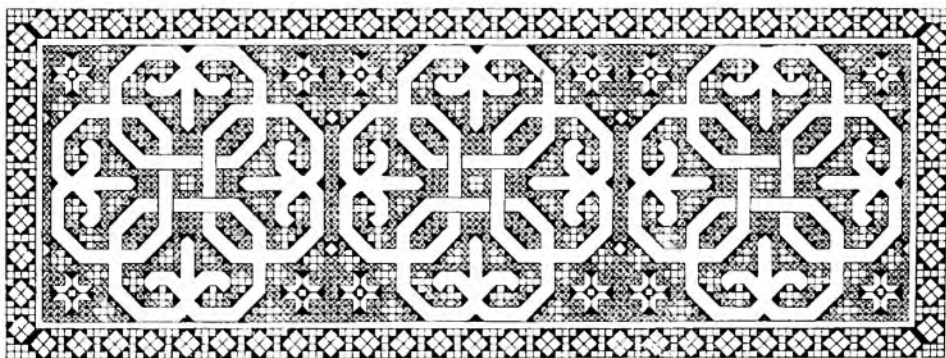
Генваря 16-го дня 1781-го года.

Воронежъ.

¹⁾ Воронежскій губернаторъ.

²⁾ Тихонъ провелъ молодость подъ начальствомъ Московскаго митрополита Платона, который вѣроятно и указалъ на него своему другу князю Потемкину. П. Б.

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

(По поводу памятника ему въ Остафьевѣ 18 Июля 1911).

Неподалеку отъ города Подольска, Московской губерніи, въ сѣдствѣ Дубровицъ, прекрасною величавою церковью которыхъ любуешься. ъдучи изъ Москвы на Югъ, лежитъ старинное небольшое село Остафьево*). Оно, еще на моей памяти, славилось у Москвичей кормилицами, что свидѣтельствуетъ о благораствореніи воздуху въ этой мѣстности. Нынѣ господская усадьба съ большимъ домомъ въ Остафьевѣ можетъ быть названа питалищемъ здороваго просвѣщенія и художественнаго вкуса. Этому дому слишкомъ сто лѣтъ. Въ немъ жили и мыслили князья Виземскіе: его основатель князь Андрей Ивановичъ, его сынъ князь Петръ Андреевичъ, описавшій Остафьево въ задумшевныхъ стихахъ, и его внукъ незабвенный археологъ князь Павелъ Петровичъ: каждый изъ нихъ, въ особенности послѣдній, оставилъ въ Остафьевѣ свои книги, рукописи и другія свидѣтельства просвѣщеннаго ума и изящества.

Въ Остафьевѣ проводилъ лѣтніе и осенніе мѣсяцы Карамзинъ съ 1804 года, т. е. со времени своей женитьбы на дочери князя Андрея Ивановича, и до своего переселенія (лѣтомъ 1816 года) въ Петербургъ. Тамъ онъ занимался Исторіею Государства Россійскаго, и Погодинъ еще видѣлъ въ Остафьевѣ доски на козлахъ, куда раскладывалъ Карамзинъ древнія рукописи и справочныя книги. Нынѣ графиня Екатерина Павловна Шереметева, дочь князя Павла Петровича, возымѣла счастливую мысль воздвигнуть памятникъ въ Остафьевѣ великому человѣку,

*) Въ Августѣ 1830 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Остафьево къ князю Виземскому, и не успѣлъ еще расплатиться, какъ домовой слуга сталъ гнать ямщика отъ большого подѣзда. Пушкинъ крикнулъ „Оставь-его“, „Оставь-его!“ П. Б.

творцу отчетливаго Русскаго самосознанія, открывшему для читателей древнюю Русь, какъ „Колумбъ открылъ Америку“, по выраженію Пушкина.

Привѣтствуемъ эту дань благодарной памяти и вспоминаемъ стихи О. И. Тютчева, обращенные къ Карамзину, когда Императорская Академія Наукъ праздновала столѣтній юбилей со дня его рожденія:

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ?
 Тебѣ, нашъ добрый, чистый гений,
 Средь колебаній и сомнѣній
 Многотревожныхъ нашихъ лѣтъ?
 Мы скажемъ: будь намъ путеводной,
 Будь вдохновительной звѣздой:
 Свѣти въ нашъ сумракъ роковой,
 Духъ цѣломудренно-свободный,
 Умѣвший все совокупить
 Въ ненарушимомъ полномъ строѣ,
 Все человѣчески-благое,
 И Русскимъ чувствомъ закрѣпить,—
 Умѣвший, не сгибая выи
 Предъ обаяніемъ вѣнца,
 Царю быть другомъ до конца
 И вѣрноподаннымъ Россіи...

Отношенія Карамзина къ Александру Павловичу безпримѣрны и вызываютъ къ нимъ обоимъ признательность потомства. Николай Павловичъ любилъ Пушкина, но тотъ не въ силахъ былъ уберечь отъ него нравственную независимость. Карамзинъ и Александръ познакомились въ Твери, у Екатерины Павловны, въ Мартѣ 1811 года (почти ровно за годъ до ссылки Сперанскаго). Тогдашнія бесѣды ихъ, вѣроятно, и побудили Карамзина исполнить желаніе Екатерины Павловны и вызвали его на „Записку о древней и новой Россіи“, которая доставлена была ею въ рукописи. На подлинникѣ ея надпись великой княгини: „*A son frère seul*“ (т. е. только для моего брата). Тутъ Государю раскрылся вполне образъ мыслей исторіографа, и позднѣе онъ предлагалъ ему занять мѣсто Сперанскаго. Графъ Д. Н. Блудовъ передавалъ мнѣ, что Карамзинъ цѣлые сутки недоумѣвалъ, какъ ему быть и, не пожелавъ разстаться съ трудомъ своимъ, отказался. Переселившись въ Петербургъ, Карамзинъ, по тогдашней дороговизнѣ, по многочисленности семейства своего и по неумѣнью извлекать доходъ съ Арзамазской деревни своей супруги, нуждался въ деньгахъ. Государь зналъ о томъ и предлагалъ помочь такъ, чтобы никто не узналъ. Милостями царскими хвалятся, а не скрываютъ ихъ, объяснилъ Карамзинъ свой отказъ (слышано отъ

графа Д. Н. Блудова). Въ Петербургѣ онъ нанималъ верхній этажъ у Е. Ѳ. Муравьевой, на углу Невскаго просп. и Анничкова моста; но передъ женитьбой сына своего Никиты она попросила очистить для него помѣщеніе. Это было лѣтомъ 1824 года. Государь предложилъ Карамзину занять домъ на Дворцовой набережной, устроенный для Софьи Дмитріевны Нарышкиной, которая сговорена была за графа Андрея Петровича Шувалова. Она скончалась невѣстою, и приготовленный для нея домъ остался пустъ. Изъ Царскаго Села Карамзинъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ женою и дѣтьми искать квартиру. Изъ любопытства они осмотрѣли и Нарышкинскій домъ; въ немъ все было такъ хорошо, что дѣти, по приказанію матери, стали передъ отцомъ на колѣни и умоляли его согласиться на предложеніе Государя. „Никогда, говорила мнѣ Елисавета Николаевна Карамзина, не видала я отца своего въ такомъ гнѣвѣ“.

Обновить память о Карамзинѣ благовременно въ наши дни, когда совсѣмъ стали забывать о немъ, а Императорская Академія Наукъ вмѣсто него такъ усердно занялась Кольцовымъ и Лермонтовымъ. Между тѣмъ у насъ нѣтъ ни обстоятельнаго изданія сочиненій Карамзина, ни подробной его біографіи. (Лучшею остается написанная М. П. Погодинымъ).

Въ жизни и дѣятельности Карамзина встрѣчаются обстоятельства мало разъясненныя. Немногимъ извѣстно, что онъ плакалъ, узнавъ о гибели Робеспьера (1794). О томъ прямо говоритъ человекъ, не бросившій словъ своихъ на вѣтеръ, Н. П. Тургеневъ, въ своей книгѣ „Mémoires d'un Proscrit“. По всему вѣроятію, онъ слышалъ о томъ отъ отца своего Ивана Петровича, бывшаго Карамзину другомъ и единомышленникомъ. Карамзинъ прожилъ во Франціи съ Марта по Сентябрь 1790 года и въ Парижѣ провелъ три мѣсяца. Робеспьеръ, краснорѣчивый адвокатъ, историкъ и первоначально весьма скромный гражданинъ, въ то время еще не проявлялъ возмутительныхъ качествъ своихъ; онъ провозглашалъ только вѣру въ Высшее Существо и даже былъ монархистомъ. Карамзинъ могъ знать его лично и оплакивалъ то, что тотъ сдѣлался кровожаднымъ проводникомъ ученій Жанъ-Жака-Руссо, сочиненіями которыми многіе увлекались и у насъ на Руси.

Однажды, въ Гомбургѣ, князь П. А. Вяземскій удивилъ меня словами: „а вѣдь Карамзинъ былъ только *деистомъ*“. Но мы знаемъ, что онъ неуклонно исполнялъ церковныя постановленія. Еще въ Москвѣ онъ и семья его говѣли въ приходской церкви Святаго Антипы; священникъ пришелъ къ нимъ на домъ для неповѣди. Когда къ ней позвали Карамзина, онъ сказалъ: „подождите, батюшка, надо позавтракать“

и тутъ же принялся за ветчину. Священникъ отъ Карамзинныхъ пошелъ по сосѣдству къ князю С. М. Голицыну и тамъ рассказалъ объ этомъ завтракѣ, въ слѣдствіе чего добродушный князь Сергій Михайловичъ сталъ звать Карамзина безбожникомъ. Миѣ случилось рассказать про это митрополиту Филарету, и онъ выразился про своего друга: „Забавникъ! Церковь благодарить Бога за такихъ людей, какъ Карамзинъ. Постъ же разнообразенъ, какъ сама жизнь, и каждый можетъ поститься по-своему“. Мы знаемъ, что Филаретъ даже священникамъ ради болѣзни разрѣшалъ скоромное въ Великій постъ (моему духовнику отцу Юлію Некрасову); а одной барынѣ, изнурявшей себя суходеніемъ, однажды сказалъ: „Наложите постъ на вашъ постъ“.

Графъ Расстопчинъ писалъ другу своему князю Циціанову 2 Декабря 1803 года: „Дядюшка мой Карамзинъ, сдѣланный исторіографомъ съ 2000 р. пенсіона, забывъ свою жену и отчаяніе, сговоренъ на дочери князя Андрея Ивановича Вяземскаго. Онъ влюбляется головою. И счастье и несчастье его истекаютъ изъ глазъ“. („Девятнадцатый Вѣкъ“, 31). Упрекъ неосновательный: отецъ Карамзина, овдовѣвъ, не замедлилъ жениться (на теткѣ Н. П. Дмитріева): Державинъ точно также позабылъ скоро свою Пльниру и обзавелся Миленой. Первая супруга Карамзина была старше его, вторая на четырнадцать лѣтъ моложе.

Другое обстоятельство, вызывающее наше недоумѣніе, есть отношеніе Карамзина къ Борису Годунову, котораго изобразилъ онъ въ „Исторіи Государства Россійскаго“ преступнымъ честолюбомъ, между тѣмъ какъ въ статьѣ его „Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ“ читаемъ:

„Что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго рода святынею, и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ исторія дѣлается иногда эхомъ злословія.... Мысль горестная! Холодный пепель мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что, еслии клеветемъ на сей пепель; еслии несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безмысліемъ или враждою!.... Но я пишу теперь не исторію: слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣло, и, признавая Годунова убійцею Святаго Димитрія, удивляюсь небесному правосудію, которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ“.

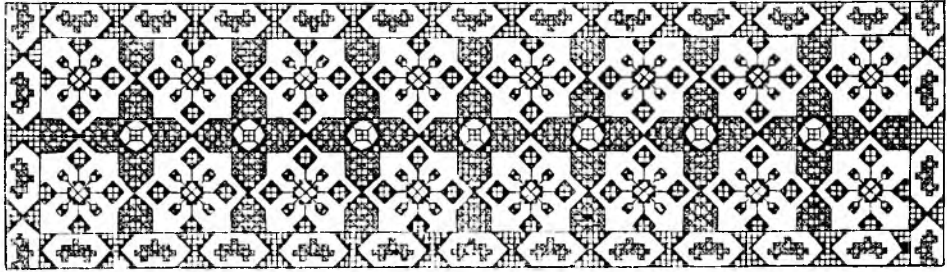
Въ слѣдъ за тѣмъ идетъ нѣсколько страницъ, въ которыхъ Карамзинъ восхваляетъ Годунова. Межно думать, что эта перемена въ изображеніи злополучнаго царя-избранника произошла по волѣ императора Александра Павловича, который, кажется, чутко относился къ тогдашнимъ событіямъ въ Русской исторіи. Точно также и Николай Павловичъ много думалъ о Борисѣ Годуновѣ, исторію котораго, написанную профессоромъ Павловымъ, приказалъ онъ изъять изъ продажи. Въ 1849 г., раннимъ утромъ, Николай Павловичъ гулялъ по Кремлю въ сопровожденіи барона Боде, и тотъ сказалъ ему: „вотъ мѣсто деревяннаго дворца, близъ котораго погибъ Лже-Дмитрій“— „А тебѣ кто сказалъ, что онъ Лже-Дмитрій?“ возразилъ Государь. (Слышано отъ барона М. Л. Боде).

Многое должно разъясниться, когда вполнѣ увидятъ оставшіяся послѣ Карамзина бумаги. Ихъ сохранился цѣлый сундукъ. Покойный П. Д. Голохвастовъ, управлявшій Карамзинскимъ имѣніемъ, Макатеlemомъ, видѣлъ этотъ сундукъ: но владѣлецъ, второй сынъ Карамзина, Александръ Николаевичъ, не разрѣшилъ ему доступа къ этимъ бумагамъ. Затѣмъ они достались внуку Карамзина князю Николаю Петровичу Мещерскому и должны нынѣ храниться у правнука Карамзина, князя Александра Николаевича Мещерскаго, въ селѣ Дугинѣ. Трудно допустить, чтобы Карамзинъ не берегъ писемъ, которыя онъ получилъ отъ своей супруги и отъ своего закадычнаго друга Дмитріева.

Младшій сынъ Карамзина Владимиръ Николаевичъ, конечно, разбиралъ рукописи родителя своего. Онъ извлекъ изъ нихъ цѣлую книгу, вышедшую въ Петербургѣ въ 1862 году подъ заглавіемъ „Неизданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина“, часть первая, бол. 8-ка и 240 стр.: на послѣдней страницѣ означено „конецъ первой части“. Однако не только не послѣдовало слѣдующихъ частей, но и первая часть, можно сказать, не вышла въ свѣтъ, потому что горделивый издатель, полагавшій, что она немедленно раскупится, сжегъ ее, и лишь немногія лица успѣли получить или купить ее. Между тѣмъ въ ней напечатаны драгоцѣнныя произведенія Карамзина. Извлекаемъ изъ нея нижеслѣдующее.

П. Б.

МНѢНІЕ РУССКАГО ГРАЖДАНИНА*).

Государь! Въ волненіи души моей, любящей отечество и васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ вами.

Вы думаете возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ, есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра, выше всѣхъ законовъ физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ, — но ихъ не отмѣняетъ. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ. Все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ; только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ отечествомъ, которое виѣ матеріи, виѣ пространства и времени. Мы сблизились съ небомъ въ чувствахъ, но дѣйствуемъ на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. Нѣсмь отъ міра сего, сказалъ Христосъ. А граждане и государства въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ (любовь есть чувство), но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять государства. Вы христіанинъ, но вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эллады: вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ

*) Было напечатано въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей“. Приводится здѣсь, какъ свидѣтельство государственной заслуги Карамзина и его правъ на благодарность потомства. П. Б.

обществѣ. Какъ христіанинѣ, любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ вамъ царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. Какъ человекъ, по чувствамъ души, озаренной свѣтомъ христіанства, вы можете быть выше Марка Аврелія, но какъ царь вы тоже, что онъ. Евангеліе молчитъ о политикѣ, не даетъ новой; или мы, захотѣвъ быть христіанами-политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту; я, какъ христіанинѣ, долженъ подставить другую. Непрiятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепель? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и христіанинѣ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ. уже побѣжденнымъ, слѣдуя закону человеколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянѣ, ибо они и люди и ваши подданные, дѣти вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра; но Александръ взялъ ихъ Русскою силою, а Россіянѣ далъ ему Богъ, и съ ними спискалъ онъ благодѣтельную славу освободителя Европы.

Вы думаете возстановить древнее королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно-ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно-ли съ вашими священными обязанностями, съ вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли вы, творецъ Священнаго Союза, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? Ибо вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во-вторыхъ, можете ли съ мирною совѣтію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственностью Россіи еще до вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручалъ вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами назвали Великою. Скажутъ ли, что она незаконно раздѣлила Польшу? Но вы поступили бы еще незаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему все государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо все составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для васъ уже свято: для васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ: иначе мы должныствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское царство, Новгородскую республику.

великое княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волянїя, Подолїя, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россїи. Если вы отдадите ихъ, то у васъ потребуютъ и Кїева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди, ни врагу, ни другу! Наполеонъ могъ завоевать Россїю; но вы, хотя и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россїю бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого за благо разсудите? Россїя, государь, безмолвна передъ вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искреннаго, безпристрастнаго. то онъ, государь, осудилъ бы ваше великодушїе, какъ вредное для вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россїи. Сей историкъ сказалъ бы совѣмъ не то, что могутъ теперь говорить вамъ Поляки; извиняемъ ихъ, но васъ бы мы, Русскїе, не извинили, если бы вы для ихъ рукоплесканїя ввергнули насъ въ отчаянїе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтствую вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствїе цѣлаго возстановленїя Польши. Я слышу Русскихъ и знаю ихъ; мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю: остыли бы душою и къ отечеству, видя оное игрищемъ самовластнаго произвола: ослабѣли бы не только уменьшенїемъ государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ; вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ; но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А вы, государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу.

Однимъ словомъ.... и Господь-сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю вамъ не истину... однимъ словомъ, возстановленїе Польши будетъ паденїемъ Россїи, или сыновья наши обогрять своею кровїю землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу.

Нѣтъ. Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленїе отъ Россїи, конечно не въ ваше царствованїе, но вы, государь, смѣтрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ

дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ королевства Польскаго, но мы желаемъ единой имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышнѣе для вашего сердца? Онѣ, въ случаѣ войны, впрочемъ нимало не вѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?) могутъ измѣнить намъ, тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣеть особенную силу, а бунтъ, какъ незаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ.

Государь, Богъ далъ вамъ такую славу и такую державу, что вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя великаго: пріобрѣтите имя отца нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ королевство Польское, какъ оно есть нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ оставлена вамъ Екатериною!... Екатерина любила васъ нѣжно, любила и наше отечество: ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... умоляю.

Царское Село. Окт. 17, 1819.

Для потомства.

НВ. Читано Государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ; обѣдалъ еще и въ Петербургѣ.... Но мы душею разстались, кажется, на вѣки... Потомство! Достоинъ ли я былъ имени гражданина Россійскаго? Любилъ ли отечество? Вѣрилъ ли добродѣтели? Вѣрилъ ли Богу?... Я не зналъ нужды по своей бережливости и по милости Божіей, но не имѣлъ достатка, имѣя многочисленное семейство, безъ способовъ воспитывать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось. Не хочу описывать всего разговора моего съ Государемъ; но, между прочимъ, вотъ что я сказалъ ему по-французски: *Sire, vous avez beaucoup d'amour-propre.... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je vous dis, je l'aurais dit à votre père... Sire, je méprise les libéralistes du jour: je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne vous demande plus votre bienveillance. Je vous parle, peut-être, pour la*

dernière fois¹⁾. Но вообще я мало говорилъ и не хотѣлъ говорить. Душа моя остыла....

Довольно сказаннаго для потомства и для сыновей моихъ, если они будутъ живы и выростутъ. Прибавлю, что я не измѣнилъ скромности: не сказалъ никому ни слова о моемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жены моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство. С.-Петербургъ, Дек. 29, 1819. Н. Карамзинъ.

НВ. Сказалъ еще одному человѣку: императрицѣ Елисаветѣ. 24 Февр. 1821.

Новое прибавленіе.

Я ошибся: благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось и въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 года) мы имѣли съ нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ, онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожъ слушалъ ихъ, хотя имъ, большею частію, и не слѣдовалъ, такъ что нынѣ, вмѣстѣ съ Россією оплакивая кончину его, не могу утѣшать себя мыслию о десятилѣтней милости и довѣренности ко мнѣ столь знаменитаго вѣнценосца: ибо эти милость и довѣренность остались безплодны для любезнаго отечества. Правда, Россія удержала свои Польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія, спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго; по крайней мѣрѣ такъ сказалъ онъ мнѣ въ Ноябрь 1824 года. Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Г.....²⁾ системѣ финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о Министерствѣ Просвѣщенія или затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа, наконецъ о необходимости имѣть твердые законы гражданскіе и государственные. Въ послѣдней моей бесѣдѣ съ нимъ, 29 Августа, отъ 8 до 11^{1/2} часовъ вечера, я сказалъ ему какъ пророкъ: Sire, vos années sont comptées, vous n'avez plus rien à remettre, et vous avez encore tant de choses à

¹⁾ Государь, у васъ много себялюбія: я ничего не боюсь. Мы всѣ равны передъ Богомъ. То что я вамъ говорю, сказалъ бы и вашему отцу. Государь, я презираю современныхъ вольнодумцевъ; люблю только такую волю, которой никакой тиранъ не можетъ у меня отнять. Не прошу вашего благорасположенія. Говорю съ вами, можетъ быть, въ послѣдній разъ.

²⁾ Гурьевской. П. Б.

faire pour que la fin de votre règne soit digne de son beau commencement*). Движеніемъ головы и милою улыбкою онъ изъявилъ согласіе; прибавилъ и словами, что непременно все сдѣлаетъ: дать коренные законы Россіи.

Если не я, то другіе увидятъ скоро, для чего Богъ незапно отнялъ Александра у Россіи. Мнѣ хочется болѣе плакать, нежели писать объ немъ. Я любилъ его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на монарха и все любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ нимъ на томъ свѣгѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели.

С.-Петербургъ. 18 Дек. 1825.

ДЛЯ СВѢДѢНІЯ МОИХЪ СЫНОВЕЙ И ПОТОМСТВА.

Безъ моего исканія удостоенный довѣренности, я предлагалъ нынѣшнему императору Николаю Павловичу начать Манифестъ о восшествіи его на Престоль такъ:

„Въ сокрушеніи сердець нашихъ (то есть, всѣхъ Русскихъ) и пораженныхъ столь незапною кончиною Государя Императора Александра Павловича, можемъ только, какъ христіане, смиряться духомъ предъ Всевышнимъ и молить Его, да, пославъ намъ скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сносить ее безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и благодарности къ памяти усопшаго Великаго Монарха, коего царствованіе, ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ: царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умпрителя народовъ, друга правды и челоувѣчества“.

„Въ самый первый часъ скорби и рыданій, произведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Александра I-го, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣрности законному наслѣднику Престола, согласно съ уставомъ блаженный

*) Государь, лѣта ваши сочтены. Вамъ нельзя больше откладывать, а вамъ еще столько надо сдѣлать для того, чтобы конецъ вашего царствованія достоинъ былъ его прекраснаго начала.

памяти родителя нашего, Государя Императора Павла Петровича, старѣйшему брату нашему, Государю Цесаревичу, Великому Князю Константину Павловичу“, и проч. и проч.

Государь Николай Павловичъ сказалъ, что ему неприлично хвалить брата въ манифестѣ, и велѣлъ М. М. Сперанскому написать это иначе, отдавъ ему мою бумагу. Сперанскій написалъ такъ:

„Въ сокрушеніи сердца, смиряясь предъ неисповѣдимыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, Насъ, Императорскій Нашъ Домъ и любезное отечество Наше объявшей, въ единомъ Богъ мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата Нашего, Мы лишились отца и Государя, двадесять пять лѣтъ Россіи и Намъ благотворившаго. Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27 день Ноября мѣсяца до Насъ достигло*), въ самый первый часъ скорби и рыданій, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго и слѣдующаго движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему брату Нашему, Госуд. Цесаревичу и Вел. Князю Константину Павловичу, яко законному по праву первородства Наслѣднику Престола Всероссійскаго“.

Заключеніе предлагалъ я такое (послѣ словъ: присягу въ вѣрности учинить Намъ и Наслѣднику Нашему и проч.).

„И Мы, въ сей торжественной часъ, предъ лицомъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Вѣнценосца! Да будетъ Наше царствованіе только продолженіемъ Александрова! Да благоденствуетъ Россія своимъ пріобрѣтеннымъ могуществомъ, внѣшнею безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою нашихъ предковъ, государственною и воинскою доблестію, истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочною нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердець невинныхъ! Да будетъ престолъ Нашъ твердъ закономъ и вѣрностію народною! Да соединится неразрывно, подъ нашею державою, правосудіе неослабное съ милосердіемъ челоувѣколюбія! Да исполнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ Безсмертный: тотъ, коего священная память должна питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа Россійскаго“.

*) Мои слова.

Нашли тутъ поводъ къ толкамъ, видъ самохвальства, излишнія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выразило бы характеръ или намѣренія новаго царствованія. Сперанскій написалъ (какъ напечатано)⁴.

„Наконецъ Мы призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ Нами теплыя мольбы ихъ къ Всевышнему, да ниспешлетъ Намъ силы къ понесенію бремени, Святымъ Промысломъ Его на Насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія Наши¹⁾ жить единственно для отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Государя. Да будетъ царствованіе Наше токмо (у меня: только) продолженіемъ царствованія его, и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ тотъ, коего священная память будетъ питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ Нашихъ“ (вмѣсто: любовь народа Россійскаго).

Одинъ Богъ знаетъ, каково будетъ наступившее царствованіе. Желаю, чтобы это сообщеніе было любопытно для потомства: разумѣю, въ хорошемъ смыслѣ.

Сыновьямъ моимъ благословеніе, потомству привѣтствіе изъ гроба!

С.-Петербургъ, 16 Дек. 1825.

Письма Н. М. Карамзина къ его супругѣ изъ Петербурга въ Москву 1816 г.

1.

С.-Петербургъ, 3 Февраля (1816) 6 часовъ вечера.

Милый другъ! Вчера въ 6 часовъ вечера вѣхали мы²⁾ въ городъ благополучно, долго искали пристанища, и наконецъ вошли въ холодныя комнаты; но теперь онѣ уже нагрѣлись, и можно въ нихъ жить. Я здоровъ совершенно. Сію минуту былъ у Великой Княгини, по старому милостивой; узналъ принца, умнаго и привѣтливаго; завтра, какъ думаю, увижу Императрицу вдовствующую; а когда Императора, еще не знаю. Великая Княгиня много спрашивала о тебѣ съ видомъ искренняго участія. Я видѣлъ многихъ, но еще гораздо болѣе надобно видѣть. Не смотря на усталость моихъ лошадей, я не усталъ духомъ,

¹⁾ Мои слова въ отрывкѣ.

²⁾ Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ и привезъ готовые къ печати первые восемь томовъ своей Исторіи. П. Б.

ни тѣломъ, а только грущу..... Изъ здѣшнихъ царедворцевъ видѣлся я съ кн. А. Н. Голицынымъ: онъ меня ласково или учтиво принялъ. Я бы не узналъ его: такъ онъ перемѣнился наружностію. Обѣдалъ у графа Ростопчина, какъ у свойственника любезнаго. Впрочемъ еще не знаю, какъ буду проводить время. Вообще не могу доселѣ жаловаться. Какъ-то обойдется съ мною Императрица!..

2.

С.-Петербургъ, 7 и 8 Февраля 1816.

.....Поговоримъ о Петербургѣ. На другой день я былъ у Императрицы Маріи; не удивился ея милостивому приему, но до крайности удивился ея молодости и свѣжести: это прекрасная женщина въ 40 лѣтъ; говоритъ любезно, складно и съ рѣдкою легкостію¹⁾. Разговоръ нашъ продолжался минутъ 20 или еще менѣе; а мы коснулись и до нравственности и до самыхъ отвлеченныхъ идей, не забывъ, разумѣется, Исторіи. Извиняясь, что не можетъ теперь дать мнѣ болѣе времени, она сказала съ чувствомъ: *pensez à l'état d'une mère qui marie sa dernière fille*. (Подумайте о состояніи матери, которая выдаетъ замужъ²⁾ послѣднюю свою дочь). Спрашивала о тебѣ, объ дѣтихъ; заставила меня перецѣловать сыновей Великой Княгини; нашла, что я не такъ похудѣлъ, какъ ей сказали, и проч. Вотъ и конецъ моихъ свиданій съ Императорскою фамиліею. Жду повелѣнія Государева явиться къ нему съ Исторіею черезъ графа Н. А. Толстаго: такъ ему угодно; онъ не приказалъ (какъ объявили мнѣ), чтобы я представлялся черезъ оберъ-камергера. Боюсь только, что это можетъ продлиться и недѣлю и двѣ и три въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Готовятся къ свадьбѣ и праздникамъ; развѣ около 20 затихнетъ шумъ. Сколько дней для меня потеряно! Впрочемъ не могу нахвалиться учтивостію, привѣтствіями и ласками здѣшнихъ жителей и бояръ. Il n'y a pas de doute que la civilisation a fait plus de progrès ici qu'à Moscou³⁾. Обѣдаю у Ростопчина, у канцлера, у гр. Сергѣя Петровича, у графини Лаваль, Полторацкаго⁴⁾ и проч. и проч.

¹⁾ Т. е. по-французски. По-русски она говорила такъ, что Жуковскій не могъ понимать ее. П. Б.

²⁾ Великую княжну Анну Павловну, позднѣе королеву Нидерландскую. П. Б.

³⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь гражданственность сдѣлала болѣе успѣховъ нежели въ Москвѣ.

⁴⁾ Дмитрія Марковича, женатаго на дочери Коломенскаго купца, собирателя древнихъ рукописей. Полторацкій подарилъ Карамзину такъ называемую Ниатъевскую лѣтопись. П. Б.

Послѣ обѣда ѣзжу изъ дома въ домъ, т. е. бываю въ двухъ или трехъ мѣстахъ. *La liste de mes visites est augmentée d'une douzaine de noms*¹⁾. Еще у половины не былъ; многіе уже пеняютъ мнѣ. Всего важнѣе то, что я оставилъ мерзкую отель гарни и переѣхалъ къ доброй Катеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой, которая, узнавъ, что я буду въ Петербургѣ, велѣла топить для меня свой верхній этажъ²⁾. Я вижу въ ней родную. На той почтѣ буду писать къ Ивану Ивановичу³⁾, котораго порученія всѣ исправлены мною: я былъ у Н. Я. Плюскова и нашелъ въ ней пріятную женщину; благодарилъ отъ него Д. И. Трощинскаго, и проч. Будучи безпрестанно въ движеніи, я не ступилъ почти ни шагу къ главной цѣли. Одинъ вельможа или бояринъ (ибо здѣсь нѣтъ вельможъ кромѣ одного графа Аракчеева, какъ сказываютъ) вымолвилъ моему пріятелю такое слово: „Карамзинъ хочетъ, чтобы казна дала деньги на печатаніе его Исторіи; но сумма велика, и вѣроятно, что по новымъ правиламъ экономіи ему откажутъ, или не откажутъ да не дадутъ. Въ такомъ случаѣ я съ удовольствіемъ предложилъ бы ему 50 тысячъ для сего дѣла“⁴⁾. Я радъ, что у насъ такіе бояре; но скорѣе брошу свою Исторію въ огонь, нежели возьму 50 тысячъ отъ партикулярнаго человѣка. Хочу единственно должнаго и справедливаго, а не милостей и подарковъ.

Кн. Алексѣй Щербатовъ⁴⁾ здѣсь, и мы вмѣстѣ проводимъ нынѣшній вечеръ у О. П. Козодавлева. Вчера видѣлъ я племянника, сына Ѳедора Мих., и обнималъ его со слезами: прекрасный мальчикъ! Вообрази, что у меня въ одно утро было 12 гостей, и все добрыхъ пріятелей! Но всѣ здѣшнія ласки приводятъ меня въ грусть: ты не дѣлишь ихъ со мною и не видишь, какъ твоего плѣшиваго мужа уважаютъ въ Петербургѣ! Съ хорошимъ или дурнымъ намѣреніемъ распустили слухъ, что мнѣ уже дано то и то. Знай, что я видѣлъ и Шишкова: бесѣдовалъ съ нимъ втроемъ около трехъ часовъ. Сперва онъ чинился, а послѣ свободно разсуждалъ со мною... о происхожденіи Славянскихъ словъ. *J'ai du tendre pour mes ennemis, si j'en ai*⁵⁾. Хожу пѣшкомъ рано, часу въ осьмомъ и девятомъ и все одною дорогою, отъ Аничковскаго мосту до Казанской.... Это письмо дописываю уже во Вторникъ. Прибавлю еще, что я былъ у обѣдни у кн. Голицына: прекрасная церковь.

¹⁾ Перечень моихъ посѣщеній умножился дюжиною именъ.

²⁾ На Фонтанкѣ, на пути къ Адмиралтейству, пройдя Аничковъ мостъ, на право, въ третьемъ домѣ, принадлежавшемъ потомъ г. Шидовскому. П. Б.

³⁾ Дмитріеву, съ которымъ Н. Я. Плюскова была издавна въ дружбѣ. П. Б.

⁴⁾ Тогда еще вдовецъ послѣ своего брака съ сестрою князя П. А. Вяземскаго. П. Б.

⁵⁾ У меня—нѣжность къ моимъ непріятелемъ, если они у меня есть.

служба и пѣніе. Изъ моихъ новыхъ знакомыхъ наименую кн. Александра Ник. Салтыкова: человѣкъ умной и пріятной. Вчера мы просидѣли съ нимъ до втораго часу ночи. Пишу къ тебѣ безъ связи и спѣшу отправить письмо.... Завтра свадьба¹⁾: не поѣду ни во дворець, ни на балъ, ни въ маскарадъ; и въ Москвѣ и въ Петербургѣ не люблю блестящихъ собраній.... Нѣсколько разъ поцѣлуй за меня Сонюшку, Катеньку, Андрея, Сашу: всѣмъ вамъ именемъ Божиимъ даю благословеніе. Простите, да сохранить васъ Всевышній! Я здоровъ и начинаю ѣсть со вкусомъ; въ первые дни у меня что-то не было аппетита. Скажи отъ меня ласковое слово другу Ивану Ивановичу, Сергѣю Сергѣевичу²⁾, кн. Андрею Петровичу, etc, etc. Вотъ записка экономическая: карета въ мѣсяць 500 рублей, лакей 70 р., на пищу двумъ человѣкамъ 60 р. Другихъ издержекъ мало. Огарева въ кашлѣ, мужъ ея также нездоровъ; но оба встрѣтили меня какъ роднаго. Князь Петръ здоровъ.

3.

С.-Петербургъ, 11 Февраля 1816.

.....Я здоровъ совершенно, и Невская вода не вредитъ мнѣ; ѣмъ и сплю не худо; всякое утро, иногда на разсвѣтѣ, хожу пѣшкомъ. Какой прекрасной городъ! Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я здѣсь, и все ѣзжу съ визитами. Отъ Государя ни слова. Императрица Марія не рѣдко говоритъ объ мнѣ съ другими, какъ мнѣ сказываютъ. Чтѣ будетъ далѣе, не знаю; но знаю, что 10 Марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ѣхать къ вамъ назадъ и болѣе не заглядывать въ Петербургъ, хотя не могу довольно нахвалиться ласками здѣшнихъ господъ и пріятелей. Обѣдъ за обѣдомъ; зовутъ и на вечеръ; пишутъ обязательныя записки; однимъ словомъ купаюсь какъ сыръ въ маслѣ!! Пріятельница г-жи Сталь, наша графиня Лаваль³⁾, поетъ мнѣ комплименты какъ Сирена. Я отъ роду не живалъ такъ: вообрази, что съ 11 часовъ скачу съ визитами! И хорошо дѣлаю: это лучшее разсѣяніе; почти не затворяю рта и не имѣю времени грустить. На страницѣ едва ли упишу имена тѣхъ, которые велѣли мнѣ увѣрить тебя въ любви или въ почтеніи; упомяну однакожъ и о доброй Огаревой, Лобановыхъ, Растопчинныхъ, Руминцевѣ и старомъ пріятелѣ Пестелѣ⁴⁾.

¹⁾ Велик. Кн. Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ въ послѣдствіи королемиъ Нидерландскимъ. П. Б.

²⁾ Кушникову. П. Б.

³⁾ Внука очень умнаго и образованнаго человѣка, статсъ-секретаря Екатерины Великой Г. И. Козицкаго. П. Б.

⁴⁾ Долго служившемъ въ должности Московскаго почтъ-директора. П. Б.

Однакоже знай, что нашелся одинъ человекъ, старой знакомецъ, которой принялъ весьма холодно, и объявилъ, что ему извѣстенъ мой образъ мыслей, *contraire aux idées libérales*¹⁾, то есть, образу мыслей Фуше, Карно, Грегуара. Онъ думаетъ, что мнѣ лучше печатать свою Исторію въ Москвѣ, и я съ нимъ согласился; это между нами. Живу у доброй Катерины Ѳедоровны какъ дома, и только нынѣшній день въ первый разъ буду у нея обѣдать. Скажи другу Ивану Ивановичу, что даже и Лазаревичъ Армянинъ звалъ меня на обѣдъ, на которой однакожъ не поѣду, не будучи ни случайнымъ, ни обжорою. Скоро наши любезные Малиновскіе отправятся въ Москву; они поговорять съ тобою обо мнѣ. Алексѣй Ѳедоровичъ получитъ нѣчто въ знакъ благоволенія. Съ княземъ Петромъ иногда вмѣстѣ обѣдаемъ. Въ Москвѣ будетъ новой почтъ-директоръ²⁾; мнѣ жаль Д. П. Руничя, которому слѣдовало бы имѣть это мѣсто. Здѣсь теперь все занято праздниками авось скоро узнаю что нибудь рѣшительное въ разсужденіи моей Исторіи. Доселѣ не сержусь и такъ спокоенъ, какъ младенецъ. Что-то наши младенцы? Судьба наша зависитъ отъ Бога: слѣдственно въ хорошихъ рукахъ.

4.

С.-Петербургъ, 14 Февраля 1816.

.....Третьяго дня былъ я на маленькомъ дѣтскомъ балѣ у гр. Толстаго и чуть не залился слезами, смотря на малютокъ и матерей ихъ. Богъ да хранить насъ! Поговоримъ о Петербургѣ.

Я видѣлъ Императора, но только видѣлъ. Вчера вдовствующая Императрица прислала звать меня на свой блестящій балъ, какъ увидишь изъ приложенной записки. Она раза три говорила со мною: предлагала мнѣ играть въ карты и замѣтила, когда я, до крайности утомленный, въ 12 часовъ уѣхалъ. Милость ея любезна. Вчерась же по утру сказали мнѣ именемъ Государя, что онъ послѣ праздниковъ пришлетъ за мною, и прибавили отъ себя, что всякое мое справедливое желаніе безъ сомнѣнія будетъ имъ исполнено. Болѣе ничего не знаю. Государыня Елисавета Алексѣевна изъявила намѣреніе принять меня безъ чиновъ на сихъ дняхъ и слушать мою Исторію. Я любовался вчера всею Императорскою фамиліею и тѣмъ пріятнѣе, что они всѣ, какъ мнѣ сказывали, милостиво отзываются о твоёмъ другѣ; всѣ, кромѣ самаго Государя, о расположеніи котораго не имѣю никакого понятія. Не хочу угадывать. *C'est avec intérêt que je l'ai vu entrer*

¹⁾ Противный свободолобивымъ мыслямъ.

²⁾ Ружковскій, замѣнившій К. Я. Булгакова. П. Б.

dans la salle, conduisant sa mère; je l'ai fixé bien des fois et pensé: je t'admire et je voudrais t'aimer beaucoup! Il a une belle physionomie¹⁾. Изъ новыхъ примѣчательныхъ знакомствъ наименую тебѣ Капо д'Истріа; онъ въ большой довѣренности и показался мнѣ любезнымъ, откровеннымъ, такъ что князь А. Н. Голицынъ, познакомивъ насъ, черезъ 10 минутъ замѣтилъ съ шуткою, что мы уже говоримъ какъ старые знакомцы. Можетъ быть, я еще съ нимъ увижусь и дѣйствительно короче познакомлюсь. Вообще, не обижая Москвы, нахожу здѣсь болѣе умныхъ, пріятныхъ людей, съ которыми можно говорить о моихъ любимыхъ матеріалахъ.... Румянцевы рады ежедневно быть со мною. Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми моими смѣшными неприятелими и скажу имъ: есмь единъ посредѣ васъ и не усташуся! Видѣлъ во дворцѣ и К.....²⁾; вѣроятно, что онъ вымышляетъ какіе-нибудь новые доносы и жлетъ по обыкновенію. Шишковъ честенъ и учтивъ, но тупъ. Собираюсь на первой недѣлѣ осмотрѣть Эрмитажъ, Казанскую церковь, Библіотеку и проч., хотя незвѣстность еще беспокоитъ меня. Повторяю, что 10 Марта надѣюсь сидѣть въ кабинетѣ. Жить у милой доброй Катерины Ѳедоровны есть для меня величайшая выгода: это сестра родная. Жду брата Ѳедора. Булгаковъ почтъ-директоръ въ Москвѣ. Пошли, милая, мамушкина мужа поздравить Д. П. Рунича съ полученіемъ чина... Я совершенно здоровъ и даже сплю хорошо отъ усталости. Этотъ родъ жизни однакожь можетъ сдѣлаться тяжелымъ à la longue³⁾.

5.

Петербургъ, 18 Февраля 1816.

....Государь, какъ ты знаешь, обѣщался позвать меня въ кабинетъ послѣ праздниковъ. Черезъ два дня постъ, но говѣнье опять можетъ быть пренятствіемъ. Увидимъ. Добрые люди на всякій случай даютъ мнѣ мысль продать свою Исторію тысячъ за сто, то есть, если не увижу Государя еще недѣли три, или казна не выдастъ мнѣ денегъ для ея печатанія. Покупщикъ, можетъ быть, найдется; но согласно ли это съ достоинствомъ Россійской Имперіи и съ честію исторіографства? Между тѣмъ мнѣ щастье въ Императрицахъ и въ публикѣ: первыя милостиво говорятъ обо мнѣ, съ кѣмъ могутъ. Елисавета Алексѣевна разспрашивала у графа Растопчина о тебѣ, о твоей наружности

¹⁾ Съ любопытствомъ глядѣлъ я на него, когда онъ вель въ залу свою мать; нѣсколько разъ вверялъ я въ него глаза и думалъ: восхищаюсь тобою и хотѣлъ бы очень тебя любить! У него прекрасная наружность.

²⁾ Павла Ивановича Кутузова. П. Б.

³⁾ Продолжаясь.

и душѣ, и сказала: *Eh bien, je crois la voir* (по словамъ графа). Великая Княгиня (по его же словамъ) сказала ему: *notre historiographe court la ville, mais pourquoi est-ce qu'on le cajole?* онъ отвѣчалъ: *c'est qu'il est le suisse de l'immortalité*. Она заемѣлась, и послѣ съ важностью промолвила: *je voudrais pourtant que cela fut déjà fini*¹⁾. Вчера былъ у меня еще посоль отъ В. К. Маріи Павловны, Глинка, кавалеръ при Великихъ Князьяхъ, и звалъ меня къ ней. Всѣми здѣшними не могу нахвалиться. Будущіе обѣды, записанные въ моей книжкѣ, идутъ уже до Воскресенья второй недѣли поста: суди, любятъ ли здѣсь гостепріимство! На сихъ дняхъ поѣду въ гости и къ Англійскому Клубу: директоры приглашаютъ меня. Я не хотѣлъ и не думалъ быть на праздникахъ; однакожь, какъ тебѣ извѣстно, былъ на балу у Императрицы, а нынѣшній день буду въ маскарадѣ Таврическаго дворца, потому что, едва ли не по приказанію Государеву, доставленъ мнѣ билетъ чрезъ кн. А. Н. Голицына, и потому что Императоръ весьма занимается симъ праздникомъ, такъ что знатную часть вчерашняго утра провелъ въ Таврическомъ дворцѣ, все самъ учредилъ и проч. Какъ не ѣхать къ такому доброму хозяину, когда онъ зоветъ! Гостей будетъ около 3000, а оставшихъ только 60; тремъ стамъ, большею частію класснымъ, не дали билетовъ. Вотъ подробности самыя исторіографическія, по крайней мѣрѣ историческія! Но милая жена моя всему рада отъ мужа, видя, что онъ здоровъ и почти веселъ. Дай Богъ, чтобы я не былъ въ худшемъ расположеніи: тогда выѣду изъ Петербурга съ искреннею признательностію. Что касается собственно до города, то онъ удивительно прекрасенъ: въ Европѣ нѣтъ другаго Петербурга. Постъ начну осмотромъ Эрмитажа и Казанской. Мало, что я мыкаюсь съ обѣда до полуночи: всякое утро бываютъ у меня люди, и пріятели, и новыя лица. Скажи Ивану Ивановичу, что нашъ велемудрый законодатель Розенкамповъ, столь ему извѣстный, самъ явился ко мнѣ для знакомства и былъ пріятливъ до крайности. Съ Румянцевыми живу душа въ душу: слава ихъ отца и собственныя ихъ достоинства вселили въ меня искреннюю любовь къ нимъ, хотя мы отчасти и разныхъ системъ. Измѣнилъ мнѣ только одинъ человекъ: бѣдной! А какъ здѣсь пишутъ о тарифѣ, какъ врутъ, какъ хотятъ обманывать Государя! Славный мой обѣдъ съ непріятелями не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя я и старался забавлять ихъ грамматикою, синтаксисомъ, этимологіей. Добрый старикъ Держа-

¹⁾ Я думаю, что се увижу.—Нашъ исторіографъ разѣзжается по городу; но почему его ласкаютъ? Потому что онъ проводникъ къ безсмертію.—Однако я желала бы, чтобы это кончилось.

винъ вздумалъ было произвести меня въ члены Россійской Шишковской Академіи; но я сказалъ ему, что до конца моей жизни не назовусь членомъ никакой Академіи и не буду ни въ какомъ такъ называемомъ ученомъ обществѣ. Даже и К... обѣдалъ съ нами: онъ въ волненіи духа и спрашивалъ у меня, когда уѣду въ Москву? Онъ вѣрно не безъ страха, и мнѣ почти хотѣлось бы успокоить его: вотъ казнъ злобы душевной мерзости! Не знаю, кто больше обрадуется: ты ли моему пріѣзду, или онъ моему отъѣзду! Къ вамъ ѣдетъ новый почтъ-директоръ: можешь въ случаѣ нужды адресоваться къ нему; мы съ нимъ познакомились. Милая хозяйка моя не измѣняется въ своихъ ласкахъ: всего чаще говорю съ нею о тебѣ. Вотъ истинная жена Михайла Никитича! Не могъ я выбрать лучшаго жилища, и это украсило для меня Петербургъ. Съ княземъ Петромъ только иногда обѣдаемъ вмѣстѣ, за исключеніемъ одного вечера, который онъ до втораго часа ночи провелъ у меня съ нашими молодыми пріятелями. Онъ на всѣхъ балахъ, однакожъ, по его словамъ, не очень веселится: я умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ и потому веселюсь, пою какъ соловей!...

6.

С. Петербургъ, 22 Февраля 1816.

.....Неизвѣстность, для тебя и для меня огорчительная, не продолжится болѣе двухъ недѣль: еще повторяю, что около 10 Марта съѣзжу къ оберъ-гофмейстеру и скажу ему, что я, оставивъ въ Москвѣ жену и дѣтей, прошу позволенія ѣхать къ нимъ обратно. Не можешь вообразить, какъ я по милости Божіей спокоенъ въ душѣ и выше элементовъ придворныхъ! Не хочу презирать себя: *c'est tout dire, et tu me comprends*¹⁾. Не сдѣлаю ничего непристойнаго; знаю отношенія подданнаго къ Государю и долгъ нашего къ нему благоговѣнія. Государь и вся Императорская фамилія были заняты праздниками, теперь заняты говѣньемъ и молитвою, на второй недѣлѣ будутъ заняты прощаніемъ съ великою княгинею, а въ половинѣ третьей я уже займусь своимъ отъѣздомъ въ Москву; мѣра терпѣнія моего исполнится. *J'ai assez bien vu les choses, étant encore à Moscou; j'ai fait ce que j'ai dû faire et je ferai ce que dois faire; ton ami sait ce qu'il doit à son souverain, mais il sait aussi ce qu'il doit à sa propre dignité morale. Mais parlons un peu de mon séjour à Pétersbourg*²⁾. Я писалъ къ тебѣ о ма-

¹⁾ Тутъ все сказано, и ты меня понимаешь.

²⁾ Вѣдѣлъ я довольно, еще живучи въ Москвѣ. Я дѣлалъ что долженъ былъ дѣлать, и стану дѣлать, что мнѣ должно дѣлать. Твой другъ знаетъ свой долгъ къ своему Государю, но знаетъ онъ свой долгъ и къ собственному нравственному достоинству. Поговоримъ немножко о моемъ пребываніи въ Петербургѣ.

скарадѣ: онѣ былѣ самымъ царскимъ праздникомъ; никогда не видалъ я такого феерверка и столь великодѣпной огромностию и освѣщеніемъ залы: около трехъ тысячъ людей не тѣснились въ ней. Но если многіе изъ бывшихъ тамъ веселились, то многіе и досаждаютъ, не получивъ билетовъ. Мужъ твой сдѣлался здѣсь героемъ: въ одномъ маскарадномъ платьѣ (графа Румянцева) и въ башмакахъ ходилъ по холоднымъ коридорамъ, два часа сидѣлъ въ холодной комнатѣ, чтобы смотрѣть феерверка, и послѣ, вышедши въ поту изъ огромной залы опять въ холодныя сѣни, нимаго не простудился! Кареты не ждалъ ни двухъ минутъ, потому что уѣхалъ рано, въ 11 часовъ, пить чай и ужинать къ хозяйкѣ. Ты, милая, требуешь отъ меня журнала: и такъ знай, что въ Субботу обѣдалъ я у Полторацкаго, часть вечера былъ у брата Ѳедора и добрыхъ, любезныхъ племянницъ, которыя отъ тебя безъ памяти; другую часть вечера провелъ у княгини Александры Петровны Голицыной¹⁾, а въ 12 часу ночи отправился на большой балъ къ графинѣ Лаваль, гдѣ начинали только сѣзжаться; въ первомъ часу уѣхалъ и на крыльцѣ встрѣтилъ лорда Каткарта, пріѣхавшаго на балъ съ своимъ семействомъ. Видишь, какъ здѣсь не перенимаютъ новой моды ложиться рано. Въ Воскресенье обѣдъ у Олениныхъ. Они ко мнѣ, очень ласковы, хотя и новыя знакомыя, такъ что, проболтавъ у нихъ до 8 часовъ, я уже не захотѣлъ никуда ѣхать; заѣхалъ только къ брату Ѳедору и спѣшилъ домой на постелю, чтобы отдохнуть. Сплю вообще хорошо и ѣмъ за двоихъ; надѣюсь, что не похудѣю. Въ Понедѣльникъ обѣдъ у добраго Столыпина²⁾, и самой пріятельской, а вечеръ у Растопчина; во Вторникъ, нынѣ, обѣдаю у нашего законодателя Розенкампа, а вечеръ у канцлера и Козодавлева, какъ думаю. У Лобановыхъ обѣдалъ: они всегда говорятъ о тебѣ съ любовію. У Нелединскихъ я уже не былъ дней шесть; они какъ-то слишкомъ заняты собственнымъ и не всегда привѣтливы; иное дѣло князь Василій: это братъ, хотя и съ нимъ вижуся рѣдко; Мордвиновъ все такъ же добродушенъ и здѣсь очень не въ модѣ; а Муромцевъ, по старому, спорить и любить; Авдотья же Селиверстовна ласкается и плачетъ. Нашъ князь Алексѣй Щербатовъ заѣзжалъ ко мнѣ раза два: видѣлся со мною только на балѣ, въ маскарадѣ, и кончить, думаю, тѣмъ что женится. У Мятлевыхъ я былъ и не засталъ ихъ: буду еще; они зовутъ меня. Ты, милая, хочешь знать, кто со мною всѣхъ сердечнѣе, ласковѣе: добрая хозяйка, Малиновскіе, Арзамасское общество нашихъ молодыхъ литераторовъ, Румянцевы, Огаревы, Оленины, Полторацкіе: но со всѣми

¹⁾ Это сестра графини Растопчиной и другъ ея мужа. П. Б.

²⁾ Аркадія Алексѣевича, женатаго на дочери адмирала Мордвинова. П. Б.

вижусь рѣдко, ибо вижу многихъ и не умѣю отказываться отъ обѣдовъ. Вообще всѣ хороши со мною; не только зовутъ, но и ѣздятъ ко мнѣ по утрамъ, такъ что всякое утро принимаю человѣкъ пять; являются и незнакомые. Не могу похвалиться дружбою великой княгини: она мнѣ только съ ласкою кланялась во дворцѣ; говорить, что занимается моимъ дѣломъ; хочетъ звать меня къ себѣ и не зоветъ. Богъ съ нею и со всѣми! Ничего не требую и доволенъ. Вчера осматривалъ я Эрмитажъ: сколько прекраснаго! Строки твои о любезной Катеринѣ Федоровнѣ заставили плакать и меня и ее: достойная жена покойника! Милой Андрюша! Какъ хорошо умѣла ты описать движеніе его маленькаго сердца! Нѣжно, нѣжно поцѣлуй за меня всѣхъ дѣтей, не забывая и Саши тихаго. Спасибо дочерямъ за ихъ посланія. Катенька требуетъ особенныхъ отъ меня писемъ: это размѣшило меня.—Ты хочешь знать мой туалетъ: распудренъ, причесанъ славно за 30 рублей въ мѣсяцъ, большею частію въ черномъ фракѣ, въ башмакахъ, и хоть куда: находить, что я не такъ старъ. Дай Богъ, чтобы ты по возвращеніи тоже обо мнѣ сказала! Обнимаю друга Ивана Ивановича, Сергѣя Сергѣевича, князя Андрея Петровича, и всѣхъ кто тебя посѣщаетъ; въ особенности почтеннаго П. И. Приклонскаго и князя Ивана. Съ любовію цѣлую руку у доброй княгини Вѣры¹⁾, у К. А. Рябининой и графини Паниной. Скоро будутъ къ вамъ Малиновскіе съ перстнемъ и съ рескриптомъ, а я можетъ быть ни съ чѣмъ, но безъ зависти и съ благодарностію къ Богу, если Онъ сохранитъ тебя, милая, и нашихъ остальныхъ дѣтей. Благодарн Бога и радуйся: потому что я здоровъ и спокоенъ, это главное; а къ тому еще уважаютъ меня....

7.

С. Петербургъ, 24 и 25 Февраля 1816.

.....Уже три недѣли я здѣсь и теряю время на суету: не двигаюсь впередъ, и дѣйствительно имѣю нужду въ терпѣніи. Почти ежедневно слышу, и въ особенности черезъ великую княгиню, что Государь благорасположенъ принять меня—и все только слышу. Видишь, какъ трудно войти въ святилище его кабинета! Вчера графъ Капо д'Истріа (сидѣвшій у меня три часа) въ утѣшеніе говорилъ мнѣ, что Государь во все это время еще никого не принималъ у себя въ кабинетъ: слѣдственно надобно ждать! Ты, милая, заставила меня посмѣяться надъ тобою, сказавъ, что я вѣрно не употребляю всѣхъ способовъ отдѣлаться поскорѣе: дѣйствительно жду только, и болѣе ничего не дѣлаю; но для того, что дѣлать нечего. Государь не можетъ забыть,

¹⁾ Княгини Вѣры Федоровны Вяземской. П. Б.

что исторіографъ здѣсь: ибо самъ, какъ мнѣ сказывали, говоритъ обо мнѣ; а принудить его никто безъ сомнѣнія не возмется..... Буду молчать до третьей недѣли поста; а тамъ скажу, что пора мнѣ домой, какъ я уже писалъ къ тебѣ. Государь причиною того, что не вижу и милостивыхъ, любезныхъ Императрицъ, ни великихъ княгинь. Скажу тебѣ нѣсколько словъ о вельможѣ¹⁾. Вчера входитъ ко мнѣ ординарецъ его, съ запискою отъ адъютанта, что графъ ждетъ меня въ 6 часовъ вечера. Догадываюсь и отвѣчаю, что не я, а братъ мой Федоръ, старинной сослуживецъ графа, былъ у него наканунѣ, не имѣвъ частія видѣть его. Адъютантъ извиняется весьма учтиво и пишетъ, что онъ дѣйствительно ошибся, и что графъ ждетъ брата. Братъ является, и графъ съ визитомъ поклономъ говоритъ ему: „радуюсь случаю познакомиться съ такимъ ученымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что я былъ нѣкогда пріятелемъ вашего братца“. Федоръ Михайловичъ отвѣчаетъ: „Ваше сіятельство! Я не исторіографъ, а самой вашъ старинной знакомецъ!“ Слѣдуютъ объятія, ласки. Открылось, что графъ ждалъ исторіографа, узнавъ, что пріѣзжалъ къ нему Карамзинъ. Но могъ ли я, имѣя извѣстный тебѣ характеръ, ѣхать къ незнакомому мнѣ фавориту? Это было бы нахально и глупо съ моей стороны. Однакожь этотъ случай ставитъ меня въ неприятное положеніе: другъ Государевъ уже объявилъ свое расположеніе принять меня учтиво и обязательно: если не буду у него, то не покажусь ли ему грубіяномъ? А если буду, то не заключать ли, что я пролазъ и подлой искатель? Лучше, кажется, не ѣхать. Пусть вельможа несправедливо сочтетъ меня грубіяномъ. Такъ ли думаешь, милая? Вотъ росписаніе моихъ обѣдовъ: во Вторникъ у Розенкампа со всею законодательною комиссіею и съ его довольно-любезною женою, qui a un assez joli ton²⁾. Много разсужденій о сочиненіи законовъ, и проч. Я сказалъ имъ: Messieurs, le public vous accuse; vous avez eu l'air d'errer beaucoup; vous visitiez la lune sans vous donner la peine de bien connoître la Russie³⁾. Оправдывались и не убѣждали меня. Вечеръ у канцлера. Въ Среду обѣдъ у графа Сергѣя Петровича съ кн. Петромъ; нѣсколько визитовъ и вечеръ съ Арзамасскимъ обществомъ. Въ Четвертокъ обѣдъ у графа Винценгероде, нѣсколько визитовъ и пріятной вечеръ дома съ графомъ Капо д'Истріа, кн. Алексѣемъ Щербатовымъ, еще нѣкоторыми и Арзамасцами. Люблю перваго: онъ уменъ и кажется основательнымъ, franc et discret en même tems, ce qui prouve qu'il a beaucoup d'esprit. Мало, что ѣзжу: у

¹⁾ Т. е. объ Аракчеевѣ. П. Б.

²⁾ Съ довольною милою повадкою.

³⁾ Господа, публика васъ обвиняетъ; вы, повидимому, много хлопотали, вы путешествовали на луну, не давъ себѣ труда узнать хорошо Россію.

меня бываетъ довольно людей; *je suis presque à la mode*. Кормятъ меня все сладкими закусками, но мой естественный вкусъ требуетъ жены и дѣтей, которыхъ далъ мнѣ Богъ. *Je commence un peu à me fatiguer, quoique je ne me gêne pas beaucoup et conserve ma franchise ordinaire¹⁾*. Ты хочешь знать, что сдѣлалъ для меня графъ Петръ Александровичъ: познакомилъ съ братомъ своимъ, оберъ-гофмаршаломъ, и говорилъ, кажется, съ Императоромъ, давая мнѣ чувствовать, что трудъ мой не останется безъ всемилостивѣйшаго вниманія. У друга твоего нѣтъ покровителей: разумѣешь меня. *Hélas! j'ai déjà peu de tems à vivre: changerois-je de caractère? Je ne suis rien aux yeux de mon Dieu; mais les hommes ne me feront pas baisser les yeux²⁾*! Молись Богу, милая, чтобы Онъ сохранилъ насъ другъ для друга и для дѣтей еще по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. И это можетъ быть слабость; но я не стыжусь ее передъ Всевидящемъ. У Ланской буду и не премину исполнить волю нашего друга во всей полнотѣ ея... Выѣзжай, милая, принимай и менѣе грусти, а болѣе молись. Пиши, повторяй, сказывай, что съ тобою бываетъ всякой день. Не обочту тебя, милая, днями: авось 10-го выѣду, а къ 15 у тебя. Обѣты наши часто бываютъ бесполезны; но думаю, что мы уже не разстанемся, когда соединимся.

Ты, любезная, виновата, если наши Московскіе друзья и пріятели недовольны моимъ молчаніемъ: для чего всѣмъ имъ не кланяешься отъ меня? Разумѣется, что я ихъ не могу забыть. Всѣхъ, всѣхъ обнимаю; у другихъ цѣлую руку. Напомню тебѣ, что не надобно оглашать нѣкоторыхъ подробностей въ моихъ письмахъ. Печешься ли ты о моемъ конѣ? Водятъ ли его къ Шульцу? Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ сдѣланъ членомъ Совѣта. Вчера былъ у меня кн. Дмитрій Ивановичъ, твой обожатель. Пестель также членъ Совѣта; онъ кажется угадываетъ меня, а я знаю его. *Nous avons été parfaitement bien, mais il me néglige depuis 10 jours. Adieu, chère et douce amie³⁾*.

11 часовъ утра.

Мнѣ часто не даютъ писать, а отказывать не могу: видятъ что я дома по каретѣ; не хочу быть грубымъ и неблагодарнымъ.... *Benis les enfans pour moi: je compte sur ta bénédiction plus sur la mienne.*

¹⁾ Воленъ и въ это же время скромнѣе, что доказываетъ, что онъ уменъ. И почти что въ модѣ.—Начинаю немного утомляться, хотя не стѣсняю себя особенно и берегу мою обыкновенную свободу.

²⁾ Увы! мнѣ осталось уже недолго жить, переменяюсь я въ моемъ правѣ! Я ничто въ глазахъ моего Бога, но люди не заставляютъ меня опускать глаза.

³⁾ Мы были въ отличныхъ отношеніяхъ; но дней съ десять, какъ онъ считаетъ меня ни во что. Прости, милый и нѣжный другъ.

Ne sois pas fière de mes succès: prie Dieu et attends moi. Je te reviendrai plus que jamais dégoûté du monde ¹⁾!....

8.

С.-Петербургъ, 28 Февраля 1816.

....Будемъ вмѣстѣ призывать имя нашего Отца Небеснаго. Онъ къ намъ добръ, потому что хранить насъ еще другъ для друга. Пожалуйста, милая, пиши ко мнѣ подробно о всякомъ днѣ своемъ: письма твои столь же любопытны для меня, какъ мои для тебя, хотя въ Москвѣ и нѣтъ Двора. О себѣ скажу, что мое положеніе не перемѣнилось: къ Императору не зовутъ меня, и даже великой княгини не вижу. Почти желаю, чтобы она уѣхала въ Четвергъ, не простившись со мною: мнѣ будетъ легче или такъ же легко какъ и теперь. Нынѣшній день былъ я у великой княгини Маріи *). Она очень милостива, ласкова, любезна. О принцѣ не скажу ни слова ²⁾. A sa demande, si je passois bien mon tems à Pétersbourg, je lui ai répondu: Madame, j'en suis enchanté; on me traite parfaitement bien ici; mais séparé de ma famille chérie, je perds et mon tems et ma santé à Pétersbourg, car j'y mène une vie à laquelle je ne suis nullement accoutumé: je ne fais rien et je cours toute la journée. Она: Mais l'Empereur est si occupé! Un Empereur de Russie est toujours occupé et voit pourtant ceux qu'il veut voir. Dans 8 jours je demanderai la permission de repartir pour Moscou ³⁾. Она не заставила меня ждать ни минуты, хотя я пріѣхалъ ранѣе назначеннаго времени. Прощаясь звала меня опять къ себѣ, а я отвѣчалъ: j'attendrai vos ordres ¹⁾. Завтра отправляюсь къ вел. княгинѣ Аннѣ Павловнѣ въ 11 часовъ утра; вѣроятно и ею буду доволенъ. Впрочемъ я всѣми доволенъ, не смотря на сплетни, и вотъ какія. Ге-

¹⁾ Благословій дѣтей за меня, твое благословеніе считаю я выше моего. Не гордись моими успѣхами. Молись Богу и жди меня. Возвращусь къ тебѣ, накутивъ свѣтомъ больше, нежели когда нибудь.

*) Павловны, пріѣзжавшей на вторичную свадьбу сестры своей Екатерины П. В.

²⁾ Этотъ принцъ былъ человекъ ограниченный. Мать четырехъ внучекъ Екатерины Великой не безъ расчета выбирала имъ въ супруги людей слабой воли, дабы онѣ могли надъ ними властвовать, до чего допускалъ се супругъ ея только въ началѣ своего царствованія, ознаменованнаго Суворовскимъ походомъ, однимъ изъ послѣдствій котораго было нашествіе на Россію Французовъ въ 1807 и въ 1812 годахъ П. В.

³⁾ Когда она меня спросила, какъ мнѣ живется въ Петербургѣ, я ей отвѣчалъ: государыня, я въ восхищеніи отъ здѣшней жизни; здѣсь со мною обходятся отлично, но, будучи разлученъ съ моею милою семьей, теряю и время и здоровье въ Петербургѣ, такъ какъ веду здѣсь жизнь, къ которой вовсе не привыкъ. Я ничего не дѣлаю и цѣлый день на ногахъ. Она: „но Государь такъ занятъ!“ Я: „Русскій Государь всегда занятъ, и однако видитъ тѣхъ, кого хочетъ видѣть. Черезъ 8 дней я попрошу позволенія уѣхать назадъ въ Москву.—¹⁾ Стану ждать вашихъ приказаній.

нераль Писаревъ *), котораго знаешь, пріятель графа Аракчеева и генераль-адъютанта Сипягина (какъ мнѣ объявили) рассказывалъ за секретъ въ одномъ домѣ, что Государь, услышавъ о шестидесяти тысячахъ, коихъ должна стоить казнѣ моя Исторія, сказалъ: „какой вздоръ! дамъ ли я такую сумму?“ Вѣришь ли? Я вѣрю и не вѣрю. Это не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія, ибо я уже рѣшился не говорить объ Исторіи, везти ее назадъ, спрятать до иныхъ временъ и надписать надъ манускриптомъ: à l'usage de mes enfants et de la postérité³⁾. Сдѣлай милость, любезнѣйшая, не говори объ этомъ никому. Скажи любопытнымъ, что надѣюсь выѣхать изъ Петербурга около 10 Марта, и что я, какъ и правда, весьма доволенъ Петербургомъ. Въ самомъ дѣлѣ, меня все ласкаютъ: чего болѣе? По милости Бога мы не умремъ съ голоду и безъ Исторіи; c'est un bonheur que de n'y plus penser: nous serons libres. Je supporterai avec patience toutes les bêtises de notre chère Moscou. Pétersbourg est une belle ville; j'y ai vu quelques gens d'esprit: mais il m'est plus doux d'être au sein de ma famille, dusse-je tous les jours aller moi-même au marché pour y acheter mon bois. Je suis très tranquille et je me porte à merveille: rends grace au Ciel.

J'ai dîné ces jours-ci chez ma bonne Катерина Федоровна, chez le comte Пушкинъ⁶⁾ (гдѣ все объ тебѣ говорили), у Полторацкаго и Державина: былъ по вечерамъ у канцлера, Оленина, Козодавлева, Растопчина, Голицыной. Завтра обѣдаю съ шестью или семью избранными, Куракинымъ, Кочубеемъ, можетъ быть и Аркачевымъ, у графа Николая Петровича Румянцева. Amie chère, tu dis que mes lettres sont trop peu détaillées et sont écrites trop à la hâte: s'est vrai, mais je suis trop impatient de retourner à Moscou, j'attache trop peu d'importance à ce que je vois, à ce que j'entends, surtout depuis quelques jours. Oh! quant aux dîners, quant aux honnetetés, j'en aurois encore pour quelques semaines au moins. Dis à notre ami, que j'ai eu le plaisir d'être chez l'aimable m-me Lanskoj et que je suis resté chez elle depuis 9 heures du soir jusqu'à 11^{1/2}. Quant à son amie Наталья Яковлевна, je l'aime beaucoup; elle a aussi l'air de m'aimer. En sortant de chez la grande-duchesse, j'ai passé une heure chez cette bien aimable dame: nous causions à merveille⁵⁾. Здѣсь изъ мушкетеръ всѣхъ любезнѣе

*) Позднѣе попечитель Московскаго учебнаго округа. Н. Б.

5) Для моихъ дѣтей и для потомства

6) Счастье: больше объ этомъ не думать. Мы будемъ свободны. Я терпѣливо буду сносить все дурачества нашей милой Москвы. Петербургъ прекрасный городъ; я видѣлъ въ немъ нѣсколько умныхъ людей, но мнѣ пріятнѣе находиться въ средѣ моей семьи, если бы даже пришлось ежедневно самому ходить на рынокъ и покупать тамъ дрова. Я весьма спокоенъ и чувствую себя какъ нельзя лучше: поблагодари Небо. Эти дни я обѣдалъ у моей доброй Катерины Федоровны, у графа Пушкина. 7) Милый другъ,

для меня Арзамасцы: вотъ истинная Русская Академія, составленная изъ молодыхъ людей умныхъ и съ талантомъ. Жаль, что они не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ. Я не спѣшу ѣхать къ графу Капо д'Истрия и уже недѣли двѣ не видалъ князя Голицына: слѣдственно Плюскова ошиблась, и я не придворный. Вообрази, что я по сіе время не могу собраться на вечеръ къ князю Лопухину, который звалъ меня убѣдительно: *je suis presque barbare. Chasse Pétersbourg et la cour de tes idées; n'y vois que ton ami qui n'aspire qu'à retourner auprès de toi; oublie jusqu'à mon Histoire même. Revenu à Moscou, je continuerai pourtant cet ouvrage: il appartient à mes enfans et à ma patrie. Vive le travail! En attendant je t'écrirai ce qui m'arrivera encore. Je prévois un cas pénible: si l'Empereur ne répond rien à ma demande de retourner à Moscou, prendrais-je cela pour une permission? J'espère que tout sera plus clair dans 8 ou 10 jours d'ici. Je ne veux pas être fou et ne veux rien précipiter; mais je me sens plus fier que jamais après avoir respiré l'air de Pétersbourg!*).

9.

Вторникъ, 29 Февраля, 9 часовъ утра.

Здравствуй, милая! Собираясь ѣхать во дворець, хочу написать къ тебѣ еще нѣсколько строкъ. Я уже успѣлъ пройти пѣшкомъ версты четыре, и хотя вчера возвратился домой отъ Растопчина въ 12 часовъ, но не могъ спать долѣе 7 часовъ. Тамъ, сверхъ многихъ дамъ, была Свѣчина, женщина умная и католичка: она учтивостями и ласками хотѣла обязать меня до крайности. Надобно быть у нея, чтобы поговорить о религіи. Такой же разговоръ ожидаетъ меня у графа Местра,

ты говоришь, что въ моихъ письмахъ слишкомъ мало подробностей и что они писаны слишкомъ насѣхъ. Это правда, но я слишкомъ нетерпѣливо желаю возвратиться въ Москву, придаю слишкомъ мало значенія тому, чтѣ вижу, тому, чтѣ слышу, особенно съ нѣкоторыхъ поръ. А чтѣ до обѣдовъ и почестей, то ихъ у меня по крайней мѣрѣ на нѣсколько недѣль. Скажи нашему другу, что я имѣлъ удовольствіе быть у любезной госпожи Ланской и что остался у нея съ 9 час. вечера до 11½ ч. Чтѣ касается до ея друга Наталы Яковлевны, я ее очень люблю; кажется и она меня любить. Уходи отъ великой княгини, я проведу часъ у этой любезнѣйшей особы; мы отлично побесѣдовали. 9) Я почти что варваръ. Гони изъ головы Петербургъ и дворъ и знай въ нихъ только твоего друга, который жаждетъ возвратиться къ тебѣ; забудь даже и мою Исторію; по возвращеніи въ Москву я стану продолжать этотъ трудъ: онъ принадлежитъ моимъ дѣтямъ и моей родинѣ. Да здравствуетъ работа! Покамѣстъ буду писать тебѣ то, чтѣ со мной случится. Предвижу горестный случай: а ну, какъ Государь не дастъ никакого отвѣта на мою просьбу возвратиться въ Москву? Принимать ли мнѣ это за позволеніе? Надѣюсь, что все это разъяснится въ слѣдующіе 8 или 10 дней. Не желаю слушать, не желаю ничего утронять, но болѣе чѣмъ когда либо чувствую въ себѣ гордыню, подышавъ Петербургскимъ воздухомъ.

министра; но по сіе время не собрался къ нему. Знаешь, какъ не умѣю располагать временемъ. Писаревъ, можетъ быть, солгалъ, а вчера другой человѣкъ опять за тайну объявилъ мнѣ, что меня едѣлаютъ камеръгеромъ! Не говори объ этомъ. Увидимъ, кто правъ. Здѣсь многіе сильно огорчены указомъ о строгомъ взысканіи недоимокъ, которыя простираются до 35 милліоновъ. Около 200 т. душъ, находящихся въ казенномъ залогѣ, могутъ быть проданы съ публичнаго торгу. Пестель остается повидимому генераль-губернаторомъ; его ненавидятъ всѣ вообще. Жалѣю объ немъ и предвижу, что ему со временемъ могутъ встрѣтиться не-пріятности. Il est difficile de lutter contre l'opinion publique⁹⁾. Прплагаю письмо Ланской къ Ивану Ивановичу. У нихъ война болѣе за Плюскову, нежели за меня. Въ изъясненіе моего непредставленія Государю еще прибавлю, что принцъ Ольденбургскій уже давно добивается аудіенціи въ Кабинетѣ и напрасно....

10.

1 Марта 1816 г.

Милый другъ! Свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ хочетъ непременно, чтобы я далъ ему къ тебѣ письмо, которое онъ самъ жаждетъ доставить. Это очень обязательно и ласково съ его стороны: изъяви ему признательность. Здѣсь всѣ или почти всѣ ко мнѣ ласковы, однакожь его учтивость заслуживаетъ мою благодарность. Нынѣшнее утро съ 10¹/₂ часовъ почти до двухъ провелъ я во дворцѣ у вел. княгини Екатерины Павловны съ нашими главными боярами. Всѣ ждали и ждали. Олединая вышла сказать мнѣ нѣсколько прі-вѣтствій и просила вооружиться терпѣніемъ. Скуки не было: я бесѣ-довалъ со старыми и новыми знакомцами, напримѣръ съ Шишковымъ около часа, весьма искренно, простосердечно. Если онъ честенъ, то не будетъ (какъ ты сказала) злобиться на меня. Изъ новыхъ знаком-цевъ Поповъ немало болталъ со мною. Ихъ впускали къ вел. кня-гинѣ по нѣсколько человѣкъ; наконецъ ввели и меня одного. Мы го-ворили минутъ 20. Она сказала: L'Empereur parle de vous et voudra peut-être entendre encore quelques chapitres de votre Histoire. Я отвѣ-чалъ: Je n'ai à présent qu'une seule grâce à demander à sa majesté: c'est la permission de retourner à Moscou; je ne veux plus rien. Mon coeur redemande ma femme et mes enfans¹⁰⁾. Я примолвилъ, что могу

⁹⁾ Трудно бороться противъ общественнаго мнѣнія.

¹⁰⁾ Государь говоритъ про васъ, и можетъ быть захочетъ прослушать еще нѣсколько главъ изъ вашей Исторіи.—Въ настоящее время я попрошу его величество одной только милости: позволенія возвратиться въ Москву; больше ничего не хочу. Сердце мое тре-буетъ моеѣ жены и моихъ дѣтей.

быть въ Германіи. Она требовала моего обѣщанія писать къ ней; вынесла и подарила мнѣ Англійскій ящикъ съ бѣлыми книжками на память, un souvenir; однимъ словомъ, мы разстались пристойнымъ образомъ. Я сказалъ ей все, что сказалъ бы самому Государю. Теперь повезу это письмо къ князю Лопухину....

11.

С. Петербургъ, 2 Марта 1816.

....Вчера, говоря съ в. к. Екатериною Павловною, я только что не дрожалъ отъ негодованія при мысли, что меня держать здѣсь бесполезно и почти оскорбительнымъ образомъ. Je lui ai demandé, si je pouvais repartir pour Moscou sans permission; elle m'a répondu que non et que je devois attendre les ordres de sa majesté. Je dis à tous ceux qui veulent m'entendre que je n'ai actuellement qu'une seule idée, celle de m'en aller. On m'étouffe ici sous des roses, mais on m'étouffe; je ne puis pas mener longtemps un pareil genre de vie; je suis trop en scène; je parle trop; cela surexcite mes nerfs outre mesure, et j'ai besoin de repos. Je me fâche très sérieusement contre celui qui a l'air de ne se soucier guère ni de moi, ni de mon Histoire. Ne m'imité pas, mon ange, et sois plus généreuse: je te le demande; surtout n'en parle pas avec les autres. Dans 4 ou 5 jours d'ici je demanderai absolument par l'entremise du comte Nicolas Tolstoy la permission de m'en aller.

La gr.-duchesse est partie ce matin. Je t'ai écrit hier avec le pr. Лопухинъ sur ma dernière entrevue avec cette charmante et bien légère¹¹⁾ princesse, si inconséquente envers moi; malgré cela je lui conserverai mon souvenir: je l'ai fort sincèrement aimée, et je ferai toujours de vœux pour elle. В. к. Анна Павловна a l'air d'être bonne et douce; elle est tellement novice dans l'art des présentations, qu'en me parlant, elle ne pensoit guère à dire un mot de moi au prince d'Orange, qui se tenoit vis-à-vis de moi et à côté d'elle sans proférer une seule parole. Je lui ai demandé enfin l'honneur d'être présenté au prince, charmant jeune homme, et je lui ai adressé ce compliment: „si jeune, vous vous êtes déjà placé au nombre des héros de tems“. Il m'a répondu avec beaucoup de modestie.—Demain, à 6 heures du soir, je dois aller chez les grands-ducs qui s'occupent beaucoup du militaire, à ce qu'on dit. Je les ai vus de loin: je les regarderai de près maintenant. Je suppose que

¹¹⁾ Ново открытыми чертами ея біографіи подтверждается этотъ отзывъ Карамзина. П. В.

m-lle Pluskow (chez qui j'ai passé avant-hier 4 heures au moins) écrira à notre ami encore quelque chose sur l'impératrice Elisabeth: je n'en parlerai donc pas¹²⁾.

Во Вторникъ я былъ на щегольскомъ обѣдѣ у канцлера; сидѣло за столомъ человекъ 12: Куракинъ, Кочубей, одинъ графъ, ближній родственникъ императрицы, Тормасовъ, Варшавскій Ланской, Лобановы, Козодавлевъ и проч. Обѣдъ, вина, услуга были очень хороши. Въ Середу обѣдъ у графа Варѳоломея Толстого, въ Четвергъ у Ив. Вас. Тутолмина, въ Пятницу у Козодавлева; вечерًا иногда съ дамами, иногда съ Арзамасцами; не ревнуй къ первымъ: онѣ совѣтъ не въ родѣ прелестницъ: такія набожныя или такія охотницы писать, что я лѣнивый едва отъ нихъ спрячусь. Всѣхъ любезнѣе въ отношеніи ко мнѣ Наталья Яковлевна Плюскова, разумѣется, за исключеніемъ моей святой Катерины Ѳедоровны. Вчера передъ обѣдомъ провелъ я два часа съ любезнымъ Шторхомъ à discuter sur l'affranchissement des paysans. Il a été tout-à-fait aimable, prêtoit la plus grande attention à mes argumens, ne les combattoit que faiblement, et dit à la fin avec une noble franchise: „j'entends des choses neuves; c'est fort, et j'avoue que j'ai pu errer“¹³⁾. Ему, какъ и мнѣ, около 50 лѣтъ; онъ уменъ и

¹²⁾ Я спросилъ ее: „не возвратится ли мнѣ въ Москву безъ позволенія? Она отвѣчала, что нѣтъ и что я долженъ дожидаться приказанія ея величества. Всѣмъ, кто желаетъ меня слушать говорю, что у меня одна мысль—объ отъѣздѣ. Меня засыпаютъ розами, но ими душать. Такого образа жизни не могу я долго вести. Я слишкомъ на показъ, и слишкомъ говорю; это чрезмѣру возбуждаетъ меня, я нуждаюсь въ покоѣ. Очень сильно негодую на того, кто повидимому вовсе не озабоченъ ни мною, ни моею Исторією. Не подражай мнѣ, мой ангелъ, и будь великодушнѣе, требую отъ тебя этого: въ особенности не говори о томъ съ другими. Въ теченіе этихъ четырехъ-пяти дней, черезъ посредство гр. Николая Толстого, я рѣшительно потребую позволенія удалиться. Великая княгиня уѣхала сегодня. Вчера я тебѣ писалъ съ княземъ Лопахинымъ про мое послѣднее свиданіе съ этою плѣнительною и весьма легкомысленною государынею, которая такъ непосредственна въ отношеніи меня, тѣмъ не менѣе сохранила обо мнѣ мое воспоминаніе. Я очень искренно любилъ ее и всегда буду желать ей добра. Великая княгиня Анна Павловна по видимому кротка и мягка. Она до того неопытна въ искусствѣ представленія, что, разговаривая со мною, не подумала сказать обо мнѣ слово принцу Оранскому, который стоялъ противъ меня и возлѣ нея въ полномъ безмолвіи. Наконецъ я ее попросилъ сдѣлать мнѣ честь представить меня принцу, прекрасному молодому человеку, и я обратился къ нему съ льстивыми словами: вы молоды, но уже заняли мѣсто въ средѣ современныхъ героевъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ большою скромностію. Завтра, въ 6 час. вечера, я долженъ отправиться къ великимъ князьямъ, которые, говорятъ, много занимаются военщиною. Видѣлъ я ихъ изъ далека, теперь посмотрю на нихъ вблизи. Вѣроятно Плюскова (у котораго я провелъ третьяго дня, по крайней мѣрѣ четыре часа) напишетъ нашему другу еще что-нибудь объ императрицѣ Елисаветѣ, по этому я ничего не стану о ней говорить.“¹³⁾ Толковать объ освобожденіи крестьянъ.

приятель. А у Капо д'Истріа я все еще не былъ, ни у князя Голицына. Вѣроятно даже, что и графъ Аракчеевъ считаетъ меня неучтивцемъ: слѣдственно, я худой царедворецъ. Не мудрено, что выѣду ни съ чѣмъ, и что моя Исторія останется въ пыли. А *propos d'Histoire*: читалъ ее Арзамасцамъ два раза у Катерины Ѳедоровны (тутъ былъ и Оленинъ); еще по-немногу раза три канцлеру: дѣйствіе удовлетворяло моему самолюбію. Сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе Арзамасцевъ: съ ними бы жить и умереть. Вообще, милая, хотѣлъ бы я переѣхать съ тобою въ Петербургъ, но если не удостоятъ меня лицензій, то надобно забыть Петербургъ: докажемъ, что и въ Россіи есть благородная и Богу непротивная гордость; продадимъ Вторускую деревеньку и станемъ вѣкъ доживать въ Москвѣ. Еще повторяю: не сердись, не говори о томъ для меня; даже и сердцемъ мы могли бы унизиться; будемъ только жалѣть, и есть объ чемъ жалѣть! Пестро, очень пестро; но все дѣлается, какъ Богу угодно; вотъ что всегда успокоиваетъ мою душу, исполненную любви къ Россіи и къ ея доброжелательному монарху. *Comme les gens d'esprit sont bêtes quand ils s'éloignent de ce grand principe! La religion de mon coeur m'a fait presque trouver la pierre philosophale*¹⁴). Малиновскій не здоровъ, но думаетъ ѣхать дня черезъ два. Они скажутъ тебѣ не болѣе того, что уже знаешь: потому что и ничего болѣе не знаю. Не даю себѣ грустить, прося Бога, чтобы и ты, мой ангель безцѣнный, не грустила. У князя Алексѣя¹⁵) авось огниму портретъ милой: онъ доброй малой: иногда мы вмѣстѣ объдаемъ и проводимъ вечера. Чувства его не глубоки: всякій по своему созданъ. Едва ли рѣшусь говорить Местру о моемъ портретѣ: *cela lui rappelleroit trop son ancien état*¹⁶). Я уже давно съ нимъ не видался.—Кругъ думаетъ обо мнѣ хорошо и признавался, что нашель меня ученѣе, нежели воображалъ! Впрочемъ теперъ нѣтъ нужды читать ему моей Исторіи. Еще узналъ я Фабра, автора извѣстнаго и съ умомъ. Все они хорошо расположены ко мнѣ. Вообще я изрядно болтаю: но это наконецъ утомляетъ меня. Родныхъ всѣхъ видѣлъ, но мало вижу: даже брата Ѳедора, даже и племянницъ лю-

Онъ былъ вполнѣ любезенъ, съ величайшимъ вниманіемъ выслушивалъ мои доводы, мнѣ слабо возражалъ на нихъ и на послѣдокъ сказалъ съ благородною свободою: слышалъ новое; оно сильно, и признаю, что я могъ ошибаться. ¹⁴) Какъ умные люди глухи, когда устраняются отъ этого великаго начала; вѣра моего сердца почти открыла мнѣ философскій камень.

¹⁵) Щербатова, который въ это время собирался жениться на Софїѣ Степановнѣ Апраксиной. Карамзинъ называетъ милою первую его супругу, сестру князя П. А. Вяземскаго. П. Б.

¹⁶) Намъ это не понятно. Не заграничное ли было знакомство? П. Б.

безныхъ. Невозможно, милая, искусно располагать временемъ въ моихъ обстоятельствахъ. Многіе на меня сердятся: Богъ съ ними! Я еще, напримѣръ, не видался съ Мятлевыми. Безпорядокъ моихъ писемъ даетъ тебѣ идею о моемъ положеніи. Когда бываю дома, то ко мнѣ заѣзжаютъ, заходятъ, отрываютъ, а я не имѣю духа отказывать. И теперь сидитъ у меня гость. Однимъ словомъ, дней черезъ шесть надѣюсь извѣстить тебя рѣшительнѣе о времени моего отъѣзда. Нѣтъ, нѣтъ! Не надобно намъ разставаться!... Сію минуту цѣлую Жуковского, говоря съ нимъ о тебѣ. Есть добрые люди на свѣтѣ! Поручаю тебя Богу. Я здоровъ совершенно. Береги себя какъ мою зѣницу ока, какъ меня самого. Благодарю дочерей за ихъ любезныя письма: пусть онѣ хорошенько молятся, чтобы мы скорѣе благополучно и радостно соединились. Пусть и Андрюша молится какъ умѣетъ. Цѣлую нѣжно ихъ и Сашу драгоцѣннаго; онъ уже крѣпко спитъ у меня въ сердцѣ. Adieu. J'embrasse bien tendrement notre ami¹²⁾ Иванъ Ивановичъ. Многіе говорятъ здѣсь, что спокойствіе его завидное и, можетъ быть, говорятъ искренно...

12.

С. Петербургъ, 6 и 7 Марта 1816.

.....Дѣйствительно ничего, ничего, кромѣ нетерпѣнія и негодованія, я не чувствую, какъ ты угадываешь; и то временно, минутно. Гораздо рѣшительнѣе и постояннѣе во мнѣ признательность къ Петербургу, гдѣ все, кромѣ К. и Шаховскаго, сыплетъ на меня цвѣты. А propos de К.; сказываютъ, что онъ на сихъ дняхъ старался доставить графу Аракчееву записку съ новыми доносами на меня; но посредникъ отказался. C'est un fou, ce К. Къ счастью твоему, онъ трусъ: иначе твой мужъ былъ бы конечно имъ застрѣленъ или зарѣзанъ ночью. Не слишкомъ ли много дѣлаю ему чести, упоминая объ немъ въ письмѣ къ милой женѣ? Теперь расскажу тебѣ о моихъ дворцовыхъ приключеніяхъ.

Въ Пятницу былъ я у великихъ князей. Милая, не повѣришь, какъ сердце мое оживилось, обрадовалось: я нашелъ, чего не воображалъ, двухъ прекрасныхъ, добросердечныхъ, прямыхъ, умныхъ молодыхъ принцевъ, которыми я горжуся, веселюся какъ ребенокъ. О! я не имѣлъ объ нихъ понятія. Николай Павловичъ или еще полнѣе любовью, или увѣреннѣе въ самомъ себѣ. Я видѣлъ въ немъ—подивись—я видѣлъ въ немъ юнаго брата. Онъ меня обвинялъ, благодарилъ за мою снисходительность! Моя рука была въ его рукѣ нѣсколько

¹²⁾ Прощай. Цѣлую очень нѣжно нашего друга.—Это глупецъ, этотъ К.

минуть. Милая! ты, не ошибаешься въ моихъ чувствахъ: нѣтъ, не самолюбіе удовлетворенное, а любовь къ царскому дому и Россіи произвела въ душѣ моей какое-то сладкое, тихое, безкорыстное удовольствіе. Мы говорили, какъ водится, о Россійской исторіи, о великихъ происшествіяхъ, о состояніи Европы, о славѣ императора и Россіи. Я даже предлагалъ имъ легкіе вопросы и радовался ихъ отвѣтамъ: ils ont de l'étoffe, oui, oui ¹⁵⁾. Не знаю, что они будутъ черезъ два года, но знаю, что они теперь любезны, любезны! Это благодѣяніе природы и вдовствующей императрицы. Удивительная женщина! Можетъ быть, потомство отдастъ ей справедливость громогласнѣе, нежели мы, вѣтренные, невнимательные современники: это гораздо святѣе. Мнѣ такъ пріятно говорить о великихъ князьяхъ, что я долженъ удерживаться.

За симъ свиданіемъ ожидало меня чтеніе у императрицы Маріи, въ Воскресенье, въ 5 часовъ вечера. Я отказался въ этотъ день отъ обѣда, завтракалъ дома въ 2 часа, дремалъ и пріѣхалъ во дворецъ съ Нелединскимъ. Государыня переодѣвалась, но меня не заставила ждать ни пяти минутъ, въ которыя однакожь я успѣлъ познакомиться съ Катериною Ивановною Нелидовою. За императрицею пришла в. к. Марія Павловна, а тамъ и великіе князья. Первая сказала, что она свободна до семи часовъ. Я развернулъ свой томъ царя Ивана, читалъ объ его исправленіи и взятіи Казани, въ глубокомъ или почти глубокомъ молчаніи. Государыня хвалила и даже мой образъ чтенія, замѣчая иногда картины и мысли. Въмѣсто двухъ часовъ прошло три и болѣе. Подавали чай, сама Августѣйшая хозяйка налила мнѣ чашку, спросивъ, сколько мнѣ надобно положить кусковъ сахару и проч. Мы говорили до десятого часу, и я съ величайшею искренностію сказалъ, что какъ ни пріятенъ ласковый Петербургъ, какъ ни велико щастіе пользоваться знаками императрициныхъ милостей, но что сердце мое просится къ женѣ и къ дѣтямъ. Государыня добрая предложила мнѣ склонить Императора къ скорѣйшему свиданію. Наконецъ мы встали и все еще говорили, когда великіе князья ушли. Я слегка упомянулъ о впечатлѣніи, сдѣланномъ ихъ любезными свойствами въ моемъ сердцѣ. Она, какъ самая нѣжная мать, говорила о воспитаніи, промолвивъ нѣсколько разъ: „надѣюсь, что они со временемъ могутъ быть полезны государю“. Заключеніемъ былъ комплиментъ: „это пріятной для меня вечеръ“. Она изъявила желаніе слышать исторію Донскаго. Такъ мы разстались. Люби ее, милая! Вопросы о тебѣ, о дѣтяхъ всего болѣе меня тронули. Женщины умнѣ насъ чувствительностію.

¹⁵⁾ Они содержательны, да, да.

Кромѣ обѣдовъ, я провелъ еще два вечера довольно пріятнымъ образомъ: одинъ у Свѣчной, съ графами Ростовчскимъ, Местромъ Сардинскимъ и посломъ Баварскимъ, а другой у графини Лаваль, опять съ Свѣчною (умною и полусвятою), съ кн. Александромъ Николаевичемъ Голицыномъ и Балашевымъ очень ко мнѣ ласковымъ и только что пріѣхавшимъ изъ Москвы любезной (ты въ ней съ дѣтьми!). Я читалъ имъ о Новгородѣ. Не забуду еще вечера Тургеневского, гдѣ слушателями моими были, кромѣ Арзамасцевъ, кн. А. Ник. Салтыковъ, Нелединскій, Оленинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ и проч. Видно, что мнѣ всѣхъ надобно узнать въ Петербургѣ: вчера обѣдалъ я у Вельяшева съ Пуколовымъ, который здѣсь выше всѣхъ статсъ-секретарей, по увѣренію знающихъ людей¹⁹⁾. Онъ съ умомъ и объявилъ себя моимъ старымъ знакомымъ: я откланялся учтивымъ поклономъ и не просилъ о возобновеніи знакомства. Видишь, что мужъ твой Гуронъ²⁰⁾: не поѣхалъ къ графу Аракчееву, не воспользовался даже и благорасположеніемъ Пуколова! Чего же мнѣ ждать? Уваженія твоего и собственнаго. Я никого не хочу оскорбить грубостію; но мое ли дѣло идти криво? Вотъ записка отъ Нелединскаго: „мнѣ приказано извѣстить васъ, что вы завтра (7 Марта) приглашены будете къ Государю“. Это хорошо; но теперь около 11 часовъ утра, а приглашенія нѣтъ, вѣроятно уже и не будетъ. По крайней мѣрѣ будетъ то, что угодно Богу.—Поздравляю съ новымъ тарифомъ, уже подписаннымъ; но большая пошлина пспортитъ все, и контръ-банда не прекратится. Здѣсь нѣкоторые туго набиваютъ карманы, въ ожиданіи того, чтобы ихъ прогнали. Мало совѣсти и стыда въ свѣтѣ.....

13.

С. Петербургъ. 10 Марта 1816.

11 часовъ утра.

Милая! Письмо твое отъ 2 Марта растрогало меня еще болѣе, нежели обыкновенно. Я живо почувствовалъ всю тоску твоего нѣжнаго сердца въ разлукѣ съ другомъ. Мнѣ стало уже чрезмѣрно грустно; подумаю, и сердце забьется. Это искушеніе: снесемъ его съ твердостію и благоразуміемъ; но когда вновь соединимся, то попросимъ Бога, чтобы уже не разставаться до смерти. Бодрись, безцѣнная, для друга: ты хвалишься геройствомъ, а я вижу, что у тебя въ душѣ лихорадка.

¹⁹⁾ Жена Пуколова была близка къ Аракчееву, который, кажется, не привозилъ въ Петербургъ изъ Грузина свою Настасью. П. Б.

²⁰⁾ Т. е. грубый Северо-американецъ. П. Б.

Прошу, прошу, милая, чтобы ты, открывая утромъ глаза и помысливъ съ нѣжностію о другѣ, съ душею исполненною довѣренности къ Провидѣнію, вставала съ постели спокойно, занималась дѣтьми, домашними дѣлами, чтеніемъ, принимала нашихъ ближнихъ людей безъ разсѣянія, иногда выѣзжала для разсѣянія, и если не можешь быть веселою, то будь хотя тихою въ душѣ. Почти удивляюсь силѣ твоего разсудка: ты не совѣтуешь мнѣ излишно спѣшить и горячиться! Отъ кого могу принимать совѣты, если не отъ тебя? Вдохновенная чистою любовью, ты мой ангельскій покровитель, главный по Богѣ. Положеніе мое таково, что дѣйствительно имѣю нужду въ совѣтахъ. Сердце рвется отъ нетерпѣнія; а между тѣмъ опасуюсь рѣшить, можетъ быть навсегда, судьбу нашей здѣшней жизни какъ нибудь легкомысленно. Не хочу притворяться; говорю искренно, но боюсь преступить границу благо-разумія. Вотъ обстоятельство: не смотря на торжественное обѣщаніе Государя пригласить меня къ себѣ 7 числа, я до сей минуты ничего отъ него не слышу; ждалъ два дня и пересталъ ждать. 10 Марта наступило, а другъ твой въ главномъ не подвинулся впередъ.

Вчера я долженъ былъ обѣдать у пріятнаго, любезнаго (для меня) гр. Алексѣя Кирил. Разумовскаго; но вдругъ въ 2 часа зовъ къ императрицѣ: меня ищутъ по городу, и я едва успѣлъ къ обѣду государыни, доброй, милостивой. Тутъ была вся императорская фамилія, кромѣ Государя и императрицы Елисаветы Алексѣевны. Я сидѣлъ противъ августѣйшей хозяйки, и все было хорошо, кромѣ того, что твой простосердечный мужъ еще не видалъ ни инсигнута, ни монастыря, управляемыхъ ею. Признаюсь, что вопросъ ея и даже милостивый, деликатный упрекъ кольнуть меня въ сердце. Такъ и быть: это доказываетъ, что я не хитрецъ придворный. Государыня сказала: *vous verrez cela au-moins à votre retour*²¹⁾. Замѣть это слово: оно не есть ли слѣдствіе разговора ея съ Императоромъ? Великіе князья обходятся со мною просто и мило: мы жмемъ руку другъ у друга какъ бы старинные знакомцы. Марья Павловна говорила со мною послѣ обѣда очень долго и пеняла мнѣ, что я вмѣшиваю въ разговоръ Франц. фразы. Государыня звала меня въ Воскресенье на второе чтеніе въ 5 часовъ вечера. Когда же увижу Императора? Вооружимся терпѣніемъ еще на нѣсколько времени. Богъ все сдѣлаетъ, чему быть надобно. Милая, проси Бога, чтобы Онъ далъ тебѣ спокойствіе и свѣтлость души: вся душа моя въ этихъ словахъ. Еще замѣчу, что императрица за столомъ, взглянувъ на меня, сказала: „Московская дорога еще не испортилась!“

²¹⁾ По крайней мѣрѣ вы это увидите по вашему возвращеніи.

Выслушай другое происшествіе. Фактотумъ графа Аракчеева, объ которомъ я писалъ къ тебѣ, передалъ мнѣ черезъ Вельяшева, что графъ желаетъ видѣться со мною и говорить: „Карамзинъ, видно, не хочетъ моего знакомства: онъ пріѣхалъ сюда, и не забросилъ даже ко мнѣ карточки!“ Вотъ какъ судятъ люди: скромность считаютъ за грубость! Фактотумъ (по крайней мѣрѣ такъ здѣсь думаютъ) прислалъ ко мнѣ карточку и велѣлъ меня звать къ себѣ въ Воскресенье на вечеръ для свиданія съ графомъ. Вообрази мое положеніе! Не хочу никого оскорбить, но могу ли дать себѣ видъ пролаза? Я также отослалъ къ нему свою карточку, отвѣтствуя Вельяшеву, что мнѣ неловко ѣхать къ такому человѣку, который у меня самъ не былъ. Между тѣмъ, надѣвъ мундиръ, я отвезъ карточку къ графу. Что будетъ далѣе, не знаю. Помози намъ Богъ выпутаться изъ всѣхъ придворныхъ обстоятельствъ съ невинностію и честію, которыми я обязанъ моему сердцу, милой женѣ, дѣтямъ, Россіи и человѣчеству! Прибавлю, что я провелъ три часа у графа Капо д'Истріа; не знаю, въ чемъ мы можемъ быть несогласны. Такъ, кажется, не обманываютъ. Это умной, достойной министръ, и я искренно хвалю Государя за такой выборъ.—Было чтеніе для Свѣчной у графини Лаваль; но теперь я вспомнилъ, что уже писалъ къ тебѣ объ этомъ. Въ домѣ у графа Остермана осуждали меня, какъ я могъ у графини Лаваль, которой *домъ* есть едва ли не первой въ Петербургѣ, читать свою Исторію, а не у важныхъ людей, не у Остермана, не у княгини Нат. Петр. Голицыной, къ которымъ не ѣзжу? Улыбнись, жена милая: видишь, что завидуютъ моимъ пріятелямъ! Писала ли ты къ бурмистру, чтобы онъ прислалъ въ Мартѣ оброчную сумму не на мое, а на твое имя? Напиши адресъ къ нему: Бургомистру села Макателема Ильѣ Павлову въ Арзамасѣ...

14.

10 Марта, 1811. полдень.

Милая! Сей часъ отправилъ я къ тебѣ письмо черезъ почту: скажу еще нѣсколько словъ съ любезнымъ Дашковымъ.

Объявляю Сонюшкѣ мое родительское удовольствіе за ея письмецо: *c'est bien dit et bien tourné: je l'ai lu à quelques personnes: tout le monde en a été content*²²⁾. Катина Николаевна также очень любезна. Обвиняю нѣжно обѣихъ; а ты поцѣлуешь друга Андрея, малютку Сашу. Тверди первому объ отцѣ: боюсь, чтобы онъ не взглянулъ на меня какъ на чужаго. Саша не забудетъ отца, потому что еще не знаетъ его. Говори о

²²⁾ Хорошо сказано и выражено; я читалъ его нѣкоторымъ лицамъ: всѣ были имъ довольны.

себѣ, объ нихъ, какъ можно болѣе: это бальзамъ для моего сердца. Между тѣмъ надѣюсь, что отвѣтъ на это письмо можетъ уже не застать меня въ Петербургѣ. Императрица Елисавета хотѣла также звать меня въ Воскресенье; узнавъ, что вдовствующая предупредила ее, она хотеть переговорить съ нею, въ надеждѣ, что мужъ твой будетъ на этотъ день ей уступленъ; ибо Елисавета Алексѣевна будетъ на той недѣлѣ говѣть. Я обѣщалъ нынѣ въ 7 часовъ къ Державину для чтенія, но получилъ зовъ къ в. к. Маріи Павловнѣ. Видишь, въ какой я модѣ у Двора до дня, въ которой сдѣлаюсь скучнымъ! *Mais la grandeur des grandeurs m'échappe, et je suis loin d'être parfaitement content*²³). Доношу тебѣ, вѣрной женѣ, на себя: вообрази что вчера ночью ѣхалъ я въ одной каретѣ съ глазу на глазъ, съ молодою, любезною женщиною! Отгадаешь ли съ кѣмъ? Съ Огаревою къ Мятлевымъ, которые грозилась писать тебѣ о моихъ шапняхъ. Для успокоенія твоей ревности скажу тебѣ, что, къ сожалѣнію, вижу рѣдко добрую Елисавету Сергѣевну: не умѣю ни у кого быть часто, хотя и разъѣзжаю всякой день. Обѣды продолжаются непрерывно, и желудокъ мой ни разу не разстраивался; вода также не произвела никакого худаго дѣйствія на меня. Въ награду будь здорова съ дѣтьми! Пстой: ко мнѣ идетъ фактотумъ г. Аракчеева.... Онъ пробылъ у меня съ часъ: много учтивости. На зовъ въ Воскресенье я отвѣчалъ, что буду у императрицы. Тѣмъ и кончилось. За визитъ отплачу визитомъ; это необходимо.....

15.

С.-Петербургъ, 13 Марта 1816.

Душа моя, жена милая! Письмо твое отъ 6 Марта не только растрогало, но даже испугало меня намѣреніемъ твоимъ кинуть дѣтей и ѣхать въ Петербургъ, если захватитъ меня здѣсь зима или распутица. Во-первыхъ, я все надѣюсь, что дѣло мое кончится на сихъ дняхъ: какъ скоро увижу Императора, то безъ сомнѣнія на третій день выѣду. Во-вторыхъ, если бы сверхъ чаянія и продлились недосуги его еще недѣлю, двѣ или болѣе, то заклинаю тебя быть спокойною на мой счетъ, предаться въ волю Божию и ждать меня въ Москвѣ. Самой послѣдній срокъ есть отъѣздъ государевъ: это развяжетъ мнѣ руки и ноги; если и не увижу его, то все буду свободенъ ѣхать къ тебѣ, милая; а онъ, какъ слышно, въ самомъ началѣ весны отправится. Теперь уже дѣло зашло далеко: не могу пристойнымъ образомъ и просить дозволенія возвратиться въ Москву, не выдавъ Государя; мнѣ со всѣхъ сторонъ кладутъ въ ротъ, что онъ расположенъ сдѣлать для

²³) Но высота высотъ мнѣ не дается, и я далеко не совсѣмъ доволенъ.

меня все справедливое и пристойное.... Не имѣй никакихъ черныхъ обо мнѣ мыслей: онѣ не справедливы; напротивъ, ты можешь мнѣ завидовать; ты, ты, милая, жалка болѣе, нежели я, имѣющій здѣсь пріятныя разсѣянія, хотя они и не могутъ ослабить моего внутренняго безпрестаннаго влеченія къ тебѣ, окруженной дѣтѣнками. Богъ дастъ мнѣ здоровье; ѣмъ, сплю хорошо и надѣюсь на милость Всевышняго. Неужели это, безцѣнная, не можетъ ободрить тебя въ твоёмъ, хотя и печальномъ, но временномъ одиночествѣ? Рѣшится судьба моего труда долговременнаго и отчасти самой жизни нашей: двѣ лишнія недѣли разлуки могутъ нѣкоторымъ образомъ наградить насъ за шесть уже прошедшихъ. Великодушіе на твоей сторонѣ: мое гораздо менѣе, хотя любовь моя (Богъ видитъ) не уступаетъ твоей. Потѣшь друга: жди меня и не мысли бросить нашихъ дѣтей. Ты во мнѣ увѣрена: не влюблюсь же ни во Дворъ, ни въ красавицъ, ни въ обѣды, коихъ часто бываю героемъ: не высохну и отъ грусти: надежда на Бога и разсѣяніе авось поддержать меня; по крайней мѣрѣ до сего времени не худѣю замѣтно.... Будь же веселѣе! За то расскажу тебѣ мои похождения.

На другой день императрица обѣда провела я вечеръ у в. к. Маріи Павловны: читала, но болѣе разговаривала. Она не такого блестящаго ума, какъ наша Екатерина, однакожь любезна и въ особености правится своимъ добродушіемъ. Въ разговорѣ я сказалъ, что женщины вообще тонѣ умомъ, нежели мужчины: она не соглашалась, и.... доказала противное. Входитъ въ другой разъ Веймарской принцъ: elle lui rend compte de notre conversation et me dit tout-de-suite de continuer la lecture, qui chasse tout-de-suite le prince. Arrive un autre prince, celui d'Oldenbourg. Elle lui dit que son mari est dans son cabinet, et me dit de recommencer la lecture. Le malheureux, sans rien comprendre, reste, et elle lui dit: „Vous êtes le plus aimable de tous les cousins possibles: vous restez avec nous; mais mon mari est là, dans son cabinet“²⁴⁾. Ольденбургской все таки ни съ мѣста, и я внутренно уемѣхнулся. Ей угодно было обязать меня словомъ еще побывать у нея до моего отъѣзда.

Я отвезъ карточку къ графу Аракчееву и на третій день получилъ отъ него зовъ; пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера и пробылъ съ нимъ болѣе часу. Онъ нѣсколько разъ меня удерживалъ. Говорили съ нѣко-

²⁴⁾ Она передаетъ ему, о чемъ мы разговаривали и тотчасъ же говоритъ мнѣ, чтобы я продолжалъ чтеніе, отъ котораго онъ тотчасъ уходитъ. Является другой принцъ, Ольденбургскій; она ему говоритъ, что супругъ ея у себя въ кабинетѣ, а мнѣ говоритъ, чтобы я продолжалъ чтеніе. Бѣдный, ничего не понимая, остается, и она ему говоритъ: вы самый любезный изъ всѣхъ возможныхъ двоюродныхъ братьевъ, вы остаетесь со мною, но мужъ мой тамъ у себя въ кабинетѣ.

торую искренностію. Я разсказалъ ему мои обстоятельства и на вызовъ его замолвить за меня слово Государю отвѣчалъ: „не прошу ваше сіятельство; но если вамъ угодно, и если будетъ кстати“, и проч. Онъ сказалъ: „Государь безъ сомнѣнія расположенъ принять васъ, и не на двѣ минуты, какъ нѣкоторыхъ, но для бесѣды пріятнѣйшей, если не ошибаюсь“. Пришелъ третій человѣкъ его ближній, и разговоръ нашъ перемѣнился. Слышно, что онъ думаетъ пригласить меня къ обѣду. Вообще я нашелъ въ немъ человѣка съ умомъ и съ хорошими правилами. Вотъ его слова: „Учителемъ моимъ былъ дячекъ; мудро ли, что я мало знаю? Мое дѣло исполнять волю государеву. Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться: теперь уже поздно“. Не подумай, милая, что это насмѣшка; нѣтъ, онъ хорошо трактовать меня, и сказанное мною не могло подать ему повода къ такой насмѣшкѣ. Слѣдственно и графъ Аракчеевъ обязался способствовать моему скорѣйшему свиданію съ Государемъ; даже увѣрилъ меня, что это откладываніе не продолжится. Неужели все будетъ напрасно? По крайней мѣрѣ надобно ждать, и непристойно требовать, чтобы меня ни съ чѣмъ отпустили въ Москву.

Вчера, въ 7 часовъ вечера, пріѣхалъ я съ Уваровымъ къ императрицѣ Елисаветѣ Алекс. Мы нашли ее совершенно одну, въ большомъ кабинетѣ. Она еще хороша лицомъ, миловидна, стройна, имѣетъ серебряный голосъ и взоръ прелестной. Читали долго, но въ глубокомъ молчаніи, слѣдственно холодно. Къ сожалѣнію, уткнувъ глаза въ книгу, я не могъ часто взглядывать на императрицу; а на нее пріятно смотрѣть. Въ ея глазахъ есть нѣчто краснорѣчивое. Она казалась довольноною. Послѣ мы говорили съ часъ, ловко и свободно, о войнѣ Французской, о пожарѣ Московскомъ и проч. Въ началѣ одиннадцатаго она изъявила мнѣ благодарность, мы разстались, и я вышелъ съ пріятнымъ воспоминаніемъ. Надобно было видѣть эту интересную женщину одну, въ прекрасномъ бѣломъ платьѣ, среди большой, слабо освѣщенной комнаты: *elle avait quelque chose de magique et d'aérien*²⁵⁾. Она будетъ говѣть и сказала мнѣ, что не имѣетъ надежды видѣть меня въ другой разъ до моего отъѣзда.—На сихъ дняхъ обѣдалъ я у гр. Румянцева съ знатными, у Шторха съ учеными, у Огаревой съ Тургеневымъ, у Балашева (весьма ко мнѣ ласковаго) со многими гостями: вечера былъ у Свѣчной, Голицыной, Растопчинныхъ, у гр. Алексея, кн. Разумовскаго, съ Арзамасцами у Тургенева. Все хорошо; но худо, что дни проходятъ, а день желаемый не приходитъ, и я еще не ѣду къ милой!... Завтра

²⁵⁾ Въ ней было что-то магическое и воздушное.

рано, въ 9½ часовъ, должно мнѣ ѣхать въ Училище глухонѣмыхъ, гдѣ будетъ, думаю, императрица.

16.

С.-Петербургъ, 16 Марта 1816*).

Милая! Вчера въ 5 часовъ вечера пришелъ я къ Государю. Онъ не заставилъ меня ждать ни минуты; встрѣтилъ ласково, обнялъ и провелъ со мною часъ сорокъ минутъ въ разговорѣ искреннемъ, милостивомъ, прекрасномъ. Воображай что хочешь: не выразишь всей его любезности, привѣтливости. Я хотѣлъ прочесть ему дедикацію, два раза начиналъ и не кончилъ. Скажи: тѣмъ лучше; ибо онъ хотѣлъ говорить со мною. Я предложилъ наконецъ свои требованія: все принято, дано, какъ нельзя лучше: на печатаніе 60 тысячъ и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ Селѣ; право быть искреннимъ и проч. Я нюхалъ табакъ: онъ взялъ мою табакерку: нашель, что ты лучше портрета и улыбнулся, когда я сказалъ ему: *Sire, je rendrai ce compliment à ma femme; mais ne lui faites pas la cour; c'est une femme fidèle*²⁶). Онъ пригласилъ меня обѣдать въ Пятницу, то есть, завтра: обѣщаль подписать два указа обо мнѣ нынѣшній день, или, по его словамъ, прежде Пятницы; однимъ словомъ, надѣюсь выѣхать около будущаго Вторника или Середы. Опасаюсь одного, чтобы не задержали меня выдачею денегъ: но конечно не вздумаю весновать здѣсь для этой гадости: въ случаѣ Гурьевской строптивости уѣду и безъ денегъ; оставлю только вѣрющее письмо кому нибудь изъ пріятелей. Милая! Пора, пора къ тебѣ: начинаю уставать крѣпко. Весна можетъ быть для насъ пріятна, если Богъ, какъ надѣюсь, соединить насъ благополучно около Благовѣщенья. Какъ обрадуюсь тебѣ и дѣтѣнкамъ! Теперь хочу только видѣть указы подписанные...

Марта 17, Пятница.

Вчера не дали мнѣ писать. Теперь 7 часовъ утра: но то бѣда, что въ девятомъ я уже долженъ быть въ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ императрица намѣрена экзаменовать воспитанницъ. Милость велика, но утомительна. Четвертаго дня все утро въ Институтѣ глухихъ, третьяго въ Монастырѣ Смольномъ (гдѣ даже и обѣдалъ съ любезными питомцами), а нынѣ опять тоже; а въ 2 часа надобно уже быть во дворцѣ! Государь, какъ вѣроятно, не скажетъ мнѣ ни слова о моемъ

*) Ровно черезъ четыре года (безъ одного дня) послѣ ссылки Сперанскаго. П. Б.

²⁶) Государь, я передамъ этотъ лестный отзывъ женѣ моей, но не ухаживайте за нею: она жена вѣрная.

дѣлѣ: за обѣдомъ говорятъ только о постороннемъ. Не знаю, кто мнѣ дастъ знать объ указахъ. Вчера я отвезъ карточку къ графу Аракчееву: онъ догадается, что это въ знакъ благодарности учливой. Вѣроятно, что онъ говорилъ обо мнѣ съ Императоромъ. Последнее письмо твое отъ 9 Марта есть верхъ нѣжной меланхоліи: чувства твои, другъ мой, сколь естественны, столь и пронзительны для моего сердца. Будь же теперь веселѣ! Главное сдѣлано: черезъ четыре дня надѣюсь сѣсть въ кибитку, но еще напишу къ тебѣ во Вторникъ... До сей минуты, не смотря на усталость, твой доброй мужъ здоровъ совершенно... Письмо запечатаю. Думаю, что оно, хотя и краткое, сдѣлаетъ тебѣ болѣе удовольствія, нежели прежнія. Авось все устроится къ лучшему! Могу сказать, лишнее могу и поступить въ ономъ не совѣмъ благо-разумно; но Богъ поправитъ, вступится за мою простоту!...

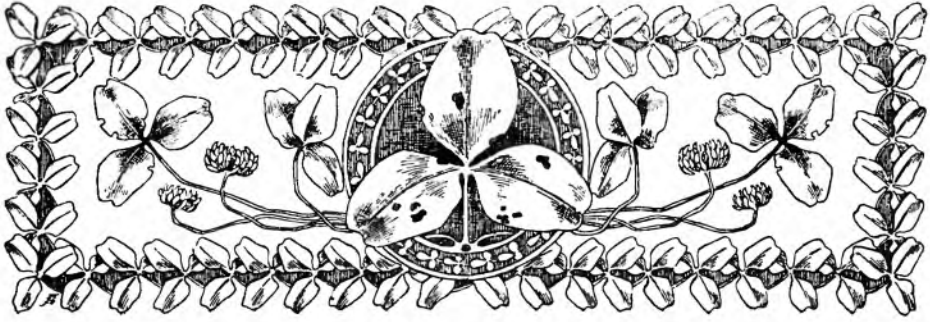
17.

С.-Петербургъ, 21 Марта 1816.

.... Ты уже знаешь, другъ безцѣнный, что Государь пожаловалъ мнѣ еще Аннинскую ленту черезъ плечо, и самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. Нынѣшній день я простился съ двумя императрицами, добрыми, любезными, и былъ у вдовствующей отъ 3 часовъ до девяти. Завтра прощусь съ великими князьями и вел. княгинею. Не знаю, увижу ли еще государя. Деньги, 10 тысячъ, обѣщали мнѣ выдать завтра или послѣ завтра; а 50 тысячъ оставлю въ Кабинетѣ. Выѣду, какъ надѣюсь, въ Четвергъ. Теперь проси Бога, чтобы Онъ соединилъ насъ благополучно.

.... Благословляю васъ и предаю вмѣстѣ съ собою въ волю Божию. Спѣшу кончить письмо. Много визитовъ и дѣла; но главное сдѣлано. Такъ ли, милая? Ёду къ тебѣ! Твой на вѣки.

ИЗЪ АРХИВА АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

За время царствованія императора Петра Великаго. Томъ второй, 1717—1719.

Этотъ капитальный трудъ, изданный просвѣщеннымъ настоятелемъ Лавры митрополитомъ Антоніемъ, трудъ даровитаго доктора церковной исторіи Степана Григорьевича Рункевича, заслуживаетъ полнаго вниманія и особенной похвалы. Въ предисловіи указывается, что второй томъ описанія Лаврскаго Архива относится ко времени царствованія державнаго основателя Лавры—Петра I и содержитъ въ себѣ богатый матеріалъ, характеризующій время расцвѣта въ лаврской исторіи и періодъ наибольшаго значенія Лавры, какъ центра церковно-административной дѣятельности всей Россіи.

Въ это время особенно выдается личность архимандрита и хозяина Лавры, Θεодосія Яновскаго, большого пріятеля князю Меншикову, отъ котораго въ лаврскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько писемъ.

Діаконъ „учинившій смертное убійство надъ женою своею Дарьею“ . при допросѣ въ С.-Петербургской гварнизонной канцеляріи показалъ, что, находясь на леченіи отъ „Французской“ болѣзни, полученной отъ жены, жилъ онъ въ „гварнизонѣ“ . на квартирѣ у солдата, въ банишкѣ. 27 Января жена его ходила въ гости на Васильевскій островъ, къ своей сестрѣ Лукерѣ, проживавшей въ кормилицахъ, и возвратилась отъ нея вечеромъ пьяная. Онъ не былъ пьянъ, сидѣлъ въ банюшкѣ и поролъ ножемъ свой полукафтаншкю. По возвращеніи жены онъ напомнилъ ей объ украденныхъ ею у священника Григорья Иванова, гдѣ они прежде жили, двухъ рубашкахъ и совѣтовалъ эти рубашки отнести къ священнику; но Дарья настаивала, чтобы самъ діаконъ

отнесъ ихъ. Онъ началъ ее за это бранить; жена отвѣтила ему тѣмъ же; тогда онъ „не утерпѣлъ“, махнулъ ножемъ и „поколѣлъ“ жену въ ногу одинъ разъ, больше никакъ ея не билъ, причемъ и одинъ ударъ нанесъ „не съ умышленія“. Оправдывая себя, діаконъ обвинялъ жену въ блудной жизни, на что онъ ранѣе жаловался духовному отцу ея, священнику Григорію Иванову.

„Допросныя рѣчи“ діакона, равно какъ и самъ онъ, по приказанію „высококняжей свѣтлости“, были отправлены къ игумену Кіевскаго Михайловскаго монастыря и намѣстнику Невскаго Варлааму съ тѣмъ, чтобы за убійство съ нимъ было поступлено согласно правиламъ святыхъ отецъ. Но такъ какъ на допросѣ въ монастырской канцеляріи діаконъ показалъ, что хиротонисанъ въ Великомъ Новѣгородѣ митрополитомъ Іовомъ, то все дѣло о немъ изъ Невской канцеляріи было препровождено въ Новгородъ къ Аарону, епископу Корельскому и Ладожскому. Сопровождавшимъ діакона лицамъ была дана записъ для свободнаго прохода по заставамъ. 28 Февраля колодникъ былъ принятъ въ Новгородъ, въ архіерейскій разрядъ.

Въ числѣ лицъ прикомандированныхъ къ лаврскимъ дѣламъ былъ капитанъ Сбруевъ. Въ 1717 г. онъ обвинялся въ томъ, что изорвалъ договорное письмо разсыльщика Подчищалова и вдовы Григорьевской изъ с. Волдая о продажѣ двора; но капитанъ оправдывался тѣмъ, что онъ сдѣлалъ это потому, что оно „у нихъ межъ себя учинено было въ пьянствѣ подлогомъ“, а имъ, капитаномъ, издавна данъ приказъ, „дабы обыватели его вѣдѣнія въ пьянствѣ никакихъ продажъ не чинили и писемъ не составляли, понеже въ томъ отъ пьянственныхъ случаевъ чинятся многое смятеніе и ссоры“. Вышеназванный разсыльщикъ, по словамъ капитана, не крѣпостной.—воръ („кралъ житницы, за что всенародно вмѣсто кнута бить батоги нещадно“), и вѣрить его „ложному челобитію не довелось, не въ указъ вашему господству (архимандриту Θεодосію съ братіей) буди“. На допросѣ вдова сказала, что она дѣйствительно „была непомѣрно хмельна“, а двора въ с. Валдаѣ у разсыльщика никакого не осталось, такъ что и выгнать изъ него солдатскую жену она не могла.

Въ другой отпискѣ капитанъ Сбруевъ писалъ, что онъ наказалъ „безъ пощады“ нѣкоторыхъ изъ Боровицкихъ крестьянъ „за ослушаніе“ царскаго и архимандрита Θεодосія указовъ. Этими указами велѣно было крестьянамъ пріобрѣтать государеву соль въ Твери и продавать ее на мѣстѣ у себя по Тверской цѣнѣ съ прибавкой только стоимости провоза; для завѣдыванія же продажей велѣно было выбрать „добраго“

цѣловальника, которому можно бы было довѣрить это дѣло. Крестьяне, хотя и выбрали въ цѣловальники Ивана Шарка и дали ему „за рукамп“ выборъ, но, спустя немного времени, нѣкоторые изъ этихъ же крестьянъ силою отняли у Шарка выборъ, ругали его и говорили: „кто-де и билъ челомя о вышесзначенной соли, и того бы-де кнутомъ“. Шарокъ подалъ на ослушниковъ доношеніе Сбруеву, а сей послѣдній и учинилъ зачинщикамъ наказаніе безъ пощады. Цѣловальникомъ, на мѣсто Шарка, былъ выбранъ послѣ этого „добрый, правдивый, прожиточный и не пьяница“ крестьянинъ того же села Боровичъ, Яковъ Ефимовъ.

8 Января 1718 года бобыль Старорусской Кукуевской слободы Василій Еремѣевъ билъ челомя на маіора Коптева въ томъ, что онъ въ Апрѣль 1717 года, самовольно, своими дворовыми людьми вырылъ въ саду его, челобитчика, 40 большихъ яблонныхъ деревьевъ и перенесъ въ свой садъ. Самъ челобитчикъ былъ въ это время боленъ, близъ смерти, а на просьбу жены не разорять ихъ, такъ какъ „оныя яблони кормили ихъ съ дѣтства“, Коптевъ отвѣтилъ угрозою побить его палкою, а жена маіора Елена Иванова, завязавъ 4 рубля въ платокъ, насильно положила ихъ просительницѣ за пазуху. Челобитчикъ просилъ допросить Коптева и велѣть ему возратить яблони или взыскать съ него ихъ стоимость, при чемъ добавилъ, что „Старорусскій посадскій Ѳедоръ Сумровъ“ за оныя деревья давалъ ему 20 рублей, и онъ не продалъ „для того, что онъ изъ того своего сада кормился съ женою и дѣтми“. На допросѣ отвѣтчикъ представилъ свидѣтелей и въ числѣ ихъ князя Ивана Мещерскаго; но истецъ отвелъ ихъ: двухъ, какъ уличенныхъ воровъ, а князя и другихъ, какъ „хлѣбосольцевъ Коптева, и за одно съ нимъ подъ дубье подрядчиковъ“. 27 Марта постановлено: „велѣть маіору Коптеву оныя яблонныя деревья изъ огорода своего отдать ему, Василью, по прежнему безъ всякаго отлагательства, или удовольствовать цѣною, дабы впредь отъ него челобитья не было“.

Въ Александрo-Невскій монастырь былъ препровожденъ „для исправленія“ безумный солдатъ Никита Сосновъ. Его болѣзнь въ препроводительномъ указѣ изъ расправной палаты (въ ней онъ, раненый, былъ для караула и посылокъ) описана такъ: „въ Мартѣ оный солдатъ лежалъ боленъ и въ той болѣзни волею Божіею обезумѣлъ и донинѣ въ безумствѣ людей не знаетъ и многихъ бьетъ“. Въ челобитной 9 Августа, прося вернуть его въ расправную палату, онъ говоритъ о своемъ положеніи: „присланъ я 16 Юня въ Невскій монастырь для исправленія ума и съ того числа держусь на работѣ скованъ и

до днесъ и помираю голодомъ, а безумія нынѣ никакого нѣтъ“. „Приставникъ“ (онъ же называется „нарядчикъ“) сказалъ, что солдатъ Сосновъ съ 16 Юня съ прочими монастырскими работниками всякую работу работалъ, „а никакого за нимъ безумія не видалъ и съ людьми ни съ кѣмъ не бранится и не дерется“. Возвращень.

Дѣло объ ограбленіи монастырскимъ служителемъ Кошкинымъ жены солдата Преображенскаго полка Никифора Гаевского очень характерно въ бытовомъ отношеніи.

Гаевскій доносилъ архим. Θεодосію, что 10 Авг. 1718 г. онъ Гаевскій былъ съ своей женой и съ тремя сосѣдами и ихъ семействами въ Ямской Московской слободѣ для гульбы. По домашней своей нуждѣ пришлось ему челобитчику ранѣ другихъ возвратиться домой; когда же послѣ него возвращалась изъ слободы его жена и немного поотстала отъ своихъ спутниковъ, набѣжала на нее какой-то человекъ, который билъ ее смертнымъ боемъ дубиною, кулаками и топтунками, давилъ за горло и билъ по щечкамъ, и при этомъ взялъ съ нея грабежомъ оловянную цѣпочку съ крестами, сорвалъ съ нея разныя вещи, серьги, перетни и отнялъ деньги. Ограбивъ жену, незнакомецъ волокъ ее къ Черной рѣчкѣ, желая, обезчестивъ, убить ее. Жена его едва вырвалась и убѣжала и теперь лежитъ больная. Гаевскій предполагалъ, что ограбилъ и побилъ его жену служителъ Яковъ Кошкинъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ ограбленныхъ вещей были опознаны на одномъ солдатѣ Бѣлозерскаго полка, а послѣдному были заложены Кошкинымъ. Процессъ разслѣдованія этого дѣла былъ обычный: сначала произведенъ осмотръ пострадавшей, затѣмъ допрошенъ обвиняемый и, наконецъ, допрошены свидѣтели. Кошкинъ, съ рѣшительностью отрицавшій обвиненіе, при допросѣ 28 Августа принесъ повинную въ ограбленіи и изнасилованіи Гаевской. Въ канцеляріи составлена была выписка изъ дѣла и приведена на справку закона, но рѣшенія не состоялось, такъ какъ Гаевскій въ Ноябрь того же года договорился взять съ Кошкина 12 рубл. и впродъ на него ни о чемъ не быть челобитчикомъ.

Тяжелое положеніе монастырскихъ крестьянъ обрисовывается всего лучше въ ихъ жалобахъ.

Такъ 25 Ноября крестьяне Низина били челомъ, что они наряжены, по подводѣ съ двора, переправить провіантъ для Кіевского полка изъ Ильинскаго погоста до деревни Вали, но урядники и солдаты прогнали ихъ съ провіантомъ отъ той деревни до Тихвина, а помощи имъ выдано отъ мірскихъ людей всего по 30 алт.; когда же они сдавъ

провіантъ, поѣхали въ свои дома (иные по р. Сяси, а иные прямою дорогою, кому куда путь надлежитъ) урядники и солдаты, невѣдомо ради какого умысла, пріѣхавъ въ ихъ село, били и увѣчили ихъ и взяли грабежомъ, три лошади на Тихвину съ собой согнали. Головачевъ распорядился села Низина приказчику ѣхать на Тихвину для разслѣдованія нарочно, да впредь приказчику ѣздить въ Ладогу почасту и всякихъ нарядовъ усматривать, а буде какіе наряды учинять излишніе безъ повѣрки, и ему о тѣхъ нарядахъ спорить, и во всемъ монастырскихъ крестьянъ отъ излишнихъ нарядовъ оберегать.

Въ числѣ приписанныхъ къ Александрo-Невской Лаврѣ были Никольскій Ладожскій монастырь. Обитель была основана въ память побѣды Александра Невскаго надъ Шведами въ XIV вѣкѣ. Экономическое положеніе его было незавидное. Во время приписки къ Александрo-Невскому монастырю въ немъ было 3 іеромонаха, 1 іеродіаконъ (онъ же и строитель) и 8 монаховъ. Іеромонахи получали по 2 р. 16 алт., іеродіаконъ-строитель и монахи—по 2 р. Всего дохода монастырь получилъ въ 1717 году—229 р., а израсходовалъ—221 рубль¹⁾. До строителя Германа монастыремъ управлялъ іеромонахъ Іовъ. Въ 1715 году казначей Варлаамъ, посылая въ Александровъ монастырь пудъ чесноку и въ кореньяхъ хрѣнъ, доносилъ, что онъ живетъ въ Николаевскомъ монастырѣ, какъ овца среди волковъ и что отъ несмотрѣнія строителя Іова въ монастырѣ явились безпорядки: „по кельямъ живутъ бабы и робятъ рожаютъ“... Велѣдствіе этого доноса и назначили Германа строителемъ, а Іова устранили, при чемъ ему указано было пріѣхать въ Александрo-Невскій монастырь. Іовъ уѣхалъ, но не въ Петербургъ, а въ Александрo-Свирскій монастырь, откуда Германомъ былъ взятъ и за карауломъ доставленъ по назначенію 13 Апрѣля 1715 года²⁾:

Но и Германъ оказался не лучше Іова. Братія Николаевскаго монастыря въ 1717 году доносила Ѳеодосію, что къ строителю Герману крылошанинъ Ивановскаго (Ладожскаго) монастыря монахъ Тарасій „приходилъ почасту, и пили многіе дни“. 27 Ноября былъ онъ, строитель, съ монахомъ Тарасіемъ да дьякономъ Тимофеемъ Ивановымъ, были у игуменьи Сусанны „въ гостяхъ на Званкѣ, и монахъ Тарасей тамъ, на Званкѣ у игуменьи, опился, и онъ, строитель, того опившагося монаха ночью къ себѣ велѣлъ привести въ монастырь и, не взявъ похоронной, чтобъ игуменѣ въ пени отъ архіерея не быть, велѣлъ

¹⁾ Описан. Архива, т. I, столб. 116.

²⁾ Тамъ же, столб. 531.

въ церкви отпѣть и погребсти въ Николаевскомъ монастырѣ“. И казначей, монахъ Онуфрій (сбѣжавшій) билъ съ строителемъ и дьякономъ „непрестанно, а въ расходныхъ денежныхъ книгахъ писалъ дьяконъ, будто рыбы и икры покупано, oprичъ покупки Ильменской рыбы, множество напрасно“... „И велѣлъ было онъ, строитель, намъ къ тѣмъ книгамъ руки прикладывать въ кельѣ своими руками... Да и многіе есть въ тѣхъ книгахъ у нихъ неправыя статьи“. „Не токмо Субботы и Воскресные дни безъ литургіи проходили, Ѳомино Воскресенье, въ прїѣздъ царевны Маріи Алексѣевны, и Вознесенье, и царское тезоименитство св. ап. Петра и Павла и пророка Ильи, остались безъ литургіи“. Братія просила перемѣнить строителя, при чемъ были приложены сказки монастырскихъ служителей о томъ, какъ крестьянинъ на „Страшной“ курилъ вино на строителя, а дьячокъ это вино ему привозилъ.

По этому дѣлу былъ розыскъ. Изъ допросовъ выяснилось, что строитель Германъ обвинялся въ томъ, что „билъ дубиною“ крестьянъ, „въ оржаное жатье на монастырской работѣ безвинно, роскрутя, въ однѣхъ рубашкахъ, плетми билъ крестьянскихъ женъ“; перемѣнилъ безъ мірскаго приговора старосту, не давалъ овса на сѣмена тѣмъ, кто „не подносилъ ему вина“; „по вся мѣсяцы пива по двѣ вари варилъ“ „безпросыпно упивается“; у житеннаго монаха Леодора взялъ овчинную шубу подъ сукномъ однорядочнымъ, голубого цвѣта, и вымучилъ 3 руб.; билъ казначея Елисея въ кельѣ за то, что монастырскую житницу запечаталъ не печатью, перстомъ и за одинъ пробой; казначея Маркела билъ за непокупку вина.

22 Декабря 1718 г. возникло дѣло объ архим. Тихвина монастыря Рувимѣ, присланномъ подъ началъ къ архим. Ѳеодосію. Дѣло это важно тѣмъ, что оно обратило на себя вниманіе самого царя.

На первоначальномъ допросѣ Рувимъ показалъ. Родился онъ въ Польской странѣ, въ Волинскомъ городѣ Острогѣ; отецъ его Иванъ Михайловичъ Гурскій—шляхта того города; помѣстье его—с. Лутчинны. въ Острожскомъ уѣздѣ. Лѣтъ 30 назадъ, мать его Евдокія Иванова съ мужемъ своимъ по обѣщанію разсталась и постриглась въ Кіевѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ; она взяла съ собою и его, Рувима, имѣвшаго тогда 8 лѣтъ, и отдала въ Кіевѣ въ Софійскомъ монастырѣ казначею Григорію Гошкевичу „за хлопча“. Жилъ онъ у него лѣтъ 9. По царскому указу о. Гошкевичъ взятъ былъ къ Москвѣ „для ученія Латинскихъ школъ“, и Рувимъ былъ въ Москвѣ при немъ. И посланъ былъ отъ него ради его келейныхъ нуждъ въ Софійскій монастырь къ

преосвященному митрополиту Варлааму и въ то время постриженъ митрополитомъ, по обѣщанію своему, въ мнишескій чинъ въ рясу, а затѣмъ вернулся въ Москву и жилъ на прежнемъ положеніи съ полгода. По указу Государя о. Гошкевичъ съ прочими учителями посланъ былъ для проповѣди Слова Божія въ Сибирь, и Рувимъ остался въ Москвѣ и жилъ у Иконнаго ряда въ Спасскомъ монастырѣ у префекта Рафаила Краснопольскаго. Изъ Спасскаго монастыря Рафаилъ былъ переведенъ во архимандриты въ Симоновскій монастырь; здѣсь Рувимъ постриженъ былъ Рафаиломъ въ мантию и преосвященнымъ Антоніемъ, епископомъ Коломенскимъ, посвященъ во іеродіаконы. Затѣмъ Рафаилъ посвященъ былъ во архіепископа на Холмогоры, Рувимъ нѣкоторое время былъ при немъ на Холмогорахъ, и затѣмъ отпущенъ, вернулся въ Москву и „присталъ“ къ Каллисту, архіепископу Тверскому: отъ него посвященъ во іеромонахи и посланъ въ Кашиинъ въ его архіерейскій домовый Духовъ монастырь въ строители. Жилъ тамъ 2½ года. По смерти архіепископа Каллиста, по челобитію города Городецка посадскихъ людей и помѣщиковъ, преосвященнымъ Іовомъ, митрополитомъ Новгородскимъ посвященъ во игумены Городецкаго уѣзда въ Добрынскую пустынь. Здѣсь былъ также 2½ года. По смерти митрополита Іова преосвященнымъ Аарономъ, епископомъ Корельскимъ и Ладожскимъ, переведенъ въ Тихвинскій монастырь и живетъ въ томъ монастырѣ другой годъ, „о чемъ у него, Херувима, свидѣлствуютъ архіерейскія грамоты“. Въ Октябрѣ 1718 года пріѣхалъ онъ изъ Тихвина въ С.-Петербургъ съ вѣдома преосвященныхъ Стефана, митрополита Рязанскаго, и Аарона, епископа Корельскаго, отъ которыхъ даны ему указы для прошенія отъ Царскаго Величества о монастырскихъ нуждахъ, о чемъ уже подала въ Губернской Канцеляріи челобитная. Онъ привезъ съ собою изъ монастыря образъ Пресвятыя Богородицы, нарицаемая Геѳсиманія, который имѣеть для своего моленія, „а написанъ и обложенъ тотъ образъ монастырскимъ иждивеніемъ“. 7 Декабря пополуночи, незадолго до дня, пришелъ къ нему Его Царскаго Величества деньщикъ и просилъ по его обѣщанію отиѣть молебенъ образу Пресвятыя Богородицы, нарицаемому „Тихвинскія“. И онъ передъ вышепомянутымъ образомъ молебенъ пѣть началъ. И того жъ часа изволилъ къ нему прибыть Его Царское Величество и, тотъ образъ взявъ, послалъ въ соборъ Святыя Троицы, а онъ, Рувимъ, отдавъ подъ караулъ въ С.-Петербургскую крѣпость, а изъ крѣпости присланъ въ Александро-Невскій монастырь. Вудуя въ Петербургъ, у себя на подворьѣ, кромѣ деньщика, другимъ никому молебновъ не пѣвалъ и съ образомъ въ дома ни къ кому не ѣзживалъ, запрещенія ему отъ архіереевъ возить съ собою святыя образа не было: другихъ духовныхъ пріѣзжихъ съ

образами въ Петербургѣ не знаетъ, только „за Малою Невкою, въ Сампѣоновскомъ приходѣ, есть въ домѣ нѣкотораго провіанта образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, обложенъ серебромъ, и того-де дому хозяинъ называлъ тотъ образъ чудотворнымъ, передъ которымъ молебствуютъ прочіе повседневно“, а точно указать лицъ и дворъ не можетъ, потому что былъ тамъ только однажды въ 1717 году „по зову того дома хозяина и служилъ въ церкви Сампѣона Страннопріимца по умершихъ того дома родителейъ литургію. А вѣдаетъ-де про тотъ образъ подлинно и тотъ дворъ знаетъ Андрей Силинъ сынъ Култашевъ, который пребываетъ при дворѣ Царскаго Величества“.

Ѳеодосій въ Январѣ 1719 писалъ въ Новгородъ Корельскому епископу Аарону, что, не смотря на запрещеніе, Рувимъ паки явился въ Петербургъ и живетъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и по прежнему дѣлаетъ то, что ему было запрещено. Далѣе въ письмѣ говорится, что объ этомъ узналъ Царь и, пріѣхавъ на подворье, засталъ Рувима въ ономъ же запрещенномъ дѣлѣ. „И привезъ онаго въ свой государевъ домъ со иконою великою въ кивотѣ и объявилъ министрамъ, которые при совѣтовали взять онаго въ крѣпость и разыскать, для чего онъ такіе тайные соборы въ православномъ и свободномъ въ вѣрѣ и молитвахъ государствѣ дѣлаетъ и людей Божіихъ обольщаетъ. При которомъ онаго архимандрита случаѣ было немалое негодованіе Царскаго Величества на васъ и на меня: на васъ, для чего такого плута и льстеца послали въ такой монастырь настоятелемъ и для чего безъ вашего вѣдѣнія волочится безвременно, а на меня,—для чего такимъ плутомъ и льстецамъ указомъ Царскаго Величества не запрещаю и даю волю. Того ради извольте ко мнѣ отписать обстоятельно, какимъ случаемъ онъ посланъ въ Тихвинъ монастырь и за вашимъ ли позволеніемъ волочился, дабы я имѣлъ что донести Царскому Величеству, понеже такъ мнѣ отъ Его Величества повелѣно“.

Преосв. Ааронъ отвѣчалъ, что непристойностей за Рувимомъ никакихъ не вѣдалъ, а уѣхалъ онъ въ Петербургъ для челобитья о спрашиваемыхъ съ монастырскихъ слугъ и служебниковъ за провіантъ денегъ до 500 рублей, наносящихъ тому монастырю великое отягощеніе.

Все дѣло заканчивается доношеніемъ Ѳеодосія: „Сіятельнымъ господамъ, высокоправительствующему Сенату изъ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря доношеніе. Въ прошломъ 1718 году Декабря въ 29 д., по именному Царскаго Величества указу присланъ изъ С.-Петербургской крѣпости въ Невскій монастырь подъ начальство Тихвина монастыря архим. Рувимъ (который изъ помянутаго мона-

стыря прѣзжая въ С.-Петербургъ съ иконою. дѣлать тайные соборы въ православномъ и свободномъ въ вѣрѣ и молитвахъ государствѣ, и людей Божіихъ обольщевалъ для своея корысти). И по тому Царскаго Величества указу оному Рувиму въ Невскомъ монастырѣ было объявлено, чтобъ ему безъ благословенія настоятельнаго изъ монастыря никуда не отлучаться. А въ Августѣ мѣсяцѣ сего 720 года безъ благословенія настоятельнаго былъ онъ, Рувимъ, въ С.-Петербургѣ и за презрѣніе онаго указа отданъ былъ подъ караулъ лейбъ-гвардіи отставнымъ капралу Максиму Яковлеву въ солдаты.

„А сего Октября 11-го дня по извѣту помянутаго капрала оный Рувимъ изъ-за караула ихъ бѣжалъ. А въ примѣты онъ, Рувимъ, возрастомъ ниже средняго человѣка, власы свѣтло-русые, по концамъ курчеваты, брода свѣтло-руссая мало широка, въ лицѣ круглъ, курносъ, глаза малосѣры въ ямѣ, рѣчь Черкасская, голосъ тонкій. И о сыску онаго утеклца по губерніямъ указомъ Царскаго Величества дабы учинено было по разсмотрѣнію Правительствующаго Сената“.

Въ числѣ разныхъ дѣлъ находится исковое съ Шлиссельбургскаго священника Петра Георгіева, причемъ взысканіе было приказано произвести въ Ноябрьѣ священнику Василью Андрееву. О. Георгіевъ долгъ призналъ, но заявлялъ только, что платить ему нечѣмъ, такъ какъ комендантъ Бухольцъ держитъ его подъ карауломъ съ 28 Октября. Впрочемъ, о. Андреевъ 24 Ноября доносилъ Θεодосію, что пошлины взысканы, хотя о. Георгіевъ заявилъ, что уже ихъ платилъ о. Θεодорову, но только не взялъ росписки. „А также исковыхъ денегъ платить все равно некому, ибо благородная царевна Марія Алексѣевна и истецъ о. Θεодоровъ взяты въ Петербургъ“.

Царевна Марія Алексѣевна по дѣлу царевича Алексея Петровича была взята и отправлена въ Шлиссельбургъ, гдѣ „въ 1718 году по повелѣнію Петра I, были построены внутри крѣпости деревянныя свѣтлицы для этой царевны“ *). Свѣтлицы эти были потомъ въ 1720 г. разобраны и отвезены водой въ С.-Петербургъ. Царевна жила въ свѣтлицахъ недолго; изъ доношенія о. Андреева видно, что въ Ноябрьѣ она уже была въ С.-Петербургѣ. Тамъ и скончалась 9 Марта 1723 года въ „домѣ за Фонтанкою“, гдѣ ея высочество жила.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о Θεодосіи Яновскомъ, архим. Александро-Невскаго монастыря. Воспитанникъ Кіевской Ака-

*) Лѣтопись Шлиссельбургской крѣпости.

деміи. онъ, пользуясь покровительствомъ митрополита Іова, поступилъ въ 1704 г. архимандритомъ въ Новгородскій Хутынскій монастырь. При частыхъ поѣздкахъ Петра, Ѳеодосій съумѣлъ познакомиться съ Царемъ, который въ 1712 г. назначилъ его строителемъ Александро-Невскаго монастыря. Въ 1721 г. онъ уже былъ архіеп. Новгородскимъ съ оставленіемъ въ званіи архим. Александро-Невскаго монастыря и вскорѣ былъ назначенъ вице-президентомъ Св. Синода. 13 Мая 1725 года лишенъ сана и сосланъ въ Николо-Корельскій монастырь, Архангельской губ., гдѣ и скончался 5-го Февраля 1726 г.

Последніе дни жизни Ѳеодосія были ужасны. 17 Октября 1725 г. графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, пріѣхавъ внезапно въ Никольскій монастырь, велѣлъ привести находившагося въ церкви за обѣдней Ѳеодосія. Келья Ѳеодосія была подъ церковью и состояла изъ трехъ отдѣльныхъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ и жилъ Ѳеодосій. Мусинъ-Пушкинъ распорядился окно въ его келью заложить кирпичомъ, оставивъ только окошечко въ четверть аршина. Деревянный полъ выломали, платье и бѣлье отобрали, оставивъ только то, что было на немъ. Затѣмъ графъ заперъ двери замкомъ и приложилъ печать, учредивъ у дверей караулъ изъ солдатъ. Пищу подавали узнику въ это маленькое окошко. И такъ жилъ Ѳеодосій съ 17 Октября 1725 г. въ этой подцерковной тюрьмѣ, безъ печи, безъ пола, страдая отъ голода, холода и нечистоты; и только по предписанію Тайной Канцеляріи Архангельскій губернаторъ Измаиловъ 30 Января 1726 года перенесъ полумертваго Ѳеодосія въ новую, теплую тюрьму и, также запечатавъ, уѣхалъ. 5 Февраля Ѳеодосій умеръ. Тѣло его погребено въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ при Евѣимьевской церкви *).

Такъ кончилъ жизнь всесильный архимандритъ Александро-Невскаго монастыря, вице-президентъ Св. Синода, гроза всего духовенства, оставившій по себѣ далеко нелестную память.

Ростовъ Великій, 1911 Іюля 15.

Андрей Титовъ.

*) „Люди стараго вѣка“ Есенина, II, стр. 234.

Разказы современниковъ о Петръ Великомъ записанные Я. Штелинымъ.

Запрещеніе колѣнопреклоненія на улицахъ.

Въ первые годы по основаніи Петербурга въ городѣ было еще очень мало мощеныхъ улицъ и въ дождливую погоду во многихъ направленіяхъ образовались вязкія болотистыя мѣста. По древнему обычаю, народъ, при встрѣчахъ съ Государемъ, долженъ былъ становиться на колѣни. Императоръ не любилъ этого обыкновенія и всегда дѣлалъ знакъ рукою, чтобъ удержать людей отъ колѣнопреклоненія, неоднократно упоминая, что этотъ обычай ему крайне непріятенъ: но такъ какъ простыя слова въ данномъ случаѣ не дѣйствовали, монархъ запретилъ подъ угрозой наказанія кнутомъ колѣнопреклоненіе на улицахъ.

Этотъ разказъ сообщенъ лейбъ-хиругомъ Петра Великаго Яномъ Гофъ.

Потчеваніе Голландскихъ моряковъ аладьями.

Смѣлость и непринужденное обращеніе иноземцевъ-моряковъ съ Монархомъ внушало къ нимъ должное уваженіе и страхъ со стороны царскихъ служителей, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло и побуждало сихъ послѣднихъ къ быстрому исполненію ихъ различныхъ требованій. При малѣйшемъ отказѣ карабельщика угрожали жалобой Его Величеству. Всѣмъ, уже по опыту, было извѣстно, что они имѣли совершенно свободный доступъ къ Государю, который неминуемо требовалъ къ себѣ и привлекалъ къ отвѣтственности виноватыхъ. Словомъ, мореплаватели, въ особенности Голландскіе, которыхъ въ то время было уже изрядное количество въ Россіи, пользовались необычно-

См. выше стр. 459.

венно свободнымъ обращеніемъ съ Государемъ, подчасъ переступая границы въ своемъ черезчуръ простомъ обхожденіи съ монархомъ. Петръ Великій, хорошо знавшій обычаи моряковъ и, по многимъ причинамъ, особенно дорожившій ими, не только не выказывалъ при этомъ ни малѣйшаго неудовольствія, но еще хвалилъ ихъ и веселился отъ души надъ ихъ шутками. Встрѣтивъ однажды на прогулкѣ въ дворцовомъ лѣтнемъ саду моряка, не разъ бывавшаго раньше въ Архангельскѣ, когда сей послѣдній былъ складочнымъ мѣстомъ Русской торговли, царь спросилъ его, не правится ли ему теперь Петербургъ болѣе Архангельска и не прїѣзжаетъ ли онъ много охотнѣе сюда, нежели нѣкогда въ Архангельскъ? „Нѣтъ“, отвѣчалъ долго не думая матросъ. Нѣсколько раздосадованный и удивленный такимъ отвѣтомъ, Государь освѣдомился о причинѣ не любви къ новому городу: „ваше величество, возразилъ спохватившійся смѣлый морякъ, въ Архангельскѣ мы всегда по прїѣздѣ нашемъ получали хорошія оладьи, здѣсь не даютъ ихъ намъ“.— „Постой, братъ, отвѣтилъ развеселившійся императоръ, приходи завтра со всеми твоими земляками и прочими моряками ко мнѣ во дворецъ, и я покажу вамъ, что здѣшнія оладьи не хуже Архангельскихъ“. Возвратившись домой, Петръ позвалъ оберъ кухенмейстера Фелстена и приказалъ приготовить къ слѣдующему вечеру хорошихъ Голландскихъ оладій и всего, чтѣ къ нимъ полагается. На другой день все Голландскіе моряки были приглашены на вечеръ въ лѣтній дворецъ, гдѣ, въ присутствіи его величества, ихъ угощали въ саду сладкими и другими хорошими яствами.

Этотъ анекдотъ извѣстенъ изъ устъ Брунса и Ивана Фельтена. Послѣдній родомъ изъ Нижней Саксоніи; онъ прїѣхалъ въ Россію съ королевскимъ Датскимъ посланникомъ въ качествѣ пекаря. Царь, которому очень нравилось его поваренное искусство, назначилъ его въ 1704 году придворнымъ мундхохомъ и метердотелемъ. Состоя при этой должности, онъ не только имѣлъ случай часто видѣть Государя, но сей послѣдній часто посѣщалъ его домъ, гдѣ онъ любилъ иногда для перемѣны кушать и куда неоднократно приводилъ съ собою гостей. Послѣдніе, равно какъ и самъ монархъ, платилъ хозяину по червонцу за кушанье. Фелтенъ умеръ въ Петербургѣ въ 1737 году.

Строгое отношеніе къ нерадивости полиціи.

Графъ Девье, преслѣдуемый въ царствованіе императрицы Екатерины I своимъ зятемъ княземъ Меншиковымъ, сосланный въ Сибирь и возвращенный по истеченіи 15-ти лѣтъ императрицею Елисаветою

Петровной, былъ питомцемъ Петра I, при которомъ состоялъ, сначала пажемъ, а затѣмъ, многіе годы, денщикомъ. Впослѣдствіи онъ былъ произведенъ въ полковники, генераль-майоры, генераль-лейтенанты и, наконецъ, до самаго своего несчастія, занималъ должность генераль-полиціймейстера. Онъ съ особымъ усердіемъ исполнялъ свои обязанности, зная, какъ строго Государь слѣдилъ за полиціей вообще и, что отъ его пронизательности не могло укрыться на малѣйшее упущеніе въ смыслѣ порядка въ его любимомъ городѣ. Однажды Государь, по своему обыкновенію, ѣхалъ въ одноколкѣ на Адмиралтейскую сторону берегомъ Мойки. Полиціймейстеръ сидѣлъ рядомъ съ нимъ. Достигнувъ моста, перекинутаго черезъ каналъ отъ Головинскаго дворца къ Мойкѣ, находящагося противъ, такъ называемой, Новой Голландіи (островъ со многими постройками, предназначенными для сохраненія дубоваго кораблестроительнаго лѣса), они замѣтили, что доски моста разошлись, что по нимъ не безопасно проѣзжать. Царю пришлось выйти изъ одноколки и заставить своего денщика нѣсколько сдвинуть и скрѣпить доски, чтобъ имѣть возможность переправиться на другую сторону. Разгнѣвавшись на безпечное отношеніе полиціи къ улицамъ и мостамъ, Петръ выбранилъ полиціймейстера за его нерадивость, и, слегка ударивъ его, сказалъ: „это придастъ тебѣ охоты лучше наблюдать за ввѣреннымъ тебѣ городомъ и отъ времени до времени лично наблюдать за порядкомъ. Мостъ былъ тѣмъ временемъ исправленъ, успокоившійся Монархъ сѣлъ въ одноколку и, милостиво обратившись къ полиціймейстеру, сказалъ ему, какъ ни въ чемъ не бывало: „Ну, садись братъ“.

Этотъ анекдотъ сообщенъ сыномъ упомянутаго генераль-полиціймейстера камергеромъ графомъ Реваромъ.

Отношеніе къ охотѣ.

Въ противоположность другимъ дворамъ, Петръ Великій не содержалъ егерскаго корпуса: имѣя только нѣсколькихъ придворныхъ охотниковъ, на обязанности которыхъ лежало доставленіе дичи къ царскому столу. При Адмиралтействѣ состояло два лѣсничихъ, которые должны были слѣдить за строевымъ лѣсомъ сосѣдней рощи и наблюдать за приростомъ дубовъ. Онъ терпѣть не могъ какихъ бы то ни было травлей и терзаній животныхъ. Однажды, когда онъ былъ въ подмосковномъ селѣ, одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, большой любитель охоты, пригласилъ Государя на устроенную для его развлечения охоту на медвѣдей. Монархъ дружески отклонилъ приглашеніе, сказавъ: „Гоняй-

тесѣ, сколько хотите, за дикими звѣрями. мнѣ же это не может доставить удовольствія, пока мнѣ приходится за предѣлами государства изгонять дерзкихъ враговъ и внутри страны укрощать строптивныхъ и упрямыхъ подданныхъ“.

Разсказъ этотъ сообщенъ гофмаршаломъ Дмитріемъ Андреевичемъ Шенцелевымъ.

Любовь государя къ хорошей живописи.

Въ Амстердамѣ часто посѣщала знаменитыхъ художниковъ того времени и цѣлыми часами наблюдала за ихъ работой, бесѣдуя съ ними о различныхъ произведеніяхъ живописи. благодаря чему у него выработался тонкій вкусъ въ распознаваніи картинъ. Съ особеннымъ интересомъ онъ относился къ произведеніямъ Фламандской и Брабантской школы и закупилъ большое количество картинъ ихъ знаменитыхъ мастеровъ. Рубенсъ, Ванъ-Дикъ, Рембрантъ, Янъ Штейнъ, Ванъ-Деръ-Верфъ, Вукерманъ, были его любимцами. Морскія и корабельныя изображенія онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ. Съ особеннымъ уваженіемъ онъ относился къ знаменитому Адаму Сило, который былъ самъ раньше капитаномъ карабля. и потомъ съ большимъ успѣхомъ занялся исполненіемъ корабельныхъ и морскихъ рисунковъ, превзойдя всѣхъ предшествовавшихъ живописцевъ точностью и правильностью изображенія снастей. Петръ Великій считалъ его картины поучительными при устройствѣ парусовъ и якорныхъ спусковъ и украсилъ прихожую своего лѣтняго дворца произведеніями этого мастера. Въ Петергофѣ, во дворцѣ своей супруги, Петръ I устроилъ первую картинную галерею, и наполнилъ ее исключительно картинами Нидерландскихъ художниковъ, среди которыхъ первое мѣсто было отведено морскимъ и корабельнымъ рисункамъ. Однажды въ Амстердамѣ Государь сидѣлъ въ публичной картинной аукціонной палатѣ между многими покупателями и любителями живописи рядомъ съ извѣстнымъ скупщикомъ картинъ Кселемъ. Швейцарскимъ художникомъ мертвой природы и исторіи, большимъ знатокомъ живописи вообще и мастеровъ Нидерландской школы въ частности. Монархъ закупилъ тамъ большое количество произведеній своихъ любимыхъ живописцевъ, которыми отчасти украсилъ Петергофскую галерею и отчасти развѣсилъ ихъ въ своихъ дворцахъ. Для поддержанія въ порядкѣ и пополненія этой коллекціи картинъ Государь пригласилъ къ себѣ на службу вышеупомянутаго Кселя, который послѣдовалъ за царемъ въ Петербургъ, гдѣ исполнилъ нѣсколько прекрасныхъ рисунковъ такъ называемой „тихой жизни и

суеты“, такъ напр., онъ изобразилъ мертвую голову съ погасшею, но еще дымящею свѣчей, спокойно лежащіе музыкальные инструменты и т. п. Онъ умеръ въ званіи живописца Академіи Наукъ въ глубокой старости въ 1743 ?.

Анекдотъ этотъ сообщенъ живописцемъ Кселемъ.

Привлеченіе иностранцевъ въ Россію.

Было бы несправедливо утверждать, что Петръ Великій имѣлъ слѣпое пристрастіе къ иностранцамъ, ихъ правамъ и обычаямъ: многія обстоятельства, наоборотъ, указываютъ на то, что императоръ прекрасно относился къ иноземцамъ и дорожилъ ими исключительно ради желанія добра своему отечеству. Онъ слѣдовалъ благому начинанію своего предка, царя Іоанна Васильевича, и съ этой цѣлью въ 1699 г. издалъ два указа. Первымъ давалось дворянамъ разрѣшеніе предпринимать путешествія въ чужіе края при соблюденіи условія, чтобъ каждый, отправляющійся за границу, предварительно явился къ Монарху для полученія необходимыхъ наставленій и указаній, чему онъ, соотвѣтственно своему состоянію и способностямъ, долженъ тамъ научиться. Другимъ указомъ повелѣвалось посланникамъ, резидентамъ и агентамъ, находившимся въ чужихъ государствахъ, повсемѣстно объявить, что всѣмъ иностранцамъ, желающимъ поступить на службу или попытать счастье въ Россіи, будетъ оказанъ радушный приемъ и предоставлена не только полная свобода и защита, но въ случаѣ надобности и помощь, необходимая для развитія ихъ ремесль. Особенно пріятно было бы государю, еслибъ въ Россію захотѣли переселиться опытные морскіе и сухопутные офицеры, инженеры, артиллеристы, хорошіе художники, фабриканты и ремесленники.

При этомъ мудрый Монархъ издалъ распоряженіе, чтобъ и въ случаѣ его отсутствія послѣднимъ было оказано радушіе и покровительство въ его государствѣ.

Какъ только за границей получено было извѣстіе объ основаніи новаго города Петербурга, многіе иностранцы переселились туда, расположились со своими семьями, зарабатывая средства къ жизни (пропитаніе) службой или ремеслами.

Петръ Великій относился ко всѣмъ чрезвычайно благосклонно, платилъ офицерамъ двойное жалованье, очень милостиво и просто бесѣдовалъ съ ремесленниками и художниками, посѣщалъ ихъ мастер-

скія и отдавалъ имъ въ ученіе молодыхъ Русскихъ, которыхъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ поощрялъ изъявленіями своей милости.

Монархъ случайно замѣтилъ или, быть можетъ, узналъ черезъ приближенныхъ лицъ, что многіе Русскіе тайно роптали на его пристрастіе къ иноземцамъ. Чтобы положить конецъ ихъ толкамъ, однажды, въ присутствіи однихъ только Русскихъ, Государь заговорилъ объ иностранцахъ. „Я знаю, сказалъ онъ, что льготы, которыя я представляю иностранцамъ, не нравятся многимъ изъ моихъ подданныхъ; но я считаю, что у меня подданные двоякаго рода: разумные и благонамѣренные, для которыхъ вполне очевидно, что я привлекаю иностранцевъ и хорошо отношусь къ нимъ, главнымъ образомъ, ради того, чтобы мой народъ обучился ихъ наукамъ и искусствамъ. Злые же и неразумные между моими подданными, не понимающіе и не признающіе моихъ добрыхъ намѣреній, презираютъ по глупости все хорошее, что имъ кажется новымъ и чему бы они съ радостью воспрепятствовали, еслибы у нихъ была эта возможность, совершенно забывая, что дѣлалось прежде въ нашемъ отечествѣ, пока я еще не видѣлъ другихъ странъ и не привлекъ сюда иноземцевъ. И, наконецъ, что я могъ бы сдѣлать безъ ихъ помощи во всѣхъ моихъ начинаніяхъ, если принять во вниманіе силу моихъ враговъ!...

Князь Меншиковъ.

Сенаторамъ удавалось нѣсколько разъ уличать князя Меншикова въ корыстолюбіи и въ лихоимствѣ при доставкѣ провіантскихъ и мундирныхъ поставокъ. Хотя Сенатъ иногда и дѣлалъ, для очищенія совѣсти, по этому поводу запросы князю Меншикову, но сей послѣдній обходилъ ихъ съ молчаніемъ или если, ради приличія, и посылалъ иногда разъясненіе черезъ своихъ подчиненныхъ, то всегда остерегался отвѣчать письменно и, тѣмъ болѣе, за собственноручною подписью. Чтобы снять съ себя въ данномъ случаѣ отвѣтственность, Сенатъ составилъ списокъ особенно важныхъ проступковъ князя и положилъ его на засѣданіи предъ мѣстомъ, которое занималъ обыкновенно Государь, безъ всякаго предварительнаго доклада. Въ первое же засѣданіе онъ взялъ его въ руки, послѣшно просмотрѣлъ и, не сказавъ ни слова, сдѣлавъ видъ, что онъ не читалъ его, положилъ на прежнее мѣсто, гдѣ онъ и оставался еще довольно долгое время. Наконецъ, сенаторы рѣшились переговорить объ этомъ обстоятельстве съ Государемъ. Сидѣвшій рядомъ съ Его Величествомъ тайный совѣтникъ Толстой, взявъ названный списокъ, спросилъ Государя, что онъ на это скажетъ? Ровно ничего, возразилъ Петръ Великій, развѣ только то, что Меншиковъ останется Меншиковымъ. Сенаторамъ предоставлялось понимать эти слова какъ имъ угодно, листъ остался на своемъ мѣстѣ, и никто болѣе не отваживался докладывать о немъ Государю.

Этотъ разговоръ сообщенъ графомъ **Остерманомъ**.

Собственноручнаяковкажелезныхполосъ.

Петръ усердно посѣщаль различные заводы и мастерскія, лично поощряя и подбодряя рабочихъ. Онъ часто бываль на заводѣ железныхъ издѣлій Миллера, находящемся въ 90-и верстахъ отъ Москвы по Калужской дорогѣ, при рѣкѣ Истѣ. Однажды онъ провелъ тамъ цѣлыхъ четыре недѣли, пользуясь мѣстной цѣлебной водой, находя возможность наряду съ своими ежедневными государственными занятіями удѣлять достаточно времени тщательному изслѣдованію и изученію этого дѣла, лично работая при ковкѣ и плавленіи металла, съ цѣлью изученіяковкижелезныхъполосъ. Ознакомившись съ этимъ искусствомъ, онъ собственноручно выковаль въ послѣдній день своего пребыванія на заводѣ восемнадцать пудовъ желѣза, снабдивъ каждую полосу своимъ клеймомъ; находившіеся въ его свитѣ камеръ-юнкера и бояре исполняли различныя сподручныя работы, приносили и пригребали къ огню уголья, раздували мѣха и т. п. Пріѣхавъ черезъ нѣсколько дней въ Москву, онъ отправился къ владѣльцу завода Вернеру Миллеру и, расхваливъ устройство завода, спросилъ, какая плата полагается за пудъ кованого полосоваго желѣза? Три копейки, т. е. алтынъ, отвѣчалъ Миллеръ. Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Петръ Великій, я заработаль 18 алтынъ, которые намѣренъ отъ васъ получить. Вернеръ Миллеръ тотчасъ же направился къ своему денежному сундуку и, отсчитавъ 18 червонцевъ, передалъ ихъ царю, добавивъ: „нельзя уплатить меньшей суммы такому работнику, какъ Ваше Величество“. Но царь, отклонивъ предложенныя деньги, возразилъ: „Я работаль несколько не лучше другихъ мастеровъ, поэтому дай мнѣ положенную для нихъ плату; я куплю себѣ на эти деньги новую пару башмаковъ, которые теперь мнѣ очень нужны“. При этомъ онъ указаль на свои стоптанныя башмаки, къ которымъ уже разъ пришивалась новыя подметки и, взявъ 18 алтынъ, отправился въ ряды, гдѣ купилъ себѣ новую обувь. Бывая въ гостяхъ, онъ часто показываль на свои ноги со словами: „эти башмаки я заработаль въ потѣ лица“.

Одна изъ собственноручно выкованныхъ Государемъ полосъ, снабженная его клеймомъ, находится на железномъ заводѣ Миллера; другая, выкованная Императоромъ въ Олонцѣ при Ладожскомъ озерѣ, сохраняется въ Кунсткамерѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ *).

*) Третья въ городѣ Липецкѣ, при заведеніи железныхъ водъ, открытыя Петромъ. Въ Липецкѣ же и памятникъ Петру, поставленный откушникомъ Небучиновымъ. П. Б.

Отказъ Евреямъ поселиться въ Россіи.

Въ первое свое пребываніе въ Голландіи, когда Государь въ Саардамѣ изучалъ кораблестроеніе, у него проглядывало явное желаніе расширить торговлю и промышленность своего государства. Этимъ отношеніемъ Государя къ иностранцамъ захотѣли воспользоваться хитрые Амстердамскіе Евреи: имъ было хорошо извѣстно, что еще царь Іоаннъ Васильевичъ изгналъ Евреевъ изъ предѣловъ Россійскаго государства, и послѣдующіе за нимъ вѣстители не разрѣшали имъ жительства въ Россіи; однако они обратились къ любимцу монарха, извѣстному Амстердамскому бургомистру Ванъ-Витсену*), прося его ходатайствовать у Государя разрѣшеніе жительства и веденія торговли въ Россіи Евреямъ на одинаковыхъ правахъ съ прочими иноземцами, при чемъ не преминули изобразить въ яркихъ краскахъ преимущества, которыя получили бы Русскіе, еслибы ихъ торговль оказали содѣйствіе Еврейскіе купцы. Сверхъ того они обязывались въ благодарность за исполненіе просьбы поднести Государю даръ въ 100 тысячъ гульденовъ наличными деньгами. Витсень обѣщаль при первомъ удобномъ случаѣ поговорить о нихъ съ Государемъ. Монархъ рѣдко отказываль ему въ его просьбахъ. Витсень сдержаль данное слово и при случаѣ обстоятельно изложилъ Государю ходатайство и предложеніе Евреевъ. Выслушавъ внимательно его докладъ, царь съ улыбкою возразилъ: „Господинъ Витсень, я знаю, что вамъ, также какъ мнѣ, хорошо извѣстны не только Евреи, но и складъ мыслей моего народа. Еще не пришло время Іудеямъ селиться въ моемъ государствѣ. Передайте имъ отъ моего имени благодарность за ихъ предложеніе и въ тоже время мое искреннее сожалѣніе, если имъ когда либо удастся основаться въ Россіи; потому что, хотя они и сльвуть во всемъ свѣтѣ за искуснѣйшихъ обманщиковъ въ торговль, но я опасаясь, что имъ не удастся провести мой народъ“.

*) Николай Витсень былъ не только Амстердамскимъ бургомистромъ, но игралъ важную роль въ исторіи Голландіи и Вестфрисландіи. Будучи такимъ же свѣдущимъ ученымъ, какъ и политикомъ, онъ въ молодости своей служилъ при Голландскомъ посольствѣ въ Москвѣ, гдѣ былъ представленъ царю Алексѣю Михайловичу. Пребываніе въ Россіи подало ему мысль составить чертежъ для изданія географической карты Северо-Восточной Татаріи, которую онъ посвятилъ и послалъ молодому Петру Алексѣевичу еще до прибытія послѣдняго въ Голландію. Составленіе этой карты стоило ему большихъ денегъ, уюрнаго труда и пространной перенески. Многія свѣдѣнія черпаль онъ изъ непосредственнаго знакомства съ кунцами, природными Армянами, Персами, Турками, Татарями, Грузинами и другими, находившимися въ Амстердамѣ, народностями. Нѣсколько лѣтъ спустя, для болѣе точнаго поясненія своей карты, онъ напечаталь превосходное изданіе подъ заглавіемъ Северная и Восточная Татарія. Онъ умеръ въ 1717 году.

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ ВЪ СЕЛѢ РАМЕНСКОМЪ.

На Западномъ берегу Борисоглѣбскаго озера, въ с. Раменскомъ, Бронницкаго уѣзда, окруженное со всѣхъ сторонъ корпусами фабрики Товарищества „Н. Малютина Сыновей“, имѣется, такъ называемое „Старое Кладбище“. Правленіе Товарищества обращалось къ подлежащимъ властямъ съ ходатайствомъ объ упраздненіи названнаго Кладбища, и хотя Московское Губернское Правленіе „по всестороннему обсужденію этого дѣла рѣшило ходатайство Раменской мануфактуры отклонить“ (см. Моск. Вѣд. № 119 отъ 27 Мая 1911 года), тѣмъ не менѣе надо полагать, что „Товарищество“ будетъ настойчиво добиваться, чтобы кладбище было срыто.

Между тѣмъ вотъ что читаемъ въ старинныхъ рукописяхъ объ этомъ кладбищѣ: „Церковь Троицы Живоначальной на погостѣ „въ Раменцѣ“ у Борисоглѣбскаго озера, нынѣ село Троицкое Раменье Московскаго уѣзда. Въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, въ дворцовой волости Раменцѣ, на погостѣ, у Борисоглѣбскаго озера существовала деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба, построенная изстари, по окладу 7136 (1628) год. Церковной дани 10 алтынъ, заѣзда 9 денегъ, Кормовая Гривна“. (Патр. Прик. кн. 2. л. 186). По писцовымъ Книгамъ Приказа большого дворца 139—141 (1631—1633) годовъ значится: „къ той Борисоглѣбской церкви пустошь, что была деревня Руново, пашни паханныя 3 чети безъ третника, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 17 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потому-жь, сѣна 80 копенъ лѣсу пашеннаго 2 десятины, лѣсу не пашеннаго 3 десятины да къ церкви-жь Бориса и Глѣба дано озерко Борисоглѣбское, да пустошь церковная Гребнево, пашни лѣсомъ поросли 30 чети въ полѣ, а въ дву потому-жь, а дали тоя пустошь къ церкви Бориса и Глѣба писцы Сергѣй Ступининъ да подьячій Василій Ратаевъ“. (Патр. Прик. до Озерн. кн. 141 л. 348—349). „Въ 7143 (1634—1635) год. По челобитью тоя церкви пона Карла дана патриарша жалованная грамота, а велѣно ему церковная дань платить на Москвѣ вдвое, дани рубль 3 алт. десятильничихъ и заѣзда двѣ гривны“.

Въ 7188 (1680) г. показано: при церкви Бориса и Глѣба во дворѣ вдовый пошъ Леонтій Григорьевъ, дьячекъ Ивашко Никитинъ, во дворѣ пономарь Силуяно Григорьевъ церковь построена изстари, пашни церковной земли по писцовымъ книгамъ 185—187 (1677—1679) год. показано: 2 четверти въ пустоши Руново, на вершинѣ Степановскаго болота, пашни церковныя четверть да лѣсомъ поросло 29 четвертей въ пустоши Гребневой отъ рубежа деревни Хрицановой и отъ рубежа Николаевскаго Угрьнскаго монастыря. Пустоши Панковой, пашни четверть, да лѣсомъ поросло 30 четвертей“. (Патр. Прик. кн. 142 л. 210—211; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ. мол. л. кн. 75 № 48).

„На погостѣ, у Борисоглѣбскаго озера, построена новая деревянная Церковь во имя Живоначальной Троицы съ придѣломъ св. Бориса и Глѣба; ко дню освященія оной церкви, по благословенной грамотѣ, 1706 года октября въ 14 день, выданъ антиминсъ подъ росписку тоя-жь церкви пона Ивана“ (Патр. Прик. кн. 138 л. 285. Перенис. кн. 1710 г. л. 181 об.).

„1710 года Августа въ 30-й день по указу Великаго Государя и по приговору боярина Тихона Никитича Стрешнева отдана изъ приказа большого

дворца на оброкъ тайному дѣйствительному совѣтнику графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину въ Московскомъ уѣздѣ Раменская волость съ селами и деревнями и со всѣми угодьями, и платитъ ему въ приказъ большого дворца денежныя и всякія доходы снолна⁴.

Въ 1722-мъ году Раменская волость пожалована ему-же графу Мусину-Пушкину въ вѣчное владѣніе. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ кн. 67, № дѣла 4).

Въ Занисной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа за 1725 г. значится: Сентября въ 21-й день запечатанъ указъ о строеніи церкви тайному дѣйствительному совѣтнику графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, велѣно въ Московскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ ево въ селѣ Новотроицкомъ вмѣсто вѣтхой деревянной Троицкой Церкви построить въ томъ-же селѣ вновь церковь во имя Живоначальныя Троицы каменную; пошлить 3 алт. 2 деньги нужнѣйшихъ одна четъ взято; приписъ на указѣ казначея іеромонаха Филагрія, да секретаря Ивана Орлова⁴ (Истр. Прик. кн. 289, л. 96).

Послѣ графа И. А. Мусина-Пушкина, († 21-го Іюня 1730 года), имѣніе досталось его сыну графу Платону, у котораго оно потомъ отписано по именному царскому указу и причислено по прежнему къ дворцовому вѣдомству. Въ 1749-мъ году оно пожаловано графу Алексѣю Бестужеву-Рюмину.

Въ 1768 году селомъ Троицкимъ что у Борисо-Глѣбскаго Озера, въ Раменцѣ, владѣть князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, племянникъ графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 21, № дѣла 22, кн. 75, № дѣла 28).

При Троицкой церкви были: священникъ Иванъ Леонтьевъ 1706—1726 г., дьяконъ Матвѣй Ивановъ 1710—1726 г., дьячекъ Алексѣй Платоновъ 1726 г. и пономари: Андрей Силуяновъ 1710 год. и Михаилъ Андреевъ. 1726 г.

Вотъ тѣ историческія данныя, съ которыми тѣсно связано Раменское „Старое Кладбище“.

По свидѣтельству преосвященнаго Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго (томъ IV стр. 369), какъ было въ древней православной Греціи, такъ и у насъ на святой Руси, христіанскія кладбища располагались, большей частію, около приходскихъ храмовъ⁴ и что „погостомъ въ Великой Россіи, называлось какъ и называется, мѣсто, гдѣ находится приходская церковь и общее приходское кладбище“.

Отсюда ясно, что церковь во имя Св. Муч. Бориса и Глѣба, а впоследствии Живоначальныя Троицы, стояла на нынѣшнемъ „Старомъ Кладбищѣ“. Построенная-же въ 1725—1730 гг. графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, на восточномъ берегу озера, при своей усадьбѣ, каменная церковь, очевидно замѣниъ упраздняемой старой, на кладбищѣ. На это такъ-же указываетъ находящаяся, до сихъ поръ на „Старомъ Кладбищѣ“, каменная часовня. Въ этой часовнѣ похоронены вдова генералъ-лейтенанта Евдокія Семеновна Лунина, скончавшаяся 9 Октября 1847 г., 86 лѣтъ, и графиня полковница Екатерина Петровна Риччи, рожд. Лунина, скончавшаяся Февраля 8-го 1886 г. 99 лѣтъ.

Если епархіальная власть не нашла возможнымъ по „соображеніямъ религіознаго свойства“ удовлетворить ходатайство Раменской мануфактуры объ упраздненіи названнаго кладбища, то по тѣмъ-же религіознымъ соображеніямъ епархіальная власть должна поддержать этотъ историческій памятникъ, который приходитъ въ полное запустѣніе.

Крестьянинъ Александръ Киселевъ.

Раменское.

24 Іюня 1911 г.

ОТЪ ЯРОСЛАВСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ.

Постановленіемъ отъ 3 Декабря 1908 года, Ярославская Городская Дума признала необходимымъ издать исторію города Ярославля ко времени его 900-лѣтія, имѣющаго быть въ 1924 году, и приступить теперь же къ собиранію и подготовкѣ матеріаловъ по этому изданію, которое поручено члену Ярославской Ученой Архивной Коммисіи, хранителю ея музея и историческаго архива, Иларіону Александровичу Тихомирову. Въ виду чего и принимая во вниманіе, что предпринятое дѣло не подѣ силу одному человѣку, какъ бы добросовѣстно онъ къ нему ни отнесся, Ярославская Городская Управа, въ видахъ наиболѣе совершеннаго осуществленія начатаго мѣропріятія, обращается не только къ Ярославскому обществу и веѣмъ Ярославцамъ, разбѣяннымъ по Россіи и заграницю, но и вообще ко веѣмъ лицамъ, сочувствующимъ настоящему начинанію Городской Думы, съ просьбою оказать ей носильное содѣйствіе свое сообщеніемъ и присылкою въ Ярославскую Городскую Управу или на имя И. А. Тихомирова (Ярославль, Ильинская площадь, домъ 21—Древлехранилище) всякихъ имѣющихся у нихъ данныхъ о минувшей жизни Ярославля, хотя бы по виду и незначительныхъ.

Сообщенія и указанія могутъ касаться не только болѣе крупныхъ источниковъ, но и журнальныхъ статей и рисунковъ, газетныхъ корреспонденцій и т. п. Очень желательны дневники, всякія памятные записи (встрѣчаются и въ календаряхъ), переписка знакомыхъ о злобахъ дня и о всякихъ иныхъ событіяхъ въ Ярославлѣ, виды города, планы и фасады домовъ, церквей и другихъ зданій города, особенно въ ихъ прежнемъ, нынѣ уже утраченномъ, видѣ, фотографическіе снимки, портреты административныхъ, общественныхъ и другихъ дѣятелей, ихъ жизнеописанія, переписка, неизданныя сочиненія, работы мѣстныхъ художниковъ, мастеровъ и любителей, а равно и промышленныхъ заведеній и т. д. Все присланное во временное пользованіе, по снятіи копій, будетъ возвращено приславшимъ съ глубокой благодарностью и въ полной сохранности; присланное же въ распоряженіе Ярославской Городской Думы будетъ передаваться въ Древлехранилище Ярославской Архивной Коммисіи на вѣчное храненіе съ занесеніемъ въ списки пожертвованій отъ имени приславшаго. Кое-что можетъ быть приобрѣтаемо и за деньги, но въ виду незначительности отпускаемыхъ средствъ расчитывать на большія цѣны не слѣдуетъ.

Просятъ веѣ періодическія изданія перепечатать.

СО Д Е Р Ж А Н И Е
В Т О Р О Й К Н И Г И
„РУССКАГО АРХИВА“

1911 года.

(выпуски 5, 6, 7 и 8).

297. Два анекдота о царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ. Сообщилъ **Левъ Мацѣвичъ.**

553 и 604. Изъ разсказовъ о Петрѣ Великомъ, записанныхъ **Я. Штелинымъ.**

293. Донесеніе Дербентскаго коменданта Юнгера М. А. Матюшкину 1725 г. о Черкешенскѣ для Екатерины I-й. Сообщено **графомъ П. С. Шереметевымъ.**

5. Дневникъ Итальянца **Мизере.** О службѣ при Петрѣ Третьемъ.

513. Изъ записокъ короля Станислава Понятовскаго. Непріятное приключеніе 6 Юлія 1757 года.

21. Три письма **Петра Третьяго** изъ Ропши къ Екатеринѣ Второй.

24. Письма **графа Орлова** къ Екатеринѣ Второй.

107. Чистосердечная исповѣдь **Екатерины Второй** Потемкину.

105. Дополненіе къ статьѣ о бракѣ Екатерины Второй съ Потемкинымъ.

319. Любимцы **Екатерины Второй**, хронологическій списокъ, составленный **М. Н. Лонгиновымъ.**

26 и 161. Изъ Записокъ **Корберона.** 1775, 1776—1780 годы.

320. **Екатерина Вторая**, по разсказу современника-Нѣмца.

109. Два обелеска (въ Царскомъ Селѣ и въ Куековѣ). Сообщено **С. Д. Шереметевымъ.**

317. Куековскіе фрукты. Отписка прикащика **Петра Александрова** графу П. Б. Шереметеву. Изъ Петербурга въ Москву.

112. О Шереметевскихъ пѣвчихъ. Сообщено графомъ **С. Д. Шереметевымъ.**

318. Письмо Императрицы **Екатерины Второй** къ П. Д. Еропкину.

305. **Екатерина Вторая**, какъ историкъ. Статья **В. С. Иконникова.**

205. Два завѣщанія **Г. Р. Державина.** (Крѣпостные ищутъ воды). Сообщено **М. Л. Юдинымъ.**

395. Записка **Лагарпа** о перчаткахъ Павла Петровича.

113. Мартовское событіе въ Петербургѣ въ 1801 году (**Н. Н. Овсянникова.**)

298. Тайнственное потопленіе. Сообщилъ **А. А. Стаховичъ.**

131. Письмо **И. В. Сабанеева** къ дивизионному генералу. 1822.

452. Императоръ **Александръ Николаевичъ** и Французская императрица **Евгенія.**

132, 224, 343 и 465. Изъ Записокъ **К. Н. Лебедева.** 1864—1867 годъ.

261. Изъ записокъ **Я. Н. Грота** (празднованіе полудорастолѣтняго юбилея Императорской Академіи Наукъ).

457. Письмо **графа Д. С. Толстого** къ С. П. Годубцову о книгахъ для народа.

337. Письма митрополита Исидора къ священнику Хуцѣву.

341. Воспоминаніе о митроп. Исидорѣ. П. Б.

394. Четверостишіе С. Т. Аксанова Н. Н. Новрозовскій.

553. Н. М. Карамзинъ. По поводу памятникѣ ему въ Остафьевѣ. П. Б.

401. «Автобіографическое введеніе». Записка князя П. А. Вяземскаго о себѣ, какъ писателѣ.

519. Изъ исторіи Русскаго водевиля. Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій (Воробьевъ). Статьи С. Старосивильскаго.

530. Баринъ прѣхалъ! Баринъ прѣхалъ! Интермедія-водевиль В. И. Живокини. Съ замѣткою М. П. Садовскаго.

274. Письмо Ѡ. И. Тютчева къ княгинѣ Е. Э. Трубецкой со стихами.

549. Запись старца Іоны. 1690. Сообщено И. П. Мордвиновымъ.

275. Дѣло о мощахъ Устюжскаго іеромонаха Платона. Сообщено А. А. Титовымъ.

550. Письмо епископа Тихона къ князю Потемкину. Сообщено имъ же.

512. Письмо П. М. Снегирева къ Я. М. Шеврову.

512. Н. М. Языковъ. Сообщилъ А. А. Флоридовъ.

328. Черты монастырской жизни XVIII вѣка. А. А. Титова.

543. Старина Курекской губерніи. Борьба съ саранчею.—Епископъ Іоасафъ Горленко. Сообщилъ Т. Проскурняковъ.

612. Старое кладбище въ селѣ Раменскомъ. А. Я. Ниселева.

398. Къ исторіи Новомиргорода (изъ частнаго письма). Сообщено Л. С. Мацѣвичемъ.

397 и 542. Изъ Сибирской старины. Генералъ-губернаторъ Гасфордъ. Полицмейстеръ Шепелевъ. Записи И. Г. Кузнецова.

449. Изъ дневниковъ Вольфганга Гёте.

453. Русскія церкви за границею.

614. Объ исторіи города Ярославля.

300. Изъ записной книжки «Русскаго Архива» (Книга о социалистахъ).

Внутри обложекъ. Выпускъ 5-й объ Архивѣ Раевскихъ.

Выпускъ 6-й О письмахъ Филарета къ Е. В. Повосильцовой. О книгѣ В. А. Петрова про орудія, отбитыя у непріятеля въ 1812 году.

Выпускъ 7-й О дневникѣ Е. И. Поповой.

Выпускъ 8-й О книгахъ «Освобожденіе крестьянъ» и «Карамзинъ въ Остафьевѣ».

ПО П Р А В К И.

Выпускъ 5-й, строка 2-я снизу вмѣсто *Броси* надо *Бросе*.

(Выпускъ 6-й).

Напечатано:

Слѣд. читать:

Стр. 207 съ принятіемъ

съ прошеніемъ.

215 одобренные

ободренные.

216 Игнатову

Игнатьеву.

начинают сбываться. Увѣряютъ, что и великая княгиня Елена Павловна въ послѣдніе годы своей жизни находила, что преобразование сдѣлано неудачно; а графъ Д. А. Толстой сообщалъ мнѣ, что на первомъ же своемъ докладѣ онъ заявилъ Александру Третьему, что „освобожденіе“ не могло принести ожидавшейся пользы, такъ какъ ведено было не изъ христіанскаго братолюбія, а въ хвастовство передъ Европою и въ выгодахъ чиновничества.

Припоминаются слова Бомарше про Русскій народъ: *c'est le peuple le plus malléable du monde* (это народъ самый ковкій въ мірѣ). Припоминается и отзывъ простолюдина въ бесѣдѣ о личныхъ и царственныхъ изьянахъ Александра Втораго: „А все-таки Его изъ сердца не выкинешь!“ П. Б.

КАРАМЗИНЪ ВЪ ОСТАФЬ-ЕВЪ. М. 1911, мал. 8°. 103 стр. (Подъ предисловіемъ подписался графъ Навель Шереметевъ).

Въ этой книжкѣ находимъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для біографіи Карамзина, такъ напр. приведены письма графа Н. С. Мордвинова и его супруги съ Карамзинѣ и его Екатериинѣ Андреевнѣ. О немъ же напечатаны отзывы Шотландскаго путешественника Керпортера. На 43-й страницѣ выражено желаніе издать отдѣльною книжкою, полностью, записку Карамзина о Древней и Новой Россіи; но записка эта давно напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ послѣ многомѣсячныхъ цензурныхъ мытарствъ, разрѣшенная къ выпуску въ свѣтъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ, съ опущеніемъ только выраженія „двора любопытнаго“ и словъ о томъ, что императоръ Навель думалъ построить для себя крѣпость, а построить гробъ. Записка была доложена Государю министромъ двора графомъ Александромъ Владимировичемъ Адлербергомъ, какъ

литературная собственность, унаслѣдованная Государемъ отъ его дяди.

О свадьбѣ князя Вяземскаго общено семейное преданіе, что „его поймали, что онъ какъ-то, будучи въ гостяхъ у Прасковьи Юрьевны Кологривовой, попалъ въ прудъ и долженъ былъ остаться у нихъ и что Прасковья Юрьевна положила въ комнатѣ, гдѣ его помѣстили, къ его изголовью, часы дочери своей княжны Вѣры и потомъ объявила, что онъ долженъ на ней жениться“. Любопытно, что и во всю долгую супружескую жизнь княгиня Вѣра Федоровна была хожалкою за своимъ супругомъ и въ глубочайшей старости еще не переставала ревновать его къ женщинамъ, съ которыми онъ знакомился. Читатель съ удовольствіемъ найдетъ въ этой книжкѣ нѣсколько писемъ Карамзина и князя Вяземскаго. По поводу выхода въ свѣтъ Исторіи Карамзина, извѣстный Американецъ Толстой сказалъ: „теперь узнаю, что у меня есть отечество“.

Въ Остафьевѣ растутъ два дуба, посаженные по обѣ стороны дома княжною Александрой Павловной Вяземской (въ замужествѣ Сипягиной) изъ желудей, присланныхъ дочерью исторіографа, Елисаветой Николаевной Карамзиной, съ могилы Вашингтона.

Любопытно спасеніе Остафьева отъ Французовъ. Жившая у Карамзинныхъ при дѣтихъ Швейцарка дѣвица Бэеръ (Восси) своею отвагою и благоразуміемъ сумѣла защитить не только усадьбу, но и Остафьевскихъ крестьянъ, которые прозвали ее „храброю мамзелью“. Точно такъ же въ Смоленской губ., въ селѣ Холмѣ, спасена была богатая усадьба Дарьи Ивановны Уваровой (матери министра) ея карликомъ.

Жаль, что въ концѣ книги не находимъ изображенія памятника, который, какъ узнаемъ, воздвигнутъ по завѣту незабвеннаго князя Павла Петровича Вяземскаго.

П. Б.

РУССКІЙ АРХИВЪ

на 1911 годъ.

(Годъ 49-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1911 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой. девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой. въ домѣ 175-мъ (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“. Въ **Петербургѣ** (Невскій, 40) на **Вознесенскомъ пр., д. 36.** (На Васильевскомъ островѣ) **Большой пр., д. 69А.** въ **Парижѣ** (Бульваръ Св. Магдалины).

О продажѣ прежнихъ годовыхъ изданій «Русскаго Архива».

Нижеслѣдующія годовыя изданія «Русскаго Архива» распроданы, либо имѣются въ разрозненномъ видѣ, и приобрѣтать ихъ полныя можно у книжныхъ торговцевъ по цѣнѣ случайной и болѣею частью возвышенной. Вотъ эти годы:

1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1881, 1882, 1883, 1885, 1888, 1892, 1893, 1895, 1896, 1897 годы.

Уцѣлѣвшія отдѣльныя книжки этихъ годовъ продаются по 50 коп. каждая въ Конторѣ Русскаго Архива.

Полный 1884 голь продается по три рубля.

Годы: 1889, 1890, 1894, 1898, 1899, 1900 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, по 7 рублей за каждый голь.

Годы 1907, 1908, 1909, и 1910, по 8 рублей за каждый голь.

Пересылка на счетъ покупателей.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**